

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
1875.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестой.

М А Й.

1875 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Воспоминанія П. М. Даргана, перваго камер-лажа великой княгини (императрицы) Александры Федоровны, 1817—1819 гг. (Окончаніе)	1	мецкой колоніи, 1848 г. Сообщ. М. Н. Галкинъ-Браскій.	136
II. Князь Григорій Александрович Потемкинъ-Тавричскій, 1739—1791 гг. Биографическій очеркъ. Гл. VI. Очаковъ и Суворовъ	20	X. Замѣтка къ письмамъ кн. А. С. Меншикова объ оборонѣ Севастополя. Сообщ. А. Ваумгартенъ	189
III. Дмитрій Ефимовичъ Мутейниковъ, атаманъ войска Донскаго, 1827—1836 гг. Сообщ. Н. И. Красновъ	41	XI. Кто послѣднимъ оставилъ Севастополь?	140
IV. Василій Назаровичъ Назаринъ: основаніе Харьковскаго университета, 1802 г.	61	XII. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Письмо служиваго человѣка къ отцу въ началѣ XVIII ст. Сообщ. М. Н. II. (143). 2. Лекарство послѣ правсжа. Сообщ. П. А. Муловъ. (146). 3. Карлъ Леопольдъ Мекленбургскій. Сообщ. П. П. фон-Гецъ. (146). 4. Докладъ князя Потемкина, 1788 г. Сообщ. Н. К. Шилддеръ. (148). 5. Характеристика Суворова. (150). 6. Смерть Ершолова. (150). 7. Выкупъ Щепкина. Сообщ. М. А. Имберхъ. (152). 8. Письмо Шевченко, съ примѣч. Н. И. Костомарова. (154). 9. Архитекторъ Р. И. Кузьминъ, рассказъ акад. И. И. Свѣзева. (155).	
V. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій: пребываніе за границей, 1865 г. Сообщ. В. В. Стасовъ.	101	XIII. Библиографическій листокъ (на обортѣ).	
VI. Петръ Великій во Франціи, въ 1717 году: новыя о немъ извѣстія. Сообщ. М. М. Ковалевскій.	109		
VII. Екатерина II и Пугачевщина: секретныя ея распоряженія 1774 г.	113		
VIII. Русская церковь въ Потсдамѣ, 1718—1815 гг. Статья А. П. Явкова	126		
IX. Памятникъ Екатеринѣ II въ нѣ-			

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Записки Мамштейна о Россіи, переводъ съ французской, подлинной рукописи автора. Гл. IV—VII, событія: 1732—1736 г.—II. Заглавная выписка къ XIII-му тому «Русской Старины» рисов. проф. Шарлеманъ.—III. Изображеніе рѣдкой медали: императрица Анна Іоанновна.—IV. Снимокъ съ письма князя Потемкина-Тавричскаго.—V. Рисунокъ: Памятникъ Екатеринѣ II въ нѣмецкой колоніи.

Подписка на «Русскую Старину» 1875 г. продолжается.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1875.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Кобзарь Остапъ Вересай, его музыка и исполненія имъ народныя пѣсни. Киевъ, 1874 г., 110 стр. и 28 стр. нотъ.

Брошюра эта составляетъ отдѣльный оттискъ изъ I-го тома Записокъ юго-западнаго отдѣла русскаго географическаго общества; она появилась въ Петербургѣ ко времени прѣзда малороссійскаго кобзаря и исполненія имъ, въ славянскомъ комитетѣ и этнографическомъ отдѣлѣ географическаго общества, народныя думы и пѣсенъ. Эти пѣсни и исполненіе ихъ Вересаемъ произвели сильное впечатлѣніе. Въ брошюрѣ приведено 6 думъ, 11 пѣсенъ нравственно-религіознаго содержанія и 5 юмористическаго и сатирическаго; сверхъ того два причтанья. Г. Русовъ разсказалъ исторію Вересая, а г. Лисенко объяснилъ характеристику музыкальныхъ особенностей малороссійскихъ думъ и пѣсенъ. Лучшія изъ нихъ: про бурю на Черномъ морѣ, про трехъ братьевъ, бѣжавшихъ изъ азовской неволи, и про смерть Феодора Безроднаго. Къ сожалѣнію, въ малороссійскомъ нарѣчій, которымъ написаны эти думы, встрѣчается много непонятныхъ и искаженныхъ русскихъ словъ, дѣлающихъ затруднительнымъ чтеніе этихъ народныя произведенія. Неустановившееся правописаніе также путаетъ не мало. Напр.: «світѣ мій» и «якій гарний» произносятся совершенно одинаково, между тѣмъ слова написаны на разныя манеры. Къ брошюрѣ приложенъ портретъ Вересая, ослѣпшаго еще на 11-мъ году отъ рожденія «з пристригу», какъ онъ говоритъ, т. е. «съ глазу».

Поповна, сборникъ статей о круглыхъ судахъ. Спб., 1875, 246 стр.

Споръ о значеніи этого русскаго изобрѣтенія, еще не вполне разъясненный и оконченный въ настоящее время, служилъ, въ теченіи года, предметомъ жаркой полемики въ нашей періодической печати. Специалисты морского и военнаго дѣла горячато ватавали на бумагѣ — за поповки и противъ нихъ — и хотя теоретически вопросъ достаточно разъяснился, но, само собою разумѣется, что до практическаго примѣненія этихъ судовъ на дѣлѣ, то есть во время войны, не можетъ быть рѣшенъ окончательно. Тѣмъ не менѣе, изслѣдованіе пригодности этихъ судовъ для обороны нашихъ береговъ, стоимости ихъ сравнительно съ пользою, приносящую ими, и тому подобныя вопросы не могутъ не интересовать не только моряковъ, но и всякаго русскаго человѣка. Поэтому мысль собрать въ одну книжку всѣ статьи (счетомъ 45), печатавшіяся въ нашихъ газетахъ по этому предмету съ іюня 1874 г., можно назвать удачною и полезною. Статьи изъ «Голоса», «Биржевыхъ», «Москов-

скихъ» и «Петербургскихъ Вѣдомостей», изъ «Кронштадтскаго» и «Николаевскаго Вѣстника» и изъ «Русскаго міра», расположены такъ, что сообщаютъ въ послѣдовательной группировкѣ, всѣ данныя за и противъ Поповокъ. Читателю остается только самому вывести заключеніе.

Сочиненія и переписка Кондратія Федоровича Рыльева, изданіе второе его дочери, подъ редакціею П. А. Ефремова. Спб., 1875, X, и 346 стр.

Въ 1872 году вышло первое собраніе сочиненій, если не первокласснаго, то во всякомъ случаѣ одного изъ талантливѣйшихъ нашихъ поэтовъ — и теперь, чрезъ два съ половиною года, потребовалось уже второе изданіе, — что, безъ сомнѣнія, доказываетъ, съ какою вниманіемъ русское общество встрѣтило произведенія даровитаго поэта. Мы говорили подробно о первомъ изданіи (см. «Русск. Стар.» 1872 г., кн. 8) и о составѣ его. Въ новомъ изданіи прибавлено, въ приложеніи, письмо Ив. Сем. Зубовскаго, для характеристики имущественныхъ отношеній Рыльева; все остальное перепечатано безъ перемены, исключая, существенныхъ впрочемъ, поправокъ, указанныхъ въ некоторыхъ рецензіяхъ и, между прочимъ, любителемъ старины въ нашемъ изданіи (см. 8 кн. «Рус. Стар.» 1872 г., томъ VI, стр. 438). Второе изданіе напечатано убористѣе и стоитъ дешевле (1 р. 50 к. вмѣсто 2 руб.). Всѣ стихотворенія редактированы весьма тщательно нашимъ уважаемымъ библиографомъ, знатокомъ исторіи отечественной литературы, П. А. Ефремовымъ, и обставлены имъ необходимыми примѣчаніями; вслѣдствіе этого рукописей самого Кондратія Федоровича. Жаль только, что біографическая замѣтка о Рыльевѣ слишкомъ не велика; следовало бы также присоединить къ очерку жизни и критическую оцѣнку произведеній Рыльева, такъ какъ ни стихотворенія, ни имя его пока еще вовсе не упоминаются ни въ исторіи нашей литературы, ни въ хрестоматіяхъ, ни у Бѣлинскаго, а отзывы о немъ попадаются очень рѣдко, и даже у такого знатока поэзіи, какъ Пушкинъ, противорѣчатъ одна другой, что совершенно справедливо замѣтилъ П. А. Ефремовъ въ примѣчаніи къ одному изъ писемъ Пушкина («Соч. Рыльева» стр. 205). Наконецъ, какъ человѣкъ, Рыльевъ заслуживаетъ всесторонняго изученія. Въ отзывѣ о первомъ изданіи мы приводили о немъ мнѣніе одного изъ друзей поэта, Н. А. Бесугужева, и нѣсколько строкъ изъ письма Рыльева къ императору Николаю, доказывающихъ прекрасное сердце поэта. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ приводимъ нѣсколько строкъ другого его современника изъ Записокъ, входящихъ въ наше распоряженіе: «Вся жизнь

ВОСПОМИНАНІЯ ПЕРВАГО КАМЕР-ПАЖА

великой княгини Александры Теодоровны.

1817 — 1819.

VI.¹⁾

Москва.—Приѣздъ императорской фамилии.—Заложеніе храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ.

Мы приѣхали въ Москву за недѣлю до прибытія двора; насъ помѣстили въ среднемъ изъ трехъ кавалерскихъ домовъ, выходящихъ на переулокъ противъ ордонастауза, плотно примыкающаго къ кремлевской стѣнѣ. До прибытія двора, каждый изъ насъ ежедневно получалъ рубль серебромъ на продовольствіе. Удивительна была дешевизна того времени. На этотъ рубль серебромъ я могъ каждый день быть сытъ и ѣздить въ театръ, который я такъ любилъ. Тогдашній единственный московскій театръ помѣщался въ домѣ генерала Степана Степановича Апраксина у Арбатскихъ воротъ. Онъ былъ темень, имѣлъ только два яруса ложъ, а вмѣсто кресель скамейки, обтянутые грубымъ, зеленымъ сукномъ. Врядъ-ли теперь найдется гдѣ-либо провинціальный театръ, столь убогій по обстановкѣ и освѣщенію. А сколько счастливыхъ вечеровъ провелъ я въ немъ!

Москва не успѣла еще оправиться отъ нашествія французовъ и пожара. Вездѣ, даже на главныхъ улицахъ, напрямѣръ Тверской, виднѣлись обгорѣлыя остовы стѣнъ, закоптѣлыя, полу-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 769—796.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, т. XIII, 1875 г. МАЙ.

разрушенныя дома, забранныя заборомъ пустыри. Но эти слѣды разрушенія не вызывали, какъ обыкновенно, грустнаго сожалѣнія; оно пересиливалось отраднымъ чувствомъ національной гордости. Недавнія бѣдствія и пламя пожара Москвы блѣднѣли предъ блескомъ славы и величія, озарившимъ Россію. Ожидая пріѣзда государя, Москва хлопотала и старалась по возможности укрыть эти слѣды разрушенія; вездѣ строилось, красилось, очищалось. Тысячи народа стекались въ городъ и населеніе его съ каждымъ днемъ увеличивалось; изъ Петербурга приходили отряды гвардіи; изъ отдаленныхъ концовъ имперіи пріѣзжали дворяне съ семействами. Казалось вся Россія готовилась привѣтствовать въ матушкѣ Москвѣ-искупительницѣ своего монарха, побѣдителя непобѣдимаго Наполеона, умиротворителя Европы. Въ ожиданіи пріѣзда двора, время проходило для насъ пріятно и весело. Мы, юноши, пріѣзжіе изъ Петербурга, принадлежащіе къ высочайшему двору, возбуждали, особенно въ московскихъ домахъ, внимательное любопытство и симпатію; съ нами старались познакомиться, на насъ засматривались, насъ ласкали. Это было время Грибоѣдовской Москвы, когда

«Кричали женщины: ура!
«И въ воздухъ чепчики бросали.»

Наконецъ 30-го сентября государь и императорская фамилія прибыли въ Москву. На другой день, съ раняго утра, со всѣхъ концовъ Москвы волны народа устремились въ Кремль и скоро залили всю Кремлевскую площадь. Изъ оконъ дворца я любовался невиданнымъ мною дотолѣ зрѣлищемъ. Все пространство до рѣки было покрыто сплошною массою народа и только виднѣлись однѣ поднятыя вверхъ головы съ глазами, устремленными на дворець. Все это стояло въ безмолвномъ ожиданіи выхода царя.

Въ 10 часовъ государь, въ сопровожденіи обѣихъ императрицъ, вышелъ на красное крыльцо. По древнему обычаю, поклонился онъ на три стороны народу. Не одинъ обычный крикъ ура! встрѣтилъ и сопровождалъ императорское семейство до вступленія его въ Успенскій соборъ. Нѣтъ, тутъ вырывались слова любви изъ души восторженнаго народа. «Да здравствуетъ государь! да здравствуетъ нашъ отецъ! наше красное солнышко! наши

желанны!» На глазахъ обѣихъ императрицъ и великой княгини показались слезы. Всѣ присутствовавшіе были тронуты.

Нынѣшнее поколѣніе не можетъ представить себѣ всю силу этого народнаго восторга. Воспоминаніе славной отечественной войны все болѣе и болѣе заслоняется другими славными дѣлами въ жизни Россіи. Но тогда отечественная война была событіемъ дня. Живы были дѣятели ея, живы были пострадавшіе отъ нея, жертвовавшіе, кто своимъ состояніемъ, кто жизнію своихъ дѣтей и близкихъ. Народъ вѣровалъ, что Наполеонъ былъ тотъ антихристъ, о которомъ пророчествуетъ апокалипсисъ и пришествіе котораго предвозвѣстила страшная небесная звѣзда съ хвостомъ; зналъ, что онъ побѣжденъ его царемъ Благословеннымъ, и при встрѣчѣ этого побѣдителя, этого царя-ангела, какъ тогда часто называли Александра, имъ овладѣлъ неизъяснимый восторгъ.

Съ прибытіемъ двора началась и наша служба. Государь, не желая, чтобы мы оставались вовсе безъ учебныхъ занятій, приказалъ причислить насъ къ школѣ колоновожатыхъ генерала Муравьева. Туда, каждое утро, въ придворной каретѣ привозили камер-пажей, свободныхъ отъ дворцовой службы.

Прежній Кремлевскій дворецъ былъ мало помѣстителенъ. Для великаго князя съ супругой было приготовлено Троицкое подворье, гдѣ помѣщеніе, хотя было просторнѣе, чѣмъ въ Павловскѣ, но не особенно роскошно. Вся императорская фамилія обѣдала почти ежедневно у императрицы Маріи Феодоровны; тутъ же обѣдало семейство герцога Виртембергскаго, брата императрицы.

Герцогъ Александръ Виртембергскій былъ тогда начальникомъ путей сообщенія. Это былъ молчаливый, плотный мужчина съ краснымъ лицомъ и съ шишкою на лбу, почему и прозвали его герцогъ Шишка. Семейство его составляли — его супруга, герцогиня Антуанетта, два сына, Александръ и Эрнестъ, состоявшіе—одинъ въ кавалергардскомъ, другой въ конногвардейскомъ полкахъ, и дочь принцеса Марія. Она была крестница императрицы, которая ее очень любила и всегда называла *ma biche*. Принцеса Марія была очень молода, свѣжа. Гибкость и стройность ея стана, застѣнчивость и какое-то особенное выраженіе пугливости во взорѣ точно напоминали свойства лани. Всѣ камер-пажи влюблялись въ нее; какъ тогдашніе юноши умѣли влюб-

ляться—идеально, восторженно. Сидя за обѣдомъ возлѣ великаго князя Михаила Павловича, она все время красѣла, улыбалась, слушая его шутки и каламбуры. Обѣдали за круглымъ столомъ; возлѣ императрицы Маріи Ѳедоровны, по правую руку, сидѣла императрица Елисавета Алексѣевна, по лѣвую — императоръ, подлѣ него—великая княгиня, великій князь, потомъ семейство герцога. Возлѣ императрицы Елисаветы князь Михаилъ Павловичъ. Служить за этимъ фамильнымъ столомъ было для меня наслажденіемъ. Стоя за стуломъ великой княгини, я могъ не только любоваться императоромъ, но могъ слышать каждое его слово, даже одиночный разговоръ съ великой княгиней. Она напоминала ему свою мать, прелестную Луизу, королеву прусскую, которой онъ былъ преданъ до ея смерти. Можетъ быть это воспоминаніе усиливало то рыцарское, нѣжное, задушевное обращеніе, съ которымъ онъ относился къ великой княгинѣ.

Императоръ въ это время былъ особенно занятъ выполненіемъ своего обѣта, возвѣщеннаго манифестомъ 25-го декабря 1812 г., воздвигнуть въ Москвѣ храмъ во имя Христа Спасителя, какъ памятникъ славы Россіи, какъ молитву и благодареніе Искупителю рода человѣческаго за искупленіе Россіи. Молодой академикъ Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ, восторженный до мистицизма артистъ, воспламенился этой идеей: не будучи архитекторомъ, онъ горячо принялся изучать архитектуру, трудился, чертилъ, перечерчивалъ и наконецъ представилъ планъ, который, при религіозномъ настроеніи императора, ему особенно понравился. По этому величественному плану храмъ долженъ былъ состоять изъ трехъ частей и символически изображать и тройственность христіанскаго догмата и воплощеніе Спасителя. Нижний храмъ былъ храмъ тѣла—онъ предназначался быть отечественной гробницей всѣхъ падшихъ героев 12 го года, —врытый въ гору, онъ былъ темень, дневной свѣтъ проникалъ въ него только изъ второго храма черезъ образъ рождества, писанный на стеклѣ. Средній храмъ—храмъ жизни, посвященный памяти жизни Спасителя на землѣ и дѣяніямъ апостоловъ. Верхній былъ храмъ духа вѣчности; покрытый колоссальнымъ куполомъ, онъ былъ весь въ свѣту и на главномъ восточномъ окнѣ сіяло изображеніе Воскресенія Христа. Этотъ гениальный проектъ былъ утвержденъ Александромъ. Искали мѣста для постройки храма. Сначала пред-

полагали поставить его въ Кремлѣ, потомъ на Вшивой горѣ, наконецъ Витбергъ указалъ на Воробьевы горы, что одобрилъ императоръ и назначилъ закладку этого великолѣпнаго храма на 12-е октября—годовщину освобожденія Москвы отъ французовъ.¹⁾

Въ этотъ день войска были разставлены отъ Кремля до Воробьевыхъ горъ. Императоръ и великіе князья были верхами. Обѣ императрицы и великая княгиня въ каретѣ выѣхали изъ дворца и въ 10 часовъ прибыли въ церковь Тихвинской Божіей Матери, въ Дѣвичьемъ монастырѣ, на Дѣвичьемъ полѣ. Послѣ литургіи начался крестный ходъ до мѣста заложения чрезъ pontонный мостъ, наведенный на Москвѣ-рѣкѣ. Пространный вѣмъ, сдѣланный въ Воробьевыхъ горахъ, показывалъ то мѣсто, гдѣ долженъ былъ возвышаться храмъ. Здѣсь же была устроена площадка для двора и духовенства. Императоръ Александръ, утверждая краеугольный камень основанія этого храма, быть можетъ и сознавалъ, что онъ не увидитъ окончанія его, но могъ-ли онъ допустить мысль, что этотъ, столь дорогой для него памятникъ будетъ воздвигнутъ по другому плану. Колоссальному проекту Витберга не суждено было осуществиться!

Императоръ послѣ закладки храма сдѣлался особенно доволенъ и веселъ. За обѣдомъ храмъ былъ предметомъ разговора. Императоръ пояснялъ планъ его, говорилъ о приношеніяхъ, которыя на постройку его стебались со всѣхъ сторонъ. Особенно его радовали незначительныя приношенія бѣдныхъ людей и видимое всеобщее сочувствіе къ его мысли. Были приношенія и съ оговоркою. Такъ, Павелъ Григорьевичъ Демидовъ прислалъ 211 имперіаловъ съ тѣмъ, чтобы на эту сумму былъ сооруженъ изъ чистаго золота напрестольный крестъ лучшей работы, обѣщаясь за работу заплатить особенно.

Во все время пребыванія царской фамиліи въ Москвѣ происходили разныя празднества. 17-го ноября былъ данъ балъ московскимъ дворянствомъ. Любопытенъ, какъ образчикъ краснорѣчія и настроенія того времени, отчетъ самихъ московскихъ дворянъ о своемъ балѣ, напечатанный въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Заявленіе Московской губерніи дворянства:

«По сему толико вождеденному случаю собраніе милости-

¹⁾ См. записки академика А. И. Витберга, съ его словъ составленныя въ Вяткѣ въ 1836 г. «Русская Старина» 1872 г., изд. второе, томъ V, стр. 16, 159 и 519.

выхъ государей дворянъ было столь многочисленное и радостное, столько же торжественное и примѣчательное: ибо ни слабость здравія, ни чрезвычайныя какія-нибудь удерживающія обстоятельства, ниже самое угасающее пламя жизни въ преклонныхъ лѣтахъ особахъ, не могли преградить сердечнаго ихъ стремленія быть на семъ великолѣпнѣйшемъ торжествѣ; но все оное устранено, все оное забвенно, кромѣ сего единаго, раздающагося въ глубинѣ сердца чувства радости, что августѣйшій монархъ ихъ посѣщаетъ и что они должны теши во стрѣтеніе ему. Одушевляясь симъ восхитительнымъ чувствіемъ, одинъ другаго упреждаютъ на пути семъ, а самое собраніе изображало безчисленное, но единое семейство, въ которомъ не токмо глубочайшая старость со младостію, великія заслуги со вступающими на путь чести, но и имѣвшіе уже счастье видѣть государя съ невиданными его соединились и, какъ бы единую душу имѣя, единое стремленіе и единый восторгъ изображали, да насладятся толико вожаденнымъ счастіемъ зрѣть у себя угощаемую ими августѣйшую особу, которая души и сердца ихъ наполняетъ».

Читая это, не вѣрится, чтобы такъ могли выражаться въ то время, когда уже писали Карамзинъ и Дмитріевъ.

За баломъ московскаго дворянства начали давать балы въ честь императорской фамиліи и частныя лица. Это было нововведеніемъ. Прежде частныя балы почти никогда не посѣщались императорскою фамиліею. Вотъ перечень этихъ баловъ:

— 28-го декабря у генерал-губернатора графа Тормазова.

— 7-го января 1818 года у (графа) Степана Степановича Апраксина.

— 9-го у княгини Прозоровской.

— 23-го у графини Орловой-Чесменской.

— 10-го февраля у Петра Александровича Кологривова.

Всѣ эти балы начинались въ 8 часовъ. Приглашенныхъ было около 600 человекъ. Обыкновенно передъ выѣздомъ великой княгини на балъ, я приходилъ въ Троицкое подворье, получалъ отъ камердинера флаконъ съ нюхательнымъ спиртомъ и духами, перемѣненные перчатки и носовые платки, размѣщаль все это по карманамъ и отправлялся въ домъ, гдѣ былъ назначенъ балъ. Тамъ, въ пріемной, встрѣчалъ я великаго князя и великую кня-

гиню, принималъ ея шаль, которую укладывалъ на руку и слѣдовалъ за ними въ бальную залу.

Великая княгиня любила танцы. Всѣ восхищались ея юностью и миловидностью, граціей ея движеній и прелестнымъ, стройнымъ станомъ, къ которому такъ шелъ бальный нарядъ того времени. Любопытныя московскія дамы окружали меня, однѣ просили пощупать шаль великой княгини, другія—посмотрѣть ея носовой платокъ. Разспросы о ея туалетѣ, о ея занятіяхъ сыпались со всѣхъ сторонъ. Но мнѣ часто приходилось досадовать на любопытство и разспросы хорошенькихъ московскихъ дамъ, мѣшавшихъ мнѣ слѣдить за великой княгиней, чтобъ не пропустить ея призывнаго знака.

Танцы того времени были не разнообразны. Польскій, замѣнившій минуэтъ, продолжался довольно долго и повторялся для отдыха нѣсколько разъ во время бала. Потомъ шелъ круглый польскій съ вальсомъ, экосезъ, самый продолжительный и веселый изъ тогдашнихъ танцевъ, гавоть и опять польскій. Во время танцевъ дамы не садились, танцовали только изъ удовольствія потанцовать и выказать свое хореографическое искусство. Нѣтъ сомнѣнія, что оно было выше нынѣшняго.

Я помню придворные балы въ началѣ царствованія императора Николая, когда только что появилась французская кадриль со всѣми присущими ей пѣ. Танцовать ее умѣли не болѣе восьми кавалеровъ. Когда начиналась такая кадриль, въ которой всегда участвовала императрица, присутствующіе тѣснились вокругъ, чтобы полюбоваться искусствомъ и граціей танцующихъ. Теперь въ ней можетъ участвовать каждый, даже и неумѣющій танцовать.

20-го февраля было открытіе памятника Минину и Пожарскому. Освобожденіе Россіи отъ французскаго нашествія воскресило воспоминаніе объ освобожденіи Россіи отъ поляковъ. Эти два знаменательныя событія, раздѣленныя двумя столѣтіями, имѣли для исторической жизни Россіи одинаково важное значеніе. Государь хотѣлъ ихъ сблизить въ воспоминаніи. Въ одно и тоже время онъ заложилъ храмъ Спасителя и открылъ памятники Минину и Пожарскому. Оба памятника должны были вызывать одно чувство—благодарность къ Богу, одну мысль о славѣ Россіи.

На Красной площади были собраны отряды гвардіи. Государь выѣхалъ верхомъ изъ Никольскихъ воротъ, черезъ нѣсколько

минуть выѣхала изъ Спасскихъ воротъ придворная парадная карета, въ которой сидѣли обѣ императрицы и великая княгиня. Дежурные камер-пажи слѣдовали за нею. Когда карета показалась на площади, строеніе, скрывавшее памятникъ, рушилось. Раздались звуки національнаго англійскаго гимна, который былъ тогда и нашимъ. Крики ура! сопровождали карету императрицы, пока она не остановилась у памятника, затѣмъ государь, отдавъ честь памятнику, мимо императрицы пропустилъ войска.

Черезъ два дня, 22-го февраля, государь выѣхалъ въ Варшаву.

VII.

Рожденіе Великаго Князя (Императора) Александра Николаевича.—Его крещеніе.

Съ отъѣздомъ государя прекратились всѣ празднества и торжества. Вдовствующая императрица ежедневно посѣщала свои заведенія; часто ей сопутствовала великая княгиня. Семейный столъ чаще сталъ замѣняться столомъ съ гостями. Императрица любила угощать и бесѣдовать съ передовыми людьми, важными сановниками и генералами. Въ началѣ апрѣля наша служба у стола прекратилась. Императрица почти переселилась въ Троицкое подворье къ великой княгинѣ. Во дворцѣ сдѣлалось пусто и тихо и мы являлись туда только во время гофмаршальскаго стола, чтобы пообѣдать въ смежной комнатѣ. Тамъ прошелъ мартъ и начало апрѣля.

17-го, въ среду, въ 10 часовъ утра, выстрѣлъ изъ пушки возвѣстилъ въ Москвѣ о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени великой княгини. Радость была общая, свѣтлая недѣля сдѣлалась еще свѣтлѣе. Но радость и счастье великаго князя-отца были безграничны. Я помню день, когда возвратился адъютантъ великаго князя Николая Павловича, штабс-капитанъ Перовскій, посланный къ государю Александру Павловичу съ извѣстіемъ о счастливомъ событіи. Великій князь поспѣшилъ во дворецъ. Это было во время гофмаршальскаго стола. Онъ удостоилъ зайти и къ намъ въ комнату, гдѣ мы обѣдали. Удивленные и обрадованные мы вскочили съ мѣстъ.

— Поздравляю васъ съ новымъ шефомъ гусарь, — сказалъ онъ намъ съ лицомъ сіяющимъ счастьемъ, — государь удостоилъ этимъ назначеніемъ моего сына.

Мы бросились цѣловать его плечи. Онъ цѣловалъ насъ всѣхъ и велѣлъ подать шампанское, чтобы мы пили за здоровье шефа гусаръ.

18-го апрѣля былъ съѣздъ въ Кремлевскій дворецъ для поздравленія императрицъ и великаго князя, потомъ съ Краснаго крыльца выходъ въ Успенскій соборъ. Кремлевская площадь была полна народомъ. Крики ура! сопровождали императрицъ и великаго князя до дверей собора.

5-го мая, въ воскресенье, назначено было крещеніе царственнаго младенца. Въ 11 часовъ утра обѣ императрицы, сойдя по Красному крыльцу и встрѣченныя громкими радостными криками народа, сѣли въ парадную придворную карету, запряженную въ 8 лошадей, и переѣхали къ дому, занимаемому великимъ княземъ. Разстояніе отъ дворца, какъ извѣстно, самое незначительное. По ихъ прибытіи, началось шествіе въ церковь святаго Алексѣя, находящуюся въ Чудовомъ монастырѣ, смежномъ съ домомъ, который занимали ихъ высочества.

Шествіе открывали, какъ обыкновенно, гоф-фурьеры и камер-фурьеры, церемоніймейстеръ, камер-юнкера, камергеры и придворные чины. За ними шли обѣ императрицы рядомъ, а сзади ихъ великій князь Николай Павловичъ. За ними статс-дама графиня Ливенъ несла царственнаго младенца; покрывало поддерживали съ одной стороны генераль отъ кавалеріи графъ Тормазовъ, а съ другой—дѣйствительный тайный совѣтникъ Юсуповъ. За новорожденнымъ шли герцогъ и герцогиня Виртембергскіе и принцеса Марія. При входѣ въ церковь, императрицы были встрѣчены митрополитомъ Августиномъ и духовенствомъ съ крестомъ и святою водою. Началось крещеніе духовникомъ императора. Восприемниками были государь, король прусскій и императрица Марія Ѳеодоровна. Но она одна величественная и радостная стояла предъ купелью, бережно держа на рукахъ залогъ будущаго счастья Россіи. Великій князь вышелъ въ ближайшій покой и тамъ оставался все время крещенія.

Мнѣ было приказано состоять при императрицѣ во время церемоніи. Поддерживая шлейфъ ея мантии, я стоялъ за нею во время крещенія, сопровождалъ при хожденіи вокругъ купели, поднимался съ нею къ царскимъ вратамъ, когда она подносила къ св. причащенію того царственнаго младенца, которому Про-

мысломъ Всевышняго назначено было быть Царемъ Освободителемъ и Обновителемъ Россіи.

Въ этотъ же день у императрицы Маріи Ѳеодоровны былъ обѣдъ. На улицахъ Москвы было радостно и шумно; весело толпился народъ и раздавался колокольный звонъ сорока-сороковъ московскихъ церквей; небо было ясно, погода тихая и теплая.

VIII.

Возвращеніе государя въ Москву. — Пріѣздъ короля и наслѣднаго принца прусскаго.

23-го мая прибылъ изъ Варшавы великій князь Константинъ Павловичъ, а 1-го іюня возвратился государь. 3-го іюня онъ поѣхалъ на встрѣчу королю прусскому Фридриху-Вильгельму III, котораго проводивъ до Кунцова, гдѣ назначенъ былъ ночлежъ, возвратился въ Москву.

4-го іюня былъ торжественный въѣздъ. По Тверской улицѣ были разставлены шпалерами войска; государь и король прусскій, великіе князья и наслѣдный принцъ, сопровождаемые многочисленной свитой, ѣхали верхами. Императрица Марія Ѳеодоровна, окруженная дворомъ, встрѣтила высокаго гостя на красномъ крыльцѣ. Я былъ назначенъ къ наслѣдному принцу прусскому, брату нынѣшняго Германскаго императора (умершій король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV). Служа ему за фамильнымъ обѣдомъ, я имѣлъ возможность разглядѣть высокихъ гостей.

Король прусскій казался гораздо старѣе нашего императора. Онъ былъ молчаливъ, серьезенъ. Движенія его были медленны. Строгія черты лица его выражали какое-то постоянное неудовольствіе, угрюмость. Иногда, слушая государя или императрицъ, мелькнетъ и улыбка на его угрюмомъ лицѣ, но на одинъ мигъ, точно падающая звѣзда на темномъ осеннемъ небѣ. Вѣроятно прежнія его несчастія, униженіи Пруссіи Наполеономъ и потеря любимой супруги наложили на него этотъ отпечатокъ грусти и неудовольствія. Наслѣдный принцъ былъ плотный, молодой человекъ. Красноватое лицо его не имѣло никакого сходства съ красивымъ лицомъ брата и сестры. Оно казалось нѣсколько вульгарнымъ, обыденнымъ. Но онъ былъ говорливъ, ласковъ и привѣтливъ.

На другой день на Кремлевской площади былъ разводъ и

ученье Павловскому баталіону, потомъ обѣдъ у государя, а въ 7 часовъ балъ въ Грановитой палатѣ. Балъ открыла императрица Марія Федоровна съ королемъ прусскимъ.

При концѣ бала я подошелъ къ принцу, который разговаривалъ съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, и подаль ему шляпу, которую держалъ во все время бала. Великій князь, увидя это, спросилъ меня:

— А моя?

— Ваше высочество не изволили мнѣ ее вручить.

— Я далъ ее камер-пажу. Отыщи мнѣ.

Я скоро ее нашелъ. Но, увы, мой товарищъ положилъ ее прямо подъ свѣчами стѣннаго освѣщенія и воскъ капалъ на шляпу. Я подаль ее великому князю. Онъ посмотрѣлъ и, грозно взглянувъ на меня, спросилъ:

— Это что?

— Ваше высочество..... началъ я, но онъ перебилъ словами:

— Вы всѣ вѣтрогоны, испортили мою шляпу. И какая досада, я взялъ ее одну изъ Варшавы, а въ Москвѣ такой не отыщешь. Однако найди мнѣ этого камер-пажа, я непременно хочу подрать ему уши.

Виновный не нашелся, а великій князь забылъ свою угрозу.

Великій князь Константинъ Павловичъ былъ прекрасно сложенъ и ловокъ. Ростомъ, походкой и движеніями онъ походилъ на императора Александра. Тотъ же пріятный типъ имѣла и нижняя часть его лица, подбородокъ, ротъ. Нависшія брови почти скрывали свѣтлые, блестящіе глаза. Но отъ отклоненной головы, вздернутый небольшой носъ его казался еще меньше; короткая шея почти вся уходила въ поднятыя къ верху плечи. Голосъ его былъ хриплый, рѣчь отрывистая. Когда онъ говорилъ, всегда казалось, что онъ сердится и бранится. Подъ этой виѣшностью онъ старался скрывать свою врожденную доброту и всегда казался суровымъ и грознымъ.

Съ приѣздомъ прусскаго короля послѣдовали въ честь его ежедневныя празднества:

6-го іюня иностранные гости осматривали соборъ, оружейную палату, главный военный госпиталь, Головинскій дворецъ, въ саду котораго князь Юсуповъ приготовилъ завтракъ.

Во дворцѣ, во время фамилнаго обѣда, государю донесли о

пожарѣ въ Рогожской части. Онъ тотчасъ же всталъ изъ-за стола, просилъ присутствующихъ не беспокоиться и уѣхалъ на пожаръ.

Вечеромъ ѣздили въ садъ къ графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому, а возвратясь, ужинали у великой княгини.

7-го іюня осматривали острогъ и спаскія казармы. Въ тотъ же день былъ балъ у графа Тормазова. На этотъ балъ въ первый разъ, послѣ благополучнаго разрѣшенія, явилась великая княгиня. Счастливая мать, она казалась еще прелестнѣе, веселѣе, очаровательнѣе. Балъ былъ открытъ государыней Маріей Федоровной съ королемъ прусскимъ, за ними шелъ государь съ великой княгиней, государыня Елисавета Алексѣевна съ наслѣднимъ принцемъ прусскимъ, великій князь Николай Павловичъ съ принцесою Виртембергской.

9-го іюня давало балъ московское дворянство.

10-го іюня императрица Марія Федоровна пригласила гостей осмотрѣть заведенія, находящіяся подъ ея вѣдомствомъ. Она начала съ Александровскаго мѣщанскаго института и потомъ вдовьяго дома. Послѣ обѣда посѣтили Екатерининскій институтъ, гдѣ былъ приготовленъ вечерній завтракъ.

11-го іюня императрица показывала Воспитательный домъ и Голицынскую больницу, а вечеромъ былъ балъ у графини Орловой-Чесменской.

Этимъ баломъ окончились празднества въ честь короля прусскаго. Я забылъ сказать, что во время его пребыванія, каждый день начинался ученіемъ и разводомъ одного изъ гвардейскихъ баталіоновъ, причемъ государь отдавалъ военную почесть своему высокому соратнику и другу.

IX.

Отъѣздъ двора изъ Москвы.—Мы возвращаемся въ корпусъ.—Лѣтнія недѣльныя дежурства.

12-го іюня государь уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы тамъ встрѣтить своего высокаго гостя. Еще ранѣе, 9-го числа, былъ отправленъ въ Павловскъ новорожденный великій князь въ сопровожденіи адъютанта в. к. Николая Павловича штабс-капитана В. Ѳ. Адлерберга, состоящихъ при новорожденномъ дамъ и доктора Крейтона. Затѣмъ послѣдовали выѣзды императрицы Елисаветы Алексѣевны, в. к. Николая Павловича, съ великой княгиней, ко-

роля прусскаго съ наслѣднымъ принцомъ. Великій князь Константинъ Павловичъ отправился въ Варшаву.

16-го іюня выѣхала императрица Марія Федоровна.

При отъѣздѣ принца прусскаго я получилъ отъ него перстень съ большимъ рубиномъ, украшеннымъ брилліантами.

Грустно намъ было проститься съ Москвой, разстаться съ нашей свободной, разсѣянной, веселой жизнію.

Die schönen Tage in Aranjuez
Sind nun zu Ende!

Съ возвращеніемъ въ корпусъ, насъ ждали Войцеховскій, политическая экономія и Вольгемуть съ своими фокусами, но вмѣстѣ съ тѣмъ намъ предстояли и лѣтнія дежурства, которыя мы очень любили. Мнѣ особенно было хорошо, потому что я попеременно проводилъ одну недѣлю въ корпусѣ за книгами, а другую—въ миломъ Павловскѣ. Кромѣ того, мнѣ посчастливилось провести недѣлю въ Петергофѣ, куда дворъ всегда переѣзжалъ для петергофскаго праздника въ день тезоименитства вдовствующей императрицы, 22-го іюля.

Петергофскій праздникъ въ то время былъ эпохою для Петербурга. Все его населеніе перекочевывало на этотъ день въ Петергофъ. Туда манило его не столько блестящая иллюминація, какъ-такъ называемый маскарадъ, хотя въ немъ не было ни одной маски, который давался въ залахъ дворца и на которомъ можно было вблизи видѣть всю императорскую фамилію.

Тогда Петергофъ не былъ еще тѣмъ Петергофомъ, который теперь обстроенъ, распланированъ и украшенъ заботою полюбившаго его императора Николая. Дворецъ, нѣсколько придворныхъ и казенныхъ зданій: базары, гранильная и писчебумажная фабрики и англійскій дворецъ императрицы Екатерины II,—среди разбросанныхъ скромныхъ деревянныхъ домиковъ, принадлежащихъ низшимъ придворнымъ служителямъ и матросамъ,—вотъ все, что составляло тогдашній Петергофъ. Дачь въ немъ не было. Въ то время лѣтнія помѣщенія петербуржцевъ ограничивались дачами, тянувшимися по обѣимъ сторонамъ петергофскаго шоссе, въ большинствѣ принадлежавшихъ аристократическимъ и богатымъ фамиліямъ, дачами на островахъ и крестьянскими избами ближайшихъ деревень.

Сообщенія были затруднительны по дорогѣ, и потому непремѣнный переѣздъ лѣтомъ на дачу не былъ въ такомъ всеобщемъ употребленіи, какъ нынѣ. Въ Петергофѣ, возлѣ самаго дворца, были еще пустыри и рощицы и на этихъ-то пустыряхъ таборомъ располагалось петербургское населеніе. Главнымъ мѣстомъ бивака служила просторная площадь противъ верхняго дворцовога сада. Кареты, коляски, телеги размѣщались на ней въ живописномъ безпорядкѣ. Возлѣ экипажей готовили обѣды, пили чай. Въ каретахъ одѣвались дамы. Отъ одного экипажа къ другому ходили съ визитами. Неумолкаемый, веселый говоръ стоялъ надъ площадью. И сколько тамъ возникало комическихъ сценъ, романическихъ завязокъ.

Во дворцѣ день праздника начинался выходомъ въ церковь и поздравленіями императрицы. Послѣ обѣдни былъ разводъ предъ дворцомъ, на площадкѣ верхняго сада, а въ 4 часа парадный обѣдъ. Вечеромъ въ 7 часовъ императорская фамилія спускалась на крыльцо нижняго сада, садилась въ линейки и проѣзжала по всѣмъ освѣщеннымъ аллеямъ сада. За линейками императорской фамиліи слѣдовали линейки, на которыхъ помѣщались придворные, въ томъ числѣ камер-пажи и военная свита императора и великихъ князей; длинной вереницей проѣзжали линейки по иллюминированнымъ аллеямъ, наполненнымъ публикою, которая тѣснилась около нихъ, медленно и съ трудомъ передвигаясь по саду. Съ отѣздомъ императорской фамиліи на иллюминацію, двери дворца открывались для публики и скоро всѣ залы наполнялись ею. Эта общедоступность посѣщенія дворца, въ присутствіи императорской фамиліи, и составляла ту отличительную черту, по которой этотъ вечеръ во дворцѣ носилъ названіе маскарада. По возвращеніи императорской фамиліи съ катанья, начинался маскарадъ. Три хора музыкантовъ играли въ разныхъ залахъ польскій. Государь съ императрицей Маріей Федоровной выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ; за ними шли великіе князья Николай Павловичъ съ императрицею Елисаветою Алексѣевною и Михаилъ Павловичъ съ великой княгиней Александрой Федоровной, а за ними весь дворъ попарно. Государь и всѣ военные были безъ оружія и вмѣли шляпы на головахъ, а на плечахъ черлос домино, такъ называемый венеціанъ. Это былъ единственный признакъ маскарада, всѣ были безъ масокъ и безъ маскараднаго

костюма. Императорская фамилія обходила нѣсколько разъ залы, входила для отдыха во внутренніе покои и затѣмъ, въ 10 часовъ, удалялась ужинать. Маскарадъ кончался и публика расходилась веселая и довольная, что вблизи могла наглядѣться на императорскую фамилію.

Во время дежурства въ Петергофѣ камер-пажи повсюду сопровождали императрицъ и великую княгиню. Но какъ ни разнообразны и ни веселы были дни, проводимые нами на дежурствѣ въ Петергофѣ, дежурство въ Павловскомъ было намъ милѣе. Здѣсь, въ Петергофѣ, присутствіе государя и государыни Елисаветы Алексѣевны требовало болѣе придворнаго этикета и представительности. Въ Павловскомъ мы себя чувствовали какъ-то ближе къ императорской фамиліи.

Въ началѣ сентября 1818 г. я былъ дежурнымъ въ Павловскомъ. Вдовствующая императрица пожелала приготовить сюрпризъ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ ко дню ея тезоименитства, 5-го сентября. Великій князь Николай Павловичъ взялся быть руководителемъ этого семейнаго праздника. Въ залѣ верхняго этажа была устроена небольшая сцена. Выбраны сюжеты для живыхъ картинъ, приглашены лица, которыя должны были въ нихъ участвовать, привезены изъ Петербурга театральные костюмы, и великій князь, какъ директоръ этой небольшой, импровизированной труппы, началъ дѣлать репетиціи. Представленіе кончалось дуэтомъ Родрига и Химены. Это было что-то въ родѣ музыкально-живой картины, или какъ тогда называли *Romance en action*. Партію Родрига пѣлъ графъ Соллогубъ, партію Химены — княгиня Долгорукова. Фрейлина великой княгини графиня Шувалова, прелестная брюнетка, представляла наперсницу Химены, а я—оруженосца Родрига. При открытіи картины Химена пѣла куплетъ, и взявъ шарфъ изъ рукъ своей наперсницы, надѣвала его на преклонившаго предъ ней колѣно Родрига. Потомъ Родригъ поднимался, обращался къ оруженосцу и пѣлъ:

Donnez, donnez et mon casque et ma lance,
Je veux prouver, que Rodrigue a du coeur.

При этомъ я передавалъ ему шлемъ и копье. Картина оканчивалась прощальнымъ дуэтомъ, въ которомъ оба влялись въ вѣчной любви. Великій князь Николай Павловичъ принималъ дѣя-

тельное участіе въ постановкѣ живыхъ картинъ. Я помню, по этому случаю, какъ мы, юноши, завидовали молоденькому камер-пажу императрицы Титову, который долженъ былъ сидѣть у ногъ прелестной Нарышкиной, положивъ свою голову на ея колѣни. Предъ началомъ представленія всѣ мы, въ театральныхъ костюмахъ, собрались въ комнатѣ, смежной со сценою; пришелъ великій князь, любезно шутилъ и осматривалъ каждого.

— Ты не совсѣмъ еще готовъ,—сказалъ онъ мнѣ; потребовалъ свѣчу и пробку и нарисовалъ мнѣ усы. Вотъ теперь ты настоящій оруженосецъ. А vos places, mes belles dames du premier. Иду пригласить императрицу.

Представленіе удалось вполне. Всѣ картины были повторяемы, не исключая и нашей съ пѣніемъ, которая, по новости своей, заслужила болѣе другихъ похвалъ.

Отмывъ усы, переодѣвшись и напудрившись, явился я къ ужину за столомъ великой княгини. Возлѣ нее сидѣла императрица Елисавета Алексѣевна. Она обратилась ко мнѣ и сказала по-русски:

— И вы участвовали въ моемъ праздникѣ? я васъ очень благодарю.

Голосъ императрицы Елисаветы Алексѣевны имѣлъ весьма пріятную мелодичность. Кабая-то особенная доброта, кротость и мягкость слышались въ немъ. Онъ невольно привлекалъ и проникалъ въ душу, точно такъ, какъ и ласковый, свѣтлый взглядъ ея голубыхъ прекрасныхъ глазъ. Черты лица ея были тонки и правильны, но красныя пятна скрывали красоту ихъ. Въ походкѣ и движеніяхъ ея было много граціи, особенно женственности. Она почти всегда носила на головномъ токъ райскую птичку, которую императоръ привезъ ей изъ Парижа. Тогда это была новость. За обѣдомъ молчаливая она отвѣчала только нѣсколькими словами на обращенную къ ней рѣчь. Взоръ ея безпрестанно слѣдилъ за императоромъ, и когда она видѣла, что онъ весело разговариваетъ съ великой княгиней, улыбка довольствія показывалась на ея грустномъ лицѣ. Вся она казалась олицетвореніемъ кроткой покорности—то, что французы называютъ *résignation*. Царствующая императрица — она съ любовію уступала первенствующее мѣсто вдовствующей государынѣ, благотворительница многихъ — она тщательно скрывала добрыя дѣла

свои и никто о нихъ не говорилъ. Непроницаемъ былъ тайныя души ея, столь богатой добротою, кротостію, вѣрой и безграничною любовію къ своему ангелу-Александру.

X.

Императорскій дворъ въ Петербургѣ.—Производство въ офицеры.

Въ концѣ октября 1818 г., съ наступленіемъ осеннихъ дней, дворъ переѣхалъ въ Петербургъ и съ этимъ вмѣстѣ кончились наши веселыя недѣльные дежурства. По приѣзанію великаго князя, камер-пажи великой княгини являлись въ Анничковскій дворецъ безъ пудры. Тамъ ихъ служба ограничивалась только во время выхода въ церковь по воскресеньямъ и на балахъ, которые иногда давалъ великій князь. Главная служба была въ Зимнемъ дворцѣ. Два раза въ недѣлю, у императрицы Маріи Ѳеодоровны былъ семейный обѣдъ, въ прочіе дни обѣдъ съ гостями, къ которому иногда только пріѣзжалъ великій князь и великая княгиня. Каждое воскресенье были спектакли въ Эрмитажѣ, давали оперы, водежи и балеты. Въ операхъ партію тенора пѣлъ Самойловъ, отецъ нынѣшняго даровитаго артиста; первой пѣвицей была Сандунова. Объ итальянцахъ не было и помнѣю. Какъ нравились тогда оперы, о которыхъ теперь всѣ забыли и которыя едва ли когда и появятся вновь на сценѣ: «Водовозъ», «Швейцарское семейство», «Прекрасная мельничиха», особенно «Сандрильона» Штейбельта, которую переводчикъ или сочинитель либрето окрестилъ Пепелиною. Смыслъ этого названія объясняла сама Сандрильона, руссифицированная въ Пепелину, въ своемъ романсѣ, которымъ всѣ тогда восхищались, напѣвая:

Я скромна и молчалива,
Рѣдко видитъ свѣтъ меня,
Но, вѣдь, это и не диво,
Все снѣгу здѣсь у огня.
Сіе мѣсто не завидно,
Но мое все счастье тутъ.
Вотъ зачѣмъ меня, какъ видно,
Пепелиною зовутъ.

Не на много, кажется, отстали тогдашніе составители либретъ отъ нынѣшнихъ. Балеты ставилъ Дидло. Сюжетъ ихъ болѣею частью онъ бралъ изъ мифологіи: «Венера и Адонисъ», «Ширамъ и Тизба», «Амуръ и Пеихея» и проч. Вислѣдствіи онъ превра-

щать въ балетъ цѣлые романы, какъ «Рауль-де-Креки», «Клеопатра въ Египтѣ» и пр.

Въ театрѣ Эрмитажа нѣтъ ложъ, кромѣ небольшихъ подъ амфитеатромъ; поэтому вся императорская фамилія, равно высшіе сановники и иностранные послы всегда занимали кресла, на пространствѣ между оркестромъ и скамьями, возвышающимися въ видѣ амфитеатра; камер-пажи стояли по ступенямъ лѣстницы, раздѣляющей амфитеатръ и ведущей въ вышесказанному пространству.

Вечеромъ, въ день новаго года, 1-го января 1819 г., для ужина императорской фамиліи, въ этой театральной залѣ разбивали стеклянную палатку, которой потолокъ и бока представляли разнообразныя узоры изъ плотно связанныхъ стеклышекъ. Сквозь эту стеклянную ткань освѣщалась она снаружи, а внутри отъ канделябръ императорскаго стола. На сценѣ, за палаткой, играла роговая музыка обер-егермейстера Нарышкина. Эта невидимая и необыкновенная музыка, этотъ стеклянный шатеръ, который при освѣщеніи казался сотканнымъ изъ брилліантовъ и драгоценныхъ камней, невольно переносили въ волшебный, сказочный міръ.

Маскарадъ, который давался во дворцѣ въ первый день новаго года, походилъ на маскарадъ 22-го іюля въ Петергофѣ. Точно также публика тѣснилась и въ просторныхъ залахъ Зимняго дворца, съ трудомъ раздвигаясь при прохожденіи польскаго.

Доступъ въ царскія комнаты былъ открытъ для каждаго лично одѣтаго. Билетъ давали каждому желающему. У дверей ихъ отбирали только для счета числа посѣтителей и записывали только имена перваго вошедшаго и послѣдняго вышедшаго. Случилось въ этомъ году, что первый и послѣдній былъ одно и тоже лицо, что очень забавляло государя.

Между тѣмъ приближался нашъ экзаменъ въ офицеры. Великій князь Николай Павловичъ пожелалъ, чтобы я поступилъ къ нему въ Измайловскій полкъ. Но я, плѣнившись бѣлымъ султаномъ и шпорами, доложилъ ему, что желаю выйти въ конную артилерію. Выпущенныхъ камер-пажей и пажей прикомандировали тогда огульно къ Преображенскому полку для обученія пѣшей фронтальной службѣ. Въ одинъ вечеръ неожиданно мнѣ говорятъ, что великій князь требуетъ меня къ себѣ въ Анничковскій дворецъ. Тамъ полковникъ Перовскій, адъютантъ великаго князя, приглашаетъ меня къ нему въ кабинетъ. За письменнымъ столомъ си-

дѣлъ великій князь въ Сѣверскомъ конно-егерскомъ скортугѣ. При входѣ моемъ онъ всталъ и, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— Ну, любезный, теперь нѣтъ для тебя болѣе отговорки. Сегодня государь утвердилъ сформированіе конныхъ піонеровъ. Я оставилъ для тебя вакансію и завтра же доложу государю, чтобы тебя произвели и прикомандировали къ гусарамъ, какъ прочихъ офицеровъ, которые переходятъ изъ саперъ.

Въ нерѣшимости я молчалъ.

— Ты не опасайся, — продолжалъ онъ, я тебѣ ручаюсь, что ты по службѣ ничего не потеряешь.

Такъ рѣшился мой первый шагъ въ военной службѣ. Меня однако не произвели. Государь нашелъ, что произвести меня одного будетъ не справедливо, но что точно воспитанники пажескаго корпуса, избравшіе для себя кавалерійскую службу, должны обучаться ей въ кавалерійскомъ полку, а не въ пѣхотномъ, и насъ всѣхъ, готовящихся въ кавалерію, прикомандировали къ кавалергардамъ. Съ тѣхъ поръ началось раздѣленіе выпускныхъ пажей на кавалеристовъ и пѣхотинцевъ.

Въ свѣтлое воскресенье, 16-го апрѣля 1819 года, высочайшимъ приказомъ я былъ произведенъ прапорщикомъ въ лейб-гвардію конно-піонерный эскадронъ, который тогда только что сформировался, а теперь уже не существуетъ.

Съ производствомъ въ офицеры предо мною открылся «широкой жизни путь» — тогда блестящій и заманчивый. Насколько эта роскошная обстановка нашей первой юности подготовляла насъ къ предстоящей намъ трудовой жизни съ ея лишеніями и превратностями и сколько приходилось потомъ переживать тяжелыхъ минутъ отрезвленія, — это вопросъ другой, — но я, въ продолженіи моей жизни, какъ и теперь, всегда съ любовью обращался къ воспоминаніямъ золотыхъ дней моей юности.

П. М. Дараганъ.

КН. ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

1739 — 1791.

VI. ¹⁾

7-го сентября 1787 года послѣдовалъ манифестъ о разрывѣ съ Турціею. Войска наши раздѣлены были на двѣ арміи: украинскую (главнокомандующій графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій) и екатеринославскую (князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій). Армія Румянцева изъ 32,000 человекъ вступила въ Подолію; защита юго-западнаго края была возложена на екатеринославскую, численностью въ 78,000. Планъ Потемкина состоялъ въ веденіи войны оборонительной; дѣйствія наступательныя были предоставлены черноморскому флоту. Эскадрѣ севастопольской, подъ командою контр-адмирала графа Войновича, повелѣно было идти къ Варнѣ, съ цѣлію пострѣбить или запереть стоящую тамъ турецкую эскадру. Наши суда вышли въ море въ началѣ сентября и встали на якоряхъ въ виду Варны, но сильная буря сорвала корабли съ якорей, разсѣяла ихъ и, въ теченіи восьми дней, они носились по морю. Одинъ фрегатъ потерпѣлъ крушеніе; 70-типушечный корабль «Марія Магдаліна» (капитанъ Тисдель, англичанинъ), потерявъ всѣ мачты, былъ взятъ въ плѣнъ турками; ихъ же эскадра явилась на водахъ Очакова. По распоряженію Суворова, лейтенантъ Ломбардъ, съ двумя галерами и 10-ю канонирками, напалъ на турецкія фелуки и принудилъ ихъ отступить; буря довершила пораженіе. Другой подвигъ совершенъ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 481—522; 681—700.

былъ капитан-лейтенантомъ Веревкинѣмъ, командиромъ пловучей батареи: онъ бился со стократно-сильнѣйшимъ непріателемъ до послѣдней крайности, нанося туркамъ жестокой вредъ и взяты были въ плѣнъ, но при такихъ условіяхъ, при которыхъ также участь могла постигнуть древяго спартанца, или римлянина.

1-го октября турки рѣшились сдѣлать нападеніе на Кинбурнъ, переправя на фелугахъ отборныя свои войска изъ Очакова на Кинбурнскую косу. Ихъ было 6,000 и ими предводили Юсупаша и французскіе офицеры-наемники; нашихъ было не болѣе 1,000, но они были подъ начальствомъ Суворова. Битва, тѣмъ возобновляемая, длилась отъ утренней зары до десяти часовъ вечера и окончилась совершеннымъ пораженіемъ турокъ; подъ Суворовымъ была убита лошадь, онъ получилъ тяжелыя раны въ бокъ картечью и въ лѣвую руку пулею.

Съ октября по декабрь 1787 г. Потемкинымъ къ Суворову написаны были нижеслѣдующія пять писемъ: ¹⁾

Еписавет(градъ), 5-го октября (1787).

„Я не нахожу словъ изъяснить, сколь я чувствую и почитаю вашу важную службу, Александръ Васильевичъ. Я такъ молю Бога о твоемъ здоровьѣ, что желаю за тебя самъ лучше терпѣть, нежели бы ты занемогъ“.

„Увѣрьте всѣхъ, что я воздамъ каждому; рядовымъ, бывшимъ въ дѣлѣ по 5 рублей пришлю, когда мнѣ дадите число. Я всѣмъ то здѣлаю, что ты захочешь. Прошу тебя, для Бога, не щади оказавшихъ себя недостойными. Прости мой другъ сердешной. Вѣрнѣйшей другъ, к. П. Таврическій“.

(Милостивѣму государю моему Александру Васильевичу Суворову).

2-го ноября (1787).

„Другъ мой сердешной, Александръ Васильевичъ. Я полагалъ самъ къ вамъ быть съ извѣщеніемъ о милости высочайшей, съ какою принята была побѣда непріателя подъ Кинбурномъ, но ожиданіе къ себѣ генерала царскаго тому воспрепятствовало. Препровождаю теперь

¹⁾ Письма эти и слѣдующія извлекаемъ изъ архива свѣтлѣйшаго князя Александра Аркадьевича Суворова-Рымникскаго; этотъ драгоценный архивъ еще въ 1870 г. былъ весьма обязательно предоставленъ княземъ Александромъ Аркадьевичемъ въ распоряженіе «Русской Старины» и почти весь нами списанъ и тщательно изслѣдованъ. Письма кн. Г. А. Потемкина къ Суворову въ этомъ архивѣ переплетены въ особую тетрадь; нѣкоторыя изъ нихъ въ выдержкахъ,

въ вамъ письмо ея величества, столь милостивыми выраженіями наполненное, и притомъ васъ увѣдомить, что вскорѣ получите знаки отличной монаршей милости, о чемъ изволить сама государыня ко мнѣ писать.

„Будьте увѣрены, что я поставляю себѣ достоинствомъ отдавать вамъ справедливость, и, конечно, не доведу васъ, чтобъ сожалѣли быть подъ моимъ начальствомъ. Я всѣхъ произвелъ, отъ васъ рекомендованныхъ. Генерала Река и коменданта Тунцельмана увѣрьте, что они по желанію будутъ удовольствованы.

„Изъ присланныхъ крестовъ я оставляю одинъ для Ломбара, о коемъ я просилъ ея величество, чтобы его выручить; одинъ я назначаю для полковника Орлова; остальные четыре прошу тебя, мой другъ сердешной, назначить достойнѣйшимъ, и имена ихъ прислать ко мнѣ. Бога ради употреби тутъ всю справедливость и разсмотрѣніе. Полковникамъ двумъ донскимъ приплюются золотыя медали. Также назначь мнѣ, для кого ихъ выписать изъ грековъ, командующихъ судами. За исключеніемъ одной, 19 медалей серебряныхъ для нижнихъ чиновъ, отличившихъ себя въ сраженіи, раздѣлите по 6-ти въ пѣхоту, кавалерію и казакамъ, а одну—дайте тому артиллеристу полковой артиллеріи, который выстрѣломъ подорвалъ шебеку. Я думаю не худо-бы было призвать вамъ къ себѣ по нѣсколькѣ или спросить цѣлыя поля, кого солдаты удостоятъ между себя къ полученію медали.

„Я буду скоро въ вамъ; мнѣ нужно, мой другъ, съ тобою изясниться о нѣкоторыхъ предположеніяхъ.

„За секретъ скажу: въ будущую кампанію, коли Богъ дастъ помощь свою, все, что съ веслами, подчиню сухопутному начальству, а парусныя—оставлю морскимъ. Приѣхаль ко мнѣ принятой въ нашъ флотъ голандской капитанъ съ отмыннымъ одобреніемъ и человекъ, искусившійся въ войнѣ. Я его изъ Херсона привезу къ вамъ; вы-знай его, мой другъ, хорошенько. Мы его здѣлаемъ командиромъ предприимчивой флотилии.

„Прибылъ еще ко мнѣ морской артиллеристъ, капитанъ французской службы, родомъ швейцарь, съ зажигательнымъ секретомъ, которой состоитъ въ ядрахъ, дѣлаемыхъ изъ состава химическаго. Я знаю, что сіе было пробовано во Франціи, но оставлено втайнѣ, пахотя столь пагубно, а противу безчеловѣчныхъ турокъ не стыдно употреблять.

впрочемъ, не вполне исправныхъ, были приводимы въ разныхъ монографіяхъ о Суворовѣ; мы приводимъ эти драгоцѣнные документы вполне, съ дословной точностью и считаемъ ихъ весьма важнымъ матеріаломъ для характеристикъ двухъ великихъ дѣятелей екатерининскаго вѣка.

Ред.

„Прости мой другъ сердешной; посылаю тебѣ шинель, которую прошу носить вмѣсто шлафора. Пока живъ — твой вѣрнѣйшій другъ и слуга в. Потемкинъ-Таврическій“.

Херсонъ, 24-го ноября (1787).

„За Богомъ молитва, а за государемъ служба не пропадаетъ.

„Поздравляю васъ, мой другъ сердешной, въ числѣ андреевскихъ бавалеровъ. Хотѣлъ-было я самъ къ тебѣ привезти орденъ, но много дѣлъ въ другихъ частяхъ меня удержали.

„Я все здѣлалъ, что отъ меня зависило; прошу для меня о употребленіи всѣхъ возможныхъ способовъ объ збереженіи людей.

„Въ Херсонѣ очень запутано и полки на работѣ египетской, коихъ и внутренность не у всѣхъ исправна. Я пришлю осмотрѣть инспекторскимъ и комисариатскимъ смотромъ. Ввожу корпусъ егерей екатеринославскихъ, но съ тѣмъ, чтобы его не употреблять ни въ работы, ниже въ караулы. Онъ наполненъ молодыми людьми, коимъ дать время нужно еще окрѣпиться. Я пришлю вскорѣ дальнѣе распоряженіе обо всемъ, а теперь отъ избытка сердца съ радостію поздравляю. Дай Боже тебѣ здоровья, а обо мнѣ уже нельзя тебѣ не вѣрить, что твой истинной другъ в. Потемкинъ-Таврическій.

„Пиши Бога ради ко мнѣ смѣло, что тебѣ надобно“.

(Милостивому государю моему, Александру Васильевичу, его высокопревосходительству, Суворову).¹⁾

Елсавет(градъ), 16-го декабря (1787).

„Прикажи мой другъ Александръ Васильевичъ, Розену, съ инженерными офицерами, снять самовѣрнѣйшимъ образомъ кинбурнскую косу и ко мнѣ скорѣй доставить; показать каждой дистанціи широту и возвышенія отъ горизонта воды. Мнѣ весьма сіе нужно и для того проворнѣй имъ здѣлать прикажи. Вѣрной другъ и слуга вн. Потемкинъ-Таврическій“.

(25-го декабря).

„Мой другъ сердешной, Александръ Васильевичъ. Я по росписанію зимнему раздѣлил Херсонскую часть съ Кинбурнской и единственно для того оставилъ подъ своимъ ордеромъ, чтобы ее обратить опять къ вамъ, когда кончатся тамо многія приуготовленія, кои связаны съ флотомъ и артилеріею. Я желаю, чтобы вы не брали отъ нихъ гранодерскихъ ротъ, ибо и полки отъ того ослабнуть и людей мало останется въ Херсонѣ. Я нарядилъ туда кievскихъ два баталіона, когда они придутъ, то я вамъ отдѣлю что должно, а можетъ Богъ

¹⁾ На послѣдующихъ письмахъ также надпись.

поможетъ, что и Лимаъ до тѣхъ поръ не замерзнетъ. У васъ и тагъ по землянкамъ люди тѣсно стоятъ.

„Присланной весьма простъ и не о чемъ не знаетъ; даже и татарскаго стану не видѣлъ самъ, а ихъ тысяча на Делигюль,¹⁾ да тысяча выше, на Аджигюль. При ханѣ мало, а въ Кишневъ, близъ Днѣстра, считаютъ полторы тысячи.

„Поздравляю тебя съ праздникомъ Рождества Христова. Вѣрной вашъ другъ кн. Потемкинъ-Таврическій“.

Съ наступленіемъ зимняго времени прекратились военныя дѣйствія, но усилились труды князя Таврическаго. Исправленіе черноморской флотиліи было одною изъ первыхъ его заботъ; затѣмъ онъ принялъ мѣры къ укомплектованію екатеринославской арміи; учредилъ конно-егерскія команды; набралъ двухъ-тысячный гусарскій полкъ волонтеровъ; сформировалъ изъ иностранныхъ выходцевъ отдѣльныя команды или когорты, собралъ нѣсколько казачьихъ полковъ въ цѣлый корпусъ и призвалъ подъ знамена до 1,000 бывшихъ запорожцевъ. Императоръ Іосифъ II, согласно своему обѣщанію, объявилъ Турціи войну, выставивъ противъ нея 100,000 армію и назначивъ принца де-Линя состоять при Потемкинѣ, въ качествѣ военнаго дипломатическаго комисара. Выше мы говорили, что планъ Потемкина состоялъ въ веденіи войны оборонительной; но союзники рассчитывали на войну наступательную и, главнымъ образомъ, на взятіе Очакова. Это «подсказыванье» со стороны австрійцевъ было крайне досадно Потемкину и онъ не скрылъ этой досады, при первомъ свиданіи съ принцемъ де-Линь. Вотъ подлинный рассказъ австрійскаго фельдмаршала:

«Пріѣхавъ къ князю, кидаюсь ему на шею, спрашиваю: «когда сдается Очаковъ?»

— Ахъ, Боже мой, отвѣчаетъ онъ,—тамъ 18,000 гарнизону, а у меня столько не наберется и въ цѣлой арміи. У меня во всемъ недостатокъ и, если Богъ не поможетъ, я несчастливѣйшій человекъ въ мірѣ!

— Какъ? А побѣда при Кинбурнѣ? А удаленіе турецкаго флота отъ Очакова? Развѣ этимъ нельзя воспользоваться? Я скабалъ и день и ночь; мнѣ говорили, будто бы вы уже и осаду начали.

¹⁾ Слѣдуетъ: Телегуль.

— Куда! Дай Богъ только, чтобы татары не пришли сюда и не предали все огню и мечу. Богъ меня спасъ (я этого никогда не забуду), допустивъ собрать войска, находившіяся за Бугомъ. Чудо, что я могъ еще удержать за собою весь край.

— Да гдѣ же татары?

— Да вездѣ! У Азербеймана сераскиръ съ цѣлымъ корпусомъ, 12,000 въ Бендерахъ, 6,000 въ Хотинѣ и весь Днѣстръ занятъ!

«Во всемъ этомъ (продолжаетъ де-Тинъ) не было ни слова правды. Но могло-ли мнѣ придти въ голову, чтобы Потемкинъ сталъ обманывать того, въ комъ, по моему мнѣнію, имѣлъ нужду?»

Черезъ нѣсколько времени де-Тинъ представилъ Потемкину, отъ имени императора, планъ предстоявшей кампаніи 1788 года, прося князя Таврическаго прислать, на обмѣнъ, свой. Потемкинъ отвѣчалъ двумя строками:

„Съ Божією помощію нападу на всѣ силы, которыя будутъ между Бугомъ и Днѣстромъ“. (*Avec l'aide de Dieu, j'attaquerai tout ce qui sera entre le Bog et le Dniester.*)

Слухи о неискренности Потемкина съ австрійскимъ военнымъ агентомъ достигли до императрицы. Въ письмѣ своемъ къ Потемкину, она намекнула ему на странную скрытность и получила слѣдующій отвѣтъ:

„Матушка государыня! Не сумнѣвайтесь Бога ради, чтобы я пошелъ въ чемъ-нибудь противу союзниковъ. Я не люблю коварства, однакоже не буду причиною остуды, а напротивъ, надѣюсь правотою своею заставить ихъ платить и мнѣ тѣмъ же. Мнѣ очень грустно оттого, что мнѣ показалось въ васъ въ сей матеріи нѣкоторое сумнѣніе; будьте увѣрены и надѣйтесь на меня!“¹⁾

Но насколько князь Таврическій былъ недовѣрчивъ къ союзникамъ, настолько былъ искрененъ и ласковъ къ великому своему сподвижнику — Суворову. Слѣдующій рядъ писемъ Потемкина къ герою Клинбурна, будущему Рымникскому, проливая яркій свѣтъ на обоюдныя отношенія обоихъ полководцевъ, въ началѣ 1788 года, вмѣстѣ съ тѣмъ до нѣкоторой степени ослабляетъ укоренившееся мнѣніе, будто князь Таврическій, завидуя дарованіямъ Суворова, тормозилъ ему блестящій путь къ славѣ.

Всѣ эти письма относятся къ первымъ восьми мѣсяцамъ

¹⁾ Писано на золотообрѣзномъ почтовомъ листѣ, и не подписано Потемкинскимъ.

1788 года, въ теченіе которыхъ. до начала осады Очакова, въ дѣйствующей арміи произошли слѣдующія событія:

Начало года застало Суворова на его посту у Кинбурна; передовые егерскіе корпуса и Екатеринославскій полкъ переправились чрезъ Бугъ, у Соколя, и правымъ берегомъ рѣки приближались къ Очакову, съ цѣлью прикрыть другую переправу у Станиславова.

4-го апрѣля послѣдовало высочайшее повелѣніе о диспозиціи войскъ: Румянцеву было повелѣно прикрывать Польшу и берега Днѣстра и Буга, для привлеченія силъ турокъ и для содѣйствія этимъ самымъ австрійцамъ брать Хотинъ и Бѣлградъ. Потемкину поручено оборонять Крымъ и брать Очаковъ. Екатеринославская армія была въ слѣдующемъ составѣ: 1-я дивизія—князь Н. В. Репнинъ; 2-я дивизія—А. В. Суворовъ; таврическій корпусъ—Каховскій, кубанскій—Талызинъ, кавказскій—Текеллій; сева-стопольскій флотъ—графъ Войновичъ. Флотомъ на Днѣпровскомъ лиманѣ, причисленнымъ къ дивизіи Суворова, командовалъ прославившійся въ Америкѣ контр-адмиралъ Поль Джонсъ (Paul Jones); ¹⁾ гребнымъ флотомъ—принцъ Нассау-Зигенъ, ²⁾ въ чинѣ вице-адмирала принявшій его въ свое вѣдѣніе въ іюнѣ мѣсяцѣ.

23-го мая 1788 г. первая дивизія екатеринославской арміи выступила изъ Ольвіополя и, въ концѣ мѣсяца, расположилась лагеремъ около нынѣшняго Вознесенска. Турецкій флотъ, прибывъ къ Очакову, расположился частью въ морѣ, частью въ Днѣпровскомъ лиманѣ, противъ Кинбурна. Приближеніе турокъ было ознаменовано геройскою смертью капитана второго ранга Сакена, командира допель-шлюпки. Обруженный тринадцатю непріятельскими судами, онъ взорвался на воздухъ, давъ знать о своемъ намѣреніи начальнику нашей флотиліи чрезъ матросовъ, которыхъ, въ числѣ девяти человекъ, успѣлъ на маленькой шлюпкѣ переправить на берегъ. Отплывая въ море на неминуемую гибель, Сакенъ, прощаясь съ подполковникомъ Козловскаго пѣхотнаго полка Марковымъ, сказалъ:

¹⁾ Поль Джонсъ, шотландецъ, род. 1747, † 18-го іюли 1792 г. Прославился подвигами на морѣ во время американской войны за независимость.

²⁾ Принцъ Карлъ-Гейнрихъ-Николай-Оттонъ, род. 1745, † 1805 г. См. «Русская Старина» 1871 г., томъ III, 482—612; 1872 г., томъ VI, 426.

— Положеніе мое опасно, но честь свою я еще могу спасти: если турки атакують меня двумя судами — я возьму ихъ; съ тремя — буду сражаться; отъ четырехъ не побѣгу... но если нападеть больше — тогда прощай, Ѳедоръ Ивановичъ; мы больше не увидимся».

7-го и 17-го іюня принцъ Нассау-Зигенъ, при содѣйствіи Поля Джонса, одержалъ надъ турецкими судами, стоявшими въ лиманѣ, двѣ побѣды; 1-го іюля онъ истребилъ остатки турецкаго флота у самыхъ стѣнъ Очакова. 3-го іюля произошла первая морская битва севастопольской эскадры съ турецкимъ флотомъ. 7-го іюля турецкія суда удалились къ румельскимъ берегамъ. Въ первыхъ же числахъ іюля Потемкинъ явился подъ Очаковымъ. Эта медленность въ движеніи главнаго корпуса возбудила недо-вѣріе къ Потемкину его современниковъ.

«Скоро-ли сдастся Очаковъ?» торопила императрица князя Таврическаго. Участникъ въ очаковскомъ походѣ, князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, по окончаніи кампаніи, произнесъ надъ Потемкинмъ рѣзкій приговоръ, изъ котораго можно сдѣлать невыгодныя заключенія не только о дарованіяхъ, но даже о храбрости Таврическаго. «Князь Потемкинъ никогда не вмѣшивался въ военныя распоряженія, а все старался выбрать себѣ подъ команду лучшихъ генераловъ. Истиннымъ предводителемъ его арміи былъ князь Н. В. Репнинъ. Князь Потемкинъ все развѣзжалъ въ коляскѣ, хотя я его уговаривалъ сѣсть верхомъ и подарилъ ему лошадь очень добрую и смирную. Обо всемъ этомъ походѣ сказать можно, что кто отъ роду не видалъ войска на походѣ и тотъ увидѣлъ бы неустройство. Марши дѣлали самые короткіе, но людей и лошадей такъ перемучили, что сдѣлалъ множество больныхъ».

Нижеслѣдующія собственноручныя письма Потемкина и лѣтопись событій дальнѣйшихъ могутъ служить мѣриломъ справедливости сужденій о Потемкинѣ его современника и подчиненнаго.

Князь Г. А. Потемкинъ А. В. Суворову.

Елизавет(градъ), 1-го генваря.

„При поздравленіи тебя, любезной другъ, съ новымъ годомъ, желаю тебѣ паче всего здоровья и всѣхъ благъ столько, сколько и тебѣ хочу:

„Посылаю пироговъ перигорскихъ—прошу прими на здоровье.

„Сейчасъ получилъ я изъ Вѣны извѣстіе, что цесарскія войска дѣлали покушеніе на Бѣлградъ: имъ хотѣлось ево охватить, но не удалось. Война открылася. Въ манифестѣ будутъ поставлены требованіи на Боснію, Бѣлградъ и провинцію, называемую Даерманія, близъ турецкой Далмаціи лежащую. Послано въ прибавку еще 19 баталіоновъ, и приказано, во чтобы не стало, взять Бѣлградъ. Слава Богу, да подастъ Онъ намъ свою помощь. Прости мой другъ сердешной. Вѣрной другъ и слуга к. Потемкинъ-Таврической“.

„Съ курьеромъ, которой отправляется къ вамъ съ знаменами для запорожцевъ, писалъ я, что изъ Тавриды прислано въ Збуревскъ 500 ауловъ, которые и для нашего лагеря нарочно приготовилъ, дабы въ оныхъ заранѣ могли стать, ибо они теплѣе палатокъ. К. Потемкинъ-Таврической“.

Елизавет(градъ), 13-го февраля.

„Другъ мой сердешной, Александръ Васильевичъ. Я былъ нездоровъ и для того такъ долго не писалъ къ тебѣ. Теперь легче, слава Богу. Я Исаева къ себѣ взялъ по необходимости, что у меня походнаго атамана нѣтъ, а полковники-старивы и весьма плохи: я ихъ отправляю троихъ на Донъ.

„Партія, которую Денисовъ дѣлалъ Впанию (?) кончилась еще бы лучше. Впрочемъ, отъ малова числа и требовать больше нельзя; они взяли командира съ пятью человекъ и убили подлинно семерыхъ, но онъ пелся объ овцахъ, къ которымъ отдѣлилъ 15 казаковъ и ослабивъ себя тѣмъ и испугавшись сикурсу, почти бросилъ есаула и хорунжева. Я не отказываю добычи легкимъ войскамъ, но прежде требую исполненія должности.

„Считая, что при началѣ весны для людей здоровье будетъ оставить землянки, я велѣлъ доставить въ Збуревскъ¹⁾ 2,500 ауловъ, которые частью уже привезены. Прикажете помѣстить туда людей изъ

¹⁾ Збуревскій лиманъ.

земляноѣ, раздѣля сіи ауглы по числу людей, и не помѣщайте тѣсно; какже придетъ нужда придвинуться къ Клинбурну, тогда ихъ подвеза, можно сдѣлать теплою лагерь.

„Ставить же ихъ такимъ образомъ: чтобы снизу не проходила вѣтеръ, то немного окласть дерномъ; на потстилеу наслатъ камышу и камышемъ же обставить со стороны. Апробуйте сіе: гораздо здоровѣе будетъ вмѣщеніе полковъ. Въ другіе прикажите здѣлать, отцустя нестроевыхъ отъ поступившихъ на формированіе, и тѣмъ избавимся ненужныхъ хлѣбопцовъ. Фанагорійской обозъ съ нестроевыми и офицерами къ вамъ изъ Тавриды прибудетъ. Я здѣсь стараюся два баталіона фанагорійскіе какъ можно скорѣй сформировать. Посланные знамена и прочее для запорожцовъ съ принадлежащей тому церемоніей прикажите при себѣ освятить. Прости мой другъ сердешной. Я до гроба вѣрнѣйшій твой другъ и слуга к. Потемкинъ-Таврическій.

Елисавет(градъ) 2-го марта.

„Другъ мой сердешной, Александръ Васильевичъ. Послѣдней твой рапортъ я получилъ отъ 28-го, а послѣ не получалъ. Пальба, въ Очаковѣ производимая четыре раза сряду, можетъ имѣть разныя причины: 1) для рожденія дочери султанской,—для сего бываетъ иногда и до семи разъ, а дочь родилась въ послѣднихъ числахъ генваря, къ нимъ же поздно всегда доходитъ, ибо такое извѣстіе везетъ одинъ по дорогѣ отъ города до города; 2) можетъ быть обучаются; 3) для показанія намъ приближенія флота къ берегамъ; 4) для хвастовства предъ своими; показываютъ, что будто они, а не цесарцы, ихъ бьютъ. Для своихъ войскъ, когда они входятъ, то стрѣляютъ для трехбунчужнаго паши 9 разъ, двухбунчужному пашѣ 6 разъ, а прочимъ меньше. Я прилагаю здѣсь извѣстія константинопольскія и австрійскія, и впредъ сообщать буду.

„Я бы желалъ, чтобъ вы поскорѣй ввели въ употребленіе ауглы и мяѣ дали бы знать, какъ люди въ оныя вмѣщаются.

„Суда готовить приказалъ я гребнымъ съ крайнею поспѣшностію; въ Кременчугѣ у меня на подобіе Запорожскихъ лодокъ будетъ 75, могущихъ носить и большія пушки. Какъ скоро Днѣпръ пройдетъ, то и они пойдутъ. Если бы сіе строилося въ адмиралтействѣ, то бы никогда ихъ не дождалися. Еще строятъ 4 сильныхъ катера и тѣ скоро поспѣютъ.

„Прости другъ сердешной. Боже тебѣ дай всякаго благополучія. Вѣрнѣйшій другъ и слуга к. Потемкинъ.

Р. С. Полковникъ Ушаковъ крайне безтолковъ и вялъ. Я къ вамъ опредѣляю Сытина. Деньги къ вамъ приказалъ отпрavitъ.

Въ крайнѣй прошу содержать тайнѣ: гребными судами будетъ командовать князь Нассау подъ вашимъ начальствомъ; онъ съ превеликою охотою идетъ подъ вашу команду. Я бы давно его отправилъ, но даю время морскимъ изготовиться для себя, а какъ будетъ готово, тогда его пришлю.

„Посылаю вамъ гербы для касокъ: я таковыя здѣлалъ на офицеровъ кирасирскаго и гренадерскаго моихъ полковъ“.

Елисавет(градъ), 16-го марта.

„Посылаю тебѣ мой другъ сердешной извѣстїи, полученныя съ послѣдними моими посыланьями.

„Я такъ разстроилъ желудокъ, что не могу куска съѣсть — все тошнота. Я дѣтя таво отмѣнилъ ѣхать, а какъ скоро полегче будетъ, то прїѣду. Орловъ у меня былъ и нынче отправляется; я приказалъ ему доѣхать до Перекопа для установленія почты ради пакетовъ. Вѣрнѣйшїй другъ и слуга к. Потемкинъ-Таврическїй.

„По прибытіи принца Нассау съ флотилїею, пока нужда не потребуетъ, оставить его въ Збуревскомъ лиманѣ ради прїобученія людей и присоединенія другихъ еще судовъ. Ония въ Херсонѣ оканчиваются отдѣлкою. Положить съ принцомъ Нассау, гдѣ быть станціи подъ Кинбурномъ, чтобы людей возможно было для варенія пищи и отдохновенія отпускать на берегъ.

„Запорожскїя лодки прошли пороги, и когда сіи съ флотилїею соединятся, а эскадра обсерваціонная, команды г. флота капитана, ранга бригадирскаго и кавалера Алексїано будетъ готова, то уже черезъ все сіе дистанція отъ Збуревска будетъ обезпечена“.

(Сер: воз: къ Кинб — у не далѣе (слово не разобрать)¹⁾

Елисавет(градъ), 30-го марта.

„Собирался давно уже, другъ сердешной, къ тебѣ писать, но отлучка твоя къ Перекопу меня удержала.

„Отправилъ одного егеря для образца, какъ быть вооружену баталїону гранодерскому, находящемуся въ третьей дивизїи. 500 для сего ножей уже къ вамъ отправлено черезъ Херсонъ, а другїе пятьсотъ отдайте запорожцамъ. Егеря обучены здѣсь какъ прицѣливаться съ помощію ножа. Выдумка моя, ежели вамъ понравится, я буду радъ. Въместо ружей гранодерамъ дайте карабины, которые стрѣляютъ лучше нежели ружья, а столько же далеко, будучи легче несравненно

¹⁾ Слова, напечатанныя разрядкой, писаны Суворовымъ.

и удобнѣе для заряда скорого. Прикажите пули перелить по калибру карабиновъ, ружьи отъ нихъ отобрать, выучить стрѣлять въ цѣль и ножами, вмѣсто штыковъ, колоть и рубить вмѣсто сабли. У каменнаго мосту я поставлю detachmentъ ради связи и ради прикрытія транспортовъ отъ Берислава; также будетъ формироваться полкъ Троицкой пѣхотной. Я приказалъ тамо въ укрѣпленіи поставить пушки, и квартира моя будетъ тамо иногда. Приказалъ я шесть судовъ здѣлать самыя легкія для крейсирования у (слово неразобрано) ... и своихъ береговъ у Каланчина. Дистанція сего detachmentа пикетами будетъ касаться вашихъ къ старо-скольскому редуту. Нассау поѣхалъ. Будьте дружны и любите другъ друга столько, сколько я вамъ добра желаю и сколько на самомъ дѣлѣ сіе утвердить непременно.

„Когда онъ придетъ къ вамъ, тогда я сообщу свою мысль о позиціи вашихъ войскъ, что предварительно скоро вамъ доставлю. Понудьте легко-конные ваши полки о скорѣйшемъ сформированіи конныхъ егерскихъ командъ; скажите полковымъ командирамъ, что непременно хочу и строго буду требовать, чтобы они стрѣляли цѣльно въ совершенствѣ умѣли. Полковнику Сулину объявите, чтобы онъ казаковъ своихъ привелъ въ исправность; иначе будетъ худо. Генерально, чтобы отлучившихся отъ полковъ старались собрать, а паче донцамъ скажите.

„Прикажи, мой другъ сердешной, полковымъ командирамъ, чтобы людей поили квасомъ, а не водою, и чтобы кормили ихъ травными штыми; ежели есть рыба, то бы круто ее солить, а свѣжей не варить. Вѣрной вамъ другъ и слуга в. Потемкинъ-Таврическій.

Елисавет(градъ), 2-го апрѣля.

„Отправляю къ тебѣ, мой другъ сердешной, унтер-офицера екатеринославскаго егерскаго корпуса, который одѣтъ и вооруженъ такъ, какъ быть гранодерскому баталіону, составленному изъ ротъ ярославскихъ и муромскихъ. Прикажи ему передъ собой приложиться, утверждаясь на ножѣ стоя и на колѣнахъ закинуть ружье за плечо, и колоть, и рубить ножемъ. Спихъ ножей я отправилъ къ вамъ пять сотъ для запорожцевъ и пять сотъ для гранодерскаго баталіона; то же и патронташевъ егерскихъ, съ прижками, которые принять прикажите. Суми, ружьи и штыки, отобравъ, содержать въ сохранности. Карабины доставятся, такъ и прочее изъ Херсона. Сей унтер-офицеръ долженъ обучить и егерей пятисотное число на флотилии гребной.

„Я далъ ордеръ о скорѣйшемъ вооруженіи судовъ, и князю Нассау отправиться приказалъ къ вамъ, но, не имѣя промѣра, указалъ станцію у Вяземскаго деревни, гдѣ они эволюціямъ учиться будутъ. Я хочу,

чтобы до нужнаго времени они не казались непріятелю; чтобы онъ не привыкъ на нихъ смотрѣть. Секретно для вашего свѣдѣнія: турки въ тысяча человекъ переправились изъ Бѣлграда чрезъ Саву къ укрѣпленію, что цесарцы у Землина дѣлали, рабочихъ разогнали и роту пѣхотную, полку Естергазіева — венгерскую на-голову побили. Въ Хотинѣ схватили цѣлой патруль цесарскихъ улановъ и съ офицеромъ, которымъ, отрубя головы, взоткнули на пики и поставили у воротъ. Императоръ пріѣхалъ къ арміи и надежда есть, что зачнутъ дѣйствовать всѣми силами. Вѣрный вашъ другъ и слуга к. Потемкинъ-Таврическій.¹⁾

Елпсавет(градъ), 6-го апрѣли.

„Посылаю тебѣ, другъ мой, планъ, въ Вѣнѣ напечатанной, кинбурскому дѣлу. По запискѣ о приближеніи Винтера не могъ я знать, зачѣмъ онъ пришелъ и къ которому мѣсту подѣзжалъ, и что за толпы выходили. Мы теперь собираясь на дѣло серьезное и на операцію большую, не должны открывать безъ нужды ни силъ, ни способовъ, ежели бы что для взятя судна транспортнова, то врядъли удастся; такіа дѣла производятъ украдею. Запорожскія лодки для сего удобнѣе, недолго бы ихъ подождать. Мнѣ всякого заряда, по пустому выпущеннаго, жаль, ибо ихъ у насъ мало. Впрочемъ, будучи на мѣстѣ, вы лутче знаете и видите пользу. Вѣрный другъ и покорной слуга к. Потемкинъ-Таврическій.

„Цесарцы взяли Шабиць. Императоръ самъ присутствовалъ, но (въ) Кроаціи и у Землина много потеряли“.

Херсонъ, 29-го апрѣли.

„Сего вечера я ѣду отсюда. Не отвѣчалъ я тебѣ, другъ сердешной, на твое письмо за суетами, что исполню теперь.

„Я на всякую пользу руки тебѣ развязываю, но касательно Очакова попытка неудачная, тѣмъ паче можетъ быть вредна, что уже теперь начинается общихъ силъ дѣйствіе. Я бы не желалъ до нужды и флотиліи показываться, чтобы она имъ не приглядѣлась.

„Очаковъ непременно взять должно; я все употреблю, надѣясь на Бога, чтобы достался онъ дешево. Потомъ мой Александръ Василичъ съ отборнымъ отрядомъ пустится передо мной къ Измаилу, куда поведемъ и флотилію; и для того подожди до тѣхъ поръ, пока я приду къ городу; вѣрь мнѣ, что дорожу свою славу въ всѣ тебѣ подамъ способы, но естли бы прежде случилось дѣло авантажное, то можно пользоваться слѣдствіями.²⁾ Ты мнѣ говорилъ, что хорошо бы

¹⁾ Внизу адреса помѣта руки Суворова: «2-го апрѣля. (Ночью)».

²⁾ Точка означаютъ вырванныя въ подлинникѣ письма — мѣста.

пока флотъ не пришелъ, и, кто знаетъ, можетъ быть онъ тогда окажется, какъ только подступимъ. Позиція судовъ на планѣ въ 250 саженьяхъ; это далеко для бреши.

„Я получилъ извѣстiе изъ Царяграда, что муфти смѣненъ. Визирь съ капитан-паши содралъ нѣсколько мѣшковъ на походъ себѣ; онъ хотя и губы кусалъ съ досады, но отдалъ. Изъ Петербурха получилъ курьера. Государыня изволила апробовать мой планъ о присоединенiи польскихъ войскъ, которыя состоятъ будутъ изъ 12-ти тысячъ конницы¹⁾..... раздѣля на три бригады, каждая въ 4 тысячи. Первая подъ командою гетмана г. Браницкаго, вторая — воеводы русскаго г. Потоцкаго, третья—внзя Станислава Понятовскаго.

„У меня будетъ гр. Браницкiй; уже и указъ мнѣ присланъ — готовить имъ ружья. Цесарцы отъ графа Петра Александр. (Румянцева) требуютъ, чтобы онъ, перешедъ Днѣстръ, присоединивъ ихъ къ себѣ, дѣйствовалъ обще. Онъ прислалъ ко мнѣ Кау (?), требуя моихъ мыслей. Я пишу, что это будетъ очень хорошо.

„Теперь тебѣ скажу, мой другъ, что я въ проѣздѣ видѣлъ. Конница свѣжа, лошади сыты. Мариупольскiй полкъ заѣзжаетъ довольно живо, но очень разсыпается отъ того, что берутъ много поля, да и люди падаютъ съ лошадей ни за..... и на ровномъ мѣстѣ..... хорошо заѣз.....¹⁾ не такъ скоро двигается, но кажется поравня, а вообще теряютъ уголь конверсiи, что весьма дурно, ибо когда эскадроновъ много, то чрезъ сiе хвостъ удаляется очень много въ бокъ отъ головы колонны. Наблужиже сiе бездѣлицы стоять.

„Проѣзжая Шлиссельбургской полкѣ, видѣлъ я, что у него двойная цѣпь часовыхъ. Напрасно полковой командиръ мучитъ людей. Егерей конныхъ не видѣлъ; желаю, чтобы они, конечно, выучены были стрѣлять такъ цѣльно, какъ должно. Водки послалъ. Вѣрной вашъ другъ и слуга, в. Потемкинъ-Таврическiй“.

13-го iюня.

„Получилъ я, мой другъ, твое увѣдомленiе, что галера приближилася къ винбургской босѣ, какъ видно, для повѣрки промѣра. Ежели она такъ близко, что пушки съ батареи достигать могутъ, то не терпите ее тутъ.

„О выкинутой части судна, чтобы узнать, какое оно, то морскимъ прикажи осмотрѣть оное; по болтамъ различить могутъ.

„Войновичу уже два ордера я послалъ, но знаешь какъ онъ поворачивается. Дай Боже испытать намъ въ семь счастья, о семь молю безпрестанно. Меня затащили на Бугъ, гдѣ перейти болоты

¹⁾ Слова въ подлинникѣ вырваны съ лоскутками письма.
„Русская старина“, т. XIII, 1873 г. май.

мѣшаютъ, однако я нашель теперь мѣсто, безъ того былъ бы я уже у васъ. Прости; вѣрный другъ твой, кн. Потемкинъ-Таврическій“.

24-го іюня.

„Я отъ васъ поѣхавъ на лиманѣ, переѣзжая, плуталь по мелямъ нѣсколько часовъ, замочилъ ноги и промучился судорогами всю ночь. Армия сближается; скоро услышите мою зорную пушку. Примѣчайте, какое движеніе въ очаковцахъ будетъ. Мой другъ сердешной, увѣдомляй меня, что о Войновичѣ узнаешь. Штурмана Гурьева, которой у васъ, пришлите немедленно ко мнѣ. Мнѣ онъ нуженъ для промѣра Ингула. Пусть онъ пріѣдетъ въ Станиславовъ, а оттоль его ко мнѣ доставать. Вѣрной другъ и слуга, кн. Потемкинъ-Таврическій“.

Лагерь подъ Очаковымъ, 1-го іюля.

„Пріѣзжай ко мнѣ, мой другъ сердешной, завтра; мнѣ нужда поговорить, кн. Потемкинъ-Таврическій“.

Князь Потемкинъ—Екатери́нѣ II.

Подъ Очаковымъ, 7-го іюля.

„Отправляются теперъ флаги, а за ними знамены. Здѣсь ничего нѣтъ новаго; ожидаю осадной артилеріи, которая частями приходитъ; корму у насъ для лошадей почти нѣтъ. Турки очаковскіе упрямятся, положили защищаться до крайности.

„Матюшка, всемилостивѣйшая государыня! заботятъ меня ваши севѣрныя безпокойства.¹⁾

„Флагъ генерал-адмирала турецкаго еще въ первой въ нашихъ рукахъ; корабли и галеры отправляю для передѣловъ и починки.

„Жары пренесносныя, такъ что ежели нальёшь на себя ведро воды, то черезъ пять минутъ знаку не останется, все платье высохнетъ. На сихъ дняхъ отряжаю къ Кочибею (Гаджибею). Что Богъ дастъ. Простите, матюшка, я пока живъ. Вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный, князь Потемкинъ-Таврическій“.

„О Войновичѣ имѣю извѣстіе, что онъ еще 28-го прошлаго мѣсяца сталъ въ виду между Козловомъ и Аель-мечетью; слѣдовательно турецкой флотъ его миновалъ“.²⁾

Осада Очакова, окончившаяся взятіемъ этой крѣпости, длилась полгода, съ іюля по декабрь 1788 г. Въ теченіе этого времени

¹⁾ Дѣла съ Швеціей.

²⁾ Подлинникъ писанъ на большомъ листѣ грубой, синеватой бумаги.

Потемкинъ неоднократно выказывалъ рѣдкую личную храбрость и хладнокровіе. Главная его квартира находилась за правымъ флангомъ и состояла изъ пространной, роскошно убранной ставки, передъ которою каждый вечеръ гремѣла музыка подъ управленіемъ Сарти. Принцъ де-Линь, докучая Потемкину напоминаньями объ ускореніи осадныхъ работъ, или о штурмѣ, рассказывалъ о неустрашимости Іосифа II подъ крѣпостью Сабачъ. «Тамъ была тысяча человекъ гарнизона, отвѣчалъ Потемкинъ, — брали-же эту крѣпость 20,000». Этотъ разговоръ происходилъ 24 іюля; въ этотъ же день князь Потемкинъ писалъ Суворову:

«Секретно».

„Я хочу сего дня ниже очаковскихъ садовъ, къ устью Березани заложить батарею. Придетъ противу той, что у васъ на косѣ; я смотрѣлъ мѣсто самъ. Какъ будетъ готова, станемъ пробывать, перекрестятся-ли выстрѣлы.

„Предполагаю я дѣлать поискъ на Березани.¹⁾ Нужно истребить то пристанище; изготовьте отборной пѣхоты 600 человекъ. Вѣрной другъ и слуга, кн. Потемкинъ-Таврическій“.

Князь осматривалъ устраиваемую батарею подъ ядрами, пускаемыми изъ Очакова. Въ нѣсколькихъ отъ него шагахъ былъ убитъ артилерійскій фурлейтъ. Потемкинъ, смѣясь, обратился къ графу Браницкому:

— Спросите у де-Линя, храбрѣе-ли меня былъ императоръ Іосифъ подъ Сабачемъ?

Де-Линь отвѣчалъ князю комплиментомъ:

— Вижу, что для вашего развлеченія необходимо пускать мимо васъ пушечныя ядра.

Но однимъ опытомъ храбрости Потемкинъ не ограничивался; большую часть развѣдокъ (рекогносцировокъ) дѣлалъ онъ самъ. Въ одну изъ нихъ былъ убитъ стоявшій близъ него генерал-майоръ Синельниковъ — и тутъ князь Таврическій не оказалъ ни малѣйшаго страха. Какъ-то обходя апроши, увидя солдатъ, вставшихъ съ мѣстъ при его приближеніи, онъ шутливо сказалъ:

— Слушайте, ребята: приказываю вамъ единожды и навсегда, чтобы вы при моемъ приближеніи не вставали, а передъ турецкими ядрами не ложились!

¹⁾ Желаніе Потемкина исполнилось только черезъ четыре мѣсяца: Березанью овладѣли казаки.

Неустрасимость фельдмаршала поддерживала бодрость въ солдатахъ и духъ войскъ былъ превосходный, но Потемкинъ не хотѣлъ имъ пользоваться; блокада Очакова тянулась и ей не предвидѣлось конца. Для объясненія медлительности Потемкина необходимо сказать объ окружавшей его обстановкѣ. Главная его квартира была переполнена иностранцами-союзниками, беззастѣнчиво навязывавшими ему свои совѣты и указанія. Кромѣ докучливаго де-Линя, воображавшаго, что онъ можетъ водить Потемкина на помочахъ, тутъ были принцы Нассау-Зигенъ и Ангальт-Бернбургскій (родственникъ Екатерины II), Поль-Джонсъ, графъ Рожеръ Дамà (Damas), французскій волонтеръ, и съ нимъ толпа его соотечественниковъ инженеровъ, были польскіе магнаты: князь Любомірскій, графъ Соллогубъ и каждый изъ нихъ указывалъ, совѣтовалъ Потемкину, который съ терпѣніемъ выслушивалъ всѣхъ этихъ господъ, истощалъ ихъ собственное терпѣніе въ надеждѣ, что всѣ эти совѣтчики, удалясь, оставятъ за нимъ полную свободу дѣйствій, а съ нею и неотъемлемую его славу взятія Очакова. Потемкинъ не хотѣлъ дѣлать иностранцевъ ея причастниками и въ этомъ, быть можетъ, разгадка его медленности и мнимой нерѣшительности подъ Очаковымъ. Отношенія его къ непрошенымъ помощникамъ явствуютъ изъ обхожденія съ ними. Отъ наставленій де-Линя онъ отшучивался. Принцу Нассау-Зигену на его совѣты отвѣчалъ колкостями, хотя и отдавалъ должную справедливость его заслугамъ. Любопытенъ разговоръ Потемкина съ французскимъ инженернымъ генераломъ, присланнымъ въ нашъ лагерь Лафайеттомъ.¹⁾

— Здравствуйте, генераль! встрѣтилъ Потемкинъ этого иноземнаго размысла: ну, что скажете? Вамъ хочется взять Очаковъ? Хорошо, мы вамъ его возьмемъ... только нѣтъ-ли у васъ Вобана или Кугорна? Да и мнѣ хотѣлось бы еще заглянуть въ Сен-Реми, припомнить забытое, или вычитать изъ него то, что мнѣ еще неизвѣстно! И то сказать, я инженеръ не военный, а инженеръ путей сообщенія (des ponts et chaussées).

Затѣмъ француза угостили превосходнымъ обѣдомъ, но услугами его Потемкинъ не воспользовался. Принцъ де-Линь, въ

¹⁾ Марш-Поль-Рохъ-Пвъ-Жильберъ Мотье, маркизъ де-Лафайеттъ (La Fayette) р. 1754 † 1834 г., герой войны американцевъ за независимость и дѣятель французскихъ революцій 1789 и 1830 годовъ.

глаза говоря любезности Потемкину и бросавшійся ему на шею при каждой удачѣ нашего оружія, писалъ на него извѣты императрицѣ. «Я думаю, что мы начали осаду Очакова, или, по крайней мѣрѣ, такъ себѣ воображаемъ. Построили четыре плохихъ редута въ 700 саженьяхъ отъ ретраншамета и 900 отъ крѣпости. Непріятель не удостоилъ даже стрѣлять по работающимъ, несмотря на то, что для работъ были выбраны самыя свѣтлыя лунныя ночи (это было въ августѣ). Говорятъ, что намѣрены поставить еще два новые редута въ 200 саженьяхъ отъ крѣпости и 20 пушечную брешь—батарею, но все дѣлается по двумъ, или по тремъ планамъ такихъ людей, которые ничего не видали и сами ни инженеры, ни артиллеристы. Князь, не желая показать, что слѣдуетъ чѣмъ-либо совѣтамъ, смѣшиваетъ всѣ планы вмѣстѣ и только понапрасну тратитъ людей и время».

Желаніе Потемкина—избавиться отъ иностранныхъ опекуновъ исполнилось въ ноябрю: принцъ Нассау уѣхалъ въ Петербургъ, Поль-Джонсъ—въ Варшаву; разѣхались и польскіе магнаты и принцъ де-Линь, и только тогда князь Таврической началъ дѣйствовать самостоятельно и чрезъ мѣсяць Очаковъ былъ взятъ.

Къ первымъ мѣсяцамъ блокады Очакова относится любопытный эпизодъ размолвки Потемкина съ Суворовымъ, на который инженерствующія письма проливаютъ новый свѣтъ, отклоняя упреки отъ памяти князя Таврическаго.

Турки, ободряемые близостью эскадры Капудана-паши и бездѣйствіемъ нашихъ войскъ, дѣлая частыя вылазки, наносили имъ значительный вредъ. 27-го іюля 1788 г. Суворовъ, не испросивъ разрѣшенія у Потемкина, рѣшился напасть на сильнѣйшій турецкій отрядъ. Эта смѣлая попытка не увѣнчалась успѣхомъ: Суворовъ былъ раненъ, наши обратили тылъ. Одинъ изъ самовидцевъ этого событія передавалъ С. Н. Глинкѣ,¹⁾ что когда наши разсѣянные ряды бѣжали, Суворовъ бросился на землю и закричалъ: «Чудобогатыри! васъ не отбили, а меня убили... Задавите, стойте!» Всѣ остановились, ближайшіе спѣшили его поднять, но Суворовъ самъ вскочилъ съ крикомъ: «Оживили, оживили!»

Эта попытка, даже если бы была успѣшна, могла возбудить

См. «Русское Чтеніе» 1842 г. Часть II, стр. 197.

неудовольствіе Потемкина; неудача-же навлекла съ его стороны Суворову вполнѣ справедливое замѣчаніе: «Солдаты не такъ дешевы,—писалъ ему князь Таврическій,—чтобы ими жертвовать по пустягамъ. Къ тому же, мнѣ странно, что вы въ присутствіи моемъ дѣлаете движенія безъ моего приказанія пѣхотою и конницею. Ни-за-что потеряно безцѣнныхъ людей столько, что ихъ бы довольно было и для всего Очакова. Извольте меня увѣдомлять, что у васъ происходитъ будетъ, а не такъ, что даже не прислали мнѣ сказать о движеніи впередъ». Сознывая свою вину, Суворовъ писалъ къ Потемкину письмо, напечатанное во всѣхъ его біографіяхъ («невинность не терпитъ оправданій» и т. д.), но, повидимому, съ дополненіями собственнаго сочиненія біографовъ. Слѣдующіе два черновые наброска писемъ Суворова къ Потемкину печатаемъ съ подлинниковъ:

„Какая вдругъ переменѣна милости вашей и что могу надѣяться въ случайныхъ смертному нещастіяхъ,¹⁾ когда нынѣ безвинно страдаю! Противна особа, противна дѣла. Съ честью я служилъ бы, м. г., но жестокія мои раны приносятъ съ собою, свѣтлѣйшій князь, утруждать вашу свѣтлость,²⁾ о испрошеніи милости вашей,³⁾ чтобъ изволили дозволить мнѣ на нѣкоторое время отдалиться къ сторонѣ Москвы для лучшаго излеченія оныхъ и поправленія моего ослабшаго здоровья,⁴⁾ съ жалованьемъ и моему стабу. Я явлюсь къ службѣ не замедлю.

„Voulez vous la vraie gloire? suivez les traces de la vertu. (Желаете ли истинной славы? Слѣдуйте стезями добродѣтели). Послѣдней не предавъ; первую замыкаю въ службѣ отечества. Для излеченія моихъ ранъ, поправленія здоровья отъ длинной кампаніи, я ѣду къ водамъ, вы меня отпускаете. Минераль ихъ ближе: въ обновленіи вашей милости! Св. в. защищайте простоправіе мое отъ ухищреніевъ⁵⁾ ближняго, противъ государственныхъ непріятелей. Я готовъ, милостивый государь! чрезъ 14 дней, ежели поможетъ Господь Богъ,⁶⁾ съ вѣчною преданностію и глубочайшимъ почитаніемъ по гробъ мой.⁷⁾

¹⁾ Слѣдующее загѣмъ слово: «впередъ» зачеркнуто.

²⁾ Три послѣднихъ слова написаны сверху строки.

³⁾ Зачеркнуто: «св.».

⁴⁾ «По укрѣпленіи котораго я къ службѣ явлюсь» зачеркнуто.

⁵⁾ Зачеркнуто: «люди».

⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: «чрезъ 10 дней».

⁷⁾ Эти черновые наброски руки кн. Суворова сохранились въ архивѣ его внука, кн. А. А., въ одной тетради съ письмами кн. Потемкина. Ред.

Письмо князя Потемкина — св. (В. Суворову.
(20 августа 1788 г., лагеря подь Очаковомь.)

(СНИМОКЪ СЪ ПОДЛЖНИКА.)

..... и везу
своего паче и в родимую страну и в мѣсто
мѣсто вѣдѣть, мои Друзья, сестры
и братья, и вѣдѣть, и вѣдѣть, и вѣдѣть
Друзья мои, и вѣдѣть, и вѣдѣть, и вѣдѣть
Друзья мои, и вѣдѣть, и вѣдѣть, и вѣдѣть
= 102 мм.

Генерал-фельдмаршалъ Суворовъ,

Для излеченія отъ раны Суворовъ удался въ Кинбургъ; отпускъ-же въ Петербургъ получилъ по взятіи Очакова. Бантышъ-Каменскій ошибочно относитъ неудачное его дѣло къ 28 августа и дѣлаетъ другую погрѣшность, обвиняя Потемкина въ продолжительной злобѣ на Суворова. Опроверженіемъ слѣдующіе документы:

Князь Потемкинъ — Суворову.

8-го августа.

„Милостивой государь мой, Александръ Васильевичъ. Болѣнъ быхъ и посѣтите мене. Евангеліе и долгъ военнаго начальника побуждаетъ пещись о сохраненіи людей. Когда вы возьмете трудъ надзирать лазареты, то врачи будутъ стараться паче. Предписанныя лекарства и наблюденіе чистоты суть средства наиудобнѣйшія къ пресѣченію. Я худо сплю отъ сей заботы, но надѣюсь на милость Божию и полагаюсь на ваши неуспынные труды, будучи съ истиннымъ почтеніемъ и чистосердечною привязанностію, вашего высокопревосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга кн. Потемкинъ-Таврическій“.

20-го августа.

„Изъ письма вашего къ Попову, я видѣлъ, сколько васъ тяготятъ обстоятельства мѣстныхъ болѣзней. Мой другъ сердешной, ты своей персоной больше десяти тысячъ. Я такъ тебя почитаю, и ей-ей говорю чистосердечно; отъ злыхъ же Богъ избавляетъ: онъ мнѣ былъ всегда помощникъ. Надежда моя не ослабѣваетъ, но стеченіе разныхъ хлопотъ теснитъ мою душу, и скажу вамъ правду, что сердце мое столь угнетено, что одна только помощь Божія меня утѣшаетъ. Что вы только придумать можете къ утѣшенію больныхъ, все употребляйте: я не жалѣю расходовъ. Вода ли дурна—прищипите способъ ее поправлять переваркою или укусомъ; винную порцію давайте всѣмъ. Въ жаркихъ мѣстахъ наружная теплота холодитъ желудокъ, то и должно ево согрѣвать спиртомъ.“

„Рекрутъ я на укомплектованіе приказалъ отправить, кои прежде мѣсяца не будутъ.“

„Какъ много въ Херсонѣ иностранныхъ, то скрывайте отъ нихъ число больныхъ, показывая, что много выздоровѣло.“

„Я далъ ордеръ отпустить все, что нужно на поправленіе казармъ, а за всѣмъ еще скажу вамъ, что мнѣ крайне нужно узнать, что слышно въ Очаковѣ. О семъ провѣдать можно чрезъ обыкновенно посылаемаго изъ Кинбурга, которому объявите, что я прика-

заль ему, сверхъ ево жалованья, производить на расходы еще 200 рублевъ; тому же, котораго къ вамъ прислалъ, содержаніе опредѣлю затѣмъ. Во всю жизнь пребуду вѣрный и покорный слуга, князь Потемкинъ-Таврическій“.

1-го сентября 1788 г.

„Показаніи вышедшаго изъ Очакова частію можетъ быть и справедливъ; частію же похожи и на хвастовство, турецкому народу свойственное. Ты, мой другъ сердешной, преодолѣйте своимъ усердіемъ ихъ замашки. Нельзя-ли какъ-нибудь удостовѣриться о истиннѣ новаго флота, въ правду-ли онъ прибылъ?“

„Я бы совѣтовалъ вамъ Мариупольской полѣе придвинуть ближе къ Кицбурну, поставя его тамо, гдѣ лутче вода и кормъ. Тоже Санкт-петербургской, когда прибудеть; Павлоградской-же оставьте у мосту. Казакамъ подтвердите бдѣніе имѣть не оплошно. Боже дай вамъ здорovie и помощь. Вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга, князь Потемкинъ-Таврическій“.

(Милостивому государю моему, Александру Васильевичу, его высокопревосходительству, Суворову. Въ Херсонѣ).

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДМИТРІЙ ЕФИМОВИЧЪ КУТЕЙНИКОВЪ,

атаманъ войска Донскаго

1827 — 1836.

7-го іюня 1827 года войсковою атаманъ, ген.-лейт. Алексѣй Васильевичъ Иловайскій, уволенъ отъ занимаемой имъ должности и на его мѣсто назначенъ находившійся тогда въ С.-Петербургѣ членомъ „Комитета объ устройствѣ войска Донскаго“, ген.-маіоръ Дмитрій Ефимовичъ Кутейниковъ, съ званіемъ наказнаго атамана, а на Дону временно исправлялъ эту должность ген.-маіоръ Иванъ Адріановичъ Адріановъ.

Въ августѣ того же года Адріановъ писалъ къ бывшему въ Петербургѣ члену упомянутаго комитета, Шамшеву, „что въ Новочеркасскѣ прибылъ бывший атаманъ Иловайскій; что въ Новочеркасскѣ дѣлаются тайныя и явныя неблагонамѣренныя сходбища, что въ нихъ участвуютъ полиціймейстеръ, пристава и квартальные; что чиновники сіи такъ сомнительны, что онъ находитъ нужнымъ перемѣнить ихъ, и что, по всему этому, пріѣздъ въ Новочеркасскъ новаго атамана (Кутейникова) необходимъ“.

На письмо это, тогда же доведенное до свѣдѣнія гр. Чернышева, Кутейниковъ отвѣчалъ Адріанову: „съ откровенностью долженъ сообщить вамъ, почтенный другъ Иванъ Адріановичъ, удивленіе мое, что при благоразумномъ управленіи вашемъ, могли возникнуть тайныя и явныя сходбища, неблагонамѣренныя, и существовать въ такой степени, что вы сами изволите считать необходимымъ перемѣнить полиціймейстера. Въ настоящее время, управляя войскомъ со всею властью мѣстнаго начальника, вы изволите имѣть въ рукахъ всѣ средства знать не только явныя, но и тайныя сходбища и, если цѣль ихъ неблагонамѣренная, тотчасъ уничтожать ихъ Почему обра-

щаюсь къ вамъ, м. г., со всепокорнѣйшею просьбою: до времени прибытія моего на Донъ, дѣйствовать съ твердостью начальника, отъ котораго зависитъ сохраненіе точнаго порядка и вѣрное исполненіе обязанностей каждымъ изъ его подчиненныхъ“. ¹⁾

Черезъ мѣсяць, по прибытіи въ гор. Новочеркасскъ, Кутейниковъ получилъ отъ Чернышева слѣдующее знаменательное письмо:

„М. г. Дмитрій Ефимовичъ! 2-й день октября (1827 г.) долженъ пребыть незабвеннымъ въ самомъ отдаленнѣйшемъ потомствѣ храбрыхъ донскихъ казаковъ, вѣреннаго начальству в. п. Государь императоръ, во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ заслугамъ вѣрнаго и мужественнаго донскаго войска, соизволилъ изъяснить новое высочайшее благоволеніе свое—назначеніемъ въ сей день Его Императорскаго Высочества, Наслѣдника, Великаго Князя Александра Николаевича, атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, въ томъ числѣ и главнѣйшаго—донскаго“.

По поводу этого письма и вслѣдствіе полученнаго тогда же Кутейниковымъ высочайшаго рескрипта, онъ писалъ Чернышеву: „Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ я неизъяснимое счастье получить высочайшій рескриптъ о дарованіи Богомъ и всемилостивѣйшимъ государемъ, всѣмъ казачьимъ войскамъ, атамана. Преклоняю съ умиленіемъ сердечное благодареніе Е. И. В. за толикія щедроты и милости къ войску донскому,—милости, по истинѣ, неизрѣченныя и всѣ донынѣ бывшія превосходящія“.

¹⁾ По разсказамъ современниковъ, эти «сходбища» были ничто иное, какъ сочувственныя посѣщенія Алексѣя Васильевича Пловайскаго людьми, обязанными бывшему атаману,—посѣщенія, не имѣвшія ничего такого, что вызвало бы на нихъ вниманіе правительства, но въ этихъ посѣщеніяхъ бывшаго атамана участвовалъ Василій Дмитріевичъ Сухоруковъ, нѣкогда близкій человѣкъ къ Чернышеву, а теперь находившійся въ опалѣ отъ него за преданность Пловайскому, за сочувствіе въ его протестъ, вышедшемъ, по убѣжденію Чернышева, именно изъ-подъ пера Сухорукова. Андрияновъ, человѣкъ суроваго и до крайности безцеремоннаго характера, получивъ вышеприведенное письмо новаго атамана, вызвалъ къ себѣ всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ Пловайскаго, строго запретилъ имъ бывать у него и велѣлъ полиціи тщательно слѣдить за всѣми шагами ихъ, а вскорѣ затѣмъ прибывшій въ Новочеркасскъ атаманъ Кутейниковъ приказалъ опечатать бумаги Сухорукова и, потомъ, отправилъ его въ Грузію, въ одинъ изъ донскихъ полковъ, служившихъ тамъ и находившихся тогда въ кампаніи противу персіянъ. Высылка Сухорукова остановила прекрасный трудъ его по составленію исторіи войска Донскаго; всѣ собранные для этой цѣли, въ различныхъ архивахъ, историческіе матеріалы, веліко передать находившемуся тогда въ Новочеркасскѣ по жезловымъ дѣламъ Донскаго края, генералу Богдановичу, съ тѣмъ, чтобы подъ его руководствомъ продолжалось составленіе исторіи войска Донскаго съ сотрудниками Сухорукова—Кучеровымъ, Кущнаревымъ и Посновымъ.

По случаю этой царской милости, донское войско принесло Богу торжественное благодарное молебствіе, въ г. Новочеркасскѣ и во всѣхъ станицахъ, и рѣшило построить въ Новочеркасскѣ церковь во имя св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

Кутейниковъ атаманствовалъ потомъ болѣе 8-ми лѣтъ, по мартъ мѣсяцъ 1836 года, и современники рисуютъ чрезвычайно грустную картину атаманства Кутейникова. По словамъ ихъ оно отличалось полною безцвѣтностію войсковою администраціи: ни къ чему, въ донскомъ краѣ, не было приложено никакого улучшенія; все шло по старой, избитой колѣѣ; на всемъ лежала печать какой-то апатіи, какого-то застоя, какого-то монотоннаго существованія. Не было въ Новочеркасскѣ никакихъ общественныхъ собраній, никакихъ частныхъ вечеровъ; все сидѣло въ своей семьѣ, всѣ дома имѣли видъ монастырской замкнутости; замѣчалось даже, что всякая попытка къ просвѣщенію юношества встрѣчала у войскового начальства скорѣе укоръ, чѣмъ поощреніе: „дѣды и отцы наши не были учеными, а заслуживали и себѣ честь и войску донскому славу лучше всякихъ ученыхъ“—обыкновенно слышалось въ такихъ случаяхъ. Самъ атаманъ нигуда не выѣзжалъ, да и домъ его былъ открытъ только для родственниковъ, а когда, въ 1830 году, постигла донской край холера, то атаманъ поспѣшилъ уѣхать на кавказскія минеральныя воды и въ это тяжелое время должность его исправлялъ ген.-маіоръ Максимъ Григорьевичъ Власовъ, проявившій величайшую дѣятельность въ мѣрахъ къ облегченію народнаго бѣдствія отъ эпидеміи; равнымъ образомъ, когда, въ 1833 году, постигло край другое бѣдствіе—неурожай хлѣба и травъ, то со стороны атамана распоряженія были до такой степени слабыя, что правительственныя пособія хлѣбомъ и деньгами весьма въ немногихъ мѣстахъ дошли до голодающихъ жителей и разхищены мелкими властями; но что атаманствованіе Кутейникова одобрялось военнымъ министромъ Чернышевымъ и заслуживало отъ него засвидѣтельствованіе объ отличной службѣ Кутейникова, доказывается полученными Кутейниковымъ, за упомянутый періодъ времени, наградами: чинъ генерал-лейтенанта, орденъ св. Владиміра 2-й ст., орденъ св. Александра Невскаго, чинъ генерала отъ кавалеріи, алмазные знаки орд. св. Александра Невскаго и единовременная денежная награда въ 30 т. рублей.

Въ 1835 году, по поводу ссоры Кутейникова съ начальникомъ войскового штаба, ген.-маіоромъ Николаевымъ, возникло охлажденіе отношеній Чернышева къ Кутейникову: вмѣсто Николаева (донскаго угроженца) назначенъ начальникомъ штаба ген.-маіоръ Бердяевъ (не изъ донцовъ) и предсѣдателю донской межевой комисіи, генералу

Богдановичу, поручено было Чернышевымъ — увѣдомлять его обо всѣхъ дѣйствіяхъ Кутейникова и о всемъ, происходящемъ въ войскѣ донскомъ. Въ то же время настала и важная для донскаго края эпоха—обнародованіе и приведеніе въ дѣйствіе новаго „Войскового Положенія“.¹⁾

Для совершенія этого событія были отправлены на Донъ сенаторы: генерал-лейтенантъ Борисъ Яковлевичъ Княжнинъ и извѣстный уже донскому краю т. с. Василій Ивановичъ Болгарскій. По прибытіи ихъ въ Новочеркасскъ, Чернышевъ писалъ находящемуся тамъ генералу Богдановичу, чтобы онъ увѣдомлялъ „о вліяніи, какое произвело на донцовъ „новое положеніе“, а также и прибытіе въ войско начальника штаба, ген.-маіора Вердяева, и, вообще, какъ будутъ дѣйствовать сенаторы“.

Письмо это застало Богдановича больнымъ, при смерти, почему и было возвращено не распечатаннымъ.

Сенаторъ Княжнинъ, 25-го ноября 1835 года, писалъ изъ Новочеркасска къ бывшему тогда директору департамента военныхъ поселеній, Клейнмихелю:

„Проектъ церемоніала (предъявленія войску донскому „Новаго Положенія“) я имѣлъ честь представить графу Александру Ивановичу (Чернышеву), а Василій Ивановичъ (Болгарскій)—составленную имъ рѣчь; онъ ее мнѣ читалъ; она очень вразумительна и желательно, чтобы утвержденіе церемоніала, заранѣе гораздо новаго (1836) года, было сюда возвращено, чтобы имѣть время учредить порядокъ.

„Для пользы государства и здѣшнихъ дворянъ полезно было бы—здѣсь учредить донской кадетскій корпусъ, въ которомъ бы обучались дѣти благородныхъ людей.

„Тоже здѣсь нѣтъ никакого заведенія для образованія благородныхъ дѣвицъ, и хотя я здѣсь недавно, но замѣтилъ, что здѣшнія дамы, по плохому воспитанію, лѣность считаютъ—добродѣтелью, а праздность—упражненіемъ.

„Новочеркасскъ—городъ пустой, унылый; дороговизна большая и ничего нельзя найти порядочнаго. Изъ помѣщиковъ никто здѣсь не живетъ. Я самъ, опытомъ убѣжденъ, что графъ Платовъ сдѣлалъ непростительный поступокъ, построив городъ на такомъ мѣстѣ,²⁾ гдѣ

¹⁾ Положеніе это высочайше утверждено 26-го мая 1835 г. Н. К.

²⁾ Изъ особаго дѣла по этому предмету видно, что въ 1837 году, наказному атаману Власову, высочайше повѣлено—составить ко времени приѣзда императора на Донъ (въ томъ же году) записку: слѣдуетъ-ли оставить Новочеркасскъ на прежнемъ (теперешнемъ) мѣстѣ, или перенести его въ Аксайскую станцію. Власовъ написалъ свой докладъ уклончиво, выхваляя хорошія стороны какъ

нѣтъ направленія дороги для торга, гдѣ нѣтъ пристани и даже порядочной воды для употребленія. Соборъ, на который потрачены сотни тысячъ, нѣсколько лѣтъ стоитъ недостроеннымъ, ибо происходитъ споръ: срыть-ли его, или достроить, а между тѣмъ онъ каждый годъ приходитъ въ упадокъ и, дѣйствительно, когда я его смотрѣлъ, то онъ въ середину осѣлъ; но, кажется, нѣтъ причины его срывать, какъ сказывалъ атаманъ. ¹⁾

„Извѣстный чиновникъ, П...ъ, попричихъ; но со всѣмъ тѣмъ имѣеть большое вліяніе на атамана, который—человѣкъ добрый, храбрый въ бою; но не твердъ противъ его окружающихъ“.

Въ свою очередь и сенаторъ Болгарскій писалъ тогда же графу Чернышеву: „Здѣсь есть люди (впрочемъ, ихъ мало и мало вѣсу они имѣютъ), которые по угламъ позволяютъ себѣ говорить, что порядокъ управления и прежде былъ хорошъ, а угодно было намъ назвать его дурнымъ; что правила, введенныя въ „положеніе“, и прежде существовали, а только не были собраны въ одно цѣлое, и что, если бы точно были такія неурядица, которыя бы вредили общей пользѣ, то казаки стали бы жаловаться, да и сами атаманы, по долгу присяги и совѣсти, не молчали бы о томъ“. Слѣдовательно, по мнѣнію моему, указаніе на главные злы—необходимо. такъ какъ и на то, что сами атаманы представляютъ объ исправленіи ихъ...

„По доходящимъ свѣдѣніямъ всѣ казаки ²⁾ обрадованы новымъ положеніемъ и съ нетерпѣніемъ желаютъ видѣть и читать его.“

„Атаманъ, въ образѣ мыслей своихъ, кажется нисколько не измѣнился. Онъ преданъ вашему сіятельству всею душою и нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ вопросомъ: не изволите-ли вы за что гнѣваться на него? На это я ему отвѣчалъ, что собственно противъ него я вашего неудовольствія не замѣтилъ, а недовольны вы дежурнымъ его штаб-офицеромъ, за злоупотребленіе довѣренностію своего начальника—добраго вообще и благонадежнаго въ особенности для него; на сіе онъ сказалъ только со вздохомъ:

Что же мнѣ дѣлать? самъ я не знаю, а добраго человѣка не могу найти“.

Здѣсь, кстати, приведемъ и выдержки изъ записки начальника штаба, Бердяева:

Новочеркаской мѣстности, такъ и Авсайской станицы. Императоръ осмотрѣлъ ту и другую мѣстности, а также строящійся въ Новочеркаскѣ соборъ, въ которомъ образовалась трещина, и потомъ на докладѣ Власова положилъ высочайшую резолюцію: «оставить Черкасскъ на прежнемъ мѣстѣ». Н. К.

¹⁾ Соборъ этотъ, послѣ 1835 года, уже два раза обваливался. Н. К.

²⁾ Т. е. нижніе чины.

Н. К.

„1) Сколько можно замѣтить и узнать стороннимъ образомъ, войско донское довольно „новымъ положеніемъ“ и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ введенія онаго; не желать его могутъ только тѣ люди, которые чрезъ запятнанныя дѣйствія извлекли свои интересныя пользы; 2) были сперва недовольны назначеніемъ меня въ начальники штаба; 3) приближенные атамана ко мнѣ очень холодны; 4) всѣ классы людей между собою не въ согласіи: богатое дворянство—отдѣлено отъ бѣднаго; торговые казаки—составляютъ особенное общество, а служилые казаки—въ пренебреженіи и, кажется, что чиновники не стараются быть исправными къ службѣ“.

Вскорѣ затѣмъ сенаторъ Княжнинъ писалъ къ Чернышеву: „Доложу откровенно в. с., что атаманъ совершенно опустился. Ограниченность способностей его для гражданскаго управленія, конечно, видна была и прежде, и въ чемъ онъ самъ всегда сомнѣвался; но вознаграждалось сіе, по крайней мѣрѣ, усердіемъ и рвеніемъ его къ общему благу и личнымъ его безкорыстіемъ. Теперь, напротивъ того, выказывается въ немъ совершенная насчетъ всего беззаботность, малодушіе и даже какая-то робость; а между тѣмъ близкіе къ нему дѣлаютъ что хотятъ и, особенно, дежурный штаб-офицеръ П., какъ будто присягнувшій быть по всей возможности дурнымъ. По сему, смѣю повторить в. с., что удаленіе его отсюда, подъ какимъ-либо предлогомъ, есть одна изъ главныхъ необходимостей, чтобы дѣйствовать намъ съ пользою.“

„Супруга атамана, по нездоровью, изъ спальни не выходитъ и никто еще изъ насъ до сихъ поръ не видалъ ее. По словамъ же нѣкоторыхъ (впрочемъ, за достовѣрность сего поручиться не могу), будто бы кроется тутъ простое нежеланіе ея видѣться съ нами, по причинѣ той, что когда было здѣсь получено свѣдѣніе о назначеніи насъ, то сіе такъ сильно ее встревожило, что слегла она въ постель. Она, яко бы, увѣрена была,—да и многіе изъ приверженныхъ къ нимъ были того же мнѣнія,—что приведеніе „положенія“ въ дѣйствіе предоставлено будетъ не другому кому, какъ самому атаману, потому болѣе, что онъ есть и членъ комитета“.

Затѣмъ сенаторъ Болгарскій писалъ къ Чернышеву, между прочимъ: „При семъ случаѣ не смѣлъ я не довести до свѣдѣнія в. с. и нижеслѣдующее обстоятельство, сочтенное мною достойнымъ вашего вниманія. Въ оба высокаторжественные дни,—20-го ноябрю и 6-го декабря,—атаманъ не былъ въ соборѣ, ни у обѣдни, ни у молебна, отзываясь болѣзною; между тѣмъ въ оба сіи дня, поутру, принималъ всѣхъ, а 20-го ноябрю приглашалъ и къ обѣду, гдѣ и мы были. Обѣдъ былъ довольно продолжительный и, однако, не примѣтно было,

чтобы онъ тѣмъ тяготился. 21-го ноября онъ былъ въ Александровской церкви (также холодной, какъ и соборъ) и простоялъ въ ней всю обѣдню и молебенъ, въ память святителя Митрофанія. 5-го декабря онъ ѣздилъ на погребеніе сестры своей, въ Старочеркасскъ, и въ тотъ же день возвратился... Все сіе поставило насъ въ опасеніе, чтобы атаманъ не поступилъ такимъ же образомъ и въ новой годъ, и какъ я больше съ нимъ знакомъ, нежели сенаторъ Княжнинъ и начальникъ штаба, то и просили они меня объясниться съ нимъ на счетъ сего, наединѣ, и со всею откровенностью,—показавъ ему, если бы дѣйствительно было въ немъ замѣтное нерасположеніе быть 1-го января въ церемоніаль,¹⁾ съ одной стороны—неблаговидность сего, а съ другой—что сіе могло бы возбудить и въ казакахъ разные толки, во всякомъ случаѣ для него непріятныя“.

Сенаторы предлагали атаману носить сюртукъ, если мундиръ ему тѣсенъ.

Въ то же время, въ письмахъ Болгарскаго къ Чернышеву, часто упоминается о болѣзни генерала Богдановича. По словамъ Болгарскаго „Богдановичу въ особенности помогъ образокъ св. Митрофанія, положенный подъ его подушку: уже священникъ пришелъ читать отходную, когда проснувшійся больной сказалъ: „какой я видѣлъ прекрасный сонъ!“ и затѣмъ, вмѣсто отходной, служили молебенъ св. Митрофанію“.

Между тѣмъ, о днѣ церемоніала введенія въ дѣйствіе „Новаго Войскового Положенія“ дано знать во всѣ округа (уѣзды) донскаго края и начали съѣзжаться въ Новочеркасскъ донскіе дворяне, станичные атаманы и депутаты отъ каждой станицы.

Насталъ день 1-го января 1836 года и, въ соборному новочеркасскому храму выступила изъ дома войсковой канцеляріи процессія знаменъ и грамотъ, жалованныхъ войску донскому монархами Россіи; въ средѣ этихъ клейнодовъ начальникъ штаба, обруженный ассистентами и сопровождаемый сенаторами, несъ, на бархатной подушкѣ вставленное въ золотой переплетъ, новое „Войсковое Положеніе“. Предъ входомъ въ храмъ встрѣтилъ эту процессію донской архіепископъ съ прочимъ духовенствомъ, и потомъ, по прочтеніи въ войсковомъ кругу указа правительствующаго сената о дарованіи войску донскому новаго закона, войсковой нагазный атаманъ, Кутейниковъ, поцѣловалъ (по древнему обычаю) находящуюся на „Войсковомъ Положеніи“ собственноручную „Высочайшую Конфирмацію“.

¹⁾ 1-го января 1836 года предполагалось опубликовать „Новое войсковое положеніе“.

Послѣ того, отъ лица обоихъ сенаторовъ произнесена была рѣчь, въ которой они послѣдовательно входили въ разборъ дарованныхъ войску привилегій. Рѣчь эта начиналась слѣдующими словами:

„Его императорское величество, во всемилостивѣйшемъ вниманіи въ знаменитымъ подвигамъ и отличнымъ заслугамъ вѣрнаго и храбраго войска донскаго, не только соизволилъ торжественно подтвердить въ высочайшей грамотѣ ненарушимость и неприкосновенность всѣхъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ ему всепресвѣтлѣйшими его величества предками.... но нынѣ, въ довершеніе всѣхъ тѣхъ милостей, даровалъ ему и новый законъ, содержащійся въ высочайше утвержденномъ 26-го мая минувшаго 1835 года положеніи“.

Равнымъ образомъ и въ отданномъ того же 1-го января 1836 года войсковымъ наказнымъ атаманомъ приказѣ по донскому войску, исчислены всѣ пользы „Новаго положенія“. Такъ, между прочимъ, въ немъ сказано: „многія изъ станицъ имѣютъ нынѣ во владѣніи своемъ только отъ 11-ти до 8-ми и даже 6-ти десятинъ земли на душу; но по новому положенію всѣ вообще станичные юрты получаютъ лучшей, удобной земли, не менѣе 30-ти десятинъ на каждую душу урядниковъ и казаковъ, и надѣленіе сіе производимо будетъ немедленно по собраніи послѣднихъ свѣдѣній о настоящемъ числѣ поселеній въ каждой станицѣ. Внутри станичнаго юрта никто и ни подъ какимъ предлогомъ, кромѣ своихъ станичниковъ, не будетъ имѣть права пользоваться землею, колыми паче заводить на ней хутора и поселки“.

Пушечная пальба и колокольный звонъ всѣхъ новочеркасскихъ церквей заключили торжество объявленія войску новаго закона, а наличное дворянство донское тогда же составило слѣдующій адресъ:

„Дворянство донскаго войска, торжествуя нынѣ несказанное благополучіе, коимъ осчастливили его высокомонаршія щедроты, не находятъ ничѣмъ пристойнѣе ознаменовать восторгъ свой и пламенную признательность къ благотворному отцу отечества, какъ ревностною готовностью оправдать высокія его предначертанія, почему, желая на будущее время представлять на службу его императорскаго величества дѣтей и внуковъ своихъ достойными толикихъ милостей и запечатлѣть въ нихъ съ самого младенчества безконечную приверженность къ особѣ обожаемаго монарха и ко всей его августѣйшей фамиліи, коею нынѣ оно преисполнено во глубинѣ душъ своихъ,—покорнѣйше просить ихъ превосходительства, гг. сенаторовъ, повергнуть передъ престоломъ великаго государя вѣрноподданнѣйшую просьбу—о дозволеніи устроить въ Новочеркасскѣ военное училище, удостоенное дражайшимъ именемъ его императорскаго высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича, августѣйшаго атамана нашего, на

первоначальное обзаведеніе котораго собравшіеся здѣсь наличные дворяне принесли единодушно по рублю съ каждой, состоящей за ними ревизской души, и, сверхъ того, при первомъ случаѣ, составили добровольное пожертвованіе до 5.000 руб., причемъ, приглашая къ тому же и отсутствующихъ дворянъ, питаютъ себя твердою надеждою, что никто изъ сыновъ Дона не откажется раздѣлить пламенное ихъ движеніе“. ¹⁾)

Несмотря на всю торжественность, сопровождавшую церемоніаль объявленія войску новаго „Положенія“, сенаторы не находили, однако-жь, достаточнаго сочувствія въ донскомъ дворянствѣ къ радости совершившагося событія. Такъ, въ письмѣ сенатора Болгарскаго къ графу Чернышеву отъ 5-го января 1836 года, между прочимъ, заключается слѣдующее:

„Чиновники, ²⁾) напротивъ того, какъ во время открытія войскового правленія, такъ и послѣ произнесенной отъ насъ рѣчи, не нашлись, или справедливѣе „не хотѣли“ сказать ни одного слова и всѣ, кромѣ избранныхъ въ должности, на другой и третій день новаго года разѣхались по своимъ поселкамъ и хуторамъ, такъ, что мы видѣли ихъ только въ два—слѣланнныя послѣ—минутныя посѣщенія, по приѣздѣ сюда и при отъѣздѣ отсюда.

„Изъ семействъ же ихъ, во всю нашу бытность, никто здѣсь и глазъ не показаль; впрочемъ, многіе сіе послѣднее относятъ и къ тому, что супруга атамана никогда никого изъ нихъ не принимаетъ и сіе мы сами теперь видимъ на пребывающихъ здѣсь семействахъ, не говоря уже, что и мы, проживая въ Новочерваскѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, еще ни однажды не видѣли ее, какъ между тѣмъ слышимъ, что родные и приближенные посѣщаютъ ее довольно часто и она совсѣмъ не такъ больна, какъ Дмитрій Ефимовичъ ее описываетъ.

„Изъ находящихся въ войскѣ на лицо старыхъ генераловъ-помѣщиковъ, какъ-то: генералы—Денисовъ, ³⁾) Иловайскіе, Сысоевъ, Пантелѣевъ и другіе, не были ни при выборахъ, ни въ новый годъ, какъ между тѣмъ изъ Иловайскихъ,—Осипъ,— во все время бываль и теперь бываетъ въ разныхъ домахъ.

¹⁾ На устройство военного училища въ гор. Новочерваскѣ государь не соизволилъ, а на собранныя донскими дворянами деньги повелѣно имѣть нѣсколько стипендій для донскихъ уроженцевъ въ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ. Н. Е.

²⁾ Въ новомъ войсковомъ положеніи чиновниками именуется всѣ офицеры войска Донскаго. Н. Е.

³⁾ Адриянъ Карновичъ, бывший въ 1818—1821-хъ гг. войсковымъ атаманомъ и съ тѣхъ поръ жившій въ имѣніи своемъ, дряхлымъ и болѣзненнымъ. Н. Е.

„По всему тому и по многимъ безпорядкамъ, вновь здѣсь допущеннымъ, ежели не отъ участія въ томъ самой войсковой власти, то отъ совершеннаго ея послабленія и бездѣйствія, сенаторъ Княжнинъ и я, признаемъ не только за полезное, но даже за необходимое, чтобы атаманъ уволенъ былъ отъ управленія войскомъ, да и вся его канцелярія, кромѣ двухъ или трехъ человекъ, замѣщена была бы другими лицами, а иначе и новое „положеніе“ подверглось бы той же жалкой участи, какъ и всѣ прежнія установленія. Можетъ быть, онъ, самъ по себѣ, особенно при наблюденіяхъ нынѣшняго начальника штаба, могъ бы еще оставаться, хотя на короткое время,— ежели не приноситъ пользу, то по крайней мѣрѣ не быть вреднымъ,— но, по несчастью, онъ совершенно подчинился супругѣ своей, а она, кромѣ того, что величайшая интриганка и ненавидитъ насъ отъ всего сердца, — о чемъ я прежде в. с. объяснял, — есть женщина самая корыстолюбивая и потому имѣетъ сильное и довольно вредное вліяніе и на разныя части войскового хозяйства, особенно при посредствѣ П. . . , почему я и положилъ съ Борисомъ Яковлевичемъ (Княжнинымъ): объ, отъ в. с. высланныя намъ, бумаги, на будущей недѣлѣ привести въ дѣйствіе. А какъ нѣтъ сомнѣнія, что атаманъ послѣ сего тотчасъ отзовется больнымъ и, можетъ быть, сдавъ начальство надъ войскомъ начальнику штаба, отправить и просьбу объ увольненіи его, то здѣсь опять возникнетъ вопросъ: кѣмъ же онъ можетъ быть замѣненъ?

„Ваше сіятельство нѣкогда изволили намекать о ген. В. Лично я не знаю его; но считаю себя обязаннымъ довести до вашего свѣдѣнія, что здѣсь слышны о немъ отзывы не совсѣмъ для него выгодные, а именно: что онъ также много наклоненъ къ видамъ корысти. Слышно также, что онъ скоро сюда прибудетъ и что, будто бы, есть его намѣреніе (чего, впрочемъ, не выдаю за достовѣрное) вступить въ бракъ съ 40-лѣтнею дѣвицею Л. . . . , дочерью бывшаго участника по питейному откупу. Если все то правда, то казаки опять будутъ страдать и заставить необходимость опять помышлять о новомъ для нихъ начальникѣ“.

По случаю обнародованія въ войскѣ донскомъ „Новаго положенія“, атаману Кутейникову пожалованы, при особомъ высочайшемъ рескриптѣ, алмазные знаки ордена Александра Невскаго, и Чернышевъ по этому поводу писалъ ему:

„Поспѣшаю препроводить къ вашему высокопревосходительству всемилоствѣйше пожалованные вамъ алмазные знаки ордена св. Благовѣрнаго Великаго князя Александра Невскаго.

„Изъ послѣдовавшаго къ вамъ высочайшаго рескрипта, вы усмо-

трѣтъ изволите, что его императорское величество, награждая справедливо заслуги ваши и труды по содѣйствію къ составленію „Новаго Войсковаго Положенія“, вмѣстѣ съ тѣмъ изволить требовать отъ васъ, какъ наказнаго атамана войска сего, чтобы „Положеніе“ сіе приведено было въ дѣйствіе дѣятельно, успѣшно и соотвѣтственно во всемъ важности и цѣли, съ коею оно издано. Трудъ сей не маловаженъ, какъ по степени исполненія воли монаршей, такъ и по отвѣтственности.

„Зная настоящее состояніе здоровья вашего, разстроеннаго отъ полученныхъ въ сраженіяхъ ранъ и отъ долговременнаго служенія,—на что вы неоднократно въ письмахъ ко мнѣ жаловались, — я, по всегдашнему дружескому къ вамъ расположенію, невольно долженъ обратиться къ мысли и вопросу: дозволить-ли вамъ таковое состояніе здоровья вашего выполнить въ строгомъ смыслѣ и съ необходимою дѣятельностью новую, многотрудную обязанность, вамъ предлагающую? Вопросъ сей должны рѣшить: степень здоровья, а еще болѣе, собственныя ваши чувства—будете ли имѣть достаточную силу, какъ душевную, такъ и тѣлесную, для дѣйствія и непрерывнаго направленія всѣхъ и каждаго къ предлагающей цѣли. Искренно увѣрю васъ, что буду радоваться, ежели признаете въ себѣ необходимую въ семъ случаѣ твердость, и съ удовольствіемъ буду, по званію моему, содѣйствовать трудамъ вашимъ по войску, въ коемъ принимаю живѣйшее участіе. Но если, напротивъ, вы не найдете въ себѣ полной и твердой увѣренности къ успѣшному перенесенію сихъ новыхъ трудовъ, то я, съ тою же дружескою откровенностью долженъ сказать, что лучше теперь, когда еще не приступлено къ дѣйствіямъ по новому войсковому положенію, просить всемилостивѣйшаго государя императора объ увольненіи васъ отъ настоящаго званія, нежели впослѣдствіи поставить себя въ сугубое затрудненіе и допустить какое-либо упущеніе, которое хотя и не можетъ быть умышленно, но между тѣмъ не можетъ быть и извинительно.

„Его императорское величество всегда уважалъ заслуги ваши, и если вы рѣшитесь представить нынѣ его величеству настоящее положеніе свое, то государь императоръ, конечно, будетъ снисходителенъ къ справедливому прошенію вашему“.

Въ то же время Чернышевъ писалъ сенатору Княжину: „Предваряя о семъ васъ, м. г., такъ какъ все порученное вамъ и сенатору Болгарскому есть общее, я прошу васъ: прочитавъ посылаемую копію съ письма моего къ наказному атаману, дѣйствовать въ семъ случаѣ вмѣстѣ съ Василиемъ Ивановичемъ (Болгарскимъ) въ духѣ содержанія письма и пользы самой службы“.

Вскорѣ затѣмъ послана изъ департамента военныхъ поселеній на имя войскового наказнаго атамана Кутейникова бумага слѣдующаго содержания:

„Государь императоръ, вслѣдствіе дошедшихъ до его императорскаго величества свѣдѣній, что многіе изъ помѣщиковъ войска донскаго,—въ числѣ коихъ къ сожалѣнію, оказываются нѣкоторые изъ гг. генераловъ и штаб-офицеровъ сего войска,—не присутствовали ни на бывшихъ выборахъ, ни даже при открытіи 1-го января новыхъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ въ г. Новочеркасскѣ, что самое служить доbazательствомъ, что они не восчувствовали тѣхъ милостей, кои дарованы имъ высочайше утвержденнымъ, 26-го мая 1835 года, „положеніемъ объ управленіи донскаго войска“, высочайше повелѣтъ соизволилъ: сообщить вашему высокопревосходительству, дабы доставить списоebъ лицамъ сего войска, кои должны были находиться при выборахъ и торжествахъ 1-го сего января, но на оныя не прибыли,—съ означеніемъ противу каждаго ясныхъ и законныхъ причинъ неприѣзда“.

Изъ объяснительнаго по этой бумагѣ рапорта Кутейникова военному министру, между прочимъ, видно:

„Но, чтобы ожиданіемъ сихъ свѣдѣній (о не прибывшихъ на церемоніаль) не поставитъ в. с. въ неизвѣстность о настоящемъ положеніи дѣла сего, я, донося теперь о причинѣ, останавливающей представленіе списка, обязанностью поставляю почтеннѣйше в. с. доложить и объ обстоятельствахъ, кои предшествовали, или сопровождали выборы и торжество, кои, по всей справедливости, болѣе или менѣе имѣли вліяніе на не полноту ихъ.“

„По неясному толкованію отзыва войскового депутата,¹⁾ окружныя собранія расположились ограничиться посылкою отъ себя по 12-ти депутатовъ, а съ другой стороны, многіе изъ чиновниковъ, удрученные старостью лѣтъ и другими болѣзненными припадами, нѣкоторые же, хотя и помѣстные, по прикосновенности къ разнымъ дѣламъ, по закону не имѣли права быть въ собраніи, наконецъ, время года, сопровождаемое постоянными, судя по здѣшнему климату, жестокими холодами,—все сіе, въ совокупности, дѣйствительно не могло не ослабить той важности и торжественности, какія, по событію, и при выборахъ, и при открытіи присутственныхъ здѣсь мѣстъ, должны бы были; но все сіе случилось болѣе по стеченію обстоятельствъ, нежели отъ другихъ какихъ-либо причинъ“.

Потомъ атаманъ Кутейниковъ испрашивалъ соизволеніе государя

¹⁾ Такъ тогда назывался предводитель дворянства войска Донскаго. Н. Е.

императора—прислать отъ донскаго войска депутацію. для принесенія его величеству всеподданѣйшей благодарности за оказанную войску милость дарованіемъ ему новаго положенія—что и было разрѣшено.¹⁾

Что касается до письма графа Чернышева къ атаману Кутейникову—что введеніе въ дѣйствіе „Новаго Войсковаго Положенія“ требуетъ усиленной дѣятельности, и если таковая дѣятельность не по силамъ уже Кутейникова, то Чернышевъ дружески совѣтуетъ ему просить увольненія отъ должности,—то на это письмо Кутейниковъ 13-го января (того же 1836 г.) отвѣчалъ Чернышеву:

„Ясно видя изъ онаго (письма) преждее, постоянное вашего сіятельства ко мнѣ благоснисхожденіе, могу-ли я быть предъ вами неоткровеннымъ? Я забылъ бы тогда всѣ милости и благодѣянія вашего сіятельства ко мнѣ; но я неспособенъ къ сему. Честью увѣряю ваше сіятельство, что высокое участіе ваше ко мнѣ много оживляетъ меня; только со всею искренностью и откровенностью долженъ сознаться предъ вами, сіятельнѣйшій графъ, что настоящая должность, всемилостивѣйше на меня возложенная, не отвѣчаетъ ни лѣтамъ моимъ, ни здоровью, ни способностямъ. Я давно помышлялъ уже объ испрошеніи увольненія отъ службы, и одна только боязнь, какъ бы не навлечь на себя гнѣва отъ всемилостивѣйшаго государя императора, удерживала меня. Теперь же, пользуясь благодѣтельнымъ совѣтомъ вашего сіятельства, я, въ полной увѣренности на доброе ваше поученіе обо мнѣ, отправляю съ симъ же вмѣстѣ, при рапортѣ моемъ къ в. с., всеподданѣйшее прошеніе мое на Высочайшее Е. И. В. имя, объ увольненіи меня вовсе отъ службы.

„Сіятельнѣйшій графъ! Вы изволили меня знать; я и теперь одинъ и тотъ же, и не перемѣняюсь. Убѣждаю васъ Богомъ—не отказать мнѣ въ просимой мною милости и быть увѣреннымъ, что я былъ и буду благодаренъ и преисполненъ чувствъ глубочайшаго къ особѣ вашего сіятельства высокопочитанія и душевной преданности, навсегда“.

Вслѣдствіе этого отвѣта, Кутейниковъ получилъ отъ Чернышева офиціальную бумагу:

„Е. И. В., приемля во всемилостивѣйшее вниманіе разстроенное состояніе здоровья вашего, не позволяющее вамъ нести болѣе трудовъ по вашему званію, изволилъ изъявить высочайшее согласіе на

¹⁾ За труды по составленію «Войсковаго положенія», графу Чернышеву высочайше предоставлено носить мундиръ войска Донскаго: а войско это, на собранную по подлинкѣ сумму, поднесло ему богато-украшенную саблю, съ изображеніемъ на ней боевыхъ подвиговъ его съ Донскими полками въ 1812—1815 гг. Н. К.

увольненіе васъ отъ онаго. Между тѣмъ, отдавая полную справедливость достойному, отлично полезному и усердному служенію вашему и желая явить вамъ въ семь случаевъ новый опытъ постоянного благоволенія, государь императоръ, вмѣстѣ съ увольненіемъ васъ отъ всѣхъ занятій, высочайше повелѣтъ дозволилъ—считать васъ въ дѣйствительной службѣ.

„Преемникъ вашему высокопревосходительству въ званіи наказнаго атамана, государемъ императоромъ назначенъ будетъ въ непродолжительномъ времени; но его величеству благоугодно, чтобы до прибытія его къ должности, вы, не слагая съ себя управленія войскомъ, завѣдывали онымъ, безъ измѣненій въ нынѣшнемъ порядкѣ“.

За тѣмъ, 10-го февраля 1836 г., высочайше повелѣно:

„1) Генерала отъ кавалеріи Кутейникова, по болѣзненному состоянію, согласно прошенію его, уволить отъ званія наказнаго атамана; 2) выдать ему, въ единовременное пособіе, тридцать тысячъ рублей изъ войсковыхъ суммъ; 3) исправляющимъ должность наказнаго атамана войска донскаго назначить походнаго атамана казачьихъ полковъ дѣйствующей арміи, генерал-лейтенанта Власова.“¹⁾

Въ одномъ изъ писемъ сенатора Болгарскаго къ Чернышеву, между прочимъ, содержится:

„Прежде уже в. с. я имѣлъ честь донести, что праздникъ торговцевъ (донскихъ купцовъ) былъ причиною назначеннаго на 14-е число, и дѣйствительно въ тотъ день послѣдовавшаго, другого праздника, даннаго помѣстными и безпомѣстными чиновниками. Самолюбіе ихъ такъ было тѣмъ тронуто, что они ничего не щадили, чтобы празднику своему дать болѣе блеска, а тѣмъ самымъ сколько можно закрыть и безчувствительность стариковъ своихъ. Предложенное ими пожертвованіе (впрочемъ, безъ всякаго съ нами предварительнаго согласія) на заведеніе здѣсь военнаго училища, простираясь по числу душъ, до 100 т. руб., безъ сомнѣнія, есть черта весьма похвальная и достаточно свидѣтельствующая о вѣрноподданнической ихъ признательности. И Борисъ Яковлевичъ радъ отъ души такому порыву; но я еще не смѣю раздѣлять его съ нимъ... атаманъ уже и говоритъ мнѣ третьяго дня, что онъ „удивляется такой опрометчивости молодыхъ донцовъ, которые,

¹⁾ Власовъ былъ боевой сослуживецъ Чернышева въ войну 1813 года, а въ 1831 году, при усмиреніи польскаго мятежа, получилъ (7-го февраля) 11 тяжелыхъ ранъ. Находясь, по званію походнаго атамана въ Варшавѣ, онъ, въ концѣ января 1836 года, получилъ тамъ, черезъ фельдъегери, высочайшее повелѣніе—прибыть немедленно въ Петербургъ, гдѣ и удостоенъ новымъ неожиданнымъ для него назначеніемъ, въ должность войскаго наказнаго атамана войска донскаго.

Н. Е.

предлагая сіе, не подумали о томъ, что назадъ тому два только года у донскихъ помѣщиковъ пропалъ отъ голода весь скотъ и даже крестьяне ихъ много отъ того терпѣли, и что сіе самое ввело ихъ въ долгъ до 600,000 рублей“.

Въ это время и между самими сенаторами произошли взаимныя неудовольствія.

20-го февраля Болгарскій писалъ въ Чернышеву: „По прїѣздѣ въ Новочеркасскъ, 4-го ноября, недѣлю послѣ прибытія сюда Бориса Яковлевича (Княжнина), узналъ я, что онъ тѣмъ временемъ писалъ два раза къ нашему сіятельству и къ Петру Андреевичу,¹⁾ равно вошелъ въ сношенія и съ наказнымъ атаманомъ, а потому я ожидалъ, что онъ сообщитъ мнѣ о томъ для свѣдѣнія; но сего негодно было ему сдѣлать. Такимъ же образомъ поступилъ онъ и въ третій разъ, при отправленіи почты въ С.-Петербургъ. По сему, дабы таковымъ раздѣленіемъ нашихъ дѣйствій,—если оно и далѣе допущено будетъ,—и отъ того весьма возможнымъ разнорѣчіемъ въ донесеніяхъ нашихъ не поставитъ намъ себя въ затруднительное положеніе, а в. с. въ неприятную необходимость требовать отъ насъ объясненій.—я, 11-го ноября, о начальныхъ нашихъ дѣйствіяхъ (къ коимъ обязывало насъ данное намъ высочайшее повелѣніе) составилъ записку, въ видѣ журнала, и предъявилъ ее Борису Яковлевичу; онъ казался ею доволенъ; тутъ же, вмѣстѣ со мною, подписалъ ее и мы тотчасъ привели ее въ исполненіе. Съ тѣхъ поръ, однако, не составлялось уже у насъ подобнаго журнала, а безъ сего не можемъ мы сохранять и того единства ни въ предположеніяхъ, ни въ сношеніяхъ нашихъ, какое необходимо для точнаго исполненія возложеннаго на насъ дѣла. Впрочемъ, какъ только получили мы отъ войскового начальства объ розданныхъ въ пособіе деньгахъ²⁾ вѣдомость, то я тогда же поставилъ на видъ Борису Яковлевичу, сколь опасно полагаться на таковыя свѣдѣнія безъ строгой оныхъ повѣрки, и старался доказать ему сіе 16-ти-лѣтнимъ нашимъ опытомъ.

„Въ нынѣшнюю нашу бытность въ станицахъ, онъ самъ имѣлъ случай убѣдиться въ основательности сего моего замѣчанія: вездѣ, изъ первыхъ нашихъ вопросовъ къ правителямъ ихъ, былъ тотъ — „получили-ли они и сколько денегъ, или хлѣба, отъ войска, въ пособіе казакамъ, по случаю бывшаго въ 1833 г. неурожая?“ и, во многихъ станицахъ услышали мы отвѣтъ отрицательный, съ изъясне-

¹⁾ Клеймихелю, въ то время бывшему директоромъ департамента военныхъ поселеній, вѣденію котораго подлежали тогда всѣ казачьи войска. Н. Е.

²⁾ Въ 1833 и 1834 годахъ Донской край былъ постигнутъ неурожаемъ и пособіе это было необходимо голодающимъ жителямъ. Н. Е.

нѣмъ—что они, благодареніе Богу, успѣли изворотиться собственными запасами, или станичными суммами: а таковыя отзывы требуютъ уже съ нашей стороны сугубой осторожности при ревизіи вышеозначенныхъ войсковыхъ свѣдѣній и строгаго съ оными сличенія показаній станицъ. Безъ употребленія же сей мѣры, если бы простить казачьи долги (за розданный во время голода хлѣбъ), то легко могло быть, что благодѣяніе сіе оказано было бы не столько казакамъ, сколько тѣмъ, на кого возложена была роздача пособія, и которые довѣренность сію употребили во зло.

„По сямъ уваженіямъ и какъ много еще предлежитъ намъ и другихъ предметовъ, также требующихъ общаго нашего обзора, сужденія и заключенія, то не благоугодно-ли будетъ в. с. посовѣтовать Борису Яковлевичу, дабы онъ придерживался вышеизъясненнаго журнальнаго порядка“.

Тогда же Болгарскій писалъ къ Клейнмихелю:

„Имѣя опасеніе, чтобы графъ Александръ Пвановичъ не заключилъ изъ отвѣта моего за № 75, что я съ Борисомъ Яковлевичемъ разладился, въ предупрежденіе сей мысли, позвольте, в. п., всепокорнѣйше просить васъ увѣрить графа, что мы по сію пору живемъ на Дону, какъ Дамонъ и Писей, и что можно даже позавидовать нашему согласію и единодушію“.

На письмо Болгарскаго Чернышевъ отвѣчалъ ему 4-го марта:

„Я получилъ письмо в. п. отъ 20-го февраля и съ крайнимъ сожалѣніемъ вижу изъ онаго ваше на Бориса Яковлевича неудовольствіе.

„Прекрасное начало обоюдныхъ дѣйствій вашихъ, успѣшное и во всѣхъ отношеніяхъ отличное исполненіе возложеннаго на васъ монаршею волею важнаго порученія, были слѣдствіемъ того единодушнаго, совокупнаго рвенія, съ которыми вы, обще съ Борисомъ Яковлевичемъ, приступили къ дѣлу, созидающему будущее счастье довскаго войска. Не отъ чего болѣе, какъ отъ продолженія сего единомыслія въ общемъ для васъ дѣлѣ, зависитъ и счастливый исходъ онаго, равный тѣмъ началамъ, съ коими сопровождались доселѣ дѣйствія ваши.

„Неудовольствіе ваше есть ничто иное, какъ одно лишь недоразумѣніе, а потому я не только не пишу объ ономъ Борису Яковлевичу, но даже и вида ему не подаю о письмѣ ко мнѣ вашемъ“.

Въ то же время (4-го марта) Чернышевъ писалъ и къ сенатору Княжнину, предписывая дѣйствовать ему совокупно съ Болгарскимъ и составлять по каждому предмету журналы за обоюднымъ подписаніемъ.

Любопытна картина, рисуемая сенаторомъ Болгарскимъ въ письмахъ къ Чернышеву и Клейнмихелю, о проѣздѣ обоихъ сенаторовъ по станицамъ донскаго войска для введенія въ дѣйствиѣ новаго „Войскаго Положенія“. Въ письмѣ къ Клейнмихелю, отъ 13-го февраля, онъ выражается объ этомъ такъ:

„Изъ всеподданнѣйшаго нашего рапорта в. п. изволите усмотрѣть, до какой степени мы восторжены были повсемѣстнымъ радушнымъ намъ приемомъ казачьихъ станицъ. На 1,200 верстахъ, смотря на казаковъ въ домашнемъ быту ихъ, мы видѣли сто тысячъ кроткихъ и послушныхъ агнцевъ, и если они до сихъ поръ не блаженствовали, то происходило сіе единственно отъ собственныхъ ихъ возлищъ, для корыстныхъ видовъ своихъ открыто и безъ зазрѣнія совѣсти душившихъ ихъ какъ только можно“.

Въ письмѣ къ Чернышеву о томъ же предметѣ, Болгарскій, между прочимъ, присовокупляетъ:

„Теперь поставляю себѣ приятнѣйшимъ долгомъ удостовѣрить в. с., что переѣздъ нашъ черезъ казачьи станицы былъ самою интересною и для сердца усладительною прогулкою, такъ, что я не помню, чтобы когда-нибудь въ моей жизни имѣлъ столько удовольствія; а потому и употребленныя во всеподданнѣйшемъ нашемъ рапортѣ выраженія, что „всѣ посѣщенныя нами станицы, при встрѣчѣ насъ, какъ бы слиты были въ одну душу“, отнюдь не есть поэзія. Онѣ, по чувствамъ своимъ, точно представляли одно, и это одно было нѣчто величественное и, вмѣстѣ, умилительное! По собственнымъ словамъ стариковъ ихъ, не было примѣра, чтобы донскіе казаки когда-нибудь столько были взысканы милостями государей, дабы въ мѣстахъ своихъ жилищъ видѣть ихъ довѣренныхъ лицъ, и потому вездѣ насъ принимали какъ ангеловъ, посланныхъ съ неба, и выслушивали съ полною увѣренностью въ справедливости всего, нами сказаннаго. Съ тѣми же чувствами нашли мы и безномястныхъ чиновниковъ, живущихъ въ станпцахъ; но, къ сожалѣнію, не отвѣчаютъ имъ (впрочемъ, немногіе) изъ обладающихъ слободами и поселками, хотя несравненно болѣе облагодѣтельствованные, нежели первые“.

Новый атаманъ, генерал-лейтенантъ Максимъ Григорьевичъ Влазовъ, прибылъ въ гор. Новочеркасскъ 3-го марта 1836 г. и 5-го марта принесъ на свою должность присягу, въ залѣ Войскаго Правленія, въ присутствіи сенаторовъ. О немъ сенаторъ Болгарскій, въ письмѣ къ Чернышеву отъ 29-го апрѣля, пишетъ:

„Онъ, съ самаго пріѣзда, ведетъ себя какъ надлежитъ заботливому и дѣятельному начальнику; во все входитъ самъ; всѣмъ, имѣющимъ до него нужду, открылъ свободный къ себѣ доступъ,—чего въ

прежнее правленіе не было,—и каждой просьбѣ даетъ неукоснительное движеніе; рѣдкій день въ Войсковомъ Правленіи и Приказѣ Общественнаго Призрѣнія не присутствуетъ; съ нами видится почти ежедневно, и всегда охотно принимаетъ наши совѣты и даже самъ о томъ настаивалъ... словомъ, онъ такъ поступаетъ, что если это не измѣнится, то для донскихъ казаковъ нельзя желать лучшаго начальника.

„Теперь, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе объясняется и бывшая недѣятельность Кутейникова и происшедшіе отъ него разные беспорядки, которыхъ, впрочемъ, нельзя было прежде видѣть, потому что никто не смѣлъ о томъ говорить, а не смѣлъ потому, что не предполагалъ скорой ему переменѣ, особенно когда онъ удостоился получить алмазные знаки. Максима Григорьевича (Власова) принялъ онъ съ неизобразимою спѣсью, и когда тотъ, послѣ появленія къ нему два дня, сряду, въ третій не показался, то сдѣлалъ ему за то замѣчаніе, а по войску распустилъ слухъ, что онъ начальство вручаетъ Власову только на время, пока самъ поправится въ здоровьѣ своемъ, и въ вѣру приближенныхъ своихъ ставитъ доказательствомъ того, во-1-хъ, что генералъ Власовъ не утвержденъ начальникомъ, а велѣно ему только исправлять должность его, и, во-2-хъ, что сколько ни домогался онъ,—генералъ Кутейниковъ,—совершеннаго увольненія; но государь императоръ нивакъ на то не соизволилъ, видя въ немъ необходимость, на каковой конецъ и „въ дѣйствительной службѣ“ оставилъ его. Вслѣдъ затѣмъ разнесено было, что бывший его дежурный штаб-офицеръ рѣшился о невинности своей писать прямо къ его императорскому величеству, — что просьба его всемилостивѣйше уважена и велѣно ему немедленно прибыть въ С.-Петербургъ для личныхъ объясненій и что самъ онъ, Кутейниковъ, какъ совершенно убѣжденный въ правотѣ своего бывшего дежурнаго штаб-офицера, для подкрѣпленія его въ томъ, намѣренъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, отправиться туда же, въ С.-Петербургъ. Все сіе придумано только для того, чтобы удержать недовольныхъ бывшимъ дежурнымъ штаб-офицеромъ отъ принесенія на него жалобъ. Наконецъ принялась уже за Максима Григорьевича (Власова) и сама Марья Васильевна:¹⁾ она вызвала сюда изъ поселка, извѣстную госпожу, о которой я писалъ в. с.—какъ о предполагаемой невѣстѣ его, еще 5-го января,—и будто бы доставила уже ей и два свиданія съ нимъ, у родной сестры Кутейникова, подполковницы С., въ домъ коей предполагаемая невѣста и остановилась, а нѣкоторые говорятъ, что якобы и обрученіе уже у нихъ было; но

¹⁾ Супруга Кутейникова.

только еще нельзя сего огласить по причинѣ продолжающагося у невѣсты по отцѣ траура. Изъ всей этой мистификаціи что впоследствии времени произойдетъ, я, конечно, не премину в. с. донести. Невѣста сія—есть дочь родной сестры Кутейникова, бывшей въ замужествѣ за тѣмъ сажымъ Л., который находился въ товариществѣ съ Сл. по питейному откупу.

„Что же касается до намѣренія Кутейникова побывать въ С.-Петербургѣ, то онъ самъ мнѣ объ этомъ сказывалъ, и что собирается сопутствовать ему и супруга его.

„Нельзя не замѣтить, что они оба, незадолго передъ симъ, удержаны были, по ихъ словамъ, тяжелою и продолжительною болѣзнію, а теперь вдругъ выздоровѣли, такъ какъ и дѣйствительно они здоровы. При семъ свиданіи со мною, г. Кутейниковъ, съ примѣтнымъ неудовольствіемъ, сообщилъ мнѣ, „что онъ не ожидаетъ, чтобы не были сохранены ему всѣ тѣ олады, коими пользовался онъ на атаманствѣ, и что какъ о семъ, такъ и объ оставленіи при немъ адъютантовъ, намѣренъ лично ходатайствовать“. Признаюсь в. с., что послѣ такого отзыва, я истинно пожалѣлъ даже и о тѣхъ 30-ти т. р., кои пожалованы ему при увольненіи, — сколько потому, что онъ не заслужилъ ихъ, столько и потому, что не имѣетъ въ нихъ никакой нужды, ибо,—что также только теперь объяснилось,—въ одномъ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ хранится принадлежащихъ ему до 700 т. руб., а сего для нихъ, какъ бездѣтныхъ, слишкомъ уже достаточно, особливо при значительномъ недвижимомъ имѣніи и при огромныхъ табунахъ.

„Что принадлежитъ до вопросовъ, по приказанію в. с. сдѣланныхъ намъ его п-ствомъ Петромъ Андреевичемъ (Блейнмихелемъ) о чиновникахъ, бывшимъ атаманомъ представленныхъ къ разнымъ наградамъ и принадлежащимъ большею частью въ атаманской канцеляріи—заслуживаютъ-ли они просимыя имъ награды, и чтобы мы сдѣлали о томъ свое заявленіе,—то позвольте в. с., со всею откровенностью вамъ доложить, что мы крайне затрудняемся порученіе сіе вѣрно и точно исполнить при существующихъ здѣсь въ высшей степени безпорядкахъ, отъ которыхъ неизъята была и канцелярія атаманская и которые, можетъ быть, многихъ, въ ней служащихъ или служившихъ, привлекутъ еще и къ отвѣтственности, когда Максимъ Григорьевичъ войдетъ въ ея внутренность и, особенно, когда образуется вся денежная часть, такъ какъ видно по дѣламъ, что многіе изъ чиновниковъ оной канцеляріи, по распоряженію бывшаго дежурнаго штаб-офицера, употреблены были и къ раздачѣ казакамъ пособій въ послѣднее время. Притомъ же, я прежде уже, а именно 5-го января, коснувшись здѣшнихъ безпорядковъ, донесъ уже в. с., что Борисъ

Яковлевичъ и я признаемъ не только за полезное, но даже за необходимое, чтобы Дмитрій Ефимовичъ былъ уволенъ отъ управления войскомъ,—да и вся его канцелярія, кромѣ двухъ или трехъ чело-вѣкъ, замѣщена была другими лицами...

„Въ заключеніе, смѣю в. с. увѣрить, что на всемъ пространствѣ земли войска донскаго такая тишина и спокойствіе и такая въ казакахъ увѣренность въ благодѣтельномъ объ нихъ промыслѣ и отеческомъ попеченіи государя императора, какихъ можно только желать“.

Письма сенаторовъ Чернышевъ обыкновенно докладывалъ самому императору Николаю Павловичу.

10-го октября 1836 года сенаторы, Князичъ и Болгарскій, окончивъ возложенныя на нихъ порученія, отправились въ С.-Петербургъ; а бывшій атаманъ, Кутейниковъ, нигуда невыѣзжалъ изъ Новочеркасска и жилъ очень уединенно, въ домѣ своемъ, до самой смерти, послѣдовавшей черезъ три года послѣ увольненія его отъ должности; оставшееся послѣ Кутейникова и его жены имѣніе, въ довольно значительныхъ деньгахъ и скотоводствѣ, поступило къ племянникамъ Дмитрія Ефимовича Кутейникова—тремъ братьямъ, Кутейниковымъ же.

Н. И. Красновъ.

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ

основатель Харьковскаго университета.

II.¹⁾

Въ первой статьѣ моихъ воспоминаній объ основаніи харьковскаго университета я привелъ лишь половину протокола слободско-украинскихъ дворянъ, подписаннаго 1-го сентября 1802 года.²⁾

Привожу окончаніе этого любопытнаго документа, нигдѣ еще во всей его полнотѣ не напечатаннаго. Послѣ словъ, которыми я кончилъ: „расположивъ остальные 300 тыс. на шесть лѣтъ“, слѣдуетъ:

„Упомянутою суммою признають украинскіе дворяне себя должными государству отъ сего дня. Но симъ не ограничать ревность свою къ пользѣ общей, коль скоро благоволеніе монарха осчастливить начало ихъ заведенія. Съ тѣмъ вмѣстѣ, поелику обширность университета не совмѣстна съ возможностью одной губерніи и польза отъ него происходящая разлиться должна на всѣ ей сосѣдственныя и сопредѣльныя, а также и потому, что университетское ученіе будетъ довершать воспитаніе юношей, выходящихъ изъ губернскихъ училищъ, то слободско-украинское дворянство полагаетъ пригласить къ усугубленію назначеннаго имъ капитала, губерніи: Курскую, Орловскую, Воронежскую, Новороссійскую, Полтавскую и Черниговскую. Оно полагаетъ пригласить къ сему же гражданъ другихъ состояній въ Слободской Украинѣ, испросивъ на все сіе позволеніе всемощнѣйшаго государя императора. На сей конецъ поручаетъ оно депутату своему, коллежскому совѣтнику Василю Назаровичу Каразину,

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ», изд. 1875 г., томъ XII, стр. 329—338.

²⁾ Не 1803 г., какъ ошибочно сказано въ XII-мъ томѣ «Р. С.» два раза: на стр. 333. строка 5-я сверху, и на стр. 336. строка 2-я снизу.

въ сходство настоящаго постановленія, сдѣлать отъ имени дворянъ всеподданнѣйшее представленіе, въ которомъ съ благоговѣніемъ принести отъ лица дворянства прошеніе и о слѣдующихъ предметахъ: 1) Въ 1789 году, во время турецкой войны, по предложенію покойнаго генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго здѣшнему дворянству слѣдовало получить изъ казны, за поставку къ арміи воловнхъ фуръ и лошадей 66,910 руб., но оныя по многимъ представленіямъ куда надлежало понинѣ не получены, то не благоугодно-ли будетъ его Е. И. В., всемилостивѣйше повелѣвъ выдать сію сумму, обратить ее на первоначальное устроеніе харьковскаго университета. 2) Какъ всѣ причины заставляютъ не отлагать начала сего заведенія, а между тѣмъ не можетъ оно вскорѣ имѣть необходимыхъ для своего помѣщенія зданій, то не благовольтъ-ли государь императоръ дозволить занять онымъ временно находящійся въ Харьковѣ недостроенный домъ, предназначенный для присутственныхъ мѣстъ и остающійся уже нѣсколько лѣтъ въ неоконченномъ видѣ, съ тѣмъ чтобы докончить его на жертвуемыя дворянами суммы. 3) Внутри границъ Слободско-Украинской губерніи есть многія земли, не пользующіяся правомъ свободнаго виноуренія, предоставленнымъ, силою высочайшей грамоты 29-го декабря 1801 года, прочимъ землямъ этой губерніи; владѣльцы таковыхъ участковъ, называемыхъ четвертными, повергаютъ къ стопамъ его величества готовность ежегодно вносить въ казну откупную сумму, причитающуюся съ ихъ помѣстій, назначая половину оной на университетъ, и дерзая умолять, чтобы и они раздѣлили монаршую милость, излитую въ упомянутой грамотѣ на Слободско-Украинскую губернію. 4) Какъ въ числѣ опредѣленной нынѣ на университетъ суммы, 400 т. р., разумѣютъ дворяне и тѣ 100 т. р., которые, какъ выше сказано, назначались ими прежде, въ постановленіи отъ 11-го ноября 1801 года, на военное училище, то не благовольтъ-ли Е. И. В. дозволить присоединить оныя къ суммѣ, опредѣленной на университетъ. Такова есть нераздѣльная воля благороднаго общества сей губерніи. Но дворянамъ, желающимъ въ большей мѣрѣ содѣйствовать къ приращенію назначаемой нынѣ на университетъ суммы, предоставляется право изъявить согласіе и избрать къ тому средства, въ полной увѣренности, что они таковымъ подвигомъ сдѣлаютъ предъ лицомъ всемилостивѣйшаго государя, покровителя просвѣщенія, честь сословію, коего они члены. Подлинный подписали: губернский предводитель дворянства Василій Донецъ-Захаржевскій. Харьковского уѣзда предводитель Дмитрій Щербининъ. Волковскаго уѣзда предводитель Михайло Шидловскій. Лебединскаго уѣзда предводитель Алексѣй Алферовъ. Богодуховскаго уѣзда

предводитель Иванъ Куликовскій. Ахтырскаго уѣзда предводитель Михайло Кондратьевъ. Волчанскаго уѣзда предводитель Романъ Поклонскій. Купянскаго уѣзда предводитель Райзеліонъ-Сошальскій. Сумскаго уѣзда въ должности предводителя Николай Куколь-Яснопольскій“ и подписи до 140 дворянъ-землевладѣльцевъ Харьковской губерніи.

1802 года сентября 4 дня сія копія съ приговора, учиненнаго въ полномъ собраніи слободско-украинскаго дворянства, выдана господину коллежскому совѣтнику Василю Назаріевичу Каразину, для приношенія всеподданнѣйшаго прошенія и ходатайствованія, гдѣ слѣдовать будетъ, отъ имени всего дворянства, по точному содержанію сего приговора. Подлинно подписалъ: губернский предводитель Василий Донецъ-Захаржевскій; скрѣпилъ дворянства секретарь Иванъ Тихоцкій.

Въ частномъ собраніи дворянъ, бывшемъ за три дня до этого, именно 29-го августа 1802 г. подписанъ былъ другой приговоръ слѣдующаго содержанія:

„Вслѣдствіе прочтеннаго нынѣшній день въ благородномъ собраніи „предначертанія о харьковскомъ университетѣ“, на взносъ въ число капитала, опредѣленнаго на содержаніе, отъ процентовъ его, университета, съ дворянскихъ имѣній Слободско-Украинской губерніи одного милліона рублей способомъ, установленнымъ въ учрежденіи 20-ти-лѣтняго банка, согласны“.

Подписали: Генерал-лейтенантъ Неклюдовъ. Маіоръ Петръ Ковалевскій. Маіоръ Александръ Палицынъ. Предводитель дворянства Алексѣй Алферовъ. Флота капитан-лейтенантъ Александръ Красовскій. Статскій совѣтникъ Григорій Шидловскій. Прапорщикъ Георгій Квитка. Титулярный совѣтникъ Дмитрій Квитка. Дворянинъ, поручикъ Гаврило Короскинъ. Коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Федоръ Квитка.

Каразинъ надѣялся, что такой приговоръ (въ 1 мил. руб.) будетъ утвержденъ и на общемъ собраніи 31-го августа; но неожиданное противодѣйствіе, встрѣченное имъ со стороны нѣсколькихъ дворянъ, обидившихся тѣмъ, что онъ обошелся безъ нихъ (совершенно не намѣренно) при предварительныхъ сношеніяхъ и совѣщаніяхъ, разрушило его надежду. Хотя эти дворяне (между прочимъ, нѣкій Захарашевичъ-Капустянскій, о которомъ мнѣ придется еще говорить) принуждены были со стыдомъ удалиться изъ собранія, но тѣмъ не меньше общій энтузіазмъ былъ уже до нѣкоторой степени охлажденъ и приговоръ состоялся только на 400 т. руб., какъ читатели видѣли изъ вышеприведеннаго протокола.

А вотъ и протоколъ купцовъ, о которомъ я упомянулъ въ первой моей статьѣ:

„1802 г. сентября 1-го дня, мы нижеподписавшіеся харьковскіе купцы и граждане, бывъ въ городской Думѣ, въ собраніи, слушали полученное отъ господина здѣшняго губернскаго предводителя дворянства отношеніе, коимъ приглашаетъ онъ насъ участвовать въ составленіи суммы для предполагаемаго здѣсь университета, на учрежденіе котораго уже и высочайшее соизволеніе послѣдовало. Видя въ учрежденіи семъ, — независимо отъ благихъ тѣхъ вліяній, какия произведетъ просвѣщеніе на жителей, — явное благотвореніе сему городу, какъ-то: умноженіе его населенности, распространеніе торговъ и промысловъ, необыкновенное приращеніе въ оборотѣ денегъ, и тому подобныя выгоды, гражданство почитаетъ съ своей стороны обязанностію соревновать благородному обществу дворянъ сей губерніи въ вѣрноподданнической благодарности всемилостивѣйшему государю и, единодушно, по силамъ своимъ, опредѣляетъ: 1) вносить въ пользу университета, въ продолженіи десяти лѣтъ, начиная отъ сего числа, сумму, равную государственной подати, платимой съ капиталовъ, то есть, по одному проценту съ четвертью ежегодно, 2) симъ не ограничиваетъ себя гражданство харьковское, но въ продолженіи времени, по мѣрѣ какъ благосостояніе города умножаться будетъ, можетъ оно увеличить нынѣшнее положеніе или прибавить число лѣтъ, а сверхъ того достаточнѣйшіе изъ купцовъ, конечно, будутъ готовы на частныя взносы, зависящіе отъ произволенія каждаго; 3) какъ откупная винная въ пользу горожанъ по указу 1783 года мая 3-го дня пожалованная сумма представляетъ, за всѣми городскими потребностями, нѣкоторое излишество, а вмѣстѣ съ торговлею имѣютъ умножаться и способы въ собиранію доходовъ городскихъ, то гражданство полагаетъ просить его императорское величество о всемилостивѣйшемъ соизволеніи на то, чтобъ половина сей суммы на все послѣдующее отъ нынѣ время предоставлена была въ пользу университета же; для того и уполномочиваетъ оно депутата, избраннаго дворянствомъ, господина коллежскаго совѣтника Василя Назаровича Каразина, всеподданнѣйше представить о семъ августѣйшему государю императору; 4) равнымъ образомъ, ежели воли его императорскаго величества угодно будетъ, и накопившаяся отъ 1783 г. поннѣ таковая-жъ сумма, состоящая отчасти въ наличности, отчасти розданная заимообразно, да предоставится въ пользу университета, вся безъ исключенія, сколько оной послѣ законныхъ расходовъ отыскаться можетъ; 5) поелику благодѣтельное движеніе въ промыслахъ и торговлѣ, ожидаемое отъ сего общепользнаго заведенія, не умедлитъ восчув-

ствозаться повсемѣстно въ губерніи, то полагается всепокорнѣйше просить его превосходительство г-на гражданскаго губарнатора объ извѣщеніи уѣздныхъ и заштатныхъ городовъ сей губерніи о семъ положеніи здѣшняго гражданства и о снисходительномъ приглашеніи со стороны его превосходительства къ такому вѣрнопопданническому и патриотическому содѣйствію на пользу общую, въ которомъ, конечно, ни одинъ благонамѣренный гражданинъ отказать не можетъ, тѣмъ паче, что предвидимыя и несомнѣныя выгоды вознаграждать малое сіе пожертвованіе сторицею.¹⁾

„При семъ случаѣ здѣшнее общество гражданъ полагаетъ всеподданнѣйше представить чрезъ кого слѣдуетъ всемилостивѣйшему государю, что по неимуществу большей части здѣшнихъ городскихъ жителей и скудости жилищъ ихъ, постоянное пребываніе воинскихъ командъ и прочіе постои для нихъ брайне отяготительно, особливо несовмѣстно оно будетъ тогда, какъ прежде нежели умножатся дома, должно будетъ помѣщать великое число студентовъ и другихъ ученыхъ чиновниковъ, которые всеконечно наполнять сей городъ, какъ скоро университетъ откроется; по сей причинѣ не благовольтъ-ли всемилостивѣйшій монархъ изъ особеннаго милосердія своего и изъ уваженія къ сооружаемому по благодѣтельной воли его великому училищу, по скудости и малонаселенности города, уволить его отъ постоя, исключая тѣхъ командъ, которымъ проходить будетъ должно“. Подлинный подписал: градской голова Урюпинъ и нѣсколько именитыхъ купцовъ и граждан“.

Въ обоихъ протоколахъ упоминается о предначертаніи университета, прочитанномъ Каразинымъ въ собраніяхъ украинскихъ дворянъ и купцовъ. Такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, предначертаніе это не было нигдѣ до сихъ поръ напечатано и представляетъ нѣкоторыя особенности сравнительно съ общими нашими университетскими уставами, то я полагаю, что читатели и въ особенности питомцы Харьковскаго университета не посѣтуютъ на меня за то, что я приведу его здѣсь въ томъ видѣ, какъ оно было написано Каразинымъ:

¹⁾ На копіи съ этого приговора сдѣлано въ этомъ мѣстѣ слѣдующее замѣчаніе рукою В. Н. Каразина: «Сіе положеніе извѣстно городамъ Богодухову, Ахтыркѣ, Суммамъ, Валкамъ и Лебедину, и принимается ими съ тѣмъ ограниченіемъ, что, вмѣсто процента съ капиталовъ, они жертвуютъ добровольными взносами, каждый по своей возможности: изъ откупной же винной суммы представляютъ нѣкоторые въ пользу университета двѣ трети, вмѣсто половины на которую согласилось харьковское гражданство.

Предначертаніе о Харьковскомъ университетѣ.

1802 г.

§ 1. Университетъ будетъ принадлежать къ числу высшихъ училищъ въ имперіи, назначаемыхъ для приуготовленія юношества къ общественнымъ и государственнымъ должностямъ, посредствомъ познаній, свойственныхъ каждой.

§ 2. На семь основаніи будутъ преподаваться въ харьковскомъ университетѣ всѣ тѣ науки, которыя открываютъ путь къ достойному занятію мѣстъ въ разныхъ званіяхъ гражданина и вѣрноподданнаго; и какъ званія, или образы служенія государю и государству между собою различны, то и преподаваемые науки будутъ раздѣлены на особые классы, которыя назовутся отдѣленіями университета.

§ 3. Таковыхъ отдѣленій въ харьковскомъ университетѣ предполагается девять, которыя откроются не вдругъ, но отъ времени до времени, по мѣрѣ какъ способы къ содержанію университета умножатся и какъ приуготовлены будутъ наставники и учащіеся.

§ 4. Наукамъ, свойственнымъ въ особенности каждому званію, должны предшествовать науки, пристойныя каждому благовоспитанному гражданину. Онѣ приуготовятъ его разумъ къ прочимъ свѣдѣніямъ, долженствующимъ уже составлять ту часть, которой онъ себя посвятилъ. Знаніе языковъ, наипаче искусство въ природномъ, знаніе математики, физики, исторіи, географіи суть сего рода: прежде нежели молодой человѣкъ приступитъ къ наукамъ, свойственнымъ въ особенности гражданской или военной службѣ, онъ долженъ уже имѣть оныя общія познанія. Такимъ образомъ, первымъ отдѣленіемъ университета будетъ отдѣленіе общихъ познаній, которое и откроется въ самомъ началѣ, т. е. не позже 1-го сентября 1803 года.

§ 5. Въ семь отдѣленій, всходство расположенія, каковое для московскаго университета сдѣлано, будутъ наставниками девять профессоровъ и четыре адъюнта, или помощника профессоровъ; а полное преподаваніе всѣхъ наукъ въ ономъ продолжится три года.

§ 6. вмѣстѣ съ первымъ симъ отдѣленіемъ открыться можетъ второе, въ которомъ всѣ часы, свободные отъ важнаго ученія, молодые люди, какъ для разсѣянія себя, такъ и для пользы, будутъ представляемы: въ рисованьи, музыкѣ, танцованьи, фехтованьи, въ верховой ѣздѣ и въ нѣкоторыхъ ручныхъ работахъ, могущихъ, для препровожденія времени и укрѣпленія здоровья и силъ, занимать благовоспитаннаго человѣка. Оно, не входя въ составъ университета, но только принадлежа къ оному, названо быть можетъ отдѣленіемъ, или скорѣе рядомъ пріятныхъ искусствъ.

§ 7. По прошествіи трехъ лѣтъ послѣ сего, т. е. въ сентябрѣ 1806 года, когда доходы университета умножатся и опредѣлятся, когда приуготовлены будутъ нужныя зданія, вызваны профессоры, и когда, между тѣмъ, учащіеся пройдутъ науки, необходимыя для первоначальнаго образованія разума, могутъ открыться новыя пять отдѣленій.

§ 8. Извѣстно, сколь важно имѣть достойныхъ нравоучителей и проповѣдниковъ слова Божія, мужей, которые бы, по глубокимъ познаніямъ, по добродѣтели, утвержденной сими познаніями, достойны были общаго почтенія. Харьковскій университетъ можетъ наипаче отличиться въ государствѣ произведеніемъ таковыхъ мужей изъ юношей разныхъ состояній, которые, прошедъ науки въ первомъ отдѣленіи, захотятъ избрать сіе почтенное званіе и на сей конецъ вступятъ въ отдѣленіе богословское.

§ 9. Въ богословскомъ отдѣленіи учиться будутъ: естественному богословію, христіанскому нравоученію, историческимъ и догматическимъ истинамъ религіи, исторіи церковной и древнимъ языкамъ, употребляя къ тому священное писаніе и творенія святыхъ отцовъ и учителей православной церкви. Сіе отдѣленіе можетъ имѣть трехъ профессоровъ изъ духовенства и трехъ адъюнктовъ; преподаваніе же наукъ продолжится четыре года.

§ 10. Ни въ одно время не можетъ быть столько надобности государству въ людяхъ съ просвѣщеніемъ и талантами, какъ въ благоденственное нынѣшнее, царствование для исполненія, во всѣхъ частяхъ гражданской службы, великихъ намѣреній просвѣщеннѣйшаго и благотворительнѣйшаго монарха. Приуготовлять таковыхъ людей, снабжать правительственныя присутственныя, казенныя и по иностранной части мѣста достойными чиновниками, также образовывать негоціантовъ, дѣлающихъ честь своему отечеству, будетъ имѣть въ предметѣ отдѣленіе гражданскихъ познаній.

§ 11. Въ отдѣленіи гражданскихъ познаній, соображаясь расположенію московскаго университета, можетъ быть шесть профессоровъ разныхъ наукъ, открывающихъ путь къ разнымъ родамъ гражданской службы. Ученіе въ ономъ продолжится три года.

§ 12. Что корпусы, существующіе въ С.-Петербургѣ, не достаточны ко вмѣщенію молодыхъ людей, готовящихъ себя къ военной службѣ, доказываетъ всемилостивѣйшее постановленіе относительно учрежденія губернскихъ военныхъ училищъ. Вѣсто такового, предположеннаго въ Харьковѣ, дворянство сей губерніи, назначая въ своемъ университетѣ отдѣленіе военныхъ познаній, будетъ всеподданнѣйше просить объ утвержденіи, вмѣстѣ съ прочимъ, и сего его поло-

женія. Въ отдѣленіи семь будутъ преподаваться молодымъ людямъ, приготовившимъ уже себя чрезъ первое отдѣленіе, тактика, строеніе, осада и защищеніе вѣрностей, артилерія, также практическіе приемы движенія, употребительныя въ разныхъ видахъ военной службы, и другія познанія, приличныя офицеру и полководцу.

§ 13. Въ отдѣленіи военныхъ познаній, по примѣру чужестранныхъ высшихъ сего рода училищъ, необходимы быть кажутся четыре профессора и два адъюнкта, а ученіе продолжится три года.

§ 14. Искусные врачи принадлежатъ къ числу необходимѣйшихъ должностныхъ людей. По сіе время въ Россіи находится только два училища для оныхъ, если не полагать въ счетъ московскаго университета. Харьковскій можетъ доставлять такихъ людей государству. Климатъ его особенно способствуетъ основательному изученію ботаники, сего главнѣйшаго орудія медицины. Такимъ образомъ откроется въ сіе же время и отдѣленіе врачебныхъ наукъ.

§ 15. Отдѣленіе врачебныхъ наукъ, сообразно плану московскаго университета, можетъ имѣть шесть профессоровъ и двухъ адъюнктовъ.

§ 16. Благоустроенное государство имѣетъ нужду въ особомъ училищѣ, которое бы готовило людей для производства разныхъ зданій, водяныхъ сообщеній и другихъ государственныхъ работъ сего рода, необходимыхъ болѣе всего тамъ, гдѣ все еще устроивается и приближается къ двѣтущему состоянію. Основательное изученіе архитектуры, механики, гидравлики и землѣдѣрія, въ томъ наипаче, что принадлежитъ до приложенія умозрительныхъ началъ ихъ къ самому исполненію на дѣлѣ, требуетъ особыхъ учителей и образа ученія, отличнаго отъ обыкновеннаго преподаванія сихъ наукъ, какъ частей физики, или смѣшанной математики. Отдѣленіе университета, для сего особенно назначенное, представляя учрежденіе едва-ли не единственное въ Россіи, можетъ быть названо отдѣленіемъ гражданскихъ искусствъ.

§ 17. Къ отдѣленію гражданскихъ искусствъ могутъ принадлежать четыре профессора и четыре адъюнкта, а ученіе въ ономъ продолжится три года.

§ 18. Спустя шесть лѣтъ послѣ открытія первыхъ двухъ, или три года послѣ открытія послѣдующихъ пяти отдѣленій, могутъ учредиться еще два.

§ 19. Въ предъидущихъ отдѣленіяхъ готовились-бы люди къ должностямъ, въ коихъ науки составляютъ не предметъ, но только средство быть наиболѣе полезнымъ. Для тѣхъ же, которые найдутъ себя способными чрезъ упражненіе въ наукахъ, умножая и разливая просвѣщеніе, приносить пользу государству, открыться можетъ, въ

сентябрѣ 1809 года, отдѣленіе высшихъ наукъ или учености, въ которомъ будутъ образовываться чрезъ подробнѣйшія наставленія и глѣбчайшія розысканія истинъ каждой науки: математики, физики, химии, естествослывы и астрономы. Понынѣ, кромѣ Академіи Наукъ, нѣтъ подобнаго заведенія въ государствѣ. Въ семь же отдѣленіи будутъ преподаваться: исторія наукъ, педагогія и другія познанія учительской должности, наиболѣе свойственныя.

§ 20. Въ отдѣленіе учености предполагается шесть профессоровъ и ученіе продолжится четыре года.

§ 21. Въ продолженіи сего времени умножится въ губерніи дѣятельность, явятся избытки въ городѣ, ощутятъ нужду въ украшеніи, стеченіе людей съ состояніемъ изъ прочихъ губерній увеличится: живописцы, скульпторы, музыканты и тому подобныя художники будутъ, конечно, имѣть упражненіе въ семь краѣ и сдѣлаютъ необходимымъ отдѣленіе изящныхъ художествъ.

§ 22. Въ отдѣленіе изящныхъ художествъ, на первый случай, предположить можно четырехъ профессоровъ и четырехъ адъюнговъ.

§ 23. Такимъ образомъ число профессоровъ, имѣющихъ составлять харьковскій университетъ, не полагая въ счетъ учителей отдѣленія или разряда пріятныхъ искусствъ, будетъ сорокъ два, а адъюнговъ девятнадцать.

§ 24. Харьковский университетъ можетъ принимать въ свои студенты, по испытаніи, учениковъ изъ губернскихъ народныхъ училищъ: харьковского, курскаго, орловскаго, воронежскаго, новороссійскаго, полтавскаго и черниговскаго; симъ образомъ можетъ онъ дѣйствовать на просвѣщеніе и пользу всего полуденнаго края Россіи.

§ 25. Кромѣ сего, будутъ зависѣть отъ университета, состоять подъ его вѣдѣніемъ и вспомоствоваться отъ его суммъ въ самомъ Харьковѣ два учебныя заведенія для людей низшихъ состояній.

§ 26. Неоспоримо, что плодоносный край здѣшній доставитъ государству величайшія выгоды, если искусство будетъ умножать количество его произведеній и приготавливать ихъ обработкою въ собственныхъ предѣлахъ. Повсюду чувствуютъ необходимость въ людяхъ, которые бы совершенно разумѣли управлять хозяйствомъ и извлекать изъ положенія имѣнія наибольшую пользу. Таковыхъ людей можетъ воспитывать училище сельскаго домоводства. Оно, имѣя наставниковъ во всѣхъ частяхъ экономіи и отведенный удѣлъ земли для показанія уроковъ на самомъ опытѣ, представитъ одно изъ необходимѣйшихъ въ Россіи заведеній, подобное тому, которое расположено близъ С.-Петербурга, но гораздо превосходящее, по причинѣ мѣстнаго положенія и климата. Ученики онаго будутъ для усовершенствованія

своего слушать въ гражданскомъ отдѣленіи профессора экономіи и технологіи.

§ 27. Усовершенное состояніе земледѣлія требовать будетъ умноженіе искусныхъ ремесленниковъ и художниковъ. Донинѣ въ оныхъ здѣшнее благородное дворянство и достаточнѣйшіе жители городовъ терпятъ крайній недостатокъ. Необходимыя для употребленія вещи и орудія почти всѣ дорогою цѣною выписываются изъ столицъ, и люди, посылаемые туда для обученія, нерѣдко возвращаются потерявъ нравы и здоровье. Теперь предстоитъ великое удобство составить, подъ вліяніемъ университета, шьолу ремесль и руководѣлій.

§ 28. Для сего слѣдовало бы только знающихъ людей такого роду вызвать изъ разныхъ мѣстъ Россіи и чужихъ краевъ, расположить ихъ въ одномъ кругу зданій, дабы облегчить взаимное вспомошествованіе другъ другу. Кажется, что основаніе лишь шьолы потребовало бы издержекъ, но впоследствии она могла бы содержаться отъ продажи работъ учениковъ и подмастерьевъ, чему и есть уже въ государствѣ примѣры.

§ 29. Университетъ и подчиненные ему два учебныя заведенія будутъ управляться комитетомъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ профессоровъ, по выбору полного университетскаго собранія; предсѣдательствующій же въ ономъ директоръ, вслѣдствіе такового-жъ выбора, представится отъ лица дворянства Слободской-Украинской губерніи на высочайшее утвержденіе государя императора. Подобнымъ же образомъ опредѣлены быть могутъ: необходимый, по обширности сего учрежденія, помощникъ директора, секретарь, казначей и прочіе чиновники университетскаго правленія.

§ 30. Кромѣ университетскаго комитета или правленія, имѣющаго заниматься учебными и правительственными распоряженіями, необходимо будетъ учредить комисію харьковскаго университета изъ нѣсколькихъ членовъ. по избранію сословія учреждающаго университетъ.

§ 31. Комисія университета возымѣетъ свое начало, сколько возможно не отлагая, по подписаніи акта о взносѣ суммы на сіе заведеніе, и займется, во-первыхъ, сборомъ суммы и предварительными до открытія университета распоряженіями, какъ-то: приуготовленіемъ зданій онаго и жилищъ для профессоровъ, равно вызовомъ и собраніемъ самихъ профессоровъ и прочихъ должностныхъ людей, доколѣ правленіе образуется. Впоследствии будетъ оно заниматься сборомъ и прочими распоряженіями, относительными до капитала, присвоеннаго университету.

§ 32. Комисія харьковскаго университета до окончательнаго обра-

зованія онаго можетъ имѣть двухъ постоянныхъ корреспондентовъ: одного въ С.-Петербургѣ, другого въ чужихъ краяхъ, для доставленія людей, способныхъ къ сему заведенію, и нужныхъ учебныхъ пособій, каковы: книги, инструменты и прочее.

§ 33. Комисія университета будетъ пецись о томъ, чтобъ люди присылаемые для составленія университета и подвѣдомыхъ ему училищъ, были самыя достойнѣйшіе, и въ мѣстахъ пребыванія ихъ, вообще уважаемые по ихъ ученію и нравственности. Профессоры перваго отдѣленія должны преподавать науки на російскомъ, а въ слѣдующихъ употреблены быть могутъ и другіе языки, такъ какъ юношество приготовится уже основательнымъ знаніемъ оныхъ.

Остальные 13 параграфовъ предначертанія отнеслились уже собственно не къ правиламъ университета, а къ дѣйствіямъ жертвователей касательно ежегоднаго распредѣленія суммъ и испрошенія высочайшаго утвержденія и покровительства университету.

Въ поясненіе этого предначертанія, В. Н. Каразинъ подалъ въ послѣдствіи въ министерство народнаго просвѣщенія особую записку, съ которою я также считаю не лишнимъ познакомить читателей. Писана она по-французски, потому что главные члены комисіи, въ которой предначертаніе должно было разсматриваться, князь Чарторыйскій и графъ Потоцкій владѣли французскимъ языкомъ лучше, чѣмъ русскимъ. Вотъ она въ переводѣ.

Пояснительная записка къ предначертанію харьковскаго университета.

„Да удостоятъ меня вопросами по всѣмъ пунктамъ моего проекта и да не откажутъ меня выслушать. Этого снисхожденія я осмѣливаюсь ожидать отъ особъ истинно-просвѣщенныхъ.

„Главный, можетъ быть, недостатокъ этого проекта состоятъ въ томъ, что я полагалъ насъ, живущими въ такое время, когда надобно скорѣе творить, чѣмъ подражать, и находящимися въ такомъ положеніи, которое позволяетъ намъ быть свободными отъ всякихъ предразсудковъ. Мнѣ казалось, что въ Россіи все должно быть ново и своеобразно, какъ она сама; что все должно быть соображаемо скорѣе съ собственными ея нуждами, чѣмъ съ обычаями народовъ по всему ей чуждыхъ, и съ тѣми старыми, отжившими уже, ихъ порядками, которымъ сами они продолжаютъ придерживаться только по причинѣ неподвижности у нихъ общественнаго мнѣнія. Гораздо легче по всѣмъ частямъ политическаго устройства вновь созидать, чѣмъ исправлять старое, и если кабая-либо страна находится въ такомъ счастливомъ состояніи, что можетъ безнаказанно слушаться здраваго

разсудка, руководимаго только опытами прошедшаго, то это Россія. Въ ней не приходится бороться съ общественнымъ мнѣніемъ, столь неумолимымъ и самовластнымъ въ другихъ странахъ; у насъ оно вовсе еще не существуетъ по многимъ предметамъ.

„Патріотическое приношеніе 70-ти тысячъ руб. ежегоднаго дохода, сдѣланное Слободско-Украинскою губерніею въ кассу правительства, съ единственною цѣлю имѣть возможность получать у себя многостороннее, высшее образованіе, неоспоримо доказываетъ, что просвѣщеніе въ ней распространено достаточно для того, чтобъ поддерживать нѣсколько специальныхъ высшихъ училищъ, собраніе которыхъ въ одно цѣлое я и назвалъ университетомъ, чтобъ не придумывать другого наименованія. Почему счелъ я нужнымъ соединить ихъ подъ одну, такъ сказать, крышу вмѣсто разбрасыванія ихъ по разнымъ мѣстамъ, какъ это сдѣлано во Франціи, на примѣръ, странъ достойной, впрочемъ, подражанія во всемъ другомъ, относящемся до народнаго образованія, отвѣтъ на это очень простъ: тамъ сжатость пространства позволяетъ каждому, желающему посвятить себя какой-нибудь специальности, выбирать безъ затрудненія любое училище, и притомъ средства страны тамъ гораздо значительнѣе. У насъ же, при огромныхъ разстояніяхъ между населенными пунктами и при скудости внутреннихъ средствъ, казалось мнѣ необходимымъ имѣть одинъ общій для всѣхъ сопредѣльныхъ губерній центръ ученія, гдѣ бы люди всякаго званія и всякаго состоянія могли находить средства для спеціальнаго своего образованія, чрезъ что достигалось бы и взаимное соединеніе сословій, столько, къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ разрозненныхъ между собою; къ тому же, это послужило бы и къ значительному сокращенію издержекъ, потребныхъ на заведеніе каждаго отдѣльнаго училища: однѣ и тѣже принадлежности послужатъ для нѣсколькихъ специальностей и одни и тѣже преподаватели могутъ быть полезны для разнородныхъ училищъ, какъ скоро они въ одномъ мѣстѣ; между тѣмъ какъ, разбѣвая ихъ по разнымъ городамъ, нужно во всякомъ устраивать и заводить все отдѣльно; а наконецъ, соединеніе въ одно цѣлое нѣсколькихъ специальныхъ училищъ имѣло бы послѣдствіемъ ту общность чувствъ, тотъ духъ товарищества, который такъ упрочиваетъ привязанность къ общему мѣсту воспитанія и содѣйствуетъ любви къ отечеству. Наполнивъ, такъ сказать, цѣлый городъ учащимися, образовавъ изъ нихъ какъ бы особую колонію, я думалъ тѣмъ усилить любовь къ занятіямъ взаимными примѣрами членовъ этой колоніи и распространить чрезъ то уваженіе къ образованію, облегчая въ то же время и выборъ специальностей, смотря по природнымъ наклонностямъ каждаго. Если только денежныхъ средствъ нашихъ хватитъ

на соединеніе всѣхъ наукъ и всѣхъ искусствъ подъ одну кровлю, то можетъ-ли послѣдовать какой-нибудь вредъ отъ того, что изъ-подъ этой кровли будутъ выходить и филологи, и юристы, и математики, и богословы, и ученые воины и художники,—словомъ, люди всевозможныхъ специальностей? Другихъ мѣстъ для образованія ихъ у насъ пока нѣтъ въ глубинѣ Россіи. Зачѣмъ заставлять родителей или дѣлать издержки не по силамъ, сваряжая дѣтей своихъ въ дальній путь для того, чтобъ прискаты мѣсто воспитанія по ихъ склонностямъ, или видѣть ихъ воспитывающимися вопреки природнымъ ихъ дарованіямъ. По всѣмъ этимъ причинамъ я проектировалъ харьковскій университетъ не въ три факультета, какъ московскій (сформированный на манеръ германскихъ, за исключеніемъ богословскаго факультета), а въ восемь¹⁾ разныхъ, но одинаковаго разряда отдѣленій, или скорѣе особыхъ училищъ, прибавивъ къ нимъ еще три низшаго разряда, изъ которыхъ одно, подъ названіемъ отдѣленія пріятныхъ искусствъ, гдѣ должны преподаваться: музыка, рисованіе, верховая ѣзда, и т. п., можетъ быть разсматриваемо какъ особое заведеніе, считающееся только при университетѣ, но не составляющее одного съ нимъ цѣлаго, а два другіе: отдѣленіе практическаго сельскаго хозяйства и отдѣленіе художествъ и ремеслъ, школы, состоящія подъ университетскою инспекціею.

„Всѣ эти восемь, совершенно отдѣльныхъ училищъ, имѣющихъ между собою только ту связь, которую даетъ имъ одно общее помѣщеніе и общее начальство, не должны имѣть своихъ декановъ, или начальниковъ отдѣленій (какъ въ нынѣшнихъ факультетахъ), которые бы имѣли особня свои собранія для распредѣленія лекцій: програма сихъ послѣднихъ должна быть общая, утвержденная главнымъ правленіемъ училищъ. Но зато должно быть дано полное право всѣмъ профессорамъ собираться когда имъ угодно, частнымъ образомъ, для разсужденій между собою объ общихъ успѣхахъ наукъ; въ университетскихъ правилахъ можно даже особою статьею вмѣнить преподавателямъ такія собранія въ обязанность, назначивъ и время съ тѣмъ, чтобъ въ нихъ допускались адъюнкты и даже лучшіе студенты, для

¹⁾ Въ томъ экземплярѣ «предначертанія», который находится у меня и съ котораго оно здѣсь печатается, сказано 9 отдѣленій. Экземпляръ этотъ одинъ изъ тѣхъ, которые разсматривались разными лицами въ Харьковѣ, въ августѣ 1802 г., передъ тѣмъ, какъ дворяне собирались для опредѣленія суммы пожертвованій. Можетъ быть, что В. Н. Карзинъ сдѣлалъ внослѣдствіи, когда составлялъ для министерства эту пояснительную записку, нѣкоторыя измѣненія въ своемъ проектѣ, или соединилъ отдѣленіе пріятныхъ искусствъ, которое въ проектѣ поставлено вторымъ, съ отдѣленіемъ изящныхъ художествъ, которое тамъ зачислено девятымъ. Во всякомъ случаѣ это не важно для сущности дѣла. Авт.

которыхъ такое отличіе будетъ лучшею наградою за ихъ прилежаніе. Такимъ образомъ эти собранія, въ которыхъ можетъ быть назначаемъ, по выборамъ, предсѣдатель и секретарь, дѣлали бы изъ университета нѣчто въ родѣ древнихъ академій, или въ родѣ парижскаго національнаго института (Institut national de France); ихъ могло бы быть нѣсколько родовъ: иногда для бесѣдъ о точныхъ наукахъ; другой разъ для бесѣдъ о нравственныхъ и политическихъ наукахъ; иной разъ о литературѣ и искусствахъ; иногда также для упражненій въ древнихъ языкахъ и вообще для разговоровъ о древностяхъ, наконецъ для бесѣдъ объ изящныхъ художествахъ, о сельскомъ хозяйствѣ, и пр. Всякій приносилъ бы въ эти собранія плоды своихъ занятій, своихъ опытовъ, сдѣланныхъ уже, или только еще предполагаемыхъ, и былъ бы проникнутъ желаніемъ научить и научиться. Всякій приходилъ бы въ нихъ какъ въ общество своихъ друзей, или родныхъ; время проводилось бы съ удовольствіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ пользою для общаго просвѣщенія края; это были бы настоящіе свободные лицеи, или академіи, безъ принужденія, безъ имени, безъ школьныхъ строгостей.

„Названіе отдѣленій взялъ я отъ главнаго предмета, въ немъ преподаваемаго, или, вѣрнѣе сказать, отъ того рода служенія отечеству, въ которому воспитанникъ готовится. Позволю себѣ сказать разъ навсегда: для государства важно не столько метафизически классифицировать преподавателей, сколько опредѣлить назначеніе воспитывающихся.

„1) Отдѣленіе общихъ познаній, или пріготовительное училище. Здѣсь гимназистъ усовершенствуется въ искусствѣ разумно объясняться, словесно и письменно, изучая пространнѣе, чѣмъ въ гимназій, древніе и новые языки и особенно языкъ русскій, литературу во всѣхъ ея видахъ, а также математическія и физическія науки настолько, сколько это нужно для приложенія этихъ знаній къ общественной жизни и къ тому ученью, которое онъ впоследствии изберетъ своею цѣлю: трехъ лѣтъ, положенныхъ на все это въ этомъ отдѣленіи, недостаточно еще, при самомъ большемъ прилежаніи, для того, чтобъ образованъ математика, физикъ, или химикъ достойнаго этого имени, а между тѣмъ довольно для того, чтобъ вышелъ полезный членъ общества, хотя и не специалистъ. Занятіе же каедръ, положенныхъ въ этомъ отдѣленіи, тѣми же професорами, которые будутъ преподавать въ слѣдующихъ специальныхъ отдѣленіяхъ, казалось мнѣ неудобнымъ, потому что для спеціальнаго преподаванія нужно употребить столько времени на приготовленіе себя надлежащимъ образомъ къ каждой лекціи, что некогда уже заниматься чѣмъ-либо дру-

гимъ, или будутъ преподавать кое-кавъ и тамъ и здѣсь, чего правительство, конечно, не желаетъ. Сбереженіе издержекъ тутъ было бы неумѣстно. Воспитанники, кончившіе курсъ въ этомъ отдѣленіи, или выпускаются изъ университета съ 14-мъ классомъ, или избираютъ по своимъ наклонностямъ какое-нибудь изъ слѣдующихъ специальныхъ отдѣленій, кои суть: 2) отдѣленіе богословія; 3) отдѣленіе гражданскихъ, или политическихъ наукъ; 4) отдѣленіе военныхъ наукъ; 5) отдѣленіе врачебныхъ наукъ; 6) отдѣленіе гражданскихъ художествъ, какъ-то: землемѣріе, архитектура и механика во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ и во всемъ томъ объемѣ, который нуженъ для образованія специалистовъ по этимъ частямъ, полезныхъ для государства; 7) отдѣленіе учености (соотвѣтствующее академіи наукъ); и, наконецъ, 8) отдѣленіе изящныхъ художествъ (соотвѣтствующее академіи художествъ).

Изъ этой программы видна сразу цѣль каждаго отдѣленія, или училища, соединеніе которыхъ въ одно цѣлое будетъ содѣйствовать къ взаимному ихъ преуспѣванію и къ облегченію внутренней ихъ администраціи. Число преподавателей должно быть соображено съ тѣмъ, которое полагается въ каждомъ отдѣльномъ, лучшемъ специальномъ училищѣ. Риску тутъ не будетъ никакого, какъ скоро доходы университета, достаточные для обезпеченія содержанія 60-ти преподавателей и 200 казеннокошныхъ студентовъ, имѣются уже въ виду. Приглашеніе даже нѣсколькихъ лишнихъ, противъ необходимаго, въ строгомъ смыслѣ, числа преподавателей, было бы не лишнее: тунейдцами они не сдѣлаются въ небольшомъ городѣ, среди многихъ дѣятельныхъ своихъ сотоварищей.

„Остается мнѣ еще сказать нѣсколько словъ о судьбѣ университетскихъ студентовъ. Отличать за успѣхи, безъ сомнѣнія, полезно. Комисія 18-го марта полагаетъ чины, смотря по аттестатамъ, выдаваемымъ отъ университета: кандидатъ, или бакалавръ пользуется 12-мъ классомъ, магистръ—9-мъ классомъ, докторъ и адъюнктъ—8-мъ, профессоръ—7-мъ. Смѣю думать, что такія отличія не только поощряютъ къ прилежанію и служатъ ручательствомъ въ успѣхахъ, но и доказываютъ справедливость правительства, потому что человѣкъ, который, въ видахъ сдѣлаться полезнымъ государству, побинулъ своихъ родныхъ, чтобы предаться скучнымъ и труднымъ занятіямъ, пренебрегъ и покоемъ своимъ и здоровьемъ, проводилъ ночи безъ сна и дни въ уединеніи,—который, имѣя можетъ быть способность блистать въ обществахъ, отказался на многіе годы отъ наслажденій молодости и отъ пріятностей жизни, которыми могъ бы пользоваться во всякомъ другомъ положеніи,—такой человѣкъ, достигши цѣли своихъ

тудовъ, нужныхъ познаній, можетъ, конечно, занимать мѣсто 9-го или 8-го класса въ государственной службѣ, достоинъ его занять и не будетъ на немъ бесполезенъ. Что такое чины, какъ не знаешь, налагаемый верховною властію, представительницею націи, на достоинства, для того, чтобъ ихъ видѣли и уважали? И такъ, я думаю, что степени аттестатовъ университетскихъ необходимы, и полагаю, что ихъ должно быть три, которые такъ просто и называть: первая, вторая, третья, не прибѣгая къ непонятнымъ на нашемъ родномъ языкѣ терминамъ бакалавра или лиценціата, магистра, доктора. Всѣ эти степени и соотвѣтствующіе имъ чины должны быть даваемы по аттестатамъ того отдѣленія, въ которомъ воспитанники окончили курсъ, и имѣть силу тогда только, когда получившіе ихъ посвящаютъ себя службѣ, соотвѣтствующей ихъ ученю. Вотъ единственное, кажется мнѣ, средство къ тому, чтобъ имѣть въ каждой должности людей способныхъ. Это не будетъ стѣсненіе свободы, но только указаніе на обязанность употреблять ее съ пользою и для себя и для государства, на обязанность тщательно обдумывать первый свой служебный шагъ.

„NB. Напоминая о покорнѣйшей просьбѣ, которою я началъ эту записку, и ожидая возраженій особенно на проектъ отдѣленія богословскаго, по поводу котораго мнѣ хотѣлось бы высказать многое, осмѣливаюсь надѣяться, что мнѣ дозволено будетъ объясниться. Объясниться!—это все, о чемъ я умоляю! Я увѣренъ, что во всемъ „предначертаніи“, одобренномъ украинцами и представляемомъ отъ лица ихъ на высочайшее благоусмотрѣніе, не найдется ничего противнаго существующимъ постановленіямъ, ничего такого, что бы не было согласно съ извѣстными мнѣ взглядами тѣхъ чтимыхъ мною особъ, которыя занимались до учрежденія комисіи разсматриваніемъ академическихъ и университетскихъ уставовъ“. Василій Каразинъ.

Проектъ свой В. Н. Каразинъ сообщалъ предварительно своему пріятелю, профессору Парроту, весьма извѣстному въ ученomъ мірѣ и давно уже покойному академику, бывшему тогда ректоромъ Дерптскаго университета,—и вотъ его отвѣтъ:

(Переводъ съ французскаго). „М. г.! Если вы будете судить о желаніи моемъ сообщить вамъ мои мысли относительно вашего проефта харьковскаго университета по той медленности, которую я оказалъ въ отвѣтъ на лестный для меня вызовъ вашъ, то вы очень ошибетесь. Тѣсныя отношенія между нами, которыми я горжусь, и патріотизмъ, доказанный вами идеею учрежденія въ Харьковѣ высшаго училища, должны бы удостовѣрить васъ въ моемъ нетерпѣніи

отвѣчать на ваше. дорогое для меня письмо, если только вы предполагаете и во мнѣ хотя каплю рвенія къ пользамъ общимъ. Могу извиниться только тѣми, почти безчисленными занятіями, которыми, послѣ возвращенія моего сюда, я былъ заваленъ до такой степени, что для того, чтобъ справиться съ ними, я не разъ долженъ былъ просиживать цѣлыя ночи за работой; и теперь еще голова у меня идетъ кругомъ. Если, на счастье многих и на ваше собственное несчастье, вамъ поручать, какъ я надѣюсь, внутреннее устройство вашего университета, если притомъ назначать короткій срокъ, какъ мнѣ, и обременять еще профессорскими и другими важными должностями, то вы тогда, я увѣренъ, готовы будете простить мнѣ мою медленность.

„Проектъ вашъ добазываетъ, что вы глубоко обдумали вашу задачу и освободились отъ всѣхъ тѣхъ предрассудковъ, подъ вліяніемъ которыхъ составлялись уставы другихъ университетовъ, не исключая и нашего, самаго новѣйшаго; и я вполне сочувствую идеѣ вашей—обойтись безъ всей этой дряни, (*fatras*) такъ называемыхъ факультетовъ, которые нивогда, ни къ чему не были пригодны. Вамъ извѣстно, что я былъ того же самаго мнѣнія, когда дѣло шло о дерптскомъ университетѣ, и что только убѣжденіе сотоварищей моихъ, съ которыми, впрочемъ, и я наконецъ долженъ былъ согласиться, заставило насъ принять это безцѣльное раздѣленіе университета, съ прибавкой еще подраздѣленія философскаго факультета на 4 разряда, или класса. Причиной такой подвластности предрассудкамъ,—тѣсныя наши связи съ Германіей, которой, въ свою очередь, полюбились очень наши академическіе ранги. Харьковский же университетъ, болѣе отдаленный отъ Германіи, и не имѣющій съ ней такихъ тѣсныхъ связей, можетъ дѣйствовать свободнѣе. Спасибо ему скажемъ и за то, что онъ посоветовался только съ здравымъ разсудкомъ.

„Относительно вашего дѣленія университета на 8 отдѣльныхъ, самостоятельныхъ училищъ, которыя вы назвали отдѣленіями, не думаю, чтобъ оно пришлось по вкусу всѣмъ: у всякаго свой взглядъ на вещи и всякому хочется непременно опровергать то, что придумалъ другой, особливо когда дѣло коснется до раздѣленія специальностей. Поэтому и я удержусь отъ всякаго по этому предмету сужденія, какъ человѣкъ, который смыслить въ одной только специальности и, слѣдовательно, не въ правѣ судить о другихъ. Нравится мнѣ ваша сатира на медицину: я отъ души посмѣялся тому, что вы поставили ее вслѣдъ за военнымъ дѣломъ! Такъ и слѣдовало: оба рода законнаго и методическаго убиванія людей должны непременно идти объ-руку другъ съ другомъ. Идея освободить профессоровъ отъ та-

гости университетскаго управленія останется, я думаю, благочестивымъ пожеланіемъ (*pium desiderium*),—едва-ли она примется. Вашъ директоръ не изъ професоровъ сдѣлается, по самой природѣ вещей вѣчнымъ директоромъ, и хорошо еще будетъ, если мѣсто это не сдѣлается всегдашнимъ наслѣдіемъ старыхъ клячь, которыхъ некуда дѣвать. Никто не имѣетъ такого отвращенія отъ административныхъ занятій, какъ я, и въ настоящую минуту я жду не дождусь іюля мѣсяца, чтобы уйти отъ своихъ ректорскихъ обязанностей, какъ иные ждуть блаженства райскаго на томъ свѣтѣ; но мнѣ все-таки кажется, что нельзя иначе сохранить необходимую для университетовъ свободу дѣйствій, какъ вручивъ внутреннее ихъ управленіе сословію професоровъ. Вы, я увѣренъ, нелегкомысленно рѣшились на такое важное нововведеніе и остается только желать, чтобы вамъ удалось согласить свободу университета съ невмѣшательствомъ преподавателей въ его управленіе: вы рѣшили бы этимъ задачу, надъ которой трудятся столько вѣковъ.

„Не совсѣмъ понялъ я предположенія вашего—имѣть 60 преподавателей. Если къ 70-ти тысячамъ дохода, который будетъ приносить пожертвованная сумма, казна станетъ добавлять только 50 тысячъ руб., чтобы составился опредѣленный теперь для каждаго университета годсвой, 120-ти тысячный бюджетъ, то вашимъ профессорамъ придется довольствоваться одною тысячею руб. жалованья въ годъ! Или можетъ быть вы надѣетесь получать отъ казны всю положенную по бюджету сумму сверхъ вашихъ 70 т.? Въ такомъ случаѣ вы—крезы и я признаю совершенно основательнымъ желаніе ваше имѣть професоровъ какъ можно больше.¹⁾

„Лицейская ваша идея восхитила меня, и я отъ всего сердца желаю, чтобы она осуществилась, не встрѣтивъ сильнаго отпора со стороны высшей мѣстной администраціи. У насъ строгости, несмотря на царскія неоднократныя предписанія“...

Окончанія письма нѣтъ у меня, но надо полагать, что оно было довольно велико.

Снабженный отъ Харьковцевъ формальными довѣренностями на представленіе государю ихъ просьбъ объ учрежденіи университета, причемъ дворяне дали ему еще особое похвальное свидѣтельство на огромномъ листѣ бумаги, съ большою печатью и со множествомъ подписей, В. Н. Каразинъ отправился въ Петербургъ. Весело летѣлъ онъ на перекладной, благопріятствуемый прекрасною осеннею по-

¹⁾ При «предначертаніи» приложена смета доходовъ харьковскаго университета въ 200 т. р.

Авт.

годою, и мечтая о томъ удовольствіи, которое доставить „другу души его“ (какъ называлъ онъ императора Александра Павловича въ своихъ письмахъ) приношеніемъ украинцевъ. По временамъ, однако-жь, брови его невольно сдвигались при воспоминаніи о той перемѣнѣ, которую онъ замѣтилъ, незадолго до отъѣзда своего изъ столицы, въ благоволеніи къ нему обожаемаго имъ государя. Не разъ уже отказывали ему въ просимыхъ аудіенціяхъ и никогда не призывали неожиданно, какъ бывало прежде. Онъ терялся въ догадкахъ, и, не чувствуя за собою никакой вины, подозрѣвалъ интригу и дѣтски добивался разъясненія отъ самого императора. Вотъ, напримѣръ, одно его черновое письмо: оно помѣчено 8-мъ числомъ августа 1802 года, т. е. за нѣсколько дней до отъѣзда его въ Харьковъ.

„Всемиловѣйшій государь! Къ влечетъ, очернившей меня, можетъ быть, предъ вашимъ величествомъ, присоединились теперь коварствомъ исполненное корыстолюбіе и злость. Неужели должны онѣ восторжествовать надъ вашимъ обо мнѣ, благотворитель мой, мнѣніемъ?.. Нынѣшніе дни самыя рѣшительныя въ моей жизни: я испрашиваю у васъ только десять минутъ на личное объясненіе. Дайте мнѣ ихъ ради Бога! Кромѣ, что я давно жажду имѣть сіе счастье по другимъ предметамъ; десять минутъ можно употребить вамъ, государь, чтобы удостовѣриться, достоинъ-ли на все предбудущее время милостей вашихъ тотъ, который отважился назваться предъ вами другомъ чести, истины, общаго добра и вашимъ вѣчно-усерднымъ подданнымъ В. К.“

Послѣдоваль-ли какой отвѣтъ на это письмо — мнѣ неизвѣстно. Думаю, что-нибудь да отвѣчали, иначе онъ не поѣхалъ бы въ Харьковъ.

Тотчасъ по приѣздѣ въ Петербургъ, Василій Назаровичъ написалъ слѣдующую бумагу:

„Августѣйшій монархъ! Усердное желаніе видѣть счастливымъ народъ свой ничѣмъ столько не доказывается, какъ твоими объ общественномъ воспитаніи попеченіями. Ревнуй онимъ споспѣшествовать, Слободско-Украинская губернія, преклоня колѣни предъ своимъ благотворителемъ, слагаетъ у ногъ его жертву свою государству. Дворянство ея представляетъ не избытки, излишними налогами на крестьянъ собранные, но свято-принадлежащую ему собственность: произведенія своихъ имѣній. Купечество и граждане, удвоя дань, платимую ими на ряду съ прочими ихъ званія, половину общихъ доходовъ своихъ, безпредѣльно предоставленныхъ имъ узаконеніями твоихъ предшественниковъ, уступаютъ въ пользу просвѣщенія, если то угодно будетъ державной твоей волѣ. Удостой, всемиловѣйшій

государь, вниманіемъ твоимъ безкорыстныя приношенія твоихъ подданныхъ. Прости щедрю твою руку въ помощь имъ. Повели сообразить мысли ихъ о предполагаемомъ университетѣ съ общимъ планомъ подобныхъ заведеній. Рѣши участь воспитанія въ полуденной Россіи“.

„В. И. В. вѣрноподанный Василій Каразинъ, депутатъ отъ общества дворянъ, купечества и гражданъ Слободско-Украинской губерніи“.

Приобщивъ къ этой бумагѣ проектъ университета и довѣренности харьковцевъ, бодро отправился онъ съ ними во дворецъ. Но, увы, его не приняли. Вѣрно было сказать ему, чтобы представилъ все, что имѣеть, по начальству.

Пошелъ онъ со вздохомъ въ комисію о училищахъ, въ которую, во время его отсутствія, 8-го сентября 1802 г., назначили его правителемъ дѣлъ, и отдалъ все предсѣдателю комисіи Михаилу Никитичу Муравьеву; — и дѣло Харьковскаго университета пошло въ долгій съ разными потайными пружинами ящикъ.

Воспитаніемъ Харьковскаго Университета 1820-хъ гг.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ДАРГОМЫЖСКІЙ.

Матеріалы для его біографіи.

1813 — 1869.

Письма къ сестрѣ Софьѣ Серг. Степановой.¹⁾

Брюссель. 6-го января (1865).

Вчера отправивъ къ тебѣ письмо съ вырѣзкой изъ „Indépendance Belge“, я узналъ, что и парижскія газеты уже отозвались о нашемъ концертѣ. Зайдя въ кофейную, мнѣ случайно указали еще статью обо мнѣ въ одной брюссельской еженедѣльной газетѣ. Прилагаю ее при этомъ письмѣ. Надо тебѣ сказать, что я здѣсь не былъ ни у одного журналиста, кромѣ Фетиса, съ которымъ былъ знакомъ еще 20 лѣтъ тому назадъ. Значить, успѣхъ мой быть настоящій и неподдѣльный, если они такъ лестно обо мнѣ отзываются, не выдавъ прелестныхъ глазъ моихъ. Пожалуйста передавай эти статьи и нѣкоторыя письма мои Вельяминову, чтобы показалъ Кюи и Соколову, котораго я прошу повидаться съ Раппапортомъ и показать ему для опубликованія въ „Сынѣ Отечества“. Вообще, постарайся распространить эти статейки въ петербургскихъ журналахъ. Я думаю, что ты удивляешься моему внезапному желанію — гоняться за журнальной славой? Ничего небывало; я менѣе чѣмъ когда-нибудь расположенъ искать извѣстности въ Россіи, но признаюсь, что мнѣ доставляетъ самое пріятное развлеченіе и услажденіе пошканировать петербургскихъ свиней, которыя столько лѣтъ хрюкали около меня, и на сценѣ, и въ гостиницхъ, и въ журналахъ. Вотъ тебѣ вся разгадка..... Блазь

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1875 г. т. XII, стр. 339—358; 565—574.

говорилъ мнѣ, что самъ писалъ въ тебѣ письмо о концертѣ ассоціаціи; получила-ли ты его? Хотѣлось бы мнѣ подсмотрѣть здѣсь сюжетовъ для карикатуръ въ „Будильникъ“, но въ Брюсселѣ русскихъ совсѣмъ почти нѣтъ. По крайней мѣрѣ я не встрѣчалъ. За table d'hôte обѣдаетъ насъ постоянно отъ 20 до 40 человѣкъ и ни одного русскаго, несмотря на то, что всякій день новыя лица приѣзжаютъ и уѣзжаютъ. Не будутъ-ли давать у васъ французскую комедію: „Le point de mire“? Презабавная. Совѣтую Николаю посмотрѣть ее. Что же Иллимовъ не ѣдетъ? Я поджидаю его. Жаль, что со мною нѣтъ никого изъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Мы бы здѣсь надѣлали шуму. Грустно еще, что никто не пишетъ ко мнѣ, кромѣ тебя. Собираются-ли гдѣ-нибудь наши любители пѣнія? Какъ рѣшилась судьба „Русалки?“—ничего этого я не знаю. Кланяйся всѣмъ добрымъ друзьямъ Читаетъ-ли Владиміръ Ѳедоровичъ ¹⁾ мои письма? Онъ принималъ, такое живое участіе въ моей музыкѣ, даже собирался приѣхать за границу, если будутъ ставить оперу. Вообще нашиши, довольны-ли мои пріятели концертомъ нашимъ и проч., и проч.

(Прилагаемъ здѣсь, въ переводѣ, статейку изъ „Indépendance Belge“, о которой говорено выше, въ текстѣ письма:

«Въ прошлую субботу товарищество артистовъ-музыкантовъ Брюсселя дало свой 2-й концертъ въ залѣ «Grande Harmonie». Изъ инструментальныхъ вещей, кромѣ симфоніи ut г. Гансенса, были исполнены два сочиненія, совершенно неизвѣстныхъ намъ и принадлежація одному русскому музыканту, г. Даргомыжскому. Судя по этимъ двумъ образцамъ его музыки, репутация, которой пользуется г. Даргомыжскій въ своемъ отечествѣ, намъ кажется очень справедливой. Первая изъ двухъ пьесъ, которыя мы слышали, — увертюра для большого оркестра, — отличается удачной и мастерской инструментовкой, также какъ и отсутствіемъ претензіи и капризной изысканности въ развитіи мелодическихъ мотивовъ: теперь съ сѣвера идетъ къ намъ свѣтъ. Второе сочиненіе, — фантазія на казакскій мотивъ, отличающееся огнемъ и оригинальностью фактуры, а также оркестровыми подробностями увлекательной живости, — доставило г. Даргомыжскому единодушный и восторженный вызовъ. Мы полагаемъ, что пріемъ, сдѣланный русскому композитору, долженъ былъ бы побудить распорядителей концертовъ товарищества — дать намъ возможность прослушать еще разъ по крайней мѣрѣ одно изъ тѣхъ двухъ сочиненій, которымъ мы рукоплескали прошлую субботу и, преимущественно, увертюру, такъ какъ достоинство ея не могло быть достаточно оцѣнено при первомъ слуханіи»).

Брюссель. 12-го января 1865.

Хотя ничего особеннаго не имѣю передать тебѣ, но пишу, чтобы дать о себѣ вѣсточку. Дѣйствительно, оказывается, что одно письмо твое до меня не дошло. Рѣшеніе объ участи „Русалки“ я не зналъ:

¹⁾ Пургольдтъ.

но давно предсказывалъ, что она и въ этомъ году не пойдетъ. Поставить Святой, лѣтомъ, не стоить ставить ее, а гораздо лучше сберечь ее до того времени, когда ни Федорова, ни Лядова, при театрѣ не будетъ. Желаніе твое—грянуть здѣсь „Эванъ-эво“¹⁾ едва-ли совершится; по крайней мѣрѣ, нынѣ, хотя многіе, ознакомившіеся съ моею оперою, полагаютъ, что она должна понравиться даже публикѣ. Главная причина тому — невозможность соглашенія цѣлей всѣхъ вообще театральныхъ дирекцій съ искусствомъ, потому и та, что репертуаръ сезона составленъ заранѣе. Его нельзя измѣнить такъ легко, какъ програму концерта, ради „Казачка“. Впрочемъ, взвѣсь и то, что я ничего не дѣлаю, чтобы достигъ этой постановки. Съ директоромъ театра не знакомился, а только говорю Гансену: „Если вамъ это будетъ пріятно и полезно, ставьте эту вещь. А нѣтъ, то отпустите меня въ Парижъ“. Но Гансенъ и директоръ главнаго общества артистовъ, какъ мнѣ кажется, не желаютъ еще пускать меня въ Парижъ; а имѣютъ въ виду, исполнить еще что-нибудь мое въ 3-мъ своемъ концертѣ, около 10-го февраля (здѣшняго стила). Я и на то готовъ, лишь бы только не хлопотать и не ѣздить по артистамъ и журналистамъ. Къ несчастію, въ этихъ концертахъ нѣтъ хоровъ. Пѣвцамъ театральнымъ тоже некогда разучивать что-нибудь новое, они завалены работою! Такимъ образомъ я и не знаю, что придумаемъ исполнить.

Хотя я и сказалъ въ началѣ письма, что ничего особеннаго не имѣю передать тебѣ, но полагаю, что слѣдующій рассказъ будетъ для тебя занимателенъ. Должно быть фея моя покровительствуетъ мнѣ не по одной музыкальной части. Вѣроятно она даже изгладила мнѣ морду, потому что одна, коротко знакомая мнѣ бельгійка, говоритъ подругѣ своей: *Et bien, c'est singulier, je vois bien que Monsieur n'est pas jeune, mais je ne le changerais pas pour tous les beaux garçons de la Belgique!*²⁾ Но вотъ какой былъ случай третьяго дня: отобѣдавъ въ отелѣ, около 7-ми часовъ вечера, пошелъ я, вмѣстѣ съ однимъ путешествующимъ полякомъ, по многолюдной улицѣ, онъ въ портному своему, а я зашелъ въ сигарный магазинъ, въ которомъ постоянно беру нужное для куренія, и, по здѣшнему обыновенію, часто болтаю и шучу съ двумя довольно миленькими продавщицами. Мать ихъ и третья сестра были въ концертѣ, слышали мои сочиненія, — я въ магазинѣ забираю товару много, плачу хорошо, говорю

¹⁾ Хоръ изъ «Торжества Вакха».

В. С.

²⁾ Странное дѣло! Я хорошо вижу, что онъ не молодъ, но я не промѣняла бы его на всѣхъ красавцевъ Бельгій!

учтиво и прилично. Стало быть, дѣвицы всегда довольны, когда я захожу къ нимъ. Полякъ хотѣлъ зайти за мной въ сигарный магазинъ, и такъ какъ долго не шелъ, то я рѣшился дойти до портного, у котораго онъ замѣшкался. Теперь внимки въ географію мѣстности: улица очень узкая, только для разѣзда двухъ каретъ; освѣщена окнами изъ магазиновъ очень ярко и идетъ въ гору. Разстояніе отъ двери сигарнаго магазина до двери портного короче, чѣмъ ширина дома Есакова. Почти въ то же время, какъ я вышелъ изъ магазина и пошелъ по тротуару направо въ гору, полякъ выходитъ отъ портнаго и идетъ ко мнѣ на встрѣчу съ горы. Въ этотъ моментъ летитъ съ горы карета. Изъ кареты раздается страшный пистолетный выстрѣлъ. Пуля летитъ между нами и врѣзывается въ бортъ окна нижняго этажа. Карета ускакала. Полякъ увѣряетъ, что онъ слышалъ свистъ пули и видѣлъ даже *comme une mèche allumée* (въ родѣ горящаго пыжа) въ томъ мѣстѣ, куда ударила пуля. Я полагаю, что это ему причудилось, потому что пуля, которую я видѣлъ въ рукахъ полицейскаго офицера, продолговатая, какъ бывають у револьверовъ большого калибра, стало быть не шомпольная. Впрочемъ, я не знатокъ этого дѣла. Пускай разсудитъ это генераль Кун-Вельяминовъ. Само собою разумѣется, что выстрѣлъ назначенъ былъ ни мнѣ, ни поляку. Кто могъ предугадать, что мы случимся на этомъ пунктѣ въ такое-то время. Но сила въ томъ, что стрѣлявшій господинъ могъ весьма легко промахнуться—и попасть въ которагонибудь изъ насъ. Я ничего разглядѣть не могъ, потому что вниманіе мое обращено было на товары, которые развѣшены въ окнахъ. Услышавъ выстрѣлъ, мнѣ прежде всего пришло въ голову, что онъ былъ слѣланъ въ домъ, а не на улицѣ. На всякій случай я отошелъ нѣсколько шаговъ назадъ. Сигарныя продавщицы высочили на улицу. Толпа начала собираться.

Я поѣхалъ музыкалить съ дочерьми одного фортепяннаго мастера. Кстати о музыкѣ: глядя на здѣшнихъ балетныхъ танцовщицъ, мнѣ пришло въ голову, за что онѣ лишены возможности играть на фортепяно? И чтобы дать имъ эту возможность, я написалъ довольно большую пьеску для фортепяно въ четыре руки, которую могутъ играть всѣ, не только самыя слабыя піанисты, но даже и тѣ, кто никогда въ жизни не садился за фортепяно. Вышло очень недурно. Когда пріѣду—сыиграю ее съ Олимпиадой Николаевной.¹⁾

¹⁾ Это—Славянская серенада, напечатанная впоследствии въ Петербургѣ.
В. С.

Брюссель, 21-го января 1865.

... Я еще не отвѣчалъ на два послѣднія письма твои, потому что опять занятъ былъ приготовленіемъ партій къ концерту, 11-го февраля (здѣшній ст.). Путнаго ничего не жду: никакъ не можемъ сладить съ пѣвцами. Тенора здѣшніе поютъ въ концертахъ поочередно. Въ нынѣшнемъ концертѣ долженъ пѣть теноръ дубина. Реветь какъ быкъ. Гансенсъ послалъ ему каватину изъ „Русалки“: онъ не берется пѣть, потому что нѣтъ Allegro, въ которомъ онъ бы могъ дать просторъ своему горлу. Мы хотимъ исполнить балетъ изъ „Русалки“. Національныя вещи здѣсь больше интересуются, чѣмъ общесвѣтскія... Вчера получилъ я письма Щиглева и Вельяминова. Само собою разумѣется, что я вездѣ и со многими игралъ свои вещи въ 4 рубли. Вѣдь я писалъ вамъ, что лейпцигскіе профессора нашли, что все „neu, interessant, curios!“ (ново, интересно, курьезно!)—понятно; что все это вслѣдствіе 4-хъ ручнаго исполненія... Какъ бы Кюи рѣзко ни писалъ, но уже навѣрное, его рѣзкость не можетъ сравниться съ наглою и площадною бранью, которую мы читывали въ „Современникѣ“. Какъ же могутъ газеты возставать противъ него? На дняхъ обѣдали у меня въ отелѣ Гансенсъ, Блазь, Бернье и Арто. Обѣдъ изъ десяти блюдъ, отлично изготовленныхъ, десертъ, три бутылки лучшаго вина и бутылка шампанскаго. Все это стоитъ около 13 руб. сер. Въ Петербургѣ стоило бы 40 руб., если нѣ больше. Гансенсъ приглашаетъ меня на будущій годъ съ оперой. По его соображеніямъ удобнѣе всего поставить здѣсь „Эмеральду“. Я еще ничего впередъ не загадываю. Послѣ концерта поѣду въ Парижъ. Говорятъ, тамъ уморительныя вещи на театрахъ... () пистолетномъ выстрѣлѣ ничего не узнали. Полагать надо, что это было пари между молодежью.

(Брюссель), 22-го января 1865 г.

Сейчасъ получилъ письмо твое отъ 15-го и письмо Владиміра Федоровича съ припиской милой нашей артистки Наденьки.¹⁾ Особаго отвѣта имъ не пишу, потому что въ искренности моей къ нимъ дружбы и благодарности они, конечно, не сомнѣваются, а о здѣшнемъ моемъ провозженіи времени знаютъ изъ писемъ моихъ къ тебѣ. Передай только Владиміру Федоровичу, что я болѣе всего дорожу участіемъ добрыхъ и благородныхъ людей, да хорошенькихъ русскихъ

¹⁾ Владиміръ Федоровичъ Пургольдтъ и его племянница Надежда Николаевна Пургольдтъ, нынѣ замужемъ за Никол. Андр. Римскимъ-Корсаковымъ.

барышень; а такъ какъ онъ съ племянницами своими лучшій представитель того и другого, то и можетъ судить объ удовольствіи, которое доставило мнѣ радушное письмо его... Между 1-мъ и 5-мъ февраля я располагаю уѣхать изъ Брюсселя въ Парижъ...

Брюссель, 29-го января 1865.

.... Твое письмо о рѣшеніи судьбы моей „Русалки“ затерялось и я все не знаю, отчего не поетъ Коммисаржевскій, и отчего оперу отложили. Во всякомъ случаѣ полагаю, что послѣ Святой не стоить ставить. Театръ будетъ пустъ. Дирекція дастъ еще оперу въ августѣ: театръ опять будетъ пустъ. Скажутъ: публика не ѣздитъ, и перестанутъ давать ее. Все это уже было; значить не ново. Въ субботу, 30-го января, будетъ нашъ концертъ. Вчера на репетиціи съиграли балетъ мой изъ „Русалки“ великолепно. Оркестръ принялъ отлично. Что скажетъ публика—не знаю, да признаться и не забочусь о томъ. 3-го или 4-го февраля располагаю выѣхать изъ Брюсселя въ Парижъ. Что будетъ далѣе—рѣшительно не предвижу. Если не соскучусь въ Парижѣ, доживу тамъ до весны. Весною вернусь въ Брюссель къ концертамъ Королевскаго Парка. Если же парижская жизнь надоѣстъ—то передамъ партитуры въ распоряженіе Гансенса, и самъ вернусь въ Петербургъ до осени, но все это только предположенія. Есть одна грустная сторона путешествія, именно разставаніе съ такими лицами, съ которыми только-что сошелся. Ко мнѣ какъ-то особенно скоро привыкаютъ. И Еленевы и Демидовы всѣ пишутъ, что время пребыванія моего съ ними оживило ихъ заграничную жизнь. Но съ своими разставаніе далеко не такъ грустно, какъ съ иностранными знакомыми. Со своими еще увидишься и проживешь много лѣтъ. Съ чужими расстаешься именно съ тѣмъ, что уже болѣе не увидишься. Это то и грустно.

Брюссель, 31-го января (1865).

Пишу тебѣ послѣднюю вѣсточку изъ Брюсселя. Послѣ завтра, во вторникъ, собираюсь уѣхать въ Парижъ. Въ Парижѣ буду въ тотъ же день вечеромъ. Всего шесть часовъ ѣзды. Вчерашній концертъ нашъ не состоялся. Знаменитая пѣвица madame Cabel занемогла и концертъ отложенъ. Разумѣется, я оставляю мои партитуры въ распоряженіе Гансенса. Такъ какъ „славянскій“ и „цыганскій“ танцы играны уже при мнѣ на трехъ репетиціяхъ и идутъ въ оркестрѣ превосходно, то ихъ исполнять и безъ меня точно также хорошо. Такъ какъ концертъ этотъ отложится, быть можетъ, на долгій срокъ, то Гансенсъ хотѣлъ исполнить мои вещи въ другомъ концертѣ, т. е.

предложить другому обществу. Я предоставилъ ему сдѣлать, какъ онъ хочетъ. Нельзя себѣ представить, что это за оркестръ здѣшней музыкальной Ассоціаціи. Онъ не гонится за педантическими консерваторіальнымъ исполненіемъ мягкихъ скрипичныхъ штриховъ, такъ чтобы даже движеніе смычковъ было одинаково: за то звучность (sonorité) оркестра неслыханная. Вѣрность, сила и жизнь изумительныя. Всѣ духовые инструменты въ оркестрѣ виртуозы и профессора консерваторіи, — мѣдные инструменты еще замѣчательнѣе, вѣрностью и звучностью своей. Теперь всѣ они заучили мое имя, и такъ расположены къ русской музыкѣ, что вызываются исполнить все, что я ни пришлю имъ своего. Многіе жалѣютъ ужасно, что дирекція не ставитъ теперь же „Торжество Вагха“. Вчера со мной здѣсь повторился тотъ же анекдотъ, какъ на постояломъ дворѣ въ Вязьмѣ. Помнишь я рассказывалъ: вы то не вы, да не родственникъ-ли вашъ? Здѣшняя аристократія еще гораздо невѣжественнѣй нашей. Католицизмъ ее совершенно отупоумилъ. Вчера за table d'hôte — сидитъ возлѣ меня одинъ графъ и спрашиваетъ (зная, что здѣсь исполняются въ концертахъ мои сочиненія): Monsieur, il doit y avoir en Russie encore quelqu'un qui porte votre nom?—Mais non, Monsieur, je ne le pense pas.—C'est que j'ai chez moi quelques morceaux de musique sur lesquels il y a le même nom: cela doit être un Polonais.—Est-ce pour le chant, Monsieur?—Oui, Monsieur.—Eh bien, cela ne peut être que de moi.—Je ne crois pas: avez vous été a Paris, Monsieur?—Oui, Monsieur, et j'y vais encore.—C'est égal, cela doit être un Polonais.—Eh bien, Monsieur, si cela vous fait plaisir, je veux bien que ce soit un Polonais. ¹⁾

Парижъ, 7-го февраля (1865).

Какъ предположилъ — такъ и выполнилъ. Во вторникъ, 2 го февраля выѣхалъ въ 2 часа изъ Брюсселя, и вечеромъ въ 11-мъ часу былъ уже на парижскихъ бульварахъ..... По всему, что здѣсь вижу, надѣюсь провести время въ Парижѣ не скучно. Но объ искусствѣ, кажется, надо забыть. Весь Парижъ имѣетъ, въ глазахъ моихъ, видъ огромнѣйшей и великолѣпнѣйшей кофейни съ тысячами базаровъ. Здѣсь цѣлый день и вездѣ толпа, гулянье. Вечеромъ всѣ главныя улицы и бульвары освѣщены.

¹⁾ Въ Россіи должно быть есть ваши однофамильцы? — Нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно — нѣтъ.—У меня есть нѣсколько музыкальныхъ сочиненій, подписанныхъ этимъ именемъ—это долженъ быть полякъ!—Эти сочиненія для нѣмія?—Да, для нѣміи.— Они моего сочиненія.— Не думаю, вы бывали въ Парижѣ?—Бывалъ, и теперь опять туда ѣду.—Все равно, эти сочиненія должно быть написаны непременно полякомъ.—Если это вамъ доставитъ удовольствіе—пусть будетъ такъ!

какъ у насъ было въ день коронаціи; а блескъ пассажировъ—передать мудрено. Тысячи рожковъ газа. По обѣимъ сторонамъ пассажировъ стеклянныя зеркальныя стѣны. На нихъ, сверху до низу, навѣшены разныя вещи и товары. Кто это все покупаетъ — понять не могу. Сейчасъ дон-Педро¹⁾ принесъ письмо твое отъ 24-го, съ вырѣзкой изъ газеты. Благодарствую за все, только пожалуйста не претендуй ни на кого. Хотятъ—пишутъ. Не пишутъ—какъ хотятъ. Талантъ данъ мнѣ въ собственную утѣху. Навязывать его другимъ, я—ни въ Россіи, ни за границей—не желаю.... Долго-ли пробуду въ Парижѣ—не знаю, но кажется, что проведу въ немъ время не скучно...

Парижъ, 14-го февраля (1865).

.... Русскія имена для иностранцевъ ужасно затруднительны. Въ газетѣ парижской „L'Europe“ объявленъ, напримѣръ, пріѣздъ мой въ Парижъ: и я названъ „Dargomaski“. Не могутъ не перевернуть.

.... Погода здѣсь стоитъ отвратительная. Вѣтеръ, дожди, слякоть. Дурная петербургская осень. Жизнь стала гораздо дороже, чѣмъ прежде. Старики всѣхъ странъ съѣзжаются въ Парижъ съ деньгами, чтобы помолодѣть въ воображеніи своемъ и погулять съ лоретками. Въ театры доступъ очень труденъ: такъ что я бы рѣшительно соскучился въ Парижѣ, если бы не было у меня двухъ русскихъ домовъ, гдѣ я, по большей части, провожу вечера, а именно: у Кологривовыхъ и у Сабиръ (бывшая Литвинова). Она тоже у меня бывала въ Петербургѣ и брала нѣсколько уроковъ. Съ артистическимъ міромъ я тоже немножко познакомился. Но дальше и не пойду, потому что мнѣ дѣлаютъ такія дурацкія предложенія, что я въ глаза имъ хохочу и, разумѣется, не поддаюсь. Все это такъ глупо, что описывать не стоитъ, а расскажу по пріѣздѣ. Искусства здѣсь въ совершенномъ упадкѣ. Процвѣтаетъ только смѣхотворный элементъ...

Парижъ, 18-го февраля (1865).

.... Дни мои въ Парижѣ идутъ быстро и не скучно: только жизнь дорога. Денегъ идетъ много. Искусства и литература, за исключеніемъ драматической, здѣсь въ упадкѣ. Науки, какъ говорятъ, процвѣтаютъ. Впрочемъ, во всемъ этомъ, вѣроятно, Парижъ стоитъ не выше другихъ столицъ. Но главная отличительная его сторона, въ чемъ онъ не имѣетъ соперничества, это то, что весь онъ представляетъ великолѣпнѣйшій кафе-ресторанъ-шантан-фамъ-сё променанъ. Для человѣка, расположеннаго веселиться и кутить, или

¹⁾ Испанецъ, спутникъ Глинки во время послѣднихъ его путешествій. Послѣ смерти Глинки онъ поселился въ Парижѣ.

для стариковъ и старухъ, желающихъ молодиться, Парижъ—владѣ. Для меня жить постоянно въ Парижѣ—была бы ссылка.

Повидавшись здѣсь кое съ кѣмъ изъ артистовъ и раскусивъ здѣшнее шарлатанство, я не повезъ никому писемъ и не ищу знакомиться съ авторитетами. Между тѣмъ нахожусь безпрестанно въ музыкѣ. Учю французеновъ пѣть русскіе романсы. Онѣ все болѣе и болѣе впадаютъ въ мою музыку. Мужчины гораздо тупѣе ихъ: даже Дамке ¹⁾ многого не понимаетъ. Но пѣвицы смысленнѣе. Одна такъ пристрастилась къ моимъ романсамъ, что ничего болѣе не поетъ. Жаль, что фizioномія ея не въ моемъ вкусѣ. Еще много занимаюсь съ мадамъ Сабиръ. Она у меня начинаетъ отлично пѣть русскую музыку. Дон-Педро въ восхищеніи.

Парижъ, 21-го февраля (1865).

... Какъ видно, у васъ блины свирѣпствовали сильно. А я и не знаю, была-ли масляная? и когда постъ. Все для меня изгладилось въ обыкновенные дни. Парижскую мою жизнь описывать тебѣ не стоитъ того.

... Ты не поняла моего выраженія „возвращусь до осени“. То есть возвращусь весной и пробуду у васъ до осени. Это говорено было въ томъ случаѣ, если рѣшусь ставить „Эсмемальду“ въ Брюсселѣ.

Парижъ, 4-го марта (1865).

... Попроси Щиглева завернуть въ магазинъ Стелловскаго къ г. Гаакке и сказать ему, что я въ маѣ мѣсяцѣ, по возвращеніи моемъ, переговорю съ нимъ о переложеніи „Русалки“, а чтобы теперь онъ приостановился печатать оперу для пѣнія, до моего приѣзда, потому что тамъ надо многое исправить. Ежели бы случилось, что я бы поѣхалъ въ Лондонъ, то все-таки въ маѣ мѣсяцѣ располагаю быть въ Петербургѣ. „Русалка“ рѣшительно переложена у меня для фортепьяно въ 2 руки. Изъ Брюсселя получилъ афишку концерта. Тамъ опять уже второй разъ исполняли танцы изъ „Русалки“.

Парижъ, 20-го марта (1865).

... Описывать тебѣ наше парижское житье не стоитъ того. Мы бываемъ съ косматымъ ²⁾ отдѣльно только, когда онъ развозитъ рекомендательныя письма, а я занимаюсь музыкой съ Сабиръ и раз-

¹⁾ Дамке писалъ музыкальные фельетоны въ «Библиотекѣ для Читенія» 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, а потомъ поселился въ Парижѣ и былъ очень близокъ съ Берліозомъ.

В. С.

²⁾ Прозвище одного русскаго, приѣхавшаго къ Даргомыжскому въ Парижъ

В. С.

ными французенками. Остальное время мы вмѣстѣ. Ходимъ много по городу, несмотря на ненастье, бываемъ въ театрахъ. Обѣдаемъ въ разныхъ ресторанахъ и трунимъ надъ французскимъ шарлатанствомъ. У Сабировъ мы бываемъ, какъ дома. Я бы съ своей стороны очень не прочь возвратиться въ Брюссель; но послѣ общества, въ одиночество пуститься страшно. Потому, ежели не дожудся Сабировъ, то поѣду все-таки съ „Косматымъ“, не одинъ...

Парижъ, 21-е марта (1865).

... Изумительная переѣна въ Парижѣ противъ прежняго! Насколько онъ выигралъ въ наружномъ отношеніи, настолько онъ упалъ морально, можно сказать до гнусности. Напримѣръ, вчера мы съ Сергеей¹⁾ были въ циркѣ. Посреди представленія публика, замѣтивъ, что ее надуваютъ и обманываютъ, начала шумѣть, кричать и свистать. Такого гвалта я незапомню. Было 4,000 человекъ. Публика была совершенно права въ своемъ требованіи. Чѣмъ же кончилось? Вошелъ агентъ тайной полиціи съ краснымъ кушакомъ и 10-ю солдатами: приказалъ публикѣ выйти вонъ изъ цирка—и всѣ, какъ бараны, побрели домой, повѣся носъ. Одни англичане и русскіе остались подольше, чтобы видѣть, чѣмъ кончится эта потѣха. Стоило гильотинировать въ 1792 году 40 тысячъ невинныхъ людей, чтобы впасть въ нынѣшнее рабство! И смѣшно и гадко!

Парижъ, 2-е апрѣля (1865).

.... О музыкальныхъ моихъ дѣлахъ пишу тебѣ мало, потому что они мнѣ понадоѣли. Но мы съ мадамъ Сабиръ все болѣе и болѣе входимъ въ моду въ Парижѣ. На вечерѣ у Софьи Falcon de Limier мы привели въ восторгъ всю компанію. На дняхъ былъ я приглашенъ къ Chevê: это учитель народныхъ хоровъ по особой цифирной методѣ. Результатъ этой методы дѣйствительно замѣчательный. Я принесъ два хора: изъ „Эсмальды“ и изъ „Торжества Вакха“. Ихъ тутъ же переписали цифрами и пропѣли прямо безъ всякой ошибки....

Парижъ, 18-е апрѣля (1865).

Вотъ мы опять въ Парижѣ. Вся наша поѣздка въ Лондонъ продолжалась 6 дней. Не взирая на болѣзнь, которая одолѣла меня при переѣздахъ по морю, Лондонъ оставилъ во мнѣ впечатлѣніе очаровательнаго великолѣпнаго сна. Парижъ можетъ служить Лондону веселымъ предмѣстемъ — и только.....

Сообщ. В. В. Стасовъ.

¹⁾ Сергѣй Николаевичъ Степановъ, племянникъ Даргомыжскаго. В. С.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВО ФРАНЦІИ.

Письма де-Бернажа ¹⁾ (de Bernage).

(Переводъ съ французскихъ подлинниковъ).

3-го мая 1717 г.—Кале.

Имѣю честь васъ извѣстить, что маркизь де-Нель прибылъ вчера сюда въ 11-ть часовъ утра, и имѣлъ аудіенцію у царя въ часъ пополудни. Онъ былъ имъ принятъ весьма милостиво, и намъ показалось, что его величество остался доволенъ этою честью. Вчера была пасха, Его величество пробылъ въ своей церкви съ 4-хъ час. утра до 9-ти, послѣ чего онъ обѣдалъ. Я ходилъ смотрѣть церемонію; она довольно торжественна, и пѣніе при этомъ недурно. Царь цѣловалъ всѣхъ своихъ вельможъ и слугъ, и кушалъ при публикѣ; но послѣ обѣда остался наединѣ съ своею свитою, и тутъ пили до вечера; многіе удалились мертвецки пьяными, Намъ объяснили это обычаемъ ихъ, по случаю праздника. Въ 8 часовъ вечера его величество вышелъ изъ дому инкогнито, для посѣщенія своихъ пѣвчихъ, квартирующихъ въ харчевнѣ. Попивъ съ ними съ полчаса, онъ возвратился къ себѣ спать. Ради торжественнаго праздника, царь одѣлся богато, чего онъ давно не дѣлалъ, одѣваясь очень просто въ коричневое платье. На немъ была и лента его ордена св. Андрея. Въ вечеру узнали отъ князя Куракина, что царь сегодня не уѣдетъ, а что завтра онъ отправится отсюда въ Монтрель на ночлегъ, а 5-го числа въ Абевиль, или въ Амьенъ, куда именно, еще неизвѣстно; но васъ извѣстятъ. По всему вѣроятію, завтрашній день рѣшить, куда будетъ направлено путешествіе: въ Монтрель-ли, или въ Абевиль; я весьма сожалью, что не могу сказать ничего утвердительнаго; но надобно быть готовымъ на всякій случай. Г. де-Нель везутъ въ

¹⁾ Управляющій амьенскимъ округомъ.

берлинѣ 13 лошадей, что не мало обременяетъ почту; онъ лучше бы сдѣлалъ, оставаясь въ Аміенѣ. Вчера были вытребованы для него почтовые лошади изъ Гравелина, которыя и прибыли къ вечеру. Отсюда до Монтреля лошади размѣщены исправно: я полагаю, что по вашему приказанію тоже самое сдѣлано и отъ Монтреля до Бовѣ. Г. де Нель засталъ дороги въ худомъ состояніи, что и замедлило отъѣздъ; у его берлина переднія колеса слишкомъ низки, а задній ходъ слишкомъ широкъ, отчего онъ и встрѣтилъ большія затрудненія; вотъ все, что мнѣ сегодня извѣстно. Царскіе повара находятся въ затрудненіи касательно провизіи; они отправили ее вчера съ фургономъ въ Булонь, гдѣ полагали будетъ сегодня обѣдъ, а третьяго дни еще подводу и фургонъ въ Монтрель и Абевиль. Русскіе будутъ ѣсть скромное въ теченіи всей недѣли, а мы, между тѣмъ, будемъ поститься. Чѣмъ только могу, я стараюсь помочь метр-д'отелю Бовѣ.

Мнѣ пришли сказать, что царь вышелъ пѣшкомъ прогуляться въ гавань; на немъ тотъ-же нарядъ, что вчера, и въ немъ онъ очень хорошъ. Вообще видъ у него величавый, и съ тѣмъ, кто его знаетъ, онъ очень любезенъ.

Еъ герцогу де-Ноалъ (de-Noailles).

5-го мая 1717 г.

М. г., я не имѣлъ чести до сихъ поръ донести вамъ о ходѣ путешествія царя, такъ какъ оно было подвержено многимъ переменамъ и все еще неопредѣлено въ точности. Не взирая на сдѣланныя дворомъ распоряженія, царь хотѣлъ прибыть сюда изъ Калѣ въ два дни, считая съ 3-го числа сего мѣсяца; узнавъ о томъ, я тотчасъ распорядился заготовкой для этой форсированной ѣзды слишкомъ 60 лошадей на каждую станцію, отъ Калѣ до Бовѣ, на разстояніи 20-ти верстъ одна отъ другой, дѣло, стоившее не мало хлопотъ. 2-го числа маркизъ де-Нель пріѣхалъ въ Калѣ, и когда онъ сообщилъ царю о состояніи дорогъ, его величество рѣшилъ 3-го числа пріѣхать въ Булонь на ночлегъ, такъ что онъ могъ бы вчера быть въ Абевиль; но къ вечеру онъ опять отдумалъ, назначивъ отъѣздъ на 4-е число, съ тѣмъ, чтобы ночевать въ Монтрѣлѣ, и оставляя насъ въ неизвѣстности: останется-ли онъ ночевать въ Абевиль, или пріѣдетъ сюда? Если онъ рѣшится на послѣднее, то сколько потрачено будетъ по пустому въ эти два дни на почтовыхъ лошадей, потому что для такого путешествія достаточно было бы лошадей его собственнаго экипажа; кромѣ того, я и на свою долю потерю часть приготовленій, сдѣланныхъ для его ужина здѣсь и для обѣда въ Бре-

тѣлѣ, такъ какъ повара не въ состояніи были бы слѣдовать за нимъ такъ быстро и на такомъ дальнемъ разстояніи. Я полагаю, что вы съ удовольствіемъ прочтете прилагаемую при семъ копію съ полученнаго мною изъ Калё письма о томъ, какъ царь праздновалъ пасху и о прочемъ; но я васъ прошу не разглашать о письмѣ, по крайней мѣрѣ, не говорить, что оно досталось черезъ меня.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ вашъ, м. г., поборнѣйшій слуга де-Бернажъ. Аміенъ, 5-го мая 1717 г.

Р. S. Написавъ это письмо, я узнаю, что царь ночевалъ прошлую ночь только въ Булони, и оттого не только что сегодня онъ сюда не будетъ, но неизвѣстно, будетъ-ли и завтра; вѣроятно онъ будетъ нынче ночевать въ Монтрѣлѣ, а завтра — въ Абевилѣ. Эти перемѣны въ состояніи досадить человѣку, который надѣялся принять его еще вчера, особенно если онъ пріѣдетъ только въ пятницу. Де-Бернажъ.

7-го мая 1717 г.

М. г., считая долгомъ отдавать вамъ отчетъ во всемъ томъ, что происходитъ здѣсь необыкновеннаго. я имѣю честь препроводить къ вамъ копію съ моего письма къ г. маршалу д'Юселю (d'Huxelles) о проѣздѣ чрезъ нашъ городъ русскаго царя. Несмотря на пренебреженіе его ко всѣмъ моимъ приготовленіямъ для его стола, я утѣшаю себя тѣмъ, что всѣ различныя распоряженія, которыя требовало его прихотливое путешествіе, были сдѣланы безъ малѣйшаго упущенія. Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть, м. г., вашъ покорнѣйшій слуга де-Бернажъ. Городъ Аміенъ.

Де-Бернажъ — къ Маршалу д'Юселю (d'Huxelles).

7-го мая 1717 г.

Ваше превосходительство, вы, можетъ быть, съ трудомъ повѣрите, что вчерашній день царь проѣхалъ чрезъ нашъ городъ, а я не имѣлъ чести его видѣть. Прибывшій за три часа до него г. де-Либоа (de Libou) подтвердилъ мнѣ, что царь, повидимому, намѣренъ здѣсь перемѣнить лошадей, а ночевать въ Бовѣ, или въ Бретѣлѣ. Хотя я объ этой перемѣнѣ распоряженія, какъ вамъ сообщалъ, узналъ только въ полночь, тогда какъ я, согласно съ прежними распоряженіями, полагалъ, что царь переночуетъ у насъ, и стало быть лошади, которыя его привезутъ, пригодятся ему для дороги на другое утро, почему я и не заготовляю здѣсь свѣжихъ лошадей, — однако, несмотря на это, я съ пяти часовъ утра до десяти, успѣлъ таки собрать до шестидесяти лошадей, готовыхъ везти царя, въ случаѣ, еслибъ онъ настоялъ на своемъ намѣреніи — ѣхать, не останав-

ливаясь. Въ то же время я сговорился съ г. де-Либоа о приводѣ всѣхъ лошадей, во дворъ епископскаго дома, предоставленнаго царю за отсутствіемъ епископа, и занятаго моими чиновниками, которымъ поручено было позаботиться объ обѣдѣ для царя, если бы онъ прибылъ довольно рано, или объ ужинѣ, если бы онъ пріѣхалъ позже, для ночлега. Маркизь де-Нель (de Nesle), прибывъ часъ спустя, одобрилъ эти распоряженія. Одинъ изъ чиновниковъ былъ отправленъ на встрѣчу царю, съ тѣмъ, чтобы онъ проводилъ его до епископскаго дома; я также отправилъ за ворота города карету, которую считалъ нужнымъ предложить царю взамѣнъ того экипажа, въ родѣ открытаго фаятона на дрогахъ, служившаго его царскому величеству для проѣзда изъ Калѣ сюда. Такъ какъ царь не любитъ торжественныхъ встрѣчъ, то г. намѣстникъ, маркизь де-Нель, г. де-Либоа и я, мы ожидали его въ домѣ епископа, въ томъ предположеніи, что царь на здѣшной станціи сколько-нибудь закутитъ; какъ вдругъ пришли намъ сказать, что царь прислалъ своего курьера за лошадьми, сѣлъ за городомъ въ мою карету и промчался черезъ городъ, не желая ни останавливаться, ни видѣть кого-либо. Онъ даже до того боялся преслѣдованія, что вышелъ изъ моей кареты, запряженной парой, не ближе четырехъ верстъ отъ города, потомъ ужъ пересѣлъ въ свою. Такимъ образомъ, всѣ мои трехдневныя приготовленія были напрасны, кромѣ одного, что свита царская на здѣшной станціи поотдохнула и пообедала. Говорятъ, царь оттого такъ скоро проѣхалъ черезъ Аміенъ, что его напугали назойливымъ любопытствомъ здѣшнихъ обывателей, а онъ терпѣть не можетъ глазѣющей на него толпы. Одно, что меня радуетъ, это исправность, съ какою доставлены были царю, во все время его прихотливаго путешествія, и экипажи, и лошади. Отъ него уже зависѣло допустить приличную сану его встрѣчу. Вашъ и т. д.

Примѣчаніе. Копія писемъ, переводъ которыхъ приведенъ выше, снята М. М. Ковалевскимъ съ подлинниковъ, хранящихся въ Парижской Национальной библиотекѣ. Письма эти нигдѣ еще не были напечатаны. Сообщеніе это весьма обязательно доставлено намъ при посредствѣ М. П. Свистуновой и М. И. Муравьева-Апостола.

Ред.

ЕКАТЕРИНА II и ПУГАЧЕВИЩИНА.

1774 г.

Въ значительномъ собраніи матеріаловъ къ исторіи Пугачевщины, обнародованныхъ въ теченіи сорока лѣтъ, со времени изданія Пушкинымъ „Исторіи Пугачевского бунта“, весьма замѣтенъ одинъ и весьма крупный недостатокъ, именно въ печати мало документовъ, непосредственно исходившихъ отъ Екатерины II, т. е. собственноручныхъ ея писемъ и личныхъ распоряженій, обращенныхъ къ главнѣйшимъ и наиболѣе довѣреннымъ ея лицамъ, посланнымъ тушить пламя мятежа, охватившаго въ 1774 г. всю восточную полосу Россіи.

Нынѣ „Русская Старина“ отчасти восполняетъ этотъ недостатокъ, представляя на своихъ страницахъ рядъ подлинныхъ, отъ первой до послѣдней строки, писанныхъ самою Екатериной II писемъ къ Павлу Сергѣевичу Потемкину. Эти письма объемлютъ время съ 30-го іюня 1774 г. по 12-е февраля 1775 г. и вполне воспроизводятъ предъ нами душевное настроеніе и направленіе мыслей Екатерины II въ виду чрезвычайнаго бѣдствія, едва не потрясшаго ея престолъ и весь государственный строй Россіи.

Троюродный братъ кн. Григорія Александровича Потемкина, генерал-майоръ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, безъ сомнѣнія, по совѣту и указанію Григорія Александровича, былъ облеченъ, въ іюнѣ 1774 г., весьма важнымъ порученіемъ Екатерины II: ему ввѣрены были обѣ секретныя комисіи, дѣйствовавшія въ Казани и Оренбургѣ, и поручено установить связь въ дѣйствіяхъ этихъ комисій по открытію виновныхъ въ мятежѣ; кромѣ того, по силѣ особой инструкціи, 10-го іюня 1774 г. данной Павлу Потемкину, государыня поручила ему изслѣдовать причины возмущенія, придумать мѣры къ устраненію ихъ и установить прочный порядокъ въ аицкомъ народѣ.¹⁾

¹⁾ Эта инструкція впервые напечатана акад. Я. К. Гротомъ въ его интересной статьѣ: «И. С. Потемкинъ во время Пугачевщины», въ «Русской Старинѣ».

Въ виду особаго значенія и историческаго интереса писемъ Екатерины II къ Павлу Потемкину, печатаемъ ихъ съ буквальною точностью, т. е. съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей правописанія императрицы, разставля лишь, для удобства чтенія, знаки препинанія.

Ред.

«Іюня 30 ч. 1774 г. изъ Петергофа.»

„Г-нъ генералъ майоръ Потемкинъ. Писмо ваше изъ Масквы отъ 21 ч. сего месеца я изъ рувъ Григорья Александровича ¹⁾ получила, и по оному къ Казанскому губернатору писано будетъ, чтобъ осторожно поступали въ даваніи пашпортовъ и подорожныхъ, а во всѣ (вовсе) остановить сіе не можно, дабы для (т. е. ради) бездѣльниковъ не пресечь и добрымъ людямъ обращенье, торги и промысли. Свѣрхъ того еще Сенатъ публикуетъ на сихъ дняхъ въ слѣдствіе уже мною публикованныя манифесты, чтобъ съ повиннымъ явились въ Казанской, Оренбургской и Сибирской губерніи правительства(мъ), да и къ вамъ (являлись бы),—а не индѣ; чрезъ что опасенье, которое вы имѣетѣ, koliko способно, отвращано будетъ; я же нетерпеливо жду ваше на мѣсто прибытіе, дабы узнать вточности теперешнее состоянье тамошнихъ дѣлъ, и остаюсь къ вамъ доброжелательна. Екатерина“.

Помѣта П. Потемкина: «Получено августа 3-го числа 1774 году въ Казани.»

«Іюля 18 ч. 1774 г.»

„Павель Сергеевичъ. В'Сенатской Тайной Экспедиціи здѣланы, съ вѣдома моего, при семъ приложенныя примѣчанія на прежнихъ решеніи абѣихъ Секретныхъ комисіи, какъ въ Казань, такъ и въ Оренбургъ; я ихъ при семъ прилагаю, дабы вы изъ нихъ здѣлали употребленіи по вашему усмотренію, для поправленій впредь случающихся дѣлъ, и остаюсь къ вамъ дображелательна Екатерина“.

Помѣта П. С. Потемкина: «Получено августа 6-го дня 1774 года.»

Павель Потемкинъ прибылъ въ Казань въ ночь на 8-е іюля 1774 г. и на утро доносилъ уже Екатеринѣ II о необыкновенномъ уныніи, въ какомъ онъ нашель городъ, о неизвѣстности, куда на-

ринѣ» 1870 года, т. II, изд. первое, стр. 400 — 402. По сличеніи напечатанной копіи съ подлинникомъ, бывшемъ въ нашемъ распоряженіи, только одно слово въ копіи разнится отъ подлинника: въ копіи сказано: «по точному разсмотрѣнію», («Р. С.», т. II, стр. 401, строка 23-я снизу), въ подлинникѣ — «по локальному разсмотрѣнію». Подлинникъ инструкціи только подписанъ Екатериной, и ея же рукой вписаны цифры: «2 т.» и «5 т.» суммы, данныя Павлу Потемкину при его отъѣздѣ. Подлинная инструкція прошнурована; къ шнуру приложена большая сургучная печать съ государственнымъ гербомъ.

¹⁾ Потемкина.

Ред.

правился Пугачевъ, преслѣдуемый Михельсономъ, о готовности своей выйти на встрѣчу злодѣю съ небольшимъ, въ 500 человекъ, отрядомъ войска, имѣвшимся въ городѣ, и о готовности прежде погибнуть, нежели допустить Пугачева атаковать городъ.¹⁾

11-го іюля, утромъ, Пугачевъ напалъ на Казань; Потемкинъ заперся въ Кремль; а между тѣмъ императрица, получивъ донесеніе отъ 8-го іюля, спѣшила на него отвѣтить:

«Іюля 20 ч: 1774 г.»

„Павелъ Сергѣевичъ. Письмо ваше, отъ 8 сего месеца, я получила 17 ч., и изъ онаго усматрѣла, въ какомъ состоянѣ вы нашли городъ Казань, съ обывателями, и что вамъ удалось, на первой случай, умалить робость и уныніе въ духахъ, и что вы намерены, на некоторое время, остановится въ Казань; чего не инако, какъ полезно быть можетъ для теперешнаго положеніе тамошнихъ дѣлъ. Ежели все тѣ извѣстія правильны, о коихъ вы ко мнѣ пишете, то обороты злодейскія весьма чудны и наши detachmentы вблизикомъ отъ нихъ растояніе. Узнавъ о семъ, для всякаго незапнаго случая, наряжены,²⁾ съ генералъ майоромъ Чорбою, великалутской пехотной, владимирской драгунской, да казатской Донской полкъ, съ тѣмъ, чтобъ князь Ми: Ни: Волконской ихъ употребилъ, гдѣ нужно окажется; а дай Боже, чтобъ никакой нужды не было, и вы-бъ тамо управились. Я къ князю Галицыну, ибо Щербатова отозвала, писала, чтобъ онъ, во-первыхъ, дворянскихъ уланъ не раздробилъ на мѣлкія detachmentы, а во-вторыхъ, сей корпусъ употребилъ для защищеніе Казань, и снабдилъ его содержаньемъ изъ штатсконторскихъ доходовъ той губерніи. Усердье ваше во всѣхъ строкахъ письма вашего я съ удовольствіемъ усматриваю и не сумнѣваюсь, что примѣръ вашъ ободритъ въ состоянѣ самыхъ слабыхъ сердець. Продолжайте почаще къ намъ писать, а за нашими отвѣтами дѣло не станите. Изъ за Дунай намъ Богъ далъ весьма израдныя известія въ теченіе сихъ трѣхъ послѣднихъ недель. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна. Екатерина“.

Помѣта П. Потемкина: «Получено августа 6-го дня 1774 г.»

«Іюля 23 ч: 1774 г.»

„Павелъ Сергѣевичъ. Сей щастливой день получила я известія отъ фелдмаршала Румянцова, о заключенія славнаго для Имперіи мира съ турками. Вы изъ копіи съ ряляціи его ко мнѣ увидите кон-

¹⁾ См. это донесеніе Потемкина въ «Рус. Стар.» 1870 г., т. II, изд. первое, стр. 402—403. Ред.

²⁾ Далѣе зачеркнуто: «отселѣ».

дидіи, воиэхъ не Петръ Великій, не Императрица Анна, за всеми трудами, получить не могли. Теперь осталось усмирить безделныхъ бунтовщиковъ, за воиэхъ всеми силами приимусь, не мешкавъ ни единая минута; чего повсюду можетъ объявить. Остаюсь къ вамъ доброжелательна. Екатерина“.

На оборотъ: «Павлу Сергеевичу Потемкину».

Помѣта Павла Потемкина: «Получено августа 12 дня 1774 г.»

«Юля 23 ч: 1774 г. Секретно».

„Павель Сергеевичъ. Дабы вы свободнѣе могли упражняться службою моею, къ которой вы столь многое показываетъ усердное рвеніе, приказала я заплатить, въ мѣсто васъ, при семъ слѣдующіе возвратно къ вамъ, двадцать четыре вевсели; о чемъ прошу болѣе не слово не упомянуть, а впредь быть воздержнѣе, дабы качества твои, столь полезныя для службы и для меня, ничемъ не затмились. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна. Екатерина“.

Оба письма были уже запечатаны, когда императрица получила донесеніе Павла Потемкина, писанное на имя графа Григорія Александровича, отъ 12-го іюля, о разгромѣ Казани Пугачевымъ (см. въ „Р. Ст.“ 1870 г., т. II, изд. первое, стр. 403—404). Вотъ отвѣтъ Екатерины, какъ и прочія письма, писанный ею, отъ первой до послѣдней строки, собственноручно:

«Юля 23 ч: 1774 г.»

„Павель Сергеевичъ. Приложенной при семъ пакѣтъ съ двумя собственноручными моими писмами, советѣмъ былъ готовъ для отсылки къ вамъ, когда я получила 21 ч., поутру, огорчитѣльная вѣсть о прихода злодѣя съ толпою, къ Казань, и что вы принужденнымъ нашлись, для спасенія крепости, в' ней воити съ малымъ числомъ тѣхъ войскъ, кои вы при себя имѣли за раскомандированье въ нужныхъ мѣстахъ другихъ. В такомъ жестокомъ состраданіи о печальной судьбинѣ города Казана, и разделяя ваше состоянныя цѣлыя трицать два часа, моя единственная упражненія была и клонилась къ тому, чтобъ закрыть злодѣямъ путь къ дальнимъ предпріятіемъ за Вольгою, или ясьнѣѣ сказать, заградить путь къ Москвѣ. Для чего тотъ же часъ наряжено воискъ, откуда только можно было къ подькреплению тѣхъ трѣхъ полковъ, кои подъ предводительству генерал-майора Чорба уже къ тому означенны и дѣйствительно въ пути, чтобъ туда обратится, куда будетъ наклоненья злодей. Здѣлавъ сіе и другія къ тому влонящіяся распоряженія, ожидала я съ нетерпеливостію извѣстіи о прихода гедна Михельсона къ Казань, съ решительнымъ сего дѣло оборотомъ, полагая надежда на помощь всевышняго, толь много Россію милующаго во всякое время.“

„Вчерашной, 22 число іюля, чрезъ Адютанта вашего, Мартыновича, увѣдомилась я, что надежда моя не щетна была, и что Казань, по десятичасовномъ зломъ страданіи в' рукахъ варваровъ, освободилась соединеньемъ вашимъ съ гсдномъ Михельсономъ, и что вы имѣетѣ упованье, по приближеніи тѣхъ войскъ, кои къ вамъ на сикурсъ идутъ, нанести злodeямъ навящеѣ истребленье, въ чемъ Богъ да поможетъ вамъ. Гсдина Подполковника Михальсона я вчерашной же день пожаловала Полковникомъ; всему же, съ нимъ бывшему, detachmentу жалую треть не в' зачетъ; о чемъ указъ сего же дня подпишу въ военной коллегію, и вы всѣхъ и каждаго, коего усердыя вы засвидетельствуетѣ, можетѣ обнадежить, что усердыя и ревностныя труды ихъ щетно не останутся. Моя намеренье есть, я отъ васъ не скрою, наградить деревнями всѣхъ тѣхъ, кои во всякой другой войны кресты бы заслужили. Маіору Горичу я жалую російскимъ дворянствомъ. Мешерстскимъ старшинамъ приказала послать золотыя медали. Да свѣрхъ того прикажитѣ весь detachmentъ Михельсонова одѣть и обудъ на мой щеть; и есть-ли в' Казани казенныхъ денегъ нетъ, то смѣло дайтѣ купцамъ асигнаціи на Кабинетъ мой, или на імя Адама Вас: Олсуфьева, и все вѣрно имъ заплачено будетъ, гдѣ хотять принять, и сіе вы лехго дѣлать можетѣ или чрезъ винныхъ откупчиковъ или же чрезъ фабрикантовъ казанскихъ, или какъ способнѣе будетъ.“

„Я изъ письма вашего къ Григорію Александровичу поняла, что въ Казанѣ содержатся Башкирцы, на коихъ какія то недоимки, и что вы рассуждайтѣ, что въ нынешнемъ случае лучше будетъ сіе доимки упустить, и есть ли сіе такъ, то объявитѣ гсдну губернатору фонъ Бранту імяннемъ моимъ, что я недоимки имъ упускаю, а ихъ повѣлеваю отпустить во своясы, дабы и другія видѣли моя къ нимъ милость и вошли въ чувства. Что касается до Пулавского, то естьли онъ в' службы наши, по писму къ нему графа Браницкого, которое къ вамъ генералъ Потемкинъ перешлетъ, остатся не хочеть. то я его отпускаю въ отечество его, похвалая весьма труды его противу злодеяхъ. Есть ли же онъ остатся желаетъ, то принимаю его прапорицкомъ гусарскимъ, чемъ его и объявить можетѣ. Прочія награжденіи и произвожденіи услышитѣ отъ надлежащихъ мѣсть. Я весьма рада, что на сей часъ вы находились въ Казань и довольно похвалить не могу горячеѣ ваше ко мнѣ усердые и сердечно желаю, чтобъ вы предуспѣли заразить расположеньемъ души вашей ко мнѣ духовъ тѣхъ, въ коихъ погасло чувство. Въ прочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна Екатерина.“

„Пажалуй пришлитѣ Імянна отличившихся офицеръ, съ отмѣткою

кто чтод ѣлалъ. Таки же, естли вы тово офицера, котораго извергъ Пугачевъ назвалъ Бригадиромъ, еще не повешенъ, то пришлитъ его сюда, мы здѣсь тоже съ нимъ учинимъ“.

Помѣта Павла Потемкина: «Получено августа 6-го (?) дня 1774 году».

«Изъ Петергофа. Юля 25 ч: 1774 г.»

„Павель Сергеевичъ. Письмы ваши, отъ 15 число сего мѣсяца, я получила почесъ [тотчасъ] и изъ нихъ усмотрѣла съ удовольствіемъ, что злодей паки пораженъ. Пажалуй всячески старайтеса, во первыхъ, его на сю сторону Волги не перепускать, а во вторыхъ, приложитъ все возможнаго труда самаго злодея поимать.

„Я приказала нижегородскому губернатору дать совѣтъ макарьевскую ярманку распуситъ.

„Уверитъ всѣхъ, вѣрно и усердно мнѣ и отечество служащія, что никого не оставлю безъ награжденья, начиная съ Михалсона, какъ я къ вамъ уже писала, и изъ вашего реестра не одного не выпущу. Въ прочемъ, моля Бога, да поможетъ вамъ истребить зло поносное сіе худо, все труды приложу скорей къ вамъ доставить силы, туркамъ самымъ грозныя, и остаюсь къ вамъ доброжелательна Екатерина“.

„Съ часъ на часъ жду Князя Ни: Ва: Репнина съ мирнымъ трактатомъ.

„Решенья ваше о Минеева и Фосфанова я нашла весьма человѣколюбива. Порочить не могу. Вамъ на мѣсте и судить должно, что нужно: умягчить ли законъ, или исполнять ли его гдѣ“.

Помѣта Павла Потемкина: «Получено августа 13 дня 1774 году».

«Авгу: 4 ч: 1774 г. изъ Санктпетербурхъ.»

„Павель Сергеевичъ. Нижегородской губернаторъ, генераль-поручикъ Ступининъ пишетъ ко мнѣ, что 25 юля привѣли къ нему разбойнического мнимаго полковника Аристова, которой, между прочемъ, показалъ, что „будучи подъ Казанью, в тотъ самой день (:когда подъ Казань пришли:), поутру рано, Казанской Архіерей съ семинаристомъ (:которого ни имени, ни отечества не знаетъ, однако влицо узнать можетъ, ибо приметами онъ лицомъ белъ, чистъ, глаза серые, волосы русые, завязаны пучкомъ, ростомъ высокъ, корпусомъ тоновъ, въ полкафтание сукна василкаваго:), на верховой лошади прислалъ къ злодею Пугачеву вязенной кашелекъ съ золотыми денгами, по примечанію тысячъ до трехъ (:а сколько подлпно не ведаеть:); кои

тогда и при немъ самъ онъ, злодей, поднеся тому семинаристу рюмку водки, приказалъ за то его преосвященство благодарить⁴⁾.

„Сіе показанье, сколь не удивительна, ибо кажется, на первомъ взглядѣ, трудно себя представить, чтобъ сей семидесятилетней старикъ, которой самъ своимъ подвигомъ изверга Пугачева, со всеми къ нему пристающими, предалъ церковному проклятію, столь много позабылъ самъ себя и таковой опытъ далъ своему неверію, захотя чрезъ то несколько минутъ продолжить жизнь свою, однако, безъ исследование таковой поступокъ никакъ оставить невозможно; и для того естли, по сообщенію нижегородскаго губернатора, вы къ сему еще не приступали, то съперва навѣдайтесь подъ рукою и старайтесь узнать и получить въ своихъ рукахъ семинариста, а потомъ дайтѣ знать суда; а къ²⁾ его преосвященству опридѣлитѣ офицера, которой при теперешнихъ обстоятельствахъ отвѣтствовалъ бы за все поступки изъ ума выжившаго старика сего.³⁾ Въ прочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна Екатерина.

„Аристовъ дворянинъ Костромской; за нимъ шесть душъ. За харчичество онъ въ салдаты написанъ и бежалъ. Онъ еще показываетъ, что злодейскія намеренія суть ити къ Донцу и Дону лесными мѣстами, чрезъ Курмышъ, миновавъ Алатарь, на Пронзино Городище, а потомъ, минуя Пензу, на Усть-Медведицу и чрезъ станицы: Качалино, Малые Чиры, Большіе Чиры и Пятиизбинскую; а изъ сей послѣдней станицы намѣренъ послать въ Царицыно осмотреть, не можно ли будетъ оттуда получить пушекъ съ припасами, с коими маршировать до Черкаского, и тамъ будучи, по способностію, возмутить Белгородскую и кубанскую орды, и умножа силы обратится къ Москвѣ. *Voila de vaste dessein*; только, благодаря Бога, ничего не удастся; за сіе я отвѣтствую.

„Вчерашней день мы здѣсь Богу приносили благодаренье за дарованной намъ славнаго мира, что читано въ Казанской церквы и съ чемъ Конной гвардіи маіоръ Давыдовъ разежалъ съ деташементомъ по городѣ. При семъ прилагаю печатной экземпляръ.

Помѣта П. С. Потемкина: «Получено августа 18-го дня 1774 году».

«Ав: 26 ч: 1774 г.»

„Павель Сергевичъ. Письма ваши, отъ 2, 4, 5, 7, 8, 11, 12 августа, мною получены; но послѣ послѣднихъ екстрактотъ Секрет-

¹⁾ Въ подлинникѣ все показаніе Аристова приведено въ кавычкахъ.

²⁾ Зачеркнуто: «дому».

Ред.

³⁾ См. въ «Русской Старинѣ» 1870 г. (т. II, изд. первое, стр. 406—408; 413—414) отвѣтъ Павла Потемкина на это письмо императрицы и объясненіе

ной комисіи, до 1 августа решенныхъ дѣлъ, никакого свѣдѣнью о сихъ дѣлахъ уже отъ васъ не прислано, что однакожь нужно и надобно, дабы видѣть не токмо, какъ сіи дѣла идутъ, но притомъ, что бы заключеніи нужныя о умоначертаніи и розныхъ понятіи простаго народа въ нынешнаго времени съ точности дѣлать можно было. Смѣртъ бывшаго губернатора Бранта я усматрѣла изъ писемъ вашихъ, и я надѣюсь, что новопжалованной губернаторъ, ген: поруч: князь Платонъ Мещерской, уже къ вамъ и приехалъ. О обращеніи владыскомъ здѣсь упоминать не буду, ибо вы скарее о семъ въ Казань свѣдѣть можетъ, нежели отсель къ вамъ извѣсти дойти могутъ, а только то упомяну, что послѣ похищеніе Саратова, когда уже Михельсонъ, Муфель и Мелинъ, соединясь, въ Саратовъ вошли, и отуда идутъ для пораженья изменника, а съ Царицина ему на встречи послано князь Дондуковъ, съ троими тысячами калмыкъ и одной легкой командою, а съ Дону полторы тысячи донскихъ казаковъ туда же слѣдуютъ,—то кажется ворами не осталось, естли наши войска должностъ свою наблюдать будутъ, какъ паки переплыть Волгу на Іаисскую степь. Свѣрхъ того еще есть надежда некоторая, что сущія воры, Іаицкія казаки, сами самозванца свяжутъ и его руками отдадутъ, в' чемъ отъ нихъ самыхъ и отзывъ есть, и туда послано, къ передовымъ нашимъ войскамъ, гвардіи капитанъ Галаховъ, для принятія его, естли ли казаки не обманываютъ. Все сіе, какъ то, такъ и другое, должно решится в нынешныхъ числахъ; а хотя бы и не то, не другое не исполнилось, то еще есть надежда переменны дѣлъ къ лучшему, ибо, по первому извѣстію о несчастномъ казанскомъ приключеніи, полученномъ въ Крымъ, князь Вас. Мих. Долгоруковъ отрядилъ отъ себя ген. поруч. графа Пушкина, для слѣдованія въ Воронежской губерніи, съ полкомъ пехотнымъ, двумя карабинерными полками, десяти эскадронъ гусаръ, три эскадронъ драгунъ, да еще пятисотной команды пехоты съ линіи и читаю я, что къ 29 числу сего месяца все сіе на мѣстѣ будетъ. Изъ Оренбурха дала знатъ тамошная секретная комисія еще преждѣ вашего приезда въ Казань, что казакъ Чика, котораго бунтовщики называли Чернышевымъ, поиманъ и сидитъ въ Уфѣ, съ такимъ при томъ примѣчаніемъ, что въ Чигѣ вся машейничество самозванца кроется, и что онъ то началникъ всего зла, в чемъ на него показываютъ все первыя злодеи, кои при Татищева крепости поиманы, какъ-то: Почиталинъ, съ товарищи, и содѣржуются въ Оренбурхѣ, но с того времени здѣсь неизвѣстно,

архіепископа Казанскаго Веніамина по поводу лживаго извѣста на него Аристова.

Ред.

привѣзень ли Чика въ Оренбурхъ, и такой ли онъ важности, какъ обнемъ сказываютъ? Пажалуй, навѣдайтеся и дайтѣ знать, когда вамъ досугъ будетъ, что происходило, и открылось ли чего важнаго, да такъ же что тамо дѣлается съ прочими судьями воровской самозванцовой коллегіи?

„Изъ письма вашего, отъ 5 ч. августа, извѣстилася я, что вы приняли въ Казанѣ. по отъздѣ князей Щербатова и Галицына, команду, чего я весьма хвалю и приписываю сей вашъ поступокъ при таковыхъ обстоятельствахъ патріотической вашей ревности къ службѣ моей. Въ правленіи губерніи теперь обলেখить васъ князь Мещерской, а другія части, до времени, еще останутся на попеченье ваше. Что извѣстіе о мирѣ обрадовало васъ, о семъ не сомневаюся: оно весьма ко времени и къ статѣ подоспѣло.

„Вы, имянуя много отличившихся во время казанскаго дѣла, въ письмѣ вашемъ, отъ 4-го числа, коихъ конечно не оставлю безъ награжденія, между прочимъ написали сержанта полку вовладимѣрскаго, но имя его не прописали, оставляя мѣсто въ письмѣ для внесеніе знатно имя его. Вы имѣете ему объявить прапорщичье чинъ и прислать имя и прозванье его къ вицѣ-президенту военной коллегіи; ибо президентъ, по собственномъ его желанію, уволенъ на сихъ дняхъ отъ сей только должности.

„При семъ прилагаю Синодское увѣщанье, на сихъ дняхъ повсюду розосланное.

„Дайтѣ мнѣ знать, что происходило по дѣлѣ Аристова, и его на Казанскаго Архіерея, показанія? Въ прочемъ, увѣдомляю васъ, что я намереніе взяла нынешней годъ, въ концѣ, или будущій въ началѣ ехать къ Москвѣ для празнованіе мира и надеюсь, что съ помощію Божію преждѣ того все внутренняа неспокойства пресекутся, ибо отовсюда войски слѣдуютъ для усмиренія неспокойныхъ головъ. Въ прочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна Екатерина“.

Помѣта Павла Потѣмкина: «Получено Сентября 10 дня 1774-го году.»

«Сев: 27 ч: 1774 г.»

„Павель Сергеѣвичъ. Пишетъ ко мнѣ графъ Петръ Ів: Панинъ, что приведенной, поиманной на Иргизѣ, донскими козаками, беглой заводской крестьянинъ Мельниковъ, котораго тринадцать летъ ищютъ, князю Галицыну сказалъ, что Гаицкіа казаки, Перфильевъ съ товарищи, Пугачева связали и вѣзутъ въ Гаицкой городокъ; а съ другой стороны донскія старшины прислали съ Узаняхъ теже вести, кои онѣ, слышали отъ Гаицкихъ казаковъ, кои въ тотъ же городъ едутъ съ повинной. И какъ мое повѣленіе есть, чтобъ капитанъ Галаховъ, ко-

торой уже давно отправленъ, Пугачева принялъ, и его всё къ Москвы,¹⁾ и того для, чрезъ сіе повелеваю вамъ, по полученіе сего, перенести перебиванье ваше къ Москвы, и тамо, подъ дирекціи князя Михаила Ни: Волконскаго продолжить разбирательство дѣла сего важнаго колодника. Для лучега же узнанія начали и всѣхъ концовъ сего злодейскаго дѣла, савѣтую вамъ Чигу изъ Казани перевести къ Москвы, также изъ Оренбурка—Почиталина съ товарищи, естли еще въ живыхъ, какъ я и думаю, находятся. Прочихъ калодниковъ дѣлъ, менѣе важности имеющихъ, и ихъ самыхъ, можетъ поручить чело-вѣкамъ двумъ гвардіи офицерамъ и придайтъ имъ Тайной Экспедиціи секретаря Зрякова, которой въ Оренбуркѣ и весьма къ симъ дѣламъ привысшаго и то подъ моими глазами многія годы; а къ Москвы теперь я отправляю Шешковскаго въ Тайную экспедицію, которой особливой даръ имѣетъ съ простими людьми, и всегда весьма удачно разбиралъ и до точности давалъ труднейшія разбирательства.²⁾ Въ Казани же которыя останутся безъ вашего решенія, никакое дѣло кончить не должны. А вы приехавши къ Москвы и вступавъ въ дѣлѣ, старайтесь вывѣсти плутни отъ корени, дабы не осталось ни вчемъ сумненіе, чемъ вы мнѣ и Государство окажитѣ услугу; чего и ожидаю отъ усердной и ревностной ваше ко мнѣ души. Денги же на дароги для васъ и прочихъ надобности, имѣете требовать отъ казанскаго губернатора, о чемъ къ нему и прилагаю указъ. Пребывая къ вамъ доброжелательна Екатерина“.

Помѣта Павла Потемкина: «Получено октября 12 дня 1774 году, въ Симбирскѣ.»

«Ноя: 12 ч: 1774 г.»

„Павель Сергеевичъ. Не отвѣтствовала я по сего числа на ваши письма,³⁾ потому что я читала (считала) васъ вѣдорогѣ и всякой часъ ожидала известіе о вашемъ приездѣ къ Москвы; но изъ письма ваши, привезенныя маіоромъ Горичемъ, усматрела я, къ немалому моему

¹⁾ О секретнѣйшемъ порученіи, данномъ Екатериною II капитану Галахову см. подробный и въ высшей степени интересный разсказъ бывшаго съ нимъ въ командировкѣ офицера, впоследствии сенатора Павла Рундча. «Русская Старина» 1870 г., т. II, изд. первое, стр. 116—131, 211—253, 321—372.

²⁾ О Степанѣ Пвановичѣ Шешковскомъ, этомъ знаменитомъ тайнѣйшихъ дѣлъ розыскателѣ и жестокомъ вывѣдчикѣ, см. статью П. А. Ефремова въ «Рус. Стар.» изд. 1870 г. (т. II, изд. первое, стр. 637) и преданія о томъ-же, Шешковскомъ, въ «Рус. Стар.» 1874 г. (т. X, стр. 781—785). Ред.

³⁾ Изъ писемъ Павла Потемкина — въ «Русской Старинѣ» 1870 г. (т. II, изд. первое, стр. 402, 404—413) напечатаны слѣдующія: 1774 г. — 26-го іюля, 17-го августа (три письма), 17-го сентября, 2-го и 8-го октября изъ Симбирска, 15-го и 30-го октября изъ Казани. Ред.

удивленію, что вы ждетѣ в Казань вторично отъ меня повеленія ехать къ Москвѣ; на что вамъ отвѣтствую, чтобъ вы ехали къ Москвѣ какъ скарея возможно, ибо злодей туда привезенъ уже 4 сего числа; а изъ вашихъ доношеній вижу, что и все тѣ его сообщники, кои служатъ и имѣютъ къ объясненію всего сего дѣла каверзы, уже все в дорогахъ. Я же желаю, чтобъ дѣло безостановочно разобрано и до конца доведено было“.

„Башкирскихъ старшинъ, кои съ повинною являются, имѣетѣ одрессовать къ ген. графу Панину, которой на все, до бунта въ трѣхъ губерніахъ: казанской, оренбургской и нижегородской, достаточно уполномоченъ. До Архіерея касающіеся имею вамъ сказать, чтобъ вы оставили его в' Казань, а отъ меня повелено здѣшному преосвященному, чтобъ писалъ къ казанскому письмо, въ такой силѣ, дабы тотъ изъ ума выжившей старикъ немедленно прислалъ прошеніе ити на обещаніе, вездѣ, куда похочетъ, окромѣ Казань и Москву. Копію съ письма, къ нему писанное, отъ селѣ при семъ прилагаю“.

Естьли гдѣ, на присланныя отъ васъ экстракты изъ дѣлъ, резолюція какая нужна будетъ, то къ вамъ прислана будетъ; но, по великому стеченію дѣлъ на сей поры, съ симъ курьеромъ еще отправить не успѣли. Впрочемъ, похваляя ревность и усердіе ваше, во всѣхъ случаяхъ примеченная, остаюсь къ вамъ доброжелательная Екатерина“.

„Указы, мною подписанныя, о деньгахъ, и отъ васъ во мнѣ возвращенныя, я получила. Остаточныя же у васъ суммы, и кои в комисіи ваши не нужны будутъ, возвратитѣ въ казанской губернской, отъ куда взяты“.

Помѣта Павла Потемкина: «Получено ноября 22-го дня 1774 году».

«Февр: 12 ч: 1775 г.»

„Павель Сергевичъ. Прикажитѣ гвардейскихъ офицерь, находящіеся еще при Секретныхъ комисіахъ, возвратится къ своимъ полкамъ. А какъ уже валоудниковъ важныхъ, кажится, нѣту, то остальныхъ прикажитѣ здать губернаторамъ. Державина также прикажитѣ вратится. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна Екатерина“.

Примѣчаніе. Подлинники приведенныхъ писемъ, отъ перваго до послѣдняго слова руки Екатерины II, превосходно сохранились; писаны на тогдашней почтовой бумагѣ, въ 4-ю долю, и только письмо отъ 12 ноября писано на большемъ листѣ простой бумаги. На нѣкоторыхъ письмахъ видны еще серебряный песокъ, которымъ императрица засыпала строки. Незнакомыхъ съ почеркомъ Екатерины II, отсылаемъ къ снимку съ ея письма, приложенному къ XI-му тому «Русской Старины» 1874 г. (стр. 496).

Ред.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ПОТСДАМЪ

1718—1815 гг.

Россійскій и прусскій дворы уже болѣе полутора ста лѣтъ состоятъ въ дружественныхъ связяхъ. Въ 1716 г. прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ I объявилъ себя противу возвратившагося изъ Турціи шведскаго короля, Карла XII, прогнавъ его изъ предѣловъ Пруссіи, и, вмѣстѣ съ Петромъ I, составилъ союзъ сѣверныхъ державъ противъ Швеціи. Осмотрѣвъ въ Копенгагенѣ прибывшія туда на галерахъ, для десанта въ Швецію, русскія войска, Петръ I поѣхалъ въ Берлинъ на свиданіе съ новымъ другомъ своимъ; провелъ у него, въ Гавельбергѣ, четыре дня; подтвердилъ дружественные трактаты съ Пруссією; согласился оставить за нею Штетинъ и, на прощанье, получилъ отъ короля „изрядный презентъ“, какъ выразился Петръ въ письмѣ къ Екатеринѣ, отъ 17-го ноября 1716 г., отъѣзжая изъ Гавельберга. Презентъ этотъ составляли: яхта, которая въ Потсдамѣ „зело убраная“, да кабинетъ янтарный, „о чемъ давно желали“. Съ своей стороны Петръ I отдалъ Фридриха-Вильгельма I, собиравшаго со всей Европы рослыхъ людей для своего исполнскаго гвардейскаго баталіона—пятидесяти пятью фланговыми гренадерами, съ которыми, по росту, не оказалось соперниковъ въ прусскомъ войскѣ ¹⁾).

¹⁾ Фасманъ, въ своемъ сочиненіи: «Жизнь и дѣянія Фридриха-Вильгельма I» на стр. 178-й, говоритъ: «Король подарилъ царю позолоченную, чрезвычайно великолѣпную яхту, купленную его знаменитымъ отцомъ въ Голландіи, за восемь лѣтъ передъ тѣмъ, со всѣми матросами и находящеюся внутри дорогою утварью. Эта яхта, какъ говорятъ, стоила болѣе 100 тыс. талеровъ. Она стояла на Гавелѣ, у Потсдама, откуда была отправлена въ Гамбургъ, а изъ Гамбурга далѣе въ Петербургъ. За то русскій монархъ обѣщалъ королю ежегодно снабжать его сотнею рослыхъ солдатъ въ большой прусскій гвардейскій гренадерскій, или коронный (нынѣ королевскій) полкъ. Поэтому, вслѣдствіе издавнаго Петромъ Великимъ приказа, шесть мѣсяцевъ спустя, прибыли въ Потсдамъ,

Люди эти прибыли въ Потсдамъ въ 1718 г.; съ ними доставлены королю: шлюпка (баржа), построенная въ С.-Петербургѣ, токарный станокъ и бокаль, выточенный самимъ Петромъ I. Всѣ эти подарки отправлены были при слѣдующемъ собственноручномъ письмѣ его ¹⁾ изъ Ревеля, отъ 30-го іюня (стар. ст.) 1718 г.:

„Свѣтлѣйшій, державнѣйшій король и курфюрстъ, многоуважаемый братъ, кумъ и другъ. Вручитель сего — мой камер-юнкеръ, Толстой, будетъ имѣть честь представить в. к. величеству 55 человекъ рослыхъ гренадеръ, самыхъ высокихъ, какихъ могъ найти по сіе время въ моихъ владѣніяхъ. И такъ какъ мнѣ доставляетъ особенное удовольствіе исполнять желаніе в. к. величества, то я хочу воспользоваться этимъ случаемъ послать в. к. величеству построенную въ Петербургѣ баржу, вмѣстѣ съ токарнымъ станкомъ, въ надеждѣ, что в. к. величество соблаговолите благосклонно принять оныя, какъ маленький подарокъ на память. При этомъ всѣми силами увѣряю в. к. величество, что я со всею искренностію и на всю жизнь пребываю в. в. вѣрный братъ, кумъ и другъ, Петръ“.

P. S. „Присемъ посылаю в. к. величеству бокаль моей собственноручной работы“. Контрасигн. „Головкинъ“.

Конечно, по страсти Фридриха-Вильгельма I создать у себя испанскій баталіонъ, присланные Петромъ 55 русскихъ великановъ были для короля „очень пріятнымъ подаркомъ“; но тѣмъ не менѣе онъ порадовался и великолѣпному станку, ²⁾ за которымъ русскій монархъ искалъ и находилъ отдыхъ отъ государственныхъ дѣлъ; порадовался онъ и бокалу собственноручной работы Петра. Тотчасъ по

въ первый разъ изъ Россіи, 150 человекъ опредѣленнаго роста. Высылка людей исправно продолжалась и послѣ смерти Петра Великаго. За то русскому двору возвращались отъ времени до времени очень ловкіе и опытные русскіе унтер-офицеры и солдаты, которые состояли шесть или болѣе лѣтъ на королевско-прусской службѣ и которые могли быть очень полезны для русской арміи. Это показаніе Фасмана, относящееся къ 1716 году — къ году свиданія русскаго и прусскаго монарховъ въ Гавельбергѣ, дѣлаетъ сомнительнымъ извѣстіе Копиша въ его сочиненіи: «Королевскіе замки и сады въ Потсдамѣ» (стр. 62), по которому упомянутая яхта подарена въ 1717 году. во время пребыванія Петра въ Потсдамѣ.

А. Я.

¹⁾ Подлинное письмо Петра Великаго хранится въ тайномъ прусскомъ государственномъ архивѣ. *Repositur*, 47, р. 3, «Акты о солдатахъ православнаго исповѣданія, присланныхъ королевскому прусскому дому русскимъ правительствомъ: о назначенномъ для нихъ въ Потсдамѣ богослуженіи и о церковной утвари этого прихода. 1808—1809»

А. Я.

²⁾ Въ настоящее время онъ находится въ замкѣ Monbijou, въ Берлинѣ, и тщательно сохранился среди другой исторически-замѣчательной утвари: мебели, моделей и прочихъ вещей королевскаго дома.

А. Я.

полученіи этихъ подарковъ, король написалъ на маленькомъ клочкѣ бумаги слѣдующее приказаніе:

„Фон-Ильгенъ! Передайте самый мой любезный привѣтъ за прекрасный токарный станокъ и за бокаль, сдѣланный самимъ царемъ“.

Составленное фон-Ильгеномъ письмо отъ короля Фридриха Вильгельма I—Петру I посланное изъ Берлина 22-го октября 1718 г., состояло въ слѣдующемъ:

„Свѣтлѣйшій (и проч.). Камер-юнкеръ в. ц. величества, Толстой, исправно представилъ мнѣ 55 челов. рослыхъ гренадеръ и притомъ бокаль собственноручной, а потому неопѣнной работы в. ц. величества, точно также и выстроенную въ Петербургѣ баржу и токарный станокъ, которыми меня соблаговолили подарить в. ц. величество.

„Все это для меня „чрезвычайно пріятный подарокъ“ и я болѣе обязанъ в. ц. величеству, нежели могу то выразить.

„Я желаю только найти скорый случай на дѣлѣ доказать в. ц. величеству мою сердечную признательность.

„Впрочемъ, вышеупомянутые гренадеры, со всею моею арміею, и со всѣмъ, что я въ состояніи употребить къ услугамъ и въ пользу в. ц. величества — состоятъ въ распоряженіи в. ц. величества; а я самъ, лично, на всю жизнь мою пребываю (и проч.)“.

Контрасигнировалъ „Ильгенъ“.

Снабженіе королевскаго исполнскаго баталіона рослыми русскими солдатами продолжалось и въ два послѣдующія за Петромъ I царствованія—Екатерины I и Петра II. Хотя для удовлетворенія религіозныхъ потребностей этихъ солдатъ велѣно было королю ежегодно пріѣзжать въ Потсдамъ находившемуся въ Берлинѣ при русскомъ посольствѣ священнику и отправлять богослуженіе въ Потсдамской городской думѣ; но, вслѣдствіе невозможности посольскому священнику отлучаться въ Потсдамъ болѣе одного раза въ годъ, русскіе солдаты, число которыхъ увеличилось до 300 чел., лишены частыхъ душеспасительныхъ наставленій, болѣе и болѣе ослаблялись въ религіозныхъ и нравственныхъ правилахъ. Поэтому русское посольство въ Берлинѣ вынуждено было довести до свѣдѣнія императрицы Анны Іоанновны о замѣченномъ упадкѣ нравственности у находящихся въ Потсдамѣ русскихъ солдатъ и ходатайствовать о присылкѣ особаго для нихъ священника. Императрица сочувственно отнеслась къ этому ходатайству и 14-го октября 1730 года русскій посолъ, князь Голицынъ, отнесся къ генералу фон-Боркену съ слѣдующею докладною запискою:

„Частыя перемѣны и другія событія, совершившіяся въ российскомъ государствѣ, отсрочили до сего времени всегдашнее намѣреніе

императорскаго дома принять участіе въ русскѣхъ солдатахъ и другихъ иностранцахъ греческаго вѣроисповѣданія, которые состоятъ на службѣ у е. в. прусскаго короля, и которые, за неимѣніемъ священника, не въ состояніи совершать своего богослуженія, что заставляетъ короля просить, отъ времени до времени, у русскихъ по словъ православнаго священника, который, пріѣзжая сюда только на короткое время, можетъ на половину помочь горю. Вслѣдствіе сего многіе православные живутъ безъ священника и никогда не присутствуютъ при богослуженіи по чину православной церкви, и потому настоятельно требуютъ большаго попеченія и заботы о нихъ, нежели какъ то было до сихъ поръ. Императрица, моя всемилостивѣйшая государыня, узнавъ объ ихъ положеніи, повелѣла мнѣ объявить е. в. королю, что она намѣрена послать въ Потсдамъ особаго священника для русскихъ солдатъ, съ тѣмъ, чтобы расположить ихъ служить королю со всѣмъ усердіемъ и вѣрностію, съ какимъ они обязаны, и убѣждена, что его величество не откажетъ принять этого священника, тѣмъ болѣе, что е. в. король, не только намѣревался самъ выписать священника, но еще назначилъ въ Потсдамъ и мѣсто для церкви. Ея и. величество увѣрена, что король оцѣнитъ этого священника и милостиво пожалуетъ его своимъ королевскимъ повровительствомъ, также какъ онъ жалуетъ другихъ духовныхъ лицъ, которые находятся въ такомъ же положеніи.

„Я считаю долгомъ передать вашему превос—тву о такомъ намѣреніи е. и. в. и убѣдительно прошу быть столь обязательнымъ довести о томъ до свѣдѣнія короля и дать благосклонный отвѣтъ г. Калушину, котораго я имѣлъ честь третьяго дня представить въ качествѣ всероссійскаго секретаря, и котораго я оставляю здѣсь, по приказанію нашего двора, до тѣхъ поръ, пока на мое мѣсто придетъ другой“.

Фон-Боркенъ, въ самый день полученія этой записки (17-го октября 1730 г.), послалъ королю слѣдующее письмо:

„Сегодня, поутру, передалъ мнѣ секретарь при русскомъ посольствѣ прилагаемую присемъ докладную записку и притомъ просилъ меня всеподданнѣйше доложить в. в. величеству о содержаніи оной. Въ ней сказано, что императрица охотно желаетъ послать въ Потсдамъ особаго священника для удовлетворенія духовнымъ нуждамъ солдатъ, которые, какъ въ Потсдамѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, состоятъ на службѣ у вашего королев. величества. Ожидаю на этотъ предметъ всемилостивѣйшаго рѣшенія“.

Король на поляхъ этого письма написалъ: „Прекрасно. Я дамъ ему содержаніе. Пусть скажетъ, сколько ему нужно“.

Секретарь русскаго посольства не рѣшился, однако же, выразить свое мнѣніе о размѣрѣ жалованья священнику, а сказалъ, что размѣръ этотъ долженъ зависѣть отъ усмотрѣнія короля, и тогда фон-Боркенъ, 24-го октября, послалъ Фридриху-Вильгельму I слѣдующую докладную записку:

„Я увѣдомилъ здѣсь пребывающаго россійскаго царскаго секретаря при посольствѣ о всемилостивѣйшемъ разрѣшеніи в. к. величества касательно священника, котораго намѣревается послать императрица совершать богослуженіе для русскихъ солдатъ, состоящихъ на службѣ вашего величества. Онъ былъ этимъ очень доволенъ и обѣщаль донести о томъ россійскому двору. Что же касается до жалованья или содержанія русскому священнику, то онъ предоставляетъ это единственно высочайшему благоусмотрѣнію в. к. величества“.

Въ тотъ же самый день (24-го октября 1730 г.) отправлено прусскому посланнику въ Москвѣ, Мардефельду, увѣдомленіе „о согласіи короля исполнить желаніе императрицы относительно священника для русскихъ солдатъ, съ тѣмъ, чтобы посланникъ лично изъяснилъ волю короля по этому предмету, передъ кѣмъ нужно“. Мардефельдъ, отъ 16-го ноября 1730 г., донесъ на это:

„Со всеподданнѣйшимъ уваженіемъ получилъ я высочайшій рескриптъ е. к. величества отъ 24-го октября, касательно православнаго богослуженія въ Потсдамѣ и немедленно увѣдомилъ графа Остермана о всемилостивѣйшемъ соизволеніи его величества относительно православной церкви. Притомъ графъ Остерманъ засвидѣтельствовалъ, что это будетъ для ея царскаго величества, императрицы, пріятнымъ извѣстіемъ и новымъ доказательствомъ постоянной дружбы е. к. величества“.

Хотя по выраженному императрицею живому сочувствію къ принятію мѣръ для поддержанія религіозности и нравственности русскихъ солдатъ, состоящихъ на службѣ прусскаго короля, и охотно изъясвленному Фридрихомъ-Вильгельмомъ I согласію давать содержаніе священнику, который будетъ присланъ изъ Россіи для этой кѣли, и можно было ожидать скорого прибытія этого священника; но, прошло три года, а священника еще не было. Тогда король рѣшился построить въ Потсдамѣ для русскихъ солдатъ своихъ особую, деревянную церковь, за манежемъ у канала;¹⁾ но безъ колокольни и колоколовъ. Въ ней, по греческому обряду, были: алтарь, ризница о двухъ комнатахъ, амвонъ въ срединѣ церкви, купель для крещенія

¹⁾ Нынѣ зданіе для амуничниковъ королевскаго 1-го гвардейскаго полка.

младенцевъ и хоры для пѣвчихъ. Наконецъ, весною 1734 года, прибылъ священникъ съ причетникомъ и съ нотами для пѣвчихъ. Священникъ этотъ назывался Василій Щербацкій. Онъ, 11-го апрѣля 1734 г., въ присутствіи короля, королевы, королевскихъ принцевъ и принцессъ и стараго князя Дессау, освятилъ церковь и совершилъ первый обрядъ крещенія надъ собственнымъ своимъ новорожденнымъ ребенкомъ, воспріемникомъ котораго былъ самъ король; но священникъ этотъ, въ величайшему огорченію всего своего прихода, не долго прожилъ: онъ умеръ еще раньше Фридриха-Вильгельма I, въ 1740 году, и мѣсто его осталось празднымъ; о богослуженіи заботились уже сами прихожане и пѣвчіе, и для него, время отъ времени, пріѣзжалъ изъ Берлина священникъ посольства русскаго; но, уменьшившійся обыкновенною смертностію русскій приходъ потсдамской церкви, не могъ уже выписывать на свой счетъ изъ Берлина посольскаго священника, и новый король, Фридрихъ Великій, приказалъ вознаграждать этого священника за каждую поѣздку въ Потсдамъ ¹⁾ 16-ю талерами изъ своихъ королевскихъ суммъ.

Все это подтверждается слѣдующими письмами:

«Мой любезный, дѣйствительный тайный государственный министр, графъ Подевилъ.

«Всѣ православные здѣшняго гарнизона требуютъ прибытія русскаго священника для удовлетворенія ихъ религіозныхъ нуждъ. Вы должны, какъ слѣдуетъ, позаботиться о томъ, чтобы онъ прибылъ сюда, а я вознагражу, какъ обыкновенно, его путевыя издержки.

«Остаюсь благорасположенный къ вамъ король Фридрихъ.

Потсдамъ, 3-го іюня 1746 г.

«Господину полковнику фон-Мейрингъ. Въ Потсдамъ.

«Высокоблагородный, милостивый государь, г. полковникъ. Ваше высокоблагородіе имѣете получить всемилоостивѣйшее, подлинное, собственноручное письмо короля, отъ 3-го сего мѣсяца, которое прошу возвратить вмѣстѣ съ другими письмами. Въ немъ его королевское величество требуетъ въ Потсдамъ русскаго священника для православныхъ тамошняго гарнизона. Такъ какъ здѣсь подобныхъ духовныхъ лицъ, за исключеніемъ священника при русскомъ посольствѣ, нѣтъ, то русскій посланникъ, графъ Чернышевъ, по моей просьбѣ, позволилъ ему ѣхать въ Потсдамъ на нѣсколько дней. По прибытіи туда, онъ будетъ имѣть честь собственноручно передать вашему высокоблагородію это письмо. Согласно воли его величества, выраженной въ письмѣ его, путевыя издержки помянутаго священника въ Потсдамъ и обратно, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ приняты на счетъ его королев. величества, и тотчасъ же будутъ заплачены. Имѣю честь и проч. Подевилъ».

Берлинъ, 5-го іюня 1746 г.

¹⁾ Сколько извѣстно, поѣздки эти предпринимались въ два года одинъ разъ, и то на нѣсколько дней.

«Высокоблагородный графъ, милостивый государь и тайный государственный министр. Я имѣлъ удовольствіе получить высокочтимое письмо вашего превосходительства относительно русскаго священника, которое вмѣстѣ съ симъ отсылаю назадъ. Я тотчасъ же позаботился обо всемъ, необходимомъ для священника и заплатилъ за путевыя издержки 16 талеровъ. Засимъ честь имѣю быть и проч. Мейрпигъ».

Потсдамъ, 9-го іюня 1746 г.

«Покорнѣйше благодарю его превосходительство, дѣйствительнаго тайнаго государственнаго и военнаго министра, графа фон-Подевила, за милостивое извѣстіе касательно отправленія русскаго посольскаго священника въ Потсдамъ и почтительно увѣдомляю, что все это вполнѣ согласно съ высочайшею королевскою волею, такъ какъ два года тому назадъ уже положено было выдавать священнику 16 талеровъ на путевыя издержки. Опредѣленіе же вновь особаго русскаго или православнаго священника должно быть отложено еще на нѣкоторое время. Собогаволите, в. с., почтить меня, между прочимъ, вашею постоянною милостію. (Подписано): Е. Шумахеръ».

Съ 1746 по 1763 годъ, въ Потсдамѣ вовсе не было православнаго богослуженія, конечно вслѣдствіе веденныхъ тогда Фридрихомъ Великимъ войнъ — сначала противъ Австріи, а потомъ противу Австріи, Саксоніи, Нѣмецкой Имперіи, Швеціи, Франціи и Россіи. По окончаніи этой послѣдней, семилѣтней войны, въ 1763, 1764 и 1765 годахъ, пріѣзжалъ одинъ разъ въ годъ священникъ русскаго посольства въ Потсдамъ, для отправленія тамъ православнаго богослуженія; но съ 1765 года это богослуженіе уже совсѣмъ прекратилось и съ тѣхъ поръ маленькій приходъ русскихъ остался и безъ священника, и безъ церкви, такъ какъ Фридрихъ II, въ этомъ году, далъ русской церкви другое назначеніе: въ ней открыть публичный театр.¹⁾ Tempora mutantur!

Между тѣмъ, какъ комедіантъ Шухъ и его труппа помѣщалась въ освященной покойнымъ отцомъ Василюмъ Щербацкимъ русской церкви, русскіе гренадеры короля прусскаго собирались для молитвы

¹⁾ Въ потсдамскомъ военно-сиротскомъ домѣ помѣщалась школа для дѣтей гарнизонныхъ солдатъ. Послѣ семилѣтней войны помѣщеніе этой школы дѣлалось годъ отъ году тѣснѣе отъ увеличивающагося числа сиротъ въ упомянутомъ сиротскомъ домѣ и потому школа и ея ректоръ переселялись изъ одного частнаго дома въ другой. Это неудобство и необходимость болѣе просторнаго помѣщенія, дали полковому пробсту, Вальку, мысль ходатайствовать предъ королемъ объ отдачѣ подъ школу русской церкви. Фридрихъ II, 24-го ноября 1765 г., приказалъ объявить Вальку: «такъ называемая «русская церковь», требуемая Валькомъ для гарнизонной школы, теперь обращена въ публичный театр; а для упомянутой школы еще должно найтись мѣсто въ здѣшнемъ сиротскомъ домѣ». (Вѣроятно, королю не было извѣстно, что школа помѣщалась уже въ частныхъ домахъ).

въ наемной залѣ¹⁾ и мѣсто священника, со времени смерти Шербацкаго, замѣнялъ одинъ изъ прихожанъ. Въ первый разъ отправлялъ эту должность и вообще заботился и надзиралъ за дѣлами и потребностями русскаго прихода инвалидъ Шивановичъ, прожившій до 1790 года, а послѣ него—инвалидъ Стефани (?). Тогда весь русскій приходъ,—какъ утверждалъ Стефани,—состоялъ всего изъ 20-ти ветеранъ; но число ихъ съ каждымъ годомъ уменьшалось, такъ, что въ 1805 году, кромѣ Стефани, не оставалось въ живыхъ ни одного русскаго ветерана.

Священные сосуды и остальная церковная утварь, помѣщавшаяся въ домѣ Люттиха, на углу Булочной улицы и подъ-Липами,—гдѣ въ послѣднее время нанималась зала для отправленія богослуженія русскихъ ветерановъ, — въ 1808 году отданы на храненіе въ потсдамскій магистратъ, а въ 1809 году переданы оттуда въ вѣдомство придворныхъ церквей, въ которомъ и оставались до 1815 года; въ этомъ же году они сданы въ королевское гофмаршальское вѣдомство. Всѣ эти сосуды и утварь заключались:

- 1) Въ серебряной, позолоченой чашѣ (вѣсу 1 марка 15 $\frac{1}{2}$ лот.), оцѣненной въ 21 талеръ.
- 2) Въ такой же четырехугольной чашѣ (6 $\frac{1}{2}$ лот.), оцѣненной въ 4 талера 8 грош.
- 3) Въ такой же тарелкѣ, въ которую вставлялась лампада (12 $\frac{1}{2}$ зол.), оцѣненной въ 8 талеровъ 14 грош.
- 4) Въ тарелкѣ для святаго хлѣба (4 $\frac{1}{2}$ лот.), оцѣненной въ 2 талера 19 грош.
- 5) Въ кадильницѣ (2 марки, 6 лот.), оцѣненной въ 23 тал. 18 грош.
- 6) Въ большой библии, обитой 5-ю серебряными бляхами, оцѣненной въ 5 тал.
- 7) Въ двухъ маленькхъ бархатныхъ подушкахъ (одного краснаго, другаго чернаго), оцѣненныхъ въ 2 тал.
- 8) Въ подержаномъ распятіи.
- 9) Въ 4-хъ картинкахъ библейскаго содержанія.
- 10) Въ семи или восьми книгахъ, частью на греческомъ, частью на русскомъ языкахъ.
- 11) Въ двухъ парныхъ, деревянныхъ подсвѣчникахъ, съ мѣдными трубочками.
- 12) Въ одномъ деревянномъ подсвѣчникѣ.

О происхожденіи этихъ сосудовъ и утвари, равно и вообще о русскомъ приходѣ, Стефани говоритъ въ судебномъ допросѣ (7 янв. 1808 г.) слѣдующее:

„Мои предшественники по службѣ рассказывали, что всѣ эти вещи подарены первоначальному приходу русскимъ царемъ Петромъ I, и что они были присланы сюда изъ Петербурга. Первоначальное образованіе русскаго прихода относится къ 1716—1720 годамъ. Въ 1790 году, когда умеръ Шивановичъ, былъ составленъ, по приказанію бургомистра Фрейтага, списокъ всѣхъ этихъ вещей, однако-жь я копій онаго не получалъ. Въ прежнія времена главнымъ надзирателемъ

¹⁾ Въ открытой, 1-го октября 1755 г., новой потсдамской ратушѣ не было свободнаго мѣста и поэтому городской магистратъ выдавалъ ежемѣсячно по 1 талеру и 6 грошей, для платы за наемъ залы.

надъ оными былъ самъ русскій священникъ, а потомъ каждый старшина, у котораго былъ и ключъ отъ залы для богослуженій. Городской магистратъ меньше другихъ заботился о насъ. По приказанію его величества, короля Фридриха II, въ 1763, 1764 и 1765 годахъ, въ каждый годъ одинъ разъ совершалось богослуженіе русскимъ священникомъ изъ нашего посольства, а съ 1765 года это прекратилось, и мы сами наставляли другъ друга; но вотъ уже три года, какъ, за неимѣніемъ членовъ прихода, богослуженія не было. Я уже замѣтилъ, что съ тѣхъ поръ какъ я завѣдываю дѣлами прихода, никто не заботился о насъ. Когда русскій царь въ первый разъ подарилъ королю Фридриху-Вильгельму I сто человѣкъ солдатъ, то ихъ сопровождалъ сюда русскій священникъ, и вышеупомянутая утварь была подарена паремъ приходу“.

Касательно постройки православной церкви, обращенной впоследствии въ театръ, Мангеръ, въ своей исторіи архитектуры (на стр. 481, годъ 1755), передаетъ намъ слѣдующее:

„Одно крыло, извѣстное подъ именемъ „Большой Конюшни“, или „Большого Манежа“ — было выстроено въ 1781 году. На другомъ концѣ, по направленію къ большому городскому каналу, была деревянная пристройка, въ два этажа, въ которой во времена Фридриха-Вильгельма I совершалось греческое богослуженіе для многочисленныхъ райцевъ (?), русскихъ, грековъ, служившихъ въ лейб-гвардейскомъ полку. Такъ какъ баталіоны иностранцевъ распускались, а рекрутовъ изъ тѣхъ странъ не прибавлялось, то число ихъ мало по малу уменьшилось до того, что домъ этотъ съ 1750 года оставался пустымъ; но когда Фридрихъ II позволилъ театральнымъ труппамъ давать въ этомъ домѣ представленія, съ условіемъ устроить въ немъ на свой счетъ театръ, со всѣми принадлежностями для онаго, то домъ этотъ превратился въ театръ. До конца 1777 года давались въ немъ различнаго рода представленія труппою Везера, но позднѣе король запретилъ здѣсь эти представленія, и домъ этотъ мало по малу заустѣлъ, окна заколотили старыми досками, но и тѣ были расквашены, такъ, что домъ принялъ очень безобразный видъ, и король велѣлъ вмѣсто его выстроить новое, каменное, трех-этажное зданіе и въ немъ устроить амуничники“.

Сообщ. А. П. Языковъ.

Русскій домъ въ Вѣнѣ.

Многіе русскіе перебивали въ Вѣнѣ, многіе изъ нихъ молились Богу въ русской посольской церкви, устроенной на Битовой улицѣ (Wallfischgasse), въ домѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „Русскаго дома“ (Russisches Haus), но, вѣроятно, не многіе знакомы съ исторіей этого шести-этажнаго зданія, подареннаго русскому правительству съ тѣмъ, чтобъ въ немъ помѣщалась посольская церковь и квартира священника, и чтобъ доходъ съ остальныхъ квартиръ раздѣлялся ежегодно между чиновниками посольства, за исключеніемъ самого посла и совѣтника посольства.

Даритель былъ мальтійскій уроженецъ, русской службы статскій совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Батистъ Малліа, умершій въ Вѣнѣ 30-го октября (11-го ноября) 1812 г. Проплававъ сначала на галерахъ Мальтійскаго ордена, Малліа поступилъ въ русскую службу, участвовалъ въ чесменскомъ сраженіи, отличился при взятіи Очакова и за штурмъ Измаила былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса. Онъ пользовался расположеніемъ къ себѣ кн. Потемкина за его усердіе и умѣніе исполнять самыя трудныя порученія. Послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни Малліа состоялъ чиновникомъ при вѣнскомъ посольствѣ и, за исключеніемъ поѣздокъ во Францію и Англію въ 1802 и 1803 годахъ, постоянно жилъ въ Вѣнѣ, гдѣ, благодаря досугу и средствамъ, предавался страсти собирать рѣдкіе экземпляры алмазовъ, драгоценныя рѣзные камни и другіе рѣдкіе предметы. Не имѣвъ родственниковъ и дабы не разрознить коллекцію, съ такимъ трудомъ собранную, онъ ее всю завѣщалъ императорскому эрмитажу. Посольскому чиновнику Отту поручено было отвезти подарокъ въ Петербургъ.

Сообщ. А. В. Фрейгангъ.

ПАМЯТНИКЪ ЕКАТЕРИНѢ II ВЪ КОЛОНИИ ЕКАТЕРИНШТАДТЪ.

1848 г.

Въ ноябрѣ 1848 года, поселенные въ Саратовской губерніи нѣмецкіе колонисты, нынѣ поселяне-собственники Саратовской и Самарской губерній, ¹⁾ желая увѣковѣчить чувства благодарности за попеченіе о нихъ правительства и за оказанныя имъ благодѣянія императрицею Екатериною II. постановили воздвигнуть памятникъ великой государынѣ въ колоніи Екатеринштадтѣ.

О такомъ намѣреніи своемъ колонисты, чрезъ избранныхъ отъ обществъ повѣренныхъ, заявили Саратовской конторѣ иностранныхъ поселенцевъ, ходатайствуя объ вспоможеніи высочайшаго соизволенія. Въ прошеніи, представленномъ по этому поводу въ контору, повѣренные отъ обществъ слѣдующимъ образомъ выражали руководившія ими побужденія къ сооруженію памятника:

„Высочайшимъ манифестомъ блаженной памяти императрицы Екатерины II, отъ 22-го іюля 1763 года, предки наши были вызваны въ Россію и поселены на отведенныхъ намъ въ Саратовской губерніи свободныхъ казенныхъ земляхъ; чувствуя себя, чрезъ постоянныя, какъ о предкахъ нашихъ, такъ и о насъ самихъ, попеченія правительства и всѣ благодѣянія, оказанныя намъ императрицею, продолжающіяся и понынѣ подъ державою великаго ея внука, благополучно царствующаго государя императора Николая I, счастливыми, и будучи одушевлены сердечною благодарностію, мы возымѣли желаніе увѣковѣчить чувствованія эти сооруженіемъ монумента императрицѣ Екатеринѣ II, по образцу находящагося въ С.-Петербургѣ, въ конференц-залѣ академіи художествъ, съ постанов-

¹⁾ При образованіи въ 1851 году Самарской губерніи, Николаевскій уѣздъ, въ коемъ находится колонія Екатеринштадтъ, вмѣстѣ съ Новоузенскимъ уѣздомъ, отошли отъ Саратовской къ Самарской губерніи. М. Г.

кою онаго въ колоніи Екатеринштадтѣ, удостоившейся получить названіе по имени ея величества“.

Императоръ Николай Павловичъ, по докладу министра государственныхъ имуществъ о желаніи колонистовъ, 2-го мая 1849 года, повелѣлъ разрѣшить сооруженіе монумента.

Послѣ этого, для сооруженія памятника, была образована комисія изъ выборныхъ изъ среды колонистовъ лицъ; для исполненія же настоящаго предположенія было собрано повѣренными отъ обществъ, по подпискѣ, добровольныхъ пожертвованій 15,236 р. 50 коп.

Памятникъ отлитъ профессоромъ академіи художествъ барономъ Клодтъ. Онъ состоитъ изъ бронзовой статуи на гранитномъ пьедесталѣ. Статуя изображаетъ государыню, сидящую на креслѣ и держащую въ правой рукѣ свертокъ, представляющій манифестъ ея величества о правахъ, данныхъ предкамъ колонистовъ, съ выгравированною на немъ надписью: „Манифестъ 22 іюля 1763 года“. Пьедесталь имѣетъ по двумъ сторонамъ надпись на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: „Императрицѣ Екатеринѣ II изъ благодарности иностранныхъ поселенцами Саратовской губерніи, 24 ноября 1848 года“. Число это означаетъ день состоявшагося постановленія колонистовъ на сооруженіе памятника.

Памятникъ воздвигнутъ колоніи Екатеринштадтѣ, на площади въ посреди сада, окруженъ желѣзною рѣшетвою, съ небольшими, по угламъ, чугуными колоннами, на верху которыхъ укрѣплены двухглавыя, вылитыя изъ бронзы, орлы съ знаками, съ одной стороны государственнаго герба, а съ другой—герба Саратовской губерніи.

Памятникъ обошелся, со всѣми по доставкѣ и постановкѣ его расходами, въ 12,881 руб. 45 коп.

Торжественное открытіе памятника послѣдовало въ день рожденія императора Николая Павловича — 26-го іюня 1852 года.

Въ воспоминаніе этого событія, по желанію колонистовъ и на средства ихъ, видъ памятника былъ отлитографированъ на листѣ большого формата съ разными окаймляющими его украшеніями, съ изображеніемъ во главѣ листа государственнаго герба и внизу, у подножія памятника, лютеранскаго и католическаго храмовъ, въ исповѣданіямъ коихъ принадлежатъ колонисты, съ разными приличествующими надписями и перечнемъ главнѣйшихъ колоній, участвовавшихъ въ сооруженіи памятника. Литографія эта (впрочемъ весьма посредственная) тогда же разоплась въ огромномъ числѣ экземпляровъ и врядъ-ли найдется домъ въ колоніяхъ, въ которомъ не было бы этой литографіи, въ рамкѣ, подъ стекломъ, на почетномъ мѣстѣ лучшей комнаты— въ красномъ, какъ говорится у насъ, углу.

Въ числѣ надписей на рисунокѣ обращаютъ на себя вниманіе, помѣщенные по обѣ стороны изображенія памятника, слѣдующія строфы, обращенныя къ императрицѣ:

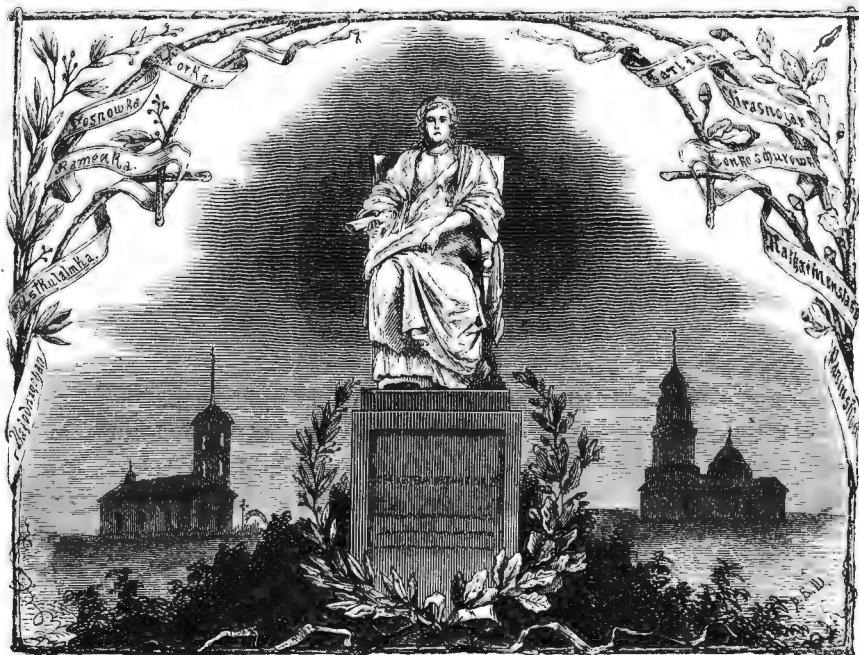
«Du nahmst uns gnädig auf, o Hohe Herrscherin,
 «In Russland, segensreichen Auen,
 «Verlieh'st uns Schutz aus reinem Menschensinn
 «Und liessest hier die Heimath uns erbauen
 «Verbunden—hochbeglückt sind wir der Russen Brüder
 «Heil Catharina Dir! Schau segnend auf uns nieder!»

Саратовъ.

Сообщ. М. Н. Галкинъ-Враскій.

Примѣчаніе. При этой замѣткѣ М. Н. Галкинъ-Враскій весьма обязательно доставилъ описанную здѣсь литографію. Она исполнена очень плохо, на громадномъ листѣ бумаги. Помѣщаемая ниже виньетка воспроизводитъ изображеніе памятника съ этой литографіи и подлѣ памятника двѣ церкви — лютеранскую и католическую.

Ред.

Памятникъ Екаторинѣ II въ Екаториншадтѣ

1848 г.

Замѣтка къ письмамъ кн. А. С. Меншикова

1854 — 1855.

Въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1875 г., томъ XII, стр. 174—196; 298—328), помѣщены письма кн. Меншикова къ кн. М. Горчакову. Въ письмахъ этихъ упоминается два раза моя фамилія. Въ первый разъ, въ письмѣ отъ 17-го декабря 1854 года, говорится, что: „Урусовъ принялъ начальство надъ 10-ю дивизією, которой нуженъ энергичный командиръ. Генераль Баумгартенъ уже не тотъ, что былъ полковникомъ при Четаги.“

Потомъ, въ письмѣ отъ 3-го января 1855 года, какъ бы въ подтвержденіе этого заключенія, сказано: „Мы продолжаемъ дѣлать ночныя вылазки, которыя вообще удаются. Одна только вылазка, произведенная Тобольскимъ полкомъ, вслѣдствіе даннаго ей Баумгартеномъ направленія, вышла неудачна“.

Первое обвиненіе или упрекъ, по понятной причинѣ, я разбирать не могу и не стану; относительно же втораго отрывка изъ письма позволю себѣ сказать нѣсколько словъ.

Вылазки изъ Севастополя дѣлались съ цѣлью тревожить непріятеля и заставить его, въ ненастное и холодное время, держать какъ можно болѣе войскъ на-готовѣ въ траншеяхъ, дабы такимъ образомъ изнурять непріятельскія войска; а когда удастся застать его въ распложъ, то и наносить имъ пораженіе. Для производства подобныхъ вылазокъ, назначались обыкновенно небольшіе отряды, отъ 2-хъ до 3-хъ ротъ, и рѣдко болѣе одного баталіона. А потому никакого особаго направленія не приходилось, да и нельзя было, давать этимъ отрядамъ; они просто и прямо шли къ непріятельскимъ траншеямъ, а для указанія пути и выходовъ изъ нашихъ укрѣпленій назначались обыкновенно моряки. Успѣхъ вылазокъ зависѣлъ поэтому вовсе не отъ ихъ направленія, а отъ быстроты и внезапности нападенія и главное отъ степени бдительности противника. Вотъ почему почти всѣ вылазки, произведенныя съ 3-го бастіона противъ англичанъ, стоявшихъ оплошно, были удачны и обходились безъ значительной для насъ потери; тогда какъ вылазки, направленныя противу французовъ, соблюдавшихъ несравненно болѣе осторожности, были менѣе удачны и стоили намъ дороже.

Изъ сказаннаго видно, что я, лично, не давалъ и не могъ давать направленія ротамъ Тобольскаго полка, производившимъ вылазку и, слѣдовательно, успѣхъ или не успѣхъ вылазки не можетъ мнѣ служить ни похвалою, ни порицаніемъ. Что же касается соб-

ственно оцѣнки степени успѣха вылазки Тобольцевъ, то лучшимъ разъясненіемъ истины можетъ служить слѣдующая выдержка изъ известнаго „Описанія Оборона Севастополя“ генерал-адъютанта Тотлебена (часть I, стр. 571):

„31-го декабря (12-го января), въ 2 часа пополуночи, произведена съ 5-го бастиона вылазка двумя ротами Тобольскаго полка, подъ командою капитана Ляпунова, на траншею у вершины загородной балки, правѣе подступовъ. Несмотря на ружейный огонь, Тобольцы вскочили въ траншею и вступили съ непріателемъ въ рукопашный бой; но, замѣтивъ прибывающіе къ непріателю резервы, отступили на бастионъ съ потерей 7-ми убитыхъ, 9-ти раненыхъ и 6-ти контуженыхъ“.

А. Ваумгартенъ.

Кто послѣдній оставилъ Севастополь?

Этотъ вопросъ возникъ въ послѣднее время. Въ разрѣшеніе его авторъ замѣтки по этому поводу. П. П. Красовскій („Р. А.“), (1875 г.) бывшій адъютантъ главнокомандующаго южной арміи и войскъ въ Крыму, рассказываетъ, что, по его соображеніямъ, городъ оставили послѣдними: начальникъ севастопольскаго гарнизона, графъ Остен-Сакенъ, и начальникъ его штаба, князь Васильчиковъ. Если рѣшать этотъ вопросъ, какъ онъ заданъ: „Кто послѣдній оставилъ Севастополь?“ не справляясь съ чинами, окажется по Севастопольскимъ преданіямъ, что изъ побѣдутаго войсками города вышла послѣ всѣхъ какая-то баба, жена матроса, долго и хлопотливо сбиравшая на одномъ изъ бастионовъ бѣдные свои пожитки, составлявшіе для нея нѣкоторымъ образомъ тоже „Севастополь“, котораго она не хотѣла сдать непріателю и для котораго забыла страхъ и опасности...

Изъ начальствующихъ лицъ послѣднимъ удалился изъ города командовавшій арьергардомъ бывшій командиръ храбрыхъ волинцевъ, генералъ Хрущовъ съ капитаномъ Воробьевымъ. Это сказывалъ мнѣ строитель моста генерал-лейтенантъ Бухмейеръ, который оставался на южной сторонѣ долѣе всѣхъ по той простой причинѣ, что ему слѣдовало развести мостъ. Ему нельзя было не видѣть, кто вышелъ изъ Севастополя послѣднимъ. Разводка моста описана въ статьѣ г. Красовскаго тоже не совсѣмъ вѣрно. Но объ этомъ мнѣ случилось бесѣдовать съ генераломъ Бухмейеромъ. Прежде чѣмъ сообщу эту бесѣду, считаю не лишнимъ рассказать, что именно ее вызвало.

По заключеніи мира, въ апрѣлѣ 1856 г., я былъ отправленъ изъ главнаго штаба южной арміи, пребывавшаго тогда въ Бахчисарафъ, въ главный штабъ французской арміи, расположенный за Севастопо-

лемъ въ восьми верстахъ отъ Камыша. Я представился начальнику штаба, генерал-лейтенанту Мартемире, и получилъ отъ него приглашеніе на обѣдъ. За обѣдомъ много говорили о Севастополѣ, конечно деликатно и осторожно. Ничего не было сказано такого, что бы могло подѣйствовать неприятно на русскаго собесѣдника. Мартемире, удивлялся быстротѣ, съ какою былъ построенъ мостъ черезъ рейдъ, сказалъ: „Для насъ не менѣе удивительно было и то, что мы не нашли въ бухтѣ никакихъ слѣдовъ этого моста, когда войска вступили въ городъ. Онъ былъ убранъ такъ быстро, такъ быстро... словно какимъ чудомъ. Скажите, какъ вы могли убрать его съ такой поспѣшностью? Какіе были употреблены для этого способы?

Я вовсе не занимался этимъ предметомъ. Помню только, что прибывъ на Сѣверную, на другой день по оставленіи Севастополя. 28-го августа 1855 г., часу въ десятомъ утра или немного позже, и подѣхавъ къ берегу близъ того мѣста, гдѣ былъ мостъ,—я долго смотрѣлъ на городъ, гдѣ еще происходили взрывы и многіе дома горѣли и дымились... смотрѣлъ и на бухту, съ затопленными вновь кораблями и пароходами... помню, что „Херсонесъ“ лежалъ на боку почти противъ батареи № 4, еще весь видный... моста уже не было; но гдѣ были его остатки, бревна и прочее? мнѣ и въ голову не приходило тогда разузнавать объ этомъ, подробно разглядывать берегъ и бухту. Я отвѣчалъ Мартемире, что „рѣшительно ничего объ этомъ не знаю“. — „А откуда вы взяли лѣсъ для постройки моста?“—спросилъ онъ потомъ: „сколько намъ извѣстно, такого лѣсу нѣтъ въ Крыму.“

Я сказалъ: „и объ этомъ ничего не знаю“.

Однако вопросы эти стали меня съ тѣхъ поръ занимать. Я старался рѣшить ихъ для себя сколь возможно точнѣе и достовѣрнѣе.

Когда главный штабъ южной арміи перешелъ въ Одессу, я былъ командированъ въ Измаилъ, при сдачѣ его турецкому правительству и тутъ очень часто встрѣчался съ генераломъ Бухмейеромъ. Само собою разумѣется, что онъ лучше всякаго другого могъ разрѣшить мнѣ оба вопроса: гдѣ взять лѣсъ для постройки моста и какъ разобранъ мостъ, имѣвшій 430 сажень длины, съ быстротою, изумившею неприятеля? Я просилъ Бухмейера снабдить меня этими свѣдѣніями. Дѣло было его сердцу очень близкое. Онъ пустился въ такіе подробности, какихъ я даже и не требовалъ, показалъ планы, ввелъ меня во всѣ тайны...

О сооруженіи моста говорить мнѣ здѣсь не зачѣмъ. Разрушеніе же произведено такъ: къ каждому участку былъ привязанъ канатъ, длиною, у первыхъ трехъ участковъ, болѣе версты, а потомъ короче, и всѣ эти канаты притянуты на сѣверную сторону, за Михайловское

угрѣпленіе, т. е. вправо отъ моста, если смотрѣть на Севастополь. У каждаго каната поставлено по сту человекъ солдатъ и сказано имъ, что „послѣ того, какъ генераль махнетъ платкомъ, тянуть первый канатъ, потомъ второй, и т. д.“

Генераль Бухмейеръ дожидался на южномъ берегу, покамѣстъ перешли рѣшительно всѣ части войскъ и отдѣльныя лица. Послѣднимъ показался изъ города бывший командиръ храбрныхъ волынцевъ, генераль Хрущовъ, въ сопровожденіи капитана Воробьева, — вѣроятно человека очень извѣстнаго Бухмейеру, потому что онъ черезъ полгода слишкомъ не забылъ этой фамиліи. Хрущовъ сказалъ Бухмейеру, что „въ городѣ, сколько ему извѣстно, не осталось уже никого изъ здоровыхъ русскихъ, могущихъ ходить безъ посторонней помощи; раненные поручены вниманію французскаго главнокомандующаго, а потому мостъ время развести“.

Тогда всѣ они перешли на второй участокъ моста. Бухмейеръ приказалъ бывшимъ при немъ солдатамъ обрубить канаты, соединявшіе первый участокъ съ яборами и также перейти къ нему на второй участокъ; затѣмъ подавъ условный знакъ платкомъ береговой командѣ сѣверной стороны: первой участокъ поѣхалъ по волнамъ и былъ притянутъ къ самому берегу. Точно также притянули къ берегу второй, третій и всѣ послѣдующіе участки. Шлюпокъ для разводки моста не употреблялось вовсе. По крайней мѣрѣ Бухмейеръ ничего о нихъ не говорилъ.

Въ заключеніе можно упомянуть, что наши матросы посѣщали городъ и по разведеніи моста, вплоть до вечера 28-го августа 1855 г. Они ѣздили туда съ Сѣверной на лодкахъ, и бродили собственно по южной сторонѣ, т. е. въ городѣ, который все 28-е число былъ свободенъ отъ непріятеля. Французы и англичане бѣгали вучками по Корабельной съ утра 28-го августа, но въ городъ не заглядывали, боясь, что улицы его подминованы. Къ тому же, все 28-е число слышались тамъ взрывы. Только къ вечеру этого дня показалось на Графской нѣсколько непріятельскихъ фигуръ. 29-го августа непріятель занялъ южную сторону и главнокомандующій французской арміи объѣхалъ, съ многочисленнымъ штабомъ, Севастополь и всѣ его оборонительныя линіи. Затѣмъ началась перестрѣлка изъ орудій южной и сѣверной сторонъ, какъ враждебныхъ.

Севастополецъ.

Мостъ состоялъ изъ шести участковъ, въ 14 плотовъ каждый. Всѣхъ плотовъ, съ пристанями, было 86.

Авт.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Письмо Якова Васильевича Похвиснева къ своему отцу, стольнику
Василію Михайловичу Похвисневу.

Domestica facta.

Въ нашихъ семейныхъ архивахъ хранится не мало старинныхъ актовъ и бумагъ дѣловаго содержанія (родословныя, раздѣльныя записи, купчія, межевые акты и т. п.), но въ нихъ рѣдко попадаются семейныя и частныя письма, записки и другіе документы, относящіеся въ повседневной домашней жизни нашихъ предковъ. Скѣдость письменныхъ памятниковъ этого рода изъ временъ до-петровскихъ, и даже изъ петровской эпохи, объясняется отчасти тѣмъ, что наши прадѣды, при своей малограмотности и при слабости развитія вообще тогдашнихъ общественныхъ отношеній, были не охотники писать, и если прибѣгали къ перу, то лишь въ случаяхъ крайней нужды. Не придавая особаго значенія своей частной перепискѣ, они, конечно, не думали о ея сохраненіи, въ противоположность той заботливости, съ какою хранили дѣловыя бумаги и акты, касающіеся личныхъ или имущественныхъ правъ и отношеній.

Помѣщаемое ниже письмо принадлежитъ именно къ числу тѣхъ матеріаловъ, которые встрѣчаются не часто между письменными памятниками старины. Оно писано въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII столѣтія (какъ надо полагать, судя по другимъ, имѣющимся въ нашихъ рукахъ семейнымъ бумагамъ) и слѣдовательно относится къ той эпохѣ, когда русское общество только что начинало перестраиваться на западно-европейскій образецъ, и когда еще живы и вѣрны были стародавніе нравы и обычаи.

Содержаніе письма самое простое, обыкновенное: это просьба сына къ отцу о присылкѣ ему денегъ, нужныхъ при вступленіи на службу, тема нескончаемо повторяющаяся въ перепискѣ дѣтей съ родителями, во всѣ времена, прошедшія и настоящія. Тѣмъ не менѣе письмо это не лишено интереса для любителей старины. Оно интересно и по безыскусственной формѣ изложенія, — формѣ, усвоенной нашими предками для письменныхъ сношеній и донынѣ употребляемой въ семейной перепискѣ нашего простонародья (обращеніе, въ началѣ письма, къ каждому изъ членовъ семейства по имени и отчеству), и по своему внутреннему содержанію, которое, несмотря на краткость письма, живо свидѣтельствуетъ

о патріархальности быта и крѣпости родственныхъ связей между русскими людьми того времени.

Письмо писано на столбѣ, четкими почеркомъ, подъ титлами, безъ обозначенія года и адресовано Брянскаго уѣзда, въ село Полужье, вотчину Василя Михайловича Похвиснева, гдѣ онъ проживалъ тогда съ своимъ многочисленнымъ семействомъ. Село Полужье пожаловано ему, въ числѣ другихъ земель Брянскаго и Кромскаго уѣздовъ, изъ помѣстья въ вотчину, за чигиринскую службу, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ жалованная грамота, данная Похвисневу 7193 (1685) г., апрѣля 11-го дня, отъ царей Иоанна и Петра Алексѣевичей.

У Василя Михайловича Похвиснева было шесть сыновей и нѣсколько дочерей; изъ ближайшихъ его потомковъ упоминаемъ о внукѣ его, Михаилѣ Семеновичѣ Похвисневѣ, который, въ чинѣ кашгана гвардіи Пзмайловскаго полка, принималъ дѣятельное участіе въ переворотѣ 1762 года, и при воцареніи Екатерины II, въ числѣ другихъ ея сторонниковъ, былъ награжденъ званіемъ камергера двора и тысячью душъ крестьянъ.¹⁾ Впослѣдствіи онъ былъ первымъ почетнымъ опекуномъ и затѣмъ сенаторомъ въ Москвѣ; извѣстенъ какъ ближайшій и ревностный сотрудникъ знаменитаго Бецкаго въ дѣлѣ устройства московскаго воспитательнаго дома.²⁾

М. П.

Первое или два первыхъ слова первой строки оторваны:³⁾

„...ого милостивому милосердому моему государю батюшкѣ Василю Михайловичу сынъ твой Яковъ, благословенія прося, многократно до лица земли челомъ бью:

„Здравствуй государь мой батюшко, Василей Михайловичъ, смилостивою и смилосердою и благоразумною государынею моею матушкою Ѳеклою Никитичною и сгосударынею моею сестрицею Мавзрою васильевною и сгосударынею моею сестрицею со аксиною васильевною и сгосударѣмъ своимъ братцемъ Семеномъ восильевичемъ и сгосударѣмъ своимъ брацемъ спетромъ восильевичемъ и солекѣемъ восильевичемъ и свосипомъ восильевичемъ. Здравствуйте со всемъ своимъ праведномъ домою на множества лѣтъ. Пожалуй государь батюшко неизволь абнѣ пичалица и ты, государыня матушко, пожалуй неизволь абнѣ пичалица. До буди тебѣ, государь батюшко, ведомо и тебѣ, государыня матушко, буди тебѣ ведомо: что насъ сратомъ (слѣдующее слово нельзя разобрать, такъ какъ бумага въ этомъ мѣстѣ истлѣла) по смотру полковника Івана Матвѣевича невыбрали и насъ своя братья завочно (?) записали вбольшыя драгунны. Изъ мололеть-

¹⁾ См. Сборникъ Историч. Общества, т. VII, стр. 110, 112 и 114.

²⁾ См. Энциклоп. Словарь Плюшара, т. XII, стр. 96, въ статьѣ: «Воспитательный Домъ» и брошюру, изданную въ С.-Петербургѣ подъ заглавіемъ: «Питомцамъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома, въ воспоминаніе столѣтняго его юбилея», стр. 44 и 45.

³⁾ Печат. съ правоисаніемъ подлин., но разставлены знаки препинанія.

М. П.

ныхъ выбрали и которыя молодетьныя астались и техъ домой отпустили до указу; а намъ съ большимъ дрогуномъ къ жалованью пометели, чаю скоро похоть будить; до прошу у тебя, государь батюшко, милости ты вить мнѣ всево денегъ аставиль петънацать рублевъ, такъ мнѣ пришьлось все на тета денги купить: две телеги, лошодь, комзоль, сопоги строй; ковтанъ куплю серой служивой, вгрась таковской дорогою итить; такъ ты, государь батюшко, ни присылай мнѣ телеги и лошоди. Пожалуй, государь батюшко, пришьли ты мнѣ андюшу Катена либо Федотьку до денегъ рублевъ пять или шесть. Пожалуй пришли а кагда государь батюшко неизволишь ты мнѣ прислать человека до денегъ, такъ мнѣ пришло все на тета денги купить и телеги и лошотъ, счемъ мнѣ но службу итить, денегъ небольшая останица; такъ ты, государь батюшко, пожалуй пришьли. Се я, государь батюшко, человекъ молодой, се я несмыслень, впервой но службу, какъ мнѣ съ однимъ человекомъ итить? Пожалуй пришли, самъ ты, государь батюшко, изволиш подумать; пожалуй пришли непоmeshковъ, обсветой недели, когда мы поидемъ въ Польшу, так я одна человека и поворочу изъ дороги. Пожалуй государь батюшко пришли человека до денегъ; ты, государь батюшко, самъ изволишь служивою нужду знать. Се государь батюшко ни тавия службы стали—нужныя. До прошу у тебя милости, государыня матушко Феѣла никитечна, не оставь маево прошена: пожалуй неповин Сергеевой жены и детей,—пожалуй дай хлѣбо ей золишкомъ; до пожалуй государь батюшко и ты государыня матушко Феѣла никитечна помолитесь обо мнѣ Господеви Богу до всемилостевому Спасу до Ниволы чудотворцу до Козанской матери моей Пресветой Богородицы. пожалуй ты зо меня отпой малебень. За семь писавы сынишко твой Ялушко Похвисневъ благословения прося до лица земли многократно челомъ бью.

„...до буди тебѣ государь батюшко ведомо: воевотъ высылають кмоскве изгородов; велено быть но их места отставнымъ по городамъ воеводамъ будить смотерь государѣвъ всмоленску“.

На свернутомъ столбцѣ надпись: „вручить сию грамотку государю моему батюшкѣ, воевилью михаловичу похвисневу, вдомя вѣево вселе вполужья писана ся грамотка мѣа марта“.

Сообщ. М. Н. П.

Прохладный вертоградъ или врачевскія вещи ко здравію чело- вѣчества.

«Книга глаголемая прохладный вертоградъ, избранная отъ многихъ мудрецовъ, о различныхъ врачевскихъ вещехъ ко здравію челоѳическому пристоящихъ».

Въ этой рукописной книгѣ есть матеріалъ для исторіи повѣрій, довольно любопытный. Напримѣръ:

«Уха гороховая здорова и спына есть и пристойтъ примати боязливымъ людямъ».

«Хрѣвъ на тощее сердцѣ пріять, сохраняетъ на тотъ день отъ ожорму челоѳика».

«Капуста варена съ семенемъ капустнымъ въ питіи пріятна и нпѣако тотъ челоѳкъ въ тотъ день не напьется хмѣльнаго питія до пьяна».

«Морковь огородную, аще кто пмѣетъ при себѣ, тогда всякаго ядовитаго ползущаго гада не боится».

«Рябина боле пристойтъ пріяти мужскимъ поломъ, нежели женскимъ».

«Лавенда трава варена въ водѣ и главу умываемъ, тогда соблазньство и помыслъ блудный отгонить».

«Кто носитъ при себѣ тощеву траву — духъ нечистый вредити не можетъ» и т. д.

Подобныя же суевѣрія—о деревьяхъ, птицахъ, рыбахъ, звѣряхъ, въ особенности драгоцѣнныхъ камняхъ.

Въ этой же рукописи находится «лекарство послѣ правеза».

Правезомъ, какъ извѣстно, называлось битье палками неисправныхъ должниковъ или недоимщиковъ казенныхъ податей. Русскій народъ весь ужасъ правеза особенно испыталъ 1730—1740-хъ гг., во время бироновщины.

«Борицъ есть трава собою горяча и волгостна, во второмъ ступнѣ пмѣетъ мягчительство, но бѣ тягостно... Листвіе тое травы свѣжее и сухое прикладываемъ ко внутреннимъ болячкамъ, также и ко внѣшнимъ, и ко преломленнымъ составомъ и къ розшибенымъ и ко отоку селезенному. И аще кого бьютъ на правезѣ съ утра или весь день, той да емлетъ борицъ сушеной и парить въ кислыхъ щахъ добрыхъ, и тое ноци парить ноги битыя тою травою съ кислыми щами гораздо, и тако битое мѣсто станетъ мягко, и тако творить по вся дни, доколѣ бьютъ на правезѣ, и ноги отъ того бою впредь будутъ пѣлы».

Сообщ. П. А. Муловъ.

Карлъ-Леопольдъ герцогъ Мекленбургскій.

(Замѣтка къ разсказу барона Эйхгольца, см. «Рус. Стар.» т. XII).

Не взирая на личное ходатайство герцога Карла-Леопольда въВѣнѣ, по дѣлу его съ мекленбургскими чинами, приговоръ имперскаго суда послѣдовалъ въ пользу чиновъ, а на случай неповиновенія герцога повелѣно было консерваторамъ (хранителямъ) нижне-саксонскаго округа привести рѣшеніе императора Карла VI въ исполненіе. При постоян-

номъ упрямствѣ герцога экзекуціонныя войска нижне-саксонскія заняли мекленбургскую землю и удаленный отъ власти Карль-Леопольдъ уѣхалъ въ принадлежащее ему въ Прусской Помераніи имѣніе Демницъ. Какъ при экзекуціонныхъ войскахъ наведенныхъ герцогомъ войска, съ длинными усами, не могли оставаться въ Мекленбургѣ, а Карль-Леопольдъ не хотѣлъ ни ихъ уволить въ отставку, ни освободить отъ принесенной ему присяги, то онъ испросилъ позволеніе Петра Великаго расквартировать эти войска въ Украйнѣ; но, кажется, при этомъ герцогъ мало заботился о ихъ содержаніи, ибо бѣдные мекленбургскіе солдаты, чтобы не умереть съ голода въ Украйнѣ, принуждены были заниматься на полевыхъ и другія работы.

Хотя Петръ имѣлъ довольно причинъ неудовольствія на Карла-Леопольда, но, въ уваженіе родства, весною 1723 г. отправилъ къ нему въ Демницъ¹⁾ генерал-лейтенанта Бона (Bohn) съ приглашеніемъ пріѣхать къ нему въ Петербургъ для свиданія съ супругою и дочерью,²⁾ которыя уже цѣлый годъ находились въ Россіи; также съ предложеніемъ своего посредничества для примиренія его съ мекленбургскими чинами и императоромъ Карломъ VI и даже для исходатайствованія ему, въ вознагражденіе за претерпѣнные убытки, владѣніе княжествомъ Лауенбургскимъ,³⁾ на которое Мекленбургскій домъ имѣлъ нѣкоторую претензію. Конечно, *conditio sine qua non* не могло не быть: повиновеніе имперскому суду. Но Карль-Леопольдъ, который прежде такъ усердно искалъ протекцію царя, теперь въ своемъ упрямствѣ не хотѣлъ болѣе ни въ чемъ быть обязаннымъ монарху Россіи и надменно отклонилъ всѣ предложенія Петра. Притомъ онъ притворялся не знающимъ того обстоятельства, что супруга его въ Россіи получаетъ приличное содержаніе отъ російскаго двора. Понятно, что съ тѣхъ поръ Петръ не заботился болѣе объ участи Карла-Леопольда.

Въ іюнѣ 1723 г. герцогиня Екатерина Іоанновна съ матерью, царицею Прасковьею Ѳеодоровною и съ сестрою Прасковьею Іоанновной пріѣхали изъ Москвы въ Петербургъ. Присланному къ нимъ съ привѣтствіемъ отъ герцога Карла-Фридриха Бергольцу царица и герцогиня изъявила сожалѣніе, что герцогъ Карль-Леопольдъ, не смотря

¹⁾ Въ *Eclaircissements du Comte Bassewitz*, pag 357. «*Büsching Magazin*» t. IX, по ошибкѣ сказано: «въ Данцигѣ», вмѣсто Демницъ, и эта ошибка перешла потомъ въ другія сочиненія. П. Г.

²⁾ Принцеса Елисавета-Екатерина-Христина род. 7-го (18) декабря 1718 г. (по принятіи въ 1733 г. православной вѣры Анна-Леопольдовна) правительница Россіи 1740—1741 гг. П. Г.

³⁾ Княжество Лауенбургское принадлежало въ то время курфюрсту Ганноверскому, а курфюрстомъ Ганноверскимъ былъ англійскій король Георгій I котораго Петръ ненавидѣлъ. П. Г.

на неоднобратныя приглашенія императора, не рѣшится прїѣхать въ Петербургъ. Екатерина Іоанновна прибавила къ тому, что слухъ носитя, будто римскій императоръ намѣренъ мекленбургское герцогство предоставить младшему брату ея супруга, принцу Христіану-Людвигу. Въ самомъ дѣлѣ, Христіанъ-Людвигъ, въ 1728 г., назначенъ былъ администраторомъ герцогства и, по послѣдовавшей 17-го (28) ноября 1747 г. въ Демницѣ смерти Карла-Леопольда, наслѣдовалъ ему въ герцогствѣ.

Христіанъ-Людвигъ † 19-го (30) мая 1756 г. Отъ него происходитъ нынѣшній великогерцогскій Мекленбургъ-Шверинскій домъ.

Изъ всѣхъ владѣтельныхъ въ Германіи династій нынѣ одна Мекленбургская славянскаго происхожденія. Въ 1163 г. могущественный и воинственный герцогъ саксонскій Генрихъ-Левъ покорилъ народъ Венды и побѣдилъ ихъ короля Прибыслава II. Прибыславъ принялъ христіанскую вѣру и помирился съ своимъ побѣдителемъ, который и возвратилъ ему часть прежнихъ его владѣній; за то Прибыславъ обязанъ былъ сложить съ себя королевскій титулъ и называться княземъ Вендовъ въ Мекленбургѣ (его старой резиденціи). Прибыславъ † 1178 г. Въ 1349 г. императоръ Карлъ IV возвелъ владѣтельныхъ князей Мекленбургскихъ въ герцоги. Съ 1815 г., вслѣдствіе постановленій вѣнскаго конгресса, оба владѣтельные герцоги Мекленбургскіе, Шверинскій и Стрелицкій, признаны великими герцогами.

Существовала исьони въ сѣверной Германіи еще другая славянскаго происхожденія династія, давно погасшая. Это былъ, также отъ древнихъ королей Вендовъ происходящій, владѣтельный домъ герцоговъ Померанскихъ. Первый князь или герцогъ Померанскій Свантиборъ I ум. въ 1107 г., послѣдній Богиславъ XIV въ 1637 г.

Сообщ. П. П. фонъ Гецъ.

Докладъ кн. Потемкина о поступкахъ сержанта Золотухина.

1788 г.

Лейб-гвардіи Преображенскаго полку всеподданнѣйшій докладъ. По содержанному онаго полку 5-й роты надъ сержантомъ Павломъ Золотухинымъ военному суду, въ кражѣ имъ изъ комнатъ, что въ Зимнемъ вашего императорскаго величества дворцѣ, генерал-маіора сего полку пример-маіора и кавалера Дмитріева-Мамонова разныхъ вещей оказалось: 1) Помянутой сержантъ Золотухинъ въ службѣ вашего императорскаго величества находится съ начала во ономъ полку съ 782 года, въ сержантскомъ чинѣ 787 года, генваря съ 14-го числа, изъ дворянъ; отъ роду ему нынѣ 22 года; грамоте умѣеть, холостъ; крестьянъ за отцемъ его въ Пошехонскомъ уѣздѣ 14 душъ; у присяги былъ.

овенной артикуль и указы знаетъ, прежде сего подъ судомъ и въ штрафахъ не бывалъ. 2) Въ минувшемъ июнѣ мѣсяцѣ зашолъ онъ по знакомству къ живущему въ тѣхъ комнатахъ при означенномъ генерал-майорѣ Мамоновѣ арміи капитану Ендаурову; но какъ сего офицера и служащихъ при немъ людей никого на то время не случилось, комнаты же были не заперты, то побрали изъ оныхъ бывшія тамъ разныя вещи и, завязавъ въ платокъ, снесъ къ себѣ въ полкъ на квартиру. Послѣ тѣ вещи онъ въ разныя времена закладывалъ въ ломбардъ, получа подъ оныя въ заемъ деньги. Наконецъ, оставленную при себѣ одну пару пистолетъ, принесъ-было также въ закладъ господскому человѣку живущему въ полку; но сей, узнавъ, что пистолеты самыя тѣ, которыхъ о покражѣ въ полку было объявлено, донесъ о томъ по командѣ; въ чемъ онъ, Золотухинъ, а равно и во всей покражѣ, призналъ себя виновнымъ, не имѣя въ томъ никого соучастниковъ.

По сентенціи военнаго суда за таковое ево, Золотухина, воровство, паче же учиненное имъ во дворцѣ вашего императорскаго величества, хотя и слѣдовало бы его, въ силу воинскаго 191-го артикула, повѣсить,—но какъ по состоявшемуся въ 754 году, сентября 30-го числа, указу всѣ смертныя казни обращены въ тѣлесное наказаніе, то, въ слѣдствіе сего и, по силѣ высочайше изданныхъ въ 21-й день апрѣля 785 года въ положеніи о дворянствѣ 5, 6, 13, 15 и 16 статей, изъеющихъ благороднаго и отъ тѣлеснаго наказанія, полагается лишить его дворянскаго достоинства чести и той службы, въ которой онъ нынѣ находится; а болѣе все то, по точному разумѣнію вышепомянутой 13-й статьи, предается на всевысочайшее вашего императорскаго величества благоволеніе. 4) При разсмотрѣніи того дѣла лейб-гвардіи полковъ обер-аудиторомъ Рейхелемъ ревизія положена сходственно противъ вышепомянутой 13-й статьи, чего ради, и разсмотрѣніе ево, Рейхеля, на всевысочайшую В. П. В. конфирмацію у сего подносится.

Подполковникъ князь Потемкинъ-Таврическій.

Генваря 27-го дня 1788 года.

Резолюція: Сержанта Золотухина заключить въ смирительномъ домѣ на годъ, а потомъ отдать отцу его подъ присмотръ, запрета ему въѣзжать въ обѣ столицы и въ губернскіе города. „Екатерина“.

Въ С.-Петербургѣ.

Февраля 14-го 1788 года.

Сообщ. Н. Е. Шильдеръ.

Характеристика А. В. Суворова, имъ самимъ сдѣланная.

(Переводъ). Курфирсть Саксонскій поручилъ живописцу Милеру представиться Суворову¹⁾ и попросить у него дозволенія: снять съ него портретъ и украсить имъ дрезденскую галерею. Суворовъ обворожилъ Миллера своею бесѣдою.

— „Вы передадите вашу кистью“, сказалъ онъ ему по-нѣмецки. „черты моего лица, потому что онѣ открыты; но мое внутреннее составляетъ тайну. Надобно вамъ сказать, что я пролилъ потоки крови: я содрогаюсь отъ одного воспоминанія о томъ! А, между тѣмъ, я близкаго своего люблю. Во всю жизнь мою я ни одного человѣка не сдѣлалъ несчастнымъ; не подписалъ ни одного смертнаго приговора; не убилъ комара. Я былъ и маленькимъ человѣкомъ, быть и большимъ“. (Тутъ онъ вскочилъ на стулъ, потомъ, прыгнувъ, продолжалъ): „Подымала-ли меня волна счастья, или бросала въ пучину, я, въ упованіи на Бога, оставался твердъ, какъ и теперь надѣюсь на его милость“. П присѣвъ на стулъ, онъ добавилъ: „Вдохновляйтесь вашимъ геніемъ и начинайте работу“.

— „Вашъ геній вдохновитъ меня!“ воскликнулъ Милеръ.

Der Kurfürst von Sachsen eschickte den Maler Müller (und bat Suworoff ihm zu erlauben, ein Portrait für die Dresdener Gallerie malen zu dürfen. Suworoff bezauberte Müller durch seine Gespräche.

— «Ihr Pinsel» sagte er ihm in deutscher Sprache, «wird die Züge meines Gesichts darstellen, diese sind sichtbar: allein meine innern Menschheit ist verborgen. Ich musz ihnen sagen, dass ich Blut in Strömen vergossen habe; ich erbebe bei dieser Erinnerung! und doch liebe ich meinen Nächsten. In meinem ganzem Leben habe ich Keinen Menschen unglücklich gemacht; nie ein Todesurtheil unterzeichnet, kein Insect getödtet; Ich war klein, Ich war gross!» (Hier sprang er auf einen Stuhl und wieder herunter springend fuhr er fort). «In der Fluth und in der Ebbe des Glückes auf Gott bauend, war Ich ünerschütterlig, so wie auch jetzt in Glauben auf Seine Gnade» und sich auf einen Stuhl niederlassend, sagte er: «Begeistern sie sich durch ihren Genius und fangen sie ihre arbeit an». «Dein Genius wird mich begeistern» rief Müller aus.

Сообщ. М. П. Щербининъ.

Предсказаніе о времени кончины А. П. Ермолова.

Извѣстно, что Алексѣй Петровичъ Ермоловъ провель послѣдніе годы своей жизни въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1861 г. Вотъ слышанный нами разговоръ отъ одного очень близкаго ему лица, разговоръ въ высшей степени необыкновенный, тѣмъ не менѣе вполне достовѣрный:

¹⁾ При проходѣ русской арміи чрезъ городъ Прагу, по окончаніи итальянскаго похода.

„Года за полтора до вончины Алексѣя Петровича, я пріѣхалъ въ Москву для свиданія съ нимъ. Прогостивъ у него нѣсколько дней, я собрался въ обратный путь къ мѣсту моего служенія, и, прощаясь съ нимъ, не могъ удержать слезъ при мысли, что, вѣроятно, мнѣ уже не придется еще разъ увидѣть его живымъ, такъ какъ въ то время, онъ былъ дряхль, а я не прежде, какъ черезъ годъ, имѣлъ возможность вернуться въ Москву. Замѣтивъ мои слезы, А. П. сказалъ:

— Полно, не плачь, я еще не умру до твоего возвращенія сюда.

— Въ смерти и животѣ Богъ воленъ, возразилъ я.

— Я тебѣ положительно говорю, что не умру черезъ годъ, а позднѣе.

На моемъ лицѣ выразилось сильное изумленіе, даже страхъ за нормальное состояніе всегда свѣтлой головы Алексѣя Петровича, что немогло укрыться отъ него.

— Я тебѣ сей-часъ докажу, что я еще не сошелъ съ ума и не брежу.

Съ этимъ словомъ онъ повелъ меня къ себѣ въ кабинетъ, вынулъ изъ запертаго на ключъ ящика исписанный листъ бумаги и поднесъ его къ моимъ глазамъ.

— Чьей рукой писано? спросилъ онъ.

— Вашей, отвѣчалъ я.

— Читай.

Это было нѣчто въ родѣ послужного списка Алексѣя Петровича, начиная съ чина подполковника, съ указаніемъ времени, когда произошелъ каждый, мало-мальски замѣчательный случай изъ его, богатой событіями, жизни.

Онъ слѣдилъ за моимъ чтеніемъ, и когда я подходилъ къ концу листа, онъ закрылъ рукой послѣднія строки.

— „Этого читать тебѣ не слѣдуетъ“ сказалъ онъ: тутъ обозначены годъ, мѣсяцъ и день моей смерти. Все, что ты здѣсь прочелъ, продолжалъ онъ, написано впередъ и сбылось до мельчайшихъ подробностей. Вотъ какъ это случилось. Когда я былъ еще въ чинѣ подполковника, меня командировали для производства слѣдствія въ уѣздный городъ Т. Мнѣ пришлось много работать. Квартира моя состояла изъ двухъ комнатъ: въ первой помѣщались находившіеся при мнѣ писарь и деньщикъ, во второй — я. Пройти въ эту послѣднюю можно было не иначе, какъ черезъ первую комнату. Разъ ночью я сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и писалъ. Кончивъ, я закурилъ трубку, откинулся на спинку кресла и задумался. Подымаю глаза — передо мной, по ту сторону стола, стоитъ какой-то неизвѣстный мнѣ чело-вѣкъ, судя по одеждѣ, мѣщанинъ. Прежде, чѣмъ я успѣлъ спросить—

кто онъ и что ему нужно?—незнакомецъ сказалъ: „Возьми листъ бумаги, перо и пиши“. Я безмолвно повиновался, чувствуя, что нахожусь подъ вліяніемъ неотразимой силы. Тогда онъ продиктовалъ мнѣ все, что должно со мною случиться въ теченіе послѣдующей моей жизни и заключилъ днемъ моей смерти. Съ послѣднимъ словомъ онъ исчезъ—какъ и куда?—не знаю. Прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ я опомнился; первой моей мыслию было, что надо мною подшутили; я вскопчилъ съ мѣста и бросился въ первую комнату, миновать которую не могъ незнакомецъ. Тамъ я увидѣлъ, что писарь сидитъ и пишетъ при свѣтѣ сальнаго огарка, а деньщикъ спитъ на полу, у самой выходной двери, которая оказалась запертой на ключъ. На вопросъ мой: кто сей-часъ вышелъ отсюда?—удивленный писарь отвѣчалъ, что никто. До сихъ поръ я никому не рассказывалъ объ этомъ, заключилъ Алексѣй Петровичъ, зная напередъ, что одни подумаютъ, что я выдумалъ, а другіе сочтутъ меня за человѣка, подверженнаго галлюцинаціямъ, но для меня—это фактъ, неподлежащій сомнѣнію, видимымъ, осязательнымъ доказательствомъ существованія котораго служить вотъ эта бумага. Теперь, надѣюсь, ты не усомнишься въ томъ, что мы еще разъ съ тобой увидимся?“

И дѣйствительно, черезъ годъ послѣ того, мы опять увидѣлись, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, мнѣ прислали эстафету о кончинѣ Алексѣя Петровича. Когда впоследствии я отыскалъ въ его бумагахъ таинственную рукопись, то оказалось, что онъ скончался въ тотъ самый день, даже часъ, какъ ему было предсказано лѣтъ за пятьдесятъ до того.

Сообщ. С. С.

Выкупъ артиста М. С. Щепкина изъ крѣпостной зависимости.

1818 г.

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ былъ, какъ извѣстно, крѣпостнымъ графини Волькенштейнъ. Въ началѣ 1818 года, въ трупѣ какого-то антрепренера, онъ пріѣхалъ въ Полтаву, уже успѣвъ въ другихъ городахъ Малороссіи составить себѣ извѣстность.

Малороссійскимъ военнымъ генерал-губернаторомъ былъ въ то время князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, и подъ его покровительствомъ устроивался въ Полтавѣ постоянный театръ, директоромъ котораго князь назначилъ правителя своей канцеляріи, Алексѣя Осиповича Шмберха.¹⁾

¹⁾ Алексѣй Осиповичъ Шмберхъ скончался въ С.-Петербургѣ, 24-го марта 1864 года, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Михаилъ Семеновичъ, въ скоромъ времени, снискалъ всеобщую любовь и уваженіе Полтавской публики къ своему необыкновенному таланту.

Князю Репнину пришла счастливая мысль — устроить особенный спектакль, по подпискѣ, съ цѣлю — на собранныя этимъ способомъ деньги выкупить Щепкина изъ крѣпостного состоянія. Князь первый подписалъ двѣсти рублей и подписной листъ вручилъ Имберху, котораго просилъ принять на себя всѣ хлопоты, какъ по подпискѣ, такъ и по устройству этого спектакля.

Подлинный подписной листъ съ 1818 г. сохранялся у А. О. Имберха; онъ считалъ его уже затеряннымъ, но въ 1862 или 1863 году, неожиданно нашелъ его въ своихъ бумагахъ и, снявъ съ него копію, сдѣлалъ на ней замѣчанія и разъясненія о лицахъ, участвовавшихъ въ подпискѣ, а подлинникъ намѣревался отдать непременно самому Михаилу Семеновичу, съ которымъ постоянно былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ; но Михаилъ Семеновичъ умеръ прежде свиданія съ Имберхомъ и подлинный листъ былъ переданъ его наследникамъ.

Вотъ точная копія съ него:

Въ награду таланта актера Щепкина, для основанія его участя, іюля 26-го дня 1818 года.

Креслы: К. Репнинъ 200 р.;¹⁾ Божановъ 50 р.;²⁾ князь Сергій Волконскій 500 р.;³⁾ Матвѣй Почека 50 р.; Григорій Тарновскій 250 р.; Францъ Реммерсъ 50 р.; Георгій Забѣлла 50 р.; Андрей Петровскій 50 р.; Неизвѣстный 25 р.; Потемкинъ 700 р.;⁴⁾ Лашкевичъ 100 р.; Галаганъ 100 р.; Д. Алексѣевъ 100 р.; Црасковья Почегина 100 р.; полковникъ Альбрехтъ 100 р.; N N.⁵⁾ 50 р.; Вильгельмъ Реммерсъ 25 р.; — Алексѣй Будлянскій 100 р.;⁶⁾ Кочубей 100 р.; дано 50 р.; Карповъ Ѳедотъ 30 р.;⁷⁾ Александръ Полетика 50 р.; Катерина Забѣллина 25 р.; Николай Александровичъ 50 р.; Елисей Троицынъ 50 р.; Андрей Брежинскій 50 р.; Свѣчко 50 р.; Оболонскій 25 р.; отъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго 300 р.; N. N.⁸⁾ 25 р.; Марковичъ 25 р.; генерал-маіоръ Десентлоранъ 25 р.; Неизвѣстный 25 р.; N. N. 30 р.; Ѳедоръ Шелиховъ 40 р.;⁹⁾ Флиповъ 25 р.; Бесходарный 25 р.; Клица 25 р.;¹⁰⁾ Дмитрій Щемовъ 20 р.; Чарнышъ 100 р.; Война 50 р.; Война 25 р.; Багрѣвъ 100 р.;¹¹⁾ Багрѣвъ 50 р.;¹²⁾

1) Начальникъ тамошняго края. 2) Егоръ Ильичъ Божановъ. 3) Князь Сергій Григорьевичъ Волконскій. 4) Графъ Потемкинъ. 5) Нельзя разобрать фамилію. 6) Полковникъ. 7) Купецъ изъ Харькова. 8) Нельзя разобрать фамилію. 9) Купецъ. 10) Нѣжинскій грекъ. 11) Фроловъ-Багрѣвъ, Алексѣй Петровичъ (бригадиръ). 12) Фроловъ-Багрѣвъ, Александръ Алексѣевичъ (тайный совѣтникъ).

П. П. 50 р.; Велецкій 25 р.; Миклашевская 10 р.; Отъ неизвѣстнаго 250 р.;¹⁾ N. N. 25 р.; Павелъ Тутолминъ 50 р.;²⁾ Михайло Лесевичій 25 р.; Таптиковъ, по переводѣ получить отъ полиціймейстера Киценкова 1,992 р.: отъ инспектора нѣмецкой колегии Высоцкого 25 р.; отъ неизвѣстной 50 р.; отъ неизвѣстныхъ 100 р.; Магуринъ 25 р.; Якубовичъ 10 р.; отъ генерал-маіора Гельфрейха 25 р.; отъ Ушакова 25 р.;³⁾ А. Косяновъ 25 р.;⁴⁾ Неизвѣстный 100 р.; Левченковъ 50 р.; Пляшенко 25 р.; Сахновскій 25 р.; Василий Галецкій 25 р.; В. Тарновская 25 р.; Павелъ (Ивановичъ) Кованьево 50 р.; полковникъ Турскій 25 р.; Аврамъ Зеленскій (градской голова) 100 р.; А. Бандура 10 р.; Бродскій 100 р.

Подписанныя полковникомъ Таптиковымъ 1,992 р., какъ долгъ карточный, Киценковымъ неуплачены, а равно и еще нѣкоторыя суммы изъ подписныхъ.

(На подлинномъ подписано): А. Имберхъ.

Для выкупа Щепкина нужно было 10,000 рублей, а такъ какъ подпискою собрано было менѣе этого, то недостающую сумму князь Репнинъ принялъ на себя.

Вотъ какимъ образомъ знаменитый нашъ артистъ былъ освобожденъ отъ брѣвостной зависимости.

Подробности эти я слышалъ нѣсколько разъ отъ покойнаго отца моего; при мнѣ же бывали частые разговоры съ этимъ съ Михаиломъ Семеновичемъ, который всегда съ чувствами глубочайшей благодарности вспоминалъ о князѣ Репнинѣ, какъ о своемъ благодѣтелѣ.

Сообщ. М. А. Имберхъ.

Письмо Т. Г. Шевченко къ Н. И. Костомарову.

1847. Февр. 1. Борзна.

Друже мій великий Миколає!

Я оце й досі въ Борзні и не роблю ничогісненько, лежу собі та й годі: у Києвъ страхъ іхати не хочеться, а треба; коли бъ то ви були такі трудящі й добрі, щобъ распитали въ Університеті (хочъ у Глушановського, вінъ усі діла знає) чи я утвержденний при університеті, чи ні; та й напишити до мене у славний городъ Борзну, на имья Виктора Миколаевича Забѣлы зъ передачею мені. Та ще ось що, пошліть Хому до мого товариша, нехай вінъ возьме у єго портфель, ящикъ, або скриньку зъ красками й Шекспіра, та ще й брилі

¹⁾ С. М. Бочубей. ²⁾ Гражданскій губернаторъ. ³⁾ Павла Николаевича, начальнича пѣхотной дивизіи. ⁴⁾ Александръ Васильевичъ, предводитель Евате-Финославской губерніи.

й все сее сохраніте у себе, бо товаришъ мій хоче іхати изъ Кіева. Якъ побачите Юзефовича, то поклоніться одъ мене. О братстві не пишу, бо нічого й писати, якъ зійдемося, то поплачемъ. Кудішъ блаженствує, а Василь Білозеръ поіхавъ у Полтаву одгедцьуваться одъ учительства. А я й кругомъ мене діється не зле, ні добре, подвизаюся потроху то коло чарочокъ, то що; колибъ то Богъ давъ мені притулиться до Університету, дуже добре булобъ, напишіть, будьте ласкові, якъ шо добре почувте. Свої композици зъ грішми або самъ привезу, або пришлю зъ Чернігова. Оставайтесь здорові. Не забувайте жъ щирою брата Н. П. Шевченка.

Примѣчаніе. Согласно желанію ред. «Русской Старины», сообщившей приведенное письмо, считаю необходимымъ замѣтить, что письмо это написано было за два мѣсяца до катастрофы, постигшей украинскаго поэта, т. е. до его ареста и ссылки. Шевченко находился въ это время въ Борзні, у своего пріятеля, Виктора Николаевича Забѣлы, оставившаго послѣ себя рядъ стихотвореній на южно-русскомъ языкѣ. Въ это же время Шевченко искалъ мѣста преподавателя рисованія въ университетѣ св. Владімира, которое и получилъ, но печальнѣе, постигшее поэта, не дало ему возможности воспользоваться полученнымъ мѣстомъ. Слова о братствѣ, насколько намъ извѣстно, относятся къ народу, котораго крѣпостное рабство постоянно тревожило Шевченка и составляло одинъ изъ частыхъ мотивовъ его поэзіи. Замѣчаніе о блаженствѣ Кудіша относится къ состоявшейся въ то время женитьбѣ послѣдняго. Упомянутый въ письмѣ Василій Білозеръ—Білозерскій (бывшій впоследствии редакторомъ «Основы»), служившій въ 1847 году учителемъ въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ и отказавшійся отъ этой должности въ намѣреніи ѣхать за границу вмѣстѣ съ Кудішомъ, что, однако, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ для нихъ обоихъ, не состоялось. Настоящее письмо Шевченка обращено было ко мнѣ, занимавшему въ то время кафедру русской истории въ университетѣ св. Владімира и, по неизвѣстнымъ причинамъ, не дошло по назначенію. ¹⁾

Н. И. Бостомаровъ.

Романъ Ивановичъ Кузьминъ.

(Изъ воспоминаній акад. П. П. Свѣзева).

Въ засѣданіи общества архитекторовъ, бывшемъ 18-го марта 1875 г., г. Петровъ сдѣлалъ братскій обзоръ архитектурной дѣятельности покойнаго Р. И. Кузьмина. Въ этомъ обзорѣ говорится, что въ числѣ отправленныхъ на востокъ былъ и Кузьминъ, занявшійся изученіемъ памятниковъ византійскаго искусства въ Афинахъ и городахъ Фессаліи. Сколько я могу припомнить изъ бесѣдъ съ Романомъ Ивановичемъ, мнѣ кажется, онъ былъ и въ Константинополѣ. Я познакомился съ нимъ вотъ по какому случаю: возвратившись въ Петербургъ, въ 1832 г.

¹⁾ Мы приобрѣли автографъ письма Шевченка, въ числѣ прочихъ старыхъ бумагъ, на Апраксипномъ рынкѣ.

Ред

я долгомъ себѣ поставилъ видѣться съ бывшимъ моимъ старшимъ въ академіи К. А. Тономъ, тогда исправлявшимъ уже должность профессора академіи художествъ. Кажется, въ первое же свиданіе, онъ повелъ меня въ классы, чтобы показать мнѣ занятія своихъ учениковъ и ввелъ меня въ кабинетъ двухъ своихъ любимцевъ: Рихтера и Кузьмина, дѣлавшихъ уже проекты на золотныя медали. Быть можетъ я сказалъ послѣдному нѣсколько лестныхъ словъ, и потому, вѣроятно, онъ меня помнилъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, какъ мы невидались съ нимъ: онъ уѣхалъ за-границу, а я въ Москву—къ сооруженію храма Христу-Спасителю. Здѣсь я чувствовалъ себя въ не совсѣмъ ловкомъ положеніи, о чемъ, вѣроятно, и въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ. Вдругъ я получаю оттуда анонимное письмо, преисполненное горячаго ко мнѣ участія и крайне меня удивившее, такъ какъ изъ моихъ знакомыхъ никто не могъ знать обстоятельствъ, упоминаемыхъ въ письмѣ. По возвращеніи въ С.-Петербургъ, въ 1846 г., я всѣми мѣрами старался открыть анонимнаго автора. Мнѣ намекнули, что это должно быть Кузьминъ. Вспомнивъ, что я видѣлъ его въ академіи лѣтъ 14 тому назадъ, я пошелъ къ нему и узналъ, что письмо было дѣйствительно отъ него. Съ тѣхъ поръ завязалась у насъ постоянная дружба. Я нашелъ въ немъ художника, весьма образованнаго и развитаго чтеніемъ. Въ то время придворно-служительскій домъ былъ уже оконченъ. Р. И. спросилъ меня о немъ. Я отвѣчалъ, что между окнами въ разныхъ этажахъ я нахожу удивительную соразмѣрность и гармонию

— Да, это одна сторона медали, а другая?

— Другая?... Разъ къ Вольтеру приходитъ какой-то писатель и просить, прочитавъ его произведеніе, сказать свое мнѣніе. Прочитавъ, Вольтеръ отвѣчалъ: сочиненіе ваше очень хорошо, но было-бъ вдвое лучше, если-бъ было вдвое короче.

Кузьминъ улыбнулся.

Такъ какъ мы видѣлись съ нимъ почти бѣздую недѣлю, то я многое узналъ о заграничной его жизни и о томъ, что здѣсь встрѣчалось съ нимъ замѣчательнаго. Ему надобно было возвратиться въ Россію, а денегъ ему не высылали. Добравшись кое-какъ до Мюнхена или Берлина, онъ встрѣтилъ тамъ своего товарища Н..., съ которымъ условились ѣхать вмѣстѣ.

— Ну, братъ Н., ты вези меня на свой счетъ, а у меня нѣтъ ни копѣйки, сказалъ Кузьминъ. Тотъ расхохотался до истерики. Чему ты смѣешься—я тебѣ правду говорю.

— Да правда твоя и смѣшить меня, а я надѣялся на тебя, отвѣчалъ товарищъ.

Разсчитавъ, что занятой ими у кого-то суммы денегъ доста-

точно будетъ только на проѣздъ и на пропитаніе одного изъ нихъ, они рѣшились обѣдать черезъ день, т. е. одинъ изъ нихъ сего дня обѣдаетъ, а завтра довольствуется только хлѣбомъ и стаканомъ пива, какъ весьма сытнымъ напиткомъ, и такъ, чередуясь, доѣхали они до Петербурга. Здѣсь Р. И., явившись къ своему бывшему профессору, спросилъ его о причинѣ невысылки къ нему денегъ.

— На что тебѣ были нужны деньги, отвѣчалъ К. А. Тонъ,—когда ты въ Римѣ жилъ большимъ баринкомъ и нанималъ въ лакеи араба?

— Да, К. А., у меня дѣйствительно былъ арабъ, только не настоящій, а такъ-себѣ—чорная собака!...

По перестройкѣ гатчинскаго дворца Р. И. имѣлъ личный доглядъ у покойнаго императора Николая Павловича и въ доказательство какъ его императорское величество былъ снисходителенъ къ художникамъ, рассказывалъ мнѣ много случаевъ, изъ которыхъ я припоминаю слѣдующее:

Какъ Р. И. имѣлъ привычку, говоря что-либо своимъ помощникамъ и ученикамъ, часто повторять: понимаете, то, объясняя государю какой-то планъ и, увлекшись, произнесъ: понимаете? Государь промолчалъ. Продолжая объясненіе, онъ еще повторилъ: понимаете? Государь, улыбнувшись, сказалъ:

— „Какъ же, понимаю немножко“.

Кузьминъ опомнился.

О подобной чертѣ снисходительности Екатерины II къ людямъ простымъ, не свѣтскимъ, не придворнымъ рассказывалъ мнѣ Алексѣй Михайловичъ Милютинъ: одного изъ пріѣхавшихъ въ Петербургъ сибирскихъ депутатовъ представилъ императрицѣ А. А. Безбородко. Ея в—ство такъ умѣла вызвать откровенность сибиряка, что онъ даже забылъ съ кѣмъ говорить и въ жару разсказа о своемъ краѣ и всѣхъ его порядкахъ понюхалъ табачку изъ табакерки, которую императрица открыла для себя. Долго разговаривая, онъ хотѣлъ повторить свою профѣлку и протянулъ уже руку, но Безбородко дернулъ его за фалду: рука окаменѣла, слова замерли!... Екатерина, милостиво простившись съ нимъ, упрекала Безбородко, что онъ лишилъ ее рѣдкаго удовольствія слышать неприкрашенную правду.

Р. И. любилъ у себя длинные волосы, которые закрывали ему глаза при наклонѣ головы, и онъ часто поправлялъ ихъ рукою. Тоже дѣлалъ онъ и при докладѣ государю своихъ чертежей.

— А знаешь что, Кузьминъ, я посоветовалъ бы тебѣ сдѣлать вотъ такъ: показывая пальцами какъ стригутъ ножницами.

— Нѣтъ ваше в—ство, позвольте мнѣ остаться такъ. доложилъ Кузьминъ.

Государь улыбулся.

Но не всегда же онъ былъ такъ милостивъ къ своему архитектору. Разъ, при осмотрѣ Гатчинскаго двора, государь замѣтилъ трещины въ перемычкѣ надъ дверями и спросилъ Күзьмина:

— Это что?

— Сѣдины, государь, отвѣчалъ Күзьминъ.

— А чтó, по твоему, сѣдины?

— Небольшія трещинки въ штукатуркѣ отъ ея усышен.

О другой перемычкѣ тотъ же вопросъ и тотъ же отвѣтъ.

— Люде (Государь обращается къ управляющему Гатчино), посади его подъ арестъ.

Потупя голову, Күзьминъ пошелъ позади свиты. Къ счастью его, чтó государь осмотрѣлъ прежде дворецъ, а потомъ уже пошелъ въ дворцовую церковь. Здѣсь его в—ство былъ видимо доволенъ и, садясь въ коляску, тихо сказалъ Люде: „ты продержи его часа два, да и выпусти“. Однако-жь, тѣмъ дѣломъ не кончилось: государь приказалъ нарядить комисію, которая донесла, что опасности не предвидится, что впоследствии и оправдалось. Черезъ нѣсколько времени Күзьминъ приходитъ съ докладомъ

— Чтó и теперь скажешь сѣдины? встрѣтилъ его этимъ вопросомъ государь.

Күзьминъ молча поклонился.

Р. П. Күзьминъ служилъ по придворному вѣдомству и, какъ членъ общаго присутствія департамента проектовъ и смѣтъ, участвовалъ въ пересоставленіи урочнаго на строительныя работы положенія, высочайше утвержденнаго въ 1869 г.

Архитекторъ Акад. И. И. Связевъ.

И. В. Ламбъ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., т. XII-й, въ статьѣ: «Записки Донскаго атамана Денисова» (стр. 243-я) сказано: «просилъ бывшаго президента военной коллегіи г. Лампа»; а въ другой: «Предсказатель монахъ Авець», говорится (стр. 415): «находясь однажды за столомъ у губернатора Лумпа». Неточности эти хотя вполне исправлены въ алфавитномъ указателѣ къ упомянутому XII-му тому «Русской Старинны» и вообще сущности статей не измѣняютъ, тѣмъ не менѣе, считаю полезнымъ сообщить слѣдующую замѣтку: въ двухъ приведенныхъ упоминаваніяхъ рѣчь идетъ о родномъ моемъ, по материн. дѣдѣ, умершемъ въ 1801-мъ году, генералѣ отъ инфантеріи Иванѣ Варсоломеевичѣ Ламбѣ. Президентомъ военной коллегіи Ламбъ не состоялъ, а только вице-президентомъ. До бытности востромскимъ губернаторомъ, времени разсказа о предсказателѣ Авецѣ, Ламбъ занималъ ту же должность въ Иркутскѣ. Онъ надолго оставилъ по себѣ добрую память въ Сибири.

Сообщ. Н. Васильевъ.

ИМПЕРАТРИЦА АННА ИОАННОВНА.

1693—1740.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» Т. XIII, ИЗД. 1875 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 5 АПРѢЛЯ 1875 Г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАРЕСЪ ГОСУД. БУМАГЪ.

К. Р., отъ самого выпуска изъ 1-го кадетскаго корпуса въ конную артиллерию, дышала любовью къ отечеству. Прочтите его сочиненія: вы повсюду найдете эту любовь, готовую принять всѣ муки адека, лишь бы быть полезнымъ своей странѣ родной. Читайте думу: «Волынской», «Исповѣдь Наливайки», поэму «Войнаровский», (все это напечатано въ «Русской Старинѣ» 1871 г.) вы въ нихъ услышите и увидите самого Рылѣева. Всего тысяче и искренне онъ былъ связанъ съ Оболенскимъ и съ Николаемъ и Александромъ Бестужевыми; двое первыхъ написали биографію Рылѣева. Въ досужіе часы отдыха американской торговой компаніи, коей онъ былъ секретаремъ, Р. хаживалъ въ губернское правленіе, вызывался хлопотать за людей безграмотныхъ, бѣдныхъ и притѣсненныхъ, такъ что, въ послѣдніе годы, всѣ такіе просители хорошо его знали. Съ радостью принималъ онъ на себя всю ответственность за 14-е декабря и горячо просилъ императора, комисію и комитетъ, чтобы его лично не шадли, но чтобы облегчили участь товарищей его, о чемъ упоминается и въ донесеніи слѣдственной комисіи...

Нижегородскій Сборникъ, издаваемый губернскимъ статистическимъ комитетомъ, поъ редакцію А. С. Гацискаго. Томъ V, Нижній Новгородъ, 1875 г., 350 стр. и 144 стр. журналовъ Нижегород. статистическаго комитета.

При отзывѣ о «Словарѣ Пермской губерніи», мы говорили о необходимости развитія у насъ провинціальной печати и пользы изданія статистическихъ сборниковъ въ различныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества. Лучшимъ доказательствомъ того, что подобныя изданія возможны, хотя и встрѣчаютъ множество препятствій къ появленію ихъ въ свѣтъ—служить пятый томъ «Нижегородскаго Сборника». Въ предисловіи къ нему почтенный издатель, извѣстный своими статистическими трудами, рассказываетъ неутѣшительную исторію всѣхъ мытарствъ, которыя пришлось вынести ему въ продолженіи восьмилѣтней дѣятельности по изданію этого сборника.

Въ 1866 г. небольшой кружокъ лицъ задумалъ, издавать въ Нижнемъ Новгородѣ періодическій сборникъ ученаго и литературнаго содержанія. На офіціальное прошеніе о разрѣшеніи такого сборника полученъ былъ отвѣтъ, что изданіе это признается «несвоевременнымъ». Тогда г. Гацискій, какъ членъ и секретарь мѣстнаго статистическаго комитета, задумалъ осуществить въ видѣ отдѣльнаго изданія то, что было признано «не своевременнымъ», какъ изданіе періодическое и въ 1867 г. выпустилъ первый томъ «Нижегородскаго Сборника», въ двухъ частяхъ (184

и 228 стр.), въ которомъ вниманіе публики обратили статьи о ходѣ крестьянскаго и земскаго дѣла, матеріалы для уголовной статистики, судебно-медицинская статистика, торговля свѣдѣнія о нижегородской ярмаркѣ и др. Второй томъ вышелъ въ 1869 г. (449 стр.) и былъ наполненъ описаніемъ двухъ уѣздовъ губерніи: Ардатовскаго и Лукояновскаго и нѣсколькихъ замѣчательныхъ волостей и приходовъ. Большая часть статей (12-ть изъ 17-ти) была до-ставлена священниками. Третій томъ, 1870 года (358 стр. и 48 журналовъ статистическаго комитета) заключалъ въ себѣ описаніе разныхъ мѣстныхъ обычаевъ, населеній, особенностей, изслѣдованіе промысловъ, занятій, промышленности и т. п., и опять-таки въ нѣсколькихъ статьяхъ авторы были священники. Четвертый томъ вышелъ въ слѣдующемъ 1871 году, въ такомъ же объемѣ (342 стр. и 48 приложений) съ такими же разнообразными статьями: о сибирскомъ транзитѣ по отношенію къ нижегородской ярмаркѣ, о промышленной дѣятельности губерніи, о развитіи въ ней народнаго кредита, о законодствѣ, о расходахъ на начальное образованіе, о пеньковоканатномъ промыслѣ и пр. Но представители мѣстнаго образованнаго общества, да и земство, къ его стлы, не поддержали изданія, весьма важнаго и интереснаго въ особенности для Нижегородской губерніи, и оно должно было прекратиться на четвертомъ томѣ, и только благодаря инициативѣ вице-губернатора, барона А. А. Фредерикса, «Сборникъ» началъ печататься безплатно въ типографіи губернскаго правленія. Правда, печатаніе шло медленно, съ большими перерывами (30 листовъ печаталось почти два года), но все-таки, пятый томъ вышелъ, при томъ же съ хорошею картою движенія хлѣбной торговли въ губерніи и замѣчательными статьями о селѣ Олекино (г-жи Бравиной), селѣ Борисовскомъ, объ охотѣ, лѣсномъ производствѣ, мѣстныхъ повѣряхъ, обычаяхъ, пословицахъ и т. п. Конечно, бѣлая часть статей этого «Сборника» представляетъ только матеріалы, требующіе дальнѣйшей обработки и сопоставленія ихъ съ другими мѣстными данными, для того, чтобы можно было составить общіе выводы; тѣмъ не менѣе, и въ настоящемъ видѣ «Сборникъ» представляетъ весьма любопытныя и положительно необходимыя данныя въ ряду главнѣйшихъ источниковъ по отечествовѣдѣнію. Дѣло нашего самопознанія было бы облегчено, если бы Россія побольше имѣла въ разныхъ пунктахъ, на своемъ необъятномъ пространствѣ, столь энергическихъ и свѣдущихъ дѣятелей, каковъ г. Гацискій, отдавшій многіе годы на трудъ, къ сожалѣнію, пока еще на Руси вполнѣ благодарный, а между тѣмъ положительно необходимый и полезный.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1875 г.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна годовому изданію,—двѣнадцать книгъ, три большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками,—съ пересылкой г. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-петербургъ и въ Москвѣ—**восемь рублей.**

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій Проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или черезъ своихъ коммисіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городского на иногородный—64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, вв. № 12.

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ 1875 г., относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе рассказы, анекдоты и мелочи; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и начала XIX в.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библиографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины“ принимаетъ постоянное участіе М. И. Семеновскій.

Отвѣтств. ред.-изд. В. Семеновскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестой.

І Ю Н Ъ.

1875 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Тавричскій. Біографическій очеркъ, 1739—1791 гг. Гл. VII: переписка съ П. А. Потемкиной, 1789—1790 гг.	159	очеркъ и воспоминанія его адъютанта	215
II. Забѣтка о портретѣ кн. Потемкина и о граверѣ академикѣ И. П. Пожалостинѣ	175	VI. Первое бомбардированіе Севастополя 5 — 13 октября 1854 г. Очеркъ М. И. Богдановича.	245
III. С.-Петербургскій Воспитательный домъ подъ управленіемъ И. И. Венкаго. Исслѣдованіе А. П. Пятковскаго: Гл. III.	177	VII. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій: письма къ друзьямъ, 1847—1865 г. Сообщ. В. В. Стасовъ.	259
IV. Французская армія въ 1792—1808 гг. предъ войной съ Россіей. Перев. съ франц. рукописи. Сообщ. М. Д.	200	VIII. Воспоминанія Л. И. Кармалиной: М. И. Глинка и А. С. Даргомыжскій. Сообщ. Д. И. Кармалина, рожд. Вѣденицына.	268
V. Атаманъ войска Донскаго Максимиъ Григорьевичъ Власовъ въ 1836—1848 гг. Біографическій		IX. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: Пугачевскіе листы, 1774 г. (272).	
		X. «Ставленникъ», русская опера въ Ярославлѣ, 1780 г. Сообщ. В. И. Лѣвстицынъ	277
		XII. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Записки Мамштейна о Россіи, переводъ съ французской, подлинной рукописи автора. Гл. VII—VIII, событія: 1736—1737 гг.—II. Портретъ им. Г. А. Потемкина-Таврическаго, гравированный на мѣди Академикомъ И. П. Пожалостинимъ.

Подписка на «Русскую Старину» 1875 г. продолжается.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая. д. № 49—2).

1875.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Московія Джона Мильтона, съ статьею и примѣчаніями Юрія Вас. Толстаго, изданіе общества исторіи и древностей россійскихъ. Москва, 1875 г., стр. 211, II и 83.

Новый трудъ Ю. В. Толстаго въ области разработки памятниковъ, относящихся къ исторіи нашего отечества, состоитъ въ переводѣ рѣдкой и любопытной книги знаменитаго автора «Потеряннаго рая», изданной въ 1682 г. Книга эта, по свидѣтельству уважаемаго переводчика, не заслуживаетъ особеннаго вниманія и не имѣетъ историческаго значенія, хотя покойный ученый М. П. Полуденскій и издалъ въ 1860 г. изъ нея извлеченіе, но Ю. В. Толстой, переведя ее вполнѣ, обставилъ такими любопытными примѣчаніями, что компилція Мильтона прочтется съ особеннымъ интересомъ. Примѣчанія эти замѣчательны, въ особенности, по указанію источниковъ, откуда Мильтонъ, безъ критики и системы, черпалъ свои извѣстія. Такъ между ними весьма любопытны маршруты разныхъ англичанъ, съ показаніемъ разстояній между главнѣйшими пунктами и городами отъ Холмогоръ до Москвы и отъ Москвы до Астрахани, и нѣсколько другихъ маршрутовъ, доказывающихъ, какъ прилежно изучали англичане путь по Россіи еще въ XVI-мъ столѣтіи. Въ высшей степени важенъ также историческій документъ, переведенный авторомъ: «Проектъ взятія Московскаго государства подъ покровительство Англій, предложенный англійскимъ резидентомъ Джономъ Мерикомъ». Онъ относится къ 1613 году.

Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни Петра Великаго, соч. М. П. Погодина. Москва, 1875 г., 204 стр. и 242 изслѣдованій.

Въ предисловіи къ этому труду маститый историкъ нашъ приводитъ все, что написано имъ о петровской эпохѣ съ 1829 г. Одиннадцать произведеній, относящихся къ этому царствованію, довольно замѣчательны; одно открытіе и изданіе сочиненій Посошкова составляетъ уже немаловажную заслугу. Въ 1872 году, по случаю празднованія двухсотлѣтней годовщины рожденія преобразователя Россіи, г. Погодинъ началъ описывать его дѣтство, увлекся предметомъ, и издалъ теперь исторію Петра до его единодержавія. Еще десять лѣтъ готовы въ чернѣ. «Хотѣлось бы добраться хотя до Полтавы,—пишетъ г. Погодинъ,—на семьдесятъ пятую году дальше не смѣю думать», прибавляетъ съ грустью почтенный авторъ. Но если бы онъ исключительно занялся этою эпохою, то могъ бы, конечно, разработать ее скорѣе. А то еще въ 1872 г. онъ издалъ два тома своей древней русской исторіи (до монгольскаго ига), о которой говорить, что имѣлъ твер-

дую надежду получить средства для ея продолженія, но, къ его удивленію и прискорбію, надежды и увѣренность не оправдались.

Понятно, что удѣльный періодъ и вопросъ о происхожденіи Руси и еще съ его норманской теоріей, опровергаемой послѣдними изысканіями, не можетъ возбудить такого интереса, какъ исторія преобразователя Россіи, дѣтство котораго М. П. Погодинъ разсказалъ подробно и занимательно, своеобразнымъ, не лишеннымъ образности языкомъ. Особенно живо и драматично вышло у него описаніе перваго стрѣльцаго бунта. Новыхъ взглядовъ въ эту эпоху авторъ не вноситъ, но многія бытовыя подробности ея очерчены имъ очень удачно. «Изслѣдованія», занимающія большую половину книги, также весьма любопытны. Такъ имъ разобраны критически всѣ источники для исторіи стрѣльцкихъ бунтовъ, всѣ записки, относящіяся къ этому времени, русскія и иностранныя и проч.

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами, составилъ Ф. Мартенсъ. Т. II-й. Трактаты съ Австрією 1772 — 1808 гг. Спб., 1875 г., XV, 517 стр.

О первомъ томѣ этого превосходнаго и весьма важнаго для отечественной исторіи изданія мы уже говорили (см. «Рус. Стар.» 1874 г., кн. VI). Во второмъ томѣ, нынѣ вышедшемъ въ свѣтъ, помѣщены всѣ, безъ исключенія, акты (числомъ 50), заключенные между Россією и Австрією въ царствованіе Екатерины II-й, два акта — въ царствованіе Павла I-го и 8 актовъ въ первые 7 лѣтъ царствованія Александра I-го (всего 60 актовъ). Нѣкоторые изъ этихъ актовъ и секретныя статьи многихъ изъ нихъ являются въ этомъ изданіи въ первый разъ. Въ этомъ сборникѣ важны въ особенности акты, относящіяся къ раздѣлу Польши, на который теперь уже всѣ здравомыслящіе историки, какъ: Шлецеръ, Арнетъ, Гейссеръ и др. смотрятъ безъ всякихъ политическихъ предубѣжденій и антипатій. Любопытны также первые акты царствованія Александра I-го, выражающіе его взгляды на отношенія Россіи къ Австріи. Каждому акту предпослано историческое объясненіе причинъ, его вызвавшихъ, обстоятельствъ, при которыхъ актъ былъ заключенъ, и дипломатическихъ переговоровъ, ему предшествовавшихъ.

Ладожское озеро, А. П. Андреева, полковника корпуса флотскихъ штурмановъ, начальника гидрографическихъ работъ къ изслѣдованію Ладожскаго бассейна. Въ двухъ частяхъ. С.-Петербургъ, 1875 г., въ 8-ю долю большаго листа, 263 и 135 стр., съ 3-мя хромолитограф. и 8-ю литограф.

КН. ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

1739—1791.

VII.¹⁾

Съ августа по ноябрь мѣсяцъ 1788 г. всѣ дѣйствія русской арміи противу турокъ на сухоомъ пути ограничивались отраженіемъ вылазокъ очаковскаго гарнизона. Дѣла на морѣ были удачнѣе. Съ цѣлію отдалить Капудана-пашу отъ стѣнъ Очакова, Потемкинъ поручилъ генерал-адъютанту Сенявину съ врейсерскими судами сдѣлать поиски отъ Севастополя къ берегамъ Анатолиі. Экспедиція совершена была успѣшно: Сенявинъ истребилъ нѣсколько турецкихъ транспортовъ, съ провіантомъ стоявшихъ у Синопа, Вонны и Карасунда, и, въ началѣ октября, возвратился въ Севастополь. Для награды Сенявина Потемкинъ придумалъ новый знакъ отличія, которымъ съ того времени жалуютъ за храбрость: онъ далъ отважному моряку орденъ св. Владиміра 4-й степени — съ бантомъ. Реляція объ экспедиціи Сенявина произвела въ Петербургѣ пріятное впечатлѣніе, но напоминанія о взятіи Очакова не прекращались. Какъ бы подстрекая Потемкина, Румянцевъ извѣстилъ императрицу о взятіи Хотина; Текеллій успѣшно дѣйствовалъ на Кубани.

4-го ноября Капуданъ-паша съ своимъ флотомъ отплылъ въ Константинополь. Черезъ три дня черноморцы, подъ предводительствомъ войскового судьи, подполковника Головатаго, на лод-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 481—522; 681—700; томъ XIII, стр. 20—40.

вахъ пристали къ острову Березани и овладѣли находившейся на немъ сильною турецкою батареею.

Обрадованный взятіемъ Березаці, Потемкинъ поспѣшилъ увѣдомить о томъ Суворова:

„Мой другъ сердешной, любезной другъ. Лодки бьютъ корабли и пушки заграждаютъ теченіе рѣкъ. Христокъ посреде насъ.

„Боже дай мнѣ тебя найти въ Очаковѣ; попытайся съ ними переговорить, обѣщай моимъ именемъ цѣлость имѣнія и женъ, и дѣтей.

„Прости другъ сердешной. Я безъ ума отъ радости. Всѣмъ благодарность, и солдатамъ скажите. Вѣрной другъ и слуга кн. П. Т.“

Очаковъ взятъ штурмомъ 6-го декабря 1788 г.

Опускаемъ извѣстныя подробности. Турокъ легло на мѣстѣ свыше 8-ми тысячъ; взято въ плѣнъ 4,000 солдатъ, 300 чиновниковъ, трехбунчужный паша; трофеями побѣдителей были 309 пушекъ и 107 знаменъ. Наша потеря была довольно значительна и едва-ли, какъ гласили тогдашнія реляціи, ограничилась 147 офицерами и 2,720 . датами, убитыми и ранеными.

Извѣстія о взятіи Очакова пришло въ Петербургъ 15-го декабря вечеромъ. Всѣ отличившіеся и участвовавшіе при штурмѣ были щедро награждены. Потемкинъ получилъ давно желанный орденъ св. Георгія 1-й степени.

Съ этого же дня императрица, въ виду громадныхъ военныхъ издержекъ и войны со Швеціею, стала помышлять о заключеніи съ Турціею мира. Для совѣщаній объ этомъ важномъ предметѣ необходимо было присутствіе Потемкина. Размѣстивъ войска по зимнимъ квартирамъ, онъ поспѣшилъ въ Петербургъ въ первыхъ числахъ февраля 1789 года.

Храповицкій въ своихъ Запискахъ (1789 г. 26-го января) приводитъ любопытный разговоръ Екатерины по поводу ожидаемаго пріѣзда Потемкина.

— «Князю Г. Г. Орлову,—говорила она,— за чуму сдѣланы мраморныя ворота; графу П. А. Румянцеву-Задунайскому поставлены были триумфальныя—въ Коломнѣ, а кн. Г. А. Потемкипу-Таврическому совсѣмъ позабыла».

— «Ваше величество такъ его знать изволите,—замѣтилъ Храповицкій,— что сами никакого расчета съ нимъ не дѣлаете».

Гр. Пашкевичу Исавитскому

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», Т. XIV, ИЗД. 1875 Г.

ДОВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 5 АПРѢЛЯ 1875 Г.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ

— «То такъ; однако же все человѣкъ; можетъ быть ему захочется».

И тутъ же послѣдовало распоряженіе объ илюминаціи въ Царскомъ Селѣ мраморныхъ воротъ, объ украшеніи ихъ арматурами и надписью изъ оды Петрова:

«Ты въ плескахъ видишь въ храмъ Софіи.

— «Ничего сказать не могутъ, замѣтила при этомъ Екатерина, — ибо въ Софіи (въ Царскомъ Селѣ) есть софійскій соборъ; но онъ будетъ въ нынѣшнемъ году въ Царградѣ, о томъ только не вдругъ мнѣ скажите».

Кромѣ надписи, избранной императрицею, она къ пріѣзду Потемкина написала еще два четверостишія въ честь покорителя Очакова:

О пали, пали — съ звукомъ, съ трескомъ —
 Пѣшець и всадникъ, конь и флотъ!
 И самъ—со громкимъ вѣрныхъ плескомъ,
 Очаковъ, силы ихъ оплотъ!

Расторглись крѣпки днесь заклепны,
 Самъ Бугъ и Днѣпръ хвалу рекутъ;
 Струи Днѣпра великолѣпны
 Шумные въ море потекутъ!

Потемкинъ прибылъ въ Петербургъ 4-го февраля 1789 г., въ седьмомъ часу вечера, по илюминированному пути отъ Царскаго Села до самой столицы и занялъ обычное свое помѣщеніе въ эрмитажѣ. Императрица, желая особенно почтить князя Таврическаго, предупредила его представленіе и сама первая посѣтила его. Почетъ, внимательность, оказанныя Потемкину государынею, побудили и весь дворъ чествовать героя. Графъ Дмитріевъ-Мамоновъ, тогда главенствовавшій при дворѣ, на время ступежался, не дерзая кичиться передъ могущественнымъ княземъ. Въ сознаніи своей силы, Потемкинъ не только щадилъ временщика, но, по словамъ Храповицкаго (11-го и 12-го февраля 1789 г.) при размолвахъ Екатерины съ Дмитріевымъ-Мамоновымъ былъ примирителемъ — «миротворствовалъ». Къ тому же, князю Таврическому было много дѣла: императрица совѣщалась съ княземъ о шведскихъ и проч. государственныхъ дѣлахъ. Совѣты Потемкина о войнѣ со Швеціей приняты были во вниманіе; онъ же настоялъ на томъ, чтобы

на публичномъ театрѣ не давали оперы «Горе-богатырь», недавно написанной Екаториною въ видѣ карикатуры на короля шведскаго Густава III.¹⁾

Румянцевъ отъ 7-го марта 1789 г. получилъ приглашеніе прибыть въ Петербургъ, присоединивъ свою украинскую армію къ екатеринославской. Подавъ прошеніе объ отпускѣ его за границу, по болѣзни, глубоко обиженный Румянцевъ уѣхалъ въ свою мало-россійскую деревню Вишенки. Екатерина, желая загладить тяжелое впечатлѣніе, произведенное на героя Ларги и Кагула, писала къ нему:

«Въ отзвѣвъ васъ отъ арміи, не имѣли мы инаго вида, кромѣ употребленія васъ на служенія въ иномъ мѣстѣ, соразмѣрно вашимъ степени и искусству, слѣдственно и увѣрены, что вы отдадите справедливость добрымъ къ вамъ расположеніямъ».

Потемкинъ, повидимому, достигъ вершины почестей и предѣла наградъ, однако же 14-го апрѣля 1789 г., при утвержденіи его доклада о наградахъ за очаковскій штурмъ, онъ былъ осыпанъ невиданными щедротами. Въ этотъ день императрица, «въ вѣщшее доказательство своей справедливости къ благоразумному предводительствованію екатеринославской арміи», пожаловала Потемкину фельдмаршальскій жезлъ, украшенный алмазами и лаврами изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ; повелѣла сенату заготовить грамоту съ исчисленіемъ заслугъ князя; выбить медаль въ ихъ память съ его портретомъ и надписями: «Усердіемъ и храбростію»; «взятіе Очакова, крѣпости Березанской и побѣды на Лиманѣ въ 1788 году». Сверхъ того, государыня своеручно возложила на Потемкина орденъ св. Александра Невскаго, прикрѣпленный къ драгоцѣнному солитеру; подарила 100 т. рублей на достройку дома (впослѣдствіи Таврическаго дворца); прислала золотую шпагу, осыпанную алмазами съ надписью: «командующему екатеринославскую сухопутною и морскою силою, успѣхами увѣнчанному». Шпага была поднесена на золотомъ блюдѣ, съ надписью того же титула, съ прибавленіемъ: «и строителю военныхъ судовъ».

¹⁾ См. Сочиненія Державина. Изданіе Академіи Наукъ. Сиб., 1864 г., томъ I, стр. 253, примѣчаніе 21-е. См. преданіе о томъ, что «Горе-Богатырь» написанъ на в. к. Павла Петровича: «Русская Старина» 1874 г., томъ XI стр. 154—157.

Потемкинъ, обремененный почестями, снабженный шестью миллионами рублей на продолженіе военныхъ дѣйствій, выѣхалъ изъ Петербурга къ арміи 6-го мая 1789 г., послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ столицѣ.

Къ 1789—1790 гг. относится (печатаемая ниже) его переписка съ Прасковьею Андреевною Потемкиною, супругою его внучатнаго брата, Павла Сергѣевича Потемкина († 29-го марта 1796 г.), рожденною Закревскою (р. 1763, † 1816 г.).

Помимо личныхъ своихъ заслугъ во время пугачевщины и на Кавказѣ, П. С. Потемкинъ (впослѣдствіи съ 1795 г. графъ) былъ многимъ обязанъ покровительству могучаго князя Таврическаго.¹⁾ Съ своей стороны князь Таврическій, какъ можно полагать, покровительствовалъ ему, по крайней мѣрѣ въ 1780-хъ годахъ, не столько изъ уваженія къ его заслугамъ, сколько по чувствамъ своимъ къ его молодой, прелестной супругѣ. И теперь, какъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, Потемкинъ, пресыщенный почестями, утомленный ласками восторженныхъ женщинъ, избалованный ихъ уступчивостью, искалъ обновленія своихъ чувствъ въ любви нѣжной, идеальной, быть можетъ платонической. Въ двѣнадцать лѣтъ онъ не только не очерствѣлъ сердцемъ, но какъ-будто приобрѣлъ способность юношески увлекаться красотою и граціею, которыми обладала Прасковья Андреевна Потемкина.

«Его свѣтлость оказывалъ ей великое вниманіе»,— говоритъ Л. Н. Энгельгардтъ.²⁾ Изъ его же записокъ видимъ, что въ числѣ многихъ дамъ (графиня Самойлова, княгиня Екатерина Ѳедоровна Долгорукая, рожденная Барятинская, княгиня Прасковья Юрьевна Гагарина, рожденная кж. Трубецкая и др.), она провела нѣсколько времени въ главной квартирѣ князя Таврическаго въ Яссахъ, осенью 1789 года.³⁾

¹⁾ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ — впослѣдствіи графъ, генерал-аншефъ генерал-губернаторъ кавказскій, кавалеръ св. Александра Невскаго, св. Владимира 1-й ст. и св. Георгія 2-й ст.— еще въ 1774 году, по рекомендаціи своего могучаго родственника, былъ удостоенъ особаго довѣрія со стороны императрицы Екатерины II, о чемъ свидѣтельствуетъ рядъ, весьма важныхъ для исторіи пугачевщины, собственноручныхъ писемъ къ нему государыни. Письма эти впервые напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., т. XIII, стр. 115—125.

²⁾ «Записки»—изданіе 1868 г., стр. 105.

³⁾ Переписка началась въ мартѣ 1789 года и продолжалась до января 1790 г. Большая часть писемъ на цвѣтныхъ золотообризныхъ листахъ почтовой бумаги

„Будь здорова, мой другъ, истинная и милая дочка!

„Ты говѣешь, Христось съ тобою, обрати все свое вниманіе на молитву, которая не должна измѣряться многословіемъ, ни временемъ, ни исполненіемъ простымъ обряда, но устремленіемъ чувствъ и всего сердца къ Богу съ неограниченной надеждою на Его милость и съ вѣрою таковою-жъ [то есть несумнѣнно вѣрить, что полезное Богъ подастъ].

„Будь здорова, мой другъ: Я тебѣ желаю всѣхъ благъ. По смерти твоей вѣрной другъ, и отецъ. Князь Потемкинъ-Таврическій.

„Сѣмена привезли огуречныя“.

На оборотѣ письма: «Моей любезной дочкѣ.

„Жизнь моя, душа общая со мною! Какъ мнѣ изъяснить словами мою къ тебѣ любовь, когда меня влечетъ непонятная къ тебѣ сила, и потому-то я заключаю, что наши души сродныя. Нѣтъ минуты, чтобъ ты, моя небесная красота, выходила у меня изъ мысли; сердце мое чувствуетъ, какъ ты въ нѣмъ присутствуешь ¹⁾. Mon ange, croyez-moi, que je vous aime plus que tout au monde, jugez avec quel peine je supporte vôte absence. ²⁾

„Пріѣзжай, сударушка, поранѣя, о мой другъ! утѣха моя и сокровище бездѣнная, ты, ты даръ Божій для меня. Я тобою живъ, доказательства моей несравненной привязанности будутъ къ тебѣ непрерывны во всю мою жизнь. Матушка-голубушка! дай мнѣ веселиться зрѣніемъ тебя, дай мнѣ радоваться красотою лица и души твоей; мнѣ голосъ твой пріятенъ. Боже мой! коли-бъ ты могла видѣть, что я къ тебѣ чувствую, отдалабы ты справедливость любви, какой, конечно, на свѣтѣ не бывало. Цалую отъ души ручки и ножки твои прекрасныя, моя радость!

небольшого формата. Печатаемъ письма съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ особенностей въ правописаніи князя Таврическаго дословно, почти буквально.

Прасковья Андреевна Закревская, дочь дѣйств. стат. сов. Андрея Осиповича Закревскаго (родного племянника фельдмаршаловъ графовъ Разумовскихъ), и супруги его Марьи Ивановны, рожденной княжны Одоевской. При помолвкѣ съ Павломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ, Прасковья Андреевна — получила фрейлинскій знакъ. По однимъ извѣстіямъ (см. «Русскую Старину» 1870 г., т. II, изд. третье, списки П. Ф. Карабанова: фрейлины русскаго двора, № 45): Прасковья Андреевна родилась въ 1764 г., по другимъ («Родосл. книга—Долгорукаго, т. II, стр. 170): въ 1763 г. Во время переноски съ кн. Г. А. Потемкинымъ, Прасковья Андреевна было около 25-ти лѣтъ и она имѣла уже сына, Григорія, а князю Таврическому было около 50-ти лѣтъ. Ред.

¹⁾ Французскія слова приведены буквально.

²⁾ Ангелъ мой повѣрите, что я люблю васъ больше всего на свѣтѣ, судите же, какъ мнѣ тяжело переносить отсутствіе ваше.

„Я несколько долѣ проспалъ, заснувъ очень поздно; ты, моя красота, всѣмъ мнѣ представлялась то въ великолѣпной одеждѣ, то въ простой; въ первомъ видѣ ты прекрасна, но тутъ болѣе счастливы наряды, что украшаются отъ тебя. А во второмъ видѣ ангельское личико собраніемъ ему всѣхъ нѣжностей и прелести играютъ какъ избранныя цвѣты; гласки сыплютъ искры солнечныхъ лучей. Сей-то видъ подобенъ моей къ тебѣ любви, которая не безумной пылкостью означается какъ бы буйное пьянство, но исполнена непрерывнымъ нѣжнѣйшимъ чувствованіемъ, потому что со всѣми твоими нѣжными пріятностями и силою небесной твоей красоты, ты вся въ моемъ сердцѣ. Изъ сихъ-то твоихъ прелестей неописанныхъ состоитъ мой экстазисъ, въ которомъ я вижу тебя живо предъ собою. Мой другъ! мой даръ Божій! сіи чувствованія унести можетъ изъ меня, душа моя, толко какъ со мною разлучится. Я пока живъ, твой неописанной другъ и батюшка родной князь Потемкинъ-Таврической“.

„Пришли; сударка, брилліанты“.

„Сударка моя, плати мнѣ той же искренностію и привязанностію; ласка твоя услаждаетъ мою жизнь, то будь ласкова. Богъ тебѣ свидѣтель въ моихъ увѣреніяхъ. Ей, я тебѣ истинну говорю, что тогда только существую, какъ вижу тебя, а мысля о тебѣ всегда заочно, тѣмъ только покоенъ. Ты не думай, чтобъ сему одна красота твоя была побужденіемъ или бы страсть моя къ тебѣ возбуждалась обыкновеннымъ пламенемъ, нѣтъ, душа, она слѣдствіемъ прилежнаго испытанія твоего сердца и отъ тайной силы, и нѣкоторой сродной наклонности, что симпатіею называютъ. Разсматривая тебя, я наполь въ тебѣ ангела, изображающаго мою душу. И такъ, ты—я, ты нераздѣльна со мною; я весель—когда ты весела, и сытъ—когда сыта ты. Я качаюсь съ тобою на качеляхъ, лишь тогда больно мнѣ, какъ ты качаешься высоко; дурачка моя умникая, *je vous porte dans mon coeur*.

„Красныхъ камней мало, жидко будетъ, ежели перенижишь, и притомъ здѣлается пестрота; иное дѣло діадема. Въ вѣнцы мѣшаютъ всѣ цвѣты и надѣваютъ ихъ ко всякому платью, но протчія украшенія пояса, серьги и тому подобноѣ къ нимъ не поддѣлываютъ.

„Посылаю тебѣ, моя жизнь дражайшая, платочекъ шитой, и цалую твои ручки и ножки!“

„Для трагедіи, ¹⁾ которой сцена въ сералѣ Иерусалимскомъ, должна быть Сала (т. е. залу) по турецкому названію арзъ одасы.

¹⁾ Это не письмо, а замѣтка для свѣдѣнія Прасковьи Андреевны Потемкиной, по случаю устройства одного изъ празднествъ, писана какъ и прочіе при-

„Сей апартаментъ долженъ быть во всемъ великолѣпіи восточномъ, тутъ не надлежитъ соображаться истиннѣ, но соединять красоты, какія только вымыслить можно, чтобы повсюду царствовало хитростное волшебство и великолѣпіе въ высшемъ степени. Если бы мнѣ было возможно, то бы я украсилъ сію сцену колоннами извитыми, осыпанными драгоценными всѣхъ цвѣтовъ каменіями, безпрестанно обращающимися; зеркала были бы послѣднимъ убранствомъ.

„Но въ недостаткѣ способовъ хочу употребить всю силу живописи.

„Повой будетъ великолѣпной въ восточномъ стилѣ, чудесномъ будетъ перистиль, легчайшій для виду, à la moresque. Глубина театра какъ можно дальняя, въ которой, чрезъ отверстіе балустрадамъ пресѣченное, покажутся пріятныя дальности, цвѣты, древа, рѣки, паденіе водъ и море; лазурь же составитъ небо. Словомъ, всё что есть въ натурѣ лучшаго соединится, такъ сказать, въ пунктѣ. Но душа симъ красотамъ будетъ ты, несравненная моя красавица и прелюбезная дочь; отъ блистающаго взора твоего оживится мертвая живопись, потекутъ воды и цвѣты издадутъ аромать. Ты всё покроешь красотой, а всего прекраснѣе, что ты сама въ себѣ не мнишь подобной силы.

„Вотъ твоя невинность ангельская и пріятность златаго вѣка. Видишь-ли ты, моя любезная дочка, что сила твоихъ неподобныхъ добротъ дѣлаетъ меня поетомъ.

„Покажи Масону де Шанъ Валону, онъ признается, что безъ подобнаго вліянія не набредитъ ему столько живописи, а ежелибъ и написать, то вѣрно съ большимъ усиленіемъ и помарками, а изъ меня вышло однимъ всё духомъ“.

„Моя голубушка, дитя милое, хочу знать здорова-ли ты, моя прекрасная душа? Жизнь ты моя, тобою моя жизнь мнѣ пріятна; безцѣнной ангелъ, которымъ сердце мое наполнено, я не могу нарадоваться тобою; никогда еще никто такъ не любилъ, какъ я тебя люблю, моя душа. Сударка моя, я воображаю какъ ты на театрѣ выдешь какъ всё просвѣтится и какъ всё оживится, одинъ я буду безъ памяти. Другъ ты мой, я не нахожу словъ описать тебѣ моихъ чувствованій искренней привязанности и любви безмѣрной. Время докажетъ ихъ непрерывность, да дастъ Богъ тебѣ по моему желанію. Я тебя, видя благополучную, буду счастливъ и въ архіерействѣ подамъ мое благословеніе, облачась пребогато, скажу къ тебѣ: да побѣдиши враги твоя красотю твоею и добротю твоею ¹⁾).

видимые здѣсь документы, рукою кн. Г. А. Потемкина, но на большомъ листѣ сѣрой бумаги.

¹⁾ Въ подлинникѣ эти строки подчеркнуты.

„Прости моя жизнь, будь весела, здорова и знай, что ты мой Григорій Александровичъ въ женскомъ видѣ; что ты—моя душа, что ты—моя жизнь и благополучіе и что привязанностію моею къ тебѣ оправдались Шведенбурговы мысли.

„Цѣлую безцѣпныя и прекрасныя ручки и ножинки. Люблю тебя безпредѣльно и до конца дней моихъ безъ отмины.

„Рисоваль я тебѣ узоры, напиваль бриліанты, а теперь рисую домикъ и садъ; домъ въ оріентальномъ вкусѣ со всѣми роскошами чудесными, которыя составляли великолѣпіе Абулу-Кезема, при паденіяхъ съ шумомъ чистыхъ источниковъ. На возвышеніи нечувствительно склоняющемся окажутся портики, окруженные съ заднихъ фасадовъ древами, носящими цвѣты—розы разныхъ родовъ; іасминъ и терны черныя и бѣлыя. Въ срединѣ портикъ проложится дорога широкая, убитая раковинами радужныхъ цвѣтовъ, а по сторонамъ устелится дерномъ пріятной муравы изъ травъ благовонныхъ.

„Домъ начнется простилемъ изъ колоннъ рѣзныхъ á jour, столь чисто отдѣланныхъ, какъ кружево; изъ него войдешь въ большую салу, имѣющую самой малой свѣтъ, и въ глубинѣ оной слышно будетъ журчаніе фонтана. По лѣстницамъ, великолѣпно расположеннымъ, войдешь въ верхній апартаментъ, тутъ представится галерея превеликая съ большимъ свѣтомъ; окна изъ стеколъ зеркальныхъ самой чистой воды. Повсюду будетъ живопись самаго сильнаго колорита, изображающая любовь Еро и Леандра, Аполона и Дафны, похищеніе Европы, Пирама и Фисвы, судъ Париса; самыя пылкіе стихи влюбленной Сафы по мѣстамъ написаны будутъ.

„Потомъ будетъ слѣдовать круглая сала на подобіе храма, освѣщеннаго сверху; я его назову храмомъ моей красоты. Въ главномъ мѣстѣ лучшимъ живописцемъ напишется моя несравненная душа, милая Прасковья Андрѣвна, съ живностію красокъ, сколь будетъ возможно: бѣлое платье, длинное, какъ сорочка, покроетъ корпусъ, опоянется самымъ нѣжнымъ поясомъ лиловаго цвѣта; грудь открытая, волосы, безъ пудры, распущенные; сорочка у грудей схватится большимъ яхонтомъ. Видъ ея будетъ спокойной, величественной и прекрасной, хотя и не такъ сколь онъ превосходенъ въ натурѣ.

„Въ кругъ по другимъ мѣстамъ разныя будутъ живописи: купидонъ безъ стрѣлъ и въ чехоткѣ, Венусъ вся въ морщинахъ, Адонисъ въ водяной болѣзни; противъ ея, на стѣнѣ, розы во всей красотѣ. Почивальня будетъ большая кровать, столь нѣжно убранная, что завѣсы казаться будутъ топкимъ дѣломъ, стекла въ окнахъ изъ хрустала, цвѣту аквамариннаго, самаго слабого. Завѣсы тонкаго свѣтлозеленаго цвѣта, отовсюду видны будутъ деревья лучія и носящія

цвѣты нѣжныя; партеръ усыплется цвѣтами всѣхъ родовъ и травы пріятныхъ ароматовъ мѣстами посажены будутъ на древахъ птицы, имѣющія перья яркихъ цвѣтовъ, оживятъ картину, вдали каскады. Кабинеты будутъ сдѣланы въ лучшемъ вкусѣ, бібліотека изъ книгъ избранныхъ, картины и естампы превосходныя; но ежели гдѣ роскошь истощится, то это въ банѣ: сверхъ свѣту отъ стеколъ голубоватаго, вездѣ зеркала повторяются будутъ объекты. Чистѣйшая вода наполнитъ бассейнъ и фонтанъ изъ разныхъ приводовъ издастъ благоуханная воды, какъ-то: розовую, лилейную, іасминную, туберозную и помаранцовую. Покой, гдѣ раздѣваться, будетъ съ софами богатоубранными, но всѣ они будутъ бѣлыя кисейныя съ м. . емъ.¹⁾ На стѣнѣ лучей живописью изобразится исторія Теагена и Харикліи, а я своей рукой подпишу надъ ней: можно еще больше любить.²⁾

„На дворѣ будутъ посажены тополи италіанскіе, и предъ домою небольшая прекрасная церковь во имя Вѣры, Надежды и Любви.

„Всѣ изображеніе слабы, моя сударка, для тѣхъ чувствъ, какими я къ тебѣ наполненъ; ежели ты читавши улыбнѣшься съ удовольствіемъ, то я буду доволенъ, моя душа. Цалую твои ручки и ножки, и пока живъ твой неизмѣнной другъ и отецъ. Князь Потемкинъ-Таврическій“.

Примѣчаніе. Письмо это писано на трехъ четверткахъ—желтаго и зеленаго цвѣта, обертка же письма розовая и на ней надпись руки кн. Потемкина: «Моей любезной и прекрасной дочкѣ Прасковѣ Григорьевнѣ». Ред.

„Красавица моя, ежели есть живность въ моихъ описаніяхъ, сіе немудрено: я заимствую всѣ отъ красотъ твоихъ; ты хороша безпримѣрно, нельзя найти порока ни въ одной чертѣ твоего лица. Ежели есть недостатокъ, то только одно, что нельзя тебя видѣть такъ часто или лучше сказать, непрерывно сколько есть желанія. Ты мой цвѣтъ, украшающій родъ человѣческой, прекрасное твореніе, о! естли-бъ и могъ изобразить чувства души моей о тебѣ, открылся бы рай добротъ, не будучи же въ силахъ ихъ описать, какъ они присутствуютъ въ моемъ сердцѣ, я ихъ въ ономъ сохраняю навсегда, дыша огнемъ твоихъ прелестей. Изъ сердца, въ которомъ ты царствуешь, будутъ изтекать нѣжности подобныя твоей красѣ; а какъ ты одна занимаешь полноту онаго, то вся моя склонность къ тебѣ обратится, я силою оныхъ сотру красоты вымышленныя во времена баснословныя, въ тебѣ соединятся три граціи, а на опояскѣ Венера окажутся сатиры. Твои

¹⁾ Это слово неразобрано.

²⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

румяность оживятъ персты Авроры, а гора Родопа отъ тебя получить багрянность.

„Я весь тобой наполненъ и скажу смѣло съ Ломоносовымъ:

«Но если въ полѣ семь пространномъ и широкомъ,
Преторжется мой вѣкъ недоброхотнымъ робомъ»—

ты въ то время, моя душа, узнаешь, что я для тебя былъ, ты скажешь сама въ себѣ: гдѣ отецъ? гдѣ мать? гдѣ братъ? гдѣ другъ?

„Сударка моя и сто разъ сударка, цалую ножки и ручки у тебя, милое дитя и ангель.

„Посылаю бархаты“.

„Нетерпѣливо желаю знать о тебѣ, мое безцѣнное сокровище, милая дочка. Я посылалъ, но ты еще почивала. Красавица моя, другъ мой, ты мнѣ всего дороже, какъ душу тебя люблю. Ежели будешь здорова, чего желаю отъ сердца, прїѣзжай, моя душа, ко мнѣ, убравшись по вчерашнему, у меня будетъ живописецъ.

„Знаешь-ли ты, прекрасная голубушка, что ты кирасиромъ у меня въ полку! куда какъ шапка къ тебѣ пристала; и я правъ, что къ тебѣ всю пристанеть. Сегодня надѣну на тебя архіерейскую шапку.

„Прости, милая дочка, душа, ангель, жизнь моя и всё, что я въ свѣтѣ имѣю неподобно милаго. Цалую ручки ангелскія и вѣчно твой вѣрной и неограниченно-преданной другъ и батюшка. Князь Потемкинъ-Таврическій“.

На оборотѣ: «Любезной и прекрасной моей дочкѣ».

„Красавица, общая со мною душа, утѣха моя и жизнь, цѣлую отъ всего сердца прекрасныя ручки твои и ножки!

„Посылаю нитки остальные и бархатъ.

„Утѣшь меня, моя безпримѣрная красавица, здѣлай каленкоровое платье съ малиновымъ атласомъ. Картина моя прекрасная, я тебѣ цѣны не знаю.

„Я жду тебя видѣть столь прекрасную, какъ солнце. Ты моя весна, голубушка, сокровище моё, и минута тяжела, въ которую не вижу тебя. Будь здорова душинька и весела, да вѣрь, что я во всю жизнь твой другъ нелицемѣрной и батюшка родной, которой свою безпримѣрную дочку любить паче жизни. Князь Потемкинъ-Таврическій.

На оборотѣ: «Сударушкѣ моей, душѣ общей со мною и другу моему, Гришникѣ и Парашникѣ».

„Красота моя безпримѣрная столько, какъ и любовь моя къ тебѣ, я безпокоился о тебѣ, что въспотѣвши вчера поѣхала. Мнѣ золотникъ

твоего здоровья дороже всѣхъ сокровищъ; душа моей души, утѣха моей жизни, ты приказала мнѣ писать несвязно. Другъ и ангель, проникни въ мое сердце, тамъ въ горящихъ и весьма явственныхъ характерахъ увидишь къ тебѣ мои чувствованія, увидишь, что навсегда къ тебѣ привязанъ, увидишь безмѣрную мою любовь, увидишь, что въ тебѣ я полагаю мою утѣху, счастье, покой и самую жизнь. Ты больше еще увидишь, если проникнешь въ мои душевныя наклонности, ты узнаешь, что я съ тобою единую имѣю душу; вѣрь мнѣ, что это правда. Люблю тебя какъ ни одинъ еще человѣкъ не любилъ на свѣтѣ, ниже кто имѣлъ такія чувствованія, ибо они совсѣмъ новыя; я вѣрю, что ты для меня даръ Божій.

„На семь основаній позволяй, моя душа, быть мнѣ во всю жизнь, и доказавъ тебѣ и всему свѣту безмѣрную мою къ тебѣ любовь, понести съ собою въ вѣчность всю привязанность, какую душа имѣть можетъ. О, мой ангель! какъ я тебя люблю. Пища души моей, тобою я счастливъ. Цалую отъ всево сердца ручки и ножки! Родная моя дочь, истинно дочь милая.

„Отдавай справедливость моимъ увѣреніямъ. Знай, что я лезть и фалшивость презиралъ всегда, и ежели не имѣлъ ихъ орудіемъ для другихъ, то могу-ли имѣть для тебя, которую люблю выше всево.

„Пріѣзжай, моя душа, ко мнѣ кушать поранѣе, будемъ качаться, да одѣнься простяѣ. Нетерпѣливо жажду тебя видѣть и цаловать ручки ангельскія.

„Пришли корсетъ.

„Твой неложный другъ и батюшка родной, князь Потемкинъ-Таврическій“.

На оборотѣ: «Душѣ моей. Любезному Гришкинкѣ и Парашинкѣ».

„Что это! матушка моя, жизнь души общая со мною, я слышу, что ты не можешь, и ночь не почивала; à Dieu ne plaise que le bon Dieu vous donne ma santé et ma vie. Душа души моей, я не могу сносить твоего безпокойства, будь здорова или я прибѣгу къ тебѣ и не отойду отъ тебя, ангель мой, красота безпримѣрная, mon repos tient à votre santé, je suis on ne peut plus inquiet; другъ, будь здорова, неумори меня. Сударушка безпримѣрная, я приказалъ Тиману тебя посмотрѣть.

„Цалую ручки и ножки, душа милая!

„Ламздорва лошадь больно ушибла на дорогѣ, однакожь онѣ ѣдетъ.

„Твой вѣрнѣйшій и неліцемерный другъ, князь Потемкинъ-Таврическій.

На оборотѣ: «Сокровищу моему, душѣ моей, дочкѣ неопѣненной, Гришкинкѣ и Парашинкѣ».

„Жизнь, дыханіе маю! гдѣ ты, моя голубушка, что ты дѣлаешь? Куда смотришь? мое-жъ сердце навсегда обращено къ тебѣ. Какъ я давно тебя не видѣлъ, солнышко мое, твое отсутствіе наводитъ мнѣ тоску, единая со мною душа, ей, это истинна! Безъ тебя со мною только половина меня; лучше сказать, ты душа души моей; какъ ты прекрасна, моя Паррапинька, какъ ты мила, какъ веселье тебѣ свойственно, ты украшаешь всю своимъ присутствіемъ, а мнѣ даюшь и жизнь и жизнь пріятную, ты даръ небесной для меня.

„Сударушка, воскресительница моя, могу-ли я изъяснить, сколько я тебя люблю, когда я не нахожу самаго себя, но такъ соединенъ съ тобою, что ты вся во мнѣ. Такъ, мой другъ несравненный, ты вся въ моемъ сердцѣ, гдѣ никому ужъ мѣста не осталось. Дочка моя безпримѣрная, цалую ножки и ручки прекрасныя, вѣчно твой другъ и батюшка родной, князь Потемкинъ-Таврическій“.

„Холодно, не могу тебя на воздухъ пустить. Пріѣзжай, моя радость, ко мнѣ на маленькой бивакъ танцовать и качаться въ залѣ, да поранѣе“.

На оборотѣ рукою кн. Г. А. Потемкина написано: «Князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому»—такъ онъ называлъ Прасковью Андреевну.

„Сударушка прелюбезная, другъ искренній и душа общая со мною ты смиренно обитала въ моемъ сердцѣ, а теперь, наскуча тѣсною, кажется выпрыгнуть хочешь, я это знаю потому, что во всю ночь билось сердце и ежели ты въ немъ не качалась, какъ на качеляхъ, то, конечно, хочешь улетѣть вонъ. Да нѣтъ! я за тобою и, держась крѣпко, не отстану, а еще къ тому прикрѣплю тебя цѣпью твердой и ненарушимой моей привязанности.

„Какъ могло войти въ твою прекрасную голову, что я перемѣнился? возможно-ли исчезнуть съ тобою, такъ сказать, скованной связи, ты дитя, рожденное отъ моей души, и горячность моя столько превосходитъ сколь душа благороднѣя тѣла. Цалую ручки и ножки твои!

„Мой ангелъ, мнѣ очень, очень, очень хочется тебя видѣть. Твой другъ неліцемерной и батюшка родной, князь Потемкинъ-Таврическій“.

Чѣмъ окончилась эта страстная любовь и сохранилъ-ли князь Таврическій свои пламенные чувства до послѣдней минуты—неизвѣстно, но Прасковья Андреевна, переживъ князя Таврическаго двадцатью пятью годами, свято сохранила приведенныя нами письма. Скончалась она не въ дряхломъ возрастѣ, но характеръ ея и наклонности такъ рѣзко измѣнились, что въ ней уже не-

возможно было признать ту не суровую красавицу, которая умѣла заронить въ сердце великолѣпнаго князя Тавриды пылкую страсть и юношескую восторженность. Послѣдніе годы жизни Прасковья Андреевна провела въ сообществѣ ханшей и пустосвятовъ; весьма типичнымъ ихъ образчикомъ является знакомый уже читателямъ «Русской Старины» монахъ-предсказатель Авель.⁶⁾ Авель былъ наперсникъ графини Прасковьи Андреевны и посланія этого странника по тюрьмамъ и монастырскимъ затворамъ читались ею едва-ли ни съ большимъ вниманіемъ, нежели двадцать пять лѣтъ предъ тѣмъ нѣжныя грамотки князя Таврическаго, писанныя на золотобрѣзныхъ, разноцвѣтныхъ и раздушенныхъ листочкахъ.

Возвращаемся въ государственной дѣятельности нашего героя; но въ заключеніе настоящей главы приведемъ два письма князя Таврическаго, но уже не къ Прасковьѣ Андреевнѣ, а къ ея супругу, Павлу Сергѣевичу Потемкину. Оба документа довольно характеристичны.

Братецъ Павелъ Сергѣевичъ! Ея величество соизволила повелѣть вамъ, вмѣсто себя, окрестить у Николая Алексѣевича Татищева сына, и объявить ему, что сіе дѣлается для того, чтобъ младенца, проѣздомъ до Петергофа, не беспокоить. Причемъ благоволила пожаловать его въ подпрапорщики. Приложенную же при семъ табакерку вручите ему (далѣе собственноручно): „самому писать некогда—играю въ карты. Вѣрѣйшій братъ князь Потемкинъ“.

На оборотѣ: «Братцу Павлу Сергѣевичу Потемкину».

По поводу слѣдующаго за этимъ документа считаемъ необходимымъ напомнить нѣкоторые факты, относящіеся до исторіи Кавказа въ эпоху Екатерины II. Во время первой войны ея съ Турціей русскія войска являются въ 1770 году и на Кавказѣ. Генераль Тотлебенъ покоряетъ Кабарду, проникаетъ въ Грузію, овладѣваетъ Имеретією и Мингрелією и идетъ на Трѣбизондъ. Миръ Россіи съ Турціей въ 1774 г. останавливаетъ военныя дѣйствія на Кавказѣ. Оттоманская Порта, имѣвшая до того громадное вліяніе на народы кавказскіе, въ 1774 г. отступаетъ отъ кабардинцевъ; Кубань — дѣлается границей Россіи на Кавказѣ.

¹⁾ См. «Русская Старина» 1875 г., томъ XIII, стр. 414—435. Предсказатель монахъ Авель (1757—1841).

Въ началѣ 1780-хъ годовъ грабежи горцевъ подаютъ поводъ къ новымъ наступательнымъ дѣйствіямъ. Въ 1783 году Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ успѣшными дѣйствіями, по приводѣ крымцевъ къ присягѣ на подданство Россіи, а затѣмъ убѣжденіями, также увѣнчавшимися успѣхами, царя грузинскаго Ираклія присягнуть Екатеринѣ II, на столько обратилъ на себя вниманіе государыни, что въ 1784 г. получилъ весьма важный постъ саратовскаго и кавказскаго генерал-губернатора. Въ августѣ 1785 г. Павелъ Сергѣевичъ еще не прибылъ на кавказскую линію, какъ вдругъ, по поводу одной неудачной экспедиціи въ горы генерала Леонтьева, получилъ отъ главнокомандующаго всѣхъ южныхъ армій, князя Таврическаго слѣдующее письмо:

«13-го августа 1785 г.—Царское село.»¹⁾

„Братецъ Павелъ Сергѣевичъ. Ордеръ твой къ Леонтьеву, къ сожалѣнію моему, больше плодovitъ, нежели нужно, для генерала, которому вы приписываете несправедливо искусство, вами въ немъ доказанное; онъ только что храбръ; потому и не должны вы его обременять тѣмъ, чего онъ объять не въ силахъ. Повѣрьте мнѣ, что онъ слова ваши, чтобъ отучить лже-пророка дѣлать покушенія и обузданіе Кабардинцовъ, приметъ за открытіе съ ними войны и надѣлаетъ больше еще глупостей. Я съ вами согласенъ, что войско для сихъ мѣръ достаточно, и еще болѣе, скажу, достаточно и для завоеванія половины Азіи. Сравните настоящее число, съ тѣмъ, что было у Тотлебена и Медема.

„Сила войскъ состоитъ столько въ количествѣ, какъ и въ дѣленіи оныхъ.

„Вмѣсто причинъ, вами приписываемыхъ разбитію Шерія, я скажу другія: прочтите мой вамъ ордеръ и осмотритесь, не выпустили-ли вы замѣтить Леонтьеву самой важной артикуль? Я не веню Чеченцовъ, не противу войскъ російскихъ дерзнувшихъ. Кто приходитъ тайно, или, лутче сказать, воровски, тотъ разбойникъ. Объявленія и требованія, истекающія отъ трона, такимъ образомъ производимыя, теряютъ свою важность. Довольно бы вамъ, по моему мнѣнію, было написать къ Леонтьеву, что вы скоро будете на линію (чѣмъ нужно и вправду пособить), и чтобы онъ до тѣхъ поръ ничего не начиналъ, а только бы отражалъ покушенія.

„Вотъ, братецъ, я всю сказалъ тебѣ, что я думаю; другому бы я

¹⁾ Все письмо—руки кн. Г. А. Потемкина.

написалъ то въ ордерѣ. Всему свѣту извѣстно, что я ошибки своихъ подкомандующихъ беру иногда на себя, или всегда извиняю, а честь, всю отдаю имъ. Нельзя-ли меня одолжить тѣмъ, чего я требовать имѣю власть. Сіе состоитъ въ томъ, чтобъ повелѣнія мои точно и выполнять и сообщать. Впрочемъ, сказавъ всё, я не сердить; и увѣренъ, что вы, пріѣхавши на мѣсто, не столько оружіемъ, какъ доброй вѣрой вселите въ горскіе народы къ намъ привязанность. Вѣрный другъ и братъ князь Потемкинъ“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Портретъ князя Г. А. Потемкина.

При настоящей книгѣ „Русской Старины“ прилагаемъ гравированный портретъ кн. Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго. Эта гравюра есть воспроизведеніе одного изъ самыхъ лучшихъ его портретовъ, писаннаго съ натуры Левицкимъ, гравированнаго Валькеромъ и впервые изданнаго въ 1792 г.

Подлинникъ, съ котораго воспроизведена гравюра нашего изданія, принадлежитъ знаменитому и пользѣйшему въ Европѣ собранію русскихъ гравированныхъ портретовъ—Д. А. Ровинскаго.¹⁾

Портретъ кн. Потемкина, приложенный къ „Русской Старинѣ“, рѣзанъ на мѣди нашимъ отечественнымъ граверомъ академикомъ Иваномъ Петровичемъ Пожалостинимъ.

Жизнь и труды этого даровитаго русскаго художника вполне достойны вниманія его соотечественниковъ и хотя мы будемъ еще имѣть случай къ нимъ возвратиться, но считаемъ теперь же вполне умѣстнымъ привести нѣсколько фактовъ изъ трудовой жизни И. П. Пожалостина.

Иванъ Петровичъ родившійся въ 1837 г., въ Рязанской губерніи, сынъ однодворца, крестьянина; онъ весьма рано потерявъ родителей, остался круглою сиротою. Въ 1850 г. бѣдный мальчикъ принятъ въ дѣтской сиротскій пріютъ въ Рязани; пробылъ онъ въ немъ 4¹/₂ года и обратилъ на себя вниманіе управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, успѣхами въ рисованіи, которымъ занимался самоучкой. Управляющій палатой, А. О. Андреевъ, вполне добрый, прекрасной души человѣкъ (нынѣ покойный), озаботился приглашеніемъ учителя рисованія для Пожалостина и другихъ мальчиковъ, изъ которыхъ, впрочемъ, никто, кромѣ Ивана Петровича, не продолжалъ потомъ заниматься этимъ искусствомъ. Скоро однако судьба отвернулася

¹⁾ См. въ «Словарѣ Русскихъ гравированныхъ портретовъ», составленномъ Д. Ровинскимъ (Сиб., 1872 г., 8-ю д., стр. 138): полный портретъ кн. Г. А. Потемкина—№ 1-й: полный, engraved from the original picture in her Imperial Majesty's collection by James Walker. Engraver to her Imperial Majesty... pub. Jan. 1792., съ оригинала Левицкаго. Высота 12 дюймовъ, 7 линий, ширина 10 дюймовъ, 5¹/₂ линий, гравированъ черной манерой.

отъ юноши: покровитель его вышелъ въ отставку, а самъ онъ, на 18-мъ году жизни выйдя изъ пріюта, поступилъ писаремъ въ село Солотчу; дѣль было бездна,—рисованіе брошено, а полгода спустя, юношу, по сельскому обычаю, поспѣшили женить.

Въ 1857 г., по ходатайству директора рязанской гимназіи Шингина, министръ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевъ опредѣлилъ Пожалостина (скрывшаго, что онъ женатъ) въ Академію Художествъ, стипендіатомъ министерства государственныхъ имуществъ; Академія опредѣлила Пожалостина къ профессору гравированія Ѳ. И. Гордану.

Несмотря на то, что молодой человѣкъ долженъ былъ совершенно случайно и почти помимо воли посвятить себя труднѣйшему изъ искусствъ—гравированію на металѣ, талантъ его быстро совершенствовался и нѣсколько серебрянныхъ и золотая медаль, затѣмъ званія класснаго художника 1-й степени и академика увѣнчали его труды по рисованію и гравированію.

Изъ-подъ рѣзца И. П. Пожалостина, довершившаго свое художественное образованіе за границей, вышли портреты Державина, московскаго митрополита Филарета, К. П. Брюлова и для „Русской Старины“—кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго.

Но портреты составляютъ еще не большую часть дѣятельности талантливаго гравера: рѣзцу Пожалостина принадлежатъ большія гравюры: „Несеніе Креста“, также гравюра извѣстной картины Угрюмова: „Испытаніе силы Яна Усмовича (при Владимірѣ Святомъ)“ и имъ же исполнена, по порученію Общества поощренія Художниковъ, гравюра для преміи съ извѣстной картины Перова: „Птицеловы“. Гравюра эта (форматомъ въ большой развернутый листъ) одно изъ превосходнѣйшихъ созданій искусства и навсегда займетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ въ отдѣлѣ гравюръ русской школы.¹⁾

Ред.

¹⁾ Предполагал, что въ числѣ нашихъ читателей найдутся любители хорошихъ гравюръ, позволяемъ себѣ посоветовать имъ выписать это замѣчательное произведеніе отечественнаго молодого художника. Гравюру можно получить въ Петербургѣ, въ магазинахъ Даціаро, Бегрова и Фельтена. Цѣна десять рублей. Лица, выписывающія гравюру прямо отъ художника (Сиб., Вас. Островъ, 1-я линія, д. № 18, кв. № 16), за пересылку ничего не платятъ. Ред.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ

подъ управленіемъ И. И. Бецкаго.

(Историческое изслѣдованіе по архивнымъ источникамъ).

III.¹⁾

Отношенія Гогеля къ Бецкому; служебныя злоупотребленія и отрѣшеніе отъ должности. — Е. А. Кирибаумъ и борьба его съ Главнымъ Попечителемъ. — В. И. Крюковскій. — И. Г. Сумбатовъ. — Главныя Надзирательницы С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома.

Гейнрихъ Гогель (въ русской передѣлкѣ: Григорій Григорьевичъ) перешелъ въ нашу службу въ 1775 г., въ чинѣ подполковника польскихъ войскъ, и занялъ должность оружного вомисара въ колоніяхъ иностранныхъ переселенцевъ около Саратова. Въ 1777 г. онъ принялъ русское подданство, съ переименованіемъ въ волежскіе асессоры, и въ томъ же году определенъ членомъ въ «Контору опекунства иностранныхъ» въ Саратовѣ. Въ 1779 г., 14-го іюня, онъ переведенъ Главнымъ Надзирателемъ въ Московскій Воспитательный Домъ, а съ небольшимъ черезъ годъ назначенъ Обер-Директоромъ. Въ обѣихъ этихъ должностяхъ Гогель заявилъ себя расторопнымъ, умнымъ и акуратнымъ дѣльцомъ, и въ 1781 г. Московскій Опекунскій Совѣтъ свидѣтельствовалъ о немъ, что онъ «своимъ превосходноревностнымъ стараніемъ, не имѣвшимъ еще дотога примѣра, принесъ Воспитательному Дому точной прибыли въ два года,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 146—159; 359—380; томъ XIII, стр. 665—680.

167,574 р.», да вромѣ того, «благоразумными устройствами воспитаніе юношества поправилъ и разныя заведенія при домѣ фабрикѣ и рудоудѣлій привелъ въ несравненно-лучшее и выгоднѣйшее состояніе», — за что и получилъ въ займы изъ Сохранной Казны, по рѣшенію обоихъ Совѣтовъ, 7 тысячъ р. безъ залога и безъ процентовъ, «въ награжденіе ему за его необыкновенныя Дому услуги»;¹⁾ а впоследствии вся эта сумма была ему подарена. И дѣйствительно: повуда наблюдалъ за нимъ бдительный глазъ Бецкаго, еще не подавленнаго окончательно дряхлостію лѣтъ и болѣзнями, Гоголь умѣлъ вполне заслужить въ себѣ расположеніе и, если въ его дѣйствіяхъ, быть можетъ, и тогда проявлялись уже зачатки своекорыстныхъ стремленій, то они казались незамѣтными, или были трудно уловимы, по сравненію съ дѣятельностью предъидущихъ начальниковъ.²⁾ Такъ напримѣръ, до поступленія Гоголя, при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ существовало уже четыре фабрики: 1) фабрика шелковыхъ чулковъ, заведенная въ 1769 г. по приказанію Бецкаго и на условіяхъ контракта, заключеннаго въ С.-Петербургѣ съ мастеромъ Ге; 2) карточная фабрика, основанная въ 1774 г. по контракту, тоже заключенному въ Петербургѣ съ Іоганомъ Матъе; 3) мануфактура бумажныхъ матерій, заведенная по представленію Главнаго Надзирателя Коваленскаго въ 1778 г. и утвержденная журналомъ Совѣта 20-го августа, и 4) мануфактура шерстяныхъ чулковъ, учрежденная по журналу Совѣта 13-го іюня 1778 г. По всѣмъ этимъ фабрикамъ находились въ оборотѣ значительныя суммы, но Совѣтъ не могъ представить о нихъ ни одной ясной вѣдомости, такъ какъ — по словамъ подлиннаго дѣла — «все происходило по экономіи съ одною только запискою выдачи денегъ, а какою былъ оборотъ, то, по темнотѣ тогдашняго обряда, не можно добратся никоимъ образомъ, и о продажѣ выработанныхъ вещей нивакихъ записокъ не сыскалося». ³⁾ Въ отвращеніе этихъ безпорядковъ, Гоголь, вступивъ въ должность, завелъ сейчасъ же фабрикантскую контору и, усиливъ надзоръ какъ за производствомъ товаровъ, такъ и за расходованіемъ суммъ, могъ уже, въ ско-

¹⁾ Журн. Спб. Опеж. Совѣта 28-го октября 1781 г., № 765.

²⁾ Архивъ Моск. Опеж. Сов., послужной списокъ Гоголя. А. П.

³⁾ Архивъ Спб. Оп. Совѣта, дѣло по Канц., по разн. предм. № 840: «О подомъ воспитаніи обоего пола питомцевъ». А. П.

ромъ времени, представлять гораздо болѣе удовлетворительные отчеты. Благодаря его бдительности, карточная фабрика, въ теченіи 14-ти лѣтъ (съ 1780 до 1794 г.) дала приращенія дохода 105,535 р.; а штемпелеваніе при Домѣ картъ, доставляемыхъ съ частныхъ фабрикъ, принесло въ тотъ же срокъ 124,513 р. 52 в., тогда какъ, до Гогеля, отъ карточной фабрики совсѣмъ не было дохода, а штемпель далъ прибыли, въ 17 лѣтъ, равнымъ счетомъ 13,845 р. Такія же улучшенія произвелъ Гогель и по другимъ частямъ своего вѣдомства и, возвысивъ кредитъ и доходы Дома, сократилъ значительно его издержки благоразумною экономіей и «отрѣшеніемъ тунеядцевъ».¹⁾ До него, содержаніе каждаго питомца, при болѣе умѣренныхъ цѣнахъ на провизію и всякія другія потребности, обходилось въ годъ не дешевле 33 р. ассигн.; а ему удалось низвести эту цифру до 27 р., включая «сюда издержки на рабочихъ и нянекъ, находившихся въ Домѣ».²⁾ Бецкой, хотя находилъ еще высокой и эту стоимость, указывая на возможность убавить ее посредствомъ увеличенія доходовъ, получаемыхъ отъ работъ питомцевъ;³⁾ но все же былъ доволенъ сбереженіемъ, сдѣланнымъ московскимъ обер-директоромъ.

Труды Гогеля не оставались безъ вознагражденія со стороны Главнаго Попечителя: кромѣ должности Обер-Директора Воспитательнаго Дома, ему же поручено было завѣдованіе учебною частью Комерческаго Училища (8-го октября 1780 г.) съ особымъ жалованьемъ—сначала по 400, а потомъ по 900 р. въ годъ.⁴⁾ Въ 1781 г., вскорѣ по введеніи въ дѣйствіе новаго законоположенія, репутація Гогеля, а съ нимъ и Московскаго Опекунскаго Совѣта, въ которомъ онъ былъ главнымъ дѣятелемъ, настолько уже упрочилась, въ мнѣніи Бецкаго, что петербургскимъ опекунамъ предписано было,—въ видѣ упрека отъ Главнаго Попечителя,—не отставать отъ Московскаго дома въ развитіи внутренняго благоустройства порученнаго имъ заведенія. Въ 1785 г. Гогель—какъ мы видѣли—былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для водворенія порядка въ здѣшнемъ домѣ, и въ слѣдующемъ году

¹⁾ Архивъ Моск. Опекун. Сов., послужной списокъ Гогеля. А. П.

²⁾ Арх. Спб. Оп. Сов., дѣло по Канц., по разн. предм., № 987, связка 10.

³⁾ Арх. Моск. Оп. Сов. Письмо Гл. Попечителя отъ 29-го іюля 1785 г.

⁴⁾ Арх. Моск. Оп. Сов. «Историч. свѣдѣнія о Демидовскомъ Комерч. Училищѣ», собранныя В. Подшиваловымъ. А. П.

получилъ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, орденъ Владиміра 4-й степени.

Послѣдствія показали однако, что заслуги Гогеля были сильно преувеличены его ловкими рекламами о самомъ себѣ и что онѣ, во всякомъ случаѣ, не опирались на твердое, всегда вѣрное нравственному принципу, сознание своего общественно-служебнаго долга. Уже въ 1784 г., т. е. когда репутація Гогеля достигла своего апогея, Бецкой имѣлъ, повидимому, кое-какія сомнѣнія на его счетъ и прислушивался не безъ вниманія къ различнымъ толкамъ о московскомъ Обер-Директорѣ, которые комментировали не всегда лестно его управленіе домою и приводили на память французскую поговорку: *pas de fumée sans feu*. Гогелю тогда же приходилось объясняться и жаловаться — по его обыкновению — на клеветниковъ, которые ищутъ помрачить его въ глазахъ Бецкаго, и успѣхъ его объясненій былъ настолько великъ, что успокоенный Бецкой отвѣчалъ ему просьбою: «истребить сію напрасно смущающую мысль и окончить такъ часто повторяемыя въ письмахъ сомнѣнія». Но, кромѣ собственной житейской ловкости Гогеля, репутація его создавалась и поддерживалась людьми, близко стоявшими къ Главному Попечителю: въ нихъ онъ умѣлъ заискать себѣ союзниковъ, настолько ревностныхъ и нелицемѣрныхъ, что одинъ изъ нихъ — графъ де-Саленъ (*de Salins*) — заблаговременно сообщалъ ему о всѣхъ новостяхъ, слухахъ, проискахъ и событіяхъ, волновавшихся вокругъ Бецкаго; а другой — Княжнинъ — полагаясь всецѣло на страдающую невинность Гогеля, довѣрчиво сообщалъ ему даже копии со всѣхъ писемъ, въ которыхъ дѣйствія Обер-Директора изображались Бецкому съ невыгодной или сомнительной стороны. Для привлеченія этихъ сильныхъ союзниковъ, Гогель употреблялъ разныя мѣры, искусно рассчитывая ихъ по личности, съ которой приходилось имѣть дѣло: графу де-Салену, который пріѣхалъ въ Россію съ нескрываемой цѣлью «сдѣлать карьеру», и былъ не совсѣмъ доволенъ недостаткомъ усердія со стороны Бецкаго къ устройству этой карьеры, Гогель давалъ понять, что, въ случаѣ нужды, онъ можетъ найти убѣжище въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, гдѣ ему заготовятъ хорошее мѣсто съ приличнымъ окладомъ жалованья (обѣщаніе это Гогель сдержалъ впоследствии); Княжнину, какъ человѣку, менѣе требовательному, онъ угождалъ разно-

образными мелкими услугами, оказывая, напริมѣръ, нѣкоторыя одолженія его знакомымъ, устраивая его бенефисы на театрѣ Медовса или заботясь о скорѣйшей распродажѣ его сочиненій. Поддавшись вполнѣ этому дружескому игу, довѣрчивый и простодушный Княжнинъ дотога вопель въ интересы Гогеля, что съ явнымъ неудовольствіемъ исполнялъ порученія Бецкаго, когда приходилось писать выговоры и замѣчанія въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, и заранѣе отговаривался передъ своимъ другомъ, что дѣлаетъ это противъ себя, повинуваясь только секретарской обязанности, которая, на этотъ разъ, угнетаетъ его до глубины души. Иногда, въ этихъ дружескихъ предупрежденіяхъ, Княжнинъ даже совершенно отказывался оправдывать или извинять своего гнѣвнаго начальника; иногда же указывалъ, какъ на смягчающую причину, на то обстоятельство, что Бецкой, встрѣчая часто на своемъ вѣку «людей злыхъ, не дорожившихъ никакою святынею» и готовыхъ пойти на всякія средства, чтобы добиться его благорасположенія (*pour gagner sa faveur*), могъ естественно ожесточиться, сдѣлаться подозрительнымъ, и что онъ, вслѣдствіе этого, «чувствуя какъ бы удовольствіе въ своемъ гнѣвѣ (?), часто придумываетъ поводы, чтобы излить на кого-нибудь свою желчь». Несмотря однако на заступничество Княжнина, Бецкой, въ концѣ осьмидесятихъ годовъ, нашель уже достаточные поводы — учредить строгій надзоръ за дѣятельностью Гогеля, и съ этою цѣлью послалъ ему въ помощники Алексѣя Ивановича Дурновъ, который, въ свою очередь, ни мало не скрывалъ, что явился въ Москву «для поправленія испорченнаго», т. е. для лучшаго исполненія уставовъ и поддержанія кредитовъ Дома.¹⁾ Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, а именно 11-го апрѣля 1795 г., графъ Христофоръ Минихъ уволилъ Гогеля отъ главнаго надзирательства по Дому. Затѣмъ, найдя «равномѣрные неустройства и упущенія» по управленію казнами, отдалъ и ихъ въ завѣдываніе другому опекуну.²⁾ Гогель сопротивлялся; не сдавалъ своихъ должностей и, называя «незаконнымъ поступкомъ» распоряженіе гр. Миниха, угрожалъ принести жалобу ея императорскому величеству, что и исполнилъ въ скоромъ времени.

¹⁾ Арх. Моск. Оп. Сов. Перениска Совѣта съ кн. А. М. Голицынымъ. Представленіе Совѣта отъ 5-го декабря 1789 г. А. П.

²⁾ Журналы Моск. Опекун. Совѣта 11 и 30-го апрѣля 1795 г. А. П.

Съ своей стороны, и Минихъ, въ предложеніи Московскому Опекунскому Совѣту, отъ 11-го мая 1795 г., отозвался, что «находить Гогеля недостойнымъ носить званіе не только, по упорству его, Обер-Директора, но ниже опекуна, а оставляетъ его вовсе не отрѣшеннымъ для того только, пока обо всѣхъ его таковыхъ поступкахъ, равно какъ и о неповиновеніи начальству, на донесеніе ея императорскому величеству получить высочайшее предписаніе». Далѣе Минихъ предлагалъ Опекунскому Совѣту: «никакихъ бумагъ въ подписанію Гогеля не посылать и не давать, въ присутствіе Совѣта не допускать и никакихъ бумагъ отъ лица его не принимать до резолюціи о немъ ея императорскаго величества». Для разрѣшенія возникшихъ недоразумѣній и для изслѣдованія, на мѣстѣ, справедливости жалобъ Миниха и оправданій Гогеля, императрица повелѣла заняться этимъ дѣломъ Московскому Главнокомандующему, дѣйствительному тайному совѣтнику Измайлову, Почетному Благотворителю Воспитательнаго Дома обер-камергеру кн. Голицыну и Почетному же Благотворителю, генералу, графу Мусину-Пушкину, которые, съ этою цѣлью, пріѣзжали нѣсколько разъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, причемъ «высылали вонъ опекуновъ и траетовали по дѣламъ Гогеля, призывая опекуновъ для объясненій». ¹⁾ Результатомъ ихъ занятій былъ особый докладъ, который разсматривался 12-го іюля 1795 г., по предложенію Генерал-Прокурора, въ Совѣтѣ Императрицы. ²⁾ По выслушаніи доклада, вмѣстѣ съ подавшими къ нему поводъ прошеніемъ Гогеля и объяснительною запискою гр. Миниха, Совѣтъ нашелъ, что «по Московскому Воспитательному Дому оказываются со стороны статскаго совѣтника Гогеля большіе непорядки да отъ присутствующихъ же въ Опекунскомъ Совѣтѣ небреженіе въ превращеніи таковыхъ непорядковъ» и постановилъ: «для дальнѣйшаго и точнѣйшаго изслѣдованія о всѣхъ злоупотребленіяхъ и неурядкахъ по Московскому Воспитательному Дому», учредить тамъ специальную комисію изъ лицъ, назначенныхъ самою государынею, и снабдить эту комисію «наставленіемъ», сообразно указаніямъ, изложеннымъ въ запискѣ Московскаго Главно-

¹⁾ Журн. Моск. Оп. Сов. 11, 13 и 19-го іюня 1795 г., а также дѣла особой Комисіи.

²⁾ «Архивъ Государств. Совѣта», изд. 1869 г. Слб., томъ I. А. II.

командующаго, который присутствовалъ, по приглашенію императрицы, въ этомъ засѣданіи Совѣта. Уволенный отъ занимаемыхъ имъ должностей, — съ оставленіемъ однако-жъ въ званіи опекуна, до окончательнаго разслѣдованія дѣла, — Гогель приглашенъ былъ оставить казенную квартиру въ Воспитательномъ Домѣ; но, не любя отступать безъ бою, завелъ новую тяжбу съ Опекунскимъ Совѣтомъ и тѣмъ вызвалъ вмѣшательство Московскаго Главномандующаго, который принужденъ былъ взять съ него обѣщаніе — переѣхать не долѣе, какъ въ двѣ недѣли. Но, несмотря на данное слово, Гогель счумѣлъ какъ-то оттянуть эти двѣ недѣли съ 18-го сентября 1795 до 26-го марта 1796 г., когда Измайловъ вновь подтвердилъ ему о выѣздѣ — и, вѣроятно, уже настолько рѣшительно, что, на другой же день, отставной Обер-Директоръ сталъ дѣйствительно перебираться въ свой собственный домъ, на Новой Басманной, противъ церкви Петра и Павла, прося, съ тѣмъ вмѣстѣ, Опекунскій Совѣтъ освободить этотъ домъ, въ силу привилегій Воспитательнаго Дома, отъ всѣхъ полицейскихъ повинностей, и прислать ему туда, на 1796 годъ, 50 сажень дровъ и 10 пуд. свѣчей, которые отпускались ежегодно каждому опекуну по распоряженію гр. Миниха.¹⁾ Наконецъ, 2-го января 1797 г., новый Главный Попечитель Я. Е. Сиверсъ (впослѣдствіи графъ) отрѣшилъ Гогеля и отъ опекунскаго званія, которое онъ, такъ счастливо для себя, отстаивалъ при Минихѣ, несмотря на то, что въ постановленіи Совѣта императрицы было прямо сказано, что его, вмѣстѣ съ другими московскими опекунами, «надлежитъ смѣнить другими надежными особами». Вслѣдъ за Гогелемъ (24-го апрѣля того же года) отрѣшены были отъ своего званія и два другіе опекуна (Ладыженскій и Арсеньевъ), признанные Сиверсомъ виновными въ обнаружившихся беспорядкахъ; третій же опекунъ (Боголюбовъ), хотя также уволенъ былъ изъ совѣта, но съ половиннымъ жалованьемъ — «изъ уваженія его слѣпоты и прежней службы». Беспорядки, которые повели къ этому официальному разгрому всего Московскаго Опекунскаго Совѣта, имѣли весьма серьезное значеніе и, по мнѣнію Сиверса, начались около десяти лѣтъ на-

¹⁾ Впослѣдствіи Сиверсъ признавалъ «незаконнымъ» это распоряженіе гр. Миниха.

заявъ, во время продолжительной болѣзни И. И. Бецкаго, который, будучи уже тревожимъ слухами объ этихъ беспорядкахъ, командировалъ въ Москву А. И. Дурновъ «для поправленія испорченнаго». Изъ предложенія Сиверса Московскому Опекунскому Совѣту, отъ 24-го апрѣля 1796 г., видно, что «невѣроятной оплошностью» сумма просроченныхъ капиталовъ и процентовъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ возвысилась до громадной суммы, въ 3.584,000 р., что проценты, не внесенные въ срокъ, приписывались къ капиталамъ и на нихъ выдавались новыя закладныя, что денежные выдачи ассигновывались заемщикамъ «безъ всякаго законнаго основанія и безъ настоящихъ залоговъ», вслѣдствіе чего оказывалось невозможнымъ возвратить капиталъ продажей заложеннаго имущества и оставалось только— номинально увеличивать цифру долга безъ надежды когда-нибудь получить его. Билетовъ Сохранной Казны выпущено было, вмѣсто денегъ, до милліона рублей,—«къ вящему подрыву кредита», такъ какъ при учетѣ билеты теряли отъ 20—25%; векселей за проданныя въ долгъ карты нашлось на 34,600 р., а изъ нихъ— надежныхъ ко взысканію только на 2,600 р.; основныя капиталы Воспитательнаго Дома истрачены были на бесполезныя и дорогія постройки (въ родѣ, напримѣръ, лабазовъ, на которые было издержано до 126,000); аптека же находилась «въ непристойномъ, сыромъ и дурномъ помѣщеніи». Изъ этой аптеки опекуны употребили въ 10 лѣтъ, на себя и на своихъ домашнихъ, болѣе чѣмъ на 1,800 р. лекарствъ и — что было всего «безстыднѣе», по выраженію Сиверса, — почти на 800 р. сельтерской воды, которую потреблялъ почти одинъ Гогель, ссылаясь на свою каменную болѣзнь. При этомъ Сиверсъ замѣчалъ, что «опекуны брали фунтами такія лекарства, которыя должно золотниками употреблять, а брали ихъ, какъ видно, для всѣхъ своихъ знакомыхъ. «Сверхъ же всего — писалъ Сиверсъ — обременяетъ ихъ вину безчеловѣчная безпечность о содержаніи и воспитаніи несчастно-рожденныхъ приносныхъ дѣтей, коихъ страданію и гибели, и смерти предавали. Сіе другаго доказательства не требуетъ, какъ только сказать, что изъ 40,600 такихъ несчастныхъ, (принесенныхъ съ основанія Дома) по конецъ прошлаго 1796 года, состояло (въ живыхъ) 3,267, да на волю отпущенныхъ съ нас-

портами 1,230, у мастеровъ находящихся 224 — итого состоитъ 4,721 человекъ».

Въ представленіи своемъ, отъ 29-го мая 1797 г., въ особую учрежденную комисію, называвшуюся различно: то «комисіей для разсмотрѣнія и поправленія дѣлъ Московскаго и С.-Петербургскаго Воспитательныхъ Домовъ», то «комисіей для изслѣдованія и разсмотрѣнія происшествій по Воспитательнымъ Домамъ въ обѣихъ столицахъ», — Сиверсъ дополнялъ эту печальную картину новыми, не менѣе выразительными штрихами. Отсюда мы узнаемъ, что въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ въ 1794 г. издержано было дровъ на 37,725 р., а въ 1796 г., при равныхъ цѣнахъ, — только на 18,886 р.; что Гогель, «не довольствуясь тѣми покоями, кои онъ построенными нашель, построилъ себѣ (конечно, не на свой счетъ) обширный, со службами, деревянный домъ, съ издержкою болѣе 10-ти т. р.»; что онъ же истрачивалъ въ годъ по 50-ти пудовъ свѣчей (въ одномъ году даже 67½ пудовъ), хотя ему, по положенію гр. Миниха, слѣдовало получать только по 10-ти пудовъ на годъ. Въ заключеніе Сиверсъ писалъ, что долгъ театральнаго арендатора Медокса Воспитательному Дому возросъ до 200,000 р., — а такое упущеніе, по мнѣнію Сиверса, «столь незаконно и подозрительно сдѣланное, не могло быть безъ корыстолюбія». На всѣ эти вѣскія улики Гогель пробовалъ писать объясненія изворотливаго свойства, съ примѣсю напусенной чувствительности. Такъ напримѣръ, въ отвѣтъ на указаніе Сиверса «о болѣзни и немощахъ Главнаго Попечителя», довѣріемъ котораго злоупотребляли московскіе опекуны, Гогель пишетъ: «не принадлежало мнѣ разсуждать о способностяхъ моего начальника, который тогда всю довѣренность своего государя имѣлъ!» «Выдача суммъ — по словамъ Гогеля — всегда производилась на основаніи законовъ и учреждений.... расходъ денегъ на дрова, конечно, великъ, но по той причинѣ, что цѣны противъ прежнихъ годовъ гораздо возвысились». (Сиверсъ утверждалъ наоборотъ, что цѣны оставались прежнія). Сельтерской воды на 800 р. онъ выпилъ, точно, одинъ, въ теченіи 10-ти лѣтъ, но и то — «по предписанію врачей, въ разсужденіи каменной болѣзни, а не изъ тщеславія (?) или лакомства». На самое крупное обвиненіе — въ погибели дѣтей — онъ отвѣчалъ съ большою развязностью: «Упреки сей статьи суть весьма обидны.

Совѣсть моя спокойна и свободна отъ всякаго угрызенія. Покорнѣйше прошу, чтобъ изволили сдѣлать выписку умершихъ дѣтей до 1780 г.,—время до моего управленія сего Дома,—вторую до 1795 г., съ котораго я болѣе не участвовалъ въ распоряженіи онаго, наконецъ третью, отъ сего времени до 1797 г. Слича оныя, ясно усмотрѣно будетъ: заслуживаю-ли я несправедливыя обвиненія сей статьи». Отрѣшеніе свое отъ должности Гогель продолжалъ признавать «незаконнымъ», до тѣхъ поръ — писалъ онъ—пока высочайше-учрежденная комисія не опредѣлитъ, и не будетъ мнѣ ясно доказано, почему и за какія преступленія я мѣста своего долженъ быть лишень; но жалованье и прочее, принадлежащее въ мѣсту моему по законамъ, должно мнѣ производиться до окончанія дѣла, и потому уповаю на правосудіе и великодушіе его высокопревосходительства“ (т. е. Сиверса). Въ концѣ своего объясненія, завидуя судьбѣ Боголюбова, пощажennaго Сиверсомъ, Гогель восклицалъ: «Хотя я не былъ консуломъ въ Персіи или на берегахъ Каспійскаго моря, не былъ употребленъ въ письменныхъ дѣлахъ по иностранной колегіи (намекъ на Боголюбова), но могу доказать, что я всегда служилъ своему государю и отечеству съ пользою и отличіемъ! Я переселилъ въ Россію болѣе 3,000 иностранныхъ семействъ, что составляетъ до 10,000 чело-вѣкъ, которые размножились и населили частицу государства.... Что касается до немощи и дряхлости, скажу, что мое здоровье въ худшемъ состояніи, нежели его. Я пожертвовалъ имъ во время 18-ти-лѣтняго моего правдиваго (?), полезнаго и безпорочнаго правленія сего Дома, стражду каменною болѣзнью, грозимъ (т. е. угрожаемъ) страшною и мучительною подагрой». Далѣе говорилось о томъ, что, въ награду столь долговременной и безпорочной службы, онъ, «семейственный отецъ, обремененный 7-ю чадами», обезщетень, остается безъ пособія, безъ имущества и, въ короткомъ времени, впадетъ въ нищету. «Милостивымъ уравненіемъ меня хоть съ г. Боголюбовымъ—заклучалъ онъ, въ минорномъ уже тонѣ, свое объясненіе — искупленъ былъ бы я отъ неминуемой гибели, угрожающей меня и семейство мое». Но ни мажорный, ни минорный тонъ всѣхъ этихъ объясненій и просьбъ не подѣйствовалъ на суроваго Сиверса, и Гогель оставался отрѣшеннымъ, какъ прежде, покуда наконецъ не спизогло

къ нему великодушное прощеніе императрицы Маріи Феодоровны.

Замѣчательно, что неправильная выдача Ларинскаго капитала, изъ здѣшней Сохранной Казны, по подложнымъ бланковымъ надписямъ, произошла именно въ тотъ короткій срокъ (въ 1785 г.), когда Гейнрихъ Гогель управлялъ С.-Петербургскимъ Воспитательнымъ Домомъ на правахъ Обер-Директора....

Третьимъ Обер-Директоромъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома былъ Егоръ Андреевичъ Киршбаумъ. Онъ служилъ прежде по русскимъ дѣламъ въ Константинополь, гдѣ пробылъ съ апрѣля 1780 до мая 1783 года, исполняя высочайшее порученіе—«сдѣлать счетъ по разнымъ статьямъ о приходѣ и расходѣ денегъ у министра, статскаго совѣтника Стахіева, и казенныхъ товаровъ, высланныхъ туда на продажу».¹⁾ При этомъ Киршбаумъ принялъ отъ Стахіева всѣ наличныя суммы въ полное свое вѣдомство, а также получалъ отъ Порты слѣдующія по разнымъ срокамъ деньги, переводя ихъ въ Амстердамъ. Но награды за это порученіе Киршбаумъ, почему-то, не удостоился и, считая себя обиженнымъ, подавалъ объ этомъ просьбу императрицѣ Екатеринѣ II, въ августѣ 1786 года. Къ его просьбѣ Бецкой присоединилъ и свое ходатайство, и въ письмѣ къ князю Вяземскому говорилъ, что Киршбаумъ, живя въ Константинополь, — «сверхъ множества трудовъ, подвергалъ жизнь свою опасности, терпя утѣснительныя нужды». Въ чемъ состояли эти нужды и получили-ли за нихъ Киршбаумъ просимое вознагражденіе?—изъ дѣла не видно. Затѣмъ Киршбаумъ состоялъ подъ начальствомъ князя Вяземскаго въ Экспедиціи о государственныхъ доходахъ и получилъ тамъ чинъ коллежскаго совѣтника. Съ этого мѣста онъ подалъ Бецкому просьбу объ опредѣленіи его въ Воспитательный Домъ (29-го марта 1785 г.) и въ ней говорилъ, между прочимъ: «буду всегда полагать свое удовольствіе и свое счастье, чтобы всѣми силами, всею ревностью и всѣмъ моимъ усердіемъ соответствовать вашимъ (Бецкаго) благотворительнымъ и богоугоднымъ намѣреніямъ». Вслѣдствіе этого Бецкой писалъ князю Вяземскому объ отчисленіи Киршбаума отъ прежней должности, а Вяземскій

¹⁾ Арх. Спб. Онек. Сов. Дѣло по Канцеляріи, по разнымъ предметамъ, № 956
связка 10. А. П.

докладывалъ о томъ императрицѣ, которая изъявила свое согласіе, назначивъ Киршбауму на новомъ мѣстѣ тоже самое жалованье, какое получалъ онъ, служа въ Экспедиціи государственныхъ доходовъ, т. е. 1,500 руб. въ годъ. 8-го апрѣля 1785 года, Бецкой однимъ и тѣмъ же письмомъ извѣстилъ С.-Петербургскій Опекунскій Совѣтъ о наименованіи князя Вяземскаго преемникомъ Главнаго Попечителя и объ опредѣленіи Киршбаума за-Обер-Директоромъ здѣшняго Воспитательнаго Дома».¹) Года три Киршбаумъ завѣдовалъ мирно своимъ дѣломъ, въ полномъ согласіи съ опекунами и Главнымъ Попечителемъ и, въ теченіи этого времени, былъ переименованъ изъ исправляющаго должность въ дѣйствительнаго Обер-Директора Воспитательнаго Дома. Далѣе начались недоразумѣнія, столкновенія и, наконецъ, прямыя жалобы на Киршбаума, какъ со стороны другіхъ членовъ Опекунскаго Совѣта, такъ и отъ Первой Надзирательницы Дома. Два опекуна жаловались на то, что Обер-Директоръ, пользуясь содѣйствіемъ «преданнаго ему» опекуна Ловцова, присвоилъ себѣ de facto неограниченную власть, и небрежнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей вредилъ интересамъ Дома. Первая Надзирательница указывала словесно и письменно на дурное воспитаніе и даже на недостатки въ прокормленіи дѣтей, отчего смертность въ Домѣ развивалась въ огромныхъ размѣрахъ. Бецкой призывалъ Обер-Директора къ себѣ, но и его увѣщанія «ни во что не ставились». Тогда онъ—по собственному своему выраженію—«рѣшилъ избавить Воспитательный Домъ» отъ Киршбаума и его сторонника, Ловцова. Но, принявъ такое рѣшеніе, Главный Попечитель желалъ, однако, соблюсти извѣстный декорумъ и, не отрѣшая прямо Киршбаума отъ должности, предложеніемъ своимъ отъ 4-го іюня 1790 г. уволилъ его отъ службы «въ разсужденіи слабости его здоровья» съ пенсіономъ, который должны были назначить опекуны соразмѣрно заслугамъ увольняемаго. Черезъ три дня такое же предложеніе послѣдовало и относительно опекуна Ловцова. Но Киршбаумъ заупрямился и, пользуясь, какъ видно, сильными протекціями, вступилъ въ открытую борьбу съ Главнымъ Попечителемъ. На предложеніе Бецкаго, объявленное ему отъ Совѣта, онъ отвѣчалъ рѣзко: «я нынѣшнее мѣсто оставить не долженъ (иначе)

¹) Дѣло по Канц. Сиб. Опекун. Сов., о служившихъ, № 42, связка 1.

какъ по точной волѣ ея величества, когда угодно ей препоручить мнѣ другую должность, ибо, пользуясь совершеннымъ здоровьемемъ, намѣренъ я продолжать службу, не требуя теперь пенсіона, а надѣюсь получить отъ благосердія нашей монархини тогда, когда о томъ просить буду». Затѣмъ, считая предписаніе Бецкаго «несогласнымъ съ общими узаконеніями, не только съ привилегіями, данными опекунамъ», Киршбаумъ продолжалъ, вмѣстѣ съ Ловцовымъ, ходить въ Воспитательный Домъ и въ Сохранную Казну по праву начальника, — чѣмъ вызвалъ новое распоряженіе Главнаго Попечителя, чтобы «никто изъ подчиненныхъ ни въ чемъ не повиновался двумъ уволеннымъ опекунамъ» и чтобы «строго подтверждено было швейцару Дома и при ломбардѣ находящимся сержантамъ — не впускать ихъ». На эту мѣру Киршбаумъ отвѣтилъ еще рѣшительнѣе, а именно, придя въ должность, забралъ и унесъ съ собою всѣ ключи какъ отъ кладовыхъ, гдѣ хранились заложеныя вещи, такъ и отъ казначейскаго сундува Воспитательнаго Дома, вслѣдствіе чего Бецкой приказалъ — «дабы не остановить удовольствованія публики, призвавъ слесаря, тотъ сундукъ открыть и послѣ, починя, придѣлать новый ключъ, который и долженъ быть впредь хранимъ въ Совѣтѣ». Изъ квартиры своей въ Домѣ Киршбаумъ тоже не выѣзжалъ, такъ что Бецкой, обыкновенно вспыльчивый, но сдѣлавшійся еще раздражительнѣе отъ недуговъ старости, уже распорядился было дать ордеръ севунд-маіору Луницу — «выставить окна и взломать полы и печи» въ квартирѣ непослушнаго Обер-Директора. Но окна и печи остались, кажется, цѣлы, ибо въ то самое время ссорѣ этой данъ былъ совершенно новый и неожиданный оборотъ.

Киршбаумъ и Ловцовъ, не теряя времени, обратились со всеподданнѣйшей жалобой на отрѣшеніе ихъ отъ должностей подъ предлогомъ увольненія; съ ними же вмѣстѣ подалъ «представленіе» императрицѣ и третій опекунъ, Петръ Ильинъ, который сначала колебался, чью сторону взять въ возникшей распрѣ и письменно излагалъ Бецкому свои сомнѣнія, отказываясь при этомъ отъ личнаго свиданія «по причинѣ неожиданной слабости желудка». Представленіе Ильина не приложено къ дѣлу, но можно думать, что оно было составлено въ томъ же самомъ смыслѣ и тонѣ, какъ и письмо его къ Бецкому, въ которомъ слабый ха-

ракторомъ и здоровьемъ опекунъ, не вступаясь прямо за нравственныя качества своихъ уволенныхъ сослуживцевъ, указывалъ на несоблюденіе Бецкимъ формальностей, предписанныхъ уставомъ. Опекунъ Крюковскій и контролеръ Исуповъ не подали никакого особаго мнѣнія и, слѣдовательно, согласились безмолвно съ распоряженіемъ Главнаго Попечителя. (Объ опекунахъ Ловцовъ и Ильинъ, см. въ Приложеніи въ 3-й главѣ).

Императрица Екатерина не пожелала показаться пристрастной ни въ ту, ни въ другую сторону, и жалобы опекуновъ внесены были на разсмотрѣніе ея Совѣта, 19-го іюня 1790 г. Совѣтъ нашель, что «онныя жалобы требуютъ обстоятельнаго разсмотрѣнія и изслѣдованія, равно какъ и соображенія съ тѣми преимуществами и установленіями, кои Воспитательному Дому особо присвоены, и что для сего-де и нужно составить генеральное собраніе изъ находящихся здѣсь (въ С.-Петербургѣ) Почетныхъ Благотворителей и Опекуновъ, которые, притомъ, принявъ въ уваженіе настоящую болѣзнь Главнаго Попечителя и преемника его (кн. Вяземскаго) и внигнувъ въ прочія обстоятельства Воспитательнаго Дома, могли бъ сдѣлать и поднести на высочайшую ея императорскаго величества апробацію положеніе свое какъ по оннымъ жалобамъ, такъ и вообще касательно распоряженій въ надежнѣйшему соблюденію всѣхъ высочайше утвержденныхъ для Воспитательнаго Дома установленій и въ отвращенію всякой разстройки, могущей вредить дѣлаемой симъ заведеніемъ общественной пользѣ, произвестъ недоувѣріе публики и послужить въ убытокъ казнѣ и частнымъ людямъ». Въ то же время Совѣтъ императрицы постановилъ, въ ожиданіи резолюціи генеральнаго собранія, оставить уволенныхъ опекуновъ на своихъ мѣстахъ. 3-го іюля того же года данъ былъ указъ о созваніи генеральнаго собранія, и въ немъ снова повторено указаніе на «продолжающіяся болѣзни Главнаго Попечителя», который, однако-жь, считалъ себя совершенно здоровымъ. Такимъ образомъ, Бецкому пришлось самому стать въ положеніе гонимаго опекуна и—на этотъ разъ уже несовсѣмъ справедливо—свидѣтельствовать о своемъ полномъ здоровьѣ и отрицать, въ письмѣ къ императрицѣ, увѣренія враговъ, которые «клеветуютъ его болѣзнями, полагаясь на преклонность дней его и забывая честь и совѣсть». Въ собраніи Почетныхъ Благотворителей мнѣнія раз-

дѣлились, и большинство (пять человекъ съ гр. Иваномъ Чернышевымъ во главѣ) признало законнымъ «поступокъ» Главнаго Попечителя, осуждая жалобы опекуновъ; меньшинство же, въ заявленіи, подписанномъ гр. Брюсомъ и еще тремя Почетными Благотворителями, оправдывало принесенныя жалобы, — и съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ согласился Совѣтъ императрицы, 16-го сентября 1797 г., «находя оное сходнымъ какъ съ существомъ дѣла, такъ съ уставомъ Воспитательнаго Дома и законами, и съ самою справедливостію». Какъ бы то ни было, но сама императрица, не взирая на постановленіе Совѣта, признала вполнѣ неудобнымъ — оставлять однажды изгнанныхъ опекуновъ при Воспитательномъ Домѣ, вопреки желанію главнаго начальника, и перевела ихъ обоихъ на службу въ вѣдомство своего кабинета. 25-го октября 1790 года Киршбаумъ, въ послѣдній разъ, присутствовалъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ, а на слѣдующій день въ должность его вступилъ новый Ober-Директоръ, назначенный Бецкимъ еще 7-го іюня 1790 г. при первомъ увольненіи опекуновъ, но не утвержденный, за смутами, въ этомъ званіи.¹⁾

4. Василій Ивановичъ Крюковскій, замѣнившій Киршбаума, подалъ просьбу объ опредѣленіи своемъ въ контролеры въ мартѣ 1782 года. Въ іюль того же года произведена была балотировка въ обоихъ Совѣтахъ, и онъ былъ забалотированъ; но Бецкой, подъ формальнымъ предлогомъ, кассировалъ эти выборы и приказалъ произвести новыя, имѣя, кажется, сильную увѣренность въ томъ, что балотируемый контролеръ будетъ полезнымъ дѣятелемъ по Воспитательному Дому. На перебалотировкѣ, въ присутствіи Главнаго Попечителя, Крюковскій былъ выбранъ, благодаря тому, что къ избирательнымъ шарамъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта Бецкой присоединилъ, повидимому, свои два голоса. 10-го сентября 1782 г. Крюковскій вступилъ въ контролеры здѣшняго Совѣта, а 11-го декабря 1783 года, вслѣдъ за увольненіемъ опекуна Голохвастова, онъ былъ назначенъ на его мѣсто съ сохраненіемъ на время, до присканія новаго контролера, своихъ прежнихъ обязанностей и квартиры при Домѣ. Награжденный крестомъ св. Владиміра въ 1784 г. и чи-

¹⁾ Дѣло по Канц. Спб. Опек. Сов., о служившихъ, № 46, а также «Архивъ Государств. Совѣта», томъ I, изд. 1869 г.

номъ статскаго совѣтника въ 1793 г., Крюковскій всегда аттестовался по службѣ дѣятельнымъ и способнымъ человѣкомъ.¹⁾ Во время его начальствованія, въ Домѣ и казнахъ, не обнаруживалось никакого злоупотребленія; касательно же сохраненія жизни питомцевъ, 1792-й годъ выдается, какъ весьма счастливый, въ особенности по сравненію, напримѣръ, съ 1789-мъ годомъ (т. е. годомъ управленія Киршбаума), когда смерть, истребивъ во всѣхъ младенцевъ, какъ принесенныхъ, такъ и родившихся въ Домѣ, прихватила нѣсколько жертвъ и изъ стараго запаса. Обер-Директоромъ онъ пребылъ по 16-е марта 1794 года,²⁾ но опекуномъ оставался и долѣе, до преобразованія Опекунскаго Совѣта въ 1797 году.

Со введеніемъ въ Опекунскій Совѣтъ новыхъ, «почетныхъ» членовъ, Крюковскій, въ числѣ немногихъ лицъ, былъ удержанъ на службѣ императрицею Маріею Теодоровною и переименованъ въ Обер-Секретари. Жалованье ему назначено было такое же, какое онъ получалъ въ должности Обер-Директора (1,800 р. въ годъ), а съ 1798 г. онъ сталъ пользоваться и квартирою при Домѣ.

Въ 1814 г. Крюковскій, по высочайшему повелѣнію, былъ перемѣщенъ въ Почетные члены С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта.

5. Иванъ Григорьевичъ Сумбатовъ, сынъ «самовластнаго владѣльца» Малой Арменіи, вступилъ въ русскую службу въ 1753 г., въ кирасирскій полкъ вахмистромъ, и въ 1772 г. дослужился до чина секунд-маіора. Въ это время онъ участвовалъ въ разныхъ походахъ противъ непріятели, причемъ въ одномъ сраженіи былъ раненъ въ ногу, и исполнялъ «съ отличностію» какія-то секретныя порученія военнаго начальства. Въ 1776 г. онъ перешелъ въ статскую службу, въ Главную соляную контору, съ переименованіемъ въ коллежскіе асесоры. Отсюда, въ 1784 г., онъ былъ переведенъ въ 5-й департаментъ Правительствующаго Сената эзекуторомъ и, въ этой должности, получилъ въ 1793 г. орденъ и чинъ коллежскаго совѣтника. По увольненіи Крюковскаго, генеральное собраніе Почетныхъ Благотворителей,

¹⁾ Дѣло по Канц. Слб. Опек. Сов., о служившихъ, № 23, связка 1.

²⁾ Дѣла по Канц. Слб. Опек. Сов., по разн. предм., № 934, связка 10 и № 924, связка 9.

отъ 16-го марта 1794 г., предоставило гр. Миниху, исправлявшему тогда должность Главнаго Попечителя, прискаты, въ непродолжительный срокъ, способнаго человѣка на мѣсто Обер-Директора, — и такого человѣка гр. Минихъ рекомендовалъ въ лицѣ Сумбатова, признавъ за нимъ «всѣ качества, которыя долженъ имѣть достойный опекунъ и Обер-Директоръ». 28-го апрѣля того же года генеральное собраніе утвердило выборъ Миниха, и 1-го мая Сумбатовъ былъ уже уволенъ отъ должности сепатскаго эзекутора для опредѣленія его на службу въ Воспитательный домъ. 1-го іюня Опекунскій Совѣтъ, въ журналѣ своемъ, постановилъ уже сдать новому Обер-Директору всѣ относящіяся до него дѣла, но Сумбатовъ отправился еще въ Москву быть можетъ, для обозрѣнія тамошняго Воспитательнаго Дома — а, вернувшись оттуда, заболѣлъ, такъ что могъ вступить въ должность не ранѣе 26-го іюня 1794 г.¹⁾

Сумбатову пришлось управлять Петербургскимъ Воспитательнымъ Домомъ въ то самое время, когда запутанность дѣлъ въ любимыхъ учрежденіяхъ Бецкаго обратила уже на себя вниманіе высшаго правительства и заставила принять энергическія мѣры противъ наиболѣе виновныхъ лицъ. Но послѣдній Обер-Директоръ, не заподозрѣнный самъ въ потворствѣ этимъ беспорядкамъ, былъ оставленъ въ сторонѣ отъ преслѣдованія, и его сохранившаяся репутація дала ему возможность получить мѣсто въ составѣ новаго управленія, учрежденнаго для Воспитательныхъ Домовъ императрицею Маріею Феодоровною. Должность Обер-Директора была упразднена, т. е., лучше сказать, она распалась на свои составныя части (главное надзирательство по Дому и присмотръ за казнами), какъ это случилось въ Москвѣ еще при графѣ Минихѣ, и Сумбатовъ, вслѣдъ затѣмъ, былъ назначенъ, въ концѣ 1797 года, директоромъ Сохранной казны, съ сохраненіемъ получаемаго оклада жалованья. 8-го іюня 1800 г. Сумбатовъ былъ уволенъ отъ службы въ чинѣ дѣйств. ст. совѣтника и съ пенсіономъ въ 1,800 р.

Размѣръ жалованья, назначавшагося опекунамъ, измѣнялся нѣсколько разъ въ періодъ управленія Бецкаго. Сначала опекунамъ было опредѣлено по 1,000 руб. въ годъ, но съ учрежденіемъ

¹⁾ Дѣло по Канц. Сиб. Опек. Сов., о служившихъ, № 61, связка 1.

С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта здѣшніе опекуны стали получать по 1200 р. Въ 1780 г. Обер-директорамъ назначено было по 1,200 р., но жалованье опекуновъ убавлено до 900 р. Впрочемъ, и этотъ уменьшенный окладъ держался недолго: въ 1785 г. Обер-директоръ получалъ уже 1,500 р. при казенной квартирѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, а опекуны—по 1,200 р. въ годъ. Затѣмъ 25-го октября 1789 г. Бецкой еще разъ высилъ это жалованье, назначивъ Обер-Директору 1,800, а опекунамъ по 1,500 руб.¹⁾ Въ тожѣ время контролеры,—которымъ первоначально назначено было по 600 р. и затѣмъ прибавлено по 200 р.,—начали получать уже 950 р. въ годъ.

Съ учрежденіемъ въ 1780 г. должности Первой Надзирательницы надъ частными, на это мѣсто въ С.-Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ была опредѣлена Сарра Томасовна Каксъ. Она пробыла недолго и 15-го декабря 1781 г. была уволена по желанію, а мѣсто ея заняла Аграфена Ѳедцова. Въ августѣ 1784 года мы встрѣчаемъ въ этой должности г-жу Экардтъ, служившую прежде въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ; затѣмъ идутъ послѣдовательно: Марія Бергъ (съ 5-го іюня 1785 г.); Доротея фон-Шмидтъ, бывшая прежде кастеляншею у принца Виртембергскаго²⁾ и у графа Александра Сергѣевича Строгонова; Анна Шлефохтъ и Катерина Зильберармъ (съ 24-го іюня 1788 г.). Жалованье Первыхъ Надзирательницъ было сначала сравнено съ контролерскимъ (600 р.); но, возвышаясь постепенно, оно достигло уже въ 1792 г. до тысячи рублей въ годъ, вмѣстѣ съ экипажными деньгами, при казенной квартирѣ.

Катерина Григорьевна Зильберармъ, жена секунд-маіора, именовавшаяся въ 1790-хъ годахъ Главною Надзирательницею, сохранила свое мѣсто при императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, и 1-го іюня 1807 г. уволена съ полнымъ окладомъ жалованья въ 1,300 р., изъ котораго 300 руб. она получала въ видѣ «личной прибавки» за усердную службу.³⁾

¹⁾ По распоряженію гр. Миниха отъ 1-го іюня 1794 г. опекуны стали получать, ежегодно, каждый по 50 саж. дровъ и по 10-ти пудовъ свѣчей. (Дѣло по Канц. Спб. Оп. Сов., № 1,035, св. 11). Контролеры же всегда пользовались отопленіемъ и освѣщеніемъ при казенной квартирѣ.

²⁾ Арх. Спб. Олек. Сов. Дѣла по Спб. Сиротск. Институту, о служившихъ, № 76, связка 1 и № 45.

³⁾ Архивъ Спб. Николаевск. Сиротск. Института: «Дѣло объ опредѣленіи Зильберармъ», № 3. А. П.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ III-й ГЛАВѢ.

Списокъ опекуновъ и за-опекуновъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта въ царствованіе императрицы Екаторины II.¹⁾

1) Иванъ Ивановичъ Панфиловъ, ея императорскаго величества духовникъ, московскаго Благовѣщенскаго собора протопресвитеръ. Вступилъ въ попечители въ апрѣлѣ 1771 г., переименованъ въ за-опекуны въ январѣ 1772 г. Выбылъ изъ за-опекуновъ въ сентябрѣ 1780 г. Въ 1788 г., 4-го октября, Панфиловъ былъ предложенъ Бецкимъ въ почетныя благотворители; оба опекунскіе совѣта подтвердили выборъ Бецкаго, который и извѣстилъ объ этомъ Панфилова письмомъ отъ 20-го ноября 1788 г.

2) Иванъ Ивановичъ Моллеръ. Вступилъ въ званіе попечителя въ іюнѣ 1771 г., переименованъ въ за-опекуны 6-го января 1772 г. съ назначеніемъ директоромъ С.-Петербургскаго Отдѣленія Воспитательнаго Дома. 16-го сентября 1780 г. Моллеръ занялъ мѣсто оберъ-директора. Съ 1-го декабря 1781 г. исчезаетъ подпись Моллера подъ журналами Опекунскаго Совѣта. Уволенъ отъ должности по письму Бецкаго 12-го февраля 1782 г.

3) Иванъ Михайловичъ Левашовъ, л.-гв. капитанъ-поручикъ Преображенскаго полка. Вступилъ въ званіе за-опекуна въ мартѣ 1772 г., но подпись его подъ журналами появляется только со 2-го апрѣля того же года. Съ 18-го марта 1773 г. подпись Левашова исчезаетъ до 23-го сентября; появившись снова 23-го сентября, исчезаетъ окончательно въ декабрѣ 1773 г. Левашовъ сложилъ съ себя званіе за-опекуна 18-го декабря 1773 г.

4) Андрей Осиповичъ Закревскій, полковникъ, вступилъ въ за-опекуны 26-го ноября 1773 г. (съ 27-го ноября подвывается уже его подпись). Въ сентябрѣ 1780 г. назначенъ опекуномъ. Выбылъ 23-го февраля 1782 г. Въ просьбѣ своей объ увольненіи онъ писалъ, что «хотя по довѣренности Главнаго Попечителя и по своему усердію получилъ довольно обширное понятіе о существѣ должности опекуна, несенномъ имъ безотлучно, о важности сего учрежденія, о дальновидностяхъ отечественныхъ выгодъ»; но, будучи призванъ по довѣрію Бецкаго къ исполненію директорской должности въ Академіи Художествъ, «которая (должность), раздѣляя труды, дѣлаетъ какъ перевѣсъ въ надлежащемъ вниманіи, такъ и переломъ въ здоровьѣ, ослабѣвающимъ и по самому времени лѣтъ»,—проситъ увольненія изъ опекуновъ, дабы, «находясь при одной Академіи, могъ въ одной должности обратитъ все свое вниманіе». Уволенъ со свидѣтельствомъ, въ чинѣ статскаго совѣтника.

5) Степанъ Силчъ Аничковъ, кол. асесоръ, вступилъ въ попечители

¹⁾ При составленіи этого списка мы пользовались свѣдѣніями, найденными въ архивѣ Московскаго Опекунскаго Совѣта, въ бархатной книгѣ № 1; но такъ какъ свѣдѣнія эти оказались весьма неточными и неполными, то намъ пришлось провѣрять и дополнять ихъ: 1) по журналамъ Опекунскаго Совѣта; 2) по спискамъ служащихъ для адресъ-календаря; 3) по сохранившимся формулярнымъ спискамъ или атестатамъ; 4) по разнымъ другимъ дѣламъ, въ которыхъ случайно попадались свѣдѣнія объ этихъ лицахъ, и 5) по книгамъ о выдачѣ жалованья.

11-го ноября 1774 г., въ за-опекуны—въ январѣ 1775 г. Въ 1779 г., 2-го ноября, опредѣленъ опекуномъ; выбылъ 16-го сентября 1780 г. Подпись его подъ журналами появляется въ послѣдній разъ 31-го августа 1780 г.

6) Карлъ Ивановичъ Крокъ, кол. асесоръ, вступилъ въ попечители и въ за-опекуны въ одно время съ Аничевымъ и выбылъ вмѣстѣ съ нимъ, принявъ попечительское званіе.

7) Юрій Матвѣевичъ Фелтенъ, нады. совѣтникъ, архитекторъ, вступилъ въ попечители 21-го ноября 1774 г., а въ за-опекуны опредѣленъ вмѣстѣ съ Аничевымъ и Крокомъ. Ихъ подписи, какъ за-опекуновъ, появляются одновременно съ 31-го января 1775 г. Всѣ эти три лица были предложены въ за-опекуны по случаю отъѣзда Панфилова въ Москву. Съ преобразованиемъ опекунскаго совѣта въ 1780 г., когда всѣ за-опекуны были уволены съ званіемъ попечителей, одинъ только Фелтенъ, завѣдывавшій постройками Воспитательнаго Дома и отѣсною закладываемыхъ домовъ, получилъ право, по письму Бецкаго—«въ томъ званіи за-опекуна, по должности архитектора, будучи приглашаему въ засѣданіе, продолжать свои труды». Въ концѣ 1779 г., по случаю болѣзни директора Моллера, за-опекунъ Фелтенъ, вмѣстѣ съ опекунами Вындомскимъ и Стоксомъ,—«ради безостановочнаго теченія дѣлъ, воспріялъ на себя трудъ присутствовать въ Совѣтѣ и подписывать обще всѣ происходившія по Ссудной и Сохранной казнамъ дѣла». По журналу 9-го августа 1781 г. (№ 474) за-опекунъ Фелтенъ, въ награду его трудовъ, удостоился особеннаго права «не въ примѣръ будущимъ по немъ архитекторамъ, быть въ назначаемыхъ по послѣднему законоположенію генеральныхъ собраній въ числѣ прочихъ членовъ Совѣта». Имя за-опекуна Фелтена (съ чиномъ статскаго совѣтника) упоминается въ послѣдній разъ въ спискѣ для адресъ-календаря на 1794 г.; послѣднее жалованье выдано ему (600 р. въ годъ) за іюль и августъ 1794 г. Въ 1795 г. онъ жалованья не получалъ, и имя его не упоминается въ спискѣ. Фелтенъ былъ также директоромъ въ Академіи Художествъ. (См. «Описаніе столичнаго города С.-Петербурга», ч. 2, стр. 345 и 347). Имъ построены въ Петербургѣ, кромѣ всѣхъ зданій Воспитательнаго Дома, Мѣщанское училище при Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ, Эрмитажъ съ вснѣмъ садомъ, домъ, окружавшіе Дворцовую площадь (гр. Панина, Нарышкина и др.), церковь на Каменномъ островѣ въ готическомъ вкусѣ; онъ же, подъ наблюденіемъ Бецкаго, устранивалъ набережную изъ тесанаго гранита на лѣвомъ берегу Невы и знаменитую въ свое время рѣшетку Лѣтняго сада.

8) Матвѣй Алексѣевичъ Ильинъ, кол. асесоръ, выбалотированный въ за-опекуны въ 1775 г. и подтвержденный въ этомъ званіи балотировкою 28-го іюля 1776 г., приглашенъ къ засѣданію въ С.-Петербургское Отдѣленіе, по принесеніи присяги. Съ 10-го августа 1776 г. онъ началъ подписываться подъ журналами. Въ 1780 г., 16-го сентября, вмѣстѣ съ другими за-опекунами, уволенъ съ званіемъ попечителя. Въ 1777 г. и въ 1779 Ильинъ былъ посланъ для ревизіи въ Московскій Воспитательный Домъ. (См. журналы С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта 1777 г., 3-го марта, № 31, и 1779 г., 3-го іюля, № 289).

9) Иванъ Еремѣевичъ Стокъсъ, кол. асесоръ, вступилъ въ опекуны 29-го января 1779 г. Онъ былъ рекомендованъ Бецкому гр. Н. И. Панинымъ въ письмѣ отъ 22-го января 1779 г. и служилъ прежде въ Иностранной Коллежѣ. (Въ 1773 г. онъ былъ въ Испаніи при полномочныхъ русскихъ министрахъ: кн. П. И. Репнинъ и гр. П. А. Бутурлинъ). Подпись его появляется 16-го марта 1779 г. Того же года, 2-го ноября, Стокъсъ подалъ просьбу объ увольненіи, «на-

ходя себя маломощнымъ объять весь округъ своей должности»; а на мѣсто его опредѣленъ былъ, по письму Бецкаго, упомянутый выше Аничковъ. (Журналъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта 1779 г., 2-го ноября, № 451, а также дѣло по канцеляріи, по разн. предм., № 372, связка 4).

10) Федоръ Федотовичъ Вындомскій, надв. совѣтникъ, избранъ въ опекуны вмѣстѣ съ Стоксомъ; служилъ прежде въ Главной полиціи-мейстерской канцеляріи. По увольненіи оттуда 12-го марта 1779 г., вступилъ въ должность опекуна. Началъ подписываться подъ журналами съ 16-го марта того же года. Подпись Вындомскаго исчезаетъ съ начала октября 1780 г., а 14-го мая 1781 г. онъ скончался.

11) Андрей Ивановичъ Голохвастовъ, бригадиръ, вступилъ по балотировкѣ въ опекуны 16-го сентября 1780 г. Подпись его исчезаетъ съ 6-го сентября 1783 г. 11-го декабря того же года положено уволить его съ аттестатомъ, по просьбѣ его, въ которой говорится, что онъ «обремененъ въ крайнихъ нуждахъ обстоятельствами состоянія его».

12) Василій Гуровичъ Куломзинъ, секундъ-майоръ, вступилъ въ опекуны изъ контролеровъ опекунскаго совѣта, на мѣсто умершаго Вындомскаго, по журналу, подписанному членами обонхъ опекунскихъ совѣтовъ, какъ членовѣкъ, обратившій на себя вниманіе «отлично-добродѣтельными поступками и отличнымъ трудолюбіемъ». (Журн. 1781 г., 25-го іюня, № 414). Онъ пересталъ подписываться съ начала октября 1781 г. Журналомъ того же года отъ 1-го декабря (№ 698) уволенъ по прошенію отъ должности.

13) Петръ Яковлевичъ Ильинъ, надв. совѣтникъ, вступилъ въ опекуны по назначенію Бецкаго, съ согласія Совѣта, 9-го марта 1782 г., и съ 10-го марта началъ подписываться подъ журналами. Просьба объ отставкѣ подана имъ 31-го декабря 1797 г.

14) Алексѣй Евдокимовичъ Евдокимовъ, кол. асесоръ. Онъ началъ свою службу въ началѣ 1752 г., а первый оберъ-офицерскій чинъ получить въ 1765 г. Въ 1778 г. Бецкой произвелъ его въ кол. секретари; въ декабрѣ же 1781 г. сенатъ, по представленію Бецкаго, далъ ему чинъ кол. асесора. Евдокимовъ велъ письменную часть съ самаго основанія С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома, получая по 100 р. въ годъ и, кромѣ того, изъ Конторы придворныхъ строеній 350 р. Въ 1778 г. онъ назначенъ экспедиторомъ въ С.-Петербургское Отдѣленіе Воспитательнаго Дома съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ, но уже пересталъ получать содержаніе изъ Конторы строеній. Съ 23-го августа 1781 г. Евдокимовъ назначенъ контролеромъ Опекунскаго Совѣта, и журналъ, утвержденный по этому предмету Бецкимъ, посланъ «для совмѣстнаго подписанія» въ Москву. Съ 24-го числа Евдокимовъ уже подписывался контролеромъ, не дожидаясь возвращенія журнала изъ Московскаго Опекунскаго совѣта. При увольненіи опекуна Куломзина Евдокимовъ долженъ былъ поступить на его мѣсто; но Бецкой, имѣя въ виду, что Евдокимовъ «недавно вступилъ въ исправленіе своей должности», назначилъ другого. 11-го марта 1782 г. Евдокимовъ опредѣленъ Совѣтомъ на опекунскую вакансію въ званіи за-опекуна, такъ какъ онъ не прослужилъ еще года контролеромъ,⁴⁾ причемъ ему поручено было исправлять и прежнюю должность до назначенія будущаго контро-

⁴⁾ Предписаніе о томъ, чтобы контролеръ прослужилъ непрерывно годъ въ этой должности до очищенія опекунской вакансіи, дано Бецкимъ 26-го ноября 1781 г. (13 копій съ предписаній Главнаго Попечителя).

лера. 10-го сентября того же года онъ былъ переименованъ въ опекуны (Журн. № 644), а меньше, чѣмъ черезъ годъ,—именно 31-го августа 1783 г.,—исчезаетъ его подпись подъ журналами. 30-го декабря 1783 г. онъ былъ окончательно уволенъ изъ опекуновъ по просьбѣ, которую ему приказалъ подать отъ имени Бедкаго оберъ-директоръ Фрезе. Болѣе года Евдокимовъ нигдѣ не могъ найти себѣ мѣста и впалъ въ долги, но 20-го февраля 1785 г. снова былъ принятъ Бецкимъ на службу въ Контору придворныхъ строеній по счетной части, съ жалованьемъ по 450 р. въ годъ, и, по его же ходатайству, награжденъ, 3-го апрѣля 1786 г., чиномъ надв. совѣтника. Въ сентябрѣ 1787 г. Евдокимовъ подалъ просьбу о выдачѣ ему изъ Опекунскаго Совѣта, въ пособіе для уплаты долговъ, годового жалованья. Опекуны и Бедкой согласились на это, но уже въ 1788 г. (См. дѣло по канцеляріи, о служившихъ № 28-й, связка 1, письмо Бедкаго отъ 13-го іюля 1788 г.). Тѣмъ временемъ Евдокимовъ умеръ, и 900 р. пособія получила за него сестра его, Анна Евдокимовна Шляхтина.

15) Федоръ Петровичъ Фрезе, кол. совѣтникъ, вступилъ въ званіе опекуна и въ должность обер-директора 1-го апрѣля 1782 г. Подпись его появляется въ журналахъ съ 4-го числа того же апрѣля мѣсяца. Выбылъ 27-го февраля 1785 г. (Когда именно Фрезе пересталъ подписываться подъ журналами, т. е. принимать фактическое участіе въ засѣданіяхъ Совѣта, мы не можемъ отвѣтить, такъ какъ въ архивѣ С.-Петербургскаго Опекунскаго совѣта не сохранилось журналовъ съ подписями за весь 1784 г. и за первую треть 1785 г. Также не имѣется подписаннаго журнала за первую треть 1792 г.).

16) Василій Ивановичъ Крюковскій, избранъ въ чинъ надв. совѣтника на должность контролера 10-го сентября 1782 г. (Журн. № 654). Подпись его появляется съ 27-го сентября того же года. Въ опекуны вступилъ 11-го декабря 1783 г., вслѣдъ за увольненіемъ опекуна Голохвастова. 25-го октября 1790 г. назначенъ исправлять должность оберъ-директора, на мѣсто Киришаума. 24-го декабря 1797 г. онъ, по высочайшему повелѣнію, переименованъ обер-секретаремъ, а 10-го августа 1814 г. перемѣщенъ въ почетные опекуны.

17) Михаилъ Васильевичъ Неклюдовъ, бригадиръ, вступилъ въ опекуны 7-го октября 1784 г., уволенъ по прошенію 10-го сентября 1785 г. (Формуляръ Неклюдова не сохранился въ архивѣ С.-Петербургскаго Опекунскаго совѣта).

18) Егоръ Андреевичъ Киришаумъ, кол. совѣтн., опредѣленъ оберъ-директоромъ 8-го апрѣля 1785 г. Послѣдняя подпись его встрѣчается 25-го октября 1790 г., а затѣмъ онъ былъ переведенъ на службу въ вѣдомство Кабинета Ея Величества. Жалованье изъ Совѣта онъ получилъ по 26-е октября 1790 г.

19) Иванъ Ивановичъ Ловцовъ, надв. совѣтникъ, вступилъ изъ контролеровъ въ опекуны 10-го сентября 1785 г. на мѣсто уволеннаго Неклюдова. Письмомъ отъ 7-го іюня 1790 г. Бедкой удаленъ его отъ должности «по причинѣ болѣзненныхъ припадковъ, примѣченныхъ многими даже и во время присутствія» (въ донесеніи императрицѣ Бедкой выражался откровеннѣе, говори, что «Ловцова видѣли часто въ присутствіи пьянымъ, къ посрамленію Совѣта»). Но такъ какъ дѣло пошло на разсмотрѣніе генеральнаго собранія почетныхъ благотворителей и опекуновъ, то Ловцовъ продолжалъ присутствовать въ засѣданіяхъ и подписываться подъ журналами до 25-го октября 1790 г., когда онъ, вмѣстѣ съ Киришаумомъ, перешелъ на службу въ Кабинетъ Ея Величества.

20) Акимъ Петровичъ Исуповъ вступилъ въ контролеры въ чинѣ секундъ-майора 14-го октября 1785 г., въ опекуны—16-го ноября 1790 г. Уволенъ,

по преобразованіи Опекунскаго Совѣта, въ началѣ 1798 г. (просьба объ отставкѣ подана имъ 22-го января 1798 г., какъ видно изъ дѣла по канцеляріи, о служившихъ, № 6). Въ 1809 г. онъ былъ ст. сов. и могилевскимъ вице-губернаторомъ. (Дѣло о служившихъ, № 150, связка 3).

21) Михайлъ Панфиловъчъ Симишинъ, назначенный контролеромъ, въ чинѣ надв. совѣтника, по письму Бецкаго отъ 4-го іюня 1790 г.,—въ октябрѣ того же года переименованъ въ опекуны. Подпись его появляется съ 16-го ноября 1790 г. Уволенъ въ чинѣ кол. сов. по преобразованіи Совѣта. (Просьба объ отставкѣ подана имъ 5-го января 1798 г.).

22) Богданъ Варфоломеевичъ Гибаль, надв. сов., опредѣленъ опекуномъ сверхъ штата 14-го іюня 1793 г. по «изустному повелѣнію» Екатерины II вслѣдствіе доклада преемника Главнаго Попечителя, гр. Миниха. Въ бумагѣ объ его опредѣленіи говорится, что число опекуновъ (ихъ полагалось 4) признано нужнымъ увеличить «по причинѣ ежедневнаго умноженія дѣтей, равно и для сохраненія порядка въ теченіи какъ письменныхъ, такъ и экономическихъ дѣлъ, и по причинѣ ежегоднаго возрастанія ввѣреннаго Опекунскому совѣту банка». Уволенъ 23-го декабря 1797 г.

23) Иванъ Григорьевичъ Сумбатовъ, кол. сов., опредѣленъ опекуномъ и оберъ-директоромъ по представленію гр. Миниха и по рѣшенію генеральнаго собранія почетныхъ благотворителей 28-го апрѣля 1794 г. Въ 1797 г., 24-го декабря, переименованъ директоромъ Сохранной Казны. Уволенъ отъ службы съ пенсіей по высочайшему указу 8-го іюня 1800 г.

24) Леонтій Андреевичъ Изоть, секундъ-маіоръ, служившій прежде въ Военной коллегіи переводчикомъ, назначенъ въ за-опекуны графомъ Минихомъ 23-го января 1796 г. съ жалованьемъ въ 1,000 р. Ему поручено было «бдительное смотрѣніе» за состоящими въ описи, заложенными и просроченными домами и лавками. 28-го февраля 1797 г. гр. Сиверсъ предписалъ вытребовать отъ него отчеты по управленію и затѣмъ уволить отъ должности. Долго находился онъ подъ слѣдствіемъ, не получая жалованья; наконецъ 3-го сентября 1798 г. уволенъ отъ службы съ уплатою невыданнаго въ срокъ жалованья.

25) Сергѣй Ивановичъ Пушинъ, кол. сов., былъ опредѣленъ въ опекуны, безъ вакансіи, 11-го ноября 1796 г. Онъ служилъ прежде губернскимъ прокуроромъ въ Псковѣ. Опекунскій Совѣтъ отдалъ въ его управленіе, послѣ Изота, экспедицію о заложенныхъ домахъ и лавкахъ. Уволенъ съ пенсіей 31-го декабря 1798 г.¹⁾

А. П. Пятковскій.

¹⁾ Хотя Пушинъ и былъ опредѣленъ на службу спустя нѣсколько дней по смерти имп. Екатерины II († 6-го ноября 1796); но выборъ и назначеніе его происходили, все таки, на основаніи прежнихъ порядковъ, измѣненныхъ только въ концѣ 1797 г. имп. Марією Феодоровною.

А. П.

ФРАНЦУЗСКАЯ АРМІЯ ПРЕДЪ ВОЙНОЙ СЪ РОССІЕЙ.

1792—1808 гг.

(Переводъ съ французской рукописи).

Подлинникъ записки, предлагаемой читателямъ „Русской Старины“, принадлежитъ предсѣдателью кievской археографической комисіи, М. В. Юзефовичу, оторывшему эту записку въ бумагахъ своего дяди, ген. Юзефовича, одного изъ образованнѣйшихъ военныхъ людей эпохи Александра I.¹⁾ Съ согласія М. В. мы перевели и печатаемъ эту записку, въ виду высокаго интереса, представляемаго ею во многихъ отношеніяхъ. Мы не знаемъ другого труда, въ которомъ съ такою ясностью, и вмѣстѣ такъ глубоко и многосторонне, была бы представлена картина французской военной системы, вызванной въ жизни первой революціей, и причины успѣха этой системы. Записка заставляетъ задуматься надъ столькими предметами современнаго значенія, хотя писана въ 1808 году.

Не беремъ рѣшить, выписки-ли это изъ мемуара или подробная програма для его составленія; судя по отрывочности изложенія, можетъ быть и то, и другое. Во всякомъ случаѣ, первоначальный авторъ этихъ замѣтокъ долженъ быть французъ, видѣвшій близко войну и основательно образованный, какъ въ общемъ, такъ и въ спеціально-военномъ смыслѣ. Не-французъ не могъ бы такъ знать внутренній складъ французской арміи; невидѣвшій войны, не въ состояніи былъ бы выставить такъ рельефно тѣ психическія данныя, отъ которыхъ зависитъ на войнѣ побѣда; необладающій общимъ и военнымъ образованіемъ не могъ бы такъ вѣрно и систематически анали-

¹⁾ Заглавіе записки: «Замѣчанія о французской арміи» мы перемѣнили на приведенное выше—дабы показать историческое значеніе этого документа по отношенію къ борьбѣ 1812 г.

Ред.

зирать предметъ, столь многосложный; не могъ бы такъ ясно уразумѣть и выставить ту простую, но и въ наше время далеко не всѣмъ доступную мысль, что рабское подражаніе наилучшимъ порядкамъ, взятымъ у другого народа, къ добру не приводитъ, ибо они составляютъ результатъ его національныхъ особенностей и, слѣдовательно, не могутъ соответствовать такимъ же особенностямъ народа-подражателя. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ оцѣнка французскаго point d'honneur; изъ нея видно, почему Суворовъ, великій знатокъ русскаго сердца, никогда не обращался къ инстинктамъ этой области, а совершенно къ другимъ, для возбужденія въ своихъ солдатахъ самоотверженія и рѣшимости привести себя въ жертву общему дѣлу даже до смерти. На нашъ взглядъ, записка представляетъ немалый интересъ и въ томъ отношеніи, что показываетъ въ настоящемъ свѣтѣ заслугу Карно, этого великаго въ своей скромности organisateur de la victoire, какъ его называетъ вся Франція, и который такъ безцеремонно былъ отодвинутъ въ тѣнь Наполеономъ.

Судя по очевидной, хотя и сдержанной склонности къ старому порядку, записка должна принадлежать перу одного изъ выдающихся эмигрантовъ, и относится вѣроятно къ числу тѣхъ, которыя тогда представляемы были нашимъ правительственнымъ лицамъ во множествѣ, съ цѣлью подвинуть Россію на борьбу съ Наполеономъ. Что записка имѣла именно практическую цѣль, доказывается второй ея половиной, заключающей въ себѣ, между прочимъ, разсужденія о возможности основать духъ арміи на религіозномъ началѣ: очевидный намекъ на русскую армію.

Независимо историческаго значенія, записка представляетъ и чисто теоретическій интересъ: разъясненіе причинъ успѣховъ французской арміи можетъ, по нашему мнѣнію по крайней мѣрѣ, служить образцомъ подобнаго рода изслѣдованій, — до такой степени оно царитъ надъ предметомъ въ его совокупности, до такой степени свободно отъ какихъ-либо предвзятыхъ теоретическихъ коньковъ. Предположенія относительно грядущихъ системъ войны такъ вѣрны, что похожи на пророчество: наглядное доказательство этому представляетъ въ особенности догадка о томъ, что за искусствомъ скоро стрѣлять послѣдуетъ, вѣроятно, забота о томъ, чтобы стрѣлять мѣтко, — догадка, ставшая дѣйствительностью въ періодъ 1840—60-хъ годовъ. Практически, это пророчество отошло уже теперь въ прошлое; но записка намѣтила всѣ стадіи, пройденныя арміями даже до нашего времени, за исключеніемъ развѣ усиленнаго вниманія къ индивидуальному воспитанію и образованію солдата: въ ней намѣчена скорость стрѣльбы,

за которой гнались по старой привычкѣ въ началѣ нынѣшняго вѣка; намѣчена мѣткость, составившая отличительную черту въ половинѣ этого вѣка; намѣчено значеніе числа, значеніе быстроты маршей, вознаграждающей недостатокъ числа, значеніе нравственныхъ данныхъ, наконецъ, значеніе „теоріи невозможнаго“. Теперь мы сидимъ на соединеніи мѣткости и скорости стрѣльбы, т. е. не болѣе какъ на синтезѣ того, что въ запискѣ угазано аналитически. И такъ, изо всѣхъ данныхъ, теперь дѣйствующихъ, въ запискѣ не намѣчена только одна: именно данная индивидуальнаго воспитанія и образованія солдата; но, признавая всю ея важность, не можемъ не замѣтить однако-жь, что она есть не самостоятельная, а произведенная данная, и заключается, *impliciter*, въ мѣткости стрѣльбы.¹⁾ Знакомые съ теоріей воспитанія и образованія солдата знаютъ это.

Что касается „теоріи невозможнаго“, то она, повидимому, пришла въ послѣднее время, и уступила мѣсто порядку, устройству, выучкѣ; но никто не станетъ спорить съ тѣмъ конечно, что присоединившій ее къ этимъ необходимымъ даннымъ надѣлаетъ большихъ дѣлъ; и не устоять противъ него ни порядокъ, ни выучка, ни устройство.

Записка представляетъ глубокой интересъ и въ томъ, что, сопоставляя по ней прошлое съ настоящимъ, мы видимъ, до какой степени всякій народъ остается вѣренъ самому себѣ. Такъ, прусаки, взявшіе себѣ еще въ прошломъ вѣкѣ въ удѣлъ скорость стрѣльбы и настойчивую выучку, дрессировку солдата, и въ наше время продолжаютъ совершенно ту же работу. Вся автоматическая область, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ, — ихъ достояніе. Учебные шаги, цилиндрическіе шомпола, воронкообразныя затравки, заряжаніе съ казны, — ихъ дѣло. Французы, напротивъ, совершенствуютъ мѣткость стрѣльбы въ прошломъ, совершенствовали ее до послѣдняго времени и въ нынѣшнемъ вѣкѣ, — по крайней мѣрѣ шли по этой части въ главѣ другихъ націй. Кому неизвѣстны имена Грибовала, Дельвина, Тувенена, Минье, Трейлъ-де-Болье? И въ паралель этому, они же первые дѣлаютъ призывъ къ высшимъ истинатамъ человѣческой природы, къ интеллигентнымъ сторонамъ ея... Разгромъ французской системы въ 1870 г. ничего не доказываетъ, кромѣ того, что при такой системѣ управленія, какова была Наполеона III, всякій народъ развратить можно.

Авторъ придаетъ словамъ „тактика“ и „національность“ нѣ-

¹⁾ Притомъ же она не представляетъ и новости, ибо составляла,—по формѣ конечно, а не по содержанію,—особенность и фридриховской системы воспитанія.

сколько иной смыслъ, чѣмъ они имѣютъ теперь. Считаемо необходимымъ это оговорить въ предупрежденіе недоразумѣній. Подъ тактикой онъ часто разумѣетъ то, что по нашимъ современнымъ понятіямъ составляетъ предметъ строевыхъ уставовъ. Такъ, напр., подъ „тактическими войсками“ онъ просто разумѣетъ войска; наметанныя въ плацовыхъ эволюціяхъ. Французы у него не умѣютъ маневрировать; потому что въ такихъ эволюціяхъ слабы. Подъ „національностью“ — словомъ, впервые выдвинутымъ революціей, авторъ разумѣетъ не націю, какъ теперь, но совокупность тѣхъ духовныхъ особенностей, которыя образуютъ нравственную фізіономію извѣстнаго народа. Мы находимъ, что для точности языка это лучше теперешняго распространенія смысла слова „національность“.

Нѣсколько словъ относительно перевода. Мы старались держаться подлинника возможно ближе, не отступая иногда даже передъ незаконченной, хотя и совершенно ясной фразой. Въ отрывочной манерѣ автора столько энергіи, образности, что было бы положительнымъ грѣхомъ мѣнять его рѣчь на ту прилизанную, которая, сглаживая слогъ, сглаживаетъ обыкновенно и отгѣнки выраженія мысли.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить глубокую признательность М. В. Юзефовичу, давшему намъ возможность сдѣлать этотъ замѣчательный военно-историческій документъ общимъ достояніемъ.

М. Д.

...Война должна быть ведена по совершенно другому способу, какъ велась прежде.

Цезарь: О Галльской войны.

Петербургъ, 1808.

Выстрѣлами, разбившими Бастилію, дисциплина воинская была разрушена во Франціи. Съ дисциплиной исчезла и тактика, ибо послѣдняя безъ первой немислима.

Въ новыхъ частяхъ тактическое знаніе было неизвѣстно даже по имени, ибо какъ могли капралы и сержанты, преобразившіеся вдругъ въ офицеровъ и генераловъ, по избранію, приводить въ движеніе людей, не умѣя заставить ихъ повиноваться?

Вотъ въ какомъ состояніи война застала французскую армію. Подобная армія не могла противостоять дисциплинированнымъ и потому тактическимъ войскамъ.

Первыя попытки французовъ привели къ пораженіямъ и бѣгствамъ. Въ 1792 г. одного появленія небольшихъ австрійскихъ отрядовъ у Монса и Турне было достаточно, чтобы разсѣять французскія колонны Бирона и Теобальда Диллона. Нужно было избрѣсти

новый образъ дѣйствій и присвать новыя тактическія приемы,—избѣгать битвъ въ открытомъ полѣ, превратить войну въ рядъ мелкихъ отдѣльныхъ сшибокъ. Это былъ общій голосъ всѣхъ военныхъ: генералы, офицеры и солдаты громко говорили объ этомъ, какъ о единственномъ средствѣ спасенія для арміи.

Мѣстность первыхъ столкновеній, въ которыхъ французамъ важно было одержать успѣхъ, благопріятствовала примѣненію этого начала; въ Шампани оно было примѣнено впервые. Французы непрерывно избѣгали встрѣчъ съ дисциплинированной и маневренной прусской арміей на равнинахъ этой провинціи. Однажды 1,200 гусарь, задѣвшихъ французскій авангардъ, было достаточно, чтобы обратить въ бѣгство всю армію на нѣсколько дней.

Пересѣченная мѣстность у Гран-Прё и Клермона дала случай французамъ испытать себя, и Дюмурье былъ правъ, когда сказалъ однажды, указывая на клермонтскія тѣснины: вотъ Фермопилы Франціи. Бой у Вальми, хотя прусаки и рѣшились послѣ него отступить, хотя артилерія и сдѣлала много шума, все же былъ не болѣе какъ аванпостное дѣло. Эти часто повторяемыя стычки научили бою за мѣстные предметы, въ которомъ французы въ особенности усовершенствовались въ горахъ Савои и Пиемонта въ 1792 и 1793 гг. и въ Пиренеяхъ противъ испанцевъ.

Эта новая тактика — дочь революціи. Эта послѣдняя поставляла людей съ изумительнымъ обиліемъ: баталіоны національной гвардіи, вспомогательныя, ополченія, реквизиція, конскрипція — вотъ бойцы, слѣдующіе одни за другими подъ столькими наименованіями и съ такою быстротой, что затруднялись ихъ размѣщать; возникла система войны, основанная на численномъ перевѣсѣ. Подавлять непріятеля рядомъ отдѣльныхъ стычекъ, постоянно его задирать, затягивать въ непрерывную перестрѣлку съ разсыпнымъ строемъ — было лучшимъ употребленіемъ численнаго перевѣса. Французъ пріобрѣталъ этимъ способомъ довѣріе къ своимъ силамъ, а солдатъ формировался для войны въ лучшей школѣ, — школѣ опыта.

Умѣренность политическихъ принциповъ исчезла во Франціи съ первыми военными успѣхами. Защитою своихъ границъ болѣе не довольствовались, объявляли съ трибуны желаніе внести революцію въ нѣдра всѣхъ государствъ, поколебать всѣ троны и пронести ее по всему свѣту.

Первая наступательная попытка была сдѣлана Дюмурье. Изъ Шампани онъ двинулся на завоеваніе австрійскихъ Нидерландовъ. Сраженіе, которое онъ далъ у Монса, было похоже на правильную

битву только по виду. Побѣдили, атакуя отдѣльные пункты, укрѣпленія у деревни Жеманпль, угрожая посредствомъ громадной арміи на всѣхъ пунктахъ единовременно и охвативъ корпусъ около 20-ти т. человекъ арміей, въ которой было приблизительно тысячъ 80. Захватъ Майнца былъ также плодомъ численнаго перевѣса; тотъ же перевѣсъ рѣшилъ и въ Савойѣ. Эти счастливыя попытки были важны какъ оправданіе новой системы тактики: они фактически доказали возможность вознаграждать числомъ недостатки обученія и, въ тоже время, указали самый соотвѣтствующій французскому характеру образъ дѣйствій. Эта новая система привела бы французовъ на Рейнь въ ту же кампанію, если бы этому не воспрепятствовали столкновенія Дюмурье съ комитетами и клубами.

Неудачи, послѣдовавшія въ 1793 г. за бѣгствомъ этого генерала, не только не подорвали этихъ началъ, но повели къ утверженію и распространенію ихъ. Вышняя опасность вызвала усилія и средства сопротивленія, а революція находила имъ употребленіе. Первая кампанія состояла изъ попытокъ; слѣдующая должна была быть сдѣлана съ системой. Недавними уроками воспользовались и сознательно установили родъ войны, основанный на приобрѣтенномъ знаніи силъ и слабости французовъ, и перевернувшій впоследствии всѣ системы.

Въ концѣ января 1793 г. комитетъ Общественной Безопасности вызвалъ генерала королевскаго режима, тогда ниспровергнутаго, изъ его скромнаго убѣжища, чтобы спросить его насчетъ военной системы, которую слѣдовало принять въ тогдашнихъ критическихъ обстоятельствахъ. „Нужно, говорилъ этотъ генералъ въ своей запискѣ, представленной комитету, удвоить массу бойцовъ, чтобы можно было противуставить число усиліямъ искусства. Самое простое средство достигнуть этой цѣли — имѣть на всѣхъ пунктахъ атаки возможно болѣе войскъ и артилеріи; предписать генераламъ, какъ священнѣйшій долгъ, всегда биться въ главѣ войскъ, дабы дать имъ примѣръ храбрости и самоотверженія и приучить ихъ никогда не считать непріятеля, но быстро атаковать его въ штыки, не теряя времени на стрѣльбу и маневрированіе, ибо настоящія французскія войска не выучены маневрировать, даже и не подготовлены къ этому. Этотъ образъ дѣйствій, столь отвѣчающій характеру, проворству и пылости французской націи, неминусемо обезпечить ей побѣду, или собѣтъ съ толку иностранныя арміи своею новостью“.

Такъ могъ говорить только человекъ, который одинаково зналъ французовъ и свою спеціальность. Изложенныя идеи приняты съ сочувствіемъ, котораго стоили по своей вѣрности. Матеріалъ для ихъ осуществленія представляло поголовное ополченіе, а примѣненіе ихъ было

вѣрено таланту. Онъ нашелся въ новомъ правительствѣ, душу котораго составлялъ Карно. Не было задумано ничего мелкаго, ничего такого, что не было бы необыкновенно также, какъ обстоятельства, обширно какъ планы, которые они внушали. Карно понялъ, что тактическія подробности, до того употреблявшіяся въ арміяхъ, нужно было оставить въ сторонѣ, какъ потому, что ими не владѣли, такъ и потому, что не было времени на ихъ усвоеніе; этотъ гениальный человѣкъ понялъ, что безъ нихъ можно обойтись, замѣнивъ ихъ тактикой высшаго порядка. Онъ напалъ на мысль замѣнить искусство полей сраженій искусствомъ театровъ войны; низшую тактику высшей (т. е. стратегіей). Начинаящимъ французамъ нужна была тактика, развивающаяся внѣ круга зрѣнія противника, видоизмѣняющаяся широкими чертами и не дающая ему времени воспользоваться эволюціонными деталями. Участъ сраженій перестала зависѣть отъ исполненія уставной эволюціи, точности шага или учебнаго движенія. Взгляды расширились вмѣстѣ съ цѣлями, о которыхъ мечтали: было сказано, что революція должна обойти кругомъ свѣта. Дѣло шло уже не о томъ, чтобы сраженіе выигрывать, но чтобы народы покорять или увлечь. Время, когда ставили цѣлью завоеваніе города или провинціи, миновало. Первая задача, представлявшаяся для рѣшенія въ подобной системѣ войны, была: извлечь пользу изъ числа, назначая этимъ громаднымъ массамъ людей болѣе широкія пространства для движенія и развертыванія. Франція всегда обладала искусными инженерами и вспомогательные отдѣлы ихъ искусства были на высокой степени совершенства. Въ архивахъ военнаго министерства существовала коллекція картъ, плановъ, описаній и топографическихъ данныхъ, подобной которой нигдѣ не было. Она была плодомъ тридцатилѣтнихъ изысканій и точность изображенія мѣстности не ограничивалась одними характеристическими чертами ея вида, рѣкъ и горъ, но часто представляла детали, даже до поперечныхъ дорогъ и тропинокъ. Даровитые люди новаго правительства сумѣли воспользоваться этимъ сокровищемъ, и Карно, самъ инженеръ, сдѣлалъ его основаніемъ обширнѣйшихъ военныхъ плановъ. Такимъ образомъ примѣненіе знаній вѣка къ военному искусству стало одною изъ отличительныхъ чертъ стратегіи. Изученіе географіи, топографіи и даже геогнозіи, основательное знаніе теченія рѣкъ, общихъ наклоновъ, уровней мѣстности, положенія, профили горъ, направленія и соотношенія ихъ отроговъ; знаніе естественныхъ и промышленныхъ богатствъ странъ и сообщеній въ нихъ всякаго рода, нашло примѣненіе въ новой военной системѣ.

Ея основатели, обдумывая завоеваніе міра, принимали весь земной шаръ за область своихъ комбинацій. Они изучали его съ тѣмъ, чтобы

дѣлать на театры войны и намѣчать на немъ военныя позиціи. Придумавъ средство связать размѣщеніе войскъ съ естественными преградами, представляемыми страной, нашли разрѣшеніе первой задачи: изъ численнаго перевѣса, главнаго элемента новой системы, извлекли пользу.

Подвижность этихъ новыхъ армій: случалось, что за войсками слѣдовали роты молотильщиковъ, для вымолота хлѣба, необходимаго солдатамъ: вотъ какимъ способомъ обходились безъ продовольственнаго транспорта. Реквизиція лавозъ вмѣсто складовъ обмундированія. Пѣхотинецъ былъ нѣчто въ родѣ пѣшаго казака. Продовольствіе, одежда, жалованье, — онъ ничего не получалъ регулярно и всего ожидалъ отъ счастья, надѣясь, что слѣдующее мгновеніе доставитъ то, чего ему не доставало въ предъидущее. Солдатъ привыкалъ къ лишеніямъ и считалъ, что исполняетъ одну изъ главнѣйшихъ обязанностей своего ремесла, перенося ихъ. Притомъ же то, что обстоятельства ставили въ необходимость переносить, было провозглашаемо какъ добродѣтель, которая должна быть свойственна республиканцу, а терроръ зажималъ роты недовольнымъ.

Эти нескончаемыя нити повозокъ и тяжестей, наиболѣе стѣснявшія марши въ войнахъ новаго времени, эти вторыя арміи, болѣе растягивающіяся и труднѣе подвижныя чѣмъ первыя, сократились до чрезвычайности, вслѣдствіе преобразованія труднаго умѣнья перевозить необходимое—въ умѣнье забирать* это необходимое по дорогѣ; то, что прежде перевозилось на лошадяхъ, теперь пѣхотинецъ долженъ былъ переносить на себѣ или обходиться безъ этого.

Примѣчаніе. При старой системѣ источники продовольствія арміи истощались по мѣрѣ отдаленія ея отъ своихъ границъ; по новой они усиливались съ углубленіемъ въ чужую страну всѣми средствами, въ ней находимыми.

Эта вторая отличительная черта новой системы, подвижность, привела естественно къ третьей,—къ быстротѣ.

Пропорціонально быстротѣ маршей сократилась продолжительность операцій.

Но эти качества арміи остались бы безъ примѣненія, если бы энергія въ веденіи операціи не придавала имъ значенія.

Эта энергія представляетъ четвертую характеристическую черту французской арміи. Она сообщена арміи генералами, на которыхъ было возложено вести ее. Революція, смѣстившая множество людей, поставила вмѣсто нихъ такихъ, какіе были ей нужны и на такіе посты, на какихъ этимъ людямъ никогда бы не быть безъ нея. Если тысячи этихъ генераловъ исчезли безслѣдно, за то Моро, Пишегрю, Гошъ, Ма-

сена, Вертье, Макдональдъ, Брюннь, Шампюаннэ запечатлѣли свои имена въ исторіи. Энергія воли, ими проявленная, таланты, выказанные или на дѣлѣ (такъ какъ успѣхи, подготовленные талантомъ, обезпечиваются только энергіей воли); дерзость, предоставляющая случаю его долю въ предпріятіяхъ и дополняющая знаніе вѣрою въ счастье, которое всегда почему-то служить мужеству. Напрягая всѣ усилія, они безпрестанно рисковали всѣмъ и всегда открывали себѣ вѣроятность все выиграть, ибо не отступали передъ рѣшимостью всѣ потерять. Они давали каждое сраженіе такъ, какъ бы оно было рѣшительное; они дѣлали каждое усиліе такъ, будто бы оно было послѣднее. Всѣ въ цвѣтѣ лѣтъ, когда человекъ обнимаетъ и преслѣдуетъ предметъ, за который берется, съ живостью, гибкостью и энергіею, они наэлектризовали эту многочисленную, легкую, летучую армію той твердой волею, которая чего хочетъ, хочетъ вполнѣ, и никогда не задумывается передъ препятствіями. Такимъ-то образомъ французскіе генералы доставили торжество своему дѣлу дружнымъ единодушіемъ намѣреній, энергіи и усилій, которое изумило и ошеломило современниковъ.

Новая тактика приняла характеръ подвижной. Система вѣрѣпостей и вѣрѣпихъ позицій утратила свою важность; вмѣсто постоянныхъ пунктовъ прежней тактики, новая тактика не допускала другихъ, кромѣ подвижныхъ, и на нихъ основала участь войскъ въ будущемъ. Арміи, эти живыя стѣны, взяли верхъ надъ мертвыми стѣнами вѣрѣпостей. Марши замѣнили осады. Ужого больше людей, тотъ можетъ быть болѣе свободенъ въ маневрахъ и комбинировать ихъ на большемъ пространствѣ. Оборона неподвижныхъ пунктовъ между линіями, по существу своему подвижными, становится бесполезною. Неподвижность побѣждена движеніемъ, руки подавлены ногами.

Въ первыя же кампаніи цѣлыя полки стали разсыпаться въ стрѣлки и большія колонны обращаться въ тучи. Линейная армія французовъ часто бывала ничѣмъ инымъ, какъ арміей стрѣлковъ; въ своихъ налетахъ она была поддерживаема легкой артилеріей, которую французы совершенно вѣрно называли летучею, и пѣшая артилерія, не будучи въ состояніи сопровождать подобную армію, не появляется въ ней болѣе¹⁾. Вся кавалерія обращена въ легкую.

Противъ подобной системы войны старая тактика, осмотрительная и выжидающая, была несостоятельна. Она не находила боевой

¹⁾ Это не точно: пѣшая артилерія всегда была во французской арміи.

линіи, которой искала, и вмѣсто нея видѣла враговъ, губившихъ ея бойцовъ на флангахъ и въ тылу, появившихся на всѣхъ пунктахъ и во всякое время, днемъ какъ и ночью. Противники французовъ, обращая вниманіе только на то, что дѣлалось у нихъ подъ носомъ, считали безсмыслицей отдѣльныя стычки республиканцевъ; эти разрозненные, повидимому, операціи обличали для нихъ полное отсутствіе плана и правильности. Но критики подобнаго рода открыли бы совершенно иное, если бы смотрѣли нѣсколько дальше; они увидѣли бы, что эти беспорядочныя частныя предпріятія были подчинены одной большой комбинаціи, въ общемъ весьма правильной и обнимающей обширный театръ войны. Дѣло шло не о томъ, какъ исполняются подробности дѣйствія на поляхъ сраженій; но о томъ, чтобы ихъ результатъ соотвѣтствовалъ видамъ высшей тактики, дѣйствующей вдаль и вѣвъ выстрѣловъ. Австрійцы доказали не одной кампаніей, что понимали характеръ новой системы войны, но имъ не доставало рѣшительности въ исполненіи и величія средствъ. Суворовъ соединилъ то и другое; онъ появился, и французы были побѣждены.

Новое ошеломляетъ всегда рутинныя головы и обезпечиваетъ прибѣгающему къ нему рѣшительное превосходство.

Руководимые этими соображеніями, которыя подтверждалъ ежедневный опытъ, французы создали доктрину, которую можно бы назвать теоріей невозможнаго. Дѣлать всегда противное тому, что дѣлалось до того и удержалось еще у другихъ; выбирать всегда исполненіе самое трудное; предпочитать то, что робкая тактика противниковъ отвергала или считала невозможнымъ. И съ большей прозорливостью трудно было воспользоваться дряблостью, которая характеризуетъ вѣвъ. Они побѣдили непріятеля, который считалъ невозможнымъ то, что казалось такимъ по правиламъ школы и по внушеніямъ дюжиннаго благоразумія. Рискавъ всѣмъ, французы не встрѣчали отпора со стороны противниковъ, нешедшихъ далѣе полумѣръ. Чтобы побѣдить, нужно было только удивить; и подобно тому какъ Монтекукулли требовалъ для войны „денегъ, денегъ и денегъ“, Французскіе генералы требовали „дерзости, и еще дерзости, и всегда дерзости“.

Въ виду непріятеля, и днемъ, форсировать переправы; переходить горы съ кавалеріей и орудіями, наводить мосты и переправляться по нимъ подъ огнемъ. Подобныя операціи повторялись какъ самыя обыкновенныя и легкія. Новая армія бивакируетъ безъ палатокъ во всякое время года, зимнія кампаніи обращаются въ правило; горы переходить солдатъ въ снѣгу подъ мышки; переправляется въ бродъ

по грудь въ водѣ, держа ружье и суму надъ головою. На воздухѣ шары и телеграфы служатъ потребностямъ армій и капризный случай обращенъ въ покорнаго слугу дерзости.

Если драбное поколѣніе прошлаго вѣка и вспоминало, что Аннибалъ перешелъ Альпы со словами; что Цезарь, устроивъ мостъ черезъ Рейнъ, уничтожилъ его только для того чтобы сдѣлать другой, большій чѣмъ ему было нужно; что наконецъ всѣ великіе люди временъ предшествовавшихъ примѣняли теорію невозможнаго, — то развѣ потому только, что читало объ этомъ въ школѣ и заставляло читать своихъ дѣтей — для практики въ латинскомъ языкѣ.

Такая теорія, вонечно, нуждается въ поддержкѣ численнаго перевѣса, ибо, ставя судьбу армій въ зависимость отъ предпріятій внѣ расчета, нужно имѣть увѣренность въ возможности ихъ замѣstitъ въ случаѣ неудачи. Но эта теорія не восторжествовала бы при условіи только одного численнаго перевѣса, ибо она не укладывается въ правила и не усваивается какъ система. Только гениі изобрѣтаютъ средства ея примѣненія; и вдохновенія минуты подсказываютъ ему эти средства тутъ же, на мѣстности. Такія вдохновенія могли осѣнять только генераловъ, которые не по рожденію и не по старшинству, а по талантамъ были призваны къ этой роли. Но гениі не подражаемы, и выучиться ему нельзя.

Система отдѣльныхъ стичевъ наиболѣе отвѣчаетъ характеру французскаго солдата, — да она по вкусу и всякому солдату: ибо кто когда-либо участвовалъ въ войнѣ, тотъ знаетъ, что учащая стичка сокращаютъ другія страданія, сопровождающія войну; это событія — желательныя въ сравненіи съ непогодю, форсированными маршами, bivаками, недостаткомъ припасовъ, мучительными ожиданіями и съ монотонной скукой, которые удручаютъ людей на войнѣ.

И потому-то великіе успѣхи французской арміи были гораздо чаще плодомъ цѣлаго ряда небольшихъ дѣлъ, чѣмъ самого большого сраженія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда, въ противность духу новой системы, представлялась необходимость дать генеральное сраженіе, замѣчались два тактическихъ приѣма, въ которыхъ французы, плохіе маневристы на плацу, прибѣгали, какъ въ главнымъ средствамъ, это: обходъ и прорывъ непріятели. То и другое одинаково приличествуетъ арміи, превосходной въ числѣ.

Армія, превосходная числомъ, можетъ обходить какъ сильныя позиціи, такъ и части слабѣйшей арміи. Она можетъ также и прорывать, ибо держа весь фронтъ противника въ ожиданіи, она можетъ

направить свои усилія на какой-нибудь одинъ пунктъ, который признаеть слабымъ.

Тонкая линія всегда будетъ прорвана густой и глубокой колонной, ударяющей въ нее съ силою. Прорвавшая колонна тѣмъ самымъ получаетъ возможность охватить, ибо въ мѣстѣ прорыва придется на флангъ противника. Она беретъ его во флангъ и въ тылъ, между тѣмъ какъ онъ обороняется по линіи своего первоначальнаго фронта. Колонна, сдѣлавшая прорывъ, могла бы быть разсматриваема какъ попавшая между двухъ огней, если бы была слаба и въ оборонительномъ положеніи; но атакуя и притомъ будучи сильна, она уничтожаетъ слабую атакованную армію. Генераль, имѣющій достаточныя силы и необходимую рѣшимость для маневровъ этого рода, можетъ предсказать побѣду, можетъ задумать даже уничтоженіе противной арміи и предсказать его. Форсировать мостъ есть ни что иное, какъ атака на одинъ пунктъ съ цѣлю прорыва. Артилерія, громившая при Лоди и Арколе глубокія массы людей, устремлявшихся впередъ, какъ волны, бороздила ихъ, но не останавливала. Пробѣлы заполняются, и тотъ, кто можетъ продолжать это заполненіе, рѣшившись прорвать, во что бы то ни стало, перейдетъ мостъ. Перевѣсъ числа дѣлаеть этотъ маневръ неодолимымъ; онъ позволяетъ дѣйствовать глубокими боевыми порядками противъ тонкихъ, колоннами противъ развернутаго строя. Французы чаще всего употребляютъ колонны при атакахъ, такъ какъ онѣ соединяють съ перевѣсомъ числа на дѣйствующихъ пунктахъ возможность обойтись безъ той точности движеній, которой требуетъ длинная прямая линія; точности, которая вовсе не допускается недостаткомъ элементарнаго обученія во французской арміи.

Употребленіе колоннъ разнообразилось. Во многихъ сраженіяхъ, данныхъ французами, принимался косвенный порядокъ. Колонны наступали или уступали, или косвеннымъ фронтомъ: это потому, что косвенный порядокъ наиболѣе способствуетъ охвату фланга противника.

Оба главные маневра примѣнялись съ Монса и были непрерывно воспроизводимы французской арміей: она обошла подъ Флерюсомъ, Гондскотомъ, Монтеннотѣ, Ульмомъ; она прорвала при Лоди, Арколе, Маренго, Донаувертѣ, Ауэрштедтѣ. Маневры обхода и прорыва соотвѣтственны, т. е. оба они даютъ взаимный шансъ и тому, который ихъ употребляетъ, и тому, который имъ подвергается; такъ какъ армія прорывающая становится въ положеніе арміи охваченной, окруженной. Кто заходитъ въ тылъ противника, чтобы его отрѣзать, самъ отрѣзанъ, если противникъ отваженъ и энергиченъ. Французы

предназначенно употребляли эти маневры, какъ необходимое развитие системы, основанной на числѣ, подвижности, нравственной силѣ. Эти тактическіе приемы составляли постоянныя характеристическія черты большихъ сраженій, данныхъ французами. Для внимательнаго глаза они были тѣже въ 1796 г., какъ въ 1793 г. и въ 1807 г., какъ въ 1796 г. Измѣненія, въ нихъ сдѣланныя, не коснулись сущности системы; она, напротивъ, была упорядочена, систематически усовершенствована и развита въ болѣе обширныхъ размѣрахъ; эта сущность—численный перевѣсъ, вознаграждающій недостатокъ элементарнаго обученія и направляемый тактикой высшаго порядка.

Трудно указать сраженіе изъ выигранныхъ французами, въ которомъ численный перевѣсъ не имѣлъ бы своей доли въ побѣдѣ. Во всякомъ продолжительномъ сраженіи, въ то время, когда другія арміи дрались однѣми тѣми же силами до истощенія, французы смѣняли свои и возобновляли или усиливали свои колонны въ мгновеніе ока. Вполнѣ подтверждается фактами, что французы постоянно терпѣли неудачу въ тѣхъ случаяхъ, когда число было не на ихъ сторонѣ, или когда они были поставлены въ необходимость обороняться съ меньшими силами.

Сами французскіе писатели, изъ которыхъ мы уважемъ только на Матьё, Дюма и ген. Серванъ, признаютъ это. Такова была кампанія 1799 г. противъ русскихъ и австрійцевъ. При Нови, французы, будучи слабѣе числомъ, разбиты, не взирая на выгоды позиціи. Ни въ одной изъ предъидущихъ системъ тактики, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, на число не смотрѣли, какъ на рѣшительное преимущество. Но оно является такимъ въ новой системѣ, ибо разъ старая тактика школы, составляющая силу противниковъ французовъ, потеряла значеніе, шансы обѣихъ сторонъ уравнились, и численный перевѣсъ пріобрѣтаетъ значеніе.

Французскіе генералы всегда вступали въ борьбу съ довѣріемъ къ системѣ комплектованія, благодаря которой можно было пополнять и создавать арміи съ такою же быстротою, съ какою онѣ могли быть разбиваемы. Всѣ ихъ операціи были предприняты и ведены въ духѣ системы, основанной на численномъ перевѣсѣ; они оставались ей послѣдовательными даже и тогда, когда уступали числомъ непріятелю. Тутъ гений, вдохновляемый духомъ системы, достигалъ превосходства изумительной быстротой движеній. Передвигая армію на каждый угрожаемый пунктъ, они какъ бы двоили, троили число людей, ее составляющихъ: на всякомъ изъ этихъ пунктовъ она являлась въ

превосходномъ числѣ. Больё, Вурмзеръ, Альвинци были низлагаемы одинъ за другимъ, подавленные превосходствомъ нераздробленныхъ, сосредоточенныхъ силъ: такимъ-то образомъ геній обезпечиваетъ себѣ превосходство числа, умѣя оставить за собою перевѣсъ во времени.

Люди, напитанные наукой плацпарадовъ, стараясь отыскать причину успѣховъ французовъ, думали, что они заключаются въ какихъ-либо уставныхъ правилахъ и снаровкахъ. Они ошибаются; они не найдутъ ее тамъ. Основныя правила строевого устава у французовъ тѣже, что были и до революціи. Они должны были остаться тѣже, ибо оружіе осталось тоже, что было и тогда; французы строятся въ роты, баталіоны, полки; строятся въ три шеренги, совершенно какъ и другія арміи нашего времени, болѣе высокіе люди на правомъ флангѣ и впереди; они равняются, дѣлаютъ повороты направо, налѣво и вкругомъ; они развертываются и строятъ колонны; дѣлаютъ ломку фронта и ходятъ развернутыми линіями; однимъ словомъ, они употребляютъ всё тѣ эволюціи устава, которымъ обучаютъ австрійцы, пруссаки, русскіе и проч. Ихъ строевые уставы лучшее этому доказательство. Принятые въ основаніе обученія во время революціи, появились 1-го августа 1791 г. И они же, съ самыми несущественными измѣненіями въ тактическомъ отношеніи, были изданы въ 1805 г. Это катехизисъ офицеровъ и унтер-офицеровъ въ дѣлѣ строевого обученія. Иностранные тактики увидѣли бы на французскихъ плацпарадахъ всё тѣже мелкія снаровки и приемы, не исключая самыхъ неудобныхъ и наименѣе примѣнимыхъ, которые видятъ у себя. Изъ всѣхъ этихъ продѣловъ ни одна не служитъ въ кампаніи, ни одна не дала побѣды французской арміи, ибо съ первымъ выстрѣломъ въ ней исчезаетъ команда, ¹⁾ какъ и во всякой другой. Знаніе ихъ уставовъ не поможетъ отереть тайну ихъ образа дѣйствія, хотя бы эти уставы наизусть выучили. Французы не пользуются на войнѣ тѣмъ, что узнаютъ въ депо, равно какъ и ихъ противники тѣмъ, что исполняютъ съ точностью въ манежахъ и на плацпарадахъ.

Отличительную черту французской военной системы составляетъ примѣненіе элементарныхъ эволюцій. Онѣ являются въ практикѣ совершенно иными, чѣмъ изложены въ уставахъ. Обученіе строю и эволюціямъ у французовъ не составляетъ цѣли, къ которой устремляютъ солдата, какъ къ вершинѣ совершенства, но только средство для достиженія цѣлей войны. Это необходимая пружина, чтобы поддержать порядокъ и согласіе въ арміи, чтобы приучить солдата къ голосу, который долженъ его направлять для достиженія цѣлей выс-

¹⁾ Т. е. командное слово, а не командованіе или управленіе. Пр. перев.

шей тактики; это, такъ сказать, общій условный языкъ, безъ котораго армію нельзя было бы привести въ движеніе, ибо въ ней не было бы взаимнаго пониманія. Знаніе эволюцій и вообще строевого устава есть не болѣе какъ орудіе знанія высшаго порядка; оно получаетъ значеніе только въ зависимости отъ того, на сколько можетъ быть полезно этому послѣднему, т. е., что во Франціи занимаются эволюціями и строевыми ученіями не какъ цѣлью, но только какъ средствомъ. И потому-то занимаются ими не съ особенной требовательностью. Французскій солдатъ наименѣе выдресированъ изъ всѣхъ современныхъ солдатъ... рѣдкій церемональный маршъ проходитъ безъ ошибокъ противъ шага или противъ дистанцій. Ученія французовъ идутъ живо — если случаются ошибки, ихъ исправляютъ быстро и безъ шума — хлопчутъ больше объ общемъ согласіи, чѣмъ о мелочной точности—да наконецъ, есть-ли и необходимость обременять память солдата слишкомъ большимъ количествомъ командныхъ словъ? Вновь поступившій приучается держать свой рядъ, чувствовать локтемъ своего сосѣда, не отрываться ни отъ того, кто стоитъ правѣе, ни отъ того, кто стоитъ лѣвѣе, часто въ этомъ заключается вся его наука; достаточно, чтобы треть знала голосъ командира... остальные двѣ трети увлекаются примѣромъ трети старыхъ солдатъ. Но нужны превосходные офицеры и унтер-офицеры, чтобы присмотрѣть, направить, оживить. Для такой системы нужно, чтобы были выучены эти послѣдніе (т. е. офицеры и унтер-офицеры), дабы, будучи основными точками движеній, они знали держать свое и указывать каждому его мѣсто. Депо, какъ и уставы, существуютъ для сохраненія типа того, какъ поддерживать порядокъ и согласованіе—душу подвижности арміи. Если бы строевой уставъ исчезъ, въ непродолжительномъ времени водворилась бы въ арміи сумятица, и, вслѣдъ за отдѣльными людьми, массы также утратили бы подвижность. Такъ какъ отъ плацовыхъ эволюцій не зависитъ болѣе исходъ сраженій, то и нѣтъ болѣе надобности выдерживать солдата въ депо до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ искуснымъ фронтовикомъ. Такъ какъ всѣ перестроенія ограничиваются переходомъ изъ развернутаго строя въ колонну и обратно, то наука солдата проста: ему достаточно знать только четыре слова, чтобы двигаться въ четырехъ направленіяхъ, доступныхъ человѣку, и чтобы быть совершенно въ распоряженіи командира. Вблизи эволюціи французовъ не представляютъ чистоты, но они имѣютъ ту степень согласія, которая необходима для войны. Французскую тактику нельзя по этому уловить на плацу: это практическое искусство, проявляющееся и развивающееся только на войнѣ.

1808 г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МАКСИМЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВЛАСОВЪ,

атаманъ войска Донскаго.

1836—1848.

Во время печатанія очерковъ жизни и дѣятельности атамановъ войска Донскаго, Иловайскаго и Кутейникова,¹⁾ мы получили съ Дона, отъ г. Н., предлагаемый біографическій очеркъ слѣдующаго за омянутыми лицами донскаго атамана, генерала отъ кавалеріи Максима Григорьевича Власова. Къ очерку этому приложены весьма интересныя записки, веденныя бывшимъ при атаманѣ Власовѣ по особымъ порученіямъ, полковникомъ А. Ал. Поповымъ. Все это, вмѣстѣ, дополняетъ тридцатилѣтній періодъ дѣятельности главныхъ начальниковъ войска Донскаго (1818—1848) и редакція „Русской Старины“ считаетъ долгомъ привести г-ну Н. глубокую благодарность за доставленныя имъ свѣдѣнія.

Ред.

I.

Въ то время, когда сенаторы Князьнинъ и Болгарскій, обнародывая въ войска донскомъ новое «Войсковое Положеніе», увидѣли несостоятельность атамана Кутейникова для подыятія труда къ успѣшному приведенію этого «Положенія» въ дѣйствіе и представляли высшему правительству о необходимости назначенія болѣе энергическаго атамана, ген.-лейт. Максимъ Григорьевичъ Власовъ, по званію походнаго атамана донскихъ полковъ дѣйствующей арміи, находился въ Варшавѣ.

¹⁾ См. біографическіе очерки: «А. К. Денисовъ», «А. В. Иловайскій» и «Е. Кутейниковъ» въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., т. XI, стр. 1—45; 379—410; 601—641 и изд. 1875 г., т. XII, стр. 27—49; 237—271; 457—480; 701—718 и т. XIII, стр. 41—60.

Израженный, 68-ми-лѣтній воинъ, не рассчитывалъ уже ни на какое новое служебное поприще для себя, когда, въ концѣ января 1836 года, получилъ высочайшее повелѣніе немедленно прибыть въ Петербургъ. Не зная причины вызова, онъ терялся въ догадкахъ о ней и пришелъ въ убѣжденію, что вѣроятно, при введеніи въ дѣло новаго «Положенія», встрѣтилось какое-либо затрудненіе, вызывающее необходимость совѣщанія съ опытными уроженцами Дона, и что для этого требуется въ столицу онъ и еще кто-либо изъ извѣстныхъ донскихъ жителей.

5-го февраля 1836 г. Власовъ прибылъ въ Петербургъ и на другой же день былъ принятъ Государемъ. Приемъ этотъ такъ описанъ со словъ Власова:

Государь встрѣтилъ его очень милостиво и сказалъ:

— «Я боялся за тебя; морозы, снѣгъ, дорога тяжела, а раны твои¹⁾ еще тяжелѣе. Я хочу дать тебѣ новое назначеніе. Знаю, что ты любишь меня и потому не откажешься отъ новыхъ трудовъ. Я назначаю тебя наказнымъ атаманомъ, на Донъ, вмѣсто Кутейникова. Теперь тамъ много дѣла, а Кутейниковъ слабъ, — хилъ и боленъ. Я далъ новый законъ казакамъ и надѣялся, что онъ упрочитъ ихъ благосостояніе, что его примутъ съ радостію, съ благодарностію, а вышло другое: его приняли холодно. Развѣ не сами донцы составляли его? Ваши же опытные люди сидѣли въ комитетѣ, они для себя должны были заботиться. Я только утвердилъ, что они написали, и думалъ, что утверждаю счастье края! Вѣдь новое положеніе не въ одинъ день составлено, не въ попыхахъ, — было время размыслить, рассудить. Да я и самъ вниунулъ въ него; скажу по совѣсти, что считаю его благотѣльнымъ, тѣмъ больше, что и казачество въ немъ не измѣняется: цѣлая Россія управляется одними правилами, а у васъ остаются свои; какъ дѣды ваши жили, такъ и вы будете жить; таже казачья свобода, таже степная жизнь. Чего жъ хотѣтъ?.. Когда сенаторы обнародовали законъ, то при этомъ было три-четыре генерала вашихъ, и то только тѣ, которыхъ служба удерживала въ Черкасскѣ, а у васъ ихъ до 30-ти. Отчего не былъ Денисовъ, Сысоевъ, Иловайскіе? Отчего не были другіе? И дво-

¹⁾ 7-го февраля 1831 г., въ дѣлѣ съ польскими мятежниками, Власову раздроблена челюсть, нанесено семь сабельныхъ ранъ въ голову и двѣ пинкою въ бокъ.

рянъ вашихъ почти нивого не было. Узнай, отчего они не были и напиши мнѣ. Они забыли, что я все сдѣлалъ имъ,—все... а крестьяне ихъ — откуда они? приписанные бѣглецы отъ русскихъ помѣщиковъ... вѣдь я же не забралъ ихъ въ вазну; за ними оставилъ...»

Власовъ сталъ увѣрять Государя, что новое положеніе принято радостно и съ сердечною благодарностію, что хотя онъ и не былъ теперь на Дону, но получалъ письма,—офицеры и казаки, служащіе въ арміи, также имѣли письма оттуда: всѣ увѣряютъ, что на Дону радуются, что тамъ поздравляютъ другъ друга съ новымъ, давно и нетерпѣливо ожидаемымъ закономъ.

Государь на это связалъ: «Это казаки, а не дворяне. Я посылаю тебя туда потому, что надѣюсь на тебя и у тебя нѣтъ тамъ ни родства, ни кумовства!»

Отпуская отъ себя атамана, Государь сказалъ: «повидайся съ военнымъ министромъ: онъ скажетъ тебѣ, чего я хочу отъ войска донскаго и отъ твоего управленія имъ».

8-го февраля Власовъ обѣдалъ у военнаго министра.

Чернышевъ, совершившій съ Власовымъ всѣ походы свои въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, оказывалъ теперь Власову самое пріятельское вниманіе, много говорилъ о походахъ 1813 года,—былъ веселъ,—вспоминалъ малѣйшія подробности событій, особенно дѣло при Гальберштадтѣ и ночную экспедицію подъ Кассель, смѣялся бѣгству Иеронима, напоминалъ, что оно было такъ поспѣшно, что экс-король не могъ даже схватить развернутыхъ на письменномъ столѣ его плановъ, бумагъ и двухъ собственноручныхъ записокъ Наполеона, которыя были важны для операцій союзныхъ армій.

Послѣ обѣда Чернышевъ пригласилъ Власова въ кабинетъ. Предметъ разговора ихъ былъ—предстоящее управленіе войскомъ.

Графъ повторялъ тоже самое, что говорилъ Государь, обвинялъ Кутейникова въ мелочности, въ странномъ ярмѣ, которое онъ носитъ отъ Марьи Васильевны (его супруги), въ непостижимомъ довѣрїи его къ дежурному штаб-офицеру.

— «Это второй томъ г-на Ш.», говорилъ Чернышевъ, «но переплетъ такъ не хорошъ, что одинъ только Кутейниковъ можетъ брать его въ руки: надобно тебѣ уничтожить всю гадкую завязку въ кабинетѣ Кутейникова. У него не люди, а какіе-то уроды

изъ времянь врючкодѣйства. Атаманъ нынѣшній — не прежній атаманъ; отъ нынѣшняго атамана государь требуетъ современнаго взгляда на вещи. Духъ казачества важная вещь: будь поборникомъ его, рубись за него перьями, какъ рубился саблею съ неприятелемъ; но изгони съ Дона подъячество: на сценѣ Донской должна быть пика, а не перо. Государь всегда не доволенъ, когда ему докладываютъ какую-нибудь донскую бумагу: въ ней непременно все пахнетъ врючкодѣйствомъ, подъяческими увертками... Государь то и дѣло говорить: «пропаль Донъ, запишутъ его и замараютъ чернилами!» Государь даже не доволенъ, когда слышитъ, что у казаковъ перемѣняются ихъ патриархальные обычаи,—что и у нихъ начинается вводится щепетильное подражаніе пустой жизни помѣщиковъ русскихъ. Государь говорить, что это-то и погубить казачество. Да и какою народъ удержался, когда началъ обезьянничать?»

11-го фѣвраля, утромъ, Чернышевъ пригласилъ къ себѣ Власова, поздравилъ его съ монаршею милостию — съ арендою на 12 лѣтъ, и долго говорилъ съ нимъ о дѣлахъ войска донскаго. Между прочимъ ему приказано:

- 1) Привести въ гласность всѣ войсковые капиталы.
- 2) Привести въ гласность всѣ дѣла въ Войсковыхъ и Окружныхъ присутственныхъ мѣстахъ.
- 3) Привести въ гласность всѣ источники доходовъ войсковыхъ и подумать объ ихъ увеличеніи.
- 4) Озаботиться дать казакамъ прежній воинственный духъ, который теперь вовсе утраченъ.
- 5) Подумать объ устройствѣ путей по войску. («Это степи и безъ признаковъ осѣдлой жизни», замѣтилъ Чернышевъ).
- 6) Указать и растолковать казакамъ всю благодѣтельность новаго закона. («Это особенно должно занять тебя», сказалъ Чернышевъ, и ты позаботься о томъ со всѣмъ умѣньемъ своимъ и знаніемъ обычаевъ и характера народнаго»).

7) Сказать архіерею, чтобы онъ внушалъ всѣмъ своимъ ораторамъ: учить и съ каедръ тому, чѣмъ отличались въ старину дѣды и отцы нынѣшнихъ казаковъ. Цѣлю должно быть, кромѣ благочестія, самоотверженіе на пользу престола и молодецтво казачье. Объ этомъ надобно внушать и всѣмъ учителямъ въ на-

родныхъ училищахъ. («Они первые проводники электричества народности», прибавилъ Чернышевъ).

8) Стараться, чтобы всѣ управленія, всѣ власти и лица, владѣющія началомъ, обходились съ казаками въ духѣ древней простоты, съ уваженіемъ къ лѣтамъ... надобно, чтобы патріархальность была главною чертою всѣхъ стремленій донскаго начальства. Этого хочетъ государь, этого должно хотѣть всякому, это желаетъ добра своему отечеству. («Ученыхъ уже и у васъ много; надобно желать побольше старинной доброты, да старинной простоты»).

13-го февраля атамана потребовалъ Государь и спросилъ его: не нужно-ли сдѣлать какихъ-либо перемѣнъ по вооруженію казаковъ?

— «Ты хорошо знаешь эту часть», сказалъ Государь, «кажется у нихъ все оружіе не единообразное. Я замѣтилъ это въ Калишѣ; разнокалиберность бросается въ глаза!»

Атаманъ отвѣтилъ, что теперешнее вооруженіе очень достаточно,—что у казаковъ именно не должно требовать строгаго единства въ формѣ, а въ вооруженіи особенно, потому что часто, и по большей части, сынъ и внукъ служатъ съ отцовскимъ, или съ дѣдовскимъ оружіемъ; что это даетъ казакамъ особый, имъ только свойственный характеръ, а стцовское ружье, да дѣдовская сабля, воспаменяютъ духъ молодежи къ подражанію имъ на полѣ брани.

Государь еще спросилъ: «хорошо-ли соблюдаются породы донскихъ лошадей?»

Атаманъ отозвался, что эта часть запущена.

Государь пожалѣлъ о небреженіи войскового начальства.

— «Да знаютъ-ли они, ваши правители, что казакъ и конь его, это наши центавры. Конь—душа казака! Конь казака долженъ быть вполнѣ пригоднымъ для казачьей службы! Я боюсь, что пренебрегая этимъ важнымъ предметомъ, у меня, чего смотри, и казаковъ не будетъ! Позаботься всячески сохранить породу донскихъ лошадей; надобно заимствовать эту породу отъ горскихъ, отъ киргизскихъ: съ одной стороны горы, съ другой степи—хорошее ручательство въ требуемой для казаковъ породѣ лошадей».

Вечеромъ того же 13-го февраля атаманъ былъ у военнаго министра. Онъ повторялъ слова государя и много говорилъ о томъ,

что въ послѣднюю войну съ турками лошади у казаковъ были уже не тѣ землеѣды (это собственное его слово), какихъ видѣли у нихъ въ отечественную войну.

— «Да и въ Петербургѣ, у лейб-казаконъ и атаманцевъ, все какіе-то уроды — ни донскіе, ни заводскіе. Вѣдь, конечно, въ гвардію выбираютъ и лошадей лучшихъ; но если и у ней лошади дрянн, то стало быть донская порода положительно уничтожается!»

Чернышевъ много говорилъ еще о скорѣйшемъ обмежеваніи донскихъ станичныхъ юртовъ и помѣщичьихъ имѣній, «что это откроетъ новые источники доходовъ, что это дастъ казакамъ имъ принадлежащее довольствіе, что это ограничитъ помѣщиковъ, этихъ феодаловъ Дона,³⁾ которые привыкли видѣть во всемъ, и въ народѣ и въ войсковыхъ земляхъ, своихъ вассаловъ и свои лены».

16-го февраля, утромъ, атаманъ откланивался императору.

Государь сказалъ: «вѣняйся донцамъ! Скажи имъ, что я люблю ихъ, что я не переставалъ думать о нихъ, какъ отецъ о дѣтяхъ. Скажи имъ, что давши имъ законъ, могущій создать ихъ благо и счастье, я, взаимно, жду отъ нихъ непоколебимой преданности и готовности, по моему слову, защищать гдѣ нужно и мои права и права нашего общаго отечества! Скажи имъ, что дѣды ихъ, что ихъ отцы были молодцами-богатырями; надѣюсь, что и они пойдутъ по ихъ дорогѣ!»

II.

4-го марта 1836 г. Власовъ прибылъ въ Новочеркасскъ. 5-го совершилось вступленіе его въ должность и присяга въ войсковомъ правленіи, въ присутствіи сенаторовъ Княжнина и Болгарскаго.

Вступленіе Власова въ званіе войсковаго наказнаго атамана ознаменовалось неожиданнымъ событіемъ: явною враждою его предмѣстника. Оказалось, что Кутейниковъ не предвидѣлъ своей перемѣны и вообразилъ, что она была слѣдствіемъ искательства Власова. Кутейниковъ принялъ пріѣхавшаго къ нему Власова холодно, сухо; не хотѣлъ ѣхать въ войсковое правленіе для передачи своего званія и атаманской насѣвки; едва уговорили его сдѣлать это сенаторы, а когда чрезъ два-три дня онъ вздумалъ дать обществу прощальный обѣдъ, то неудовольствіе свое на

³⁾Собственныя слова Чернышева.

Власова выразилъ самымъ дикимъ образомъ: не пригласилъ его на обѣдъ. Сенаторы узнали объ этомъ въ самый день обѣда, узнали и о томъ, что Кутейниковъ еще и не былъ у Власова съ отвѣтнымъ визитомъ. Оба они тотчасъ же отправились къ Кутейникову и внушили ему всю несообразность его поступковъ; они сказали ему даже, что если Власовъ не будетъ приглашенъ и если самъ онъ не поѣдетъ теперь же къ новому атаману съ своимъ отвѣтнымъ визитомъ, то сенаторы не вправѣ быть и сами на обѣдѣ, считая его непростительною демонстраціею противъ вновь поставленнаго государемъ начальника края.

Кутейниковъ поспѣшилъ надѣтъ мундиръ и тотчасъ же поѣхалъ къ Власову. Послѣдній принялъ его со всѣми знаками уваженія и почета, былъ съ нимъ радушенъ до-нельзя, сказалъ, что непременно будетъ обѣдать у него и что надѣется видѣть и его у себя на обѣдѣ, который онъ на дняхъ дастъ по случаю своего назначенія. Обѣдъ у Кутейникова шелъ скучно, натянуто; никакія попытки ловкаго сенатора Болгарскаго не могли поправить дѣла. И впослѣдствіи обѣдъ этотъ составлялъ басню города.

Зато данный чрезъ нѣсколько дней Власовымъ обѣдъ былъ замѣчательнъ радушіемъ хозяина, громкимъ, веселымъ разговоромъ всего общества, лившимися анекдотами о боевомъ казацкѣмъ удалствѣ. Всѣ невольно вспомнили обѣдъ Кутейникова и рѣзкую противоположность его... Странно, что это, повидимому ничтожное обстоятельство, родило важныя послѣдствія: общество заговорило о разницѣ ума и способностей Кутейникова и Власова, сообразно съ характерами ихъ обѣдовъ.

Дѣйствительно, Власовъ былъ, безспорно, умный человекъ. Сынъ бѣднаго донскаго офицера, оставленный шедшимъ на службу отцомъ въ Кіевопечерской лаврѣ на воспитаніе монаховъ, Власовъ получилъ самое ограниченное образованіе, но богатая способности его и, потомъ, прилежное чтеніе, очень развили его. Нельзя было не удивляться его быстрымъ соображеніямъ въ самыхъ запутанныхъ дѣлахъ, его умѣнью достойно держать себя во всякомъ обществѣ. Искренно сознавая свою отсталость отъ современныхъ условій и требованій общества, онъ съ замѣчательнымъ тактомъ усвоилъ себѣ типъ простодушнаго старика, которому надобно прощать все, несообразное съ современными требованіями, и прощать потому, что онъ человекъ ѣдрюгаго вѣка. Онъ умѣлъ

поставить себя такъ, что общество было увѣрено въ полной готовности его поощрять всякое научное развитіе въ краѣ и всякія въ немъ прогрессивныя дѣйствія. Онъ былъ очень набоженъ, хорошо зналъ церковный кругъ священнодѣйствія, конечно, по полученному воспитанію у монаховъ, любилъ благотворить щедро рукою, умѣлъ отечески снисходить ко всякимъ проявленіямъ буйной молодости, но вообще былъ характера подозрительнаго: во всемъ опасался обмана, во всемъ подозрѣвалъ неискренность и самъ хитрилъ на каждомъ шагу,—хитрилъ отнюдь не съ предосудительными цѣлями, а просто по особенностямъ своего характера, сложившагося, быть можетъ, подъ условіями собственныхъ, продолжительныхъ, жизненныхъ неудачъ.

Въ описываемое нами время общество Новочеркасска являло изъ себя смѣсь татарскихъ нравовъ съ кое-какими понятіями о цивилизаціи. Татарщина обозначалась рѣзко въ обычаяхъ, разговорахъ, понятіяхъ. Попытки въ цивилизованной жизни и взглядахъ встрѣчали въ большинствѣ членовъ общества иронію и даже насмѣшки. Сближенія обѣихъ половъ не существовало; знанные вечера отличались страшною скукою: въ одной комнатѣ играли въ бостонъ и вистъ пожилые, въ другой молодежь журила и толковала о лошадяхъ, собакахъ, охотѣ на зайцевъ и волковъ, въ третей комнатѣ возсѣдали пожилыя дамы, переливая изъ пустого въ порожнее, или остра языки надъ ближними, въ четвертой, подальше отъ мужчинъ, изнывали дѣвицы, не смѣя позволить себѣ ни громкихъ разговоровъ, ни смѣха. Общественныхъ официальныхъ собраній, не существовало. Жизнь шла бездѣлтно, скучно. Зато и не было, кажется, на матушкинъ-Руси города, въ которомъ такъ широко разрослось сплетничество, пересуды другъ друга; не было въ Новочеркассѣ и недостатка въ партіяхъ: самая многочисленная была партія «Кутейниковская»; кромѣ обширной семьи родственниковъ и свойственниковъ бывшаго атамана, въ этой партіи принадлежалъ весь чиновный людъ, предвидѣвшій въ Власовѣ энергическаго служебнаго дѣятеля, могущаго положить конецъ выгоднымъ для этого люда старымъ порядкамъ; была партія такъ называемыхъ «аристократовъ» нашихъ, обидѣвшихся назначеніемъ атамана не изъ ихъ среды; была партія «Кузнецовская», надѣявшаяся, что Кутейникова смѣнитъ генераль Кузнецовъ, командиръ атаманскаго полка, умный и лов-

кій человѣкъ, бывшій адъютантомъ знаменитаго Платова, а потомъ Денисова; была еще партія «Бердяевская»; въ ней принадлежали не многіе изъ числа приближенныхъ къ нему по службѣ лицъ; Власова же партія еще не сформировалась, отъ неизвѣстности характера новаго атамана и его направленія, но, нельзя не сознаться, что кругъ его почитателей былъ очень не обширенъ.

Еще до пріѣзда Власова распространился слухъ въ Черкасскѣ, что новый атаманъ посылается съ цѣлю: повернуть весь Донъ, водворить въ немъ элементы общаго государственнаго управленія, вести Донъ къ воспринятію солдатчины, тѣснить донскихъ помещиковъ, унижить, уничтожить все, имѣющее видъ аристократіи; но... не исчислить всего, что толковалось въ Черкасскѣ... Общество такъ было настроено противъ Власова, что не было самой нелѣпѣйшей идеи, которую бы оно не было готово принять за истину.

Жилъ тогда въ Черкасскѣ, въ самомъ грустномъ уединеніи, въ самомъ жалкомъ, болѣзненномъ состояніи, бывшій войсковою атаманъ, А. В. Иловайскій.

Всѣ знали, что Иловайскій, во время своего могущества, тѣснилъ Власова, бывшаго подъ судомъ по доносу о разореніи, будто бы, имъ за Кубанью мирныхъ натухайцевъ.¹⁾ И вотъ начали толковать, что теперь Власовъ начнетъ мстить Иловайскому въ его дѣтяхъ... Какъ же всѣхъ удивило, что Власовъ, на третій день своего пріѣзда въ Новочеркасскъ, поѣхалъ къ Иловайскому, въ мундирѣ; оказалъ ему всѣ знаки уваженія и дружескаго состраданія,—что Власовъ обласкалъ всѣхъ трехъ сыновей его и предложилъ имъ служить съ нимъ или въ его штабѣ, или по выборамъ... Поступокъ этотъ произвелъ въ новочеркасскомъ обществѣ огромный эффектъ; а когда, черезъ нѣсколько дней, пріѣхалъ въ Новочеркасскъ другой бывшій атаманъ, Адрианъ Карповичъ Денисовъ, и Власовъ самъ первый сдѣлалъ визитъ суворовскому ветерану, то всѣ общества видимо начали склоняться на сторону Власова; въ праздничный день стали появляться въ его пріемной уже и Иловайскіе, и Платовы, и даже приверженцы кутейниковской партіи.

Власовъ съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ большее и большее

¹⁾ Власовъ тогда былъ командующимъ черноморскимъ казачьимъ войскомъ, много дѣлалъ усилѣнныхъ экспедицій въ горы для мести черкесамъ за набѣги ихъ въ казачьи стаціи и за ихъ разоренія.

расположеніе въ себѣ своими дѣйствіями. Онъ строго требовалъ справедливости окружныхъ судовъ и дѣятельности засѣдателей; обратилъ особое вниманіе на личности въ войсковыхъ присутственныхъ мѣстахъ, и извѣстныхъ всѣмъ подъячихъ, готовыхъ продавать себя обѣимъ тяжущимся сторонамъ, началъ безпощадно изгонять.

Причину не прибытія въ церемоніалу обнародованія войскового положенія, 1-го января 1836 г., старшихъ донскихъ генераловъ и знатнѣйшихъ помѣщиковъ, Власовъ доказалъ несвоевременными повѣстками и увѣрилъ государя въ полной благодарности всего края за вновь дарованный законъ. Въ удостовѣреніе этого тогда же послана отъ войска депутація со всеподданнѣйшею благодарностію за «войсковое положеніе».

Депутацію эту составляли: войсковою дворянскій депутатъ (губ. пред. двор.) генерал-маіоръ Рубашкинъ, командиръ атаманскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка ген.-маіоръ Кузнецовъ, отставной ген.-маіоръ Семенъ Филиповичъ Долотинъ, заслуженный и израненный полковникъ Алексѣй Емельяновичъ Поповъ, урядникъ отъ войсковыхъ нижнихъ чиновъ Савовниковъ, казаки отъ донскаго торговаго общества: Шейкинъ и Сербиновъ, и калмыцкій бакша-Гилюнъ. Депутація эта принята императоромъ весьма милостиво и всѣ члены ея получили награды.

Въ іюнѣ Власовъ отправился въ окружныя начальства и въ станицы. Поѣздка его принесла огромную пользу краю, потому что онъ самъ пересмотрѣлъ всѣ производящіяся въ начальствахъ дѣла и хотя не могъ внннуть въ каждое, но одна мысль, что дѣла подвергаются ревизіи строгаго и знающаго дѣлопроизводство начальника, обузда многихъ и невольно заставила строже держаться законности.

Въ то же время Власовъ далъ толчокъ и военному дѣлу Донскаго края: онъ собралъ въ четырехъ пунктахъ всѣхъ наличныхъ казаковъ, составилъ изъ нихъ полки и произвелъ необходимыя для казаковъ движенія и эволюціи. Но что представили эти полки: ни одинъ офицеръ, ни одинъ казакъ не зналъ фронта, это были — стада овецъ! И закаленный въ бояхъ воинъ не могъ безъ слезъ рассказывать, до чего запущена на Дону воинственность... Немедленно онъ далъ повелѣнія окружнымъ генераламъ

(Харитонову, Шамшеву, Золотареву, Грекову) заняться вооруженіемъ, обмундированіемъ, амунициею казаковъ, упражнять ихъ по праздникамъ въ стрѣльбѣ, въ ѣздѣ на лошадахъ, въ выправкѣ и въ первыхъ понятіяхъ о фронтѣ.

А между тѣмъ сенаторы еще не уѣзжали изъ Черкаска: они также объѣзжали все войско, вводя въ самыхъ начальствахъ и въ нѣкоторыхъ станицахъ формы новаго управленія. По возвращеніи своемъ въ Черкасскъ, Власовъ далъ имъ обѣдъ, а дворянство—балъ. Они уѣхали, сопровождаемые общими просьбами всѣхъ сословій «повергнуть предъ государемъ глубокую благодарность войска за данный ему новый законъ».

Говоря объ отъѣздѣ сенаторовъ, нельзя не коснуться ихъ характеристики и занятій въ Черкасскѣ.

Одинъ изъ нихъ, генерал-лейтенантъ Борисъ Яковлевичъ Княжнинъ, живя въ Новочеркасскѣ, хотѣлъ знать все, что дѣлается и что говорится въ обществѣ и народѣ; съ этою цѣлю дни и ночи бродилъ онъ по городу и его окрестностямъ, явно и тайно; переодѣвался въ костюмы простыхъ казаковъ и мужиковъ; но инкогнито его было всюду неудачное: выразительная фізіономія его рѣзко бросалась въ глаза каждому и, по городу ходила бездна анекдотовъ, какъ обругали его въ одномъ мѣстѣ, какъ осмѣяли въ другомъ, какъ умышленно заподозрили въ немъ вора или поджигателя въ третьемъ мѣстѣ, и сколько стоило ему хлопотъ избѣжать скандала быть представленнымъ въ полицію! Но ничего не могъ Княжнинъ ни узнать, ни услышать вреднаго для правительства среди казачьяго населенія и, конецъ-концовъ его тревогъ и розысковъ былъ тотъ, что онъ засвидѣтельствовалъ и Власову, и военному министру о безусловной преданности Донцовъ верховной власти.

Другой сенаторъ, тайный совѣтникъ Василій Ивановичъ Болгарскій, извѣстенъ былъ какъ преданнѣйшій человѣкъ Чернышеву и ведшій съ нимъ секретную переписку обо всемъ—что дѣлаютъ, что говорятъ, что думаютъ въ Новочеркасскѣ и на всемъ Тихомъ-Дону. За недостаткомъ истинныхъ матеріаловъ для интереса писемъ, онъ не прочь былъ и на придуманье ихъ. Вообще личность Болгарскаго была замѣчательна по тонкому уму его, по вкрадчивой манерѣ и ораторскимъ замашкамъ. Всѣ знали его іезуитизмъ; а между тѣмъ онъ всюду, во всѣхъ новочеркасскихъ

домахъ, былъ желанный гость, — и для стариковъ и для молодежи... Но энергическій проповѣдникъ неумытнѣйшей честности и безкорыстія, онъ едва-ли примѣнялъ эти прекрасныя правила въ самому себѣ. Василій Ивановичъ былъ вумиромъ всѣхъ нашихъ сословіи, и такъ полюбилъ новочеркасское общество, что, разставаясь съ нимъ, пролилъ слезы...

Съ отъѣздомъ сенаторовъ жизнь новочеркасская потекла ровнѣе, спокойнѣе. Всѣ занялись своимъ дѣломъ безъ помѣхи, безъ разсѣяній заботами—чѣмъ занять сенаторовъ. Власовъ неумолимо заглядывалъ во всѣ конурки войсковой администраціи, всюду водворялъ порядокъ и законный ходъ дѣлъ.

III.

Въ концѣ 1836 года получено было Власовымъ увѣдомленіе военнаго министра, что императоръ въ будущемъ году изволитъ посѣтить войско донское и, въ войсковомъ кругу вручить Наслѣднику Цесаревичу «перначъ» — знакъ атаманскаго достоинства.

Власовъ тогда не зналъ уже покоя, готовясь къ встрѣчѣ высокихъ гостей: онъ хлопоталъ о ремонтірованіи и украшеніи войсковыхъ зданій; заботился о приличіи наружнаго вида города; о срытіи и выкладкѣ камнемъ городскихъ спусковъ и улицъ; собиралъ въ разныхъ пунктахъ офицеровъ и казаковъ для ученій и маневрированій; толковалъ съ дворянами и купечествомъ о приличномъ приѣмѣ Государя и Наслѣдника, и проч.

17-го октября, передъ вечеромъ, прибылъ Наслѣдникъ Цесаревичъ въ Аксай.¹⁾

21-го октября императоръ Николай Павловичъ сдѣлалъ смотръ собраннымъ въ Новочеркасскѣ войскамъ. Всего было на смотру 2 дивизіона л.-гв. казачьяго полка, 2 дивизіона атаманскаго его высочества Наслѣдника Цесаревича полка, 2 дивизіона л.-гв. донской конно-артилерійской батареи, 22 полевыхъ полка (временно сформированныхъ изъ наличныхъ офицеровъ и казаковъ) и 3 донскихъ конно-артилерійскихъ батарей. Смотръ былъ очень неудаченъ. Люди полевыхъ полковъ не держали равненія, офи-

¹⁾ Подробности этого событія, равно пребыванія на Дону въ октябрѣ 1837 г. императора Николая Павловича разсказаны авторомъ въ особой статьѣ. *Ред.*

перы и урядники не знали своихъ мѣстъ, даже бѣольшая часть полковыхъ командировъ не имѣли понятія о фронтѣ; въ довершенію всего государь обратилъ вниманіе на дурныхъ казачьихъ лошадей, на разнообразную и весьма плохую обмундировку казаковъ, на всякое отсутствіе казацкой молодецеской посадки на лошадахъ и, вообще, въ справедливомъ неудовольствіи своемъ, Государь сказалъ Власову:

— «Я ожидалъ видѣть двадцать два полка казаковъ, а вижу вашихъ-то мужиковъ. И что за офицеры, какіе полковые командиры: никто не имѣетъ понятія о фронтѣ! а лошади — это не казачьи лошади, — это мужичьи».

Сказавши все это, государь уѣхалъ на квартиру. Вслѣдъ за нимъ уѣхалъ и Власовъ. Бѣдный старикъ ожидалъ неудачи смотра, но не въ такой степени; конечно, полки были не тѣ, какіе государь видѣлъ въ арміи; но это и не могло быть иначе: тамъ люди получали содержаніе и полковое начальство требовало отъ нихъ новой, однообразной и приличной обмундировки и амуниціи; тамъ офицеры и полковые командиры, получивъ въ свое завѣдываніе часть и зная, что отвѣчаютъ за нее въ продолженіи трехъ лѣтъ бытности на дѣйствительной службѣ, прилагаютъ всѣ свои усилія поставить ее въ стройный видъ и имѣютъ время учить ее, хотя въ дробныхъ командахъ; а здѣсь собраны были изъ домовъ всѣ льготные люди. До пріѣзда Власова, войсковое начальство и не думало повѣрять исправность наличныхъ казаковъ въ обмундированіи и вооруженіи, а о фронтowychъ занятіяхъ ихъ и не могло заботиться, потому что тогда и строевого казачьяго устава еще не существовало. Если въ служащихъ полкахъ учили казаковъ, то каждый училъ какъ умѣлъ, или какъ наставляли его офицеры и казаки, бывшіе когда-нибудь въ гвардейскихъ полкахъ нашихъ, или въ артилеріи.

Все это Власовъ объяснилъ государю подробно, и слѣдствіемъ того было высочайшее повелѣніе: 1) немедленно заняться составленіемъ казачьяго строевого устава; 2) составить проектъ однообразнаго вооруженія и обмундированія донскихъ полковъ, и 3) употребить всѣ правительственныя мѣры и усилія къ сохраненію и улучшенію сорта донскихъ лошадей.

Государь выѣхалъ изъ Черкаска рано утромъ 22-го октября 1837 г.

Съ дороги прислано высочайшее повелѣніе — всячески озаботиться о поддержаніи породы донскихъ лошадей, такъ какъ государь находитъ ее въ совершенномъ упадкѣ по видѣнному имъ образчику станичныхъ табуновъ въ станицѣ Каменской.

IV.

Весь 1838 годъ Власовъ былъ неутомимъ въ дѣятельности по устройству края. Вездѣ онъ былъ самъ, все видѣлъ лично; окружные суды его трепетали; въ станицахъ онъ самъ повѣрялъ очереди казаковъ и велѣлъ публиковать очередные списки, въ 4-мъ округѣ открылъ нѣкоторые беспорядки по наряду казаковъ въ полки, назначавшіеся на смотръ государя и выгналъ изъ службы виновнаго въ томъ чиновника.

Въ 1839 году назначенъ новый начальникъ штаба, генерал-майоръ Хомутовъ, и пріѣхалъ въ Новочеркасскъ въ августѣ. Замѣчательнымъ умѣньемъ почтить старика онъ скоро приобрѣлъ расположеніе Власова, а ловкостью своего обхожденія успѣлъ понравиться и дворянамъ и простымъ казакамъ.

Въ 1840 году атаманъ и его начальникъ штаба объѣхали всѣ станицы донскаго войска, раздѣливъ этотъ объѣздъ на двѣ части: Власовъ осмотрѣлъ 3-й и 4-й, а Хомутовъ 1-й и 2-й округа. Они вникали во всѣ части управленія краемъ и строго преслѣдовали всякій произволь, всякую неурядицу, а по военной части положили твердое начало улучшеній — въ очередяхъ, вооруженіи, обмундированіи и фронтѣ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1841 г. Власовъ получилъ приглашеніе присутствовать при бракосочетаніи августѣйшаго атамана и 25-го марта отправился въ путь, но что это былъ за путь: таковыя снѣга, вскрывающіяся и разливающіяся рѣки представляли буквально на каждомъ шагу всякія препятствія и даже опасности! Едва 12-го апрѣля Власовъ успѣлъ доѣхать до Москвы и, узнавши, что бракъ назначенъ 16-го, поспѣшилъ тотчасъ же выѣхать изъ Москвы; въ Петербургъ пріѣхалъ онъ 15-го, вечеромъ.

16-го апрѣля, рано утромъ, Власову присланъ пожалованный ему въ тотъ день орденъ св. Владиміра 1-й ст. Послѣ торжественнаго брачнаго обѣда, Государь, обходя гостей, увидѣлъ Власова

и, положа руку на плечо его, сказалъ: «ну, Слава Богу, оженили мы атамана вашего. Любите и атаманшу, какъ его любите!»

— У донцовъ вашего величества любовь къ монарху и августѣйшей фамилии его составляетъ другую религію ихъ. Семейную радость вашу они примутъ, какъ радость собственную свою. Позволь, государь, въ этотъ радостный для всей Россіи день, попросить у тебя особую милость твоимъ вѣрнымъ донцамъ». Съ этими словами Власовъ, опускаясь на колѣно, подалъ государю бумагу.

Императоръ видимо былъ недоволенъ несвоевременною просьбою.

Чтобъ разъяснить въ чемъ заключалась эта просьба Власова, надобно обратиться къ прошлому.

Еще въ Польшѣ, Власовъ вполне понималъ горькое положеніе донскихъ офицеровъ, никакъ не могущихъ содержать себя и лошадей тогдашнимъ жалкимъ окладомъ (71 руб. сер. въ годъ). Это его крайне беспокоило и онъ много разъ просилъ фельдмаршала Паскевича походатайствовать объ увеличеніи жалованья донскимъ офицерамъ, доказывая, что скудное содержаніе вредно и для службы, вынуждая офицеровъ нашихъ рѣшаться, изъ крайней необходимости, пропускать контрабанду, посягать на казачье довольствіе, и проч. Фельдмаршалъ, хотя и соглашался съ справедливостію настоятельства Власова, но не представлялъ объ увеличеніи жалованья, ограничивался паліативными мѣрами и два раза, въ 1834 и 1835 годахъ, давалъ денежное пособіе стоящимъ на пограничной линіи донскимъ офицерамъ, изъ таможенныхъ сборовъ: хорунжимъ по 50, сотникамъ по 70, есауламъ по 100 руб. сер. въ годъ.

Въ 1836 г., при назначеніи Власова войсковымъ наказнымъ атаманомъ, онъ просилъ Чернышева исходатайствовать у государя увеличеніе жалованья донскимъ офицерамъ, но Чернышевъ сказалъ: «подожди, теперь не время». Въ 1837 г., во время бытности государя въ Новочеркасскѣ, Власовъ подалъ ему записку объ этомъ же предметѣ. Государь сказалъ: «Я поговорю съ министромъ финансовъ», и въ 1838 г. присланъ отвѣтъ, что состоящіе государственныхъ финансовъ не позволяютъ въ настоящее время рѣшиться на такой, новый, значительный расходъ изъ государственнаго казначейства. Вотъ Власовъ и разсчиталъ, что день бракосочетанія августѣйшаго атамана есть самый вѣрный случай достигнуть желаемого. Черезъ часъ, по возвращеніи изъ

дворца, къ Власову прїѣхалъ встревоженный Чернышевъ. «Что ты надѣлалъ, сумасшедшій! Вѣдь тамъ были иностранные послы, и они видѣли, что ты, въ этотъ торжественный день, просилъ о чемъ-то государя и подалъ ему просьбу. Это не ловко, не деликатно передъ чужими людьми».

— Да что мнѣ за надобность, что тутъ были иностранные послы! И отчего при нихъ неловко просить своего государя, своего отца о дѣтяхъ его, объ его вѣрныхъ слугахъ, которымъ ѣсть нечего!... А я вотъ что скажу: лучше мнѣ теперь уходить съ атаманства, когда оно не даетъ мнѣ права даже просить за своихъ подчиненныхъ; мнѣ стыдно будетъ и глаза показать передъ ними...

— «Ну, перестань, расходился!... Сказали тебѣ и разъ, и два «нельзя теперь», ну и подождать бы. Да и то сказать: какъ сумѣлъ взяться-то за дѣло: вѣдь это по-медвѣжьи! Надобно было найти болѣе удобную минуту, да не сразу, не ломать ворота, а приглядѣться къ нимъ и примѣтить, какъ потише открыть ихъ!»

— Да что я, К—ль что-ли каковой, что долженъ іезуитствовать!—вскричалъ Власовъ.

— «А что тебѣ К—ль сдѣлалъ?» спросилъ Чернышевъ.

— Ошибся, назвалъ К—ля: я хотѣлъ назвать этого хитраго итальянца, что научилъ всѣхъ васъ, придворныхъ, говорить не то, что думаете...

Чернышевъ грохнулъ смѣхомъ: «Махиавель что-ли?»

— Ну да, Махиавель, Махиавель... И то сказать—вѣдь и К—ль-то вашъ стѣбитъ Махиавеля!

Чернышевъ заливался смѣхомъ, и все повторялъ: «К—ль! К—ль!»... Нахохотавшись вдоволь онъ всталъ: «смотри же, сегодня на балѣ будь весель!»

— Не поѣду я нигуда, не хочется уже нигуда и показываться.

— «Поѣдешь, непременно поѣдешь! Развѣ лучше для казаковъ будетъ, если ты уйдешь съ атаманства, да дашь имъ вмѣсто себя какого-нибудь новаго деспота; тебя же тогда будутъ проклипать, что немогъ перетерпѣть. Нѣтъ, братъ, если точно любишь казаковъ, такъ перетерпи... Да вѣдь ты и самъ знаешь хорошо: какъ государь добръ и какъ расположенъ къ тебѣ!...»

Дѣйствительно, гнѣвъ государя былъ мгновенный: на балѣ Власовъ былъ обласканъ и имъ и императрицею.

«Не могу не замѣтить здѣсь», пишетъ г. Поповъ, «памятнаго для меня случая: назначенъибылъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ брака, парадъ войскъ. За часъ до парада получается приказаніе «генераламъ, имѣющимъ прусскія ленты, быть въ оныхъ». Засуетился Власовъ; онъ имѣлъ ленту Краснаго орла, но не носилъ ее и она съ орденомъ осталась дома. Тотчасъ же я поскакалъ въ магазины, нашель орденъ, звѣзду и ленту. Привожу къ Власову». А на какое плечо надѣть ее? спрашиваетъ онъ. Я сказалъ наугадъ «на правое». Поѣхали на парадъ, на Царицыномъ лугу. Опоздали: государь уже былъ тамъ, объѣхалъ войска и стоялъ въ ожиданіи императрицы. Едва увидѣлъ онъ Власова, подозвалъ его, нагнулся къ нему съ лошади и сказалъ тихо: «у тебя не на томъ плечѣ лента». Тотчасъ же Ермоловъ помогъ Власову переложить ленту съ одного плеча на другое. Стоя позади, я покраснѣлъ. Власовъ увидѣлъ меня, побивалъ головою и потомъ, при возвращеніи съ парада, началъ корить меня: «Какъ тебѣ не стыдно осрамить своего генерала!» Я вывернулся только тѣмъ, что если бы лента была надѣта какъ слѣдуетъ, то государь и не обратилъ бы на него вниманія, а теперь всѣ видѣли, какъ ласковъ онъ былъ къ нему. Власовъ расхохотался: «ты отсюду вывернешься», заключилъ онъ.

V.

Въ началѣ 1842 г. явился слухъ, что могущество Чернышева шатается, что ему грозитъ немилость царская, и что его преемникомъ будетъ Клейнмихель. Своро потомъ получено и официальное свѣдѣніе, что Чернышевъ ѣдетъ въ Грузію, для осмотра ея въ военномъ и административномъ отношеніи, и что онъ отправится туда изъ Одессы.

Слухи эти оправдались: Чернышевъ проѣхалъ изъ Одессы въ Грузію, и слухи о его паденіи все увеличивались; а между тѣмъ Клейнмихель, управлявшій за отсутствіемъ Чернышева военнымъ министерствомъ, все больше и больше принималъ на себя рѣшать самостоятельно различныя реформы и по Дону. Такъ тогда, между прочимъ, онъ испросилъ высочайшее повелѣніе о введеніи въ

войскѣ донскомъ откупной системы питейныхъ сборовъ, вмѣсто хозяйственной продажи вина распоряженіемъ войскового правленія. Эта новость сильно огорчила Власова потому, что она состоялась безъ всякаго сношенія съ нимъ; огорчила его эта новость и потому еще, что Власовъ самъ былъ противъ откуповъ и видѣлъ въ этой рѣшимости Клейнмихеля ясный знакъ паденія Чернышева, уничтожившаго на Дону учрежденный атаманомъ Денисовымъ откупъ и предавашаго суду многихъ лицъ по этому дѣлу.

Нетерпѣливо ждалъ Власовъ пріѣзда Чернышева въ Новочеркасскъ, чтобы выяснитъ, какъ ему поступить? Остаться въ должности своей въ министерствѣ Клейнмихеля—онъ не хотѣлъ положительно. Наконецъ Чернышевъ пріѣхалъ. Ему оказанъ въ Черкасскѣ самый блистательный пріемъ. Тотчасъ по пріѣздѣ, Чернышевъ отправился къ Власову и долго они пробесѣдовали вдвоемъ... Власовъ разсказалъ ему о всѣхъ слухахъ, о всѣхъ дѣйствіяхъ Клейнмихеля по войску донскому... Онъ сдѣлалъ Чернышеву прекрасный обѣдъ, на которомъ не было конца восхваленіямъ гостя и благодарности ему за всѣ труды на пользу войска, а дворянство донское дало прекрасный балъ.

Въ 1843 г. нашъ почтенный и всѣми любимый донской архіерей, Аѳанасій, оюнчательно потерялъ зрѣніе... Грустно ему было разставаться съ Дономъ, грустно было и донцамъ лишиться таковаго архипастыря. Особенно почувствовали мы это, когда пріѣхалъ преемникъ его, архіепископъ Игнатій: сравненіе обоихъ было далеко не въ пользу послѣдняго.

Новый преосвященный, съ первыхъ же дней по пріѣздѣ въ Новочеркасскъ, поссорился съ Власовымъ. Набожный атаманъ всякій праздникъ былъ у обѣдни, въ соборѣ. Являлся онъ въ церковь тотчасъ съ началомъ благовѣста. Зная объ этомъ, и о томъ, что израненный старикъ не можетъ долго стоять на ногахъ, бывшій преосвященный Аѳанасій улаживалъ такъ, что пріѣзжалъ въ церковь всегда раньше атамана, спѣшилъ облачиться, вмѣстѣ со входомъ атамана начиналъ обѣдню и кончалъ ее съ небольшимъ въ часъ. При новомъ архіереѣ, въ первую же обѣдню случилось такъ, что атаманъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ началомъ звона—архіерея еще не было въ церкви; атаманъ и весь штабъ его стоитъ полчаса—архіерея еще нѣтъ; проходитъ и еще полчаса—все нѣтъ архіерея... Наконецъ онъ пріѣхалъ, началъ облачаться медленно,

съ длинными молитвами, потомъ пошла обѣдня еще съ большею медленностію,—вончилось тѣмъ, что Власовъ простоялъ въ церкви болѣе трехъ часовъ. Приѣхавши домой, усталый, измученный, онъ сказалъ мнѣ: «вѣроятно новому архіерею не сказали, что я привыкъ приѣзжать въ церковь по первому удару въ колоколъ и что я не могу долго стоять на ногахъ. Поѣзжай, пожалуйста, разбясни это кому-нибудь изъ близкихъ къ преосвященному.

Я исполнилъ; но оказалось, что архіерей все это зналъ прежде и все-таки объявилъ, чтобы принято было за правило—благовѣстить къ обѣднѣ цѣлый часъ, дабы по этому звону народъ зналъ, что будетъ архіерейское служеніе; а служить обѣдню скоро онъ непривыкъ... Власовъ разсердился, и въ слѣдующее воскресенье поѣхалъ къ обѣднѣ въ Александровскую церковь, куда былъ отправленъ и хоръ войсковыхъ пѣвчихъ.

Во вторникъ былъ назначенъ торжественный актъ въ ново-черкасской гимназіи. Атаманъ просилъ меня поѣхать къ ключарю архіерейскому объявить, «что онъ приѣдетъ въ гимназію ровно въ половинѣ 5-го, желалъ бы, чтобъ и владыко приѣхалъ тогда же», и потому велѣлъ мнѣ поставить часы ключаря по часамъ нашимъ. Настаетъ вторникъ, атаманъ явился въ гимназію ровно въ половинѣ 5-го, архіерея еще нѣтъ; онъ не велѣлъ начинать акта въ ожиданіи его... Проходитъ еще полчаса—архіерея нѣтъ; атаманъ разсердился и приказалъ начинать, а директору велѣлъ встрѣтить архіерея съ пѣвчими. Уже въ половинѣ 6-го часа, ровно часомъ позже назначеннаго времени, прибылъ архіерей и, увидѣвши, что актъ давно начался, видимо разсердился, посидѣлъ нѣсколько минутъ и уѣхалъ. На другой день сдѣлалось извѣстно, что архіерей выходитъ изъ себя за оазываемое будто бы ему неуваженіе, что онъ долженъ первенствовать вездѣ, что атаманъ, какъ губернаторъ, долженъ сообразоваться съ преосвященнымъ, а не преосвященный съ атаманомъ, и что по этому онъ нигдѣ не будетъ показываться, чтобъ не компроментировать своего сана...

Услышавъ о такой выходкѣ архіерея, Власовъ съ своей стороны вспыхнулъ: «преосвященный забываетъ, что я не губернаторъ, а атаманъ войска донскаго и что мнѣ-то ужъ никакъ не приходится состоять въ его командѣ, а напротивъ, всѣ духовныя

лица донскаго края, какъ военной области, должны сообразоваться съ моими распоряженіями,— и это я докажу».

Но вспышка эта тѣмъ и кончилась. Скоро послѣ нее Власовъ уѣхалъ осмотрѣть собранныхъ на различныхъ пунктахъ донской земли льготныхъ казаковъ и обревизовать окружные суды, а преосвященный уѣхалъ также обозрѣвать свою епархію.

Прошло три мѣсяца. Оба возвратились въ Новочеркасскъ, сдѣлали другъ другу церемоніальные, самые натянутые визиты... Но какъ же я удивился, когда Власовъ, отдавъ визитъ архіерею, позвалъ меня въ кабинетъ и сказалъ: «набросай, другъ мой, черновое письмо отъ меня вн. Чернышеву, что новый архіепископъ нашъ объѣхалъ всю паству свою; внимательно обозрѣлъ всѣ церкви ея; подробно перевѣрилъ всѣ церковныя книги, утварь и прочее имущество; уничтожилъ нѣкоторые вравшіеся за болѣзнію предшественника его безпорядки въ донскихъ церквяхъ; строго внушилъ священно- и церковно-служителямъ ихъ обязанности и началъ благотворно дѣйствовать на умы самыхъ раскольниковъ края, а потому я убѣдительно прошу князя Александра Ивановича: исходатайствовать преосвященному Игнатію орденъ св. Владиміра 2-й ст., но съ тѣмъ, чтобы въ грамотѣ на этотъ орденъ непрѣмѣнно было сказано: по засвидѣтельствованію войскового наказнаго атамана войска донскаго, генерала отъ кавалеріи Власова, объ отлично усердной службѣ вашей, и проч... Ты, другъ мой, продолжалъ Власовъ, хорошенько выясни все это, да попроще».

Все понялъ я тогда и не могъ не отдать полной справедливости тонвому уму Власова.

Не прошло мѣсяца послѣ отсылки этого письма, какъ Власовъ получилъ грамоту и орденъ для архіерея. Въ грамотѣ именно употреблены были слова, о которыхъ просилъ Власовъ и онъ, прочитавъ грамоту, обратился ко мнѣ: «поѣзжай же, пожалуста, самъ въ архіерею; поздравь его отъ меня съ монаршею милостію и посмотри, какъ приметъ онъ все это».

Пріѣхалъ я къ преосвященному, и когда сказалъ, что атаманъ поручилъ мнѣ поздравить его съ монаршею милостію, съ орденъ св. Владиміра 2-й ст., то преосвященный изумился: «я не ожидалъ теперь награды; я недавно еще получилъ Анненскую ленту. Чтò это значить, откуда эта благодать?»

Я подалъ ему грамоту и орденъ. Когда преосвященный прочиталъ грамоту, то видимо сконфузился, впериль въ меня пристальный взглядъ и остался на нѣсколько мгновений безмолвенъ. Потомъ, снова прочиталъ грамоту и началъ ходить по комнатѣ. Наконецъ обратился ко мнѣ: «теперь вижу, что я подчиненный атамана, что я такой же подчиненный ему, какъ и всѣ служащіе въ войскѣ донскомъ!.. Теперь вижу, что я заблуждался, что я былъ неправъ... Постараюсь искупить свою вину! Но, какой великодушный, какой умный человекъ, нашъ атаманъ: какъ деликатно онъ образумилъ меня!.. Могу-ли я тотчасъ же поѣхать къ его высокопревосходительству съ моею благодарностію, съ моею повинною головою?»

Черезъ часъ преосвященный уже былъ у атамана съ новымъ орденомъ и звѣздою. Извиненіямъ его и благодарности конца не было. Съ тѣхъ поръ архіепископъ Игнатій былъ почтительнымъ и внимательнымъ къ Власову.

VI.

Особенныя событія для Дона въ 1844—1846 гг. заключались въ слѣдующемъ: въ этотъ періодъ начались требованія о заселеніи донскими казаками рѣки Сунжи и другихъ мѣстностей Кавказскихъ предгорій; въ этотъ періодъ архіепископъ Игнатій назначенъ на воронежскую кафедру и замѣненъ для Дона архіепископомъ Іоанномъ, умнымъ и добрымъ человекомъ, но болѣзненнымъ до того, что онъ не могъ часто совершать богослуженія и рѣшительно не могъ предпринять поѣздки для обзора своей епархіи.

Необходимо упомянуть, что 29-го августа 1845 года, въ 9-ть часовъ вечера, рухнулъ соборъ въ Новочеркасскѣ, строившійся съ 1805 года. Провидѣнію угодно было, что при этомъ страшномъ событіи не убитъ ни одинъ человекъ, хотя на постройкѣ находилось до тысячи рабочихъ и многіе изъ нихъ всякую ночь спали на лѣсахъ храма; паденіе совершилось именно въ часъ ужина рабочихъ въ баракѣ, устроенномъ близъ собора.

1847-й годъ страшенъ былъ для Дона: холера постигла почти всѣ мѣстности его и повсюду произвела ужасное опустошеніе.

Губительная язва шла изъ Грузіи неуклоннымъ маршрутомъ

своимъ по почтовому пути. Предувѣдленное объ этомъ шестивии страшной гостии, войсковое начальство озаботилось встрѣтить ее со всѣми облегчающими заразу средствами; но они оказались безсильны.

Вотъ прибѣжалъ гонецъ съ Егорлыцкаго карантина, съ вѣстію, что холера явилась уже тамъ: все послано туда, чтобъ подать помощь страдальцамъ, но еще день — она явилась въ Качальницкой станицѣ, а потомъ въ Ольгинской, Аксайской: все приближается и приближается къ Новочеркаску. Народонаселеніе города, слыша о массѣ пораженныхъ жертвъ въ Ольгинской и Аксайской станицахъ, встревожилось, приуныло.... И было отъ чего: въ Аксаѣ, на 5,000 населенія, заболѣвало въ сутки до 100 человекъ, умирало до 70 и болѣе. Туда поскакалъ начальникъ штаба съ адъютантами, съ докторами.... Вѣсти отъ нихъ все страшнѣе и страшнѣе. Заболѣли наконецъ и бывшіе тамъ доктора. Вотъ прискакалъ отъ Хомутова нарочный: аксайскіе жители, окончательно упавшіе духомъ отъ увеличивающихся съ каждымъ днемъ жертвъ, не вѣрятъ уже въ человѣческую помощь и ждутъ ее только свыше, а потому молятъ прислать имъ изъ Новочеркаска образъ Пресвятой Богородицы, Одигитрии, найденный два-три года назадъ тому въ пустомъ домѣ Аксайской станицы и взятый въ Новочеркасскъ по распоряженію преосвященнаго, для пресѣченія возникшаго въ станицѣ усиленаго поклоненія этому образу, яво чудотворному. Архіепископъ Іоаннъ не рѣшился отдать образъ, изъ опасенія отвѣтственности передъ св. синодомъ за самовольное признаніе его чудотворнымъ; но Власовъ далъ ему официальное требованіе отправить образъ съ подобающею церемонією въ Аксайскую станицу и самъ донесъ государю о своемъ распоряженіи, вызванномъ крайнею необходимостію поддержать упавшій духъ аксайскаго населенія. И едва икона вошла въ станицу, какъ уже, въ тотъ же самый день, заболѣвшихъ было гораздо менѣе, на другой день еще менѣе, и скоро болѣзнь совершенно прекратилась въ Аксаѣ. Съ исчезновеніемъ тамъ, она незамедлила явиться и въ Новочеркасскъ.... И сюда пришла она тѣми же маршрутными шагами своими: сначала показалась въ ближайшей къ аксайской дорогѣ части города, на западенской балкѣ; потомъ взшла на гору; потомъ на линію рынка, а тамъ на линію присутственныхъ мѣстъ и, наконецъ,

обхватила весь городъ... Изъ 16,000 жителей, заболѣвало въ сутки по 200, по 250 и, наконецъ, по 400 человекъ, умирало по 100, по 150 и, наконецъ, по 200 человекъ. Не было улицы, на которой не встрѣчались бы гробы,—не было дома въ городѣ, въ которомъ холера не взяла своей жертвы. Въ церквяхъ отпѣвалось по нѣскольку покойниковъ разомъ. Страхъ жителей достигъ до крайнихъ предѣловъ,—уныніе, отчаяніе, безнадежность написаны были на всѣхъ лицахъ!.. Наконецъ и тутъ, какъ въ Аксаѣ, народъ закричалъ, что надобно привезти изъ Аксаѣ чудотворную икону Богоматери. Власовъ немедленно распорядился объ исполненіи этого набожнаго желанія страдальцевъ, и 29-го августа образъ Пречистой Дѣвы торжественно внесенъ въ пораженный губительною язвою Новочеркасскъ. На другой день прибытія въ городъ иконы заболѣло уже гораздо менѣе, и съ каждымъ днемъ все менѣе.... Народъ повеселѣлъ, а святая икона переносилась изъ церкви въ церковь, молебствія передъ нею не прекращались ни на часъ и спасенный народъ вмѣстѣ съ молитвами усердно приносилъ и вещественные дары на украшеніе образа. Много собралось денегъ, жемчугу, драгоценныхъ камней и металла.

Въ шестинедѣльное свирѣпствованіе холеры умерло въ Новочеркасскѣ до пяти тысячъ человекъ. Были дома, въ которыхъ сдѣлались жертвами цѣлыя семейства.

Въ 1848 году, отправивъ къ западнымъ предѣламъ имперіи всю донскую гвардію и десять полевыхъ казачьихъ полковъ, Власовъ, въ маѣ мѣсяцѣ, получилъ новое высочайшее повелѣніе—сформировать и послать туда же еще шесть полковъ. Ревностный исполнитель велѣній обожаемаго имъ монарха, онъ самъ отправился въ округи войска, для осмотра новыхъ полковъ. Прибывъ туда, онъ нашелъ въ нихъ распространяющуюся холеру. Тотчасъ же принятыя имъ мѣры ослабили эпидемію и потомъ совершенно ее пресѣкли. Полки двинулись въ походъ; но Власовъ получилъ донесеніе, что холера явилась въ Хоперскомъ, Усть-Медвѣдицкомъ, Второмъ-Донскомъ округахъ, и страшно свирѣпствуетъ въ жилищахъ казаковъ. Вѣрный чувствамъ любви къ ближнему, онъ поскакалъ на мѣста плача человечества, и вездѣ являлся ангеломъ-утѣпителемъ; слышитъ и о другомъ бѣдствіи Глазуновской станицы—о страшномъ пожарѣ, истребившемъ почти все достояніе жителей, и старецъ спѣшитъ къ несчастнымъ, плачетъ съ без-

пріютными, дѣлится съ ними имуществомъ своимъ, обнадеживаетъ въ помощи монарха-благодѣтеля края. Наконецъ, 19-го іюня 1848 г., самъ поражается сильными припадками губительной эпидеміи и въ поддень 21-го іюня 1848 г. испускаетъ послѣдній вздохъ въ станицѣ Усть-Медвѣдицкой.....

Такъ окончилъ жизнь свою славный вождь донцовъ. Такъ исполнилъ онъ завѣтный глаголь евангелія и, бывъ истинно добрымъ начальникомъ родного края своего, онъ и «душу свою положилъ за благо дѣтей, подчиненныхъ своихъ». Послѣдними словами набожнаго старца была молитва: «Завтра услыши гласъ мой, Царю мой, и Боже мой!»

Императоръ въполнѣ оцѣнилъ службу почтеннаго атамана и въ рескриптѣ, послѣдовавшемъ 3-го іюля 1848 г. на имя исправляющаго должность войсковаго наказнаго атамана, ген.-лейт. Хомутова, такъ отозвался о покойномъ: «Съ душевнымъ сокрушеніемъ получили мы извѣстіе о кончинѣ наказнаго атамана войска донскаго, ген. отъ кавалеріи Власова. Ознаменовавъ долготлѣтнее поприще свое подвигами неустрашимости во время войны и государственными заслугами въ продолженіи управленія войскомъ донскимъ, сей доблестный старецъ почилъ, стяжавъ право на особенную нашу признательность».

Трудно исчислить труды Власова, какъ по введенію въ дѣйствіе новаго положенія, такъ и вообще за двѣнадцати-лѣтнее управленіе войскомъ донскимъ: онъ вновь устраивалъ всѣ части военнаго и гражданскаго управленія войска; образовалъ, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, полезныхъ для фронта и для внутренней службы чиновниковъ; улучшилъ народныя училища; привелъ въ извѣстность разнородные войсковые капиталы; обогатилъ войсковые запасы хлѣба на случай бѣдствія; обратилъ особенное вниманіе на станичное коннозаводство, какъ важную потребность казачьей службы; основалъ войсковой конскій заводъ; заботился о рассадкѣ лѣса на открытыхъ степяхъ, объ устройствѣ путей и сообщеній края, о торговлѣ и промышленности его, объ улучшеніи мѣстныхъ произведеній; не забыты имъ даже и калмыки донскіе, бывшіе до сего времени въ дикомъ, кочевомъ состояніи: тамъ явилось училище, въ которомъ читается и христіанскій законъ Божій, и правила языческаго вѣрованія, тамъ проявляются уже среди туземныхъ кибитокъ и чистые домики, тамъ, наконецъ,

видны обработанныя поля, и теперешній калмыкъ начинаетъ постигать выгоды осѣдлой жизни.

Всѣ полагали, что Власовъ имѣлъ огромные капиталы; но открылось, что всѣ эти капиталы заключались въ 19-ти тысячахъ рубляхъ серебромъ: почтенный старикъ всю жизнь свою благотворилъ и щедрою рукою раздавалъ бѣднымъ пособія; въ одномъ Новочеркасскѣ было нѣсколько бѣдныхъ старухъ, вдовъ заслуженныхъ офицеровъ, получавшихъ отъ него по 15-ти и по 20-ти р. сер. въ мѣсяцъ; а сколько раздавалъ онъ пожертвованій по церквямъ: всѣ жалованные ему брилліанты блестятъ на святыхъ иконахъ Раздорской станицы и Новочеркасскаго собора.

И.

ПЕРВОЕ БОМБАРДИРОВАНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ

5—13-го октября 1854 г.

(Изъ неизданнаго сочиненія М. И. Богдановича: «Восточная война 1853—1856 гг.»)

По отступленіи нашей арміи съ рѣви Алмы, союзники могли немедленно атаковать Севастополь съ сѣверной стороны, либо, перейдя на южную сторону, штурмовать слабыя севастопольскія укрѣпленія. Правда, при такомъ способѣ дѣйствій, они отказывались отъ облегченія атаки употребленіемъ привезенной ими съ собою осадной артиллеріи; но зато не дали бы намъ времени усилить защиту Севастополя инженерными работами и вооружить на-скоро возведенныя батареи орудіями большихъ калибровъ съ флота, которыя дали малочисленному севастопольскому гарнизону возможность бороться съ артиллеріей союзниковъ. По всей вѣроятности, принимая въ соображеніе значительное превосходство въ числѣ войскъ англо-французской арміи, которыя къ тому же могли быть сосредоточены въ любомъ пунктѣ, малочисленность войскъ нашего гарнизона, разнородный составъ ихъ и необходимость растянуть наши силы по всему протяженію кое-какъ набросанной оборонительной линіи, союзники могли, по переходѣ на южную сторону, взять городъ открытою силою; но, желая предварительно ослабить оборону и избѣжать потерь, неминуемыхъ при атакѣ укрѣпленій, они отложили нападеніе до выгрузки осадныхъ орудій и постройки батарей, и чрезъ то дали время защитникамъ Севастополя усилить оборону и продлить ее на 11 мѣсяцевъ.

Въ теченіе ночи съ 4-го на 5-е (съ 16-го на 17-е) октября, непріятель частью прорѣзалъ, частью открылъ заложенныя зем-

ляными мѣшками амбразуры въ устроенныхъ имъ батареяхъ. Союзные главнокомандующіе условились, чтобы въ 6½ часовъ слѣдующаго утра, по сигналу трехъ бомбъ, пущенныхъ съ французской батареи № 3, всѣ 126 орудій, стоявшихъ на батареяхъ, открыли огонь; тогда же адмиралы должны были поставить на шпринги свои эскадры и дѣйствовать по нашимъ приморскимъ укрѣпленіямъ. Но на разсвѣтѣ, 5-го (17) октября, еще прежде, нежели поданъ былъ условленный сигналъ, русскіе, замѣтя готовность къ открытію огня непріятельскихъ батарей, открыли по нимъ, какъ и въ прежніе дни, пальбу, на которую отвѣчали нѣсколько французскихъ орудій¹⁾. Когда же французы, около семи часовъ утра, подали условленный сигналъ тремя бомбами, обоюдная канонада раздалась по всей линіи. Несмотря на то, что наши батареи южной стороны были вооружены болѣе нежели тремястами орудіями, мы могли направить противъ непріятельскихъ батарей только 118 орудій (64 противъ французовъ и 54 противъ англичанъ); 160 орудій обстрѣливали другіе пункты впереди лежащей мѣстности; остальные 63 орудія служили для фланговой, тыльной и внутренней обороны²⁾.

Черезъ нѣсколько минутъ по открытіи общей канонады, густое облако дыма застлало всю окрестность Севастополя и солнце, взшедшее предъ тѣмъ во всемъ блескѣ, приняло видъ блѣднаго мѣсяца. Севастополь былъ какъ бы опоясанъ двумя огненными дугами: одною — собственныхъ и другою — непріятельскихъ выстрѣловъ. При громѣ орудій едва слышная трескотня барабановъ призывала войска обѣихъ сторонъ на защиту батарей. Самъ Корниловъ, со всѣмъ своимъ штабомъ, поскакалъ на 4-й бастионъ, которому, казалось, угрожала наибольшая опасность, и оттуда, вдоль оборонительной линіи, поѣхалъ на 5-й бастионъ, гдѣ Нахимовъ, въ обычномъ своемъ костюмѣ — сюртукѣ съ эполетами, уже раненый (къ счастью легко), навелъ орудія, становясь въ амбразурахъ, на-равнѣ съ моряками-комендорами. Съ обѣихъ сторонъ учащали стрѣльбу; у насъ нѣсколько разъ отдавалось приказаніе: „стрѣлять рѣже“, чтобы предупредить разрывъ орудій; но матросы, увлеченные боевою работою, не давали орудіямъ отдыха, поливая ихъ водою. Несмотря на ужасный огонь, женщины и дѣти подносили воду раненымъ, томив-

шимся жаждой; арестанты, испросивъ дозволеніе уносить раненыхъ, исполняли съ усердіемъ эту обязанность³⁾.

Защитники Севастополя были весьма недостаточно прикрыты отъ дѣйствія непріятельскихъ выстрѣловъ. Бруствера нашихъ батарей, насыпанные нѣ-скоро изъ сухой хрящеватой земли, не успѣвъ оверѣшнуть, осыпались отъ попадавшихъ въ нихъ снарядовъ; но наши солдаты, подъ градомъ падавшихъ на нихъ снарядовъ, немедленно исправляли разрушенное. Въ особенности же было обращено вниманіе на разчистку амбразуръ, чтобы, въ случаѣ штурма, имѣть возможность во всякое время встрѣтить непріятельскія колонны картечью. Несмотря однако же на дѣятельность и самоотверженіе севастопольцевъ, спустя не болѣе часа по открытіи бомбардированія, уже были сильно повреждены оборонительныя казармы 5-го и 6-го бастіоновъ и Малаховой башни; стоявшія за парашетомъ 5-го бастіона и на башнѣ орудія были принуждены замолчать. Зато, въ половинѣ 10-го часа, одна изъ нашихъ бомбъ взорвала пороховой погребъ на французской батарее № 4, на Рудольфовой горѣ. По нашей оборонительной линіи раздался громкій, торжественный возгласъ «ура!» Совершенное разстройство непріятеля послѣ взрыва на батарее позволило намъ усилить огонь противъ прочихъ французскихъ батарей. Вслѣдъ за первымъ взрывомъ, чрезъ полчаса, былъ взорванъ зарядный ящикъ на батарее № 1. Канонада французовъ постепенно слабѣла и около половины 11-го всѣ французскія батареи окончательно смолкли, что способствовало намъ немедленно приступить къ исправленію пороховыхъ погребковъ и амбразуръ праваго крыла оборонительной линіи⁴⁾.

На лѣвомъ же нашемъ крылѣ, гдѣ мы дѣйствовали изъ 54-хъ орудій противъ 73-хъ орудій, большаго калибра, стоявшихъ на англійскихъ батареяхъ, непріятель одержалъ перевѣсъ; особенно же пострадалъ 3-й бастіонъ, гдѣ командовалъ капитанъ 2-го ранга Попандопуло. Его сынъ, командиръ одной изъ батарей на томъ же бастіонѣ, былъ смертельно раненъ. Отецъ, отойдя только на нѣсколько минутъ къ сыну, чтобы поцѣловать и благословить его, продолжалъ распоряжаться дѣйствіями своихъ людей, пока не былъ самъ тяжело раненъ въ голову⁵⁾. На этомъ бастіонѣ, въ продолженіи перваго бомбардированія, шесть командировъ, одинъ послѣ другаго, были ранены, либо убиты⁶⁾.

По осмотръ укрѣпленій городской стороны, Корниловъ возвратился въ десятомъ часу утра на свою квартиру, въ домъ Волохова, и распорядился на счетъ снабженія батарей боевыми припасами. «Боюсь,—сказалъ онъ капитанъ-лейтенанту Попову, что нивакихъ средствъ не достанетъ для такой канонады». Тогда же князь Меншиковъ, осмотръвъ укрѣпленія Корабельной, переправился на Городскую сторону и, выслушавъ донесеніе Корнилова о дѣйствіяхъ на 1-мъ и 2-мъ отдѣленіяхъ, возвратился на сѣверную сторону, а Корниловъ, проводя главнокомандующаго до Графской пристани, поѣхалъ на 3-й бастионъ, гдѣ происходило наиболѣе жаркое дѣло. Между тѣмъ полковникъ Тотлебенъ, обозрѣвъ 1-е и 2-е отдѣленія, отправился на лѣвую сторону оборонительной линіи, нашелъ 3-й бастионъ въ полномъ разгарѣ боя и посѣтилъ Малаховъ курганъ, гдѣ матросы и саперы, возбужденные примѣромъ своего достойнаго начальника, контръ-адмирала Истомина, соперничали между собою въ усердіи и самоотверженіи. Обѣхавъ 3-е и 4-е отдѣленія и распорядившись дневными работами и, по возможности, безопаснымъ размѣщеніемъ войскъ, Тотлебенъ встрѣтилъ на Пересыпи Корнилова и донесъ ему о дѣйствіи артилеріи и ходѣ боя на Корабельной сторонѣ. Состоявшій при адмиралѣ лейтенантъ Жандръ убѣждалъ его возвратиться домой, представляя, что ему уже было извѣстно все, что дѣбалось на лѣвомъ флангѣ. «Что скажутъ обо мнѣ солдаты, если сегодня они меня не увидятъ?» возразилъ Корниловъ и, проѣхавъ чрезъ Пересыпь, поднялся по крутой тропинкѣ прямо къ 3-му бастиону. Тамъ встрѣтили его начальникъ артилеріи 3-го отдѣленія капитанъ 1-го ранга Ергомышевъ, командиръ бастиона капитанъ 2-го ранга Попандопуло и капитанъ-лейтенантъ Наленчъ-Рачинскій, вскорѣ послѣ того пораженный смертельно ядромъ. Всѣ они упрашивали адмирала не подвергать себя явной опасности, общая ему свято исполнить свой долгъ. «Я совершенно убѣжденъ,—отвѣчалъ Корниловъ, — что каждый изъ васъ поступитъ, какъ честь и обстоятельства требуютъ, но въ такой торжественный день имѣю душевную потребность видѣть нашихъ героевъ на полѣ ихъ отличія». Затѣмъ, поскакавъ вдоль траншей по направлению къ Малахову кургану, Корниловъ, на пути туда, приказалъ перевести Московскіе баталіоны за 1-й флигель Лазаревскихъ казармъ, чтобы укрыть людей отъ непріятельскихъ сна-

рядовъ. Когда онъ миновалъ Дововый мостъ и сталъ подниматься со стороны Корабельной, по западной покатости Малахова кургана, 44-й флотскій экипажъ привѣтствовалъ его громкими восклицаніями. «Будемъ кричать ура тогда, когда собьемъ англійскія батареи, а теперь покамѣстъ замолчали только эти», сказалъ адмиралъ, указывая на французскія батареи. Взвѣхавъ на курганъ, Корниловъ сошелъ съ лошади у праваго фланга ретраншаментъ, прикрывавшаго Малахову башню. Въ то время орудія на верхней площадкѣ башни уже были подбиты; Истоминъ продолжалъ стрѣлять изъ своихъ земляныхъ батарей, но какъ орудія малыхъ калибровъ, тамъ стоявшія, не могли съ успѣхомъ бороться съ сильною непріятельскою артилеріей, то Корниловъ приказалъ прекратить огонь съ башни, а самъ оставался у ней еще нѣсколько минутъ. Въ половинѣ 12-го часа, сказавъ: «ну, теперь пойдёмъ» сопровождавшему его лейтенанту Жандру, Корниловъ пошелъ къ брустверу батареи, за которымъ стояли лошади, и въ этотъ самый мигъ былъ раненъ ядромъ въ лѣвую ногу, у самаго живота. «Отстаивайте же Севастополь», сказалъ онъ окружающимъ его офицерамъ, и вслѣдъ за тѣмъ, потерявъ память, былъ перенесенъ въ морской госпиталь, гдѣ, обратясь къ свидѣтелю послѣднихъ минутъ его, капитанъ-лейтенанту Попову, произнесъ: «Скажите всѣмъ какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна»; потомъ, чрезъ нѣсколько времени, продолжалъ: «Благослови Господи Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ». Въ жестокихъ, почти непрерывныхъ страданіяхъ, въ заботахъ объ участи горячо имъ любимыхъ женъ и дѣтяхъ, Корниловъ, уже въ предсмертныя минуты, услышавъ говоръ окружавшихъ его офицеровъ, будто бы англійскія батареи были принужденны замолчать, собралъ послѣднія силы, произнесъ: «ура! ура!» и забылся, чтобы не пробуждаться болѣе⁷⁾.

Извѣстія объ успѣхѣ нашихъ дѣйствій противъ англичанъ не подтвердились. Напротивъ того, 3-й бастионъ, поражаемый съ англійскихъ батарей, стоявшихъ на Зеленой горѣ и на Воронцовской высотѣ, понесъ огромныя потери. Къ тремъ часамъ пополудни тамъ уже была сбита треть всего вооруженія, передъ остальными орудіями амбразуры совершенно разрушены, почти всѣ офицеры убиты, либо ранены, и, прислуга многихъ орудій замѣщена два раза. Но, несмотря на то, артиллеристы 3-го бастиона,

одушевленные примѣромъ своихъ храбрыхъ начальниковъ, капитана 1-го ранга Ергомышева и капитанъ-лейтенанта Лесли, продолжали обороняться до послѣдней крайности. Къ довершенію ихъ опаснаго положенія, около трехъ часовъ пополудни, неприятельскою бомбою былъ взорванъ пороховой погребецъ въ исходящемъ углѣ бастиона. Когда разсѣялся дымъ, то уцѣлѣвшіе люди увидѣли страшную картину: вся передняя часть бастиона была сброшена въ ровъ и весь бастионъ обратился въ кучу земли; вездѣ валялись опаленные, обезображенные трупы. При взрывѣ погибло болѣе ста человекъ, изъ коихъ отъ многихъ, въ томъ числѣ отъ капитанъ-лейтенанта Лесли, не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ. Несмотря на громъ выстрѣловъ, слышны были громкіе крики «ура!» въ траншеяхъ англичанъ. Съ нашей стороны ожидали, что неприятель, пользуясь столь рѣшительнымъ успѣхомъ, пойдетъ на штурмъ. Казалось, дальнѣйшая оборона бастиона сдѣлалась невозможною; но ничто не могло поколебать стойкости его защитниковъ. Прислуга артилеріи и офицеры были немедленно замѣщены другими людьми, которые тотчасъ начали приводить въ порядокъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ орудій; а между тѣмъ, для отвлеченія выстрѣловъ неприятеля отъ взорваннаго бастиона, батарея Будищева, съ громкими криками «ура!», участвовала огонь по англійскимъ батареямъ. Однимъ изъ нашихъ выстрѣловъ былъ взорванъ зарядный ящикъ на англійской батарее. Съ корабля «Ягудиль» свезена на 3-й бастионъ команда въ 75 человекъ, изъ коихъ на другой день, вечеромъ, возвратились на корабль только 25; прочіе же всѣ были убиты, или ранены. Для подноски зарядовъ отъ госпитальной пристани къ бастиону, посланы охотники, которые, проходя подъ сильнѣйшимъ неприятельскимъ огнемъ, болѣею частью погибли. Около 4-хъ часовъ пополудни на Малаховомъ курганѣ взлетѣлъ на воздухъ пороховой ящикъ, не причинивъ значительнаго вреда⁸⁾.

Между тѣмъ, около полудня, Союзныя эскадры приняли участіе въ бомбардированіи Севастополя. Первоначальное предположеніе Союзниковъ—открыть дѣйствія одновременно съ сухаго пути и съ моря—не могло быть исполнено, по случаю штиля, не дозволившаго эскадрамъ прибыть въ условленное время изъ Камышевой бухты и отъ устья Качи къ Севастополю. Корабли, буксируемые пароходами, двигались медленно и приняли участіе

въ бою гораздо позже сухопутныхъ батарей. По предложенію адмирала Гамелена, Союзныя эскадры построились въ линію, на разстояніи отъ входа на рейдъ около 700—800 сажень. На правомъ крылѣ, противъ батареи № 10-го и Александровскаго форта стали 14 французскихъ, болѣею частью парусныхъ, кораблей съ нѣсколькими пароходами и меньшими судами; на лѣвомъ крылѣ, противъ Константиновскаго форта, 11 англійскихъ кораблей и нѣсколько меньшихъ судовъ; а въ промежуткѣ между французскою и англійскою эскадрами два турецкихъ корабля. Вообще же непріятельскій флотъ занималъ охватывающую позицію отъ Херсонской бухты до Волоховой башни, протяженіемъ около трехъ верстъ. Причина, побудившая союзниковъ расположиться на значительномъ разстояніи отъ нашихъ укрѣпленій, не позволявшемъ нанести рѣшительный ударъ съ моря, было опасеніе за судьбу флота, составлявшаго основаніе дѣйствій англо-французской арміи, и въ тому же адмиралъ Дундасъ неохотно принималъ участіе въ нападеніи на Севастополь, считая безумнымъ сражаться за деревянными стѣнами противъ русскихъ, стоявшихъ за стѣнами изъ камня ⁹⁾. Сами союзные адмиралы сознавались, что они не имѣли въ виду дѣйствовать рѣшительно, ограничиваясь диверсією, для облегченія атаки со стороны сухаго пути.

Въ началѣ перваго часа пополудни загремѣли первые залпы съ кораблей непріятельскихъ; по мѣрѣ того, какъ входили въ линію отставшія суда, канонада усиливалась. Съ нашей стороны отвѣчали на нее всѣ орудія, обращенныя къ морю съ батарей: № 10-го, Александровской, Константиновской, Карташевскаго и Волоховой башни.

14 французскихъ и 2 турецкихъ корабля, на коихъ было 1,490 орудій ¹⁰⁾, дѣйствовали изъ 745-ти орудій одного борта, съ дистанціи около 800 сажень, преимущественно по батареямъ № 10-го и Александровской. Имъ отвѣчали съ батарей: № 10-го 33 орудія, съ Александровской 17 и съ Константиновской 23, всего же 73 орудія, слѣдовательно, въ десять разъ меньше противъ числа орудій одного борта на непріятельскомъ флотѣ ¹¹⁾.

11 англійскихъ кораблей занимали лѣвое крыло позиціи. Изъ нихъ шесть ¹²⁾, съ 304-мя орудіями одного борта, поражали Константиновскую батарею фронтально, съ дистанціи 650 сажень. Константиновская батарея отвѣчала имъ только изъ 18-ти орудій,

и кромѣ того, противъ нихъ дѣйствовали, съ дистанціи 900 сажень, 36 орудій батареи № 10-го и Александровской. Три англійскихъ корабля ¹³⁾, съ 124-мя орудіями одного борта, подъ непосредственнымъ начальствомъ контр-адмирала Лайонса, пользуясь почти необороненнымъ секторомъ къ сѣверо-западу отъ Константиновской батареи, приблизились къ ней на 450 сажень и поражали ее продольными и тыльными выстрѣлами, подвергаясь сами огню только 2-хъ орудій этой батареи, и кромѣ того, 13-ти орудій батареи № 10-го и Александровской, съ дистанціи отъ 900 до 950 сажень. Корабль «Аретуза», съ 25-ю орудіями одного борта, сражался противъ батареи Карташевскаго, отвѣчавшей 3-мя орудіями, а корабль «Альбионъ», съ 45-ю орудіями одного борта— противъ Волоховой башни, дѣйствовавшей изъ 5-ти орудій.

Слѣдовательно, Союзный флотъ поражалъ наши пять батарей изъ 1,243-хъ орудій одного борта, которымъ отвѣчали только 150, (т. е. въ восемь разъ меньшее число орудій), изъ коихъ 47 стояли въ казематахъ Александровской и Константиновской батарей; остальные всѣ дѣйствовали чрезъ банкъ. Къ тому же, какъ наши батареи № 10-го и Константиновская были преимущественно назначены для перекрестной обороны взморья передъ рейдомъ, то орудія, стоявшія на батареѣ № 10-го, должны были дѣйствовать по англійскимъ кораблямъ съ дистанціи 950 сажень, тогда какъ англичане стрѣляли по Константиновской батареѣ въ разстояніи отъ 450 до 600 сажень. Подобно тому, орудія, стоявшія въ закругленіи Константиновской батареи, вмѣсто того, чтобы отвѣчать англійскимъ кораблямъ, дѣйствовавшимъ по батареѣ съ 450 сажень, принуждены были направить огонь по французской эскадрѣ, въ разстояніи не менѣе 900 сажень ¹⁴⁾.

Бомбардированіе Севастополя съ моря началось уже въ то время, когда почти всѣ французскія батареи были принуждены замолчать и когда продолжали дѣйствовать съ сухаго пути только англичане. Густое облако дыма закрыло непріятельскіе корабли, и по тому намъ служили цѣлью только сверкавшіе огоньки ихъ выстрѣловъ. Не смотря однако же на то, батареи № 10-го и Александровская, получивъ весьма незначительныя поврежденія, нанесли большой вредъ французской эскадрѣ. Корабль «Городъ Парижъ» былъ пораженъ 82-мя снарядами, и въ томъ числѣ многими бомбами и калеными ядрами, причинившими до 50-ти про-

боинъ и нѣсколько пожаровъ; разрывомъ одной изъ бомбъ въ капитанской каютѣ снесенъ ютъ, на которомъ тогда находился адмиралъ Гамеленъ съ своимъ штабомъ; нѣсколько офицеровъ и 34 матроса были убиты, либо ранены. Другая бомба, пробивъ всѣ деки на кораблѣ «Шарлеманъ», разорвалась въ машинѣ и нанесла ей значительныя поврежденія; здѣсь въ продолженіи боя были 2 человѣка убиты и тридцать пять ранены. Корабль «Наполеонъ» получилъ подводную пробоину; на прочихъ французскихъ судахъ вышло изъ фронта 125 человѣкъ¹⁵⁾. Не менѣе успѣшно выдержали бой Волохова башня и батарея Карташевскаго противъ англійскихъ кораблей «Альбіонъ» и «Аретуза», прибывшихъ на буксирѣ пароходовъ къ назначеннымъ имъ мѣстамъ уже въ половинѣ третьяго часа пополудни. Первый изъ нихъ сталъ въ 300 саженьяхъ отъ Волоховой башни, а второй— въ 350 саженьяхъ отъ батареи Карташевскаго. Четыре бомбы, разорвавшись на палубѣ «Аретузы», произвели пожаръ и угрожали гибелью кораблю, который обязанъ былъ спасеніемъ единственно хладновровію собственнаго экипажа и искусству матросовъ парохода «Тритонъ». Положеніе корабля «Альбіонъ» было еще бѣдственнѣе. Огонь его былъ сперва обращенъ противъ Волоховой башни; но, будучи сильно обстрѣливаемъ съ батареи Карташевскаго, онъ сталъ отвѣчать на ея выстрѣлы и не успѣлъ ей сдѣлать ни малѣйшаго вреда (Her fire was altogether in vain). Батарея, возвышенная на сто футъ надъ поверхностью моря, засыпала корабль бомбами, изъ которыхъ одна попала близъ подводной части, а другія, разорвавшись на кубрикѣ, произвели нѣсколько пожаровъ, что заставило англичанъ закрыть крѣйт-камеру и прекратить пальбу. Съ большимъ трудомъ удалось пароходу «Firebrand» отвести корабль на разстояніе внѣ дѣйствія нашей батареи. «Альбіонъ» потерялъ убитыми 10 и ранеными 70 человѣкъ, а «Firebrand» 5 человѣкъ ранеными, въ числѣ воихъ былъ самъ командиръ парохода. Корабли «Альбіонъ» и «Аретуза» были такъ повреждены, что ихъ отправили починять въ Константинополь¹⁶⁾.

Батарея Карташевскаго, отразивъ оба англійскіе корабли, обратила огонь противъ ближайшаго къ ней корабля «Лондонъ» и заставила его удалиться съ потерю 22-хъ человѣкъ. Такимъ образомъ, на лѣвомъ крылѣ Союзнаго флота, подъ непосредствен-

нымъ начальствомъ контр-адмирала Лайонса, остались два корабля: «Санъ-Парейль» и «Агамемнонъ». Первый изъ нихъ потерялъ 70 человекъ, а на второмъ отъ бомбы произошелъ пожаръ. Самъ Лайонсъ, находившійся на «Агамемнонѣ», приказалъ командирамъ «Санъ-Парейля» и «Лондона» поддержать свой корабль, остававшійся подъ сильнымъ огнемъ, и пригласилъ капитана ближайшаго изъ прочихъ кораблей «Беллерофонъ» подать ему помощь. Вся англійская эскадра, кромѣ трехъ кораблей, направилась влѣво и открыла огонь частью противъ Константиновскаго форта, частью противъ батареи Карташевскаго и Волоховой башни. «Беллерофонъ» потерялъ колесо паровой машины, загорѣлся отъ разрыва на немъ бомбъ и, лихась 15-ти человекъ, отошелъ назадъ. Корабль «Королева» испыталъ такую же участь. Корабль «Родней» нашель на мель, но открылъ съ успѣхомъ огонь противъ Константиновскаго форта, и какъ, между тѣмъ, Лайонсъ былъ принужденъ удалиться, то «Родней» оставался подъ выстрѣлами нашего форта болѣе двухъ часовъ, пока, наконецъ, съ помощью двухъ пароходовъ, ему удалось сняться съ мели и отойти къ прочимъ кораблямъ англійской эскадры¹⁷⁾.

Успѣхъ нашихъ батарей былъ одержанъ ими съ небольшими потерями: на Волоховой башнѣ подбитъ одинъ лафетъ и ранены 23 человекъ, а на батареѣ Карташевскаго не было вовсе ни потерь, ни поврежденій.

Изъ всѣхъ приморскихъ укрѣпленій Севастополя потерпѣлъ значительно одинъ лишь Константиновскій фортъ, который, будучи расположенъ на выдающемся мысѣ дугою, дѣйствовалъ только частью своей артилеріи; прочія же всѣ орудія, обращенныя къ рейду, не могли принять участія въ отраженіи Союзнаго флота. Платформа форта, не прикрытая отъ продольныхъ и тыльных выстрѣловъ, подвергалась пораженію съ сѣверо-запада, гдѣ находился секторъ, обороняемый только нѣсколькими орудіями. Англичане искусно воспользовались недостаткомъ нашей батареи, поставя свои корабли въ мертвомъ пространствѣ и дѣйствуя съ небольшого разстоянія по платформѣ продольнымъ и тыльнымъ огнемъ. Изъ 27-ми орудій, на ней стоявшихъ, 22 вскорѣ были приведены въ бездѣйствіе; прислуга, осыпаемая снарядами и осколками отъ камней, принуждена сойти внизъ. Въ казематахъ орудія не понесли поврежденій; изъ шести же вальтельныхъ печей

уцѣлѣла только одна. Потеря въ людяхъ состояла изъ 5-ти убитыхъ и 50-ти раненыхъ¹⁸⁾.

Батарея № 10-го, на которой орудія до того разгорячились, что комендантъ батареи капитанъ-лейтенантъ Андреевъ приказалъ приостановить пальбу, умолкла въ 4 часа пополудни. Съ нашей стороны, наблюдая съ 7-го бастиона за ходомъ дѣла, при дымѣ сухопутной и морской канонады, нельзя было видѣть, что дѣлалось на батареѣ и сообщеніе съ нею было прервано тысячами снарядовъ, падавшими на пространствѣ между моремъ и 6-мъ бастиономъ. Нѣсколько охотниковъ вызвалось доставить о ней свѣдѣнія, но самъ Нахимовъ долго не рѣшался посылать ихъ на вѣрную гибель. Всѣ считали батарею совершенно разрушенною; но въ сумерки возвратился оттуда посланный съ 40 матросами Нахимовымъ, лейтенантъ Троицкій, который, къ общему удивленію, донесъ, что батарея потерпѣла весьма незначительныя поврежденія и понесла ничтожный уронъ въ людяхъ. По прекращеніи бомбардированія съ моря, продолжали дѣйствовать до наступленія ночи только англійскія батареи¹⁹⁾.

Общія послѣдствія этого дня заключались въ неудачѣ дѣйствій Союзниковъ съ моря и въ частномъ успѣхѣ англичанъ со стороны сухаго пути.

Наши береговыя батареи выпустили около 16-ти тысячъ снарядовъ; а батареи оборонительной линіи до 20-ти тысячъ. Число снарядовъ, выпущенныхъ союзнымъ флотомъ, было не менѣе 50-ти тысячъ; а съ батареей сухопутныхъ—до 9-ти тысячъ (французы около 4-хъ тысячъ, англичане 4,727). Съ нашей стороны, на береговыхъ батареяхъ выбыло изъ фронта 138, а въ сухопутномъ бою 1,112, всего же 1,250 человекъ. Уронъ непріятельскаго флота въ людяхъ простирался, не считая турокъ, до 520 человекъ (203 француза и 317 англичанъ); а на сухопутныхъ батареяхъ 348 (204 француза и 144 англичанъ)²⁰⁾.

Бомбардированіе съ моря Севастополя несомнѣнно доказало преимущество земляныхъ возвышенныхъ батарей надъ каменными постройками въ уровень съ поверхностью моря: батарея Карташевскаго и Волохова башня, могшія дѣйствовать противъ кораблей всего на все 8-ю орудіями, нанесли непріятелю несравненно большій вредъ, нежели двухъ-ярусный казематированный и съ открытою обороною Константиновскій фортъ. Неудача же дѣйствій

съ сухаго пути французскихъ батарей была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ихъ ошибочнаго расположенія: вмѣсто того, чтобы устроить свои батареи по вогнутой линіи и поражать наши укрѣпленія перекрестными выстрѣлами, французы собрали большую часть своей артилеріи на Рудольфовой горѣ и, дѣйствуя оттуда расходящимися выстрѣлами по 4-му, 5-му и 6-му бастионамъ, подверглись сосредоточенному огню съ этихъ укрѣпленій. Напротивъ того, англичане искусно воспользовались мѣстностью и расположили свои батареи такимъ образомъ, чтобы, дѣйствуя фронтально по однимъ изъ фасовъ нашихъ укрѣпленій, онѣ могли въ тоже время поражать продольно и въ тылъ смежные фасы ихъ²¹). Несмотря однако же на успѣхъ дѣйствій англійской артилеріи, цѣль бомбардированія, состоявшая въ совершенномъ ослабленіи обороны и штурмѣ Севастополя, не была достигнута. Потери, понесенныя англо-французами, были напрасны и положеніе ихъ послѣ усиленнаго бомбардированія, 5-го (17) октября, сдѣлалось затруднительнѣе прежняго. Доселѣ съ нашей стороны какъ бы признавалось превосходство союзниковъ въ силахъ: нашъ флотъ, не смѣя искать встрѣчи съ непріятелями, скрывался въ бухтѣ, подъ защитою укрѣпленій,—которыхъ сопротивленіе еще не было испытано; а русская армія, послѣ сраженія на Алмѣ, также уклонялась отъ рѣшительнаго боя. Но въ день 5-го (17) октября, русскіе, и прежде готовые пасть въ защиту Севастополя, увѣрились на опытъ въ возможности успѣха борьбы съ сильнымъ противникомъ, а союзники были принуждены отказаться отъ надежды легкаго торжества и приступить къ медленному способу дѣйствій—формальной осадѣ Севастополя²²).

По прекращеніи огня, вся ночь на 6-е (18) октября была употреблена на исправленіе поврежденныхъ укрѣпленій и замѣну подбитыхъ орудій и истраченныхъ снарядовъ, въ особенности же на возстановленіе почти уничтоженнаго 3-го бастиона. Всю ночь тамъ кипѣла усиленная работа: отрывали орудія и станки, настилали вновь платформы, подвозили и ставили новыя орудія, насыпали взорванныя части бруствера, очищали рвы и строили пороховыя погребки. Вмѣсто прежнихъ 22-хъ орудій на бастионѣ было поставлено 19, но, зато правый фасъ, который долженъ

былъ возобновить бой съ англійскими батареями на Зеленой горѣ, былъ вооруженъ орудіями большихъ калибровъ, и съ тою же цѣлью усилено вооруженіе на батареѣ № 5-й (Никонова) и на лѣвомъ фасѣ 4-го бастиона; на фасахъ 3-го и 4-го бастионовъ, подвергавшихся афилированію, увеличено число траверсовъ, и проч.

Съ разсвѣтомъ 6-го (18) октября, англійскія батареи открыли огонь по 3-му и 4-му бастионамъ и по Малахову кургану и дѣйствовали усиленно до самаго вечера. Французскія же батареи не открывали огня весь день, и потому съ нашей стороны по нимъ производились выстрѣлы лишь изрѣдка, чтобы мѣшать работамъ. Противъ англичанъ съ бастионовъ 3-го и 4-го продолжалась непрерывная пальба, вообще же въ сей день нами выпущено снарядовъ до 10-ти тысячъ. У насъ вышло изъ строя, болѣею частью на 3-мъ бастионѣ, 83 человѣка убитыми и 460 ранеными. Потери, наносимыя выстрѣлами съ батарей Зеленой горы, продольно лѣвому фасу 3-го и косвенно правому фасу 4-го бастиона, заставили насъ устроить на нихъ траверсы чрезъ каждое орудіе. Французы въ предшествовавшую ночь и въ день 6-го (18) октября вывели участокъ первой параллели, длиною до 200 саж., отъ батарей на Рудольфовой горѣ къ капитали 4-го бастиона ²³), что открыло главному распорядителю нашихъ инженерныхъ работъ, полковнику Тотлебену, намѣреніе союзниковъ — отказаться отъ неотлагательнаго штурма и приступить къ правильной осадѣ Севастополя.

Неудача французовъ и упорное сопротивленіе защитниковъ Севастополя навели опасенія на англичанъ и заставили ихъ усомниться въ успѣхѣ предпріятія союзниковъ, въ особенности послѣ записки, поданной лорду Раглану г. Каттлеемъ, который, проведя нѣсколько лѣтъ въ Крыму, полагалъ, что зимовка въ этой странѣ могла быть гибельна для англійскихъ войскъ. По странному стеченію обстоятельствъ, Рагланъ получилъ эту записку одновременно съ номерами «Times'a» отъ 4-го и 5-го октября н. ст., въ коихъ помѣщено было извѣстіе о взятіи Севастополя союзными войсками. Редакція знаменитой газеты, не ограничиваясь сообщеніемъ этой важной новости, изъясляла мнѣніе, что нашъ Государь будетъ принужденъ удалиться изъ своей столицы и искать убѣжище «гдѣ-либо между Москвою и Ка-

занью»²⁴). Наполеонъ III, тогда находившійся въ лагерѣ при Булони, такъ же основываясь на слухахъ, объявилъ войскамъ своимъ о паденіи Севастополя²⁵). Легко вообразить, какъ были недовольны союзные главнокомандующіе преждевременными торжествами мнимаго успѣха, и въ особенности тогда, когда пришлось имъ отложить надежду на быстрое рѣшеніе дѣла. Защитники Севастополя, борясь въ теченіе цѣлыхъ дней съ непріателемъ, успѣвали по ночамъ не только исправлять, но и возводить новыя укрѣпленія. 7-го (19) октября, съ нашей стороны выпущено зарядовъ 14 тысячъ, а съ 8-го (20) по 13-е (25) ежедневно отъ 10-ти до 12-ти тысячъ (отъ 1,500 до 2,000 пудовъ пороха). Несмотря на то, что, начиная съ 7-го (19) октября, французы опять содѣйствовали англичанамъ огнемъ своихъ батарей, потери, понесенныя севастопольскимъ гарнизономъ, въ продолженіи 6-ти дней, съ 8-го (20) по 13-е (25) октября, значительно уменьшились въ сравненіи съ тѣми, которыя понесъ гарнизонъ въ первые три дня бомбардированія, именно ежедневный уронъ среднимъ числомъ простирался всего до 254 человекъ²⁶). Причинами тому были: во-1-хъ, сооруженіе новыхъ траверсовъ и другихъ защитъ, и, во-2-хъ, искусство, которое приобрѣли опытомъ продолжительнаго бомбардированія «сигнальщики» — большую частью матросы, — усматривать на полетѣ большіе снаряды и извѣщать о ихъ направленіи прислугу и прикрытіе орудій. По протяжному крику сигнальщика: «пушка-а-а!» каждый изъ людей не занятыхъ своимъ дѣломъ скрывался за сосѣднимъ траверсомъ; по крику: «мартелла!» или «мартына!» дающему знать о полетѣ на батарею бомбы, люди ложились, либо уходили въ блиндажъ, но не прежде, какъ по второму крику: «бомба», потому что, въ продолженіе ея медленнаго полета, сигнальщикъ успѣвалъ оповѣстять о ней вторично. Впрочемъ, паденіе снарядовъ иногда было такъ часто, что сигнальщикъ не имѣлъ возможности слѣдить за ихъ полетомъ, и тогда никто не обращалъ на нихъ вниманія. «Отъ руки Божіей не уйдешь» — говорили наши солдаты²⁷).

Союзники, будучи принуждены отказаться отъ покушенія овладѣть Севастополемъ открытою силою, избрали главнымъ пунктомъ своей постоянной атаки 4-й бастионъ, который былъ окруженъ съ трехъ сторонъ командующими высотами, что способствовало осаждающему, расположивъ батареи на пространствѣ трехъ верстъ отъ

Рудольфовой до Зеленой горы, охватить ими незначительный фронтъ бастіона, длиною не болѣе версты, и пользуясь мѣстностью, образующею склоны къ нашей сторонѣ, устроить батареи въ нѣсколько ярусовъ, амфитеатромъ. Мѣстность, на которой находился 4-й бастіонъ, составляя узкую высоту между широкими балками съ весьма крутыми берегами, не позволяла пристраивать къ бастіону флангирующія части, для доставленія ему близкой перекрестной обороны, и потому приходилось оборонять впереди лежащую мѣстность мало-дѣйствительными выстрѣлами съ отдаленныхъ батарей, расположенныхъ позади 3-го и 5-го бастіоновъ. Къ тому же, 4-й бастіонъ, по положенію своему, представлялъ союзникамъ удобство доставки орудій, снарядовъ и матеріаловъ отъ Камышевой бухты. Въмѣстѣ съ усиленнымъ бомбардированіемъ 4-го бастіона, французы дѣйствовали по бастіонамъ 5-му и 6-му, какъ для ослабленія стоявшей на нихъ артилеріи, такъ и для отвлеченія вниманія отъ пункта главной атаки.

Какъ только обнаружилось намѣреніе французовъ—вести постепенную атаку противъ 4-го бастіона, то приступлено было къ работамъ для противодѣйствія неприятелю: позади 5-го и 3-го бастіоновъ сооружены новыя батареи; за правымъ фасомъ 4-го бастіона насыпанъ эполементъ для 4-хъ мортиръ; устроены траверсы на правомъ фасѣ 5-го бастіона, на батареѣ Никонова и на другихъ пунктахъ²⁵⁾.

Англичане, съ своей стороны, вели вспомогательную атаку на 3-й бастіонъ и усилили огонь по кораблю «Игудиль». Каленныя ядра, бомбы и ракеты осыпали корабль и стоявшіе вблизи два блокшифа, производя безпрестанные пожары. Въ седьмой день бомбардированія, 11-го (23) октября, въ кораблѣ уже было 72 пробоины, и по тому князь Меншиковъ приказалъ, чтобы онъ оставался на своемъ посту только ночью, а на разсвѣтѣ ежедневно оттягивался къ морскому госпиталю; но и тамъ стоянка не была безопасна. Одна изъ бомбъ пробила ютъ и разорвалась въ верхней палубѣ кают-кампаніи, гдѣ находились 7 офицеровъ, но не нанесла имъ никакого вреда²⁶⁾.

Въ ночь съ 8-го на 9-е (съ 20 на 21), для замедленія неприятельскихъ осадныхъ работъ, были высланы съ 1-го отдѣленія на Рудольфову высоту 212 охотниковъ, отъ Минскаго и Углицкаго полковъ, 5-го резервнаго баталіона Бѣлостокскаго полка

и 33-го флотскаго экипажа, въ двухъ отрядахъ, подъ начальствомъ лейтенанта Троицкаго и мичмана князя Путятина. Захвативъ врасплохъ часовыхъ, наши охотники ворвались въ траншеи, взшли на батареи № 3-го и 4-го, перекололи сонныхъ французовъ и заклевали 7 (по другимъ свѣдѣніямъ 19) орудій. Прибытіе на батареи непріятельскихъ резервовъ заставило отступить наши большіе отряды, съ потерю убитыми 4-хъ и ранеными 15-ти человекъ. Въ числѣ убитыхъ находились оба начальника отрядовъ ³⁰).

Въ ночи съ 9-го на 10-е (съ 21 на 22) октября, французы вывели подступы изъ первой параллели по капитали 4-го бастиона и противъ редута Шварца и заложили участокъ 2-й параллели. Съ приближеніемъ французскихъ траншей на 200 сажень къ 4-му бастиону, можно было уже дѣйствовать по нимъ картечью, причемъ требовалось неуспшное наблюденіе за непріателемъ ночью. Съ этою цѣлью, въ ночи на 13-е (25) октября, вмѣсто обыкновенной цѣпи парныхъ часовыхъ, впереди 4-го бастиона были выставлены два сильные секрета, до 20-ти человекъ въ каждомъ, составленные изъ пластуновъ, привычныхъ къ наблюденію за непріателемъ. По первому донесенію изъ секретовъ о появленіи непріателя у вершины городскаго оврага, секреты были сняты и открытъ сильный картечный и штуцерной огонь въ указанномъ ими направленіи, а черезъ четверть часа пальба прекращена и снова высланы секреты. Такимъ образомъ дѣйствуя, то высылая секреты, то обращая огонь на указываемые ими пункты, мы замедляли работы непріателя, который, въ продолженіи всей ночи, успѣлъ вывести только одинъ короткій зигзагъ отъ оконечности второй параллели. Какъ, по мѣрѣ приближенія непріятельскихъ подступовъ, важность ружейнаго огня съ нашей стороны постепенно возрастала, а между тѣмъ 4-й бастионъ былъ занятъ на всемъ протяженіи своемъ артилерією и траверсами, то на контр-эскарпѣ его праваго фаса устроили банкетъ для помѣщенія около 50-ти стрѣлковъ, отчасти отрывкою уступа, отчасти же присыпкою его изъ земли и плиты; а на верху контр-эскарпа уложены земляные мѣшки съ образованіемъ бойницъ. Въ случаѣ штурма, стрѣлки должны были немедленно отойти на правый флангъ, чтобы очистить мѣсто для дѣйствія съ бастиона картечью.

Въ продолженіи бомбардированія съ 5-го по 13-е (съ 17 по 25) октября, расходъ зарядовъ съ нашей стороны простирался до 125 тысячъ (болѣе 20-ти тыс. пудовъ пороха). Опасаясь, чтобы при такой огромной растратѣ зарядовъ не истощились вскорѣ боевые запасы, находившіеся въ Севастополѣ, князь Меншиковъ приказалъ для обсужденія этого важнаго вопроса составить особый совѣтъ, который счелъ нужнымъ сдѣлать распоряженіе о всевозможномъ сбереженіи зарядовъ на батареяхъ и принять мѣры для немедленной доставки въ Севастополь пороха изъ ближайшихъ складовъ. Тогда же послѣдовало призываніе главнокомандующаго—перевести больныхъ и раненыхъ изъ помѣщеній, подверженныхъ непріятельскимъ выстрѣламъ, въ болѣе безопасныя мѣста; впослѣдствіи же всѣхъ больныхъ стали перевозить на сѣверную сторону. Весьма большую пользу въ гигиеническомъ отношеніи принесло распоряженіе князя Меншикова—выдавать войскамъ севастопольскаго гарнизона ежедневно по фунту мяса и по чаркѣ водки. Эта мѣра имѣла большое вліяніе на поддержаніе бодрости и здоровья нашихъ солдатъ при тѣхъ чрезвычайныхъ трудахъ, которые они должны были переносить, работая денно и ночью на оборонительной линіи³¹).

Императоръ Николай, по полученіи перваго донесенія о бомбардированіи Севастополя, писалъ князю Меншикову:

«Сейчасъ получилъ твои два донесенія, любезный Меншиковъ, отъ 5-го и 6-го чиселъ. Слава Богу, слава героямъ, защитникамъ Севастополя! Первое покушеніе отбито со славой; будемъ надѣяться на милость Божію и впредь.

«Благодари всѣхъ и cadaго за то, что мое довѣріе оправдываютъ. Мнѣ-ли не знать, что могутъ наши молодцы? Сухопутные и морскіе—соперники въ вѣрности долгу, въ христіанской храбрости и въ геройствѣ! Таеъ искони было, таеъ искони будетъ! Передай мои слова съ моей благодарностью, могу сказать, отцовскою, потому что ихъ всѣхъ люблю, какъ дорогихъ родныхъ дѣтей.

«Славная смерть нашего любезнаго, почтеннаго Корнилова меня глубоко огорчила; миръ праху его! Вели положить рядомъ съ незабвеннымъ Лазаревымъ. Когда доживемъ до спокойныхъ

время, поставимъ памятникъ на мѣстѣ, гдѣ убитъ, и бастионъ называть по немъ...

«Чисто непонятно мнѣ, какъ батарея № 10-го могла уцѣлѣть. Думаю, что командиръ ея заслужилъ Георгія 4-й ст. Вели собратъ при досугѣ думу и опредѣли, кому справедливо дать; прислугѣ этой батареи дай по 3 рубля на человѣка, а прочимъ всѣмъ, въ дѣлѣ бывшимъ, по 2 руб. Да сверхъ тобой данныхъ крестовъ нижнимъ чинамъ, дай еще отъ меня по 5-ти на батарею.

«Богъ съ вами, да хранить васъ Господь и да дастъ православному побѣду надъ врагами.

«На вѣки твой искренно доброжелательный»³²⁾.

Нѣсколько дней спустя, Государь писалъ князю Меншикову:

«Донесеніе твое отъ 11-го числа, любезный Меншиковъ, получилъ сегодня вечеромъ. Геройская оборона, столь успѣшно продолжающаяся, и частные случаи молодечества изумительнаго меня восхищаютъ; тѣмъ было бы мнѣ горестнѣе, ежели-бъ всѣ эти примѣрные усилія несравненныхъ нашихъ войскъ должны были кончиться тѣмъ, чтобъ мы бросили Севастополь, перейдя на сѣверную сторону.

«Когда дойдутъ 10-я и 11-я дивизіи, надѣюсь, что ты во всякомъ случаѣ найдешь возможность нанести ударъ непріятелю, чтобы поддержать честь оружія нашего.....

«Благодарю всѣхъ и cadaго за ихъ богатырскій духъ, за ихъ вѣрную службу, и скажи всѣмъ, что одного жалѣю, что я не съ вами, за то дѣти мои¹⁾ среди васъ будутъ.

«Обнимаю отъ души»³³⁾.

На слѣдующій день, государь писалъ князю Горчакову:

..... «Вчера вечеромъ получилъ донесеніе Меншикова, отъ 11-го числа. Бомбардировка продолжалась и усиливалась, но мужественная богатырская защита не слабѣла, кромѣ неизбѣжной ежедневной убыли храбрыхъ защитниковъ. Меншиковъ не ручался, но и не отчаявался продлить оборону до прибытія 10-й и 11-й дивизій. Дай Богъ! Грустно несказанно будетъ мнѣ, ежели столько подвиговъ геройскаго мужества, безусловой пре-

¹⁾ Великіе князья Николаѣй Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ прибыли въ главную квартиру князя Меншикова 22-го октября 1854 года.

данности и вѣрности долгу пропало бы даромъ! Страшно подумать, но ко всему надо быть готову и повернуться волѣ Божіей...»³⁴).

Государь, желая почтить память генерал-адъютанта Корнилова, повелѣлъ воздвигнуть памятникъ ему на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ погибъ славною смертью, назвать бастионъ, гдѣ онъ убитъ, по его имени, вдовѣ его производить пенсію по 5-ти тысячъ рублей, независимо слѣдующей изъ инвалиднаго комитета, и уплатить оставшіеся по немъ долги, на сумму до 27,000 рублей³⁵).

Въ высочайшемъ приказѣ 12-го октября было сказано:

«Государь Императоръ, получивъ отъ генерал-адъютанта князя Меншикова донесеніе о непоколебимомъ мужествѣ, примѣрной стойкости и достохвальномъ самоотверженіи, оказанныхъ всѣми морскими и сухопутными войсками, составившими гарнизонъ Севастополя во время бомбардированія этого города англо-французами 5-го и 6-го числа сего октября, объявляетъ искреннюю душевную признательность всѣмъ чинамъ означенныхъ войскъ, отъ генерала до рядового, за блистательный ихъ подвигъ, коимъ они волюй оправдали высочайшее довѣріе къ нимъ его величества. Государь императоръ изволилъ оставаться въ убѣжденіи, что они и впредь не престанутъ отличать себя доблестною храбростію и всѣми достоинствами, одушевляющими истинныхъ сыновъ Россіи».

ИСТОЧНИКИ.

1) Kinglake: The invasion of the Crimea. Leipzig. 1868. VI. 102. 2) Тотлебенъ. Описаніе обороны города Севастополя. 3) Жандръ: Матеріалы для исторіи обороны Севастополя, 292—293.—Воспоминанія Георгія Чаплинскаго. 4) Тотлебенъ.—Guérin. Histoire de la dernière guerre de Russie, 1853—1856. I. 314—315. 5) Воспоминанія Георгія Чаплинскаго. 6) Донесенія князя Меншикова. 7) Жандръ. 293—300. 8) Тотлебенъ.—Воспоминанія Георгія Чаплинскаго. 9) Guérin. I. 319—320. 10) Тотлебенъ.—Bazanourt; L'expédition de Crimée. La marine française. I. 399—401. 11) По свидѣтельству Кинглека (VI. 152 и 153), французско-турецкая эскадра, бомбардировавшая Севастополь 5-го (17) октября, состояла изъ 13-ти кораблей съ 600 орудій одного борта. 12) «Британія» (120 оруд.), «Графальгаръ» (120 ор.), «Вендженсъ» (84 оруд.), «Королева» (116 ор.), «Беллерофонъ» (78 ор.), и «Родней» (90 ор.). 13) «Агамемнонъ» (90 ор.). «Сан-Парейль» (68 оруд.) и «Лондонъ» (90 ор.). 14) Тотлебенъ. 15) Guérin. I. 320—321. 16) Kinglake. VI. 178—182. 17) Kinglake. VI. 182—194. 18) Тотлебенъ. 19) Тотлебенъ.—Жандръ. 302. 20) Тотлебенъ.—Kinglake. VI. 208—209 и 235—236.—Niel. Siège de Sébastopol. 65. 21) Тотлебенъ. 22) Kinglake. VI. 209—210. 23) Тотлебенъ.—Guérin. I. 328. 24) We are told, indeed, that the Emperor has still the resources of an inaccessible territory, and an indomitable will, and that he may retire behind his steppes to preserve, somewhere between Moscow and Kasan, the palladium of his dynasty. Kinglake. VII. 25. 25) Kinglake. VII. 35. 26) Тотлебенъ. 27) П. Алабинъ: Походныя записки въ войну 1853—1856 гг. II. 208. 28) Тотлебенъ. 29) Тотлебенъ. 30) Донесеніе государю князя Меншикова, отъ 11-го (23) октября 1854 года.—Guérin. I. 330—331. 31) Тотлебенъ. 32) Письмо Государя отъ 11-го октября 1854 года. 33) Письмо Государя отъ 16-го октября 1854 года. 34) Изъ письма Государя, отъ 17-го октября 1854 года. 35) Собственноручное высочайшее повелѣніе, отъ 12-го октября 1854 года, и высочайшее повелѣніе министру финансовъ.

М. И. Богдановичъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ДАРГОМЫЖСКІЙ.

Матеріалы для его біографіи ¹⁾).

1813—1869.

Даргомыжскій — В. П. Опочинину ²⁾).

Москва, 10-го октября (1847).

Получилъ я вчера и второе письмо твое, *carissimo basso*. Вѣроятно, когда узнаешь, съ какимъ удовольствіемъ и пользою я читаю твои вѣсточки самъ себѣ и здѣшнимъ артистамъ, и даже Верстовскому, то будешь почаще увѣдомлять меня и о пріятеляхъ нашихъ, и о музыкальныхъ продѣлкахъ, какъ въ обществѣ, такъ и на итальянской сценѣ. Пиши, сколько абонемена, и какъ публика жалуетъ оперу? Пиши, какъ, что, и съ кѣмъ самъ попѣваешь. Что-жъ ты не говоришь, передалъ-ли ты мой *shake-hands* Буниной ³⁾). Если ты ее не выдаешь, то стыдно не видать такую милую пѣвицу; а если увидишь, то скажи, что я отыскалъ Семенову ⁴⁾), но она еще не пріѣзжала изъ деревни. Надо тебѣ знать, что москвитяне являются изъ деревень въ Москву не иначе, какъ съ мерзлыми птицами и по-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 339 — 358; 565 — 574; томъ XIII, стр. 101 — 110.

²⁾ Влад. Петр. Опочининъ, извѣстный въ петербургскомъ музыкальномъ кругу превосходнымъ исполненіемъ русской музыки, особенно романсовъ Глинки и Даргомыжскаго, принадлежалъ къ числу самыхъ близкихъ друзей послѣдняго. Къ сожалѣнію, изъ ихъ перениски уцѣлѣло только это одно письмо.

³⁾ Вѣра Ивановна Бунина, впоследствии замужемъ за А. К. Гирсомъ, одна изъ превосходнѣйшихъ пѣвицъ-любительницъ этого времени, отчасти ученица Даргомыжскаго.

В. С.

⁴⁾ Семенова — бывшая московская оперная пѣвица. «Русалка» дана въ Москвѣ, въ первый разъ въ ея бенефисъ, въ 1858 г.

В. С.

росятами, а потому я еще не отвезъ ни одного даннаго мнѣ въ Петергофъ письма.... До сихъ поръ я отмѣнно слушаю въ Москвѣ. Въ началѣ много работалъ на своихъ и даже чужихъ репетиціяхъ, а теперь жду начала постановки моей оперы на сценѣ¹⁾, и веду жизнь однообразную.Въ головѣ бродятъ нѣкоторые музыкальные проекты, но не осуществляются. Видно, до Петербурга не стоить и приниматься за исполненіе ихъ.... Что Львовъ? Какіе проекты его?.. Прощай. Кланяйся всѣмъ добрымъ и всѣмъ милымъ. Слушай оперу и самъ пой. А что услышишь и споешь, о томъ пиши. Весь твой Alexandre.

Даргомыжскій—кн. В. О. Одоевскому.

С.-Петербургъ, 3-го іюня 1853.

.....Покуда вы въ Выборгѣ наслаждаетесь сельскими удовольствіями, я здѣсь тружусь надъ своею „Русалкою“. Что больше изучаю наши народныя музыкальныя элементы, то больше открываю въ нихъ разнообразныхъ сторонъ. Глинка, который одинъ до сихъ поръ далъ русской музыкѣ широкій размѣръ, по-моему затронулъ еще только одну ея сторону,—сторону лирическую. Драма у него слишкомъ заунывна, комическая сторона теряетъ національность. Говорю о характерѣ его музыки, потому что фактура у него вездѣ превосходная. По силѣ и возможности я въ „Русалкѣ“ своей работаю надъ развитіемъ нашихъ драматическихъ элементовъ. Счастливъ буду, если успѣю въ этомъ хотя въ половину противъ Михаила Ивановича Глинки; очень буду доволенъ, если и вы, по возвращеніи вашемъ, приложите къ труду моему печать вашего одобренія.... А. Даргомыжскій²⁾.

Даргомыжскій — М. Р. Щиглеву.

Брюссель, 22-го января 1865.

Сто разъ благодарю васъ, добрѣйшій Михаилъ Романовичъ, за внимательныя ваши строки. На чужбинѣ особенно весело получать извѣстіе отъ своихъ — какъ по родству, такъ и по искусству. Види участіе ваше и многихъ другихъ во мнѣ, какъ русскомъ артистѣ, и долженъ винить себя въ томъ, что такъ мало хлопочу объ исполненіи здѣсь моихъ произведеній, а только пользуюсь случаями, которые сами собою представляются. Что дѣлать? не тѣ годы, усилъи меня не утѣшаютъ; какимъ вы знали меня въ Петербургѣ — таковъ я и

¹⁾ «Эсмеральда», которая дана въ первый разъ на московскомъ театрѣ 5-го декабря 1847 года. В. С.

²⁾ Письмо Даргомыжскаго къ кн. В. О. Одоевскому. Сообщено намъ В. А. Рачинскимъ. Ред.

здѣсь. Предпочитаю въ тишинѣ промузыкалить вечеръ съ смазливенькой бельгійкой, чѣмъ ѣхать въ какое-нибудь блестящее собраніе — искать связей и протекцій. Я, впрочемъ, предлагалъ поставить здѣсь „Торжество Ваха“, потому что еще не слыхалъ его на сценѣ. Гансенсъ и музыканты отъ этого не прочь. Но дирекція оперы находитъ это, въ нынѣшній сезонъ, невозможнымъ. Приглашаютъ на будущій годъ ставить „Эсмеральду“. А на будущій годъ, Богъ вѣдаетъ, что будетъ. Впередъ загадывать нельзя. Притомъ „Эсмеральду“ я уже слыхалъ. Она меня не интересуесть. Въ предстоящемъ концертѣ Брюссельскаго артистическаго общества собираемся исполнить балетъ изъ „Русалки“. Послѣ концерта поѣду повеселиться въ Парижъ. Тамъ вѣроятно о музыкѣ и помину не будетъ. Вы не довольны статейками обо мнѣ бельгійскихъ журналовъ? напрасно. Онѣ, конечно, написаны слегка, — зато передаютъ факты безъ искаженія; выражаютъ впечатлѣніе, произведенное на кругъ артистическій, и на публику — вѣрно. А это для меня важнѣе всего. Въ нашей русской журналистикѣ тѣ именно и отвратительно, что она часто изъ бѣлаго дѣлаесть черное. Притомъ могли-ли, на примѣръ, быть для меня утѣшительны въ Петербургѣ длинныя рецензіи Толстого, Сѣрова и Арнольда, когда я, на всякомъ шагу, долженъ былъ переносить гнусныя оскорбленія отъ дирекціи и отъ всякой журнальной и другой сводочи? Здѣсь не пишутъ рецензій — зато уважаютъ человѣка съ талантомъ; не разбираютъ сочиненій — зато наслаждаются творчествомъ и особенно новизною мыслей. Развѣ это не лучше?

Стыдно вамъ всѣмъ, что не исполняете моего завѣщанія, не собираетесь по прежнему ради музыки. Нѣчего съ вами дѣлать. По приѣздѣ моемъ — надѣюсь опять возстановить порядки. Прощайте. Кланяйтесь всѣмъ нашимъ. Участіе ваше и ихъ въ музыкальныхъ моихъ похожденияхъ утѣшительнѣе для меня всякихъ здѣшнихъ успѣховъ.

Даргомыжскій — В. Т. Соголову.

Брюссель, 31-го января (1865).

Получилъ я письмо ваше, добрый мой Владиміръ Тимофеевичъ, и благодарю за разныя театральныя и музыкальныя извѣстія. Самое интересное изъ нихъ для меня то, что Ломакинъ хочетъ поставить для концерта „Заплетися плетень“¹⁾. Поблонируйте отъ меня Гаврилъ Якимовичу, и скажите, что если онъ уладитъ этотъ хоръ отъ начала до конца (съ двухъ-сотенною хоровою личностью), то это будетъ

¹⁾ Это одинъ изъ хоровъ «Русалки». Онъ былъ дѣйствительно исполненъ въ одномъ изъ концертовъ безплатной музыкальной школы, директорами которой ли тогда Г. И. Ломакинъ и М. А. Балакиревъ.

В. С.

подвигъ не маленькій. Я полагаю, что труднѣе этого хора едва-ли есть во всемъ извѣстномъ мнѣ оперномъ репертуарѣ. Признаю это съ грустью, потому что трудность исполненія далеко не считаю достоинствомъ сочиненія, а напротивъ того, недостаткомъ. Несмотря на опытность хоровъ русской оперы, хоръ этотъ, подъ палкой махальнаго Лядова, никогда не удастся. Если же онъ можетъ быть выполненъ въ концертѣ съ тою оконченностью, которую я привыкъ всегда видѣть въ хорахъ, поставленныхъ Ломакинымъ, я истинно сожалѣю, что мнѣ не удастся прослушать его. Послѣ завтра уѣзжаю въ Парижъ. Вчера назначенъ былъ концертъ, въ которомъ должны были исполняться мои Славянскій и Цыганскій танцы. Я слышалъ ихъ на трехъ репетиціяхъ. Силы, жизни и особенно звучности здѣшняго оркестра на словахъ передать вамъ не умѣю. Всѣхъ музыкантовъ отъ 85 до 90 человѣкъ. Какъ видно, они полюбили русскую музыку и исполняютъ ее съ любовью. Жаль, что не имѣю здѣсь увертюры изъ „Руслана“. „Камаринскую“ они знаютъ и любятъ. „Хоту“ исполнили, но она не понравилась. Странно! Впрочемъ убѣждаюсь, что присутствіе автора тоже много значить. Мнѣ какъ-то удалось упрочить свое имя въ здѣшнемъ музыкальномъ кругу. Разумѣется — не въ обществѣ. Я увѣренъ, что здѣсь готовы исполнить все, что я ни пришлю своего для оркестра. Если будетъ еще охота писать, то надо бросить вокальное дѣло и заняться симфоническимъ. Жалѣю, что обстоятельства долго удерживали меня въ Петербургѣ. Много трудовъ моихъ пропало подъ музыкальнымъ тупоуміемъ благороднѣйшихъ людей.

Прощайте, обнимаю васъ отъ души. А. Даргомыжскій.

Даргомыжскій — П. И. Радзигевскому.

С-Петербургъ, 25-го декабря 1865.

.....Такъ какъ и вы, и Софья Петровна¹⁾ интересуетесь моею „Русалкой“, то и докладываю вамъ, что завтра, въ воскресенье, идетъ третье представленіе ея, а въ среду назначено четвертое. Постановка вся старая, за исключеніемъ трехъ или четырехъ костюмовъ. Для глазъ видъ гнусный, но успѣхъ оперы громадный, и для меня непостижимый. На завтра уже все распродано. Два первые представленія театръ былъ тоже полнехонекъ. Газеты заговорили другимъ тономъ. Однимъ словомъ, всѣ будто очнулись послѣ 10-ти-лѣтней летаргіи. Опера пошла такъ, какъ-будто бы никогда не давалась. Вызываю артистовъ и меня конца не было. Идетъ опера очень добросовѣстно. Петровъ такъ же хорошъ, какъ и былъ. Но болѣе всѣхъ

¹⁾ С. П. Радзигевская, рожд. Еленева, о ней говорено въ письмахъ Даргомыжскаго изъ второго его путешествія.

замѣчательна Платонова. Она совершенно поняла и музыку мою, и роль. Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ бывшихъ Наташъ она лучшая и какъ пѣвица, и какъ актриса. У нея есть моменты, въ которые она совершенно удовлетворяетъ даже моимъ требованіямъ. Спѣть эту партію лучше — можно, но сыграть — кажется невозможно. Клянѣйтесь всѣмъ вашимъ. Мнѣ сдается, что московскіе наши проееты разстроиваются. Дирекція, какъ горбатый — до могилы останется дирекціей. Обнимаю васъ. А. Даргомыжскій.

Даргомыжскій — К. Н. Вельяминову.

С.-Петербургъ, 10-го августа 1864.

.....По отъѣздѣ вашемъ, музыкальный кружокъ мой почти совсѣмъ испарился. Соколовъ учится генерал-басу у бороды¹⁾. Борода бываетъ недовольна ученикомъ, и подвергаетъ его разнымъ наказаніямъ. Ученикъ ворчитъ басомъ, но покоряется. Обстоятельство трогательное! Изъ пѣвицъ нашихъ, видѣлся я только съ одной. Вы угадываете съ которой. Желалъ бы подѣлиться съ вами петербургскими новостями, да никакихъ нѣтъ. Впрочемъ, есть одна, для меня ничтожная, но для здѣшней публики — великая. Вы вѣдь знаете, что въ лѣтнее время у публики нашей одно стремленіе, одинъ общій порывъ мыслей и желаній — это къ пошлой музыкѣ и акробатическимъ представленіямъ. При васъ еще ходили à la mouche, и качались на бичевкѣ въ воздушномъ пространствѣ до облаковъ. Теперь начинаются полеты въ воздушныхъ шарахъ: и такъ какъ естествознаніе у насъ въ большой модѣ, то и акробатическія увеселенія принимаютъ характеръ отчасти зоологическій. (Далѣе слѣдуютъ подробности о полетахъ Берга и представленіяхъ Блондена).....

Искренно вамъ преданный Даргомыжскій.

Въ Муринѣ, въ дурную погоду, все еще разыгрываемъ, съ милымъ существомъ, послѣднія мои переложенія въ 4 руви. Пріѣзжайте скорѣй, дуэты готовы.

(Брюссель, 19-го декабря 1864).

.....Покуда вы обращаете полезную дѣятельность на изслѣдованія по части физики²⁾, я изъ путешествія своего дѣлаю другаго рода интересныя выводы. А именно: 1) Всѣ столичныя публики въ одинаковой степени невѣжественны въ отношеніи хорошаго и изящнаго въ искусствахъ. Вы, конечно, не встрѣтите здѣсь людей, отъ ко-

¹⁾ Шуточное прозваніе Даргомыжскимъ одного изъ членовъ его музыкальнаго кружка, М. Р. Щиглева.

²⁾ Шуточные намеки на нѣкоторыя событія ихъ интимной жизни. В. С.

торыхъ несетъ виномъ, какъ изъ бочки; не услышите грохота сабли по полу для того только, чтобы какъ-нибудь обратить на себя вниманіе, но что касается до пониманія дѣла, то здѣсь развѣ немногимъ лучше петербургскаго. 2) Въ театрахъ, кажется, музыкальное искусство погнбло безвозвратно! Успѣхъ имѣють одни эффекты, ходули, безвкусица. Артистъ поетъ — публика холодна; зареветъ — и публика за нимъ! 3) Искусство еще живетъ и сохраняется въ музыкальныхъ артистическихъ кругахъ. Но живительная сила этихъ музыкальныхъ круговъ зависитъ часто отъ одного или двухъ замѣчательныхъ дѣятелей по части музыки. Бываетъ, что знаменитый художникъ и по смерти своей еще поддерживаетъ репутацію оставленнаго имъ музыкальнаго круга. Напримѣръ, Лейпцигъ, при закоренѣлой отсталости своей въ музыкѣ, обязанъ незаслуженно своею извѣстностью единственно Мендельсону, который провелъ тамъ много лѣтъ и основалъ консерваторію, да еще Баху, который жилъ и умеръ въ Лейпцигѣ. Вездѣ нахожу я борьбу новой передовой музыки съ отсталыми профессорами. Въ этомъ отношеніи мнѣ кажется, что наша національная школа должна имѣть большой шагъ впереди передъ такъ-называемою *Neue-Deutsche-Musik*. Судя, напримѣръ, по расположенію и вниманію ко мнѣ брусельскаго артистическаго міра и по уваженію, съ которымъ многіе здѣшніе артисты относятся о Глинкѣ, и даже о Верстовскомъ, я убѣждаюсь, что наша музыка можетъ гораздо скорѣе и легче заслужить симпатію запада, чѣмъ новая нѣмецкая. Намъ еще мало знаютъ. Вагнера здѣсь вкушаютъ только клочками. Листа вовсе не вкушаютъ. „Камаринскую“ любятъ. Моя увертюра¹⁾ и „Казачокъ“ будутъ исполняться завтра на репетиціи (оркестръ здѣсь великолѣпный: 10 контрабасовъ). Не знаю, какъ примутъ, но за фортельяно въ 4 руки артисты остались ими очень довольны. Замѣтите, что въ особенности заинтересовалъ ихъ „Казачокъ“, какъ элементъ для нихъ новый и своеобразно разработанный. Мы проиграли его три раза сряду. Пріятно для меня то, что не я искалъ, а мнѣ предложили исполнить что-нибудь мое въ концертѣ.

Прощайте. Обнимаю васъ отъ души. Покажите это письмо и еще нѣкоторыя другія мои письма къ сестрѣ Цезарю Антоновичу Кюи, которому прошу кланяться отъ меня. Ему, какъ рецензенту, многое можетъ быть въ нихъ интересно. А. Даргомыжскій.

4-го сентабри 1865.

Сварливо-добрѣйшій генераль! Вчера получилъ я письмо ваше изъ Одессы, завтра ѣду въ Москву... Я располагалъ ѣхать въ Москву въ

¹⁾ Къ «Русалкѣ».

среди́хъ октября; но меня требуютъ туда теперь. Посылаю вамъ и письмо режиссера. Равная эта поѣздка поразстроиваетъ мои планы; но дѣлать нечего, надо повиноваться командѣ. Успѣха въ Москвѣ не жду, — а удовольствія ожидаю. Дѣло провелъ я не особенно разнообразно. Самое лучшее то, что вотъ уже три мѣсяца какъ не раскрываю фортепьяно. Читаю газеты. Но и тутъ карачунъ. Лучшая здѣшняя газета, „Петербургскія Вѣдомости“, запрещена на 3 мѣсяца. Странное дѣло, что наши министры считаютъ всякое учтивое замѣчаніе на ихъ распоряженіе „подорваніемъ довѣрія къ правительству“. Этакъ мы далеко не уйдемъ. Вчера проходилъ я партію бнягини изъ „Русалки“ съ Шредеръ, кажется, слоеть хорошо: не сильно, а съ толкомъ..... Весь вашъ А. Даргомыжскій.

9-го февраля (1866).

Завтра вечеромъ будетъ у меня вся дирекція московской оперы и Марья Ивановна Мухина. По этому случаю я приглашаю и нѣкоторыхъ пѣвицъ-любительницъ, чтобы познакомить москвичей съ нашей салонной музыкой. Вслѣдствіе всего выпечисаннаго, имѣетъ ваше превосходительство явиться ко мнѣ въ 7 часовъ съ новыми аксельбантами и свѣжимъ голосомъ. А. Даргомыжскій, Grand compositeur.

24-го января 1868.

....О себѣ не могу сказать вамъ ничего утѣшительнаго. Болѣзнь моя, кажется, усиливается¹⁾. Послѣ завтра обѣщаль быть ко мнѣ Боткинъ. Будетъ-ли отъ него толкъ — Богъ вѣдаетъ. Выѣзжать мнѣ становится труднѣе. Взамѣнъ того, при нервическомъ моемъ состояніи у меня расходилась творческая жилка такъ, какъ бывало только въ молодости. Это, въ самомъ дѣлѣ, странное явленіе! Сидя за фортепьянами, больной и сторбленный, я въ пять дней подвинулъ своего „Каменнаго гостя“ такъ, какъ-бы здоровый и въ 2 мѣсяца его не подвинулъ. Долго-ли это продолжится — не знаю! Не требуйте отъ меня длиннаго писанія; и эти строки мнѣ стоятъ усилія. И съ „Донъ-Жуаномъ“ бѣда. Сочиненіе идетъ быстро, — а на бумагу власть тяжело! Душевно преданный А. Даргомыжскій.

С.-Петербургъ, 14-го февраля 1868.

....О себѣ скажу слѣдующее: лечение не только не помогло, но довело меня до крайнихъ ежеминутныхъ страданій — день и ночь. Однимъ словомъ, всякое дыханіе рѣзало меня ножомъ... Во время

¹⁾ Аневризмъ, отъ котораго Даргомыжскій и умеръ, годъ спустя. В. С.

тягостнаго моего положенія, навѣстили меня Фитингофъ. Онъ, почти насильно, привезъ ко мнѣ на другой день нашего знакомаго, Деламота, который исцѣлилъ его самого чуднымъ образомъ. Лечение Деламота мнѣ очень облегчило боль, но, разумѣется, болѣзни не искоренило. Впрочемъ, въ моемъ положеніи, уже временное облегченіе—было благо. Сегодня жду Деламота опять. Что будетъ впередъ—не вѣдаю.

Вотъ уже три недѣли не выхожу изъ дому, но по часу и полчаса сижу на воздухѣ, не смотря на морозы. У меня часто импровизированные рауты: Хвостовы, Пургольдтовы, Платонова и tutti quanti часто навѣщаютъ меня. Теперь опять берусь за „Каменнаго гостя“. Меня занимаетъ то, что онъ приводитъ въ яростный восторгъ не только Кюй-Балакиревскій кружокъ, но и Пургольдтовыхъ, и Платонову, и Г., который кричитъ, что „Русалка“ уже теперь слабое произведеніе! За симъ прощайте, обнимаю васъ отъ всей души. Кажется, немного написать, а усталъ. Дай вамъ Богъ силы и физической, и моральной. Весь вашъ Даргомыжскій.

21-го іюля (1868).

Сейчасъ получилъ письмо ваше и спѣшу, по силѣ и возможности, написать вамъ нѣсколько словъ отвѣта. О болѣзни моей немного имѣю сказать вамъ утѣшительнаго. Видя наконецъ, что она отъ движенія и испарины не проходитъ, я обратился за совѣтомъ къ профессору Богдановскому. Онъ, какъ водится, прослушалъ меня отъ головы до пояса, и оказалось, что я прогулками своими по солнцу и испариной только вредилъ своей болѣзни. Легкія, печень и пр. оказались у меня въ совершенномъ порядкѣ, а причина болѣзни въ расширеніи чего-то около сердца и чрезмѣрно сильномъ и неправильномъ обращеніи крови. Разумѣется, при этомъ играетъ нѣкоторую роль и ревматизмъ. Мнѣ воспретили всякое движеніе, всякое волненіе и безпокойство. Я теперь цѣлый мѣсяць почти не выхожу изъ дому, и по прежнему долженъ прилегать къ подушкамъ всякія 10 минутъ. Убѣдившись, что причина болѣзни моей разгадана, рѣшаюсь прибѣгать и къ нѣкоторымъ средствамъ. Что изъ этого будетъ—не знаю. Віенія въ груди сильны и боль продолжается... Покуда пишу вамъ эти строки, долженъ былъ прилечь разъ пять. Искренно-преданный А. Даргомыжскій.

Сообщ. В. В. Стасовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ Л. И. КАРМАЛИНОЙ,

Глинка и Даргомыжскій.

Прочитавъ въ „Русской Старинѣ“, въ Запискахъ Л. И. Шестаковой: о послѣднихъ годахъ жизни М. И. Глинки,—упоминаніе о моемъ съ нимъ знакомствѣ, я сочла долгомъ пополнить эти воспоминанія, какъ одни изъ лучшихъ въ моей молодой жизни.

Я почти воспиталась на музыкѣ Глинки. Мой отецъ, моя мать—оба пѣли, и съ самаго дѣтства я только и слышала его сочиненія, похвалы его таланту. Ребенкомъ я познакомилась и съ Даргомыжскимъ и Кастріотомъ, и они оба говорили съ увлеченіемъ, даже съ благоговѣніемъ о Глинкѣ. 7-ми лѣтъ я уже пѣла его романсы: „Жаворопокъ“, „Кто она“, „О, дѣва, чудная моя“, „Сомнѣнье“, и проч.

Понятно, что лучшая моя мечта съ самаго ранняго дѣтства была—посмотрѣть: какой Глинка? Въ воображеніи своемъ я подготовлялась ему сѣсть, и я морщила брови и пѣла: „Оружія ищетъ рука“, или: „И дикъ, и мраченъ буду я!“ Конечно, все это было очень смѣшно въ маленькой дѣвочкѣ. Но дѣвочку отдали въ институтъ, она выросла, вернулась опять подъ кровъ родной, а все Глинки нигдѣ не встрѣчала. Глинка за границей! Когда же онъ вернется? вотъ вопросъ, который я задавала себѣ постоянно въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Нужно-ли признаться, къ стыду моему, что о возвращеніи Глинки въ Россію въ 1854 г. я узнала чуть-ли не годъ спустя. У насъ ни въ газетахъ, ни въ обществѣ никто не говорилъ объ этомъ.

Даргомыжскій, который очень часто бывалъ въ домѣ у насъ, постоянно игралъ со мною въ 4 руки съ листа, принося съ собою разные сочиненія классиковъ, и вообще все вновь выходящее, аккомпанировалъ мнѣ свои сочиненія и сочиненія Глинки, но не говорилъ мнѣ, что Глинка пріѣхалъ; напротивъ, на мои вопросы и горячее желаніе посмотрѣть на Глинку, всегда отвѣчалъ: „Разочаруетесь.... Онъ старъ

для васъ и не красивъ!“ — „Не важно, говорила я, мнѣ не того въ немъ надо!“ — „А чего-же?“ — „А того же, что я люблю въ васъ“. (Даргомыжскій, какъ извѣстно, былъ вовсе некрасивъ, да и не молодъ). Вообще, Даргомыжскій, зная меня еще маленькой, сохранилъ ко мнѣ чувство потворства, которое всегда бываетъ въ отношеніи къ любимымъ и избалованнымъ дѣтямъ. За ошибку, сдѣланную имъ, при разыгрываніи съ листа нотъ, онъ получалъ сію же минуту наказаніе: я его сейчасъ же хлопала по рукѣ; а одинъ разъ онъ столько сдѣлалъ ошибокъ, что я ему велѣла стать въ уголъ. Къ моему удивленію, онъ покорно пошелъ и сталъ.

Желая скрыть мое удивленіе, я сѣла преравно и пречинно, взявъ книгу въ руки... ожидая, что будетъ дальше. Даргомыжскій самъ выжидалъ, что я сдѣлаю. Какъ вдругъ выскочить изъ угла, и ну скакать съ дивана на кресло, на столъ, на роаль, опять на диванъ. Онъ метался какъ угорѣлый, къ всеобщей радости моихъ сестеръ и моей; мы пустились его ловить, притащили тесемокъ, шнурковъ, чтобы перевязать его, но это намъ не удалось, потому что Александръ Сергѣевичъ былъ очень ловокъ, и мы не могли отъ сильнаго смѣха поймать его.

Но я отвлеклась отъ разсказа о моемъ знакомствѣ съ Глинкой, такъ какъ воспоминанія о немъ неразрывно связаны съ незабвеннымъ именемъ Даргомыжскаго. Узнала я о присутствіи Глинки въ Петербургѣ уже въ 1855 году, осенью. Даргомыжскій еще не возвращался изъ деревни. Отецъ мой, знакомый съ Глинкой, былъ въ отсутствіи. Другіе наши знакомые были, кто на дачѣ, кто въ деревнѣ. Я же задалась цѣлью познакомиться съ Глинкой во что бы то ни стало, и какъ можно скорѣе. Я говорила: „Не хочу умереть, не узнавъ Глинки!...“

Желая доставить мнѣ эту радость, одинъ изъ родственниковъ моихъ, Л. А. Блокъ, повезъ меня познакомиться къ старушкѣ Фрейгангъ, чтобы та уже, въ свою очередь, устроила мнѣ желанное знакомство. Г-жа Ф. съ удовольствіемъ взялась исполнить мою просьбу; но прежде она должна была повидаться съ Л. И. Шестаковой (сестрой Глинки) и спросить самого Глинку о его желаніи и о времени свиданія, такъ какъ Глинка тяготился новыми знакомствами и самъ ни къ кому не ѣздилъ.

Глинка жилъ тогда на одной квартирѣ со своей сестрой. Обыкновенно пріѣзжали всегда къ его сестрѣ, и узнавъ, въ состояніи и расположеніи-ли Глинка принять гостей, отворяли дверь на его половину и тогда квартира дѣлалась общею. Людмила Ивановна, кромѣ того, что была нѣжная сестра, заботилась о М. И., какъ мать о своемъ ребенкѣ... Сколько женскаго такта, деликатности, чтобы убе-

речь его во время болѣзни, часто повторяющейся, и охранить отъ разныхъ столновеній, которыя, по нервности М. И., дѣйствовали на него сильнѣе, чѣмъ на кого-либо другаго. Я, право, рѣдко встрѣчала другую такую нѣжную сестру и чудную женщину.

Наконецъ, м-ше Ф. извѣстила, что назначенъ день, когда я могу быть у Глинки. Числа я не помню... не помню даже—было-ли это въ сентябрѣ или октябрѣ мѣсяцѣ. Знаю только, что это было по возвращеніи съ дачи. Поѣхала я одна съ г-жей Ф., и съ ней, едва знакомой, вступила въ домъ Глинки.

Трудно передать тѣ чувства, которыя меня волновали; я ничего не испытывала подобнаго, никогда, даже являясь впоследствии передъ многочисленной и избранной публикой въ качествѣ исполнительницы. Наконецъ-то осуществлялась мечта, дѣлѣнная съ самаго дѣтства!...

Съ часъ я была какъ въ туманѣ; знаю, что мнѣ дали чаю, потомъ смотрѣли какія-то гравюры, называли кого-то Дон-Педро; казалось мнѣ, какъ-будто и Глинкѣ не ловко. Не помню, не знаю, какъ я очутилась въ залѣ, а потомъ за роялемъ на стулѣ (этотъ рояль и стулъ хранятся до сихъ поръ у Л. И. Шестаковой). М. И. подошелъ и сталъ противъ меня. Попросилъ спѣть.

Я всегда мечтала спѣть ему что-нибудь его, а тутъ я запѣла... кто бы повѣрилъ! „Густолиственныхъ кленовъ аллея!“ (Весьма посредственный романсъ Дмитріева) ему, Глинкѣ! Потомъ „Le rêve du coeur“ Arnaud, и въ крайнему удивленію, поднявъ въ первый разъ глаза на Глинку, я увидѣла полныя слезы глаза его..... Я хотѣла остановиться, но онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы я продолжала 2-й и 3-й куплеты. (Глинка часто заставлялъ меня впоследствии пѣть этотъ романсизъ). Потомъ Глинка просилъ спѣть что-нибудь Даргомыжскаго. На мой вопросъ: „Что именно, потому что я все знаю“, онъ удивился моей памяти и спросилъ: кто училъ?—„Самъ Александръ Сергѣевичъ“.—О! а о васъ онъ мнѣ никогда ничего не сказалъ! ¹⁾

Я много пѣла, но не рискнула спѣть ни одного его сочиненія. Онъ мнѣ сказалъ: „Какъ у васъ сильно развито чутье пониманія челоуѣка“.

Вечеръ кончился усиленной просьбой Глинки—подарить ему непременно по два вечера въ недѣлю, на что, конечно, я дала свое полнѣйшее согласіе, даже не спрося позволенія моей матери, въ которомъ, впрочемъ, была увѣрена. Я и не соображала въ ту минуту, что мои

¹⁾ Еще смѣшнѣе было, когда Даргомыжскій узналъ, что я наконецъ таки познакомилась съ Глинкой... Онъ видимо этому былъ не радъ. Въ письмѣ его объ эффектахъ и впечатлѣніи объяснено нежеланіе говорить съ кѣмъ-либо о томъ, что онъ любитъ.

мать еще не знакома съ Глинкой, ни съ г-жею Фрейгангъ, и что эта послѣдняя, пожилая и больная, не можетъ же со мной ѣздить въ Глинкѣ два раза въ недѣлю. Я согласилась бывать два раза въ недѣлю, и была въ восторгѣ.

На другой же день милая и добрѣйшая Людмила Ивановна Шестакова была у моей матери. Та отдала визитъ, и на той же недѣлѣ мы поѣхали на назначенный вечеръ.

Глинка ждалъ насъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ взялъ какую-то книгу, подошелъ ко мнѣ, далъ мнѣ ее въ руки и говорить: „Читайте“. Я не рѣшалась начать, потому что я не знала, чего онъ хотѣлъ? Декламаціи или чтенія? Наконецъ я начала. Прочитавъ просто и естественно строчки двѣ, я хотѣла начать декламировать, но Глинка взялъ книгу изъ рукъ.

Это были сочиненія или Жуковскаго или Державина, написанныя выпрепнимъ слогомъ, о Зевесѣ и еще какихъ-то божествахъ. Глинка объяснилъ, что онъ интересовался правильнымъ положеніемъ рта при произношеніи нѣкоторыхъ гласныхъ. Онъ говорилъ: „Напримѣръ, возьмите слово „зачѣмъ“, въ пѣни (Скажи зачѣмъ!) Если вы будете пѣть зачѣмъ, то выйдетъ очень некрасиво; въ пѣни надо говорить почти зачѣмъ“. Еще примѣръ. Въ его романсѣ „Финскій заливъ“—есть слово „кристаллы“. Онъ заставлялъ въ тембрѣ голоса отыскать кристалльный звукъ и говорилъ: „Подумайте, подумайте сами, я не покажу,—и найдете“. „Мимоза“ (такъ Глинка звалъ себя) до того боялся, чтобы я не подѣйствовала какъ-нибудь болѣзненно на его нервы, и не разрушила пріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него, что заранѣе предупреждалъ обо всемъ томъ, что онъ не любилъ. Онъ порицалъ манеру пѣнія русскихъ пѣвицъ, находя въ ней смѣсь пѣнія церковнаго съ цыганскимъ и итальянскаго. Онъ терпѣть не могъ постоянной вибраціи голоса, portamento della voce, цыганское придыханіе съ „ахъ“, взъязаніе въ ноту на церковный ладъ (онъ не любилъ Бортиянскаго). Глинка любилъ въ пѣни слышать каждое слово, сказанное чисто, явственно и вѣрно „по положенію“ (по смыслу, я думаю). Все это, хотя сказанное вскользь, по примѣненію, въ видѣ примѣра, къ другимъ пѣвицамъ (Билибина, Шиловская, Леонова, Гирсъ и др.) оставалось твердо въ моей памяти и я остерегалась, какъ бы не подпасть нечаянно подъ опалу гениальнаго человѣка.

Глинка понималъ мое поклоненіе его музыкѣ, и за это платилъ мнѣ самой чистой отеческой нѣжностью.

Онъ игралъ со мной въ 4 руки, объяснялъ мнѣ правила гармоніи, такъ что онъ и Даргомыжскій были моими первыми учителями гар-

мовіи. По возвращеніи изъ театра или концертовъ (куда Глинка не ѣздилъ въ эту зиму и осень) онъ спрашивалъ о впечатлѣніи, произведенномъ на меня исполняемыми вещами. Когда я ему указывала на нѣкоторыя мѣста пьесъ, особенно понравившіяся мнѣ, то онъ доискивался, почему именно,—объяснялъ, и самъ игралъ мнѣ.

Его доброта доходила даже до того, что онъ просилъ заѣзжать къ нему передъ баломъ и показаться, къ лицу-ли я причесана и одѣта,—и часто, по его указанію, я перекалывала цвѣты на головѣ. Я помню, это было когда я ѣхала съ Л. И. Шестаковой на выпускной публичный экзаменъ въ Екатерининскій институтъ, Глинка просилъ меня съ особеннымъ вниманіемъ выслушать его „Прощальный хоръ воспитанницъ“. Тутъ же онъ высказалъ свое огорченіе, что въ Смольномъ уже поютъ другой, а его хоръ отмѣнили.

Даргомыжскій, узнавъ, что я стала часто бывать у Глинки, просилъ дать знать, въ какой день мы тамъ будемъ,—и пріѣхалъ. Съ тѣхъ поръ онъ почти не пропускалъ ни одного случая быть съ нами.... Въ эти назначенные дни, у Глинки я встрѣчала Сѣрова, написавшаго тогда еще только „Тарантеллу“ и нѣсколько сценъ оперы „Майская ночь“. Сѣровъ былъ тогда восторженный и безусловный поклонникъ Михаила Ивановича, а впослѣдствіи онъ отрежся отъ того, что любилъ прежде,—это меня такъ огорчило, что въ 1867 г., какъ меня ни просилъ Даргомыжскій, я не поѣхала ни къ Сѣрову, ни къ самому Даргомыжскому въ тотъ день, когда тамъ долженъ былъ быть Сѣровъ. Сѣровъ назвалъ это неблагодарностью, я же назвала осторожностью. Я припомнила бы ему преждее хорошее время, когда онъ съ братьями Стасовыми былъ поклонникомъ Глинки—онъ разсердился бы и мы бы поссорились.

Неблагодарною Сѣровъ называлъ меня оттого, что писалъ обо мнѣ въ фельетонѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1857 годъ, во время моего пребыванія въ Италіи,—и считалъ меня, вѣроятно, обязанной ему за это. Я же была далеко, не знала объ этомъ; писали много, еще болѣе, въ иностранныхъ газетахъ. Конечно, я не скрою, что мнѣ пріятно было сочувствіе таковаго музыкальнаго соотечественника, и въ думѣ я ему благодарна; но зачѣмъ же онъ отшатнулся отъ Глинки? ¹⁾

Л. И. Кармалина,
рожденная Быленцына.

¹⁾ Весьма интересны письма А. С. Даргомыжскаго къ Л. И. Кармалиной мы помѣщаемъ въ слѣдующей книгѣ нашего изданія.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Пугачевскіе листы.

1774 г.

Въ присланной января отъ 29-го дня 1774 года къ ея императорскому величеству отъ генерала (А. И.) Бибикова всеподданнѣйшей реляціи показано ¹⁾):

„Здѣсь для одного только любопытства осмѣливаюсь приложить оригинальный приказъ отъ вора злодѣя Ивашки Чернышева, такъ называемаго графа, тоже подлинное увѣщаніе, присланное въ кунгурскую канцелярію съ двумя злодѣями отъ воровской же шайки; изъ сего; всемилостивѣйшая государыня, примѣтна забытая, но чаянная дерзость сихъ изверговъ рода человѣческаго.

„Между прочимъ, приказъ злодѣя Чернышева доказываетъ, что городъ Уфа еще 14-го ч. сего января мѣсяца былъ не въ ихъ рукахъ, ибо онъ данъ въ деревнѣ Чесноковѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Уфы лежащей“.

I.

Билетъ. Отъ его высокографскаго сіятельства Ивана Никифоровича Чернышева, казаку Макару Никитину, отправленному, находящемуся здѣсь подъ извозомъ вина, въ домъ свой, коему по тракту команду имѣющему, гдѣ кому вѣдать надлежитъ, чинить по силѣ указовъ пропускъ. Во увѣреніе чего, за подписаніемъ и данъ въ селѣ Чесноковѣ. Января 14-го дня 1774 года.

(Подписалъ): Графъ Иванъ Чернышевъ.

У сего билета приложена печать его имени. М. П.

¹⁾ Изъ дѣла, производившагося въ тайной экспедиціи въ С.-Петербургѣ «о злодѣѣ Пугачевѣ и его сообщникахъ». Изъ документовъ государственнаго архива извлечено И. П. Шульгиннымъ.

II.

Божію милостію мы Петръ третій, императоръ и самодержецъ все-россійскій, и проч., и проч., и проч.

Объявляется во всенародное извѣстіе.

Не безъизвѣстно есть каждому вѣрноподданному рабу, какимъ образомъ мы не отъ доброжелателей и зависцовъ общаго покоя все-россійскаго и по всѣмъ правамъ принадлежащаго престола лишены были, а нынѣ Всемогущій Господь неизрѣченными своими праведными судьбами, а моленіемъ и усерднѣйшимъ желаніемъ нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ скипетру нашему покоряеть, а зависцовъ общему покою и благочинію подъ ноги наши повергаетъ; только нынѣ нѣкоторые, ослѣпясь невѣднѣемъ или помрачены отъ зависти злобою, не приходятъ въ чувство и высокой власти нашей чинять противленіе и неповореніе и тщатся процвѣтшася искра наша такимъ же образомъ, какъ и прежде, угасить и нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ, истинныхъ сыновъ отечеству, аки младенцевъ осиротѣть. Однако мы, по природному нашему къ вѣрноподданнымъ отеческому неизрѣченному великодушію, буде кто и нынѣ, возникнувъ отъ мрака невѣднѣя и пришедъ въ чувство, власти нашей усердно покоритесь и во всеподданническія должности быть повинитесь, всемилостивѣйше прощаемъ, сверхъ того всякою вольностію отеческой васъ жалуемъ. А буде же кто и за симъ въ такомъ ожесточеніи и суровости останется, и данной намъ отъ Создателя высокой власти не покоритесь, то уже неминуемо навлечете на себя праведный нашъ и неизбѣжимый гнѣвъ, — чего ради отъ васъ для надлежащаго исполненія и всенароднаго истиннаго познанія, симъ и публикуется. Декабря 2-го дня 1774 года!

На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако: „Петръ“.

(Скрѣпилъ): Ротный писарь Василій Протопоповъ.

Въ присланной отъ него же генерала Бибикова, февраля отъ 15-го дня 1774 года, реляціи показано:

„Я осмѣливаюсь здѣсь приложить копиі съ полученныхъ въ Челябинскѣ злодѣйскихъ писемъ, изъ коихъ изволите усмотрѣть, какъ велико зло обитаетъ въ убивственныхъ ихъ душахъ“.

III.

„Высокородный и высокопочтенный господинъ коллежской ассесоръ и приміеръ-маіоръ Василій Ивановичъ Свербѣевъ!

„Я во удивленіе прихожу, что такъ напрасно закоснѣли сердца че-

ловѣческія и не приходятъ въ чувство, а паче не иное что какъ дѣлаютъ разореніе православнымъ христіанамъ и проливаютъ кровь неповинно, а паче называютъ премилосердо щедраго государя и отца отечества великаго императора Петра Теодоровича бродягою донскимъ казакомъ Пугачевымъ; вы-жъ думаете, что одна Исетская провинція имѣетъ въ себѣ разумъ, а прочихъ почитая за ничто, или словомъ сказать, за скотъ. Повѣрь, любезный, — ошиблись, да и ошибаются многіе, не зная, конечно, ни силы, ни писанія; если-бъ мы нашего премилосердаго отца отечества великаго государя были не самовидцы, то-бъ и мы въ сомнѣніи были. Вѣрь, душа моя, безсомнѣнно, что вѣрно и дѣйствительно нашъ государь батюшка — самъ истинно, а не самозванецъ: что-жъ за прибыль быть православнымъ христіанамъ въ междоусоби и браняхъ и проливать кровь неповинныхъ, и за что вашъ господинъ воевода съ артилерійскою командою взялся вѣрнѣйшихъ государя слугъ приводить въ разореніе? Пожалуй, сдѣлай себя счастливымъ, прикажи, чтобъ безъ всякаго кровопролитія сдѣлать и крови напрасно не проливать; если же послѣ сего послѣдняго до васъ увѣщанія въ сѣлонность не придете, то общаюсь Богомъ подвигнуть мои ввѣренныя отъ его императорскаго величества войска, и уже тогда ни каковой пощады ждать вамъ надѣяться не предвижу; отъ мала и до велика прошу яко брата уговорить; васъ же, если сіе сдѣлаете, общаю вамъ предъ Богомъ животъ, а не смерть; закоснѣлымъ же, кто не придетъ въ чувство, послѣ сего ожидать благополучія не остается. Развѣ мы не сыны церкви Божіей? Опомнитесь, други и братья о Возѣ! Затѣмъ скрата оканчиваю симъ и остаюсь при арміи посланной отъ его императорскаго величества главной арміи, полковникъ Иванъ Грязновъ.

Января 8-го дня 1774 года.

IV.

Находящимся въ городѣ Челябинскѣ всякаго званія людямъ.

Не иное что къ вамъ, пріятныя цереве святой сыны, я простираю руку мою, — къ написанію сего. Господь нашъ Иисусъ Христосъ желаетъ и произвести соизволяетъ своимъ святымъ промысломъ Россію отъ ига работы — какой же, говорю я вамъ; всему свѣту извѣстно, сколько во изнуреніе приведена Россія, — отъ чего-жъ, вамъ самимъ то не безъизвѣстно: дворянство обладаетъ крестьянами, но хотя въ законѣ Божіемъ и написано, чтобъ они крестьянъ также содержали, какъ и дѣтей, но они не только за работника, но хуже почитали (собакъ?) своихъ, съ которыми гоняли за зайцами; компанейщики завели премножество заводовъ и такъ крестьянъ работою утрудили, что

и въ ссылкахъ того никогда не бываетъ, да и нѣтъ, а напротивъ того, съ женами и дѣтьми малолѣтними не было-ли ко Господу слезъ; и чрезъ то услыша яко израилтянъ отъ ига — работы избавляетъ; дворянство же премного-щедрого отца отечества великаго государя Петра Феодоровича, за то, что онъ соизволилъ при вступленіи своемъ на престолъ о крестьянахъ указать, чтобъ у дворянъ ихъ не было во владѣніи, но то дворянамъ нежели нынѣ, но и тогда, не пользовало, а колыми паче нынѣ изгнали всякимъ неправеднымъ поведениемъ; и такъ, чрезъ то принужденнымъ нашелся одинадцать лѣтъ отецъ нашъ странствовать, а мы, бѣдные люди, остались сиротами, а нынѣ отца нашего, хотя мы и стараніе прилагаемъ возвести, но дворянство и еще вымыселъ сдѣлало назвать такъ дерзко бродягою; донскимъ казакомъ Пугачевымъ, а напротивъ того, еще наказаннымъ кнутомъ и клеймы имѣющимъ на лбу и щекахъ; но еслибъ, други и пріятныя святыя церкви чада, мы были прещедраго отца отечества великаго государя Петра Феодоровича не самовидцы, то-бъ и мы вѣры не поняли; чрезъ чтó васъ увѣряемъ — не сомнѣваться и вѣрить дѣйствительно и вѣрно — государь нашъ истинно; чего ради сіе послѣднее къ вамъ увѣщаніе пишу, придете въ чувство и усердно власти его императорскому величеству покоритесь; намъ кровь православныхъ не нужна, да и мы такіе-жъ, какъ и вы, точно православныя вѣры, за чтó намъ дѣлать междоусобныя брани? А пропади тотъ, кто государю не желалъ добра, а себѣ самому; слѣдственно, всѣхъ предпріятія вамъ уже разумѣть можно; и если вы въ склонность придти не пожелаете, то уже говорю не скрытно, ввѣренныя мнѣ отъ его императорскаго величества войска на васъ подвигнуть вскорѣ имѣю, и тогда уже сами разсудите — можно-ли ожидать прощенія; мой же совѣтъ, для чего напрасно умирать и притергивать разореніе всѣмъ вамъ гражданамъ? Вы, надѣюсь, подумаете, что Челябинскъ славный по Россіи городъ и каменную имѣетъ стѣну и строеніе отстоится, не думайте, пріятныя, предѣлъ отъ Бога положенъ, его же никто прейти не можетъ; а вамъ навѣрное говорю, что стоять — не устоять, пожалуйста не проливайте напрасно свою кровь, орды не вѣрныя государю покорились, а мы — противотворникамъ. Затѣмъ скратя симъ остаюсь, января 8-го дня 1774 года.

(Подлинный подписалъ тако): Посланный отъ арміи его императорскаго величества главной арміи полковникъ Иванъ Грязновъ.

V.

Разсмотрѣніе нами чинено; и по разсмотрѣніи, сія ваша бумажка посылается обратно; изъ манифеста-жъ усматривается, якобы государь нашъ царевы разорялъ и прочіе чинилъ непорядки, о таковыхъ непорядкахъ написанныхъ мы не нынѣ уже извѣстны, что написано напрасно, и персонально съ государемъ было говорено; вы-жъ, не видя, называете Емельяномъ Пугачевымъ; а мы видя и свидѣтельствовали. Какъ дерзнуть можемъ, да уже и печатовать болѣе ко увѣщеванію. Гришекъ ростригъ видно не находятъ, да и вы не дураки-ли: Дмитрій царевичъ былъ весьма малолѣтенъ, а Гришка назвался уже взрослымъ! Почему-жъ было можно опознать его, какъ нашъ батюшка, всемиловѣйшій государь, уже не малыхъ лѣтъ принимать изволилъ Россію; слѣдственно, кого-бъ я видалъ прежде, но и на всѣхъ послаться могу, что узнаю чрезъ двадцать лѣтъ, нежели чрезъ одиннадцать. И такъ, если отыщутся у васъ благоразумные люди, разсудить могутъ, что и узнать можно, такъ вы лихо не подумайте того, что дворяне привыкли всею Россіею ворочать, какъ светомъ, но еще и хуже почитаютъ собакъ, а притомъ безъ малыхъ жить не привыкли; а государь все то отъ нихъ тогда отобратъ изволилъ, такъ чрезъ то дворяне умыслили написать худу, а признали быть за лучшее владѣть Россіею сами и всѣми угодными имъ угодностями. И для того благоволите городъ сдать безъ всякаго напраснаго православнымъ кровопролитія; если же вы такъ отдаться не согласны, дать намъ вскорѣ знать, нынѣ же чрезъ два часа присылкою нарочнаго не умедлить. Вы думаете и опасаетесь прислать человѣка? Такъ не извольте сомнѣваться, мы не таковыхъ сердець, какъ вы; нашего удерживаете, если же своего жаль выслать,—нашего, и для того немедленно дайте знать или знатную отъ васъ персону, для хотя переговоровки, право — пустимъ обратно.

СТАВЛЕННИКЪ.

О П Е Р А,

ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ СОСТОЯЩАЯ.

СОЧИНЕНА УЧЕНИКОМЪ ФИЛОСОФІИ

Яковымъ Соколовымъ,

декабря 10 дня 1780 года.

ЯРОСЛАВЛЬ

1780.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Оома, сельскова богатова пона сынъ.

Проворъ, сельскова убогова пономаря сынъ.

Добронравовъ, консисторскій президентъ, судья.

Секретарь.

Урываи Копейкинъ, прпставъ.

Алтынниковъ, дворянинъ, у коево квартируетъ Оома.

Брандахлыстовъ, крестьянинъ, живущій въ городѣ.

Дѣйствіе продолжается въ одномъ городѣ.

Въ Ярославлѣ, отъ временъ намѣстника Мельгунова, существуетъ оригинальная опера, изъ мѣстной жизни: Ставленникъ. Ни объ авторѣ ея, ни объ обстоятельствахъ, ее породившихъ, ни о судьбѣ ея, не удалось намъ собрать почти никакихъ свѣдѣній. Знаемъ только, что въ 1814 г., во время торжественія мира съ Франціею, здѣшніе семинаристы представляли ее, на своей рекреациі, въ Полушкиной рощѣ; затѣмъ, въ средніе тридцатыхъ годовъ, которые мы немного помнимъ, списки этой оперы были довольно обыкновенны, но въ настоящее время они чрезвычайно рѣдки и списокъ, съ котораго она теперь печатается, достался намъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ исканій.

Какъ видно изъ заглавнаго листа „Ставленника“, пьеса эта написана въ 1780 г. Чтобы составить надлежащее понятіе о характерѣ того времени, пусть читатель припомнитъ себѣ, что въ 1780-хъ годахъ отечественные театральные писатели сосредоточивались въ столицахъ, въ Ярославлѣ же или не было вовсе такихъ писателей, или они только переводили иностранныхъ авторовъ, какъ напримѣръ, переведена была, въ нашемъ именно городѣ, знаменитая комедія Бомарше: „Севильской цирюльникъ“ (Сопиковъ, № 5,608, напечатано въ Калугѣ въ 1794 г.). Но чтобы кто-нибудь изъ этихъ людей бросилъ подражанія и заимствованія, и произвелъ пьесу изъ мѣстной жизни, такого человѣка у насъ не было ни одного. Такова была эпоха 1780-хъ годовъ. И вотъ однако, въ это именно время пишется въ Ярославлѣ оригинальная опера изъ мѣстной жизни! и кто же пишетъ? ученикъ философіи.

Но скажутъ: да стоитъ-ли эта пьеса того, чтобы о ней вспоминать. Отвѣчаемъ: приди и виждь. „Ставленникъ“ легко, живо, весело, стихами и съ аріями, изображаетъ, какъ богатый, но не ученый, сельскій поповичъ Тома безуспѣшно-тратитъ деньги и хитрости на по-

лученіе священническаго мѣста, а его сельскій товарищъ, пономарскій сынъ Проворъ, безъ всякихъ денегъ и хитростей, даже нѣсколько спустя время противъ Оомы, явившійся въ городъ, тотчасъ получаетъ это мѣсто, потому что отвѣчаетъ хорошо на экзаменѣ, тогда какъ Оома по всѣмъ вопросамъ проваливается.

„Ставленникъ“ изображаетъ дѣйствительный духовный классъ нашей губерніи прошлаго столѣтія, съ его нравами и языкомъ.

Изображеніе дѣйствительности заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ на счетъ грубости, столь свойственной писателямъ прошлаго вѣка и которой такъ трудно избѣжать, передавая разговоры низшихъ классовъ. Извѣстно, что грубость бываетъ двухъ родовъ: одна, такъ сказать, внѣшняя, состоящая въ употребленіи обиходныхъ простонародныхъ выраженій. Эта грубость простоты отчасти находится въ „Ставленникѣ“, какъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ XVIII вѣка. Затѣмъ есть другая грубость, которая не употребляетъ простонародныхъ выраженій, зато цинична по смыслу и даже болѣе. Этого вида грубости нѣтъ въ „Ставленникѣ“.

Ярославль.

В. И. Лѣствицынъ.

СТАВЛЕННИКЪ.

ДѢЙСТВІЕ 1-е.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Ожа (*одинъ, поетъ*).

«Веселись моё сердечко,
«Всю кручину позабудь:
«То поповскою мѣстечко
«Неотниметь, хоть кто будь.

(*Вдругъ обтааетъ Алтышкиновъ и говоритъ*):

Вотъ то-то голосошь, ужъ подлинно труба!

Ожа.

Смотрико, сколь слѣла, любезный другъ, судьба!
Кому такъ спѣть? да што?... какъ я на крылошь встану,
И тамо ірмосы изъ всей то мочи гряну, —
То прямо весь народъ и стѣны задрожать;
Да вотъ и тутъ въ попы едва-ли посвятить.

Алтышкиновъ.

Неушто?.. правды братъ, на свѣтѣ нынѣ мало,
Иль въ вапихъ-то властяхъ ума совсѣмъ нестало?
Священникомъ тебѣ давно бы быть пора;
Иные хоть поютъ негромче комара,
Но вшедши на амвонъ, пищать какъ муха паки,
А такъ непохраняютъ и мертвыя собаки,
Махнувъ кадиломъ разъ, кричатъ: давай намъ грошъ!
А естли што спокуютъ—безъ гривны немнѣиощъ.
Што стаду обойтись безъ пастыря неможно,
Я спорить нехочу, то сказано неложно;
Зато досадно, што влады кормъ не въ коня.

Ома.

Штожь другъ? желать ли-бъ ты попомъ имѣть меня?

Алтынниковъ.

Ахъ, Боже мой!.. ей-ей! твой голосъ столь прелѣстенъ,
Што естлибъ господамъ дворянамъ былъ извѣстенъ,
Какъ дваждыбъ два тебя поставили попомъ;
Всемирно вѣдь они стараются о томъ.

Ома (*опять поетъ*).

«Веселись моё сердечко,
«Всю кручину позабуди:
«То поповскою мѣстечко
«Неотниметь, хоть кто будь.

Алтынниковъ.

А развѣ ты, сударь, за мѣстомъ здѣсь?

Ома.

Конечно,

Открыться-ль вамъ?

Алтынниковъ

Сего желаю я сердечно.

Ома.

Забредши со слѣзныхъ въ непроходиму грязь,
При церквѣ всѣхъ святыхъ попъ уміоръ оводнясь;
Для воспріятія священнической чести
Изъ нашихъ дурацовъ никто немогъ въ судъ лезти.

Алтынниковъ.

Гдѣ имъ?

Ома.

Родитель мой въ сему меня склонилъ;
На протори-жъ рублей сотнягой наградилъ. (*Опять поетъ*).

«Веселись моё сердечко
«Всю кручину позабуди:
«То поповскою мѣстечко
«Неотниметь, хоть кто будь.

Алтынниковъ (*въ сторону*).

Прекрасно, когда такъ: мнѣ будетъ на лаптишка.
О радость! Оплету сево я дурачишка.

Ома.

Што баюшь?

Алтынниковъ.

У меня есть сродникъ секретарь,
То можетъ пособить въ семь дѣлѣ вамъ, сударь:

Для милости твоей готовъ я постараться,
Извольте только вы меня здѣсь дожидаться,
Я попрошу ево немедленно сюда.

*Оома. (Вынявши изъ запазухи кошеліокъ,
дастъ ему деньги).*

Ахъ, другъ мой! вотъ тебѣ рублювникъ за труды.

АЛТЫННИКОВЪ.

(Взявши и поклонившись, уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ „2-е.“

Оома (одинъ, поетъ).

«Вотъ какъ-то наша забрала!
«Пожалп на путь дѣла.
«Какъ имъ обвймъ дамъ поклонъ,
«Пойдіотъ битка и наша въ конъ,
«За всіо имъ послѣ заплачу,
«Самъ сивалдая дай хвачу *(наливши рюмку, пѣтъ)*.
«Вотъ скоро буду я попомъ!
«Пошла битка у Оомки въ конъ.

ЯВЛЕНІЕ „3-е.“

ООМА. АЛТЫННИКОВЪ. СЕКРЕТАРЬ.

Секретарь (Оомъ).

Ба! Здравствуй, другъ!

Оома.

И вамъ я здравствовать желаю.

Секретарь.

Давно уже во мнѣ твою я нужду знаю,
И потому пришолъ подать тебѣ совѣтъ,
Кой подлинно тебя въ попы произведеть.
Надѣйсъ, получимъ всіо; о семъ я постараюсь;
Но напередъ еще тебѣ, мой другъ, признаюсь,
Что безъ меня нельзя въ томъ получить успѣхъ,
Я сдѣлать всіо могу, какъ горько, такъ и смѣхъ.

Оома (Кланяется въ ноги, и вставъ, дасть деньги).

Помилуй, батюшко, тебѣ за-то полтина.

Алтынниковъ (Оомъ).

Нестыдно ли тебѣ такова господина,
За важныя дѣла полтиною дарить!
Тебя онъ можетъ въ вѣкъ щастливымъ учинить;
А ты, смотри, за што бездѣлицы жалѣешь,
Знать ты приказныхъ дѣлъ отнюдь не разумѣешь;

Што пустяки молоть! влады ужь больше, брать;
Лишь только-бъ дѣло-то твоё пошло на ладъ.

(Поетъ)

Между тѣмъ Ѳо-
ма, отошедши на
сторону, считаетъ
деньги.

«Деньги у секретарей
«Благосклонность умножаютъ;
«Дураковъ пономарей
«Въ красну ризу выражаютъ.
«У кого въ карманѣ грошъ,
«Тотъ подъячимъ и хорошъ.

Ѳома (Секретарю).

Какъ не лишите вы меня своихъ совѣтовъ,
Такъ вотъ вамъ, государь, въ даръ пятьдесятъ монетовъ.

Секретарь (взявши).

Благодарю... я твой покорнѣйшій слуга.
Не деньги тѣ твои, да честь та дорога;
Предъ нею всёо за прахъ считаетъ дворянинъ.

Ѳома (Алтынникову).

Да на ужь и тебѣ на водеу хотъ алтынъ.

Алтынниковъ (взявши, поетъ).

«Теперь пойду я на кабакъ,
«Въ которомъ продаютъ вино,
«И свой прибавивши пятакъ,
«За честь, здоровье Ѳомино,
«Балаяну тамъ стакановъ пять;
«Потомъ приду сюда оиять.

Ѳома.

Какъ?.. видно ты своихъ прибавить къ нимъ намѣренъ?

Алтынниковъ.

Да!

Ѳома (вынявши деньги, даетъ).

Погоди же, на ещо... да будь мнѣ вѣренъ.

Алтынниковъ (взявши).

Ахъ милостивецъ! какъ спасибо не сказать?
Готовъ-ста я въ твоихъ услугахъ пребывать.

(Поклонившись, уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ „4-е.“

ѲОМА И СЕКРЕТАРЬ.

Ѳома.

Штожь дѣлать мнѣ теперь?

Секретарь.

Прошеніе писать,
И, справки учинивъ, владыкѣ подавать.

Θομα.

Прошеніе, сударь, моіо уже готово;
Но, выслушайте, я до васъ имѣю слово.

Секретарь.

Какое?

Θομα.

Признаюсь, что я читать рѣзецъ,
А какъ по нотѣ пѣть,—то прямо молодець.
Мой голосъ толстъ, краснѣвъ, нѣжнѣе соловьява.

Секретарь (*тихо въ сторону*).

Всіо это хвастовство—корысть секретарева.
(*Θοма*) такъ чтожъ?

Θομα.

Боюсь, сударь; чтобъ не взяли въ соборъ...
Я право не хочу...

Секретарь (*въ сторону*).

Какой я слышу вздоръ. (*Θοма*)
О чемъ же просишь ты?

Θομα (*подавъ прошеніе*).

Прошенію то возмитію,
И безъ меня допросъ и справки напиштію.
Я знаю, чѣмъ за то васъ поблагодарить.

Секретарь (*взявши*).

Изрядно, только чтобъ тово не позабыть.
За это отъ меня тебѣ и честь и слава;
Пойду и, сдѣлавъ всіо, приплю къ тебѣ пристава.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ „5-е.“

Θομα (*одинъ*).

Топерь мнѣ нечево осталось бояться!
Нетщетно я могу надеждою ласкаться,
Что въ скоромъ времени поповство получу;
Я церковь ту на свой салтыкъ поворочу,
На правду въ дѣло-то вступитъ мнѣ было горько;
А нынѣ хоть мудріонъ пономаріовъ Проворочу,
Да трудно ужь ему меня перетягать.
Съ симъ толкомъ и въ дьячкахъ ему знать не бывать.
Не мода подчинять приказныхъ-то нулямн;
Кто нынѣ походитъ изволитъ за дѣламн,
Смотри, чтобъ золотомъ набить былъ копеліокъ;

Крапивнымъ семянамъ ¹⁾ несносенъ гоголюкъ ²⁾.
 Тѣ нынѣ дураки и сущіе болванки,
 У воихъ пустякамъ нагружены карманы.
 Въ тавія времена достоинство пола
 Не думай получить убогой голтена.
 Однако у меня въ мошнѣ-то, слава Богу,
 Притомъ и ко всему сыскалъ уже дорогу,
 Не пропадутъ гроши, истратилъ кон я;
 Небойсь, Ѳома, какъ разъ скипнуть тебѣ скуфья,
 Хоть грамотѣ-то я маленько и тупеніюкъ;
 Но ежели судьямъ не пожалѣю денегъ,
 То право-ста меня за умнова почтутъ,
 И наконецъ во всемъ Провору предпочтутъ.
 Ему меня во вѣкъ неперепонамарить,
 Мнѣ только надлежитъ въ карманы-тѣ прибавить.
 (*Высыпавши кошелекъ, смотритъ*).

Поубыло тебя, родимо золотцо!
 Постой же, я домой пошлю нынѣ письмецо,
 Дабы мой батюшко, почавъ другой кувшинецъ,
 Прислалъ рублювъ хотъ сто подъячимъ на гостинецъ.

(*Сидитъ за столъ, пишетъ*).

«Кормилецъ батюлика! Антипа Родивонычъ!
 «Севодни секретарь Мокей Галахтвоннычъ,
 «Прошенію мою къ себѣ изволилъ взять,
 «И справилъ все на ніомъ язася написать,
 «Дѣла все къ выгодамъ моимъ клонитца стали,
 «Да только деньги тѣ подъячи разклевали.
 «Простосердечіе блаженной ихъ души
 «Усердною рукою брало мои гроши;
 «Хоть кошелюкъ мой былъ худой, толстой колцовою;
 «Но самой секретарь почолъ ево за новою,
 «Не меньше серебра повравилась пмѣ мѣдъ,
 «Которой ихъ дарить позволили и впредь.
 «Топерь моя мощна чахоткою хвораіотъ,
 «И мѣднаго въ мѣшкахъ лѣкарства ожидаіотъ,
 «И тавъ прошу, сударь, рецептъ еіо принять,
 «И то, что надлежитъ, немедля исполнять.

«Сынъ вашъ Ѳома Антиппнъ, земно кланяюсь».

(*Написавши и прочитавши въ слухъ, складываетъ*).

ЯВЛЕНІЕ „6-е.“

ѲОМА И АЛТЫННИКОВЪ.

Алтынниковъ.

Спасибо, Ѳомушка!.. топерію я сивухи
 На крутоярѣ вдругъ одіорнулъ пол-осмухи,

¹⁾ Подъячимъ.

²⁾ Убогой.

Да ништо за виски меня тавъ забрала,
Што я ужъ кою-какъ добріюль и до двора.

Өома.

Нѣтъ, какъ бгы пзъ дому мнѣ денюгъ то прислали,
Тавъ мы бы и не такъ съ тобой закуликали,
Послалъ бы я письмо, да нѣтъ ихъ землява.

Алтынниковъ.

Я видѣлъ и двонхъ, какъ шолъ изъ кабава.

Өома (даеъ письмо).

Поди пожалуйста: сыскать ихъ постарайся,
Отдай имъ.

Алтынниковъ (взявши).

На меня во всемъ ты полагайся.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ „7-е.“

Өома (одинъ, озираеъ).

Одинъ я здѣсь?.. по чтобъ прогнать тоску мою,
За што приняться мнѣ?.. дай ибѣсону слою,
Котору батюшка частенко повторялъ,
Когда шатай-марго стаканомъ въздырлялъ. (Поетъ)

«Вождеменно и пріятно
«Мнѣ поповскою житію!
«Я которому стократно
«Сердцо посвящалъ свою,
«Тамъ веселости, утѣхи,
«Въ добродѣтели успѣхи,
«Тамъ блаженство всю цвѣтегъ;
«О прелестнѣйшій предметъ!
«Тамъ свирѣпство, строгость злая,
«Не сильны возсвирѣпѣть:
«Слава, вольность дорогая—
«Завсегда тамъ могутъ зрѣть.

А што?.. И подлинно вѣдь ибѣсника-то эта,
Какъ и меріюкаю, не мимо дѣла спѣта,
И притоманно вѣдь въ попахъ, раздолію жить,
Лишь только не лѣнись на каждой день служить;
Воздержень только будь, вина не ѹпивайся,
А то въ приходѣ ты, какъ въ маслѣ сырѣ, катайся.
Кутью хотъ не хлюбай, вахрушокъ хотъ не ѣшь;
По горло вслчним, лишь былъ бы оходъ свѣжь,
Хотъ брата нашова кутейникомъ и дразнять,
Однакъ и отъ дворинъ ихъ никогда не разнять. (Поетъ)

«О! когдабъ небесъ судьбина.
«Честь пресвитерскаго чина

«Мнѣ позволила нѣтъ!
«Сей прелестнѣйшій предметъ.

ЯВЛЕНИЕ „8-е.“

КОПЕЙКИНЪ И ОМА.

Копейкинъ (*пришеди, кланяется*).

Ома.

Здорово!

Копейкинъ.

Секретарь сказать тебѣ велѣлъ,
Чтобъ въ конскторію немедленно ты шелъ.

Ома.

Такъ видно, господинъ приставъ, моё то дѣло,
Въ приказѣ-то у васъ совсѣмъ уже поспѣло?

Копейкинъ.

Нешто вѣдь... да смогри скорѣе прибѣги,
А мнѣ-ка за груди давай на сапоги.

Ома (*молчитъ*).

Копейкинъ.

Бутейники, небойсь на это ухо глухи.

Ома (*даётъ одну копѣйку*).

Изволь...

Копейкинъ (*взявши*).

По столько бы тебя кусали мухи.

Ома.

Што мало?.. да тебѣ нулишекъ много дать,
Въ зашеюкъ изъ суда—твои дѣла толкать;
А больше нечево въ приставахъ то ждать смаку,
Кто недалъ имъ гроша, со всякимъ лезуть въ драву.

Копейкинъ (*грозитъ*).

Молчиже, я тебѣ любовь-ту докажу.

Ома.

А я секретарю про всё то расскажу:
Такъ онъ тебѣ бока, какъ надо, взъерепенилъ,
Меня вѣдь на тебя, небойся, не промѣнить.

Копейкинъ.

Да развѣ онъ тебѣ знакомъ?

Ома.

Великой другъ:

Ему я сто рублёвъ ввалилъ въ карманъ-отъ вдругъ.

Копейжинъ.

Што намъ бранитца-то съ тобою, другъ любезной!
Вѣдь я могу тебѣ подать совѣтъ полезной;
Прибавь пожалуйста еще хоть пятакъ.

Ома (дастъ).

Добро, авось либо хоть въ шею дашь толчекъ.

Копейжинъ (взявши).

Нѣтъ!.. за сіе твоимъ останусь я слугою.

Ома.

Ступайже, я сейчасъ поспѣю за тобою.

(Копейкинъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ „9-е.“

Ома (одна, вынимаетъ деньги и, по-
смотрявъ, весьма печалится).

Къ чему меня, о ты, свирѣлой рокъ, привлече?
Топерь-то я свою головушку отсѣкъ!
Приспѣло время мнѣ явиться предъ судьями.
Но съ чѣмъ я къ нимъ пойду?.. съ порожними руками,
Пусть прежде до туга набить былъ кошелекъ...
Но вотъ осталось въ немъ грошишковъ ужъ съ пятокъ.
Рубли посвящены подъяческимъ карманамъ,
Гдѣ лысой бѣсъ сидитъ, учащій ихъ обманамъ,
Червонцы возгордятся, ушли къ секретарямъ,
А деньги убрели къ голоднымъ вратарямъ¹⁾.
О горе! сумочка моя осиротѣла.
Въ прохвостахъ знать меня покнутъ захотѣла,
Што дѣлать мнѣ теперь, хоть кто нибудь скажи?
Лишь только въ судъ приду, обступать всѣ ханжи,
И за бока начнутъ, какъ алчные псы рвать;
Но чѣмъ мнѣ бѣдному ихъ будетъ отгонять?
Я могъ бы сихъ гостей по щегольски отправить,
И такъ, што иннова ногами въ верхъ поставитъ;
Но страхъ, дабы изъ нихъ кого не удивить...
И въ гости тѣмъ къ себѣ сильнѣе невзманить,
А инной, одолжась пріятнымъ толь припасомъ,
Меня и самово покормитъ тулумбасомъ.
Чѣмъ лучше ихъ просить?.. а денежекъ нема,
Да вотъ уже почти пуста и котомка,
О денежки мои, покровъ мой и надежда!
Достоинства безъ васъ не ждетъ себѣ невѣжда,
А только на теби, серебро, и уповаль,
Когда въ священники проситъ предпринималъ.

¹⁾ Приставамъ.

Съ тобою я всегда уміонъ былъ, славень, пышенъ,
 Но то расхищено? (*трясетъ кошелекъ*) и голосокъ не слышенъ.
 И потому, когда лишился я тебя,
 Слыть долженъ болтуномъ, и жизнь вести скорбя,
 Уже и зародясь не напивать мнѣ ряски:
 А за дурачество терпѣть одни потаски.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ЕОМА И АЛТЫННИКОВЪ.

АЛТЫННИКОВЪ.

Въ письмо твоё взялся одинъ вашъ мужичекъ,
 И съ онимъ обѣщалъ сходить къ вамъ занарокъ.

Еома.

Все тщетно, государь; уже мы опоздали:
 Давно вѣдь по меня пристава присылали.
 Нельзя ли деньгамъ то меня братъ одолжить?
 Я самъ тебѣ за то потщуся услужить,
 Съ пустымъ то кошелькомъ итти то я несмѣю.

АЛТЫННИКОВЪ.

Наличныхъ денегъ я ни грома не имѣю.

Еома.

Не можно ли?... хотя кабой возми процентъ.
 Мнѣ послѣ ихъ пришлютъ, да нужны сей моментъ.

АЛТЫННИКОВЪ.

Нешто, ужъ для тебя займу хоть у другава;
 Да гдѣ жъ магарычи.

Еома.

Изволь, о томъ ни слова.

(*Уходятъ*).

КОНЕЦЪ «1-му» ДѢЙСТВІЮ.

ДѢЙСТВІЕ 2-е.

ЯВЛЕНІЕ „1-е.“

(Добрократовъ и Секретарь сидятъ за столомъ, а къ нимъ приходитъ Проворъ).

Проворъ.

Почтенные судьи! У насъ въ сей понедѣльникъ,
По власти Божіей претавился священникъ.
А какъ послѣ него дѣтей нѣтъ никого;
То некому и быть преемникомъ его.
Я сынъ пономаревъ отъ онагожь прихода;
Въ мнѣншіе-жь лѣта была на насъ невзгода:
Пожарнымъ случаемъ мы дому лишены
И коротко сказать: въ конецъ раззорены.
Мы учинилися чрезъ то толико нищи,
Что терпимъ гладъ: дневной почти лишились пищи.
Но чтобъ убожество хоть мало прекратить,
То во священника намѣрень я просить. (*Подаетъ прошеніе*).

Добрократовъ (*взявши*)

Достоинство сіе есть очень превосходно,
И такъ намъ поступить съ закономъ должно сходно.
Имѣемъ надъ собой мы предержашу власть;
И такъ, дабы самимъ намъ штрафу не подпасть,
Все обстоятельно надлежитъ рассмотреть,
По праву-ль можешь ты поповство получить?
Умѣешь ли читать и знаешь ли Уставы?
А паче честнише-ль въ себѣ имѣешь нравы?

Секретарь.

На мѣсто-то, сударь, онъ просить не одинъ:
А есть еще того-жь села поповской сынъ,
Да вотъ и онъ идіотъ!

ЯВЛЕНИЕ „2-е.“

ДОБРОПРАВОВЪ, СЕКРЕТАРЬ, ПРОВОРЪ, ОМА.

Ома (пришедши, очень долго молится, потомъ Судьямъ кланяется).

Доброправовъ (Ома).

Здорово, другъ, здорово!

Ома.

А што прошенью-то совѣмъ ли-ста готово?

Доброправовъ.

Да вотъ еще тебѣ соперникъ предстоитъ!
Объихъ васъ законъ нашъ рассмотреть велить.*Ома (съ стороны, между тѣмъ Доброправовъ раскрываетъ книгу).*Ну!.. вотъ тѣ паки! ногъ ушлестъ знать неоспѣешь.
Пропалъ я!..

Доброправовъ. (Подавая книгу Провору).

Каково читать-то ты умѣешь?

Проворъ (читаетъ):

«Не въ томъ, о Славолюбъ, блескъ славы состоятъ,
 «Когда всякъ предъ тобой, предъ тигромъ какъ, дрожить.
 «Не въ томъ, чтобъ пышностью глаза другихъ прельщати,
 «Не въ томъ, чтобъ безъ ума на все вездѣ дерзати,
 «Не въ томъ, чтобъ многими народамъ владѣть,
 «И все, что вздумаешь, во всякой часъ имѣть,
 «Злодѣй и грубянъ и въ поздны дни извѣстны,
 «Не ужъли имена сіи тебѣ прелестны?
 «Подъ солнцемъ, Славолюбъ, той славы больше нѣтъ,
 «Какъ братомъ и отцомъ свѣтъ дѣлый назоветъ.

Доброправовъ.

Изрядно. (Ома) Натко ты.

Ома.

Чаво, сударь?

Доброправовъ.

Читай.

Ома.

Я очинно осигъ: пожалуй незамай,

Доброуравовъ.

Вѣтъ я не гогось твой желаю испытать;
А только то, что ты умѣешь ли читать?

Ома (*въ сторону*).

Почемъ я зналъ?... (*Доброуравову*) Да я не вытвердилъ заранье.

Доброуравовъ.

А послѣ ты къ сему употребли старанье.
А нынѣ дѣлай то, что я-те приказалъ.
Читай.

Ома.

Да гдѣ?

Доброуравовъ (*указывая на правую сторону*)

Вотъ здѣсь!

Ома (*увидѣвъ на лѣвой страницѣ «по-
милуй мя Боже», указываетъ туда*):

Я-бъ этта лучше сталь....

Доброуравовъ (*къ зрителямъ*).

Сіе не воровство, однакъ на то похоже.
Онъ ловится за то, «помилуй мя», гдѣ, «Боже». (*Ома*)
Всякъ это наизусть прочтеть изъ мужиковъ.
Иль ты неотстоишь ничѣмъ отъ дураковъ?

Ома.

Да я по книгѣ то не по этой учился,
И дома, а не здѣсь.

Доброуравовъ.

Никакъ ты изумился?
Да нешто у меня глаза, сударь, болятъ (*указывая на лѣво*).

Ома.

Добро, позвольте здѣсь.

Доброуравовъ.

Читайже, что велятъ.

Ома (*читаетъ очень нескоро*).

По-жа-луй от-сту-пись, мыслете онъ-мой другъ,
Мнѣ-право съ то-съ тобой каля-кагъ не досугъ.
Што му-мудріоноіо читать ты при-нуждаешь.
Твердо ить тѣ-гѣмъ мнѣ ты больно до-саждаешь.

Мнѣ недо-суть то-перь... покой ояъ рцы азъ ра;
Да-вно бо-боро-нить и-ить-ить-ти-пора.

Доброправовъ.

Никакъ въ Парижѣ, братъ, читать-то ты учился?

Ома.

А развѣ хорошо?

Доброправовъ *(съ насмѣшкою)*.

Весьма мнѣ полюбился. *(Провору)*.

Умѣешь ли ты пѣть?

Проворъ.

Отчасти поучонъ.

Доброправовъ.

Поди-ко, на, пропой хоть этотъ антифонъ.

Проворъ *(поетъ)*:

«Внегда скорбѣти мнѣ...»

Доброправовъ.

Нехудо. *(Омъ)* Ну-тко ты, пой пѣснь изъ Ермолога.

Ома *(Поетъ пѣсню)*:

«Береза моя...»

Доброправовъ.

Куда заѣхалъ ты?... умоляю ради Бога.

Не то велью я пѣть, сія пѣснь весела,

А лучше эту пой: Воглубинѣ пошла.

Ома *(поетъ неидно)*.

ЯВЛЕНІЕ „3-е.“

ТѢЖЕ И БРАНДАХЛЫСТОВЪ.

Брандахлыстовъ *(вдругъ обтыаетъ и еще за
дверьми кричитъ)*.

Пррусіо, Пррусіо, Пррусіо!...

Доброправовъ *(вскокиваетъ)*.

Взбѣсплся ты, скотъ? ба!..

Брандахлыстовъ.

Охти, чуть несломилъ было себѣ я лба.

Сказала мнѣ топерь провалная старуха,
Што будто бы съ двора сошла моя піоструха.

Добронравовъ.

Піоструха?... што ты вріошь?

Брандахлыстовъ.

Корова, осударь.

Добронравовъ.

Што ты болтаешъ тутъ, несмысленная тварь?
Поди, скотъ, вонъ, поза спина твоя здорова.

Брандахлыстовъ.

Да кто-то здѣсь рычалъ, ровно моя корова,
А какъ услышалъ я: и думалъ, што она.

Добронравовъ.

Отвѣгитъ, говорю, зато твоя спина.
Возможесть ли, смотри, зайти сюда корова.

Брандахлыстовъ.

Вѣдь я пришелъ сюда не для ково другова,
А коли нѣтъ еіо, такъ вотъ вамъ и поелонъ.

Добронравовъ.

Зачѣмъ сюда ходить! толкайте ево вонъ.

(Проворъ и Тома выталкиваютъ).

ЯВЛЕНИЕ „4-е.“

ТѢЖЕ, ВЫЕЛЮЧАЯ БРАНДАХЛЫСТОВА.

Добронравовъ (Тома).

Смотри, што сдѣлалъ ты: ну, да добро, оставимъ.
Мы послѣ похвалы зато тебѣ прибавимъ. *(Провору):*
Проверъ! когда въ потиръ гдѣ совершаютъ даръ,
Ввалится какъ нибудь по случаю комаръ,
Скажи мнѣ, какъ тогда надлежить поступать?

Проворъ.

Въ два пальца взять, сударь, и вынявъ обсосать,
По совѣсти-ль со всѣмъ и проглотить возможно.

Добронравовъ.

Вопросъ ты мой рѣшилъ изрядно и неложно. *(Тома)*
Тома! А естли быкъ въ потиръ-отъ забредеть,
Что дѣлать съ нимъ тогда, какой ты дашь совѣтъ?

Ома.

Меня-ли загонять такими пустяками?
Извольте-ста, готовъ я отвѣчать предъ вами,
Послушайте! сложить два перста, а не пять,
И оными быка со страхомъ вынимать,
Можно-жъ и проглотить, какъ позволяеть совѣсть.
Чтожъ таеъ ли?

Доброправовъ.

Ха! ха! ха! смѣшна, братъ, эта повѣсть,
Какъ станешь всю глотать по цѣлому быку,
То солонъ будиошь ты пустому кошельку;
Ты многимъ учинишь несносную досаду,
Какъ станешь съ ремясломъ тѣмъ пѣть обѣдни сряду,
Ты мяса тѣмъ лишишь всѣ ближнія страны;
Прихожане-жъ на то не вапасутъ казны.
И такъ, чтобъ не былъ ты сихъ бѣдствій всѣхъ причина,
Священническаго избавлень буди чива. (*Провору*):
Проворъ! Ты онаго не навесешь вреда:
Не выйдетъ отъ тебя толкая бѣда,
И для того, вѣрь мнѣ, что будешь ты священникъ,
Да только не глотай быковъ, какъ твой соперникъ.

Ома.

А я развѣ, сударь, тово не заслужилъ?

Доброправовъ.

Онъ бѣдень...

Ома.

Я и самъ праздноживущимъ жилъ.

Доброправовъ.

Я просвѣщенія не мало въ немъ примѣтилъ,

Ома.

Да я и самъ твою задачу-ту отвѣтилъ.

Доброправовъ.

Нешто вѣдь, ты сказалъ: быковъ глотать не грѣхъ,
Прекрасно!... ха! ха! ха! какой ужасный смѣхъ!

Ома.

Штожъ?... развѣ я, сударь, то отганулъ вамъ ложно?

Доброправовъ.

Конечно, да тому и статья-то невозможно,
Чтобъ человекъ глоталъ по цѣлому быку,

Извольте знать, что ты во всемъ братъ дураку,
А тѣхъ у насъ отнюдь въ попы не посвящаютъ,
Которы столь умны и по быку глотаютъ.

Ома.

Не думайте, сударь, чтобъ я былъ плоховатъ.
А ежели совсѣмъ нельзя быковъ глотать,
То вамъ и спрашивать о томъ не надлежало.
Вы погрѣшили въ томъ!

Добронравовъ.

Напрасно, другъ, нimalo,
Ты ежели-бы былъ умонъ востороженъ,
Тотъ часъ бы мнѣ сказалъ: сей случай невозможенъ,
Такимъ-то образомъ и испытуютъ васъ,
Какъ потчуютъ водой, считая то за квасъ.

Ома.

Да пусть бы, осударь, и подлинно то было,
Што я на вашъ вопросъ отвѣтилъ вамъ немилlo;
Но всякой человѣкъ грѣху порабощенъ,
Я впредь не ошибусь, топерь какъ наученъ.

Добронравовъ.

Что на смоковницѣ плодъ никогда незрится,
Въ томъ она ничемъ не можетъ извиниться,
Хоть холоденъ, хоть теплъ, хоть сухъ, хоть влаженъ годъ,
На ней не процвѣтетъ и не созрѣетъ плодъ,
Пусть ябъ тебя другимъ поподчивалъ вопросомъ,
Тыбъ и тово не могъ своимъ росчухать носомъ.
Нѣтъ смаку никогда, ни соли въ дурабѣ,
Болванъ всегда болванъ, хоть голъ, хоть въ волнавѣ;
Невѣжа въ сертугѣ и въ балахонѣ гнусенъ,
При всемъ томъ въ чтеніи ты очень неискусенъ.
Съ Проворомъ ли тебѣ въ учености равняться,
Когда за часословъ не знаешь какъ приняться,
Глядишь на добро-ерь, а врѣшь: земля азъ за,
Не можешь распознать мыслете ерь въ глаза,
Тебѣ бы не читать,—дубьемъ прохожихъ тузить.

Ома.

Напрасно такъ меня изволите конфузить,
Читать-то я, сударь, учился шесть годовъ
И столько полагалъ на оное трудовъ,
Что съ азбукой сидѣлъ минуты по три ночи:
Твердилъ буки азъ ба, изъ всей зѣвая мочи,
Домой неприходитъ часовъ по десяти,
Но всю корпѣлъ, сидя въ учительской влѣти,

И тутъ-то вы меня зовете нечитаеми,
 Бывало, какъ съ Кузьмой зады-те повторяемъ,
 То хоть и славеи быль онъ востротой ума,
 Дивится только мнѣ: ну, братъ, мастакъ Гома!
 Пока-жѣста одну читаетъ онъ страницу,
 А я ужъ прочиталъ и лезу на полицу,
 Въ которой положенъ съ морковью пирожокъ.
 Когда же буду сытъ, возьмуся за рожокъ,
 И онѣмъ я тогда перѣдко угѣшался,
 Когда о матушѣ и братцахъ сокрушался.

Добронравовъ.

Умолкни: не могу я слышать этотъ вздоръ. (*Проверу*):
 Священникомъ тебѣ достойно быть, Проворъ.

Гома.

Законы не велятъ понамъ быть безъ зарушны,
 А у него вѣдь нѣтъ....

Добронравовъ.

Твои мнѣ враки скрушны.
 Не трать ты тщетно словъ....

Гома.

Могу ли я молчать,
 Какъ стали вы меня несносно обижать?
 Ежели, посмотри, одобрили приходомъ?

Добронравовъ (*съ стороны*).

Ахъ, сколько огорченъ я этимъ сумазбродомъ! (*Гома*)
 Зарушина-то твоя не стоить ничево,
 Когда ты имени незнаешъ своево,
 Разумныхъ и глупцовъ не познаютъ по рожѣ,
 Ученость съ честностью зарушной намъ дороже.
 Зачто, скажи мнѣ, ты приходомъ одобренъ,
 А напротивъ Проворъ зарушныя лишенъ?

Гома.

За то што всѣ ко мнѣ любовію нылаютъ,
 И вляузъ нывакихъ во мнѣ не примѣчаютъ,
 Притомъ же я всегда на крыло съ пою,
 И въ церкви никогда безъ дѣла не стою.

Проворъ.

Нѣтъ!... вотъ, сударь, зашто: они весьма богаты,
 И для прихожанъ-то чрезмѣрно тароваты.

Когда-бъ Оома жалѣлъ и пива и вина,
То право бы носилъ титулъ и болтуна,
Любили-бъ и меня, когда-бъ былъ неубогъ.

Добронравовъ.

Ты правду говоришь?

Проворъ.

Свидѣтель въ томъ вамъ Богъ.

Добронравовъ (Оома).

Оома! своею ты надеждой не ласкайся,
Но сейже часъ домой отсель убирайся. (Провору);
Священства ты, Проворъ, достоинъ повсему;
И такъ, вотъ и конецъ желанью твоему.
Совѣтъ я предложу его преосвященству,
И дѣло приведу за утро къ совершенству.

Оома.

Помилуй и меня! поставь хоть водьячки,
Пусть бы на дѣло я порожили сундуки.
Благоволи хоть тѣмъ мнѣ наградить убытки;
И такъ я процѣдилъ отцовски-те пожтки,
Мошна моя была отъ серебра толста;
Но нынѣ вотъ уже осталось холоста,
Что въ пять лѣтъ собрала родительская скупость,
То расточила въ часъ мои такая глупость.

Добронравовъ.

Повѣрь мнѣ, что тогда ты будешь и попомъ,
Когда башку свою обогатишь умомъ.
Онъ совлечетъ съ тебя прохвостовское бремя;
Прощай, а намъ домой пттить приспѣло время.
(Добронравовъ, Секретарь и Проворъ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Оома (одинъ).

Изволь-ко нынѣчи какія времена!
Вся пышность золота нимаго неважна,
Дотолѣ съ гривною поповство-то заступишь,
А нынѣ и за сто рублювъ ево некупишь.
За мѣстомъ-то ходи, я раззорилъ весь домъ,
Но всѣ труды однимъ награждены стыдомъ.
Проворъ хоть и неимѣлъ, чѣмъ выманить собаки,
Но съ разумомъ своимъ досталъ поповства паки;
А я хотя толстымъ гордился кошелькомъ,
Но онъ опустошенъ—и я сталъ дуракомъ!

Проклята буди ты, прескаредная лѣность,
Ты воспретила мнѣ приобрѣсти ученость.
Да что вдаваться мнѣ въ уныніе и грусть,
Пойду и вытвержу всѣ книги наизусть
И въ мудрости начну стремиться всей душею,
А лѣность запрещу и самому злодѣю.

КОНЕЦЪ ОПЕРЫ.

видами, 4-мя хромолитаграф. картами и 2-мя литограф. рисунками микроскопических веществ въ грунтѣ озераго дна. Цѣна 3 р.

Судя по заглавію и вида въ авторѣ гидрографа, многіе примутъ сочиненіе г. Андреева за исключительно специальное, между тѣмъ какъ первая и бѣльшая половина книги посвящена такимъ свѣдѣніямъ, которыя должны интересовать всякаго любознательнаго и образованнаго человека. Только вторая и меньшая половина книги содержитъ лоцію озера, т. е. результаты десятилѣтнихъ специальныхъ работъ (1858—1867 г. и 1873 г.), произведенныхъ для безопаснаго плаванія по Ладожскому озеру. Дабы убѣдить читателя въ занимательности первой половины книги, приводимъ оглавленіе: 1) Историческія свѣдѣнія о Ладожскомъ озерѣ. — Пренія его картографіи и судоходство. 2) Астрономическое опредѣленіе главныхъ пунктовъ. 3) Гидрографическія работы на озерѣ и результаты ихъ. 4) Вѣдчина и положеніе Ладожскаго озера. — Торговое его значеніе. — Суда и судоходство на немъ. 5) Формачія Ладожскаго побережья и острововъ. 6) Нѣкоторыя свѣдѣнія о минералахъ, находящихя по прибрежью и въ окрестностяхъ Ладожскаго озера. 7) Рѣки, впадающія въ озеро. 8) Озера около ладожскаго прибрежья. — Уровень Ладожскаго озера, его глубина и рельефъ дна. 9) Грунты Ладожскаго озера и составъ ихъ. — Микроскопическіе анализы этихъ грунтовъ, произведенные гг. Ульскимъ и Вейссе. 10) Ладожская вода и круговое ея теченіе въ Неву; цвѣтъ озерной воды; водоросли по фарватерамъ. 11) Метеорологическія явленія. — Температура воздуха. — Замерзаніе и вскрытіе озера. — Толщина льда. — Ледяныя горы на меляхъ. — Миражи. 12) Господствующія вѣтры. — Характеръ волнъ на озерѣ. — Зыбь. — Продолжительность навигаціи. — Озерный ледоходъ въ Неву. 13) Города по прибрежьямъ Ладожскаго озера. 14) Прибрежное населеніе. 15) Монастыри и пустыни. 16) Флора и фауна по берегамъ Ладожскаго озера. — Лѣсорастительность и лѣсоуничтоженіе. 17) Рыбы. — Рыболовные снаряды и рыбные промыслы. 18) Тамозенныя заставы и препятствія отъ нихъ для судоходства. 19) Пароходо-пассажирское сообщеніе по Ладожскому озеру. 20) Судоходные каналы. 21) Береговое сообщеніе по прибрежью озера. — Сообщеніе по каналамъ на грешкотахъ. 22) Сибирская язва, повѣрья, предрасудки. 23) Заключеніе. Любителямъ отечествовѣднія необходимо прочесть эту прекрасную книгу, въ которой заключаются такъ много новаго и поучительнаго объ озерѣ, берега котораго нѣкогда принадлежали всецѣло Россіи, нынѣ же принадлежать на половину великому князеству Финляндскому.

Труды восточнаго отдѣленія русскаго архео-

логическаго общества. Часть XVII, Спб. 1874, 422 стр.

Изданія нашего археологическаго общества, мало извѣстны въ публикѣ, заслуживаютъ, однако, должнаго ея вниманія, заключаая въ себѣ очень часто изслѣдованія, любопытныя не только для специалистовъ, но и вообще для образованныхъ читателей. Къ такимъ произведеніямъ принадлежатъ собранныя въ послѣднемъ выпускѣ общества: «Сказанія еврейскихъ писателей о хозарахъ и хозарскомъ царствѣ», собранныя и переведенныя А. Я. Гаркави; «Изложеніе содержанія магометанскаго сочиненія на китайскомъ языкѣ: Юй-ланъ чжи-шенъ—шилу», то-есть: высочайшее читанное жизнеописаніе святѣйшаго (Магомета), на русскій языкъ оно переведено архимандритомъ Палладіемъ Кафаровымъ. Интересны также статьи: «Карахины въ Мавераннагрѣ», переводъ съ турецкаго, и «Драгоценныя камни, ихъ названія и свойства, по понятіямъ армянъ XVII вѣка», соч. К. П. Патканова.

Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда вынѣшнихъ ихъ жителей. Д. П. Европеуса. Спб., 1871 г., in 4°, 23 стр. и двѣ карты.

Эта любопытная брошюра издана русскимъ археологическимъ обществомъ и составляетъ отвѣтъ на одинъ изъ вопросовъ, предположенныхъ къ обсужденію на археологическомъ съѣздѣ въ Петербургѣ: «Какія археологическія изслѣдованія отчасти уже указали на границы между племенами, обитавшими на Руси?» Еще въ 1868 году авторъ этого изслѣдованія въ статьѣ: «Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія туда славянъ», доказалъ, что изслѣдованія о названіи не русскаго происхожденія мѣстностей лучше всего указываютъ на границы между племенами, обитавшими на Руси. На основаніи этихъ же изслѣдованій авторъ составилъ весьма интересную этнографическую карту древней Россіи, съ обозначеніемъ границъ, до которыхъ, въ древнія времена, распространялись разныя вѣтви такъ называемаго финско-венгерскаго (угорскаго) племени. На основаніи лингвистическихъ розысканій онъ доказываетъ, что настоящая родина Угры простиралась отъ Оки на сѣверъ до Ледовитаго моря и отъ сѣверныхъ Уральскихъ горъ до Финляндіи и сѣверной Скандинавіи, а въ Россіи до Ильмена и истоковъ Волги, за исключеніемъ области около Онежскаго и южной части Ладожскаго озера. Извѣстно, что другіе ученые и, между прочимъ, академикъ Шюнеръ утверждали, что во всей сѣверной и средней Россіи жили Финны, но намъ кажется, что мнѣніе, поддерживаемое г-мъ Европеусомъ, имѣетъ за себя гораздо болѣе данныхъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1875 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Цена годовому изданію,—дѣнадцать книгъ, три большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками,—съ пересылкой г. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и въ Москвѣ—**восемь рублей.**

Подписка принимается для **городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федорича Базунова (Невскій Проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городского на иногородный—64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ 1875 г., относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраний.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія **извѣстныхъ** отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, **автобіографіи**, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе рассказы, анекдоты и мелочи; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и начала XIX в.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовья и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суетвріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины“ принимаетъ постоянное участіе **М. И. Селевскій.**

Отвѣств ред.-изд. **В. Селевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестой.

І Ю Л Ъ.

1875 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Архимандритъ Фотій , настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря, 1798—1838 гг. Биографическій очеркъ. Составилъ Е. П. Карновичъ	301	времени Петра Великаго. Сообщ. Н. С. Тихонравовъ . (436).
II. Вильгельмъ Карловичъ Мюхельбернъ : Очеркъ его жизни и литературной дѣятельности.—Письма русскихъ писателей 1817—1825 гг. Сообщ. Ю. В. Косова и М. В. Кюхельбернъ	333	2. Отправка сыновей русскихъ купцовъ въ Англію. 1766 г. (437). 3. Пугачевскіе листы, 1774 г. (440) 4. Проектъ удаленія Турокъ съ Чернаго моря, 1780 г. (443). 5. Два приказа императора Павла, 1799 г. (447). 6. Замысль Фигнера, 1812 г. (448). 7. Гидрографическая карта Россіи, 1842 г. (451). 8. О кончинѣ А. П. Ермолова, 1861 г. Сообщ. М. П. Погодинъ . (452). 9. Стихотвореніе Печорина. Сообщ. Н. С. Тихонравовъ . (454). 10. Разказы и анекдоты. (455).
III. Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго : А. С. Шишковъ	383	VII. Петербургская Старина: новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1798 г.
IV. Французская армія предъ войной съ Россіей. 1792—1808 гг. Сообщ. М. Д.	403	457
V. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій . Письма къ Л. И. Кармалиной, рожд. Вѣленицной 1859—1868 гг. Сообщ. В. В. Стасовъ	416	VIII. Замятка о портретѣ архимандрита Фотія
VI. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Афиша		458
		IX. Библиографическій листокъ русскихъ книгъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Записки генерала **Мамштейна** о Россіи, 1728—1744 гг. переводъ съ французской, подлинной рукописи автора. Гл. VIII—IX: событія: 1733—1738 гг. II. Снимки автографовъ русскихъ писателей 1817—1825 гг.—III. Портретъ архимандрита **Фотія**. Рисоваль **К. О. Брожъ**, гравироваль Академикъ **Л. А. Сѣряковъ**.

Подписка на «Русскую Старину» 1875 г. продолжается.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1875.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Архивъ Государственнаго Совѣта. Томъ IV: царствованіе императора Александра I (съ 1810 по 19 ноября 1825 г.): ж рналы по двѣнадцати департаментамъ законовъ. Слб., 2 части, въ 6 8-ю долю; печатано въ два столбца, ч. I, стр. 588; ч. II, 1030 стр.

Мы неоднократно указывали на чрезвычайно важныя приобрѣтенія, сдѣланныя въ послѣдніи два десятилѣтія русскою историческою литературою въ изданіяхъ сырыхъ, архивныхъ матеріаловъ. Въ настоящее время уже можно составить цѣнную бібліотеку изъ сборниковъ и описей, изданныхъ разными правительственными архивами: таковы изданія архивовъ министерствъ военнаго, юстиціи, святѣйшаго синода и другихъ. Архивъ государственнаго совѣта также внесъ богатый вкладъ въ литературу источниковъ къ отечественной исторіи: еще въ 1869 году изданы были имъ двѣ части I-го тома, заключающія въ себѣ систематическое извлеченіе изъ протоколовъ совѣта, бывшаго въ царствованіе Екатерины II (см. Библ. листокъ въ I-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1870 г.). Нынѣ вышедъ IV томъ въ двухъ частяхъ того же архива. Въ этихъ объемистыхъ книгахъ, убористымъ шрифтомъ, въ два столбца, напечатаны, въ первой части: проекты уложеній гражданскаго, уголовнаго и торговаго, составленные въ царствованіе Александра, и бывшіе многіе годы предметомъ подлиннаго разсмотрѣнія ихъ въ Совѣтѣ того времени. Вмѣстѣ съ этими проектами напечатаны мнѣнія, поданныя по ихъ поводу членами совѣта въ теченіе времени съ 1810 г. по 1825 г. и журналы засѣданій департамента законовъ тѣхъ же годовъ. Изъ отдѣльныхъ мнѣній, вошедшихъ въ эту книгу отмѣтимъ: мнѣнія кн. А. Н. Голицына, оберъ-прокурора св. синода: о разводѣ; В. С. Попова: объ отчужденіи частной собственности на общественное употребленіе; о выдѣлѣ законныхъ частей (при завѣщаніяхъ) лишь изъ родовыхъ имѣній;—также мнѣнія знаменитаго Н. С. Мордвинова; также любопытны мнѣнія А. С. Шишкова, гр. Литты, Троичинскаго, и друг. Вторая часть заключаетъ въ себѣ журналы по прочимъ дѣламъ съ 1810 по 1825 г. (по 19 ноября), разсматривавшихся въ департаментѣ законовъ и отсюда восходившихъ въ общее собраніе государственнаго совѣта; хотя новыя узаконенія, или дополненія и разъясненія прежнихъ узаконеній составляющія содержаніе этихъ журналовъ, въ существѣ уже извѣстны по тексту законоположеній, напечатанныхъ въ Полномъ собраніи законовъ, но здѣсь, въ IV-мъ томѣ архива государственнаго совѣта, впервые являются на свѣтъ сообщенія, какими руководствовались это высшее законодательное учрежденіе при составленіи того или другаго узаконенія.

Четвертый томъ архива госуд. совѣта изданъ съ соблюденіемъ тѣхъ требованій, какія предъявляетъ наука относительно таковыхъ изданій: такъ напр., всѣ предметы, входящіе въ это изданіе, распределены въ строгомъ систематическомъ порядкѣ во второй части, соответственно томамъ свода законовъ, однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ, для составленія котораго и послужили результаты законодательной дѣятельности государственнаго совѣта царствованія Александра I; для облегченія справокъ приложены весьма обстоятельныя оглавленія, также указатели: именъ личныхъ, географическій и предметовъ.

Появленіе таковыхъ изданій, какъ нынѣ вышедшее, во всѣхъ ученыхъ литературахъ другихъ народовъ было бы пріятнѣе, если бы величайшимъ уваженіемъ; въ особенности же такое изданіе получаетъ значеніе у насъ, гдѣ появленію «судебныхъ уставовъ 1864 г.», которымъ многіе народы могутъ позавидовать,—предшествовало, и имъ послѣдовали весьма мало замѣчательныхъ юридическихъ изслѣдованій: въ сборникѣ архива государственнаго совѣта наши ученые юристы найдутъ чрезвычайно важный источникъ для научной разработки множества вопросовъ, возникающихъ въ области законовѣдѣнія. Изслѣдователи эпохи Александра I отнынѣ также обратятся къ изданному архивомъ государственнаго совѣта сборнику, какъ къ одному изъ основныхъ источниковъ для ихъ трудовъ.

Такимъ образомъ, независимо отъ практической пользы какъ изданія справочнаго при законодательныхъ работахъ въ государственномъ совѣтѣ, — разсматриваемое изданіе важно и потому, что оно неминусею вызоветъ новыя труды въ отечественной наукѣ на основаніи тѣхъ богатыхъ данныхъ, какія заключаются въ этомъ драгоценномъ сборникѣ. Остается только пожелать, чтобы явленіе въ печати таковыхъ сборниковъ было бы не столь рѣдко.

Русскій энциклопедическій словарь, изд. профессоромъ Слб. универ. И. Березинымъ. Томъ I и II буква *А*, томъ III и IV. *Б*, томъ V—*В* до слова *Валлисъ*, томъ VI—*Д* и *Е* до слова *Еврей*, томъ IX *Л* и *М* до слова *Мабуса*, 1873—1875 гг., въ большую 8-ю долю листа.

На недостатокъ учебныхъ пособій всякаго рода на русскомъ языкѣ давно уже жалуются въ нашей литературѣ. Въ то время, когда во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, всякій годъ являются энциклопедія и энциклопедическіе словари, выдерживающіе нѣсколько изданій и выходящіе десятками томовъ, въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ, у насъ существуютъ только два, если не полные, то, по крайней мѣрѣ, законченные словари: Старческаго

радъ убогаи убогихъ!

Настоятель Новгородскаго Юрьева Монастыря

АРХИМАНДРИТЪ ФОТІЙ,

род. 1792 † 1838.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», т. XIV, ИЗД. 1875 г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 2 МАЯ 1875 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ.

АРХИМАНДРИТЬ ФОТІЙ,

настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря.

1792—1838.

Въ исходѣ царствованія императора Александра Павловича стало замѣтно проявляться религіозно-мистическое направленіе въ средѣ образованныхъ классовъ русскаго общества. Подробное изслѣдованіе причинъ этого явленія не составляетъ предмета нашей статьи, но тѣмъ не менѣе приходится сказать, что едва ли ни главною причиною такого явленія была наклонность самаго государя къ религіозному мистицизму. Замѣчательно, что въ то время, когда нашъ русскій расколъ подвергался со стороны тогдашнихъ правительственныхъ властей строгимъ преслѣдованіямъ, иноземныя религіозныя ученія, — въ сущности нисколько не менѣе сумазбродныя, какъ иные раскольничьи толки — распространялись у насъ совершенно свободно и приверженцами ихъ дѣлались личности, занимавшія высочія мѣста въ составѣ государственнаго управленія. Въ свою очередь, императоръ Александръ Павловичъ не только не преслѣдовалъ эти, заходившія къ намъ извнѣ, ученія, но, напротивъ, дорожа мнѣніемъ Европы, оказывалъ имъ свое вниманіе. Мало по малу религіозныя разномыслія пришли между собою въ рѣшительное столкновеніе и однимъ изъ самыхъ фанатическихъ борцовъ въ защиту православія противъ новыхъ ученій выступилъ передъ лицомъ самаго государя архимандритъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря Фотій.

Объ этой весьма замѣчательной въ своемъ родѣ личности явилось въ послѣднее время въ нашихъ спеціальныхъ историческихъ изданіяхъ довольно много любопытныхъ свѣдѣній. Но разрознен-

ность этихъ свѣдѣній и прибавленные къ нимъ отрывочныя примѣчанія о личности Фотія не даютъ еще полнаго понятія ни объ его характерѣ, ни объ его дѣятельности, хотя эти свѣдѣнія и эти примѣчанія сами по себѣ и могутъ служить полезными матеріалами для характеристики не только юрьевского архимандрита, но и той среды, въ которой приходилось ему дѣйствовать. Пользуясь какъ этими матеріалами, такъ и нѣкоторыми рукописными, не появлявшимися еще въ печати источниками, мы постараемся представить сколь возможно болѣе вѣрный и отчетливый очеркъ личности архимандрита Фотія и людей къ нему близких¹⁾.

I.

Фотій, въ мѣрѣ Петръ Никитичъ, прозывался по фамиліи Спаскій. Фамилію эту онъ позаимствовалъ отъ Спаскаго погоста, находящагося въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ которомъ онъ родился 7-го іюня 1792 года и гдѣ отецъ его, Никита Ѳедоровъ, былъ дьячкомъ при приходской церкви. Въ 1803 году Спаскій началъ учиться въ новгородской семинаріи и, по всей вѣроятности, принадлежалъ къ числу лучшихъ ея учениковъ, такъ какъ онъ, 12-го августа 1814 года, былъ переведенъ въ с.-петербургскую духовную семинарію. При переводномъ экзаменѣ изъ этой семи-

¹⁾ Въ влпѣ бумагъ, принадлежавшихъ Фотію, кромѣ большой тетради писемъ къ Орловой, находятся: копія съ письма, отъ 6-го іюля 1694 г., графа Шалона къ маршалъ Ментенонъ о книгѣ г-жи Гюйонъ; указъ Екатерины II о запрещенной императрицею Елисаветою книги Арита: «О истинномъ христіанствѣ»; копія съ письма Дегурова къ какому-то русскому князю (вѣроятно къ Платону Александровичу Шпрингскому-Шихматову) съ предложеніемъ опровергнуть отзывъ о министрѣ народнаго просвѣщенія Шишковѣ, напечатанный въ «Revue Encyclopedique» (Avril, 1826); записки о скопческой ереси въ Россіи съ приложеніемъ двухъ скопческихъ пѣсней: «Нравственный катехизисъ для истинныхъ скопцовъ, 1790 г.»; «Объясненіе краткихъ догматовъ вѣроисповѣданія духовныхъ христіанъ»; «Посланіе къ Фотію инока Феофана»; письмо Фотія къ Аракчееву о раскольничествѣ и письменноя его распоряженія по управленію монастыремъ, а также счета и вѣдомости по монастырскому хозяйству и проч. Всѣ эти бумаги находятся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины».

По этимъ документамъ, а также на основаніи матеріаловъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», «Русскомъ Архивѣ» и въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи»—составленъ Е. П. Барновичемъ предлагаемый здѣсь очеркъ.

Ред.

наріи въ академію Петръ Спаскій — какъ пишетъ онъ самъ — «отличился предъ лицомъ Филарета—ректора, ибо когда никто не могъ отвѣчать на вопросы Филарета, вставая, онъ поднималъ руку, какъ знавъ, что можетъ отвѣчать на его премудрые вопросы». Вопросы же были дѣйствительно премудрые, такъ какъ Спаскому, между прочимъ, приходилось дѣлать «разборъ и поясненіе шестидневнаго творенія».

Болѣзненное состояніе Спаскаго заставило его просить объ увольненіи изъ семинаріи. Съ этою просьбою онъ явился къ Филарету, говоря ему: «отъ юности имѣю наклонность къ монашеству, то исключи меня изъ святилища академическаго, я какъ получу облегченіе, пойду въ монастырь въ число послушниковъ куда-нибудь въ невѣдомыя мѣста, я болѣе нигде теперь не го-жусь, потерявъ здоровье». Филаретъ вручилъ Спаскому 100 руб. и онъ, послѣ побывки на родинѣ, вернулся въ лавру. Но развившаяся болѣзнь въ груди воспрепятствовала ему окончить полный академическій курсъ. Повровительствуемый Филаретомъ, Спаскій 20-го сентября 1815 года поступилъ учителемъ латинскаго и греческаго языковъ, славянской грамматики и церковнаго устава въ низшее отдѣленіе александровскаго училища и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ этомъ, такъ и въ высшемъ отдѣленіи училища, сталъ преподавать законъ Божій. Болѣзнь Спаскаго усиливалась, но Филаретъ не хотѣлъ отпустить отъ себя молодаго учителя, говоря: «не хочу, Петръ Спаскій, изъ виду тебя упустить, будешь ты въ моихъ очахъ, я въ тебѣ предвижу надежду добрую».

Обыкновенно въ прежнюю пору епархіальныя власти склоняли или, лучше сказать, приневоливали такихъ подначальныхъ имъ людей, въ которыхъ онѣ предвидѣли «добрую надежду», ко вступленію въ монашество, но въ отношеніи къ Фотію не нужно было даже и приневоливанія, такъ какъ онъ самъ хотѣлъ поступить въ монахи и 16-го февраля 1817 года архимандритъ Филаретъ постригъ Петра Спаскаго въ монахи.

При постриженіи у Спаскаго было только 5 рублей денегъ, такъ что онъ не имѣлъ никакихъ средствъ даже для того, чтобы обзавестись монашескою одеждою. Филаретъ и митрополитъ Амвросій вывели его изъ стѣсненнаго положенія. Первый изъ нихъ далъ ему бѣлоубку, «рясу добрую» и кампавку, а послѣдній — рясу, подрясникъ бархатный, молитвенникъ, четки и деньгами

100 рублей. На другой же день послѣ постриженія Фотій былъ рукоположенъ въ іеродіавоны, а на третій — въ іеромонахи. Въ томъ же 1817 году, 21-го февраля, Фотій былъ опредѣленъ законоучителемъ, настоятелемъ и благочиннымъ надъ 2-мъ кадетскимъ корпусомъ¹⁾, Дворянскимъ полкомъ и кавалерійскимъ эскадрономъ, при аттестатѣ, данномъ отъ духовнаго училища, съ превосходными успѣхами и примѣрнымъ поведеніемъ; онъ былъ сдѣланъ также и цензоромъ поученій, сказываемыхъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1818 г., 4-го октября, въ званіи законоучителя, «за образъ жизни, соотвѣтственный правиламъ монашескимъ, и за прохожденіе должностей по церкви настоятеля, а по корпусу законоучителя съ неутомимою ревностью и отличною похвалою», по представленію преосвященнаго митрополита Михаила, былъ сдѣланъ соборнымъ іеромонахомъ Невской лавры. Въ 1820 году, іюля 20-го дня, посвященъ тѣмъ же преосвященнымъ митрополитомъ Михаиломъ во игумены новгородскаго третьекласснаго Деревяницкаго монастыря, и по окончаніи публичнаго испытанія въ корпусѣ, 14-го сентября, уволенъ отъ должности законоучителя и переведенъ настоятелемъ въ Деревяницкій монастырь²⁾.

Таеъ описывается въ официальныхъ актахъ служба Фотія въ монашескомъ званіи или, — употребляя его выраженіе о себѣ самомъ, — «въ ангельскомъ чинѣ». Но акты эти умалчиваютъ совершенно о тѣхъ событіяхъ, которыя съ этого времени стали придавать Фотію особое значеніе. Въ виду этого мы считаемъ нужнымъ остановиться на переводѣ Фотія изъ Петербурга въ Деревяницкій монастырь, тѣмъ болѣе, что съ этого времени ста-

¹⁾ Елагинъ въ «Жизни графини Орловой-Чесменской» ошибочно пишетъ, что Фотій былъ назначенъ законоучителемъ въ 1-й кадетскій корпусъ. Въ другихъ свѣдѣніяхъ также ошибочно упоминается, что Фотій былъ законоучителемъ въ морскомъ корпусѣ.
Е. Е.

²⁾ Въ 1874 году скончался въ Петербургѣ почтенный старецъ І. М. Спасскій, который нѣкогда служилъ одновременно съ Фотіемъ учителемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. По его словамъ — Фотій уже тогда отличался крайне болѣзненною, истощенною фигурою, смотрѣлъ изъ подлобья; къ воспитанникамъ былъ строгъ, въ образѣ жизни — чрезвычайно воздерженъ. Въ корпусѣ увѣрили, что Фотій пилъ чай однимъ чаемъ. І. М. бывалъ въ крайне скромной квартирѣ Фотія въ одномъ изъ самыхъ глухихъ переулковъ Петербургской стороны. Проповѣди его по воскреснымъ днямъ, полныя суроваго аскетизма, уже тогда обратили на себя вниманіе нѣкоторыхъ лицъ изъ большаго свѣта. Фед.

новится извѣстнымъ сближеніе его съ графинею Анною Алексѣевою Орловою - Чесменскою, — сближеніе, которое, безъ всякаго сомнѣнія, придавало ему болѣе силы и болѣе вѣсу, нежели всѣ личныя его качества.

Изъ находящихся у насъ подъ рукою и не напечатанныхъ еще доселѣ писемъ Фотія къ графини Орловой видно, что переводъ его въ Деревяницкій монастырь состоялся не по его собственному желанію, но что переводъ этотъ былъ въ сущности изгнаніемъ его изъ столицы, гдѣ онъ сталъ навлекать на себя негодованіе людей, могущественныхъ въ чиновномъ круту.

Въ первомъ по времени извѣстномъ намъ письмѣ, отрывающемъ двухлѣтнюю послѣдовательную переписку Фотія съ графиней Орловой, — письмѣ, озаглавленномъ «Удаленіе Фотія изъ Петербурга по вліянію тайныхъ обществъ», онъ пишетъ слѣдующее: «Слава Богу! Я нынѣ въ Великомъ Новѣ-градѣ, въ обители Святаго Воскресенія Господня. Удаленъ я по вліянію тайныхъ обществъ и явныхъ враговъ вѣры и церкви отъ града шумнаго, но не безъ воли Господа. Какъ птица отъ сѣтей ловащихъ, я улетѣлъ отъ сѣтей вражьихъ». Объясняя такимъ образомъ удаленіе свое изъ Петербурга, Фотій продолжаетъ: «въ градѣ св. Петра многіе люди въ мѣстѣ служенія моего были яко други и братья моя по плоти и во всѣхъ ихъ я видѣлъ благо для меня; но въ святой обители челоуѣки Божіи живутъ, служатъ единому Богу и всѣ они, младенцы, просты и чисты сердцемъ».

Но такой утѣшительный взглядъ Фотія на безмятежное житіе святыхъ отшельниковъ тотчасъ измѣняется въ примѣненіи къ самому себѣ. Воздавая благодареніе Господу за то, что Онъ сподобилъ его поселиться во святой обители, Фотій, обращаясь къ Орловой, не отлагаетъ всякія жптейскія попеченія, но, напротивъ, заводитъ о нихъ съ нею заботливую рѣчь. «Сестра о Господѣ! — пишетъ Фотій, — ты первая и паче всѣхъ людей, Бога ради, посѣтила своею милостію. Ты первая меня посѣтила въ мѣстѣ скорбнаго житія моего. Продолжи милость твою, Бога ради, къ мѣсту нашему. Бѣдный Фотій! Ты, послѣ четырехлѣтняго подвижническаго и славнаго теченія въ званіи законоучителя, только игумень! Ты, послѣ жалованья 1,200 рублей и всего готоваго прочаго, на 200 рублей посаженъ жить и о всѣхъ безпокоиться; внемли и терпи вся: можетъ быть ты свыше званъ, а не отъ

человѣкъ, на скорби многія. Ты убогъ, ты обаяненъ, ты не потребенъ ни къ чему, ты питаешься нынѣ и самъ подаваніемъ милости, присланной въ первые дни какъ ты прибылъ въ мѣсто твоего пастбища». Сѣтованія Фотія на перемѣну его положенія обаячиваются слѣдующими словами: «Бѣдный Фотій! ты игумень въ Деревяницкомъ монастырѣ, но благодари владыку и Господа, что ты нынѣ игумень, а не нынѣ кто и хвали Его, что ты въ Деревяницахъ, ради имени Его святаго, а не гдѣ индѣ».

Удаленіе свое изъ Петербурга Фотій приписываетъ, какъ мы видимъ, вознямъ тайныхъ, богопротивныхъ обществъ и враговъ церкви Христовой. Елагинъ, издавшій свою книгу въ 1853 году, вѣроятно вслѣдствіе тогдашнихъ цензурныхъ условій, не только ничего не говоритъ прямо объ этомъ, но даже не дѣлаетъ относительно этого никакого намека. Онъ замѣчаетъ только, что Фотій, удаляясь въ Деревяницкій монастырь, «поборился распоряженію начальства». Замѣчаніе это едва-ли не справедливѣе тѣхъ причинъ, которымъ приписываетъ самъ Фотій свое удаленіе. Во время его законоучительства во 2-мъ корпусѣ, тамъ былъ директоромъ Андрей Ивановичъ Марьевичъ, крутой, но прямодушный хохоль, и притомъ служба-генераль, не вдававшійся ни въ какія богословскія тонкости, и онъ-то, по собственнымъ словамъ «Записокъ Фотія», усиливался отрѣшить его, «яко неспособнаго къ должности и малоумнаго». Слѣдовательно, здѣсь весь вопросъ сводился къ служебной дѣятельности Фотія, разсматриваемой съ точки зрѣнія начальника-генерала, помимо всякаго вліянія со стороны тайныхъ обществъ.

Пребываніе Фотія «въ мѣстѣ скорбнаго его житія», т. е. въ Деревяницкомъ монастырѣ, продолжалось до 29-го января 1822 г., когда онъ былъ нареченъ архимандритомъ новгородскаго третьекласснаго Свобородскаго монастыря. «Хотя, — какъ пишетъ самъ Фотій, — онъ былъ удаленъ изъ Петербурга по старанію своихъ недруговъ», но несомнѣнно, что онъ имѣлъ тамъ и своихъ доброжелателей. Это доказывается тѣмъ, что 25-го іюня того же 1822 г., за службу во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, вмѣсто назначеннаго золотого наперснаго креста, «за примѣрно-хорошее поведеніе и прохожденіе должности настоятеля», государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ всемплощивѣйше пожалованъ золотымъ наперснымъ крестомъ, алмазами украшеннымъ.

Официальныя эти свѣдѣнія дополнимъ заимствуемымъ изъ письма Фотія къ графинѣ Орловой отзывомъ относительно награды и повышенія: «еще тебѣ помысль отырою — писалъ онъ ей — не знаю почему-то крайне не хочется быть архимандритомъ, хотя и указъ посланъ; я мню, едва-ли спасуся, ежели меня будутъ чествовать крестами и титлами. Какая мнѣ польза на земли? Царствіе Божіе внутри насъ». Нельзя, однако, не согласиться, что такое отношеніе къ почестямъ и повышеніямъ составляетъ нѣкоторую противоположность недавнему еще сѣтованію Фотія на то, что онъ «только игумень» и, конечно, такая противоположность можетъ наводить на мысль о неискренности его равнодушнаго отзыва къ дѣлаемымъ ему отличіямъ.

Изъ Сквородскаго монастыря, въ томъ же 1822 году, 26-го августа, Фотій, по представленію митрополита Серафима, «за примѣрное поведеніе и за исправленіе двухъ монастырей Деревяницкаго и Сквородскаго», переведенъ настоятелемъ первоуказаннаго Юрьева монастыря и опредѣленъ присутствующимъ въ новгородскую духовную консисторію. Съ этого времени начинается его замѣтная политическо-религіозная дѣятельность.

II.

Юрьевъ монастырь, куда переселился Фотій, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ русскихъ обителей. Этотъ монастырь, расположенный на лѣвомъ берегу рѣки Волхова, при устьѣ ручья Княжева, впадающаго въ эту рѣку, былъ основанъ въ 1030 году великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, носившимъ въ св. брещеніи имя Георгія или Юрія. Юрьевская обитель находится на прямой линіи, въ 3-хъ верстахъ отъ Новгорода, и возвышенная мѣстность, на которой онъ стоитъ, обращается въ островъ во время весенняго разлива обружающихъ его водъ¹⁾. Не касаясь исторіи этого монастыря, мы замѣтимъ, что въ пору, когда архимандритъ Фотій былъ назначенъ ея настоятелемъ, Юрьевъ монастырь, отъ частыхъ пожаровъ и по скудости доходовъ, приходилъ въ совершенную ветхость: въ немъ разрушался не только

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ можно найти въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Описаніе Новгородскаго Юрьева монастыря», напечатанной въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей» за 1868 годъ, кн. 2, стр. 29.

деревянные строенія, но и каменные зданія, и по бѣдности монастыря невозможно было произвести въ немъ никакихъ исправленій, число же братіи чрезвычайно уменьшилось.

Совсѣмъ въ иномъ видѣ явился этотъ убогій монастырь со времени Фотія, по ходатайству котораго императоръ Александръ повелѣлъ «на вѣчныя времена каждагодно отпускать отъ казны для поддержанія и возобновленія монастыря по 4,000 рублей, взамятъ принадлежавшей ему мельницы». Но монастырь обогатился собственно не этимъ царскимъ вкладомъ, а тѣми громадными пожертвованіями, которыя сдѣланы были въ пользу его, ради Фотія, графинею Анною Алексѣевною Орловою-Чесменскою. У насъ есть подъ рукою нѣсколько счетовъ, представленныхъ ей подрядчиками, производившими въ монастырѣ разныя работы и отливавшими для него громадные колокола; и по отдѣльнымъ даже статьямъ счета эти представляютъ брупныя суммы, но въ общей совокупности суммы, израсходованныя Орловою на монастырь, достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Довольно сказать, что еще за 16 лѣтъ до ея смерти, на однѣ монастырскія постройки было израсходовано болѣе 700,000 рублей: одна только серебряная раба для мощей св. Феофиста стоила свыше 500,000 рублей, а сколько досталось монастырю въ послѣдствіи, а еще болѣе по завѣщанію его благотворительницы! Пожертвованія ея доходили до того, что, напримѣръ, въ монастырь было внесено 250,000 руб. асс. только на поминъ лицъ близкихъ Фотію и всѣхъ благотворителей Юрьева монастыря! Вообще можно сказать, что въ настоящее время этотъ, прежде убогій, монастырь принадлежит въ числу замѣчательныхъ русскихъ монастырей по своей обстройкѣ и въ числу богатѣйшихъ по находящимся въ немъ сокровищамъ. Серебро, золото, брилліанты, яхонты, рубины, сапфиръ, изумруды, смарагды, жемчугъ и разныя драгоценныя въ художественномъ отношеніи вещи напоминаютъ какъ о несмѣтныхъ богатствахъ Орловою, такъ и о безграничности ея пожертвованій.

Посмотримъ теперь, какъ распорядился и хозяйничалъ архимандритъ Фотій въ обители, гдѣ, по словамъ его, жили «младенцы», «человѣки Божіи». Для очертанія этой стороны его дѣятельности мы будемъ пользоваться собственными его не напечатанными еще рукописными распоряженіями и наставленіями.

Общежитіе въ Юрьевомъ монастырѣ, какъ полагаетъ авторъ

статьи «Описаніе Новгородскаго Юрьева монастыря», вѣроятно было и прежде, но въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго оно утратилось. По вступленіи въ монастырь архимандрита Фотія, первымъ распоряженіемъ его было введеніе въ немъ общежитія, хотя на это и не послѣдовало еще разрѣшенія со стороны синода. Въ примѣръ этому онъ взялъ Коневецкій монастырь, въ которомъ провелъ нѣсколько времени, огорченный смертію епископа Иннокентія. Но монастырскій уставъ, основанный на правилахъ общежитія, какъ видно не слѣшкомъ правился святымъ отцамъ. Такъ, поддерживая въ своемъ монастырѣ общежитіе, Фотій дѣлалъ монашествующимъ письменное внушеніе «о постыдномъ дѣлежѣ пици особъ каждому на трапезѣ». Внушеніе это начиналось такими словами: «Богъ есть любви, отъ его любви общежитіе, отъ общежитія во всемъ единая любовь связывать однихъ съ другими людей должна, а особенно живущихъ въ ангельскомъ жителствѣ. Но замѣчено отцомъ (такъ называетъ самъ себя Фотій) въ дѣтяхъ не по уставу вовсе чинимое дѣло при ѣденіи общемъ». Это, не по уставу чинимое дѣло заключалось въ томъ, что монахи, прежде чѣмъ служки успѣвали доносить кушанье до стола, расхватывали все по частямъ, однѣ изъ нихъ свою часть жаловали другимъ, кого кто любить, а не тому, который хотѣлъ ѣсть, и передавали эти дѣлежи по столу какъ милостивые знаки. Затѣмъ Фотій говоритъ, что «другія, несытства исполненныя утробы готовы все пожрать, дабы мамонъ свой набить, а потомъ спать отъ лѣности; они хватаютъ и съѣдаютъ не только то, что должно, но и дѣлежи за двухъ, за трехъ». Фотій запрещалъ такое нарушеніе устава при общей трапезѣ и приказывалъ каждому: «Ѣсть въ своемъ сосудѣ и что предложено, благочинно, по совѣсти, и брать все изъ одного сколько для насыщенія надобно, а не для пресыщенія». «Должно—внушалъ Фотій—человѣку всякому, а особенно монаху, ѣсть не слѣшкомъ сыто, не наѣдаться, дабы не сотворить чревобѣсіе, которое есть въ числѣ седьми смертныхъ грѣховъ. Дивлюсь — заключалъ свое поученіе Фотій — ежели еще образъ ангельскій носящіе не могутъ научиться ѣсть мѣрою и вѣсомъ». Для удержанія же аппетита монаховъ въ должныхъ границахъ Фотій запрещалъ приносить имъ въ кельи пищу «безъ разсмотрѣнія благихъ причинъ».

Вообще предписанія о пищѣ со стороны Фотія,—который, по

своей болѣзненности не отличался хорошимъ аппетитомъ,—составляютъ замѣтную часть его начальническихъ распоряженій. Кромѣ весьма частыхъ напоминаній о соблюденіи строгаго воздержанія въ пищѣ по уставамъ православной церкви, Фотій писалъ для подначальной ему монастырской братіи догматическо-гигіеническіе трактаты, обсуждая съѣстные припасы въ значеніи скоромной и постной снѣди и указывая на вліяніе, какое имѣетъ то или другое яство на физическія и духовныя силы человѣка вообще, преимущественно же монаха. При этомъ онъ дѣлалъ сравненіе естественныхъ произведеній, свойственныхъ сѣверному климату, съ произведеніями южныхъ странъ, такъ какъ эти послѣднія имѣлись собственно въ виду при первоначальномъ установленіи постовъ православною церковью. По поводу этого Фотій разсуждаетъ подробно о сочивѣ, овощахъ, о «зельяхъ снѣдныхъ».

Независимо отъ внушеній о воздержаніи въ пищѣ, дѣлаемыхъ въ пастырскомъ духѣ, Фотій обращалъ такое воздержаніе въ карательную и исправительную мѣру. Такъ, въ одномъ изъ своихъ предписаній отцу-келарю онъ приказываетъ «не топить кухни, не подлагать огня и не варить ничего, потому что почти всѣ крылосныя не были въ церкви у утрени», для бывшихъ же въ церкви онъ приказываетъ сварить на своей кухнѣ щи и кашу, а не бывшимъ у утрени не давать даже и хлѣба. Дѣлая это распоряженіе, Фотій прибавляетъ: «да будутъ помнить, что идетъ послѣдній день суда Господня въ лѣтѣ и да помнятъ страхъ Божій. Пока я здѣсь съ вами, я долженъ быть праведный всѣмъ судья и каждому воздавать за дѣла по достоинству».

Лишенію пищи подвергались и тѣ, которыхъ Фотій сажалъ въ устроенную имъ при монастырѣ «смирненную». Посаженымъ туда давались только хлѣбъ, квась, вода и соль, и то лишь въ одной порціи. «Иначе—замѣчалъ Фотій—будетъ смиренная пнымъ покой, отдыхъ лѣнливымъ на службу и на послушаніе негоднымъ. Да кто волею не воздержанъ, пусть неволею научится воздержанію даже отъ хлѣба». Въ смиренной Фотій держалъ иногда монаховъ по цѣлымъ мѣсяцамъ и только по временамъ приказывалъ выпускать оттуда провинившихся на празднество, чтобы «посмотрѣть, каковъ на волѣ будетъ». Однажды, выпуская изъ смиренной подъ этимъ условіемъ какого-то брата Данилу, Фотій писалъ: «дать ему чувствовать, что милостивый отецъ его (т. е.

самъ Фотій) и терпѣвшій за грѣхи его велѣлъ столько въ терпѣннѣи и молитвѣ дней проводить въ смиренной, яко въ затворѣ и пещерѣ, для спасенія его души по собственному его, Данила, согласію и прошенію». Вообще онъ приучалъ монаховъ къ смиренію, внушая, что «прошеніе прощенія считается не только за знакъ вѣрный въ виновномъ смиренія, но и права, что онъ долженъ получить его, а правый обязанъ простить согрѣшившаго, когда виновный, сверхъ всего, придетъ, сотворитъ въ землю поклонъ. Ниспие—писалъ Фотій—съ раскаяніемъ любовнымъ должны, будучи виновны, поклонъ высшимъ, придетъ, сдѣлать, а высшіе благоволятъ поступить сами на то добрѣ и всеконечно простить все совершенно».

Когда Юрьевъ монастырь при Фотіи сталъ слыть въ народной молвѣ богатымъ, благодаря пожертвованіямъ графини Орловой, то странники и странницы начали усердно посѣщать его, находя тамъ сытную пищу. Поѣсть тамъ можно было вдоволь, такъ какъ, по словамъ Елагина, съѣстные припасы, по распоряженію Орловой, подвозились въ монастырь цѣлыми обозами. Въ особенности много заходило погостить въ монастырь «отставныхъ служилыхъ людей», пьянствовавшихъ и просившихъ милостыню. Изъ распоряженій Фотія видно, что они крѣпко надоѣдали ему, почему онъ и запрещалъ пускать ихъ въ обитель, да и вообще онъ запретилъ кормить въ монастырѣ мѣщанъ и солдатъ, которые приходили туда не только, чтобы въ волю поѣсть, но и вынести оттуда хлѣба «бучами и котомками». За допущеніе этого Фотій приказалъ ставить келаря и хлѣбодара на поклоны, прописывая имъ по сту поклоновъ сразу посреди церкви и разсуждая при этомъ такъ: «развѣ у насъ хлѣбъ мякина, а его столько даютъ, что имъ не дорожать и кому не на что жить, хлѣба столько даютъ, что въ кабацѣ вина можно купить и пьяну быть». Къ этимъ распоряженіямъ Фотій добавлялъ, что «постороннихъ ѣдоевъ не слѣдуетъ упитывать яко свиней, не знающихъ толку». Онъ затѣмъ приказывалъ недопускать вообще постороннихъ въ монастырскую трапезу; Фотій позволялъ: «причастниковъ св. таинъ также питать на той на трапезѣ и людей чиновныхъ, и духовныхъ или купцовъ и кто особенно умѣетъ цѣнить пищу монастырскую и воспользоваться оттого».

Кромѣ мужской «странницы», въ которой находили себѣ

пріемъ заходившіе въ Юрьевъ монастырь болѣе или менѣе далекіе богомольцы, Фотій устроилъ при монастырѣ и женскую странницу, въ которой, однаго, какъ видно изъ распоряженій архимандрита, допускались большіе беспорядки. Заправлявшая этой странницей старица изъ трехъ комнатъ, предназначенныхъ для женщинъ, одну заняла сама, а въ другую помѣстила мужчинъ, которые жилали въ странницѣ недѣли по три. Фотій приказывалъ, чтобы вообще въ странницахъ держали мужчинъ и женщинъ не болѣе 7-ми дней и, приобщивъ ихъ въ субботу за ранней обѣдней св. таинъ, съ Богомъ отпускали домой въ свое мѣсто. Приходящихъ же издалека онъ разрѣшалъ держать и долѣе, только не женщинъ, такъ какъ, по словамъ Фотія, «опасно имъ долго быть при мужскомъ монастырѣ и Богу неугодно таковое ихъ проживаніе и моленіе имъ не на пользу». Вообще же въ монастырѣ отъ богомольцевъ бывало «великое безповойство, особенно отъ больныхъ бѣсныхъ».

Больные этого рода не только имѣютъ значеніе въ распоряженіяхъ Фотія по монастырю, но и указываютъ на особенность его вѣрованій. Фотій устроилъ въ деревянныхъ старыхъ кельяхъ больницу для женскаго пола, «такъ какъ — писалъ онъ — людей больныхъ отъ духовъ нечистыхъ сего пола бываетъ болѣе приходящихъ. А просто больницы для мужскаго пола не имѣтъ и больныхъ простыми болѣзнями не принимать и николи не держать, ибо у насъ нѣтъ для таковыхъ мѣста и лекаря. А кто придетъ и сдѣлается боленъ, давать таковымъ на бѣдность лучше 10 (въ рукописи не сказано рублей или копѣекъ) и съ Богомъ отпущать: пусть идетъ и въ мірскомъ домѣ лежитъ боленъ, ибо нѣтъ способа за всѣми смотрѣть и мѣста помѣщать. И таковое занятіе о больныхъ простыхъ можетъ многихъ монаховъ отъ дѣла своего и молитвы отдалять и утомить и умучить, а монашеское дѣло стараться прежде о своей душѣ, потомъ уже и о спасеніи другихъ».

Въ устроенную Фотіемъ больницу для бѣсныхъ явилась однажды молодая дѣвушка, бывшая фигуранткой на петербургскомъ театрѣ. Она объявила, что одержима нечистымъ духомъ. Фотій принялся отчитывать ее, поручивъ ближайшій за нею надзоръ молодому своему вельяинну, который доносилъ ему, что Фотина Павловна (такъ звали дѣвушу) проводитъ все время въ мо-

литвѣ, а самъ, между тѣмъ, сошелся съ нею и такимъ образомъ обманывалъ Фотія. Орлова была сильно раздражена пребываніемъ Фотины въ Юрьевомъ монастырѣ и, какъ разсказываютъ, хотѣла дать ей половину своего состоянія, съ тѣмъ только, чтобы она ушла изъ монастыря и не дѣлала безчестія Фотію. Между тѣмъ Фотина стала собирать около себя окрестныхъ дѣвушекъ, которыя во множествѣ сходились на молитву въ монастырь, одѣтыя въ хитоны. Молва объ этомъ дошла до губернатора, который при содѣйствіи архіерея положилъ конецъ такимъ собраніямъ, причемъ Фотина, щедро надѣленная отъ Фотія деньгами, была отправлена въ Переяславль въ тамошній женскій Фодоровскій монастырь.

Фотій настолько вѣрилъ, что онъ отчиталъ Фотину, что написалъ «Повѣсть чудну о нѣкоей дѣвицѣ, избавившейся отъ нечистаго духа». Орлова послѣ смерти автора уничтожила эту повѣсть, оставивъ только предисловіе, представляющее общее разсужденіе о бѣсовскомъ навожденіи.

Изъ прочихъ распоряженій Фотія видно, что онъ былъ заботливый хозяинъ, такъ какъ, несмотря на то, что монастырь имѣлъ уже громадныя средства, Фотій старался о томъ, чтобы нужды монастыря удовлетворялись собственными его средствами. Онъ старался о разведеніи при монастырѣ огородовъ, приказывалъ садить шалфей, мяту, какъ лечебныя травы, а также малину и барбарисъ «для утѣшенія братіи». Хозяйственныя его распоряженія касались и содержанія лошадей и изъ одного его письменнаго приказа видно, что при монастырѣ имѣлось шесть лучшихъ лошадей для настоятеля, столько же для разъѣзда на случай нужды, отъ 2-хъ до 4-хъ для черныхъ работъ и прочихъ простыхъ надобностей. При этомъ онъ требовалъ, чтобы лошади были исправныя и хорошія, и чтобы одна или двѣ изъ нихъ были приучены орать и пахать землю.

Радѣя о строгомъ соблюденіи въ монастырѣ общештальнаго устава, Фотій заботился о поддержаніи прежнихъ и о присвоеніи новыхъ преимуществъ своей обители, а также о введеніи въ нее нѣкоторыхъ особыхъ порядковъ богослуженія. Онъ не забывалъ, что управляемый имъ монастырь имѣлъ нѣкогда за собою 15 приписныхъ монастырей и что, по сравненію съ окрестными монастырями, онъ, по громадности своихъ зданій, назывался даже

лавроку. Съ самыхъ первыхъ временъ существованія этого монастыря, настоятели его именовались «игуменами монастыря св. Георгія и архимандритами новгородскими», т. е. считались первыми или главными въ ряду управителей 50-ти новгородскихъ монастырей и какъ бы благочинными надъ всѣми ими. Что же касается священнослуженія въ Юрьевскомъ монастырѣ, то игумены или архимандриты его издревле отправляли священнослуженіе съ нѣкоторыми отличіями, присвоенными исключительно архіерейскому сану. Такъ, они служили и служатъ на коврѣ съ осѣняльными свѣщами и рипидами. При великомъ выходѣ выносятся митра архимандрита, а самъ архимандритъ изъ алтаря не выходитъ, но принимаетъ св. дары въ царскихъ вратахъ, послѣ чего произносится на ектеніи имя «всечестнаго отца священноархимандрита».

До какой степени дорожилъ Фотій этими знаками внѣшняго іерархическаго почета—неизвѣстно, но, въ добавокъ къ нимъ, ему и его преемникамъ по управленію монастыремъ было присвоено носить посохъ съ сульцомъ, т. е. съ такимъ украшеніемъ изъ матеріи, какой бываетъ обыкновенно на архіерейскомъ посохѣ.

Отъ себя Фотій вводилъ въ монастырь нѣкоторыя особыя правила и по поводу ихъ сдѣлалъ однажды особое представленіе митрополиту Серафиму, которое имѣло слѣдующее вступленіе: «Божією милостію азъ рабъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, ревнитель православія, святныя Христовы церкви и вѣры двадцать уже лѣтъ какъ постриженъ въ монашество». Затѣмъ онъ заявлялъ, что не желаетъ дѣлать никакихъ отступленій отъ вѣры православной. «Несмотря на всѣ нововведенія—говоритъ Фотій—устроена мною обитель Юрьевъ монастырь и по древнему преданію общежитіе введено въ ономъ, уставъ общежитія составленъ и напечатанъ при св. синодѣ». При этомъ Фотій выражаетъ, однако, чтобы не считали нововведеніемъ со стороны его, что онъ «сначала поступленія въ монашество, будучи одѣтъ въ хитонъ нищеты и радованія, обязалъ къ этому неизмѣнному одѣванію и братію Юрьева монастыря». Справедливость своего требованія онъ подерѣплялъ подлинникомъ греческаго молитвослова и переводами церковныхъ требнивовъ, большаго новаго и древняго Петра Могилы, стариннымъ рукописнымъ чпномъ постриженія, хранящимся въ Юрьевѣ монастырѣ, и вы-

писками изъ книги «Новая Скрижаль». Мы приводимъ здѣсь эти подробности потому, что разсужденіе о хитовѣ составляетъ едва-ли ни самый замѣчательный учено-догматическій трудъ юрьевскаго архимандрита, обнаруживающій вмѣстѣ съ тѣмъ и знаніе его по герменевтикѣ, т. е. умѣніе обставлять свои мнѣнія текстами изъ священнаго писанія и ссылками на творенія святыхъ отцовъ.

Такъ хозяйничалъ и распорядился Фотій въ управляемомъ имъ монастырѣ. Всю дѣятельность и всю власть свою онъ направлялъ какъ на внѣшнее улучшение монастыря, такъ и на водвореніе въ монашествующей братіи порядка, смиренія и воздержанія. Что же касается его самаго, то онъ, бѣдный дьячковскій сынъ, недоучившійся бурсакъ и «человѣкъ Божій ангельскаго житія», обставлялъ себя самаго не совсѣмъ на монашескій ладъ, хотя и твердилъ о суетѣ мірской. Памятуя тотъ часъ, когда, по словамъ Фотія, его «быть можетъ въ худое рубище завернуть люди, бросать, какъ пса, въ могилу, снесши на старыхъ, почти изломанныхъ носилкахъ», онъ тѣмъ не менѣе пользовался въ монастырѣ всѣми удобствами жизни и въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Орловой писалъ: «я теперь зѣло богатъ, въ богатыя ризы облакаюсь, живу въ великолѣпномъ дому и гуляю на добрыхъ коняхъ». Всѣмъ этимъ онъ былъ обязанъ своей благотворительницѣ. Отношенія его къ ней представляются съ перваго раза страшнымъ соблазномъ уже потому, что молодой монахъ сблизился съ далеко не старою еще въ ту пору женщиною и жилъ на ея счетъ богато и роскошно, нарушая всѣмъ этимъ монашескіе обѣты цѣломудрія, нелюбостыжанія, смиренія и воздержанія.

III.

Съ 28-го іюня 1762 года самыми замѣтными людьми около воцарившейся императрицы Еватерины II были братья Орловы. Ихъ было пять братьевъ и третій изъ нихъ, гр. Алексѣй Григорьевичъ (род. 24-го сентября 1735 г.), получившій, 10-го іюля 1775 г., въ день празднованія кучукъ-кайнарджійскаго мира наименованіе «Чесменскаго», женился, 6-го мая 1782 года, на Евдокіи Николаевнѣ Лопухиной, которой въ ту пору шелъ двадцатый годъ. 2-го мая 1785 года она родила въ Москвѣ дочь Анну. Описывая

жизнь графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, Елагинъ восхваляетъ христіанскія добродѣтели ея матери, говоря, что она не пропускала ни одного церковнаго служевія не только въ праздники, но и въ обыкновенные дни, не любила нарядовъ и никогда не надѣвала брилліантовъ. Личное вліяніе матери не могло, однако, отозваться на ея дочери, такъ какъ графиня Евдоія Николаевна, родивъ, 20-го августа 1786 года, сына Ивана, на другой день послѣ этого умерла, оставивъ дочь на рукахъ отца только по второму году.

На восьмомъ году отъ рожденія графиня Анна Орлова была пожалована фрейлиною и, проживая въ домѣ отца, «обучалась языкамъ французскому, англійскому, нѣмецкому и итальянскому». Чему она училась, кромѣ этихъ языковъ, о томъ въ книгѣ Елагина не упоминается.

24-го декабря 1807 года скончался графъ Орловъ-Чесменскій, а такъ какъ единственный сынъ его графъ Иванъ Алексѣевичъ умеръ еще въ 1787 году, то наслѣдницею всѣхъ его богатствъ осталась одна двадцати двухлѣтняя дочь его графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская. Богатства же покойнаго были громадны. Ежегодный доходъ его наслѣдницы простирался до 1,000,000 рублей ассигнаціями, а стоимость ея недвижимаго имѣнія, исключая драгоценностей, цѣнившихся на 20,000,000, доходила до 45,000,000 рублей. Само собою разумѣется, что у такой богатой, знатной и притомъ довольно красивой собою дѣвушки было множество жениховъ, и, въ числѣ искуателей ея руки, явился, въ 1809 году, сынъ фельдмаршала графа Каменскаго, графъ Николай Михайловичъ. По поводу предположенія объ этомъ бракѣ отецъ Каменскаго писалъ сыну: соперниковъ у тебя, конечно, много, да и, говорятъ, здѣсь готовятъ графа Воронцова, Семена Романовича сына, и такъ, не отнесись-ли мнѣ къ ней?» Однако, какъ это, такъ и всѣ другія сватовства къ графинѣ Орловой были безуспѣшны, но по какимъ именно причинамъ — это осталось неизвѣстно.

Биографъ графини Анны Алексѣевны, Елагинъ, описывавшій ея жизнь по просьбѣ или, вѣрнѣе сказать, по заказу архимандрита и иноковъ Юрьевскаго монастыря, конечно не поскупился на восхваленія благотворительницы этой святой обители. По словамъ его, «доблестная» Орлова «представляетъ разительный примѣръ

благочестія и добродѣтели, — примѣръ, напоминающій первые вѣка христіанства». «Она — говоритъ Елагинъ — посвятила себя жизни уединенной, близкой къ отшельничеству». Упомянувъ въ одномъ мѣстѣ своей книги о благотвореніяхъ Орловой церквамъ и монастырямъ, находящимся даже въ Александріи и Дамаскѣ, Елагинъ по поводу этого восклицаетъ: «сколько тутъ славы не только для нея, но и вообще для русскаго имени!»

Понятно, что на сочиненіе, въ которомъ высказываются такіе взгляды, приходится смотрѣть не какъ на правдивое жизнеописаніе, но какъ на похвальное только слово. Поэтому изъ книги Елагина мы позаимствуемъ нѣкоторые лишь факты, не опираясь на собственные разсужденія автора и не вдаваясь даже въ критическую ихъ оцѣнку.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти своего отца, Орлова поѣхала на богомолье сперва въ Кіевъ, а потомъ въ Ростовъ. Здѣсь, при гробѣ св. Димитрія, она познакомилась со старцемъ Яковлевскаго монастыря Амфилохіемъ, котораго избрала своимъ духовникомъ и который, по словамъ ея біографа, имѣлъ на нее рѣшительное вліяніе. Но старецъ Амфилохій отошелъ наконецъ въ иной міръ, и Орлова хотѣла найти для себя другаго руководителя и исповѣдника. Она жила въ Москвѣ, когда туда прибылъ проѣздомъ Пинноентій, епископъ пензенскій и саранскій, Орлова обратилась за совѣтами къ нему и Пинноентій, знавшій хорошо Фотія по Александро-Невской лаврѣ, гдѣ онъ былъ ректоромъ семинаріи, указалъ ей на него.

Единственно для знакомства съ Фотіемъ, Орлова покинула родную Москву и переселилась въ Петербургъ. Здѣсь она искала случая сблизиться съ молодымъ монахомъ, но, какъ говоритъ Елагинъ, Фотій долго чуждался ее, какъ бы опасаясь вліянія ея знатности и богатства на свое убожество и не прежде какъ черезъ два года она достигла своей желанной цѣли — быть его духовной дочерью. Съ своей стороны и митрополитъ Серафимъ, благоволившій къ Фотію, указывалъ ей на него. Сблизившись съ Фотіемъ, Орлова, по переводѣ его въ Юрьевъ монастырь, поселилась около этой обители, заведя для себя небольшую усадьбу на землѣ, купленной ею у помѣщика В. П. Семевскаго за 75,000 р., и построивъ для себя домъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ древній монастырь св. Пантелеймона. Она сдѣлала это, надѣясь,

какъ говорить Елагинъ, «подъ руководствомъ таковаго духовнаго отца, каковыи былъ Фотій, вѣрнѣе исполнять христіанскіе подвиги добра и молитвы въ нѣкоторомъ удаленіи отъ свѣта».

Въ одной изъ статей, касающихся Фотія, сообщается, между прочимъ, что уже послѣ смерти его, Орлова говорила: «онъ возбудилъ во мнѣ вниманіе тою смѣлостію, тою неустрашимостію, съ каковыи онъ, будучи законоучителемъ кадетскаго корпуса, молодымъ монахомъ, сталъ обличать господствовавшія заблужденія въ вѣрѣ. Все было противъ него, начиная съ двора. Онъ не побоялся этого. Я пожелаала узнать его и вступила съ нимъ въ переписку. Письма его казались мнѣ каковыи-то апостольскими посланіями. Узнавъ его болѣе, я убѣдилась, что онъ лично для себя ничего не искалъ».

Уединеніе, которое избрала себѣ Орлова вблизи Фотія, не отрѣшило ее однако совершенно отъ того мірскаго круга, къ которому она принадлежала по рожденію. Приѣзжая на время въ Петербургъ или въ Москву, она являлась въ большомъ свѣтѣ, принимая въ своихъ гостинныхъ избранное общество обѣихъ столицъ. Она не отставала окончательно и отъ двора и, въ званіи камеръ-фрейлины, ѣздила съ императрицею Александрой Федоровной, въ 1826 году, на коронацію въ Москву; съ нею же, въ 1828 году, она отправилась въ Кіевъ, а потомъ въ Варшаву и въ Берлинъ. Вообще она оставалась свѣтской женщиной и, по замѣчаніи Елагина, «видѣвшіе ее только въ гостинныхъ и не подозревали, что она проводитъ бо́льшую часть времени въ молитвѣхъ и благочестивыхъ трудахъ».

Въ продолженіи слишкомъ двадцати пяти лѣтъ главнымъ мѣстопребываніемъ Орловой почти постоянно была выстроенная ею усадьба близъ Юрьевскаго монастыря. Здѣсь она вела какъ-будто отшельническую жизнь; кромѣ постоянной ходьбы по церквамъ, она строжайше соблюдала воздержаніе; такъ, въ первую недѣлю великаго поста она ѣла только просфору, запивая ее въ церкви теплотою, а въ продолженіе всей страстной недѣли принимала пищу только однажды въ великій четвергъ. Сообщая о такой жизни Орловой, Елагинъ замѣчаетъ, что «подъ руководствомъ Фотія развилось ея духовное совершенство».

Посмотримъ теперь, чѣмъ и какъ вліялъ на нее Фотій. Для разрѣшенія этого вопроса у насъ имѣется богатый рукописный

матеріалъ — одинъ изъ томовъ переписки Фотія съ Орловой ¹⁾. Къ сожалѣнію, собственныхъ ея писемъ мы не знаемъ, но изъ нѣкоторыхъ отвѣтовъ Фотія можно составить довольно ясное понятіе, о чемъ и въ какомъ духѣ велась между ними бесѣда.

IV.

Число имѣющихся у насъ писемъ Фотія къ Орловой не велико, всего только 26; относятся всѣ они къ 1820, 1821 и 1822 годамъ. Письма Фотія написаны тяжелымъ языкомъ, съ грамматическими ошибками и поражаютъ читателя неправильною, можно даже сказать, безалаберною постройкою русской рѣчи. Одна изъ господствующихъ въ нихъ формъ—уподобленіе и притча. Въ нихъ не просвѣчиваетъ ни тонкости ума, ни наблюдательности, въ нихъ нѣтъ и силы убѣжденія. Они замѣтнѣе всего отличаются какою-то топорною вычурностію и преобладающая въ нихъ мысль сводится къ обычнымъ пастырскимъ поученіямъ и увѣщаніямъ о соблюденіи душевной чистоты и объ угоженіи Богу. Не мало занимаютъ въ этихъ письмахъ рассказы писавшаго ихъ о самомъ себѣ и даже нерѣдко встрѣчаются прямыя восхваленія самому себѣ. Вообще трудно понять, почему именно этими письмами,—а въ духѣ ихъ, конечно, велись и словесныя поученія Фотія—могъ онъ такъ сильно подѣйствовать на Орлову, считавшую ихъ «апостольскими посланіями». Письма Фотія отличаются также поддѣлкою, далеко, впрочемъ, неудачною, подъ церковно-славянскій языкъ, но рядомъ съ величавыми выраженіями и оборотами этого языка попадаются фразы самой плохой выдѣлки. Само собою разумѣется, что діаволь, сатана, нечистый, супостать, окаянный и бѣсы перестраиваютъ безпрестанно посланія Фотія, въ которыхъ, при упоминаніяхъ о нечистыхъ силахъ, не забыты даже и «ангелы Вольтера».

Два первыхъ письма Фотія относятся почти исключительно къ его собственной личности и объ одномъ изъ нихъ, первомъ, касающемся его изгнанія изъ Петербурга, мы уже говорили, а на

¹⁾ Этихъ писемъ осталось около десятка томовъ. Они свято сбережены графиней Орловой и переплетенныя въ книги, въ 4-ю долю, сохраняются и до сихъ поръ. Мы имѣли случай ихъ просматривать и находимъ, что для полной характеристики Фотія и его отношеній къ послушнѣйшей изъ его овецъ—графинѣ Орловой—слѣдовало бы напечатать эти документы.

другомъ, второмъ, касающемся его болѣзни, мы будемъ имѣть случай остановиться въ послѣдствіи.

Изъ третьяго же письма видно, что Орлова просила Фотія научить ее «умной» молитвѣ. Но по этому запросу Фотій оказался несостоятельнымъ. Онъ говоритъ, что даже не знаетъ, какъ приступить къ этому. «Я самъ—пишетъ онъ—не достигъ этого, то како могу научить и другихъ достигать». Затѣмъ онъ заговариваетъ объ этомъ предметѣ издалека, замѣчая, что «въ началѣ міра, въ раю, не было никакихъ книгъ и заповѣдей и ученій о молитвѣ, ни письменъ, ни учителей». Но такъ какъ теперь есть книги, то Фотій и совѣтуетъ ей читать «писанія, житія святыхъ, соблюдать заповѣди Господни, и будетъ молитва твоя—заключаетъ Фотій,—яко кадило благовонное передъ Богомъ».

Четвертое письмо заключаетъ въ себѣ «посланіе о страсти блудной и похоти плотской». И здѣсь Фотій является слышеомъ зауряднымъ проповѣдникомъ, упоминая, что Господь благодатью своею блюдетъ его отъ чрева матери по плоти въ дѣвствѣ. «Не знаю—пишетъ онъ—жены, люблю дѣвство» и въ заключеніе совѣтуетъ Орловой пребывать въ дѣвствѣ.

Въ пятомъ письмѣ идетъ разсужденіе «о духѣ печали и унынія». Вотъ что пишетъ объ этомъ Фотій: «нѣкогда былъ часъ, яко же сей часъ: предсталъ духъ лукавый самому мнѣ въ иночествѣ и спросилъ демона я: отчего такъ скоро, нечаянно многіе сами себя убиваютъ, и сказалъ демонъ: многія вины тому отъ меня бываютъ, я посылаю духа унынія и печали. Увы, увь!—восклицаетъ далѣе Фотій—какъ помыслию, что сатана для мнѣ много прогнанія скуки, печали и унынія многихъ творить научилъ, то ужасъ беретъ меня! Для того изобрѣтены и обожаются: театры, маскарады, пѣсни, гульбища, бесѣды, карты, трагедіи, комедіи, романы, блудничные дома, серали, балы, пьянства, безчинныя пѣсни и прочія сатанинскія дѣла, о боихъ неприлично даже глаголить».

Какъ блѣдны, пусты и даже жалки эти страницы писемъ Фотія въ сравненіи хоть съ тѣмъ, что было написано на эту же тему другими проповѣдниками, какъ напримѣръ, св. Іеронимомъ, однимъ изъ древнѣйшихъ отцовъ церкви, который, не приписывая соблазновъ міра сатанѣ, бѣжалъ отъ обольщенія роскошнаго Рима въ пустыню, спаленную солнцемъ, и гдѣ ему продолжали

такъ живо грезиться всё соблазны міра, гдѣ ему видѣлись пляски римскихъ красавицъ и слышались ихъ чарующія пѣсни, и гдѣ онъ силою своего духа велъ борьбу съ своими пылкими страстями, не примѣшивая къ нимъ вовсе діавола...

Въ шестомъ письмѣ Фотія заключается «посланіе о приобщеніи св. таинъ».

Особенное вниманіе обращаетъ на себя седьмое письмо Фотія. Въ этомъ письмѣ упорный ненавистникъ религіознаго мистицизма является самъ его распространителемъ и переноситъ путаницу своихъ сновидѣній въ область тогдашнихъ политическихъ вопросовъ. Письмо это, написанное 5-го декабря 1821 года, было вручено императору Александру Павловичу и смѣлость таковаго врученія, какъ мы полагаемъ, всего лучше характеризуетъ тогдашнее настроеніе умовъ.

«Напаль—пишетъ Фотій—сонъ сладокъ и глубокъ зѣло». И вотъ во время этого сна начались видѣнія Фотія, напоминающія апокалипсическія видѣнія патмосскаго прорицателя.

Видѣлъ Фотій, что «была ночь и тьма велія, предъ лицомъ же его ясно и прозрачно отъ земли до небеси». «Было смятеніе и колебаніе тверди небесной». «Явилась на востокѣ луна, едва свѣтящая, но что-то, аки мгла, затмевало ее и луна поколебалась». Когда же Фотій хотѣлъ узнать, что значить это видѣніе, то услышалъ только гласъ: «знаменіе!» и луна скрылась.

Другое явленіе заключалось въ томъ, что «по правой сторонѣ того мѣста, гдѣ была луна, явился кругъ прозрачный, въ нѣсколько кратъ болѣе луны и внутри того круга бысть аки бы часть созданія земнаго подобіемъ языка, по ней бысть другая часть и третья и вкупѣ сѣи три языка, въ небесномъ томъ кругу, то вращались, то двигались; и страхъ и ужасъ отъ движенія ихъ былъ на вся; пребывали же движаяся три части, не сдвигаясь съ мѣстъ своихъ, и когда—продолжаетъ рассказывать Фотій—я недоумѣвалъ, къ чему знаменія суть сія, гласъ бысть свыше вопіющъ: «въ брані!»

Подобнаго рода, сказать по правдѣ, безтолковыхъ видѣній, было Фотію семь. Онъ, по словамъ его, видѣлъ «начертаніе славы трисвятаго Бога», видѣлъ «явленіе на облакахъ свѣтлыхъ, небесныхъ сына человѣческаго, подобіемъ аки человѣкъ»; видѣлъ «птицу черную яко орла», «другаго звѣря, аки левъ» и «третье живот-

ное, яко рысь, бѣжавшихъ отъ орла». Видѣлъ и «Бога Вседержителя, облеченнаго въ солнце и сидящаго на престолѣ славы своея». Затѣмъ, по словамъ Фотія, были свѣтъ и благоуханіе.

Не удовольствовавшись простымъ описаніемъ всѣхъ этихъ явленій, Фотій объясняетъ ихъ, говоря, что «луна есть знаменіе царства турецкаго, нечестія магометанскаго; языки — знаменіе трехъ великихъ державъ, на мѣстѣ луны дѣйствовать имущихъ, образъ же орла есть образъ царства на полунощи сущаго. А прочая вся имѣй умъ, да чететь и разумѣеть и внимаеть, дондеже вся сія сбудутся во время свое вскорѣ, яко же азъ видѣхъ и слышахъ и написавъ словеса въ книгѣ сей».

Такъ какъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности провѣрять чужія сновидѣнія, то и нельзя, конечно, отрицать, чтобы все это не снилось Фотію; но легко также могло быть и то, что всѣ эти явленія были произведеніемъ бдящаго воображенія Фотія, особенно если обратить вниманіе на то, что въ эту самую пору императоръ Александръ Павловичъ, подъ вліяніемъ графа Каподистрія, сочувствовалъ начавшемуся движенію филеленовъ, которое могло, какъ казалось, повести главныя европейскія державы къ рѣшительному столкновенію съ Турціею, — столкновенію, исходъ коего, по чувству русскаго патріотизма, конечно долженъ былъ окончиться въ смыслѣ явленія, представившагося Фотію.

Мы уже говорили о душевномъ настроеніи графини Орловой на основаніи ея жизнеописанія, составленнаго Елагиннымъ, но вотъ въ восьмомъ письмѣ Фотія къ ней отрывается часть исповѣди ея передъ духовнымъ ея отцомъ. «Христілюбивая дѣвица» писала къ Фотію такъ: «повѣришь-ли ты, отецъ мой, какъ званіе, въ которомъ находится многобѣдная Анна, ей тяжело и день ото-дня все становится тяжелѣе, и какъ жажду и алчу уединенія, то одному только Господу извѣстно: во-истину иногда слезы радостныя катятся, когда останусь одна и когда меня никто не требуетъ». Затѣмъ она выражаетъ желаніе «убраться далѣе и далѣе отъ шума мірскаго и попеченій житейскихъ».

Если графиня Орлова наслѣдовала по природѣ отъ матери своей стремленіе къ богоугодной жизни и равнодушіе къ мірскимъ благамъ, то едва-ли нѣкоторыя обстоятельства не могли повліять еще сильнѣе на желаніе ея отдаляться отъ двора и общества. Она могла знать, кабымъ путемъ достались ей, прежде

безвѣстной, семьѣ богатства, почести и знатности, а слава чесменскаго боя, озарявшая ея отца, не могла закрыть своимъ блескомъ тѣ темныя дѣянiя, которыя тяготѣли надъ нимъ. Подъ влiанiемъ всего этого, робкая совѣсть молодой дѣвушки давала ей чувствовать ложность и тягость того положенiя, въ которомъ она находилась, и понятно, что усердныя молитвы къ Богу и надежда на его благость должны были служить ей нравственной поддержкою въ минуты раздумья обо всемъ, что обружало ее и что напоминало ей о недавно прошедшемъ... Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что событiя, послужившiя къ возвышенiю семейства Орловыхъ, тяжело отзывались на одной изъ его представительницъ, у которой сильно было развито свойственное религиознымъ женщинамъ чувство, заставляющее ихъ боязненно вспоминать о грѣхахъ близкихъ имъ людей, и, статья можетъ, что искупленiе этихъ грѣховъ подвигами христіанскаго смиренiя и добрыми дѣлами было задачею всей жизни для дочери Алексѣя Орлова.

Въ отвѣтномъ своемъ письмѣ Фотiй отговариваетъ ее отъ ухода въ монастырь, выставляя примѣры непостоянства по принятiю иноческыхъ обѣтовъ. «Сначала многіе — внушаетъ Фотiй своей духовной дочери — съ ревностью грядутъ на уединенiе въ пустыни и монастыри, горы и вертепы, а послѣ только худо живутъ и съ отчаянiемъ ненавидятъ уединенiе, боренье съ врагомъ и страстьми».

Странно слышать такое внушенiе отъ Фотiя, который самъ такъ восторженно восхвалялъ «ангельское житiе челоувѣковъ Божiихъ во святой обители». И приходится подумать, что Фотiй отгонялъ отъ Орловой мысль о постриженiи изъ собственныхъ видовъ. Съ удаленiемъ ея въ монастырь, непосредственныя и близкія его сношенiя съ нею должны были, если не прекратиться совершенно, то по крайней мѣрѣ сдѣлаться рѣже и, кромѣ того, богатая иночница могла направить всѣ свои щедрые вклады уже не въ Юрьевъ монастырь, а въ избранную ею женскую обитель. А что Фотiй не только охотно пользовался, но и рассчитывалъ на постоянныя и усердныя приношенiя своей духовной овечки— это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнiю. Въ своемъ первомъ къ ней письмѣ, онъ, какъ мы видѣли, прямо говоритъ объ этомъ. Въ послѣдствiи онъ пользовался щедростью Орловой, которая «на

нужды его» предоставила всѣ свои богатства. Добавимъ къ этому, что Елагинъ въ похвалу Фотія ставитъ то, что онъ «въ знатныхъ видѣлъ для себя только орудіе къ проповѣдыванію истины», а знатная графиня Орлова-Чесменская была несомнѣнно для него однимъ изъ такихъ драгоценныхъ орудій и потому потерять ее, съ уходомъ ея въ монастырь, было бы для Фотія большимъ лишеніемъ со стороны его религиозныхъ понятій, помимо даже вопроса о матеріальной поддержкѣ того монастыря, на устройство и на обезпеченіе котораго Фотій смотрѣлъ, какъ на главную обязанность своего иноческаго подвижничества.

Слѣды другой исповѣди Орловой передъ Фотіемъ мы находимъ въ девятомъ его письмѣ, изъ котораго видно, что «богобоязненная Анна» жаловалась ему, что «положеніе ея хуже и опаснѣе, нежели бурное: я — писала она — точно какъ бы была въ туманѣ». За тѣмъ она винитъ себя передъ Фотіемъ «въ разсѣянности въ мысляхъ, въ страшномъ нерадѣніи о спасеніи, въ лѣности ужасной въ молитвѣ». «Оно, т. е. положеніе не бурное, но претяжелое, точно я утопаю мало по малу», пишетъ въ заключеніе Орлова.

Отвѣтъ на это письмо послѣдовалъ въ нравственно догматическомъ духѣ и въ такомъ же духѣ написаны Фотіемъ четыре слѣдующія письма или посланія, а именно: десятое — «о молитвѣ непрестанной»; одиннадцатое — «объ иноческомъ обхожденіи съ другими»; двѣнадцатое — «о томъ, что значитъ и преобразуетъ св. недѣля», и тринадцатое — «это есть человекъ чадо Отца Небеснаго».

Четырнадцатое посланіе, озаглавленное «о радости въ душѣ святѣ, коя есть знаменіе и составъ царствія Божія внутри», вызвано письмомъ Орловой, изъ котораго въ письмѣ Фотія приводится слѣдующая выдержка: «во истину сегодня была необъяснима моя радость, отче мой, получая твое посланіе премилостивое. Господа ради продолжай питать твое немощее и неопытное чадо, твои святыя молитвы дѣлаютъ со мною во истину чудо. Благодареніе Господу Христу, чувствую такое равнодушіе во всему, меня окружающему, что только и прошу Господа Бога нашего, чтобы сіе мое состояніе продолжалось. О! какъ мнѣ всѣ слова твои о мирѣ и царствіи Божіемъ памятны и дороги». Въ отвѣтъ своемъ на это письмо Фотій сомнѣвается, что «ея

слова отъ ея сердца, хотя и праваго», но объясняетъ ихъ тѣмъ, что «на тотъ часъ утѣшитель Духъ Святой пришелъ, и вселившись въ лоно сердца, вдохнулъ чувство и радость излить оныя на сей хартии».

Въ слѣдующемъ, пятнадцатомъ, письмѣ встрѣчается снова выраженіе чувствъ Орловой въ Фотію, которому она пишетъ: «вспоминаю, сколь возможно чаще, гласъ твой, желающій мира немощной твоей дочери». Далѣе она проситъ его беречь здравіе. Эта просьба даетъ Фотію поводъ распространиться о своемъ самоотверженіи. Затѣмъ приводится еще выписка изъ письма Орловой, гдѣ она говоритъ, что «письма Фотія необходимы, какъ воздухъ для дыханія», и горюетъ, что «разстается хотя на нѣсколько съ нимъ и не слышитъ пресладшаго его гласа».

Шестнадцатое письмо обращаетъ на себя особенное вниманіе, потому что въ немъ приводится исповѣдь Орловой въ изложеніи самаго Фотія. Онъ говоритъ за нее въ слѣдующихъ словахъ: «ахъ, отче мой, бая я дѣвица, когда въ сердцѣ невольно, хотя и рѣдко со мною то бываетъ, но восходятъ соблазны и помыслы нечистые, хотя и рѣдко, но я должна бываю украшаться, наряжаться и все сіе для плоти, для виденія, для суеты творить; хотя и рѣдко, но я должна и лицо благовонными водами измывать и украшать и помазывать благовонными мастями, хотя и рѣдко, но я должна по образу міра грѣшнаго иногда быть». Фотій утѣшаетъ ее въ этой скорби, увѣряя, что, несмотря на это, душа ея дѣвственная, чистая, а плоть цѣломудренная.

Въ письмѣ семнадцатомъ Фотій, жалуясь на «лютія времена», писалъ Орловой такъ: «о дѣвице! тебѣ Господь далъ премудрость и брѣпость; сама себя спасай и иныхъ, то словомъ, то дѣломъ, то духомъ; сама не восхищай другихъ учить: жена, по апостолу, да не учить, но по готовымъ бнигамъ и ученіямъ святыхъ отецъ учить можешь другинь своихъ, а сама учительства и проповѣдничества и писать писанія, подобно бѣсомъ водимой г-жи Гіонъ, презрай, убѣгай подобныхъ и восхищающія все то подобно сей безумной, провляты и запрещены» ¹⁾).

Послѣдующія письма озаглавлены такъ: восемнадцатое — «о

¹⁾ Жанна Бувье-де-ла-Моттъ (род. 1648 † 1717 г.), по мужу Гюйонъ, приобрѣла себѣ извѣстность мистическо-христіанскими проповѣдями. Послѣ нея осталось 39 томовъ сочиненій религіознаго содержанія. Е. Е.

питіи духовномъ», девятнадцатое о томъ, что «о спасеніи пещися должно заблаговременно въ житіи, а не до старости и смерти отлагать его, и объ обители небесной» и двадцатое «о благоугожденіи Богу». Последнее изъ этихъ писемъ написано по поводу жалобы Орловой на лѣнь и на то, что она «привязана бо сну, который ей дѣлаетъ великую помѣху въ спасеніи души, тогда какъ ей хотѣлось бы хотя по одному разику въ ночь вставать на молитву». «Блаженна ты уже по тому,—отвѣчаетъ на это ей Фотій,—что душа твоя желаетъ угодить Господу».

Въ письмѣ двадцать первомъ идетъ поучительная бесѣда «о Софїи, сирѣчь премудрости Божіей, вѣрѣ, надеждѣ и любви». Двадцатое письмо «о богоугожденіи и дѣвствѣ» вызвано письмомъ Орловой, въ которомъ она сообщаетъ Фотію, что «видѣла суету о Господѣ, и посмотрѣвши на нее и видѣвши все ея терзаніе, изъ глубины сердца благодарить Бога, что онъ удержалъ ее отъ супружества. О! истинно блаженное состояніе дѣвическое—воскликаетъ Орлова—никакихъ хлопотъ житейскихъ за собою не имѣетъ, только попеченіе едино остается имѣть дѣвицѣ, какъ спасти душу». Соглашаясь со всѣмъ этимъ, Фотій прибавляетъ, что Господь просвѣщаетъ ея разумъ.

Двадцать второе письмо посвящено разсужденію «о различныхъ путяхъ спасенія». Оно написано въ схоластическомъ духѣ.

Въ письмѣ двадцать третьемъ Фотій на сообщеніе графини Орловой изъ Петербурга о томъ, что «все здѣшнее ей, а особенно мірское, въ тягость, и что она счастливѣе себя находитъ, когда остается одна и бесѣдуетъ съ Богомъ», отвѣчалъ: «какъ мнѣ не утѣшаться, что Господь тебя отъ брака отвелъ, могущую имѣть жениха благороднаго, перваго во градѣ, зѣло честнаго и преславнаго. Какъ мнѣ Господа не благодарить, когда по благодати его ты презрѣла всѣ мірскія блага, дабы воспріять небесныя вполнѣ, когда ты ни золота, ни серебра не щадила, все щедрою рукою сыпала, дабы Христа приобрѣсть и умолить его». Затѣмъ, Фотій внушаетъ ей «спасаться отъ сребролюбія, грѣховныхъ игръ, отъ картъ, отъ маскараровъ, плясокъ, танцевъ, театровъ, развратныхъ еретическихъ книгъ, злыхъ бесѣдъ, гордости, тщеславія, хулы, роскоши и предписываетъ ей «спасеніе въ дѣвствѣ и постѣ».

Въ трехъ остальныхъ письмахъ идетъ бесѣда «о чистотѣ святой», «о пути царскомъ, среднемъ и легкомъ ко спасенію». Въ этомъ письмѣ Фотій убѣждаетъ «Анну, обрѣтающуюся въ царскихъ чертогахъ, чтобъ она не слѣшила въ монастырь, не яко инобня, не яко раба Христова». Последнее изъ имѣющихся въ распоряженіи ред. «Русской Старины» писемъ Фотія, отъ 23-го декабря 1822 года, озаглавлено «помни послѣдняя твоя» и заключаетъ въ себѣ самыя обычныя поученія о суетѣ мірской.

Фотій велъ обширную переписку съ Орловой и въ послѣдствіи, до самаго дня своей канчины; но мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ списка съ его послѣдующихъ посланій; впрочемъ, и та часть его писемъ, съ которою мы имѣли случай ознакомиться, достаточно очерчиваетъ способы вліянія Фотія на духовную его дочь. Независимо отъ этого, приводимыя нами письма имѣютъ то особое значеніе, что они относятся къ той именно порѣ, когда Фотій утверждалъ свое господство надъ Орловой. Современемъ же она сдѣлалась совершенно покорною передъ нимъ и онъ уже обращался съ нею самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Письма Фотія исполнены грубаго аскетизма и они устраняютъ, какъ мы думаемъ, всякое предположеніе о грѣшныхъ его отношеніяхъ къ Орловой, которая на первыхъ порахъ своего знакомства съ Фотіемъ была женщиною далеко еще не старою: ей было только около 36-ти лѣтъ, а Фотію было лишь подъ тридцать лѣтъ. Трудно, даже невозможно, допустить, чтобъ между ними была любовная связь подъ покровомъ лжи и лицемерія. Невозможно, чтобъ они могли дойти до такого кощунства, чтобъ соединили свои имена и на иконахъ и на церковной утвари съ молитвой къ Богу о помилованіи ихъ. Наконецъ, едва-ли какою-нибудь мужчиною, физически сближающійся съ женщиною, станеть описывать свою болѣзнь съ такими отвратительными подробностями, какъ это сдѣлалъ Фотій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Орловой. Крайнее и во многихъ случаяхъ ошибочное религиозное настроеніе Орловой, переходившее въ ханжество и въ слѣпую личную привязанность къ Фотію и выражавшееся всего болѣе неумѣстными щедротами, не можетъ, конечно, вызвать въ ней того сочувствія, какое стараются внушить въ ней ея восхвалители. Во всякомъ, однако, случаѣ исторію тогдашняго русскаго общества приходится отнести къ Орловой снисходительнѣе.

нежели въ современномъ ей великосвѣтскимъ русскимъ барынямъ, впадавшимъ въ модное отступничество подъ вліяніемъ разныхъ религіозныхъ проходимцевъ — католическихъ патеровъ и протестантскихъ пасторовъ.

По смерти Фотія Орлова продолжала жить по прежнему близъ Юрьева монастыря, въ построенной ею усадьбѣ¹⁾. Молитвы объ упокоеніи души ея духовнаго отца и попеченія объ устройствѣ монастыря сдѣлались исключительными ея занятіями. Замѣчательны благотворенія ея Юрьеву монастырю, оказанныя ею послѣ смерти Фотія. Такъ, въ 1838 году она внесла 26,300 рублей серебромъ съ тѣмъ, чтобы ежедневно была отправляема литургія объ упокоеніи души Фотія. Въ 1843 году она внесла въ монастырскую казну 85,720 руб. сер. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала было заготовляемо масло для лампадъ и лампадокъ, а также продовольствіе монастыря хлѣбомъ, мукою и брѣною. Въ томъ же году она пожертвовала еще 7,150 руб. сер. на заготовленіе ладона и восковыхъ свѣчей при панихидахъ о Фотіи. Затѣмъ, на разныя нужды и безъ того уже исполнѣ обезпеченнаго монастыря, Орлова дала 66,600 рублей сер., назначивъ изъ нихъ 2,000 рублей на приращеніе и поддержаніе монастырской библіотеки. Наконецъ, по ея завѣщанію, былъ въ 1848 году внесенъ въ государственный заемный банкъ билетъ въ 300,000 рублей серебромъ. Проценты съ этихъ денегъ, по указу синода, положено раздѣлить на двѣ равныя части, изъ коихъ одну обращать въ пользу монастыря, а другую въ пользу монашествующей братіи.

Графиня Анна Алексѣевна пережила Фотія слишкомъ десять лѣтъ. Она умерла 5-го октября 1848 года скоропостижно, на 64-мъ году отъ рожденія, въ бельи настоятеля Юрьева монастыря, собравшись выѣхать оттуда въ Петербургъ.

Еще въ 1872 году исполнѣ сохранялся двухъ-этажный каменный домъ въ усадьбѣ гр. Орловой, купленной ею у дѣда-пишущаго эти строки. Этотъ домъ ни чѣмъ не напоминаетъ бельи затворницы: поны паркетные, двери изъ дорогаго дерева. Домъ расположенъ среди тѣнистаго сада. Ред.

V.

Прервавъ на время послѣдовательную нить нашего разсказа, для того, чтобы разъяснить отношенія Фотія къ Орловой, имѣвшей такое сильное вліяніе на его судьбу, мы обратимся опять къ личности Фотія.

Относительно дальнѣйшаго прохожденія Фотіемъ монашескаго пути имѣются слѣдующія официальные свѣдѣнія.

Въ 1824 году, 16-го іюня, Юрьевъ монастырь былъ исключенъ изъ общаго благочинія и оставленъ въ непосредственномъ вѣденіи самаго настоятеля, архимандрита Фотія, «какъ благонадежнаго и препровождающаго духовную жизнь, и при томъ стараніемъ своимъ приведшаго въ короткое время древнюю обитель въ совершеннѣйшее по всѣмъ частямъ благоустройство». Въ 1825 году, января 31-го, по засвидѣтельствованію митрополита Серафима о томъ, что архимандритъ Фотій привелъ Юрьевъ монастырь въ цвѣтущее состояніе, имѣетъ пламенное усердіе къ церкви Божіей и благочестивое рвеніе къ пользѣ отечества, императоръ Александръ I пожаловалъ ему панагію, украшенную брилліантами и другими драгоценными камнями. При этомъ ему дозволено было носить при священно-служеніи эту панагію и пожалованный ему прежде крестъ, а внѣ служенія одну панагію. Въ 1827 году императоръ Николай Павловичъ разрѣшилъ, чтобы архимандритъ Фотій оставался по смерти настоятелемъ Юрьева монастыря, согласно собственному его желанію. Объясненіе такому желанію мы находимъ въ одномъ изъ писемъ Фотія къ его брату, въ которомъ онъ, разсказывая о своей болѣзни, замѣчаетъ: «вотъ почему я, негоденъ будучи въ архіерейство, волею отъ него отказался». Ходатайство объ оставленіи Фотія до конца жизни въ Юрьевскомъ монастырѣ приняла непосредственно на себя графиня Орлова, представивъ объ этомъ отъ себя государю докладную записку чрезъ статсъ-секретаря Муравьева.

Оставаясь юрьевскимъ архимандритомъ, Фотій былъ сдѣланъ благочиннымъ монастырей, кромѣ своего Юрьева, еще Старорусскаго Спасскаго, Сквородскаго, Клопскаго, Кирилловскаго, Отенскаго, Перекомскаго и Савво-Вышерскаго. Въ 1833 году, 25-го декабря, отъ св. синода дозволено было Фотію, и по немъ всѣмъ

настоятелямъ Юрьева монастыря, имѣть жезлъ съ сулкомъ. Это была послѣдняя ему награда ¹⁾).

Мы оставили бы важный пробѣлъ въ характеристикѣ Фотія, если бы, независимо отъ отношеній его съ разными лицами внѣ монастырскихъ стѣнъ, не обратили вниманія на семейныя его отношенія. Правда, что для опредѣленія этихъ отношеній матеріалы весьма скудны, но и они до нѣкоторой степени обрисовываютъ личность Фотія, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на преобладавшіе въ немъ взгляды и понятія.

У Фотія былъ братъ Евфимій Спаскій, годами тремя моложе его. Онъ находился священникомъ въ селѣ Шегринѣ. Изъ переписки съ нимъ Фотія ¹⁾, отъ 15-го октября 1826 года, видно, что отецъ Евфимій былъ крѣпко недоволенъ своимъ братомъ за то, что тотъ «не ласково принялъ его съ женою и мало его награждалъ». По поводу этого Фотій писалъ къ брату: «я съ тобою поступилъ какъ монахъ. Когда я и мать свою по дѣту не принялъ, то жену твою принимать и впредь не буду. И игуменій, и княгинь, и графинь, и генеральшъ я не принимаю, то какъ могу жену твою принять? Она токмо въ прихожей вельи была и то тяжело было мнѣ. О! какъ ты мало духовенъ и худо знаешь монашество! Знаешь-ли, что единый взглядъ можетъ монаху вредить».

¹⁾ Надо было однако имѣть столь сильную покровительницу, какою имѣлъ Фотій въ лицѣ графини Орловой, чтобы пользоваться милостями и наградами высшей духовной власти, въ то время когда самъ императоръ Николай Павловичъ не только не былъ расположенъ въ фанатизму, но еще напелся вынужденнымъ сдѣлать ему однажды строгое внушеніе о приличіи. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Новгородъ государь — очень рано утромъ, одинъ, безъ свиты, прибылъ въ Юрьевъ монастырь. Долго обходилъ онъ его, прежде нежели Фотій наконецъ вышелъ; настоятель явился въ богатой рясѣ и, благословляя августѣйшаго посѣтителя, дерзко протянулъ ему руку для поцѣлуя. Императоръ Николай Павловичъ въ тотъ же день собственноручно написалъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода повелѣніе: немедленно вытребовать въ Петербургъ архимандрита Фотія и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль пообучить Фотія приличію. Мы видѣли подлинникъ этого повелѣнія императора Николая: записка эта писана карандашемъ и до сихъ поръ хранится у одного любителя исторіи. Повторяемъ, надо было имѣть столь сильную покровительницу, какою имѣлъ Фотій въ послѣдней своей овцѣ—графинѣ Орловой, чтобы не пасть тогда же подъ грозою, столь внезапно надъ нимъ разразившейся. Вся бѣда однако кончилась для Фотія двухнедѣльнымъ пребываніемъ въ Петербургѣ, гдѣ его приобучили въ синодѣ смренію и какъ вести себя съ высокими посѣтителями ввѣренной ему обители.

Ред.

¹⁾ Р. А. 1871 г., стр. 239—255.

Что же касается подарковъ, то Фотій напоминалъ брату, что онъ послалъ ему около пяти подарковъ въ 500 рублей. «Но Богу не угодно было — писалъ Фотій — и діаволь похитилъ изъ рукъ твоего отца. Отъ того я позналъ, что Господь гнѣвается на меня, что я чуждые подарки вамъ посылаю. Я хотѣлъ тоѣмо переслать что мнѣ было поручено, но Богъ погубилъ». Далѣе въ письмѣ этомъ замѣчательнъ слѣдующій уѣоръ Фотія брату: «твоя жена была бесплодна, я далъ ей благословеніе, кое ты самъ слышалъ, и Богъ дастъ тебѣ чадо. Довольно тебѣ сего подарка. Я по слѣдъ подарилъ».

Затѣмъ прерывающаяся почти на четыре съ половиною года переписка Фотія съ его братомъ возобновляется 4-го апрѣля 1826 года и принимаетъ другой отгѣновъ. Фотій уже ласково относится къ своему брату, скорбитъ объ его болѣзни, посылаетъ къ нему своего доктора и, между прочимъ, пишетъ: «бѣдень-ли ты? Что приважешь, все будетъ тебѣ: я послѣднюю раску продамъ и тебѣ помогу, есть-ли бы мнѣ нужно было помочь тебѣ. Фотій—монахъ грубъ, но не глупъ и не скупъ». Доброе расположеніе Фотія къ брату выражается и въ другихъ его письмахъ. Такъ онъ пишетъ: «Мое—все твое и твоимъ дѣтямъ принадлежить. Если бы нужда была, я бы сейчасъ для дѣтей твоихъ прислалъ 5,000». И далѣе: «у тебя есть братъ Фотій. Онъ послѣднюю вопѣйку тебѣ отдастъ и рубашку, равно какъ и дѣтямъ твоимъ съ ихъ матерью». Вообще позднѣйшія письма Фотія къ брату проникнуты заботливостію о семьѣ послѣдняго; они нерѣдко сопровождаются посылкою денегъ и въ нихъ упоминается, что «благодѣтельница» желаетъ купить отцу Евфимію домъ деревянный или каменный. Въ письмахъ Фотія высказываются также попеченія о спасеніи души и тѣлесномъ здравіи брата. Попеченіе перваго рода доходитъ до того, что Фотій приготовилъ для него на случай его смерти священническое облаченіе и заранѣе хотѣлъ купить ему могилу, дабы онъ могъ быть погребенъ съ тѣми, съ кѣмъ желаетъ. «Я же не могу съ тобою вмѣстѣ и даже близъ быть погребену: довольно будетъ тебѣ, когда ты въ моей обители будешь погребенъ и то будетъ для тебя добро и велико».

Несмотря, однако, на все это, надобно полагать, что Фотій не слишкомъ былъ доволенъ своимъ братомъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ называетъ его «роднымъ, сладчайшимъ и

многолюбезнымъ братомъ» и, заявляя, что онъ «любитъ его болѣе всѣхъ», даетъ ему однаю и слѣдующее не слишкомъ родственное наставленіе: «пора тебѣ быть іереемъ, а не свиньею».

Объ отношеніяхъ Фотія къ своему отцу намъ ничего неизвѣстно. Изъ родныхъ же особенною его любовью пользовалась тетя Татьяна, которая «много послужила ему въ дѣтствѣ, Бога ради, при его бѣдномъ сирочествѣ» и которую онъ называетъ «сохранительницею своей жизни».

Высказывая въ письмахъ заботы о семьѣ своего брата и имѣя возможность устроить судьбу ея самымъ прочнымъ образомъ, онъ, по свидѣтельству самой Орловой, не позволялъ ей обезпечить его бѣдныхъ родныхъ; но это своего рода самолюбіе едва-ли можетъ быть отнесено въ похвалу Фотія, побуждавшаго Орлову тратить громадныя капиталы хотя и на предметы, служившіе внѣшнимъ выраженіемъ ея благочестія, но въ тоже время свидѣтельствовавшихъ и о прихотяхъ Фотія, какъ монастырскаго настоятеля.

Е. П. Карновичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВИЛЬГЕЛЬМЪ КАРЛОВИЧЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ.

1797—1846.

Имя Вильгельма Кюхельбекера, весьма извѣстное въ русской литературѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, перестало появляться въ печати съ 1826 года. Причиною тому было роковое событіе 14-го декабря, участіе въ ономъ Кюхельбекера и послѣдствія этого участія—его десятилѣтнее заключеніе въ крѣпостяхъ (1826—1835 гг.) и ссылка въ Сибирь (1836—1846 гг.). Слово помилованія, изреченное милосердымъ Государемъ въ 1856 г. надъ семействомъ покойнаго, слагаетъ запретъ съ имени Кюхельбекера; его литературные труды дѣлаются снова достояніемъ отечественной словесности, которую онъ такъ пламенно любилъ и которая была его ангеломъ-хранителемъ въ годы долгаго, томительнаго заточенія и ссылки.

Въ 1868 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (кн. VI, стр. 371—421) напечатаны записки Н. П. Греча. Кому случалось бесѣдовать съ покойнымъ престарѣлымъ журналистомъ о быломъ, тотъ помнитъ, конечно, что Гречъ, остроумный и злоязычный, по русской пословицѣ: „для краснаго словца, не шадилъ ни матери, ни отца“....

Записки его, подобно запискамъ Вигеля, иногда любопытныя, но зачастую наполнены выдумками, тѣмъ болѣе оскорбительными, что онѣ сознательны; таковыми выдумками преисполнены рассказы и отзывы его о Кюхельбекерѣ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что Гречъ писалъ свои записки въ 1858 году, когда былъ знакомъ съ семействомъ покойнаго Кюхельбекера, со многими его родственниками и современниками. Онъ могъ бы основываться на ихъ отзывахъ, если отзывы родныхъ покойнаго считалъ пристрастными. Лицейскіе товарищи Кюхельбекера: князь А. М. Горчаковъ, гр. М. А. Корфъ, Мих. Яковлевъ, Матюшинъ, а равно его литературные знакомые кн. В. Ѳ. Одоевскій и кн. П. А. Вяземскій отдавали

должную справедливость уму и сердцу изгнанника, не лишили своей пріязни и его семейство. Эти лица могли бы сообщить Н. И. Гречу достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, надъ кѣмъ онъ глумится въ своихъ запискахъ.

Представляемъ правдивѣйшія біографическія замѣтки о Кюхельбекерѣ, собранныя нами при содѣйствіи его семейства ¹⁾.

I.

Вильгельмъ-Людвигъ фонъ-Кюхельбекеръ родился 10-го іюня 1797 г. Отецъ его, дворянинъ Римской имперіи, выходецъ изъ Саксоніи, статскій совѣтникъ Карлъ фонъ-Кюхельбекеръ (род. 28-го декабря 1748 г., ум. въ 1809 г.) былъ весьма образованный человекъ и ученый агрономъ; онъ многіе годы служилъ „директоромъ“ и былъ устройтеlemъ великолѣпнаго имѣнія великаго князя Павла Петровича—„Павловска“, нынѣ маіоратнаго владѣнія великаго князя Константина Николаевича. Читателямъ „Русской Старины“ извѣстны, какъ очередь біографіи Кюхельбекера—отца, такъ и нѣкоторыя весьма милостивыя письма къ нему великой княгини Маріи Ѳеодоровны 1780-хъ годовъ (см. „Рус. Ст.“, 1870 г., т. I, изд. третье).

„Я по отцу и матери нѣмецъ,—замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Вильгельмъ Кюхельбекеръ,—но не по языку: до шести лѣтъ я не зналъ ни слова по-нѣмецки; природный мой языкъ—русскій; первыми наставниками въ русской словесности были—моя кормилица Марина, да няньки мои—Кириловна и Татьяна“ ²⁾.

Что касается характера ребенка, то Вильгельмъ съ дѣтскихъ лѣтъ проявлялъ самое доброе, чувствительное сердце. Въ письмѣ его отца къ женѣ, матери Вильгельма, — отъ 7-го мая 1807 года изъ гор. Дерпта,—находимъ по этому поводу слѣдующую трогательную черту:

„Вильгельмъ сдѣлалъ поступокъ, вполне похвальный, доставившій мнѣ большое удовольствіе.... Я ему далъ 50 коп.; когда онъ вслѣдъ затѣмъ былъ съ Надеждой Андреевной у графини de Dæker, одна бѣдная женщина бросилась съ своимъ ребенкомъ предъ окнами на

¹⁾ Мпх. Вильгельмовича Кюхельбекера. Юстины Вильгельмовны Косовой, рожденной Кюхельбекеръ (дочери поэта) и Александры Григорьевны Глинкиа (родной его племянницы). Ред.

²⁾ Письмо къ Николаю Григорьевичу Глинкѣ. 9-го іюня 1835 г.

колѣни, говоря, что уже третій день, какъ она ничего не ѣла. Ей ничего не дали. И вотъ нашъ Вильгельмъ выходитъ на улицу и отдаетъ ей свой полтинникъ, предназначавшійся имъ на покупку для себя винныхъ ягодъ. Его поступокъ замѣтили, осыпали похвалами и поцѣлуями; но онъ мнѣ не сказалъ ни слова объ этомъ происшествіи.

„Дай, Боже, взрости сѣмени милосердія, хранящемуся въ его сердцѣ; да будетъ онъ добръ и челоуѣколюбивъ и Богъ его благословить... Вы — мать добрыхъ дѣтей этихъ, и въ этой еще жизни Господь наградитъ васъ за добродѣтели ваши“¹⁾.

Вмѣстѣ съ чувствительнымъ сердцемъ—отличительною стороною нравственнаго существа Вильгельма—было необыкновенное развитіе фантазіи и восторженность. „Семи, восьми лѣтнимъ ребенкомъ, онъ углублялся въ рощахъ Авинорма (имѣніе отца его въ Эстляндіи), громко и восторженно импровизируя сложныя рыцарскія сказки и поэмы. Отецъ его, встревоженный экзальтаціей ребенка, старался направлять дѣятельность ума его на болѣе положительныя предметы и часто прерывалъ самые восторженные порывы сына ариеметическими задачами, но наклонности къ поэзіи не могъ въ немъ уничтожить. Вильгельмъ Карловичъ въ зрѣломъ возрастѣ вполне проявилъ то, что обѣщало его дѣтство: онъ всегда предпочиталъ,—какъ увидимъ изъ его дневника и писемъ,—изящную, такъ сказать, идеальную сторону—жизни матеріальной. Если его поэтическія стремленія и бывали часто причиною тяжкихъ неудачъ и самыхъ горькихъ разочарованій, то онѣ же и помогли ему перенести, безъ унынія и безъ утраты умственныхъ способностей, весь ужасъ десятилѣтняго одиночнаго заточенія; довольствуясь своимъ нравственнымъ міромъ, онъ идеализировалъ и оживлялъ немногіе предметы, его окружавшіе, и если сожалѣлъ о свободѣ, то и сожалѣнія его были не бесплодны: они, какъ увидимъ изъ многихъ примѣровъ, облекались въ звучныя, вполне поэтическія формы прекрасныхъ стихотвореній“...²⁾.

Равно потерявъ отца, нашъ писатель нашелъ въ старшей сестрѣ своей, Юстинѣ Карловнѣ (род. 1786 г., ум. 1871 г.), и въ своей старушкѣ-матери (род. 20-го марта 1757 г., ум. 26-го марта 1841 г.) лучшихъ своихъ руководителей³⁾. Сестра, его „вторая мать“, какъ

¹⁾ Выдержка изъ французскаго, единственно публичающагося у насъ письма отца Вильгельма Кюхельбекера.

²⁾ Записка Юстины Вильгельмовны Косовой, рожд. Кюхельбекеръ, о жизни ея отца. Эта, краткая, но съ глубокимъ чувствомъ и увлеченіемъ написанная записка почти цѣлкомъ вошла въ настоящій биографическій очеркъ.

³⁾ Мать нашего поэта Юстина Яковлевна принадлежала къ древней салсонской фамиліи Ломень.

онъ ее называлъ, обучала его, между прочимъ, русской грамотѣ: мелкія сочиненія Карамзина были въ числѣ первыхъ книгъ, прочитанныхъ маленькимъ Вильгельмомъ на русскомъ языкѣ.

Въ 1808 году В. К. Бюхельбекеръ былъ отданъ въ частный пансіонъ въ гор. Верро (Эстляндской губерніи), донынѣ пользующійся вполне заслуженной извѣстностью. Спустя три года, Барклай-де-Толли, жена котораго приходилась родственницею матери Бюхельбекера, помѣстилъ его въ Царскосельскій Александровскій лицей, тогда только что основанный, куда Вильгельмъ и поступилъ 19-го октября 1811 г. Здѣсь онъ былъ пансіонеромъ своекоштнымъ, а не великаго князя Михаила Павловича, какъ ошибочно говоритъ Гречъ въ своихъ запискахъ¹⁾, и только потомъ переведенъ на казенный счетъ²⁾. Въ лицей онъ подружился съ тѣми лицами, изъ которыхъ многимъ, въ по-

¹⁾ Великому князю Михаилу Павловичу было тогда только тринадцать лѣтъ отъ рожденія.

²⁾ Вотъ выдержки изъ писемъ и замѣтокъ Александры Григорьевны Глинка, племянницы поэта, сообщенныя ею намъ, между прочими бумагами, о своемъ дядѣ. Выписки изъ писемъ Юстины Яковлевны Бюхельбекеръ (матери поэта къ его сестрѣ, своей дочери) Юстинѣ Карловнѣ Глинкѣ. Переводъ съ нѣмецкаго:

«Наконецъ я начинаю дѣйствовать относительно Вильгельма; думаю и надѣюсь, что ежелп удастся, то будетъ къ его счастью. Въ Царскомъ Селѣ учреждается новое учебное заведеніе, подъ именемъ Лицея. Молодые люди будутъ въ немъ воспитываться преимущественно для гражданской службы, и, судя по программѣ, желающей хорошо образоваться будетъ имѣть возможность совершенно достигнуть своей цѣли. Ходатай мой у министра просвѣщенія — военный министръ Барклай (де-Толли); и замѣчательно то, что онъ и жена его, эти достойнѣйшіе люди, пригласивши меня къ себѣ, все это дѣло сами мнѣ предложили, между тѣмъ, какъ я считала себя безъ всякой опоры и покровительства. Дѣти принимаются 12-ти лѣтъ. Приемъ будетъ въ августѣ».

Въ другомъ письмѣ: «Вильгельмъ принять въ лицей. Дѣло это — конченное. Между тѣмъ приемъ будетъ только въ августѣ. Этимъ счастьемъ своего сына я обязана единственно военному министру (Барклаю-де-Толли), который далъ мнѣ письмо къ графу Разумовскому (мин. нар. проsv.). Съ слѣдующей почтой я напишу мужу твоему подробно объ этомъ заведеніи. Оно будетъ въ Царскомъ Селѣ. Директоръ, равно профессора и гувернеры молодыхъ людей будутъ всѣ тамъ же жить. Если директоръ не имѣетъ 5-го класса, то званіе это даетъ ему на него право. Профессора, которыхъ четыре, имѣютъ чинъ всѣхъ прочихъ профессоровъ; а гувернеры 6-го класса, учитель — 10-го. Месяцъ 20-ти дѣтей не будетъ: число ихъ не будетъ превышать 50-ти, положенное штатомъ. Директоръ еще не назначенъ».

Въ это самое время отецъ мой, Григорій Андреевичъ Глинка, назначенъ былъ императрицею Маріею Федоровною въ число воспитателей великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Когда императрица объявила о томъ императору Александру Павловичу, государь замѣтилъ, что не будь этого же-

слѣдствіи, судьба судила прославиться на литературномъ и служебномъ поприщѣхъ; Кюхельбекеру она привела иное, но, несмотря на различіе участи товарищей, многіе изъ нихъ неразрывно были связаны съ нимъ узами дружбы до могилы. П. П. Пущинъ былъ товарищемъ Кюхельбекера и въ самомъ изгнаніи. О дружбѣ его съ Пушкинымъ существуютъ доказательства, достовѣрнѣе шутливаго четверостишія, приведеннаго Гречемъ.

Воспѣвая въ 1825 г. день основанія лицей—„19-е октября“, Пушкинъ не безъ сочувствія вспоминалъ о Кюхельбекерѣ, называя его братомъ „по музѣ и судьбѣ“; ему же посвятилъ онъ нѣсколько стихотвореній, пронизанныхъ чувствомъ признанія. Пушкинъ былъ вообще истиннымъ и вѣрнымъ другомъ Кюхельбекера. Онъ неоднократно домогался разрѣшенія властей вступить съ нимъ въ переписку во время заточенія и ссылки Кюхельбекера, но ему всякій разъ въ этомъ отказывали. Онъ хотѣлъ доставлять ему новыя книги и предметомъ ихъ переписки было бы обсужденіе ихъ,—Пушкинъ высоко цѣнилъ въ Кюхельбекерѣ талантъ критика,—и съ особымъ удовольствіемъ посылать къ нему, чрезъ его родныхъ, свои сочиненія. Кюхельбекера очень трогало это вниманіе его собрата. Но если Пушкинъ не рѣшался нарушить запретъ писать Кюхельбекеру, то Жуковскій писалъ къ нему въ Сибирь, не опасаясь черезъ это утратить благосклонности двора¹⁾.

Ланія ея, онъ сдѣлалъ бы Григорія Андреевича, котораго зналъ лично, директоромъ лицей.

Въ письмѣ 1816 года мать В. Кюхельбекера пишетъ къ нему:

«Сестра твоя Юля проситъ тебя прислать ей похвальные стихи государю Пушкина. Пѣтые вамъ на вашемъ лицейскомъ праздникѣ».

Въ дядѣ моемъ еще въ дѣтствѣ сильно развилась фантазія. Позже, когда онъ былъ въ лицѣ, его мать говоритъ о прекрасныхъ стихахъ, написанныхъ имъ на день ея рожденія. Въ другомъ письмѣ она упоминаетъ съ похвалою о переводѣ имъ народныхъ пѣсень. А она была судьей строгимъ, благоразумнымъ и старалась обуздывать слишкомъ сильные порывы юности. Она старалась всѣми силами внушить ему «Die Kalte Vernunft».

Вильгельмъ Карловичъ былъ первымъ по времени славянофиломъ. Онъ жестоко преслѣдовалъ галлицизмы, германизмы и всѣ слова не русскія. Если бы ему суждено было сойтись съ Тезвергомъ, онъ разцѣловалъ бы его за мысль и предложеніе составить, посредствомъ всѣхъ соединенныхъ нарѣчій славянскихъ, столько же чисто славянскихъ нарѣчій, изгнавши, такимъ образомъ, всѣ иностранныя слова, принятые нами съ такимъ гостеприимствомъ. Мечта его была—принять для себя (хоть въ деревнѣ) русскій народный костюмъ. Человѣкъ, который ему служилъ лакеемъ въ Москвѣ, ходилъ, по его желанію, въ русскомъ кафтанѣ. Александра Глинка».

¹⁾ До насъ дошло, впрочемъ, только одно письмо Жуковскаго къ Кюхельбекеру въ бытность послѣдняго въ Сибири, писанное изъ Дармигата въ 1840 г.

Къ слову о Пушкинѣ, замѣтимъ здѣсь, что у него съ Кюхельбекеромъ никогда никакой дуэли не бывало, какъ, напротивъ того, увѣряеть Гречъ въ своихъ запискахъ. Еще въ лицей, или скорѣе по выходѣ, Кюхельбекеръ стрѣлялся съ однимъ изъ товарищей, только не съ Пушкинымъ, а съ Пушчинымъ. Причина дуэли неизвестна семейству Кюхельбекера, но она, вѣроятно, была ничтожна, такъ какъ бывшіе товарищи во всю ихъ жизнь были дружны, и Пушкинъ сохранилъ всѣ бумаги и сочиненія Кюхельбекера, оставленныя имъ въ наслѣдіе дѣтямъ.

Въ лицей Кюхельбекеръ учился очень хорошо; но восторженный и впечатлительный, онъ часто впадалъ въ проступки: то вспыхнетъ отъ замѣчанія воспитателя, наговорить словъ горячихъ и угодить въ карцеръ,—такъ, напримѣръ, въ маѣ 1815 г., его едва не выключили изъ лицея,—то поссорится съ товарищемъ: въ маѣ 1817 г., послѣ одной такой ссоры, онъ заболѣлъ горячкою, больной кинулся въ прудъ, въ саду лицея, и чуть не утонулъ... Тѣмъ не менѣе, товарищи его чрезвычайно любили, вполне цѣня его благородную душу и чистое, доброе, незлобивое сердце. Пушкинъ, разставаясь съ нимъ по выходѣ изъ лицея, обратился къ Кюхельбекеру съ слѣдующимъ посланіемъ:

Р а з л у к а.

(В. К. Кюхельбекеру).

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
Моя стихамъ внимаешь нашъ Пенатъ.
Лицейской жизни, милый братъ,
Дѣлю съ тобою послѣднія мгновенья.
Прошли гдѣта соединенья:
Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.
Прости! Хранимый небомъ,
Не разлучайся другъ.
Съ свободою п Фебомъ!
Узнай любовь, невѣдомую мнѣ.
Любовь надеждъ восторговъ упоенья, —
И дни твои полетомъ сновидѣнья
Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!
Прости! Гдѣ-бъ ни былъ я: въ огнѣ-ли смертной битвы,
При мирныхъ-ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я, —
И пусть (услышитъ-ли судьба мои молитвы?).
Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья ¹⁾.

Лицей, 9-го юня 1817 г. (Соч. Пушкина, изд. 1870 г., т. I, стр. 170).

Кстати напомнимъ, что Жуковскій никогда не прерывалъ сношеній съ Н. П. Тургеневымъ (декабристомъ) и о свиданіи съ нимъ за границей писалъ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ.

Ред.

¹⁾ Пушкинъ въ слѣдующемъ 1818 г. посвятилъ Кюхельбекеру свое стихо-

II.

По выпускѣ изъ лицея, 10-го іюня 1817 г., Кюхельбекеръ, пользуясь существовавшимъ тогда правомъ лицеиста поступить въ казое хочеть вѣдомство, опредѣлился на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ (называвшееся тогда иностранной коллегіей)¹⁾. Служба, однако, не была его призваніемъ: его влекла къ себѣ литература. Первые опыты свои въ стихотворствѣ онъ увидѣлъ въ печати еще въ бытность свою въ лицей, именно: „Вѣстникъ Европы“, въ 1815 г., пріютилъ на своихъ гостепримныхъ страницахъ довольно слабыя произведенія музы юнаго поэта; затѣмъ стихотворенія Кюхельбекера печатались почти во всѣхъ того времени журналахъ и альманахахъ. Пылкій молодой человекъ вполне отдался литературѣ: къ ней влекла его и самая тѣсная пріязнь съ Грибоѣдовымъ, Катенинымъ, Пушкинымъ, кн. Владиміромъ Одоевскимъ, кн. Александромъ Одоевскимъ, барономъ Дельвигомъ, Гнѣдичемъ, Плетевымъ, А. Бестужевымъ, К. Рылѣвымъ, Туманскимъ, Баратынскимъ, а также близкое знакомство съ Жуковскимъ, Крыловымъ, Д. Давыдовымъ и нѣкоторыми другими писателями, блестящими представителями отечественной словесности того времени. Въ разнообразныхъ кружкахъ, на которые и тогда уже дробились ея подвижники, симпатіи Кюхельбекера до нѣкоторой степени склонялись къ тому направленію, работниками котораго были Шишковъ, кн. Шаховской, Катенинъ, а отчасти и Грибоѣдовъ.

Кромѣ литературныхъ занятій, Кюхельбекеръ посвящалъ себя и педагогикѣ: такъ, по выходѣ изъ лицея, онъ занимался въ теченіе трехъ лѣтъ преподаваніемъ русскаго и латинскаго языковъ въ пансіонѣ при Педагогическомъ институтѣ. Ученіи чрезвычайно его любили.

Во второй половинѣ 1820 г., оставивъ службу въ министерствѣ, Кюхельбекеръ предполагалъ окончательно идти по педагогическому поприщу, и, кажется, хотѣлъ занять кафедру въ Дерптскомъ университетѣ; но уже въ августѣ того же года онъ пишетъ къ матери, что

твореніе: «Мечтателю» (т. I. стр. 192); три шуточныхъ лицейскихъ эпиграммы Пушкина на Кюхельбекера см. въ I т., стр. 507—508.

¹⁾ Достоинъ замѣчанія, что, готовясь выйти изъ лицея, Кюхельбекеръ желалъ избрать самое скромное положеніе въ обществѣ, именно: быть бібліотекаремъ въ Публичной бібліотекѣ; но Н. П. Гнѣдичъ, особымъ письмомъ къ нему, убѣдилъ его отказаться отъ этого намѣренія. Письмо это мы приводимъ далѣе, въ числѣ прочихъ писемъ къ Кюхельбекеру отъ его друзей и литературныхъ знакомыхъ.

Ред.

жребій его брошенъ: „я не ѣду въ Дерптъ, а отправляюсь съ Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ за границу“.

Помѣщаемъ нѣсколько выдержекъ изъ письма Кюхельбекера къ матери, въ переводѣ съ нѣмецкаго языка. Кюхельбекеръ былъ отрекомендованъ Нарышкину барономъ Дельвигомъ.

«Путешествіе это будетъ для меня, — писалъ Кюхельбекеръ къ матери, — весьма интереснымъ и полезнымъ. Сперва мы поѣдемъ въ Дрезденъ, потомъ въ Вѣну, изъ Вѣны въ сѣверную Италію и останемся на зиму въ Римѣ. Одну половину лѣта мы проведемъ въ Парижѣ, другую — въ южной Франціи; возвратившись на зиму въ Парижъ, мы весной отправимся въ Лондонъ, откуда, постѣ двухлѣтнаго путешествія по лучшимъ странамъ Европы, мы поплывемъ назадъ на родину. Я ѣду съ Александромъ Львовичемъ и его докторомъ; супруга его не ѣдетъ съ нами. Вы знаете г-на Нарышкина? Онъ меня принялъ весьма радушно и, кажется, полюбилъ меня. Я буду получать ежегодно 3,000 рублей на всемъ на готовомъ. Обязанность моя будетъ состоять въ веденіи корреспонденціи на трехъ языкахъ¹⁾... Я совершенно здоровъ и веселъ, только разлука съ близкими мнѣ людьми нѣсколько печалитъ меня. Сегодня вечеромъ приходили ко мнѣ прощаться трое изъ моихъ учениковъ: Соболевскій, Глѣбовъ и Пушкинъ, братъ моего несчастнаго друга²⁾. Добрыя дѣти разстрогали меня: представьте, они отрѣзали себѣ на память мои волосы. Прощайте, моя добрая, дорогая маменька! Благословите вашего сына и молитесь за меня. Дорогая память о васъ охранитъ меня отъ зла и искушенія, и возвратитъ меня на родину, чтобы сдѣлаться утѣшеніемъ и опорой вашей старости».

(По-русски): «Прощай, милая, добрая сестра, Юстина Карловна! ты была мнѣ второю матерью и твоя память для меня священна. Прощай!».

Мемель, 15-го (27) сентября 1820 г.

«Любезная маменька! Я вамъ пишу уже на нѣмецкой землѣ и почвѣ. Выѣздъ нашъ изъ Петербурга состоялся... 8-го сентября... Путешествіе наше совершается очень весело; мы отлично и весьма много ѣдимъ, смѣемся, рассказываемъ придворные анекдоты и *bon-mots* и, не смотря на то, что ѣдемъ лечиться, чувствуемъ себя прекрасно. Я пишу дневникъ, но только на русскомъ языкѣ; Юлинька и Тининька (г. е. Юстна) вамъ его переведутъ; вы найдете тамъ всѣ подробности моего путешествія...»

Берлинъ, 5-го (17) октября 1820 г.

«Добрѣйшая маменька!.. Я, благодаря Бога, здоровъ и веселъ; вижу много замѣчательнаго, учусь, а слѣдовательно, очень счастливъ, если только можно быть счастливымъ въ разлукѣ съ своими милыми. Описаній моего путешествія въ этихъ письмахъ вы отъ меня не ждите. — и безъ того мнѣ столько хочется вамъ сказать, что для описаній мнѣ бы не достало ни мѣста, ни времени. Если я когда-нибудь опять буду въ кругу людей, которые дороже мнѣ всего на

¹⁾ Кюхельбекеръ отлично владѣлъ языками — русскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ; свободно читалъ по-латыни, а въ послѣдствіи пзучилъ англійскій и древне-греческій языки.

²⁾ Онъ называетъ А. С. Пушкина «несчастливымъ» потому, что поэтъ около этого времени былъ высланъ изъ Петербурга.

свѣтъ, между вами и Тинишкой. напротив Юльхенъ, моего брата и друга, тогда я готовъ вамъ рассказывать, или, если хотите, читать отрывки изъ моего путевого дневника; такимъ образомъ, вечера пройдутъ для насъ какъ нельзя пріятнѣе...»

(На русскомъ языкѣ): «Здоровы-ли вы, мои милыя, добрыя сестры? Вы не можете себѣ представить, съ какимъ наслажденіемъ я здѣсь, въ нѣмецкой сторонѣ, пишу эти русскія строки. Каждая бѣгува напоминаетъ мнѣ мое отечество,— напоминаетъ мнѣ васъ, говоритъ мнѣ: онѣ отвѣчали бы тебѣ на твои ласки твоимъ роднымъ, любимымъ языкомъ... Твои дѣти — Тинишка — помнятъ-ли они тебя? Какъ ведутъ себя Митюша и Боринька? Помнятъ-ли они, что я имъ сказалъ при прощаніи? Какъ вы все счастливы! вы дышите русскимъ воздухомъ!»¹⁾

Дрезденъ, 30-го октября (11 ноября) 1820 г.

«Добрѣйшая матушка! Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я въ Дрезденѣ, въ столицѣ страны, которую, еще будучи ребенкомъ, я такъ желалъ видѣть; я продолжаю хорошо себя чувствовать и имѣю здѣсь весьма разнообразныя развлеченія. Особенно интересно для меня знакомство съ г-жею фонъ-деръ-Рекке, почтенной, въ высшей степени интересной дамой, которая своимъ свѣтлымъ умомъ и благосклонностью ко мнѣ безпрестанно напоминаетъ мнѣ мою добрую матушку; даже чертами лица она очень на васъ похожа.. Здѣшніе музеи и картинныя галереи были для меня весьма поучительны, а также и знакомство съ Тидге, Ветигеромъ и другими замѣчательными людьми, съ которыми я познакомился у г-жи фонъ-деръ-Рекке...»

Веймаръ, 17-го (29) ноября 1820 г.

«Любезная маменька!.. Если бы вы знали, добрѣйшая маменька, сколько разнообразныхъ наслажденій доставляетъ мнѣ мое путешествіе, то и тѣнь безпокойства, которая, можетъ, иногда на васъ находитъ, вѣроятно бы исчезла. Общественная жизнь здѣшняя поглотила меня. Дрезденъ въ особенности призвалъ на меня благотворное впечатлѣніе; въ послѣднее время я встрѣтилъ тамъ родственника моего отца, прекраснаго живописца, веселаго, добродушнаго профессора Рюзелера. Въ Веймарѣ я познакомился съ великимъ Гёте; онъ былъ ко мнѣ очень милостивъ и, казалось, весьма интересовался русской ли-

¹⁾ Юстина Карловна была замужемъ за статскимъ совѣтникомъ Григорьемъ Андреевичемъ Глинкой, однимъ изъ «кавалеровъ»—воспитателей великихъ князей Николая и Михаила Павловичей и профессора русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ. Исторіографъ Н. М. Карамзинъ указывалъ на Григорія Андреевича Глинку, какъ на феноменъ своего времени; въ самомъ дѣлѣ, воспитанникъ Пажескаго корпуса, гвардіи офицеръ, Григорій Глинка оставилъ военную службу и сдѣлался профессоромъ. Часто упоминаемые въ письмахъ и запискахъ Кюхельбекера: Митюша и Боринька (сыновья Г. А. Глинки) были учениками нашего поэта. Нынѣ Дмитрій Григорьевичъ Глинка состоитъ русскимъ посланникомъ въ Лиссабонѣ, и извѣстенъ нѣсколькими замѣчательными философскими сочиненіями (См. одно изъ нихъ: «Наука о чловѣч. обществѣ», перев. съ 4-го изд. Спб., 1870 г.), а Борисъ Григорьевичъ, генераль-адъютантъ, занимаетъ высокій постъ въ военной іерархіи. Ред.

тературой. Онъ хорошо помнитъ папѣ Брейтколфъ ¹⁾, распршивалъ о немъ съ большимъ участіемъ и подарилъ мнѣ одно изъ новѣйшихъ своихъ произведеній... Мы скоро оставляемъ Германію. Съ восхищеніемъ вступлю я на французскую почву и, вѣроятно, въ Парижѣ найду письма отъ моихъ дорогихъ. Германія была для меня весьма поучительна: надѣюсь, что и Франція будетъ не менѣе ея поучительна...»

Марсель, 29-го января (10-го февраля) 1821 г.

«Добрѣйшая маменька!.. Въ Марсели я уже болѣе мѣсяца ²⁾. Нынѣ самое лучшее время года здѣсь: весна, которую вы не можете себѣ представить, жпя на сѣверѣ: миндаляныя деревья цвѣтутъ, розы и фіалки во всѣхъ садахъ; на солнцѣ 20 град., въ тѣни доходитъ до 15; небо восхитительное!.. Съ нѣкотораго времени, однако, меня сильно одолеваетъ тоска по родинѣ, и если Парижъ, а быть можетъ, и Лондонъ не были бы цѣлью дальнѣйшаго нашего путешествія, то я бы готовъ былъ прямо отсюда вернуться въ Петербургъ. Итальянское небо все же не родина. Полагаю, впрочемъ, что я отъ этого путешествія буду имѣть много пользы: о многихъ предметахъ я приобрѣлъ болѣе здравыя сужденія и собралъ порядочный запасъ матеріаловъ для будущихъ воспомнаній, а это, конечно, самое лучшее...»

1-го марта 1821 г. путешественники были въ Ниццѣ, а на другой день отправились въ Парижъ. Здѣсь Кюхельбекеръ оставилъ службу при Нарышкинѣ: капризы и своенравіе избалованнаго „барина“ начали уже тяготить мягкосердечнаго и впечатлительнаго Кюхельбекера. Молодой человекъ, сдѣлавшись самостоятельнымъ, весь отдался обычнымъ своимъ влеченіямъ—къ людямъ науки, подвижникамъ умственнаго труда. Онъ сблизился съ нѣкоторыми писателями и учеными, и вскорѣ, первымъ изъ русскихъ, рѣшилъ въ Парижѣ ознакомить французовъ, на французскомъ языкѣ, съ произведеніями русской и вообще славянской письменности.

Кюхельбекеръ читалъ лекціи въ Атенеѣ (Athenée Royal), по-французски, о славянской литературѣ и славянскомъ языкѣ. По новизнѣ предмета, при искусствѣ чтеца, лекціи эти возбудили живѣйшій интересъ въ публикѣ; но о нихъ въ превратномъ смыслѣ доведено было до свѣдѣнія нашего правительства,—и послѣ одной лекціи, въ которой Кюхельбекеръ говорилъ о вліяніи на родное слово вольнаго Новгорода и его вѣча, Кюхельбекеръ получилъ, чрезъ посольство, приказаніе прекратить чтеніе лекцій и вернуться въ Россію ³⁾. А. Л.

¹⁾ Мамѣ Брейтколфъ, супруга здѣсь упоминаемаго (бывшая тогда начальница Екатеринбургскаго института), была близкою пріятельницею семейства нашего поэта. На имя ея Кюхельбекеръ адресовывалъ изъ-за границы письма къ своей матерп.

²⁾ Путешественники прибыли въ Марсель чрезъ Страсбургъ, Кольмаръ, Безансонъ, Лионъ и Авиньонъ, мпновавъ такимъ образомъ Парижъ. Ред.

³⁾ Любопытно сопоставитъ съ этимъ то, что на старомъ вольномъ Псковѣ, какъ на прекрасный предметъ для поэмы, указывалъ Пушкину — Рылѣвъ

Нарышкинъ прервалъ съ нимъ всѣ сношенія, чтобы, въ свою очередь, не навлечь на себя неудовольствія правительства ¹⁾).

Кюхельбекеръ возвратился въ Петербургъ осенью 1821 года, и по рекомендаціи А. И. Тургенева и гр. Нессельроде, а частью и по личному желанію А. П. Ермолова, получилъ при немъ мѣсто въ Тифлисѣ, куда и прибылъ въ декабрѣ 1821 г.; но тутъ пробылъ не болѣе полугода, именно по май 1822 года; ему предстояло мѣсто секретаря при посольствѣ въ Персіи, но онъ не поладилъ съ однимъ изъ приближенныхъ Ермолова, вышла крупная ссора ²⁾),—п молодой человекъ вынужденъ былъ, къ сожалѣнію всѣхъ своихъ друзей, уѣхать въ Россію. Конецъ 1822 г. и почти весь 1823 годъ Кюхельбекеръ провелъ въ миломъ для него родимомъ гнѣздышкѣ, въ имѣніи „второй своей матери“,—такъ онъ называлъ Юстину Карловну Глинку, — въ селѣ Закупѣ, Духовщинскаго уѣзда, Смоленской губерніи; здѣсь поэтъ отдохнулъ отъ своей скитальческой жизни и всѣхъ ея тревоженій ³⁾).

Пребываніе въ Тифлисѣ, — бесполезное для Кюхельбекера въ отношеніи служебномъ,—было благотворно для его поэтического дарованія, тѣмъ болѣе, что здѣсь онъ весьма подружился съ А. С. Грибоѣдовымъ. Авторъ „Горя отъ ума“ понялъ и оцѣнилъ Кюхельбекера, который, въ свою очередь, привязался къ нему со всей горячностью своего пылаго сердца. Грибоѣдовъ имѣлъ на него громадное вліяніе; между прочимъ, онъ указалъ своему другу на красоты Священнаго писанія въ книгахъ Ветхаго завіта... Стихами, обогащенными „библейскими“ образами. Кюхельбекеръ воспѣвалъ (въ бытность въ Тифлисѣ) побѣды возставшихъ грековъ надъ турками...

На знакомства свои Грибоѣдовъ, какъ извѣстно, былъ разборчивъ;

(подъ вліяніемъ этого указанія и написано стихотвореніе Пушкина: «Псковъ», напечатанное въ приложеніи къ I т. изд. 1870 г., стр. 551, его сочиненій). Пѣз этого, какъ и пѣз кое-чего инаго, видно, что декабристы были склонны отыскивать задатки гражданской свободы въ преданіяхъ отечественной старины.

О. М.

¹⁾ «Лекціи мои въ Парижѣ. — писалъ Кюхельбекеръ къ сестрѣ 10-го декабря 1821 г. уже изъ Тифлиса. — имѣли цѣль самую благонамѣренную. Можетъ быть, я и былъ неосторожнымъ: можетъ быть, найдутъ въ нихъ нѣсколько словъ необдуманыхъ. — но я никакъ не предвидѣлъ того, что ожидало меня въ С.-Петербурѣ».

²⁾ Въ жару ея Кюхельбекеръ далъ своему обидчику пощечину.

³⁾ Къ этому времени относятся интересныя письма къ нему директора Паревосельскаго лицея Е. А. Энгельгардта, человека высокой честиности и замѣчательнаго по уму и образованію. Письма эти, вмѣстѣ съ письмами прочихъ друзей Кюхельбекера, помѣщены въ приложеніяхъ къ настоящему очерку.

Ред.

онъ быть не изъ числа тѣхъ самолюбивыхъ авторовъ, которые ищутъ себя только терпѣливыхъ слушателей: лишь бы хвалили! Въ Кюхельбекерѣ, повторяемъ, онъ угадалъ натуру не дюжинную; былъ искрененъ съ нимъ и бесѣдовалъ, какъ съ собратомъ-поэтомъ... Еще одна прекраснѣйшая черта въ характерѣ Кюхельбекера: въ высшей степени одаренный эстетическимъ тактомъ, онъ глубоко сочувствовалъ талантамъ и, чуждый зависти, радовался успѣхамъ ихъ, какъ своимъ собственнымъ. Какъ хорошо оцѣнилъ, въ свою очередь, Грибоѣдовъ своего друга, лучше всего видно изъ его письма къ Юстинѣ Карловнѣ Глинкѣ—сестрѣ Кюхельбекера. Приводимъ этотъ интересный документъ въ переводѣ съ французскаго:

Тифлисъ, 26-го января 1823 г.

«Милостивая государыня! Замедля столь долгое время отвѣтомъ на ваше привѣтливое письмо, — дожаю себя голову, чтобы придумать какую-нибудь увертку въ оправданіе моего поступка; но, вѣдь, васъ не проведешь. Подумайте о пространствахъ, насъ разлучающихъ, о вѣчныхъ моихъ разъѣздахъ, занимающихъ пять-шестыхъ моего пребыванія въ этой странѣ: письма тѣхъ, которые меня помнятъ, томятся цѣлый вѣкъ на почтѣ, пока мнѣ удастся ихъ оттуда получить. Одно, что меня успокоиваетъ—это то, что мой, а равно и вашъ достойный другъ (Вильгельмъ Кюхельбекеръ) хорошо знаетъ всѣ свойства моего характера. Онъ, вѣроятно, предупредилъ васъ, что во всѣхъ обычныхъ мнѣ

Tiflis, 26 janv. 1823.

(Копія съ подлинника). «Madame (de Glinka). Après avoir tardé un temps infini de répondre à l'obligeante lettre, que vous avez bien voulu m'adresser, j'ai beau me creuser le cerveau pour inventer un biais, qui disculpât tant soit peu mon manque de procédé, vous n'en seriez pas dupe. Mais, Madame, veuillez songer aux distances d'abord qui nous séparent, des fréquents voyages qui m'ont absorbé les cinq sixièmes de mon séjour dans ce pays, là dessus les plis de ceux qui me vouèrent quelque souvenir, languissant au bureau de poste un siècle avant que je puisse en accuser la réception. En tout ce qui me rassure, c'est la parfaite connaissance que possède mon ami et le vôtre de ce qui me caractérise personnellement. Il doit vous avoir prévenu que dans toutes mes déviations habituelles des usages et convenances ce n'est jamais mon coeur, ni un défaut de sentiment sur lesquels la faute doit être rejetée sans appel.

«En recours à votre indulgence pour ce qui me regarde, je m'en vais vous entretenir un peu d'un homme qui vaut mieux que moi sous tous les rapports, qui vous est bien cher et qui me l'est également. Que fait-il notre bon Guillaume? en butte à une mauvaise fortune avant qu'il ait pu jouir de ce peu d'agrément réel que nous offre la société, tracassé et mécontent des hommes, tandis qu'il se livre à tout venant avec un abandon de franchise, de cordialité et d'amour... cela ne devrait-il pas lui attirer une bienveillance générale? Toujours craignant d'être à charge aux autres et ne l'étant qu'à sa propre sensibilité. Je le présume maintenant avec vous (à la campagne, au Gouvernement de Smolensk) entouré d'aimables parents. Qui l'aurait dit, il y a une demi an-

уловеніяхъ отъ обычаевъ и приличія не виновны ни мое сердце. ни недостатъ во мнѣ чувства

«Расчитывая на ваше снисхожденіе, я хочу поговорить съ вами о человѣкѣ, который во всѣхъ отношеніяхъ лучше меня и который равно дорогъ, какъ вамъ, такъ и мнѣ. Что онъ подѣлываетъ, нашъ добрый Вильгельмъ, подвергшійся несчастью, прежде нежели успѣлъ воспользоваться столь не многими истинными удовольствіями, доставляемыми намъ обществомъ: мучимый, непонятый людьми, между тѣмъ, какъ онъ отдается каждому встрѣчному съ самымъ искреннимъ увлеченіемъ, радушіемъ и любовью... не должно-ли было все это привлечь къ нему общее расположеніе? Всегда опасаясь быть въ тягость другимъ, онъ становится въ тягость лишь своей собственной чувствительности! Я полагаю, что онъ теперь съ вами (въ деревнѣ, въ Смоленской губерніи), окруженный любезными родными?»

«Кто бы сказалъ полгода тому назадъ, что я кончу тѣмъ, что буду завидовать даже злополучной его звѣздѣ! Ахъ! ежели чье-либо несчастье можетъ облегчить другаго несчастнаго, то передайте ему, что если онъ зналъ меня здѣсь прежде — беззаботнымъ, веселымъ и даже рѣзвымъ, то за то теперь я въ тягость самому себѣ и одною среди населенія, къ которому совершенно равнодушенъ: еще нѣсколько дней и я покидаю этотъ городъ, оставляя здѣсь скуку и разочарованіе, которыя меня преслѣдуютъ здѣсь и которыя, быть можетъ, я обрѣту и въ другомъ мѣстѣ.

«Скажите ему, что еще другое имя присоединилось къ его имени въ спискѣ изгнанныхъ, этихъ жертвъ человѣческой несправедливости: это К***, одна изъ друзей, о которомъ мысль придавала еще прелесть этой странѣ, когда бы пришлось въ нее современемъ возвратиться. Вильгельмъ знаетъ его и пойметъ, о комъ идетъ рѣчь.

née. que je finirai par lui envier jusqu' à l'inclémence de son étoile! Ah! si une partie de malheur est de quelque saulagement pour les malheureux, répétez lui, Madame. que tel qu'il m'a connu ici—insouciant, joyeux et même folâtre, aujourd'hui je me pèse à moi-même, isolé au milieu d'une population qui m'est parfaitement indifférente; encore quelques jours, et je vais abandonner cette ville, l'ennui et le dégoût qui m'y persécutent. pour les aller trouver ailleurs peut-être. Dites lui qu'un autre nom est venu se placer à côté du sien sur la liste des proscrits, victimes de l'injustice humaine, К***, un des amis dont le souvenir prêtait encore des charmes à mon pays, quand je songeais à y retourner un jour. Guillaume le connaît, il saura de qui il s'agit. Engagez votre excellent frère de se résigner, de considérer nos maux comme un creuset pour le moral, d'où nous sortirons moins agités, plus froids, munis d'une petite morgue bien imposante, comme si l'on avait prospéré toute sa vie; et si le sort accorde un répit au terme de nos jours: une caducité quainteuse, une toux sèche et des éternelles redittes à l'édification de la jeunesse, — voilà le bon port, où chacun arrive après tout; moi comme Guillaume, comme les heureux du jour.

«Mais pardon, Madame, de vous épisodier ma lettre par un épanchement de mélancolie que j'aurais pu vous sauver: mon intention en prenant la plume était uniquement de me soulager par un sincère aveu du tort que je me sens avoir envers vous et que je ne cesse de me reprocher.

«Agréez l'assurance des sentiments de la plus parfaite considération etc., etc. Gribojedof».

«Убѣдите вашего брата покориться судьбѣ и смотрѣть на наши страданія, какъ на нравственныя испытанія, изъ которыхъ мы выйдемъ менѣе пыльными, болѣе хладнокровными, съ запасомъ той душевной твердости, которая возбуждаетъ почтеніе и увѣренность, будто мы всю жизнь нашу благоденствовали.— и если судьба отдалитъ конецъ нашихъ дней: причудливая дряхлость, сухой кашель и вѣчное повтореніе назиданій молодости, — вотъ убѣжище, къ которому послѣ всего пристанетъ каждый изъ насъ — и я, и Вильгельмъ, и всѣ счастливцы сихъ дней.

«Виновать, милостивая государыня, что вставилъ въ это письмо меланхолическія изліянія, отъ которыхъ я могъ бы васъ избавить. Взвѣсившись за перо, мое единственное намѣреніе было облегчить себя пскревнымъ признаніемъ вины, которую я чувствую передъ вами и въ которой не перестаю себя упрекать.

«Примите увѣреніе въ чувствахъ совершеннаго къ вамъ уваженія. Грибоѣдовъ»

По возвращеніи изъ Тифлиса и по отдохновеніи у сестры въ Зауупѣ, Кюхельбекеръ поселился въ Москвѣ (съ 27-го іюля 1823 г.), гдѣ получилъ уроки русской словесности въ университетскомъ пансіонѣ, а также давалъ частныя уроки и занимался литературою¹⁾. Къ этой эпохѣ относится изданіе временнаго сборника „Мнемозина“, предпринятое Кюхельбекеромъ вмѣстѣ съ княземъ В. О. Одоевскимъ²⁾. Въ досужее отъ занятій время, Кюхельбекеръ посѣщалъ мирный уголокъ — село Зауупъ, принадлежащее его сестрѣ Юстинѣ Карловнѣ Глинѣ, и здѣсь отдыхалъ физически и морально въ кругу ея семьи, уча ея дѣтей, которыхъ любилъ, какъ родныхъ, по неимѣнію семьи собственной. Воспоминаніе о Зауупѣ Кюхельбекеръ сохранилъ во всю свою жизнь, отрадивѣйшія минуты которой проведены имъ были, конечно, въ этомъ мирномъ уединеніи.

Въ апрѣлѣ 1825 г. поэтъ нашъ вернулся въ Петербургъ. Часть лѣта 1825 года провелъ онъ на дачѣ, близъ Петербурга, въ семействѣ Н. И. Греча, съ которымъ были знакомы почти всѣ декабристы³⁾.

¹⁾ Однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ его былъ Плавъ Григорьевичъ Влаломовъ, въ послѣдствіи не безъ успѣха выступившій на литературное поприще и скончавшійся на 22-мъ году жизни. Ред.

²⁾ «Мнемозина» — собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ. 4 ч. М. 1824—1825 гг. Ц. 25 р. Изд. кн. В. Одоевскаго и В. Кюхельбекера, въ 8-ю д.

³⁾ «... Я вошелъ въ компанію теперь. — пишетъ Кюхельбекеръ 10-го іюня 1825 г. — съ Гречемъ и Бугаринимъ — нѣкогда моими противниками. Живу вмѣстѣ съ Гречемъ въ домѣ Коспковскаго, на Большой Морской. Мои сотоварищи хотятъ издать собраніе моихъ сочиненій... Я занимаюсь редакціей нашихъ журналовъ...»

30-го іюня 1825 г.: «... Въ концѣ августа я оставляю квартиру Греча... Въ годъ я буду имѣть 1.200 руб.» Надежда эта, однако, кажется, для самаго Кюхельбекера была сомнительною, ибо въ томъ же письмѣ къ матери онъ указываетъ на необходимость искать для себя мѣсто у Канкрпина. Ред.

Какого мнѣнія былъ радушный хозяинъ о Кюхельбекерѣ и о прочихъ своихъ гостяхъ, явствуетъ изъ записокъ Николая Ивановича. Остальную часть лѣта и всю осень Кюхельбекеръ провелъ въ Закупѣ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Михаиломъ Карловичемъ, морскимъ офицеромъ, только что возвратившимся изъ кругосвѣтнаго плаванія.

Съ октября мѣсяца 1825 г. Кюхельбекеръ жилъ въ Петербургѣ, на одной квартирѣ съ поручикомъ лейбъ-гвардіи Ковнаго полка кн. А. П. Одоевскимъ (на углу Исакиевской площади и Почтамтской, д. Булатова), весьма молодымъ, но талантливымъ поэтомъ; оба они отдались дѣлу, ихъ сгубившему.....

5-го декабря 1825 г. Кюхельбекеръ извѣстилъ мать, что онъ надѣется получить весьма выгодное мѣсто въ Крыму (въ Севастополѣ), именно профессора литературы. Это мѣсто проектировалъ адмиралъ Грейгъ для образованія морскихъ офицеровъ. Шишковъ и Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ рекомендовали Грейгу Кюхельбекера. „Все это дѣло значительно уже подвинулось, — пишетъ Вильгельмъ Карловичъ, — но вы понимаете, что въ настоящее время надо ожидать. Стѣдно думать о себѣ, когда происшествіе, столь неожиданное, поразило всю Россію“ (т. е. смерть Александра I).

III.

Наступило роковое 14-е декабря 1825 года.

Участіе В. К. Кюхельбекера въ этомъ событіи вполне и достаточно извѣстно, какъ изъ донесенія слѣдственной комиссіи, такъ и изъ собственныхъ его показаній, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1873 г., томъ VII, стр. 466 — 471). Мы упомянемъ только о послѣдующихъ фактахъ, извращенныхъ въ запискахъ Н. И. Греча.

Вечеромъ 14-го декабря, пользуясь смятеннымъ состояніемъ столицы, Кюхельбекеръ, переодѣвшись въ нагольный тулупъ, безпрепятственно вышелъ изъ Петербурга; но по безопасности, столь свойственной всѣмъ поэтическимъ натурамъ, вмѣсто того, чтобы спѣшить къ границѣ, остановился въ Великолукскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, въ помѣстьѣ своей родственницы Софьи Андреевны Лавровой, рожд. Глинки. Этимъ, однако, онъ заставилъ потерять свой слѣдъ посланнымъ за нимъ въ погоню: предполагая, что онъ въ Закупѣ, преслѣдователи прискакали въ имѣніе Юстины Карловны и, сдѣлавъ тамъ совершенно напрасный, весьма тщательный обыскъ, удалились за нѣсколько дней до прибытія въ Закупъ Кюхельбекера. У Софьи Андреевны Лавровой онъ видѣлся съ гостившей у нея своей невѣстой, Авдотьей Тимофеевной Пушкиной (двоюродной сестрой А. С. Пушкина) и,

оставивъ тамъ бѣольшую часть своихъ бумагъ ¹⁾, прибылъ къ Юстинѣ Карловнѣ въ послѣднихъ числахъ декабря. Въ Закупѣ онъ пробылъ нѣсколько часовъ; сестра, заботясь о его спасеніи, дорожа каждой минутой, дала ему возможность немедленно пуститься въ дальнѣйшій путь: достала ему паспортъ, переодѣла, снабдила деньгами и на подводѣ, въ сопровожденіи надежнѣйшихъ двухъ своихъ дворовыхъ людей, отправила по направленію къ границѣ, съ тѣмъ, чтобы брать спасса на чужбинѣ. Все это было сдѣлано безъ вѣдома матери, которая въ это время была тутъ же въ Закупѣ и которую опасались разстроить всѣми этими роковыми сборами... Нельзя не удивляться энергіи и самоотверженію Юстины Карловны, этой достойнѣйшей женщины и рѣдкой сестры. Позабывъ о себѣ, рискуя будущностью дѣтей, она сдѣлала все, что было въ ея силахъ для спасенія брата; и только когда не на что было уже болѣе надѣяться, когда Вильгельмъ Карловичъ былъ взятъ въ Варшавѣ, Юстина Карловна отправилась въ Петербургъ отдать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ тѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежало. Благодаря великодушію великаго князя Михаила Павловича (который съ свойственнымъ ему чистосердечіемъ отозвался, что на ея мѣстѣ онъ также бы сдѣлалъ), благородный поступокъ Юстины Карловны не только не повредилъ ни ей, ни ея семейству, но усилилъ уваженіе къ ней всѣхъ истинно честныхъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не подивиться преданности, выказанной дворовыми людьми Юстины Карловны въ ея семейномъ несчастіи. Послѣ отъѣзда Вильгельма Карловича, всѣ они были привлечены къ отвѣтственности; но ни одинъ изъ нихъ, несмотря ни на какія угрозы, не только не выдалъ госпожи своей, но даже не проговорился. По ходатайству Юстины Карловны у великаго князя Михаила Павловича, всѣ эти люди, томившіеся въ острогѣ въ гор. Духовщинѣ, были освобождены безъ наказанія.

Весьма медленно, плетясь „на долгихъ“, съ обоими своими спутниками, дворовыми людьми своей сестры, Кюхельбекеръ достигъ Варшавы; но здѣсь имѣлъ неосторожность войти въ городъ для свиданія съ своимъ лицейскимъ товарищемъ, полковникомъ Есаковымъ. Напрасно люди, сопровождавшіе Кюхельбекера, отговаривали его, представляя всю опасность подобнаго намѣренія. Будто влекомый роковою, непреодолимою силою, онъ ихъ не послушался, вошелъ въ

¹⁾ Въ послѣдствіи всѣ эти бумаги были сожжены. Кюхельбекеръ сохранилъ къ невѣстѣ своей чувство глубокой любви въ теченіи десятилѣтняго заточенія въ крѣпостяхъ и, прибывъ въ Сибирь, вызывалъ ее туда; но Авдотья Тимофеевна, также очень его любившая, по слабости характера, не рѣшилась раздѣлить судьбу поселенца; она умерла дѣвницей. Ред.

Варшаву и былъ арестованъ 19-го января 1826 года, на улицѣ (а не въ трактирѣ, какъ говоритъ Гречъ въ своихъ запискахъ), первымъ попавшимся на встрѣчу унтеръ-офицеромъ, у котораго спросилъ объ адресѣ Есакова ¹⁾).

Привезенный 25-го января 1826 года въ Петербургъ, Кюхельбекеръ, до окончанія слѣдствія и суда, былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. 14-го мая 1826 года дана была ему очная ставка съ Каховскимъ, застрѣлившимъ Милорадовича..... Приговоренный въ іюль того же года къ смертной казни, Кюхельбекеръ былъ помилованъ, благодаря ходатайству великаго князя Михаила Павловича: смертная казнь была замѣнена пятнадцатилѣтнимъ ²⁾ заключеніемъ въ крѣпостяхъ, а по истеченіи этого срока — пожизненною ссылкой въ Сибирь.

Первое время заточенія (съ января по іюль) Кюхельбекеръ провель въ Петропавловской крѣпости (гдѣ выучилъ на память множество страницъ священнаго писанія), потомъ въ Шлиссельбургскомъ казематѣ (съ 25-го іюля 1826 г.): здѣсь въ два мѣсяца онъ выучился свободно читать по-англійски и переводить съ этого языка на русскій лучшія произведенія англійской литературы. Изъ Шлиссельбургской крѣпости узникъ перемѣщенъ былъ вскорѣ въ Динабургскую. Первое время своего заточенія, когда ему не давали еще пера и чернилъ, Кюхельбекеръ слагалъ стихи на память и заучивалъ ихъ, ходя изъ угла въ уголъ по своей тюрьмѣ.

Четырехлѣтнее заточеніе въ Динабургѣ смягчено было для Кюхельбекера участіемъ и великодушной заботливостью дивизионнаго командира Егора Криштофовича и его семейства. Уроковъ его дѣтямъ — вопреки словамъ Греча — Вильгельмъ Карловичъ не давалъ, и тѣмъ болѣе чести г. Криштофовичу, выхлопотавшему разрѣшеніе узнику читать и заниматься, доставлявшему Кюхельбекеру книги, дозволившему ему прогуливаться по плацформѣ, — вообще смягчившему для него строгія постановленія относительно заключенныхъ. Въ квартирѣ Криштофовича узникъ даже видѣлся съ своею матерью... Семейство Кюхельбекера свято чтить память этого великодушнаго человека....

15-го апрѣля 1831 г., Кюхельбекера перевели изъ Динабургской

¹⁾ Подробное донесеніе цесаревича Константина Павловича объ арестѣ Кюхельбекера и его допросѣ см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VII, стр. 465—477.

²⁾ На 15 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Половину срока Кюхельбекеръ отсидѣлъ къ 12 октября 1833 г.: оставалось просидѣть еще до 12-го октября 1841 г., но въ декабрѣ 1835 г. тюрьма замѣнена для него ссылкой въ Сибирь.

крѣпости въ Ревельскую цитадель, гдѣ онъ пробылъ не долго, всего пять мѣсяцевъ. Перемѣщеніе это было сдѣлано вслѣдствіе перехваченнаго письма Кюхельбекера, отправленнаго имъ къ роднымъ въ Смоленскъ, чрезъ какого-то Оболенскаго, вообще не установленнымъ въ крѣпости порядкомъ ¹⁾).

Въ Ревелѣ, 25-го апрѣля 1831 г., съ разрѣшенія коменданта, на прощурованныхъ имъ тетрадяхъ, Кюхельбекеръ началъ писать свой дневникъ. Конечно, жизнь узника слишкомъ бѣдна фактами внѣшней жизни, но не ихъ и записывалъ Кюхельбекеръ. Съ юныхъ лѣтъ сохранялъ онъ привычку вносить въ тетради, какъ самъ выражается: „разительныя, встрѣчающіяся при чтеніи мысли“. „Съ самаго лица, — говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ 1834 года, — у меня въ обыкновеніи читать съ выписками“. Вотъ эти-то мысли, выписки, впечатлѣнія, замѣтки, — да стихотворенія собственной музыки, тутъ же въ тюрьмѣ написанныя, — и составляли содержаніе дневника; книги ему высылали родные, преимущественно сестра Юстина Карловна, да племянникъ Николай Григорьевичъ Глинка ²⁾, и онѣ выдавались ему при посредствѣ коменданта. Къ сожалѣнію, тетради „Ревельскаго дневника“ не уцѣлѣли: сохранившіяся же тетради начинаются съ 10-го декабря 1831 г., когда Кюхельбекеръ былъ уже въ Свеаборгѣ. Утрата первыхъ тетрадей прискорбна тѣмъ болѣе, что въ „Ревельскомъ дневникѣ“, какъ замѣчаетъ самъ авторъ (2-го сентября 1833 года): „все мягче, живѣе, свѣжѣе, чѣмъ въ нынѣшнихъ; самое уныніе въ немъ представляетъ что-то поэтическое. Тогда еще душа у меня не успѣла очерствѣть отъ продолжительнаго заточенія; впрочемъ, и самое заточеніе было въ Ревелѣ не слишкомъ тяжело, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе 4½ мѣсяца; полтора мѣсяца, правда, было и въ Ревелѣ трудно“ ³⁾).

7-го октября 1831 г., Кюхельбекеръ былъ отправленъ въ крѣпость Свеаборгъ, куда и привезенъ 14-го числа того же мѣсяца. Его помѣстили въ небольшомъ казематѣ, довольно темномъ, въ одно окно, сплошь застилавшееся въ сильные морозы ледяною корою. При комнатѣ его былъ сторожъ, впрочемъ, скорѣе въ качествѣ слуги, нежели

¹⁾ Любопытно, что родные поэта нѣсколько лѣтъ не знали, гдѣ именно заключенъ Кюхельбекеръ: на получаемыхъ ими, чрезъ подлежащія власти, его письмахъ тщательно уничтожалось мѣсто, откуда послано письмо.

²⁾ Капитанъ генеральнаго штаба, умеръ въ 1836 г. отъ ранъ, полученныхъ на Кавказѣ.

³⁾ Первые тетради «дневника», именно дневникъ «Ревельскій» еще цѣлъ былъ въ 1833 г.: онъ утратился въ Сибирѣ, гдѣ Кюхельбекеръ, иногда за многія сотни верстъ, пересылалъ тетради къ своимъ товарищамъ по изгнанію. Такъ, «дневникъ» его былъ въ Селенгинскѣ у Бестужевыхъ, и у друг. Ред.

тюремница. И въ Свеаборгѣ Кюхельбекеръ нашелъ добрыхъ людей; ему дозволено было продолжать свой дневникъ, сдѣлавшійся его другомъ и собесѣдникомъ, получать и читать книги, гулять по плац-формѣ.

Булатъ притупляется, если имъ рубить по камню; но тотъ же самый камень можетъ служить для булата и точильнымъ брускомъ. Для разума и сердца Кюхельбекера стѣны его темницъ послужили именно точильнымъ камнемъ: дарованіе его развилось, а не притупилось. Продолжительные часы досуга узникъ посвящалъ литературнымъ трудамъ: продолжалъ усердно вести дневникъ, заносилъ на его страницы всѣ свои думы, сны, отзвѣвы о прочитанныхъ статьяхъ и книгахъ, планы поэмъ, стихотворенія, молитвы...

До какой степени поэзія при этомъ услаждала жизнь узника, видно изъ собственнаго его признанія:

„Ни о чемъ въ свѣтѣ, вѣжета, я столько не думалъ, какъ о высокомъ искусствѣ, — писалъ Кюхельбекеръ въ первые годы своего заточенія къ одному изъ своихъ племянниковъ ¹⁾. — объ искусствѣ, которому посвятилъ жизнь свою, посвятилъ ее, можетъ быть, безъ всякой пользы. Безъ пользы? Конечно, если разумѣть подъ пользою выгоды житейскія или даже самыя наслажденія славою: имя мое забудется (говорю о моихъ литературныхъ грѣхахъ, какъ-будто бы о произведеніяхъ другаго), ибо, хотя, можетъ быть, я и былъ бы чѣмъ-нибудь со временемъ, но всѣ мои произведенія незрѣлы, несовершенны. Несмотря на то, никогда не буду жалѣть о томъ, что я былъ поэтомъ; утѣшенія, которыя мнѣ доставляла поэзія въ теченіи моей бурной жизни, столь велики, что довольно и ихъ. — довольно, говорю, для меня и ихъ, и я считалъ бы себя неблагодарнымъ, если бы требовалъ отъ поэзіи для себя еще другаго чего.

„Теперь я уже не словесникъ; прельщенія минутнаго блеска, хвала друзей, ободренія знатоковъ, самая критика для меня не существуютъ, не доходятъ до меня. Но Богъ съ ними! Поэтому же надѣюсь остаться до самой минуты смерти и, признаюсь, если бы я, отказавшись отъ поэзіи, могъ купить этимъ отреченіемъ свободу, знатность, богатство, даю тебѣ слово честнаго челоуѣка, я бы поколебался: горестъ, неволя, бѣдность, болѣзни душевныя и тѣлесныя съ поэзію, я предпочелъ бы счастью безъ нея. Ты не сочтешь это увѣреніе одними словами, ибо, что есть горькаго въ жизни челоуѣческой, я испыталъ въ самомъ дѣлѣ...“.

¹⁾ Письмо къ Николаю Григорьевичу Глинка, отъ 22-го апрѣля 1827 или 1828 года.

....„Для меня уже нѣтъ міра существеннаго,—замѣчаетъ Кюхельбекеръ въ письмѣ 1834 г.:—поэзія создаетъ мнѣ міръ мечтательный. Если бы я не былъ поэтомъ, я бы едва могъ перенести мое бѣдное, отравленное всякаго рода горестями бытіе“.

Еще въ шлессельбургскомъ казематѣ, какъ мы замѣтили выше, онъ изучилъ англійскій языкъ и при томъ не болѣе, какъ въ два мѣсяца¹⁾, онъ имъ овладѣлъ на столько, что уже въ ревельской тюрьмѣ свободно читалъ Шекспира. За свеаборгскими затворами онъ углубился въ изученіе древне-греческаго языка и плодомъ этого было многократное прочтеніе всей *Илліады* въ подлинникѣ. Въ той же свеаборгской темницѣ Кюхельбекеръ перевелъ съ замѣчательной вѣрностью Шекспировскихъ: „Генриха IV“, „Макбета“ и „Ричарда III“; написалъ нѣсколько поэмъ; велъ дѣятельную переписку съ родными. Мощную нравственную поддержку Кюхельбекеръ нашелъ въ религіи, чуждой ханжества и мистицизма. Религіозное чувство не покидало его ни въ заточеніи, ни въ ссылкѣ, и двадцать страдальческихъ лѣтъ онъ несъ свой крестъ безропотно, со смиреніемъ истиннаго христіанина. Гречъ въ своихъ запискахъ осмѣиваетъ въ Кюхельбекерѣ и религіозныя его убѣжденія, сомнѣваясь въ ихъ искренности... Это обвиненіе, по своей гнусности, не нуждается и въ опроверженіи.

IV.

Великій князь Михаилъ Павловичъ исходатайствовалъ сокращеніе срока заключенія Кюхельбекера на пять лѣтъ. Въ концѣ декабря 1835 г. онъ былъ отправленъ на поселеніе въ восточную Сибирь, въ Забайкальскую область, въ городъ Баргузинъ, гдѣ жилъ его братъ Михаилъ Карловичъ, сосланный также за участіе въ смутѣ 14-го декабря²⁾. Великій князь Михаилъ Павловичъ прислалъ узнику прекрасную медвѣжью шубу, въ которой онъ и совершилъ многія тысячи верстъ пути отъ Свеаборга до Баргузина. Переѣздъ изъ темницы на волю, т. е. въ Сибирь, такъ совершился скоро, что уже 16-го января 1836 г. Кюхельбекеръ писалъ своему племяннику Н. Г.

¹⁾ Письмо Кюхельбекера къ Юстинѣ Григорьевнѣ Глинка, 29-го марта 1835 г.

²⁾ Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ—капитанъ-лейтенантъ, сосланный въ Сибирь, умеръ въ Баргузинѣ въ 1857 г., оставивъ по себѣ въ Сибири добрую память. Онъ завелъ въ своемъ домѣ госпиталь, съ успѣхомъ лечилъ больныхъ поселянъ и пользовался громаднымъ ихъ довѣріемъ и уваженіемъ. У него осталось шесть дочерей, изъ которыхъ заботы о младшихъ, послѣ его смерти, взялъ на себя одинъ изъ достойнѣйшихъ людей, генераль отъ артиллеріи Ф. В. Одинецъ († 1873 г.), женатый на Натальѣ Григорьевнѣ Глинке († 1864 г.).

Ред.

Глинкѣ изъ Иркутска и прежде всего просилъ прислать въ мѣсто его водворенія—въ Баргузинъ—книги, бумаги, а потомъ уже денегъ, ибо былъ „безъ гроша“.

Послѣ темницы жизнь на поселеніи показалась Кюхельбекеру отраднѣе и привольнѣе, но это было только первое время... Среда несравненно ниже умственнаго его уровня, заботы о кускѣ хлѣба, мелочныя житейскія дразги скоро заставили его вздохнуть объ уединенной кельѣ Динабурга или Свеаборга. Не даромъ, въ одну изъ горькихъ минутъ своего житія въ Сибири, поэтъ сравнилъ себя съ Прометеемъ, котораго терзаетъ не орелъ, не коршунъ, а стая глупыхъ воробьевъ. Темница не всегда помѣха вдохновенію и поэтическому творчеству: Сервантесъ написалъ своего „Донъ-Кихота“ въ тюрьмѣ; но вдохновеніе гаснетъ въ житейской грязи, проза жизни убиваетъ поэзію. Изъ дневника, веденнаго Кюхельбекеромъ въ Сибири, видно, что тамъ онъ уже остылъ, разочаровался въ людяхъ, въ жизни и терпѣливо ждалъ освобожденія въ предѣлахъ вѣчности.

Въ надеждѣ найти отраду въ жизни семейной, Вильгельмъ Карловичъ 15-го января 1837 г. женился на дочери баргузинскаго почтмейстера Артенова, Дросидѣ Ивановнѣ, очень молоденькой, совершенно необразованной дѣвушкѣ, но одаренной добрымъ сердцемъ и на столько здравымъ смысломъ, что она старалась войти въ исключительное положеніе мужа и всегда была для него доброй, любящей и внимательной женою; „хотя жена не всегда меня понимала“, замѣчаетъ поэтъ въ своемъ дневникѣ, тѣмъ не менѣе „я всегда отдавалъ справедливость многимъ ея прекраснымъ качествамъ“. Вообще въ семейной жизни своей Кюхельбекеръ обрѣлъ малую долю „поэтическаго“; она дарила его проблесками отрады, но была чужда поэзіи,—и поэтъ, какъ соловей, умолкъ, обзаведясь роднымъ гнѣздомъ.... Къ увеличенію горя, въ этомъ гнѣздѣ не было уютно: ссыльный поселенецъ зачастую страдалъ полнѣйшимъ безденежемъ и страданія эти усугублялись видомъ семьи, которой не зналъ чѣмъ помочь.... Если бы ни сотоварищи по ссылке, добрые люди, да помощь изъ Россіи отъ родныхъ—Кюхельбекеръ уморилъ бы и себя, и семью голодомъ... Переведенный (16-го января 1840 г.), по собственному прошенію, изъ Баргузина въ Акшискую крѣпость, Нерчинскаго округа, Кюхельбекеръ нашелъ здѣсь чрезвычайно дружественную къ нему семью А. Н. Разгильдѣева, но съ отъѣздомъ его изъ Акши,—поэтъ сталъ сильно скучать, да и не могъ ужиться въ тамошнемъ климатѣ, почему и просилъ о переводѣ сначала въ Кяхту,—туда его не пустили,—потомъ въ Туринскъ, но вмѣсто Туринска ему приказано водвориться въ Кургановскомъ уѣздѣ Тоболь-

ской губернии, — куда онъ и отправился изъ Авши 2-го сентября 1844 года, причеъ заѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Баргузинъ погостить у брата. Переселеніе въ западную Сибирь, вмѣсто пользы, принесло ему только вредъ. При переѣздѣ черезъ Байкаль (въ октябрѣ 1844 г.), застигнутый сильною бурей, спасая жену и дѣтей, онъ сильно простудился и здоровье его, надломленное страданіями, окончательно разстроилось.

По приѣздѣ въ Курганъ, Кюхельбекеръ поселился не въ самомъ городѣ, что не было ему дозволено, а подлѣ него, въ Смолинской слободѣ, въ собственномъ, имъ выстроенномъ, домикѣ. Въ Курганѣ товарищами его ссылки были: Повало-Швейковскій (умершій 10-го мая 1845 г. на его рукахъ), Басаргинъ (авторъ интересныхъ записокъ, человекъ замѣчательнаго ума), Щепинъ-Ростовскій, Бригенъ, бывшій полковникъ гвардіи, и нѣсколько ссыльныхъ поляковъ. Въ апрѣлѣ 1845 г. Кюхельбекеръ сталъ сильно недомогать глазами, а вскорѣ затѣмъ началъ совершенно слѣпнуть. Тяжкій недугъ заставилъ его просить разрѣшенія переѣхать въ Tobольскъ, гдѣ онъ скорѣе надѣялся найти медицинскую помощь. Разрѣшеніе послѣдовало и 3-го марта 1846 г., оставляя гор. Курганъ, больной продиктовалъ своему другу И. И. Пущину послѣднюю волю относительно своихъ сочиненій... Къ этому завѣщанію мы возвратимся въ послѣдствіи, въ особой статьѣ о литературныхъ трудахъ Кюхельбекера.

11-го августа 1846 г., въ $1\frac{1}{2}$ 12-го часа по полуночи, Кюхельбекеръ скончался отъ чахотки въ Tobольскѣ. До послѣдней минуты умственныя силы не покидали страдальца; слѣпой, онъ диктовалъ приближеннымъ письма, стихи и прозу; померкли его тѣлесныя глаза, но не потусели духовныя очи, и мрачный путь въ вѣчность озарялъ слѣпцу свѣточъ вѣры¹⁾. Всѣ находившіеся въ Tobольскѣ декабристы (Вольфъ, П. Н. Свистуновъ, Е. Оболенскій, И. А. Анненковъ) ходили за больнымъ Кюхельбекеромъ, какъ за роднымъ братомъ. Авторъ сказки „Конекъ-Горбунокъ“ Ершовъ, служившій въ Tobольскѣ, былъ чтецомъ и ежедневнымъ собесѣдникомъ слѣпца-поэта. Похоронили его друзья и товарищи и положили на могилу друга скромный памятникъ — плиту съ изсѣченными на ней словами всепрощающаго Искупителя: „Придите ко Мнѣ вси страждущіи и обремененніи и Азъ упоюю вы!“²⁾.

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ товарищъ его по ссылкѣ П. Н. Свистуновъ, въ письмѣ къ Ю. К. Глиэкѣ, отъ 16-го августа 1846 г. Ред.

²⁾ Въ бытность въ Сибири, въ особенности въ 1840—1846 гг., Кюхельбекеръ велъ вообще довольно оживленную переписку съ товарищами своими по 14-му

V.

Въ настоящемъ очеркѣ мы не могли во всей полнотѣ представить личность В. К. Кюхельбекера и ограничились только главными чертами. Во всей полнотѣ и всесторонне съ характеромъ его можетъ ознакомить его „Дневникъ“, вслѣдъ за симъ нами печатаемый. Въ немъ душа Кюхельбекера запечатлѣна какъ нельзя лучше, — душа вроткая, любящая, нѣжная. Всегда деликатный и ласковый со всѣми, Кюхельбекеръ не утратилъ этихъ чувствъ ни въ заключеніи, ни въ ссылкѣ. Когда ему случалось въ крѣпости, во время занятій чтеніемъ или письмомъ, нечаянно гасить свѣчу, онъ прекращалъ занятія, „чтобы не беспокоить сторожа просьбою подать ему огня“; юношески восторженный, онъ скоро привязывался къ человѣку, но не скоро къ нему остывалъ, а окончательно разочаровывался только тогда, когда не находилъ въ его характерѣ ни одной примирительной черты; но это случалось довольно рѣдко при снисходительности Кюхельбекера. Щекотливый и обидчивый во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда угадывалъ въ комъ-либо намѣреніе оскорбить его, онъ никогда не обижался невинною шуткою, если шутилъ другъ, хотя бы эта шутка граничила съ насмѣшкою. Такъ, Грибоѣдовъ нерѣдко трюнилъ надъ Кюхельбекеромъ, которому иногда давалъ прозвище Донъ-Кихота, намекая столько же на восторженный, рыцарскій характеръ Вильгельма Карловича, сколько и на его высокую, сухощавую фигуру; но самъ Кюхельбекеръ всегда первый смѣялся надъ этимъ сравненіемъ, потому что шутка искренно любившаго его друга не могла быть обидною для умнаго, развитаго человѣка.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о „Дневникѣ“ Кюхель-

декабря, поселенцами въ Сибирь. Въ бумагахъ его сохранились весьма пріятныя къ нему письма: Басаргина, Бобршцева-Пушкина, Волконскаго, В. Давыдова, К. Игельстрома, Ев. Оболенскаго, А. Поджіо, П. И. Пущина (писемъ отъ него болѣе всего), П. Н. Свпстунова, Трубецкаго, М. фонъ-Визина и В. И. Штейнгейля. Вильгельмъ Кюхельбекеръ былъ высокаго роста, брюнетъ, съ правильными и выразительными чертами лица, но худъ и сутуловатъ. Въ Сибири онъ ходилъ, какъ большая часть декабристовъ, въ длиннополое суконное сюртукѣ, съ бортомъ посреди, на крючкахъ и съ стоячимъ суконнымъ воротникомъ. Стихи свои и чужіе читалъ онъ весьма охотно и обыкновенно весьма восторженнымъ голосомъ. У него осталось двое дѣтей — дочь и сынъ, Михаилъ и Юстина; до 1856 г. они носили фамилію Васильевыхъ, но въ 1856 г. имъ дозволено принять фамилію ихъ родителя — Кюхельбекера. Послѣ смерти отца они взяты въ Россію, гдѣ заботы о нихъ приняла также Юстина Карловна Глинка († 1871 г.), которая была ангеломъ хранителемъ ихъ отца.

Ред.

бекера. Изъ этого обширнаго труда сохранились и переданы намъ дѣтymi покойнаго девять большихъ, крайне неразборчиво написанныхъ, тетрадей въ листъ, обнимающихъ время съ 15-го декабря 1831 г. по 17-е июня 1835 года: пребываніе въ Свеаборгѣ, хотя собственно Кюхельбекеръ пробылъ здѣсь долѣе, а именно: съ 14-го октября 1831 г. по январь 1836 г.; затѣмъ, послѣ перерыва, болѣе нежели двухлѣтняго, „Дневникъ“ начинается уже въ Сибири, въ Баргузинѣ, съ 12-го марта 1837 г., и кончается, идя съ большими перерывами, въ Тобольскѣ, 29-го апрѣля 1846 года, за три мѣсяца до смерти автора (Сибирскій дневникъ занимаетъ 15 тетрадокъ въ 4-ю д.). Кюхельбекеръ, какъ нѣсколько разъ самъ замѣчаетъ въ „Дневникѣ“, вель его единственно для своего сына; тѣмъ не менѣе, найдя уже въ Сибири (около 1838—1839 гг.), что „Дневникъ“ его не лишень общаго интереса, онъ сдѣлалъ изъ него выборку болѣе любопытныхъ, по его мнѣнію, замѣтокъ, но уже не въ формѣ дневника, а отдѣльными замѣтками, нѣсколько систематизируя ихъ и расположивъ помѣсячно; замѣтки доведены до мая 1833 г. Эти выборки, 104 стр. въ листъ (тетради разрознены и нѣкоторыя изъ нихъ утеряны), его руки, озаглавлены имъ: „Замѣтки и мнѣнія, выписки изъ дневника отшельника“. Замѣтки эти были у насъ также въ виду при напечатаніи труда узника и ссыльнаго. Кюхельбекеръ начиналъ - было писать свою „автобіографію“, но рукопись эта не дошла до его семейства.

Печатать „Дневникъ“ вполнѣ не было возможности безъ предварительнаго, строгаго пересмотра. Дни узника, а затѣмъ и ссыльнаго, тянулись за днями съ мучительнымъ, истинно темничнымъ однообразіемъ, какъ падаютъ капля за каплей воды со свода сыраго подземелья. Праздничными днями для Кюхельбекера были тѣ, въ которые ему доставляли книги, но какія! Онъ алкалъ свѣжей духовной пищи, а ему зачастую доставлялись такія книги, какъ: „Дѣянія Петра Великаго“—Голикова, журналы давно минувшихъ лѣтъ, путешествія Георги и разные старыя переводы, письменникъ Курганова ¹⁾ и т. п. произ-

¹⁾ Журналы, прочитанные и пересмотрѣнные Кюхельбекеромъ въ тюрьмѣ, были: «Вѣстникъ Европы» (1802—1832 гг.); «Сынъ Отечества» съ 1812 до 1832 г.; «Московскій Телеграфъ» за 1830—1832 гг.; «Новости литературы» 1824 г.; «Отечественныя Записки» 1823 г.; «Библиотека для Чтенія» 1834—1835 гг. Въ послѣдствіи, въ Сибири, онъ имѣлъ альманахи и журналы, какъ французскіе, такъ и русскіе, болѣе новаго времени; такъ изъ русскихъ получалъ: «Московскій Наблюдатель» (1836 г.); «Библиотеку для Чтенія» (1836—1845 гг.); «Отечественныя Записки» (1839—1845 гг.),— послѣднее изданіе, какъ читатель увидитъ изъ дневника Кюхельбекера, приносило ему много отрады. Отзывы и замѣтки его о прочитанныхъ разныхъ статьяхъ въ поименованныхъ журналахъ

веденія. Поэтъ, какъ говорится, отводилъ душу только чтеніемъ Библии, нѣкоторыхъ произведеній классическихъ авторовъ, каковы: Шекспиръ, Гёте, Шиллеръ, Байронъ, изъ русскихъ — Карамзинъ, Державинъ, Пушкинъ. „Илліаду“ онъ читалъ (въ подлинникѣ) по порціямъ, въ продолженіи четырехъ лѣтъ. Въ минуты душевнаго голода онъ мечталъ о быломъ, заносилъ въ дневникъ свои сны (иногда чрезвычайно интересные и всегда вполне характерные), каждую мимолетную мысль; или описывалъ, какъ провелъ день, какъ спалъ ночь, какъ себя чувствовалъ.

Миная тоскливыя, скучныя страницы, чуждыя всякаго интереса, какъ въ литературномъ, такъ иногда и въ психологическомъ отношеніи,—мы напечатали только тѣ страницы „Дневника“, въ которыхъ Кюхельбекеръ — не только узникъ, но и человѣкъ религіозный, мыслящій, философъ, эстетикъ, литераторъ, поэтъ.

При печатаніи „Дневника“—мы раздѣлили его на главы, и такъ какъ стихотворенія, набросанныя въ дневникѣ, составляютъ лишь первичныя, черновыя наброски автора, притомъ крайне перечеркнутыя, то мы списали лучшіе изъ нихъ съ бѣловой, особой тетради собранія стихотвореній Кюхельбекера, имъ самимъ составленной и сохранившейся въ его бумагахъ; слабыхъ стиховъ у насъ приведено только начало.

Въ этомъ трудѣ выбора отрывковъ въ дневникѣ Кюхельбекера, заслуживающихъ печати, намъ весьма обязательно оказалъ содѣйствіе профессоръ С.-Петербургскаго Университета О. Э. Миллеръ.

Содѣйствіе почтеннаго профессора русской словесности въ настоящемъ трудѣ тѣмъ болѣе было полезно, что представляемый нами „Дневникъ“ заключаетъ въ себѣ по преимуществу данныя, имѣющія значеніе главнымъ образомъ для исторіи отечественной словесности. Впрочемъ, независимо отъ этого, „Дневникъ узника и поселенца Кюхельбекера“ даетъ богатый матеріалъ для обрисовки литературнаго и философскаго направленія представителей русскаго образованнаго общества первой четверти XIX вѣка, занимающихъ еще не достаточно выясненное мѣсто въ развитіи нашей общественной жизни.

Достойно, между прочимъ, замѣчанія, что, продолжая дневникъ и въ бытность свою въ Сибири, Кюхельбекеръ съ живѣйшимъ сочув-

иногда весьма интересны; замѣтны эти, независимо отъ интереса для исторіи нашей литературы, какъ принадлежащія перу талантливаго въ свое время писателя, имѣютъ иногда и чисто библиографическое значеніе, указывая на статьи историческія, давно забытыя и затеряныя въ хламѣ журналовъ прошлаго времени.

Ред.

ствіемъ слѣдилъ за явленіями литературнаго міра, на сколько могъ слѣдить за ними человѣкъ, отдаленный почти на семь тысячъ верстъ отъ центровъ литературной дѣятельности. Не состарѣвшійся душою, Кюхельбекеръ не отставалъ отъ вѣка, вѣрно угадывалъ задатки истиннаго дарованія въ первыхъ опытахъ писателей молодого поколѣнія того времени, предрекая имъ свѣтлую будущность. Онъ понялъ и разгадалъ Лермонтова, Бѣлинскаго; онъ твердо вѣрилъ, что эти таланты прославятъ русское слово, онъ ихъ радушно привѣтствовалъ

...«И въ гробъ сходя благословилъ»,

какъ нѣкогда старикъ Державинъ—юношу Пушкина!

Прежде нежели перейти къ „Дневнику“ — этой своего рода авторской исповѣди Кюхельбекера, не лишнее для ближайшаго ознакомленія съ нимъ въ періодъ свободы, до заточенія, напомнить о томъ, кто были его друзья и пріатели: по друзьямъ узнаютъ человѣка.

Приводимъ рядъ писемъ къ нему за время съ 1817 по 1825 г. ¹⁾.

Письма В. К. Кюхельбекеру отъ его друзей.

1817—1825.

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ.

С.-Петербургъ, марта дня 1817 г.

Милостивый государь мой, Вильгельмъ Карловичъ! За довѣренность, какою вы меня почтили, и я почтаю себя обязаннымъ платить искренностью — всегдашнимъ чувствомъ моимъ, которое передъ вами обнаружилось и въ короткое наше свиданіе, доставившее мнѣ пріятное знакомство ваше.

Мнѣ кажется, что молодому, образованному человѣку, съ живыми способностями ума, съ душою, свѣжею для трудовъ, начать путь своей службы въ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ пищи для дѣятельности, ни надеждъ для видовъ, — мнѣ кажется, все равно, что идти въ монастырь. Но и это сравненіе ложное. Анахоретъ измѣняется въ митрополита, а бібліотекаръ вѣчно неизмѣненъ. Можетъ быть, желая удовлетворить благородную любовь свою къ занятіямъ, желая совершенно посвятить себя наукамъ, вы предполагаете, что мѣсто въ Библіотекѣ дастъ вамъ какъ время, такъ и способности; ваша правда: эти выгоды вы найдете, но болѣе пивакихъ; а жертвуя всѣми выгодами службы, увѣрены ли вы, что нужды гражданской жизни со временемъ не заставятъ васъ раскаиваться въ сей жертвѣ? Мѣсто въ Библіотекѣ хорошо при другомъ, но при такомъ, кото-

¹⁾ Письма эти печатаемъ съ подлинниковъ; къ сожалѣнію, это далеко не вся корреспонденція, которую получалъ Кюхельбекеръ до 14-го декабря. По свидѣтельству его родныхъ — писемъ было гораздо болѣе и они погибли въ роковой 1826 годъ, таковы были письма отъ А. С. Пушкина и друг. Ред.

рое бы дало вамъ способы употребить вашу дѣятельность съ большею выгодною. А музы всегда найдутъ досужій часъ посѣтить своего любимца: Державинъ лучшія свои произведенія писалъ подъ бременемъ дѣлъ государственныхъ. Вотъ мысли, внушенныя искреннимъ желаніемъ вамъ добра. Вы, можетъ быть, удивитесь, слыша ихъ отъ человѣка, въ которомъ предполагали болѣе философіи на счетъ суеты міра; но эта же самая философія, т. е. опытность ума, заставляетъ и его скорбѣть иногда о слишкомъ философскомъ мнѣніи на счетъ службы, единственнаго у насъ средства къ пріобрѣтенію выгодъ жизни, а особенно для людей, которымъ судьба въ нихъ отказала.

Что касается до мѣстъ въ Библиотекѣ, то онѣ всѣ заняты и, кажется, не предвидится, чтобъ вакансія скоро очистилась.

Прошу не забывать, когда будете въ Петербургѣ, остающагося къ вамъ съ чувствомъ почтенія и желанія всѣхъ благъ, милостивый государь мой, вашимъ покорнымъ слугою Н. Гнѣдчъ.

Александръ Федоровичъ Воейковъ.

Дерптъ, 14-го октября 1817 г.

Милостивый государь мой! Писанное письмо ваше, отъ 16-го сентября, я прочиталъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Поздравляю васъ съ такимъ другомъ и братомъ, какъ нашъ Жуковский; прощая съ нимъ полѣвка, видя его въ разныхъ обстоятельствахъ, — въ счастіи и несчастіи, въ горѣ и въ радости, въ болѣзни и въ цвѣтущемъ здоровьѣ, я не могу, клянусь вамъ, рѣшить, что больше, что превосходнѣе, что въ немъ удивительнѣе. или (по-нѣмецки сказать) небеснѣе — необыкновенное-ли его дарованіе, или необыкновенный его характеръ.

Я видѣлъ, съ какою готовностью жертвуетъ онъ самыми драгоценными для своего сердца благами счастію другихъ, съ какимъ христіанскимъ терпѣніемъ переноситъ несчастія, подъ которыми бы упалъ всякій человѣкъ, меньше его увѣренный въ безсмертін души и въ томъ, что тайная рука Провидѣнія всегда ведетъ насъ къ счастію, — часто по терніямъ и кремнямъ, но все къ счастію. Знаю только, что, живучи съ Жуковскимъ, самъ непримѣтно становись лучше, выше и добрѣе. Еще разъ, пожмая крѣпко руку вашу, поздравляю васъ съ такимъ вождемъ на пути жизни.

Жуковский не заѣхалъ въ Дерптъ, а потому я жду отъ васъ объясненія на темныя мѣста письма вашего, гдѣ говорите вы о себѣ: вѣрно получили вы хорошее мѣсто — какое? покорно прошу увѣдомить объ этомъ меня поскорѣе въ Орелъ, куда я на сихъ дняхъ ѣду въ отпускъ. Я, любя васъ много, порадоюсь, поздравляю васъ отъ сердца и пожелаю вамъ дальнѣйшихъ успѣховъ по службѣ. Объ успѣхахъ вашихъ въ поэзіи я не сомнѣваюсь, только бы равнодушная ко всему празничному судьба не оторвала бы васъ отъ вашихъ любимыхъ занятій. Будьте нашимъ союзникомъ противъ анти-гекзаметристовъ, съ вами мы побѣдимъ ихъ навѣрно! Не хотите-ли вы попытаться перевести фоссову Лунзу? Прощайте, будьте здоровы и любите преданнаго вамъ Воейкова.

P. S. Вы забыли доставить мнѣ вашъ адресъ. Послѣдите писать ко мнѣ, чтобы я, пріѣхавъ въ Орелъ, нашелъ уже письмо ваше. Одною радостью будетъ для меня больше!

Баронъ Анто́нъ Антоновичъ Дельви́гъ.

(въ исходѣ 1822 г.)

Скучно только во снѣ говорить съ Вильгельмомъ; поговорю на бумагѣ. Благодарю тебя за приписки, но все отвѣтъ за тобой; или, можетъ быть, письмо мое не застало тебя въ Тифлисѣ? Ахъ, Кюхельбекеръ! сколько переменялъ съ тобою въ два-три года. Но объ нихъ послѣ. Сперва оправдай меня передъ матушкой твоей. Меня Плетневъ напугалъ, сказавъ, что она безъ слезъ не можетъ встрѣтить друзей твоихъ; что они напоминаютъ ей твоё положеніе, совсѣмъ невеселое, и я побоялся показаться ей; я, нѣкоторымъ образомъ, причина твоихъ непріятностей, по несчастной моей рекомендаціи Нарышкину.

Эртель мнѣ говорилъ, что часы, которые ты у меня оставилъ, надо кому-то доставить, но не сказалъ кому; увѣдомь поскорѣе, и они сейчасъ будутъ отнесены туда и въ лучшемъ состояніи, чѣмъ были прежде. Мебель твою куплю я; мои положенія скоро поправятся; дай Богъ, чтобъ и твои поскорѣе пришли въ прежнее состояніе.

Не теряй надежду на счастье, только ищи его не въ Петербургѣ — исканіе тщетное; поѣзжай въ Москву и тамъ, приведетъ Богъ, скоро увидимся. Скажу о себѣ, что я тотъ же Дельви́гъ, но менѣе дѣлнвъ и менѣе веселъ.

Такъ и быть! Грибоѣдовъ соблазнилъ тебя, на его душѣ грѣхъ! Написли ему и Шихматову проклятіе, но прежними стихами, а не новыми. Плюнь и дунай, и вытребуи отъ Плетнева старую тетрадь своихъ стиховъ, читай ее внимательно и, по лучшимъ мѣстамъ, учишь слогу и обработкѣ.

«Кассандра» твоя — хорошія идеи въ сторону — уродъ; два акта трагедіи «Тимолеонъ», которые я читалъ, имѣютъ много хорошихъ стиховъ, но хоры однообразны; слишкомъ много поютъ о Евменидахъ, а сцены не движутся; не знаю, каковы три послѣдніе.

Ты странно виноватъ передъ Пушкиннымъ. Онъ поминутно о тебѣ заботится. Я ему доставилъ твою «греческую оду», «посланіе Грибоѣдову и Ермолову», и онъ желаетъ знать что-нибудь о Тимолеонѣ. Откликнись ему, онъ усердно будетъ отвѣчать. На него охота пришла письма писать, и онъ такъ и сыплеть ими. Да и мнѣ напиши и подробности о себѣ. Писать не люблю, а получать письма — мое дѣло и друзей любить знаю, а разлюбивать, хоть убей, не умѣю. Лѣтомъ жду твоего брата. Хочется посмотрѣть на него. Прощай!

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.

Тифлисъ, 1-го октября 1822 г. (начало) ¹⁾.

Любезный Вильгельмъ! Пеняи на мою дѣнь и правъ будешь. Давлюсь, коли сохранилъ ты ко мнѣ хотя искру любви, признаю себя совершенно недостойнымъ. Сколько времени утекло! Сколько всего накопилось! Сперва знай, что письмо изъ Харькова, о которомъ ты упоминаешь, до меня не дошло, слѣдовательно, благодарю не читавши.

Изъ послѣдняго, отъ 22-го августа, вижу, что у тебя опять голова кругомъ

¹⁾ Это письмо было приведено уже въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 (т. X, стр. 168) въ біографіи Грибоѣдова, но здѣсь необходимо его вновь помѣстить въ общей связи съ перепиской прочихъ друзей и пріятелей Кюхельбекера.

Ред.

пошла. На которую намѣтили неудачно? Назови. А я, въ отраду, научу тебя преданію изъ книги, прежде всѣхъ вѣвъ изданной. Эруть и Меруть были два ангела, ниспосланные Богомъ для отвращенія человѣковъ отъ соблазновъ любви.

Тогда же долу спустилась планета Венера (*o n j*) въ лицѣ жены прелестной. Послы Господни ее увидѣли, смутились въ сердцахъ своихъ, къ ней прильпились всею силою чувства... какъ вдругъ взвилась она высоко отъ желателей и воспріяла свое мѣсто въ тѣлахъ небесныхъ. Два ангела — вслѣдъ за нею, но охватили мракъ и пустоту. Вымыселъ стоитъ Писіонова, а тебѣ дано ихъ обонхъ оправдать своимъ опытами.

Согласись, мой другъ, что утративши теплое мѣсто въ Тифлисѣ, гдѣ мы обогрѣвали тебя дружбою, какъ умѣл, ты многого лишился для своего спокойствія. По крайней мѣрѣ, здѣсь не столько было пскушеній: женщины у насъ, коли поблаговидѣе, укрыты плотностію чадера, а нашихъ одностеомъ природа не вооружила черными волшебствами, которыя души губятъ: любезностію и красотою. Ей Богу, тебѣ здѣсь хорошо было для себя. А для меня?.. Теперь, въ поэтическихъ моихъ занятіяхъ довѣряюсь однѣмъ стѣнамъ. Имъ кое-что читаю изрѣдка свое, или чужое; а людямъ — ничего: некому. Кабы могъ я предложить тебѣ нельстивыя надежды, силою бы вызвалъ обратно. Этому не сбыться; хочешь-ли покуда слышать о пріятеляхъ обоого пола?

Гр. Симоночь женился на хорошенькой княгинѣ Аннѣ Атаровнѣ. Греза, рыцаря промышленности, выгнали отъ Ахвердовыхъ и я при этомъ острацизмъ былъ очень дѣятеленъ.

Генеральша Крабе по прежнему родить дѣтей, какъ печатаеть.

Умерли: Наумовъ, Юргенсонъ и Мишхарбать Бебутовъ, Шпренгель, etc., etc.

Только что было росписался, повѣстали мнѣ объ отъѣздѣ съ г. Клендсъ въ Кахетію; это третье путешествіе съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались...

Январь 1823 г. (окончаніе).

И сколько разъ потомъ я еще куда-то ѣздить. Цѣлые мѣсяцы прошли, или, лучше сказать, протянулись въ мучительной долготѣ. Оставляю начатыя строки въ свидѣтельство, что не теперь только ты присутственъ въ моихъ мысляхъ.

Однако, куда дѣвалось то, что мнѣ душу наполняло какою-то спокойною ясностію, когда, налитанный древними сказаніями, я терялся въ развалинахъ Бердъ, Шамхора и въ памятникахъ арабовъ, въ Шемахѣ? Это было во время рамазана, и послѣ, съ тѣхъ поръ, налетла на меня необъяснимая мрачность. А. П. ¹⁾ смѣялся; другіе — тоже, и напрасно. Пожалѣй обо мнѣ, добрый мой другъ! помини Амліха, вѣрнаго моего спутника въ теченіе 15-ти лѣтъ. Его уже нѣтъ на свѣтѣ. Потомъ Щербаковъ пріѣхалъ изъ Персіи и страдалъ на рукахъ у меня; вышелъ я на нѣсколько часовъ, вернулся: его уже въ гробъ вложи. Кого еще скосятъ смерть изъ пріятелей и знакомыхъ? А весной, конечно, привлечется сюда cholera morbus, которую прошлаго года зимній холодъ остановилъ на нашей границѣ. Трезвые умы, — Коцебу, напримѣръ, — обвиняютъ меня въ малодушіи, какъ-будто самъ я боюсь въ землю лечь, — другіихъ жаль сторично луце себя. Ахъ, эти избалованныя дѣти тучности и пищеваренія,

¹⁾ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

которыя заботятся только о разогрѣтыхъ вострюльвахъ etc., etc. Переселилъ бы я ихъ въ сокровенность моей души: для нея ничего нѣтъ чужаго,—страдаетъ болѣзнію ближняго, влпнть при слухѣ о чемъ-нибудь бѣдствіи, чтобъ разъ потрясло ихъ сильно, не отъ однихъ только собственныхъ золъ!

Собращу печальныя мои выходы: а все легче, когда этакъ распишешься!

Объявляю тебѣ отъѣздъ мой за тридевять земель, словно на мнѣ отлгчѣло пророчество: И будетъ ти всякое мѣсто въ предвиженіе.

Плпши ко мнѣ въ Москву, на Новинской площади, въ мой домъ. А тамъ, авось-ли еще хуже будетъ! Давеча, напримѣръ, приносили шубы на выборъ: я, года четыре, совсѣмъ позабылъ объ нихъ. Но какъ же безъ того отважиться въ любезное отечество! Тяжелыя. Плечи къ землѣ гнетутъ. Точно трупы, запахомъ заражаютъ комнату всякія лисицы, чекалки, волки... И вотъ первый искусъ желающимъ въ Россію: надобно непремѣнно растерзать звѣря и окутаться его кожей, чтобъ потомъ роскошно черпать отечественный студеный воздухъ! Прощай, мой другъ! (Грибоѣдовъ).

Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ.

24-го января 1823 г. Царское Село.

Письмо твое, другъ мой Вильгельмъ, я получилъ, и если, съ одной стороны, мнѣ очень пріятно было видѣть, что ты наконецъ вспомнилъ обо мнѣ, то съ другой стороны, было очень досадно, что ты вспомнилъ не обо мнѣ, не о Егорѣ Антоновичѣ, не о старомъ директорѣ и другѣ, а о какомъ-то чужомъ человѣкѣ, котораго при каждомъ словѣ величаешь превосходительствомъ! Еслибъ я не зналъ твое доброе сердце, то я могъ бы принять и титулъ этотъ, и все письмо твое за колкость. Ужели ты совершенно забылъ и прехвіе годы, и лицейскія времена? ужели совершенно забылъ, что, кромѣ чина моего, есть во мнѣ еще что-нибудь, отличающее меня отъ другихъ лицъ на свѣтѣ? Я бы никогда не ожидалъ, чтобы кто-нибудь изъ лицейскихъ ко мнѣ обращался, держа въ рукахъ адресъ-календарь! Но я увѣренъ, что тутъ не участвовало твое сердце, а дѣйствовала твоя голова, которая часто *dumme Streiche* ¹⁾ творить и потому — помирится. Если, какъ надѣюсь я, ставешь ты впредь писать, то пиши ко мнѣ, а не къ его превосходительству, которое только допущено быть можетъ на обочкѣ для почтара.

Я видѣлъ почтенную твою мать; видѣлъ ее въ великой горести о тебѣ будущности твоей,— и старался, сколько могъ, ее утѣшить. Ты много, много виновать, и тѣмъ болѣе виновать, что отъ вины твоей страдаешь не ты одинъ, но и твоя мать, и лицей нашъ. Я увѣренъ, что еслибъ эта мысль, эти два предмета были всегда съ тобою, то они удержали бы тебя отъ многоаго. Но, нечего вспоминать о прошедшемъ: *das Geschehene kann man nicht ungeschehen machen* ²⁾; надобно подумать о будущемъ.

Ты требуешь совѣта моего на счетъ твоей трагедіи; я готовъ тебѣ дать мой совѣтъ,— если не будетъ онъ лучший, то, по крайней мѣрѣ, отъ лучшаго, добраго сердца. Я не стихотворецъ и потому никакъ не намѣренъ вѣзаться судить о стихотворческомъ достоинствѣ твоего творенія, это я предоставляю знатокамъ; но я имѣю здравый разумъ и знаю, что прилично; прежде, нежели пустить

¹⁾ Дурачества.

²⁾ Того, что совершилось, не сдѣлаешь не совершившимся.

оное въ свѣтъ,—я бы желалъ просмотрѣть его относительно предмета и мыслей; потомъ скажу тебѣ откровенно мое мнѣніе, которое принять или не принять—будетъ зависѣть отъ тебя. Я тебя о семъ настоятельно прошу; отъ появленія сего произведенія твоего и отъ впечатлѣнія, которое оно сдѣлаетъ, не токмо какъ поэма, но и по прозаическому, или, такъ сказать, гражданскому своему составу,—зависитъ, можетъ быть, вся будущность твоя. *C'est plus sérieux que vous ne pensez* ¹⁾. (Пришли мнѣ свой *Opus* ²⁾) и я тебѣ, по старой привычкѣ, откровенно скажу: можно-ли и нужно-ли посвятить оный государю? Тогда, то-есть, ежели посвящать, предстонтъ еще другой смотръ: никакое сочиненіе не можетъ быть посвящено государю иначе, какъ по разсмотрѣніи оного предварительно въ комитетѣ, для сего при министерствѣ народнаго просвѣщенія учрежденномъ, которое должно произнести: достойно-ли оно того, или нѣтъ. И такъ, на всякій случай, пришли дѣтя свое сюда, а тамъ увидимъ.

Кончивъ одно дѣло, надобно поговорить и о другомъ, которое считаю я важнѣе перваго, а именно: что будетъ съ тобою? Послѣ всего того, что происходило, тебѣ никакъ нельзя помышлять объ опредѣленіи куда-нибудь въ службу, пока прежде все не заросло травкою. А дабы заросло травкою, я вижу только одинъ способъ: тебѣ надобно на нѣкоторое время удалиться изъ глазъ и изъ памяти людей. На это вижу я только одинъ способъ: совершенное удаленіе на нѣкоторое время. Таковымъ совершеннымъ удаленіемъ называю я—морское путешествіе. Тамъ, въ волнахъ морскихъ, многое отъ тебя отмоется, многое о тебѣ поглотится, забудется,—и ты, черезъ годъ, или два, явись какъ новое лицо. О сей мысли говорить я и матушкѣ твоей, которая ее совершенно одобряетъ. Я увѣренъ, что и ты, обдумавъ все то, что я здѣсь сказалъ, и, приложивъ къ тому все то, что я не сказалъ, но что ты самъ знаешь,—я увѣренъ, что и ты согласишься на справедливость моего заключенія. Вопросъ теперь: какъ привести его въ дѣйство? Это не легко, однако, и не невозможно.

Нынѣшнею весною отправляется экспедиція вокругъ свѣта; полагаютъ, что она препоручена будетъ тому же Коцебу, который уже разъ ѣздилъ. Хотя сіе только предположеніе, однако, не мѣшало бы, еслибъ ты написалъ къ брату его (при генералѣ Ермоловѣ находящемуся и съ коимъ ты, безъ сомнѣнія, знакомъ); напиши къ нему и убѣди его, чтобы замолвилъ словечко добренькое за тебя брату своему, дабы тотъ не противился нашему плану. Я не сомнѣваюсь, что онъ это сдѣлаетъ. По окончаніи сего, т. е., когда удостовѣрится онъ тебя въ томъ, что исполнилъ твою просьбу, я, съ моей стороны, начну на него дѣйствовать,—коль скоро удостовѣрены будемъ въ его согласіи, тогда уже начнемъ дѣйствовать по начальству, чрезъ адмирала Моллера и прочихъ людей, могущихъ имѣть какое-нибудь вліяніе на составъ сей экспедиціи, дабы привѣситъ тебя какъ официальное прилагательное существо къ оной, т. е., чтобы доставитъ тебѣ мѣсто на кораблѣ, по коему могъ бы получать и жалованье съ содержаніемъ.

Вотъ мой планъ; онъ хорошъ не потому, что я его выдумалъ, а потому, что онъ хорошъ. Онъ единственный, по коему можешь ты заправить прошедшее и явиться на попримѣ, какъ новый человѣкъ; отъ тебя потомъ зависѣть будетъ сдѣлать себѣ новую, хорошую репутацію. Ты будешь годомъ, или двумя, старѣе; лишній кипятокъ въ кровя нѣсколько поостынетъ; дорогою есть время

¹⁾ Дѣло гораздо важнѣе, нежели вы думаете.

²⁾ Трудъ.

самимъ съ собою, и надъ собою, и о прошедшемъ, и будущемъ подумать; опытности прибавится,— словомъ, тебѣ надобно ѣхать.

И такъ, ожидаю отъ тебя: 1) присылки трагедій для гражданской, келейной цензуры; 2) отправленія письма въ Коцебу, въ Тифлисъ; 3) отъѣзда ко мнѣ на счетъ моего плана. Послѣши особенно № 2, дабы письма въ Тифлисъ и изъ Тифлиса имѣли время дойти до наступленія времени отправленія.

Письма твоего изъ Тифлиса я не получалъ, и потому на оное и не отвѣчалъ. Дѣти Говена ¹⁾ здѣсь, здоровы и, сколько мнѣ извѣстно, хороши; впрочемъ, я давно уже по пансіону никакаго непосредственнаго вліянія не имѣю.

Не зная адреса твоего, я посылаю сіе письмо къ матушкѣ твоей, съ просьбою оное тебѣ доставить. Ко мнѣ можешь ты писать прямо по почтѣ, не забывая, однако, что письма на всѣхъ почтахъ въ свѣтѣ читаются и что, слѣдовательно, въ выраженіяхъ своихъ надобно быть осторожнымъ, особливо будучи, какъ ты — *atro corbone notatus* ²⁾).

А за симъ прощай! Пиши скорѣе — не къ превосходительству, а прежнему директору и искренно доброжелательному другу. Егоръ Энгельгардтъ.

Василій Андреевичъ Жуковскій.

(Безъ означенія числа и года; вѣроятно, начала 1823 г., Спб.).

Любезный Кюхельбекер! Не пеняйте мнѣ, что я не отвѣчалъ на письмо ваше. Я предсказывалъ вамъ, что буду лѣниться, и вы видите, что я не обманулъ васъ. Но мнѣ совѣстно, и болѣе передъ собою, нежели передъ вами, что я вамъ не отвѣчалъ. Вы писали ко мнѣ въ какомъ-то черномъ расположеніи, которое требовало отъ меня дружескаго голоса. Это обвиняетъ меня и не хочу оправдываться.

Ваше письмо очень грустно и мрачно. и расположеніе ваше заставляетъ невольно о васъ безпокоиться. Тѣ мысли, которыми вы наполнены, весьма свойственны человѣку съ чувствомъ и воображеніемъ; но вы любите питать ихъ — я этого не оправдываю! Такого рода расположеніе недостойно человѣка. По какому праву браните вы жизнь и почитаете себя позволненнымъ съ нею разстаться! Этому нѣтъ никакаго другаго имени, кромѣ унижительнаго: сумашествія! Вы можете быть дѣятельны съ пользою, а вы бросаетесь въ область тѣней и съ какою-то гордостью смотрите оттуда на существенное, могущее для васъ быть прекраснымъ.

Составьте себѣ характеръ, составьте себѣ твердыя правила, понятія ясныя; если вы несчастны, боритесь твердо съ несчастьемъ, не падайте—вотъ въ чемъ достоинство человѣка! Сдѣлать изъ себя кусокъ мертвечины, въ которомъ будутъ гнѣздиться нѣсколько минутъ черви, весьма легко: первый глупый слесарь дастъ вамъ на это средство, продавъ вамъ дурной пистолетъ. И пието этому не удивится; оригинальности же нѣтъ въ этомъ никакой: даже и между безумствами, это — не оригинальное.

Виновать, что пишу къ вамъ такъ рѣзко; но признаюсь, досадно читать ваше письмо. Я желалъ бы, чтобы Дельвигъ поскорѣе къ вамъ возвратился и

¹⁾ Ивана Романовича Фонъ-дери-Ховена, тифлискаго военнаго губершатора.

²⁾ Помѣченъ въ трубѣ уголькомъ, т. е., на дурномъ замѣчаніи, на дурномъ счету.

порядочно пожурилъ васъ. Ваши мысли были бы смѣшны, если бы онѣ не возбуждали сожалѣнія и досады. Но я надѣюсь, что мрачное расположеніе, ихъ произшедшее, миновалось. Какъ вашъ духовный отецъ, требую, чтобъ вы покаялись и перестали находить высокое въ унижительномъ. Вы созданы быть добрымъ, слѣдовательно, должны любить и уважать жизнь, какъ бы она, въ нынѣшныя минуты, ни терзала. Жду отъ васъ письма болѣе утѣшительнаго и обнимаю васъ — вашъ Жуговскій.

Перечитываю письмо мое — и меня беретъ страхъ: вы можете огорчиться моими выраженіями. Но, право, это не будетъ справедливо. Вы должны полагаться на мою къ вамъ дружбу; должны вѣрить, что я въ сердцѣ желаю видѣть васъ таимъ, каковы вы должны и можете быть. Вы богаты прекраснымъ дарованіемъ, имѣете прекрасное сердце. Это — матеріалы, если не для счастья, то для хорошей жизни. Я хочу, чтобъ вы этими матеріалами воспользовались и говорю съ вами, какъ вашъ духовный отецъ. Не сердитесь, а любите меня и принимайте каждое мое слово подъ штемпелемъ дружбы ¹⁾.

Егоръ Антоновичъ Энгельгартъ.

5-го марта 1823 г.—Царское Село.

Да! Это такъ! Эти два письма писаны воспитанникомъ лица къ прежнему директору, который долженъ быть всегдашнимъ другомъ. Хвалить-ли онъ, или мочетъ голову, куда не относится и то, и другое; дѣлаю я и дѣлать буду по совѣсти моей, со всѣми, истинно лицейскими. Амплъ — и теперь о прошедшихъ письмахъ ни слова!

Приступаю, по хронологическому порядку, къ первому вашему письму, и не могу не начать съ критики. Мнѣ кажется, другъ мой, что ты впалъ въ ошибку, многимъ молодымъ людямъ твоего разбора свойственную. *Vous vous plaisez dans ce que vous nommez vos singularités* ²⁾, и забываешь слово Вейса: *pour être autrement que tout le monde, on n'est pas encore mieux que tout le monde* ³⁾. То, что ты называешь странностями, въ глазахъ одной половины людей, съ тобою живущихъ, есть необдуманность, *folie* ⁴⁾; въ глазахъ другой половины — есть преступленіе. Первые жалуютъ о тебѣ, какъ о добромъ, но въ гражданскомъ обществѣ нескладномъ человѣкѣ, и, мало по малу, отъ тебя отстанутъ. Последніе видятъ въ тебѣ человѣка опаснаго и преслѣдуютъ тебя. Что же слѣдствие? Оставленъ одними, гонимъ другими, ты стоишь одинъ, лишенный способовъ быть полезнымъ отечеству и человѣчеству столько, сколько бы могъ и сколько искренно желаешь. Гдѣ же остается цѣль жизни каждого благомыслящаго человѣка? Не лучше-ли оставить лишнія мечты о мнимомъ совершенствѣ, котораго намъ не достигнуть, — и не лучше-ли, вмѣсто того, чтобы истощать силы наши на борьбу бесполезную, употребить ихъ на постепенное улучшеніе того, что насъ окружаетъ? На это станутъ силы нашихъ и въ томъ можемъ ожидать успѣха. Подумай когда-нибудь наединѣ о томъ, — и я увѣренъ, что ты, болѣе или менѣе, согласишься съ моимъ мнѣніемъ.

Второй пунктъ: ты, подобно великому множеству молодыхъ (теоретическихъ)

¹⁾ На оборотъ: «Кюхельбекеру».

²⁾ Вамъ нравятся ваши, такъ называемыя, странности.

³⁾ Быть отличнымъ отъ всѣхъ еще не значитъ быть лучше всѣхъ.

⁴⁾ Сумасбродство.

людей, ошпабешья въ основномъ понятіи объ обязанности говорить правду. *Il y a une immense difference entre mentir et entre ne pas dire la vérité partout. Le premier est un vice infâme; le second est très souvent une vertu* ¹⁾. Ложь говорить — постыдно; но можно быть правдивымъ, благороднѣйшимъ человѣкомъ и, очень часто, не произнести истину предъ толпою, а хранить ее въ сердцѣ своемъ для немногихъ, которые ее понимаютъ, и произносить ее тамъ только, гдѣ отъ того произойти можетъ истинная польза,—и умолчать тамъ, гдѣ пользы нѣтъ, гдѣ можемъ мы произвести или вредъ или оскорбленіе. Напримѣръ, безразсудно и жестоко рассказывать слѣпому о счастьи зрячихъ и о несчастіи лишенныхъ зрѣнія, ибо симъ только усугубится его горестъ, а несчастіе его не уменьшится; лучше здѣсь истину умолчать и не говорить о ней. Безразсудно бы было якуту и лопарю описывать прелести итальянскаго климата и доказывать, что природа обидѣла его суровымъ климатомъ, бесплодною землею; тутъ нѣтъ пѣли говорить истину, она здѣсь вредна: лопарь, не знавшій лучшаго климата, былъ счастливъ въ своемъ. Вообще безразсудно и вредно провозглашать необыкновенныя истины въ толпѣ, тамъ, гдѣ нѣтъ важной цѣли, для достиженія коей стоило бы, въ случаѣ нужды, самимъ собою пожертвовать. Впрочемъ, не всегда тѣ люди, которые, по техническому выраженію, смѣло говорятъ, точно тѣ думаютъ, что говорятъ, и не всегда тѣ дѣлаютъ, что говорятъ: Куницынъ, на каедрѣ, безпрестанно говорилъ противъ рабства и за свободу, а между тѣмъ, несчастныхъ своихъ рабовъ держалъ хуже собакъ и до полу-смерти бивалъ. Куницынъ, на каедрѣ, надсмѣхался надъ пѣтнзмомъ, а послѣ нѣкотораго времени, каждое воскресенье въ церкви князя Голицына всю обѣдню на колѣняхъ проставалъ! Обыкновенно эти *grands parleurs hardis* ²⁾, какъ москѣ въ баснѣ: имъ совѣмъ не до дѣла, а только до того, чтобы про нихъ сказали: «ай, москѣ!» смѣло говорить ³⁾.

Послѣднее совѣмъ не къ тебѣ относится: ты говоришь часто тѣ и тамъ, чтѣ и гдѣ бы не надлежало; хотя и говоришь ты отъ искренняго сердца, съ

¹⁾ Дгать или не всегда говорить правду—огромная разница. Первое—гнусный порокъ, второе весьма часто—добродѣтель.

²⁾ Смѣлые краснобаи.

³⁾ Факты, сообщаемые Энгельгардтомъ о Куницынѣ, весьма интересны для характеристики этого любимѣйшаго и наиболѣ либеральнаго профессора въ бывшемъ Царскосельскомъ лицѣѣ. Нельзя не вспомнить, какъ восторженно читалъ его Пушкинъ, еще въ 1825 г. обращая къ нему эти прекрасныя строки:

«Куницыну данъ сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень...
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада вождена...»

Въ 1836 году, въ тотъ же день основанія лицей (19-го октября), Пушкинъ вновь вспомнилъ любимаго профессора:

Вы помните: когда возникъ лицей,
Какъ царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ—
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствиемъ межъ царственныхъ гостей...

Ред.

желаніемъ добра, но обыкновенно не у мѣста и безъ расчета, цѣль и пользы,— послѣдствіе — вредъ тебѣ, вредъ другимъ.

Всѣ твои неудачи, все твое несчастіе, все, что невыгодное о тебѣ говорятъ, происходитъ изъ сего источника; ты говоришь свои чувства и свои мнѣнія (иногда справедливыя, но часто *überspannt* ¹⁾) тамъ, гдѣ слѣдовало не говорить ихъ,— и приговоръ о тебѣ на семь основанъ. Подумай, Вильгельмъ, посмотри назадъ, испытай безпристрастно, и ты вѣрно найдешь, что я тебѣ точно правду говорю. *Il ne faut pas dire toutes les vérités partout* ²⁾. Тебѣ болѣе было гоненія и бѣды за то, что ты говорилъ, нежели за то, что ты дѣлалъ.

Я надѣюсь, другъ мой, что ты меня понимаешь, и понимаешь то, что я сказать хотѣлъ. Я, кажется, примѣромъ своимъ доказалъ, что не страшусь произносить слова истины всегда тамъ, гдѣ отъ этого могла произойти польза, и потому не боюсь, чтобы увѣщаніе мое: не всегда выставлять себя съ оными,— могло быть принято за раболѣпство или трусость. Нѣтъ, я для того часто не говорю, чтобы не лишать себя возможности въ случаѣ надобности говорить. Все, что я тебѣ на счетъ сего здѣсь набросалъ, должно быть не иное что, какъ матеріалы для собственнаго твоего размышленія. Если ты, при шнѣшней твоей уединенной досугѣ, безъ предубѣжденія размотришь мои матеріалы и дополнишь ихъ изъ запаса собственной опытности, то я увѣренъ, что результатъ этого всего будетъ — болѣе обдуманности въ будущности твоей. *Vous trouverez moins de satisfaction à être autre que tout le monde; vous vous plairez moins dans l'idée: je suis singulier. Il est permis d'être singulier, mais il ne faut pas, que celui qui l'est, le sache, ou le dise* ³⁾.

Теперь — о тебѣ, или, лучше сказать, о томъ, что съ тобою дѣлать.

Кодебу еще не пріѣхалъ, и потому, не переговоривъ съ нимъ, не могу тебѣ еще ничего положительнаго — о согласіи, несогласіи, или вообще мнѣніи его на счетъ моего предложенія — сказать. Отправленіе его отсюда не прежде послѣдуетъ, какъ въ августѣ; а потому, если тифлисскій Кдб. (Кодебу) только немедля, по полученіи твоего письма, къ брату своему напишетъ, то письмо его сюда еще во-время придетъ. Между тѣмъ, мы здѣсь хлопотать станемъ, — за успѣхъ ручаться нельзя, но, мнѣ кажется, что какъ-нибудь склеится дѣло. Коль скоро пріѣдетъ морякъ Кдб., то мы примемся за него, и Греча впряжемъ, и Всѣхъ, кто только употребленъ быть можетъ для достиженія цѣли. Если же не удастся, то, по крайней мѣрѣ, мы все, что могли, сдѣлали и примемся за что-нибудь другое.

И второе твое письмо, со вложеніемъ посланія Комовскаго, я получилъ. Во многомъ я съ нимъ согласенъ; но опредѣленіе твое на службу въ Москву — *das will mir nicht in den Kopf* ⁴⁾, хотя бы то и при Голицынѣ, который истинно добродѣтельный человѣкъ. Но онъ привыкъ къ сухой военной дисципли-

¹⁾ Преувеличенныя, исполненныя натяжки.

²⁾ Не всякую правду и не вездѣ слѣдуетъ говорить.

³⁾ Вы будете менѣ находить удовольствій, будучи иными, нежели всѣ; вась менѣ будетъ тѣшить та мысль, что вы человѣкъ странный. Быть страннымъ дозволяется, не надобно только, чтобы самъ человѣкъ это сознавалъ, или говорилъ.

⁴⁾ Это мнѣ не по душѣ.

плннѣ, къ которой вынѣ всѣ прнвыклн, плн прнвыкають, н къ которой ты не скоро еще прнвыкнешь. Это мы должны оставить какъ *pis-aller* ¹⁾, послѣдннй якорь.

Послѣ получення сего письма, я не могъ никакъ въ городъ съѣздить; мы все это время ождали посѣщення нашего главнаго начальника — великаго князя цесаревича. Однако, онъ уѣхалъ обратно въ Варшаву, не удостоивъ насъ своего внимання; н такъ, я думаю отправиться завтра въ Петрополь, гдѣ непременно увижусь съ почтенною матушкою твоею н постараюсь ее успокоить н утѣшить. Она теперь имѣетъ о чемъ грустить, потерявъ старннаго своего друга — добрую *Madame Breitkopf*, которая послѣ долговременной болѣзни померла. Большая потеря для института!

Трагедн твоей я не получаю еще н ничего о ней не слыхалъ; вѣроятно, завтра въ городѣ что-нибудь узнаю.

Радъ бы я еще съ тобою покаяваться; но смотрю на часы: уже за полночь! Это, какъ знаешь ты, совершенно противъ моей системы н противъ глазъ моихъ, которые отказываются далѣе служить сегодня. А потому — прощай! Если, можетъ быть, не скоро опять къ тебѣ напишу, или не скоро отвѣчать стану на твои письма, то прошу не принимать это за какое-нибудь упущеннє или за уменьшеннє желання быть тебѣ полезнымъ, а просто за недосугъ: я такъ обремененъ дѣлами по новымъ заданнымъ намъ формамъ, что иногда, право, голова кругомъ идетъ. Прощай. Вплельмъ. Вѣрь, что я отъ искренняго сердца твой вѣрный другъ Егоръ Энгельгардтъ.

А прогос, вотъ тебѣ пнпическая задача:

Wenn dich die Erde verkennt, ihr Gift dein edleres Leben
Finstern bedrückt, sie dein Thun tief in Vergessenheit hüllt.
Immer gewirkt, und nimmer geruht! Ein heiliges Wesen
Schwebt ob jeglicher That, die sich der Tugend geweiht.

Это такъ неподобно сказано н такъ мнѣ по сердцу, что я бы желалъ это имѣть такъже ясно, просто, коротко н разнтельно — по-русски; мнѣ кажется, задача трудная; попытайся, н если удачно переложишь, то принми мнѣ: это будетъ мнѣ препрнятннй подарокъ.

Прнмѣчаннє. Бюхельбекеръ не замедлнлъ откликнуться на вызовъ своего друга н на подлинномъ письмѣ набросалъ переводъ четверостишня:

Пусть земля не пойметъ твоей возвышенной жизни,
Гонить тебя, грозить мракомъ забвення тебѣ!
Не уставая—впередъ! Не тужи. Есть вѣчный свидѣтель
Чистымъ безвѣстнымъ дѣламъ, мыслямъ н чувствамъ святымъ!

Нѣсколько ближе въ подлиннику четверостишнє это передано П. П. К.:

Непризнавалъ земли, когда твоимъ дѣяньямъ
Грозитъ забвення мракъ — не унывай! Впередъ!
Трудись безъ усталн, съ отраднымъ упованнємъ,
Что на дѣла твои всегда печать кладетъ
Незрнмый въ небесахъ трудонъ твоихъ свидѣтель,
Когда сотрудникъ твой — святая добродѣтель!

¹⁾ Самый худшнй исходъ.

Кн. Владиміръ Ѳедоровичъ Одовскій.

9-го іюня 1823 г.—Москва.

Сію минуту получилъ письмо твое, любезный Вильгельмъ, и слышу отвѣчать тебѣ, чтобы не пропустить почты. Какъ я жалѣлъ о тебѣ, еслибъ ты зналъ! Я думалъ, что весь твой піитическій жаръ погаснетъ отъ холоднаго дождя, который, по крайней мѣрѣ здѣсь, не перестаетъ лить, какъ изъ ведра. Но твои присланныя пьесы успокоили меня. Напрасно ты бранилъ своего «Рогдая»: онъ молодецъ прензрядный, и ты хорошо сдѣлалъ, что подписалъ свое имя. Лирическое твое стихотвореніе также мнѣ очень, очень нравится; оно у тебя изъ души вышло.

Въ «Рогдаѣ» вотъ что, кажется, не худо бы переимѣнить: креслы — анахронизмъ; нельзя-ли какъ-нибудь, вмѣсто ихъ, включить въ стихъ — сѣмью дубовую? Въ 15-й строфѣ, въ последнемъ стихѣ, нельзя-ли, вмѣсто: такъ, поставить: и. Вотъ и все, что я могъ замѣтить. Твои Рогдаевы псы заставляютъ меня еще больше любить мою Лиллу и позволять ей разные проказы, въ которыхъ ты ее улчашешь. Самъ ты виноватъ.

Я все еще боленъ; у меня сдѣлалась-было крапивная лихорадка, которая прошла, но я еще все не выхожу. Грибоѣдовъ въ Петербургѣ. Настасья Ѳедоровна здѣсь и здорова, какъ равно и Марія Сергѣевна ¹⁾. Бѣгичева не видалъ. Соболевскій уѣхалъ въ деревню, но скоро пріѣдетъ; тогда отправлю его къ Вяземскому. Верстовскому и нѣкоторые вещи не понравились въ твоей оперѣ, напримѣръ, «Елкुकусъ», и онъ мнѣ сказалъ, что онъ боится поправлять безъ тебя; но я ему далъ за тебя слово, что ты не будешь за то сердиться, а какія переимѣны онъ сдѣлаетъ — тебя увѣдомлю. Впрочемъ, эти переимѣны не важны. Отъ Измаилова я получилъ письмо, которое тебѣ посылаю, какъ равно и письмо отъ твоей сестрицы. Если бы я былъ побогатѣ деньгами, то прислалъ бы къ тебѣ то, о чемъ она проситъ; но я такъ истратился деньгами во время болѣзни, что не знаю, что дѣлать.

Хочешь-ли слышать новости:

Одна — ужасна, можетъ быть, ты слышала о ней: лордъ Бейронъ... умеръ.

Петербургскіе профессора: Германъ, Арсеньевъ и Галичъ — прощены, последнему дана кафедра. Раубахъ — за границею.

Статья моя на Шаликова напечатана въ «Сынѣ Отечества».

«Мнемозина» совсѣмъ отпечатана; въ четвергъ поступитъ подписчикамъ.

Вотъ все, — прощай; слышу на почту. Не забудь поклониться отъ меня роднымъ своимъ, особливо твоей сестрицѣ; она должна быть премилая женщина, потому что любить тебя очень. Не забывай твоего вѣрнаго Одовскаго.

Присылай сказку — у меня все готово для третьей части. Каченовскій пропустилъ мою статью на Воейкова съ весьма малыми переимѣнами.

Егоръ Антоновичъ Энгельгартъ.

12-го іюня 1823 г.—Царское Село.

L'homme propose et Dieu dispose ²⁾! Старая пословица и надъ вами сбылась: не ѣхалъ тебѣ за море! Какъ ни вертѣли, какъ ни придумывали, какъ ни ста-

¹⁾ Мать и сестра А. С. Грибоѣдова.

²⁾ Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

рались принаравливать къ обстоятельствамъ и преодолѣть невозможности, но никакъ не могли прискать возможности причислить тебя къ этой экспедиціи, которая снабжена только самонужнѣйшимъ и, по предоставленнымъ ей ограниченнымъ способамъ, никакъ не можетъ дозволить себѣ ни малѣйшаго излишества. Персона же твоя, не въ обиду будь сказано, была бы тутъ относительно экспедиціи весьма излишнее прилагательное.

Видя совершенную физическую невозможность, которую мнѣ безпристрастно изложили два доброжелательные человѣка — Крузенштерня и Моллеръ, мы въ общемъ собраніи нашемъ, наконецъ, разсудили, что лучше не тратить попустому просьбы у государя о невозможномъ или, лучше сказать, несбыточномъ, а побережь ее на такой случай, гдѣ предвидится успѣхъ. Къ тому же еще и то, что твоя парижская вылазка еще здѣсь въ свѣжей памяти, такъ что неоднократно случалось мнѣ защищать тебя противъ важныхъ и не важныхъ людей. Не взирая на то, ты все еще здѣсь: *atro carbone notatus* ¹⁾. Да и пропшествовіе у Ермолова и удаленіе отъ него не въ твою пользу. Итого: надобно поспѣть у моря и подождать погоды!

Жаль, очень жаль, что планъ нашъ не сбылся! Эта неудача, конечно, разстроитъ почтенную твою мать, — постарайся успокоить ее. *Wer weiss, wozu das gut ist? der gute, alte Gott verlässt die guten Menschen nicht, und wenn die Noth am grössten ist, so ist die Hülfe am nächsten* ²⁾. На первый случай я не успѣлъ еще ничего другаго для тебя придумать; но не надобно унывать; подъ небомъ, даванець, все къ лучшему устроится и часто вопреки всѣхъ нашихъ расчетовъ, но все къ нашей пользѣ. Придумывай ты въ Закупѣ, а я — въ Царскомъ Селѣ; ужели мы оба чего-нибудь путнаго не выдумаемъ?

Я кажусь виноватымъ передъ тобою въ томъ, что столь долгое время оставлялъ тебя безъ отвѣта на твои три письма и «Посланіе Аргивянъ»; но, право, безъ вины виновать: съ 3-го мая, непрерывно каждый день, обязанъ сидѣть отъ 8-ми, 9-ти часовъ утра до 2-хъ и 3-хъ пополудни на экзаменахъ лицей и пансіона; особенно томительны послѣдніе, гдѣ не нахожу я ничего ни для сердца, ни для ума: *je suis cependant condamné a u faire tapisserie* ³⁾. А послѣ обѣда для отдохновенія то конференція, то правленіе, то торги, то пустая форменная переписка... такъ, что день за днемъ проходитъ и я не пахожу минуты, чтобы самъ съ собою справиться, чтобы пожить, съ друзьями побесѣдовать. Это пріятное препровожденіе времени все еще продолжается и я имѣю пріятную перспективу — прожить такимъ образомъ еще около двухъ недѣль!

Пользуюсь свободнымъ часикомъ, чтобы тебѣ, по крайней мѣрѣ, сказать, что я еще не умеръ, что не забываю тебя. Твоихъ Аргивянъ я получилъ и просмотрѣлъ ихъ *прозаически*, ибо о пинтическомъ ихъ достоинствѣ судить не мое дѣло. И такъ, какъ прозаикъ, какъ другъ твой и какъ человѣкъ, прошедшій черезъ горькую школу опыта, скажу тебѣ: Аргивянъ *ни и ѣ тебѣ* печатать нельзя. Съ тѣмъ сильнымъ предубѣжденіемъ, какое противъ тебя имѣютъ, и самое невинное сдѣлали бы виною, преступленіемъ. А въ Аргивянахъ есть множество мѣстъ, мыслей, выраженій, изъ коихъ могутъ извлечь ядъ, чтобы тебя отравить, погубить.

¹⁾ Помѣченъ въ трубѣ уголькомъ!

²⁾ Кто знаетъ, не къ добру-ли это? Господь Богъ не покидаетъ добрыхъ людей, и чѣмъ нужда сильнѣе, тѣмъ ближе бываетъ помощь.

³⁾ Однако обязанъ быть на выставкѣ.

Я передалъ все Гнѣдичу и Жуковскому, они, кажется, къ тебѣ хорошо и искренно расположены; они, вмѣстѣ, внимательно прочитаютъ твоё сочиненіе и произнесутъ приговоръ рѣшительный. На будущей недѣлѣ я съ обоими увижусь; вѣроятно, они сами къ тебѣ напишутъ и чрезъ меня доставятъ отвѣтъ свой къ тебѣ.

Если они найдутъ пьесу хорошею, какъ стихотворцы, то, можетъ быть, найдется какая-нибудь возможность напечатать и безъ имени; но и это опасно, ибо еще ни одинъ писатель не успѣлъ въ томъ, чтобы остаться незнаемымъ. Вѣрнѣе оставить ее на время, до проясненія неба твоего, въ *porte-feuille* — просмотрѣть, пересмотрѣть, очистить и, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, пустить въ свѣтъ. *Aucun auteur encore n'a souffert pour ne pas s'être pressé de publier son ouvrage, mais beaucoup ont pâti pour l'avoir fait trop tôt* ¹⁾. Я очень чувствую, какъ больно должно быть отцу, когда онъ видитъ себя принужденнымъ спрятать дѣтще свое и держать его подъ спудомъ; но нечего дѣлать: лучше принести маленькую жертву самолюбію авторскому, нежели, удовлетворивъ сему послѣднему, вредить себѣ!

Въ конференціи, которую я долженъ имѣть на будущей недѣлѣ съ Ж. и Г. (Жуковскимъ и Гнѣдичемъ), мы потолкуемъ о томъ, что бы тебѣ дѣлать, или что бы для тебя сдѣлать можно, чтобы нѣсколько поправить твоё состояніе. На первый случай, мнѣ кажется, хорошо бы, еслибъ могъ ты найти въ Смоленскѣ охотниковъ учиться тому, чему умѣешь ты учить. Говорятъ, что ты умѣлъ заохотить своихъ учениковъ въ университетскомъ пансіонѣ; еслибъ нашёлъ ты случай къ тому же и нынѣ, еслибъ на дѣлѣ показать, что ты хорошій учитель, то, можетъ, это безмятежное, скромное поприще доставитъ тебѣ то, о чемъ мы хлопочемъ: хлѣбъ и досугъ, чтобы заниматься по вкусу твоему.

Я бы вмѣлъ еще много тебѣ сказать: о тебѣ, о себѣ, о парижскихъ лекціяхъ твоихъ и пр., и пр., но на сей разъ не могу болѣе бесѣдовать съ тобою. Просидѣвъ сегодня до 3-хъ часовъ въ экзаменѣ, я на-скоро пообедалъ и въ 5 часовъ долженъ бѣжать въ конференцію, чтобы трактовать о выпускѣ изъ лицей, о назначеніи чиновъ, медалей и пр. Это продлится, вѣроятно, до ночи. Хорошъ денекъ—*suivi de plusieurs autres* ²⁾. Прощай, Вильгельмъ!

Почтенной твоей маменькѣ изъяви искреннее мое почтеніе и проси ее, чтобы не беспокоилась о тебѣ; Богъ поможетъ, все будетъ къ лучшему. Прощай! Твой вѣрный другъ Егоръ Энгельгардтъ.

Петръ Александровичъ Плетневъ.

С.-Петербургъ, 8-го сентября 1823 г.

На письмо твое, милый нашъ другъ, Вильгельмъ Карловичъ, отъ 26-го августа, изъ Москвы, я скажу только, что были бы всё, безъ сомнѣнія, готовы тебѣ помочь именами своими, если бы они къ чему-нибудь годились; да только нынѣ послѣдовало особое постановленіе, по которому никто не имѣетъ права издавать журналъ, если онъ до сихъ поръ не пздаль въ свѣтъ какого-нибудь особеннаго своего сочиненія, т. е. цѣлой книги. И такъ, одинъ Ф. Н. Глине а

¹⁾ Ни одинъ писатель еще не потерпѣлъ за то, что не спѣшилъ печатаніемъ своего сочиненія; весьма многіе пострадали за то, что поторопились этимъ.

²⁾ Сопровождаемый многими другими.

(который теперь сдѣлался и свидимкой) можетъ состоять въ этомъ разрядѣ, а Евгеній¹⁾ (опять удалившійся въ Финляндію), баронъ²⁾ и я—ничего тутъ не значимъ.

Сверхъ того, подниматься самому на новое изданіе литературнаго, и всякаго вообще, журнала тебѣ будетъ очень тяжело. Подписчиковъ годъ отъ года становится меньше. Неурожай хлѣба и дороговизна во всемъ отбили въ губерніяхъ всю охоту къ чтенію повременныхъ изданій. Я справлялся у Греча, и онъ мнѣ сказалъ, что, противъ прошедшаго года, у него вдвое меньше подписчиковъ. А ты знаешь, что его журналъ брали почти на ряду съ академическими вѣдомостями.

Я чувствую, милый другъ, что тебѣ необходимо нужно на что-нибудь рѣшиться, чтобы выпутаться изъ скучнаго учительскаго ремесла, котораго мужи никто, вѣрно, болѣе меня не чувствовалъ. Вотъ мое мнѣніе, если я не обижу тебя своимъ добродушнымъ совѣтомъ: подружись съ кѣмъ-нибудь изъ московскихъ журналистовъ, имѣющихъ уже довольное число подписчиковъ, да и возьми на себя обязанность обрабатывать у него какую-нибудь часть. За этотъ трудъ будешь получать хоть скудную плату, но достаточную для прожитія. Между тѣмъ, приготовай къ напечатанію какую-нибудь книгу, хоть въ стихахъ, хоть въ прозѣ. Для обезпеченія изданія оной можно будетъ сдѣлать пріятельскую подписку. Тогда ты, снявшаши право на издателя журнала, пріобрѣтши извѣстность и пропустивши теперешнія тугія, какъ говорятъ, времена, съ большимъ успѣхомъ приступишь къ исполненію нынѣшняго своего намѣренія. Подумай объ этомъ, любезный другъ!

Если хочешь и отсюда современемъ что-нибудь выработать, возьми вышедшія книжки «Журнала Изящныхъ Искусствъ», издаваемаго Григоровичемъ; разсмотри планъ и содержаніе изданія. На первый годъ издатель получилъ, черезъ А. Н. Оленина, на обезпеченіе издержекъ по изданію, отъ казны 8,000 рублей. Когда этотъ журналъ будетъ приносить выгоды, то издатель и на будущій годъ станетъ продолжать его. Онъ приглашалъ меня и Писова къ участію съ тѣмъ, чтобы по истеченіи года дѣлить, по количеству присылаемыхъ къ нему пьесъ, всѣ выгоды; а убытку мы, посторонніе, непричастны. Онъ радъ, вѣрно, будетъ, если и ты что-нибудь пришлешь соотвѣтственное его журналу. Я съ нимъ тогда переговорю, когда ты рѣшишься.

Жуковскій совѣстится, что виновать передъ тобой. Но нынѣшній годъ для него несчастенъ; онъ не можетъ хорошенько опомниться и надѣется, что ты простишь его.

Потрудись отдать приложенную записочку Лѣвушкѣ Пушкину.

Извини, что пишу мало. У меня совсѣмъ почти нѣтъ времени. Твой Плетневъ.

Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ.

14-го сентября 1823 г.—Царское Село.

Изъ писемъ моихъ къ Данзасу можешь ты видѣть, другъ мой, что я тебя не забылъ; не писалъ же я къ тебѣ, право, потому только, что не имѣлъ ні moralement, ні physiquement свободной минуты. Все это время прошло мнѣ,

¹⁾ Баратынскій.

²⁾ Дельвицъ.

какъ тяжкій сонъ; тысяча происшествій, одно другаго тягостнѣе; свучныя, бездушныя дѣла съ утра до ночи; экзамены, на коихъ никто участія не принимаетъ, но гдѣ долженъ былъ я ежедневно убивать по 6 и по 8 часовъ жизни своей; хлопоты о выпускѣ и, наконецъ—выпускъ и переводъ, и какой выпускъ и какой переводъ! Слава Богу, все кончено, худо-ли, хорошо-ли, и я, кончивъ свое дѣло, могъ подать просьбу объ увольненіи меня отъ должности, которую я нести болѣе не въ состояніи. Я надѣюсь быть отставленъ въ теченіе мѣсяца; прослуживъ близъ тридцати лѣтъ, я, на пятидесятомъ году жизни моеѣ, долженъ начинать помышлять о томъ, что буду ѣсть и чѣмъ буду кормить тѣхъ изъ близкихъ сердцу моему, которые не могутъ сами добывать себѣ хлѣбъ. Вѣроятно и я, слѣдуя твоему примѣру, начну давать уроки, стану переводить, сочинять, переписывать..... Богъ не оставитъ! Пропитаніе меня не беспокоитъ, я его добуду; но я въ службѣ нажилъ болѣе 30 тысячъ долга: это меня очень сокрушаетъ, ибо не понимаю, чѣмъ заплатить; впрочемъ, Богъ поможетъ; Онъ и тебѣ поможетъ! Лишь успѣлъ пріѣхать въ Москву и уже имѣешь два мѣста. за которыми вслѣдъ явятся и другія: *der einzelne Mensch, der nicht Müh' und Arbeit scheuet, kommt immer durch die Welt* ¹⁾. Будь только остороженъ, другъ мой, и не забудь, что ты все болѣе страдаешь за то, что ты говорилъ, нежели за то, что ты дѣлалъ. Говори менѣе; смотри, съ кѣмъ говоришь, и такъ какъ, дѣйствительно, иногда нужно намъ излить, облегчать сердце, то избери себѣ одного надежнаго человѣка, на примѣръ, въ Москвѣ, нашего Данзаса,—и иногда, коль уже не въ мочь молчать, проговори съ нимъ и выслушай его. Но, Боже ради, не говори много при людяхъ, *devant la foule vulgaire* ²⁾: они тебя или не поймутъ и потому перескажутъ говоренное тобою въ иномъ видѣ, или захотятъ тебѣ вредить и потому будутъ стараться представить все въ искаженномъ видѣ. Пиши иногда, пиши часто ко мнѣ — и если не всегда получишь отвѣтъ, то не позволяй себѣ приписывать это иной причинѣ, какъ дѣйствительной физической невозможности. Пиши, но помни опять, что письма часто читаются не однѣми тѣми лицами, къ которымъ они писаны, т. е. почтою. Быть можетъ даже, что ты, какъ *atro carbone notatus* ³⁾, болѣе другихъ подлежишь такому чтенію.

Il y a des moments dans la vie humaine, où l'on aime à ne pas songer au lendemain et où l'on fait bien de ne pas y songer, parce que ce lendemain n'offre rien d'attrayant; peut-être même présente-t-il du rebutant. Mais il ne faut pas confondre le lendemain avec le futur, avec l'avenir, qu'il faut toujours avoir en vue. C'est le levier de nos actions; c'est leur régulateur. Ayez toujours devant vous le bât, pour lequel vous existez dans le monde: d'être utile, de faire le bien autant que vos facultés le permettent. On se permet, quelquefois, dans le monde d'appeler honnêtes gens, ceux qui se bornent à ne pas faire du mal: c'est un abus de mots très répréhensible. Les morts en font autant et n'exigent pour cela aucune récompense ⁴⁾. И такъ, доколѣ чело-

¹⁾ Человѣкъ одинокій, не боящійся ни труда, ни работы, всегда пробьется на бѣломъ свѣтѣ.

²⁾ Предъ невѣжественной толпой.

³⁾ Помѣченный въ трубѣ уголькомъ, т. е. на дурномъ замѣчаніи.

⁴⁾ (Переводъ). Бываютъ мгновенія въ жизни человѣческой, когда человѣкъ не любитъ помышлять о завтрашнемъ днѣ—и хорошо дѣлаетъ, что не помышляетъ, потому что это завтра не представляетъ ничего привлекательнаго, а

вѣкъ не умеръ, онъ долженъ имѣть безпрестанно въ виду великую цѣль: споспѣшествовать (къ) общему благу; но рѣшить, въ чемъ состоитъ общее благо и что долженъ онъ, отдѣльно, къ тому дѣлать, — не всякъ, или, лучше сказать, рѣдко кто въ состояніи самъ собою рѣшить; и потому нужно, должно съ людьми совѣтоваться, которые опытнѣе, безпристрастнѣе насъ.

Жуковскаго я ловилъ, но не поймалъ; онъ, какъ говорятъ, сдѣлался совершенно придворнымъ человѣкомъ и не досугъ ему заниматься тѣмъ, что не дворъ; впрочемъ, я слышу, что онъ о тебѣ отзывается съ участіемъ. Теперь дворъ перебрался на зимнія, или, по крайней мѣрѣ, на осеннія квартиры, а потому ему свободнѣе будетъ заниматься. Я бы совѣтовалъ тебѣ написать къ Н. И. Гнѣдичу и попросить его напомнить Жуковскому о тебѣ, или, лучше сказать, о твоёмъ дѣтищѣ. Гнѣдичъ, кажется, добрый человѣкъ, который еще не совсѣмъ остылъ въ холодѣ большаго свѣта.

Нынѣшнее мѣсто жилъ у меня Стевенъ; чѣмъ болѣе узнаешь этого человѣка, тѣмъ болѣе его любишь. Пушкнъ сидитъ и судитъ въ уголовной палатѣ. Горчаковъ — въ Лондонѣ, Ломоносовъ — въ Парижѣ, Вальховскій очень занятъ управленіемъ дѣлага отдѣленія главнаго штаба. Саврасовъ катится какъ шарикъ — und lebt ganz still die Kleinigkeit sein Leben hin¹⁾. Масловъ занимаетъ важное мѣсто въ государственномъ совѣтѣ. Корфъ — камеръ-юнкеръ и начальникъ отдѣленія у министра финансовъ. Матюшинъ прозябаетъ на Ледовитомъ океанѣ; я его ожидаю сюда нынѣшнею зимою. Гревеницъ и Юдинъ — дипломатидружютъ. Дельвигъ поѣхалъ зачѣмъ-то въ Финляндію. Есаковъ довольно скучно служитъ въ Варшавѣ. Отставной штабсъ-ротмистръ Тырковъ живетъ домкомъ на Васильевскомъ Острову: у него и куры, и гуси, и утки, и весь домашній обиходъ заведенъ. Костенскій, не взирая на маститую старость свою, служитъ и дѣлаетъ новыя ассигнаціи. Малиновскій — капитанъ. Вотъ тебѣ почти всѣ нашп.

Если можешь себѣ достать нѣмецкій переводъ «Кавказскаго плѣнника», то прочитай его, онъ весьма удаченъ. Переводилъ нѣкто Вульффертъ, землякъ и сослуживецъ Стевена.

Теперь здѣсь. Схоронивъ въ Парижѣ Josephine, въ Дрезденѣ — жену, онъ возвратился сюда одинъ и тяжело чувствуетъ, что одинъ на свѣтѣ; его положеніе очень жалкое. Онъ тебя помнитъ и шлетъ тебѣ поклонъ. Прощай, Вильгельмъ! Если будешь писать къ почтенной твоей матери, то не забудь мой ей искренній поклонъ. Прощай, пиши и не хлопочи по пустому, если окажутся промежутки въ моихъ къ тебѣ письмахъ. Cela ne sera jamais manque de bonne volonté²⁾. Прощай! Твой вѣрный другъ Егоръ Энгельгардтъ.

Видаешь-ли Бакунина? Что онъ дѣлаетъ?

скорѣе что-то отталкивающее. Но не должно смѣшивать завтра съ будущимъ, съ грядущимъ, которое никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду. Оно рычагъ нашихъ дѣйствій; оно ихъ маятникъ, регуляторъ. Имѣйте всегда передъ собою цѣль, для которой вы существуете на свѣтѣ: чтобы быть полезнымъ и дѣлать добро, на сколько то позволяютъ способности ваши. Въ свѣтѣ, ниогда, позволяютъ себѣ называть честными людьми тѣхъ, которые не дѣлаютъ зла, но это весьма предосудительное злоупотребленіе словомъ. Мертвые также зла не дѣлаютъ и еще не требуютъ за то никакой награды.

¹⁾ Тихохонько проживаетъ свою маленькую жизнь.

²⁾ Причиною тому никогда не будетъ недостатокъ доброй воли.

Василій Ивановичъ Туманскій.

11-го декабря 1823 г. Одесса.

Спасибо тебѣ, другъ мой Вильгельмъ, за память твою обо мнѣ: я всегда былъ увѣренъ, что ты меня любишь не отъ дѣлать нечего ¹⁾, а отъ сердца. Два поклона твои въ письмѣ къ Пущину принимаю я съ благодарностью и съ мыслию, что намъ снова можно возобновить переписку, прекращенную нежданною твоею измѣною черкесу-Ермолову и должнмъ уединеніемъ твоимъ въ Смоленской губерніи. Само воображеніе не всегда успѣетъ слѣдовать за странностями твоей жизни и я дожидаюсь твоего извѣстія, чтобы понять ссору твою съ русскимъ Саладиномъ, какъ тебѣ случилось называть Алексѣя Петровича. Мнѣ очень горестно видѣть, что до сихъ поръ какой-то неизбежный fatum управляетъ твоими днями и твоими талантами и совращаетъ тѣ и другіе съ прямого пути. Который тебѣ годъ, любезный Кюхельбекеръ? Мнѣ очень стыдно признаться тебѣ, что, будучи гораздо моложе, я обогналъ тебя въ благоразуміи. Страхусь раздражить самолюбіе пріятеля, но, право, и вкусъ твой нѣсколько очеченился! Охота же тебѣ читать Шихматова и библію. Первый — каррикатура Юнга, вторая, несмотря на безчисленныя красоты, можетъ превратить музъ въ церковныхъ пѣвчихъ. Какой злой духъ, въ видѣ Грибоѣдова, удаляетъ тебя въ одно время и отъ наслажденій истинной поэзіи, и отъ первоначальныхъ друзей твоихъ? Наша литература похожа на экипажъ, который бы везли: рыба, птица и четвероногий звѣрѣкъ. Тотъ — улетаетъ въ романтизмъ, другой — плаваетъ въ классической лоханкѣ, а третій — тащится въ библейское общество! Горькую чашу мы пьемъ! Теперь бы время было соединиться узами таланта и одинакихъ правилъ, дабы успѣть еще спасти народную нашу словесность. Но для того надобно столько же ума, сколько трудолюбія, а у насъ господа поэты, исключая двухъ-трехъ, подобно мотылькамъ, страшатъ посидѣть долго и на дѣткѣ, чтобъ не утерять частичку блеска своего. Умоляю тебя, мой благородный другъ, отстать отъ литературныхъ мнѣній, которыя погубятъ твой талантъ и разрушатъ наши надежды на твои произведенія. Читай Байрона, Гёте, Мура и Шиллера, читай кого хочешь, только не Шихматова.

Я долженъ бы сказать теперь нѣсколько словъ о себѣ, но для этого нужно длинное письмо, а я боюсь утомить тебя описаніемъ переменъ въ моемъ положеніи и въ моихъ мысляхъ. Мнѣ здѣсь хорошо: у меня довольно знакомыхъ и мало времени для скуки и бездѣйствія. Часто вспоминаю прошедшее, освѣщенное солнцемъ молодости, — оно имѣетъ для меня однѣ пріятности. Жеромъ и Фавни, ты и madame Смитъ, Имперанн и Агнеса, какъ лица занимательнаго романа, оживляютъ мои удивленные мечты. Быть можетъ, и муза посѣщаетъ иногда стараго своего друга, но я стараюсь уже сохранять втайнѣ эти свиданія. Прощай, милый другъ; пиши ко мнѣ, особливо о твоихъ похожденияхъ въ Грузіи, и вѣрь дружбѣ твоего неизмѣннаго Туманскаго.

Поклонись за меня хорошенько нашему умному Вяземскому и ученому Раччу! Да, пожалуйста, не приправляй писемъ своихъ французскими фразами.

Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ.

Декабря 12-го дня 1823 г.—С.-Петербургъ.

Житель столицы тебѣ влается! Письмо твое получилъ я на послѣднихъ дняхъ моей царскосельской жизни, посреди хлопотъ, перѣзда и грусти расста-

¹⁾ Citation de mon nouveau poëme (ссылка на новую мою поэму): *Suum cuique.* (каждому свое).

ваяя, и потому тебѣ не отвѣчалъ. Не извиняюсь предъ тобою; ты знаешь меня, знаешь, что мнѣ былъ лицей, и потому знаешь, что въ душѣ моей происходило и что я не въ состояніи былъ писать. Теперь нѣсколько пообразумился и потому пишу къ тебѣ, но не отвѣтъ на послѣднее твое письмо, ибо я оное еще не найду въ хаосѣ бумагъ, которыя я связалъ тамъ и привезъ сюда и не имѣлъ еще ни времени, ни охоты ихъ разобрать.

Данзасъ тебѣ въ своего письма скажетъ, что я дѣлаю. Основываясь на томъ, приступаю я къ предмету моего письма. Ты увидишь, что я издаю нѣмецкій журналъ; для онаго мнѣ надобны матеріалы. Нѣсколько лицейскихъ мнѣ помощники, ergo и ты — и вотъ тебѣ работа: Ich will ein Übersicht aller in Russland jetzt existirenden Gelehrten, litterarischen Gesellschaften und Korporationen — nicht die Universitäten und Lehranstalten, ausser wenn bei selbigen etwa ein gelehrter oder litterarischer Verein gebildet ist. Diese Übersicht muss enthalten: a) Epoche der Gründung der Gesellschaft; b) ihre etwanigen Veränderungen im Laufe der Zeit; c) ihren Zweck; d) ihre Beschäftigungen, Werke, Journale u. s. w. kurz characterisirt; e) die Namen einiger ihrer besonders merkwürdigen Mitglieder und — f) was sonst noch dazu dienen kann das Wesen zu characterisiren ¹⁾.

Вотъ тебѣ задача довольно трудная, потому что нелегко будетъ собрать всё сіи свѣдѣнія съ точностію и вѣрностію; но я увѣренъ, что ты, какъ русскій литераторъ, найдешь способы это все собрать, и собрать такъ, чтобы все основано было на фактахъ и чтобы не могли послѣ попрекать насъ въ односторонности и неосновательности. Поработай, братъ Вильгельмъ, ты меня очень одолжишь. Между тѣмъ, однако, увѣдомь меня, можешь-ли ты, при прочихъ своихъ занятіяхъ, взять на себя еще этотъ Plus; если же нельзя, то, не теряя времени, скажи мнѣ откровенно, я на кого-нибудь другаго наложу. Если, кромѣ сего, попадетъ тебѣ подъ лапу что-нибудь для меня годное, то сообщи, — я съ благодарностію приму все, что можетъ послужить къ распространенію вѣрныхъ и ясныхъ понятій о состояніи нашего отечества — aber ich beschränke mich bloss auf reine und erwiesene Thatsachen und Facts, und gebe von Raisonnement und Beurtheilung nur genau so viel als nöthig ist, um den Leser in Stand zu setzen selbst urtheilen zu können ²⁾.

Если будешь писать ко мнѣ, то припиши на надписи: «отдать его высоко-родію Федору Августовичу Гану, въ почтамтѣ», и когда напишешь, то не забудь, что письма на почтахъ часто читаютъ и что, вѣроятно, твои письма особенно читать станутъ. Прощай на сей разъ. Я все еще, какъ въ чадѣ хожу

¹⁾ (Переводъ). Хочу я обзора всѣхъ, нынѣ существующихъ въ Россіи ученыхъ и литературныхъ обществъ и корпорацій, за исключеніемъ университетовъ и учебныхъ заведеній, кромѣ тѣхъ только случаевъ, если при нихъ устроено еще какое-либо ученое или литературное собраніе. Обзоръ этотъ долженъ заключать: а) эпоху основанія общества; б) перемѣны, происшедшія въ немъ съ теченіемъ времени; с) его цѣль; д) его занятія, труды, журналы и т. д., изложенные въ короткихъ словахъ; е) имена нѣкоторыхъ, особенно замѣчательныхъ, его членовъ, и ф) что еще можетъ служить для его характеристики.

²⁾ (Переводъ). Но я ограничиваюсь несомнѣнными и подтвержденными дѣяніями и фактами, давая мѣсто разсужденіямъ и умозаключеніямъ единственно настолько, насколько это необходимо, чтобы читатель былъ въ состояніи разсуждать самъ.

и, вѣроятно, письмо мое снѣмъ отзывается. Въ другой разъ надѣюсь писать къ тебѣ болѣе и толковѣе. Прощай, я всегда по прежнему твой другъ, Егоръ Энгельгардтъ.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій.

(1824 или 1825 г.).

Милый Вильгельмъ! Письмо это тебѣ доставитъ Николай Васильевичъ Пугача, человѣкъ уважающій твои дарованія, твой нравъ и твое сердце и потому желающій съ тобою сблизиться. Мы вмѣстѣ жили въ Гельсингфорсѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ; ежели подробности, до меня касающіяся, покажутся тебѣ занимательными, можешь его распросить; онъ тебѣ разскажетъ все, что невозможно умѣстить въ письмѣ.

Давно, и слишкомъ давно, я къ тебѣ не писалъ; но ты самъ виноватъ, не доставя мнѣ своего адреса. Пославъ мнѣ 1-ю часть «Мнемозины», ты не удостоилъ меня ни двумя строчками твоего рукописанія; несмотря на то, я желалъ поблагодарить тебя за пріятный для меня подарокъ, но не могъ, ибо не зналъ мѣста твоего жительства, ꙗ рѣшился для возобновленія нашей переписки дожидаться того времени, когда ты до такой бы степени прославился своимъ журналомъ, чтобы можно было надписывать письма къ тебѣ, какъ нѣкогда надписывали ихъ къ математикѣ Эйлеру: Г-ну Кюхельбекеру въ Европѣ. Не сердись за эту шутку, старый товарищъ, а прими мой сердечный привѣтъ отъ добраго сердца.

Я читалъ съ истиннымъ удовольствіемъ въ 3-й части «Мнемозины» разговоръ твой съ Булгариннымъ. Вотъ какъ должно писать комическія статьи! Статья твоя исполнена умѣренности, учтивости и, во многихъ мѣстахъ, истиннаго краснорѣчія. Мнѣнія твои мнѣ кажутся неоспоримо справедливыми. Тебѣ отвѣчали глупо и лицемерно.

Не оставляй твоего изданія и продолжай говорить правду. Я увѣренъ, что оно болѣе и болѣе будетъ расходиться; но я совѣтовалъ бы тебѣ сдѣлать его, по крайней мѣрѣ, ежемѣсячнымъ. Ты знаешь, что журнальная литература получаетъ всю свою занимательность отъ занимательности всеневныхъ обстоятельствъ, о которыхъ она судитъ и ридитъ; пропущено время — потеряно дѣйствіе.

Посылаю тебѣ кое-что для твоего журнала; послалъ бы болѣе, ежели-бъ имѣлъ, но, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Прощай, милый Вильгельмъ; отвѣчай мнѣ, сдѣлай милость; напиши, какъ живешь и что съ тобою. Наше старое знакомство даетъ мнѣ право требовать отъ тебя нѣкоторой довѣренности; я тотъ же сердцемъ, надѣюсь, что и ты не переимѣнился. Преданный тебѣ Баратынскій».

Баронъ Антоѣ Антоновичъ Дельвигъ.

1824 г.

Любезный Вильгельмъ! Ради Бога, нанечатай у себя «Узницу» — Козлова. Ты утѣшишь человѣка слѣзого и безвогаго, который имѣетъ одну только отраду въ жизни — поэзію. Да скажи, что не выходитъ твоя «Мнемозина»? Мы ждемъ ее, какъ Озириду.

Познакомь меня, какъ знаешь и какъ можешь, съ твоимъ товарищемъ ⁽¹⁾. Литературно я знаю и люблю его. Уговори его и себя что-нибудь прислать въ новый альманахъ: «Сѣверные цвѣты», мною издаваемый. Онъ будетъ хорошъ:

⁽¹⁾ Кн. В. Ѳ. Одоевскимъ.

Игнаціусъ рисуеъ картинки, бумага веленевая, печать лучшая въ Петербургѣ, а съ помощью друзей начинка не уступитъ украшеніямъ.

Я скоро пришлю тебѣ нѣсколько своихъ пьесъ; Жуковскій тоже. Онъ полагаетъ, что ты ругаешь его за лѣнь. Ему очень совѣстно, что онъ не отвѣчалъ тебѣ, и оправдывается только тѣмъ, что у него очень мало свободнаго времени и что онъ почти никому не пишетъ. Плетневъ и Баратынскій цѣлуютъ тебя и увѣряютъ, что они все тѣ же, что и были: любятъ своего милого Вильгельма и тихонько пописываютъ элегіи.

Письмо это доставитъ тебѣ очень милый молодой человѣкъ, европейскаго клейма, адъютантъ Мухановъ. Онъ желаетъ съ тобой познакомиться, и я увѣренъ и знаю, какъ ты его примешь. Но рука моя, сверхъ обыкновенія своего, расписалась — пора перестать! Прощай! Цѣлую тебя, не какъ Иуда Искаріотскій, но какъ бы поцѣловалъ разбойникъ, если бы могъ онъ на крестѣ цѣловаться. Твой Дельвигъ ¹⁾.

Степанъ Никитичъ Бѣгичевъ.

23-го марта 1825 г.—Москва.

Любезный Вильгельмъ Карловичъ! Письмо ваше я имѣлъ удовольствіе получить и прошу сто разъ извиненія, что не отвѣчалъ съ первой почтой. Одоевскій не давался мнѣ, какъ кладъ; я былъ у него два раза и не заставалъ дома. Только на дняхъ увидѣлся я съ нимъ въ концертѣ и онъ увѣрялъ меня, что деньги къ вамъ ужъ давно посланы, а также и три части «Мнемотины» доставлены по адресу. Четвертая же часть, говоритъ онъ, выйдетъ на дняхъ, и если не вышла еще до сихъ поръ, то не отъ недостатка во времени, но отъ разстройства финансовъ его.

Вотъ вамъ, любезнѣйшій Вильгельмъ Карловичъ, полный отчетъ объ исполненіи препорученій вашихъ. Душевно я радуюсь, что Фортуна начинаетъ вамъ улыбаться; но если эта вѣтренница опять обернется спиной, то прошу не забыть общанія вашего — доставитъ намъ удовольствіе пріѣхать на лѣто въ Ефремовскій уѣздъ. Можетъ быть, на зло Фортунѣ, вы проведете время пріятно въ обществѣ любящихъ васъ всѣмъ сердцемъ.

«Телеграфъ» глумится ежедневно и Булгаринъ вооружился на него:

Одинъ напишетъ вздоръ,
Другой — на то разборъ;
А разобрать труднѣе,
Кто изъ двоихъ глупѣе ²⁾!

На дняхъ должно ожидать открытія жестокой полемической войны и великаго чернилопротія. Радуюсь, что Одоевскій потерялъ, кажется, охоту подвизаться на семь попріцѣ.

Грибоѣдовъ ко мнѣ ничего не пишетъ, но Марья Сергѣевна (его сестра) говорила, что онъ собирается въ Крымъ. Я очень этому радъ, ибо увѣренъ, что онъ, по дорогѣ, заѣдетъ къ намъ. Будьте здоровы, мой любезный другъ, и вѣрьте, что душевно уважаетъ васъ преданный вамъ всѣмъ сердцемъ, покорнѣйшій слуга Степанъ Бѣгичевъ.

¹⁾ На оборотѣ: «В. К. Кюхельбекеру—подъ Новинскимъ, въ домѣ Левашева».

²⁾ Эпиграмма эта принадлежитъ Грибоѣдову. Бѣгичевъ, другъ Грибоѣдова, извѣстенъ романомъ «Семейство Холмскихъ» и друг. Ред.

Мои друзья

В. Куприяновскыи.

Ке галбон
Твоеи Вираи Рубеиак

Мои дружины друзья
Евгень Александровичъ.

Мои Плетевы

степаны
Томашу

В. К. Кухальберъ.
И. А. Плетевъ.

Е. А. Энгельгартъ.

Князь В. Ф. Одоевскій.
С. Н. Бѣлицыи.

[ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОИ СТАРИИЪ» 1875 Г., ТОМЪ XII].

Барановъ
Мои друзья
Александръ

Меня в почитаемых словах
замечательна доброты и искренности. Вы
кто-то иная суровая свое или лучше, а именно
какого, иному).

Василь Мещеряковъ.

Е. А. Барановский.
В. А. Жуковский.

Бар. А. А. Дельвигъ.

Н. Н. Гейдичъ.
А. С. Грабободовъ.

[ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1875 Г., ТОМЪ XIII].

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ШИШКОВЪ,

р. 1754 † 1841 г.

Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго.

I.

Жизнь и дѣятельность Александра Семеновича, какъ государственнаго человѣка и какъ писателя, довольно извѣстна. Въ настоящемъ очеркѣ я намѣренъ записать нѣкоторыя подробности его частной жизни, домашней обстановки, близко мнѣ извѣстныя. Здѣсь найдутъ также мѣсто его взгляды и сужденія по разнымъ предметамъ, высказываемыя имъ въ домашней жизни и по которымъ онъ, несмотря на свои лѣта и положеніе, по обычному благодушію, допускалъ всякія словопренія. Я говорю здѣсь о періодѣ съ 1824 г. по первое пятилѣтіе 30-хъ годовъ.

Александръ Семеновичъ, бывши тогда министромъ народнаго просвѣщенія и имѣя подѣ 70 лѣтъ, женился (вторымъ бракомъ) на Юліи Осиповнѣ, рожденной Нарбуттъ, вдовѣ д. с. с. Лобаржевскаго, послѣдовавшаго въ Петербургъ за польскимъ королемъ Станиславомъ-Августомъ послѣ его отреченія; ей было болѣе 45-ти лѣтъ.

Эта запоздалая женитьба вызвала въ городѣ много толковъ. Когда Шишковъ испрашивалъ себѣ у императора Николая позволенія на бракъ, государь далъ его съ милостивою улыбкой, и вслѣдъ за этимъ, попросивъ въ свой кабинетъ государыню, представилъ ея величеству маститаго жениха, какъ „будущаго молодаго“. Бракъ этотъ, однако-жъ, сверхъ ожиданія, оказался счастливымъ. Г-жа Шишкова славилась нѣкогда красотою, отъ которой въ ея лѣта оставался еще значительный процентъ. Она была умная, великосвѣтски-образованная и очень добрая женщина. Утомленный одиночествомъ, почтенный старикъ (онъ не имѣлъ дѣтей) нашелъ въ женѣ прекрасную хозяйку, преданную по-другу, ухаживавшую за нимъ съ заботливостію сестры милосердія, что

въ женитьбѣ Александра Семеновича „и требовалось доказать“. Это признавали всѣ бывавшіе въ домѣ, и г-жа Шишкова достигла разрѣшенія самой трудной задачи: она приобрѣла искреннюю привязанность недовольныхъ ея бракомъ близкихъ родственниковъ мужа.

До его женитьбы первая моя встрѣча съ Шишковымъ была слѣдующая. Въ одинъ изъ 20-хъ годовъ было у меня какое-то дѣло въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ департаментѣ мнѣ сказали, что нужно подать прошеніе лично министру. Онъ тогда занималъ министерскій домъ въ Почтамтской улицѣ (въ послѣдствіи перешедшій въ почтовое вѣдомство и совершенно перестроенный). Послѣ доклада меня ввели въ большую залу, гдѣ я засталъ министра въ халатѣ. Онъ кормилъ любимаго попугая, изъ породы вакаду, до того вылинявшаго отъ старости, что, кромѣ желтаго хохла на головѣ, не было уже на немъ ни одного перышка. Александръ Семеновичъ принялъ меня любезно, взявъ прошеніе, сказалъ, что оно будетъ тщательно рассмотрѣно и со всѣми справками доложено ему отъ департамента. Говоря это и держа мою бумагу въ одной рукѣ, другой онъ продолжалъ ласкать отвратительную птицу, которая, вѣроятно, была старѣе его. Я раскланялся и ушелъ. Но напрасно въ слѣдующіе дни я навѣдывался въ департаментъ; прошеніе мое туда не поступало. Наконецъ, по моему настоянію, директоръ справлялся у прислуги и изъ разказа камердинера оказалось, что по моему уходѣ Александръ Семеновичъ положилъ прошеніе у самой клѣткѣ и забылъ, а вакаду досталъ его своимъ клювомъ и истеребилъ въ куски. Хорошо еще, что къ нему не было приложено никакого документа. Я долженъ былъ подавать вторичное прошеніе; министръ принялъ его какъ нѣчто новое; но на этотъ разъ оно въ цѣлости достигло своего назначенія и имѣло благопріятный исходъ.

Юлія Осиповна была мнѣ родственница по женскому колѣну и приходилась бабушкой, но въ виду, что она могла еще имѣть притязанія на красоту, я ее называлъ *ma tante*. По выходѣ ея замужъ, я сдѣлался у Шишковыхъ домашнимъ человѣкомъ; тетушка просто баловала меня и утверждала, что Александръ Семеновичъ полюбилъ меня; онъ даже спрашивалъ обо мнѣ, когда я нѣсколько дней не являлся. Впрочемъ, я былъ не бесполезенъ для нея. Когда никого другаго не было, Юлія Осиповна посылала меня бесѣдовать съ мужемъ, особенно въ тѣ послѣобѣденные часы, когда почтенный дядюшка, не для сна (онъ не спалъ днемъ), а для отдохновенія укладывался на диванѣ, и когда нанятая для этого женщина чесала ему голову съ бѣлками, какъ серебро, волосами. Онъ съ удовольствіемъ разговаривалъ со мною и хоть это не совсѣмъ совпадало съ наклонностями молодого человѣка, однако, я не скучалъ. Шишковъ рассказывалъ иногда

анекдоты изъ своей жизни, но болѣе всего время проходило въ диспутахъ о разныхъ предметахъ. Я возвращусь къ этимъ бесѣдамъ, а теперь расскажу маленькій эпизодъ изъ моихъ отношеній къ Шишковымъ.

Въ моей фізіономіи должно быть что-нибудь такое, что привлекаетъ ко мнѣ промышленниковъ всякаго рода, общая имъ легкую поживу. Это очень не лестно, но что же дѣлать? это фактъ. Если на улицѣ, по которой я иду, найдется какой-нибудь плутъ, продающій съ таинственными ужимками мнимо-краденныя вещи: солдатъ, просящій подаенія, подъ видомъ, что онъ потерялъ что-нибудь изъ аммуниціи; плачущая дѣвушка, утверждающая, что она потеряла бортонку, съ которою была послана изъ моднаго магазина, — то каждая изъ такихъ личностей непремѣнно, минуя другихъ прохожихъ, пристаётъ ко мнѣ. Тоже самое съ шпионами всякаго разбора. Въ 50-ти-лѣтнее пребываніе мое въ Петербургѣ я пережилъ нѣсколько поколѣній этихъ пріятныхъ господъ, и особенно когда я былъ еще молодъ, почти все главные изъ нихъ, поочереды, охотились за мною. Сознвая за свою наружностью упомянутый недостатокъ, я былъ очень остороженъ и мнѣ ниразу не случилось попасть въ ботги фискаловъ; послѣднее, впрочемъ и потому, что я не скрывалъ и не имѣлъ ничего скрывать. Погоня эта, въ первые 15 или болѣе лѣтъ моего пребыванія въ столицѣ почти непрерывная, забавляла меня; я внутренно смѣялся, видя какъ они напрасно расточаютъ свои лекоковскія способности и теряютъ дорогое время. Когда въ послѣдствіи я близко познакомился съ начальникомъ тайной полиціи Л. В. Дубельтомъ, какъ съ товарищемъ по главному управленію цензуры, я подсмѣивался предъ нимъ надъ недогадливостью агентовъ, не смежавшихъ сразу, что со мною для нихъ не предстоитъ никакого дѣла.

Одинъ изъ фискаловъ настойчивѣе другихъ меня преслѣдовалъ; это было въ 1829 г., когда еще думали, что отъ декабристовъ могли остаться отрасли и когда въ Царствѣ Польскомъ учащались симптомы, предвѣщавшіе будущія событія. Я, тогда еще не женатый, часто обѣдывалъ въ извѣстномъ французскомъ ресторанѣ Андриѣ (потомъ Дюме), гдѣ собиралось вообще хорошее общество, но такъ какъ это было заведеніе почти открытое, хотя и безъ выпѣски, но не требовавшее строгой рекомендаціи, то постоянно, въ числѣ гостей, былъ одинъ или два шпиона. Тотъ, который специально охотился за мною, старался всегда садиться за столомъ возлѣ меня, завелъ, какъ ему казалось, близкое знакомство, оказывалъ ко мнѣ особенную симпатію и говорилъ комплименты. Послѣ обѣда, когда одни усаживались за домино, другіе допивали кофе и курили сигары, мой Лекокъ не отста-

валь отъ меня. Онъ имѣлъ манеры хорошаго общества, прекрасно говорилъ по-французски, по-польски и постоянно наводилъ разговоръ на дѣла Царства Польскаго и, упоминая о столкновеніяхъ, которыя у мѣстныхъ властей случались съ императорскимъ комиссаромъ Новосильцовымъ и съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, принималъ всегда сторону поляковъ. Онъ заводилъ также рѣчь о декабристахъ, о ихъ связи съ польскими заговорщиками, о тайныхъ обществахъ между виленскими студентами и т. п. При этомъ онъ оглядывался на всѣ стороны, какъ бы боясь быть подслушаннымъ и давалъ мнѣ наставленія, какъ надо быть осторожнымъ въ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ бывають шпионы. Иногда, для оживленія разговора, его сіятельство (онъ былъ князь) спрашивалъ себѣ une molécule (такъ у Андріе называли бутылку шампанскаго), и тогда, чокаясь со мною, притворялся еще болѣе откровеннымъ и прямо уже осуждалъ дѣйствія правительства, мѣняя часто предметы, дабы попасть на мою слабую сторону и поймать меня на чемъ-нибудь. Все это было „шито бѣлыми нитками“. Я сразу раскусилъ его, но оставлялъ въ иллюзиі, что слова его принимаю за холячую монету. Отвѣчая на его декламациі, я отдѣлывался общими мѣстами и вообще заступался за существующій порядокъ; онъ все таки не отчаявался, что заставитъ меня высказаться въ его духѣ. Наконецъ, комедія эта мнѣ надоѣла и я довольно круто отдѣлался отъ продолженія подобныхъ бесѣдъ. Между тѣмъ я узналъ положительно, что мой собесѣдникъ—официальный агентъ и что въ этомъ характерѣ онъ состоитъ при генераль-губернаторѣ одной изъ западныхъ губерній. Онъ отсталъ отъ меня не безъ досады, что былъ проведенъ молодымъ человѣкомъ.

Это происходило лѣтомъ и Шишковы жили на дачѣ, по Каменно-островскому проспекту, въ домѣ Аллера. Меня просили бывать каждый день и даже хотѣли отвести для меня комнату; но я тогда велъ жизнь довольно разсѣянную, въ кружкѣ, къ которому принадлежали Туркуль, Вобрь, Собанскій, Шеміотъ и др. и гдѣ мы много играли. Но по воскресеньямъ бывалъ у Шишковыхъ обязательный обѣдъ. Въ одинъ изъ такихъ дней я отправился на дачу раньше, чтобы до обѣда погулять по парку. Войдя въ домъ, въ приемной залѣ засталъ моего князя; онъ, съ бумагою въ рукахъ, дожидался выхода министра. Мы поздоровались довольно холодно, а между тѣмъ обо мнѣ доложили Юліи Осиповнѣ. Отворяется дверь, тетушка выбѣгаетъ съ распростертыми объятіями, и упрекаетъ, что я пропадаю, что ихъ забываю. Князь не могъ скрыть своего удивленія и смущенія, видя такой приемъ того, кого онъ ловилъ въ свои сѣти, и кто, повидимому, разгадалъ его. Тетушка увела меня въ свою комнату и тамъ, назвавъ ожидав-

шаго въ залѣ, спросила не знаю-ли я его и какой это человѣкъ? такъ какъ онъ ищетъ вакантнаго мѣста председателя одного изъ цензурныхъ комитетовъ, нашелъ дорогу къ ней и просилъ ея протекціи. Я разсказалъ о немъ все что зналъ и, разумѣется, мой бывший другъ не получилъ просимаго мѣста.

Шинкова старалась всячески ублажать старые годы своего мужа. доставлять ему удовольствія и развлечения. Въ обыкновенные дни, по вечерамъ, она составляла для него партію въ вистъ, въ который онъ любилъ играть. Родственниковъ его принимала радушно и почти всегда кто-нибудь изъ нихъ гостилъ у Шинковыхъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. По воскресеньямъ бывали вечера, на нихъ собиралось много гостей высшаго общества, въ томъ числѣ всѣ старые друзья и сослуживцы хозяина. Въ одну годовщину его рожденія, жена, въ тайнѣ отъ него, устроила сюрпризъ. Она хорошо пѣла, у ней былъ небольшой, симпатичный сопрано. Одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ стихотворцевъ сочинилъ для нея приличные случаю куплеты. Созвано было много гостей. Послѣ чая Александра Семеновича попросили отъ партіи, которую онъ уже игралъ, въ большую залу. Пропѣты были куплеты, отъ которыхъ старикъ пришелъ въ умиленіе; затѣмъ, Каратыгинъ (старшій) продекламировалъ нѣсколько сценъ изъ какой-то театральной пьесы, переведенной во время оно Шинковымъ съ французскаго, а извѣстный стихотворецъ, Борисъ (прозванный Борькой) Федоровъ († 1875 г.), прочиталъ свои стихи: „Утро Александра Семеновича“, гдѣ играли роли: жена, директоръ департамента народнаго просвѣщенія и фаворитъ-попка, тотъ самый, который нѣкогда съѣлъ мое прошеніе. Маститый виновникъ праздника былъ очень доволенъ; затѣмъ вечеръ перешелъ въ балъ; Шинковъ любилъ, чтобы у него молодежь танцевала.

Кстати объ этомъ праздникѣ, разскажу выходку англичанина, показывающую, какъ отношенія къ помѣщикамъ крестьянъ, состоявшихъ подъ крѣпостнымъ правомъ, представлялись глазамъ британца. Былъ въ Петербургѣ англичанинъ, учитель пѣнія, Кельнеръ, большой руки оригиналь. Извѣстно было, что онъ побочный сынъ короля Георга III. Воспитываясь въ высшемъ учебномъ заведеніи въ Англіи, онъ оказывалъ большія музыкальныя способности и, обладая прекраснымъ basso cantante, специально посвятилъ себя изученію музыки. О своемъ происхожденіи Кельнеръ узналъ только по окончаніи воспитанія и пришелъ въ негодованіе. Ему, какъ и другимъ побочнымъ дѣтямъ англійскихъ монарховъ, носящимъ передъ своей фамиліею слогъ Fitz, предстояло значительное положеніе; но онъ заявилъ, что не принимаетъ никакихъ предлагаемыхъ ему преимуществъ и пособій и будетъ самъ

заработывать средства къ жизни. Онъ принялъ даже нѣмецкую фамилію, сдѣлался учителемъ пѣнія, и чтобы ничто въ отечествѣ не напоминало ему ненавистнаго происхожденія, поселился съ женою въ Петербургѣ, гдѣ приобрѣлъ большую практику; тайна его, однако-жъ, разглашена была петербургскими англичанами, но никто не смѣлъ намекнуть ему о ней. Впрочемъ, это былъ умный человѣкъ и вполне джентльменъ. Г-жа Шишкова встрѣтила его, когда я уже былъ женатъ, въ нашемъ домѣ, гдѣ онъ давалъ уроки моимъ падчерицамъ. Она просила его дать ей нѣсколько уроковъ въ виду будущаго сюрприза и для этого Кельнеръ бывалъ по утрамъ въ министерскомъ домѣ. Но однажды, во время урока, доложили Юліи Осиповнѣ, что староста изъ деревни привезъ оброкъ. Она просила учителя немпого подождать, и пошла къ старостѣ. Тотъ, по тогдашнему крестьянскому обычаю, упалъ ей въ ноги. Увидѣвъ это въ анфиладу комнату, Кельнеръ, съ крѣпкимъ англійскимъ словомъ, вскочилъ со стула, надѣлъ шляпу, и такъ прошелъ черезъ всѣ комнаты, а въ послѣдней обнялъ ошеломленнаго мужа, со словами „roog brother!“ и обращаясь къ хозяйкѣ дома, сказалъ: „Милостивая государыня, если бы я могъ ожидать, что увижу у васъ такое варварство, такое униженіе человѣческой природы, то нога моя не переступила бы вашего порога. Не ждите меня болѣе“. Кельнеръ съ ожесточеніемъ разсказывалъ намъ объ этомъ и мы напрасно старались успокоить его; невинную Шишкову онъ возненавидѣлъ.

Извѣстно, что предметъ, которымъ Александръ Семеновичъ всегда преимущественно, а въ послѣдніе годы своей жизни исключительно занимался, были изысканія лингвистическія. Для этого нужно было знаніе древнихъ, восточныхъ и новѣйшихъ европейскихъ языковъ; но это знаніе у него было довольно скудно. Несмотря на это, онъ усвоилъ себѣ и постоянно развивалъ ту мысль, что славянскій языкъ — древнѣйшій изъ всѣхъ и что всѣ человѣческіе діалекты произошли изъ этого общаго источника. Это былъ его конѣкъ, доставлявшій невинное и неголоволонное занятіе старому заслуженному сановнику.

Въ интимныхъ бесѣдахъ со мною Шишковъ очень рѣдко и только случайно затрогивалъ этотъ предметъ, вѣроятно считая его слишкомъ важнымъ для того, чтобы трактовать о немъ съ молодымъ человѣкомъ, а меня—недовольно зрѣлымъ для принятія такой премудрости. Зато онъ охотно разсказывалъ анекдоты изъ прежней своей службы; я запомнилъ слѣдующіе:

Шишковъ былъ флигель-адъютантомъ императора Павла. Однажды, въ дежурство Александра Семеновича, государь принялъ балъ у кня-

зей Гагаринныхъ, данный въ извѣстномъ, подаренномъ императоромъ княжѣ Гагариной великолѣпномъ домѣ, въ Большой Милліонной ¹⁾). Обязанность дежурнаго флигель-адъютанта была слѣдовать нога въ ногу за государемъ на случай какихъ-нибудь приказаній. Балъ продолжался уже нѣсколько времени; Павелъ Петровичъ былъ веселъ и разговорчивъ. Вдругъ отворяется дверь и въ ней показывается графъ К***. Государь видимо призналъ неумѣстнымъ, что, зная о присутствіи его на балѣ, одинъ изъ званныхъ позволилъ себѣ явиться позже высочайшаго гостя. Едва графъ успѣлъ переступить порогъ, какъ государь, обращаясь къ Шишкову, говоритъ: „Флигель-адъютантъ, ступай къ графу К. и скажи ему, что онъ дуракъ“. Александръ Семеновичъ говорилъ, что никогда въ жизни не былъ въ такомъ затруднительномъ положеніи, какъ въ эту минуту, тѣмъ болѣе, что тотъ, кому велѣно было сказать такую любезность, былъ знатная особа. Но дѣлать было нечего. Онъ подходитъ къ этой особѣ и съ низкимъ поклономъ начинаетъ: „Государь императоръ приказать...“ Но государь, пошедшій вслѣдъ за нимъ, перебиваетъ и вскрикиваетъ. „Не такъ, говори какъ приказано и больше ничего“. Послѣ того молодой офицеръ, снова раскланявшись, во всеуслышаніе произнесъ: „Ваше сіятельство, вы дуракъ“. — „Хорошо“, похвалилъ государь и отошелъ. На другой день Шишковъ ѣздилъ къ графу извиняться въ невольной дерзости; это, кажется, было лишнее и только напомнило пациенту о вчерашней невзгодѣ.

Другой анекдотъ былъ изъ экспедиціи русскаго флота на Ионическія острова. Шишковъ тогда былъ уже немалого ранга морскимъ офицеромъ. Онъ рассказывалъ такъ: „Нашъ большой военный корабль въ Ионическомъ морѣ шелъ шибко, подѣ сильнымъ попутнымъ вѣтромъ, почти штормомъ. Справясь съ морскою картою, видимъ мы, что находимся въ недалекомъ разстояніи отъ большой подводной скалы, на которой угрожаетъ намъ неминуемое крушеніе. Кораблемъ, въ такую погоду, очень трудно было управлять; всѣ офицеры собрались въ каюту командира для совѣщанія, какъ избѣгнуть гибели. Пошли разныя мнѣнія и оживленные споры. Только видимъ, молоденькій мичманъ, разъ и другой, отворяетъ дверь и заглядываетъ въ каюту, какъ бы желая что-то сказать, но не смѣетъ. Командиръ позвалъ его и спросилъ, что ему нужно? — „Я—говоритъ мичманъ—хотѣлъ доложить, что намъ лучше всего править прямо на самый тотъ пунктъ, гдѣ на картѣ показана скала“. — „Какъ такъ?“ спросили мы въ недоумѣніи.—

¹⁾ Теперь этотъ палаццо принадлежитъ г-жѣ Жеребцовой, рожденной княжнѣ Гагариной.

„А вотъ что, отвѣчалъ молодой морякъ, въ означеніи скалы на картѣ по такому сжатому масштабу нельзя предполагать математической точности и разница должна быть по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень: а этого довольно, чтобы корабль прошелъ безопасно“. Это было вполне логично; совѣтъ мальчика дѣйствительно представлялъ наиболѣе благопріятныхъ шансовъ; мы послѣдовали ему и корабль прошелъ благополучно. Мы удивлялись смѣтливости мичмана; изъ него со временемъ вышелъ знаменитый морякъ“. Я забылъ его фамилію, которую мнѣ сказалъ Шишковъ.

Часто повторялись сѣтованія Александра Семеновича на современную русскую литературу, особенно на періодическія изданія. Онъ находилъ, что новые писатели извращаютъ русскій языкъ немилосердно, не любилъ Карамзина, упрекая его въ томъ, что русскую рѣчь онъ передѣлываетъ на французскій ладъ. Жуковского хвалилъ, но Пушкину не отдавалъ полной справедливости. Болѣе всего онъ не могъ терпѣть сочиненій Греча и Булгарина, относя обоихъ къ одной категоріи; „Сѣверную Пчелу“ называлъ „Сѣвернымъ Жукомъ“. Извѣстно, что, не внимая ходатайству разныхъ вліятельныхъ лицъ, и несмотря на составленную Гречемъ „Грамматику русскаго языка“, Шишковъ, до кончины своей, не согласился на принятіе его въ члены Россійской Академіи. Читая нумера „Сѣверной Пчелы“, Александръ Семеновичъ каждый разъ приходилъ въ негодованіе; особенно сердили его иностранныя слова, встрѣчаемыя въ текстѣ газеты.

Часто, для оживленія бесѣды, случалось мнѣ противорѣчить Шишкову, но разъ я обратилъ противъ него собственное его оружіе и поставилъ старика въ затруднительное положеніе. Читая газету, онъ попалъ на иностранное слово; это было, сколько помнится, прецедентъ. Онъ разразился гнѣвомъ противъ такого дерзкаго нововведенія. Я тогда уже былъ того мнѣнія, что не только можно, но даже должно занимать слова изъ другихъ языковъ, когда въ своемъ не находится выраженія, съ совершенною точностью передающаго желаемую мысль. Отрекаться отъ мысли по такой ничтожной причинѣ, значило предпочитать существенное второстепенному, приносить духъ въ жертву буквѣ. Я принялъ на себя защиту прецедента, не съ общей теоретической, а съ частной, практической стороны вопроса и сказалъ: „Вѣдь в. в. убѣждены, что всѣ языки происходятъ отъ славянскаго; если это такъ, то нѣтъ, собственно говоря, иностранныхъ словъ; всѣ они славянскія“. Изъ этой дилеммы не было исхода: ему нужно было согласиться съ моимъ выводомъ и не сердиться на прецедентъ, или отречься отъ общаго кореннаго начала, делѣмаго во всю жизнь. Мнѣ жаль было видѣть старика, какъ ему трудно было лавировать между

Сциллою и Харибдой. Наконецъ, онъ кое-какъ выбрался изъ рифмовъ, сказавъ, что хотя нѣтъ сомнѣнiя, что всѣ діалекты произошли отъ одного славянскаго корня, но они такъ развѣтвились и такъ далеко уклонились отъ первообраза, что теперь трудно, иногда невозможно, прослѣдить ихъ связь съ корнемъ и потому слѣдуетъ ихъ считать выродившимися въ чуждыя слова. Я не хотѣлъ уже возражать, что это значить считать ихъ иными, отдѣльными отъ славянскаго, языками.

Съ 1829 года я издавалъ въ Петербургѣ политико-литературную газету на польскомъ языкѣ. Александръ Семеновичъ съ жаромъ возставалъ противъ того, что для польской и чешской грамотности приняты не славянскія или русскія, а латинскія буквы. Въ разговорахъ со мною онъ часто возвращался къ этому предмету и особенно настаивалъ на томъ, чтобы я мою газету печаталъ русскими буквами. Я доказывалъ невозможность этого и представлялъ именно слѣдующее: въ польскомъ языкѣ есть много такихъ звуковъ, для которыхъ въ русскомъ алфавитѣ не имѣется письменныхъ знаковъ. Таковы носовые звуки *ą* и *ę*, соответствующіе французскимъ *on*, *in*. Даже сопоставленія однозвучныхъ съ польскими русскихъ буквъ, не удовлетворяетъ требованіямъ польскаго произношенія. Такъ напримѣръ, моя фамилія *Rzeczławski*, только приблизительно пишется Пржецлавскій, и въ польскомъ выговорѣ ея есть отгѣнокъ, котораго русскими письменами передать нельзя¹⁾. Фамилію послѣдняго министра статсъ-секретаря Царства Польскаго *Łęski*, нѣтъ возможности написать по-русски. Если даже ставить обратное *э* (Лэнскій), то и тогда выйдетъ звукъ, соответствующій французскому *le*; въ произношеніи же этой фамиліи нуженъ звукъ твердаго *л*, въ соединеніи съ *э*, несвойственный русскому языку. Такая же невозможность написать по-русски такія слова и названія лицъ, гдѣ *л* соприкасается съ гласными *а*, *о*, *и*, напримѣръ, *Wielopolcki*, *Lassoła*, *Lubański*. Всѣ эти доводы не убѣждали Александра Семеновича; но когда мы спорили, какъ бы въ подтвержденіе моихъ словъ, входитъ нѣкто Лодерь. Я говорю:

— Вотъ и этого господина фамилію нельзя написать по-русски.

— „Какъ нельзя.—возразилъ Александръ Семеновичъ,—это очень легко“.

— Не только не легко, а повторяю, невозможно; если подставлять букву за букву, то выйдетъ Лодерь, а онъ *Loder*; въ его имени нѣтъ твердаго *л*.

— „Ну такъ что же, что нѣтъ, съ твердымъ *л* выйдетъ еще лучше (sic)“.

¹⁾ Также самая особенность есть и въ чешскомъ языкѣ.

На такой аргументъ не было возможности возражать; Шшковъ прибавилъ:

— „Вѣдь нѣмцы и французы потому не употребляютъ твердаго лъ, что не могутъ его выговорить“.

Извѣстно, что во время отечественной войны Шшковъ состоялъ при Александрѣ I для редактированія издаваемыхъ по случаю этой войны высочайшихъ манифестовъ. Это были замѣчательныя въ своемъ родѣ творенія. Разъ Александръ Семеновичъ спросилъ меня, читалъ-ли я его сочиненія? Ихъ было нѣсколько томовъ, но я, признаюсь, не читалъ ничего, кромѣ упомянутыхъ манифестовъ, поэтому я и свернулъ разговоръ на нихъ, сказавъ, что при всемъ достоинствѣ другихъ произведеній его пера, эти патріотическіе документы показались мнѣ лучшими. Это естественно, прибавилъ я, вы ихъ писали по вдохновенію пламенной любви къ отечеству. Это дѣйствительно было мое мнѣніе. Но я былъ молодъ и не могъ удержаться, чтобы къ заслуженной похвалѣ не подсыпать немного соли. Я сказалъ: „не буду распространяться о тѣхъ манифестахъ, въ которыхъ вы такъ краснорѣчиво и трогательно передавали высокія мысли и чувства Благословеннаго монарха милліонамъ его подданныхъ. Вы писали подъ напѣтиемъ вдохновенія. Тутъ не было искусства, да оно и не было нужно. Но знаете-ли, в. в., гдѣ вы показали, что, когда оно нужно, то обладаете и этимъ качествомъ?— въ манифестѣ о дворянской медали въ память 1812 г. Чтѣ можно было сказать въ похвалу некрасиваго матеріала? Но вы разрѣшили задачу какъ нельзя лучше. О бронзѣ вы говорите: „Сей металлъ, крѣпостью своею уподобляющійся твердости духа русскаго дворянства“ и т. д. Такимъ образомъ достигнута двоякая цѣль: и дворяне приняли медали съ удовольствіемъ, и соблюдена экономія. Согласитесь, что это верхъ искусства“. Эту полуправду, полупутку, Александръ Семеновичъ принялъ съ обычнымъ благодушіемъ.

Въ послѣднія пять или шесть лѣтъ жизни Александръ Семеновичъ очень рѣдко ѣздилъ въ Россійскую Академію. Она помѣщалась въ зданіи, украшенномъ минервинными совами, въ концѣ 1-й линіи Васильевскаго Острова (это то самое зданіе, которое, послѣ коренной перестройки, занимаетъ теперь римско-католическая духовная академія). Несмотря на рѣдкія посѣщенія президента, труды почтенной корпораціи шли своимъ порядкомъ. Въ опредѣленные дни, кажется, два раза въ мѣсяцъ, засѣданія бывали у Шшкова въ домѣ. Собиравшіеся члены получали жетоны, за которые имъ выплачивалось по 10 руб. Изъ членовъ я запомнилъ Перевощикова, Ггѣдича, Массальскаго, Ободовскаго, графа Хвостова. Тамъ читались и тщательно разбирались работы по составленію академическаго словаря русскаго

языка, читались также разные нѣчто членовъ, и стихотворенія графа Хвостова; на каждое засѣданіе муза послѣдняго поставляла какое-нибудь новое произведеніе. Все это были только прелюдіи, главное же составляли отчеты о сдѣланныхъ президентомъ и членами новыхъ открытіяхъ въ области какъ самаго славянскаго корнесловія, такъ и относительно происхожденія другихъ языковъ отъ славянскаго. Когда открывалось засѣданіе, я удалялся къ Юліи Осиповнѣ. Тамъ, за чаемъ, всегда была пріятная компанія: сама хозяйка, ея молодая племянница Цецилія Окенцкая, съ гувернанткою-англичанкой, миссъ Сведне-Смитъ, жена племянника Александра Семеновича Дарья Александровна и постоянно какая-нибудь барышня изъ многочисленной родни хозяина. Изъ мужчинъ былъ племянникъ хозяйки, прекрасный молодой человекъ К. С. Дяковичъ (въ послѣдствіи старшій секретарь канцеляріи министра), еще кто-нибудь изъ близкихъ знакомыхъ; часто бывалъ и Мицкевичъ. Двое или трое изъ нашей компаніи подкрадывались иногда и подслушивали у дверей залы ученаго засѣданія. Изъ подслушанныхъ такимъ образомъ, остались у меня въ памяти двѣ курьезныя этимологіи. Одной изобрѣтателемъ былъ Перевощиковъ; онъ открылъ, что слово ястребъ происходитъ отъ яству тѣребить. Родословная эта заслужила общее одобреніе и была тщательно записана. Если бы я имѣлъ въ почтенномъ собраніи хотя совѣщательный голосъ, то осмѣлился бы бросить сомнѣніе, не ближе-ли искать ястреба въ латинскомъ астурь (Astur)? но я стоялъ за дверью святилища. Впрочемъ, можетъ, это и къ лучшему; мнѣ, вѣроятно, возразили бы, что латинское названіе хищной птицы—ничто иное какъ извращенное славянское: оно не имѣетъ такого логично-практическаго корня какъ яству теребить. Менѣе счастливъ съ своей этимологіей былъ другой членъ, Массальскій. Онъ долго думалъ надъ происхожденіемъ французскаго слова *écclésiastique* (духовный) въ отношеніи къ славянскому языку, и нашелъ, что такъ какъ въ католической литургіи есть нѣсколько моментовъ, въ которые священникъ преклоняетъ одно колѣно, то *écclésiastique* можетъ происходить отъ глагола колѣнчатъ. Это уже было слишкомъ замысловато; родословная признана собраніемъ натянутой, а сходство между словами слишкомъ отдаленнымъ. Въ то же засѣданіе графъ Хвостовъ докладывалъ собранію, что адмиралъ Рикордъ писалъ ему изъ Аѳинъ, прося, чтобы графъ прислалъ ему свой бюстъ, для помѣщенія въ храмъ Минервы, въ числѣ изображеній славныхъ ученыхъ и поэтовъ. Графъ, изъ похвальной скромности, отказалъ и отвѣчалъ слѣдующимъ двустихіемъ:

Ты просишь, о Рикордъ, въ Минервинъ храмъ мой бюстъ?
Парнасса гражданинъ, я не заморскій вустъ.

Понялъ-ли Рикордъ, поняло-ли почтенное собраніе, что хотѣлъ сказать авторъ, не знаю; что до меня, то я не могъ догадаться смысла стиховъ и разгадку сіятельный сфинксъ унесъ съ собою въ царство тѣней навсегда!

Теперь нѣсколько подробностей о графахъ Хвостовыхъ, которыхъ я зналъ довольно близко.

Графъ Дмитрій Ивановичъ былъ женатъ на княжнѣ Горчаковой, родной племянницѣ фельдмаршала князя Суворова, и по этому случаю сардинскимъ королемъ пожалованъ ему былъ графскій титулъ. Я зналъ его уже старымъ, онъ былъ сенаторомъ и одно время даже первоприсутствующимъ въ своемъ департаментѣ. Но то, что я сказалъ о сенатѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ („Русская Старина“ изд. 1874 г., томъ XI, стр. 458—460), какъ нельзя вѣрнѣе примѣняется къ его судейскому званію. До сенатскихъ дѣлъ ему не было дѣла; онъ только думалъ, какъ ему взобраться на Парнассъ.

Страсть къ стиходѣйству, овладѣвшая имъ еще въ молодости¹⁾, перешла временемъ въ хроническую болѣзнь и въ болѣзнь неизлечимую; никакія неудачи и никакіе сарказмы не могли убѣдить его въ томъ, что своими поэзіями онъ достигаетъ только одной цѣли: смѣшить всѣхъ умѣющихъ читать. Трудно было видѣть подобное сочетаніе въ одномъ лицѣ полнѣйшей бездарности съ такимъ упорствомъ къ преслѣдованію того, что ему никакъ не давалось. Это былъ по истинѣ Тредьяковскій XIX вѣка. Посредственнымъ, даже плохимъ стихотворцамъ, иногда удается выработать что-нибудь недурное, но у Хвостова во всемъ, что онъ написалъ, нельзя найти ни однихъ хотя бы сносныхъ стиховъ. Между тѣмъ эта метроманія стоила ему значительныхъ денегъ; онъ безпрестанно сочинялъ и тотчасъ же печаталъ написанное, разумѣется, на свой счетъ, а это была трата денегъ самая непроизводительная; этихъ книгъ никто и не думалъ покупать. Тогда самъ сочинитель, воображая, что его не узнаютъ, обходилъ книжныя лавки, спрашивалъ сочиненій графа Хвостова и закупалъ десятки экземпляровъ, не щадя имъ всякихъ похвалъ. Его не могли разочаровать ни неудачи, ни эпиграммы Пушкина, которыя и всѣмъ, и ему были извѣстны. Онъ все это приписывалъ зависти и извращенному вкусу новой литературы. Когда, въ началѣ 20-хъ годовъ, я съ нимъ познакомился, графъ Хвостовъ былъ уже старъ и давно

¹⁾ Разсказывали за положительный фактъ, что Суворовъ, на смертномъ одрѣ, прощаясь съ мужемъ своей племянницы, взялъ съ него торжественную клятву, что онъ не напишетъ стиховъ на его кончину.

страдалъ стихобѣсіемъ. Гораздо ранѣе до Пушкина сочиняли уже на него эпиграммы; приведу здѣсь одну. На одномъ балѣ, увидѣвъ графа въ танцѣ, одинъ изъ гостей сказалъ:

Нашъ графъ, сказать ему мы можемъ не въ укоръ:
Танцуетъ, какъ Вольтеръ, а пишетъ, какъ Дюпоръ.

Дюпоръ (Duport) во время оно былъ первый балетный танцоръ послѣ знаменитаго Вестриса.

Не было въ городѣ происшествія, или сколько-нибудь замѣчательнаго случая, о которомъ графъ не написалъ бы тотчасъ множество стиховъ. Въ началѣ 20-хъ годовъ петербургскій военный генераль-губернаторъ графъ Милорадовичъ вздумалъ выстроить воксалъ и развести садъ для публичныхъ гуляній въ Екатерингофѣ, на взморьѣ. Это стоило городу немалыхъ денегъ, но, не знаю почему, не имѣло успѣха. Послѣ двухъ первыхъ лѣтнихъ сезоновъ екатерингофское гулянье совсѣмъ опустѣло. Но чрезъ недѣлю послѣ его открытія нашъ пійть не преминулъ напечатать диоирамбъ, гдѣ, при изъясненіи благодарности петербуржцевъ Милорадовичу, воспѣвались его военные подвиги въ отечественную войну. Неизвѣстно почему это стихотвореніе такъ понравилось самому автору, что онъ на немъ основалъ свои права на память потомства. Онъ велѣлъ литографировать свой портретъ съ подписью внизу: „Екатерингофскій Бардъ“. Портретъ этотъ продавался въ гостиномъ дворѣ и въ книжныхъ лавкахъ.

Видя, что посредствомъ книжной торговли слава его слишкомъ медленно распространяется, графъ придумалъ хитрость. По напечатаніи мелкихъ стихотвореній, онъ бралъ къ себѣ множество экземпляровъ и, набивши ими карманы, отправлялся во время прогулокъ въ Лѣтній садъ. Тамъ онъ охотился за знакомыми. Поймавъ кого-нибудь изъ нихъ, отводилъ въ уединенную аллею, усаживалъ свою жертву, прочитывалъ ей новое твореніе, а потомъ дарилъ экземпляръ. Всѣ скоро узнали эту хитрость и, завидя издали поэта въ главной аллеѣ, спасались бѣгствомъ. Когда такимъ образомъ и это средство гласности оказалось недѣйствительнымъ, графъ ограничился раздачею экземпляровъ, утромъ, приходившимъ къ нему съ записками по дѣламъ въ сенатѣ просителямъ, а вечеромъ—собиравшимся въ его домѣ гостямъ.

За исключеніемъ этой смѣшной стороны, Хвостовъ былъ почтенный, добрый человекъ, всегда готовый оказать помощь и услугу. Онъ и жена его жили открыто, въ своемъ домѣ, на Сѣргіевской улицѣ, и принимали каждый вечеръ. У нихъ собиралось не мало гостей лучшаго общества, составлялось нѣсколько партій, а ровно въ 12 часовъ

подавали ужинъ. Графиня была со всѣми очень любезна, вполнѣ великосвѣтская дама временъ Екатерины. По тогдашней модѣ, она не говорила иначе, какъ по-французски. У ней были двѣ компаньонки, двѣвы почтенныхъ лѣтъ. Ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы занимать разговоромъ дамъ, когда графиня играла. Графъ не игралъ, а поймавъ кого-нибудь изъ гостей, уводилъ въ кабинетъ читать ему свои стихи до самаго ужина. Я, послѣ партіи, былъ часто такой жертвой.

У Хвостовыхъ былъ только одинъ сынъ, графъ Александръ; благодаря родственнымъ связямъ, онъ началъ блистательно карьеру по министерству иностранныхъ дѣлъ, былъ попеременно причисляемъ къ разнымъ посольствамъ, но нигдѣ не могъ ужиться. Его странныя манеры не отличались той утонченностью въ умѣннн жить, которая требуется отъ посольскихъ чиновниковъ, выбираемыхъ изъ представителей молодежи своей родины. Молодой графъ и въ рѣчахъ и въ поведеніи усвоилъ себѣ Діогенову философію; онъ ничѣмъ не стѣснялся, слѣдуя во всемъ своимъ вкусамъ и прихотямъ. Одѣвался чудакомъ, а опрятность и чистоплотность не принимались имъ въ расчетъ. Онъ оставилъ службу въ началѣ 20-хъ годовъ и жилъ въ Петербургѣ, въ домѣ родителей, но на ихъ вечерахъ не показывался никогда. Онъ не бывалъ и въ обществѣ, проводя дни въ прогулкахъ по улицамъ и въ кондитерскихъ, гдѣ за рюмкой вина или ликера перечитывалъ газеты, осуждая во всеуслышаніе дѣйствія всѣхъ возможныхъ правительствъ. Я познакомился съ нимъ у отца. На первыхъ порахъ можно было замѣтить, что это былъ человекъ очень неглупый, начитанный, но невыносимо красный. О матери онъ никогда не говорилъ; надъ стихами отца смѣялся и отзывался о немъ съ отгѣнкомъ сожалѣнія. Вообще графъ Александръ былъ одинъ изъ тѣхъ субъектовъ высшаго петербургскаго общества, которые, подъ гнетомъ аракчеевскаго милитаризма и застою общественной жизни, были, какъ говорятъ, „зашибены въ цвѣту“. Я зналъ ихъ нѣсколько: такіе были графъ З., С., князь Г. и др. Всѣ они были одарены недюжинными способностями, начинали блистательно, но вскорѣ, не находя себѣ подходящей среды и простора, какъ бы задыхались въ душной атмосферѣ и оканчивали, кто полнѣйшею апатіею, кто цинизмомъ. Когда я, начиная съ 20-хъ годовъ, зналъ графа Александра Хвостова, онъ ходилъ всегда въ огромномъ шейномъ платкѣ, претендовавшемъ на бѣлый цвѣтъ. Бороду и усы онъ не брилъ, а обстригалъ ножницами. Лѣтомъ, даже ходя по улицамъ, онъ всегда былъ во фракѣ, но въ какомъ фракѣ! Онъ тогда уже былъ сѣдой. Неряшество его обращало вниманіе даже проходящихъ. Притомъ, онъ не лишень былъ нѣкоторой представительности

и имѣлъ барскія замашки, и это съ его внѣшностью составляло странный контрастъ. Разъ, помню, въ Павловскѣ, гдѣ мы были: министр Туркулъ, графъ Чапскій, Бальзакъ и я, графъ Александръ подошелъ ко мнѣ и мы съ нимъ о чемъ-то поговорили. Когда онъ ушелъ, Бальзакъ, разсматривавшій его внимательно, спросилъ:

— „Quel est ce personnage tyrique?“

Я отвѣчалъ: „C'est le petit neveu d'un grand homme“, и назвалъ его.

Авторъ „Comédie humaine“, толстый, неуклюжий, также обращалъ на себя взгляды, только не неряшливостью, а радужными цвѣтами своего наряда. Въ тотъ день былъ у него на шеѣ голубой платокъ, канареечнаго цвѣта жилетъ и узенькіе нанковые панталоны. Въ подобномъ костюмѣ, въ Петербургѣ, въ 40-хъ годахъ, онъ ухаживалъ за графиней Ганской, вдовой, рожденной графиней Ржевуской, на которой въ послѣдствіи женился въ Парижѣ. Это была давнишняя взаимная привязанность. Графиня, какъ и вся семья Ржевускихъ, была красавица. Бальзакъ изобразилъ характеристику своей возлюбленной въ двухъ прекрасныхъ повѣстяхъ: „Modeste Mignon“ и „Seraphita-Seraphitus“. Когда она выходила за Бальзака, онъ былъ уже одержимъ тяжкою хронической болѣзнію и госпожа Бальзакъ писала къ брату въ Петербургъ, что вышла замужъ для того, чтобы быть сидѣлкой у знаменитаго человѣка.

Въ послѣдствіи времени графъ Александръ Хвостовъ страстно предавался изученію тайныхъ наукъ, въ особенности герметической философіи. Мы тогда съ нимъ сблизились и часто видались. По смерти родителей, онъ наслѣдовалъ значительное состояніе. Приѣхавши въ 1872 г. изъ деревни въ Петербургъ, я тамъ въ послѣдній разъ видѣлъ его у княгини Е.; онъ по прежнему былъ веселъ и разговорчивъ, но физически ослабленъ и выѣзжалъ уже не иначе, какъ сопровождаемый бонной, француженкой. Онъ умеръ въ томъ же, или въ слѣдующемъ году.

Возвращаюсь къ Шишковымъ.

Разъ мы вели съ Александромъ Семеновичемъ серьезный споръ, такъ что онъ на меня почти разсердился, хотя и несправедливо, такъ какъ я стоялъ за правое дѣло. Это было по слѣдующему случаю, который въ свое время надѣлалъ въ Петербургѣ много шума и раздѣлялъ общество на два лагеря. Я привожу его здѣсь потому, что онъ какъ нельзя лучше характеризуетъ тогдашнее время и тогдашнія понятія; при теперешнемъ развитіи судебной части и науки права, подобный случай едва-ли могъ бы имѣть мѣсто.

Въ исходѣ 20-хъ годовъ явился въ Петербургъ нѣкто гр. Гритти.

Онъ былъ побочный сынъ итальянскаго графа этого имени и вдовы графини Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, поселившейся съ давнихъ лѣтъ во Флоренціи. Мать, умирая, оставила сыну большой капиталъ. Бланковыми надписями, сдѣланными на облигаціяхъ комиссіи погашенія долговъ, она передала ему сумму до семи милліоновъ рублей асс. Но желая передачу эту еще болѣе укрѣпить, графиня записала ему же ту же самую сумму духовнымъ завѣщаніемъ.

Если бы Гритти представилъ въ комиссію одни билеты съ бланками, это учрежденіе, не смотря на громадность суммы, не могло бы, по своимъ правиламъ, не выдать ея безспорно; но онъ представилъ вмѣстѣ и духовную матери. Это дало поводъ законнымъ наслѣдникамъ графини Брюсъ оспаривать права Гритти, какъ незаконнаго сына, на завѣщанный ему капиталъ. Такъ въ этомъ случаѣ не оправдалась латинская аксіома: „*melius abundare quam deficere*“. Излишнею заботливостью матери созданы были для сына непредвидѣнныя затрудненія.

Конечно, при самомъ простомъ, а поэтому самомъ справедливомъ взглядѣ, тутъ никакого затрудненія не было. Коль скоро не было и не могло быть спора о принадлежности капитала покойной графинѣ, то тотъ, въ чьихъ рукахъ находились ея бланки на этотъ капиталъ, долженъ былъ получить его безспорно. Завѣщаніе того же капитала тому же самому лицу, у котораго находились облигаціи съ бланками, было или не было дѣйствительно, это не измѣняло существа дѣла, такъ какъ духовной могло и вовсе не быть. Вопросъ разрѣшался такъ просто, какъ отерывался крыловскій ларчикъ. Но не тутъ-то было, при тогдашнемъ состояніи законодательства и при крайне маломъ развитіи въ обществѣ здоровыхъ юридическихъ понятій.

Умѣніемъ вести дѣла почиталось въ то время умѣніе обходить прямой, даже самый ясный законъ и изобрѣтать то, что такъ мѣтко названо крючками. Притомъ наслѣдники графини Брюсъ имѣли большія связи и сумѣли въ общественномъ мнѣніи затронуть струны, хотя и чуждыя сущности дѣла, но всегда звонко отзывающіяся, даже въ противность очевидности и къ ущербу справедливости. Гритти же имѣлъ защитникомъ только своего посланника и еще нѣкоторыхъ дамъ, такъ какъ онъ былъ очень красивъ.

Загорѣлся огромный процессъ, и хотя весь Петербургъ о немъ говорилъ, но я, не бывъ знакомъ съ Гритти, не слѣдилъ за переходами его дѣла въ низшихъ слояхъ суда и началъ интересоваться имъ только, когда дѣло это, почти повсюду проигранное Гритти, разбиралось уже въ государственномъ совѣтѣ, и когда нѣкоторые члены говорили о немъ со мною.

Гритти, какъ сказано, былъ красивый мужчина, притомъ съ велико-свѣтскими манерами, въ коихъ проглядывали заносчивость и даже фанфаронство, обличающія богатаго выскочку, вравшагося въ аристократическую среду. Это не мѣшало ему, впрочемъ, имѣть большіе успѣхи въ свѣтѣ. Въ теченіе двухъ или болѣе лѣтъ продолженія его процесса, онъ былъ петербургскимъ львомъ. Онъ имѣлъ прекрасный теноръ и пѣлъ съ чистой итальянской методой, почему и участвовалъ во всѣхъ публичныхъ концертахъ, душею которыхъ былъ князь Григорій Волконскій и которые давались лицами высшаго петербургскаго общества съ благотворительною цѣлью. Но въ одномъ изъ нихъ онъ имѣлъ несчастіе своей крайне неумѣстной развязностью обратить на себя неблагоприятное вниманіе императора Николая. Концерты тогда давались въ залѣ дома Энгельгардта (теперь Ольхиной), у Казанскаго моста¹⁾. Царской ложи устроено не было, и для высочайшихъ особъ оставляли первый рядъ креселъ, очень близкій къ эстрадѣ, на которой выступали диллетанты-артисты. Царская фамилія присутствовала на концертѣ и августѣйшая покровительница его, императрица Александра Федоровна, тогда въ цвѣтѣ своей величественной красоты, заняла кресло посрединѣ перваго ряда. Когда по программѣ пришла очередь дѣята, который съ какою-то дамой долженъ былъ спѣть Гритти, то онъ, ставъ посрединѣ эстрады, съ невѣжественнымъ нахальствомъ началъ лорнировать прямо предъ собою. Государь выразилъ свое негодованіе и завѣдующій концертомъ долженъ былъ тутъ же остановить Гритти. Съ тѣхъ поръ Николай Павловичъ, встрѣчая его, отворачивался, чтобы не отвѣчать на его поклонъ. Это стало въ городѣ извѣстнымъ и, конечно, не способствовало къ расположенію общественнаго мнѣнія въ пользу Гритти.

Дѣло его усложнилось представленіемъ имъ духовной, тѣмъ болѣе, что это былъ не подлинникъ, а засвидѣтельствованная копія. Эти обстоятельства не имѣли ничего существеннаго, но тѣмъ не менѣе открыли обширное поле для разглаговствованія противной сторонѣ и для эксплуатированія крѣпкотворцами мало-свѣдущаго большинства общества. Изъ судей, особенно первыхъ инстанцій, мало кто, а вѣрнѣе никто, не зналъ, что въ рукахъ частнаго лица, прибывшаго изъ Италіи, не могло быть другой духовной, какъ та, которую имѣлъ Гритти. Почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ, подлинныя духовныя завѣщанія хранятся при дѣлахъ нотаріальныхъ или судебныхъ, у которыхъ они были явлены, и никогда не выдаются въ частныя руки, а получаютъ съ нихъ копіи, вполне воспроизводящія и замѣняющія под-

¹⁾ См. мои Воспоминанія: «Русская Старина», изд. 1874 г., томъ XI.
26*

линииъ. Въ случаѣ же заявленнаго вѣмъ-нибудь сомнѣнія, оригиналъ видѣть можно не иначе, какъ по рѣшенію надлежащаго суда. Напрасно со стороны Гритти это было объясняемо; напрасно онъ представлялъ, что копія его облечена во всѣ требуемыя формальности съ удостовѣреніемъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, что о существованіи подлинника и о вѣрности копіи можно убѣдиться посредствомъ посольства; не взирая на всѣ эти объясненія, не преставали домогаться отъ него подлинника и неизмѣнимъ его мотивировались рѣшенія разныхъ инстанцій, отказывавшія ему въ искѣ.

Когда дѣло дошло до государственнаго совѣта, оно долго трактовалось и въ департаментѣ и въ общемъ собраніи. Старанія и искаательства заинтересованныхъ лицъ усилились, всѣ возможные средства пущены были въ ходъ. Въ это-то время Александръ Семеновичъ заговорилъ со мною объ этомъ дѣлѣ. Я высказалъ свое мнѣніе со всею откровенностью въ пользу Гритти. Шшковъ былъ, повидимому, сильно настроенъ на противное мнѣніе; онъ утверждалъ, что представивъ духовную, Гритти являлся уже не какъ кредиторъ комисіи погашенія долговъ, а какъ наслѣдникъ въ имуществѣ графини Брюсъ, на что, какъ незаконнорожденный, не имѣлъ права. Когда я отвѣчалъ, что имущество было такое, какимъ по духовному можно располагать безотчетно, Шшковъ сталъ оспаривать самое завѣщаніе на томъ основаніи, что иностранные законы о формальности этихъ актовъ не могутъ обязывать въ Россіи, гдѣ непремѣнно требуется подлинникъ. Видя, какъ онъ сильно предубѣжденъ, я уже не сказалъ, что въ актахъ, составляемыхъ въ Италіи, нельзя требовать тѣхъ самыхъ условий, которыя узаконены въ Россіи, а далъ вопросу другой оборотъ и сказалъ: суть дѣла не въ завѣщаніи, а въ бланковыхъ надписяхъ на облигаціяхъ, и если по нимъ деньги не будутъ выданы, этимъ нарушится коренной принципъ операцій комисіи погашенія долговъ, наши банковыя учрежденія потеряютъ за границей кредитъ и на иностранныхъ рынкахъ не станутъ принимать нашихъ фондовъ, а это повлечетъ за собою послѣдствія во сто кратъ важнѣе, чѣмъ уплата семи милліоновъ, вполне согласная съ уставомъ комисіи. На это, не найдя отвѣта, Шшковъ, по обычаю всѣхъ упрямыхъ въ подобномъ случаѣ, сталъ сердиться. Въ заключеніе, какъ бы думая поразить меня неопровержимымъ аргументомъ, онъ спросилъ: „знаешь-ли кто была графиня Брюсъ?“— „Нѣтъ, не знаю“.— „Она была русская и деньги ея были русскія, заработанныя русскими крестьянами, а ты хочешь, чтобы ихъ отдали какому-то иностранцу-пройдохѣ безъ рода и племени!“

Этимъ, естественно, кончился разговоръ.

Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта большинство голо-
совъ было противъ Гритти.

Однако, несмотря на антипатію къ нему, императоръ не утвер-
дилъ этого мнѣнія, а пожелалъ, чтобы дѣло было ближе разсмотрѣно
съ точки зрѣнія меньшинства. Для этого государь назначилъ commis-
сію изъ трехъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Ми-
хаила Павловича; членами были Сперанскій и графъ, въ послѣдствіи
князь, Алексѣй Орловъ. Коммисія дала заключеніе въ пользу Гритти
и государь утвердилъ его. Такъ кончилась эта *cause célèbre*, зани-
мавшая около двухъ лѣтъ общественное мнѣніе не въ одномъ Петер-
бургѣ.

Предъ окончательнымъ исходомъ своего дѣла, Гритти тяжело забо-
лѣлъ и медиками осужденъ былъ къ смерти. Тогда онъ призвалъ свя-
щенника и заключилъ, *in extremis*, законный бракъ съ молодой пре-
красной вдовой, полькой В., съ которою состоялъ въ гражданскомъ
бракѣ. Но, несмотря на приговоръ науки, онъ выздоровѣлъ, получилъ
свои милліоны и уѣхалъ съ женою на родину.

До назначенія Шишкова министромъ народнаго просвѣщенія въ
1824 году, при князѣ Голицынѣ, съ этимъ министерствомъ соединено
было завѣдываніе духовными дѣлами всѣхъ исповѣданій. При Але-
ксандрѣ Семеновичѣ, дѣла православной церкви состояли уже въ не-
посредственномъ вѣдѣніи синода, а изъ дѣлъ иностранныхъ исповѣ-
даній составлено особое управленіе и ввѣрено Д. Н. Блудову. Затѣмъ,
управленіе это вошло въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ, къ
которому принадлежитъ и теперь.

Управленіе Александра Семеновича ввѣренною ему частью, при
директорѣ департамента Д. И. Языковѣ, было, какъ и самъ ми-
нистръ, благодушное, справедливое, но далеко не прогрессивное. Шиш-
ковъ, болѣе другихъ государственныхъ дѣятелей, раздѣлялъ господ-
ствовавшее тогда въ правительственныхъ сферахъ опасеніе вторженія
изъ заграницы революціонныхъ стремленій карбонаризма и тугендбун-
довъ. Послѣ открытія тайныхъ пружинъ событія 14-го декабря 1825 г.,
опасенія эти приняли опредѣленную форму и, вѣроятно подъ ихъ
вліяніемъ, Шишковъ, не внимая дѣлаемымъ ему замѣчаніямъ, соста-
вилъ извѣстный свой уставъ о цензурѣ. Онъ отличался необыкновен-
ною строгостью и тѣмъ именно, что за преступленія въ печати по-
лагалось наказывать цензора, сочинителя и издателя. Строгости эти
вскорѣ были отмѣнены по вліянію Д. Н. Блудова и онъ составилъ
новый уставъ, который вошелъ въ сводъ законовъ и оставался обя-
зательнымъ до новѣйшихъ преобразованій.

Шижковъ оставилъ министерство въ 1828 году, по внушенію самаго императора Николая, облеченному въ форму милостиваго вниманія. Александръ Семеновичъ дѣйствительно былъ уже дряхлый, разслабленный старикъ. Въ послѣдній докладъ онъ долго не могъ отворить ключемъ портфеля и государь помогъ ему въ этомъ, вынулъ бумаги и самъ ихъ прочиталъ вслухъ. Послѣ доклада, царь ласково сказалъ:— „Александръ Семеновичъ, вы много и доблестно трудились: не пора-ли вамъ успокоиться?“ Къ этому императоръ прибавилъ нѣсколько милостивыхъ словъ о томъ, что желаетъ, чтобы онъ продолжалъ присутствовать въ совѣтѣ. На другой день Шижковъ подалъ прошеніе объ отставкѣ; государь оставилъ его членомъ государственнаго совѣта и президентомъ россійской академіи, съ полнымъ министерскимъ содержаніемъ.

Шижковъ умеръ 86-ти лѣтъ, въ 1840 году.

О. А. Пржецлавскій.

ФРАНЦУЗСКАЯ АРМІЯ ПРЕДЪ ВОЙНОЙ СЪ РОССІЕЙ.

1792—1808.

(Переводъ съ французской рукописи).

II¹⁾.

Все, что только человѣческая натура способна совершить и вынести, революція повелѣла своему защитнику совершить и вынести. Она убѣдила его, что онъ жертвуетъ собою свободно и для собственной выгоды, и что, жертвуя собою для родной страны, онъ оказываетъ услугу человечеству... Однимъ словомъ, нужно, чтобы онъ сдѣлалъ невозможное. Вотъ какимъ образомъ новая система приняла изъ рукъ революціи солдата, за нее вооруженнаго, такимъ онъ сдѣлалъ свои первыя кампаніи и сохранилъ свой типъ сквозь всѣ послѣдующія. Съ перваго взгляда, можетъ быть, не признаютъ первоначальнаго солдата въ нынѣшнемъ²⁾, но внутренно онъ тотъ же, и готовъ явить себя такимъ всякую минуту. Революціи удалось отлить его въ эту форму, возбудивъ всю его національность, т. е. давъ каждому изъ его предрасположеній умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ все развитіе, къ какому они только были способны. Любовь къ отечеству—*point d'honneur*.

Воинская честь въ особенности, этотъ вѣковой и неистощимый родникъ, который въ теченіе 15-ти лѣтъ войны всѣ стоявшіе у власти во Франціи эксплуатировали поочередно. Бѣлаго взгляда на исторію войны достаточно, чтобы убѣдиться въ этомъ. Сквозь всѣ перемѣны партій и правительствъ армія неизмѣнно совершила свою карьеру. Солдаты сражались постоянно съ одинаковой энергіей, хотя дѣло, за которое они шли, не всегда было то же и хотя оно въ по-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г. томъ XIII, стр. 200—214.

²⁾ Писано въ 1808-мъ году.

слѣдствіи стало прямо противоположнымъ тому, какимъ было за пятнадцать лѣтъ: король, Робеспьеръ, директорія, четыре конституціи послѣдовательно исчезли, а солдатъ оставался тотъ же; во всѣ времена онъ только зналъ своего предводителя и свое знамя... и въ 1807 г. былъ тѣмъ же, что и въ 1793. Это потому, что побужденія, заставлявшія его дѣйствовать, исходили не изъ политическаго принципа, зависящаго отъ настроеній минуты, но коренились въ предрасположеніи духовномъ, постоянномъ и неизмѣнномъ, въ основной чертѣ характера: въ воинской чести.

Эту черту питали всяческими поощреніями и учрежденіями, и такимъ путемъ сохранили, не взирая на всѣ наружныя перемѣны, нравственную привычку къ великимъ усиліямъ и громаднымъ жертвамъ, которую создала революція. И такъ какъ эти усилія и эти жертвы обратились у французовъ въ правило, то естественно, что они оказываются всегда выше того, что ихъ противники, не воодушевляемые никакимъ нравственнымъ побужденіемъ, сдѣлали или могли сдѣлать.

Примѣненіе духовныхъ и физическихъ предрасположеній французовъ къ войнѣ, сдѣланное революціею, создало тактику арміи. Возбужденіе нравственныхъ предрасположеній создало духъ арміи. Та и другой окарѣпли, благодаря средствамъ столь же необыкновеннымъ, какъ сама революція была необыкновенна; таковы были: страхъ и надежда, награды и казни. Уничтоживъ преимущества рожденія, она къ стимулу чести присоединила стимулъ личнаго интереса, и изъ праха полей сраженія вышли съ быстротою, равняющейся быстротѣ маршей французовъ, командиры и генералы. Когда законодательный корпусъ повелѣвалъ декретомъ выиграть сраженіе,—середины между побѣдой и эшафотомъ не было.

Французская дисциплина — ее можно подраздѣлить на высокую и низшую. Генералы даютъ примѣръ первой безграничнымъ подчиненіемъ приказаніямъ свыше. Эта дисциплина относится непосредственно къ войнѣ и къ исполненію того, чего она требуетъ. Всѣ нарушенія этой дисциплины суть преступленія и французскій военный кодексъ въ отношеніи къ нимъ самый суровый изъ всѣхъ; онъ наказываетъ смертью... Военный, оставившій свой постъ, забывшій пароль или измѣнившій его, ослушавшійся начальника передъ непріателемъ, наказывается у французовъ смертью.

Низшая дисциплина касается упущеній въ подробностяхъ службы, въ формѣ одежды, въ установленномъ порядкѣ быта и поведенія; за нихъ взыскиваютъ слабо и съ снисходительностью, неизвѣстной въ другихъ арміяхъ.

Французскій солдатъ гордится своимъ званіемъ; онъ требуетъ

вѣжливости и платитъ тѣмъ же. Офицеръ, генералъ, видятъ въ простомъ солдатѣ сотрудника ихъ работы и называютъ его товарищемъ... и случалось, что видѣ службы офицеры давали удовлетвореніе солдату за частную обиду со шпагой въ рукѣ.

Дисциплина, очертанія которой были бы опредѣлены съ суровой точностью, чаще бы нарушалась, чѣмъ дисциплина кроткая, толковая, опирающаяся на нравственныя побужденія и проявляемая сообразно потребностямъ минуты. Французскій офицеръ убиваетъ собственноручно солдата, бѣгущаго передъ непріателемъ, не вѣремя грабщаго, ослушника, бунтовщика. Порядокъ восстанавливается скорѣе такимъ примѣромъ, чѣмъ судомъ. Вотъ какъ основана дисциплина французской арміи на народномъ характерѣ, какъ она представляетъ практическое знаніе, возникшее и развившееся изъ обстановки, ею внушенное и поддерживаемое.

При другой національности духъ арміи и ея тактика вышли бы другими, ибо они суть ея послѣдствіе.

И потому война и манера ея веденія вовсе не измѣнили характера съ 1792 г. Болѣе чѣмъ тогда, война есть система нашествій. Вторгаясь безъ обоза, безъ лошадей, безъ боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ, безъ обмундированія, безъ денегъ, снаряжаются, ремонтируются, вооружаются, кормятся, одѣваются и получаютъ жалованье насчетъ народовъ, съ которыми входятъ въ соприкосновеніе во время своихъ набѣговъ; захватывая ресурсы странъ и правительствъ, употребляютъ ихъ для продолженія своихъ операцій противъ сосѣднихъ народовъ, и истребленіе однихъ даетъ средства для истребленія другихъ... Французская армія, если къ ней присмотрѣться ближе, всегда имѣетъ видъ арміи импровизованной, готовой всякую минуту импровизовать войну. Ея марши такъ легки, что она скорѣе бѣгаетъ, чѣмъ ходитъ. Ничто не стѣсняетъ ея движеній, даже и необходимое.

Эти основанія управленія арміею и обращенія съ землями, черезъ которыя ее ведутъ, необходимо принимать въ расчетъ, изслѣдуя причины успѣховъ французскихъ армій. Новая система войны складывается изъ совокупности этихъ различныхъ данныхъ, нравственныхъ, тактическихъ, административныхъ и политическихъ; и только потому она и была побѣдоносна, что основана на всѣхъ національныхъ свойствахъ французовъ съ присовокупленіемъ такихъ средствъ.

Слѣдовало бы изслѣдовать факты и изъ нихъ выводить вытекающіе принципы, а не влчаться въ избитыхъ общихъ мѣстахъ школьной теоріи. Искренно признавъ совершившіеся факты, вдумываясь въ то, что было сдѣлано (другими), указали бы и то, что слѣдуетъ

дѣлать (намъ). Но то, что просто, казалось рутинерамъ недостаточнымъ, пошлымъ и недостойнымъ ихъ вниманія; они такъ много занимались теоріею, что перестали понимать годное въ практикѣ...

Одни указывали на скорый шагъ, какъ на одно изъ побѣдоносныхъ средствъ новой тактики. Этотъ шагъ, изобрѣтенный пруссаками подъ именемъ удвоеннаго, былъ предпочтенъ во Франціи всякому другому, потому что имъ легче ходить и легче ему выучить; потому что, будучи самымъ естественнымъ и наименѣе стѣснительнымъ для человѣка, онъ наиболѣе соответствовалъ тому роду обученія, которое получалъ французскій солдатъ, и характеру этого послѣдняго... они не ходятъ иначе, идутъ-ли въ караулъ, учатся-ли. Французы имѣютъ неловой видъ, когда на парадахъ проходятъ торжественнымъ шагомъ—такъ называемымъ тихимъ или обыкновеннымъ, они легко теряютъ тактъ и переходятъ въ свой любимый шагъ... Лучшіе ихъ марши и характеристичные бои основаны на этомъ шагѣ. Бой къ атакѣ, мало по малу ускоряемый и похожій на учащенные удары набата, сроднился въ воображеніи солдата съ идеей успѣха и рѣшенія боя. Въ этомъ звукѣ ему слышатся клики торжества, онъ ободряется и идетъ впередъ. Но армія не станетъ побѣдоносною только отъ того, что приметъ французскій скорый шагъ; равномѣрно французская система и эффектъ, ею производимый, не измѣнятся, если бы французы и бросили этотъ шагъ.

Другіе воображали, что причина превосходства французовъ заключается въ скоромъ огнѣ; но французъ навѣрное убиваетъ меньше непріятелей, чѣмъ всякій другой солдатъ, потому что наименѣе ловокъ въ заряжаніи ружья, не имѣя къ тому механическаго навыка, и потому что способъ заряжанія, принятый во французской арміи, самый медленный и неудобный. Французъ до сихъ поръ переворачиваетъ свой шомполь, потому что цилиндрическій шомполь у нихъ не былъ принятъ; онъ скусываетъ патронъ зубами, а не срѣзаетъ ножомъ, утвержденнымъ въ казенникѣ, какъ у пруссаковъ; онъ до сихъ поръ (1808 г.) насыпаетъ порохъ на полку, ибо она не наполняется сама, какъ у другихъ, черезъ воронкообразную затравку. Въ шеренгѣ французъ дѣлаетъ неудобный полуоборотъ, чтобы перенести ружье налѣво для заряжанія и вкладыванія шомпола. Если французъ долго заряжаетъ, то не болѣе вѣрно стрѣляетъ. Да и съ чего бы онъ вѣрно стрѣлялъ? Неслыханная вещь, чтобы рекрута обучали стрѣльбѣ въ депо. Если бы на это и достало времени, то имъ не воспользовались бы, ибо не придають никакой важности средству, которое въ новой системѣ не играетъ и не должно играть роли, и которое, для необходимыхъ случаевъ, узнается лучше изъ его употребленія. Съ тѣхъ

порь, какъ ноги рѣшаютъ исходъ сраженій и кампаній, выстрѣлы играютъ роль второстепенную.

Другіе искали причину успѣховъ въ артиллеріи,—но это болѣе не прежняя королевская артиллерія: ея чрезмѣрное увеличеніе очень ей повредило. Оно сопровождало увеличеніе французской арміи и можетъ быть перешло за предѣлы должной соразмѣрности съ другими родами оружія. Въ первыя кампаніи неопытная и начинающая пѣхота наступала съ увѣренностью только подъ покровительствомъ огня артиллеріи. Орудія совали вездѣ, въ стрѣлковыя цѣли, передъ кавалеріею, на вершины горъ. Съ тѣхъ поръ она постоянно играла важную роль: этотъ родъ оружія обладаетъ у французовъ практической увѣренностью и употребляетъ приемы, которые даются только долгимъ боевымъ опытомъ. Это послѣднее преимущество, въ соединеніи съ многочисленностью орудій, можетъ быть, давало успѣхъ чаще, нежели теоретическія знанія, которыя предполагаютъ во французской артиллеріи.

Легкая пѣхота. Она не состоитъ болѣе изъ прежнихъ баталіоновъ прирожденныхъ стрѣлковъ, о которыхъ вспоминали съ сожалѣніемъ, подъ именами севенскихъ, жеводанскихъ, корсиванскихъ стрѣлковъ; они, какъ и все остальное во Франціи, были или переформированы, или, лучше сказать, уничтожены. Этотъ родъ оружія также разрослся съ усиленіемъ арміи и въ послѣднее время (т. е. къ 1808 г.) онъ состоитъ изъ 31 полка по 3 баталіона каждый, что по военному комплекту даетъ 100,130 человекъ. Должно, впрочемъ, замѣтить, что во Франціи легкая пѣхота не составляетъ трети арміи. Егерь не отличается отъ пѣхотинца ни по обученію, ни по обмундированію; его вооруженіе даже тяжеле, благодаря тесаку, который, по своей бесполезности и неудобству давно отиѣненъ въ линейной пѣхотѣ. Порохъ, патроны, калибръ ружья—тѣже. Во всякомъ баталіонѣ егерей есть рота карабинеровъ, подобно тому, какъ во всякомъ линейномъ баталіонѣ есть рота гренадеръ.

Они, какъ и гренадеры, носятъ неудобную мѣховую шапку. Они вооружены штуцерами, но это различіе не дѣлаетъ ихъ лучшими стрѣлками, ибо выбираются по росту.

Между тѣмъ тѣ, которые видѣли французскихъ егерей въ дѣлѣ, не могутъ не признать за ними большой смѣтливости и проворства: война научила ихъ охотѣ за человекомъ, подобно тому, какъ охотятся за дичью, съ тѣми же хитростями и шиванами, съ тѣми же предосторожностями и уловками. Но это преимущество принадлежитъ человеку, а не оружію. Егеря вовсе не составляютъ сущности этой системы войны, какъ часто утверждали, но только ея принадлежность:

ибо въ арміи, легкой по преимуществу, въ которой каждый солдатъ болѣе или менѣе способенъ въ разсыпному дѣйствію, каждый есть въ дѣйствительности егерь.

Съ нѣкоторыхъ поръ ввели вольтижеровъ. Они образуютъ классъ стрѣлковъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Каждый полкъ легкой пѣхоты имѣетъ ихъ три роты. Вольтижеры выбираютъ по малому росту, ширинѣ плечъ, легкости и мускульной силѣ; они должны быть способны слѣдовать въ теченіе нѣкотораго времени за лошадыю, идущей рысью и обучаются вскакиванію за кавалериста на крупъ лошади. Они вооружены хорошими карабинами, которые, соотвѣтственно роду службы и росту, коротки и легки. До сихъ поръ (т. е. до 1808 г.) этотъ видъ пѣхоты не выказался, но можно ожидать, что онъ принесетъ пользу, такъ какъ составляетъ шагъ впередъ въ усовершенствованіи стрѣлковаго боя, сплочивая кавалерію и пѣхоту для взаимной поддержки. Это есть не болѣе какъ систематическое примѣненіе приѣма, оправданнаго опытомъ и заслуживающаго вниманія во всѣхъ арміяхъ; у австрійцевъ въ обычаѣ, что тирольскіе стрѣлки садятся на крупы за гусарами или уланами для нападенія на непріятели или отступленія отъ него при стычкахъ въ сторожевой цѣпи.

Въ концѣ концовъ, каждый родъ оружія у французовъ, отдѣльно взятый, не представляетъ замѣтныхъ преимуществъ, ему свойственныхъ, ни по организаціи, ни по вооруженію, ни по обученію, ни по умѣнью употреблять оружіе; и ни одному изъ нихъ, исключительно, нельзя приписать одержанные успѣхи.

Но за-то каждый, подъ руководствомъ тѣхъ, которые ведутъ совокупность дѣла, дѣйствуетъ совершенно въ духѣ системы; каждый противопоставляетъ соотвѣтственному роду оружія непріятели такой же перевѣсъ числа, какой, въ общемъ, вся французская армія противопоставляетъ другимъ арміямъ; и, что важнѣе, каждый идетъ съ привычкою войны, пріобрѣтенной путемъ чуть не двадцатилѣтней практики: преимущество, котораго никакое другое качество, въ немѣющихся его, уравнивать не можетъ.

Именно эта привычка дала генераламъ то мгновенное пониманіе мѣстности, благодаря которому они быстро ставятъ каждый родъ оружія на пунктъ, гдѣ онъ нуженъ, а cadaго офицера и солдата въ возможность проявить всю способность, какою только онъ имѣетъ, быть полезнымъ.

Примѣчаніе. Армія, которая любитъ штыкъ,—безспорно, храбрая армія и способна на великіе подвиги.

Часто одна армія идетъ на другую въ штыки, но весьма рѣдко армія, угрожаемая подобнымъ образомъ, выдерживаетъ. Слѣдовательно,

рѣшимость прибѣгнуть къ необыкновенному средству утвердила за штыкомъ его репутацію и эта рѣшимость всегда останется мѣриломъ нравственной энергіи арміи.

Кавалерія обмундирована и снаряжена тщательно; гусары, конные егеря, драгуны—даже изящно. Но можетъ быть вѣдѣ она хуже не обучена и не монтирована. Французскій кавалеристъ ѣздитъ неувѣренно и не кажется крѣпкимъ въ сѣдлѣ. Форма одежды въ войскахъ не отличается однообразіемъ покроя и цвѣта, и въ мирное время солдату предоставляется слѣдовать болѣе или менѣе своей фантазіи въ одеждѣ. Гвардейская кавалерія и пѣхота, войско отборное изо всего, что есть лучшаго въ арміи, представляетъ исключеніе по росту и формѣ одежды. Судить о гвардіи по арміи—ошибка, въ которую впадали многіе иностранцы.

Французская армія можетъ служить столь же великимъ примѣромъ и для мира, какъ для войны. Если изъ поучительныхъ военныхъ опытовъ извлечь пользу, возникнетъ новая организація и вслѣдствіе ея армія выйдетъ совершенно иная. Всѣ арміи должны будутъ измѣнить видъ. Преобразования должны коснуться не только обмундированія, головного убора, обуви солдата, но сущности общей организаціи арміи. Практика показала, что есть двѣ тактики; одна для войны: высшая тактика, стратегія, и одна для мирнаго времени: мелкая тактика,—и что искусство пониманія позицій и театровъ войны глубоко различествуетъ съ искусствомъ плацпарадовъ и манежей. Два знанія столь различныя могутъ вызвать и столь же различныя уставы. Можетъ быть, признавъ первую тактику, уничтожатъ такъ называемую легкую пѣхоту, ибо теперь вся она легка... много занятій, много командъ, много приемовъ, которые на войнѣ непримѣнимы; можетъ быть, стрѣльба рядами будетъ одна сохранена; можетъ быть, начнутъ учить солдатъ вѣрнѣе прицѣливаться и стрѣлять на манеръ охотниковъ, уменьшать вѣсъ ружья и измѣнять ложу; въ кавалеріи уменьшать массу огнестрѣльнаго оружія, которымъ она обременена... что измѣнять ея снаряженіе, обученіе и службу.

Примѣчаніе. Но неужели справедливо, будто правительства не могутъ въ мирное время занимать своихъ многочисленныхъ солдатъ полезнѣе, чѣмъ то дѣлали до сихъ поръ; неужели въ предупрежденіе пороковъ праздности нѣтъ другаго средства какъ дрессировать солдатъ для плацпарадныхъ представленій; неужели строгость въ мелочахъ необходима для удержанія ихъ въ дисциплинарномъ подчиненіи... Французское обученіе, въ его настоящемъ видѣ (1808 г.), и близко не подходитъ къ той точности, которой требуетъ школа. По своей натурѣ оно наименѣе регулярно, потому что оно

самое короткое. Всякій темпъ экзерциціи исполняется безъ раздѣленій, которыя описаны въ уставѣ для руководства инструкторовъ, но въ исполненіи не отдѣляются; они сливаются въ главномъ темпѣ съ возможной быстротой, или, говоря языкомъ техники, срадываются. За неизмѣнимъ флигельмана, для котораго во французскомъ языкѣ нѣтъ даже и названія, команда, раздѣленная на предварительную и исполнительную, указываетъ начало исполненія темпа; продолжительность же его, а слѣдовательно, и конецъ, опредѣляются наибольшою скоростью исполненія. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ характеристика французскаго обученія; она достаточно показываетъ ту степень чистоты, которой при ней можно достигнуть.

Примѣчаніе. Фридрихъ Великій, создавшій искусство двигать массами и примѣнившій его мастерски во время семилѣтней войны, будучи вынужденъ содержать сильную армію для поддержанія мира, свизошелъ въ мелочныя подробности и организовалъ ту дѣятельную праздность, которая привела къ маршировкѣ на плацахъ. Толпа приняла случайность за существенное, учебный плацъ за поле сраженія. Чѣмъ болѣе увлекались изученіемъ мирной теоріи, тѣмъ болѣе забывали то, что полезно въ практикѣ. И чѣмъ болѣе мирное искусство совершенствовалось, тѣмъ болѣе военное искусство дѣлалось чуждымъ начальникамъ. Мелкая тактика убила высшую; наука капраловъ—науку генераловъ; забыли, что Фридрихъ велъ войну, какъ великій стратегъ, и вообразили, что можно и на войнѣ противопоставлять мастеровъ экзерциціи мастерамъ направлять массы.

Что нужно дѣлать? Въ чемъ подражать французамъ, дабы сравниться съ ними въ военномъ искусствѣ?

Припомнимъ сказанное. Вотъ главные элементы новой системы войны. Численный перевѣсъ; простота обученія солдата; принятіе въ расчетъ топографическихъ данныхъ при составленіи плановъ кампаніи; легкость, подвижность арміи; быстрота движеній; длина операціонныхъ линій; энергія предпріятій; дерзость исполненія; полное подчиненіе направляющей волѣ.

Если держава, которая захочетъ сравниться съ французами на войнѣ, будетъ имѣть на своей сторонѣ одинъ численный перевѣсъ, то она возобновитъ только сцены персовъ противъ грековъ, турокъ противъ русскихъ, если не организуетъ числа и не ввѣритъ его направленія интеллигенціи. Оно должно быть ввѣрено таланту, просвѣщенному знаніями вѣка и сдѣлавшему изъ изученія мѣстности постоянное себѣ занятіе. Число, предвидимое ипаче, приведетъ къ пораженію.

Нужно вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы армія такой державы, дабы отвѣ-

чать новой системѣ, была способна переносить всё лишения; чтобы она умѣла пожертвовать наружнымъ щегольствомъ, блестящими мелочами, удобствами и даже потребностями; нужно, чтобы она рѣшилась отстать въ мелкой тактикѣ и быть только въ распоряженіи высшей. Мелкая не должна быть, впрочемъ, совершенно оставлена; но только очищена отъ всего того, что въ ней лишняго и бесполезнаго, и ограничена только тѣмъ, что не противорѣчитъ высшей тактикѣ. Именно недостатокъ такого соответствія привелъ къ разрушенію систему школы ¹⁾. Практика, вытекающая изъ необходимости, укажетъ лучше чѣмъ уставы, что должно быть усвоено. Мертвая буква недостаточна. Передъ кампаніей 1805 года въ австрійской арміи, чтобы сдѣлать ее легкою, строго было опредѣлено уставомъ число платковъ и паръ чулковъ, которое офицеры могли брать въ походъ, и отняты у нихъ верховныя лошади; но эта уставная легкость не предохранила арміи отъ поражений, поколебавшихъ монархію. Неимѣніе шатровъ, одежды и продовольствія въ первыя кампаніи французовъ создало армію самоотверженную, подвижную, съ ограниченными потребностями и носящую въ самой себѣ принципъ своего существованія. Чтобы быть такою, армія должна быть всецѣло въ рукѣ того, кто ея предводитъ. Но подобная армія уставами и положеніями не создается. Австрійскій уставъ въ 1803 г. предписалъ, чтобы солдата болѣе не били, чтобы онъ былъ приученъ къ выносливости и чтобы впредь его душа была воспитываема въ чувствахъ чести. Въ послѣдніе года почти въ каждой арміи приняты установленія, въ которыхъ видно вліяніе французской арміи. Но степень ихъ пользы и примѣнимости будетъ зависеть отъ соответствія духу тѣхъ армій. Чтобы сдѣлать армію тѣмъ, чѣмъ она должна быть, нужно умѣть пользоваться физическими и моральными предрасположеніями людей, ее составляющихъ.

Каждая нація, жители каждой провинціи, и почти каждого города, представляютъ особенности, изъ коихъ можно извлечь пользу. Одна область дастъ хорошихъ стрѣлковъ, другая хорошихъ кавалеристовъ, третья саперовъ или піонеровъ, на примѣръ. Для моральныхъ существъ нѣтъ одного общаго и постояннаго шаблона.

Швейцарскіе и нѣмецкіе полки во французской арміи, валлонскіе въ австрійской имѣли свои особые порядки для дисциплины и для всего прочаго.

Трудно создать *point d'honneur* тамъ, гдѣ не существуетъ ни въ сердцахъ, ни въ головахъ его элементовъ. Вѣра солдата въ начальника, довѣріе его къ собственнымъ силамъ, ненависть къ непріа-

¹⁾ Т. е., систему Фридриха, основанную на стройности движенія. Пр. перев.

телю должны быть основаны на народномъ характерѣ, равно какъ форма одежды, дисциплина и всякіе порядки. Сообразно этому, его подчиненіе можетъ быть или вынужденное, или сознательное. Несоотвѣтственно было бы увлекаться подражаніемъ французской дисциплинѣ въ другихъ арміяхъ, такъ какъ нельзя создать французскаго характера. Та же палка, которая разложила бы французскую армію, можетъ быть необходима въ другихъ арміяхъ ¹⁾. Страхомъ сдѣлають въ одной арміи то, что въ другой достигается внушеніемъ. Всякое средство можетъ быть плодотворно по результатамъ, нужно только его подмѣнить и привести въ дѣйствіе. Только такимъ путемъ силѣ національности можно противопоставить таковую же. Армія, въ которой солдатъ, въ случаѣ неудачи, кричитъ измѣна, не есть армія трусовъ; она кричитъ такъ, можетъ быть, потому, что всякій чувствуетъ мѣру своей преданности и искренность своей готовности пожертвовать собою; каждый чувствуетъ, что самъ по себѣ онъ долженъ быть непобѣдимъ и потому приписываетъ неудачу причинамъ, внѣ его находящимся. Такая армія сдѣлаетъ чудеса, если внушать каждому изъ людей, ее составляющихъ, что самое жестокое наказаніе ожидаетъ того, кто не исполнитъ своего долга, не взирая на занимаемое положеніе, и что, какъ для генерала, такъ и для солдата, между долгомъ и смертью середины нѣтъ. Арміи, въ которыхъ раздается слово измѣна, самыя мужественныя. Есть такія, которые его не знаютъ; нужно ими предводить иначе. Есть такія, которые начинаютъ съ вѣрою въ непобѣдимость непріятеля; этихъ нужно вести опять иначе.

Но, принимая національность за данную найденную, не нужно-ли для возбужденія ея, чтобы народъ прошелъ съвою революцію, чтобы онъ стремился пронести ее по всему свѣту?

Какъ бы ни былъ дряблъ нашъ вѣкъ, но все же предполагать, что энергія въ народахъ можетъ быть возбуждена только такими средствами, значило бы клеветать на него. Вѣкъ самъ осудилъ ихъ и французы отъ нихъ отрекаются. Собственно говоря, революція у нихъ не была ни дѣйствующимъ побужденіемъ, ни цѣлью солдата. Она дала только высшему національному побужденію, т. е. *point d'honneur*, случай къ развитію, на какое только оно было способно. Неужели всѣ прочія націи утратили въ наши дни характеристическія черты и національныя побужденія?... Неужели ни у одной не найдется ничего такого, что по силѣ могло бы сравниться съ *point d'honneur*

¹⁾ Въ этомъ мнѣніи видѣнъ человекъ того времени. Теперь уже палка нигдѣ не считается годною для возбужденія существа нравственнаго.

Пр. перев.

французовъ? Неужели ни одна не имѣетъ хотя одного чувства, одного убѣжденія, одного интереса, за который рѣшилась бы постоять?... Развѣ нигдѣ не найдется теперь ни одного предмета предпочтенія, ни одного преобладающаго побужденія, которымъ можно воспламенить? Нигдѣ, ни одного, хотя бы на языкѣ вѣка оно считалось предразсудкомъ?...

Если бы нашлась нація, сохранившая во всей чистотѣ нравы предковъ, привычки и обычаи особенные; соединяемая общимъ самобытнымъ языкомъ; нація, имѣющая славныя воспоминанія и привычку быть побѣдоносною, которая чувствуетъ, что не нуждается въ другихъ; если бы такая нація была чувствительна къ приманкѣ повышеній и наградъ, отличающихъ мужество и заслугу; если бы такая нація была проникнута преданностью къ монарху и безграничнымъ подчиненіемъ къ старшимъ; если бы, наконецъ, эта нація имѣла религію, сохраненную въ чистотѣ и непоколебленную привязанность къ своему вѣрованію,—такая нація представила бы великую массу національности, и къ какимъ предпріятіямъ можно ее не наэлектризовать и не повести съ успѣхомъ! Да одного религіознаго побужденія для этого достаточно, не говоря о другихъ, ибо ни одно не сравнится съ исходящимъ изъ неба и туда устремляющимъ, и которое обращаетъ смерть только въ начало лучшей жизни. О, какъ превосходитъ это побужденіе идею чести, эту сухую абстракцію, которая, оставляя сердце холоднымъ, вѣчно блуждаетъ въ земномъ, не привязываясь ни къ чему прочному... И такъ, если принципъ чести вызвалъ у французовъ столь необыкновенные подвиги, то чего не вызвало бы религіозное побужденіе въ націи, у которой оно преобладающее! Или же, если это побужденіе утратило свою силу, то, можетъ быть, привязанность къ царствующему дому, страхъ чужеземнаго владычества, сдѣлаютъ чудеса. Можетъ быть, для этого достаточно простаго объявленія со стороны правительства, что никакія причины, чуждыя интересамъ военнаго дѣла, ни даже старшинство, если оно не сопровождается заслугами, не будутъ давать болѣе правъ на военныя назначенія; что они будутъ даваться по способностямъ; что почести и награды будутъ принадлежностью только личной заслуги и мужества.

Система войны всякой другой націи будетъ иная, чѣмъ система французовъ, и должна быть иная, если она основана на національности; но эта послѣдняя, въ чемъ бы она ни состояла, дастъ великіе и дѣйствительные результаты, если будетъ сильно возбуждена. Французамъ должно подражать не виѣшнимъ подобіемъ средствъ и усилій, а громадностью ихъ, если хотятъ сравниться съ ними громадностью результатовъ. Но въ такомъ случаѣ нужно перестать парали-

зирать необыкновенное дюжинными средствами, и новое—рутиною. Французы, ученики въ военномъ дѣлѣ, низложили своихъ противниковъ, обученныхъ и опытныхъ, неожиданностью своихъ средствъ; но они были разбиты въ свою очередь еще большими новичками въ войнѣ и менѣе ихъ опытными — вандейскими мужиками, наткнувшись на тактику еще болѣе эксцентричную, на побужденія еще болѣе фанатическія, чѣмъ были ихнія. Новые республиканскіе тактики брали увѣрленія при помощи ружей, новые тактики Вандей брали ихъ при помощи палокъ. Послѣдніе сумѣли превзойти невозможное первыхъ. Необыкновенному нужно противопоставлять и средства необыкновенныя. Путями невиданными, средствами неслыханными нужно идти противъ того, что не видано и неслышано!

Не спѣшите успокоиваться на мысли, что всѣ дороги уже избиты, всѣ средства уже испробованы. Даже допуская, что нація извлекла бы все возможное изъ своей національности, она далеко бы не истощила ресурсовъ человѣческаго ума. Всякая система была побѣдоносною, пока была нова; она освобождалась тогда отъ предыдущей рутины, была невѣдома и неслышана. Таковы были слоны Пирра, легкая кавалерія паревовъ и дикіе рои германцевъ. Когда прусская система ввела искусство скоро стрѣлять, свѣтъ былъ удивленъ, и побѣда за нею слѣдовала. Французы сумѣли сдѣлать излишнимъ это искусство и побѣдили. Ошибочно было бы принимать тоже основаніе, на которомъ французы возвели свою систему, ибо дальше идти въ увеличеніи числа сражающихся невозможно, не выводя на войну цѣлыя націи и не обративъ всѣхъ средствъ страны въ военные припасы и продовольствіе; желать превзойти массу артиллеріи, употребленную въ послѣднюю войну, значило бы перелить весь наличный металлъ въ орудія. Но гений можетъ открыть совершенно новые пути; они зовутъ его и указываютъ ему цѣль, достойную самаго благороднаго честолюбія; военный гений можетъ сдѣлаться благодѣтелемъ челоуѣчества, ибо только войною возможно обезпечить ему лучшую будущность, устранить чрезмѣрное напряженіе силъ и возстановить утраченное повидимому равновѣсіе въ мѣрѣ требуемыхъ отъ народовъ усилій и матеріальныхъ средствъ. Можетъ быть, эта цѣль ближе чѣмъ думаютъ. Можетъ быть, что послѣ прусской системы скорострѣлянія и французской, въ которой стрѣльба играла только второстепенную роль, возникнетъ система, основанная на томъ, чтобы мѣтко стрѣлять; первая армія, явившаяся съ подобнымъ преимуществомъ, не нуждалась бы въ численномъ перевѣсѣ для побѣды.

Можетъ быть, также кавалерія легкая, маячащая, положить предѣлъ подвижности современной пѣхоты: подобная кавалерія неминуемо измѣнила бы характеръ атаки и отступленія. Можетъ быть,

есть армія, которой было бы не трудно ввести пѣхоту, перевозимую кавалерію; столь новое соединеніе этихъ двухъ оружій повело бы къ великимъ результатамъ. Можетъ быть также, что штыкъ... Но, нѣтъ! пусть лучше это оружіе и его употребленіе никогда не будутъ усовершенствованы, лишь бы XIX вѣкъ не имѣлъ стыда поворотить войну, смягченную со времени введенія пороха, къ свирѣпому бою грудь съ грудью, дышащему бойней!

Какова бы ни была, наконецъ, грядущая система на очереди, вѣрно то, что чувство превосходства, нераздѣльное съ первыми успѣхами, дастъ арміи-преобразовательницѣ то увлеченіе, которое идетъ изъ нравственныхъ побужденій и которое сопровождало французовъ; оно вызоветъ къ жизни духъ арміи; оно, какъ гений-покровитель, будетъ носиться надъ арміей и ей предшествовать; оно опрокинетъ все на пути ея и внушитъ ей невѣдомыя до того средства дѣйствія.

Какъ напасть на этотъ путь и эти средства?... Практикою, которая одна можетъ научить, что исполнимо, и показать, что излишне. Эта практика—война. Какъ научиться вести войну? Войною. Мѣсяцы кампаніи учатъ больше чѣмъ годы теоріи¹⁾. Гдѣ найти офицеровъ, равно способныхъ воодушевить и быть воодушевленными; равно способныхъ повиноваться и командовать, и могущихъ служить примѣромъ, какъ должно дѣйствовать и какъ должно страдать?... На войнѣ... Гдѣ найти генераловъ для боя, мгновенно схватывающихъ мѣстные отношенія, обладающихъ дерзостью минуты, хладнокровіемъ, чтобы приказывать и направлять!... На войнѣ... Гдѣ найти генераловъ со взглядомъ, объемлющимъ цѣлыя страны и времена года, которые, задумывая истребленіе силъ непріятеля, предусматриваютъ средства сохранять свои собственныя?... Война дастъ ихъ!

Примѣръ передъ вашими глазами. Вы видѣли армію, которая начала безъ генераловъ, безъ офицеровъ, безъ дисциплины и безъ тактики. Эта армія, воспитанная войною, создавшая свою систему на поляхъ сраженій, кончила тѣмъ, что опрокинула всѣ (прежнія) системы и поколебала міръ.

20-го августа 1808 г.—Зельва.

Перев. и сообщ. М. И. Д.—въ.

—*—*—

¹⁾ Изъ предъидущихъ случаевъ употребленія этого слова можно видѣть, что авторъ подъ «теорію» разумѣетъ не только собственно теорію, но и мирное обученіе.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ДАРГОМЫЖСКІЙ.

Матеріалы для его біографіи ¹⁾.

1813—1869.

Письма Даргомыжскаго къ Л. И. Бармалиной.

6-го декабря 1856 г.

Узнаю, что всѣ пишутъ къ вамъ во Флоренцію *poste restante*—и я туда же.

Въ милomъ посланіи вашемъ ко мнѣ, наполненномъ глубокимъ и замысловатымъ выводомъ объ эффектахъ вообще, и объ изящныхъ искусствахъ въ особенности, есть, однако же, двѣ строки сердечныя, отрадныя, какъ-будто вылившіяся изъ-подъ пера вашего противъ воли. Первая изъясняетъ, что вдали отъ роднаго края вы еще болѣе любите кого любили, и что дружба ваша (къ достойнымъ ея) усилилась. Не могу знать, къ кому относится первое чувство. При многочисленности видѣнныхъ мною у васъ любезныхъ молодыхъ людей, догадка для меня очень затруднительна. Что же касается до втораго — до дружбы, я смѣло принимаю его отчасти и на свой счетъ, потому что увѣренъ въ дружескомъ вашемъ ко мнѣ расположеніи. Душевно радуюсь, что путешествіе имѣетъ на васъ такое благотворное дѣйствіе. Хотѣлось и мнѣ поцеголить передъ вами своими чувствами и прислать вамъ недоконченный романсъ; но я разсудилъ лучше оставить его до вашего пріѣзда. Я началъ писать этотъ романсъ въ минуты воспоминаній объ одной очень милой женщинѣ, уѣхавшей за границу (жаль, что вы ее не знаете). Началъ его писать, несмотря на то,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г. томъ XII, стр. 339—358; 565—574; томъ XIII, стр. 101—110; 259—266.

что она разсталась со мною какъ-то нелюбезно, сурово. Въ разлуку съ нею я хотѣлъ помнить о ней одно только доброе, увлекательное, и писалъ этотъ романсъ самъ для себя. Не кончилъ я его потому, что долго, долго не имѣлъ о ней извѣстiя, а самъ не зналъ, куда писать къ ней. Должно быть и она тоже искала по европейскимъ городамъ, чѣмъ бы заинтересовать меня. Вы сами знаете, какъ это трудно. Безъ классиковъ не обойдешься. Вотъ слова романса:

Вы не сбѣлись, надежды милой,
Благословенныя мечты!
Моя краса, мое свѣтило,
Моя желанная — гдѣ ты?
Давно-ль очей твоихъ лазурныхъ
Я любовался тишиной,
И волны думъ ерутыхъ и бурныхъ
Въ душѣ смирились молодой.
Далеко ты!... но терпѣливо
Моей покорствую судьбѣ,
Во мнѣ божественное живо
Воспомянанье о тебѣ!...

Не правда-ли, что стихи хороши. Мнѣ особенно нравится выраженiе: „моя желанная!“¹⁾

Вторая отрадная для меня строчка въ письмѣ вашемъ та, которая свидѣтельствуетъ о пролитой вами слезѣ на репетиции моей „Русалки“. Это лучшая для меня награда за трудъ мой. Я въ этомъ отношенiи очень счастливъ. „Русалка“ моя большинству мужчинъ не нравится. Они умничаютъ, и если который изъ нихъ и хвалить оперу, то хвалить условно нѣкоторые нумера. Нѣкоторые рецензенты ставятъ ее ниже другихъ русскихъ оперъ. Я и самъ готовъ уступить въ мастерствѣ Монюшѣ и Глинкѣ, въ эффектности Верстовскому, но за то во всѣхъ представленiяхъ моей „Русалки“ ложи бываютъ полны. Во всѣхъ представленiяхъ я имѣю утѣшенiе видѣть, какъ милыя мои слушательницы отираютъ глазки надъ бѣдной Наташей и несчастнымъ отцомъ ея. Признаюсь, я другаго успѣха и не желаю. Когда изящное искусство, прославивъ по силѣ и возможности Бога на небеси, нисходитъ на землю, оно должно имѣть цѣлью женщину. Для

¹⁾ Въ 1862 году, въ бытность мою въ Петербургѣ, два года спустя послѣ моего замужества, Даргомыжскiй сказалъ мнѣ: «Романсъ этотъ написанъ, но вамъ я теперь не отдамъ, — я его помѣщу въ роли князя въ моей новой оперѣ;— вотъ онъ, хотите посмотрѣть?» Конечно, я его спѣла. Къ удивленiю моему, я увидѣла, года два спустя, этотъ романсъ въ печати, съ совершенно другою музыкой, и посвященный г-жѣ Мухиной!

Примѣч. Л. И. Кармалиной.

нея оно существуетъ, безъ нея оно было бы совершенно лишнее на землѣ ¹⁾). Съ какимъ бы удовольствіемъ прослушалъ я свою оперу съ вами вмѣстѣ. Вы умѣете и чувствовать и понимать музыку. А это рѣдко встрѣчается. Теперь объ эффектахъ. Постараюсь изложить вамъ мнѣніе мое сколько можно ясно.

Для исполнительнаго таланта, быть можетъ, и не мѣшаетъ подумать иногда о внѣшнемъ эффектѣ. Шарлатанство часто дѣйствуетъ на массу. Но талантъ творческій, напротивъ, не долженъ никогда подчинять вдохновенія своего внѣшнему эффекту. Не спору, что умѣніе произвести его довазываетъ въ художникѣ наблюдательный умъ, извѣстную степень воображенія, быть можетъ, и талантъ; но всѣ эти умышленные эффекты сначала поражаютъ, а потомъ дѣлаются приторны. Между тѣмъ какъ вдохновеніе истинное, переданное художникомъ безъ всякихъ вычурныхъ обстановокъ, не только съ перваго раза производитъ на избраннаго слушателя сильное впечатлѣніе, но и послѣдствіи постоянно доставляетъ ему высокое, благородное наслажденіе. И такъ, вы замѣчаете, что я вывожу два различныя на насъ дѣйствія: эффектъ и впечатлѣніе. Объясню примѣрами: Иванъ Ив. на вечерѣ (подъ этимъ именемъ предоставляю вамъ подразумевать на выборъ вашъ какого-нибудь кавалериста-стихотворца или молодого франта во фракѣ). Входитъ хорошенькая женщина. Вообразайте: черные, какъ смоль, волосы, роскошно переплетенные жемчугомъ. Огненные очаровательные глаза. Правильное личико. Прелестно выработанная талія. Дорогое платье—дамъ стального цвѣта, съ пунцовою бархатною отдѣлкою. Серьги, фермуаръ горять, какъ иллюминація англійскаго магазина ²⁾). Восхитительная бѣлая рука унизана отъ кисти до локтя дорогими браслетами. Все такъ ловко придумано. Она входитъ въ горностаевой мантильѣ, но съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько минутъ, съ живостью золотой рыбки, сбросить ее на ближайшее бархатное кресло ³⁾.... Можно-ли не быть мгновенно очарован-

¹⁾ Не думаю, чтобъ Д. раздѣлялъ эти идеи: ему видимо хотѣлось мнѣ нравиться, такъ какъ въ то время я была фанатично религіозна и часто съ нимъ имѣла по этому поводу споры, напр., споръ о томъ, что не надо ходить въ церковь для молитвы, можно и дома! Я же говорила, что въ церкви, какъ бы въ воздухѣ, носится столько вздоховъ, слезъ, горя и страданій, что поневолѣ становишься человѣчнѣе, гуманнѣе и лучше сосредоточиваешься.

Примѣч. Л. И. Кармалиной.

²⁾ Въ августѣ 1856 г. были великолѣпныя иллюминаціи въ Петербургѣ, по случаю празднованія возшествія на престолъ Государя Императора, и иллюминація англійскаго магазина газомъ была совершенною новинкою у насъ.

³⁾ Здѣсь начерченъ портретъ княгини М., очень изящной и музыкальной дамы тогдашняго петербургскаго большого свѣта.

В. С.

нымъ? До ея прихода Ив. Ив. было скучно, душно, но при видѣ этой волшебницы онъ оживаетъ. Онъ минутъ 10 не сводитъ съ нея глазъ. Ему хочется, чтобы и всѣ другіе ею любовались! Онъ возвращается домой, съ восхищеніемъ рассказываетъ про нее, про ея туалетъ. Наконецъ, идетъ въ свою комнату, беретъ, по обыкновенію, книгу. По обыкновенію, зѣваетъ надъ нею и засыпаетъ ерѣвнымъ сномъ. Вы догадываетесь, что очаровательная эта женщина произвела на него эффектъ. Теперь другая картина, тоже примѣръ. Ив. Ив. входитъ въ комнату. Его встрѣчаетъ молодая дѣвушка. Опять воображайте: интересное, умное, блѣдненькое личико. Голубые живые глаза подъ темными бровями. Бѣлокурые волосы спереди немного зачесанныя вверху, сзади спущены очень низко. Бѣлое висейное платье въ родѣ блузы, съ высокимъ воротомъ. Гибкая талія опоясана бѣлымъ же тоненькимъ кушакомъ. Отъ талии до низу вышиты букеты, положимъ, хотъ блѣдно-фіолетоваго цвѣта. Серьги незамѣтныя. На рукѣ, вмѣсто коллѣкціи дорогихъ браслетовъ, какія-нибудь завѣтныя четки. Все на ней просто, но все изящно, все увлекательно (при этомъ предположимъ еще, что и комната освѣщена пріятнымъ голубымъ полусвѣтомъ). Въ колкой улыбка ея и нѣкоторыхъ неискренно сказанныхъ словахъ проглядываетъ милое, невинное кокетство. Она является Ив. Ив. какимъ-то рѣзвымъ ангеломъ, слетѣвшимъ съ неба, чтобы немного пошалить на землѣ. И, странное дѣло! Въ первой картинѣ онъ искалъ, чтобы другіе всѣ съ нимъ вмѣстѣ восхищались очаровательной женщиной, а здѣсь, напротивъ, онъ не хочетъ раздѣлять, съ кѣмъ бы то ни было, своего упоенія. Онъ ѣдетъ домой. Ничего не рассказываетъ и даже не въ духѣ. Когда онъ одинъ въ своей комнатѣ, ему лѣнь читать. Онъ тушитъ свѣчу, хочетъ заснуть, но блѣдненькое личико, живые глаза и бѣлокурая головка передъ нимъ. Онъ долго, долго не можетъ забыться....

Тутъ вы видите, что на него произведено сильное впечатлѣніе.

Не знаю, ясны-ли для васъ эти сравненія. Вотъ и по вашимъ словамъ я вижу, къ удовольствію моему, что „Русалка“ произвела на васъ не эффектъ, а впечатлѣніе.

С.-Петербургъ, 5-го марта 1857 г.

Въ отвѣтъ на письмо ваше, отъ 9-го февраля, скажу вамъ грустное да. Глинка не стало. Онъ скончался въ Берлинѣ 3-го февраля, послѣ непродолжительной болѣзни, вслѣдствіе простуды. Не передаю вамъ пустыхъ толковъ о причинахъ, ускорившихъ смерть его, потому что всякую болтовню люблю пропускать мимо ушей; но расскажу

вамъ то, что можетъ быть нѣсколько утѣшительнымъ въ подобномъ случаѣ. Хотя въ большомъ свѣтѣ смерть Глинки не возбудила сильнаго сочувствія, но газетная слава его возрастаетъ и гремитъ ежедневно. Придворные пѣвчіе, по ходатайству А. Ѳ. Львова, пѣли по немъ панихиду, и Конюшенная церковь не могла вмѣстить въ себѣ всей массы людей, пріѣхавшихъ и пришедшихъ отдать послѣдній долгъ нашему замѣчательному композитору. Сочувствіе публики къ высокому его таланту должно еще болѣе выразиться въ концертѣ, который даетъ филармоническое общество въ память его. Концертъ будетъ составленъ исключительно изъ его твореній. Прилагаю вамъ афишу этого концерта. Всѣ мы сожалѣемъ, что васъ здѣсь нѣтъ. Вы, конечно, не отказались бы принять въ немъ участіе. Желаю отъ души, чтобы публика оправдала славу Глинки, проповѣдываемую въ газетахъ. Безъ печали народа, газетный шумъ пустъ и омерзительнъ, какъ всякая продажность.... Признаться, я не понялъ первой части вашего письма, такъ темно и неоткровенно написано. Если заблагодарите написать что-нибудь пояснѣе, то не замедлю и отвѣтомъ.

Кланяйтесь всѣмъ вашимъ и примите дружеское пожатіе руки. Если расположены дѣлать для меня пріятное, то уничтожайте всѣ мои письма ¹⁾).

С.-Петербургъ, 16-го августа 1857 г.

Не знаю, кто надо мною шутить, вы, или почты; но дѣло въ томъ, что я не получалъ писемъ вашихъ ни изъ Рима, ни изъ Неаполя, ни изъ Парижа; получилъ я только письмо отъ 5-го апрѣля. Въ немъ вы пишете: „черезъ два дня мы ѣдемъ въ Римъ, потомъ— не знаю, куда и какъ.... Болѣе не пишите во Флоренцію и подождите моего письма съ вѣрнымъ адресомъ“. Съ тѣхъ поръ я и ждалъ, потому что люблю повиноваться вамъ. Теперь получаю отъ васъ письмо изъ Вильдбада—и отвѣчаю въ Вильдбадъ. Правъ я, или нѣтъ?

Какъ я радъ за васъ, за всѣ ваши разнородные успѣхи. Зная, до какой степени они для васъ упоительны, я охотнѣе переношу отсутствіе ваше здѣсь. Болѣе всего благодарю васъ за извѣстіе, что вы не невѣста ни итальянскаго графа, ни испанскаго гранда....

Мы съ вами видимъ многіе предметы совершенно различно, даже противоположно. Напримѣръ, вы вполне удовлетворены фиміамомъ иностранныхъ газетъ: считаете его достойнымъ вознагражденіемъ за

¹⁾ Конечно, Даргомыжскій зналъ, что я не послушаюсь его и не уничтожу писемъ, потому что въ 1862 году прямо спросилъ ихъ перечитать. Зачеркнувъ кое-что, онъ возвратилъ мнѣ, обѣщая продолжать писать такъ-же откровенно.

Примѣч. Л. И. Кармалитской.

вашъ талантъ, труды и проч.¹⁾ Съ вашей точки зрѣнія, вы правы. Но когда вы пишете, что Россія меня не оцѣнила,—меня, которому слѣдуетъ воздвигнуть храмъ (замѣчу, что эта странная гипербола не можетъ оправдываться даже самой экзальтированной дружбой), то я могу доказать вамъ, что съ моей точки зрѣнія Россія оцѣнила меня, можетъ быть, выше моего достоинства.

Правда, что театральная дирекція всю жизнь поступала со мною отвратительно; что высшее и чиновное общество не ѣздили въ мои оперы; что нѣсколько газетныхъ писаекъ относились обо мнѣ неблагонамѣренно, стыдясь однако же подписывать имена свои. Но все это должно отнести къ случайному, временному порядку вещей, и все это, взятое въ обратномъ дѣйствіи, не было бы еще для меня истиннымъ вознагражденіемъ за труды. Примѣръ вамъ Глинка, который во всемъ этомъ имѣлъ полный успѣхъ—и всегда былъ недоволенъ. Вы спросите: въ чемъ же я полагаю вознагражденіе себѣ, въ чемъ?... А въ сочувствіи нѣкоторыхъ призванныхъ понимать и любить все доброе, изящное, благородное. Въ этихъ непритворныхъ слезахъ, которыя видѣлъ я на глазахъ многихъ милыхъ слушательницъ моихъ,—слезахъ, которымъ не воспрепятствовали ни отсутствіе аристократіи, ни гнусная постановка оперы, ни глупыя разсужденія полужнатковъ. Наконецъ, въ тѣхъ вечерахъ, которые я когда-то проводилъ съ вами и другими милыми сердцу и слуху, и во многомъ, многомъ, неразгаданномъ для большинства людей.... Вы знаете, что я всегда пишу для кого-нибудь; что писалъ и для васъ, когда вамъ этого хотѣлось.... И такъ, ежели вы и другія, для кого я писалъ, цѣните талантъ мой, на что же мнѣ поклоненіе дирекціи, чиновниковъ и газетъ? Для меня, какъ артиста, вы и тѣ другія—составляете Россію: стало быть, съ моей точки зрѣнія, Россія вполне оцѣнила меня. Ясно?... Нынѣшнее лѣто я провелъ въ совершенномъ бездѣйствіи, даже въ скукѣ. Та изъ нашихъ талантливыхъ пѣвицъ, которая любила мою музыку и въ послѣднее время еще заставляла меня иногда братья за перо—уѣхала за границу. Говорю о кн. Маявеловой²⁾. Проектовъ и начатковъ у меня много, а когда кончу? Богъ вѣдаетъ!...

¹⁾ Большинство миланскихъ газетъ, въ апрѣлѣ 1857 г., были наполнены статьями объ одномъ концертѣ, въ которомъ участвовала Л. И. Бѣгеницына. Со всегдашней итальянскою напыщенностью, одни рецензенты называли ее «la piccola magaviglia del Nord» (маленькое чудо съвера), другіе—«la regina delle feste» (царица праздниковъ), третьи—«musa della Russia» (русская муза), «perla della Russia» (жемчужина Россіи) и т. д. В. С.

²⁾ Княгиня Зин. Павл. Манвелова, рожд. Башинская, ученица Д., была одна изъ лучшихъ пѣвицъ-любительницъ 50-хъ годовъ въ Петербургѣ. В. С.

Предчувствую, что и съ вами намъ долго, долго не видаться. Поклонитесь всѣмъ вашимъ. Катеринѣ Ниволаевнѣ въ особенности. Я не забываю, что дружба ея ко мнѣ превосходила даже мѣры справедливости.

Душевно и искренно-преданный А. Даргомыжскій.

С.-Петербургъ, 9-го декабря 1857 г.

Послѣднее письмо ваше обрадовало меня еще болѣе прежнихъ; вотъ почему: мѣсяца два тому назадъ мнѣ сказали за достовѣрное, что вы вышли замужъ за иностранца и остаетесь въ чужихъ краяхъ. Долго не получая отъ васъ извѣстія, я повѣрилъ этимъ слухамъ. Теперь съ радостію узнаю, что вы еще для Россіи и искусства не пропали. Люблю я читать ваши воспоминанія о проведенныхъ нами вечерахъ въ домѣ Вебера. Недолго они продолжались, а какъ они памятны для меня! Люблю затѣйливый вашъ слогъ. Люблю въ немъ проблески дѣвичьяго самолюбія и благороднаго стремленія къ искусству. Вы такъ мило описываете мелочныя наши ссоры. Извольте, я письменно виню себя во многомъ, но исправиться не обѣщаю. Видѣть и слушать такихъ дивныхъ исполнительницъ моей музыки, какъ вы, было для меня необходимостью, давало новую силу моему творчеству, заставляло забывать кривые толки знатоковъ, грязныя карверы театральной дирекціи; но, сознаюсь, я не всегда выходилъ правъ изъ этого увлекательнаго испытанія. За то какъ цѣнилъ всякое съ вашей стороны сочувствіе, какъ благодаренъ былъ за всякое снисхожденіе къ своенравнымъ моимъ мыслямъ! Вы пишете, что восхищаете въ Парижѣ моею музыкой, что, исполняя ее, бываете такъ близко со мною, такъ живо представляете себѣ былое... Еслибы вы знали, какъ отрадны для меня эти строки! Не люблю высказываться, но милое письмо ваше меня на то вызываетъ.

Я не заблуждаюсь. Артистическое положеніе мое въ Петербургѣ незавидно. Большинство нашихъ любителей музыки и газетныхъ писакъ не признаетъ во мнѣ вдохновенія. Рутинный взглядъ ихъ ищетъ льстивыхъ для слуха мелодій, за которыми я не гонюсь. Я не намѣренъ снизводить для нихъ музыку до забавы. Хочу, чтобы звукъ прямо выражалъ слово. Хочу правды. Они этого понять не умѣютъ. Отношенія мои къ здѣшнимъ знатокамъ и бездарнымъ композиторамъ еще болѣе грустны, потому что двусмысленны. Уловка этихъ господъ извѣстна: безусловно превозносить произведенія умершихъ, чтобы не отдавать справедливости современнымъ. Это ведется съ давнихъ временъ. Притомъ, неуваженіе ко мнѣ дирекціи даетъ имъ сильныя противъ меня оружія. Сколько выслушиваю я нелестныхъ намебовъ, но

привыкъ и холоденъ въ нимъ. Судите же послѣ этого, какъ утѣшительно для меня сочувствіе хотя немногихъ, но такихъ талантливыхъ и милыхъ людей, какъ вы, въ душѣ которыхъ есть отголосокъ всему хорошему. Вы понимали и любили Глинку. Понимаете и любите меня. Поняли и полюбили сочиненія Моцарта. Помните, какой пріятный вечеръ провели мы въ исполненіи его чудныхъ кантатъ и мелодій? Какъ онъ остался пораженъ вашею способностью читать ноты и быстро вникать въ намѣренія автора? Помните-ли вечера у Глинки? Какъ мы заставили его плавать надъ дуэтомъ изъ „Русалки“? Помните, съ какимъ ревнивымъ чувствомъ слушалъ онъ игранную нами увертюру, хоры? Надо сказать правду, характеръ былъ у него не всегда гладкій; но художественное чувство пересиливало его, и слово одобренія вырывалось невольно. Помните, какъ онъ черезъ силу принимался писать для васъ фугу и кончилъ роспиской въ альбомѣ? ¹⁾ Сколько усладительныхъ, а отчасти и забавныхъ часовъ проводили мы съ нимъ. Объ одномъ жалѣю, что онъ не былъ съ нами на репетиціи моей „Русалки“. Талантъ и странности—почти всегда неразлучны. Вы и въ послѣднемъ письмѣ вспоминаете эту репетицію. А знаете-ли, что если бы вы, вмѣсто репетиціи, слышали представленіе оперы, музыка моя далеко не произвела бы на васъ того впечатлѣнія. Не можете себѣ представить, какъ гнусная постановка оперы вредитъ эффекту музыки! Затасканные декорации и костюмы наводятъ уныніе. На свадьбѣ князя горятъ двѣ пары тройниковыхъ канделябръ. Боярскіе костюмы и застольныя украшенія, выдержавшіе около сотни представленій въ пьесѣ „Русская свадьба“, носятъ на себѣ прорѣхи и слѣды закулисной неопрятности. А въ концѣ оперы, вмѣсто граціознаго плаванія живыхъ русалокъ, влекущихъ тѣло утопшаго князя, спускаются перпендикулярно двѣ деревянныя морскія чучелы: головы человѣческія, съ бакенбардами на щекахъ, а туловища огромныхъ окуней, съ кольцеобразными хвостами. Въ утѣшеніе—одна изъ этихъ головъ похожа, какъ двѣ капли воды, на Гедеонова. Судите сами, хорошъ-ли эффектъ? При свиданьи расскажу вамъ много забавныхъ анекдотовъ. Но когда-то будетъ это свиданье? До сихъ поръ всѣ милыя наши пѣвицы только уѣзжаютъ, а ни одна еще не возвратилась. Впрочемъ, не виню ни васъ, ни другихъ, и я бы уѣхалъ отсюда, если бы семейныя отношенія меня не удерживали.

Я началъ-было переключивать „Русалку“ для фортепьяно въ че-

¹⁾ Росписка въ альбомѣ вотъ какая: «Л. нижеподписавшійся, общаю (съ помощью Всевышняго) написать Л. И. Бѣленцкой въ этотъ альбомъ пьесу, достойную ея прекраснаго таланта. Михаилъ Глинка, 24-го апрѣля 1856 г., Петербургъ».

Примѣч. Л. И. Кармалиной.

тыре руки, но бросилъ: не хватаетъ терпѣнія. Напишите мнѣ, что вы этого желаете, и особенно общайте, что будете играть ее со мною, какъ бывало, мы игравали Бетховена, Моцарта и проч., и я навѣрное одолѣю дѣнь и окончу свое предпріятіе. Видите, что я дѣйствительно люблю вамъ повиноваться!...

Искренно преданный А. Даргомыжскій.

С.-Петербургъ, 16-го сентября 1859 г.

Спѣшу отвѣчать вамъ на милое порывчатое письмо ваше отъ 1-го сентября, за которое вамъ искренно благодаренъ. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ были такъ поражены вѣстію, что я вспоминаю о васъ? Будто этого не ожидали? Позвольте не повѣрить. Какъ артистъ—могу-ли я вмѣстѣ и съ другими знавшими васъ друзьями искусства не вспоминать о вашемъ высококомъ талантѣ, о вашемъ дивномъ умѣнии выражать, если не всегда сердечно, то всегда увлекательно-умно русскую музыку? Вы сами знаете, что это не комплиментъ. Какъ человѣкъ, одаренный сколько-нибудь чувствомъ, могу-ли забыть проведенные съ вами вечера и у васъ, и у меня, и у общаго нашего друга, покойнаго Глинки? Вотъ я—такъ справедливѣе васъ. Я увѣренъ, что и вы этого времени не забываете...

Эти строки только отделикъ на ваше милое, отрадное для меня письмо. Я теперь занятъ срочной работой. Въ будущемъ же письмѣ моемъ напишу вамъ о состояніи музыкальности въ Петербургѣ и о моихъ занятіяхъ. Но прежде всего скажите, неужели нѣтъ никакой надежды, чтобы вы пріѣхали къ намъ, хотя на время, погостить и оживить сонный и удрученный нашъ музыкальный кружокъ?

Вы все пишете о какой-то моей громкой извѣстности въ Польшѣ и за границей, прибавляя къ тому, что я не стою, чтобы вы мнѣ писали о ней. Совершенно съ вами согласенъ, да и не интересуюсь ею. Зато вполне стою, чтобы вы писали о себѣ, о музыкальныхъ вашихъ занятіяхъ. Стою потому, что постоянно съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю о васъ.

Душевно и навсегда преданный вамъ А. Даргомыжскій.

Присылкою записанныхъ вами мотивовъ очень бы меня одолжили.

С.-Петербургъ, 21-го октября 1859 г.

Первое письмо ваше застало меня за срочной работой, а второе застаётъ за удвоенной срочной работой. Вы хотите знать — чѣмъ я занятъ? Извольте. Вы слышали, конечно, что театръ-дирекъ въ Петербургѣ сгорѣлъ? вмѣстѣ съ нимъ сгорѣли партитуры и партіи 17-ти русскихъ оперъ. Можетъ быть, вы читали въ газетахъ возгласы

фельетонистовъ и музыкальныхъ рецензентовъ: Стасовыхъ, Сѣровыхъ, Мановъ, Ростиславовъ, Зотовыхъ и проч., о знаменательномъ для Россіи несчастіи, что оперы Глинки „Русланъ“ и „Жизнь за Царя“ сгорѣли; но такъ какъ я умѣю угодить (и то не всегда) только такимъ снисходительнымъ и милымъ людямъ, какъ вы, и вамъ подобнымъ, а не записнымъ знатокамъ и фельетонистамъ, то вы и не могли нигдѣ прочесть, что въ числѣ этихъ 17-ти оперъ сгорѣла и моя скромная „Русалка“.

Разница только въ томъ, что партитуры Глинки находятся въ Петербургѣ, Москвѣ и за границей въ числѣ пяти или шести копій, а „Русалка“—если бы московская наша пѣвица Семенова не похлопотала списать ее для своего бенефиса ровно за двѣ недѣли до пожара—погибла бы безвозвратно. Въ день пожара театра списанныя партіи „Русалки“ находились въ дорогѣ въ Москву. И такъ, срочная работа моя заключалась въ просмотрѣ и поправкѣ вновь еще списанныхъ партитуры и партій этой оперы, которая должна была скоро даваться на Александринскомъ театрѣ. Но такъ какъ театры у насъ управляются чиновниками, а у чиновниковъ семь пятницъ на недѣлѣ—то мнѣ вдругъ и объявили, что „Русалка“ идти не можетъ, а вмѣсто ея должна возобновиться „Эсмеральда“, написанная мною лѣтъ двадцать тому назадъ. Ставимъ ее на скоро: репетиции и спѣвки всякій день. Сверхъ того, артисты приступили съ просьбами написать имъ вставочныя аріи. А вы знаете, какъ я неспособенъ къ заказной работѣ. Это не то, что бывало писать для васъ или другихъ талантливыхъ любителей, милыхъ слуху, глазамъ и сердцу. Тогда писалось легко, съ наслажденіемъ, а теперь пишу по неволѣ и въ дурномъ расположеніи духа—лишь бы скорѣе кончить.

За присылку мотивовъ отъ души вамъ благодаренъ¹⁾. Собираюсь отдать въ печать еще нѣсколько романсовъ. А знаете-ли, отчего я до сихъ поръ не посылаю вамъ новыхъ своихъ романсовъ, изданныхъ послѣ вашего отъѣзда? Чисто изъ эгоизма. Хотѣлось бы дожидаться той пріятной минуты, когда бы я могъ просмотрѣть ихъ вмѣстѣ съ вами.

Я забылъ написать вамъ, что въ прошлую зиму я поставилъ въ Москвѣ „Русалку“. Не можете себѣ представить, какъ Семенова высока въ партіи Наташи. Опера шла еще теперь, въ сентябрѣ, и режиссеръ пишетъ ко мнѣ, что Семенову вызвали 18 разъ въ теченіе спектакля.

¹⁾ Мотивы, записанные мною въ Полѣсьѣ Волынской губерніи.

Примѣч. Л. И. Кармалиной.

За симъ, прощайте. Всѣмъ вашимъ отъ души кланяюсь, а васъ прошу не забывать стараго учителя и друга. А. Даргомыжскій.

С.-Петербургъ, 30-го ноября 1859 г.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я увѣдомлялъ васъ, что занятъ постановкою „Эсмемальды“. Теперь она идетъ и идетъ весьма успѣшно. Вы знаете, что я писалъ эту оперу на 22—24 годахъ моей жизни. Музыка не важная, часто пошлая, какъ то бываетъ у Галеві или Мейербергера; но въ драматическихъ сценахъ уже проглядываетъ тотъ языкъ правды и силы, который въ послѣдствіи старался я развить въ русской своей музыкѣ. Исполняется „Эсмемальда“ вообще недурно, а мѣстами превосходно. Петровъ хорошъ, какъ всегда и вездѣ, но Булахова до такой степени одушевилась своею партіей, что ее не узнають. Вамъ покажется невѣроятнымъ, но въ 4-мъ дѣйствіи, въ большой сценѣ съ Клодомъ-Фролло она изъ золотой рыбки дѣлается львицей. Эта разительная въ ней переиѣна не мало удивляетъ и увлекаетъ публику. Музыкальность въ Петербургѣ растетъ, какъ красавицы въ русскихъ сказкахъ, не по днямъ, а по часамъ. Завелось у насъ Русское музыкальное общество въ большихъ размѣрахъ. Въ теченіе зимы даетъ оно десять концертовъ. Оркестръ хорошій. Хоры и соло исполняются любителями. Впрочемъ, я очень мало сочувствую этимъ концертамъ. Великую пользу общества признаю вполне и даже состою членомъ въ особо учрежденномъ комитетѣ для разбора сочиненій, присужденія наградъ и проч. Но концерты меня не занимаютъ. Послѣ театра, послѣ драматической оперной музыки они для меня скучны. Притомъ же не люблю шарлатанства, педантическихъ споровъ знатоковъ, неудавшихся композиторовъ и журнальныхъ слугъ. А въ концертахъ все это свирѣпствуетъ въ сильномъ разгарѣ, и горе тому артисту, который не захотѣлъ бы принять участія въ этихъ морально-вулачныхъ бояхъ. Если бы вы знали, какъ я спокойно и пріятно провожу время дома въ немногочисленномъ, но взаимно-искреннемъ и преданномъ искусству кружкѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ моихъ ученицъ и нѣсколькихъ талантливыхъ любителей пѣнія. Русская музыка исполняется у насъ просто, дѣльно, безъ всякой вычурной эффектности. Однимъ словомъ—исполненіе такое, какое любилъ покойный нашъ другъ Михайла Ивановичъ ¹⁾. Въ прошлые года вечера мои часто помрачались присутствіемъ разныхъ славо- и слово-любивыхъ знатоковъ, но нынѣшнюю зиму они всѣ отъ меня поотстали, и пѣвцы мои не нарядуются на наше одиночество.

¹⁾ Глинка.

Вообще музыкальная жизнь моя идетъ удачно. Во-первыхъ, театральная дирекція, хотя не поддерживааетъ, но не гонитъ меня, какъ прежде; во-вторыхъ, шумный свѣтскій кругъ, учено-музыкальный міръ и журнальный вертепъ, какъ-будто забыли о моемъ существованіи, такъ что я могу наслаждаться искусствомъ для себя и писать для немногихъ; лишь бы были эти немногіе, для кого бы хотѣлось писать!...

1860. Мартъ.

...Радуюсь успѣхамъ вашимъ въ Одессѣ; но вѣдь это повтореніе того же, что было вездѣ, въ Италіи, во Франціи. Напрасно приписываете вы столько моимъ сочиненіямъ. Ихъ исполняютъ многіе и многія,—но вы одиѣ умѣете такъ сильно увлечь слушателей. Развѣ одни только слѣпые восхитятся въ половину. (Впрочемъ, это замѣчаніе не мое, а превозносившихъ васъ итальянскихъ газетъ). Ежели вы, при дивномъ своемъ талантѣ, сохранили въ пѣніи направленіе, данное вамъ здѣсь русскими композиторами (которые такъ усердно вами занимались), то и не удивляюсь вашимъ успѣхамъ. Естественность и благородство пѣнія русской школы не могутъ не произвести отраднаго впечатлѣнія посреди вычуръ нынѣшней итальянской, криковъ французской и манерности нѣмецкой школы. А сколько у насъ записныхъ знатоковъ, которые оспариваютъ существованіе русской школы не только въ пѣніи, но даже въ композиціи. Между тѣмъ она прорѣзалась явственно, и чѣмъ болѣе заведется у насъ общество, развивающихъ вкусъ въ нѣмецкой музыкѣ — тѣмъ рельефнѣе выступитъ наша русская. Тушить ее уже поздно. Не знаю, до какой степени суждено ей развиваться впереди, но существованіе ея уже внесено въ скрижали искусства. Скажутъ: мало русскихъ твореній. Тѣмъ лучше. Бутылка спирта бываетъ полезнѣе бочки разведеннаго водою вина. А какъ мало я встрѣчаю людей, которые умѣютъ понять такіа простыя истины! Замѣчаніе ваше на счетъ того, что если бы Глинка воскресъ въ минуту коронаванія Рубинштейна, то умеръ бы вторичною смертію, я нахожу несправедливымъ. Онъ, правда, не любилъ быть свидѣтелемъ успѣховъ другихъ, но успѣховъ настоящихъ, а въ этомъ случаѣ онъ бы съ гордой улыбкой сказалъ: „комедія!..“

Я вижу, однако, что вамъ передали только каррикатурную сторону поднесенія Рубинштейну жезла. Надо быть справедливымъ. Не буду говорить о композиторскомъ его талантѣ. Вы сами разсудите о немъ не хуже кого-либо изъ насъ. Но поднесеніе ему капельмейстерскаго жезла было въ совершенномъ порядкѣ вещей. Онъ дѣлалъ зиму хлопоталъ и трудился при разучиваніи любителями (и не

такими какъ вы) разныхъ весьма замысловатыхъ хоровъ. Трудился онъ съ самоотверженіемъ. Понятно, что любители пожелали отблагодарить его, и онъ вполне заслужилъ эту благодарность. А что ему публично надѣтъ былъ на голову лавровый вѣнокъ—я готовъ согласиться, что это имѣетъ свою смѣшную сторону; но, во-первыхъ, вѣнокъ былъ надѣтъ одною изъ лучшихъ (во всѣхъ смыслахъ слова) фортепьянистокъ, Ингеборгъ-Старкъ, слѣдовательно, былъ возданіемъ, такъ сказать, отъ лица всѣхъ піанистовъ за колоссальный его исполнительскій талантъ. А этого таланта у него отнять нието не можетъ. Во-вторыхъ, говорятъ, что самъ Рубинштейнъ остался недоволенъ этою неожиданной выходкой. Въ-третьихъ, когда мысль родится отъ добраго сердца, а дѣйствіе выполняется хорошенькой дѣвушкой, то въ моихъ глазахъ даже глупый поступокъ принимаетъ нѣкоторую изящную оболочку...

Вы, конечно, помните NN. Помните, какъ онъ съ моею рекомендаціонной запиской явился къ Глинкѣ за 10 или 12 дней до отъѣзда сего послѣдняго въ Берлинъ. Въ Берлинѣ, какъ вамъ извѣстно, Глинка прожилъ мѣсяца три, и въ гору нашему—его не стало. Въ это время NN успѣлъ жениться, уѣхать за границу и случился въ Берлинѣ за нѣсколько недѣль до смерти Глинки. Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ къ сестрѣ, Шестаковой, Глинка пишетъ: „Кланяйся Даргомыжскому и скажи, что NN его оказывается весьма неспособенъ. Ни я, ни Денъ не можемъ втолковать ему...“ и проч. Вообразите же себѣ, что теперь во всѣхъ европейскихъ газетахъ NN провозглашается великимъ русскимъ композиторомъ и ученикомъ знаменитаго Глинки! Вотъ вамъ одинъ изъ ста тысячъ образчиковъ газетной правды. Но это еще пичего. Посмотрите, что журналисты писали о другѣ нашемъ Лазаревѣ. Чудо, да и только!

А помните, вѣдь мы провели два забавные вечера въ его обществѣ. Теперь онъ здѣсь и ведетъ полемику съ Маномъ, Сѣровымъ, Ростиславомъ и другими музыкальными рецензентами. Въ этой полемикѣ онъ и за меня заступается. Такой милый! болѣе всего его сердить слѣдующая формула, принятая рецензентами въ статьяхъ, гдѣ говорится о русскихъ композиторахъ: „Великій или знаменитый Рубинштейнъ, гениальный Глинка, и даровитые композиторы (всегда нераздѣльно) Верстовскій, Ламакинъ, Гурилевъ, Даргомыжскій, Вильбоа, Толстой и прочіе...“. Зачѣмъ вы не здѣсь? какъ бы мы посмѣялись всѣмъ этимъ продѣлкамъ!

На восклицаніе ваше: „зачѣмъ вы не предсѣдатель комитета, а только членъ!“ я буду отвѣчать вамъ въ будущемъ письмѣ, теперь я немного усталъ...

1860 г.

„Отчего вы не предсѣдатель комитета, а только членъ?“ Я обѣщаль отвѣчать вамъ на это и отвѣчаю. Какъ вы невольно высказались въ этомъ вопросѣ! Сколько въ немъ непростительнаго самолюбія и честолюбія! Вы помните, что, при всей моей къ вамъ искренней преданности, я часто упрекалъ васъ въ излишней артистической гордости? Но вы—талантъ исполнительный, а исполнителю дозволяется нѣкоторое искуство для достиженія славы и почета. Тяжело трудиться и не заслуживать вниманія. Художникъ—дѣло совсѣмъ другое. (То, что я буду писать вамъ, относится въ особенности къ русскимъ композиторамъ, которые всѣ болѣе или менѣе люди съ достаткомъ). Художникъ существо исключительное. Приходило-ли вамъ когда-нибудь въ голову, что самъ Богъ сдѣлалъ для него изытіе изъ своего кореннаго и неизбѣжнаго для всѣхъ прочихъ людей закона? Кому, напримѣръ, трудъ и работа не въ тягость? Для художника они составляютъ наслажденіе въ жизни. Кого не привлекаютъ роскошь, моды, обѣды, свѣтскія развлеченія и прочія удовольствія? Художникъ ими тяготится. Уединеніе и постоянная забота объ усовершенствованіи своихъ произведеній—вотъ истинная жизнь художника, вотъ его счастье. Тотъ, кто пишетъ съ цѣлью пріобрѣтенія богатства или громкой славы, уже не есть художникъ, а просто талантливый человѣкъ, торгующій способностями своими, примѣненными къ дѣлу искусства или поэзіи. Вспомните превосходные стихи „къ поэту“ тѣзки моего, Пушкина:

Ты царь. Живи одинъ, дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя награды за подвигъ благородный!

Пушкинъ правъ, и счастливъ тотъ изъ призванныхъ, кого опытъ жизни и любовь къ искусству приведутъ къ этимъ великимъ убѣжденіямъ. Вы скажете, что между художниками таковыхъ людей мало. Правда; но отчего мало? Оттого, что не умѣютъ пользоваться своимъ счастіемъ! Вѣдь и между католиками, лютеранами, греками и протестантами христіанъ мало! А евангельское ученіе дано для всѣхъ. Теперь, изложивъ предъ вами вѣратцѣ значеніе художника въ обществѣ, высказавъ вамъ, какія высочія, никому другому невѣдомыя и никакою земною властію неотъемлемыя наслажденія дано испытывать ему въ жизни, я спрошу васъ: правъ-ли онъ будетъ, если захочетъ, при всемъ томъ, гоняться и за богатствомъ, и за почестями земными, и за ласковой улыбкой знатныхъ людей, и за красной поделкой

на пальто, и за разными порочными и безпорочными знаками на груди, и, наконецъ, пожелаетъ начальствовать надъ другими? Что же онъ тогда оставитъ графамъ X и У? разнымъ труженикамъ—бюрократамъ, откупщикамъ, взяточникамъ и пройдохамъ-журналистамъ? А какъ часто судьба наказываетъ художника за излишнее честолюбіе! Примѣровъ много. Великій нашъ живописецъ Ивановъ въ течение 20-ти лѣтъ жилъ царемъ въ своей мастерской въ Римѣ. Разумѣется, онъ, какъ человѣкъ, по временамъ испытывалъ тревоженія; но преслѣдуя съ геніальнымъ упорствомъ одну святую мысль, погружаясь въ чудныя подробности вѣншей природы, онъ былъ счастливъ. Что же? Возвратясь къ намъ съ дивными произведеніями, онъ измѣнилъ высокому своему призванію; сталъ добиваться ласкъ и вниманія..., похвалъ профессоровъ, и чѣмъ же кончилось? Нахальство вельможи, у котораго онъ прождалъ три часа въ передней, сразило его. Холера, смерть и самое унылое погребеніе были вѣнцомъ замѣчательнаго художника! А покойный другъ мой и вашъ поклонникъ, М. И. Глинка? Конечно, вы его знали не долгое время, но я въ течение 22-хъ-лѣтней и постоянной съ нимъ пріязни могъ легко изучить всѣ его добрыя качества. При высокомъ талантѣ, онъ былъ человѣкъ европейски образованный, добрый и милый товарищъ; оригинальный умъ его не уступалъ мягкому и благородному сердцу. Сколько данныхъ къ возможному на землѣ счастью! И одна пагубная страсть прошиповала страдальческой бычевкой всю жизнь его: это любовь къ славѣ и оваціямъ. Все, что сдѣлалъ онъ глупаго и даже предосудительнаго въ жизни, все было слѣдствіемъ этой неодолимой слабости. Онъ до гроба питалъ ненависть къ русской аристократіи и петербургской публикѣ за непониманіе „Руслана“. Каждая глупая противъ него газетная выходка огорчала его до глубины души! Въ Парижѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ указивалъ за профессоромъ музыки Берліозомъ, чтобы тотъ исполнилъ нѣкоторые нумера его оперы въ концертѣ. И какія жалкія были тогда послѣдствія этого концерта! Да и понялъ-ли профессоръ Берліозъ музыку Глинки? Вотъ что онъ мнѣ сказалъ про него: „Oui, il a du talent et surtout un esprit bien original!...“ И жалко и смѣшно! Однажды, на юбилей Жуковскаго, у князя Петра Андреевича Вяземскаго, Глинка при мнѣ хлопоталъ, чтобы его представили какому-то графу Строганову (отставному министру). Представили, и тотъ принялъ его съ высока, даже не подалъ руки. Я тутъ же сказалъ Глинкѣ: „Ты всегда сердилъ меня подобными выходками, но въ этомъ случаѣ ты былъ такъ смѣшонъ, что я и разсердиться не могъ“. А сочиненія его на разныя празднества въ честь великихъ міра сего?

единственным плохим его сочинением! А посвящение „Руслана“—кому же? сыну Гедеонова!... легко сказать. Правда, что онъ въ послѣдствіи уничтожилъ это посвященіе, но вѣдь оно было напечатано, а его видѣть! А автобіографическія его замѣтки, на которыхъ основана нелѣпая и несправедливая біографія его? а отдаленіе его подъ старость отъ всѣхъ прежнихъ товарищей, изъ коихъ я одинъ, какъ вамъ извѣстно, оставался въ дружескихъ съ нимъ сношеніяхъ до конца жизни. Правда, что и любовь къ искусству насъ много связывала. Съ Степановыми же, Кукольникомъ, Толстымъ, Лоди, Петровыми, онъ почти не видался, несмотря на то, что многимъ изъ нихъ былъ обязанъ¹⁾. А окруженіе себя, подъ конецъ, молодыми болтунами²⁾, въ полной увѣренности, что они проворчатъ о немъ печатно съ цѣлью самихъ себя прицѣпить къ его имени?... Всѣ эти неблагоприятные поступки, чуждые доброму его сердцу, а также и чрезмѣрная раздражительность его характера—были слѣдствіемъ той же пагубной страсти—славостязанія. Хотите еще примѣровъ? извольте: Монюшко, съ которымъ вы у меня познакомились, милый и талантливый Монюшко! Такъ-ли онъ пишетъ теперь, какъ въ былые дни, когда еще не ѣздилъ съ глупымъ полкомъ къ Листу и не сдѣлался музыкальнымъ львомъ въ Варшавѣ? А величайшій изъ поэтовъ-художниковъ—Пушкинъ—развѣ не былъ смѣшонъ въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ? А Львовъ—развѣ не разорился на покупку европейской извѣстности? И до сихъ поръ еще страдаетъ, что не оцѣненъ по достоинству!... И такъ, не степень высоты таланта, но способность любить искусство болѣе другихъ благъ на землѣ—дѣлаетъ художника счастливымъ. Я позволяю ему и нѣкоторое самолюбіе, необходимое для преслѣдованія любимой цѣли среди глупыхъ окружающихъ его толковъ. Я позволяю ему дорожить славой своей,

¹⁾ Эти слова Д. не совсемъ справедливы. Съ П. А. и Н. А. Степановыми, съ А. П. Лоди и О. А. Петровымъ, Глинка оставался въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ до самаго конца послѣдняго пребыванія своего въ Россіи и нерѣдко видался съ ними, чему живыхъ свидѣтелей и до сихъ поръ много; съ Кукольникомъ онъ продолжалъ быть въ прежней дружбѣ, что доказывается лучше всего тѣмъ, что въ 1855 г. давалъ ему «на просмотръ» свои автобіографическія записки, а если и не видѣлся съ нимъ въ 1856 году, то единственно по причинѣ отсутствія Кукольника изъ Петербурга. Прежнія интимныя отношенія измѣнились у Глинки развѣ только къ Ѡ. М. Толстому, послѣ статей о «Жизни за Царя», напечатанныхъ въ 1854 г. этимъ послѣднимъ въ «Сѣверной Пчелѣ».

В. С.

²⁾ Въ 1863 г. А. С. Даргомыжскій бралъ у меня на пересмотръ всѣ свои письма, и собственноручно вычеркнулъ нѣкоторые фамилии—потому я не въ правѣ назвать ихъ.

Примѣч. Л. И. Кармалиной.

28*

но отнюдь не заботиться и не хлопотать о ней. Были бы творчество и добросовѣстный трудъ—слава придетъ сама собой. Искать же почестей или начальства надъ кѣмъ бы то ни было—считаю просто унижительнымъ для художника.

При таковыхъ убѣжденіяхъ моихъ понятно, что я не только не согласился бы принять званіе предсѣдателя въ какомъ бы то ни было комитетѣ, но и въ члены-то комитета пошелъ только съ цѣлію доказать, что я не обидѣлся, какъ А. Θ. Львовъ, за то, что первоначально ни его, ни меня не выбрали въ директоры того общества. Даже, скажу вамъ по секрету, при первомъ удобномъ случаѣ готовъ просить господъ директоровъ, чтобы пригласили вмѣсто меня членомъ кого-нибудь починовнѣе и поважнѣе, тѣмъ болѣе, что и пользы-то никакой не вижу отъ нашего комитетства.

Пріѣзжайте-ка въ Петербургъ. Вы увидите, какъ изложенная мною теорія искренно и ловко примѣняется и къ практической моей жизни. Возвратясь изъ-за границы, я пятнадцать лѣтъ сразу живу въ томъ же Петербургѣ и въ томъ же Есаковомъ домѣ. Пишу немного, но кажется съ бѣльшимъ толкомъ, чѣмъ прежде. Находясь въ разладѣ съ журналистами, я

Хвалу и клевету пріемлю равнодушно,
Не требую вѣнца—
И не хочу оспаривать глупца.

Опять тѣзка!... что дѣлать—не могу шагнуть безъ него! Между привычными моими посѣтительницами есть нѣсколько талантливыхъ, милыхъ и утѣшительныхъ явленій, и сочувствіе ихъ для меня отраднo и живительно—а все-таки васъ недостаетъ! Прощайте, записался! А. Даргомыжскій.

2-го декабря 1860.

.....Сегодня идетъ „Русалка“ (26-е представленіе) на новомъ Маринскомъ театрѣ. Говорятъ, декораціи новыя, великолѣпныя, но я еще не видалъ. Поневолѣ подумаешь, отчего вы не здѣсь? Какъ бы пріятно было прослушать оперу съ вами вмѣстѣ!.....

С.-Петербургъ, 15-го мая 1865 г.

...Пишу немного потому, что съ самаго пріѣзда (изъ-за границы) въ Петербургъ, страдаю ревматизмомъ; вѣроятно, отъ переменъ климата. При томъ много скучныхъ дѣлъ на шеѣ. Все какъ-то идетъ къ разстройству. Душевно радуюсь, что вы еще сколько-нибудь преданы искусству, но просьбы вашей покуда исполнить не могу, потому что вовсе не обращенъ къ музыкѣ, да и ноты мои—половина

упакована, а другая еще ѣдет сюда изъ-за границы. Въ Брюсселѣ и Парижѣ я много музыкалилъ и довольно удачно. При всемъ томъ—грустно. Искусство, въ благородномъ его значеніи, важется, пало безвозвратно. Сохраняется оно еще въ небольшихъ артистическихъ кружкахъ. Все остальное—или спекуляціи, или пошлыя забавы. Шарлатанство вездѣ преобладаетъ. Посылаю вамъ кое-какіе отрывочки изъ газеты „Indépendance Belge“ объ исполненіи въ Брюсселѣ моихъ вещей...

С.-Петербургъ, 17-го іюля 1866 г.

„Гадкій вы, кривой человекъ, вотъ вамъ“. Если бы это написала мнѣ бывшая любимая моя ученица Бѣленицына, существо разумное, милое и поэтическое, — это бы огорчило меня. Но отъ генеральши Кармалиной, оцѣняющей людей, можетъ быть, съ высоты дагестанскаго губернаторства и снисходящей до искусства ради свѣтской прихоти, такія слова меня не трогаютъ и не удивляютъ. Вотъ вамъ!

Вы спрашиваете о будущей моей оперѣ? Дѣйствительно, я задумалъ какую-то оперу давно, когда музыка была еще искусствомъ ¹⁾. Но теперь она сдѣлалась ремесломъ. Надо шарлатанить, брать царскіе сюжеты, добиваться блестящей постановки, писать о себѣ въ газетахъ. Чувствую, что не сумѣю съ этимъ сладить — и бросилъ. Мнѣ вообще не везетъ. Напримѣръ, 17 лѣтъ тому назадъ я написалъ „Торжество Вакха“. До сихъ поръ не слыхалъ его на сценѣ. Обѣщаютъ поставить въ Москвѣ. Два раза уже обманули. Не знаю, что будетъ нынѣшней зимой. Впрочемъ, я не совсѣмъ еще разстался съ музой. Забавляюсь надъ „Донъ-Жуаномъ“ Пушкина. Пробую дѣло небывалое: пишу музыку на сцены „Каменнаго Гостя“—такъ, какъ онъ есть, не измѣняя ни одного слова. Конечно, никто не станетъ этого слушать. Но чѣмъ же я-то хуже другихъ? Для меня недурно.

Посылаю вамъ „Руслана и Людмилу“, „Русалку“ (къ сожалѣнію забылъ исправить всѣ нелѣпости въ изданіи), какіе есть нумера „Рогнѣды“ („Юдиоб“ не напечатана), романсъ Сѣрова и 4 моихъ. Еще подношу вамъ два экземпляра моей „Славянской Тарантеллы“ въ 4 руки. Я написалъ ее за границей для одной хорошенькой танцовщицы,

¹⁾ Въ бытность мою въ Петербургѣ, Даргомыжскій показывалъ мнѣ нѣсколько №№ изъ какой-то оперы, въ которой главную роль игралъ — князь: въ его роли и былъ именно тотъ романсъ, о которомъ я говорю въ 1-мъ примѣч. Впрочемъ, я пѣлъ и другіе отрывки изъ этой же предполагаемой оперы.

Примѣч. Л. И. Кармалиной.

Здѣсь идетъ рѣчь объ оперѣ «Рогдана», для которой Даргомыжскій написалъ всего лишь нѣсколько нумеровъ, въ 1860-хъ годахъ. В. С.

которая вовсе не умѣетъ играть. Взгляните на лѣвую руку, поймете въ чемъ дѣло.

Балакиревъ—за границей. Поѣхалъ издавать партитуры Глинки. Л. И. Шестакова, кажется, здѣсь. „Три звѣздочки“ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ означаютъ г. Кюи. Музыкантъ онъ хорошій. Оригиналь умный и забавный. Какъ критикъ,—къ сожалѣнію, не всесторонній. Мелодическое творчество для него тарабара. Но тѣ стороны музыки, которыя онъ умѣетъ понимать, онъ понимаетъ въ тонкости. Вотъ вамъ всѣ отвѣты на ваши вопросы. За симъ, люблю васъ почти по прежнему, генералу жму дружески руку. А. Даргомыжскій.

21-го іюня 1867 г.

...Меня вы найдете страждущаго, въ Петербургѣ, въ томъ же домѣ Есакова, только въ нижнемъ этажѣ. Очень буду радъ повидать васъ. Балакирева, по лѣтнему обыкновенію, въ Петербургѣ нѣтъ, и вы его, вѣроятно, не увидите. До свиданья же. А. Даргомыжскій.

9-го апрѣля 1868 г.

Если бы вы знали, какъ мнѣ трудно писать, то, конечно, не стали бы сердиться за мое молчаніе... Болѣзнь моя не только не прошла, но усилилась до такой степени, — что боль во всей правой сторонѣ не покидаетъ меня ни днемъ, ни ночью.

Несмотря на тяжелое мое состояніе,—я затянулъ лебединую пѣсню. Пишу „Каменнаго Гостя“. Странное дѣло. Нервическое настроеніе мое вызываетъ мысли одну за другой. Усилія почти нѣтъ. Я въ два мѣсяца написалъ столько, на сколько въ прежнія времена потребовалось бы мнѣ цѣлый годъ. Вы, можетъ быть, подумаете, что я, подъ старость лѣтъ, пишу что-нибудь пустынькое, вяленькое (въ родѣ того, что писалъ для вашего альбома подъ конецъ жизни нашъ добрый другъ Глинка)? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Пишу не я, а какая-то сила, для меня невѣдомая. „Каменный Гость“ обратилъ мое вниманіе еще лѣтъ 5 тому назадъ, когда я былъ совершенно здоровъ, и я—отшатнулся предъ колоссальностью этой работы. А теперь, больной, въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ, написалъ почти $\frac{3}{4}$ всей оперы. Вы поймете, что это за трудъ, когда узнаете, что я пишу музыку на текстъ Пушкина, не измѣняя и не прибавляя ни одного слова. Конечно, это произведеніе будетъ не для многихъ, за то мой музыкальный кружокъ зѣло доволенъ трудомъ моимъ. Посылаю вамъ отрывокъ газеты. Это отголосокъ о моемъ „Гостѣ“ всей злобной Балакиревской партіи ¹⁾).

¹⁾ Статья Кюи въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1868 г.: «Каменный Гость» Пушкина и Даргомыжскаго. Прпмѣч. Л. И. Кармалиной.

15-го ноября 1868 г.

...У меня начинаются хлопоты по русскому музыкальному обществу. Кромѣ текущихъ дѣлъ консерваторіи, мы имѣемъ въ виду дать десять концертовъ съ большимъ оркестромъ. Вы помните, какъ это бывало затруднительно и прежде, но теперь еще затруднительнѣе отъ удвоенной дѣятельности театровъ и отъ занятія всѣхъ залъ разными увеселяющими клубами. „Каменный Гость“ мой подводится къ концу. Есть много любопытствующихъ слушать его. А когда услышать, то многіе недоумѣваютъ—музыка это или куриная слѣпота? Вообще говоря, сфера дѣятельности моей превышаетъ здоровье и силы. Вотъ почему не могу поддерживать переписки даже съ тѣми, которымъ неизмѣнно преданъ, какъ вамъ. А. Даргомыжскій.

Сообщ. В. В. Стасовъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Афиша временъ Петра Великаго.

Объявленіе всякаго чіна персонамъ (особамъ), какіе послѣдшныя дѣлоторствіи и протчіе послѣдшныя дѣлоторствіи, и протчіе забавныя дѣлоторствіи въ государствахъ презентованы; а имянно въ Цесаріи, Прусіи, Франціи, Полшѣ и другіхъ княженіяхъ: а какіе о томъ ниже слѣдуютъ нѣкоторыя позітуры съ перемѣненными видами і дѣлоторствіи, а имянно:

1. Вначалѣ наша въ свѣтѣ похвалная аглінская мастерица, опрокинясь назадъ ногами, на платъ прострется.

2. Обѣ ноги кругъ шѣи обвиваетъ подобно галстуху.

3. Закладываетъ свою лѣвую ногу на правое плѣчо и приводитъ лѣдвую въ лопатѣ, и станетъ на другой ногѣ въ равной линіи.

4. Поставя 2 стула разстояніемъ на 7 футовъ, и станетъ на оныхъ ногами и раздвиганіемъ оныхъ стуловъ, туловищемъ до земли досяжетъ.

5. Всемъ туловищемъ на главѣ стоитъ и головою подыдетъ подъ самую поясницу.

6. Правую ногу подыма и обратясь кругомъ, подираетъ подъ плѣчо, а на другой ногѣ стоитъ неворотима.

7. Опрокинясь спиною, головою до земли, туловищемъ на ногахъ въ кругъ вѣртится, яко вѣтреная мѣлница, а лице стоитъ на одномъ мѣстѣ, не дотыкаясь руками до земли.

8. Воздвигаетъ ногу позадь себе на полъ аршина выше главы и стоитъ въ равной линіи съ другою ногою, еже всему свѣту удивительно.

9. На пирамидѣ, или 2 стулахъ стоящая головою, спустясь на 2 фута ниже ногъ своихъ и падыма манету или рюмку вина и шеть за здравіе всѣи компаніи.

10. Стоитъ на главѣ, ногами въ вѣрхъ, недотыкаясь руками до земли, концами острыми шпаги, положи къ шеи, и пьетъ рюмку вина за здравіе всей компаніи.

11. Ещежь будетъ колебимое явленіе отъ француза, а имянно лѣсница 7 футовъ, на оной младенецъ: потомъ поставя оную на чело, танцуетъ фоли дишпана.

13. Младенецъ 2 лѣтъ показующи всякіе эферціи.

Протчая дѣйствія не суть описуема.

При семъ же забавнии человекъ, подземистъ собою, преузочные удивительные скоки дѣлаеть, которые натурою нечаянны, которому и мастерица тожь за нимъ дѣйствуетъ: да ещежь съ осмью обнаженными шпагами, танецъ съ ужаснымъ видомъ отправляетъ; она же въ танцѣ на мѣстѣ величиною съ тарель, боле 600 разъ обращаетца, храня вѣрно каданцы и шпагами мечеть боле 50 кратъ, разными манѣрами, поставя на глаза, носъ, щеки, уста, и грудь. свободно, не подѣрживая ихъ и чрезъ мѣру удивительно.

Между каждою пережбною еферціи, вышепоманутая, всякимъ разнымъ смѣхотворствомъ и скоки различными, танцы французскими, галанскими, и аглинскими довольно забавить.

За тѣмъ по всякъ день новыми балеты забавленіе будетъ. Оную комедию стануть играть съ воскресенія пополудни, съ 4 часу, въ недѣлѣ 5 разъ, а имянно въ воскресеніе, въ понедѣльникъ, среду, въ четвертокъ и пятницу.

Примѣчаніе. Съ корректурнаго экземпляра московской типографской библіотеки, съ соблюденіемъ правописанія.

Москва.

Сообщ. Н. С. Тихонравовъ.

Отправка купеческихъ сыновей въ Англію

1766 г.

Екатерина II обращала вниманіе на Архангельскъ съ первыхъ лѣтъ своего царствованія, и, между прочимъ, заботилась о развитіи правильнаго образованія въ тамошнемъ русскомъ купеческомъ словіи. По этому предмету состоялся слѣдующій ея указъ на имя губернатора Архангелогородской губерніи генераль-маіора Головцына:

„Господинъ губернаторъ Головцынъ. Извольте выбрать въ вашемъ мѣстѣ двухъ купеческихъ дѣтей лучшихъ, если можно, домовъ, лѣтъ отъ одинадцати до двѣнадцати, которые бы были дѣти доброй надежды и не совсѣмъ испорченнаго воспитанія. Оныхъ пришлите ко мнѣ, а я ихъ намѣрена послать въ Англію для обученія коммерціи и объ нихъ сама попеченіе буду имѣть, о чемъ вы можете объявить

отцамъ и матерямъ ихъ; а выберите ихъ съ волею отцовскою, а не противъ желанія сихъ. „Екатерина“.

Мая 29 дня 1766 года,
Санктпетербургъ.

Указъ этотъ былъ полученъ въ Архангельскѣ 13-го іюня, а 16-го іюня губернаторъ Головцынъ донесъ императрицѣ объ избраніи имъ двухъ способнѣйшихъ купеческихъ сыновей, „на отдачу коихъ отцы и матери не только согласились, но и за неизрѣченную вашего императорскаго величества милость со всеподданнѣйшею благодарностью приняли“. Избранные купеческіе сыновья были: Степанъ, 11-ти лѣтъ, сынъ архангельскаго степеннаго головы Ивана Божевина, и Василій, 14-ти лѣтъ, сынъ депутата города Архангельскаго Николая Свѣшниковъ. О второмъ изъ нихъ докладывалъ императрицѣ Головцынъ, что онъ избранъ по неимѣнію другаго способнаго въ возрастѣ отъ 11-ти до 12-ти лѣтъ и потому, „что онъ воспитанія весьма нарочитаго и противъ сверстниковъ своихъ превосходнаго, и въ здѣшней нѣмецкой школѣ нѣмецкаго языка нѣсколько уже обучался, а между тѣмъ съ отцомъ своимъ неоднократно на ирбитской ярмаркѣ и по разнымъ городамъ, для навѣчки и примѣчанія коммерціи бывалъ“. Черезъ недѣлю послѣ согласія родителей, дѣти были отправлены въ Петербургъ съ прапорщикомъ архангелогородскаго гарнизона Шишкаревымъ, которому губернаторъ Головцынъ вручилъ рапортъ на имя императрицы и два письма: къ ихъ превосходительствамъ Василю Григорьевичу Шкурину ¹⁾ и Григорію Ниволаевичу Теплому ²⁾, съ тѣмъ, чтобы прежде обратился къ Шкурину, и когда тотъ согласится принять рапортъ и дѣтей, то письма Теплому не отдавать; если же Шкуринъ откажется принять, то все передать Теплому. 16-го іюля Шишкаревъ съ дѣтьми прибылъ въ Петербургъ, а 17-го представилъ ихъ Теплому, „коихъ онъ чему обучены экзаменовалъ“, и въ тотъ же день были они отправлены съ нарочнымъ курьеромъ къ императрицѣ въ Петергофъ. 23-го іюля дѣти были снова представлены Теплому, „и объявлено, что адресованы быть имѣютъ въ Англію иностраннаго купца Гома ³⁾ на брата его и состоятъ подъ вѣдѣніемъ его превоско-

¹⁾ Василій Григорьевичъ Шкуринъ, бывшій гардеробмейстеръ Екатерины II (когда она была еще великою княжною), возведенъ при вступленіи ея на престолъ въ дворянское достоинство, получилъ чинъ дѣйствительнаго камергера и 1,000 душъ крестьянъ. А. П.

²⁾ Сенаторъ и тайный совѣтникъ; вскорѣ по возшествіи на престолъ Екатерины II былъ назначенъ состоящимъ при императрицѣ для принятія челобитенъ. А. П.

³⁾ Англійскій купецъ Вилліамъ Гомъ содержалъ въ то время обширные лѣсные промыслы въ Архангелогородской губерніи и имѣлъ нѣсколько конторъ, главнал изъ которыхъ находилась въ городѣ Онегѣ. А. П.

дительства Григорія Николаевича Теплова. Жалованья-жъ имъ на первый случай производится быть имѣть по триста рублей въ годъ, кромѣ прочихъ расходовъ". Наконецъ, 26-го іюля дѣти отправлены въ Англію на кораблѣ Гома.

Баженинъ и Свѣшниковъ обучались въ Англии до осени 1769 года, когда императрица повелѣла возвратить ихъ въ домъ ихъ отцовъ, съ принятіемъ на счетъ казны какъ всего бывшаго содержанія ихъ, такъ и обратныхъ путевыхъ издержекъ; но вслѣдъ затѣмъ было предоставлено на волю родителей оставить этихъ дѣтей при иностранныхъ конторахъ въ Петербургѣ, или же взять ихъ домой. Незвѣстно почему, Тепловъ склонялся болѣе на сторону послѣдняго рѣшенія, и вотъ что писалъ онъ по этому случаю къ губернатору Головцыну:

„Государь мой, Егоръ Андреевичъ! Черезъ письмо мое отъ 26-го октября я увѣдомилъ ваше превосходительство, что ея императорское величество повелѣтъ соизволила дѣтямъ Свѣшникова и Баженина возвратиться изъ Англии, и что, по увѣдомленію господина Гома, не прежде весны въ Россію они пріѣдутъ за упозданіемъ нынѣшняго времени; а вчерашній день явились они у меня. Чего ради ваше превосходительство покорно прошу объявить отцамъ о пріѣздѣ ихъ дѣтей и взять извѣстіе, здѣсь-ли они своихъ дѣтей желаютъ оставить или возьмутъ къ себѣ. Я бы совѣтовалъ имъ сдѣлать послѣднее, потому что дѣти ихъ, бывши въ Англии, не были въ конторахъ, но въ школѣ; Свѣшниковъ учился языкамъ и математикѣ для исчисленія, такъ какъ и бухгалтеріи, а Баженинъ языкамъ. Впрочемъ, однакожъ какъ они хотятъ, и ежели разсудятъ за полезнѣе взять дѣтей своихъ, то отъ нихъ и зависить доставить ихъ къ себѣ, потому что ея императорское величество указать соизволила отдать ихъ отцамъ“.

„Имѣю честь быть и проч. Григорій Тепловъ“.

Ноября 11-го дни 1769 года,
С.-Петербургъ.

По предъявленіи содержанія этого письма Баженину и Свѣшникову, оба они отозвались, что имѣютъ усердное желаніе отдать своихъ дѣтей въ англійскую или какую-либо другую иностранную контору въ Петербургѣ, о чемъ и было сообщено Теплову, какъ ими самими, такъ и Головцынымъ. Что сдѣлалось съ ними впоследствии и каковы были плоды воспитанія ихъ въ Англии—неизвѣстно.

Архангельскъ.

Сообщ. А. Подвысоцкіѣ.

Пугачевскіе листы въ Москвѣ.

1774 г.

VI¹⁾.

Письмо московскаго главнѣющаго князя М. Н. Волконскаго къ генераль-прокурору князю А. А. Вяземскому²⁾.

Милостивый государь мой, князь Александръ Алексѣевичъ! Прошедшаго сентября 24-го дня (1774 г.) пойманы здѣсь полицейскою командою отставнаго надворнаго совѣтника Петра Татищева двое бѣглыхъ людей, изъ коихъ у одного при обыскѣ въ полиціи найдена копія съ опубликованной злодѣемъ Пугачевымъ возмутительной бумаги, съ которой у сего копію прилагаю; а въ тайной экспедиціи изъ оныхъ людей Василій Аванасьевъ и онаго же Татищева человекъ Андрей Ивановъ показали, что оную копію онъ, Ивановъ, списалъ въ домѣ помѣщика его, по приказу его, и отдалъ ему; а онъ, Аванасьевъ, съ той уже бумаги списалъ самъ, вынувъ оную у помѣщика въ спальнѣ изъ-за зеркала тайно. А Татищевъ показалъ, что съ упомянутой бумаги означенному человеку своему Иванову копію списать велѣлъ изъ одного любопытства, а ту-де копію привезъ къ нему въ домъ Шацкой провинціи прокуроръ Василій Нелидовъ, который, по просьбѣ его, далъ ему списать копію. По допросамъ же показанныхъ бѣглыхъ двухъ человекъ открылось и то, что Аванасьевъ, списавъ взятую у него бумагу, подговоря другаго человека Ивана Соколова и покрывъ, бывши у помѣщика камердинеромъ, денегъ тридцать два рубля, бѣжали и шатались здѣсь по питейнымъ домамъ; оной же-де бумаги никому онъ, Аванасьевъ, не показывалъ; равно и Соколовъ сказалъ, что той бумаги у Аванасьева онъ не видалъ, и оной ему онъ не показывалъ. Я, описавъ сіе обстоятельство, прошу, чѣмъ съ оными людьми и съ помѣщикомъ ихъ учинить, всеподданнѣйше доложить ея императорскому величеству. Касательно же до прокурора Нелидова, какъ его здѣсь въ городѣ уже нѣтъ, а притомъ, что оный состоитъ точно въ командѣ вашего сіятельства, то я отъ оногo, что гдѣ онъ ту мерзкую бумагу взялъ, а равно и для чего Татищеву показывалъ и копію списывать давалъ, не сообщая о семъ вашему сіятельству, спрашивать его удержался; объявленные же люди, Аванасьевъ, Ивановъ и Соколовъ, до указа содержаны бытъ имѣютъ въ тайной экспедиціи,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 272—276.

²⁾ Изъ дѣла о содержавшихся въ Москвѣ надворнаго совѣтника Татищева бѣглыхъ людяхъ Василіи Аванасьевѣ, Иванѣ Соколовѣ и Андрѣ Ивановѣ. Изъ документовъ государственнаго архива извлечено И. П. Шульгинымъ.

а Татищевъ не былъ и арестованъ, но, по допросѣ мною въ домѣ моемъ, отпущенъ съ подпискою, чтобъ не имѣлъ онъ о семъ дѣлѣ ни малѣйшаго разглашенія. Пребываю впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію какъ и на всегда и проч. М. Волконской.

Октября 13-го дня 1774 г.
Москва.

VII.

Божіею милостію мы, Петръ третій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Жалуемъ симъ имяннымъ указомъ съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ всѣмъ находящимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ быть вѣрноподданными рабами собственно нашей коронѣ, и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою, головами и бородами, вольностію и свободою вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, во владѣніе землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями и рыбными ловлями и соляными озерами, безъ покупки и безъ оброку; освобождаемъ всѣхъ прежде чинимыхъ отъ злодѣевъ дворянъ и градскихъ издоимцевъ судей крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніевъ и желаемъ вамъ спасенія душъ и спокойной въ свѣтѣ жизни, для которой мы вкусили и претергѣли отъ предписанныхъ злодѣевъ дворянъ странствіе и не малыя бѣдствія. А какъ нынѣ имя наше властію Всевышней десницы въ Россіи процвѣтаетъ, того ради повелѣваемъ симъ нашимъ имяннымъ указомъ—кои прежде они дворяна—противниковъ нашей власти и возмутителей имперіи и разорителей крестьянъ—ловить, казнить и вѣшать и поступать равнымъ образомъ такъ, какъ они, не имѣя въ себѣ христіанства, чинили съ своими крестьянами,—по истребленіи которыхъ противниковъ и злодѣевъ дворянъ всякой можетъ возчувствовать тишину, спокойную жизнь, коя до вѣка продолжаться будетъ. Данъ іюля 31-го дня 1774 года. Петръ.

VIII.

Князь Михайло Никитичъ (Волконской) пишетъ, что пойманы въ Москвѣ отставнаго надворнаго совѣтника Татищева двое бѣглыхъ людей, изъ коихъ у одного при обыскѣ въ полиціи найдена копія съ опубликованной, злодѣемъ Пугачевымъ возмутительной бумаги, которую одинъ, именемъ Андрей Ивановъ, списалъ въ домѣ помѣщика его по его приказу, а другой, Василій Аванасевъ, вынулъ оную въ спальнѣ изъ-за зеркала списалъ себѣ самъ. Татищевъ же показалъ, что ту бу-

магу привезъ къ нему въ домъ Шацкой провинціи прокуроръ Василій Нелидовъ, который, по просьбѣ его, далъ ему списать копію, почему онъ списать и велѣлъ изъ одного любопытства. По допросамъ же тѣхъ бѣглыхъ двухъ человѣкъ открылось, что Аванасьевъ, подговоря другаго человѣка Ивана Соколова и покравъ у помѣщика 32 руб., бѣжали и шатались въ Москвѣ по питейнымъ домамъ. Оной же-де бумаги Аванасьевъ никому не показывалъ, и Соколовъ у него не видалъ. Касательно же до прокурора, какъ его въ Москвѣ нѣтъ, а притомъ, что онъ состоитъ въ точной генераль-прокурора командѣ, о томъ, гдѣ онъ ту мерзкую бумагу взялъ, а равно, и для чего копію списывать давалъ, безъ сообщенія генераль-прокурору онъ, князь Волконской, его спрашивать удержался.

IX.

1774 года октября 23-го дня, тайный дѣйствительный совѣтникъ генераль-прокуроръ князь Вяземской, во исполненіе высочайшаго е. и. в. соизволенія, по полученному отъ генерала князя Волконскаго письму, о содержащихся въ Москвѣ въ тайной экспедиціи надворнаго совѣтника Татищева бѣглыхъ людей Василья Аванасьева, Иваня Соколова и Андрея Ивановича, приказалъ: какъ изъ показаніевъ изъ оныхъ людей двухъ человѣкъ открылось, что они списывали съ опубликованной злодѣемъ Пугачевымъ возмутительной бумаги по приказу помѣщика ихъ, Татищева, и сами для себя копіи,—а оную бумагу помѣщикъ ихъ взялъ у прокурора Василя Нелидова, того ради къ нему, генералу князю Волконскому, отписать, что опубликованными изъ сената указами велѣно всѣ разсѣяныя злодѣемъ Пугачевымъ и его сообщниками возмутительныя слова истреблять, и для того потребовалъ бы онъ у прокурора Нелидова помянутую бумагу и сдѣлалъ ему такой вопросъ: у кого онъ ее взялъ, не давалъ-ли еще кому, кромѣ Татищева, оной читать или списывать, и для чего? Зная о требованіи сихъ вредныхъ писемъ повелѣніе, осмѣлился онъ въ противность того поступить, за что какъ ему, такъ Татищеву, учиня строжайшій выговоръ, объявить, что они отъ заслуженнаго ими по мѣрѣ своихъ преступленій наказанія избавляются, по единому только ея императорскаго величества милосердію; помянутыя же бумаги, кои у людей и у Татищева сысканы, также и отъ Нелидова и отъ другихъ, если онъ давалъ кому еще списывать присланы будутъ—сжечь; а что касается до людей Татищева, то оныхъ, изъ-подъ караула освободя, отдать помѣщику, для учиненія имъ за вышеписанныя дерзости, побѣгъ и кражу наказанія. Князь Александръ Вяземской.

На подлинномъ собственною ея императорскаго величества рукою написано тако: «Быть по сему».

Проектъ удаленія Турокъ съ Чернаго моря.

1780-хъ гг.

Къ числу различныхъ проектовъ, отличавшихся иногда замѣчательною смѣлостію предположеній, безспорно принадлежитъ и приводимый нами ниже. Не входя въ разборъ возможности исполненія его, мы принуждены сознаться, что при счастливыхъ обстоятельствахъ онъ могъ бы надѣлать много хлопотъ туркамъ. Къ сожалѣнію, въ подлинникѣ не обозначено время представленія проекта, а потому мы не можемъ съ точностію указать, къ которому году относится планъ Вильгельма Этона.

Оригиналъ написанъ на сѣрой бумагѣ, на французскомъ языкѣ, причѣмъ орографія XVIII и начала XIX столѣтій. Судя потому, что Этонъ предлагаетъ ввести коронады для вооруженія кораблей, проектъ не могъ быть составленъ раньше 1779 года, въ которомъ первый разъ онѣ были употреблены на англійскомъ флотѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, проектъ можно отнести къ времени, когда князь Г. А. Потемкинъ устройствомъ Новороссійскаго края и занятіемъ Крыма положилъ начало исполненію любимаго имъ греческаго проекта, доведенію котораго до конца помѣшали нерѣшительные успѣхи войны 1787—1791 гг. съ Турціей и скоро затѣмъ послѣдовавшая смерть его.

Вильгельмъ Этонъ (Guillaume Eton), насколько намъ удалось собрать справки о немъ, служилъ въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II инженеромъ въ Кронштадтѣ. Дальнѣйшая служба его намъ не извѣстна.

А. В.

Средство принудить турецкій флотъ удалиться съ Чернаго моря и уничтоженіе гаваней на Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ.

Расходъ. Вооруженіе, предлагаемое мною, не обойдется на первый разъ дороже 150,000 р. и правительство возвратитъ ихъ себѣ обратно, если успѣхи будутъ такіе, какихъ ожидать возможно и должно.

Вооруженіе. Главная цѣль дѣйствій русскаго флота въ Средиземномъ морѣ, въ случаѣ исполненія предлагаемаго проекта, должна состоять въ томъ, чтобы заставить выйти съ Чернаго моря или весь турецкій флотъ, или хотя бѣольшую его часть. Въ тоже самое время нанести гибельный ударъ ихъ торговлѣ, не дозволивъ вмѣстѣ съ тѣмъ снабжать продовольствіемъ столицу.

Русскій флотъ, находящійся въ Средиземномъ морѣ, для этого очень слабъ, корабли, составляющіе его, очень малы и могутъ только справиться съ одними отрядами небольшихъ турецкихъ кораблей.

Для исполненія же предлагаемаго проекта необходимо имѣть три линейные корабля. Я берусь помочь горю, прося только въ помощь довѣренное отъ правительства лицо. Англійскіе корабли индѣйской компаніи, сдѣлавъ три рейса въ Индію, должны всегда продаваться, хотя они такъ же хороши, какъ-будто бы только что вышли съ верфи

(chantier, верфи). Такъ какъ они очень велики для другаго торговаго употребленія, то и продаются почти за безцѣнокъ. Они величины 64 пушечныхъ кораблей и могутъ быть вооружены на ихъ подобіе. Отославъ ихъ въ неаполитанскія гавани, подъ разными предлогами, я тамъ комплектую флотъ. Матросовъ найти возможно на Мальтѣ, да и большая часть англійскаго экипажа останется на корабляхъ. Капитанъ Гулиельмо (Guglielmo) вполне соответствуетъ для начальствованія надъ всѣмъ или частью флота.

Атака Александрійскаго порта. Большіе турецкіе корабли изъ Александріи въ Константинополь ходятъ два раза въ годъ, въ мартѣ или апрѣлѣ и въ октябрѣ. Они остаются 5 или 6 мѣслцевъ въ Александріи.

Военный корабль, который отвозитъ податъ въ Константинополь, приходитъ въ Александрію въ апрѣлѣ и сейчасъ входитъ въ новую гавань, гдѣ остается до августа, когда переходитъ въ старую гавань, и въ октябрѣ отплываетъ въ Константинополь. Всѣ эти корабли нагружены рисомъ, хлѣбомъ, сахаромъ, льномъ, холстомъ, мускательными товарами и другими. Въ мирное время они вооружены обыкновенно 24 орудіями. Ихъ экипажъ не бываетъ многочисленъ. Защита корабля довѣряется пассажирамъ, купцамъ, повѣреннымъ торговыхъ домовъ и невольникамъ, сопровождающимъ ихъ товары. Всякій имѣетъ оружіе и снаряды у себя, багажъ, прислугу размѣщаетъ произвольно, такъ что всюду царствуетъ полный беспорядокъ и, въ случаѣ атаки непріятели, происходитъ такой хаосъ на кораблѣ, что часто не успѣваютъ выстрѣлить изъ своихъ пушекъ даже и одинъ разъ. Во время войны число орудій удваивается, но беспорядокъ существуетъ тотъ же самый.

Прибывъ въ Александрію, пассажиры, и даже самъ экипажъ, удаляются внутрь страны для барышничества и возвращаются только для того, чтобы сложить свои товары и нагрузить ихъ, когда приближается время отъѣзда.

Всѣ турецкіе корабли становятся на якорь въ старомъ портѣ, доступъ въ который запрещенъ европейскимъ кораблямъ; послѣдніе останавливаются въ очень скверномъ, новомъ портѣ.

Портъ этотъ защищается старымъ фортомъ, вооруженнымъ нѣсколькими старыми орудіями на барбетахъ.

При входѣ фортъ расположенъ съ лѣва и огонь его закрытъ кораблями, стоящими на якорѣ.

Малочисленный гарнизонъ, защищающій фортъ, не выдержитъ бомбардированія корабля ни минуты.

Опасеніе потери этихъ кораблей заставитъ Порту держать эскадру

въ Александріи для защиты своей торговли, въ противномъ случаѣ она должна прекратить всѣ сношенія свои съ Египтомъ, откуда получаетъ большую часть своего продовольствія. Если же Порты не поплететъ эскадры, можно блокировать портъ и тогда нейтральные корабли не въ состояніи будутъ подать имъ какую-либо помощь.

Смирна. Входъ въ заливъ Смирны очень доступенъ, такъ какъ защищается только небольшимъ замкомъ, находящимся отъ Смирны въ 3-хъ миляхъ ¹⁾. Замокъ такъ слабъ, что линейный корабль можетъ уничтожить его въ нѣсколько часовъ. Самъ городъ не имѣетъ никакой защиты, его возможно сжечь или взять огромную контрибуцію, такъ какъ Смирна самый богатый и торговый городъ Турціи. Магазины въ немъ многочисленны и большіе. Слѣдовательно, Порты должна будетъ для защиты держать тамъ постоянно часть флота.

Уничтоженію Смирны, построенной почти изъ одного дерева, ничто не можетъ помѣшать, если нѣсколько небольшихъ судовъ войдетъ въ портъ въ то время, когда большіе корабли будутъ сторожить входъ въ гавань, занявъ крупкую позицію; оно будетъ очень тяжелымъ ударомъ для Порты и произведетъ страшный переполохъ въ столицѣ. Ударъ этотъ будетъ нанесенъ раньше прибытія какой-нибудь помощи изъ Константинополя, и то если тамъ будетъ флотъ. Если же онъ будетъ въ Черномъ морѣ, тогда нечего опасаться.

Лѣтомъ континентальный вѣтеръ дуетъ каждую ночь къ выходу изъ гавани, такъ что корабли могутъ всегда выйти свободно въ открытое море.

Корабли другихъ народностей ничѣмъ не рискуютъ, оставаясь въ портѣ. Европейцы, живущіе всѣ на берегу, могутъ спастись на своихъ корабляхъ, которые болѣе чѣмъ должны всегда ихъ принять.

Порты Сиріи. Всѣ порты Сиріи или открыты, или безъ защиты, какъ Акра, Бейрутъ, Сидонъ, Триполи, и достаточно одного корабля для уничтоженія этихъ жалкихъ крѣпостей. И другіе порты Архипелага одинаково легко бомбардировать и сжечь.

Заключеніе. Три корабли, такіе, какъ я указываю, бросая такой ужасъ на Константинополь, что всего турецкаго флота не будетъ достаточно для защиты береговъ и, гавани, и въ самомъ дѣлѣ, онъ принужденъ будетъ раздѣлиться, что облегчитъ нанесеніе ударовъ, причемъ возможно лишать его при этомъ, время отъ времени, одиночныхъ кораблей.

И поставлю на каждый корабль по нѣсколько коронадъ самаго большаго калибра, для стрѣльбы брандсугелями. Онѣ должны быть

¹⁾ Разумѣется — французскихъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, т. XIII, 1875 г. июль.

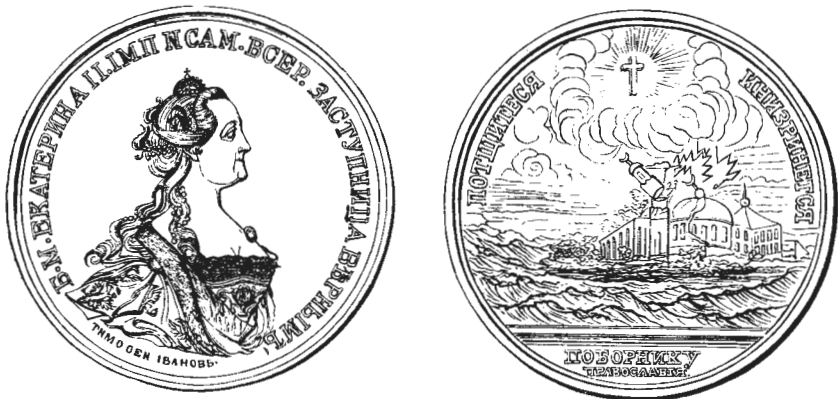
прикрѣплены на палубѣ, какъ у англійскихъ корсаровъ, противъ абордажа, единственнаго способа сражаться, въ которомъ турокъ нужно опасаться и который, подобнымъ способомъ приспособленія коронадъ, сдѣлается гибельнымъ для нихъ же.

Я владѣю планами упомянутыхъ гаваней, послѣ разсмотрѣнія которыхъ ясно видна будетъ возможность исполненія предлагаемаго проекта.

Сообщ. А. Туганъ-Мирза-Барановскій.

Медаль на взятіе Константинополя.

Въ обстоятельномъ обзорѣ г. Ю. Иверсена рѣдкихъ русскихъ медалей находится изображеніе медали, проектированной въ виду предполагавшагося, съ осуществленіемъ проекта кн. Потемкина, изгнація турокъ изъ Европы въ 1780-хъ гг. Вотъ рисунокъ этой весьма рѣдкой и неоконченной медали:

Два приказа императора Павла.

1799 г.

Своеобразность и переменчивость рѣшеній императора Павла на подаваемые ему прошенія—достаточно извѣстны, тѣмъ не менѣе все, вновь напечатанное объ этомъ, читается съ большимъ интересомъ, а потому считаемъ не лишнимъ сообщить, какъ примѣръ того и другаго, слѣдующій случай.

Командиръ драгунскаго фонтъ-Дервиза полка полковникъ Бычковъ, будучи обойденъ младшими въ чинѣ производствомъ въ генераль-маіоры, жаловался на это самому императору и получилъ въ отвѣтъ слѣдующій высочайшій рескриптъ:

«С.-Петербургъ, марта 28-го дня 1799 г.»

„Господинъ полковникъ Бычковъ! Видя, что полкъ, коего вы командиръ, не въ надлежащемъ порядкѣ, слабомъ отправленіи службы и не въ таковомъ состояніи, въ коемъ желаю, оставилъ я бывшаго шефа генераль-лейтенанта Бенингсена, а васъ по сіе время не произвожу. Павелъ“.

На другой день, т. е. 29-го марта, Бычковъ уже былъ произведенъ въ генераль-маіоры, о чемъ былъ увѣдомленъ генераль-адъютантомъ графомъ Ливеномъ слѣдующимъ предписаніемъ:

„Государь императоръ, произведя васъ сего числа въ генераль-маіоры съ назначеніемъ командиромъ кирасирскаго графа Салтыкова 2-го полку, указать соизволилъ немедленно явиться вамъ къ командѣ вашей. Генераль-адъютантъ графъ Ливень“.

Въ С.-Петербургѣ, марта 29-го дня 1799 г., № 613.

„Его превосходительству господину генераль-маіору Бычкову“.

Объ эти бумаги отправлены къ Бычкову съ особыми фельдъегерями въ г. Вилкомиръ, гдѣ тогда расположенъ былъ полкъ, которымъ онъ командовалъ и который состоялъ въ корпусѣ Бенкендорфа, какъ значится въ адресѣ на конвертахъ, въ коихъ запечатаны были бумаги. Подлинныя документы хранятся у племянника покойнаго ген.-м. Бычкова, уважаемаго старожилы, ветерана отечественной войны, ротмистра въ отставкѣ А. Л. Бычкова, по желанію коего они и являются на границахъ „Русской Старины“.

Смбпирскъ.

Сообщ. Кн. В. И. Вязовъ.

29*

Замыселъ Фигнера.

1812 г.

Графъ Павелъ Христофоровичъ Граббе въ своей запискѣ „Отечественная война 1812 г.“, составленной для его дѣтей (отрывокъ напечатанъ въ „Р. А.“ въ 1873 г., стр. 416), упоминаетъ между прочимъ о Фигнерѣ, партизанѣ въ нашей арміи.

Граббе стоялъ въ грустной задумчивости у Коломенской заставы, въ Москвѣ, когда мимо него тянулись наши войска и удалявшіеся жители изъ города, оставленнаго французамъ.— „Я не переживу Москвы,— говорилъ Фигнеръ Граббе,— я возвращусь въ Москву и убью Наполеона. Радуюсь, что встрѣтилъ тебя. Скажи объ этомъ А. П. Ермолову, что я судьбу моего семейства поручаю его предствательству“.

Это краткое упоминаніе о намѣреніи Фигнера дополнимъ рассказомъ о томъ же самаго Ермолова, слышаннымъ отъ него въ 1852 г. въ Москвѣ. Жилъ тогда тамъ же, въ отставкѣ отъ службы, нѣкто Илья Михайловичъ Ковалевскій, сынъ Ковалевскаго, бывшаго куратора Московскаго университета въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, племянникъ другаго Ковалевскаго, нашего резидента въ Грузіи при послѣднемъ царѣ Георгіѣ. По образованію и обилію свѣдѣній, Илья Михайловичъ былъ пріятный собесѣдникъ и часто бывалъ у А. П. Ермолова. Однажды, заѣхавъ отъ него ко мнѣ, Ковалевскій предложилъ мнѣ взять листъ бумаги, перо, и редактировалъ слѣдующій рассказъ Ермолова:

Въ отечественную войну 1812 г., когда Москва была занята войсками Наполеона, главная квартира нашей дѣйствующей арміи находилась около трехъ недѣль близъ Москвы, въ селеніи Леташовкѣ. Селеніе было выжжено; но нѣсколько домовъ, однако, сохранилось, и въ одномъ изъ нихъ жилъ главнокомандующій Михаилъ Илларионовичъ Кутузовъ, а въ другой избѣ, на противоположномъ концѣ, квартировалъ А. П. Ермоловъ. Доклады главнокомандующему дѣлалъ онъ иногда вечеромъ. Однажды, послѣ вечерняго доклада, около полуночи, Ермоловъ въ мерзѣйшую погоду возвращается къ себѣ при свѣтѣ фонаря въ рукахъ проводника, какъ, подойдя къ своей избѣ, видитъ подъ наметомъ у входа, между людьми своего штата, незнакомое лицо и спрашиваетъ стоявшаго ближе другихъ къ пути его „это кто?“ Спрошенный отвѣтилъ: „Онъ не объявляетъ своего имени, а говоритъ, что нарочно пріѣхалъ сюда къ вашему превосходительству и желаетъ все объяснить вамъ“.— „Время-ли теперь... поздно!“ Незнакомый, слышавшій это, сдѣлалъ шагъ впередъ и почтительно поклонившись Алексѣю

Петровичу, сказали, что „имѣть до него надобность по дѣлу особеннаго рода, что оно не терпитъ отлагательства: возможное, вскорѣ сдѣлается можетъ быть неисполнимымъ, спустя нѣкоторое время. Дѣло таково, что, кромѣ него, никто не долженъ знать о немъ“. Ермоловъ сдѣлалъ знакъ адъютанту, вошедшему въ избу; тотъ вышелъ, и незнакомый, оставшись одинъ, говоритъ Ермолову, что движимый чувствомъ патріотизма, онъ былъ въ Москвѣ; тамъ осматривалъ расположеніе непріятельскихъ войскъ и находить возможнымъ разомъ положить конецъ войнѣ и всѣмъ бѣдствіямъ Россіи и человѣчества, происходящимъ отъ одного человѣка — это застрѣлить виновника всего, Наполеона: переодѣвшись, онъ проберется въ Кремль. Для исполненія ему нужно имѣть при себѣ только осьмерыхъ казаковъ по его выбору. Далѣе продолжалъ незнакомый говорить о себѣ, что онъ человѣкъ недостаточный, имѣетъ жену, дѣтей; въ послѣднее время служилъ городничимъ въ одномъ уѣздномъ городѣ Тамбовской губерніи, и оставилъ службу и семейство, желая лично видѣть все происходящее на мѣстѣ; прежде же состоялъ на службѣ въ артиллеріи (Ермоловъ былъ тоже артиллеристъ), имя мое — штабсъ-капитанъ Фигнеръ... Рѣшаясь съ самоотверженіемъ на заявляемое дѣло, онъ желаетъ знать, въ случаѣ неудачи предпріятія и гибели для него неизбѣжной, взыщеть-ли отечество его осиротѣвшее семейство. Ему довольно одного слова Ермолова.

Измученный предложеніемъ Фигнера, Алексѣй Петровичъ началъ зорко вглядываться въ отважнаго самоотверженца и испытывать его разными вопросами, чтобы изъ отвѣтовъ увѣриться, въ здоровь-ли умѣ Фигнеръ, не отчаянный-ли онъ сорванецъ, прикрывающійся патріотизмомъ изъ какихъ-нибудь особенныхъ видовъ, не больной-ли онъ? Однако, расширяаемый отвѣчалъ на вопросы здраво, основательно и ничѣмъ не обнаруживалъ разстройства умственныхъ способностей. Какъ поступить? было для Ермолова на этотъ разъ задачею. Время позднее. Скрыть объ этомъ отъ главнокомандующаго нельзя. Если въ послѣдствіи что выйдетъ изъ предпріятія Фигнера, то обвиненіе Ермолова неизбѣжно и на него одного падеть вся отвѣтственность. Да и можно-ли брать на свою совѣсть умалчиваніе о подобныхъ случаяхъ. Ермоловъ рѣшился въ полночь, по отвратительной дорогѣ, въ непогоду, идти къ Кутузову, оставя между служащими въ своемъ штабѣ Фигнера. При квартирѣ главнокомандующаго всѣ уже спали; камердинеръ однако бодрствовалъ, и увидѣвъ пришедшаго въ такую позднюю, ненастную пору ближайшаго по службѣ къ Кутузову, сказалъ Алексѣю Петровичу, что Михаилъ Илларионовичъ еще не спитъ и онъ ему доложить о приходѣ его. Это сдѣлано. Ермоловъ,

войдя въ избѣ, видитъ, Кутузовъ въ одной сорочкѣ, безъ галстука, сидитъ, разсматривая разложенную на столѣ карту расположенія войскъ и ставитъ на ней чѣмъ-то значки. Избу топили для старца очень тепло. „Что ты, Алексѣй Петровичъ?“ спросилъ Кутузовъ вошедшаго Ермолова... „все-ли благополучно у насъ?“ — „Слава Богу, ничего новаго нѣтъ; но вотъ что случилось (разказалъ онъ при этомъ слышанное отъ Фигнера), и я счелъ нужнымъ не мѣшкая доложить вамъ и спросить, что прикажете сказать?... Фигнеръ у меня, и ожидаетъ, чѣмъ разрѣшать его предложеніе?“

Кто сколько-нибудь зналъ хотя по слуху и изъ разказовъ о характерѣ и свойствахъ главнѣйшихъ дѣятелей отечественной войны и характерѣ эпохи, когда Москва, оставленная въ обладаніе непріятелямъ, ее занимавшимъ, гбля, истребляемая пожаромъ, тотъ можетъ представить, съ какою быстротою проходили соображенія въ двухъ вполнѣ емкихъ, сообразительнѣйшихъ головахъ Кутузова и Ермолова по поводу предложенія Фигнера. Пока Алексѣй Петровичъ разказывалъ, что говорилъ ему самоотверженецъ-патріотъ, Михайлъ Илларионовичъ, весь дума и вниманіе къ разказу, подпымался со стула всею тяжестью своего 67-ми-лѣтняго тѣла, и ставши на ноги, началъ ходить по избѣ, заложивъ назадъ руки и спросилъ: „Фигнеръ, не сумасшедшій-ли?“ Проходили минуты въ молчаніи. Кутузовъ поглядывалъ въ окно на зарево надъ горѣвшею столицею, возбуждавшее чувствъ мести и искушавшее военачальника арміи въ войнѣ XIX вѣка. Онъ взглядывалъ вопросительно на Ермолова и, наконецъ, спросилъ его: „а ты, какъ думаешь?...“ Патріотъ, какъ каждый русскій, въ это время отвѣтилъ: „какъ вамъ угодно приказать...“ Продолжая ходить, главнокомандующій, какъ бы разсуждая самъ съ собою, проговорилъ вслухъ: „на чемъ основаться? Вѣдь въ Римѣ, во время войны между Фабриціемъ и Пирромъ, предложили однажды первому, чтобы разомъ покончить войну, отравить послѣдняго, — Фабрицій отослалъ предлагавшаго это доктора, какъ измѣнника, къ Пируу“. — „Да это было такъ, въ Римѣ, давно уже“, отвѣтилъ Ермоловъ. Кутузовъ, какъ-будто не слыхавъ связаннаго, взглянулъ въ окно на зарево и продолжалъ разсужденіе вслухъ. „Какъ разрѣшить! Если бы я или ты стали лично драться съ Наполеономъ явно... Но вѣдь тутъ выходитъ тоже какъ бы разрѣшить изъ-за угла пустить камнемъ въ Наполеона. Удастся Фигнеру, скажутъ, не онъ убилъ Наполеона, — а я, или ты...“ Опять молчаніе, опять вопросъ Ермолову: „какъ ты думаешь“ и опять прежній на это отвѣтъ: „какъ угодно приказать“. Кутузовъ, продолжая ходить, молчалъ. Ермолову нужно было рѣшеніе главнокомандующаго, что сказать Фигнеру, и для этого, повторивъ, что Фигнеръ дожидается,

онъ спросилъ: „что же сказать ему?“ Кутузовъ, подумавъ, отвѣтилъ, разнявъ руки и сдѣлавъ ими жестъ, когда предложеннаго не отълюбяютъ и не принимаютъ... „Христось съ нимъ! пусть возьметъ себѣ осьмерыхъ казаковъ на общемъ положеніи о партизанахъ“.

Москва.

Н. Розановъ.

Гидрографическая карта Россіи въ 1842 г.

Приказъ главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями.

С.-Петербургъ, 4-го октября 1842 года.

Принявъ начальство надъ вѣдомствомъ, государемъ императоромъ всемилостивѣйше мнѣ ввѣренными, я въ то же время, въ непремѣнномъ желаніи близко ознакомиться съ путями имперіи, потребовалъ отъ главнаго управленія гидрографическую карту Россіи. Карта эта мнѣ представлена, но она издана еще въ 1833 году.

Руководствоваться картою, которая въ продолженіи девяти лѣтъ не пополнена измѣненіями, въ протекшіе годы послѣдовавшими, невозможно, и вслѣдствіе того я предписалъ комисіи проектовъ и смѣтъ немедленно исправить доставленную мнѣ гидрографическую карту, истребовавъ всѣ нужныя къ тому свѣдѣнія отъ департаментовъ и депо картъ.

Комисія, представивъ мнѣ нынѣ карту съ возможнымъ пополненіемъ, доноситъ, что она не могла привести ее въ ту положительную точность, которой самое наименованіе карты требуетъ, и что въ настоящемъ видѣ печатать ее невозможно.

Заключеніе это комисія основываетъ на сдѣланной ею повѣркѣ всѣхъ свѣдѣній, отъ департаментовъ главнаго управленія путей сообщенія полученныхъ, съ существующею сто-листовою картою и съ собственными способами депо картъ.

По всѣмъ симъ соображеніямъ комисія нашла:

Что нѣкоторыя изъ рѣкъ, въ описаніи означенныхъ, на картѣ вовсе не находятся; что есть рѣки, показанныя и на картѣ и въ описаніи, но въ протяженіи ихъ оказывается значительная разность; что инныя рѣки по названію находятся на картѣ, но положеніемъ своимъ не сходны съ описаніемъ; что, напротивъ сего, другія рѣки по описанію и положенію ихъ на картѣ сходны, но разнятся въ названіи; что есть даже такія рѣки, которыя показаны впадающими въ другія, по описанію, съ правой стороны, а на картѣ—съ лѣвой; что нѣкоторыя рѣки названы сплавными отъ самаго ихъ истока, что сомнительно; другія же хотя и показаны сплавными, но неизвѣстно, на

какомъ протяженіи; что по рѣкамъ не означены даже пристани и нѣтъ полного и точнаго свѣдѣнія о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ грузятся суда, гдѣ имѣютъ пребыванія смотрители судоходства, и гдѣ устроены смотрительскія дома и прочія зданія по управленію судоходства, и что вообще свѣдѣнія до такой степени неудовлетворительны, что вовсе нѣтъ возможности составить гидрографическую карту.

Благодарю комиссію проектовъ и смѣтъ за основательное разсмотрѣніе сего важнаго дѣла. Начало сдѣлано, конецъ увѣнчаетъ трудъ.

Поручаю комисіи составить полную и вѣрную гидрографическую карту Россіи. Карта сія должна указывать всѣ водянные пути государства во всемъ ихъ пространствѣ и всѣ сооруженія вѣдомства путей, на ономъ находящіяся. Она будетъ напечатана и будетъ необходимо полезнымъ для всѣхъ свѣдѣніемъ и руководствомъ.

Для сего комисіи потребовать отъ окружныхъ правленій всѣ нужныя въ составленію таковой карты свѣдѣнія; а дабы онѣ были вполнѣ удовлетворительны, послать въ каждое окружное правленіе самыя подробныя и во всемъ объемѣ ясныя вопросы.

По пространству свѣдѣній, которыя доставлены быть должны комисіи, назначить окружнымъ правленіямъ и срокъ присылки ихъ.

Копи съ такихъ требованій въ тоже время доставить ко мнѣ.

Окружнымъ правленіямъ собрать неотлагательно всѣ свѣдѣнія, которыя комиссія проектовъ и смѣтъ на семъ основаніи потребовать будетъ, и сообщить непременно въ назначенный срокъ.

Комисіи проектовъ и смѣтъ, въ случаѣ неполученія отъ окружныхъ правленій требуемыхъ свѣдѣній въ опредѣленное время, доносить мнѣ. Генералъ-адъютантъ графъ Клейнмихель.

О кончинѣ А. П. Ермолова.

Письмо къ редактору.

Не въ видѣ замѣчанія или возраженія смѣю поставить слѣдующее на видѣ корреспондента, сообщившаго вамъ извѣстіе о кончинѣ А. П. Ермолова. Въ это время меня не было въ Москвѣ. По возвращеніи я много говорилъ о ней и спрашивалъ его душеприкащика, Ивана Васильевича Лихачева, и стараго управляющаго Максимыча, котораго онъ звалъ Мемекою и который служилъ при немъ на Кавказѣ, управлялъ всѣми его дѣлами, хозяйствомъ, и проч., но ни отъ кого не слыхалъ я, чтобы Алексѣй Петровичъ зналъ или предчувствовалъ время своей кончины и приготовлялся къ ней въ какомъ-нибудь отношеніи.

Прилагаю нѣсколько замѣтокъ, доказывающихъ тоже, изъ моихъ записокъ.

Въ 1860 году я собрался осмотрѣть Кавказъ и заѣхалъ къ Алексѣю Петровичу. Въ передней мнѣ сказали, что онъ отдыхаетъ. Черезъ часъ я получилъ отъ него слѣдующее собственноручное письмо:

„Отъѣзжая на Кавказъ, почтенный Михаилъ Петровичъ сдѣлалъ одолженіе, посѣтивъ старожила страны. Борящійся съ болѣзнію, я отдыхалъ въ это время и не могъ принять васъ, но, желая чрезвычайно видѣть васъ, я готовъ побесѣдовать съ вами о странѣ, оставшей во мнѣ однѣ пріятныя воспоминанія. Вы изберите удобнѣйшее для васъ время сегодня или завтра въ продолженіе дня. Если возможно по лѣтамъ моимъ дожидаться возвращенія вашего, изъ замѣчаній вашихъ увижу, исполняются-ли надежды мои на процвѣтаніе великолѣпнаго края, при началахъ вводимаго отличнаго благоразумнаго управленія. Особенно уважающій Алексѣй Ермоловъ“.

Предъ смертію Алексѣя Петровича, сыну его любезнаго управляющаго надо было ѣхать въ Петербургъ. „Сколько тебѣ истратить нужно?“ — „Рублей 50“. Ермоловъ отворилъ ящикъ, гдѣ у него разложены были деньги на похороны и расходы. „Денегъ-то здѣсь мало, ну какъ проживу дольше?“ Однако-жъ далъ 50 руб.

Г. Степановъ записалъ у себя подъ 18-е марта 1856 года, что напечатано въ моихъ матеріалахъ.

„Кабинетное окно (въ домѣ Алексѣя Петровича) завѣшано темно-синюю матерією. На глазахъ шелковый зонтикъ. Я спросилъ его о здоровьѣ. „Плохо, братъ, отвѣчалъ онъ; вотъ съ 14-го числа страдаю глазами“. Онъ сказалъ мнѣ, что въ глазахъ его предметы какъ-то странно двоятся. „Напримѣръ, я смотрю на тебя, а вижу двухъ Сашей, у которыхъ, вмѣсто головы, обои и картины. Вотъ табакерка, я хочу взять ее, такъ я непременно ищу ее здѣсь“, и онъ показалъ пальцемъ вершка на три отъ табакерки. „Точно также и карты все лезутъ одна на другую. Да, прибавилъ онъ, это уже *le commencement de fin*“, при этомъ онъ улыбнулся. Я замѣтилъ ему это. Онъ отвѣчалъ, что съ твердостью и шутливостью встрѣтитъ свой конецъ. Мы продолжали разговоръ на ту же тему. Онъ все шутилъ, говорилъ, что еще молодъ (79 лѣтъ), что предчувствуетъ, что долго еще проживетъ на свѣтѣ. Жалѣлъ только, что зрѣніе начинаетъ измѣнять ему“.

А. П. занемогъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1861 г. Врачи отчаялись въ его жизни. Но ему стало лучше, и 1-го апрѣля, почувствовавъ себя очень хорошо, онъ сказалъ: „славно я обманулъ докторовъ,—выздоровѣлъ!“

Скончался онъ 12-го апрѣля 1861 года, сидя въ своемъ креслѣ, имѣя одну руку на столѣ, другую на колѣнѣ; за нѣсколько минутъ онъ еще прихлопывалъ ногою.

Такъ разсказывалъ мнѣ неотлучно находившійся при немъ Максимъчъ.

Желательно было бы видѣть записку Алексѣя Петровича, вполнѣ напечатанною, съ fac-simile ¹⁾).

Москва.

М. П. Погодинъ.

Стихотвореніе Печорина.

Печоринъ, нынѣ миссіонеръ и братъ ордена Иисуса, былъ профессоръ греческой словесности въ московскомъ университетѣ. Подлинникъ помѣщаемого здѣсь его стихотворенія принадлежитъ профессору Н. С. Тихонравову, которому и сообщена съ него копія.

Ред.

Прочь, о демонъ лучезарный,
Демонъ счастья и любви!
Искуситель—миръ коварный!
Вспять страдальца не зови!

Хитрая спрена младость,
Давнихъ пѣсень мнѣ не пой!
Кровныхъ узъ святая сладость!
Мнѣ не внятенъ голосъ твой!

За небесныя мечтанія
Я земную жизнь отдалъ,
И тяжелый крестъ изгнанія
Добровольно я подъялъ.

Подъ вѣнкомъ моимъ терновымъ,
Въ потѣ блѣднаго лица,
Подвигъ трудный и суровый
Совершу я до конца.

И, какъ жертву примиренія,
Я принесть себя готовъ

¹⁾ Разбирая свой портфель (сумку) съ матеріалами для біографіи А. П. Ермолова, я нашелъ тамъ много любопытныхъ вещей, которыя приготовлялъ для 2-й части изданнаго мною въ 1863 году «Сборника», и отложилъ въ сторону, потому что и изданный остался половиною у меня на рукахъ, равно какъ и «Разсказы стараго воина о Суворовѣ» (полковника Старкова 3), на которые очень часто ссылался самъ военный министръ въ своемъ сочиненіи объ «Итальянской компаніи», хотя, казалось бы, та и другая книга должны бы быть настольною книгою во всѣхъ военныхъ училищахъ и гимназіяхъ. Предлагаю имъ остальные экземпляры за половинную цѣну, а новые матеріалы (между прочимъ нѣсколько записокъ А. П. Ермолова, вписанныхъ имъ самимъ въ мою тетрадь—обозрѣніе его жизни по устнымъ его разсказамъ,—которую я ему отдавалъ для наполненія пробѣловъ), доставлю въ редакцію «Русской Старинки». М. П.

На алтарь твой всеожженія,
О, превѣчная любовь!

Жизни бурной тревоженіе
Претерпѣвъ, о мой челнокъ!
Въ пристани уединенія
Пріютися одинокъ.

Слышь! отъ всѣхъ концовъ вселенной
Голосъ тайный вопіетъ;
«Все земное — прахъ! все тѣнно!
«Все какъ дымъ, какъ тѣнь пройдетъ!»

Этотъ вопль, повсюду слышимый,
Къ намъ изъ рода въ родъ гремитъ;
Соломонъ въ чертогахъ пышныхъ
«Суета суетъ!» гласитъ.

Карль, властитель величавый,
Блескомъ царскаго вѣнча
Утомленъ, отъ шума славы
Скрылся въ кельѣ чернеца.

Тяжкую сложивъ порфиру,
Саванъ смерти онъ надѣлъ;
Взглядъ прощальный бросивъ міру,
Заживо себя отпѣлъ.

Сообщ. Н. С. Тихонравовъ.

РАЗСКАЗЫ, ЗАМѢТКИ И АНЕКДОТЫ.

238—243.¹⁾

Въ ряду Московскихъ генераль-губернаторовъ, предмѣстниковъ графа Закревскаго, былъ одинъ почтенный, заслуженный воинъ, котораго однако дряхлость и разсѣянность была предметомъ многихъ шутокъ и забавныхъ разсказовъ.

Прежде всего обращала на себя вниманіе расчетливость Н. Н. Онъ изыскивалъ всѣ средства не давать ни обѣдовъ, ни баловъ въ торжественные дни.

Если онъ могъ соединить это торжество съ какимъ-нибудь своимъ семейнымъ праздникомъ, то еще давалъ обѣды и балы, а въ против-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1871 г., т. IV, стр. 583—587; 685—696; изд. 1872 г., т. V, стр. 129—147; 457—468; 670—680; 767—772; т. VI, стр. 87—97; 285—290; 675—678; изд. 1873 г., т. X, стр. 772—787; изд. 1874 г. т. XI, стр. 153—177.

номъ случаѣ уѣзжалъ въ окрестности столицы. Въ одинъ торжественный день тонкій митрополитъ Филаретъ, прежде всегда объдавшій въ такіе дни у генераль-губернаторовъ, даль отъ себя официальный объѣдъ духовенству.

Разсѣянность N. N. иногда поставляла его въ самыя забавныя положенія. Одинъ разъ старикъ-купецъ жаловался ему на безнравственность и неповиновеніе своего сына. Генераль-губернаторъ объщаль строго поступить съ сыномъ, и, по выходѣ отца, дѣйствительно даль приказаніе оберъ-полиціймейстеру, но перемѣналь дѣло, и велѣлъ посадить въ тюрьму отца. Уже черезъ нѣсколько дней открылась ошибка, и въ тюрьму, вмѣсто отца, посаженъ былъ виновный сынъ.

Въ 18.. году актеръ М. С. Щепкинъ давалъ въ Москвѣ бесѣды чтенія. На одной изъ этихъ бесѣдъ Щепкинъ читаль повѣсть, которая начиналась словами: „Бывали-ли вы въ Калугѣ, знавали-ли тамъ Лукерью Алексѣвну?“ Противъ Щепкина сидѣлъ, на первомъ мѣстѣ генераль-губернаторъ. Актеръ обращаль чтеніе свое наиболѣе къ главному начальнику столицы и такъ превосходно прочиталь, или, лучше сказать, такъ естественно спросилъ:

„Бывали-ли вы въ Калугѣ, знавали-ли тамъ Лукерью Алексѣвну?“ что генераль-губернаторъ сказалъ:

— „Въ Калугѣ я бываль, а Лукерью Алексѣвну не знаваль“.

Публика расхохоталась.

Начитавшись въ книгахъ, что въ Англіи устроена темная комната для приведенія къ сознанію упорныхъ преступниковъ, N. N. хотѣлъ показать, что и онъ можетъ учредить полезное заведеніе. Поэтому онъ приказаль устроить въ Москвѣ, въ Басманной части, подобную комнату и былъ совершенно доволенъ собою. Между тѣмъ, эта темная комната была просто подваль, даже наполненный водою, а въ томъ углу, гдѣ было посуше, водились крысы. Такимъ образомъ, результатъ чтенія не принесъ пользы человѣчеству.

Однажды являлся къ генераль-губернатору греческій консулъ, въ греческомъ платьѣ. Принявъ этого консула за комедіанта, который въ то время испрашиваль дозволенія открыть балаганъ, N. N. сказалъ консулу:

— „Я уже позволилъ для тебя, позволилъ, ступай, братъ“.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства.

1798 г. ⁴⁾

20-го апрѣля. Е. И. Вел-во объявилъ (15 апр.) удовольствіе всѣмъ чинамъ, какъ высшимъ, такъ и нижнимъ, находившимся того дня въ строю — конницѣ и пѣхотѣ, и пожаловалъ на каждаго нижнимъ чинамъ по чаркѣ вина, а лейбъ-гвардіи егерскаго баталіону — по рублю на человѣка. (№ 31, «Петерб. Вѣдом.» 1798 г.).

— Гусарскаго Шида полка подполковникъ Пищевигъ, за лѣность, по представленію шефа, исключенъ изъ службы. (Тамъ же).

— Многие шефы полковъ представляютъ унтеръ-офицеровъ къ производству на ваканціи въ прапорщики не изъ дворянъ, чрезъ что и подтверждается всѣмъ шефамъ, чтобъ отнюдь таковыхъ представленій не дѣлать не только въ оберъ офицеры, но даже и въ портупей-прапорщики и въ подпрапорщики, потому что въ оныхъ званіяхъ одни только дворяне должны состоять. (Тамъ же).

— Княжѣ Волконской, просившей о повелѣніи по смерти меньшаго ея брата, оставшагося незаконнорожденнаго шестилѣтняго сына причислить въ сословіе дворянское и нареши ему родозваніе, отказано, для того, что сіе противно государственнымъ узаконеніямъ; воспитаніе же его и содержаніе изъ отцовскаго имѣнія предоставляется просительницѣ. (Тамъ же).

— Курской губерніи помѣщику, отставному капитану Сербинову, просившему о дозволеніи ему пользоваться дворянскимъ правомъ и по оному имѣть свободное винокуреніе для своего обиходу, отказано, поелику долженъ онъ сперва доказать узаконеннымъ порядкомъ свое дворянство, а тогда и можетъ безпрепятственно правами онаго пользоваться. (Тамъ же).

— Углицкаго мушкетерскаго полку капитану Маркову, просившему о перемѣщеніи его въ полки, находящіеся въ Санктпетербургѣ, отказано, потому что служба во всѣхъ полкахъ одинакова. (Тамъ же).

— Отставному поручику князю Бяргинскому, просившему объ опредѣленіи въ службу, отказано для того, что трудно ему привыкнуть къ оной, находясь уже 23 года въ отставкѣ. (Тамъ же).

— Генераль-маіору Бѣлухѣ, исключенному за неприбытіе къ полку изъ службы, объявляется, что гос. им-рь не изволилъ уважить оправданій его и высочайше повелѣлъ оставить его въ нынѣшнемъ положеніи. (Тамъ же).

— Отставному отъ артиллеріи генерал-маіору Прево-де-Люмیانу объявляется, что прошеніе его о принятіи паки въ службу оставлено безъ уваженія. (Тамъ же).

— Сѣверскаго драгунскаго полку капитану Клипцѣ, просившему о переводѣ его въ какой-либо полкъ санктпетербургской дивизіи, отказано, и сверхъ того онъ за таковое непристойное прошеніе исключенъ изъ службы. (Тамъ же).

— Кол. рег-ру Гѣро, просившему о пожалованіи незаконно рожденнымъ

⁴⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ XI, стр. 187—190; 589—590; 754—788; изд. 1875 г., томъ XII, стр. 231—236; 451—452; 663—664; 830—832.

дѣтямъ умершаго дяди его секретаря Роземберка отповскаго наслѣдія, отказано, поелику право наслѣдства опредѣляетъ законъ, вопреки коего не слѣдовало и утруждать государя им-ра. (Тамъ же).

— Пошехонской помѣщицѣ Дуниловой, просившей объ увольненіи на годъ въ домовую отпускъ двухъ сыновей ея, служащихъ во флотъ, для окончанія процессовъ съ разными людьми, отказано за простѣвіемъ узаконеннаго для отпусковъ времени, и потому, что объ отпускѣ сами служащіе, а не за нихъ другіе просить должны. (Тамъ же)

— Отставному капитану Иванову, просившему о пожалованіи пропитанія, отказано, поелику онъ, выходя добровольно въ отставку, заранее долженъ былъ знать, чѣмъ ему жить. (Тамъ же).

— Надв. сов. и академику Герману, просившему воззрѣнія на службу его, объявляется, что какъ онъ по мѣсту своему имѣетъ жалованья по 1,000 руб. на годъ, а сверхъ того получаетъ квартирные деньги и дрова, то государь им-ръ и считаетъ, что сіе для него достаточно. (Тамъ же).

— Бугскаго казачьяго полку пятидесятнику Кожушняну, просившему о награжденіи его заслуженною въ мачинскомъ дѣлѣ золотою медалью, и о перемѣщеніи въ кавалерійскіе полки, отказано: въ первомъ потому, что медалей тогдашняго времени не осталось, а въ послѣднемъ, что онъ долженъ служить тамъ, куда опредѣленъ. (Тамъ же).

— Уфимскаго мушкетерскаго полку подпоручику Тамиловскому, просившему о произведеніи его, въ сравненіи съ сверстниками, чиномъ, отказывается (съ надраніемъ просьбы и со взысканіемъ вѣсовыхъ денегъ), и за такую же дѣльную просьбу велѣно его арестовать на недѣлю. (Тамъ же).

— Отгѣзжающіе за границу... Шевалье Пинетти съ женою Анною-Марію и при нихъ служитель Леонтій Беври; жпв. въ гор. Гроднѣ. (Тамъ же).

23-го апрѣля. Принцу Гогенлое позволяется продолжить отпускъ по 1-е октября сего года. (№ 33).

— Именнымъ Е. И. Вел-ва указомъ, состоявшимся 14-го апрѣля, камеръ-юнкеръ графъ Суворовъ-Рыминскій пожалованъ въ камергеры въ его выс-ву вел. князю Александру Павловичу. (Тамъ же).

О портретѣ архимандрита Фотія.

Приложенный при этой книгѣ «Русской Старины» портретъ Фотія рисованъ на деревѣ К. О. Брожемъ, гравировалъ Академикъ Л. А. Сѣряковъ; это снимокъ съ рѣдкаго портрета, на мѣди гравированнаго въ концѣ 1820-хъ годовъ (изд. иждивеніемъ княгини Анны Орловой)—Дау. Величина подлинника: 8¹/₂ вершковъ ширины и 12¹/₄ вершковъ высоты: «Настоятель обители св. Георгія Побѣдоносца новгородскаго первокласснаго Юрьева общежительнаго монастыря священно-архимандритъ Фотій» (такова надпись подъ портретомъ) изображенъ въ ростъ, выходящимъ изъ-подъ портика храма. Гравюра очень хороша и исполнена черной манерой. Подлинникъ, которымъ мы пользовались, принадлежитъ богатому собранію гравюръ (портретовъ) Н. П. Дурова.

Ред.

(13 томовъ 1847—61 гг.) и Толля (1863—1866 гг.). Но первый изъ нихъ до того плохъ, что не можетъ служить пособіемъ при изученіи какого-нибудь предмета. Слова въ немъ помѣщались по выбору редакціи, Богъ знаетъ чѣмъ руководившейся при этомъ выборѣ, и если сосчитать всѣ важныя пропущенныя въ немъ слова, то окажется, что ихъ гораздо больше, нежели помѣщенныхъ въ 12-ти томахъ этого положительно неудавшагося и мало къ чему пригоднаго изданія. Другой настояльный словарь—Толля, вышедшій въ трехъ томахъ, тотчасъ же потребовалъ, вслѣдъ за выпускомъ его, обширнаго приложения въ четырехъ выпускахъ и вообще можетъ быть пригоденъ только для поверхностныхъ справокъ, да и то на его указанія и цифры далеко не всегда можно положиться. Статей въ немъ много; многія составлены хорошо, но большая часть слишкомъ коротки и сжаты. Въ прошломъ мѣсяцѣ вышло къ нему новое приложение (отъ А до З), составленное г. Волленсомъ, бывшимъ съ В. Зотовымъ главнымъ сотрудникомъ покойнаго Толля. Изданіе этого приложения, хотя составленнаго весьма старательно и добросовѣстно, по нашему мнѣнію, не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ «Настольный словарь» надо издать вновь, пополнивъ и исправивъ его, особенно всѣ цифры, а не составлять къ нему приложения, пополняющія и исправляющія чуть не каждое слово. Изъ неоконченныхъ словарей—Плюшаровскій, вышедшій въ XVII томахъ (1835—41 гг.) куда вошли только пять буквъ А, Б, В, Г и Д, — до сихъ поръ можетъ приносить пользу при справкахъ по этимъ буквамъ, несмотря на то, что сильно устарѣлъ. Общимъ сожалѣніемъ встрѣчена была остановка «Энциклопедическаго Словаря», составленнаго русскими учеными и литераторами, возбудившаго большія надежды, начатаго съ большими средствами, при содѣйствіи лучшихъ силъ нашей интеллигенціи, но задуманнаго въ слишкомъ широкихъ размѣрахъ. Въ два года (1863—64 гг.) они выпустили пять томовъ на букву А (неоконченную). Очевидно, что такое изданіе должно было бы занять сотню томовъ и продолжаться десятки лѣтъ. Поэтому г. Березинъ, задумавшій въ 1873 году издать новый энциклопедическій словарь, ограничился восемнадцатю томами, которые намѣревался выпустить въ теченіе трехъ лѣтъ. Но по первымъ же томамъ ни то, ни другое оказалось невозможнымъ. Первые двѣ буквы заняли уже четыре тома (А—656 и 434 стр., кромя оглавленій и приложений, В—688 и 532 стр. Д—572, Л—575 стр.). Замѣтивъ это, издатель, чтобы остаться въ предписанныхъ имъ себѣ границахъ, и расширивъ напрасно многія статьи и буквы А и В, въ буквахъ Д и

Л сталъ уже помѣщать такіа, которые короче Толлевскихъ и мало къ чему пригодны. Это уже, очевидно, другая крайность, которой необходимо избѣгать, хотя объемъ статей, въ каждомъ словарѣ—самый затруднительный вопросъ. На слова, относящіеся къ Россіи, обращено, конечно, больше вниманія и онѣ обширнѣе другихъ, но и тутъ, къ сожалѣнію, есть черезъ чуръ краткія и безсодержательныя данныя и опредѣленія, какимъ не слѣдовало бы встрѣчаться въ русскомъ словарѣ. Лучше, въ такомъ случаѣ, исключить вовсе, напримеръ, нѣкоторыя біографіи менѣе важныхъ европейскіхъ дѣятелей и дать болѣе мѣста для русскихъ. Вообще «Русскій энциклопедическій словарь» могъ бы заключать въ себѣ только русскія или относящіяся къ Россіи статьи и тогда онъ имѣлъ бы несравненно болѣе значенія. Но и въ томъ видѣ, какъ онъ задуманъ г. Березиннымъ, словарь его можетъ быть очень полезенъ, если только будетъ конченъ, хотя бы и не въ три года, которые уже приходятъ къ концу. Вообще издателю необходимо участіе выпускъ томовъ—и отъ быстроты появленія ихъ зависитъ успѣхъ изданія. Листовъ 15 въ мѣсяцъ составить и набрать нетрудно, а это составить четыре тома въ годъ, тогда какъ теперь, въ 2½ года, вышло всего шесть томовъ. Цѣну изданія мы находимъ также высокою, и возможность пріобрѣтенія словаря выпускани значительно облегчила бы человѣка, неимѣющаго средства внести вдругъ десятки рублей: Что касается до внутренняго содержанія словаря, мы должны сказать, что, несмотря на нѣкоторыя ошибки, неизбѣжныя въ подобномъ изданіи, требуемъ большихъ трудовъ, внимательности, знанія и памяти,—статьи словаря составлены весьма добросовѣстно и старательно. Въ историческихъ событіяхъ и литературныхъ біографіяхъ помѣщаются самыя послѣднія изслѣдованія (такъ, въ статьѣ о Лермонтовѣ приведены указанія о происхожденіи поэта, сообщенныя «Русскою Стариною» въ прошломъ году), въ научныхъ статьяхъ приводятся послѣдніе результаты изысканій. Языкъ вездѣ гладокъ и правиленъ (нѣкоторая шероховатость его замѣтна только въ послѣднихъ выпускахъ).

Крайне желательно, чтобы наши соотечественники, также русскія воспитательныя, учебныя и ученыя учрежденія теперь же поддержали изданіе почтеннаго профессора Березина пріобрѣтеніемъ вышедшихъ уже томовъ и подпискою на слѣдующіе выпуски; это тѣмъ смѣлѣе можно сдѣлать, что всѣ данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что это изданіе не эфемерное, предпринято на солидныя средства и съ твердымъ намѣреніемъ дать Россіи возможно полный и соответственный новымъ требованіямъ «Русскій энциклопедическій словарь!»

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1875 г.

ЕЖЕМЯСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна годовому изданію, — двѣнадцать книгъ, три большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками, — съ пересылкой г. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и въ Москвѣ — восемь рублей.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій Проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ исключительно въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ коммисіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городского на иногородный — 64 коп., а иногороднаго на городской — 50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѣ“ 1875 г., отнесены къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ. — III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній. — IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр. — V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч. — VI. Историческіе рассказы, анекдоты и мелочи; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и начала XIX в. — Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“. — VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв. — Стихи и пѣсни духовныя и раскольничьи. — Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа. — VIII. Библиографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ. — IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины“ принимаетъ постоянное участіе М. И. Семеvскій.

Отвѣтств. ред.-изд. В. Семеvскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестой.

АВГУСТЪ.

1875 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Архимандритъ Фотій, настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря. 1792 — 1838. Биографическій очеркъ, гл. VI—X. (Окончаніе). Состав. Е. П. Карновичъ	459	V. Александръ Николаевичъ Сѣровъ, 1820 — 1871 гг. Очеркъ его жизни и письма. Сообщ. В. В. Стасовъ	581
II. Дневникъ В. К. Кюхельбенера , 1831—1832 гг. Сообщ. Ю. В. Косова	490	VI. Фельдмаршалъ Паскевичъ во время Крымской войны, 1854—1855 гг. Историческій очеркъ. Перев. съ нѣмецкаго. Сообщ. съ примѣч. Н. К. Шильдеръ	603
III. С.-Петербургскій Воспитательный домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго . Историческое изслѣдованіе А. П. Пятковскаго Гл. IV	532	VII. Врывъ Павловскаго форта въ Севастополь, 29-го августа 1855 г. П. В. Алабинъ	612
IV. Записки И. С. Жирневича , 1795—1848 гг. Гл. IX — XI. Сообщ. С. Д. Жарповъ	554	VIII. Памятникъ Александру I въ селѣ Понизовѣ. 1816 г. Сообщ. П. Суходольскій	651
		IX. Библиографическій листокъ новыхъ книгъ (на оберткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Записки о Россіи генерала **Манштейна**, 1727—1744 гг. Переводъ съ французской подлинной рукописи автора. Глава XI, событія 1738—1739 гг. II. Рисунокъ памятника Александру I въ селѣ Понизовѣ.

Подписка на «Русскую Старину» 1875 г. продолжается.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1875.

VIII-я книга „Русской Старины“, вышла 1-го августа.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Записки императорскаго Одесскаго общества истории и древностей. Томъ девятый, съ XVIII литографированными листами. Въ б. 4-ю долю. Одесса, 1875 г.

Въ этомъ, къ сожалѣнью, весьма мало распространенномъ изданіи, многіе уже годы составляемомъ извѣстными и уважаемымъ ученымъ Н. Н. Мурзакевичемъ, постоянно помѣщаются весьма замѣчательныя для археологій, исторіи и географіи южной Россіи изслѣдованія, матеріалы и замѣтки, причѣмъ въ послѣднихъ томахъ довольно много матеріаловъ для исторіи этого края конца XVIII и первой четверти XIX-го вѣка.

Въ вышедшемъ нынѣ томѣ этихъ Записокъ мы, между прочимъ, находимъ: замѣчательное археологическое изслѣдованіе П. Бурачкова о мѣстоположеніи древняго города Каркинитеса и монетахъ, ему принадлежавшихъ; по географіи — путешествіе турецкаго туриста XVII-го вѣка вдоль по восточному берегу Чернаго моря; въ сборникѣ матеріаловъ: статья о памятникахъ съ руническими надписями, находящимися на югѣ Россіи; рескриптъ Екатерины II князю В. М. Долгорукову по запорожскому низовому войску; частныя письма къ тому же Долгорукову 1772 — 1773 гг.; учрежденіе екатеринославскаго намѣстничества, рескрипты 1783 г.; перечень денежныхъ суммъ, отпущенныхъ въ распоряженіе кн. Потемкина съ 1787 по 1791 годъ; — письма къ кн. Потемкину отъ достопамятныхъ его современниковъ, какъ: гр. Сегюръ, герцогъ Ришелье, гр. Дашевскій, П. Турчаниновъ, Н. С. Мордвиновъ и другіе, за время съ 1783 по 1791 г.; также доклады кн. Потемкину правителю екатеринославскаго намѣстничества (1783 — 1788 гг.). Въ этомъ же томѣ помѣщено нѣсколько матеріаловъ для исторіи новороссійской православной іерархіи (1784 — 1793 гг.); любопытныя извѣстія о кончинѣ императора Александра I-го въ Таганрогѣ; біографическія замѣтки о прошлыхъ дѣятеляхъ Новороссійскаго края, нѣсколько историческихъ пѣсень, относящихся къ событіямъ въ этомъ крайѣ, и проч., и проч.

Сказаннаго довольно, чтобы судить о разнообразіи и степени интереса содержанія IX-го тома Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей; что же касается литографированныхъ листовъ, приложенныхъ къ этому сборнику, то изъ нихъ особенно любопытны: соборная церковь св. Екатерины въ Херсонѣ, планъ острова Хортицы, планъ Старой Сѣчи и портреты двухъ запорожцевъ.

Во вышнемъ отношеніи рассматриваемому изданію остается многого пожелать: форматъ книги (большая четвертка) и печать въ два столбца весьма неудобны для

чтенія, бумага не хороша, печатаніе ризунковъ (литографій) также не удовлетворительно, указателей именъ и заголовковъ на верху страницъ, столь облегчающихъ справки, не имѣется; наконецъ, нельзя не пожалѣть, что вслѣдствіе скудости средствъ Одесскаго общества исторіи выпускъ его сборниковъ слишкомъ рѣдокъ.

Орловская Старина, историческія свѣдѣнія объ Орловской губерніи, извлечены изъ архивовъ А. Пупаревымъ, т. I. Орель, 243 стр.

Мы неоднократно говорили о важности мѣстныхъ изданій, относящихся къ описанію отдѣльныхъ частей и провинцій нашего обширнаго отечества. Книга г. Пупарева принадлежить именно къ такого рода трудамъ, знакомящимъ насъ съ прошлымъ и настоящимъ нашихъ губерній. Составлена она изъ статей, помѣщавшихся въ орловскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, а свѣдѣнія, помѣщаемыя въ ней, извлечены изъ архивовъ Орловской и другихъ губерній и заключаютъ въ себѣ замѣчательныя данныя по исторіи этого края, этнографіи, статистикѣ, также дѣятельности административной и судебной прошлаго времени. Все это, очевидно, очень любопытно и важно для всесторонняго изученія Россіи, и если бы всѣ редакторы губернскихъ вѣдомостей послѣдовали примѣру А. Г. Пупарева и издали, хотя бы на основаніи тѣхъ же вѣдомостей, подобныя мѣстные сборники, мы не могли бы жаловаться на скудость всякаго рода извѣстій, относящихся къ нашимъ провинціямъ. Къ сожалѣнью, число подобныхъ мѣстныхъ сборниковъ весьма ограничено и, въ послѣднее время, кромѣ орловскаго сборника, вышли: нижегородскій, ярославскій, пермскій, владимірскій, псковскій и еще два-три менѣе замѣчательныхъ, что, конечно, немного на всю Россію. «Орловская старина» состоитъ изъ 14-ти отдѣльныхъ статей. Въ нихъ обстоятельно разсказана исторія съ начала Бѣлгородской губерніи, потомъ орловскаго намѣстничества, доведенная до конца царствованія Екатерины II. Много замѣчательныхъ эпизодовъ разсказано въ этихъ статьяхъ, какъ напр., правительственныя мѣры къ прекращенію разбоевъ въ Брянскомъ уѣздѣ при Аннѣ Іоанновнѣ, поджигательница Аксиныя Алексѣева, поджогъ сѣвской провинціальной канцеляріи и расхищеніе изъ нея казенныхъ денегъ, разбой въ Орловской провинціи, помѣщичій наѣздъ въ Брянскомъ уѣздѣ, орловскій приказъ общественнаго призрѣнія и пр.; подробно разсказана дѣятельность генералъ-губернаторовъ князей Репнина и Прозоровскаго. Вообще книга г. Пупарева составляетъ почтенный вкладъ въ собранія матеріаловъ къ отчизновѣденію.

АРХИМАНДРИТЬ ФОТІЙ,

настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря.

1792—1838.

VI¹⁾.

Изъ лицъ, съ которыми пришлось Фотію имѣть отношенія въ теченіе своей жизни, самое видное мѣсто, послѣ графини А. А. Орловой-Чесменской, занимаетъ министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князь А. Н. Голицынъ; но отношенія къ нему Фотія были враждебны и возникшая изъ нихъ борьба между монахомъ и высокимъ сановникомъ представляетъ интересный эпизодъ въ исторіи нашего государственнаго управления.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (род. 8-го дек. 1773 г., † 22-го ноября 1844 г.) принадлежалъ къ небогатой отрасли знаменитаго княжескаго рода Голицыныхъ. Въ дѣтствѣ онъ былъ представленъ Екатеринѣ II извѣстною ея камеръ-фрау Перекусихиною, которая дружески была расположена къ его матери, Александрѣ Александровнѣ, рожденной Хитровой, вышедшей, по смерти перваго мужа, князя Николая Сергѣевича Голицына, за капитана гвардіи Михаила Алексѣевича Кологривова († 1787 г.). Императрицѣ полюбился маленькій Голицынъ и онъ сдѣлался однимъ изъ сотоварищей дѣтскихъ игръ великаго князя Александра Павловича, питавшаго къ нему особенную пріязнь. Незвѣстно, по какимъ именно причинамъ императоръ Павелъ удалилъ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 301—332.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, ТОМЪ XIII, 1875 Г. АВГУСТЪ.

внзя Голицына отъ своего сына. Императоръ Александръ Павловичъ, вступивъ на престолъ, снова приблизилъ къ себѣ Голицына и сталъ оказывать товарищу своего дѣтства постоянную благосклонность. При немъ Голицынъ былъ сдѣланъ оберъ-прокуроромъ св. синода, главноуправляющимъ почтовымъ департаментомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ онъ состоялъ канцлеромъ всѣхъ російскихъ орденовъ¹⁾.

Личное знакомство Голицына съ Фотіемъ готовила графиня Орлова и оно началось весною 1822 года присылкою отъ юрьевскаго архимандрита цвѣтовъ князю. По поводу этого знакомства князь Голицынъ, искренно, или только изъ свѣтской любезности, изъявлялъ графинѣ сожалѣніе, что онъ не познакомился съ Фотіемъ раньше, во время пребыванія его въ Петербургѣ. Съ перваго же раза похвалы Голицына Фотію передъ графиней Орловой дошли до того, что, по словамъ князя, «назидательный разговоръ Фотія имѣлъ такую силу, которую единъ Господь дать можетъ». Мало того, Голицынъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ графинѣ Орловой называетъ Фотія «человѣкомъ необыкновеннымъ» и говорить, что бесѣды его производятъ «глубокое впечатлѣніе». Въ этомъ же письмѣ князь выражаетъ опасеніе на счетъ того, можно-ли доложить государю о болѣзни Фотія, не спрося предварительно объ этомъ его самаго. Опасеніе въ этомъ случаѣ со стороны Голицына не основывается на какихъ-либо простыхъ человѣческихъ соображеніяхъ, но Голицынъ полагаетъ, что «надобно такъ поступать, чтобъ не сдѣлать чего противнаго волѣ Божіей!» Письмо это, отъ 28-го іюня 1822 года, Голицынъ заключаетъ тѣмъ, что предлагаетъ Орловой помолиться за Фотія, прибавляя, что и онъ намѣренъ сдѣлать тоже, а 25-го іюля онъ проситъ устроить для него свиданіе съ Фотіемъ.

Лестные или сказать проще — льстивые отзывы Голицына передъ Орловой на счетъ Фотія продолжаются и въ послѣдующихъ письмахъ князя. Такъ, въ одномъ изъ писемъ онъ изъ-

¹⁾ Въ дѣтствѣ мнѣ приходилось встрѣчать князя А. Н. Голицына въ домѣ двоюродной моей тетки В. А. Муравьевой; помню, что онъ благословлялъ меня, и мнѣ до сихъ поръ представляется онъ довольно живо, одѣтый въ какой-то свѣтло-сѣренькій сюртукъ или фракъ съ голубою лентой по бѣлому жилету.

являетъ сожалѣніе, что не можетъ насладиться бесѣдою «нашего Златоуста» и что онъ «хочетъ утолить жажду чистою водою, черпаемою чистою рукою и нескудно другимъ сообщающею». Въ другомъ письмѣ онъ поздравляетъ Орлову «съ пріобщеніемъ изъ рукъ любезнѣйшаго намъ и возлюбленнаго отъ Господа прендобнаго отца Фотія». Кромѣ того, онъ въ письмахъ своихъ часто изъясняетъ желаніе видѣться съ Фотіемъ и заботливо навѣдывается о его здоровьѣ.

Фотій служилъ поводомъ къ личному сближенію Голицына съ Орловой. Такъ, въ первыхъ своихъ къ ней письмахъ князь, слѣдуя общепринятой формулѣ, титудуетъ графиню милостивой государыней и сіятельствомъ, а письмо свое отъ 10-го января 1823 года онъ начинаетъ такимъ обращеніемъ: «Сестро о Господѣ!» «Неудивитесь,—пишетъ вслѣдъ затѣмъ Голицынъ,—сему началу: оно съ благословенія отца Фотія. Господу было угодно устроить сношенія наши не на мірскихъ основаніяхъ». Бесѣдуя въ этомъ письмѣ о Фотіѣ съ Орловой, бывшей въ то время въ Москвѣ, Голицынъ прибавляетъ: «думаю, что вы мучитесь безъ отца Фотія, но за то, вѣроятно, переписва самая дѣятельная».

Подобныя письма Голицына, человѣка, безъ всякаго сомнѣнія, чрезвычайно умнаго и воспитаннаго въ духѣ, чуждомъ ханжества, вводитъ насъ въ область происковъ самаго темнаго свойства. Чего могъ искать Голицынъ въ сближеніи своемъ съ Фотіемъ? Невозможно предположить, чтобъ Голицынъ дѣйствительно желалъ утолить ту жажду, о которой онъ писалъ Орловой, такъ какъ предлагаемая для этого Фотіемъ вода не могла быть Голицыну по вкусу. Если религиозное настроеніе Голицына не было искренно, то бесѣды Фотія были для него излишни; при искренности же такого настроенія, поученія Фотія были совершенно противоположны тому духу, какимъ отличалось религиозное направленіе Голицына. Приходится думать, что Голицынъ, провидѣвшій ту силу, которую начинаетъ получать Фотій въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ, и въ особенности у Аракчеева, хотѣлъ склонить на свою сторону этого своеобразнаго монаха. Можно, пожалуй, выставить и другую догадку. Въ первое время сближенія Голицына съ Фотіемъ, Голицынъ собиралъ дѣятельно деньги для выкупа грековъ, находившихся въ плѣну у турокъ, при чемъ щедрая богачка Орлова-Чесменская, дочь русскаго

вождя, разгромившаго нѣкогда враговъ креста, представлялася вполне подходящимъ источникомъ для подобной благотворительной цѣли, которой горячо сочувствовалъ и самъ государь. Слѣдовательно, при сближеніи Голицына съ Орловой могли имѣться въ виду со стороны его, какъ искательнаго царедворца, особыя соображенія.

Въ письмахъ своихъ къ Фотію, Голицынъ также расточалъ ему лесть. Такъ, въ одномъ изъ нихъ увѣдомляя, что прочелъ писаніе Фотія о мирѣ Божіемъ, замѣчаетъ, «что писаніе сіе есть чрезвычайное, исполненное духа и помазанія Господня. Счастливъ я, — продолжаетъ Голицынъ, — что прочелъ о мирѣ Господнемъ, но какъ счастливъ тотъ, кто его вкусилъ. Надѣюсь, что молитвами вашими и мнѣ грѣшному Богъ пошлетъ оной».

Справедливость нашего замѣчанія о неискренности отзывовъ князя Голицына на счетъ Фотія подтверждается послѣдующими между ними раздорами и, наконецъ, тѣмъ столкновеніемъ изъ-за религіозныхъ убѣжденій, котораго не выдержалъ Голицынъ. Фотій былъ ревнителемъ православія и строго охранялъ всѣ его обрядности, тогда какъ Голицынъ былъ приверженцемъ внутренней церкви, — приверженцемъ того религіознаго мистицизма, примѣръ котораго подавался свыше и на сторонѣ котораго были въ Петербургѣ почти всѣ сильные міра сего¹⁾. Даже многіе изъ высокостоявшихъ духовныхъ лицъ православной церкви радовались тому, что прежнее безбожіе въ образованныхъ классахъ русскаго общества стало замѣняться хоть какимъ-нибудь религіознымъ чувствомъ, рассчитывая на то, что въ послѣдствіи чувство это можно будетъ направить на ученіе православной церкви.

Главнымъ представителемъ новаго религіознаго направленія, независимо отъ разныхъ сектаторскихъ кружковъ, явилось библейское общество. О значеніи, дѣятельности и судьбѣ этого общества у насъ въ послѣднее время явилось въ печати столько свѣдѣній, что обо всемъ этомъ излишне было бы повторять. По этому относительно его мы ограничимся только такими фактами, которые должны объяснить участіе Фотія въ борьбѣ съ нимъ, при

¹⁾ Весьма наглядныя тому доказательства можно найти въ интересномъ разсказѣ кавалера Греллэ-де-Мобилъе о пребываніи его въ Петербургѣ въ 1818 году. Разсказъ этотъ сообщенъ И. Т. Осиннинымъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 1—36.

чемъ главнымъ образомъ мы будемъ руководствоваться тою рукописною запискою, которая найдена въ бумагахъ Фотія и нынѣ принадлежитъ ред. «Русской Старины».

Библейское общество, основанное въ 1804 году въ Англіи, методистами и масонами, нашло нужнымъ допустить каждаго читать біблію безъ всякихъ при ней примѣчаній, толкованій и разсужденій. Въ 1806 году общество это завело сношенія въ Россіи съ сарептскимъ братствомъ и съ шотландскими волонистами на Кавказѣ и предложило митрополиту Платону издать біблію на русскомъ языкѣ, но никакого отвѣта на предложеніе это не послѣдовало. Между тѣмъ шотландскій миссіонеръ Пакертонъ, жившій на Кавказѣ, переселился, въ 1805 году, въ Москву и, заведя тамъ свою пропаганду, успѣлъ, зимою 1811 года, склонить «нѣкоторыхъ особъ изъ знатнѣйшаго дворянства» къ принятію участія въ учрежденіи библейскаго общества въ Москвѣ. Война съ Наполеономъ помѣшала этому, но тѣмъ не менѣе 6-го декабря 1812 года Пакертону разрѣшено было образовать общество для изданія книгъ ветхаго и новаго завѣтовъ, но только для иновѣрцевъ и при томъ лишь на иностранныхъ языкахъ. При первомъ заявленіи мысли объ изданіи бібліи на русскомъ языкѣ, православное наше духовенство непріязненно отнеслось къ ней, находя, что чтеніе только священнаго писанія недостаточно безъ ознакомленія съ постановленіями соборовъ и преданіями отцовъ церкви. Между тѣмъ, вопреки этого взгляда, при дѣятельномъ участіи министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, стали появляться на русскомъ языкѣ такія книги, какъ «Тайнство креста» и «Побѣдная пѣснь вѣры христіанской», колебавшія ученія соборовъ и отцовъ церкви.

Приверженцы православныхъ догматовъ заволновались въ виду появленія подобныхъ книгъ, но особенную между ними бурю подняло слѣдующее обстоятельство.

17-го мая 1817 года происходило въ Лондонѣ тринадцатое засѣданіе тамошняго библейскаго общества. На этомъ засѣданіи глава секты методистовъ Ричардъ Ватсонъ заявилъ, что въ Россіи религія возстановляется во всей ея чистотѣ и что въ греческой церкви отырываются вѣковыя ея заблужденія. Съ точки зрѣнія англійскаго библейскаго общества это могло казаться вѣрнымъ, такъ какъ въ ту пору не было уже въ Россіи ни одной губерніи,

гдѣ бы не было заведено библейскаго общества. Кромѣ того, особаго рода религиозное настроеніе стало охватывать и другія страны Европы. Такъ, прибывшіе около того времени изъ Германіи колонисты желали поселиться въ Греціи для того только, чтобы, будучи ближе къ Іерусалиму, ожидать появленія Мессіи. Сента эта занималась только туманными толкованіями апокалипсиса и не отличалась доброю нравственностію.

Особенно вредило библейскому обществу то, что членами его были преимущественно члены масонскихъ ложъ, распространившіе свои доктрины подъ прикрытіемъ библейскихъ обществъ. Эти члены издавали въ свѣтъ сочиненія, считавшіяся прямо враждебными ученію православной церкви. Такъ, вскорѣ по запрещеніи и отобраніи въ 1819 году надѣлавшей много шума книги Станевича, подъ заглавіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца», было издано Ястребцовымъ сочиненіе, озаглавленное: «Воззваніе въ челоуѣвамъ о послѣдованіи къ внутреннему влеченію духа Христова». Сочиненіе это было признано проповѣдью «возмутительныхъ началъ противъ христіанской религіи и гражданскаго благоустройства». Настроеніе тогдашняго русскаго общества къ чтенію книгъ, написанныхъ въ такомъ духѣ, доказывается лучше всего тѣмъ, что сочиненія Ястребцова разошлось два полныхъ изданія въ продолженіе менѣе двухъ мѣсяцевъ, и что автору ихъ были испрошены у государя двѣ весьма важныя награды. Между тѣмъ библейскія общества въ свою очередь все шире и шире распространяли свою дѣятельность; въ 1819 году денежный сборъ библейскихъ обществъ простирался до 1,500,000 рублей, а въ концѣ 1823 года въ Россіи считалось уже 300 такихъ обществъ и сотовариществъ, которыя, по словамъ руководящей насъ записки, «прикрывали свои зловредныя дѣйствія благовидною личиною любви къ ближнимъ и усердія къ распространенію слова Божія». Общества эти съ особеннымъ успѣхомъ дѣйствовали на Дону, въ Саратовѣ и въ Тамбовѣ. Въ Харьковѣ между студентами устроилось библейское сотоварищество. «Мистики, духовидцы, пророки и проповѣдники, появляясь во множествѣ, разглашали свои толки въ союзѣ съ библейскими обществами, первый ударъ которымъ со стороны правительственной власти былъ нанесенъ въ 1824 году, вслѣдствіе появленія «богохульнаго толкованія Евангелія», изданнаго Госнеромъ, директоромъ русскаго би-

блейскаго общества. Сочиненію этому прямо было приписана «цѣль возмущенія противъ церкви и престоловъ»¹⁾.

По всей вѣроятности, еще не близко то время, когда литература наша въ состояніи будетъ съ полнымъ прямодушіемъ, необходимымъ для истиннаго достоинства каждаго историческаго труда, вникнуть въ глубь этихъ событій, являющихся пока въ крайне щекотливой обстановѣ. Съ внѣшней же стороны все дѣло представляется довольно просто: являются книги, признаваемые направленными противъ религіи и гражданскаго порядка, но книги эти издаются подъ вѣдѣніемъ ценсуръ, состоящихъ при министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, такъ какъ глава этого министерства и его ближайшіе помощники содѣйствуютъ и покровительствуютъ изданію такихъ книгъ. Такимъ образомъ, поводовъ къ борьбѣ съ представителями этой, противной православію, партіи весьма было достаточно, и борьбу можно было начать и во имя религіи и во имя государственнаго порядка, нужно было только дать сильный толчекъ и завести схватку, которая не замедлила бы перейти въ рѣшительный бой.

VII.

Обыкновенно біографы тѣхъ лицъ, которымъ они посвящаютъ свой трудъ, стараются выдвинуть этихъ лицъ на первый планъ, сдѣлать ихъ первенствующими дѣятелями описываемыхъ событій, сосредоточивъ около нихъ всѣ другія личности только въ качествѣ второстепенныхъ дѣятелей. Мы пишемъ теперь о Фотіи, но намъ кажется, что было бы ошибочно придавать ему первенствующее значеніе въ той политическо-религіозной борьбѣ, или, говоря правильнѣе, въ придворной интригѣ, о которой намъ предстоитъ рѣчь, и даже приписывать починъ ея Фотію. Тѣмъ не менѣе въ этомъ случаѣ личность Фотія все-таки чрезвычайно замѣчательна, въ особенности потому, что онъ, при своемъ скромномъ іерархическомъ положеніи, долженъ былъ бы быть далеко отъ вопроса, получившаго государственную важность.

Мы видѣли, что Фотій, состоя еще на должности корпуснаго законоучителя, вооружался противъ отступниковъ отъ православія—

¹⁾ Въ распоряженіи «Русской Старины» имѣется докладъ Александру I-му по этому дѣлу, надѣлавшему въ свое время много шума.

Ред.

разныхъ свѣтскихъ сектаторовъ, послѣдователей внутренней церкви. Но, безъ всякаго сомнѣнія, тогда дѣло шло не о рѣшительной борьбѣ съ ними, но только о проповѣдническихъ обличеніяхъ со стороны Фотія. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но чрезъ то самое Фотій попалъ въ число «намѣченныхъ» людей, т. е. такихъ, которыхъ одна партія, при своемъ пересилѣ, стремится подавить и уничтожить, а противная ей—старается выдвигать тавія прежде гонимыя личности. Здѣсь бываетъ своего рода бурное теченіе, которое заставляетъ однихъ тонуть, а другихъ выплывать, даже безъ особыхъ со стороны ихъ усилій.

Едва-ли, впрочемъ, мы ошибемся, если скажемъ, что безъ сближенія Фотія съ графиней Орловой онъ заглохъ бы въ своей древней, убогой обители. Фотій былъ силенъ прежде всего потому, что всегда, то за нимъ, то передъ нимъ, стояла графиня А. А. Орлова-Чесменская, съ своимъ несмѣтнымъ богатствомъ и съ своими общественными связями въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Орлова ввела Фотія въ кругъ людей, которые стали смотрѣть на этого монаха, какъ на полезную для нихъ силу, и которыхъ онъ, въ свою очередь, самъ сталъ считать пригодными орудіями для осуществленія своихъ стремленій. Изъ замѣтныхъ въ ту пору личностей въ Петербургѣ, едва-ли ни первымъ союзникомъ Фотія сталъ Магницкій, котораго юрьевскій архимандритъ отвратилъ отъ библейскаго общества. Дѣло это не обошлось безъ участія графини Орловой, которая, по словамъ А. С. Стурдзы, находилась въ числѣ почетныхъ дамъ, присутствовавшихъ при первой встрѣчѣ Фотія съ Магницкимъ. Фотій, держа въ рукахъ двѣ восковыя свѣчи, съ нѣмою торжественностію встрѣтилъ Магницкаго и провожалъ его до приготовленныхъ особо креселъ. Фотій сѣлъ возлѣ Магницкаго и молчалъ нѣсколько минутъ, потомъ схватилъ стоявшій на столѣ колокольчикъ и принялся звонить изо всей силы, не говоря, впрочемъ, ни одного слова. Оба они, т. е. Фотій и Магницкій, только помѣнялись взглядами въ знакъ взаимнаго согласія и негласный союзъ былъ между ними заключенъ. Послѣ этой встрѣчи Магницкій — какъ замѣчаетъ Стурдза¹⁾, — началъ дѣйствовать уже открыто противъ распоряже-

¹⁾ Воспоминаніе о Магницкомъ. «Р. А.» 1868 г.

нѣй того министерства, въ которомъ онъ занималъ довольно почетное мѣсто, поступая такимъ образомъ въ угоду Аравчеву.

Нельзя сказать съ точностію, въ какое именно время произошло сближеніе Фотія съ Магницкимъ, но, вступая въ лагерь, непріязненный князю Голицыну, Фотій сталъ обнаруживать свою непріязнь и къ лицамъ самымъ близкимъ къ князю. Въ одномъ изъ писемъ къ Дарьѣ Алексѣевнѣ Державиной, относящемся, какъ надобно полагать, къ 1823 году, Фотій сильно возстаетъ противъ Александра Ивановича Тургенева, управлявшаго тогда канцелярією министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Письмо это замѣчательно въ томъ отношеніи, что оно рисуетъ взглядъ Фотія на его религиозныхъ противниковъ. «Письмо ты,—такъ начинается свое письмо Фотій,—что съ сестрой видѣли извѣстнаго тебѣ человѣка и разговоры вы съ нимъ имѣли, что онъ крайне не любитъ духовенство и не уважаетъ потому, что они не Фенелоны и что онъ крайне гордъ и на свой умъ надѣется. Спасися отъ него, чадо! Вотъ видишь-ли съ какими вѣры явными врагами отецъ твой брань ведетъ за церковь и за спасеніе многихъ. А что онъ ненавидитъ насъ, духовныхъ, т. е. освященныхъ божественною благодатію свыше,—насъ, преемниковъ апостольскихъ,—то потому, что онъ явный врагъ всего духовнаго, божьяго, слушалъ лжеапостоловъ, слугъ демонскихъ, невѣрныхъ, потому, что онъ истый масонъ». Спрашивая затѣмъ Державину, знаетъ-ли она, кто былъ Фенелонъ? Фотій отвѣчаетъ, что Фенелонъ былъ масонъ, какъ видно изъ его сочиненій «мистическихъ и женоподобныхъ». Послѣ того Фотій задается вопросомъ: «гдѣ гордый Лабзинъ, отецъ и іерархъ сектаторамъ? Яко грова, яко прахъ погибе»,—говоритъ Фотій, добавляя, что тоже будетъ и дѣтвямъ его нечестивымъ и буйнымъ. Далѣе Фотій сравниваетъ Тургенева съ комаромъ, «котораго можетъ убить песь трясеніемъ ушей, а человѣкъ—изловивъ. Много мнѣ—заключаетъ Фотій—надменный комаръ, Бога ради, пакости надѣлалъ». По всей вѣроятности, здѣсь подразумѣвается удаленіе Фотія изъ Петербурга въ Деревяницкій монастырь при содѣйствіи Тургенева.

Что касается отношеній Фотія къ главному и самому сильному представителю тѣхъ, противъ которыхъ онъ велъ брань, то мы уже видѣли, что князь Голицынъ съ своей стороны заискивалъ расположенія Фотія при посредствѣ Орловой и, вѣроятно,

дѣлалъ это въ силу тѣхъ соображеній, о которыхъ мы упоминали выше. Между тѣмъ въ качествѣ министра духовныхъ дѣлъ Голицынаъ вооружалъ противъ себя православное духовенство. Говорили, что онъ унижалъ митрополита Михаила своими съ нимъ столкновеніями въ синодѣ. Съ своей стороны, Михаилъ доносилъ государю, бывшему на конгрессѣ въ Лайбахѣ, объ опасностяхъ, которымъ подвергается православная церковь отъ «слѣпотствующаго министра».

По смерти Михаила на с.-петербургскую митрополію назначенъ былъ Серафимъ, и онъ-то собственно повелъ рѣшительную борьбу съ княземъ Голицынымъ, получая совѣты, поддержанія и одобренія отъ Аракчеева, Орловой и Фотія.

Въ «Запискахъ Фотія», писанныхъ подъ диктовку его отъ третьяго лица священникомъ Василиемъ Орнатскимъ, такъ описывается личность Голицына и образъ его дѣйствій: «овца онъ непотребная, или, лучше сказать, возлище. Хотѣлъ князь въ мірскихъ своихъ рубищахъ, не имѣя сана свыше и дара божественной благодати, дѣлать дѣла, принадлежащія единому архіерею великому, образъ Христа носящаго». Фотій не думалъ, однако, наступать рѣшительно на Голицына и, по собственнымъ словамъ его, «хотѣлъ воздвигнуть миръ между іерархомъ и министромъ, опасаясь, чтобы, злѣйшій звѣрь,—кто не возсталъ на мѣсто стараго, а ждалъ, не будетъ ли хоть какого нибудь плода отъ бесплодныхъ смоковницы».

Главнымъ поводомъ къ столкновенію между юрьевскимъ архимандритомъ и министромъ народнаго просвѣщенія были тѣ книги, о которыхъ упоминалось выше. Фотій приписывалъ имъ религиозное шатаніе въ тогдашней православной паствѣ, и указывая на ихъ появленія, онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ (отъ 22-го сентября 1822 г.) замѣчалъ: «хотятъ, чтобы вода въ котлахъ не кипѣла, но котлы на огнѣ держать и болѣе и болѣе дровъ кладутъ подъ оныя и разжигаютъ огонь». Позднѣе, въ укорительномъ письмѣ своемъ къ князю Голицыну (отъ 22-го апрѣля 1824 г.) Фотій писалъ: „тъма злодѣйскихъ книгъ можетъ-ли и святую душу не смущать“. Если появлявшіяся въ то время религиозно-мистическія книги, дѣйствительно представлявшія множество бредней, были пагубны, то все же ни Фотію, ни его единомышленникамъ не приходило на умъ отразить вредное вліяніе

такихъ книгъ тѣмъ же оружіемъ, т. е. составленіемъ и изданіемъ опроверженій противъ ихъ. Партія, на сторонѣ которой былъ Фотій, думала подавить религиозное броженіе умовъ цензурными строгостями, но забывала, что книги въ родѣ книгъ, изданныхъ Станевичемъ, Ястребцовымъ и Госнеромъ, являлись и распродались быстро потому именно, что въ нихъ была потребность и что секты и религиозныя общества, уклонявшіяся отъ православнаго ученія, предшествовали изданію этихъ «зловредныхъ» книгъ, возникая и развиваясь помимо ихъ вліянія. Иноземно-религиозныя пропаганды шли весьма успѣшно и безъ книгъ. Въ ту пору два католическихъ священника изъ южной Германіи, Госнеръ и Линдль, не отрекшись отъ католичества, проповѣдывали въ Петербургѣ что-то въ родѣ мистическаго протестантизма. Изъ нихъ Линдль ораторствовалъ въ мальтійской церкви (въ Пажескомъ корпусѣ), а Госнеръ въ екатерининской (на Невскомъ проспектѣ). Православные толпою ходили ихъ слушать, въ особенности изъ служащихъ, дѣлая это, какъ рассказываетъ въ своихъ „Запискахъ“ покойный Гречъ—въ угоду князю Голицыну. Понятно поэтому, что князь Голицынъ долженъ былъ сдѣлаться главною цѣлью для нападенія со стороны партіи, желавшей, отчасти по внутреннему убѣжденію, а отчасти изъ-за личныхъ видовъ и расчетовъ, отстаивать неприкосновенность ученія православной церкви. „Не одни Фотіи—какъ справедливо замѣтилъ издатель записокъ этого монаха („Рус. Ар.“ 1868 г., стр. 1403),—но и вообще люди трезваго благочестія имѣли право относиться съ улыбкою недоувѣрія, а иногда и съ чувствомъ негодованія къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ такъ называемыхъ библистовъ, на примѣръ, къ рѣчамъ князя Голицына. Съ своей стороны, Фотій (Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія за 1868 г.) такими словами описываетъ эту пору: «противъ православія явно была брань словомъ, дѣломъ, писаніемъ и всякими образами и готовили враги новую, какую-то библейскую религію ввести, смѣсь вѣры сдѣлать, а православную вѣру Христову искоренить».

VIII.

По смерти с.-петербургскаго митрополита Михаила, мѣсто его занялъ Серафимъ, который вмѣстѣ съ митрополіей преемствовавъ и вражду своего предшественника къ князю Голицыну. Новый митрополитъ повелъ рѣшительную борьбу съ министромъ и къ участию въ ней былъ призванъ Фотій.

«Въ теченіе великаго поста (1822 года) — пишетъ Фотій — слышно было, что Господь явно началъ сокрушать чрезъ своихъ вѣрныхъ силы сильныхъ ересеначальниковъ и ересеначальницъ; столпы вражіи шатаются, суевѣріе трепещеть. Приходитъ св. Пасха и вызывается, сверхъ чаянія, старый ратоборецъ Фотій на подвигъ; присылается ему колесница въ даръ и на день Пасхи присылается крестъ самый драгій на персѣхъ носить; также присылается ему сумма значительная, дабы явился немедленно въ Петербургъ, отъ коего прежде былъ изгнанъ безславно».

Разсказывая о своемъ приглашеніи въ Петербургъ, Фотій придаетъ этому событію чрезвычайную важность. По словамъ его, когда митрополитъ Серафимъ совѣтовался о вызовѣ Фотія въ столицу, викарій митрополита сказалъ, что Фотію можно дать благословеніе на пріѣздъ въ столицу; «но что тогда сбудется сіе: и потрясется весь градъ св. Петра отъ него».

28-го апрѣля 1822 г. пріѣхалъ Фотій въ Петербургъ.

«Ежедневно — разсказываетъ самъ о себѣ составитель «Записокъ» — авва Фотій былъ званъ то къ тѣмъ, то къ другимъ лицамъ на бесѣду о Господѣ, о церквѣ, о вѣрѣ, о спасеніи души. На бесѣду же собирались знатные и ученые бояре и боярыни. Бесѣда же таковая была болѣе всего въ домѣ дѣвицы Анны, дочери аввы Фотія, боярыни Дарьи Державиной, иногда въ Таврическомъ дворцѣ». Ознакомившись съ поучительными писаніями Фотія, легко представить себѣ общій смыслъ и даже форму изложенія его словесныхъ бесѣдъ и трудно предполагать, чтобы онѣ могли подѣйствовать на людей, относящихся здраво къ чужимъ рѣчамъ. Но Фотій ораторствовалъ въ кругу слушателей и слушательницъ, подготовленныхъ уже къ безграничному уваженію богословскихъ и нравственныхъ поученій его или лицемѣрно ему поддакивавшихъ. Преданіе разсказываетъ, что послѣ продолжитель-

ныхъ своихъ бесѣдъ, сопровождавшихся обѣдами, Фотій ложился на диванъ, а присутствовавшія боярыни подходили цѣловать у него руви.

Во время этой поѣздки Фотія въ Петербургъ, онъ хотѣлъ прежде всего воспользоваться знакомствомъ своимъ съ княземъ Голицынымъ для того, чтобъ «водворить миръ между іерархомъ и министромъ». Голицынъ, съ своей стороны, первый пригласилъ къ себѣ Фотія; Фотій посѣтилъ его, послѣ чего они стали часто видѣться у графини Орловой и бесѣды ихъ длились часове до девяти сряду. «Дѣвица и князь—пишетъ Фотій—возгарались любовью къ Фотію. Князь былъ радъ сдѣлать все, что Фотій внушаетъ, а Фотій старался помирить его съ митрополитомъ».

Около этого времени императоръ Александръ Павловичъ возвратился въ Петербургъ изъ своего заграничнаго путешествія. Голицынъ вызвался представить Фотія государю, но Фотій долго отказывался отъ этой чести. Наконецъ, вопросъ этотъ рѣшенъ былъ положительно и 5-го іюля 1822 года было назначено представленіе Фотія императору. «Митрополитъ старался его наставить, какъ и что говорить съ государемъ, тоже дѣлалъ и Голицынъ, но Фотій отказывался отъ ихъ наставленій».

Обстоятельство это показываетъ, что и іерархъ, и министръ, каждый въ свою очередь выбиралъ Фотія орудіемъ своихъ замысловъ и что каждый изъ нихъ рассчитывалъ на то впечатлѣніе, какое должны будутъ произвести на государя, при его религіозно-мистическомъ настроеніи, туманно-смѣлыя рѣчи явившагося передъ нимъ монаха, о которомъ, конечно, была уже пущена предварительная въ пользу его молва. Очень, однако, естественно, что наставленія, дѣлаемыя Фотію съ одной стороны митрополитомъ Серафимомъ, а съ другой Голицынымъ, по своему разногласію, должны были чрезвычайно путать Фотія, почему онъ весьма благо-разумно отказывался слѣдовать и тѣмъ и другимъ.

Фотій поѣхалъ во дворецъ «на коняхъ дѣвицы Анны», и войдя туда, «осѣнялъ крестнымъ знаменіемъ себя и во всѣ стороны и проходы, помышляя, что толпы здѣсь живутъ и дѣйствуютъ силъ вражнихъ, но что онѣ сейчасъ избѣгнутъ, видя крестное знаменіе».

Подробности свиданія Фотія съ императоромъ Александромъ описаны и напечатаны въ извлеченіи изъ его «Записокъ» («Р. А.»).

Во время этого свиданія Фотій «видѣлъ, что царь весь прилѣпился въ услышанію слова изъ устъ его». Сперва началась рѣчь о Серафимѣ и Фотій внушалъ, что «пастырь сей есть единственный по своей любви въ святой церкви, царству и ко благу». Когда же, въ концѣ бесѣды, государь спросилъ Фотія, не имѣетьли онъ что особеннаго сказать, намекая на нужды монастыря, то Фотій отвѣчалъ отрицательно и началъ «о паче нужномъ самому царю». «Враги церкви святой и царства весьма усиливаются — говорилъ Фотій, — зловѣріе, соблазны явно и съ дерзостію себя отерываютъ, хотятъ сотворить тайныя злыя общества; вредъ великъ святой церкви Христовой и царству всему, но они не успѣютъ, бояться ихъ нечего, надобно дерзость враговъ тайныхъ и явныхъ внутри самой столицы въ успѣхахъ немедленно остановить». Бесѣда, какъ передаетъ Фотій, длилась около полутора часа, при чемъ Фотій внушалъ государю, что, «противу тайныхъ враговъ дѣйствуя, вдругъ надобно запретить и поступать».

Императоръ «многократно цѣловалъ благословляющую его руку», и когда Фотій уходилъ, «царь палъ на колѣни передъ Богомъ и, обратясь лицомъ въ Фотію, сказалъ:

— «Возложи руки твои, отче, на главу мою и сотвори молитву Господню о мнѣ, и прости и разрѣши меня.»

Царь поклонился ему въ ноги и, стоя на колѣняхъ, цѣловалъ десницу его¹⁾. Обо всемъ своемъ разговорѣ съ государемъ Фотій сообщилъ графинѣ Орловой и Серафиму, но скрылъ многое отъ Голицына, такъ какъ, конечно, если не прямо, то намеками Фотій взводилъ на него обвиненія передъ государемъ.

«Устроивъ ходъ дѣлъ нѣвѣрныхъ и расположивъ въ себѣ сердце князя, какъ важную особу по всѣмъ дѣламъ», Фотій собирался отбѣхать въ Новгородъ, какъ вдругъ пожелала его видѣть императрица Марія Ѳеодоровна. Для представленія ей онъ поѣхалъ въ Царское Село и остановился у боярыни Портеръ (рожденная княжна Щербатова). Онъ видѣлся также и съ графинею Ливень,

¹⁾ Этому разказу легко повѣрить, если сличить съ нимъ подобный разказъ англійскаго квакера Греллз-де-Мобилъе («Рус. Стар.» изд. 1874 г., т. IX, стр. 14 и 20). Нельзя не принять въ соображеніе, что два эти лица писали свои Записки безъ всякаго между собою соглашенія, но приводимые ими факты до того сходны, что разказъ квакера и разказъ Фотія взаимно подтверждаютъ справедливость одинъ другаго.

и говорилъ съ государынею о Поповѣ, Тургеневѣ, Руничѣ, Коселевѣ. «Царица—по словамъ Фотія—имѣла въ сіе время великую ненависть къ врагамъ за ихъ противозаконныя дѣйствія по всѣмъ частямъ учебныхъ заведеній, но Фотій, какъ бы поручась за князя, со всею силою и любовью стоялъ, говорилъ смѣло, что онъ будетъ полезенъ, что онъ не совсѣмъ виноватъ, а его окружающіе всѣ пакости дѣлаютъ. Сіе представленіе—заключаетъ Фотій—много дѣйствовало въ пользу митрополита и во вредъ противныхъ партій».

Несмотря на вражду Голицына съ митрополитомъ Серафимомъ, Фотій сохранялъ по наружности пріязненныя отношенія къ князю и хотѣлъ воспользоваться ими сперва для примиренія іерарха и министра, а потомъ для подчиненія этого послѣдняго своему вліянію.

До какой степени Фотій считалъ себя вправѣ подчинить себѣ Голицына, это видно изъ письма его въ князю («Р. А.» 1870 г., стлб. 1159), въ которомъ онъ писалъ: «Знай, что я, по власти, мнѣ данной, твой наставникъ и отецъ, а ты мнѣ сынъ; я—Божій слуга, подыми же ты руки на меня и узришь, что или земля пожретъ васъ вскорѣ, или гнѣвъ Божій вѣчно постигнетъ васъ!...»

Въ теченіе двухъ лѣтъ Фотій увѣщевалъ по своему Голицына отстать отъ его заблужденій. 23-го апрѣля 1824 года, на другой день послѣ полученія княземъ Голицынымъ письма, изъ котораго мы привели теперь выписку, онъ посѣтилъ Фотія, который началъ говорить ему: «умоляю тебя, Господа ради, останови ты книги, вси въ теченіе твоего министерства изданы противъ церкви, власти царской и всякой святыни, въ коихъ ясно возвѣщается революція, или доложи ты помазаннику Божію!»

Голицынъ отвѣчалъ: «что мнѣ теперь дѣлать, всѣ университеты и учебныя заведенія сформированы уже для революціи».

Фотій замѣтилъ, что Голицынъ можетъ поправить это, какъ оберъ-прокуроръ и министръ народнаго просвѣщенія.

Голицынъ отвѣчалъ: «не я, а государь виноватъ; онъ, будучи такого же духа, желалъ сего».

Послѣ этого Фотій рѣшился не видѣться съ княземъ Голицынымъ, который, однако, самъ напросился на свиданіе съ нимъ.

Свиданіе это произошло 25-го апрѣля 1824 г. Голицынъ попросилъ благословенія у Фотія, а Фотій, прежде чѣмъ благосло-

вить его, сказалъ князю: «въ книгѣ «Тайнство Креста», подъ надзоромъ твоимъ, напечатано: духовенство есть звѣрь, т. е. антихристовъ помощникъ, а я, Фотій, изъ числа духовенства, іерей Божій, то благословить тебя не хочу, да и тебѣ не нужно то».

— Неужели же за сіе одно? спросилъ Голицынъ.

— «И за покровительство сектъ, жепрорововъ, и за участіе въ возмущеніи противъ церкви съ Госнеромъ, и вотъ на нихъ съ тобою сбудутся слова Іереміи, сказалъ Фотій, указывая на 23-ю главу его пророчествъ. Прочти и покайся», добавилъ Фотій.

— «Не хочу читать, не хочу слышать твоей правды!» закричалъ Голицынъ, и съ этими словами побѣжалъ отъ Фотія, который вслѣдъ пугнулъ его адскими мувами.

Насколько достовѣренъ весь этотъ разсказъ, передаваемый самимъ Фотіемъ, рѣшить трудно, но существенная его часть, т. е. убѣжденія Фотія и отказъ Голицына — сдѣлать государю докладъ въ смыслѣ, предлагавшемся Фотіемъ, едва-ли подлежить сомнѣнію. Нельзя не принять въ соображеніе, что Голицынъ, какъ ловкій царедворецъ, близкій къ императору во дни его молодости, поддерживалъ настроеніе государя, скорбѣвшаго въ европейскихъ салонахъ о невозможности ввести въ Россіи конституціонныя учрежденія и дававшаго полную волю самовластію Аракчеева, а также заботившагося о томъ, чтобъ подавлять въ Европѣ всѣ признаки либеральнаго движенія, смотря съ участіемъ на мистически-религіозное движеніе въ своемъ собственномъ государствѣ. Голицыну, близкому къ государю во дни ихъ общей юности, теперь было уже поздно начать вторить Фотію, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ, кн. Голицынъ, впадалъ бы въ рѣзкое противорѣчіе со всѣмъ, что высказывалось государю прежде...

Послѣднее, описанное здѣсь свиданіе Фотія съ Голицынымъ происходило 25-го апрѣля 1824 года, а между тѣмъ еще ранѣе, 12-го апрѣля того же года, Фотій вручилъ государю записку, въ которой писалъ: «въ наше время во многихъ книгахъ сказуются и многими обществами и частными людьми возвѣщается о какой-то новой религіи, аки бы предоставляемой для послѣднихъ временъ. Сія религія проповѣдуется въ разныхъ видахъ, то подъ видомъ Новаго Сіона, то новаго ученія, то пришествія Христова въ духѣ какого-то обновленія, и аки бы тысячелѣтняго Христова царство-

ванія и новой истины. Все это, только въ разныхъ видахъ, отступление отъ вѣры Божіей, Христовой и апостольской».

Другая записка, поданная Фотіемъ государю 29-го апрѣля того же года, слѣдовательно, послѣ окончателнаго его разрыва съ Голицынымъ, прямо уже направлена противъ непокорствовавшего передъ Фотіемъ министра. Записка эта служить какъ бы дополненіемъ предшествовавшей ей бесѣды Фотія съ министромъ. «На вопросъ твой, какъ бы остановить революцію—писалъ Фотій—молимся Господу Богу и вотъ что открыто, только дѣлать немедленно. Способъ весь планъ уничтожить тихо и счастливо есть таковъ: 1) министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два отнять у извѣстной особы; 2) библейское общество уничтожить подъ тѣмъ предлогомъ, что уже много напечатано библій и онѣ теперь не нужны; 3) синоду быть по прежнему и надзирать при случаяхъ за просвѣщеніемъ, не бываетъ-ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ; 4) Кошелева отдалить, Госнера выгнать, Феслера выгнать и методистовъ выгнать, хотя главныхъ. Провидѣніе Божіе теперь ничего дѣлать болѣе не открыло»,—добавлялъ Фотій,—но за то исполненіемъ приведенныхъ выше 4 пунктовъ Фотій общалъ «побѣду надъ Наполеономъ духовнымъ въ три минуты, одною чертою пера».

Еще болѣе характеромъ ожесточеннаго доноса отличается дальнѣйшая часть той же самой записки Фотія. Здѣсь онъ, между прочимъ, пишетъ: «общество иллюминатовъ всячески старается въ 1836 году сдѣлать приготовленіе, аки бы къ учрежденію единаго царства Христова, ибо въ 1836 году, по ихъ замыслу, всѣ царства, религіи, гражданскіе законы и всякое устройство должны быть уничтожены и должна начаться новая религія, новое одно царство, столица котораго Іерусалимъ. Общество преобразователей, именующее себя церковью филадельфійскою, т. е. братолюбивою, имѣетъ своимъ агентомъ въ Россіи Кошелева; онъ глава всѣхъ злыхъ направленій въ церкви и государствѣ. Онъ увлекъ Голицына, прельстилъ его подъ видомъ набожности все дѣлать къ испроверженію самодержавія и вѣры, и чтобъ духовенство не мѣшало введенію министерства духовныхъ дѣлъ. Все противное церкви вводилось и духовенство не смѣло ничего связать. Для смѣшенія всѣхъ религій, министру подчинены всѣ религіи, даже жидовская и магометанская. Чтобъ смѣшать религіи съ ложнымъ

просвѣщеніемъ и просвѣщеніе съ ложною религіею и чрезъ то исказить и религію и просвѣщеніе, и чего нельзя достигнуть чрезъ религію, того достигнуть чрезъ просвѣщеніе—министерство духовныхъ дѣлъ соединяется съ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ одномъ лицѣ. Издаются книги, провиеннутыя духомъ методистовъ. Голицынъ, какъ министръ духовныхъ дѣлъ, разсылаетъ ихъ во всѣмъ важнымъ духовнымъ лицамъ и во всѣ духовныя учебныя заведенія, а какъ министръ народнаго просвѣщенія, къ попечителямъ и во всѣ свѣтскія учебныя заведенія. А дабы почтовое управленіе не выдало какой-либо тайны сношеній или не воспрепятствовало бы распространенію книгъ, тотъ же министръ беретъ на себя и управленіе почтовою частью. Попечителями назначены единомышленники: Руничъ, Оболенскій, Карнѣевъ (въ Харьковѣ)». Далѣе, какъ на сообщниковъ князя Голицына, Фотій указываетъ на Тургенева, Попова и Фока, и относитъ къ злоумышленнымъ дѣйствіямъ князя: вызовъ Феслера, покровительство Лабзину, Татариновой, Криденеръ, Линдлю и Петерсону, упоминая, что какой-то попъ-еретикъ живетъ у Л. Т. I. и составляетъ ложное пророчество, которое поправляетъ Кошелевъ. Въ заключеніе, Фотій обращаетъ вниманіе государя на то, что «дѣйствія зла посѣваются на Дону, въ Сарептѣ, Саратовѣ, Воронежѣ, Тамбовѣ, Астрахани и другихъ мѣстахъ, что этому способствуютъ типографія и ценсура, въ чемъ лично виновными оказываются Гречъ (типографщикъ) и Тимковскій (цензоръ) и что «Слово Божіе продается въ аптекахъ».

Подвопы Фотія подъ Голицына, впрочемъ не единоличныя, но въ союзѣ съ митрополитомъ Серафимомъ, не остались безъ послѣдствій, такъ какъ 15-го мая 1824 года министерство духовныхъ дѣлъ было упразднено.

Съ этимъ вождельннымъ событіемъ Фотій еще 13-го мая 1824 г. поздравилъ преемника кн. Голицына — адмирала Шишкова: «Радуйся, братъ возлюбленный во Христѣ, новый російскій Лактанцій!»

«Я-же радуюся, и спасенія и утѣшеній отъ св. Духа тебѣ прошу, и цѣлую тебя за премудрую, острую, и священную апологію противу врага церкви, отечества, и хитраго звѣря рыси.

«Радуйся! Господь съ тобою. Твой о Господѣ рабъ убогій Фотій»¹⁾.

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1870 г., томъ I, изд. третье. Это самое письмо Фотія дѣлкомъ воспроизведено въ «Сборникѣ снимковъ съ автографовъ».

По этому же случаю Фотій, 20-го августа 1824 года, писалъ симоновскому архимандриту Герасиму: «порадуйся, старче преподобный! Нечестіе пресѣлось, армія богохульная діавола паде, ересей и расколовъ языкъ онѣмѣлъ, общества всѣ богопротивныя, яко же адъ, сокрушились; министръ нашъ (намекъ на уничтоженіе министерства духовныхъ дѣлъ) одинъ Господь Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца». Приписва къ этому письму сдѣлана слѣдующая: «молися объ А. А. Аракчеевѣ, онъ явился, рабъ Божій, за св. вѣру и церковь, яко Георгій Побѣдоносецъ. Спаси его Господи!»

Съ уничтоженіемъ министерства духовныхъ дѣлъ, казавшагося главнымъ горниломъ зловредныхъ религіозныхъ и политическихъ идей, противникамъ Голицына оставалось еще справиться съ обществами, устроенными на религіозныхъ основаніяхъ; съ этою цѣлью митрополитъ Серафимъ, 28-го декабря 1824 года, писалъ императору Александру: «воспрети указомъ собираться такъ называемымъ духовнымъ обществамъ по домамъ, дабы священныя обряды богослуженія не совершались святотатственно мірянами внѣ церкви». Просьба митрополита и личныя его представленія государю—при чемъ Фотій оказывалъ митрополиту нравственную поддержку своими совѣтами и внушеніями — подѣйствовали на императора Александра Павловича и противъ религіозныхъ обществъ стали принимать репрессивныя мѣры.

Митрополитъ Серафимъ признавалъ заслуги Фотія передъ православною церковью въ дѣлѣ низложенія ереси князя Голицына, а также въ дѣлѣ закрытія духовныхъ обществъ. 17-го января 1825 года онъ просилъ Аракчеева ходатайствовать передъ государемъ о награжденіи Фотія панагією и ходатайство это было удовлетворено. Поводомъ къ такой наградѣ выставлялось то, что Фотій въ краткое время настоятельства своего привелъ монастырь въ отличное по всѣмъ отношеніямъ состояніе. «Но что сказать — писалъ Серафимъ къ Аракчееву — о пламенномъ усердіи къ соблюденію вѣры отцовъ нашихъ неприкосновенною?» Далѣе митрополитъ упоминалъ «объ обстоятельствахъ достославнаго въ лѣтописяхъ нашей церкви 1824 года».

Обращаясь къ участию Фотія въ дѣйствіяхъ той партіи, на сторонѣ которой онъ стоялъ, нельзя не отдать справедливость его энергіи, переходившей въ дерзкое вмѣшательство въ дѣла,

для него, какъ монаха, совершенно чуждыя. Впрочемъ, и хорошую поддержку находилъ для себя Фотій, такъ какъ, кромѣ безграничнаго за него поборничества со стороны графини Орловой и многихъ другихъ боярынъ, Фотій былъ поддѣржваемъ митрополитомъ Серафимомъ и всесильнымъ въ ту пору Аракчеевымъ; императрица Марія Ѳеодоровна и, наконецъ, самъ государь оказывали ему особенное вниманіе. При такой благопріятной обстановкѣ, князь Голицынъ, льстившій нѣкогда Фотію до самоуниженія, долженъ быть казаться ему такою личностію, борьба съ которой становилась дѣломъ, не слишкомъ труднымъ и опаснымъ. Если въ Фотіи при этой борьбѣ и нельзя отрицать мужества, то нельзя также не сказать, что оно опиралось на слишкомъ надежныя силы, почему и ошибочно было бы выставлять Фотія такимъ безстрашнымъ борцомъ, каковымъ желали его представить ревностные его сторонники.

Благодаря покровительству Аракчеева, который, какъ гласила молва,—желалъ отдалить Голицына отъ государя, видя въ немъ вреднаго для себя соперника, устраивались свиданія архимандрита съ императоромъ. Фотій, какъ шепеть онъ самъ, бесѣдовалъ съ императоромъ въ Зимнемъ дворцѣ пять разъ «о дѣлахъ вѣры и отечества». Бесѣды эти происходили: 5-го іюля 1822 года, 20-го апрѣля, 14-го іюля и 6-го августа 1824 года, 12-го февраля 1825 года и въ томъ же году 5-го іюля онъ видѣлся съ Александромъ Павловичемъ въ Юрьевомъ монастырѣ.

Аракчеевъ устраивалъ свиданія Фотія съ государемъ въ Петербургѣ. Такъ надобно заключать изъ письма его отъ 9-го августа 1824 года, въ которомъ онъ писалъ Фотію, что, по пріѣздѣ въ Царское Село, онъ, Аракчеевъ, докладывалъ государю о своихъ свиданіяхъ съ Фотіемъ, и что государю весьма пріятно было слышать его усердіе къ церкви Божіей и отечеству. «Его величество—продолжаетъ Аракчеевъ—единожды навсегда позволяетъ вамъ, отецъ архимандритъ, пріѣзжать въ Петербургъ, когда вамъ нужно будетъ, а въ доказательство благоволенія его величества къ вамъ, государю угодно видѣть васъ лично у себя въ Петербургѣ прежде его отъѣзда въ вояжъ, а потому и изволилъ назначить вамъ пріѣздъ въ Петербургъ, расположивъ такъ, чтобы вы могли быть между 3 и 10 чиселъ сего мѣсяца». Затѣмъ, 5-го августа Арак-

чеевъ писалъ въ Фотію, что государь приметъ его послѣ обѣда, въ началѣ 8-го часа, въ Зимнемъ дворцѣ.

Изъ всего этого видно, что участіе Аравчеева въ низверженіи князя Голицына не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но степень этого участія и починъ его не разъяснены еще окончательно.

Въ одной изъ замѣтокъ, касающихся Фотія («Рус. Арх.» 1870 г., стр. 893) высказывается, что скорѣе Аравчеевъ и Шишковъ были увлечены Фотіемъ, и что послѣдній началъ свою борьбу съ Голицынымъ, прежде чѣмъ познакомился съ Аравчеевымъ. Въ подтвержденіе всего этого не приводится, однако, никакихъ положительныхъ фактовъ и самое сближеніе Аравчеева съ Фотіемъ объясняется тѣмъ, что ихъ взаимно соединяли другъ съ другомъ привязанность къ консервативнымъ началамъ и къ православію церковному.

Легко можетъ статься, что еще въ бытность свою въ Петербургѣ, т. е., въ ту пору, когда нѣтъ никакого основанія предполагать о завязавшемся знакомствѣ Фотія съ Аравчеевымъ, Фотій въ своихъ проповѣдяхъ и въ бесѣдахъ съ окружавшими его лицами, прямо или намеками, нападалъ на Голицына, но такія нападки были еще слишкомъ далеки отъ той съ нимъ борьбы, которая доставила извѣстность и торжество Фотію. Началомъ же рѣшительной борьбы должно считать первое свиданіе Фотія съ государемъ, а свиданіе это подготовилъ Аравчеевъ, черезъ котораго, какъ рассказываетъ Елагинъ, государь узналъ о Фотіи.

Государь считалъ Фотія лицомъ, имѣвшимъ сильное вліяніе на Аравчеева, и этого было достаточно, чтобы и самъ Фотій представлялся императору Александру Павловичу человѣкомъ, вышедшимъ изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ. Такъ надобно заключить изъ собственноручнаго письма императора Александра Павловича къ Фотію отъ 30-го октября 1825 года, написаннаго по поводу убійства въ Грузинѣ любовницы Аравчеева. «По всѣмъ извѣстіямъ, до меня доходящимъ—писалъ въ этомъ письмѣ императоръ—графъ Алексѣй Андреевичъ послѣ несчастія, его поразившаго, находится въ крайнемъ упадкѣ духа, близкомъ даже отчаянію. Зная искреннее уваженіе его къ духовнымъ вашимъ добродѣтелямъ, я увѣренъ, что вы съ помощью Всевышняго много можете подѣйствовать на его душевныя силы; поддерѣпляя ихъ,

вы окажете важную услугу государству и мнѣ: ибо служеніе графа Аракчеева драгоцѣнно для отечества»¹⁾).

Аракчеевъ, этотъ — по выраженію Фотія — «мужъ презыщ-нѣйшій», — какъ видно изъ одной имѣющейся у насъ рукописи Фотія — совѣтовался съ нимъ объ уничтоженіи раскола. По этому поводу Фотій «секретно» писалъ ему слѣдующее:

«Не удивляйся, великодушный мужъ и вѣрный слуга царевъ, что я твоему благочестію на слова о раскольникахъ не далъ тебѣ слова удовлетворительнаго сразу. Во всякомъ благомъ дѣлѣ прежде подобаетъ прибѣгать съ молитвою къ Богу, прося отъ него помощи, съ разумомъ начать и добрыми дѣлами кончить начатое дѣло. Не все, даже и возможное, я твоему благоразумію изрекъ при нѣсколькихъ лицахъ въ мирной вѣли моей: сему я научился отъ воиновъ навыку, когда воевода какой хочетъ плѣнить непріятеля, даетъ пароль своимъ при однихъ своихъ и то не всѣхъ, дабы непріятель не увидалъ сего, яко единственнаго ключа къ уразумѣнію предпріятія. Подобно сему и въ дѣлахъ Божіихъ, въ дѣлахъ вѣры и благочестія, бываетъ и быть должно благо слово и дѣло елико возможно неявно прежде исполненія».

Продолжая уподоблять веденіе дѣлъ религіозныхъ веденію военныхъ дѣйствій, Фотій пишетъ, что «враждебное внутри своего отечества полчище раскольническое, составившееся изъ самыхъ грубыхъ невѣждъ, выдающихъ и славящихъ себя за осіянныхъ свѣтомъ древнія вѣры святыхъ и благодати и истины Іисусъ Христовы и церкви православныя, вовсе же отступившихся отъ той истинныя православныя вѣры, неравносильно и неравномѣрственно есть въ нѣдрахъ отечества сонму православія, но и немалочисленно».

Въ виду этого Фотій дѣлаетъ Аракчееву такое внушеніе:

«Неблагоразумное дѣло было бы на сихъ простецовъ, но враждебныхъ духу церкви и противящихся волѣ помазанника Божія, явно наводитъ угнетеніе или же явно плѣнять ихъ со враждою. Противоборцы, простецы, раскольники также виновны въ толкѣ

¹⁾ Фотій исполнилъ высочайшее повелѣніе: въ теченіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ Аракчеевымъ въ Юрьевскомъ монастырѣ вскорѣ послѣ убійства Настасыи — настоятель этой общины усердно его утѣшалъ; объ этомъ свидѣлствуетъ надпись, вырѣзанная на перилахъ передъ алтаремъ одной изъ церквей Юрьевского монастыря.

своемъ враждебномъ, какъ и войны въ отечественной своей войнѣ за вѣру и царя, коихъ послѣ брани, когда и бывають побѣждены, свободно и мирно селятъ, или въ свои дома отпускають, ибо всякъ изъ нихъ за свое мнимо-старое и благое враждебень былъ. А потому, плѣнивъ ихъ, дай имъ якое старое ихъ, единое и тоже служеніе, въ точности церковное пѣніе и чтеніе и ученіе святое, православное, отеческое и нынѣ въ церкви святой нашей сущее возстанови, или, отогнавъ мракъ съ очей ихъ, введи въ святую обитель, въ благоустроенный монастырь по уставу церковному, введи ихъ въ сіе святилище небесное на землѣ, пусть услышать земныхъ во плоти ангеловъ и духомъ, и сердцемъ, и устами въ предстояніи служащихъ, и поющихъ; и чтущихъ, и проповѣдующихъ путь истинный, вѣру правую, любовь истинную и житіе святое, и они, ревнители древней вѣры, возпоютъ: это все наше старое, впрочемъ чего они не вѣдятъ сами и не творять никогда; въ таковой обители нужно имѣть и духовныхъ воиновъ—воевать противъ нихъ. Раскольники все творять въ чаяніи томъ, что-де утомимъ мы утомленіемъ нашимъ окружающихъ насъ, они говорятъ въ себѣ, да успѣемъ. Сія мѣра имъ удавалась».

Затѣмъ Фотій, основываясь на словахъ писанія, въ коихъ сказано: «поражу пастыря и разсѣются овцы стада»—совѣтуетъ «налегать на вождей смѣшенія и толки». Въ обращеніи раскольниковъ, по наставленію Фотія, кромѣ архіереевъ, должны участвовать и «прочіе царскіе люди», а священники должны выступать противъ раскола съ поученіями. Въ заключеніе Фотій замѣчаетъ, что «единожды начавъ дѣло обращенія касательно держащихся нѣкоего согласія раскольническаго, продолжать дѣлать и все что нужно творить».

Во всемъ этомъ наставленіи Фотія нѣтъ ничего такого, чтобы обнаруживало въ юрьевскомъ архимандритѣ духъ прозорливости, да и все оно заключается только въ предложеніи такихъ мѣръ, при которыхъ вопросъ о способѣ ихъ практическаго осуществленія остается на первомъ планѣ. Одно только можно сказать въ похвалу Фотія по поводу этого наставленія, что здѣсь не слышится заносчивый фанатизмъ, а скорѣе проглядываетъ вѣротерпимость.

Самому Фотию не удавалось, однако, обращеніе изъ раскола на путь истинный. Такъ, однажды Аракчеевъ прислалъ къ нему

въ Юрьевъ монастырь для духовной выправки впавшаго въ ересь и совращавшаго въ нее другихъ донскаго есаула Котельникова. Но еретикъ-есаулъ былъ себѣ на умѣ: онъ началъ, повидимому, поддаваться увѣщаніямъ Фотія и смиренно попросилъ у него 5,000 рублей. Фотію сумма эта показалась слишкомъ велика, а раскаявшійся въ своихъ заблужденіяхъ Котельниковъ удовольствовался 1,000 рублями. Получивъ эти деньги, онъ немедленно уѣхалъ къ себѣ на родину и, позабывъ тамъ увѣщанія Фотія, началъ снова проповѣдывать ересь. Привезли есаула опять въ Юрьевъ монастырь и снова хотѣли поручить исправленіе его Фотію, но Фотій, понявъ въ чемъ дѣло, отказался отъ этого предложенія. Тогда за обращеніе есаула взялся одинъ монахъ, но дѣло кончилось тѣмъ, что его самага Котельникова обратилъ въ свою ересь¹⁾.

IX.

Наступило царствованіе императора Николая Павловича, предвѣщавшее порядки отличные отъ тѣхъ, которые были при его предшественникѣ. Аракчеевъ потерялъ всю свою силу, а въ лицѣ его Фотій лишился главнаго своего покровителя. Тѣмъ не менѣе, однако, на первыхъ порахъ и новый государь оказалъ Фотію свое расположеніе, чѣмъ, конечно, Фотій былъ болѣе всего, а быть можетъ даже и исключительно, обязанъ графу Алексію Федоровичу Орлову, пользовавшемуся особенною милостію государя. Черезъ него императоръ Николай Павловичъ объявилъ, 6-го февраля 1826 года, благодарность Фотію за поданныя имъ бумаги и разрѣшилъ ему писать прямо въ собственныя руки государя о всемъ, что нужно и угодно. Затѣмъ, 18-го мая того же года, опять чрезъ графа Орлова, императоръ подтвердилъ данное Фотію разрѣшеніе пріѣзжать въ Петербургъ во всякое время. Можно было, однако, предвидѣть, что прежнее значеніе, пріобрѣтенное Фотіемъ у императора Александра Павловича, не возстановится. Воцарившійся теперь государь не былъ податливъ на увѣщанія какихъ бы то ни было проповѣдниковъ и былъ совершенно чуждъ того религіознаго мистицизма, которому такъ сочувствовалъ императоръ Александръ Павловичъ, не мало со-

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1871 г. томъ IV, изд. первое, стр. 95—96: «Есаулъ Евлампій Котельниковъ».

дѣйствовавшій своимъ примѣромъ тому настроенію, въ какомъ находилось при немъ и высшее и среднее русское общество. Императоръ Николай Павловичъ пошелъ прямо своимъ собственнымъ путемъ и, не стѣсненный никакими отношеніями ни къ католическимъ, ни къ протестантскимъ обществамъ, могъ совершенно свободно наложить на нихъ свою руку, безъ постороннихъ въ этомъ случаѣ побужденій и безъ всякой поддержки со стороны архіереевъ, архимандритовъ и всего освященнаго собора. При извѣстномъ прямодушіи императора Николая Павловича, такіа загадочныя личности, какъ Фотій, не могли уже имѣть никакого вліянія. Дѣйствительно, Фотій былъ скоро забытъ и въ продолженіе первыхъ тринадцати лѣтъ новаго царствованія не былъ удостоенъ со стороны государя никакимъ знакомъ вниманія. Только однажды императоръ Николай Павловичъ, прибывшій неожиданно, 24-го мая 1835 года, въ Юрьевъ монастырь и осмотрѣвъ его, по прибытіи своемъ въ Петербургъ, объявилъ чрезъ митрополита Серафима, что онъ нашелъ въ монастырѣ «отмѣнное устройство и чистоту». Но это было заявленіе такого рода, которое дѣлалось государемъ и относительно всякаго начальника какой-либо команды или учрежденія, о какихъ же либо особыхъ подвижническихъ заслугахъ Фотія не было и помину¹⁾.

Фотій, оставленный, какъ мы сказали, до конца жизни на мѣстѣ архимандрита въ Юрьевскомъ монастырѣ, при щедрыхъ даяніяхъ графини Орловой, продолжалъ устроить и украшать эту обитель, но недуги его развивались все сильнѣе и сильнѣе. Болѣзненный съ молодыхъ лѣтъ, Фотій, въ добавокъ къ этому, сильно изнурилъ себя богоугодными, по его мнѣнію, способами. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Орловой, относящемся къ 1821 году, онъ писалъ: «со дня облеченія моего въ образъ ангельскій, я хитонъ носилъ власяный и удручалъ себя тяжестію, изъ крестовъ многихъ составленною. Сатана позавидовалъ кресту моему, подъ нимъ же я путь мой имѣю, скорбь велию мнѣ сотворилъ. Устроилъ супостатъ ковы мнѣ отъ ношенія на мнѣ всегдашней тяжести, удручающей тѣло мое, изгноилъ плоть мою до костей монахъ на всей груди; на сихъ дняхъ изрѣзана ради изувѣченія

¹⁾ Кажется, къ этому времени относится отсылка Фотія въ синодъ для обученія его, по повелѣнію государя, приличію. См. объ этомъ эпизодѣ выше, въ примѣчаніи «Русской Старины» томъ XIII, стр. 330. Ред.

грудь моя по средѣ и всѣ кости почти на ней обнажены: вся грудь моя на себѣ имѣетъ яко одну рану, внѣ и внутрь вся грудь моя есть едина рана. Правый сосецъ внутрь отъ огня изгнись. Стою еще на ногахъ иногда, но слабъ какъ тѣнь».

Послѣ такой страшной болѣзни, и при томъ нагнанной сатаню, Фотій не могъ уже никогда поправиться и оставался всегда хилъ и слабъ, а продолжительныя молитвенныя бдѣнія и строгій постъ, доходившій до воздержанія отъ всякой пищи въ теченіе цѣлыхъ недѣль, окончательно изнурили его. Онъ до такой степени боялся вліянія вѣшняго воздуха, что даже жаркою лѣтнею порою ходилъ, какъ рассказываетъ Елагинъ, въ пяти теплыхъ одеждахъ. Болѣзненное состояніе Фотія, какъ мы видѣли, было, по отзыву его, причиною его отказа отъ архіерейской кафедры, хотя, впрочемъ, сомнительно, чтобы онъ рѣшился, будучи даже совершенно здоровъ, покинуть добровольно Юрьевъ монастырь, на благоустройство котораго было, по желанію его, затрачено столько капиталовъ.

Такъ описывалъ свою болѣзнь самъ Фотій, но, между тѣмъ, встрѣчается о ней другое противорѣчащее этому извѣстіе. Такъ, г. Ф. Горбуновъ («Рус. Арх.» 1870 г., стр. 901) передаетъ, что вся болѣзнь Фотія состояла только въ нарывѣ на груди, что Фотій не позволилъ доктору Соколовскому разрѣзать этотъ нарывъ, который вскорѣ прорвался самъ собою и что послѣ этого Фотій выздоровѣлъ.

Особенно неблагопріятно подѣйствовало на Фотія сдѣланный на него синоду доносъ о томъ, что онъ будто бы самовольно учредилъ крестный ходъ для перенесенія старыхъ иконъ изъ Юрјева монастыря въ другой, подвѣдомственный его благочинію, Клопскій монастырь. Старыя иконы, по распоряженію Фотія, несли туда торжественно на рукахъ, народъ валилъ толпами на встрѣчу этой процессіи, а по селамъ священники выходили изъ церквей съ хоругвями и крестами, полагая, что идетъ настоящій крестный ходъ. За это Фотію было сдѣлано отъ синода внушеніе и это сильно потрясло его, отвыкшаго отъ всякихъ замѣчаній.

7-го января 1838 года Фотій слегъ въ постель и не вставалъ болѣе, такъ какъ 26-го февраля, во 2-мъ часу утра, онъ умеръ на рукахъ графини Орловой.

Фотій былъ погребенъ съ печальною торжественностію въ

Юрьевомъ монастырѣ, въ пещерѣ или усыпальницѣ, подлѣ самой церкви Похвалы Бегородицы. Здѣсь, у подножія креста, находятся два мраморныхъ гроба съ мраморными запаянными крышами. На одномъ, бѣломъ гробѣ сдѣлана по серебро-званному покрову надпись: «Здѣсь покоится прахъ въ Бозѣ почившаго 1838 года февраля 26-го дня, въ часъ по полуночи и погребеннаго въ девятый день; 6-го марта, настоятеля, благодѣтеля и возобновителя святаго обители сея, преподобнаго отца священноархимандрита Фотія». На другомъ, темноватомъ гробѣ, находящемся подлѣ перваго съ южной стороны, сдѣлана слѣдующая надпись на бронзовой дощечкѣ: «Здѣсь покоится прахъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, камеръ-фрейлины двора ея императорскаго величества и кавалерственной дамы ордена св. Екатерины меньшаго креста. Родилась 2-го мая 1785 года, скончалась 5-го октября 1848 года».

X.

Первый, если только мы не ошибаемся, упомянулъ въ печати о Фотіи покойный А. Н. Муравьевъ въ «Путешествіи ко святымъ мѣстамъ русскимъ». Авторъ этой книги, восхищаясь благолѣпіемъ Юрьева монастыря, вспоминая заслуги Фотія, какъ монаха и какъ настоятеля этой обители, упоминаетъ о томъ, что онъ усовершенствовалъ пѣніе столбовое или знаменное. «Величайшею же изъ заслугъ Фотія—пишетъ Муравьевъ—было возстановленіе древняго чина иноческой жизни въ своей обители и возбужденіе чрезъ то духа молитвы, ибо сердце его стремилось къ пустынному житію скитскихъ отцовъ и, посреди окружавшаго его великолѣпія святины, самъ онъ велъ жизнь затворника, умножая строгость ея по мѣрѣ умноженія дней своихъ».

Елагинъ въ «Описаніи жизни графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской», приводя этотъ отзывъ Муравьева о Фотіи, уснащаетъ его съ своей стороны еще разными похвалами въ честь иноческихъ добродѣтелей Фотія. Оба они—и Муравьевъ, и Елагинъ—не касаются, впрочемъ, тѣхъ обстоятельствъ, бывшихъ внѣ монастырскихъ стѣнъ, которыя доставили Фотію особую извѣстность, и по всей вѣроятности, оба они умалчиваютъ объ этомъ только вслѣдствіе прежнихъ ценсурныхъ условій, такъ какъ ни-

что не мѣшало бы имъ, при неизвѣстности еще въ ту пору матеріаловъ, представляющихъ Фотія въ настоящемъ невыгодномъ свѣтѣ, умиленно воспѣть его религиозно-гражданскіе подвиги въ защиту вѣры и отечества.

Въ 1868 году появилось въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей» извлеченіе изъ «Записокъ Новгородско-Юрьевскаго монастыря архимандрита Фотія». Издатель этихъ «Записокъ» предварилъ, что слѣдуетъ осторожно принимать показанія и отзывы «такого страстнаго человѣка», какъ Фотій, что должно «сличать ихъ съ показаніями и отзывами другихъ, болѣе хладнокровныхъ и безпристрастныхъ современниковъ, тоже не хуже знакомыхъ съ тѣмъ, что рассказываетъ Фотій». Упомянутое извлеченіе, касавшееся съ невыгодной стороны покойнаго митрополита московскаго Филарета, бывшаго нѣкогда, какъ мы видѣли, однимъ изъ покровителей Фотія, вызвало сильный протестъ со стороны покойнаго Н. В. Сушкова. Опровергая справедливость этихъ «Записокъ», Сушковъ называетъ Фотія «въ сущности жалкимъ, страннымъ, смѣшнымъ изувѣромъ и самохваломъ». Одновременно съ этимъ явилось извлеченіе изъ тѣхъ же «Записокъ» въ «Чтеніи общества любителей духовнаго просвѣщенія», безъ всякой, однако, оцѣнки личности самаго Фотія.

Съ тѣхъ поръ стали появляться все чаще и чаще разныя статьи и замѣтки объ юрьевскомъ архимандритѣ. На тѣ и на другія мы дѣлали ссылки въ нашей статьѣ, а теперь позаимствуемъ изъ нихъ только то, что прямо относится къ характеристикѣ Фотія.

Такъ, въ одной изъ упомянутыхъ статей мы читаемъ: «Фотій, какъ при жизни былъ для многихъ камнемъ преткновенія и соблазна, таковымъ остался и по смерти. Одни видятъ въ немъ фанатика, другіе хитраго лицемеря, третьи орудіе Аракчеева». И далѣе: «личныхъ выгодъ онъ не искалъ никакихъ; будучи молодымъ монахомъ, возсталъ противъ приверженцевъ внутренней церкви, когда все сильное въ столицѣ было на сторонѣ ихъ. Онъ выступилъ обличителемъ сектъ, которымъ покровительствовалъ Голицынъ, и боролся до тѣхъ поръ, пока не выслали его изъ Петербурга. Нельзя, однако, не сказать, что Фотій видѣлъ худое и въ добромъ, какъ напримѣръ, въ распространеніи библии, но здѣсь были злоупотребленія». Очевидно, что такой отзывъ сдѣ-

ланъ не въ порицаніе, а въ похвалу Фотію, какъ ревнителю ученія православной церкви.

Въ другой статьѣ высказано было о личности Фотія слѣдующее мнѣніе: «Строгий поборникъ православія и въ то же время распорядитель громаднѣхъ богатствъ графини Орловой, Фотій умѣлъ придать себѣ вѣсь въ высшихъ кружкахъ тогдашняго во многихъ отношеніяхъ распущеннаго общества, имѣлъ доступъ во дворецъ, обличалъ сильныхъ міра сего и вообще нѣсколько поднималъ значеніе русскаго духовенства, до того тогда униженнаго, что издавались даже распоряженія, чтобъ помѣщики подносили священникамъ и причту, приходящимъ со святынею, лишь опредѣленное количество рюмокъ воды».

Еще болѣе похвалы воздается Фотію въ предисловіи къ рукописному «Начертанію его житія», бывшему у покойнаго от. М. Я. Морощина. Здѣсь прямо говорится, что описаніе житія Фотія «сдѣлано съ тою единственною цѣлью, чтобы снять хотя нѣсколько завѣсу съ тайной подвижнической жизни почившаго, явить міру въ наши скудныя вѣрою и благочестіемъ времена ту истину, что не оскуде преподобный, и оправдать человѣка, котораго молва людская огласила и нерѣдко оглашаетъ доселѣ тяжелыми для благоговѣйнаго сердца слухами»¹⁾.

Наконецъ, въ разныхъ статьяхъ встрѣчаются отрывочныя замѣтки о Фотіи, направленные не въ похвалу ему.

Изъ всего, что намъ пришлось прочитать написаннаго или самимъ Фотіемъ или о немъ, можно сдѣлать слѣдующій общій выводъ:

Юрьевскій архимандритъ Фотій, какъ монахъ, по своимъ отношеніямъ къ Орловой и по пользованію ея богатствами, не представляетъ вовсе идеала строгаго отшельника. Его самохвальство и заносчивость вовсе не подходятъ подъ уровень иноческаго смиренія и только продолжительныя молитвы и воздержаніе отъ пищи составляютъ отличительныя черты его монашескихъ добродѣтелей. Какъ настоятель Юрьева монастыря, онъ довелъ его не только до образцоваго порядка, но и до изумительнаго благо-

¹⁾ Нѣкоторые подвижники Новгородскаго Юрьева монастыря передаютъ о Фотіи разныя легенды—плоды досузей фантазіи и, какъ намъ довелось лично слышать, сѣтуютъ, что этотъ «мученикъ» (!) до сихъ поръ не причтенъ къ лику святыхъ.

лѣпія, что, конечно, не трудно было сдѣлать на счетъ громад-ныхъ пожертвованій богачки Орловой. Затѣмъ, Фотій представляетъ довольно замѣтную личность по тому только, что на немъ ярко отражается то религиозное, политическое, нравственное и умственное состояніе русскаго общества, въ какомъ оно находилось въ исходѣ первой четверти текущаго столѣтія. Важенъ тотъ фактъ, что аскетъ-монахъ, человекъ безъ всякаго образованія, безъ такой силы ума, которая могла бы тяготѣть надъ другими, безъ всякаго знанія общественной жизни, получаетъ вліяніе среди мірской знати и даже подаетъ совѣты по важнѣйшимъ дѣламъ государственнымъ. Не доказываетъ ли, однако, это близорукость тогдашняго правительства и отсутствіе твердо усвоенной имъ системы дѣйствій? Дѣйствительно, несмотря на всѣ восхваленія личныхъ добродѣтелей императора Александра Павловича, послѣдніе годы его царствованія представляли сильное разстройство и непоследовательность во всѣхъ правительственныхъ мѣрахъ, такъ какъ на ряду съ чрезвычайною распущенностью, прикрываемою гуманностью и либерализмомъ, принимались иной разъ крутыя мѣры и противъ того, что прежде допускало и даже поощряло само правительство. При такой шаткости государственныхъ порядковъ, при неувѣренности правительства въ самомъ себѣ, при томъ религиозномъ направленіи, въ которомъ и мистицизмъ, и лицемѣрное благочестіе были главною основою, не представляетъ ничего особеннаго вмѣшательство Фотія въ государственныя дѣла подъ предлогомъ огражденія спокойствія въ государствѣ религіею, которой въ свою очередь грозила опасность, со стороны ея явныхъ и тайныхъ враговъ. Безъ всякаго, однако, сомнѣнія, Фотій, какъ простой монахъ, никогда не отважился бы на рѣшительный шагъ передъ государемъ, или же попытка его явиться совѣтникомъ царя была бы безуспѣшна, если бы у него не было въ высшемъ обществѣ сильной поддержки въ лицѣ графини Орловой и такого могущественнаго союзника, какимъ былъ Аракчеевъ. Безъ ихъ содѣйствія и участія, всѣ обличенія Фотія не только оставались бы гласомъ вопіющаго въ пустынь, но и не доходили бы даже по своему назначенію. Но вся обстановка Фотія сложилась такъ, что онъ и свои собственные взгляды и замыслы выдвинувшей его партіи могъ высказать тому, кто «одною чертою пера въ

три минуты» могъ уничтожить все то, на что указывали ему, какъ на зло, гибельное для государства и церкви. Фотій воспользовался этимъ и при томъ подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ, какъ инокъ православной церкви, явившись ея поборникомъ передъ тѣмъ, кто своею мірскою властію могъ охранить ея неприкосновенность и ея первенствующее значеніе въ государствѣ. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ въ заключеніе, что всѣ дворскіе происки и подкобы, въ которыхъ участвовалъ Фотій, были главнымъ образомъ рассчитаны на религіозную впечатлительность императора Александра Павловича. На него должны были подѣйствовать туманно-смѣлыя рѣчи Фотія, о христіанскихъ добродѣтеляхъ котораго была предварительно распущена около государя самая благопріятная молва.

Е. П. Карновичъ.

ДНЕВНИКЪ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

1831—1835.

„Когда меня не будетъ, а останутся эти отголоски чувствъ моихъ и думъ, быть можетъ, найдутся же люди, которые, прочитавъ ихъ, скажутъ: „онъ былъ человекъ не безъ дарованій“; — счастливъ буду, если промолвятъ: „и не безъ души“.

В. Кюхельбекеръ. (Дневн. 18-го августа 1834 г.)

I¹⁾.

О поэмѣ эпической. — Шиллеръ. — Старый и новый годы. — «Сонетъ на Рождество». — Сказки. — Пророкъ Исаія. — Молитва. — Пророкъ Иеремія. — Творчество. — Цѣвница. — «Спасеніе». — Кирша Даниловъ. — Юморъ. — Евгений Онѣгинъ. — Крестьянскій мальчикъ Борпсовъ. — «Опытъ науки пзщнаго», соч. Галпча. — Декабристки. — Повѣсти Пушкина.

17-го декабря 1831—25-го апрѣля 1832 г.

17-го декабря 1831 г.

Давно у меня въ головѣ бродить вопросъ: „возможна-ли поэма эпическая, которая бы наши нравы, наши обычаи, нашъ образъ жизни такъ передала потомству, какъ передалъ намъ Гомеръ нравы, обычаи, образъ жизни троянъ и грековъ?“ „Беппо“ и „Донъ-Жуанъ“ Байрона и „Онѣгинъ“ Пушкина—попытки въ этомъ родѣ, но (надѣюсь, всякій согласится) попытки очень и очень слабыя, особенно, если сравнить ихъ съ „Илиадою“ и „Одиссеею“; и не потому, что самыя предметы Байрона и Пушкина малы и скудны (хотя и это дѣло не послѣднее), а главное, что они смотрятъ на европейскій міръ, какъ судьи, какъ сатирики, какъ поэты-описатели: личность ихъ насъ безпрестанно разочаровываетъ, — мы не можемъ обжиться съ ихъ героями, не мо-

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1875 г., томъ XIII, стр. 333—382. Исправляемъ грубую опечатку: на стр. 353-й, строка 21 снизу, напеч.: «совершенно не образованной»... «читай: совершенно образованной».

жемъ забыться. Тысячелѣтія раздѣляютъ меня съ Гомеромъ, а не могу не любить его, хотя онъ и всегда за сценою; не могу не восхищаться свѣжестью его картинъ, истинною и вѣрностью малѣйшей даже черты въ его рисовкѣ быта древнихъ героевъ: каждая вызываетъ ихъ изъ гроба и ставитъ живыхъ передъ глазами. Ювеналовскія выходки Байрона и Пушкина, напротивъ, заставляютъ меня презирать и ненавидѣть міръ, ими изображаемый, и удивляться только тому, какъ они рѣшались воспѣвать то, что имъ казалось столь низкимъ, столь ничтожнымъ и грязнымъ.

Гомеръ нашего времени,—если онъ только возможенъ,—долженъ идти иною дорогою.

18-го декабря 1831 г.

Писалъ къ матушкѣ, а при письмѣ нѣмецкіе стихи; не знаю, хороши-ли они или худы, только надѣюсь, что они принесутъ моей старушкѣ удовольствіе; помню, какъ она носилась съ какими-то стихами, которые я ей прислалъ, будучи еще въ лицѣѣ.

19-го декабря.

Читаю разсужденіе Шиллера: „Über Anmuth und Würde“. Полагаю, что всѣ эти разсужденія принадлежатъ къ лучшимъ его сочиненіямъ,—и теперь понимаю нѣсколько, почему какой-то англичанинъ сказалъ, что „у нѣмцевъ нѣтъ ни одного поэта, а только одинъ хорошій прозаикъ—Шиллеръ“. Это не справедливо; но вижу, какимъ образомъ такая мысль могла родиться въ головѣ умной, хотя и не безпристрастной.

20-го декабря.

Тяжелый день! „Доколи, Господи, забудеши мя до конца? Доколѣ отвращаеши лице твое отъ меня? Доколѣ положу совѣты въ души моей, болѣзни въ сердцѣ моемъ день и ночь?“ Вотъ слова, которыя исторглись изъ души, вѣрно, столь не измученной, какъ моя. Боже мой! когда конецъ? когда конецъ моимъ испытаніямъ? Несчастные мои товарищи, по крайней мѣрѣ, теперь спокойны; если для нихъ и кончились всѣ надежды, то кончились и всѣ опасенія; грустно имъ, они горюютъ вмѣстѣ; а я одинъ,—не съ кѣмъ дѣлиться тоской, которая давитъ меня; къ тому же, нѣтъ у меня и той силы характера, которая, можетъ быть, поддержала бы другаго. Не знаю за собой никакой вины; но боюсь за тѣхъ, которые были ко мнѣ сострадательны: ужасно подумать, что они за челоуѣколюбіе свое могутъ получить неприятели; я бы охотнѣе подвергся всему, чѣмъ воображать, что заплачу имъ такую монетою. А между тѣмъ, что мнѣ дѣлать?

22-го декабря 1831 г.

Если бы страданія и не имѣли другой пользы, а только бы приучали охотнѣе умирать, и то должно бы благодарить за нихъ Создателя.

23-го декабря.

Во „Новостяхъ литературы“ я прочелъ кое-что покойнаго Загорскаго, между прочимъ, идиллію: „Бабушка и внучка“; онъ былъ молодой человѣкъ съ истиннымъ дарованіемъ.

25-го декабря.

Благодарю Всевышняго, я сегодняшній праздникъ провелъ пріятнѣе, чѣмъ думалъ: во весь день не тосковалъ. Что мои милые? мой братъ? матушка? сестры? мои любезные далекіе?

28-го декабря.

Сегодня день рожденія (если только не ошибаюсь) покойнаго отца моего: онъ скончался въ 1809 г., на 61 году отъ роду.

29-го декабря.

Все ближе и ближе конецъ этого роковаго года: что-то будетъ въ слѣдующемъ? я, который теперь отмѣчаю чувства свои, перечесть ли эту отмѣтку черезъ годъ? При наступленіи новаго года, у всѣхъ сердце бьется сильнѣе, всѣ ожидаютъ чего-то лучшаго, новаго: мнѣ чего ожидать? Но въ сѣтость мнѣ этотъ 1831-й годъ, въ сѣтость и въ тягость такъ, какъ давно ни одинъ не былъ! Между тѣмъ, сколько я отъ судьбы получилъ благодѣяній и въ этотъ даже тяжелый годъ. „Аще благая пріяхоу отъ руки Господни, злыхъ-ли не стерпимъ?“ Іовъ, гл. 2, ст. 10. Сверхъ того, ужели сомнѣваюсь, что самое зло служить мнѣ ко благу? Однако же, пора ожидать блага не въ этой, а въ другой, лучшей жизни.

30-го декабря.

Богъ судилъ мнѣ еще радость передъ новымъ годомъ: получилъ я письмо отъ сестры и списокъ братнина къ ней, да съ дожиныу книгъ—русскихъ и англійскихъ; русскія посылаетъ мнѣ добрый мой Владиміръ Андреевичъ (Глинка). Нивогда, замѣтилъ кто-то, радость не приходитъ одна,—такъ-то и со мною сегодня случилось; послѣ довольно продолжительной умственной засухи, разрѣшился я стихами на новый годъ. Вотъ они:

1831 годъ.

И такъ, протекъ и онъ, сей годъ, событій полный!
Его кровавыя, сверкающія волны
Надъ Русью пронеслись разливомъ тяжкихъ бѣдъ;
Но духомъ русскіе не пали:
Промчалось лѣто слезъ, и стона, и печали,

Исчезнетъ ихъ и самый слѣдъ,
А уцѣлѣютъ тѣ скрижали,
На коихъ россы начертали
Влестящій, новый рядъ побѣдъ.

Не леть мнѣ будетъ вдохновеньемъ,
Нѣтъ! не увижу дара моего....
Его я не утратилъ одного,
Когда ужаснымъ общимъ потопленьемъ
Вдругъ былъ сорванъ и въ даль увлечены
Мои златые сыны;
Когда и самыя желанья
Въ моей груди задушены
Рукою хладнаго страданья.

О! сколь отраденъ послѣ бури
Безоблачный и чистый блескъ лазури!
О! сколь сладка по брани тишина!
Да освѣтится же ея крылами
На долго полуночная страна!
Не разлучайтесь матери съ сынами;
Въ объятыхъ мира, средь родимыхъ стѣпъ,
Бойцы, вѣщайте слуху чадъ и женъ
Опасность и труды, и честь своихъ знаменъ,
И незабвенныя въ вѣкахъ грядущихъ битвы.
А блѣдный морь и дерзостный мятежъ
Да не шагнутъ за нашъ святой рубежъ!

Земля родимая! единыя молитвы
Я въ даръ могу принести тебѣ:
И день, и ночь я, въ пламенной мольбѣ,
О счастья твоемъ взываю къ Всеблагому...
Господь нашъ повелитъ архангелу святому,
И станетъ грозный стражъ у прага твоего,
И отобьетъ алмазный щитъ его
И страхъ, и скорбь, и бѣдства
Отъ древняго Славенова наслѣдства.

Благодаря Господа, съ новымъ годомъ моя тоска совсѣмъ прошла: обыкновенное мое лекарство—поэзія, наконецъ, подѣйствовала.

Прочелъ я „Еруслана Лазаревича“. Въ этой сказкѣ, точно, есть отголоски изъ „Ша-Намэ“; ослѣпленіе царя Картауса (у Фирдӯси царь называется Кавусомъ) и его богатырей и бой отца съ сыномъ, очевидно, перешли въ русскую сказку изъ персидской поэмы. Сверхъ того, г. издатель, кажется, изволилъ кое-гдѣ переправить слогъ, а можетъ быть, и самое повѣствованіе русскаго краснорѣчя. Хотѣлось бы мнѣ послушать Еруслана Лазаревича въ живомъ, устномъ раз-

сказѣ простолюдина, въ приволжскихъ губерніяхъ; почти увѣренъ, что тутъ я бы нашель еще болѣе слѣдовъ азіятскаго происхожденія этой сказки.

2-го января 1832 г.

Путру я переправлялъ вчерашній псаломъ; а послѣ обѣда, наконецъ, выразилъ сонетомъ мысль, за которую напрасно на прошедшей недѣлѣ принимался два или три раза:

Рождество.

Сей малый міръ предъ оными мірами,
Которые безчисленной толпой
Парятъ и блещутъ въ тверди голубой,—
Одна пылинка: мы же — что мы сами?

Но солнце въ сонмъ, катящихся надъ нами
Во вѣки на вѣсахъ любви святой,
Не взвѣсптъ ни одной души живой:
Не вѣситъ Вѣчный нашими вѣсами.

Ничто вселенна предъ ея Творцемъ;
Вѣщаль же такъ Творецъ и Царь вселенной:
«Сыновъ Адама буду я отцемъ;
Избавлю родъ ихъ, смертью уловленный!»
И Богъ отъ дѣвы родился смиренной.

Если бы мнѣ удалось составить съ десятокъ подобныхъ сонетовъ на Рождество и съ десятокъ на Пасху, не худо бы было. Картины и мысли такія, какія греки вливали въ форму своихъ гномовъ и эпиграммъ (греческія эпиграммы совѣмъ не то, что наши), у насъ, такъ мнѣ кажется, удачно бы могли быть одѣтыми въ форму сонетовъ.

3-го января.

Прочелъ 30 первыхъ главъ пророка Ісаи. Нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ изъ пророковъ не можетъ съ нимъ сравниться силою, выпренностию и пламенемъ; начальныя пять главъ книги его вдохновеніемъ составляютъ такую оду, какой подобной нѣтъ ни на одномъ языкѣ, ни у одного народа. (Они были любимыми моего покойнаго друга Грибоѣдова, и въ первый разъ я познакомился съ ними, когда онъ мнѣ ихъ прочелъ въ 1821 году, въ Тифлисѣ). Удивительно начало пятой: „Воспою нынѣ возлюбленному пѣснь“ и проч. Шестая по таинственности, восторгу и чудесному, которое въ ней господствуетъ, почти еще выше. Уже ни слова не говорю о 12-й и 13-й (видѣніе на Вавилонѣ); онѣ извѣстны даже нечитающимъ св. писанія, но не могу не выписать двухъ удобленій, необыкновенно разительныхъ по своей точности и новости картины.

Гл. 29, ст. 8: «И будутъ, аки во снѣ ядущіи и пьющіи, и оставшимъ, тощѣ ихъ сонъ; и яко же во снѣ жаждай, аки пійи, воспрянувъ же еще жаждеть душа же его вотще надѣяся: тако будетъ богатство всѣхъ языковъ, елицы воеваша на гору Сіоню».

Гл. 30, ст. 14: «И паденіе его будетъ, яко сокрушеніе сосуда глиняна, отъ глины дробны, яко не можно обрѣсти въ нихъ чрепа, имъ же огнь возмеши и въ огнь же влѣши воды мало».

Voilà bien la nature, prise sur le fait!

4-го января 1832 г.

Вотъ утренняя молитва, которую я сегодня составилъ:

Утренняя молитва.

Отецъ-хранитель, Боже мой!
Подъ сѣнью Твоего покрова
Я сладостный вкушалъ покой,
И вотъ открыль я вѣжды снова!

Ты создалъ свѣтъ златаго дня,
Ты создалъ мракъ отрадной ночи;
И день, и ночь блюдутъ меня
Твои недремлющія очи.

Благій! воздать могу-ли я
Твоей любви неизреченной?
Не приметъ жертвы длань Твоя;
Ты требуешь души смиренной:

Души, боящейся грѣховъ,
И чистой, и прямой, и вѣрной,
И любящей Твоихъ сыновъ
Любовію нелицемѣрной.

О, милосердый мой Отецъ!
Я отъ Тебя-ли что сокрою?
Ты проникаешь тьму сердецъ,
Ихъ дно раскрыто предъ Тобою.

Я падалъ, падаю стократъ...
Но, въ милостяхъ нестоимый,
Ты зришь: я скорбію объять,
Терзаюсь я, грѣхомъ тягчимый.

Безъ помощи Твоей что я?
Ты вѣдаешь мое безсилъе;
Но гдѣ безсилна мощь моя,
Тамъ мощно силъ Твоихъ обилъе.

О, Боже! духъ мой обнови
И сердце мнѣ создай пное,

Надежды, Вѣры и Любви
Да свѣтитъ солнце мнѣ святое!

Ты склонись къ молебѣ моей:
Христовой кровью омовенный,
И я, въ числѣ Твоихъ дѣтей,
Небесъ наслѣдникъ обреченный.

Сей день, мнѣ посланный Тобой,
Да будетъ мнѣ къ Тебѣ ступенью!
Да будетъ на стезѣ земной
Мнѣ шагомъ къ горнему селеню!

5-го января.

Замѣчу странный сонъ, который я видѣлъ поутру передъ тѣмъ, какъ всталъ: мнѣ снилось, что я долженъ былъ представлять въ „Венеціанскомъ Маврѣ“ роль Отелло, а незнакомая мнѣ дѣвушка — роль Дездемоны; зрители были собраны, занавѣсъ долженъ былъ подняться, — и вдругъ я вспомнилъ, что вовсе не знаю, и не твердилъ своей роли.

Издатель собранія анекдотовъ: „Beiträge zur Ausfüllung geschäftloser Stunden“ и другой книги: „Merkwürdigkeiten aus dem Gebiete der Natur und Kunst“, нѣкто Венцель, въ 1819 году былъ лютеранскимъ пасторомъ въ Полоцкѣ и тѣмъ примѣчательнѣе, что можетъ служить вмѣсто pendant нашему Козлову. Козловъ слѣпъ и лишень употребленія ногъ, Венцель — совершенно глухъ; того и другаго болѣзнь, поразившая ихъ вдругъ, сдѣлала авторомъ. Кто изъ нихъ несчастнѣе? Мнѣ кажется, Венцель. Козловъ, по крайней мѣрѣ, пользуется неоцѣненной отрадою вслушиваться въ душу тѣхъ, кого любить.

7-го января.

Перелистывалъ я малороссійскія пѣсни, изданныя Максимовичемъ, и нашелъ нѣкоторыя удивительныя; между прочимъ, двѣ того же содержанія, какого велико-русская извѣстная: „Ужъ какъ палъ туманъ“ и пр. Малороссійскія, по простотѣ своей, почти еще лучше нравятся. Еще превосходнѣе ихъ пѣсня: „У полѣ крыныченька“. Не знаю ни на какомъ языкѣ ничего, что бы могло сравниться съ окончаніемъ этой пѣсни: она хватаетъ прямо за сердце.

На дняхъ я думалъ: почему бы не начинать года съ перваго дня послѣ самаго короткаго? Это было бы естественнѣе, чѣмъ, безъ всякой астрономической причины, съ 1-го января. Сегодня я прочелъ въ Венцелѣ, что въ старину, дѣйствительно, такъ начинали годъ въ Швеціи.

9-го января 1832 г.

Пора приняться за греческій языкъ: недѣли двѣ-три позаняться имъ—и пружинамъ души моей возвратятся хоть нѣсколько силы, а теперь онѣ ослабли.

10-го января.

Я недоволенъ собою: унываю и тоскую; нѣтъ во мнѣ той бодрости, той силы, которая бы долженъ имѣть, послѣ столь многихъ видимыхъ благодѣяній Господнихъ.

Прочелъ остальные главы пророка Ісаи; восторгъ его выдержанъ отъ первой строки до послѣдней; сначала онъ ужасенъ:

„Смываетъ грѣшныя съ лица земли языки“; потомъ неслыханно утѣшительнъ: ясность предсказаній о Спасителѣ въ высочайшей степени изумительна. Вотъ еще уподобленіе чрезвычайно новое: „аки платно духъ мой во мнѣ бысть, ткацельницѣ приближающейя отрѣзати“. Гл. 38. Мол. Езекии, ст. 12. Не въ поэтическомъ отношеніи, но въ другомъ, вышемъ, важенъ 24 ст. 43 гл.: „Не купилъ еси мнѣ на серебро оиміама, но въ грѣсѣхъ твоихъ сталъ еси предо мною и въ неправдахъ твоихъ“.

11-го января.

Занятія—лучшее лекарство противъ ипохондріи: я опять принялся за греческій языкъ—читаю четвертую книгу „Иліады“.

12-го января.

Съ недѣлю у меня чрезвычайно живые сны: предпрошедшую ночь я леталъ или, лучше сказать, шагаль по воздуху,—этотъ сонъ съ разными измѣненіями у меня бываетъ довольно часто; но сегодня я видѣлъ во снѣ ужасы и такъ живо, что вообразить нельзя. Всего мнѣ пріятнѣе, когда мнѣ снятся дѣти: я тогда чрезвычайно счастливъ и съ ними становлюсь самъ дитятею. Читалъ послѣ обѣда Гомера, да еще не вчитался.

13-го января.

Сегодня, вчера и третьяго дня старался я переложить „Отче нашъ“ и живо при томъ чувствовалъ, что переложенія (paraphrases) обыкновенно ослабляютъ подлинникъ: это вино, разведенное водою. Но все-таки—вотъ мое переложеніе, хотя и въ полной мѣрѣ чувствую слабость его:

Молитва Господня.

Отецъ Ты нашъ, живый на небесахъ!
 Не Ты-ли исполнишь все собою?
 Всѣмъ правишь Ты вездѣ, во всѣхъ вѣкахъ,
 Премудрый, всемогущую рукою!

Вселенную призываю Ты въ бытіе:
 Во всей вселенной съ трепетомъ пріято
 Да будетъ имя дивное Твое,
 И всѣмъ странамъ, и всѣмъ народамъ свято!

Во тьмѣ стезею скользкою идемъ:
 Спаси отъ искушенія насъ, Хранитель!
 И будь свѣтломъ нашимъ и вождемъ
 Изъ дому тлѣна въ вѣчную обитель!

И отъ лукаваго избави насъ,
 И отъ всего строптиваго и злаго,
 И да почіемъ каждый день и часъ
 Подъ сѣнью Твоего щита святаго!

О Боже! Ты единый нашъ покровъ;
 Ты царь во вѣки, власть Твоя и сила,
 Твоя же слава до конца вѣковъ
 И отъ начала ихъ не заходила!

14-го января.

Сегодня три мѣсяца моей бытности здѣсь. Господи Боже мой! дай мнѣ терпѣніе и силу сносить судьбу свою безъ ропота!

18-го января.

Вчера я не отмѣтилъ ничего въ дневникѣ своемъ, потому что нечаянно загасилъ въ 10-мъ часу свѣчку, а Кобылина ¹⁾ мнѣ не хотѣлось тревожить.

Читаю военную исторію походовъ россіянъ въ XVIII столѣтіи. Вѣкъ живи, вѣкъ учись! Такъ-то я узналъ изъ приложенныхъ къ исторіи походовъ россіянъ въ XVIII столѣтіи дипломатическихъ актовъ, что во время Петра имена нарицательныя, происходящія отъ глаголовъ дѣйствительныхъ, требующихъ винительнаго падежа (напр.: оставленіе, взятіе), требовали винительнаго же падежа, а не родительнаго, съ которыми онѣ нынѣ употребляются (напр.: оставленіе деревню, взятіе крѣпость, а не деревни, крѣпости). Это совершенно соответствуетъ тому, что и нынѣ существуетъ въ глаголахъ и отглагольныхъ именахъ, управляющихъ другими падежами (управляю чѣмъ и управленіе чѣмъ; стремлюсь къ чему и стремленіе къ чему).

Въ Петрово время слово путь было женскаго рода ²⁾.

¹⁾ Сторожъ, состоявшій при казематѣ.

²⁾ Оно въ восточной Сибири и нынѣ женскаго рода.

Примѣчаніе 1841 г. В. К.

19-го января.

Сегодня или завтра (но, кажется, что сегодня) шесть лѣтъ, какъ я нахожусь въ заключеніи: того же числа и въ тотъ же день недѣли, какъ нынѣ 1826 года, я былъ арестованъ въ Варшавѣ.

22-го января.

Сегодня я отмѣчу нѣчто отрадное и благое. Слава Богу, опять у меня пошли стихи на ладъ, а это для меня очень, очень важно, потому что когда сочиняю, тогда меня не мучитъ хандра; первая сцена Ивана купеческаго сына написана; дай Богъ, чтобъ не было остановки. Это сочиненіе займетъ меня, по крайней мѣрѣ, два мѣсяца,—мѣсяцъ полагаю на переправку, на прозу и переписку набѣло; тогда три мѣсяца съ плечъ долой. *C'est autant de gagner sur l'ennemi*, а мой непріятель—время, или, лучше сказать, тѣ 9 лѣтъ съ мѣсяцами, которые, по всѣмъ вѣроятностямъ, проведу еще въ одиночествѣ.

Въ Бутурлинѣ описаніе полтавской битвы. Тутъ въ самыхъ тактическихъ дѣйствіяхъ много для воображенія, много такого, чѣмъ поэтъ могъ бы воспользоваться. У насъ отличные два стихотворца—Шихматовъ и Пушкинъ, прославляли это сраженіе, но не изобразили: то, что они говорятъ о немъ, можно принаровить и къ лейпцигскому, и бородинскому, и къ бою подъ Остроленкою, стоитъ только перемѣнить имена собственныя. Ломоносовъ, полагаю, не впалъ бы въ этотъ недостатокъ, не потому, чтобы былъ бѣльшимъ поэтомъ, чѣмъ Шихматовъ и Пушкинъ, но что даже въ одахъ его замѣтно бѣльшее знаніе тактики, нежели въ ихъ эпопеяхъ. Такое знаніе или выказываніе такого знанія, быть можетъ, въ лирической поэзіи не совсѣмъ у мѣста, но въ эпической было бы кстати.

24-го января.

Прочелъ 21-ю главу пророка Іереміи. Въ немъ нѣтъ той выпренности и силы воображенія, которую исполненъ Исаія. Но скорбь Іереміи, какъ надъ ослѣпленіемъ и жребіемъ своего народа, такъ и надъ самимъ собою за то, что посланъ къ несчастливцамъ, которые непременно хотятъ остаться въ слѣпотѣ своей, замѣняетъ для насъ вполне лирическое пареніе. Исаія поражаетъ, изумляетъ; Іеремія—внушаетъ соболѣзнованіе. Въ 20-й главѣ мѣсто, которое можно сравнить съ самыми ужасными въ Іовѣ. См. отъ 14-го стиха до конца. Параллели рѣдко бывають точными и соответствующими между собою во всѣхъ частяхъ, однако, онѣ всегда основаны на дѣйствительномъ, хотя иногда и далеко съходствѣ: такимъ-то образомъ, можно бы Исаію уподобить Эсхиллу, а Іеремію—Еврипиду, или перваго—Микелю Анджело, а втораго—Рафаэлю. Вышеприведенное мѣсто 20-й гл. прор. Іереміи

могло бы служить основаніемъ стихотворенію, коего идею Шиллеръ уже воспользовался въ своей Кассандрѣ, но, смѣю сказать, не совсѣмъ удовлетворительно.

26-го января 1832 г.

Не знаю, удастся-ли мнѣ ясно выразить мысль, которая съ нѣкотораго времени носится въ головѣ моей и мнѣ кажется довольно основательною. По Шеллингу, искусство—таже природа, только дѣйствующая посредствомъ (durch das Medium) человѣка. И такъ, всякое произведеніе искусства — быть вмѣстѣ произведеніемъ природы вообще, природы человѣка въ частности, природы творящаго художника въ особенности. Оно должно быть зарождено въ душѣ того, кто производитъ, должно быть необходимымъ слѣдствіемъ его способностей, наклонностей, личности, — и вмѣстѣ соответствовать потребностямъ его вѣка и отечества (времени и мѣстности, составляющихъ въ совокупности частное проявленіе человѣчества); наконецъ, должно быть основано на міровыхъ, непремѣнныхъ законахъ творческой силы и творящаго естества. Истину этого правила, относительно къ моему лицу, я испыталъ въ теченіе всей своей поэтической жизни. Чѣмъ тѣчнѣе, чѣмъ хладнокровнѣе мои планы были обдуманы, тѣмъ менѣе они мнѣ удавались; напротивъ, всякій разъ, когда я слѣдовалъ голосу мысли, зародившейся въ глубинѣ моего я, поразившей меня внезапно, когда сообразовался съ тѣми мгновенными вдохновеніями, которыя навѣвались на меня обстоятельствами и только не терялъ изъ виду главной мысли своей,—тогда успѣхъ неожиданный, непредвидѣнный, увѣнчивалъ трудъ мой.

28-го января.

Хотѣлось бы чѣмъ-нибудь просвѣжить душу какою-нибудь литературною новинкою: это масло, которое необходимо время отъ времени подливать въ лампаду поэзіи.

29-го января.

Есть нѣкоторыя слова, на счетъ которыхъ я бы очень хотѣлъ справиться съ академическимъ словаремъ, напримѣръ: цѣвница. Я долго употреблялъ это слово въ значеніи музыкальнаго струннаго орудія; Пушкинъ, напротивъ, придаетъ ему значеніе орудія духоваго, флейты, свирѣли. Не помню гдѣ, а только въ сочиненіяхъ писателя Екатеринана вѣка, на которомъ, казалось, можно было опереться, нашелъ я это слово во второмъ значеніи, и сталъ полагать, что Пушкинъ правъ. Теперь же возвращаюсь къ прежнему своему мнѣнію, основываясь на славянскомъ текстѣ пр. Іереміи: „того ради сердце Моава, яко цѣвница, звздати будетъ“. Гл. 48, ст. 46. Свирѣль или

флейта никогда не звяцали; въ добавокъ, самый смыслъ уподобленія говоритъ въ пользу моего перваго мнѣнія.

30-го января 1832 г.

Получилъ письмо отъ матушки (отвѣтъ отъ 31-го декабря), сто рублей денегъ и колапакъ ея собственной работы. Добрая моя старушка! Каждое слово письма ея дышетъ нѣжнѣйшею материнскою любовію! Безцѣнно для меня то, что она тотчасъ посѣтила друга моего — Прасковью Николаевну Ахвердову, какъ только узнала, что Ахвердова въ Петербургѣ; могу вообразить ихъ разговоры! Не разъ онѣ тутъ поминали и моего Грибоѣдова, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я съ нимъ жилъ въ Тифлисѣ — сколько перемѣнъ!

31-го января.

Этотъ мѣсяцъ подарилъ меня шестью лирическими стихотвореніями, которыя, кажется, пригодятся для моего собранія; вотъ изъ нихъ послѣднее:

Спасеніе.

Какъ съ поля битвы паръ зловонья,
Какъ нечпстввыѣ ѳміамъ,
Который съ требы беззаконья
Восходитъ къ суетнымъ богамъ, —
Такъ, вызывая громы мщенья,
Вздымалпсь къ гнѣвнымъ небесамъ
Мои вины и преступленья
И выли надъ моею главою
Суда мнѣ близкаго трубой.

А я? я въ слѣпотѣ ужасной,
Что казнь близка мнѣ — не постигъ;
Я не слыхалъ грозы стогласной;
Надъ бездною я скользилъ, п мигъ —
И поглощенъ я былъ бы ею!
Но милосердый зрѣлъ и рекъ:
«Не къ гибели рукою моею,
Нѣтъ! къ жизни созданъ человекъ»;
И се, Его посоль притекъ!

Хвала Тебѣ п пѣсионѣнье!
И горе благостной рукою
Ты мнѣ въ искусь и очищенье
Послалъ, Хранитель вѣрный мой!
Прославлю я Твое даыне,
Живительный, священныѣ страхъ
И благотворное страданье:
Ты въ скорбныхъ слышпшсь сердцахъ,
И я Тебя позналъ въ слезахъ!

1-го февраля.

Когда у меня вышли книги, я боялся скуки; но, слава Богу, недѣля прошла, а я еще не скучалъ; мы же молимся: Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь. Хлѣбъ для души отъ того же Бога, отъ котораго хлѣбъ, поддерживающій наше тѣло; буду уповать на него, и твердо я увѣренъ, что онъ, милосердый, не оставитъ меня безъ пищи духовной.

2-го февраля.

И нынѣшній день прошелъ для меня не скучно, хотя я вовсе ничего не читалъ. Остались у меня еще 19 страницъ въ Джонсоновомъ романѣ „Russelas-t, — поберегу ихъ для завтрашняго дня. Примусь опять за Гомера; пора, какъ говаривалъ Галичъ, потрепать старика.

3-го февраля.

Старикъ Гомеръ со мною часика два разговаривалъ послѣ обѣда; хочу пользоваться его бесѣдою каждый день.

4-го февраля.

Прочелъ три сказки Кирши Данилова; одну изъ нихъ: „Сорокъ каликъ со каликою“ въ 1815 году я перевелъ на нѣмецкій языкъ.

6-го февраля.

Цѣлый день голова болѣла; несмотря на то, сочинялъ, а по-гречески читалъ болѣе, чѣмъ вчера и третьяго дня; впрочемъ, тутъ хвастать нечѣмъ, мнѣ не оставалось никакого другаго средства провести кое-какъ день: читать — книгъ нѣтъ, а лежать я боялся, разъ, чтобъ не заснуть и черезъ то не лишиться сна ночью, а второе — чтобъ не завести въ постелѣ еще болѣе блохъ, которыя и безъ того меня измучили.

7-го февраля.

Сегодня четыре мѣсяца съ моего отъѣзда изъ Ревеля.

8-го февраля.

Что такое юморъ? Понятія, несовершенно ясныя, всего лучше опредѣляются отрицаніями... И такъ, юморъ не просто насмѣшливость, не одно остроуміе, не vis comica безъ всякой примѣси; юморъ не выражается исключительно ни прямою сатирою, ни ироніею; насмѣшникъ, острякъ, комикъ — холодны; ихъ обязанность, ремесло ихъ — устраняться, избѣгать чувства. Сатирикъ — саркастикъ; Ювеналь, Персіей, ограничиваются однимъ чувствомъ — негодованіемъ, гнѣвомъ. Юмористъ, напротивъ, доступенъ всѣмъ возможнымъ чувствамъ; но онъ не рабъ ихъ, — не онѣ имъ, онъ ими властвуетъ, онъ играетъ ими, вотъ чѣмъ, съ другой стороны, отличается онъ отъ элегика и лирика,

совершенно увлекаемыхъ, порабащаемыхъ чувствами. Юмористъ забавляется ими и даже надъ ними; но не такъ, какъ чернь забавляется надъ тѣми, надъ кѣмъ съ грубой надменностью воображаетъ свое превосходство, а какъ добрый старикъ забавляется дѣтьми, или, какъ иногда, въ дружескомъ кругу, трюнишь надъ небольшою слабостью пріятеля, котораго любишь и уважаешь. Комикъ, насмѣшникъ, свѣтскій легкій сатирикъ — старики по рожденію, хотя бы имъ было и двадцать лѣтъ; лирикъ — до глубокой старости все тотъ же юноша, какимъ онъ былъ въ началѣ жизни; сатирикъ-саркастикъ — сердитый ребенокъ, который бросается на полъ и бьетъ по немъ ногами и руками, потому что не все такъ идетъ въ мѣрѣ, какъ бы ему хотѣлось; одинъ юмористъ — мужъ зрѣлый, зоркій, мощный, еще сохранившій жаръ, хотя и не весь пылъ молодости, но умѣвшій приобрѣсть опытность, которая другимъ дается уже вмѣстѣ съ дряхлостью. Юмористъ вовсе не пугается мгновеннаго порыва; напротивъ, охотно за нимъ слѣдуетъ, только не теряетъ изъ глазъ своей надъ нимъ власти, своей самобытности, своей личной свободы. Юморъ можетъ входить во всѣ роды поэзіи, — самая трагедія не исключаетъ его; онъ даже можетъ служить началомъ, стихіею трагической басни, тому доказательство Гётевъ „Фаустъ“.

15-го февраля 1832 г.

Провидѣніе меня воспитываетъ и обстоятельствами принуждаетъ къ занятіямъ, о которыхъ я, по природной лѣности, вѣроятно, и не думалъ бы; въ Шлиссельбургѣ я выучился по-англійски, потому что у меня не было книгъ, кромѣ англійскихъ; здѣсь, Богъ дастъ, выучусь по-гречески, потому что у меня опять нѣтъ книгъ, кромѣ нѣкоторыхъ собственныхъ, читанныхъ и перечитанныхъ.

16-го февраля.

Точно такъ, какъ человѣку иногда посылаются мысли, вдохновенія, чувства, которыя лучше его, — такъ, кажется, какаѣ-то темная посторонняя сила зарождаетъ въ немъ иногда такія, которыя хуже его, которыхъ, при всемъ своемъ паденіи, никогда онъ не желалъ, никогда не искалъ, отъ которыхъ силится освободиться, но не можетъ. Не доказательство-ли это тому, надъ чѣмъ смѣются или, по крайней мѣрѣ, хотятъ смѣяться питомцы философовъ XVIII вѣка, — доказательство, что точно есть врагъ, сѣющій плевъ посреди пшеницы душъ человѣческихъ? Такія мечты не грѣхъ, а наказаніе: Богъ ихъ допускаетъ, дозволяетъ врагу терзать ими того, кто для него приготовилъ храмину „убрану и пометану“; но и онѣ, если только грѣшникъ обратится всѣмъ сердцемъ къ Богу, и онѣ должны же, на-

конецъ, служить къ благу и спасенію; — обратившемуся онѣ напоминаютъ прежнее его оскверненіе, черезъ которое онъ сталъ вмѣстилищемъ подобныхъ чудовищъ, и тѣмъ предохраняютъ отъ духовной гордости.

17-го февраля.

Нынѣшній день оаза въ моей пустынѣ: я получилъ письмо и книги отъ моей доброй (сестры) Улинъки; книги: нѣмецко-англійскій словарь, 2-й томъ Робертсона, повѣсти и послѣдняя глава „Онѣгина“ — Пушкина.

Поэтъ въ своей 8-й главѣ похожъ самъ на Татьяну. Для лицейскаго его товарища, для человѣка, который съ нимъ выросъ и его знаетъ наизусть, какъ я, вездѣ замѣтно чувство, коимъ Пушкинъ преисполненъ, хотя онъ, подобно своей Татьянѣ, и не хочетъ, чтобы объ этомъ чувствѣ зналъ свѣтъ.

21-го февраля.

Перечелъ 8-ю главу „Онѣгина“. Напрасно сестра говоритъ, что она слабѣе прочихъ, — напротивъ, она мнѣ кажется, если не лучшею, то, по крайней мѣрѣ, изъ лучшихъ. Исторія знакомства поэта съ музою прелестна, особенно 4-я строфа; но жгетъ Пушкинъ, чтобы музѣ нравился:

«Порядокъ стройный
Олигархическихъ бесѣдъ
И холодъ гордости спокойной»

9-я строфа прекрасна; варьяціи на нее 10, 11 и 12-я слабѣе, но и въ нихъ много хорошаго, хотя 11-я нѣсколько сбивается на наши модныя элегіи, а въ 12-й стихъ

«Нѣ даже демономъ мовимъ».

такой, безъ котораго очень можно было бы обойтись. Появленіе Тани живо, да нападки на *** не слишкомъ кстати. Мнѣ бы этого и не слѣдовало, быть можетъ, говорить, потому что очень хорошо узнаю самаго себя подъ гіероглифомъ трехъ звѣздочекъ, но скажу стихомъ Пушкина же

«Мнѣ истина всего дороже».

Кромѣ этой небольшой полемиической выходки, все прекрасно отъ 14-й до 20-й строфы, а слова: „И—и не могъ!“ въ своемъ родѣ совершенство. Въ 22-й не очень понимаю „упрямой думи“; за то: „упрямо смотреть онъ“ прямо почерпнуто изъ сердца человѣческаго. Вечеръ у Тани хорошъ, но слабѣе раута. Конецъ 26-й строфы:

«И молча обмѣненный взоръ
Ему былъ общіи приговоръ».

заключаетъ въ себѣ черту, скваченную съ того, что иногда случается видѣть въ свѣтѣ. Въ письмѣ Онѣгина къ Танѣ есть мѣсто, напоминающее самыя страстныя письма St. Preux, отъ словъ:

«Боже мой!

Какъ я ошпбся, какъ наказанъ!»

до стиха:

«И я лишень того»; etc.

Изъ худшихъ строкъ 35-я, свидѣтельствующая, что Александръ Сергѣевичъ родной племянникъ Василя Львовича Пушкина, великаго любителя именъ собственныхъ; особенно милъ Фонтенель съ своими твореніями въ этой шутовской путкѣ. Но слѣдуютъ стихи, гдѣ, наконецъ, истинная поэзія,—поэзія воображенія, вдохновенія души; все же хорошее, что предшествовало, кромѣ, разумѣется, 4-й строфы и письма, было и умно, и остро, а иногда и глубоко, но... проза! 37-я строфа чудесна, особенно стихи:

«А переѣхъ нпмъ воображенье

Свой пестрый мечеть фараонъ»

и:

«И у окна

Сидитъ она и все она»

Объясненіе съ Татьяной также выше многого того, что изъ прочихъ главъ наша молодежь затвердила наизусть. Эпилогъ — лучший изъ всѣхъ эпилоговъ Пушкина.

28-го февраля 1832 г.

Превосходная малороссійская пѣсня: „А хто по улицѣ ходитъ, а хто й свище“, вмѣстѣ можетъ служить доказательствомъ, что въ Малороссіи въ старину извѣстны были поединки.

14-го марта.

Читаю 7-ю и 8-ю части „Телеграфа“¹⁾. На стр. 182-й 7-й части слѣдующее: „Борисовъ, 15-ти-лѣтній крестьянинъ изъ села Лопасни (въ 66-ти верстахъ отъ Москвы), явился къ И. И. Дмитріеву и объявилъ, что хочетъ учиться. Попечитель университета, А. А. Писаревъ, восхищенный Ломоносовскимъ подвигомъ Борисова, принялъ его подъ свое покровительство. Открылось, что Борисовъ много читалъ и самъ пишетъ стихи: ему задали написать стихи на день воспоминанія основанія университета. (Слѣдуютъ выписки изъ оныхъ. Тутъ, между прочимъ, стихъ: „восторгъ души — лучъ Божества“). Полевой говоритъ: „кто знаетъ, что будетъ изъ сего юноши? Можетъ быть, въ пламенной душѣ его зрѣетъ одинъ изъ геніевъ нашего времени“.

Аминь и буди! скажу я отъ всего сердца.

¹⁾ «Телеграфъ» московскій журналъ, издававшійся Н. А. Полевымъ съ 1825 по 1834 г. Ред.

16-го марта.

Федоръ Глинка и однобразенъ, и темень, и нерѣдко страненъ; но люблю его за то, что идетъ своимъ путемъ; въ 7-й и 8-й части „Телеграфа“ лучшія пьесы рѣшительно его, напримѣръ: „Къ звѣздѣ“, и въ прозѣ аллегорія: „Гость на три ночи“.

18-го марта.

Прочелъ я разборъ Полеваго книги Галича: „Опытъ науки изящнаго“. Разборъ вообще хорошъ и книга должна быть прекрасная. И критикъ, и авторъ основываются на Шеллинговомъ ученіи. Въ одномъ случаѣ я не согласенъ съ Полевымъ, порицающимъ Галича за то, что онъ назвалъ вкусъ умомъ (разумѣется, относительно къ искусствамъ), а не волею. Конечно, вкусъ не соотвѣтствуетъ полной идеѣ, которую наши мыслители означаютъ словомъ умъ, но еще менѣе волѣ. Воля творить, производить, есть причина дѣйствій мыслящаго существа; вкусъ же не дѣятеленъ, отрицателенъ. Онъ, подобно совѣсти, есть соединеніе воли и разума и такое именно соединеніе, въ которомъ осуживающій разумъ заставляетъ волю отрицаться отъ дѣятельности, — и посему, кажется, вкусъ можетъ назваться эстетическою совѣстью — совѣстью изящнаго. Это названіе вмѣстѣ послужитъ къ обозначенію общаго вкуса (вкуса въ идеѣ) и частнаго (въ явленіи); общій вездѣ одинаковъ, какъ вездѣ одинакова общая (въ идеѣ) совѣсть. Непремѣнный, всеобщій законъ совѣсти есть отрицаніе: „не дѣлай ничего такого, что признаешь противнымъ благу“. Непремѣнный, всеобщій законъ вкуса, подобнымъ образомъ, есть отрицаніе: „не твори ничего такого, что признаешь противнымъ лѣпотѣ“. Слово же: „признаешь“ будетъ факторомъ (производителемъ) всѣхъ различій и оттѣнковъ частныхъ совѣстей и вкусовъ (въ явленіи): эти различія зависятъ отъ степени способности частныхъ лицъ постигать идею блага или лѣпоты въ болѣшемъ или мѣньшемъ совершенствѣ.

19-го марта.

Былъ въ банѣ и стригся; послѣ стрижки я смотрѣлся въ зеркало, — мнѣ хотѣлось узнать, постарѣлъ-ли я съ моего пріѣзда сюда, и, кажется, что нѣтъ.

20-го марта.

Сегодня минуло матушкѣ 75 лѣтъ. Въ сумерки размышлялъ я о третьягодняшней своей отмѣткѣ и еще болѣе увѣрился въ сходствѣ вкуса съ совѣстью....

6-го апрѣля.

Началъ я поэму: „Вѣчный Іудей“; сочиняя вступленіе, я замѣтилъ, что чтеніе Гомера осталось не безъ дѣйствія на мой слогъ.

8-го апрѣля 1832 г.

Сегодня, читая Гомера, я замѣтилъ, что нѣсколько уже усилѣлъ въ греческомъ языкѣ. Чтобы было, если бы я имъ занимался безъ перерывовъ и также прилежно, какъ въ первый мѣсяцъ? Полагаю, что я теперь не хуже бы зналъ по-гречески, нежели по-латинѣ.

9-го апрѣля.

Сегодня я послѣ обѣда не прохаживался и не читалъ Гомера, за то красилъ яйца; надѣюсь, что это небольшое отступленіе отъ порядка жизни, мною себѣ предначертаннаго, простительно: субота предъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеньемъ разъ только въ годъ бываетъ.

10-го апрѣля.

Свѣтлое Христово Воскресенье! И здѣсь не безъ добрыхъ людей: знаки участія, которыя мнѣ оказали сегодня, мнѣ очень дороги; конечно, счастье не состоитъ въ ѣдѣ и питѣи, но присланное мнѣ показываетъ, что и обо мнѣ думаютъ, что и мнѣ желаютъ оказать что-нибудь приятное—и этого-то я вѣкъ не забуду.

15-го апрѣля.

Сегодня ровно годъ, какъ покинулъ я Динабургскую крѣпость.

17-го апрѣля.

Перечелъ я письма брата и о братѣ княгини Трубецкой и баронессы Розенъ: нельзя не удивляться этимъ женщинамъ и ихъ подругамъ, раздѣляющимъ бѣдственный жребій мужей своихъ (декабристовъ, сосланныхъ въ Сибирь). Братъ въ своихъ письмахъ являетъ прекраснѣйшую душу,—онъ гораздо лучше меня.

22-го апрѣля.

Кончилъ описаніе путешествія Вальяна. Непріятное чувство, съ которымъ Вальянъ впервые снова увидѣлъ жилища голландцевъ, напомнило мнѣ моего Грибоѣдова: и онъ въ Москвѣ и Петербургѣ часто тосковалъ о кочевьяхъ въ горахъ кавказскихъ и равнинахъ Ирана, — гдѣ, среди людей, болѣе близкихъ къ природѣ, чуждыхъ европейскаго жеманства, онъ чувствовалъ себя счастливымъ.

23-го апрѣля.

Перечелъ я повѣсти Пушкина: двѣ лучшія изъ нихъ — „Гробовщикъ“ и „Станціонный смотритель“. На послѣднюю я слишкомъ мало обратилъ вниманія при первомъ чтеніи,—она въ своемъ родѣ не уступить „Гробовщику“.

Также перечелъ я письма племянниковъ и племянницъ и тѣмъ

кончилъ пересмотръ прошедшаго года, если оный мнѣ считать съ 15-го апрѣля, съ переѣзны моего заточенія.

Примѣчаніе. Этимъ кончается первая прошнурованная тетрадь дневника, въ которой на послѣдней страницѣ значится:

«Въ сей тетради нумерованныхъ двадцать шесть листовъ. Крѣпость Свеаборгъ, декабря 15-го дня 1831 года».

«Комедантъ инженеръ генераль-маіоръ Н. Н.» (подпись неразборчивая). У сего печать свеаборгскаго коменданта (мѣсто печати).

II.

Второй годъ моего дневника.

Одиссея.—Шведскія пзвѣстія о древней Руси.—Маккавей.—Письмовникъ Курганова.—Русскія пословицы.—Шекспиръ.—Записки В. Головина и Рикорда.—«Вопросы». — «Кленъ». — «Элегія». — «Вѣстникъ Европы» 1802 — 1803 гг., изд. Н. М. Карамзина. — Апокалипсисъ. — Годовщина осужденія. — «Вѣстникъ Европы», изд. М. Т. Каченовскаго. — Вальтеръ-Скоттъ.—Басни Жуковскаго.— «Вѣстникъ Европы» 1808 г., изд. Жуковскаго. — «Море сна».

25-го апрѣля 1832 г. — 6-го января 1833 г.

25-го апрѣля 1832 г.

Вчера я забылъ отмѣтить, что ничего нельзя вообразить прекраснѣе и умильтельнѣе свиданія Одиссея съ Лаэртомъ въ 23-й книгѣ „Одиссеи“. Это мѣсто можно привести въ доказательство, что и древнимъ была известна поэзія, изображающая чувства, хотя они (т. е. греки и римляне) и не знали поэзіи, разсуждающей о чувствахъ. Послѣдняя, безъ сомнѣнія, принадлежитъ позднѣйшему времени.

Сегодня у меня были самые живые и, можно сказать, умные сны: я толковалъ о самыхъ занимательныхъ предметахъ и съ кѣмъ же? съ Гёте, Пушкинымъ и Дельвигомъ. Зачѣмъ это было не на яву!

1-го мая.

День рожденія моего В... Сколько сладостныхъ и горькихъ воспоминаній весь нынѣшній день наполняло душу мою! Такъ, я былъ когда-то счастливъ; меня горячо и съ самоотверженіемъ любили! Не забуду никогда его послѣднихъ словъ: „Je prie Dieu qu'il vous accorde le bonheur qu'il m'a refusé“. Читалъ я послѣ обѣда послѣднюю главу „Опѣгина“: въ ней много чувства; нѣсколько разъ слезы навертывались у меня на глазахъ, — нѣтъ, тутъ не одно искусство, тутъ сердце, тутъ душа!

2-го мая.

Сегодня я пересталъ кофе пить, а принялся за молоко; замѣчаю это потому, что самъ варилъ кофе и въ приготовленіи его едва-ли не находилъ еще большее удовольствіе, нежели въ самомъ питьѣ.

4-го мая 1832 г.

Если только справедливо, что Новгородская Русь и Холмогардія, о которой гласятъ шведскія извѣстія, одно и то же, и что искони тутъ господствовало скандинавское (варяжское) племя, очень понятно, какъ Гостомысль,—буде только самъ былъ не славянинъ, а варягъ,—могъ присовѣтовать своимъ родовичамъ, вельможамъ новгородскимъ, не славянамъ, призвать изъ Швеціи правителя для усмиренія бунтующихъ противъ варяговъ славянъ и чуди. Изгнаніе варяговъ, предшествовавшее этому призванію, не противорѣчитъ нимало нашему объясненію; они могли быть изгнаны изъ одной части Руси или Холмогардіи, а держаться въ другой, изъ которой и послали къ своимъ единоплеменникамъ просить вождя и помощи.

5-го мая.

Забавный и не кровопролитный способъ вести войну: „Исландцы потеряли на датскихъ берегахъ корабль, который датчане разграбили. За это исландцы такъ разсердились, что вѣзмъ вообще въ Исландіи было дано предписаніе внести, въ видѣ подати, съ каждаго носа по ругательной пѣснѣ на короля датскаго (Гаральда Гормсона, прозваннаго Влотандомъ)“.

8-го мая.

Прочелъ 9 главъ 1-й книги „Маккавеевъ“; эта книга гораздо болѣе прочихъ двухъ, по простотѣ слога, подходитъ къ древнимъ еврейскимъ бытописаніямъ; въ ней почти незамѣтно вліяніе александрійскихъ іудеевъ, принявшихъ весьма уже въ то время испорченный вкусъ, напыщенный способъ выраженія тамошнихъ грековъ и эллинистовъ (не-грековъ, писавшихъ по-гречески); вѣроятно, что первая книга „Маккавеевъ“ писана современникомъ сихъ героевъ.

9-го мая.

Вчера я въ первый разъ легъ спать безъ свѣчки. На плацу, вчера вечеромъ, играла музыка и, между прочимъ, извѣстную симфонію: „Коль славетъ нашъ Господь въ Сіонѣ“. Часто слыкалъ ее въ лицей, когда пѣли товарищи; нынѣ она на меня сильно подѣйствовала, разъ потому, что эта музыка истинно хороша, во-вторыхъ, что мнѣ такъ рѣдко случается слышать музыку, наконецъ, что съ этою симфоніею во мнѣ ожила тѣмъ воспоминаній.

Сегодня я переправлялъ первую (все еще неконченную) часть своего „Вѣчнаго Жида“. Читалъ по-гречески, потомъ прочелъ остальные главы первой книги „Маккавеевъ“ и, наконецъ, со скуки читалъ „Еруслана Лазаревича“.

«Длинной сказки вздоръ живой».

Простодушіе нашихъ сказочниковъ иногда истинно Гомеровское: знаю, что многіе, прочитавъ это, ахнутъ, но, несмотря ни на чье аханье, *nota mea manet*, и что правда, то правда.

10-го мая.

Сегодня у меня отконопатели окно, такъ что я цѣлый день почти пользовался чистымъ воздухомъ.

При нынѣшней перемѣнѣ книгъ получилъ я путешествіе Сарычева и Курганова „Письмовникъ“. Впрочемъ, этотъ послѣдній вовсе не такъ дуренъ, какъ я воображалъ; напротивъ, по времени, когда былъ написанъ, можетъ назваться очень порядочною, даже хорошею книгою. И нынѣ можно въ немъ найти довольно много любопытнаго; не говорю уже объ очень полномъ собраніи русскихъ пословицъ, между которыми я нашелъ много мнѣ вовсе неизвѣстныхъ и чрезвычайно замысловатыхъ,—но и анекдоты, т. е. тѣ, которые у него названы анекдотами, а не повѣстями, всѣ почти хороши, по крайней мѣрѣ, гораздо лучше бѣльшей части печатаемыхъ нынѣ.

12-го мая.

Провелъ день довольно праздно: только читалъ. Сарычева замѣчанія объ устьѣ Амура и вообще о всей этой рѣкѣ заставляютъ жалѣть, что она не осталась за Россією.

13-го мая.

Попытаюсь переводить, а именно примусь за Шекспирова „Короля Лира“.

Изъ описанія нравовъ чукчей Сарычевымъ видно, что оныя чрезвычайно сходствуютъ съ нравами древнихъ нормановъ: таже храбрость и таже суровость, да чуть-ли не тѣже и понятія о чести.

14-го мая.

Письмо матушки до глубины сердца меня тронуло. Въ братьинныхъ вездѣ видна его честная, добрая душа; съ какимъ участіемъ говорить онъ и обо мнѣ. Боже мой! если бы мы когда-нибудь могли быть вмѣстѣ. И онъ того желаетъ. Онъ готовъ раздѣлить мое заточеніе! Чѣмъ я это заслужилъ и чѣмъ могу отблагодарить его за такую любовь? Бѣдный Рѣпинъ! какою ужасною смертью кончилась его страдальческая жизнь¹⁾! Кто тотъ другой, что съ нимъ вмѣстѣ погибъ? Не Глѣбовъ-ли?

16-го мая.

Прочелъ два первыхъ, а сегодня и послѣднія три дѣйствія „Лира“, и увѣрился, что при совершенномъ недостаткѣ пособій, какъ-то: иѣ-

¹⁾ Н. П. Рѣпинъ, поселенецъ въ Сибири; онъ сгорѣлъ въ апрѣлѣ 1832 г. въ Верхотенскѣ, въ Восточной Сибири, вмѣстѣ съ гостившимъ у него Андреевымъ; оба они служили до 14-го декабря въ гвардіи.

мецкаго перевода, комментарий на Шекспира, подробнаго англійскаго словаря, а главное, бесѣды съ знатокомъ обоихъ языковъ, умнымъ пріятелемъ,—мнѣ невозможно нынѣ хорошо перевести эту трагедію; она изъ самыхъ трудныхъ для перевода. Остановился я, кажется, на „Ричардѣ III“, котораго слогъ ровнѣе и не такъ отрывистъ, и началъ, т. е., въ два часа перевелъ 13 первыхъ стиховъ.

20-го мая 1832 г.

Слогъ „Ричарда III“ ровнѣе и не такъ отрывистъ. Переводя первый монологъ, я замѣтилъ въ немъ странное сходство съ извѣстнымъ монологомомъ „Орлеанской дѣвственницы“—Шиллера: „Die Waffen ruhn“. Характеристики совершенно разные, но положеніе сходно,—и для меня нѣтъ сомнѣнія, что Шекспировъ монологъ, безъ вѣдома, можетъ быть, подражателя, произвелъ монологъ Шиллера.

Сегодня я, наконецъ, добрался до шестой книги „Иліады“; хотѣлось бы мнѣ до 9-го іюня прочесть шестую; тогда ровно въ годъ прочелъ бы я четвертую долю „Иліады“, потому что 9-го іюня 1831 г. въ первый разъ опять принялся за греческій языкъ, которому учиться я было ужъ совсѣмъ отчаявался.

21-го мая.

Господствующій духъ русскихъ пословицъ иронія. Очень мало такихъ, которыя то, что хотятъ сказать, говорятъ прямо,—большая часть выражается обиняками. Нѣкоторыя—истинные апологи въ двухъ-трехъ словахъ. Не знаю пословицъ остроумнѣе русскихъ; старинныя французскія очень хороши, а все не забавнѣ нашихъ. Удивительно, что при такомъ богатствѣ народнаго остроумія у насъ такъ мало веселыхъ, смѣшныхъ пѣсень, а болѣе все заунывныя.

24-го мая.

Сегодня поутру у меня полъ мыли и потому-то я немного сбился съ обыкновеннаго порядка моихъ занятій, т. е. не переводилъ, а цѣлый день читалъ „Записки В. Головнина“; впрочемъ, должно признаться, что и книга такова, что трудно отъ нея оторваться, особенно же человѣку, который по необходимости долженъ былъ находить нескучными „Курганова Письмовникъ“ и „Деревенскую Библіотеку“.

26-го мая.

Сегодня день рожденія Пушкина.

„Записки В. Головнина“, безъ сомнѣнія, однѣ изъ лучшихъ и умнѣйшихъ на русскомъ языкѣ и по слогу, и по содержанію.

27-го мая.

Славное появленіе душъ, убіенныхъ Ричардомъ, ихъ убійцѣ—одна изъ тѣхъ сценъ въ Шекспирѣ, которыя всего болѣе люблю, кото-

рымъ всего болѣе удивляюсь. Тутъ въ самой конструкціи стиховъ—шороховатой и вмѣстѣ безтѣлесной, сухой и безпредѣльной, какъ надоблачные слои воздуха,—нѣчто неизъяснимое, нѣчто такое, что, какъ золова арфа, подираетъ по кожѣ сладострастною стружею и выжимаетъ изъ глазъ слезы. Это одно изъ тѣхъ мѣстъ въ Шекспирѣ, гдѣ я всего болѣе нашель той музыкальности, о которой говоритъ Шиллеръ.

31-го мая.

Понутру я занимался своимъ переводомъ, а послѣ обѣда прочель „Записки Рикорда“, мнѣ вовсе еще неизвѣстныя. „Записки В. Головина“ мнѣ болѣе нравятся: онѣ проще, въ нихъ нѣтъ никакого притязанія на витѣватость и тѣмъ-то именно онѣ такъ хороши. Рикордъ же, напротивъ, иногда старается щегольнуть краснорѣчіемъ, а особенно карамзинскою чувствительностью; несмотря на это, „Записки Рикорда“ все-таки книга очень занимательная и очень жаль, что у насъ нѣтъ подобныхъ.

1-го іюня.

Приближается день, въ который мнѣ минетъ 35 лѣтъ. Этотъ годъ, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ для меня и лучше прошлаго, однако же, чрезвычайно бѣденъ вдохновеніями. На сей счетъ я былъ счастливѣе даже въ минувшій 1831 годъ: три довольно значительныя сочиненія я въ теченіе его написалъ и кончилъ одно (можетъ быть, лучшее изъ всѣхъ моихъ произведеній); съ 1-го января 1832 года и ничего, ровво ничего, не сдѣлалъ, хотя и много начиналъ.

В о п р о с ы .

Уже-ль и неба лучшіе дары
Въ подлунномъ мірѣ только сновидѣнье?
Уже-ль по тверди только до поры
Свершаютъ звѣзды давнее теченье?
Должно-ли вѣдать гнѣвъ враждебныхъ лѣтъ,
Душа души, святое вдохновенье,
Должно-ли опадать въ одно мгновенье,
Какъ въ осень сорванный со стебля цвѣтъ?
Увы, мнѣ! съ часу на часъ рѣже, рѣже
Живительнымъ огнемъ согрѣтъ мой духъ!
И тотъ же міръ, и впечатлѣнья тѣже,
Но прежнихъ пѣсней не уловить слухъ,
Но я не тотъ;—ужъ нѣтъ живаго чувства,
Которымъ средь свободныхъ, смѣлыхъ думъ
Бывалъ отважный окрыляемъ умъ;
Я робкій рабъ холоднаго искусства;
Сдѣбегъ волосъ въ осень скорбныхъ лѣтъ, —
Ни жару, ни цвѣтовъ весеннихъ пѣтъ.

2-го іюня 1832 г.

Дай Богъ, чтобъ мои прогулки по плацформѣ были часто такъ вдохновительны, какъ вчерашняя и сегодняшняя; стихи, какими я имъ обязанъ, безъ сомнѣнія, вздоръ, но они меня тѣшатъ, но они мнѣ ручаются, что огонь мой еще не вовсе выгорѣлъ, — и этого для меня пока довольно. Мысль для куплетовъ, которые здѣсь слѣдуютъ, подай мнѣ прекрасный кленъ, растущій въ виду гауптвахты:

К л е н ъ.

Скажи, кудрявый сынъ лѣсовъ священныхъ,
Исполненный могучей красоты!
Средь камней, соковъ жизненныхъ лишенныхъ,
Какой судьбою выросъ ты?

Ты развился передъ моей тюрьмою....
Сколь многое напоминаешь мнѣ!
Здѣсь не съ кѣмъ мнѣ... поговорю съ тобою
О милой сердцу старинѣ.

О времени, когда, подобно птицѣ,
Жилецъ вольной средь твоихъ вѣтвей,
Я пѣснь свободную пѣвалъ денницѣ
И блеску западныхъ лучей.

Тогда съ береговъ смпренной Авиноры,
Въ лѣсахъ моей Эстоніи родной,
Впервые жадно въ даль простеръ я взоры,
Мятежной мучимый тоской.

Твои всходящіе за небо братья
Видали, какъ завѣшанную тьмою
Страну я звалъ, манилъ въ свои объятя, —
И покачали головой.

А нынѣ ты свидѣтель совершенья
Того, что прорицали братья мнѣ,
О ты, послѣдній въ мракѣ заточенья,
Мой другъ въ далекой сторонѣ!

6-го іюня.

Нѣтъ ничего безстыднѣе объявленій книгопродавцевъ братьевъ Глазуновыхъ. Доказательствомъ тому можетъ служить предувѣдомленіе передъ безтолковымъ: „Описаніемъ всѣхъ обитающихъ въ російскомъ государствѣ народовъ“. Эта книга меня изъ терпѣнія вывела: она такъ нахально выхвалена издателями и такъ глупа, что трудно вообразить, — и вотъ, что, между прочимъ, я долженъ читать за неимѣніемъ ничего лучшаго! По неволѣ сдѣлаешься дуракомъ. Впрочемъ, я

увѣренъ, что тутъ Георги очень мало виноватъ, а дѣло-то все нашихъ любезныхъ переводчиковъ. Напримѣръ, можетъ-ли быть, чтобы Георги, членъ академіи наукъ, человѣкъ ученый, знавшій, безъ сомнѣнія, Нестора и труды Шлёцера, полагалъ, что Русь или россы и народы финскаго поколѣнія одно и тоже? Или, что къ этимъ русофинамъ принадлежатъ шведы, датчане и, прршу покорно, алеуты? Можетъ-ли быть, чтобы онъ толковалъ о Сыръ-Мидахъ? Чтобъ... Но эти чтобъ не скоро бы кончились. Однако, и въ дурныхъ книгахъ можно иногда найти любопытное, новое: таково и здѣсь извѣстіе о странной болѣзни лопарокъ, происходящей отъ испуга; я этому вѣрю, потому что Сарычевъ подобное рассказываетъ о якуткахъ.

7-го іюня 1832 г.

Удивляюсь, какъ ни одинъ историкъ не вздумалъ причислить къ народамъ славянскаго племени языговъ и маркоманновъ, съ которыми воевалъ Маркъ Аврелій. Языги не языки-ли, т. е. словене, словаки люди говорящіе, въ отличіе отъ нѣмцевъ, т. е. нѣмыхъ, какъ называли они всѣхъ своихъ сосѣдей, которыхъ не понимали? Маркоманны не украинцы-ли, т. е. народъ порубежный, и не отъ нихъ-ли австрійская Украина (Крайнъ), обитаемая и понынѣ славянами, получила свое названіе? Крайнъ составлялъ же часть пространства земель, занимаемыхъ этимъ народомъ.

9-го іюня.

Хотѣлось бы мнѣ кончить 1-е дѣйствіе „Ричарда III“ до 16-го числа, чтобы, по крайней мѣрѣ, не болѣе мѣсяца переводить одно дѣйствіе; бывало, я мѣсяца въ два могъ перевести цѣлую трагедію; но теперь что-то дѣло идетъ медленнѣе. Впрочемъ, должно сказать, что „Ричардъ III“ чуть-ли не труднѣе для перевода „Макбета“ и „Ричарда II“. Въ „Макбетѣ“ вездѣ почти слогъ поэтическій, высокій (не говоря о сценахъ, гдѣ дѣйствуютъ вѣдьмы, лица, впрочемъ, вовсе не прозаическія ни по слогу, ни по характеру), а въ „Ричардѣ III“, при высочайшей поэзіи чувствъ, ужаса и положеній, оболочка вездѣ почти совершенно прозаическая, а это-то именно всего труднѣе передать съ одного языка на другой.

10-го іюня.

Сегодня мнѣ минуло 35 лѣтъ. И такъ, я уже ближе къ старости, чѣмъ къ молодости. Послѣ завтрака я прочелъ въ молитвенникѣ три гимна на день рожденія;—второй: „Schon wieder ist von meinem Leben“ превосходенъ и какъ-будто нарочно для меня сочиненъ; я намѣренъ его перевести; между тѣмъ, вотъ стихи, которые мнѣ самому дались на этотъ день:

Въ день рожденія.

Вотъ день, въ который для надежды,
 Желаній, страха и скорбей,
 Для чувствъ и думъ открылъ я вѣжды,
 Для испытаній жизни сей.
 Вотъ день, въ который я впервые
 Отверзъ уста свои нѣмые...
 Ахъ! свѣту плачь былъ мой привѣтъ
 Въ тотъ день, когда узрѣлъ я свѣтъ!

И много, много мнѣ печали
 Наставшіе часы и дни,
 Страданья много даровали, —
 И темны впереди они!

11-го іюня.

Древніе иногда раздѣляли естество человеческое на духъ, тѣнь и тѣло. По мнѣнію нѣкоторыхъ философовъ, духъ послѣ смерти возвращался на небо, гдѣ и прежде находился до своего соединенія съ тѣломъ. Тѣло истлѣвало, а тѣнь спускалась въ адъ. Долго я не могъ понять, что такое собственно греческіе умствователи разумѣли подъ словомъ тѣнь (shades). Сегодня одно явленіе, которое и прежде я въ самомъ себѣ замѣчалъ, разрѣшило мнѣ эту загадку. Въ душѣ человеческой есть область низшая, механическая, такъ сказать, тѣлесная. Ее населяютъ тѣни, отголоски тѣлеснаго міра: воспоминанія, на которыя умъ и воображеніе не обращаютъ вниманія, такія, которыя часто не имѣютъ и сами яснаго о себѣ сознанія; воспоминанія чисто тѣлесныя: о звукахъ, цвѣтахъ, напѣвахъ, знакахъ, словахъ, — воспоминанія, которыя болѣе, чѣмъ простыя впечатлѣнія, но менѣе, чѣмъ мысли. Сверхъ того, они не простой только запасъ понятій (иначе всю эту область можно бы было назвать памятью, несогрѣваемой, мертвенною, неживляемою воображеніемъ); нѣтъ! они не вовсе лишены движенія, — я въ душѣ своей нерѣдко замѣчалъ двойственное дѣйствіе, происходящее въ одно и тоже время. Случалось, что духъ мой былъ занятъ чѣмъ-нибудь истинно высокимъ въ то самое мгновеніе, какъ тѣнь (такъ назову низшую область, низшую половину души) напѣвала экосезъ или мазурку, или видѣла передъ собой всякую всячину. Иногда бываетъ и то, что духъ не слѣдуетъ волѣ; мѣсто его заступаетъ тѣнь. Такъ, глаза Онѣгина — только тѣни — читаютъ печатныя строки, а духовными глазами онъ читаетъ совсѣмъ иное, ибо одухотворяетъ воображеніе; при дѣйствіяхъ же тѣни оно не замѣтно; если же ожило, — дѣйствіе уже перенеслось въ высшую область, гдѣ владычествуетъ духъ.

Виѣшнюю, такъ сказать, сторону, поверхность души, древніе

назвали тѣнью. Она образуется по впечатлѣніямъ тѣлеснаго, вещественнаго міра; потому и очень естественно, что по смерти отдѣляли ее отъ духа и назначали ей иное мѣстопробываніе. Здѣсь тѣнь сохраняла и привычки, и склонности чисто тѣлесныя; земныя упражненія остались тѣже; олимпійскій боецъ и въ аидѣ металъ дискъ, Орфей игралъ на лирѣ:

Et l'ombre d'un cocher
Avec l'ombre d'une brosse
Nettoyait l'ombre d'une carosse.

13-го іюня.

Кромѣ тунгузовъ, якутовъ, остяковъ и нѣкоторыхъ племенъ татарскаго поколѣнія довольно многочисленныхъ, вся Сибирь населена обломками народовъ, которые со временемъ совершенно исчезнутъ, какъ въ Европѣ почти уже исчезли народы кельтійскаго колѣна, истребленные ордами аракійскими, германскими и славянскими. Георги разсказываетъ о нѣкоторыхъ остаткахъ самоѣдскаго рода, въ среднихъ и полуденныхъ полосахъ Сибири слившихся съ сибирскими татарами и забывшихъ даже языкъ свой. Почти тоже говорилъ мнѣ Матюшкинъ о племени, смежномъ съ юкагирами, изъ котораго уцѣлѣлъ только одинъ человѣкъ, помнящій еще первобытный языкъ своихъ предковъ. И о юкагирахъ Матюшкинъ думаетъ, что они скоро совсѣмъ обрусѣютъ. Впрочемъ, нечего искать въ Сибири того, что и у насъ происходитъ въ Европейской Россіи: литва—это нѣкогда столь страшное племя, почти совершенно переродилось; всѣ они почти стали поляками или бѣлоруссами; едва-ли теперь и двадцать тысячъ литвяковъ мужскаго пола говорятъ еще по-литовски.

14-го іюня.

Не нравится мнѣ, когда переводчикъ Георги, говоря объ обращеніи какихъ-нибудь грубыхъ идолопоклонниковъ сибирскихъ изъ шаманства въ исламизмъ или хотъ въ менѣе грубое многобожіе ламское, употребляетъ выраженіе были прельщены, или подобное. Мнѣ кажется, что истинный христіанинъ долженъ, напротивъ, радоваться, когда язычники начинаютъ приближаться въ понятіяхъ своихъ о высочайшемъ существѣ къ тѣмъ святымъ истинамъ, которыя вполнѣ, конечно, находятся въ одномъ ученіи Спасителя, но отъ которыхъ, надѣюсь, магометане или самые ламиты не отстоятъ такъ далеко, какъ бѣдныя послѣдователи шаманскихъ бредней. Вообще насмѣшки надъ обрядами и мнѣніями и презрѣніе къ вѣроисповѣданіямъ другихъ народовъ мнѣ ненавистны; это у меня наслѣдіе отъ покойнаго моего друга (Грибоѣдова); онъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, смиренный и строгій христіанинъ и безпрекословно вѣрилъ ученію св.

церкви, но между тѣмъ радовался, когда въ понятіяхъ не христіанскихъ народовъ находилъ высокое, утѣшительное, говорящее сердцу человѣка не предубѣжденного, не зараженного предрассудками половиннаго просвѣщенія ¹⁾).

15-го іюня 1832 г.

Сегодняшнее число я долженъ считать однимъ изъ счастливейшихъ дней моей жизни: я получилъ шесть писемъ отъ родныхъ и, въ числѣ ихъ, отвѣтъ брата на письмо, которое я къ нему писалъ прошлаго года въ декабрѣ мѣсяцѣ. Получивъ первое письмо отъ него, я еще сомнѣвался: позволятъ-ли быть между нами настоящей перепискѣ; теперь вижу, что могу пользоваться этимъ благодѣяніемъ.

16-го іюня.

Прохаживаясь по плацформѣ, я видѣлъ несчастнаго, у котораго одна ступня наизворотъ тамъ, гдѣ обыкновенно бываетъ колѣно, а другой вовсе нѣтъ. При отзывѣ Осипова, что Богъ его вѣрно наказалъ такъ за какіе-нибудь грѣхи, я вспомнилъ слова Спасителя, при подобномъ вопросѣ учениковъ о слѣпорожденномъ: „ни сей согрѣши, ни родители его, но да явятся дѣла Божія на немъ“. Еванг. отъ Іоанна, гл. 9, ст. 3. Такъ, я увѣренъ, что и этотъ бѣдный калѣба не лишентъ такихъ утѣхъ, о которыхъ мы, здоровые, и догадаться не можемъ. Отецъ нашъ небесный не оставляетъ никого, и вѣрно, и его не оставилъ.

18-го іюня.

Э л е г і я.

Склонился на руку тяжелой головою
 Въ темницѣ сумрачной задумчивый поэтъ...
 Что такъ очей его погасъ могучій свѣтъ?
 Что стало предъ его померкшею душою?
 О чемъ мечтаетъ? Или духъ его
 Лишился мужества всего
 И палъ предъ непріязненной судьбою?
 — Не нужно состраданья твоего:
 Къ чему твои вопросы, хладный зритель
 Тоски, которой не понять тебѣ?

¹⁾ Вотъ что я написалъ и какъ, въ самомъ дѣлѣ, думалъ въ 1832 году. Теперь я нѣсколько извиняю переводчика Георга за слова были прельщены, потому что здѣсь, въ Сибири, на мѣстѣ я узналъ, что гораздо легче обратить въ истинную вѣру грубаго шаманита, нежели ученика ламъ, которые своихъ послѣдователей держатъ подъ игомъ строгой и хитрой іерархіи; сверхъ того, обряды довольно пышныя и тонкости ламскаго лжеученія—такія прелестивыя, которыхъ проповѣдникъ слова Божія не встрѣтитъ между дикарями, слѣдующими еще шаманству.

Прим. 1841 г., въ Сибири. В. К.

Твоихъ-ли утѣшевій, утѣшитель,
 Онъ требуетъ? Оставь ихъ при себѣ!
 Нѣтъ, не ему тужить о суетной утратѣ
 Того, что счастиемъ зовете вы:
 Равно доволенъ онъ и во дворцѣ, и въ хатѣ;
 Не посѣдѣли бы власы его главы,
 Хоти бы самъ, въ поту лица, руками
 Приобрѣталъ свой хлѣбъ за тяжкою сохой;
 Онъ былъ бы твердъ подъ бурей и грозами
 И равнодушно снесъ бы мразъ и зной.
 Онъ не терзается и по златой свободѣ:
 Пока огонь небесъ въ поэтѣ не потухъ,
 Поэта и въ цѣняхъ еще свободенъ духъ.
 Когда-жъ и съ грустью мыслить о природѣ,
 О божьихъ чудесахъ на небѣ, на землѣ,
 О долахъ, о горахъ, о необъятномъ сводѣ,
 О росяхъ, тонущихъ въ вечерней, бѣлой мглѣ,
 О солнечнои блистательномъ восходѣ,
 О дивномъ сонмѣ звѣздъ златыхъ—
 Безчисленныхъ лампадъ всемірнаго чертога,
 Несмѣтныхъ исповѣдниковъ нѣмыхъ
 Премудрости, величья, славы Бога, —
 Не безъ отрады все же онъ:
 Въ его груди вселенная пняла,
 Въ ней тотъ же благи таяственный законъ,
 Въ ней таже заповѣдь святая,
 По коей, выше тьмы и золь, и облаковъ,
 Безъ усталы течетъ великій полкъ міровъ.
 Но вѣдать хочешь ты: что сумракъ знаменуетъ,
 Которымъ, будто тучей, облегло
 Пѣвца унылое чело?
 Увы! Онъ о судьбѣ тоскуетъ,
 Какой ни Месидъ, ни Камосенъ, ни Тассъ,
 И въ лѣсныхъ, и въ бѣдахъ его предтечи,
 Не испытали; пламень въ немъ погасъ
 Тотъ, съ коимъ не были ему ужасны встрѣчи
 Ни съ скорбнымъ недугомъ, ни съ холодной пищетой,
 Ни съ вѣтренной измѣной
 Любви давно забытой и презрѣнной,
 Ни даже съ душною тюрьмой!

19-го іюня.

Никогда не сочту за стыдъ признаться въ своей ошибкѣ; вотъ почему и признаюсь, что въ „Описаніи народовъ“ etc., несмотря на множество недѣлностей, есть кое-что и хорошее; наприимѣръ, статьи о „Запорожскихъ казакахъ“ очень и очень недурна. И научиться можно кое-чему изъ этой книги; наприимѣръ, что такъ называемое Андреевское село въ Чеченѣ точно построено казаками (это я, впрочемъ, слышалъ еще и въ Грузіи), а именно, гребенскими, и получило

свое названіе отъ ихъ атамана Андрея, слѣдственно, не есть перекланное на русскую статью чеченское имя сего, нѣкогда (до взятія онаго приступомъ, въ 1818 году, Ермоловымъ) столь цвѣтущаго и многолюднаго, торговаго и ремесленнаго мѣста, которое чеченцами, населявшими оное, называлось Эндрень. Сверхъ того, я узналъ тутъ очень хорошее, мнѣ незнакомое русское слово: крупецъ — металлъ; особенно прилагательное отъ него: крупцовый можно бы предпочесть длинному, вялому и противному свойству русскаго языка прилагательному: металлическій.

20-го іюня 1832 г.

Читаю Карамзина „Вѣстникъ Европы“ (изд. 1802 и 1803 гг.). Должно признаться, что для того времени этотъ журналъ чрезвычайно хорошъ; да и нынѣ онъ, по заманчивости своихъ статей, занялъ бы не изъ послѣднихъ мѣстъ между нашими изданіями, а по слогу чуть-ли не первое. Полевой, котораго, впрочемъ, очень уважаю, по слогу варваръ; а Гречъ, съ своимъ грамматически правильнымъ слогомъ, сухъ и въ самомъ слогѣ, въ разнообразности же познаній далеко уступаетъ и Полевому, и Карамзину. Глубины у всѣхъ трехъ довольно мало; но все-таки у Полеваго и Карамзина не въ примѣръ болѣе, нежели у Греча, который ничего не видитъ и не хочетъ видѣть далѣе того, что затвердилъ еще въ школѣ, или чего нахватался кое-какъ изъ иностранныхъ журналовъ самаго пошлаго разряда.

27-го іюня.

Стыжусь, я опять былъ малодушень. Какъ часто бываю похожъ на пророка Іону, который, когда иссохла его тыква, восклицалъ: „уне ми умрети, нежели жити!“

28-го іюня.

Во снѣ я опять видѣлъ Грибоѣдова и другихъ милыхъ мнѣ. Замѣтилъ я нѣчто странное, любопытное для психологовъ и фізіологовъ: съ нѣкотораго времени сняты мнѣ не предметы, не происшествія, а какія-то чудныя сокращенія, которыя относятся къ нимъ, какъ гіероглифъ къ изображенію, какъ списокъ содержанія книги къ самой книгѣ. Не происходитъ-ли это отъ малочисленности предметовъ, меня окружающихъ, и происшествій, какія со мною случаются?

29-го іюня.

Петровъ день. Живы-ли мои имянинники?

У меня когда-то были претолстыя тетради, въ которыхъ я собиралъ разительныя, встрѣчавшіяся мнѣ при чтеніи мысли. Если бы теперь заглянуть въ эти выписки, я, вѣроятно, удивился бы, сколько въ нихъ вздору! Тѣмъ не менѣе, онѣ были мнѣ очень полезны. И

нынѣ выписываю кое-что; только жатва довольно скудная, отчасти от того, что для меня мало еще новаго въ области мыслей (хотя и многое ново въ области знаній), отчасти же, что книги, которыя теперь читаю, не могутъ щеголять богатствомъ мыслей. Кое-когда попадетъ мысль, которая и покажется мнѣ сначала не совсѣмъ пошлою, а какъ размотришь ближе, нова только оболочка ея.

30-го іюня.

Сегодня я прочелъ отрывокъ русскаго романа: „Рыцарь нашего времени“; хотѣлось бы знать, кто авторъ? Онъ подражаетъ Стерну, но не безъ таланта.

2-го іюля 1832 г.

Перечелъ я статейку Карамзина, которой лѣтъ десять не читалъ, а именно: „Историческія воспоминанія на пути къ Троицѣ“. Здѣсь говоритъ и судитъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, что написалъ „Исторію Государства Россійскаго“, и не знаю, не справедливѣе-ли мысли Карамзина въ 1802 году, чѣмъ въ 1820-мъ и послѣдующихъ? По крайней мѣрѣ, онѣ искреннѣе. Еще въ 1818 году я слышалъ отъ самаго Карамзина, что такъ называемаго „Лжедмитрія“ (разумеется, перваго) считать истиннымъ. О Борисѣ въ „Воспоминаніяхъ“ онъ также судитъ совершенно иначе, нежели въ „Исторіи“.

Съ удовольствіемъ я встрѣтилъ въ „Вѣстникѣ“ извѣстную элегію покойнаго Андрея Тургенева (брата моихъ пріятелей). Еще въ лицѣ я любилъ это стихотвореніе, и тогда даже больше „Сельскаго кладбища“, хотя и былъ въ то время энтузіастомъ Жуковскаго. Окончаніе Тургенева элегіи неподобно:

«Тамъ твой смущенный духъ найдетъ себѣ покой
И позабудетъ все, чѣмъ онъ терзался прежде,
Гдѣ вѣра не нужна, гдѣ мѣста нѣтъ надеждъ,
Гдѣ царство вѣчное одной любви святой».

3-го іюля.

Я прочелъ „Апокалипсисъ“.

Искренно признаюсь, что рѣдко читаю „Апокалипсисъ“, потому что не понимаю. Но есть мѣста, неотступающія въ силѣ и возвышенности самымъ сильнымъ и высокимъ въ пророчествахъ Исаи и Іереміи, напримѣръ:

«И видѣхъ единаго ангела, стоящаго на солнцѣ, и возопи гласомъ велиимъ, глагола птицамъ небеснымъ, парящимъ посредѣ небесе: приидите и соберитесь на вечерю великую Божию, да съѣсте плоти царей и плоти курычкихъ, и плоти тысящниковъ, и плоти коней и сидящихъ на нихъ, и плоти всѣхъ свободныхъ и рабовъ, и малыхъ, и великихъ!»

5-го іюля.

Въ 7-й книжкѣ „Вѣстника Европы“ стихи Тургенева, которые мнѣ очень полюбились; не понимаю, какъ Жуковский, другъ и това-

рищъ покойнаго и самъ поэтъ съ талантомъ, не помѣстилъ ихъ въ своей „Антологіи“; вотъ они:

«Сыны отечества клянутся
И небо слышать клятву ихъ,—
О какъ сердца въ нихъ сильно бьются!
Не кровь течеть, а пламя въ нихъ.

(Безподобный стихъ!)

Тебя, отечество святое,
Тебя любить, тебѣ служить —
Вотъ наше званіе прямое!»

(Слабо, но поэту едва-ли было 17 лѣтъ, и писалъ онъ въ 1803 г., когда на русскомъ Парнасѣ всего менѣе хлопотали о силѣ).

«Мы жпзнію своей купить
Твое готовы благоденство;
Погибель за тебя — блаженство,
И смерть — безсмертіе для насъ».

дальше:

«Не содрогнемся въ страшный часъ
Среди мечей на ратномъ полѣ;
Тебя и Бога призовемъ,

(У автора: „какъ Бога“)

И врагъ не узреть солнца болѣ,
Или сраженные падемъ!»

(Всѣ 9 стиховъ прекрасны, особенно послѣдніе два).

«И наша смерть благословится....
Сонъ вѣчности покроетъ насъ».

(Два лишніе стиха).

«Когда вздохнемъ въ послѣдній разъ,
Сей вздохъ тебѣ же посвятится!»

Несчастлива Россія на счетъ людей съ талантомъ; этотъ юноша, который въ Благородномъ пансіонѣ былъ соперникомъ Жуковскаго и, вѣроятно, превзошелъ бы его, умеръ, не достигнувъ и 20-ти лѣтъ.

7-го іюля.

Гораздо труднѣе переводить то, что въ Шекспирѣ не выдержитъ суда строгой критики (хотя и многое можно бы сказать въ оправданіе такихъ мѣстъ), нежели то, что въ немъ истинно превосходно: такъ, напримѣръ, я въ одно утро перевелъ несравненное „Сновидѣніе

Кларенса“, а оперная сцена, о которой говорилъ я вчера, несмотря на то, что, благодаря Аполлона, довольно коротка, у меня еще не совсѣмъ кончена. Верхъ же трудностей Шекспировы „Concetti“: выпустить ихъ нельзя, безъ нихъ Шекспиръ — не Шекспиръ, а между тѣмъ, тутъ иногда бьешься надъ однимъ словомъ часъ, два, и болѣе.

8-го іюля 1832 г.

„Мареа Посадница“, которой я болѣе десяти лѣтъ не читалъ, несмотря на кое-какіе несообразности, безъ сомнѣнія, одно изъ лучшихъ произведеній Карамзина. Такъ я всегда думалъ и теперь думаю, прочитаю эту повѣсть въ „Вѣстникѣ Европы“. Послѣдняя часть истинно хороша. Жаль только, что и тутъ такъ мало прямо народнаго, подлинно русскаго.

Сегодня я бился цѣлое утро надъ переправкою и перепискою сцены, которую я, если бы не характеръ старухи княгини Іоркской, охотно бы выкинулъ изъ Шекспира. Вообще мнѣ кажется, что „Ричардъ III“ не заслуживаетъ огромной своей славы; признаюсь искренно, что „Ричардъ II“ и „Генрихъ IV“ (особенно первая часть) мнѣ болѣе нравятся. Въ нихъ, конечно, нѣтъ такихъ удивительныхъ красотъ, какія являются иногда въ „Ричардѣ III“, напримѣръ, въ „Сновидѣніи Кларенса“ и въ славной сценѣ появленія душъ убитыхъ ихъ убійцъ—Ричарду, но за то и нѣтъ въ нихъ столько натяжекъ, холода, даже скуки.

Бѣлъ здѣсь въ первый разъ землянику.

10-го іюля.

Я разъ уже замѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что исторія израильскаго народа нѣкоторымъ образомъ исторія многихъ частныхъ людей; сегодня эта мысль сильно во мнѣ возобновилась, когда въ псалмѣ 77-мъ я прочелъ слѣдующее мѣсто:

«Егда убиваше я, тогда възскаху его и обращахуса и утреневаху къ Богу: и помянуша, яко Богъ помощникъ имъ есть и Богъ Вышній избавитель имъ есть, и возлюбипа его усты своимъ и языкомъ своимъ солгаша ему: сердце же ихъ не бѣ право съ Нимъ, ниже укрѣпипаша въ завѣтѣ Его». Ст. 34—38.

11-го іюля.

Принесли мнѣ два тома Карамзинскаго „Вѣстника“ и два—его преемниковъ. Какая разница! Должно отдать справедливость Карамзину, что онъ, какъ журналистъ, былъ мастеръ своего дѣла; особенно пріятны и занимательны у него статьи подъ заглавіемъ: Смѣсь и Извѣстія и замѣчанія.

Замѣчу, что статья о московскомъ мятежѣ—одно изъ первыхъ сочиненій, читанныхъ мною на русскомъ языкѣ; я ее читалъ, когда еще учился читать у сестры Юстины Карловны.

12-го іюля 1832 г.

Сегодня давно ожидаемый мною день совершенія шестилѣтія по рѣшенію судьбы моей и злополучныхъ моихъ товарищей. Скажу съ поэмомъ: „шестъ лѣтъ протчалось, какъ мечтаніе“. Но ахъ! какое тяжелое, безконечное мечтаніе! Бывали минуты, что я хотѣлъ себя увѣрить, что все случившееся со мною съ 14-го декабря 1825 г. ничто иное, какъ безобразный сонъ разстроеннаго воображенія; нерѣдко хотѣлось мнѣ спросить: „когда же, когда же проснусь?“ Но я не просыпался и девять лѣтъ мнѣ еще дремать и сердцемъ, и умомъ, въ тюрьмѣ, если милосердый Богъ не пошлетъ мнѣ своего ангела ¹⁾! Не жалуюсь на людей, но я бы былъ гнусный лицемеръ, если бы сталъ хвалить свой жребій и увѣрять, что нахожу его прекраснымъ.

Сегодня день освобожденія Глѣбова; дай Богъ, чтобъ его поселили въ томъ же мѣстѣ, гдѣ братъ мой: для брата это было бы большимъ утѣшеніемъ, а Глѣбову теперь много что 25 лѣтъ,—ему совѣты и примѣры моего брата были бы очень полезны.

Всю цѣну журналиста Карамзина тогда только вполнѣ чувствуешь, когда читаешь попеременно то его, то его преемниковъ; переходъ отъ него къ нимъ—точно переходъ изъ гостиной въ лакейскую, или изъ 1803 года въ шестидесятые (1760-е). Что за слогъ у втораго издателя, чуть-ли ни Каченовскаго! Что за образъ мыслей! Какое варварство! Какое площадное невѣжество, вмѣстѣ съ самымъ надутымъ педантизмомъ и съ самою несносною школьною гордостью!

16-го іюля.

Въ эстетическомъ отношеніи жаль, что Карамзинъ не продолжалъ своего „Рыцаряна шего времени“ (онъ—его). Въ отрывкѣ истинный талантъ, хотя и есть мѣста переслащенные. Въ нравственномъ же смыслѣ, напротивъ, быть можетъ, очень хорошо, что нѣтъ продолженія.

„Вадимъ“ Жуковскаго (въ прозѣ, а не вторая часть „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ“) — ученическое произведеніе; но спасибо Жуковскому, что онъ тутъ, въ введеніи, вспомнилъ столь рано отцвѣтшаго Андрея Тургенева, котораго я никогда не знавалъ, но котораго память была мнѣ всегда, не знаю почему, особенно любезна.

21-го іюля.

Не читалъ я, а скорѣе сказать лакомился стихотвореніями Скотта; пробѣжалъ только начало первой его поэмы „The Lay of the last Menstrel“: каждый стихъ—капля нектара для человѣка, котораго такъ давно не читалъ ничего поваго, хорошаго.

¹⁾ Слѣдуютъ три тщательно вычеркнутыя строки.

„русская старина“, томъ XIII, 1875 г., августъ.

„Зоровавель“ мой ¹⁾ въ рукахъ Пушкина. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы его напечатали, не для себя, не для славы—я о ней теперь мало думаю, но для того, чтобы на деньги, которыя выручатъ, доставить брату книги и журналы, коихъ онъ желаетъ.

23-го іюля 1832 г.

Прохаживаясь по плацформѣ, я забавлялся, глядя на сраженіе шпица съ козю. Всего смѣшнѣе было, что храбрая коза иногда сама нападала и даже обращала собаку въ бѣгство; къ тому же, хладнокровное мужество рогатой воительницы было весьма величественно и составляло рѣзкій контрастъ съ неугомоннымъ лаемъ и суетливостью ея противника; впрочемъ, изрѣдка нѣсколько тяжеловатые прыжки прерывали ея важное спокойствіе. Не прежде амазонка отступила, какъ когда къ шпицу подоспѣлъ еще союзникъ—какая-то желтая дворняшка.

28-го іюля.

Въ замѣчаніяхъ у Скотта пропасть такого, чѣмъ можно бы воспользоваться. Любопытно одно изъ этихъ замѣчаній о симпатическихъ средствахъ леченія: „въ нашъ магнетическій вѣкъ“,—говоритъ авторъ,—„странно было бы всѣ эти средства считать вздоромъ“.

Грибоѣдовъ былъ того же мнѣнія, именно касательно заговариванія крови.

30-го іюля.

Я вспомнилъ Дельвига; хорошо бы было, если бы кто слогомъ п съ талантомъ покойнаго написалъ что-либо на смерть его.

Кончилъ Рокеби. Читаю жизнь Вальтера-Скотта и отчетъ въ его произведеніяхъ; тутъ, между прочимъ, сказано, что публика припиала Рокеби довольно холодно; *c'est l'histoire d'Athalie*: я предпочитаю эту поэму его первой, хотя и очень понимаю, какимъ образомъ „*The Lay of the last Minstrel*“ могъ возбудить столь общій восторгъ. Замѣчанія Скотта о его подражателяхъ очень справедливы и оправдываются тѣмъ, что испыталъ и нашъ Пушкинъ. Люди съ талантомъ, не одинаковой степени, но все же съ талантомъ, Баратынскій, Языковъ, Козловъ, Шишковъ-младшій и другіе—вовсе безъ таланта, умѣли перенять его слогъ; до Пушкина, правда, никто изъ нихъ не дошелъ, но всѣ и каждый порознь нанесли вредъ Пушкину, потому что публикѣ, наконецъ, надоѣлъ Пушкинскій слогъ.

9-го августа.

Чтобы не забыть: въ извѣстїи о Скоттѣ передъ его поэмами упоминается, что въ дѣтствѣ онъ былъ охотникъ рассказывать своимъ

¹⁾ Громадная поэма В. К. Кюхельбекера сохранилась въ рукописи, въ послѣ прочихъ его сочиненій.

товарищамъ сказки, которыя самъ выдумывалъ. Это у него общее съ Гёте и (осмѣлюсь-ли послѣ такихъ людей называть себя?) со мною.

10-го августа 1832 г.

Наконецъ, я нашелъ въ 25-й книжкѣ „Вѣстника Европы“ нѣчто, что можетъ мнѣ пригодиться для сочиненія. Вотъ краткое извлеченіе.

«Отрочь монастырь, стоящій при устьѣ Тверцы, основанъ по слѣдующему случаю: Григорій, княжій отрокъ при дворѣ Ярослава, перваго князя Тверскаго, влюбился въ дочь церковно-служителя въ селѣ Едимоновѣ, которое князь пожаловалъ отроку. Григорій получилъ позволеніе отъ своего государя жениться на своей любезной. Они въ храмѣ. Внезапно раздѣляется на двѣ половны толпа предстоящаго народа и является князь. Соколь заманулъ его въ село и сѣлъ на крестъ колокольни. Ярославъ, видя празднество, отгадалъ причину его и захотѣлъ удостойть своимъ присутствіемъ обрядъ бракосочетанія. Ксенія, взглянувъ на князя, смутилась; онъ также. Влекомый сплосъ красоты, Ярославъ подходитъ къ ней, беретъ за руку, спрашиваетъ: «не хочешь-ли выдти за него?» Она соглашается. Бѣдный Григорій скрылся въ толпѣ. Однако же, князь, наконецъ, вспомнилъ о немъ. Его отыскиваютъ долго, тщетно, наконецъ, находятъ—въ отчаяніи, въ рубищѣ. Приводятъ къ князю, Ярославъ предлагаетъ ему награды и почести; отрокъ не принимаетъ ихъ, проситъ позволенія постройти келью при устьѣ Тверцы и жить тамъ съ нѣкоторымъ отшельникомъ. Позволено. Онъ умпраетъ и Ярославъ строитъ Отрочь-монастырь надъ его могилкою».

Мнѣ кажется, что все это выдумки; но, надѣюсь, согласятся, что выдумка недурна и что изъ нея можно бы кое-что сдѣлать. Дай-то Богъ! Давно уже мнѣ не приходило ни одной творческой мысли.

Въ 27-й книжкѣ („Вѣстника Европы“) занимательно письмо къ Коцебу отъ его сына изъ Японіи, отъ Морица-ли или Отто—неизвѣстно; издатель говоритъ, что оба они были въ Японіи; странно, что Морицъ Астафьевичъ, короткій мнѣ пріятель, никогда мнѣ не упоминалъ о своемъ путешествіи въ Японію.

12-го августа.

Въ дурномъ и глупомъ, когда оно въ величайшей степени, есть свой родъ высокаго—le sublime de la bêtise, то, что Жуковский называлъ „чистою радостію“, говоря о сочиненіяхъ Хвостова. Безъ всякаго сомнѣнія, не въ примѣръ забавнѣе прочесть страничку, другую, Хвостова или Тредьяковскаго, нежели страничку же какого-нибудь Василя Пушкина или Владиміра Измайлова; первые иногда уморять со смѣху, вторые наведутъ скуку—и только. Отъ добраго сердца хохоталъ я, перечитывая басню Евстафія Станевича; спрашиваю, кто не разсмѣется при стихахъ:

«Донъ! донъ!
Печальный звонъ!
Друзья, родные плачуть,
А черви скачуть?»

Сверхъ того, важное лицо почтеннаго автора, которое при этомъ воображаешь,—лицо человѣка, вовсе не думавшаго шутить, необходимо должно увеличить въ читателѣ невинную веселость.

Въ довольно плохомъ разсужденіи: „О томъ, что сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія и проч. отъ временъ Рюрика до Петра Великаго“,—замѣчательное извѣстіе: царь Алексѣй Михайловичъ не принялъ пословъ Кромвеля и оказалъ помощь (полагаю, денежную) Карлу II, изгнанному изъ отечества. Такая черта приноситъ высочайшую честь государю, который одинъ не былъ ни другомъ, ни родственникомъ несчастнаго Карла II, а между тѣмъ пристыдилъ благородною твердостью всѣхъ современныхъ монарховъ Европы, поклонившихся могучему протектору и пожертвовавшихъ ему Стюартами, съ коими всѣ они были въ родствѣ, а многие и въ союзѣ, и дружбѣ.

14-го августа.

На дняхъ я припомнилъ стихи, которые написалъ еще въ 1815 году въ лицѣѣ. Вношу ихъ въ дневникъ для того, чтобы не пропали, если и изгладятся изъ памяти; мой покойный другъ (Грибоѣдовъ) ихъ любилъ.

На гробіе.

Сажень земли—мое стижанье,
 Мнѣ отведенъ смиренный домъ:
 Здѣсь спятъ надежда и желанье,
 Окованъ страхъ желѣзнымъ сномъ;
 Безмолвно все въ подземной кельѣ, и проч.

15-го августа.

Сегодня я былъ свидѣтелемъ сцены, подобной той, что забавляла меня 23-го іюля, а именно: кохоталъ, глядя, какъ котенокъ заигрывалъ со старою курицею; котенокъ разсыпался передъ нею мелкимъ бѣсомъ,—забѣжить то съ одной, то съ другой стороны, подползеть, спрячется, выпрыгнетъ, опять спрячется, даже раза два со всевозможною осторожностію и вѣжливостію гладилъ ее лапою; но философка-курица съ стоическою твердостію подбирала зернышко за зернышкомъ и не обращала никакого вниманія на пролаза. За это равнодушіе и увѣнчалась она совершеннымъ торжествомъ: всякій разъ, когда вѣтеръ вздувалъ ея очень ненарядныя перья, господинъ котенокъ, вѣроятно полагая, что она намѣрена проучить его за нахальство, обращался въ постыдное бѣгство; но великодушная курица столь же мало примѣчала побѣдъ своихъ, сколь пренебрегала своимъ трусливымъ и вмѣстѣ дерзкимъ непріателемъ; она и не взглядывала на него, не оборачивала и головы къ нему; она была занята гораздо важнѣй-

шимъ: зернышки для нея были тѣмъ же, что для Архимеда математическія выкладки, за которыми убилъ его римскій воинъ.

17-го августа.

Меня сильно занимаетъ мой новый планъ; дай-то Богъ, чтобъ онъ исполнился. Лицо слѣпаго бандуриста, которому хочу вложить въ уста повѣсть свою, мѣстоположеніе Закупа, гдѣ бы мнѣ хотѣлось заставить пѣть его 1812-й годъ и другія историческія воспоминанія, наконецъ, собственное мое семейство, предъ которымъ будто бы поэма была пѣта,—все это и множество другихъ смутныхъ картинъ мелькаетъ въ моемъ воображеніи; скажу простою русскою пословицею: „пошли ходоины, будутъ-ли родины?“

23-го августа.

Въ книжкахъ „Вѣстника Европы“ на 1807 годъ попадаютъ басни Жуковскаго, мнѣ вовсе неизвѣстныя, также и эпиграммы; нѣкоторые изъ нихъ очень недурны; жаль, что Жуковскій исключилъ ихъ изъ собранія своихъ стихотвореній; онѣ, по крайней мѣрѣ, разнообразили бы изданіе, которое теперь состоитъ изъ пьесъ болѣею частью на одинъ и тотъ же тонъ — уныло таинственный. Достоинъ примѣчанія, что единственная басня, невъброшенная: „Сонъ Могольца“, именно никуда не годится.

24-го августа.

У сербовъ есть трагедія, написанная въ 1733 году, а изданная въ Офенѣ 1798 г. Вотъ ея заглавіе: „Трагедія, сирѣчь, печальная повѣсть о смерти послѣдняго царя сербскаго Уроша V и о паденіи сербскаго царства“—продолжается она 150 лѣтъ, состоитъ изъ пролога, десяти дѣйствій и эпилога. Авторъ нѣкто Мануилъ Козачинскій, издатель архимандритъ Раичъ, сочинитель Славяно-Сербской исторіи. Дѣйствующія лица, кромѣ историческихъ: Сербія, Благочестіе, Минерва, Исторія, Ангель, Вражда и другія. Изъ извѣстія, помѣщеннаго въ „Вѣстникѣ Европы“ (томъ 33, стр. 196) о семь драматическомъ твореніи, можно заключить, что оно нѣсколько сходствуетъ съ историческими библейскаго содержанія мистеріями среднихъ вѣковъ.

Первый король сербскій, получившій вѣнецъ королевскій отъ Ісакія Ангела Комнена (1190 года) — Стефанъ Неманъ, а Стефанъ Душанъ — первый царь; о семь послѣднемъ говоритъ авторъ:

«Титлу краля переимѣни, императоръ остался,
Повелитель многихъ странъ, и царемъ назвался».

Сынъ сего Душанъ — Урошъ, котораго лишилъ престола князь Вукашинъ, Ричардъ III своего времени и народа.

25-го августа.

Первую русскую (не церковнаго языка) грамматику написалъ иностранецъ (но какой? не сказано) Генрихъ-Вильгельмъ-Лудольфъ, напечатавшій ее на латинскомъ языкѣ въ Оксфордѣ („Вѣстн. Европы“, томъ 34, стр. 291).

29-го августа 1832 г.

Принесли мнѣ послѣдній томъ „Вѣстника Европы“ на 1807-й и три тома же „Вѣстника Европы“ на 1808-й годъ. Должно признаться, что эти три тома, изданные Жуковскимъ, по красивой, почти роскошной наружности, особенно по картинкамъ, какихъ и нынѣ у насъ мало, чуть-ли не занимаютъ перваго мѣста между русскими журналами, не исключая и „Телеграфа“. Выборъ статей также, вѣжется, лучше, чѣмъ у Каченовскаго (сверхъ того, должно замѣтить, что уже и 1807 года „Вѣстникъ Европы“ гораздо лучше изданія первыхъ годовъ Каченовскаго, единственно отъ содѣйствія Жуковскаго).

31-го августа.

Кончилъ сегодня переводъ четвертаго дѣйствія „Ричарда III“.

Въ концѣ 39-го тома „Вѣстника Европы“ помѣщено извлечение изъ ежедневныхъ записокъ короля польскаго Станислава-Августа, писанныхъ имъ въ Россіи; эти записки совершенно показываютъ, что за человѣкъ былъ Станиславъ.

2-го сентября.

Въ 37-мъ томѣ „Вѣстника Европы“ примѣчательное допесеніе Кантемира императрицѣ Аннѣ о королѣ Георгѣ II англійскомъ и его министрахъ.

Въ 38-мъ—два письма русскаго художника Н. О. Алферова изъ Константинополя и Корфу, разительнаго сходства съ нѣкоторыми письмами Винкельмана, писанными въ подобномъ положеніи.

3-го сентября.

Такъ называемыя русскія пѣсни свѣтской фабрики рѣдко бывають сносны; русскаго въ нихъ, кромѣ размѣра, мало чего найдемъ; одинъ Дельвигъ, и то не во всѣхъ престопадныхъ пѣсняхъ, заставляеть иногда истинно забыться. Тѣмъ пріятнѣе, когда въ этомъ родѣ встрѣчаешь что-нибудь не вовсе дурное; въ пѣсни Грамматина, которую онъ назвалъ Элегіею сельской дѣвушки, встрѣчаются стихи довольно удачныя.

Малиновскій въ своемъ описаніи Мастерской и Оружейной палаты говоритъ, что въ Ватиканской библіотекѣ находится пять картинъ, подъ названіемъ Каяпоіановыхъ, писанныхъ будто бы въ XIII вѣкѣ; подъ тремя изъ нихъ подписано по-русски: „писалъ Андрей

Ильинъ, писалъ Никита Ивановъ, писалъ Сергѣй Васильевъ“ (36-й т. „Вѣстн. Европы“).

Вотъ нѣчто, какъ-будто нарочно для меня писанное:

«И если всегдашнее одиночество дано тебѣ въ удѣлъ, и если на вѣки исключень ты изъ круга человѣческихъ вещей, въ которыхъ запрещено тебѣ прикасаться, которая для тебя чужды, — вѣрь (и вѣра сія да будетъ твоею крѣпостію!), образование существа совершеннаго (не усовершенствованіе-ли?) должно быть само по себѣ возвышеннѣйшею цѣлю природы». (Морицъ. «Вѣст. Европы», т. 37).

4-го сентября.

Давно я, нѣкогда любитель размѣровъ малоупотребительныхъ въ русской поэзіи, ничего не писалъ ни дактилями, ни анапестами, ни амфибрахиями. Для пьесы, которую здѣсь помѣщаю, я нарочно выбралъ послѣдніе, чтобъ узнать, совершенно-ли я отвыкъ отъ стопъ въ три склада, коими (исключая Гнѣдича) я когда-то болѣе писалъ, чѣмъ кто-нибудь изъ русскихъ поэтовъ моего времени.

М о р е с н а .

Мнѣ вѣдомо море сѣдой океанъ:
Надъ нимъ безпредѣльный простерся туманъ,
Надъ нимъ лучезарный не ватится щитъ,
Но звѣздочка блѣдная тихо горитъ.

И пусть океанъ сокровенъ и глубокъ, —
Его не трепещетъ отважный нырокъ,
Въ него мени маять не занятый блескъ,
Таинственный шопотъ и сладостный плескъ.

Въ него погружаюсь одинъ, молчаливъ,
Когда настаетъ полуночный приливъ,
И чуть до груди прикоснется волна,
Въ больную влпвается грудь тишина.

И вдругъ я на берегѣ: будто знакомъ,
Гляжу и вхожу въ очарованный домъ;
Изъ оконъ любезныя лица глядятъ
И гласы привѣтныя въ слухъ мой летятъ.

Не милыхъ-ли сердцу я вижу друзей,
Когда-то товарищей жизни моей?
Всѣ, всѣ они здѣсь: удержать не могли
Ни рокъ ихъ, ни люди, ни нѣдра земли.

По прежнему летитъ жпвой разговоръ,
По прежнему свѣтится дружескій взоръ:
При вѣщемъ сіяніи райской звѣзды,
Забыта разлука, забыты бѣды.

Но ахъ! предъ зарей наступаетъ отливъ
И слышится мнѣ не отрадный призывъ:
Растаяло все—и мерцаніе дня
Въ пустыни глухой освѣтило меня!

6-го сентября 1832 г.

Читая въ „Вѣстникѣ Европы“ отвѣтъ младшаго Шлёцера какому-то русскому критику, утверждающему, вопреки мнѣнія Шлёцера, что въ граматѣ, въ которой новгородцы общаются любскимъ гостямъ провожатыхъ, подѣ условіемъ: „еже будетъ не чистъ путь“—слово: „не чистъ“ означаетъ „не безопасенъ отъ разбойниковъ“,—я полагаю, что, несмотря на всѣ логически-строгія опроверженія Шлёцера, нашъ руссакъ правъ, а именно же потому, что онъ по духу русскаго языка и характера, любящихъ метафоры, держался отдаленнѣйшаго, а не ближайшаго смысла этого слова. Если человѣкъ, жившій 16 лѣтъ въ Россіи, знающій нашъ языкъ, привыкшій нѣсколько къ нашимъ обычаямъ, могъ быть введенъ въ заблужденіе при объясненіи значенія слова въ старинной русской граматѣ только потому, что ему духъ русскаго характера остался чуждымъ,—то, вѣроятно, еще чаще ошибаются новѣйшіе комментаторы римскихъ, греческихъ, европейскихъ, или даже персидскихъ древностей.

8-го сентября.

Записки князя Шаховскаго, помѣщенныя въ „Вѣстникѣ Европы“, чрезвычайно занимательны: очень желалъ бы я прочесть всю книгу, если она только напечатана, въ чемъ, однако же, сомнѣваюсь¹⁾.

10-го сентября.

Слогъ—только часть исполненія. Конечно, не принимая слова слогъ въ такомъ тѣсномъ значеніи, въ какомъ у насъ многіе его принимаютъ; такъ напримѣръ: иные называютъ хорошимъ слогомъ тотъ, который грамматически правиленъ, свободенъ отъ словъ обветшалыхъ и не шероховатъ; но забываютъ, что этотъ хорошій слогъ можетъ быть водяня, сухъ, вялъ, запутанъ, бѣденъ,—словомъ, несносно дуренъ. И такъ, хорошій слогъ состоитъ не въ одной правильности, а хорошее исполненіе имѣетъ еще обширнѣйшее значеніе.

12-го сентября.

Передо мною портретъ Попе: какъ онъ похожъ на моего пріятеля и родственника Катенина!

¹⁾ Позднѣйшее изданіе этихъ весьма важныхъ для русской исторіи XVIII в. Записокъ напечатано нами въ 1872 г. съ приложеніемъ подлинныхъ бумагъ кн. Якова Шаховскаго изъ государственныхъ и другихъ архивовъ. Ред.

13-го сентября 1832 г.

Я сегодня отъ добраго сердца хохоталъ, читая отрывокъ Записокъ принца де-Линь. Въ его изображеніи Вольтера такъ и видишь передъ собою фернейскаго—мудреца, не мудреца—не знаю, какъ называть,—но человѣка истинно гениальнаго! Особенно разительно мѣсто, гдѣ Вольтеръ даетъ своему гостю характеристику гг. энциклопедистовъ; я увѣренъ, что онъ точно такъ о нихъ думалъ и, кромѣ Montesquieu, они, право, и не заслуживаютъ лучшаго мнѣнія.

15-го сентября.

Пишу письма племянницѣ; посылаю цѣлую диссертацию о Карамзинѣ.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ (т. 47) интересна статья: „Черты изъ жизни Суворова“; авторъ французъ, нѣкто Гильоманшъ Дюбокажъ, бывший въ нашей службѣ.

19-го сентября.

Въ 52-мъ томѣ „Вѣстника Европы“ чрезвычайно занимательная статья: „О дѣтствѣ императора Павла Перваго“; она извлечена изъ записокъ Семена Андреевича Порошина; жаль, что эти записки не вполне напечатаны. Какъ бы я обрадовалъ матушку, если бы могъ ей прочесть эту статью! Она всѣхъ людей, о которыхъ тутъ говорится, лично знала; сверхъ того, память покойнаго императора ей драгоценна ¹⁾).

3-го октября.

Читаю „Вѣстникъ Европы“ на 1811 годъ, изданный уже однимъ Каченовскимъ, безъ участія Жуковскаго. При Жуковскомъ Каченовскій чинился, зналъ честь, но тутъ онъ опять, изъ рукъ вонъ—сущій лакей!

Примѣчаніе. Здѣсь оканчивается вторая тетрадь дневника, веденнаго Кюхельбекеромъ въ Свеаборгѣ. На послѣдней страницѣ значится:

«Итого въ сей книгѣ нумерованныхъ и прошнурованныхъ сорокъ восемь листовъ».

«Апрѣля 24-го дня 1832 года».

«Комендантъ инженеръ генералъ-маіоръ...» (Подпись не разобрать).

Къ шпурку приложена сургучная печать коменданта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Отецъ Кюхельбекера былъ первымъ директоромъ города Павловска. Ред.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ

подъ управленіемъ И. И. Бецкаго,

Историческое изслѣдованіе по архивнымъ источникамъ.

IV¹⁾.

Финансовыя средства воспитательнаго дома.—Цѣль учрежденія ссудной казны.— Операциі сохранной казны.— Неправность заемщиковъ.— Вдовья казна.— Частныя пожертвованія.— Патенты на чины.— Причина неуспѣшности этой привилегіи.— Доходы съ публичныхъ зрѣлищъ.— Клейменіе картъ.— Случайныя доходы.— Пожертвованіе векселей.— Увеличеніе расходовъ воспитательнаго дома.

Источники финансовыхъ средствъ воспитательнаго дома были различны. Между ними, на первомъ мѣстѣ стоятъ обороты сохранной и ссудной казенъ, которые, разрастаясь все болѣе и болѣе, дали возможность с.-петербургскому воспитательному дому составить въ 1795 году собственный капиталъ въ 883,257 руб. 20 коп., изъ котораго, за вычетомъ 446,428 р. 49¹/₄ к., употребленныхъ на постройку и прочія надобности заведенія, оставалось на лицо 436,828 р. 70³/₄ к. Выдача суммъ подъ залогъ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г. томъ XII, стр. 146—159; 359—380; 665—680; томъ XIII, стр. 177—199.

Въ предыдущей статьѣ о Воспитательномъ Домѣ (томъ XII, стр. 676—677) строки 36—38 внизу и первые четыре вверху должны читаться такимъ образомъ: «Быть можетъ, это именно обстоятельство,—благодаря которому главный виновникъ между опекунами благополучно прикрылся служебными формальностями, а подъ ударъ подставлялись лица, гораздо меньше прикосновенныя къ дѣлу и даже, вѣроятно, страдавшія за одну лишь свою оплошность,—повело къ тому, что изысканіе, первоначально положенное Бецкимъ, не имѣло успѣха» и пр.

недвижимыхъ населенныхъ имѣній началась почти одновременно съ открытiемъ здѣшняго дома; заемъ подъ векселя и подъ закладъ серебрянаго сервиза произведенъ впервые 27-го августа 1772 г.¹⁾; а затѣмъ, по журналу с.-петербургскаго отдѣленiя отъ 16-го ноября 1773 года, разрѣшено выдавать ссуды и подъ залогъ каменныхъ домовъ, фабрикъ и лавокъ. Первый каменный домъ, заложенный на этомъ основанiи (дома деревянные и на каменномъ фундаментѣ не принимались въ залогъ), принадлежалъ придворному кофiшенку Петру Мышляковскому, который и получилъ за него въ ссуду 6 тысячъ рублей. Окончательное и правильное устройство ссудная казна получила въ 1776 г., когда для нея нанято было особое трехъ-этажное помѣщенiе съ погребами въ новомъ домѣ «Общества мѣщанскихъ дѣвушекъ» (въ Смольномъ), съ платою въ годъ, отъ 1-го ноября²⁾, по 200 р. Для дѣлопроизводства и хранения залоговъ по ссудной казнѣ назначено вновь нѣсколько чиновниковъ, а объ открытiи дѣйствии казны въ новомъ помѣщенiи, начиная съ 21-го октября и до конца слѣдующаго мѣсяца, печатались публикаци въ русскихъ и нѣмецкихъ академическихъ вѣдомостяхъ.

Цѣль учрежденiя ссудной казны состояла въ томъ, чтобы положить предѣлъ корыстолюбию ростовщиковъ, которые, хотя законъ и преслѣдуетъ ихъ за излишне-взимаемые проценты, «остаются скрытыми и употребляютъ происки охранять себя отъ судебныхъ изслѣдованiй, а терпящiй бѣдность и нужду не отваживается на нихъ просить». На выдачу заемщикамъ, по журналу отдѣленiя, 11-го октября 1776 г. (№ 346), назначено было на первый разъ до 10 тысячъ рублей, при чемъ минимумъ ссуды полагался въ 10 р. на одно лицо, а максимумъ — въ 1,000 р. Впрочемъ, «по усмотрѣнiю наличности денегъ», дозволялось выдавать и до 3-хъ тысячъ р. по примѣру московской ссудной казны. Но минимумъ выдачи долженъ былъ оставаться неизмѣннымъ, и когда директоръ московской ссудной казны предложилъ понизить его, выдавая мелочную ссуду за двойные проценты, то с.-петербургское отдѣленiе осудило его проектъ на томъ осно-

¹⁾ Журналъ сбп. опеки сов. 1772—1774 г., въ одной клягѣ. Заемъ этотъ сдѣланъ вдовою ген.-майора Софьею Степановною Черторижскою на сумму тысячъ рублей. По прошествiи года, она просила объ отсрочкѣ уплаты.

²⁾ День открытiя ссудной казны.

ваніи, что 1) такая раздача можетъ послужить поводомъ къ кражѣ и тратѣ денегъ на пьянство, въ особенности со стороны прислуги и «нижняго состоянія невоздержныхъ людей»; 2) платежъ возвышенныхъ процентовъ «какъ тягостенъ для бѣдныхъ, такъ и дому можетъ навлечь нареканіе въ корыстолюбіи»,—что было бы не совмѣстно съ основнымъ характеромъ этого учрежденія¹⁾. Ссуды выдавались на сроки отъ 3-хъ мѣсяцевъ до одного года съ платою по полу-проценту въ мѣсяць (6°/о на годъ); кромѣ того, при выдачѣ билетовъ на заложенные вещи взиmались еще, такъ называемыя, билетныя деньги по 2°/о въ годъ. Съ алмазныхъ вещей билетный сборъ простирался сначала до 4°/о, и вообще драгоценныя камни принимались «съ большимъ разсмотрѣніемъ», чтобы отъ выдачи денегъ богатымъ людямъ не претерпѣвали отказа люди мало достаточныя. Только съ 1781 г., съ увеличеніемъ средствъ ссудной казны, билетный сборъ съ алмазныхъ вещей былъ убавленъ до 2°/о²⁾; «для безопасности обращающагося къ общей пользѣ капитала»,—какъ сказано въ уставѣ,—заемщики получали не болѣе половины и даже одну четверть стоимости вещи противъ ея оцѣнки; съ наибольшими же предосторожностями выдавались ссуды подъ залогъ платья, разныхъ матерій, товаровъ, мебели и экипажей. Сверхъ того, въ послѣднемъ случаѣ ссудная казна не принимала на себя отвѣтственности за сохранность вещей, если произойдетъ пожаръ—«отъ несчастливаго приключенія, отъ молніи или отъ посторонняго запаленія». При продажѣ заложенныхъ вещей съ аукціоннаго торга изъ вырученной суммы вычитались, кромѣ долга съ выросшими процентами, еще 4°/о аукціоннаго расхода³⁾, а оставшаяся затѣмъ часть возвращалась, не позже года, хозяину залога. На практикѣ происходили, однако, злоупотребленія, и излишняя часть выручки до 1784 года приписывалась, вопреки правилу, къ капиталу дома, что и было замѣчено Бецкимъ въ предписаніи отъ 13-го марта того же года. Въ то же время главный попечитель, получивъ свѣдѣніе, что публикаціи объ аукціонной продажѣ «производятся въ общемъ и неизяснительномъ смыслѣ», такъ что покупатели, не зная, когда именно продаются тѣ или другія вещи, приѣз-

¹⁾ Журналъ 5-го ноября 1776 г., № 351.

²⁾ Журналъ 1781 г. 24-го марта, № 231.

³⁾ Дѣло по канц. 1785 г., № 892, связка 9.

жають напрасно въ аукціонную камеру, приказавъ оповѣщать объ этомъ публику, съ раздѣленіемъ вещей на разряды (золото, серебро, галантерейныя и простыя вещи), и выставлять при томъ наиболѣе цѣнныя заклады, за нѣсколько дней до аукціона, для обозрѣнія покупателямъ. Были по ссудной казнѣ и другія злоупотребленія самаго грубаго свойства, происходившія отъ личной неблагонадежности нѣкоторыхъ чиновниковъ. Такъ, на примѣръ, въ 1779 г., при перевозкѣ заложенныхъ вещей изъ «полу-цыркульнаго дома», подъ Смольнымъ монастыремъ, въ домъ кн. Грузинскаго, ассирскій помощникъ, Андрей Грингагенъ, выломалъ изъ перстня и похитилъ нѣсколько брилліантовъ, въ чемъ и сознался чистосердечно опекунамъ, ссылаясь на «свое легкомысліе»¹⁾. Гораздо крупнѣе и чувствительнѣе для воспитательнаго дома была покража, совершенная въ 1782 г. Корниломъ Принцемъ, о чемъ мы уже говорили выше. Но, несмотря на неудобства и препятствія, сопряженныя съ начатіемъ всякаго новаго дѣла, несмотря на трудность пріисванія надежныхъ и честныхъ людей, обороты ссудной казны развились при Вецкомъ до значительныхъ размѣровъ, и гр. Минихъ, намѣстникъ Вецкаго, справедливо находилъ ихъ наиболѣе выгодными для воспитательныхъ домовъ, такъ какъ они «гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ обороты сохранной казны, и «не соединены съ затрудняющими переписками»²⁾. Въ 1791 г. изъ ссудной казны было выдано 650,845 р. 23 к. (и изъ нихъ подъ залогъ мѣховъ, платья, бѣлья и мебели — 20,296 руб.), а въ 1795 году сумма эта возвысилась до 808,060 р. 59 к., при чемъ подъ залогъ мѣховъ и платья было роздано 20,240 р., а подъ залогъ мебели—5,025 р.³⁾

Операциі сохранной казны приносили значительный доходъ дому, такъ какъ сумма всѣхъ капиталовъ, находившихся въ обращеніи въ казнахъ обонхъ воспитательныхъ домовъ, простиралась къ 1-му января 1781 г. до 4 мил. 767 тыс. руб.; а въ началѣ 1787 г. эта сумма составляла уже 8,589,974 руб. (См. дѣла по канц. спб. опекуновъ, № 61⁹/₆ и № 66⁶/₁₀). Но успѣшность этихъ

¹⁾ Журналъ 1779 г. 11-го марта, № 124.

²⁾ Арх. моск. опекуновъ. «Дѣло о безпорядкахъ», стр. 195.

³⁾ Изъ книгъ «Генеральнаго баланса». Любопытно замѣтить, что въ аукціонную камеру воспитательнаго дома принимались на продажу и вещи, «отдаваемые добровольно», съ платою по 2% съ вырученной суммы. А. П.

операций парализировалась разными обстоятельствами, съ которыми не легко было бороться. Прежде всего оказалось, что вотчинная, камеръ и юстицъ-коллегій, обязанная, по уставу, сообщать опекунскому совѣту о всѣхъ заложенныхъ и спорныхъ имѣніяхъ, такъ дурно исполняли это предписаніе, что с.-петербургское отдѣленіе, по его собственнымъ словамъ, до 1774 года «никогда вѣрнаго справками утвержденія не имѣло»¹⁾, вслѣдствіе чего Бецкій обращался съ жалобою въ сенатъ, который напомнилъ коллегіямъ ихъ обязанности. Такая небрежность вела къ тому, что многіе помѣщики заложили спорныя и даже вовсе чужія имѣнія или показали въ своихъ имѣніяхъ не то количество душъ, которое въ нихъ считалось въ дѣйствительности. Последняго рода обстоятельство обнаружилось, на примѣръ, при продажѣ въ 1776 году съ публичнаго торга заложеннаго и просроченнаго имѣнія отставнаго секундъ-маіора Александра Кожевникова (это было первое имѣніе, подвергнувшееся принудительной продажѣ по распоряженію с.-петербургскаго отдѣленія); при чемъ невырученныя деньги уплачены поручителемъ по заемщикъ, Родиономъ Кошелевымъ, а изслѣдованіе обмана виновника было «предоставлено на его собственную совѣсть». Кромѣ того, неаккуратность заемщиковъ въ уплатѣ полученныхъ суммъ была такъ велика, что никакія льготы и отсрочки не помогали дѣлу, и воспитательный домъ, вопреки самому искреннему желанію избѣгать репрессивныхъ мѣръ, принужденъ бывалъ обращаться къ нимъ за окончательною невозможностью возвратитъ инымъ способомъ выданныя деньги. Примѣръ такой неаккуратности въ исполненіи своихъ долговыхъ обязательствъ подавали знатнѣйшіе и богатѣйшіе вельможи того времени. Графъ Кириллъ Разумовскій,—получавшій сверхъ жалованья доходы съ имѣній, въ которыхъ числилось нѣсколько десятковъ тысячъ крестьянъ²⁾,—въ теченіе первой половины 1781 года просилъ три раза объ отсрочкѣ уплаты въ сохранную казну, между тѣмъ какъ сумма этого взноса, въ два послѣдніе раза, не превышала 3 тысячъ руб.³⁾ Въ томъ же году были сдѣланы отсрочки: Льву Александровичу Нарышкину,

¹⁾ Журналъ спб. отдѣленія 1774 г. 20-го марта.

²⁾ «Осьмнадцатый вѣкъ», сборникъ, т. II, статья А. Васильчикова о семействѣ Разумовскихъ.

³⁾ Журналы опек. совѣта 5-го февраля, 24-го февраля и 12-го апр. 1781 г.

Александрю Ивановичу Нарышкину, женѣ графа Якова Александровича Брюса и графу Никитѣ Ивановичу Панину. Еще болѣшими льготами пользовался всеильный князь Потемкинъ-Таврическій: 26-го апрѣля 1781 года онъ заложилъ свое имѣніе въ Опоченскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, въ 30 тысячъ руб. на 5 лѣтъ; затѣмъ, не уплативъ долга, запродавъ то имѣніе и заложилъ, вмѣсто него, брилліантовыя вещи (хотя подъ такіе залоги, по общему правилу, не дозволялось выдавать ни въ какомъ случаѣ больше 3 тысячъ руб.); наконецъ, 20-го августа того же года онъ просилъ возвратить ему брилліанты и совершить закладную на имѣніе въ Нижегородской губерніи, въ Горбатовскомъ уѣздѣ, на 900 душъ, изъ числа 2,105, въ селѣ Избыльцѣ ¹⁾.

Деньги изъ сохранной казны выдавались преимущественно подъ залогъ населенныхъ имѣній или домовъ; но, кромѣ того, допускались выдачи подъ росписи о предстоящихъ полученіяхъ суммъ изъ цалмейстерской конторы, изъ конторы строенія домовъ и садовъ ея величества и другихъ казенныхъ мѣстъ. Въ видѣ исключенія, въ 1773 г., выдано было графу Роману Илларионовичу Воронцову подъ вексель, съ поручительствомъ, но безъ залога, на 6 мѣсяцевъ, 4,500 руб. ²⁾.

Условія приѣма залоговъ въ сохранную казну видоизмѣнялись съ теченіемъ времени. Главное правило состояло въ томъ, что заниматель, для полученія 1,000 руб., долженъ былъ заложить не менѣе 50 душъ своихъ крестьянъ и представить поручителя съ такимъ же количествомъ душъ; но онъ могъ, если хотѣлъ, заложить прямо отъ себя по 100 душъ на тысячу руб., и тогда уже отъ него не требовалось болѣе никакого поручительства. При этомъ, для «извѣстныхъ и надежныхъ поручителей», дозволялось дѣлать снисхожденіе съ общаго согласія опекунскаго совѣта или его отдѣленія въ С.-Петербургѣ,—и въ такомъ случаѣ поручительство ихъ принималось въ обезпеченіе долга безъ всякаго имущественнаго залога ³⁾. Запрещеніе налагалось только на имѣніе заемщика, но не тотчасъ по закладѣ, а по прошествіи

¹⁾ Журн. оск. сов. 20-го августа, № 497.

²⁾ Журналъ сб. отдѣленія.

³⁾ Журн. сб. отдѣленія 1775 г. 30-го сентября, № 252.

3-хъ недѣль послѣ срока уплаты ¹⁾); въ поручителямъ же обращались, налагая себевстрѣть на ихъ залоги уже тогда, когда суммы, вырученной отъ продажи просроченнаго имѣнія, не хватало на уплату долга. Количество душъ, требуемыхъ для обезпеченія займа въ тысячу рублей, было убавлено въ 1781 г. съ 50 на 30 во всѣхъ великорусскихъ губерніяхъ, на томъ основаніи, что деревни «часть отъ часу дороже становятся», за исключеніемъ Бѣлозерской и Олонецкой провинцій Новгородскаго намѣстничества и одной части Казанской губерніи, по лѣвую сторону Волги. Съ занятаго капитала выплачивалось въ сохранную казну по 6% сверхъ обычнаго подаянія, величина котораго видоизмѣнялась, смотря по благотворительности заемщика, между 10 и 1% со ста рублей. Проценты брались всегда по-годно, подаяніе же вносилось заразъ,—и только въ 1781 г. разрѣшено было выплачивать подаяніе такъ же, какъ и проценты, по годамъ. Тогда же постановлено — возвращать по расчету проценты тому заемщику, который вноситъ своей долгъ прежде назначеннаго срока. Съ 1-го іюля 1786 года сохранная казна, вслѣдствіе указа императрицы, стала получать съ своихъ капиталовъ, вмѣсто прежнихъ 6, по 5 процентовъ, что было уже сказано нами выше. Минимумъ выдачи изъ сохранной казны составлялъ 1,000 р., а максимумъ зависѣлъ отъ обилія средствъ въ данную минуту. Крайній срокъ для займа полагался сначала до 10 лѣтъ; но въ 1775 г. с.-петербургское отдѣленіе, опасаясь того, чтобы «изъ раздачи суммъ на долгое время не послѣдовало затрудненій», назначило послѣднимъ срокомъ—пять лѣтъ, а въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ, для возврата большихъ займовъ отъ 10 до 20 тысячъ, дозволено продолжать этотъ срокъ до 8 лѣтъ, какъ въ дворянскихъ банкахъ ²⁾). Подъ залогъ каменныхъ домовъ, фабрикъ и лавокъ выдавалась, безъ мѣста, половина ихъ стоимости, а съ мѣстомъ—двѣ трети. Поручительство при такихъ займахъ требовалось безъ представленія залога. Въ концѣ 1796 г. въ имѣніяхъ, заложенныхъ въ с.-петербургскомъ опекуномъ совѣтѣ, считалось 62,540 душъ крестьянъ; каменныхъ домовъ заложено было 312, а лавокъ—43.

¹⁾ Журн. сиб. отд. 1772 г. 27-го августа. Въ 1775 г. запрещеніе стало налагать вслѣдъ за совершеніемъ закладной.

²⁾ Журн. спб. отд. 1775 г. 30-го сентября, № 252.

Вмѣстѣ съ ссудной и сохранный казною при воспитательномъ домѣ предполагалось учредить еще вдовью казну для обезпеченія вдовъ, жалкое положеніе которыхъ изображалось въ уставѣ казны самыми яркими и живыми красками. «Военный или гражданскій служитель — говорится въ началѣ «Дополненія въ тремъ частямъ генеральнаго плана» — въ какомъ бы чинѣ онъ ни былъ, высокою или низкою, имѣеть какое ни есть по смерти свою пропитаніе; но какія слѣдствія бываютъ, когда его не станетъ? Чѣмъ знатнѣе былъ чинъ такого, тѣмъ жалостнѣе обстоятельства оставшихся послѣ него. Приобыкнувъ содержать себя достойнымъ образомъ по званію или знатности, сугубо чувствуютъ послѣ горестъ отъ бѣдности или недостатка... Нерѣдко и между купечествомъ подобныя бываютъ приключенія». Бѣдность многихъ вдовъ была такъ велика и различна, по выраженію устава, «что тщетны бы того труды были, кто-бъ вознамѣрился живо описать оную, но ежели кто о жестокой ихъ судьбинѣ ясное желаетъ имѣть понятіе, тому надлежитъ представить себѣ оныхъ въ гнусныхъ ихъ жилищахъ, окруженныхъ многими неодѣтыми дѣтьми» и проч. Для улучшенія судьбы такихъ женщинъ установлялось во вдовой казнѣ четыре разряда пенсій отъ 25 до 100 руб. Сообразно съ этими разрядами, видоизмѣнялось и количество взносов со стороны мужей: такъ, напримѣръ, мужъ не старѣе 25 лѣтъ, чтобы доставить по смерти своей вдовѣ ежегодную сто-рублевую пенсію, долженъ былъ внести одновременно 240 руб. Отъ мужей свѣше 60 лѣтъ отъ роду не принималось уже никакихъ вкладовъ въ пользу вдовъ, такъ какъ при этомъ сильно увеличился бы рискъ вдовой казны. Но, несмотря на свою благую цѣль, учрежденіе этой казны не привилось къ нашей жизни, и въ концѣ періода Бецкаго о ней говорится категорически, что она «начала своего еще не воспріяла»¹⁾.

Къ сказанному нами о финансовыхъ оборотахъ воспитательнаго дома мы должны прибавить еще, что въ 1782 г. с.-петербургскій опекунскій совѣтъ, «разсуждая, что окончателъная перестройка воспитательнаго дома потребуеть знатной суммы», но что нельзя также отказывать въ деньгахъ просителямъ, положили: выпустить билетовъ сохранный казны на сумму не свѣше 70 тысячъ руб.

¹⁾ Арх. моск. опеки сов., «Дѣло о безпорядкахъ», № 25.

«РУССКАЯ СТАРИНА», ТОМЪ XIII, 1875 Г. АВГУСТЪ.

и выдавать их публикѣ вмѣсто наличныхъ денегъ. Въ послѣдствіи, однако, эта норма была далеко превзойдена, и количество выпущенныхъ облигацій простиралось уже, по одному московскому дому, до милліона руб., и это обстоятельство такъ подѣйствовало на курсъ билетовъ, что они продавались съ учетомъ 20 и 25 процентовъ. По этому поводу гр. Минихъ, отъ 2-го мая 1795 г., предписывалъ московскому опекуну Нечаеву: «Билеты, выпущенные вмѣсто наличныхъ денегъ, которые подорвали кредитъ банка воспитательнаго дома, разстроили благоустройство онаго, возродили неудовольствіе публики и затмили славу дома, — какъ возможно старайтесь собрать и возстановить довѣріе, уплачивая оныя вступающими въ сохранную казну наличными деньгами»¹⁾. Изъ с.-петербургской сохранной казны, въ одномъ 1783 г., билетовъ этихъ было выдано, «за неимѣніемъ наличныхъ денегъ и всходствіе желанія заемщиковъ», на сумму 363,812 руб.²⁾. Но въ 90-хъ годахъ это довѣріе заемщиковъ было уже, какъ видно, утрачено.

По жертвованія отъ частныхъ лицъ также должны были, по расчету Бецкаго, составить одинъ изъ важныхъ ресурсовъ для матеріальнаго обезпеченія воспитательнаго дома. Въ началѣ дѣла этотъ притокъ пожертвованій былъ, дѣйствительно, довольно великъ, благодаря тому участію, которое приняла въ судьбѣ дома сама верховная власть. Подражая ей, частныя лица назначали отъ себя добровольныя приношенія деньгами и вещами, а лица официальныя употребляли свой авторитетъ для успѣшнѣйшаго сбора подаяній въ своихъ вѣдомствахъ. Даже «верхоянскіе народы», по старанію иркутскаго губернатора, Франца Николаевича Клички, были привлечены къ жертвованіямъ въ пользу воспитательнаго дома³⁾. Но съ теченіемъ времени подаянія эти все уменьшались и уменьшались, такъ что въ 1796 г. с.-петербургскій воспитательный домъ получилъ этимъ путемъ только 157 р. 50 к., и главнымъ, почти единственнымъ, вкладомъ оставалась сумма, назначенная отъ двора, изъ которой на долю здѣшняго дома приходилось сначала по 20 тыс., а потомъ по 35 тыс. руб. ежегодно. Уменьшеніе подаяній объяснялось раз-

¹⁾ Арх. моск. опеки сов., «Дѣло о безпорядкахъ», стр. 195.

²⁾ Арх. слб. опеки сов., книга «Генеральнаго баланса».

³⁾ Арх. слб. оп. сов., дѣло по канц. № 487, связка 4.

лично. Бецкій писалъ по этому поводу въ 1788 году: «общество, въ домѣ, долженствующемъ существовать однимъ милосердіемъ, видя величавость царственную, по справедливости заключаетъ, что ему нужды нѣтъ въ милосердіи и удаляетъ отъ него руку благодѣтельной помощи». А въ отвѣтъ на это московскій опекунскій совѣтъ, отрицая упрекъ въ пышности и излишнихъ издержкахъ, говорилъ въ свое оправданіе: «какъ заведенію дома минуло уже 24 года и отъ престола положенное ежегодное подаваніе сдѣлалось обыкновеннымъ, то и поощреніе миновалось и дѣятельность въ подаваніи исчезла; энтузіазмъ въ соболѣзнованіи къ бѣднымъ простылъ уже давно; а паче всего, какъ каждая губернія имѣетъ нынѣ народныя школы и приказы общественнаго призрѣнія, на которыя, особливо при первомъ ихъ заведеніи, добротныя подаванія раздѣляются, а чрезъ то и домъ нашъ многого лишиться долженъ». Далѣе московскіе опекуны замѣчали еще, что имъ немалого труда стоитъ разувѣрять незнакому съ финансовыми операціями публику въ томъ, что капиталы, образующіеся въ казнахъ воспитательнаго дома, не принадлежатъ ему въ собственность, и состоятъ, болѣею частью, изъ взносовъ на приращеніе, по которымъ уплачиваются проценты; а между тѣмъ подобное заблужденіе, преувеличивая финансовыя средства воспитательнаго дома, охлаждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ усердіе жертвователей¹⁾. Однѣ-ли причины, указанныя московскимъ опекунскимъ совѣтомъ, произвели чувствительный результатъ уменьшенія подаваній, или всему виною были неумѣренные расходы воспитательнаго дома, на эти вопросы, при такой рѣзкой постановкѣ ихъ, нельзя дать удовлетворительнаго отвѣта, а дѣйствовали тутъ, по всей вѣроятности, различныя обстоятельства, и упрекъ, сдѣланный Бецкимъ, вовсе не исключаетъ собой возможности охлажденія общественнаго «энтузіазма» отъ другихъ одновременно существовавшихъ причинъ. Такъ или иначе, но энтузіазмъ, дѣйствительно, простылъ скоро, и уже въ 1772 г. московскій опекунскій совѣтъ просилъ с.-петербургское отдѣленіе — похлопотать о полученіи общаго «окладнаго» (т. е. срочнаго) подаванія съ разныхъ «высокопочтенныхъ особъ», находившихся въ С.-Петербургѣ. Отдѣленіе вошло въ

¹⁾ Арх. слб. оп. сов., дѣло по канц. № 987, связка 10.

переписку «съ различными вѣдомствами, при чемъ оказалось, что Кирилла Семеновичъ Нарышкинъ, обязавшійся уплачивать по 50 руб. въ годъ изъ «домовыхъ вотчинныхъ доходовъ», не уплатилъ обѣщаннаго и, по смерти, остался долженъ воспитательному дому 250 руб.; что тайный совѣтникъ Олсуфьевъ назначилъ вычитать у него подаваніе изъ жалованья, получаемого отъ статсъ-конторы, но изъ этой конторы жалованья ему не производилось вовсе, а получалъ онъ его изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ, однако, тоже вычетъ не былъ сдѣланъ своевременно, и на Олсуфьевѣ накопилось незаплаченнаго подаванія съ 1764 — 1772 г. всего 450 руб. Подобные же долги насчитаны были на гр. Ив. Григ. Чернышевѣ, на князѣ Мих. Мих. Щербатовѣ («за неизвѣстностью откуда получать»), на Никитѣ Иван. Панинѣ, на адмиралахъ Талызинѣ и Мордвиновѣ и проч.¹⁾ Нельзя, конечно, думать, чтобы эти лица желали нанести сознательный ущербъ интересамъ воспитательнаго дома: вѣрнѣе предположить, что они просто забыли о своемъ обѣщаніи и придавали ему цѣну только тогда, когда все вокругъ нихъ говорило и дѣйствовало въ пользу новаго учрежденія.

Притоку пожертвованій весьма мало способствовала и выдача патентовъ на чины, обѣщанная въ награду наиболѣе крупнымъ жертвователямъ. Побудительный мотивъ, который долженъ былъ располагать многихъ лицъ къ приобрѣтенію или, говоря точнѣе, къ покупкѣ чиновъ, угаданъ былъ вѣрно; но обстоятельства, обнаружившіяся уже въ послѣдствіи, по выдачѣ нѣкоторыхъ патентовъ, совершенно разрушили ожидаемый результатъ этой привилегіи. По разъясненію сената, оказалось, что дипломъ, полученный жертвователемъ, на «равное почтеніе противъ комиссара или камергера отъ коллегіи» даетъ именно только равное почтеніе, но не самый чинъ, и, слѣдовательно, не освобождаетъ удостоеннаго этой чести отъ принадлежности къ тому податному сословію, въ которомъ считался онъ прежде. Разъясненіе это было дано по дѣлу острогожскихъ гражданъ Бородкинскихъ, которые, внося подаваніе, имѣли надежду — «извергнуть изъ себя иго мужичьяго названія и платежа войсковаго (они принадле-

¹⁾ Арх. спб. оп. сов., дѣло по канц. «О требованіи отъ разныхъ командъ окладнаго подданія», № 71.

жали къ составу казачьяго войска) оклада въ 95 коп. — и, конечно, остались весьма огорчены тѣмъ, что не вышли «изъ прежняго бытія и презрительнаго состоянія». Бецкій старался помочь имъ, и въ маѣ 1777 г. обращался къ императрицѣ съ докладомъ, въ которомъ просилъ объ исключеніи получившихъ чины, безъ ихъ потомства, изъ подушнаго оклада, при чемъ, сохраняя интересы казны, предлагалъ уплачивать отъ воспитательнаго дома сумму, соответствующую такому окладу. Но благоприятнаго отвѣта на этотъ докладъ, повидимому, не послѣдовало, такъ какъ уже въ 1781 г. начальникъ Слободской Украинской губерніи, генераль Щербининъ, къ которому Бецкій писалъ, ходатайствуя за Трофима Бородинна, ссылаясь на сенатскій указъ отъ 27-го іюля 1771 г., «содѣлывающій непреодолимое препятствіе» къ исполненію желанія главнаго попечителя. Такимъ образомъ, Бородинны, вмѣсто облегченія, стали нести двойную тягость: во-первыхъ, на ряду съ войсковыми жителями, какъ не исключенные изъ своего прежняго званія, а во-вторыхъ, и въ очередь съ оберъ-офицерами и старшинами, какъ удостоенные «равнаго почтенія» съ чиновниками. Не имѣя возможности устранить вполнѣ эту аномалію, Щербининъ распорядился, однако, лично отъ себя дать ордеръ острогжскому городничему, чтобы: 1) домъ Бородинна отъ постоа избавить; 2) самаго его и его дѣтей въ караулы «и прочія полицейскія potreбы» не назначать, а ставить, вмѣсто нихъ, наемныхъ ихъ работниковъ; 3) ни къ какимъ дѣламъ отъ присутственныхъ мѣстъ не употреблять, такъ какъ онъ, Бородинъ, «особливую должность и службу отправляетъ»¹⁾. Въ 1782 г., объ этомъ же Бородинъ Бецкій писалъ къ новому губернатору Черткову²⁾. Этотъ существенный недостатокъ въ правахъ, предоставляемыхъ жертвователямъ, былъ признанъ въ свое время опекунскими совѣтами, и въ 1781 году на разсмотрѣніе генеральнаго собранія внесено было ходатайство московскихъ опекуновъ о томъ, чтобы вносящіе подааніе въ извѣстномъ размѣрѣ награждались «дѣйствительными чинами, какъ въ табели о

¹⁾ Трофимъ Бородинъ паходился въ числѣ попечителей воспитательнаго дома. Другіе Бородинны не упоминаются уже въ послѣднихъ письмахъ Бецкаго.

²⁾ Арх. сб. оп. сов., по канц. разн. предмет., д. № 48, связка 1.

рангахъ сказано» ¹⁾. Рѣшеніе вопроса въ этомъ смыслѣ могло бы, по мнѣнію московскихъ опекуновъ, поднять значеніе патентовъ, выдаваемыхъ отъ воспитательнаго дома, и увеличить число жертвователей, которыхъ по 1781 годъ набралось всего только съ двадцать человекъ, да и тѣ были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Но и генеральное собраніе не помогло этому дѣлу: привилегія воспитательнаго дома до самаго уничтоженія ея при Маріѣ Теодоровнѣ сохранила свой шаткій, неопредѣленный характеръ, и много лѣтъ спустя, а именно въ ноябрѣ 1804 года, мѣщанину Красильникову, награжденному комиссарскимъ чиномъ въ прежнее время, снова отказано было въ его просьбѣ, совершенно одинаковой съ просьбой Бородкиныхъ ²⁾. На этотъ разъ только отказано было не на основаніи сенатскаго указа, но по личному повелѣнію императора Александра, который, при докладѣ дѣла министромъ юстиціи, кн. Лопухинимъ, — отозвался, «что проситель можетъ безпрепятственно пользоваться полученнымъ имъ чиномъ, не уклоняясь однако же отъ платежа податей, ибо и всѣ тѣ, кои изъ купечества и мѣщанства имѣютъ чины и выше сего, какъ-то: коллежскихъ ассесоровъ и надворныхъ совѣтниковъ, оставаясь въ прежнемъ званіи, платятъ оныя (подати) по общему о семъ положенію».

Полезнѣе для воспитательнаго дома было право, предоставленное ему — пользоваться платою за влейменіе картъ и получать извѣстную долю дохода со всѣхъ «публичныхъ позорищъ», въ которыхъ относились: театральныя представленія, маскарады, балы, концерты, публичное показыванье разнаго рода фокусовъ (такъ напр., въ 1797 г. извѣстный физикъ Пинетти ³⁾ внесъ въ пользу дома 626 руб. 50 коп.) и зрѣлища, устраиваемыя въ звѣринцахъ. Подъ эту же статью подводимо было открытіе новыхъ ресторановъ и кофеенъ, даже просто буфетовъ при театрахъ; всѣ эти заведенія обязательно облагались при Бецкомъ нѣкоторымъ сборомъ въ пользу воспитательнаго дома ⁴⁾, и уже только

¹⁾ По канц. спб. сов. разн. предм., дѣло № 605, связка 6.

²⁾ По канц. спб. сов. разн. предм., дѣло № 1,232, связка № 16.

³⁾ Дѣло по канц. спб. оп. сов., № 1012/12.

⁴⁾ Такъ, напр., въ 1782 г. никто Лионе внесъ въ воспитательный домъ, за содержаніе при театрѣ буфета, особую сумму. Дѣло по канц. спб. опекуновъ сов. № 701 а.

въ послѣдствіи императрицею Марією Теодоровною разъяснено было, что такой сборъ не можетъ быть обязательнымъ, но представляется доброй волѣ содержателей этихъ заведеній. Различныя злоупотребленія долго мѣшались, однако, воспитательному дому правильно пользоваться доходомъ съ публичныхъ зрѣлищъ, да, кромѣ того, главная полиціймейстерская канцелярія, которая обязана была собирать эти деньги, часто медлила доставленіемъ ихъ по принадлежности, чѣмъ и вынуждала довольно рѣзкія напомнанія со стороны воспитательнаго дома. Такъ, напр., въ 1772 г. с.-петербургское отдѣленіе отнеслось въ главную полиціймейстерскую канцелярію, что изъ нея присланы деньги только съ содержателей вольныхъ маскарадовъ, а «съ прочихъ комедій, оперъ и другихъ публичныхъ позорищъ, какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ году ничего не прислано»¹⁾. Въ 1774 г. этотъ сборъ оказался такъ малъ, что признанъ былъ с.-петербургскимъ отдѣленіемъ «весьма невѣроятнымъ», и оно потребовало отъ полиціймейстерской канцелярії, чтобы лицамъ, желающимъ устраивать маскарады, комедіи, балы, а также для народнаго увеселенія качели, «катательныя горы» и проч. — не дозволялось этого прежде, чѣмъ они не условятся въ отдѣленіи о платежѣ условленной части; если же кому дано такое дозволеніе, то приказать и имъ явиться въ отдѣленіе, «дабы воспитательный домъ опредѣленныхъ доходовъ не лишался, и пожалованныя привиллегіи въ нерушимости сохраняемы были»²⁾. Требованіе воспитательнаго дома было, повидимому, уважено, и съ тѣхъ поръ мы находимъ въ журнальныхъ записяхъ различныя условія, заключенныя съ предпринимателями публичныхъ увеселеній. Въ этихъ условіяхъ, принадлежащая воспитательному дому четвертая часть дохода замѣнялась иногда, по обоюдному согласію, опредѣленною мѣсячною или разовою платою³⁾.

Большимъ злоупотребленіямъ подвергалось также право воспитательнаго дома на клейменіе картъ. Независимо отъ разныхъ неисправностей и проволочекъ въ присылкѣ собранныхъ денегъ изъ мануфактуръ-коллегіи⁴⁾, самый сборъ этотъ уменьшался по-

¹⁾ Журн. сиб. отдѣленія 1772 г. 7-го августа.

²⁾ Журн. сиб. отдѣленія 1774 г. 3-го апрѣля.

³⁾ Журн. сиб. отд. 1774 г. 25-го и 27-го сентября, и журналъ 1775 г. 2-го іюня.

⁴⁾ Журн. сиб. отд. 1772 г. 4-го іюля.

дозрительнымъ образомъ съ году на годъ, такъ что въ 1777 г. его не хватило даже на уплату жалованья чиновникамъ, опредѣленнымъ отъ мануфактуръ-коллегии къ клейменію картъ ¹⁾. Такое уменьшеніе своего дохода с.-петербургское отдѣленіе назвало «неудобьимовѣрнымъ» и, предполагая тутъ обманы или подлоги, обратилось къ Бецкому съ ходатайствомъ, чтобы приняты были мѣры противъ «корыстолюбиваго расхищенія» имущества воспитательнаго дома. Въ доказательство своихъ предположеній с.-петербургское отдѣленіе приводило тотъ фактъ, что въ 1776 г. и въ первые 4 мѣсяца 1777 года объявлено было къ заклеяменію съ 3-хъ фабрикъ всего лишь 409 дюжинъ картъ, тогда какъ изъ такого производства не на что было бы тремъ фабрикантамъ нанимать дома, содержать мастеровыхъ и выписывать матеріалы и инструменты. Въ послѣдствіи, а именно въ 1781 г., подлогъ былъ формально обнаруженъ «учиненіемъ подсылки», изъ которой открылось, что многія фабрики клеймили свои карты фальшивымъ клеймомъ ²⁾. Въ надеждѣ увеличить свои доходы отъ картъ, воспитательные дома рѣшились, каждый, завести свои собственныя карточныя фабрики. Прежде всего объ этомъ подумалъ московскій воспитательный домъ, заключившій съ этою цѣлью контрактъ съ карточнымъ мастеромъ Иваномъ Матѣе. Объ отправленіи этого мастера въ Москву по первому лѣтнему пути Бецкій писалъ уже отъ 24-го марта 1774 г. Но въ маѣ того же года рѣшено было оставить Матѣе до зимы въ Петербургѣ «въ разсужденіи дорогой требуемой платы за подводы»; а чтобы въ ожиданіи этого не терять времени, положено было — открыть карточную фабрику при с.-петербургскомъ отдѣленіи, приспособивъ для Матѣе и его мастеровыхъ каменный флигель воспитательнаго дома подъ Смольнымъ монастыремъ. По первоначальному условію, Матѣе назначено, взамѣнъ жалованья, на первый годъ — по 25 к. съ каждой дюжины выдѣланныхъ имъ картъ, на второй годъ — по 20 к., а на третій, и до окончанія пятилѣтняго срока контракта — по 15 к. съ дюжины. Но эта сбавка платы до 15 к. могла имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если бы воспитательный домъ счелъ нужнымъ распространить свою карточную

¹⁾ Журн. 1777 г. 18-го іюля, № 254.

²⁾ Журн. 1781 г. 2-го января.

фабрику и, вмѣсто 8—10-ти тысячъ дюжинъ картъ въ годъ, выдѣлывать ихъ большее количество; если же нѣтъ,—то задѣльная плата главному мастеру не спускалась ниже 20 к. Кромѣ этого вознагражденія, Матѣ пользовался отъ воспитательнаго дома всѣми матеріалами и инструментами, необходимыми для выдѣлки картъ, помѣщался въ даровой квартирѣ и уплачивалъ жалованье своимъ подмастерьямъ и рабочимъ изъ средствъ с.-петербургскаго отдѣленія. Въ ноябрѣ 1774 г. контрактъ былъ нѣсколько измененъ, и Матѣ сталъ получать по 15 к. съ дюжины картъ перваго разбора ¹⁾ и по 10 к. съ дюжины картъ низшаго качества или, такъ называемыхъ, сирень. 6-го сентября 1774 г. Матѣ представилъ уже первыя 800 дюжинъ сдѣланныхъ имъ картъ. 22-го декабря Иванъ Матѣ отправленъ, наконецъ, въ Москву ²⁾, а здѣшняя фабрика передана сыну его, Николаю Матѣ, подписавшему 1-го января 1775 г. новое обязательство на пять лѣтъ. Обязательство это продержалось, однако, недолго, и 19-го мая 1775 г. контрактъ съ Николаемъ Матѣ былъ разрушенъ по той причинѣ, что «дѣланіе картъ производится безъ желаемаго успѣха», и что выдѣланныя карты оказываются «не хорошаго мастерства, пропорціею малы и отъ небреженія мастеровыхъ нечисты». Около 8-ми мѣсяцевъ карточная фабрика стояла безъ дѣйствія, покуда, 28-го января 1776 г., не заключенъ былъ новый контрактъ съ фабриканшею, вдовою Девантъ, которая обязалась при этомъ закрыть свою собственную фабрику. Такъ какъ флигель воспитательнаго дома былъ найденъ почему-то неудобнымъ для помѣщенія фабрики, то квартира для нея нанята была на счетъ с.-петербургскаго отдѣленія, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Козицкаго; надъ домомъ же поставленъ гербъ воспитательнаго дома. Но и Девантъ не исполнила обязательствъ, принятыхъ на себя. Такъ, напр., она не допустила къ приему и продажѣ картъ опредѣленнаго отъ воспитательнаго дома сержанта Полуехтова и въ теченіе двухъ лѣтъ не представляла отчетовъ о томъ, сколько именно и изъ какого количества матеріала выдѣлано ею товару,

¹⁾ Продажная цѣна перваго разбора картъ была назначена сначала въ 2 р. 4 к. съ дюжины, а втораго разбора—въ 1 р. 56 к.

²⁾ О заведеніи карточной фабрики при с.-петербургскомъ домѣ см. журналы засѣданій 1774 г. №№ 138, 144, 168, 177, 192, 198, 220, 323, а также дѣло по канц. по разн. предм. № ¹²⁹/₂.

годнаго на продажу. На этомъ основаніи, с.-петербургское отдѣленіе, журналомъ своимъ отъ 2-го іюня 1778 г., положило отобрать отъ Девантъ инструменты, купленные на средства воспитательнаго дома и снять съ фабрики гербъ этого заведенія. Надѣясь еще уладить какъ-нибудь это дѣло, Девантъ предложила было уплачивать ежегодно въ пользу дома по 600 р. съ тѣмъ, чтобы ей позволено было свободно клеймить карты «сколько понадобится», но с.-петербургское отдѣленіе, знакомое уже съ добросовѣстностью этой фабрикантши, нашло такое условіе не только невыгоднымъ, но и крайне подозрительнымъ, такъ какъ Девантъ, заручившись имъ, могла бы воспользоваться клеймомъ, «употребляя его, можетъ быть, и для другихъ фабрикантовъ, и тѣмъ интересоваться». Что подозрѣнія с.-петербургскаго отдѣленія были вполне основательны и коммерческая честность Девантъ не заслуживала никакого довѣрія, это подтвердилось въ послѣдствіи, когда упомянутая нами «подсылка» на фабрики раскрыла, между прочимъ, и у Девантъ, употребленіе фальшиваго клейма для картъ. Чистой прибыли отъ фабрики, за время управленія Девантъ, воспитательный домъ получилъ съ небольшимъ 104 р., хотя картъ выдѣлано было около 25-ти тысячъ дюжинъ на сумму 17,688 р. 50 к. Съ переводомъ воспитательнаго дома въ Милліонную улицу, о карточной фабрикѣ болѣе нигдѣ не упоминается, и с.-петербургскому отдѣленію пришлось ограничиваться доходомъ съ одного клейменія картъ, которое, по закрытіи мануфактуръ-коллегіи, въ началѣ 1780 г., было предоставлено въ полное распоряженіе дома и стало производиться, подъ приглядомъ вазначая, особо-назначеннымъ къ тому сержантомъ ¹⁾). Злоупотребленія, однако, не прекращались, и для обузданія ихъ придумывались различныя мѣры: въ С.-Петербургѣ, какъ мы видѣли, были подсылаемы къ фабрикантамъ лазутчики, въ Москвѣ производился «генеральный обыскъ» всѣмъ карточнымъ фабрикамъ. Вслѣдствіе этого, независимо отъ клейменія картъ новымъ клеймомъ, изображавшимъ птицу съ подписью вокругъ: «себя не жалѣя, питаетъ птенцовъ», введено было накладываніе бандеролей, цвѣтъ и форма которыхъ мѣнялись время отъ времени.

¹⁾ Журн. 1781 г. 2-го января, а также дѣло по канц. по экспедиціи карт. сбора, по разн. предм., № 27/1.

Но доходъ воспитательнаго дома, несмотря на усиленіе надзора, собирався туго, да, кромѣ того, по тарифу 27-го сентября 1782 г., плата съ привозныхъ картъ въ пользу дома уменьшена съ 1 р. 20 в. на 60 в. съ дюжины. Желая избавить себя отъ дальнѣйшихъ хлопотъ по сбору карточныхъ пошлинъ, с.-петербургскій опекунскій совѣтъ, въ мартѣ 1783 г., отдалъ эту привиллегію на откупъ, на два года, армянину Бабасинову за 2,400 р.; но въ то же время подумывалъ, какъ видно, объ учрежденіи собственной фабрики, ибо въ условія съ откупщикомъ внесенъ былъ таковой пунктъ, что, если въ теченіе контрактнаго срока при с.-петербургскомъ домѣ откроется карточная фабрика, то дѣлаемыя на ней карты клеймены будутъ отъ опекунскаго совѣта, а «ему, Бабасинову, до того дѣла нѣтъ»¹⁾. Опекунскій совѣтъ вскорѣ призналъ убыточнымъ для себя этотъ откупъ и, по минованіи срока, не возобновилъ контракта съ Бабасиновымъ, но не открылъ и собственной фабрики. Въ 1790 г. дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Бутурлинъ и статскій совѣтникъ Василій Нелидовъ снова просили с.-петербургскій опекунскій совѣтъ отдать на откупъ клейменіе картъ, но получили отъазъ, мотивированный уже не убыткомъ, а тѣмъ, что «сборъ съ клейменія картъ предоставленъ воспитательному дому не какъ привиллегія (?), а какъ подаваніе, то и неприлично ввѣрять оное частнымъ лицамъ». Мнѣніе это было отвергнуто въ послѣдствіи, и 27-го апрѣля 1797 г. императрица Марія Ѳеодоровна предписала почетному опекуну с.-петербургскаго опекунскаго совѣта, Д. А. Гурьеву, постановить условія для отдачи картъ на откупъ.

Затѣмъ, для полноты перечня финансовыхъ средствъ воспитательнаго дома, нужно упомянуть о незначительной платѣ, которую получалъ онъ за арендованіе разныхъ мѣстъ по берегу Невы (когда домъ находился еще подъ Смольнымъ монастыремъ), за отдачу въ наемъ торговыхъ и др. жилыхъ помѣщеній въ домѣ князя Грузинскаго, а также за сдачу на откупъ третьей части рыбной лососинной ловли на рѣкѣ Вытегрѣ, пожертвованной олонецкими посадскими людьми²⁾.

¹⁾ «Матер. для исторіи московскаго воспитательнаго дома», выпускъ I, статья о карточн. привиллегіи, стр. 25, 2-й столбецъ; также дѣло по канц. с.-петербургскаго опекунскаго совѣта, по экспедиціи карт. сбора, разн. предм., № 29/1.

²⁾ Журн. опекунскаго совѣта 1773 г. 23-го іюля, 1774 г. 6-го іюля (№ 171), 1780 г. 1-го апрѣля (№ 204).

Прибавимъ еще, что пожертвованія въ пользу воспитательнаго дома приносились не только деньгами, вещами и даровымъ трудомъ ¹⁾, но также и въ видѣ векселей; по которымъ иногда вся сумма назначалась на благотворительное дѣло, иногда же отъ нея отчислялась извѣстная часть какъ бы въ награду дому за успѣшность взысканія. Подобные векселя предъявлялись весьма часто на сильныхъ и знатныхъ лицъ — и въ этомъ обстоятельстве нельзя не усмотрѣть со стороны жертвователей явнаго расчета на авторитетъ воспитательнаго дома, безъ котораго трудно было въ тогдашнія времена производить взысканіе даже и по бесспорнымъ документамъ. Но и вмѣшательство воспитательнаго дома не всегда удачно подвигало ходъ дѣла, такъ какъ различныя присутственныя мѣста оказывали векселедателямъ «попущеніе или поновову» ²⁾. Въ пользу воспитательнаго дома шель еще, такъ называемый, «кружечный сборъ» — съ кружекъ, поставленныхъ въ церквахъ и разныхъ общественныхъ мѣстахъ.

Но если средства с.-петербургскаго воспитательнаго дома значительно разрослись съ теченіемъ времени, благодаря преимущественно банковымъ операціямъ, за то и расходы увеличивались быстро, и притомъ не въ одинаковой прогрессіи съ увеличеніемъ доходовъ. Такъ, напр., расходъ на жалованье служащимъ возросъ съ 1778 по 1797 годъ слишкомъ въ семь разъ; плата за воспитаніе дѣтей по деревнямъ дошла въ тотъ же промежутокъ времени отъ 9,454 р. съ коп. до 67,092 р. 74¹/₄ к.; заготовленіе стѣстныхъ припасовъ, обходившееся въ 1778 г. въ 6,281 р. съ коп., стоило уже въ 1794 г. около 30-ти т. р., тогда какъ доходы воспитательнаго дома, по главнымъ статьямъ, повышались, въ общей сложности, далеко не въ такомъ усиленномъ размѣрѣ. Увеличенію этихъ расходовъ способствовали — независимо отъ злоупотребленій — различныя другія причины: во-первыхъ, постоянно возростающая дороговизна жизни въ столицѣ; во-вторыхъ, превращеніе отсылки дѣтей въ Москву и, въ-третьихъ, быстроувеличивавшійся приносъ дѣтей, какъ это видно изъ подлинной вѣдомости прошлаго столѣтія, добытой нами, послѣ

¹⁾ Такъ, напр., въ 1772 г. вѣкоторые вольные мастера, «изъ усердія къ воспитательному дому», на свой счетъ исправили разныя столярныя работы и вставили стекла въ оконныя рамы. См. журн. 10-го ноября этого года.

²⁾ Журн. 1775 г., 7-го марта, № 57.

долговременныхъ, безуспѣшныхъ поисковъ, въ архивѣ московскаго опекунскаго совѣта, куда вѣдомость эта была переслана въ свое время по требованію особой коммисіи для изслѣдованія безпорядковъ по обоимъ воспитательнымъ домамъ (См. приложение, стр. 552—553). Цифра ежегоднаго приноса поднялась въ періодъ Бецкаго съ 509 до 1,456 младенцевъ обоего пола и новое помѣщеніе воспитательнаго дома въ Милліонной улицѣ становилось уже въ 1791 г. слишкомъ тѣснымъ для большаго количества живущихъ въ немъ. Словомъ, въ концѣ періода Бецкаго расходы здѣшняго воспитательнаго дома, въ особенности подъ вліяніемъ усилившихся злоупотребленій, значительно превзошли его доходы, и императрица Марія Ѳеодоровна должна была принять рѣшительныя мѣры, чтобы спасти это учрежденіе отъ окончательнаго банкротства.

А. П. Пятковскій.

Приложение въ IV-й главѣ. Исслѣд. А. Патковскаго.

Вѣдомость Императорскаго С.-Петербургскаго Воспитательнаго
 сколько изъ того числа умерло и вышедшихъ въ разныя мѣ
 году въ годъ съ на
 1770 года сентября съ 1-го сего

Въ которыхъ годахъ приняты.	Оставшихъ на году въ годъ на- личныхъ обоимъ пола воспитан- никовъ.		И т о г о .	Приняты въ домъ.		И т о г о .	Родившихся въ ономъ.		И т о г о .	Всего вообще съ ос- тавшимися, приня- тыми и родившимся въ ономъ.	Изъ числа оныхъ по- мерло.		И т о г о .
	муж.	жен.		муж.	жен.		муж.	жен.			муж.	жен.	
1770	—	—	—	70	111	181	—	—	—	181	40	50	90
1771	29	61	90	211	298	509	2	3	5	604	155	240	395
1772	71	97	168	197	260	457	16	10	26	651	176	241	417
1773	108	126	234	263	319	582	13	7	20	836	184	220	404
1774	188	190	378	221	286	507	21	14	35	920	188	236	424
1775	242	254	496	213	298	511	10	18	28	1,035	181	233	414
1776	279	321	600	243	337	580	27	20	47	1,227	267	338	605
1777	275	326	601	242	357	599	27	25	52	1,252	223	342	565
1778	305	328	633	284	325	609	25	21	46	1,288	298	351	649
1779	313	323	636	236	360	596	32	23	55	1,287	203	300	503
1780	372	401	773	268	319	587	34	37	71	1,431	244	273	517
1781	430	484	914	273	393	666	33	31	64	1,644	393	316	709
1782	344	591	935	299	356	655	29	44	73	1,663	221	385	606
1783	447	601	1,048	311	437	748	46	49	95	1,891	354	439	793
1784	450	648	1,098	379	422	801	57	53	110	2,009	313	395	708
1785	573	728	1,031	393	456	849	62	64	126	2,276	435	466	901
1786	592	780	1,372	430	498	928	75	62	137	2,437	346	454	800
1787	748	885	1,633	379	597	976	67	60	127	2,736	355	432	787
1788	834	1,105	1,939	466	658	1,124	93	68	161	3,224	481	623	1,104
1789	907	1,207	2,114	450	602	1,052	71	75	146	3,312	555	652	1,207
1790	856	1,229	2,085	501	625	1,126	82	73	155	3,366	468	588	1,056
1791	970	1,336	2,306	506	680	1,186	83	90	173	3,665	482	586	1,068
1792	1,075	1,513	2,588	520	614	1,134	101	91	192	3,914	443	534	977
1793	1,252	1,672	2,924	557	715	1,272	104	91	195	4,391	524	678	1,202
1794	1,387	1,793	3,180	568	798	1,366	115	98	213	4,759	616	728	1,344
1795	1,415	1,931	3,346	620	762	1,382	80	96	176	4,904	547	673	1,220
1796	1,498	2,080	3,578	635	821	1,456	107	84	191	5,225	670	743	1,413
Всего				9,735	12,704	22,439	1,412	1,307	2,719	25,158	9,362	11,516	20,878

Петръ Ильинъ, Василій Крюковскій, Иванъ Сумбатовъ,

ДОМА О ДѢТЯХЪ, ПРИНОСНЫХЪ ВЪ ДОМЪ И РОДИВШИХСЯ ВЪ ОНОМЪ, СТА ИЗЪ ДОМУ, И СКОЛЬКО ЗАТѢМЪ ВЪ НАЛИЧНОСТИ СОСТОЯЛО ИЗЪ ЧАЛА ЗАВЕДЕНІЯ ДОМА

1797 года генваря по 1-е число.

Отданныхъ для обученія домашней экономіи и по разнымъ мастерствамъ.		Итого.	Выпущено съ вѣчными паспортами на непосредственное содержаніе.		Итого.	Отправлено въ Моск. воспит. домъ, въ академію художествъ и въ общество мѣщанскихъ дѣлушекъ.		Итого.	Поступило въ конскую школу и отдало въ гос. судопроизв. госпит.	Вышло въ замужество.	Итого пообщ. померка и амбал.	Затѣмъ на издо состояло обоего пола воспитанниковъ.		Итого пообщ. оств. валосъ.
муж.	жен.		муж.	жен.		муж.	жен.					муж.	жен.	
—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	91	29	61	90
—	—	—	—	—	—	16	25	41	—	—	436	71	97	168
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	417	108	126	234
—	—	—	—	—	—	12	42	54	—	—	458	188	190	378
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	424	242	254	496
—	—	—	—	—	—	5	16	21	—	—	435	279	321	600
—	—	—	—	—	—	7	14	21	—	—	626	275	326	601
—	—	—	—	—	—	16	38	54	—	—	619	305	328	633
—	—	—	—	—	—	3	—	3	—	—	652	313	323	636
—	—	—	—	—	—	6	5	11	—	—	514	372	401	773
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	517	430	484	914
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	709	344	591	935
—	—	—	—	—	—	4	5	9	—	—	615	447	601	1,048
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	793	450	648	1,098
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	708	573	728	1,301
—	—	—	1	2	3	—	—	—	—	—	904	592	780	1,372
—	—	—	2	1	3	1	—	1	—	—	804	748	885	1,633
1	—	1	4	5	9	—	—	—	—	—	797	834	1,105	1,939
5	1	6	—	—	—	—	—	—	—	—	1,110	907	1,207	2,114
4	3	7	10	3	13	—	—	—	—	—	1,227	856	1,229	2,085
1	—	1	—	3	3	—	—	—	—	—	1,060	970	1,336	2,306
—	1	1	2	5	7	—	—	—	—	1	1,077	1,075	1,513	2,588
1	—	1	—	12	12	—	—	—	—	—	990	1,252	1,672	2,924
2	—	2	—	7	7	—	—	—	—	—	1,211	1,387	1,793	3,180
17	13	30	21	16	37	—	—	—	1	1	1,413	1,415	1,931	3,346
52	29	81	16	6	22	—	—	—	2	1	1,326	1,498	2,080	3,578
3	10	13	5	10	15	—	—	—	71	1	1,513	1,491	2,221	3,712
86	57	143	62	70	132	70	145	215	74	4	21,446	—	—	3,712

ергѣй Пуцинь, Акимъ Исуповъ, Михайло Симишинъ, Богданъ Гибаль.

Контролеръ Алексѣй Воронковъ.

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРЧКЕВИЧА.

1789—1848.

IX¹⁾.

Возвращеніе въ Петербургъ.—Пропсшествіе въ бригадѣ.—Столкновеніе полковника Демидова съ бригаднымъ командиромъ Таубе. — Дуэль.—Донось на офицеровъ бригады. — Аресты. — Гнѣвъ императора Александра I на артиллеристовъ.—Переводъ мой въ полевую артиллерию.

1815—1818.

....Въ 1815 году, вскорѣ послѣ свадьбы моей, я получилъ изъ Петербурга предписаніе, какъ можно скорѣе возвратиться къ бригадѣ, которая выступила уже въ походъ въ Вильну по случаю побѣга Наполеона съ острова Эльбы. Не желая продолжать службу мою вмѣстѣ съ Таубе, я не спѣшилъ исполнить его предписаніе, а подалъ рапортъ къ бывшему тогда инспектору артиллеріи, барону Меллеру-Закомельскому, прося перечислить меня въ резервныя роты гвардейской артиллерійской бригады, оставшейся въ Петербургѣ. Отвѣтъ отъ Меллера я получилъ въ концѣ іюля самый удовлетворительный, и въ первыхъ числахъ сентября, съ женой, выѣхалъ изъ Смоленска въ столицу. На пути подъ самымъ Петербургомъ, я обогналъ бригаду, возвращающуюся уже назадъ, ибо расчетъ съ Наполеономъ вторично былъ конченъ. Тутъ мнѣ привелось выслушать разсказъ о довольно необыкновенномъ происшествіи по бригадѣ, давно уже начатомъ, но еще не вполнѣ оконченномъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1874 г., томъ IX, стр. 207—244; томъ X, стр. 633—666; томъ XI, стр. 411—450.

Я говорилъ уже, что полковникъ Таубе, за сраженіе подъ Парижемъ, Ярошевицкому изъ младшихъ штабсъ-капитановъ доставилъ чинъ капитана. Несправедливость эта сильно огорчила цѣлый корпусъ офицеровъ, а болѣе всего тронула штабсъ-капитана Столыпина, заслуженнаго и раненаго офицера. За нѣсколько дней до вступленія гвардіи въ Вильну, всѣ офицеры отправились въ Ярошевицкому и объявили ему, чтобъ онъ оставилъ бригаду. Не бывши трусомъ, что онъ въ особенности доказалъ подъ Лейпцигомъ, онъ сначала уперся въ отказъ, но, наконецъ, видя сильное настояніе, понялъ, что онаго не одолѣеть, сталъ просить дать ему принскать удобный случай проситься вонъ, на что офицеры, по убѣжденію капитана Коробьина, согласились. Прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ, Ярошевицкій забылъ и не спѣшилъ выполнить даннаго обѣщанія. Всѣ офицеры, кромѣ Ярошевицкаго, рѣшительно ненавидѣли Таубе, но полковникъ Демидовъ, съ эгоистическимъ духомъ, одинъ соблюдалъ всѣ утонченныя приличія въ нему, какъ въ своему начальнику. Таубе же это принималъ какъ за искательство съ его стороны, ибо зналъ, что Демидовъ хотя уважаемъ, но не особенно любимъ офицерами.

Во время обратнаго похода бригады, около Острова, Псковской губерніи, Демидовъ подалъ рапортъ Таубе, что въ его ротѣ вся коломазь, отпущенная для смазки колесъ подъ тяжестями, почти вышла и просить распоряженія его объ отпускѣ таковой, или денегъ для покупки. Таубе, вмѣсто личнаго объясненія съ Демидовымъ, отдалъ приказъ по бригадѣ, въ которомъ онъ указываетъ ему, что онъ не обращаетъ вниманія на выгоды казны, ибо для его роты коломази отпущено въ равной пропорціи, какъ и для другихъ ротъ; а какъ казна даетъ коломази съ избыткомъ, то при экономіи, подобно другимъ ротамъ, не могъ онъ ее всю употребить. Демидовъ выговоромъ этимъ чувствительно огорчился.

На другой день послѣ отданія упомянутаго приказа, во время похода, когда роты всѣ шли вмѣстѣ, Таубе, обгоняя ихъ, поровнявшись съ Демидовымъ, привѣтствовалъ его словами:

— Bon jour, colonel!

Вдругъ, въ удивленію всѣхъ, Демидовъ, поднявъ нагайку на Таубе, отвѣчалъ ему:

— Слушай, шмерць! я не colonel, а русскій полковникъ и научу тебя, какъ нужно обращаться съ нимъ.

Таубе едва успѣлъ ускользнуть отъ Демидова. Расконтуженный и взбѣшенный, переѣхавъ къ головѣ бригады, онъ тотчасъ приказалъ полковнику Базилевичу ѣхать арестовать Демидова и отправить его подъ караулъ въ арьергардъ, а вслѣдъ затѣмъ сталъ рассказывать о дерзкомъ поступкѣ ѣхавшимъ двумъ братьямъ кн. Горчаковымъ, Столыпину и др. офицерамъ. Столыпинъ спросилъ у Таубе, что же онъ думаетъ сдѣлать съ Демидовымъ?

— Непремѣнно отдамъ подъ судъ, отвѣчалъ тотъ; только что придемъ на мѣсто, сейчасъ пошлю донесеніе.

Тогда князь Петръ Горчаковъ, усмѣхнувшись, замѣтилъ ему:

— Все это хорошо, Карлъ Карловичъ, отдавайте Демидова подъ судъ сколько вамъ угодно, а вы вотъ что намъ скажите: вѣдь онъ на васъ поднялъ нагайку. Послѣ этого врядъ-ли это пожелаетъ служить подъ вашимъ начальствомъ.

— Что же я долженъ, господа, по вашему сдѣлать? спросилъ Таубе.

На это ему возразили, что въ подобныхъ случаяхъ никто, кромѣ самого себя, не можетъ давать совѣтовъ, и всѣ, какъ-бы сговорившись, отвѣхали прочь, оставивъ Таубе одного размышлять о будущемъ своемъ поведеніи.

Между тѣмъ Базилевичъ возвратился съ донесеніемъ о выполненіи даннаго ему приказанія; Таубе обратился и къ нему за совѣтомъ, отъ котораго получилъ почти въ такомъ же смыслѣ отвѣтъ, какъ и отъ прочихъ офицеровъ; такъ что Таубе рѣшился вызвать Демидова на дуэль, отказавшись отъ перваго своего предположенія—отдать Демидова подъ судъ.

Когда дошли до мѣста стоянки и стали устанавливать паркъ, Таубе отправилъ съ Базилевичемъ шпагу къ Демидову и ему же поручилъ сдѣлать вызовъ. Демидовъ согласился, но отвѣчалъ, что онъ иначе не станетъ драться, какъ на пистолетахъ, на что Таубе долго колебался, но потомъ изъявилъ свое согласіе. Демидовъ пригласилъ къ себѣ секундантами—Столыпина и князя Михаила Горчакова, а Таубе взялъ Базилевича и князя Петра Горчакова. Столыпину поручили выборъ мѣста и другія пріуготовленія.

Не вѣзжая еще въ городъ, бойцы и секунданты отправились на мѣсто. По пути Таубе сталъ спрашивать о порядкѣ

и условіяхъ дуэли, объявивъ, что ему ни разу не приходилось въ такой передрагѣ участвовать, а потому вовсе не знаетъ, какія существуютъ для сего правила. Столыпинъ ему объяснилъ, что въ настоящемъ дѣлѣ послѣдовала тяжкая обида, то и дуэль непременно должна кончиться смертью котораго-либо изъ противниковъ и для этого короче всего стрѣляться по платку, взявшись за концы онаго. Но другіе секунданты рѣшительно воспротивились этому предложенію и постановили: стрѣляться на дистанціи десяти шаговъ, чрезъ барьеръ, отступя отъ онаго еще на 10 шаговъ далѣе, предоставляя первый выстрѣлъ на произволъ самихъ противниковъ.

Когда отмѣрили разстояніе, Демидовъ снялъ мундиръ, съ шеи платокъ и у него остался на груди только одинъ орденскій знакъ св. Анны 2-й ст. съ брилліантами, то и секунданты Таубе предложили ему снять скуртузъ, а если онъ не желаетъ снять платокъ съ шеи, то чтобы снялъ свои ордена, которыхъ у него было навѣшено во множествѣ. У него висѣли: Георгій 3-й ст., св. Владиміра 3-й ст., Анна 2-й ст., Краснаго Орла и «*Pour le merite*». Таубе мундиръ снялъ, а платка и орденовъ снимать не захотѣлъ, тогда его секунданты висѣвшіе на шеѣ кресты перенесли на спину. Зарядивъ пистолеты и отойдя на условленную дистанцію отъ барьера, противники стали сходитьса и, подойдя къ барьеру, никто не сдѣлалъ выстрѣла. Тогда Столыпинъ, ближе всѣхъ стоявшій къ нимъ, сказалъ:

— Я думалъ, что увидимъ что-нибудь трагическое, а выходитъ нѣчто комическое.

Начались новые толки и опять взяли прежнюю дистанцію. Сдѣлавъ два шага, Таубе выстрѣлилъ и далъ промахъ. Демидовъ остановился и, обратясь къ секундантамъ, произнесъ:

— Придвиньте г. Таубе.

— Что такое? спросилъ онъ.

Ему объяснили, что онъ долженъ дойти до барьера, и Таубе долго не хотѣлъ понять этого предложенія, но, наконецъ, по усиленнымъ убѣжденіямъ секундантовъ, исполнилъ это требованіе. Замѣтно было, что онъ совершенно упалъ духомъ. Демидовъ нѣсколько разъ подымалъ пистолетъ, прицѣливаясь, но потомъ опять его вновь опускалъ и, повторивъ это нѣсколько разъ, обратился къ своимъ свидѣтелямъ, сказавъ:

— Я не могу, я не хочу стрѣлять по Таубе.

Тутъ секунданты Таубе стали настаивать, чтобы Демидовъ непремѣнно стрѣлялъ, но какъ тотъ все упорствовалъ въ своемъ отказѣ, то они стали требовать отъ Таубе, чтобы онъ настаивалъ самъ, чтобы тотъ стрѣлялъ; но Таубе, совсѣмъ потерявшійся, объявилъ, что онъ совершенно предоставляет на волю самого Демидова. Тогда Столыпинъ, взявъ изъ рукъ Демидова пистолетъ и подойдя къ Таубе, выстрѣлилъ на воздухъ, прибавя:

— Полковникъ Таубе, Николай Петровичъ Демидовъ вамъ даритъ жизнь!

Битва кончилась. Таубе пригласилъ Демидова и секундантовъ къ себѣ на обѣдъ и, разумѣется, что при мировой хозяйнѣ предложилъ тостъ за своего противника; отвѣчая на оный, Столыпинъ просилъ позволенія выпить за здоровье хозяина, и когда бокалы наполнились, то онъ, провозглашая тостъ:

— Карлъ Карловичъ, ваше здоровье! — обратился къ Демидову: а васъ, Николай Петровичъ, поздравляю съ новорожденнымъ.

Когда гвардія возвратилась въ Петербургъ, куда я пріѣхалъ нѣсколько дней прежде, исторія съ Ярошевицкимъ возобновилась и офицеры вторично отправились къ нему требовать его удаленія. Полковникъ Базилевичъ отъ имени всѣхъ держалъ рѣчь. На это Ярошевицкій, гордо поднявъ голову, отвѣчалъ:

— Не знаю, господа, чего вы хотите отъ меня? Я не хочу оставлять ни службы, ни бригады. Готовъ каждому изъ васъ дать личное удовлетвореніе, начиная съ васъ, полковникъ, потомъ съ каждымъ, кто пожелаетъ.

На это ему возразилъ Базилевичъ, что отъ этого никто не откажется, но только тогда, когда онъ сниметъ нашъ мундиръ; а до того времени, отдѣльно, никто изъ насъ не почитаетъ себя въ правѣ отвѣчать на вызовъ, такъ какъ здѣсь не частное дѣло, но общее заключается настояніе.

Ярошевицкій все-таки наотрѣзъ отказался подчиниться ихъ желанію и офицеры ушли отъ него, не рѣшивъ окончательно, какъ поступить съ нимъ.

Ярошевицкій тотчасъ отправился къ Таубе и, по совѣщаніи съ нимъ, подалъ ему рапортъ, въ которомъ, объясняя въ подробности оба сдѣланныя противъ него настоянія, присоветовалъ,

что это дѣлается видимо не собственно противъ него, а противъ самого Таубе, и тутъ же вѣлочилъ и происшествіе на походѣ съ Демидовымъ и коснулся немного о дуэли, утверждая, что при этомъ обстоятельстве будто бы Столыпинъ ему положительно говорилъ, «что если сживемъ Таубе, то мы васъ оставимъ въ покоѣ...»

Таубе этотъ рапортъ лично отвезъ начальнику всей гвардейской артиллеріи, ген.-маіору Козену, и при этомъ подавъ ему отъ себя еще другой, представляя все происшествіе, какъ явный бунтъ противъ него, и что это ничто иное какъ возобновленіе исторіи, начатой еще за границей, во Франціи, подъ Труа, когда онъ только что былъ назначенъ командиромъ бригады. Козенъ взялъ на себя поддержать Таубе.

Государь тогда находился во Франціи; гвардію командовалъ графъ Милорадовичъ, а начальникомъ штаба при немъ былъ ген.-маіоръ Сипягинъ. Когда Козенъ донесъ о семъ Милорадовичу, тотъ немедленно приказалъ, арестовавъ Базилевича, Столыпина и Ярошевицкаго, посадить ихъ на гауптвахты порознь. Базилевича на сенатскую, втораго на смольную Новодѣвичьяго монастыря, а послѣдняго на арсенальную, и назначилъ особую комиссію изъ полковниковъ отъ каждаго пѣхотнаго гвардейскаго полка по одному, подъ предсѣдательствомъ начальника 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи барона Розена, коей поручилъ произвести строжайшее слѣдствіе.

Въ то время я жилъ на Пескахъ, недалеко отъ Преображенскихъ казармъ, и какъ я былъ единственный независимый офицеръ въ бригадѣ, состоя въ резервѣ, то всѣ наши офицеры, попеременно навѣщая меня, при настоящихъ обстоятельствахъ, избрали квартиру мою центральнымъ пунктомъ сообщеній между Базилевичемъ и Столыпинымъ, и у меня собирали свѣдѣнія о дѣлаемыхъ тому и другому вопросахъ и объ ихъ отвѣтахъ.

Между тѣмъ, не находя способовъ жить съ женою въ Петербургѣ, я рѣшился подать прошеніе о переводѣ меня въ армію и хотя уже не состоялъ подъ начальствомъ Таубе, но онъ, вѣроятно, провѣдавъ о бывающихъ у меня совѣщаніяхъ, пожелалъ и меня привлечь къ дѣлу, донеся, что я женился, не получивъ отъ начальства на это дозволенія. Въ одинъ день я былъ чрезвычайно удивленъ пріѣздомъ ко мнѣ совершенно незнакомаго мнѣ адъютанта Козена, Гардера, который объяснилъ мнѣ, что онъ прі-

ѣхалъ удостовѣриться справедливо-ли донесеніе Таубе. Я отперся... и вмѣстѣ съ этимъ рекомендовалъ жену мою. Гардеръ, благородной души человѣкъ, понялъ шутку и взялся быть за меня защитникомъ у Козена, такъ что въ отношеніи меня все преслѣдованіе Таубе этимъ ограничилось.

Дня за три до пріѣзда государя въ Петербургъ, Базилевичъ и Столыпинъ были освобождены изъ-подъ ареста, и каждый изъ нихъ получилъ открытое свидѣтельство отъ гр. Милорадовича. что доносъ Ярошевицкаго на нихъ совершенно неоснователенъ. Всѣ мы уже радовались, что побѣдили,—вышло совершенно на-противъ.

По прибытіи государя, объявлено было повелѣніе на другой день быть у развода въ эзерциргаузѣ всѣмъ офицерамъ гвардіи. Разумѣется, не было исключенія и для артиллеріи. Но государь въ разводѣ не прибылъ, а приказано офицерамъ для представленія ѣхать во дворецъ. Но каковъ же былъ сюрпризъ для нашихъ (я у развода не былъ), когда, при входѣ въ покои дворца, у каждаго входа артиллеристовъ встрѣчало запрещеніе идти далѣе, съ объявленіемъ, что государь не желаетъ ихъ видѣть. Это крѣпко всѣхъ насъ смутило и заставило призадуматься.

...Много прошло съ тѣхъ поръ лѣтъ, страсти поуспокоились, старые враги встрѣчались, какъ старинные хорошіе пріатели, а кто былъ въ то время загадочнымъ другомъ, да пошелъ въ гору, тотъ на мелвоту, на нашего брата, совсѣмъ не глядѣлъ; такъ точно было и со мной; когда я находился на службѣ въ артиллерійскомъ департаментѣ, въ Петербургѣ, нечаянно встрѣтился съ Таубе и пошелъ у насъ воспоминанія о давно прошедшихъ дѣлахъ, въ томъ числѣ зашла рѣчь и о происшествіи, которое я выше описалъ, и вотъ дополненіе всему, что мнѣ рассказала самъ Таубе, такъ какъ, кромѣ него, никто не могъ быть свидѣтелемъ тому, что происходило съ нимъ во время представленія государю.

Когда кончился приемъ, въ которомъ было отказано артиллеристамъ, государь потребовалъ къ себѣ въ кабинетъ Таубе.

— Я,—говоритъ онъ,—вошелъ ни живъ, ни мертвъ, чувствуя, что въ этой исторіи я былъ тоже не совсѣмъ правъ и, зная заранее почти за чѣмъ онъ меня требуетъ, я входилъ, признаюсь, съ трепетомъ, но тутъ совершенно потерялъ голову и не помню

болѣе себя, когда увидѣлъ передъ собой такое грозное лицо государя, какое мы никогда и представить себѣ не могли. Вошелъ въ кабинетъ, а далѣе не могу двинуться. Хочу броситься на колѣни—боюсь. Государь съ тѣмъ же гнѣвнымъ лицомъ подошелъ ко мнѣ и грозно связалъ:

— „У тебя въ бригадѣ опять бунтъ. Ты не умѣешь быть начальникомъ и не похожъ, какъ посмотрю на тебя, на начальника. Я очень жалѣю, что тебя поставилъ на это мѣсто; а еще болѣе жалѣю, что для пользы службы долженъ поддержать тебя!“

Я, говорить Таубе, тутъ было низко поклонился.

— „Не смѣй мнѣ кланяться!—также гнѣвно связалъ государь, — не смѣй это принимать за милость или за вниманіе къ себѣ! Знай, еще разъ случится подобное несчастіе — ты у меня полетишь туда, куда воронъ и костей не доносить. Теперь я не стану разбирать — кто правъ, кто виноватъ, по всему заключаю, что ты. До тебя моя артиллерія служила примѣромъ, а теперь вынужденъ принять крутыя мѣры. Подай сейчасъ кн. Волконскому записку, кого ты желаешь, чтобы перевели отъ тебя изъ бригады. Ступай и не забудь моихъ словъ!“

Таубе написалъ на запискѣ: полковниковъ: Базилевича, Демидова, кн. Горчакова 1-го (второй нѣсколько времени передъ этимъ поступилъ адъютантомъ къ Дибичу), штабсъ-капитана Глухова, и прапорщиковъ: Бибикова и кн. Горчакова 3-го—и всѣ они на другой день были переведены въ армію. съ потерєю правъ, присвоенныхъ гвардіи. Графъ Аракчеевъ убѣдительно упросилъ государя включить въ это число и Ярошевицкаго, какъ виновника всей этой исторіи. Я, вѣроятно, уцѣлѣлъ потому лишь, что прежде самъ подался въ армію. да и не былъ уже подъ командой Таубе.

X.

Приѣздъ въ Орелъ. — Назначенъ командиромъ роты. — Приемъ роты. — Графъ Сергѣй Каменскій. — Жизнь его въ Орлѣ. — Его странности и причуды. — Мое съ нимъ знакомство. — Страсть его къ театру. — Заботы его о немъ. — Его обыденная жизнь. — Проѣздъ чрезъ Орелъ государя и великаго князя Николая Павловича. — Графъ Аракчеевъ.

1816—1819.

Мой переводъ послѣдовалъ 4-го марта (1816 г.) въ батарейную № 58 роту, квартировавшую въ Орлѣ, гдѣ командиромъ роты былъ капитанъ Поля. Въ тоже время назначенъ былъ начальникомъ запасныхъ ротъ (безъ орудій и лошадей), около Орла расположенныхъ, ген.-маіоръ Эйлеръ и моя рота была въ числѣ прочихъ.

По прибытіи на мѣсто назначенія, я сдѣланъ командиромъ роты № 58, которая была въ такомъ жалкомъ видѣ, что трудно себѣ представить. Ее въ насмѣшную называли «голубою», потому что на солдатахъ были мундиры самаго свѣтлага, выцвѣтшаго изъ темно-зеленаго цвѣта, и ни одного мундира въ запасѣ. Въмѣсто шинелей, этой ежедневной одежды солдата, висѣли какія-то лохмотья, носившія названіе «кружева Поля»; правда, что на новыя шинели только лишь было принято сукно, но опять въ разнородномъ видѣ: на половину англійское тонкое, а остальная часть — толстое русское. Въмѣсто киверовъ, какія-то лукошки, безъ чешуекъ, а, по прежнему образцу, съ ремешками. Обоза совсѣмъ не было и ни одной подъемной лошади. У Поля (моего предмѣстника) ни гроша въ карманѣ, — такъ что я рѣшительно не зналъ, какъ и приступить къ приему роты, тѣмъ болѣе еще, что между мной и Полемъ, съ самой первой встрѣчи, проявилась большая холодность и натянутость отношеній. Къ счастью моему, что оставлены были еще на одинъ годъ подъемныя лошади, которыя хотя и не находились въ ротѣ, но я все-таки сталъ на нихъ получать продовольствіе по справочнымъ цѣнамъ, до 600 р. асс. въ мѣсяцъ. Добрый мой помощникъ офицеръ Даниловъ приложилъ всѣ труды, чтобы меня успокоить, но никакъ не могъ убѣдить меня продолжать устройство роты на счетъ солдатскаго провіанта, уступленнаго хозяевами, который я обращалъ въ капиталъ и записывалъ въ счетъ солдатскихъ денегъ. Я говорю

«въ счетъ», ибо, дѣйствительно, я былъ вынужденъ прибѣгнуть къ займу солдатскихъ денегъ на улучшеніе наружнаго вида роты, а въ послѣдствіи деньги эти я пополнилъ изъ фуражнаго барыша моего.

Касательно же расчета съ Полемъ, я поручилъ Данилову составить опись однѣмъ только недостающимъ вещамъ, отнюдь не внося туда неисправныхъ, и чтобы онъ самъ условился съ Полемъ, сколько будетъ слѣдовать мнѣ получить съ него денегъ. Полю, самъ своей рукою, проставлялъ, сколько слѣдуетъ за каждую вещь и сумма дошла до 7,800 р. Когда же пришлось ему выдавать мнѣ деньги, онъ объявилъ, что таковыхъ не имѣетъ, а не желаю-ли я принять отъ него экипажи, столовый и чайный серебряный сервизъ, а въ остальной суммѣ вексель. Я на это предложеніе отвѣчалъ отказомъ и объявилъ, что въ квитанціи ему пропишу недостатки и оговорю потребную, имъ же назначенную, сумму. Полю сталъ распускать про меня слухи, что я хочу его ограбить; кончилось тѣмъ, что я представилъ донесеніе о найденныхъ недостаткахъ, а квитанціи ему не выдалъ, — и онъ уѣхалъ съ большимъ на меня неудовольствіемъ. Фуражное довольствіе, продолжавшееся семь мѣсяцевъ, дало мнѣ, по крайней мѣрѣ, возможность извернуться, такъ что въ слѣдующемъ году я далъ отъ своей роты караулъ въ дому государя, когда онъ изволилъ проѣзжать чрезъ Орель. Но и тутъ едва не попался въ бѣду. Какъ я уже говорилъ, что много мундировъ моихъ были очень свѣтлы, то для однообразія я ихъ выкрасилъ темною краскою, не распарывая ихъ, иначе бы они сѣлись, и едва государь отпустилъ роту, отправившись на маневры, какъ пошелъ не дождь, а ливень, и всю краску съ мундировъ погнало на лѣтніе панталоны и на обшивку. Случись это $\frac{1}{4}$ часа ранѣе, Богъ знаетъ, чтобы досталось мнѣ за подобный форсъ украшенія.

По окончаніи маневровъ, при которыхъ всѣ наши запасныя роты, безъ орудій и лошадей, представляли, какъ на театрѣ, статистовъ, т. е. лица безъ дѣйствій, государь подѣхалъ къ моей ротѣ и, похваливъ наружный видъ и выправку людей, всю 1-ю шеренгу предназначилъ къ переводу въ гвардію, а фланговаго рядоваго въ Конногвардейскій полкъ. Полковникъ Полю, десятка полтора лѣтъ будучи бригаднымъ командиромъ, комплектовалъ свою роту съ пристрастіемъ противъ другихъ ротъ, а потому меня нисколько не удивило, какъ другихъ, что государь выбралъ

52 человекъ въ гвардію. Князь Яшвилъ еще столько же просилъ государя дозволить ему выбрать у меня въ конно-артиллерію, но государь отказалъ, сказавъ, «что Жиркевичъ и такъ ограбленъ». Зато полковникъ Поля въ другомъ отношеніи былъ весьма разборчивъ. Въ батареинной ротѣ полагается содержать 50 бомбардировъ, т. е. рядовыхъ, имѣющихъ на рукавномъ обшлагѣ золотой галуны, то изъ экономіи у Поля было только 22 бомбардира, а 28 показывались въ недостаткѣ за неимѣніемъ въ виду достойныхъ. Эйлеръ чрезвычайно изумился, когда чрезъ недѣлю по моему вступленію въ командованіе ротой, я ему представилъ къ повышенію въ бомбардиры 28 человекъ, и даже вначалѣ не хотѣлъ согласиться на это. Но я настоялъ, объясняя ему, что къ означенному повышенію я представилъ не по выбору, а по старшинству службы, исключая только тѣхъ, о коихъ получили невыгодные отзывы ротныхъ офицеровъ, и что этою справедливостію я замѣню необходимость (?) тѣлеснаго наказанія, снимая званіе бомбардира съ тѣхъ, которые не заслужаютъ въ послѣдствіи этого отличія; таковая мѣра оказалась, какъ я и ожидалъ, дѣйствительною. Солдаты, получившій прибавку къ своему ничтожному жалованью, дорожили званіемъ бомбардира и при томъ, видя мое справедливое вниманіе къ его поступкамъ, навсегда уже стали бояться моего гнѣва. Мнѣ ни разу, за все мое командованіе, изъ назначенныхъ вновь бомбардировъ не пришлось наказывать тѣлесно, а между тѣмъ я видѣлъ, что при одномъ взглядѣ моему и серьезному вопросу рѣдкій изъ нихъ не смущался и не робѣлъ при мнѣ...

Въ Орлѣ я простоялъ болѣе трехъ лѣтъ.

При началѣ моего командованія ротою въ Орлѣ, туда приѣхалъ Вельяминовъ, а за нимъ вскорѣ Ермоловъ, остановившіеся оба у меня. Ермоловъ ѣхалъ главнокомандующимъ въ Грузію. Будучи предупрежденъ противъ меня, когда былъ нашимъ начальникомъ, онъ не благоволилъ ко мнѣ, но тутъ сталъ убѣждать меня съ нимъ ѣхать въ Грузію, отъ чего я отказался, опасаясь подвергнуть жену свою столь долгому путешествію и къ тому же въ это время больную. Ермоловъ прожилъ у меня болѣе недѣли, ѣздилъ въ деревню на свиданіе съ своимъ отцомъ, и уже съ Вельяминовымъ вмѣстѣ, въ одномъ экипажѣ, отправились въ дальнѣйшій путь.

Изъ жизни моей въ Орлѣ у меня остались въ памяти слѣдующія болѣе или менѣе достойныя интереса воспоминанія:

Графъ Сергѣй Михайловичъ Каменскій, генералъ отъ инфантеріи, кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго, Георгія 2-й ст., Владиміра 4-й ст., герой Базарджика, послѣ отца своего фельдмаршала, убитаго своими крестьянами недалеко отъ Орла, и послѣ брата гр. Николая Михайловича, главнокомандующаго молдавской арміею, наслѣдовалъ состояніе до 7 тыс. душъ крестьянъ, но до такой степени разоренныхъ, что ему уже въ это время приходилось до зарѣзу, и онъ нуждался часто въ сотнѣ рублей. Въ Орлѣ у него былъ деревянный домъ, или, лучше сказать, большая связъ деревянныхъ строеній, занимавшихъ почти цѣлый кварталъ. Повсюду, какъ внутри, такъ и снаружи, царствовала неописанная грязь и нечистота: болѣе чѣмъ въ половинѣ окнахъ торчали какія-то тряпки и подушки. замѣняя стекла; лѣстницы и крыльца были безъ одной, а то безъ двухъ и болѣе ступенекъ, безъ балюсовъ; перила валялись на землѣ: однимъ словомъ, беспорядокъ страшный. Въ этихъ, не знаю какъ и назвать, сараяхъ—помѣщался самъ графъ, при немъ 400 чело-вѣкъ прислуги, церковь и театръ, устроенный изъ крѣпостныхъ его дворовыхъ людей. До моего пріѣзда въ Орель, онъ жилъ на открытую ногу, стараясь подражать стариннымъ вельможамъ до такой степени, что по воскресеньямъ накрывался обѣденный столъ на 60 персонъ и въ столу могъ приходить каждый порядочно одѣтый чело-вѣкъ, даже совершенно незнакомый. Кушанье и вино были всегда отличныя; но я засталъ только два подобныхъ обѣда.

Мое знакомство съ графомъ началось тѣмъ, что я пріѣхалъ къ обѣднѣ вмѣстѣ съ женою и въ церкви увидѣлъ за влѣро-сомъ, съ правой стороны, старуху мать его ¹⁾, вдову фельд-маршала съ двумя внуками и возлѣ нихъ самаго графа въ полной формѣ, въ лентахъ и орденахъ, а съ лѣвой стороны увидѣлъ молодую женщину, лѣтъ 30-ти, съ огромнымъ на груди, больше чѣмъ панагія, портретомъ Каменскаго, вдѣланнымъ въ медаль-онъ. Я поинтересовался узнать, кто это женщина? мнѣ сказали:

¹⁾ Графиня Анна Павловна, рожденная княжна Щербатова, похоронена въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Ж.

«г-жа Курилова, любовница графа». Это меня чрезвычайно озадачило, но тутъ же мнѣ сказали, что ни мать, ни Курилова въ общемъ домѣ не живутъ, а каждая имѣетъ свое отдѣльное помѣщеніе. Тутъ мнѣ пришлось услышать о нѣкоторыхъ чудачествахъ графа, такъ напримѣръ, что видѣнный мною сегодня портретъ на груди г-жи Куриловой, она его, должно быть, на этой недѣли вполнѣ заслужила, потому что иначе, если навлечетъ чѣмъ-нибудь на себя неудовольствіе графа, то портретъ этотъ отъ нея отбирался, впредь пока она вновь заслужитъ расположение своего барина, а на мѣсто онаго давался другой, точно также отдѣланный, но на которомъ лица не было видно, а нарисована была чья-то спина и на спинѣ же г-жи Куриловой его вѣшали, и въ такомъ нарядѣ ей приходилось являться въ церковь на соблазнъ всѣхъ молящихся. Кромѣ этого наказанія, назначалось другое, которое, по моему мнѣнію, было несравненно жесточе, состоявшее въ томъ, что назначалась на квартиру г-жи Куриловой смѣна дворовыхъ людей, подъ командой урядника, которыхъ обязанность была каждыя $\frac{1}{4}$ часа входить въ Курилову, что бы она ни дѣлала, и говорить ей: «грѣшно, Авулина Васильевна! Разсердили батюшку графа. Молитесь!» и бѣдная женщина должна была сейчасъ сдѣлать поклоны; такъ что ей приходилось иногда по ночамъ не спать и почти что не вставать съ поклоновъ. Графъ, чрезъ довѣренныхъ лицъ, повѣрялъ, исправно ли исполняется эта «эпитимья» и горе бывало тому, кто бы сдѣлалъ какую-нибудь поблажку. Къ счастью, Каменскій не былъ золъ. Объ особенныхъ какихъ-либо его варварскихъ поступкахъ не было слышно, и наказаніе, дѣлаемое имъ г-жѣ Куриловой, рѣдко когда продолжалось выше нѣсколькихъ часовъ, но за то прогулка съ портретомъ на спинѣ длилась иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ.

Передъ окончаніемъ обѣдни Каменскій вышелъ изъ церкви, но къ многолѣтію опять вернулся и, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— «Г. Жиркевичъ, позвольте хозяину дома познакомиться съ вами и представиться супругѣ вашей» (я былъ только капитанъ). Потомъ, обратясь къ моей женѣ послѣ представленія, продолжалъ: «вамъ, вѣроятно, не будетъ неприятно, сударыня, познакомиться съ моей матушкой», и, не дождавшись отвѣта, подбѣжалъ къ старухѣ, схватилъ ее за руку, не говоря ей ни слова,

потаскилъ къ намъ. Я и жена, всѣмъ происходившимъ сильно сконфуженные, поспѣшили на встрѣчу почтенной старушки, начали ей рекомендоваться и просить извиненія, что не имѣли еще счастья быть у нея. Но она была такъ добра, или, лучше сказать, такъ привыкла къ причудамъ сына своего, что не обратила вниманія на неприличный поступокъ графа; чрезвычайно ласково и привѣтливо обошлась съ женой и пригласила идти въ покои къ сыну. На этотъ случай, какъ-будто нарочно, въ церкви изъ постороннихъ, хотя кое-кто и были, но завтракать къ нему никто не пошелъ, и мы у графа нашли накрытый завтракъ, по крайней мѣрѣ, человекъ на 70. На другой день жена и я отправились къ фельдмаршалшѣ и она намъ возвратила визитъ на слѣдующій день, а гр. Каменскій съ своимъ визитомъ пріѣхалъ ко мнѣ въ пятомъ часу утра, полагая, что его не примутъ; но какъ на бѣду единственный мой слуга буда-то отлучился и я въ халатѣ, за бумагами, имѣлъ честь принимать полнаго генерала¹⁾.

Онъ былъ во всей формѣ, въ мундирѣ и при шляпѣ. Извиняясь, что такъ рано меня обезпokoилъ, онъ все-таки просидѣлъ болѣе $\frac{1}{2}$ часа и въ разговорѣ предложилъ мнѣ билеты въ свой театръ. Не зная его привычекъ и чудачествъ, я принялъ оныя, сказавъ, что, будучи любителемъ театральныхъ зрѣлищъ, я почти долгомъ абонироваться; но онъ мнѣ возразилъ на это, что абонимента у него въ театрѣ нѣтъ, но что онъ почтетъ обязанностью каждый разъ присылать ко мнѣ два билета и, если желаю, подлѣ его матери. Съ этого дня болѣе 3-хъ лѣтъ, которыя прожилъ въ Орлѣ, на каждый спектакль присылался ко мнѣ пакетъ съ надписью моей фамиліи и запечатанный большою графскою печатью; въ пакетъ влагалась особеннымъ манеромъ сложенная афиша, такъ что, не развертывая ее, можно было удобно читать дѣйствующихъ лицъ—и два билета въ кресла. Скоро я узналъ, что все это продѣлывалъ собственноручно графъ. Лавей его являлся ко мнѣ въ 5 часовъ утра и ждалъ моего пробужденія иногда до 9-ти часовъ, отзываясь, что ему приказано пакетъ отдать «въ собственные мои руки».

Я сказалъ уже выше, что актеры были вѣрнопостные люди,

¹⁾ Послѣ я узналъ, что онъ всѣмъ дѣлалъ свои визиты въ этомъ часу, чтобы не быть принятымъ нигдѣ. Ж.

но нѣкоторые изъ нихъ куплены графомъ за дорогую цѣну; такъ напримѣръ, за актеровъ мужа и жену Кравченковыхъ съ 6-и лѣтнею дочерью, которая танцевала въ особенности хорошо танцы «качучу и тампетъ» уступлена была г. Офросимову деревня въ 250 душъ. Музыкантовъ у него было два хора: инструментальный и роговой, каждый человѣкъ по 40, и всѣ они были одѣты въ форменную военную одежду. Въ частные дома своихъ музыкантовъ никогда не отпускалъ, говоря, «что они тамъ балуются и собьются съ такту». Вся его громадная дворня жила на военномъ положеніи, т. е. на пайкахъ и на общественномъ столѣ. Собирались на обѣдъ и расходились по барабану съ волторной и за столомъ никто не смѣлъ сидѣть, а непременно стоя, по замѣчанію графа, «что такъ будетъ ѣсть до-сыта, а не до безчувствія». Въ началѣ моего знакомства, вся прислуга и музыканты были одѣты довольно прилично, чисто, но за послѣдніе года это были какіе-то нищіе, въ лохмотьяхъ и босикомъ. Пьесы въ театрѣ безпрестанно мѣнялись и съ каждой новой пьесой являлись новые костюмы и великолѣпнѣйшія декорации; такъ напримѣръ, въ «Калифѣ Багдадскомъ» шелку, бархату, вышитаго золотомъ. ковровъ, страусовыхъ перьевъ и турецкихъ шалей было болѣе чѣмъ на 30 т. руб., но со всѣмъ тѣмъ вся продѣлка эта походила на какую-то полоумную затѣю, а не настоящій театръ.

Въ театрѣ для графа была устроена особая ложа и къ ней примыкала галлерей, гдѣ обыкновенно сидѣли такъ-называемыя пансіонерки, т. е. дворовыя дѣвочки, готовившіяся въ актрисы и въ танцовщицы. Для нихъ обязательно было посѣщеніе театра, ибо графъ требовалъ, чтобы на другой день каждая изъ нихъ продеklamировала какой-нибудь монологъ изъ представленной пьесы или протанцевала бы вчерашній «па». Въ ложѣ, передъ графомъ, на столѣ лежала книга, куда онъ собственноручно вписывалъ замѣчанныя имъ на сценѣ ошибки или упущенія, а сзади его, на стѣнѣ, висѣло нѣсколько плетовъ и послѣ всякаго акта онъ ходилъ за кулисы и тамъ дѣлалъ свои расчеты съ виновнымъ, вопли котораго иногда доходили до слуха зрителя. Онъ требовалъ отъ актеровъ, чтобы роль была заучена слово въ слово, говорили бы безъ суфлера и бѣда бывало тому, кто запнется; но собственно объ игрѣ актера мало хлопоталъ. Иногда сходилъ въ кресла, которыя для

него были въ первомъ ряду. Во второмъ ряду, тотчасъ же за нимъ, сидѣла его мать и съ нею двѣ его дочери, а позади матери, въ третьемъ ряду, Курилова съ огромнымъ портретомъ на груди. такъ что когда графиня въ антрактахъ поворачивалась къ публикѣ, первое, что ей должно было бросаться въ глаза—это портретъ съ г-жей Куриловой, но старушка-графиня никогда не показывала виду, что замѣчаетъ это. Въ антрактахъ публикѣ, въ креслахъ, разносили моченныя яблоки и груши, изрѣдка пастилу, но чаще всего варенный превкусный медъ. Публики собиралось всегда довольно, но не изъ высшаго круга, которая только прїѣзжала компаніей, для издѣвокъ надъ актерами Каменскаго и надъ нимъ самимъ, что онъ, впрочемъ, замѣчалъ, и разъ, когда прїѣхалъ въ театръ корпусной командиръ баронъ Корфъ, начальникъ дивизіи Уваровъ и др. генералы съ нѣкоторыми дамами, какъ графиня Зотова, г-жа Теплова, Хрущева и др., Каменскій замѣтилъ ихъ насмѣшки, велѣлъ потушить всѣ лампы, кромѣ одной, началъ масломъ всю залу, прїостановилъ представленіе и болѣе, какъ я слышалъ, ни разу этимъ лицамъ не посылалъ билетовъ.

Занятія Каменскаго заключались въ слѣдующемъ: утромъ въ 5 часовъ онъ дѣлалъ визиты до 7-ми часовъ, потомъ прямо отправлялся въ свою театральную контору и начиналъ изъ рукъ своихъ раздавать и разсылать билеты, записывая каждую выдачу собственными руками въ книгу, а равно вписывая полученныя за билеты деньги. При этомъ всегда спрашивалъ отъ кого посланъ, и если личность, которая прислала за билетомъ, ему не нравилась, то онъ ни за какія деньги не давалъ его. Кто же былъ у него въ фаворѣ и къ кому онъ благоволилъ, какъ на примѣръ, ко мнѣ, билеты высылались даромъ и заготовлялись наканунѣ съ вечера. Въ 9 часовъ онъ закрывалъ контору до 4-хъ часовъ и отправлялся за кулисы и тамъ до 2-хъ часовъ ежедневно присутствовалъ при репетиціяхъ. Въ 2 часа шелъ гулять пѣшкомъ по городу, постоянно по одному и тому же направленію до известнаго мѣста, не дѣлая ни шагу болѣе, ни шагу менѣе, и возвращался домой обѣдать. За обѣдомъ у него бывало мало приглашенныхъ, но всегда казался доволенъ, если кто къ нему прїѣзжалъ безъ зова; пережѣтъ блюдо за столомъ было нескончаемо и приготовлено очень удовлетворительно, винъ стояло во множе-

ствѣ и, кромѣ того, за каждой перемѣной блюда дворецкой во всякому гостю подходилъ съ бутылкой вина и предлагалъ онаго. Прислуги при столѣ толпилась цѣлая орда, больше ссорившаяся и ругавшаяся громко между собой, чѣмъ служившая. Сервировано было чрезвычайно грязно: скатерти потертыя, порваныя и всѣ залитыя, въ пятнахъ; салфетки—тоже самое, а другимъ даже и не клали; стаканы и рюмки разныхъ фасоновъ: одни граненныя, другіе гладкіе, а нѣкоторые даже съ отбитыми краями; ножи и вилки тупыя и нечищенные;—по всему было видно, что въ домѣ не имѣлось настоящаго хозяйскаго глаза. За обѣдомъ онъ занималъ гостей болѣе всего разсказами о своемъ театрѣ и о талантахъ своихъ артистовъ, не любя, чтобы касались до чего-либо другаго, въ особенности не любилъ, когда напоминали ему его боевую жизнь и его достославнаго брата гр. Николая Михайловича Каменскаго, въ которому, какъ мнѣ казалось по нѣкоторымъ его отзывамъ, онъ питалъ зависть. Мать его никогда не присутствовала на его обѣдахъ.

Во внутреннихъ покояхъ царствовала такая же грязь и такой же безпорядокъ. Въ передней, уставленной вся кониками, на которыхъ валялся весь лакейскій хламъ, сидѣло постоянно 17 лакеевъ, которые обязаны были въ извѣстное для сего положенное время подавать графу кто трубку, кто стаканъ воды, кто платокъ, кто доблаживалъ о приѣздѣ гостей, кто о приходѣ режисера и т. д., но ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ исполнить другаго порученія, кромѣ того, которое было на него возложено, и въ свободное время они, сидя на коникахъ въ передней, вязали чулки и невода. Зала была огромная комната, саженой 12 въ длину и саженой 7 въ ширину, уставленная кругомъ стѣнъ простыми стульями, выкрашенными сажей и покрытыми черной юфтью; на потолокъ висѣли три великолѣпныя хрустальныя люстры, а по стѣнамъ хрустальныя вѣнеты; въ одномъ углу залы стояли 2 турецкихъ знамени и 8 бунчуковъ и при нихъ часовой (изъ дворни), одѣтый испанцемъ, съ трембономъ, мѣнявшійся чрезъ каждыя 2 часа. За залой шли 3 большіихъ гостиныхъ, всѣ устланныя великолѣпными персидскими коврами, съ большими, въ простѣнкахъ оконъ, венеціанскими зеркалами и съ портретами, писанными масляными красками, покрывавшими стѣны отъ потолка почти до самаго пола. Въ первой гостиной висѣли портреты актеровъ и аетрисъ всѣхъ воз-

можныхъ націй; во второй—предковъ графа и его сродниковъ; а въ третьей—доморощенныхъ его артистовъ. Мебель была вся изъ варельской березы, покрытой шелковою матеріею, весьма полинялою и потертою. Во второй гостиной, подъ портретами отца, брата и его, графа, лежали подъ стеклянными колпаками, на небольшомъ возвышеніи, всѣ ихъ регалии и мундиры вмѣстѣ съ фельдмаршальскимъ жезломъ, а напротивъ этихъ 3-хъ портретовъ, въ стѣнѣ, стояли большіе часы, купленные, какъ говорили мнѣ, у Медокса, въ Москвѣ, за 8 т. руб., игравшіе, когда часовая стрѣлка показывала 11 минутъ 3-го часа пополудни: «Со святыми упокой» и въ 4 часа, тоже пополудни, извѣстный польской: «Слався, слався храбрый россъ». Первый бой обозначалъ, что въ этотъ часъ найдено было тѣло убитаго фельдмаршала, отца графа, а другой бой—моментъ рожденія на свѣтъ самаго графа.

Отъ покойнаго фельдмаршала (отца гр. Сергія Каменскаго) былъ отданъ приказъ подъ страхомъ жесточайшаго наказанія, чтобы ни кучеръ, ни лакей, рядомъ съ нимъ сидящій, во время ѣзды ни подъ какимъ бы видомъ не смѣлъ бы оборачивать головы назадъ, такъ что когда подъѣхалъ экипажъ въ дому, въ немъ нашли уже бездыханное и обезображенное тѣло гр. Каменскаго, но вѣкъ совершенно было преступленіе, осталось въ мое время еще необъясненнымъ. Одни говорили—крестьянами, другіе ѣхавшими съ нимъ кучеромъ и лакеемъ, но дѣло въ томъ, что въ острогѣ по этому дѣлу содержалось болѣе 300 человекъ, изъ коихъ большая часть отправлена въ Сибирь и сдана въ солдаты. Въ другихъ комнатахъ мнѣ не пришлось бывать, а слышалъ, что въ кабинетъ его никто не впускался, кромѣ камердинера, и что у дверей были привязаны на цѣпь преогромныя двѣ меделянскія собаки, знавшія только графа и камердинера.

По окончаніи обѣда, графъ вводилъ своихъ гостей въ 1-ю гостиную, гдѣ столъ передъ диваномъ ломился уже подъ тяжестью наставленныхъ всевозможныхъ, домашняго производства, сладостей и бесѣдовалъ съ гостями до 5-ти часовъ. Едва проби-вали они, графъ съ послѣднимъ боемъ вставалъ съ своего мѣста и, не взирая на тѣхъ, кто у него въ это время былъ, просилъ извиненія и бѣгомъ отправлялся опять за кулисы, готовя самъ все въ спектаклю, который начинался въ 6¹/₂ часовъ, оставляя гостей своихъ дѣлать, что имъ угодно.

Въ обхожденіи своемъ онъ былъ чрезвычайно любезенъ и привѣтливъ, съ крѣпостными людьми добръ и помогать нищимъ, которыхъ 2 раза въ недѣлю собирали къ нему на дворъ и одѣляли мѣдными деньгами.

При театрѣ, во время спектаклей, караулъ былъ всегда отъ моей роты и караулъ этотъ обходился мнѣ весьма дорого. Въ послѣднемъ дѣйствіи пьесы графъ требовалъ въ свою ложу караульнаго офицера, вручалъ ему 5 пятирублевыхъ (синенькихъ) ассигнацій, а иногда одну 25-ти рублевую (бѣленькую) ассигнацію, всегда истертая и разорванныя и весьма часто между ними фальшивыя, такъ что, получивъ ихъ для солдатъ и влады въ артельную сумму, всѣ фальшивыя, негодныя къ размѣну ассигнаціи падали на мой счетъ, ибо обращаться къ графу совѣстился, въ особенности испытать, какъ одинъ разъ онъ отрегся офицеру, возвратившему ему тотчасъ по полученіи отъ него одну изъ негодныхъ ассигнацій, говоря, что онъ таковой никогда не давалъ ему и въ 3 года продѣлки эти мнѣ стоили не менѣе 1 т. руб. ассигн.

Отъ громаднаго состоянія гр. Сергія Михайловича Каменскаго вскорѣ ничего у него не осталось, и когда онъ умеръ, 4 года спустя, бузвально нечѣмъ было его похоронить, а сыновей его, пріятыхъ отъ Куриловой, помѣстили въ корпусъ, на казенный счетъ.

Въ 1817 г. государь былъ въ Орлѣ, и Каменскій на это время выѣхалъ въ деревню, гдѣ, какъ сказывали, женился на Куриловой тайно отъ матери, не хотѣвшей слышать и признавать эту свадьбу до самой своей смерти. Первымъ визитомъ въ городѣ государь почтилъ фельдмаршалышу, не позволяя ей говорить съ собой о сынѣ, говоря, «что полоумнаго могила исправить». Нынѣшній же (1847 г.) государь Николай Павловичъ, будучи великимъ княземъ, въ слѣдующемъ году (1818) посѣтившій Орель, показавъ ему еще болѣе свое неудовольствіе. Графъ вздумалъ послать на встрѣчу къ великому князю нарочнаго, прося осчастливить его домъ занятіемъ для пребыванія въ Орлѣ. Приказано было отвѣчать, «что ему, вѣроятно, уже приготовлена квартира». Послѣ подобнаго отвѣта, губернский предводитель дворянства былъ столь безтактенъ, что приготовилъ на счетъ дворянства обѣдъ великому князю въ домѣ Каменскаго и тотъ, во время стола, по старшинству своего званія, умѣстился возлѣ

великаго князя, который цѣлый обѣдъ, совершенно отвернувшись отъ него, проговорилъ съ лицомъ, сидѣвшимъ по другую его сторону.

Въ началѣ 1819 г. чрезъ Орель проѣзжалъ гр. Аракчеевъ. Какъ водится, караулъ къ его квартирѣ былъ данъ отъ моей роты. Ординарцевъ я представлялъ лично и графъ не узналъ меня. Когда я вышелъ, одинъ изъ приближенныхъ напомнилъ ему обо мнѣ, и онъ тотчасъ же велѣлъ вернуть меня, обошелся со мной самымъ дружескимъ образомъ, благодарилъ за прежнюю мою службу при немъ и усадилъ меня вмѣстѣ съ генералами: барономъ Корфомъ, Уваровымъ, Плахово и Эйлеромъ. При этомъ случаѣ Аракчеевъ сказалъ барону Корфу, что ѣдетъ въ военные поселенія.

— „Ну, что баронъ, я думаю вы всё браните меня за нихъ? У меня есть не отвергаемое оправданіе — воля моего государя! Всѣ охуденія я охотно беру на свой собственный счетъ. Пройдетъ не болѣе 10-ти или 15-ти лѣтъ, пусть тогда судятъ и осуждаютъ меня“.

Меня же Аракчеевъ болѣе всего спрашивалъ о Каменскомъ и о его чудесахъ и нѣсколько разъ во время моихъ рассказовъ вздыхалъ и пожималъ плечами.

XI.

Капитанъ Шипкинъ и семейство графа Чернышева.—Я отправляюсь съ ротой въ ихъ имѣніе.—Доброта и радушіе Чернышевыхъ.—Жизнь богатаго русскаго помѣщика въ деревнѣ—Затѣи графа.—Получаю новое назначеніе.—Отъѣздъ.—Встрѣча съ графиней Каменской.

1818—1819 г.

Въ числѣ другихъ командировъ, 59-й легкой ротой командовалъ капитанъ Гаврила Ш... квартировавшій верстахъ въ 7-ми отъ Орла, въ имѣніи гр. Чернышева. Тачинѣ. Этотъ человекъ былъ самой черной души и не было подлости, на которую бы онъ не былъ способенъ. На себя надѣвалъ по нѣскольку орденовъ произвольно, не имѣя на то никакихъ правъ. Солдатъ своей роты отправлялъ въ Малороссію верстъ за 200, въ свое имѣніе, для работъ. До смерти загонялъ съвозъ строй нѣсколько человекъ, показавъ ихъ умершими. Отъ крестьянъ разными изворотами домогался провіанта, слѣдуемаго на солдатъ, обращая оный въ свою

пользу. Сдѣлавъ лично связь, въ домѣ гр. Чернышева, съ крѣпостною его дѣвкой, подучилъ своего человѣка броситься въ ноги графини и просить дозволенія перевѣнчаться съ ней и затѣмъ открыто продолжалъ съ ней связь. Будучи сердитъ на графиню за то, что она видимо старалась его избѣгать, нивогда не выходя изъ своихъ комнатъ въ рѣдкія его посѣщенія къ нимъ, онъ дозволилъ себѣ сыграть съ ней варварскую и подлую шутку. Квартира его была расположена въ деревнѣ, по другую сторону озера, въ саженьяхъ 300-хъ отъ дома Чернышевыхъ, но таеъ, что изъ оконъ помѣщичьяго дома все можно было видѣть, что дѣлается подъ окнами его квартиры. Зная, что графиня вставала обыкновенно довольно рано, часу въ шестомъ, онъ въ самое это время послалъ съ непремѣннымъ приказаніемъ доложить графинѣ, чтобы она не тревожилась, если услышитъ барабанный бой, таеъ какъ предъ его квартирой будутъ гонять севозъ строй нѣсколько человѣкъ. Дѣйствительно, въ скорости барабаны затрещали. Графиня, нервная женщина, какъ была въ одномъ платьѣ, бросилась пѣшвомъ по грязи, а это было въ началѣ октября, въ другую деревню—за 6 верстъ и до того перепугалась и вмѣстѣ съ этимъ простудилась, что въ тотъ же день слегла въ постель, опасно заболѣвъ ...

(Графиня послѣ этого просила Эйлера прислать другую роту смѣнить роту III*. Отправили Жирьевича).

...Меня приняли съ распростертыми объятіями, все семейство обошлось со мной, женой и всѣми моими офицерами, какъ родные, и я не знаю, чтобы когда-нибудь можно было имѣть болѣе покойнаго и пріятнаго постоя, которымъ мы всѣ пользовались. Стоянка эта еще болѣе пришлась мнѣ по сердцу, что самый близкій сосѣдъ изъ командировъ роты былъ мой добрый и благородный Даниловъ, получившій около этого времени въ командованіе роту. У Чернышевыхъ я простоялъ до окончательнаго раздѣленія запасныхъ ротъ по бригадамъ, т. е. до половины іюля 1819 г. Въ это время я былъ произведенъ въ подполковники, 1-го іюля 1819 года.

Семейство Чернышевыхъ, кромѣ мужа и жены, заключалось изъ одного сына и 6-ти дочерей и съ ними вмѣстѣ жила 90-лѣтняя старуха, мать графини, генеральша Квашнина-Самарина. Въ буквальномъ смыслѣ могу сказать, что съ прибытіемъ

моимъ оно умножилось мной и женой моею, ибо мы никогда не разставались, цѣлые дни проводя вмѣстѣ. Обыкновенно утромъ, часу въ 9-мъ, двѣ или три молодыя графини являлись къ намъ, уводили или увозили мою жену. Къ обѣду въ домъ я приходилъ со всѣми моими офицерами и расходились оттуда никогда не ранѣе 10-ти часовъ вечера, а иногда за полночь. Каждый день музыка, танцы, прогулки верхами, въ экипажахъ, устройство разныхъ сельскихъ забавъ, партія въ вистъ или въ бостонъ,—наполняли цѣлый день и не давали возможность замѣтить, какъ онъ быстро пролеталъ, смѣняясь другимъ, еще болѣе пріятнымъ, а старики Чернышевы, найдобрѣйшіе люди, баловавшіе всѣхъ насъ, какъ дѣтей своихъ, изъ всѣхъ силъ старались доставлять наибольшее развлеченіе, тѣмъ болѣе, что и сами любили таковое. Для солдатъ моихъ по постою была сдѣлана усгупка всей крупы и по 12-ти фунт. муки въ мѣсяцъ съ человѣка, что шло на ихъ артель, а дѣломъ имъ давалась легкая земляная работа, или кошенье, съ платой и съ угощеніемъ. Для моего дома и для офицеровъ ежедневно высылалось изъ конторы все довольствіе: хлѣбъ, крупа, мясо, вино, масло, яйца, словомъ, все, что нужно въ хозяйствѣ, и это отдавалось людямъ и фельдфебелю, ибо за всѣ семь мѣсяцевъ, я не помню и не знаю, чтобы кто-либо изъ офицеровъ не обѣдалъ 2-хъ разъ у графа. Въ день именинъ жены моей, 21-го апрѣля, изъ сосѣднихъ деревень, утромъ, пріѣхало ко мнѣ нѣсколько ротныхъ командировъ и офицеровъ другихъ ротъ; я приготовилъ для нихъ завтракъ, не предполагая ихъ задерживать къ обѣду, рассчитывая самъ отправиться обѣдать къ графу, гдѣ тоже одна изъ дочерей была именинница. Но какъ изумился я, когда, часу въ 10-мъ, увидѣлъ цѣлый поѣздъ изъ графскаго дома съ цвѣтами ко мнѣ. Графиня съ матерью въ кабриолетѣ, графъ съ дочерьми пѣшкомъ и у каждаго на рукахъ по горшку розъ или букету цвѣтовъ. Позади нѣсколько ливрейныхъ слугъ съ носилками, установленными всѣми возможными пирогами, соусами и др. кушаньями и все это явилось у нашего порога, съ упрекомъ: «что я зову къ себѣ друзей изъ далека, а о ближайшихъ или забылъ, или не хочу видѣть!» Пиръ пошелъ горой и далеко за полночь мы разстались.

Графъ жилъ вельможей, на большую ногу, если не съ роскошью, то во всемъ видѣнъ былъ большой достатокъ. Домъ и всѣ

надворныя строенія были прочныя, каменныя и съ красивой наружностью, садъ большой, съ подстриженными тѣнистами аллеями, влѣсками, полными цвѣтовъ, содержимый въ большомъ порядкѣ; цвѣточныхъ, фрутовыхъ, съ персиковыми, абрикосовыми и сливными деревьями, посаженныхъ въ грунтъ и въ кадкахъ, виноградныхъ оранжерей и ананасныхъ теплицъ имѣлось нѣсколько; кромѣ того, находился громаднхъ размѣровъ грунтовой сарай, въ которомъ посажены были испанскія вишни, и надо правду сказать, что послѣ Тачина нигдѣ мнѣ не приводилось видѣть такое изобиліе и ѣсть такихъ вкусныхъ и сочныхъ фрутовъ, въ особенности персиковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Венусовъ» (Venus). Ихъ ѣли и утромъ до обѣда и послѣ обѣда, они, можно сказать, не сходили со стола; кромѣ того, всякій, кто бы ни пожелалъ, шелъ въ оранжерею или въ грунтовой сарай и срывалъ самъ съ деревъ плоды, и все-таки ихъ было въ такомъ множествѣ, что гости, бывавшіе у Чернышевыхъ, массаи отвозили къ себѣ домой. А пріѣздъ гостей къ нимъ былъ не малый; графъ славился своей привѣтливостью и своимъ хлѣбосольствомъ далеко. Въ извѣстные дни въ году, въ именины жены и свои, у нихъ собиралось на конюшняхъ до 500 коней пріѣзжихъ гостей, которые пробывали не день, а два, три, а иногда и болѣе. Тутъ развлеченія смѣнялись одни другими, устраивались танцы, катанья на озерѣ днемъ и ночью съ пѣсенниками, музыкой, бенгальскими огнями, сжигались блестящіе фейерверки, а угощеніямъ не было конца. Не проходило дня, чтобы кто-либо изъ сосѣдей не пріѣзжалъ къ нимъ, такъ что положительно можно сказать, Чернышевы, за все время моей стоянки у нихъ, ни одного дня не были одни дома. Себя, жену и офицеровъ я тутъ не влючаю, такъ какъ мы смотрѣли на себя, какъ на членовъ этого милаго семейства. Многочисленная прислуга и такая же дворня содержалась хорошо, отпускалось имъ все въ изобиліи и она не представляла тотъ грустный видъ нищеты, какою мнѣ довелось въ послѣдствіи видать у другихъ помѣщиковъ. Крестьяне, не обремененные очень работой, тоже были довольно зажиточны, судя по тому количеству сложенныхъ одонковъ хлѣба, которое я нашелъ уже зимой, въ январѣ мѣсяцѣ, а равно по тѣмъ постройкамъ, которыя принадлежали крестьянамъ. Графъ входилъ весьма мало въ хозяйство, а всѣмъ распоряжалась графиня. Она назначала работы, провѣ-

реля вонторскіе отчеты, управляющаго, занималась постройками, садомъ, фабриками, которыхъ было нѣсколько, но самая замѣчательная изъ нихъ полотняная, тѣвшая превосходное столовое бѣлье и англійскаго пива одѣяла. Лѣчила сама больныхъ, въ устроенномъ ею лазаретѣ, всюду вникала бдительнымъ окомъ и находила время раздѣлять наше общество и оживлять его своимъ присутствіемъ. Трогательно было смотрѣть на отношенія, которыя существовали между мужемъ и женой, какъ они обоюдно старались сдѣлать другъ другу пріятное и съ какою неподдѣльной радостью глядѣли на доставленное удовольствіе. Остальные члены семейства жили между собой тоже въ большой дружбѣ и боготворили своихъ родителей, въ особенности отца.

Графъ, занимаясь изъ всего огромнаго своего хозяйства однимъ коннымъ заводомъ, состоявшимъ болѣе чѣмъ изъ 400 головъ замѣчательныхъ лошадей, въ особенности по статямъ ихъ, и содержащимся въ отличномъ порядкѣ, былъ человекъ весьма мягкій, любившій общество и его развлечения, былъ не безъ причудъ, и одною изъ его странностей была страсть къ разнымъ родамъ сюрпризовъ, и, если не каждый день, то по воскресеньямъ или по праздникамъ, всегда находили въ домѣ что-нибудь необыкновенное. Однажды утромъ я съ двумя офицерами отправился гулять въ графскій садъ, куда мы имѣли обыкновеніе ходить ежедневно, передъ обѣдомъ, и здѣсь увидали на довольно дальнемъ разстояніи отъ дома деревенскую хижину, покрытую берестой; насъ удивила вывѣска, на которой были изображены три красавицы, въ самыхъ соблазнительно-красивыхъ позахъ и надъ ними надпись: *Aux bons gourmands!* Естественно, что это возбудило наше любопытство и мы вошли въ «ресторанъ». Но каково же было наше удивленіе, когда представился намъ прислужникъ въ бланжевой курткѣ и панталонахъ, въ фартукѣ, съ колпакомъ на головѣ, держащій въ рукахъ карту кушаньевъ — самъ графъ, едва узнаваемый въ этомъ нарядѣ. Онъ тотчасъ предложилъ намъ выбрать, какіе мы пожелаемъ блюда, винъ, сигаръ, табаку и всякихъ прохладительныхъ напитковъ. Самъ вынесъ намъ маленькіе столики на воздухъ и прислуживалъ, какъ самый исправный служитель. Являсь къ обѣду, мы, разумѣется, все рассказали, чему много смѣялись, и графъ объ одномъ только насъ просилъ — ежедневно посѣщать его трактиръ, но не болѣе трехъ лицъ

разомъ, чувствуя себя не настолько расторопнымъ и ловкимъ, чтобы исправно услужить болѣе многочисленнымъ посѣтителямъ.

Въ другой разъ, послѣ обѣда, мы отправились въ лѣсъ для прогулки и графиня приказала, чтобы къ возвращенію нашему, часа черезъ два, былъ бы приготовленъ чай на балконѣ, рассчитывая вернуться немного ранѣе домой для нѣкоторыхъ хозяйственныхъ занятій. Вѣхавъ въ лѣсъ на длинной долгущѣ, въ которой могло легко помѣститься до 18-ти человѣкъ, мы шагомъ подавались впередъ, наслаждаясь вечерней прохладой и весело разговаривая между собой; графъ былъ съ нами. Едва мы вѣхали на довольно большую поляну, какъ насъ поразило неожиданное зрѣлище. Посреди поляны возвышалась большая, изящно убранная палатка, вся въ зелени и цвѣтахъ, взятыхъ изъ графскихъ оранжерей, обвѣшанная вся разноцвѣтными фонарями. Въ палаткѣ и кругомъ ея виднѣлось много народу, который съ кривыми привѣтствовалъ наше появленіе. Подвѣхавъ ближе, мы встрѣчены были музыкой и знакомыми сосѣдями, прѣхавшими по настоятельной просьбѣ графа, въ самыхъ простыхъ домашнихъ костюмахъ, не въ домъ, а прямо къ шатру, куда графъ объявилъ, что къ такому-то часу привезетъ свое семейство, которому онъ хотѣлъ сдѣлать сюрпризъ, устроивъ неожиданный пивнень. Въ лѣсу были разбиты другія небольшія палатки для играющихъ въ карты, для куренья, а въ прочихъ разливали чай и стояли фрукты и разные прохладительные напитки, а изъ самой большой палатки раздавался непрерывный стукъ ножей, возвѣщавшихъ, что возбужденный желудокъ гостей, чистымъ воздухомъ и моціономъ танцевъ, въ скорости получить вождѣльное удовлетвореніе. Лошади и люди прѣзжихъ размѣщались у устроенныхъ для сего коновязей, тоже въ лѣсу, около которыхъ горѣли громадные костры. Вся эта продѣлка графа такъ была имъ устроена скоро и тайно, что, кромѣ его и управляющаго, имъ посвященнаго для приведенія въ исполненіе нѣкоторыхъ его распоряженій, никто въ домѣ до послѣдней минуты и не подозрѣвалъ. Нечего и говорить, какъ всѣ веселились на этомъ импровизированномъ вечерѣ и только, когда солнце поднялось уже высоко, рѣшились покончить танцы и развѣхаться по домамъ, благодаря отъ души милаго графа за доставленное всѣмъ удовольствіе.

Много было дѣлано графомъ и другихъ сюрпризовъ и неожиданныхъ, но всѣ доказывали доброту и привѣтливость его, такъ какъ всѣ они влонились въ тому, чтобы доставить удовольствіе лично одному или вообще всему обществу и теперь, повторяю вновь, память объ этомъ почтенномъ семействѣ и стоянка у нихъ навсегда составляютъ мои самыя свѣтлыя воспоминанія.

Наконецъ, пришло время разлуки нашей съ столь привѣтливыми хозяевами, рота моя поступила въ составъ 10-й артиллерійской бригады и походъ назначенъ въ Калужскую губернію, въ село Недѣльное.

Распоряженія мои къ выступленію начались тѣмъ, что я пожелалъ купить верховую лошадь на заводѣ графа; графиня предложила мнѣ за 300 руб. такую, которая, по дешевой цѣнѣ, стоила не менѣе 2,000 руб. и, вмѣсто денегъ, взяла съ меня стоги сѣна, заготовленные на лугахъ графа для моихъ собственныхъ лошадей и для подъемныхъ. Наканунѣ моего выступления графъ самъ привезъ ко мнѣ большое количество провизіи, состоявшее изъ холодныхъ пастетовъ, жаркихъ и всѣхъ возможныхъ винъ, съ росписаніемъ, что употреблять на каждомъ ночлегѣ и растахѣ вплоть до Недѣльнаго. Женѣ моей привезъ въ подарокъ большой коверъ, стоившій рублей 500, два куска тонкаго полотна, нѣсколько сватертей и одѣялъ его фабрикѣ. Три дня въ ряду предъ этимъ семейство Чернышевыхъ со мной и съ офицерами не разлучалось ни на часъ, и когда мы уже совершенно простились съ ними, со слезами на глазахъ за всѣ ихъ ласки и доброе къ намъ расположеніе, графъ сказалъ, «что онъ еще не прощается!» Но я, зная, что рота выступаетъ завтра въ 3 часа, а графъ никогда не встаетъ ранѣе 9-ти часовъ, принялъ это за простую любезность и, возвратясь домой, приказалъ ротѣ, чтобы она выступила въ назначенный часъ, а самъ преспокойно проспалъ до 5-ти часовъ утра. Но каково же было мое удивленіе, когда мой камердинеръ мнѣ объявилъ, что графъ съ третьяго часа утра здѣсь и сидитъ въ полисадникѣ, подъ окнами.

— Зачѣмъ же ты меня тотчасъ не разбудилъ? спросилъ я.

— Нельзя было, сударь. Графъ мнѣ пожаловалъ 25 руб., чтобы я не смѣлъ васъ беспокоить, а если разбужу, то обѣщалъ 10 палокъ.

Тутъ мы еще разъ простились съ милѣйшимъ графомъ, кото-

раго, въ сожалѣнію моему, мнѣ пришлось вновь встрѣтить въ горькую для всѣхъ ихъ минуту.

На новыя квартиры, въ Недѣльное, я прибылъ съ ротою въ первыхъ числахъ августа, гдѣ мнѣ пришлось знакомиться съ новыми начальниками. Въ самыхъ первыхъ дняхъ моего новаго размѣщенія, однажды, часу въ 12-мъ ночи, приходятъ мнѣ сказать, что въ село пріѣхала графиня Каменская и убѣдительно просить меня съ нею повидаться. Полагая, что это фельдмаршальша, я въ ту же минуту надѣлъ мундиръ и отправился къ ней. Но каковъ же былъ сюрпризъ, когда я нашелъ бывшую г-жу Курилову.

— Простите меня, Иванъ Степановичъ, что я взяла смѣлость васъ потревожить и такъ поздно, сказала она;—по приглашенію, сдѣланному вамъ, вы, вѣроятно, предполагали встрѣтить здѣсь графиню Анну Павловну Каменскую, но здѣсь находите другую. Можетъ статься, васъ нужно увѣрять, что вы дѣйствительно видите предъ собою графиню Каменскую, да и немудрено, я и сама должна сомнѣваться въ этомъ, по тому неповиновенію, которое оказываютъ люди покойнаго моего мужа. Но могу совѣстью моею васъ завѣрить, что я дѣйствительно жена графа Сергѣя Михайловича, въ домѣ или, скорѣе, въ театрѣ котораго я имѣла честь встрѣчаться съ вами.

Я самымъ вѣжливымъ образомъ отвѣчалъ ей, что не имѣю никакого права не вѣрить ея словамъ и что нисколько не стоитъ меня убѣждать въ справедливости оныхъ, просилъ мнѣ объяснить, въ чемъ я могу быть ей полезенъ. Она просила меня дать ей надежнаго человѣка проводить ее до Калуги, иначе она боится, что люди дорогой ее ограбятъ. Я тотчасъ исполнилъ ея просьбу, далъ лучшаго и расторопнаго унтеръ-офицера, приказавъ ему, чтобы въ Калугѣ онъ остановился у генерала Красовскаго, скупившаго почти всѣ имѣнія покойнаго графа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СЪРОВЪ.

Матеріалы для его біографіи.

1820—1871.

У меня сохранилось огромное количество писемъ, писанныхъ ко мнѣ въ разное время А. Н. Сѣровымъ. Мы съ нимъ были товарищи по училищу правовѣдѣнія, отъ 1836 по 1840 годъ. Въ маѣ 1840 г. Сѣровъ вышелъ изъ училища и поступилъ на службу, а я еще долженъ былъ пройти три верхніе класса, и тутъ то завязалась между нами переписка, продолжавшаяся много лѣтъ, потому что даже и послѣ выпуска моего изъ училища намъ очень часто приходилось жить далеко одному отъ другаго, иногда въ разныхъ городахъ. Въ училищѣ мы близко сошлись, какъ два лучшіе тогда музыканта всего училища. и наши музыкальныя занятія поневолѣ сталкивали насъ (изъ записокъ моихъ, которыя я напечатаю въ „Русской Старинѣ“, читатель увидитъ, какую крупную роль музыка играла въ жизни училища правовѣдѣнія нашего времени); сверхъ того, мы скоро замѣтили, что во многомъ у насъ одинакія стремленія, надежды и ожиданія будущаго. Все это очень тѣсно соединило насъ, и когда личныя бесѣды прекратились, мы вздумали переписываться.

Для насъ обоихъ, эта переписка имѣла очень важное значеніе — мы помогали другъ другу образоваться, не только въ музыкальномъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Рѣшившись теперь напечатать значительную долю нашей переписки, я полагаю, что этимъ удовлетворю не только любопытству тѣхъ, кому интересны подробности о молодости Сѣрова, но дамъ въ руки всей нашей публики — даже той, которая мало интересуется музыкальнымъ дѣломъ и музыкантами — такой біографическій матеріалъ, какой лишь очень рѣдко можно встрѣтить въ печати. Передъ читателемъ является исповѣдь души, записанная почти день за днемъ, исповѣдь юноши, полнаго блестящихъ дарованій,

силъ, лучшихъ стремленій, борющагося съ трудною дѣйствительностью, то полного унынія, недовѣрія къ самому себѣ, иногда даже отчаянія, то снова одушевленнаго, бодро и смѣло идущаго къ своей цѣли. Въ одномъ письмѣ Сѣровъ говоритъ (1842): «масса посредственностей въ людскомъ родѣ не позволяетъ музыкѣ царственно властвовать надъ человѣчествомъ. Муза инкогнито бродитъ по земному шару и избираетъ себѣ любимцевъ въ тѣхъ рѣдкихъ существахъ, которыя въ изящномъ видятъ абсолютную цѣль человѣческаго бытія». Однимъ изъ такихъ рѣдкихъ людей былъ Сѣровъ. Вся жизнь его была служеніемъ искусству, и ему онъ принесъ въ жертву все остальное, что другихъ манитъ и радуетъ. Еще съ молодыхъ лѣтъ онъ покончилъ и расстался со всѣмъ тѣмъ, что не вело его прямо къ намѣченной цѣли, и ничто уже не могло своротить съ дороги: гнѣвъ, а иногда преслѣдованія прозаика-отца, собственные неудачи и разочарованія, горькія сомнѣнія въ собственной творческой способности, вѣщныя иногда порочно шершавыя обстоятельства — ничто не могло побѣдить его желѣзнаго упорства, его „мономаніа“ (какъ говорили иные изъ его знакомыхъ) и наконецъ, сквозь тысячи помѣхъ, несчастій, лишеній — но также и радостей — онъ пробился туда, куда хотѣлъ, онъ нашель наконецъ слова и звуки для выраженія того, что почти съ ребячества носилъ внутри себя. Примѣръ рѣдкій, почти небывалый между нами!

Узнать подробности такой жизни, глубокой и героической — навѣрное будетъ интересно для многихъ.

Письма Сѣрова представляютъ, впрочемъ, не одну только картину его собственной, внутренней жизни. Въ нихъ нарисованъ также цѣлый уголокъ русской жизни 40-хъ и 50-хъ годовъ, — матеріалъ конечно драгоценный, — а также заключается отчетъ о всемъ, что тогда совершалось музыкальнаго въ русскомъ и даже вообще европейскомъ мирѣ. Передъ читателемъ пройдутъ фигуры Глинки, Даргомыжскаго, Листа, Берліоза и многихъ другихъ историческихъ личностей, очерки нашего тогдашняго общества и его художественныхъ впечатлѣній, отчеты о людяхъ и вещахъ, собственные начинанія и проекты для будущаго самого Сѣрова, наконецъ, цѣлый рядъ критическихъ статей о значительнѣйшихъ музыкальныхъ созданіяхъ прежняго и новаго времени, — статей за 13 лѣтъ до появленія первой печатной статьи его.

Я исключаю изъ оригиналовъ (передаваемыхъ мною въ полномъ составѣ въ Императорскую публичную бібліотеку) все то, что спеціально касалось моей личности и случайныхъ, мелкихъ подробностей жизни. Послѣ писемъ, я предполагаю напечатать, тоже на страницахъ „Русской Старины“, мои воспоминанія о Сѣровѣ, и здѣсь, на основаніи матеріала, только что переданнаго читателямъ — переписки

Сърова со мною—а также на основаніи всего нами вмѣстѣ пережитаго, постараюсь рассказать всю жизнь его, начиная съ дѣтства и нашей жизни въ училищѣ правовѣдѣнія и до конца, и тутъ же начертить портретъ его, со всѣми слабостями, недочетами и паденіями, но также и со всѣми блестящими качествами и великолѣпными силами, которыя дали дѣятельности Сърова — значеніе историческое.

Редакціей „Русской Старины“ опубликованы драгоценныя и многочисленныя матеріалы для біографій Глинки и Даргомыжскаго, поэтому я счелъ своею обязанностью передать этому изданію то, что у меня было касающагося еще одного изъ нашихъ покойныхъ композиторовъ: уступая тѣмъ двумъ въ творчествѣ и музыкальномъ дарованіи, Съровъ все-таки принадлежитъ въ числу самыхъ выдающихся личностей нашего интеллектуальнаго и художественнаго міра.

Кто близко зналъ Сърова и его жизнь, согласится, конечно, со мною, что эта жизнь представляетъ три очень опредѣленныхъ періода: первый періодъ есть періодъ образованія и приготовленія, и заключаетъ первыя 30 лѣтъ жизни Сърова (1820—1850); второй періодъ есть періодъ литературно-критической его дѣятельности, и обнимаетъ слѣдующія 10 лѣтъ его жизни (1850—1860); наконецъ, третій періодъ есть періодъ музыкальнаго творчества Сърова и заключаетъ послѣднія 11 лѣтъ его жизни (1860—1871).

Изъ этихъ трехъ періодовъ, въ продолженіе перваго Съровъ былъ эклектикомъ, знакомился со всѣми музыкальными школами, болѣе другихъ любилъ нѣмецкую, безпредѣльно обожалъ Бетховена и Мейербергера, и занятъ былъ собственными попытками, композиторскими и музыкально-критическими. Эти послѣднія (въ письмахъ ко мнѣ) иногда страдают растянутостью и резонерствомъ, но заключаютъ уже много свѣтлыхъ и смѣлыхъ мыслей, отличаются живымъ энтузіазмомъ и пылкостью художественнаго чувства; въ это время онъ вѣрилъ также и въ необходимость и возможность русской музыкальной школы. Въ продолженіе втораго періода Съровъ уже вовсе отшатнулся отъ итальянцевъ, почти совершенно не признавалъ Мейербергера, и исключительно посвятилъ себя культу Бетховена. Критическія статьи этого періода (всѣ печатныя) блещутъ энергіей, остроуміемъ ѣдкою и полемическимъ задоромъ, привлекаящими массу и часто способствовавшими общему музыкальному развитію; онъ всегда доказываютъ также громадное знакомство съ музыкальною литературою и музыкальными созданіями, но мало заключаютъ глубины, и игнорируютъ или не понимаютъ почти все созданное въ музыкѣ послѣ Бетховена. Наконецъ, въ теченіе послѣдняго третьяго своего періода, Съ-

ровъ раздѣлялъ свое музыкальное обожаніе между Бетховеномъ и Вагнеромъ, написалъ три оперы совершенно въ своемъ собственномъ, отъ всѣхъ отличномъ родѣ, какъ онъ говоритъ въ одномъ письмѣ, 1862 года, къ одной близкой ему тогда особѣ¹⁾; начинаетъ любить итальянцевъ и итальянскую музыку, даже собирается самъ писать итальянскую оперу для Патти, а что касается русской музыкальной школы, то перестаетъ признавать ее, и значительную долю своей музыкально-критической дѣятельности посвящаетъ нападкама на нее.

Таковы главныя черты художественной фізіономіи Сѣрова, этого талантливаго и многоспособнаго человѣка, составленнаго изъ качествъ, самыхъ противоположныхъ и часто борющихся въ немъ. Вся жизнь его была рядомъ непослѣдовательностей, то симпатическихъ, то трагическихъ, то каррикатурныхъ. Слѣдующія здѣсь письма его, а также и мои „Воспоминанія“ многочисленными подробностями своими подтверждаютъ это вполне.

Для ориентированія читателей, я считаю нужнымъ въ немногихъ словахъ рассказать здѣсь жизнь Сѣрова, до начала его переписки со мною. Для этого я беру за основаніе біографическій очеркъ, напечатанный г. М. въ февральской книгѣ „Русской Сцены“ за 1865 г.: во всѣхъ отношеніяхъ этотъ очеркъ можетъ почитаться автобіографіей. Во вступленіи сказано: „Біографическія замѣтки эти мы составили изъ свѣдѣній, приобрѣтенныхъ нами въ теченіе многолѣтняго знакомства съ г. Сѣровымъ, со времени первой встрѣчи въ Крыму, въ 1847 году, частью изъ немногихъ дополнительныхъ приписокъ, имъ самимъ намъ доставленныхъ“²⁾. Притомъ всякій знакомый со слогомъ А. Н. Сѣрова легко узнаетъ его во многихъ мѣстахъ этого „Біографическаго очерка“.

„Александръ Николаевичъ Сѣровъ родился въ С.-Петербургѣ 11-го января 1820 г., въ семействѣ образованномъ, но нисколько не музыкальномъ. Отецъ его, москвичъ, изъ весьма низменнаго слоя, вслѣдствіе замѣчательныхъ умственныхъ способностей и многосторонняго развитія, еще въ молодости достигъ замѣтнаго положенія по службѣ, а потомъ высокихъ чиновъ и большаго вліянія на кругъ близ-

¹⁾ «Не могу же не видѣть, что моя опера «Юдифь» нѣчто совсѣмъ самостоятельное, ни на какую другую въ свѣтѣ не похожее». (Письмо 29-го августа 1862 г.).

²⁾ Замѣчу мимоходомъ, что біографіи Сѣрова, напечатанныя г. Фаминцынымъ (въ «Музыкальномъ Сезонѣ» 1871 г., № 17) и г. Столыпиннымъ (во «Всемирной Иллюстраціи», 1871 г., №№ 127 — 128), заключаютъ много невѣрныхъ фактовъ, особливо послѣдняя, такъ какъ авторъ слишкомъ, повидному, довѣрялъ рассказамъ г. Ленца, обыкновенно украшающаго всѣ свои «біографіи» и «воспоминанія» орнаментистикою не вполне достоверной. В. С.

нихъ знакомыхъ. Начитанность его, рѣзкость здраваго и наблюдательнаго, но нѣсколько сухаго ума, и насмѣшливый характеръ привлекали къ нему многихъ, но болѣе порождали враговъ. Мать Сѣрова, на половину нѣмка, дочь сенатора екатерининскихъ временъ, была превосходная, любящая женщина, съ теплымъ чувствомъ къ поэзіи добра и красоты ¹⁾).

Сѣровъ представляетъ собою чрезвычайно рѣдкій примѣръ совершенно самостоятельнаго артистическаго развитія. Въ дѣтскомъ возрастѣ ничто не предвѣщало въ Сѣровѣ будущаго музыканта. Онъ былъ весьма понятливый, даровитый мальчикъ, читавшій книги уже на 4-мъ году, и почти въ томъ же возрастѣ страстно любившій театральныя представленія. Онъ учился всему необыкновенно бойко и быстро; на 9-мъ году уже бѣгло читалъ французскія и нѣмецкія книги. Любимѣйшимъ его занятіемъ въ этомъ возрастѣ было чтеніе сочиненій по части натуральной исторіи, а первыя, бывшія у него въ рукахъ, деньги онъ откладывалъ въ сторону, чтобы потомъ, на 11-мъ году, купить себѣ старинное изданіе Бюффона съ картинами ²⁾. Французскому языку онъ, можно сказать, выучился по Бюффону. Кромѣ чтенія, и наравнѣ съ нимъ, Сѣровъ страстно любилъ рисованіе. Цѣлые дни проводилъ онъ, рисуя звѣрей, птицъ, виды комнатъ и садика при домѣ родительскомъ ³⁾.

Сѣрова стали учить музыкѣ, т. е. игрѣ на фортепіано, на 8-мъ году; первую учительницею его была Ол. Григ. Жебелева. Не выказывая никакой особенной охоты къ занятію музыкой, Сѣровъ, однако же, лѣтъ 10—11, игралъ исправно сонатки съ аккомпаниментомъ скрипки или виолончели, а годами пятью позже, при поступленіи въ училище правовѣдѣнія ⁴⁾ для экзаменнаго торжества выучилъ и хорошо испол-

¹⁾ Въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Сѣровѣ» я буду имѣть случай сказать еще многое объ отцѣ и матери А. Н. Сѣрова, и ихъ разнообразномъ вліяніи на него, а также о его даровитой сестрѣ, Софѣ Николаевнѣ (въ замужествѣ Дюгурь), товарищѣ его дѣтства, юности и художественнаго воспитанія. Замѣчу, пока, не входя въ подробности, что родственники матери Сѣрова, въ воскодищей линіи, принадлежали къ еврейскому племени.

²⁾ Стѣпная вѣра въ отпа и обожаніе Бюффона, а также высокое понятіе о самомъ себѣ были въ это время такъ сильны у Сѣрова, что онъ часто тогда говаривалъ: «я, папа и Бюффонъ...» Это онъ въ послѣдствіи часто рассказывалъ мнѣ.

³⁾ Многія воспоминанія дѣтства читатель найдетъ въ письмѣ Сѣрова 2-го юня 1842 г.

⁴⁾ Сѣровъ первоначально, съ 7-ми-лѣтняго возраста, учился въ пансіонѣ г-жи Командеръ, а потомъ съ 1830 г. въ 1-й гимназіи. Въ училище правовѣдѣнія перешелъ при самомъ его открытіи, въ декабрѣ 1835 года, прямо въ высшій классъ низшаго курса, т. е. въ 4-й классъ.

ниль Гуммелевскій концертъ А-moll. Истинное музыкальное чувство начало выказываться въ Сѣровѣ только на 15-мъ году. Фортепьянныя переложенія оперъ Моцарта, а также „Фрейшюца“ и „Роберта“, и слушаніе этихъ оперъ въ театрѣ, пробудили впервые въ Сѣровѣ любовь къ міру звуковъ. Еще въ гимназіи, года за 2 до поступленія въ училище правовѣдѣнія, послѣ 6-ти дней классной жизни, юноша Сѣровъ торопился домой, чтобы прежде всего отвести душу за фортепьяно, отъ котораго уже и не отходилъ почти цѣлый день. Но и тутъ сначала все дѣло ограничивалось чтеніемъ и вбираніемъ въ себя красоту музыкальныхъ. Съ техническими сторонами теоріи музыкальной никто не знакомилъ Сѣрова. Сначала онъ былъ даже очень далекъ отъ мысли задавать самому себѣ вопросы по этой части, воспринимая музыку, какъ она есть, безъ разсужденій о ея грамотѣ, о ея наукѣ. Въ училищѣ, по желанію принца Ольденбургскаго, Сѣровъ долженъ былъ избрать какой-нибудь инструментъ, кромѣ фортепьяно,—и онъ избралъ віолончель ¹⁾. Уроки на віолончели Сѣровъ бралъ у извѣстнаго віолончелиста Карла Шуберта ²⁾, который скоро пришелъ къ сознанію, что въ отношеніи музыкальнаго смысла, выразительности, фразировки, Сѣровъ въ учителяхъ не нуждается ³⁾, а ученикъ, со своей стороны, несмотря на успѣхи своей віолончельной игры, болѣе и болѣе убѣждался, что не родился быть виртуозомъ, потому что даже самое устройство пальцевъ его, короткихъ и слабыхъ, никогда бы не позволило ему довести виртуозную технику до замѣчательной степени развитія.

Въ одно время съ этими віолончельными уроками, ознакомившими молодого артиста съ техникою смычковыхъ инструментовъ, въ Сѣровѣ, приближавшемся тогда къ 20-лѣтнему возрасту, стала проявляться сильнѣе и сильнѣе жажда быть композиторомъ. Первые попытки его къ импровизаціи на фортепьяно, въ тихомолку, въ на-глухо запертой комнатѣ, были скромнымъ, ребяческимъ лепетомъ. Первое знаком-

¹⁾ Его высочество принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій такъ цѣнилъ музыкальныя способности Сѣрова, что, даже послѣ выпуска изъ училища, этотъ послѣдній игралъ разные соло на віолончели на концертахъ въ училищѣ правовѣдѣнія и въ домѣ у принца. Въ знакъ памяти при выпускѣ изъ училища, принцъ подарилъ Сѣрову изящный складной пюитръ, на футлярѣ котораго напечатанъ былъ стихъ изъ Горациа:

«Omne tulit punctum qui misuit utile dulci».

(Все превосходно пойдеть у того, кто соединить полезное съ пріятнымъ).

²⁾ А раньше того, у отличнаго віолончелиста Кнехта, котораго какимъ-то страннымъ манеромъ Сѣровъ позабылъ въ этой своей автобіографіи.

³⁾ Это мы читаемъ также въ письмѣ отъ 24-го августа 1840 г. В. С.

ство съ музыкальною теоріею по сухимъ, отсталымъ учебникамъ генераль-баса, безъ всякаго руководителя, внушало Сърову только недвѣріе и къ собственнымъ силамъ, и къ самой наукѣ музыкальной.

Приблизился 1840 годъ, первый выпускъ изъ училища правовѣдѣнія. Съровъ, отлично учившійся и въ гимназіи, былъ во всѣхъ отношеніяхъ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ. Влестящія способности его доставили ему при выпускѣ медаль за успѣхи и чинъ 9-го класса, съ которымъ онъ и началъ службу, сперва въ канцеляріи правительствующаго сената (по 5-му департаменту, уголовному)...

Здѣсь я перерываю выписки изъ „Біографическаго очерка“, потому что въ сообщаемыхъ мною письмахъ подробности о дальнейшей жизни Сърова обстоятельнѣе и вѣрнѣе того, что онъ могъ въ послѣдствіи припоминать и рассказывать. Но вездѣ, гдѣ понадобится, я буду приводить, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, текстъ этого же „очерка“.

В. Стасовъ.

Письма А. Н. Сърова къ В. В. Стасову.

1840 г.

10—12-го іюля 1840 г.

....Странное дѣло, я думалъ, что послѣ выпуска ¹⁾ совершится въ моей внутренней жизни крутой переворотъ, т. е. съ меня спадетъ скорлупа, въ которой были до сихъ поръ заключены всѣ движенія, всѣ намѣренія, всѣ мысли моего Я... И что же — ничуть не бывало, я еще совершенно тотъ же какъ и прежде, и вижу, что много, очень много надобно работать, чтобъ вышло изъ меня что-нибудь нужное въ извѣстномъ намъ отношеніи. Даже подъ часъ мучительное сомнѣніе западаетъ въ мою душу. Мнѣ досадно, что способности мои такъ уравновѣшены, что я могу быть хорошъ во всемъ, и ни въ чемъ великъ! Конечно, много наслажденій предстоить и такому уму, который чуждъ односторонности, которому все изящное доступно во всѣхъ возможныхъ формахъ, мало того доступно, — оно ему родное, а наслажденіе изящнымъ — блаженство. Но все-таки досадно, жестоко досадно, что для того, чтобъ увѣковѣчить свое имя, чтобъ жить въ потомствѣ, надобно пожертвовать всѣмъ для одного! Вѣдь односторонность тогда неизбежна, а она мнѣ не по натурѣ. Недавно мнѣ сказалъ человекъ, которому я обязанъ вѣрить отъ всей души (ты догадываешься, кто): „Vous ne ferez pas éroque, vous êtes né pour continuer“ ²⁾. Это глубоко,

¹⁾ Изъ училища правовѣдѣнія.

²⁾ Ты не составишь эпохи, ты рожденъ на то, чтобъ продолжать (слова отца А. Н. Сърова).

В. С.

и бѣда, если это правда! Одно меня утѣшаетъ, когда я призадумуюсь надъ собой, обращаю свое умственное око внутрь, — мнѣ кажется, что музыкальность все-таки преобладаетъ въ моей многосторонности, тогда слава Богу.

Музыка сама по себѣ обширнѣе всѣхъ прочихъ искусствъ „Natusque amplexatur omnem“¹⁾, между тѣмъ выходитъ изъ границъ видимаго міра. Даже названіе искусство какъ-то мало, унижительно для музыки. Можетъ быть, придетъ время, когда исчезнетъ и живопись. Скульптура и теперь уже исчерпана, а музыка пойдетъ впередъ вмѣстѣ съ человѣчествомъ и одна будетъ удовлетворять врожденному стремленію къ изящному. И какое высокое назначеніе — быть жрецомъ такой музы, бросить значительную горсть еиміаму на ея жертвенникъ и этимъ заставить человѣчество подвинуться на нѣсколько шаговъ впередъ. Ибо я увѣренъ, что успѣхъ музыки никакъ не менѣе подвигаетъ человѣчество, какъ паровыя машины и желѣзныя дороги. Но чтобъ быть достойнымъ жрецомъ этой музы, надобно родиться съ музыкальнымъ призваніемъ. А если этого нѣтъ — *manque de vocation*²⁾, о это ужасно! Самъ ты тогда замѣчалъ, что всѣ музыкальныя знаменитости созрѣвали необыкновенно скоро и начинали трудиться на своемъ поприщѣ съ самой ранней юности, — припомни Тальберга, Листа, гр. Росси, Моцарта, Ветховена, Вебера, Россини (о Мейерберѣ я не знаю). А мнѣ вѣдь уже 20 лѣтъ слишкомъ! И еще *nihil, omnino nihil*³⁾! Впрочемъ, я еще не совершенно отчаяваюсь. Не правдали, что внѣшняя жизнь имѣетъ большое вліяніе на жизнь внутреннюю, жизнь духа? Это уже старинная аксіома. Надо тебѣ сказать, что теперь я чувствую ее на опытъ. Да, если можно что-нибудь дѣлать для искусства, такъ только при такихъ условіяхъ, какими я пользуюсь. Глупая училищная жизнь рѣшительно можетъ подавить всякое эстетическое направленіе! По крайней мѣрѣ, на меня сильно дѣйствуетъ все окружающее, а тамъ все окружающее такъ бездушно, такъ пошло! Напротивъ того, теперь⁴⁾...

Не знаю, какъ тебѣ понравится мое жилище изъ этого описанія, но для меня оно имѣетъ какую-то особенную прелесть. Мысли какъ-то особенно направляются и располагаются. Ты вѣрно

¹⁾ Обнимаетъ всю природу.

²⁾ Родиться безъ призванія.

³⁾ Ничего, ровно ничего.

⁴⁾ Здѣсь слѣдуетъ пространное описаніе всей обстановки маленькаго мезонина, гдѣ помѣстился, въ домѣ своего отца, Ал. Ник. Сѣровъ послѣ выпуска изъ училища правовѣдѣнія.

заключивъ изъ этого, что у меня уже много написано музыкальнаго. Увы! еще ничего. Я ограничиваюсь все еще маленькими попытками, такъ сказать „дошупываюсь“. За „Наполеона“ боюсь приняться¹⁾. Для исполненія такой мысли, надобенъ опытный, рѣшительный талантъ. Не забудь, что это музыка драматическая, а драматическая музыка есть цвѣтъ искусства, такъ какъ человечество—цвѣтъ природы. Надобно испытать себя во всѣхъ возможныхъ фазахъ, добиться до того, чтобъ всѣ оттѣнки мыслей, какъ только зародятся въ фантазіи, перелетали бы на клавиши, или еще скорѣе на бумагу; привыкнуть округлять свои созданія, чтобъ въ нихъ былъ, кромѣ *pathos'a—ethos*, и тогда уже отважиться на такой подвигъ. Никогда двѣ мысли, даже свои, не могутъ быть совершенно сходны, тѣмъ менѣе чужое и свое. Мой „Наполеонъ“ не долженъ быть и не можетъ быть „Наполеономъ“ Зейдлица или Лермонтова—онъ будетъ мой, надобно стараться только, чтобъ главныя черты слились съ чертами стихотворенія. И такъ какъ эти созданія въ двухъ разныхъ сферахъ, они могутъ довольно близко сойтись. Но для того, чтобъ дать полный разгулъ своей фантазіи, и между тѣмъ нѣсколько удержать ее въ опредѣленныхъ предѣлахъ, особенно въ такомъ безграничномъ искусствѣ, какъ музыка, согласись, что тутъ нужна большая опытность... Какъ ни говори, можетъ быть, драматическая музыка несравненно труднѣе, нежели драматическая поэзія. Мнѣ кажется, что Мейерберу въ этомъ отношеніи еще слишкомъ мало удивляются. Онъ чрезвычайно близокъ къ идеалу.

А *progos*, я абонированъ у Рихтера²⁾ на музыкальное чтеніе, и недавно взялъ у него „Гутенотовъ“ въ 4 руки. Боже мой, что это за прелесть! Я игралъ ихъ съ П. Ягубовскимъ³⁾. Оба мы не могли наиграться, готовы были сидѣть за флигелемъ цѣлую ночь. Впрочемъ, и то сыиграли всю оперу отъ ноты до ноты, еще повторяли нѣкоторые нумера по два и по три раза. Что за мотивы, и что за мастерская обработка! Между тѣмъ нигдѣ не видно натянутости, все дышетъ жизнію. Можетъ быть онъ не такой мелодистъ, какъ Россини

¹⁾ Пьеса для голоса съ аккомпаннментомъ фортепьяно, на текстъ «Волшебный корабль»—Зейдлица, въ переводѣ Лермонтова. Это стихотвореніе мы только что узнали въ это время, и А. Н. Сѣровъ, придя отъ него въ восхищеніе, задумалъ взять его темою перваго своего сочиненія. Но это никогда не осуществилось.

²⁾ Музыкальный магазинъ Рихтера былъ въ 1840 году очень невеликъ, но отличался богатымъ запасомъ полныхъ оркестровыхъ партитуръ и арранжировокъ знаменитѣйшихъ музыкальныхъ сочиненій прежняго времени.

³⁾ Пріятель А. Н. Сѣрова, студентъ, довольно хорошо игравшій на фортепьяно.

или Беллини, ему мотивы труднѣе достаются, но за то онъ мыслитель въ музыкѣ, и въ этомъ отношеніи далеко оставилъ ихъ за собою. Это настоящая драматическая музыка, рѣшительно надобно и можно только удивляться, какъ онъ себѣ усвоилъ текстъ Скриба. Теперь-то, когда я припоминаю фантазію Тальберга на „Гугенотовъ“, которую онъ при насъ игралъ въ концертѣ дирекціи, теперь-то этотъ геніальный фортепьянистъ является мнѣ во всемъ своемъ величіи! Лучше понять „Гугенотовъ“, какъ онъ понялъ, и выразить эту глубоко-мысленную оперу звуками струнъ — невозможно. Я думаю, самъ Мейерберъ, когда слушалъ его, долженъ былъ радоваться и благодарить Тальберга, какъ свой *supplément*¹⁾. Разумѣется, я говорю теперь только о его „*Fantaisie sur les Huguenots*“. Но онъ великъ и въ другихъ своихъ созданіяхъ. Желалъ бы я поскорѣ послушать Листа. Какое у него должно быть исполненіе! Вчера имѣлъ я случай видѣть въ одномъ домѣ „*Episode de la vie d'un artiste, symphonie fantastique de Berlioz, arrangée pour le Piano par Liszt*“, пьеса, о которой ты мнѣ говорилъ. Я разыгрывать не осмѣлился, но взглянулъ на заглавіе, на главные мотивы, и получилъ нѣкоторое понятіе. Это должно быть преинтересная вещь! Между прочимъ тутъ есть *Rêve d'une nuit de Sabbat*“, въ которомъ „*la Ronde du Sabbat*“, я думаю, весьма близко должна подойти къ фантази В. Гуго того же имени. Чрезвычайно бы желалъ, чтобъ кто-нибудь удовлетворительно при мнѣ и для меня исполнилъ это гигантское произведеніе фантастической школы. Есть мнѣніе, что музыка — искусство слишкомъ отвлеченное отъ нашихъ земныхъ мыслей, слишкомъ *vague dans sa sainteté*²⁾, и что стремиться выразить ею разные отгѣнки нашего существованія, разные фазы бытія и воображенія реальнаго — *c'est prostituer la muse*³⁾. Не знаю, правда-ли? я не смѣю этому вѣрить, потому что тогда придется сказать „прости“ многимъ любимымъ идеямъ. Виноватъ будетъ и несравненный Мейерберъ!... Прощай. Твой навсегда А. Сѣровъ.

6-го и 10-го августа 1840 г.

Въ воскресенье поутру получилъ я первое письмо твое и сожалѣю, что теперь, отвѣчая на него, съ первыхъ самыхъ словъ не могу тебя порадовать. Съ чего ты взялъ, что мой „Наполеонъ“ близокъ къ концу, или что я тружусь надъ нимъ, или что онъ начатъ? Кажется, въ моемъ письмѣ я довольно ясно выразился, что къ этому созданію боюсь теперь приступить, а, такъ сказать, нахватываюсь, про-

¹⁾ Свое дополненіе.

²⁾ Слишкомъ неопредѣленное въ своей святости.

³⁾ Это значитъ prostituer la muse.

бую себя со всѣхъ возможныхъ музыкальныхъ фазовъ. Самъ же ты говоришь, что мнѣ надобно столько „перекантовать не пища (даже), сколько я въ жизни перечиталъ нотъ!“ Это суцая правда! Я тебѣ скажу еще больше: ты, можетъ быть, знаешь, что я рисую лѣтъ съ пяти; съ тѣхъ поръ я бездну срисовывалъ (читалъ нотъ)—бездну и изъ головы рисовалъ (фантазировалъ)—и теперь дошелъ до того, что едва-едва могу дать какому-нибудь личику или рожицѣ то выраженіе, которое слѣдуетъ. И всегда съ грѣхомъ пополамъ—все холодно, натянуто, иногда неправильно, вообще не удовлетворительно для внутренняго человѣка. Вотъ какой результатъ! Теперь положимъ даже (что сомнительно), что у меня музыкальный талантъ выше рисовальнаго, то все-таки мнѣ надобно перекантовать тьму тьмущую,—да по твоимъ же словамъ: „пересочинить столько, сколько Листъ, Тальбергъ и Росси учились“. А это не мало! Желая знать, осмѣлился-ли бы я теперь приняться за огромную историческую картину, (чтобъ быть ближе къ дѣлу—хоть изъ жизни Наполеона? *Vous êtes infatué de moi jusqu' à un tel point* ¹⁾), что, пожалуй, ты скажешь, что и это предпріятіе удалось бы! *Absurdum hoc*! ²⁾ Одно, чего бы у меня достало, это воображенія. Но съ нимъ однимъ—*nihi!* Сколько тутъ, Боже мой, другихъ условій, которыя, впрочемъ, всё до одного заключаются въ великой тайнѣ—изученія (*Des Ueben, des Studiren!*) Это прилагается безъ всякой отгѣны и къ музыкѣ! Мнѣ кажется рѣшительно невозможнымъ написать что-нибудь значительное *d'un seul jet* ³⁾. Вдохновеніе даетъ эскизъ, кромѣ, можетъ быть, слишкомъ гениальныхъ исключеній (Рафаэль, Моцартъ). Въ музыкѣ мотивы приходятъ вдохновеніемъ, но цѣлыя пьесы никогда, развѣ только ихъ внутренняя форма, *l'esprit, le squelette—comme vous voudrez* ⁴⁾ Досадно, что иногда не отыщешь настоящаго слова.... Сегодня, только что передъ тѣмъ, какъ я сѣлъ къ тебѣ писать (въ 10 часовъ вечера), игралъ я à 4 mains съ Якубовскимъ великую *Simphonie Heroica* Бетховена. Что за музыка!! Мы играли ее довольно плохо, потому что она трудна, но я получилъ понятіе. А *propos*, Якубовскій мнѣ сказалъ, что она написана Бетховеномъ въ честь Наполеону. Не знаю, правда-ли, но если такъ—то какъ отважиться выражать въ музыкѣ этого орла, послѣ Бетховена! Не имя пугаетъ, а дѣло. Если это правда, то такіе абсурды, такія мысли, стоятъ Наполеона!

¹⁾ Ты такъ много воображаешь про меня.

²⁾ Это нехѣно.

³⁾ Однимъ разомъ.

⁴⁾ Духъ, скелетъ—какъ тебѣ угодно.

Ты, кажется, совершенно согласенъ со мной на счетъ драматической музыки? да! но какъ ты разрѣшишь слѣдующій вопросъ: можно-ли назвать героическую симфонію—„драматическою музыкою“. Она ничего опредѣленнаго не выражаетъ? Безъ сомнѣнія, въ головѣ Бетховена, можетъ быть, безсознательно, безотчетно для него самаго, когда онъ ее сочинялъ, бродили идеи какого-то великаго дѣйствія (*non motiois, sed facti*)¹⁾ и эти идеи выливались въ музыкальныя формы. Но эти идеи—*impralpables*²⁾ для самаго, можетъ быть, автора, не только что для насъ грѣшныхъ. Бетховенъ, вѣроятно, самъ не могъ бы растолковать смысла каждой новой своей музыкальной идеи, которыми такъ богата „героическая симфонія“. Между тѣмъ въ „Гугенотахъ“, подъ каждую фразу *libretto* Скриба, ты можешь подставить Мейерберову. Чтò же выше (*plus sublime*)? Вѣрно первое. „Die Wunde der Kunst erscheint bei der Musik am eminentesten weil sie keinen Stoff hat, der abgerechnet werden müsste. Sie ist ganz Form und Gehalt und erhöht und veredelt Alles was sie ausdrückt“³⁾, говоритъ безсмертный Гёте (мой любимецъ). А прогос, ровно столько же, какъ для меня непростительно до сихъ поръ не слышать Росси такъ для тебя грѣшно до сихъ поръ не читать „Фауста“ Гёте (разумѣется, въ оригиналѣ). И тебя, въ этомъ отношеніи, можно назвать слѣпорожденнымъ, и ты свѣта Божія не видалъ!! Я не знаю, есть-ли у тебя привычка гнаться за содержаніемъ, стремиться къ развязкѣ, если есть, такъ и не читай „Фауста“.

Что я скажу тебѣ о своей политической жизни (какъ ты называешь)? До сихъ поръ въ этомъ отношеніи все идетъ вяло, ни тепло, ни холодно (*un état tiède*), да и быть иначе не можетъ съ этимъ соромъ, что называется сенатскими дѣлами. И еще какой-нибудь подленькій Шт.⁴⁾ смѣетъ ораторствовать противъ пагубныхъ послѣдствій *des Brodtstudiums*⁵⁾. Да развѣ можетъ существовать душа, до такой степени черствая и пыльная, чтобы предаться занятіямъ сенатской службы *con amore*!! Спасибо, этого никто и не требуетъ, а чтобъ *sauver les apparences*⁶⁾ и еще довольно выгодно, право, для этого не много нужно удѣлять душевныхъ силъ, и онѣ преспокойно могутъ быть всѣ сосредоточены на другомъ, лучшемъ!

¹⁾ Не движенія, а факта.

²⁾ Неосязательныя.

³⁾ Достоинство искусства проявляется всего сильнѣе въ музыкѣ, потому что у ней нѣтъ матеріала, который слѣдовало бы принимать въ расчетъ. Она вся—форма и содержаніе, и возвышаетъ и облагораживаетъ все, чтò ни выражаетъ.

⁴⁾ Одинъ изъ прежнихъ профессоровъ въ училищѣ правовѣднія.

⁵⁾ Работы изъ-за насущнаго хлѣба.

⁶⁾ Спасти виѣшность.

Я хочу скоро серьезно приняться за изученіе итальянскаго языка. Кажется, что безъ него vivre pour les beaux-arts ¹⁾ невозможно. При томъ это такъ легко. Я помню, что мы какъ-то говорили о своихъ лингвистическихъ способностяхъ, оцѣнили ихъ взаимно, и, кажется, вполнѣ остались довольны. Я завелъ недавно большую книгу, куда буду вписывать планы и проекты всѣхъ музыкальныхъ и рисовальныхъ фантазій (съ эпиграфомъ fiat!) и другую: для выписыванія всѣхъ замѣчательныхъ „*aphorismes, maximes et pensées*“ ²⁾, которые буду встрѣчать при своемъ чтеніи. У меня привычка читать вдругъ нѣсколько книгъ, которые и составляютъ mes lectures du jour ³⁾.

Весьма и очень жаль, что я теперь (разумѣется, на короткое время) лишень способовъ фантазировать! Мой органъ ⁴⁾ поправляютъ, а ко флигелю далеко ходить, да притомъ на органѣ фантазировать гораздо легче. Эти льющіеся аккорды, которые длятся сколько ты хочешь, чрезвычайно сосредоточиваютъ музыкальныя мысли. Я иногда еще по прежнему сажусь къ клавишамъ, ничего не обдумавъ предварительно, и перебираю звуки до тѣхъ поръ, пока появится кабая-нибудь мысль; тогда уже пойдетъ совсѣмъ другая игра, можетъ быть, весьма неприятная для тѣхъ, кто бы захотѣлъ меня подслушать, но я en fascination ⁵⁾, убѣжденъ, что фантазируется, какъ нельзя лучше, и иногда вынесу изъ этого хаоса нѣсколько удачно вылившихся фразъ, и сейчасъ замѣчу ихъ на нотной бумагѣ. Иногда же, вовсе не подходя къ органу, я вдругъ сочиню цѣлый мотивъ, который мнѣ какъ-будто кто-то напѣваетъ. Впрочемъ, чаще одну только первую половину мотива. Вотъ тебѣ подробно мой procédé ⁶⁾. Я боюсь, что ты чрезъ это крайне разочаруешься, но я говорю все какъ что есть. Сосредоточивать такое броженіе на одномъ опредѣленномъ предметѣ (положимъ, на какомъ-нибудь произведеніи Гюго) для меня еще весьма трудно.

Очень радъ, что у васъ къ концертамъ готовятся такія важныя вещи, но врядъ-ли я въ нихъ буду участвовать: у меня зимой будетъ бездна занятій по должности, а остальное время, какъ ты самъ знаешь, для меня весьма дорого (ты это можешь объявить и Карелли) ⁷⁾, а

¹⁾ Жить для искусства.

²⁾ Афоризмы, сентенціи, мысли.

³⁾ Дневное чтеніе.

⁴⁾ Маленькій органъ, въ родѣ фисгармонки.

⁵⁾ Въ очарованіи.

⁶⁾ Способъ.

⁷⁾ Карелли—учитель музыки въ училищѣ правовѣдѣнія, устранившій концерты и распорядившійся ими. Онъ приглашалъ черезъ меня А. Н. Серова играть въ тогдашнемъ концертѣ соло на виолончели, какъ во время его нахожденія въ училищѣ.

вотъ всего слѣдующаго не говори: что я очень радъ этимъ должностнымъ занятіямъ, потому что они составляютъ благовидный предлогъ—не казать мнѣ носу въ ваше училище, которое, какъ ты самъ можешь заключить, не манитъ меня къ себѣ никакими пріятными воспомина-ніями. А впрочемъ, хотѣлось бы послушать какъ ваши пѣвчіе (*miserabile pecus*¹⁾ будутъ исполнять *l'orgie de Meyerbeer!*²⁾. Это пре-забавно! Впрочемъ, вѣдь по обыкновенію болѣе половины будетъ нанятыхъ чужихъ на подмогу. Да еще и слова-то Карелли передѣляетъ, яво неприличныя „*pour vos chastes oreilles!*“³⁾ Ха, ха, ха! И чтобъ я теперь пошелъ участвовать въ такомъ концертѣ! Калачемъ не заманишь. Уже если есть совершенно свободное время, такъ я думаю, въ миллионъ разъ больше наслажденія просидѣть во французскомъ театрѣ, чѣмъ сносить у васъ кисляя улыбочки П.⁴⁾

Вообрази, какъ мнѣ на себя досадно, я еще не принимался за Вальтеръ-Скотта въ оригиналѣ. Сегодня прибавилась одна страница въ моемъ „*livre des fantaisies*“, именно: *P. devant le roi des enfers*, outline à la Flaxman!⁵⁾ У меня есть планъ (разумѣется только *ébauché*) большой фантазіи для виолончеля и фортепьяно на „Гугенотовъ“⁶⁾. *In extenso* въ своемъ мѣстѣ. На банивулахъ (т. е. вашихъ) я читалъ романъ Болъвера: „*Ernest Maltravers*“, который меня во многихъ отношеніяхъ воскипчалъ. Я бы желалъ, чтобъ ты прочелъ его, но не иначе какъ по моему экземпляру, ибо я имѣю привычку отмѣчать карандашемъ на поляхъ. Продолженіе этого романа: „*Alice or the mysteries*“, ты не повѣришь, до-нельзя сухо, и я до сихъ поръ не могу его дочитать. Впрочемъ, я вѣдь никогда не гонюсь за развязкой *excepté dans Walter-Scott*⁷⁾, но вѣдь это особая статья.

Мнѣ кажется, что дѣйствительно преполезно для композиторскаго образованія перекладывать большія сочиненія для фортепьяно,—и я это намѣренъ дѣлать⁸⁾, но чуть-ли для этого не нужно самому быть значительнымъ *Spieler'омъ*⁹⁾. *Thy for ever A. Ser of.*

¹⁾ Несчастное стадо.

²⁾ Хоръ въ концѣ 1-го акта «Гугенотовъ».

³⁾ Для вашихъ дѣломудренныхъ ушей.

⁴⁾ Сем. Антон. Пошманъ, директоръ училища правовѣднія, въ которомъ А. Н. Сѣровъ постоянно видѣлъ—и совершенно понапрасну—своего врага. Мы встрѣтимъ ниже не мало другихъ прихѣтровъ страшной и несправедливой раздражительности Сѣрова.

В. С.

⁵⁾ Пошманъ передъ царемъ ада—очерки на маперъ Флаксмана.

⁶⁾ Никогда не осуществлено.

В. С.

⁷⁾ Кромѣ Вальтеръ-Скотта.

⁸⁾ Отвѣтъ на мое предложеніе.

В. С.

⁹⁾ Игрокомъ на фортепьяно.

24-го августа 1840 г.

Я досадую на себя ужасно, что во мнѣ слишкомъ мало энергіи. Была бы она,—было бы все! Я желаю только одного: произвестъ много, создать что-нибудь такое, на что бы, прежде всего, я самъ могъ бы порадоваться, а тамъ, что будетъ, то будетъ! Поймутъ—хорошо, не поймутъ—Богъ съ ними! Далѣе—совсѣмъ не помню, о чемъ хотѣлъ я съ тобой говорить *in extenso*. Да и какая нужда, по теоріи входящаго и выходящаго ¹⁾, все это придетъ само собою въ своемъ мѣстѣ. П-м-ш- Stael была согласна съ твоєю теоріею! Это и должно такъ быть, потому что она совершенно справедлива... Я и нынѣшній разъ къ тебѣ ничего не посылаю, именно для того, чтобъ тебя не разочаровать. Придетъ время, и съ каждымъ письмомъ нашей корреспонденціи, съ обѣихъ сторонъ будутъ посылаемы не такіе образчики, клочки какъ теперь, а цѣлыя творенія ²⁾. Тогда-то будетъ прірѣ для музыкальнаго чувства обонухъ. Въ каждой фантазіи мы будемъ также легко переливать всего себя, какъ теперь въ письмахъ. И такой разговоръ будетъ въ тысячу кратъ восхитительнѣе нашихъ нынѣшнихъ, *ce sera l'entretien des âmes, sans l'intermédiaire des conditions trop terrestres* ³⁾! Высокое, высочайшее искусство—музыка! Блаженъ тотъ, кто имъ обладаетъ вполне, или, сказать болѣе поэтически: блаженъ тотъ, кого любитъ эта муза! О, кого она любитъ, тому не нужно никакихъ княгинь Воротынскихъ ⁴⁾: *c'est trop bas, trop trivial pour lui* ⁵⁾. Мнѣ кажется, что такой счастливецъ, если и полюбитъ когда-нибудь женщину, то не иначе, какъ чтобы она была почти также идеальна, какъ сама муза, и онъ въ прелественномъ существѣ передъ своими глазами могъ бы всегда видѣть *la personification de la musique! Voilà mon opinion. That is my thought on the love* ⁶⁾. Можетъ быть, такихъ существъ нѣтъ на свѣтѣ! О, тогда моему счастливцу вовсе не нужно идеальной любви въ осуществленіи. Онъ ограничится своей любимой мечтой, оставивъ животную жизнь идти своей дорогой. А впрочемъ жаль, если нѣтъ такихъ женщинъ, жизнь такого счастливца,—который бы обладалъ музыкой, и обладалъ

¹⁾ Эта теорія, одинъ изъ предметовъ нашихъ тогдашнихъ разсужденій, состояла въ томъ, что никогда не можетъ пропасть безслѣдно то, что разъ вошло въ человѣческую душу и умъ: оно рано или поздно найдетъ себѣ исходъ.

²⁾ А. Н. Сѣровъ воображалъ въ то время, что я способенъ сдѣлаться музыкальнымъ композиторомъ. В. С.

³⁾ Это будетъ бесѣда душъ, безъ посредничества слишкомъ земныхъ условій.

⁴⁾ Геронья романа «Большой свѣтъ» графа Соллогуба, который мы тогда читали съ восхищеніемъ. В. С.

⁵⁾ Это слишкомъ низко, слишкомъ тривиально для него.

⁶⁾ Олицетвореніе музыки. Вотъ мое мнѣніе о любви.

такимъ существомъ, счастливица, у котораго бы страсть къ искусству совпадала бы со страстью къ своему supplément, жизнь его была бы дѣйствительно осуществленіемъ доступнаго для человѣка блаженства на землѣ! Но я слишкомъ заврался; можетъ быть, тебѣ эта нѣмецкая мечтательность не по вкусу.

Недавно отъ меня ушелъ Шубертъ ¹⁾, онъ былъ въ самомъ музыкальномъ расположеніи, и игралъ мнѣ много своего. Ахъ, мой другъ, онъ высокій музыкантъ! Доказательствомъ этому уже и то, что его расположеніе духа слишкомъ неровно. Онъ самъ говоритъ, что ему иногда не хочется приняться за виолончель, иногда же онъ дрожить отъ радости при одной мысли, что сейчасъ сядетъ играть. Такъ было за нѣсколько дней, онъ игралъ съ величайшимъ наслажденіемъ цѣлый вечеръ, и плодомъ его игры были 6 новыхъ этюдовъ. И какіе это этюды! вторая виолончель поетъ, а первая переливается въ трудностяхъ, но какъ это умно и какъ говорить чувству. При такихъ этюдахъ (особенно при одномъ) забудешься, и передъ внутреннимъ твоимъ окомъ раскрывается какой-то новый, фантастическій міръ! Вотъ настоящее дѣйствіе истинной музыки. И при всемъ томъ эта музыка мечтательная. А вы, итальянцы, кажется, таковой не любите ²⁾? При урокъ мнѣ Шубертъ сказалъ, что моимъ пѣньемъ онъ всегда чрезвычайно доволенъ, а пассажи (глупое слово) у меня ковыляють, и это всегда такъ будетъ (отъ недостатка многихъ условій—c'est une longue histoire ³⁾). Впрочемъ, онъ говоритъ, что я избралъ истинную дорогу. Виолончель сотворенъ для пѣнья. Но мнѣ иногда жаль, что я не могу обладать механизмомъ виолончеля. Бываютъ минуты въ музыкальныхъ моихъ думахъ, для выраженія которыхъ надобны пылкость и механизмъ Servais ⁴⁾. И если бы я дошелъ до того, что свободно переливалъ бы ихъ на бумагу, то переливалъ бы не для себя. Это досадно. Мнѣ кажется, что чужое исполненіе для автора всегда покажется неудовлетворительнымъ. Это естественно, потому что самое его произведеніе, когда оно на бумагѣ, уже оматерьялилось (чертъ знаетъ, никогда недостааетъ словъ!), оно только копія съ фантазіи, которая родилась въ его головѣ, а копія всегда ниже оригинала! Я недавно просматривалъ „Oeuvres de Victor Hugo“, и видѣлъ, что въ нихъ дѣйствительно бездна му-

¹⁾ Карлъ Шубертъ, виолончелистъ (въ послѣдствіи капельмейстеръ), у котораго А. Н. Сѣровъ бралъ въ то время уроки на виолончели.

²⁾ Я въ то время почти никакой другой музыки не зналъ, кромѣ итальянской (да и той мало, преимущественно одного Россини, которымъ искренно восхищался), и за это А. Н. Сѣровъ часто величалъ меня тогда «итальянцемъ».

³⁾ Это длинная исторія.

⁴⁾ Знаменитый бельгійскій виолончелистъ того времени.

В. С.

зывальной матеріи ¹⁾. Но мнѣ кажется, что у Walter Scott'a по крайней мѣрѣ столько же матеріи для вдохновенія рисовальнаго. Ты, безъ сомнѣнія, понимаешь, что я желаю сказать. Сколько въ бессмертныхъ его романахъ сценъ, которыя никогда не перестанутъ занимать воображеніе художниковъ, несмотря на то, что многія уже такъ часто дѣлались предметомъ картинъ.

Ты уже, конечно, давно замѣтилъ страсть мою къ символизму.

Ты навѣрно не отгадаешь *quelle est ma lecture pour le moment?* ²⁾ По-французски „Corneille“; по-русски „Мих. Вас. Ломоносовъ“, Ксенофонта Полеваго; по-англійски „Combe: on the constitution of man (преумное фізіологическое сочиненіе, un de mes livres de prédilection ³⁾), по-германски: вѣчно любезный „Фаустъ“. Все собираюсь читать Walter Scott'a по-англійски. Переводовъ терпѣть не могу. Да боюсь одного, что какъ примусь за единственнаго романиста, такъ онъ у меня и будетъ единственнымъ чтеніемъ: *Sa grandeur engloutira tout le reste* ⁴⁾. А этого не должно. *Je dois continuer mes études* ⁵⁾. Если-бъ ты могъ залѣзть теперь въ мою голову, то, можетъ быть, разсердился бы на меня. Въ этой головѣ, *pour le moment*, болѣе фантазій рисовальныхъ, нежели музыкальныхъ. Но вѣдь это все наступаетъ какимъ-то приливомъ, или, лучше сказать, непрерывный приливъ и отливъ.

Вчера я нашелъ у себя твое письмо. Можешь вообразить мою радость этому сюрпризу. Развертываю нетерпѣливо—и нахожу біографію Мейербера ⁶⁾. Это меня изумило до крайности. Я сейчасъ взглянулъ на окончаніе письма, и понялъ загадку. Чрезвычайно благодаренъ тебѣ за сообщенное. Это явленіе, которое возбудило во мнѣ сильнѣйшую практическую дѣятельность; я до сихъ поръ въ волненіи, при одной мысли объ этой подлой статьѣ. *Vous avez touché, vous avez fait vibrer la corde la plus sensible de mon âme (с. à. d. quant à la musique)* ⁷⁾. Эта біографія до такой степени меня заинтересовала, что съ твоего позволенія, я хочу посвятить все слѣдующее письмо критикѣ на эту

¹⁾ Отвѣтъ на мои замѣчанія.

²⁾ Что я теперь читаю.

³⁾ Одна изъ моихъ любимыхъ книгъ.

⁴⁾ Его величіе поглотитъ все остальное.

⁵⁾ Я долженъ продолжать свои занятія.

⁶⁾ Въ маленькой, но очень недурной музыкальной бібліотечкѣ, устроенной стараніями Карелли въ «музыкальной комнатѣ» училища правовѣдѣнія, я нашелъ тогда «Universal-Lexicon des Tonkunst»—Шиллинга, и перевелъ отсюда біографію Мейербера, поразившую меня неожиданными и сильными нападками на Мейербера, нашего тогдашняго бога. В. С.

⁷⁾ Ты затронулъ, ты заставилъ задрожать самую чувствительную струну моей души, т. е. относительно музыки.

несносность, или, лучше сказать, хочу излить тебѣ мои мысли о Мейерберѣ, съ приличными комментаріями. Жаль, что К. М. Веберъ до такой степени былъ ослѣвленъ національностью. Но я на него не могу сердиться, несмотря на всѣ непростительныя его выходки противъ пѣвучей итальянской музыки. Съ другой стороны, не могу я одобрять и твоей исключительной приверженности къ итальянцамъ. Ты давно знаешь, что это пунктъ, на которомъ мы, можетъ быть, никогда не сойдемся¹⁾. Мое мнѣніе, что лучше всего быть во всемъ электикомъ (*vous comprenez le mot*²⁾), тѣмъ болѣе въ музыкѣ, которая менѣе нежели что-либо терпитъ односторонность. Я самъ нетерпѣливо жажду того времени, когда въ будущемъ писемъ буду бесѣдовать съ тобой о миломъ Мейерберѣ и о его „Робертѣ“. Я увѣренъ, что о нихъ ты почти совершенно будешь со мной согласенъ. И какъ глупа эта мерзкая статья Шиллинга! Перечитывая ее вчера, я на каждую фразу находилъ въ своей головѣ цѣлыя страницы опроверженій, самыхъ ясныхъ, самыхъ убѣдительныхъ и самыхъ рѣзкихъ. Какъ жаль, что эту мерзость написалъ Шиллингъ! Какъ онъ не стыдился подписать свое имя подъ этой каррикатурой на безпристрастную музыкальную критику! Я не ожидалъ такой безсовѣстности отъ издателя „*Universal-Lexicon der Tonkunst*“, и отъ сочинителя превосходной „*Lehrbuch der Harmonie*“. Ну, да Богъ съ нимъ, до будущаго раза. Vale. Твой А. С.

28-го сентября 1840³⁾.

Наконецъ принимаюсь писать къ тебѣ о предметѣ, который, я надѣюсь, равно интересуешь обоихъ насъ, т. е. о любезномъ Мейерберѣ, по поводу отвратительной біографіи его, которую ты мнѣ сообщилъ (изъ *Schilling's Convers. Lexicon der Tonkunst*). Доказательствомъ тому, что этотъ предметъ сильно меня интересуешь, служитъ то, что я, за недѣлю назадъ, нарочно сходилъ въ театръ *rouge savouger Robert*

¹⁾ Замѣчу здѣсь, пока, въ кратцѣ, что подъ конецъ жизни своей А. Н. Сѣровъ вдругъ неожиданно сдѣлался въ такой степени приверженцемъ итальянской музыки (которую прежде не выносилъ), что посвятилъ нѣсколько статей, въ *«Journal de St.-Petersbourg»*, восхваленію Россіи, и писалъ музыкальныя сочиненія, которыя посвящалъ пѣвицѣ Патти. В. С.

²⁾ Понимаешь это слово?

³⁾ Это письмо можетъ почитаться первою музыкально-критическою статью А. Н. Сѣрова. Не входя въ разборъ «Біографіи» Шиллинга, замѣчу только, что высказанныя здѣсь мнѣнія о Мейерберѣ содержали много узкихъ взглядовъ педанта-музыканта старой школы, которому вовсе не была понятна значительная роль Мейера вѣ современной музыкѣ, но вмѣстѣ тутъ же было не мало очень справедливыхъ нападокъ на грубую декоративность Мейера и стремленіе къ ложнымъ эффектамъ. В. С.

à travers les horreurs d'une abominable traduction et quelquefois d'une maladroite exécution¹⁾. Да, я такъ еще разъ наслаждался этою оперою. но de hoc postea²⁾, обратимся сперва къ подробному разбору присланной тобою бумажки.

Что ни строчка, то мстительная, изкалѣченная, низкая несправедливость. По всему замѣтно, что автору биографіи, какъ и всѣмъ сухимъ нѣмецкимъ душамъ, колетъ глаза Мейерберово богатство. Ожесточеніе противъ этого богатства дышетъ въ каждой рѣзкой выходкѣ Шиллинга противъ творца „Роберта“ и „Гугенотовъ“. И какъ смѣшно онъ иногда самъ себя противорѣчитъ. Несмотря на все ослѣпленіе зависти или мстительности личной, у Шиллинга вырываются выраженія, въ которыхъ Мейерберъ является съ самой блистательной стороны. (Такъ: „его игра быстро развивалась, такъ что К. М. Веберъ назвалъ его величайшимъ пьянистомъ Германіи, Гуммель долженъ былъ перемѣнить манеру своей игры, услышавъ его въ Вѣнѣ, чтобъ не отстать отъ него“. И этотъ преобразователь-мальчикъ Мейерберъ,— „по таланту своему, по собственному признанію Вебера, Мейерберъ былъ ему опасный соперникъ, когда они вмѣстѣ изучали генераль-басъ, подъ руководствомъ Фоглера“ и проч.). Главная вина Мейербера въ глазахъ германцевъ та, что онъ пристрастился къ итальянской музыкѣ. Но не забудемъ, что и эту сладкую, утѣшительную, умиленную музыку, геній его нашелъ себя неудовлетворительною. Стезя Россіи и Бельгии была недостаточна творцу современной драматической музыки, точно также какъ для духа его казалась недостаточною и сухая, философическая нѣмецкая метода. Не вкусъ публики, не мода (какъ увѣряютъ Веберъ и Шиллингъ), побудили Мейербера открыть драматической музыкѣ новое поприще, а потребность вѣка, которую онъ умѣлъ понять своимъ геніемъ. Выходка Шиллинга, что Мейерберъ черезъ искусство пѣвцовъ достигалъ того, чего не могъ достигнуть собственными силами, не стоить возраженій. Отчего же оперы его даются съ величайшимъ успѣхомъ на всѣхъ лучшихъ театрахъ цѣлаго европейскаго міра,— когда, будто бы, онъ писалъ только для парижскихъ артистовъ? Отчего-жъ онъ подарилъ великолѣпный экземпляръ „Роберта“ en souvenir Брейтингу³⁾ за то, что никто лучше его не выполнялъ роли Роберта? Отчего при всемъ томъ, еще, можетъ быть, нѣтъ пѣвицы, которая бы исполнила большую арію Изабеллы (во 2-мъ актѣ) совершенно удовле-

¹⁾ Чтобы насладиться «Робертомъ», несмотря на всѣ ужасы отвратительной передачи и иногда неловкаго исполненія.

²⁾ Объ этомъ послѣ.

³⁾ Теноръ петербургской нѣмецкой оперы, славившійся въ то время исполненіемъ новой оперной музыки, особенно «Роберта».

творительно, да и при всѣхъ прочихъ партіяхъ всегда замѣтно, что это не то, чего ждалъ авторъ? Значить, опера остается всегда выше ея исполнителей.

Критика „Роберта“ такъ пошла, что я о ней и говорить не хочу. Но не могу не остановиться на возраженіи, которое Шиллингъ помѣстилъ въ заключеніи своей безпристрастной біографіи: „если взять всѣ творенія Мейербера вмѣстѣ, то не найдемъ въ нихъ ни одной вещи, которая могла бы заслужить вниманіе музыканта!!!“ *Quelle époque absurdité!*¹⁾ Изъ этого сужденія, самымъ логическимъ образомъ, безъ всякой натяжки, можно вывести, что Тальбергъ не можетъ удостоиться чести быть названъ музыкантомъ!!! *Vous comment*²⁾. Если кто-нибудь беретъ для своего сочиненія тему изъ другаго автора, я думаю, онъ обращаетъ вниманіе на этотъ мотивъ, если не цѣнить цѣлыхъ произведеній того автора, ты согласенъ?—а вѣдь Тальбергъ посвятилъ цѣлыя фантазіи „Роберту“ и „Гугенотамъ“, и въ этихъ фантазіяхъ не только передалъ мотивы оперъ, но весь внутренний ихъ характеръ, ихъ духъ!! Ну, да что и говорить, нелѣпо и подло, вотъ и все.

Теперь нѣсколько моихъ идей о Мейерберѣ и *principalement* о его „Робертѣ“ (о „Гугенотахъ“—при случаѣ, въ своемъ мѣстѣ).

Мнѣ кажется, что въ музыкѣ вообще можно различить два главныхъ направленія. Она, какъ высшій поэтический языкъ, всегда выражаетъ мысли, — но выражаетъ иногда и то, что зареждается единственно въ душѣ композитора, безъ всякаго отношенія къ внѣшнему, иногда же опредѣлительно высказываетъ нѣкоторые моменты изъ внѣшней матеріальной жизни человѣка, или всего міра. Если ты согласишься допустить ученыхъ нѣмецкія (запятнанныя глупымъ злоупотребленіемъ безмозглыхъ профессоровъ) выраженія, то я бы назвалъ первое направленіе музыки субъективнымъ, второе—объективнымъ. Здѣсь эти термины, по моему мнѣнію, весьма у мѣста. Примѣръ перваго исправленія — симфонія Бетховена; втораго—„Робертъ“ Мейербера (или, можетъ быть, еще лучше его „Гугеноты“). Эти примѣры дѣйствительно типическіе. Припомни впечатлѣніе, которое производить на тебя хорошее исполненіе какой-нибудь величественной симфоніи Бетховена, ты носишься въ какой-то невѣдомой стихіи... Это душа композитора,—передъ тобой являются какіе-то неясные образы, нѣтъ ничего опредѣлительнаго въ этомъ впечатлѣніи, да и быть не можетъ, потому что твоя душа не можетъ сдѣлаться на нѣсколько

¹⁾ Какая громадная нелѣпость!

²⁾ Вотъ видишь-ли, какимъ образомъ.

мгновеній душою Бетховена. (Извини, если тебя разсмѣшитъ моя теорія. Ты мнѣ долженъ простить: *Ich bin ein Phantast*)¹⁾. Иногда покажется тебѣ, что ты угадалъ тайну великаго поэтическаго вымысла,—что ты постигаешь идеи, которыя въ немъ выражены, но кто поручится, что твоя разгадка совпадаетъ съ мыслию Бетховена?²⁾ Конечно, есть нѣкоторыя общія условія, по которымъ, при такомъ разгадываніи, нельзя впасть въ слишкомъ грубыя ошибки. Напримѣръ, при какомъ-нибудь „*Allegro maestoso marziale*“ ты не будешь воображать себѣ (по врожденному всякому чувству) драматической сцены, или похоронной процессіи, а при „*Larghetto cantabile*“, шабаша на Блоксбергѣ,—но сколько тонкихъ, неуповимыхъ оттѣнков!

Напротивъ того, при объективной музыкѣ первое условіе текстъ. Эту музыку можно назвать и драматическою (*dans la plus vaste acception du mot*)³⁾. Сюда подойдутъ и романсы на слова какого-нибудь поэта, и народная пѣсня, и, какъ высшее проявленіе этого рода—опера.

Всякое произведеніе тѣмъ ближе къ совершенству, если оно наиболѣе удовлетворяетъ требованіямъ своего рода,—если въ немъ вполне отражается характеръ его категоріи. По моему мнѣнію, оперы Мейербера *sont des prototypes de la musique dramatique*⁴⁾. Въ нихъ музыкальная поэзія не выступаетъ за предѣлы поэзіи текста, и между тѣмъ придаетъ ему высокую значительность. Поэтому музыка Мейербера съ текстомъ неразлучна, и даже до такой степени, что когда исполняется безъ текста, то для незнакомыхъ съ самою оперою, теряетъ много своей обворожительности, а для знакомыхъ, текстъ и сценическое движеніе невольно приходятъ на память и дополняютъ слышимое. Можетъ быть, самое это направленіе музыки—ниже субъективнаго, но въ этомъ направленіи я не знаю ничего совершеннѣе Мейерберовыхъ оперъ. Припомни „Роберта“ (я предполагаю, что ты хорошо знакомъ съ этимъ *chef-d'œuvre*омъ).

Увертюра,—вступленіе, или „*morceau*“ инструментальной музыки передъ открытіемъ занавѣса имѣетъ какой-то таинственный, мистическій характеръ. Но и здѣсь раздрающій мотивъ тромбонъ встрѣ-

¹⁾ Я фантазёръ.

²⁾ Въ послѣдствіи А. Н. Сѣровъ думалъ совершенно иначе, и въ концѣ 50-хъ годовъ объяснялъ самымъ подробнымъ образомъ большинство симфоній Бетховена. Съ его согласія, г. Ленцъ напечаталъ эти объясненія программъ Бетховена въ своемъ сочиненіи: «*Beethoven, Eine Kunst-Studie*». Cassel und Hamburg, 1855—1860.

³⁾ Въ самомъ обширномъ смыслѣ слова.

⁴⁾ Прототипы драматической музыки.

чается въ послѣдствіи при „l'évocation“, одномъ изъ главныхъ моментовъ пьесы, значить, это не прихоть субъективности автора. Съ открытіемъ сцены, кипучая жизнь переливается въ бѣглыхъ звукахъ веселой интродуцціи. Какъ счастливъ главный мотивъ этого перваго хора! И какая мастерская обработка! Музыка здѣсь отражаетъ всѣ мимолетныя оттѣнки этого громкаго веселья, которое по временамъ прерывается разговорами о таинственномъ рыцарѣ, желающемъ приобрести расположеніе сицилійскихъ витязей. Мрачный другъ его съ первыхъ нотъ своей партіи обнаруживаетъ весь свой характеръ. Сцена съ Рембо полна простодушнаго комизма, который составляетъ характеръ молодого крестьянина (я говорю все о музыкѣ); сцена между Алисой и рыцарями ведена мастерски. Мотивъ сильный, удачный. Романсъ Алисы полонъ милой мечтательности. И какъ превосходно отдѣланы речитативы и вступленія къ аріямъ. Разговоръ Бертрама съ Робертомъ здѣсь весьма важенъ, потому что въ немъ обнаруживается внутренній сюжетъ всей пьесы. Робертъ говоритъ о двухъ противоположныхъ воляхъ, которыя борются въ немъ. Бертрамъ укоряетъ его въ нечувствительности къ его дружбѣ. Какъ мастерски выражено это въ музыкѣ — (надобно замѣтить, что у насъ на сценѣ речитативы вообще не обращаютъ на себя особеннаго вниманія; ихъ считаютъ за необходимый аксессуаръ, но за этотъ—Бертраму всегда аплодируютъ). Что можетъ быть игривѣе знаменитой „Sicilienne!“ Вся сцена игры въ кости, которая составляетъ достойный финалъ перваго акта, есть триумфъ драматической музыки, здѣсь страсть кипитъ въ каждой нотѣ.

Второй актъ, по моему мнѣнію, слабѣе перваго; здѣсь Мейерберъ заплатилъ дань необходимымъ требованіямъ современной оперы; онъ далъ случай пѣвицамъ блеснуть партією Изабеллы, а содержателямъ театровъ обстановкой балета. Но и въ этомъ актѣ есть рѣдкія красоты. Хоръ женщинъ-просительницъ весьма удаченъ; въ аріи Изабеллы есть мѣста, въ которыхъ дышетъ неподдѣльное чувство. А танцы? музыка для нихъ образцовая въ своемъ родѣ (чтобъ убѣдиться въ ея прелести, надобно наслаждаться ею дома, въ театрѣ сценической блескъ не позволяетъ слѣдить за изысканными переливами знаменитаго *pas de cinq*). Хоръ (такъ-называемый *Pauken-Quartett*) прекрасно выражаетъ простой, народный характеръ. Въ немъ особенно замѣчательно раздѣщеніе голосовъ. Тутъ сходятся весьма разнородныя чувства (Бертрамъ, Изабелла, Алиса, Рембо), и всякое говоритъ въ своемъ мѣстѣ. Финальный мотивъ простъ и блестящъ.—Я весьма долго изучалъ эту оперу,—и все болѣе и болѣе люблю Мейербера.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ФЕЛЬДМАРШАЛЬ ПАСКЕВИЧЪ

въ Крымскую войну.

1854—1855.

Съ нѣкотораго времени заграничная военная журналистика слѣдитъ съ особеннымъ вниманіемъ за развитіемъ военнаго дѣла въ Россіи, удостоивая при этомъ также изученія и событія нашей военной исторіи. Однако, несмотря на нѣсколько бѣльшее противъ прежняго знакомство съ Россіею, нельзя сказать, чтобы содержаніе этихъ статей не грѣшило бы противъ истины, распространя нерѣдко, по установившемуся разъ обыкновенію, ложныя свѣдѣнія даже о самыхъ крупныхъ событіяхъ нашей прошлой исторической жизни; что же касается до очерка дѣятельности русскихъ государственныхъ и военныхъ замѣчательныхъ людей, то онъ принимаетъ нерѣдко совершенно фантастическій характеръ.

Изъ появившихся въ послѣднее время на нѣмецкомъ языкѣ историческихъ изслѣдованій, касающихся Россіи, особенное вниманіе заслуживаетъ статья о фельдмаршалѣ Паскевичѣ (*Der Feldmarschal Paskiewitsch im Krimm Kriege*), напечатанная въ одномъ изъ берлинскихъ военныхъ журналовъ: «*Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine*» за 1874 годъ (№№ 35 и 36). При составленіи очерка дѣятельности этого замѣчательнаго полководца прошлаго царствованія, преимущественно за время пребыванія князя Варшавскаго въ дунайской арміи, анонимный авторъ прибавилъ къ нему характеристичку личности генераль-адъютанта Шильдера, павшаго подъ стѣнами Силестрии въ 1854 году; затѣмъ вкратцѣ упоминается о событіяхъ, сопровождавшихъ высадку союзниковъ въ Крымъ, и въ заключеніе приводится письмо фельдмаршала Паскевича къ князю Горчакову, напечатанное въ «Русской Старинѣ» (изд. 1872 г., томъ VI, стр. 427) подъ заглавіемъ: «Мысли фельдмаршала князя Паскевича по поводу обороны и паденія Севастополя».

Сообщая переводъ этой нѣмецкой статьи, на которую въ нашей литературѣ до сихъ поръ не обратили никакого вниманія, мы считаемъ необходимымъ вслѣдъ за статьею указать, вкратцѣ, на нѣкоторыя главнѣйшія ошибки, встрѣчающіяся въ этомъ историческомъ очеркѣ, рядомъ съ самыми мѣткими замѣчаніями о тогдашнемъ положеніи дѣлъ. Желательно, чтобы переводъ этой статьи вызвалъ бы у насъ въ печати появленіе возможно большаго числа новыхъ матеріаловъ и критическій разборъ фактовъ, относящихся къ столь мало раз-

работанной еще жизни и служебной дѣятельности князя Варшавскаго, съ именемъ котораго столь тѣсно евязана исторія послѣдней восточной войны.

Н. Шильдеръ.

I.

Никто не пользовался такимъ почетомъ со стороны императора Николая, какъ фельдмаршалъ Паскевичъ. Даже Суворовъ не удостоился получить въ свое время одинаковыхъ съ нимъ отличій; но тѣмъ не менѣе, Паскевичъ никогда не обладалъ полнымъ довѣріемъ русской арміи. Тѣ же изъ высшихъ русскихъ офицеровъ, которые могли имѣть объ этомъ сужденіе, относились къ нему даже крайне неблагопріятно.

Чѣмъ болѣе императоръ старался возвышать своего полководца дарованными почестями, тѣмъ менѣе армія признавала права его на славу, какъ бы упроченную за нимъ императорскою властію.

Это неблагопріятное для полководца мнѣніе было вызвано стеченіемъ многихъ обстоятельствъ. Паскевичъ, вышедшій на службу изъ императорскихъ пажей, пользовался въ юности своей большой протекціею и былъ произведенъ въ генералы въ весьма молодыхъ лѣтахъ. (См. въ прилож., замѣт. I).

Командуя дивизіею, онъ приобрѣлъ въ кампаніяхъ съ 1812 по 1814 годъ славу весьма энергическаго генерала; затѣмъ онъ одержалъ во главѣ небольшого числа войскъ значительные успѣхи въ войнѣ противъ Персіи и Турціи. Но когда ему поручили, въ 1831 году, армію въ Польшѣ, онъ страннымъ образомъ разочаровалъ всеобщія ожиданія.

Этотъ человѣкъ, отъ котораго ожидали самаго энергическаго образа дѣйствій и веденія войны въ суворовскомъ духѣ, выказалъ, напротивъ того, болѣе чѣмъ осторожность, — боязливую медлительность и нерѣшительность.

Всѣ были удивлены, а между тѣмъ это обстоятельство представляетъ совершенно обычное явленіе. Напротивъ того, нерѣдко случается, что генералъ, который заслужилъ и приобрѣлъ въ подчиненномъ положеніи славу отважнаго предводителя, является въ послѣдствіи слабымъ и нерѣшительнымъ какъ полководецъ во главѣ арміи. Обстоятельство это обусловливается самымъ поприщемъ дѣятельности и всего болѣе нравственною отвѣтственностію, выпадающею на долю полководца; отъ его дѣйствій, отъ принятыхъ имъ рѣшеній зависитъ нерѣдко судьба государства, цѣлаго народа, между тѣмъ какъ генералу приходится рѣшать только отдѣльныя задачи и притомъ исключительно такія, успѣшное или неудачное рѣшеніе которыхъ не сопровождается столь важными послѣдствіями. Эта отвѣтственность, выпа-

дающая на лицо, стоящее во главѣ арміи, стѣсняетъ и отнимаетъ рѣшимость несравненно болѣе чѣмъ при занятіи должностей, имѣющихъ второстепенное значеніе; для того, чтобы нести это бремя, требуется необыкновенный характеръ, а въ подчиненныхъ должностяхъ достаточно обладать твердымъ характеромъ. Затѣмъ необходимо также принять во вниманіе, что въ полководцѣ умъ долженъ обнять несравненно болѣе кругозоръ и господствовать надъ нимъ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто при занятіи всякой другой должности въ арміи.

Не всякій чувствуетъ себя способнымъ совладать съ тою умственною задачею, которая ему при этомъ представляется; никто не можетъ дѣйствовать энергически и рѣшительно на поприщѣ, которое онъ не можетъ обнять умственно, сознавая свое полное надъ нимъ господство.

У Паскевича къ этому присоединялось еще нѣчто другое; онъ, конечно, долженъ былъ сознаться въ томъ, что слава, которая за нимъ упрочена, не была имъ всецѣло заслужена и потому, не питая къ себѣ самому непоколебимаго довѣрія, онъ не чувствовалъ особеннаго влеченія вновь рисковать завоеванными уже разъ лаврами. Онъ не хотѣлъ отважиться ни на что и всего охотнѣе ничего бы не предпринялъ въ своихъ послѣднихъ кампаніяхъ, а потому дѣлалъ по возможности менѣе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не хотѣлъ удалиться и предоставить главное начальство другому, опасаясь, чтобы это лицо не одержало бы успѣховъ, которые могли бы затмить его славу, поколебать занимаемое имъ положеніе. И такъ, онъ остался во главѣ арміи, нисколько не сочувствуя войнѣ, главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы другое лицо не заняло бы этого положенія; императоръ же, признавшій его разъ великимъ полководцемъ, долженъ былъ остаться при этомъ убѣжденіи, даже и не будучи вполне довольнымъ нерѣшительностью своего полководца. Нельзя же было на самомъ дѣлѣ отозвать его изъ арміи, не подтвердивъ этимъ какъ бы ошибку, сдѣланную при выборѣ этого полководца. Поэтому государю пришлось ограничиться только увѣщаніями, облеченными въ самыя мягкія выраженія и въ нихъ, конечно, не заключалась достаточная сила, чтобы побудить Паскевича рисковать болѣе чѣмъ онъ хотѣлъ.

Существовала еще другая причина, по которой фельдмаршалъ осторожно медлил и мало рисковалъ; она заключалась въ его характерѣ, а именно—надъ нимъ господствовало чувство ничѣмъ непобѣдимого недоувѣрія. Съ ранней молодости онъ имѣлъ случай убѣдиться какъ сильна при дворѣ запутанная и часто видоизмѣняющаяся интрига и сколь многого она иной разъ въ состояніи достигнуть. Съ этого времени онъ всюду чуялъ интригу, направленную противъ его особы,

воображалъ себя окруженнымъ врагами и ни къ кому не могъ питать чувства безусловнаго довѣрія. Во всякомъ отличномъ генералѣ онъ видѣлъ не только соперника, но врага, который имѣлъ намѣреніе его затмить и оттѣснить. По той же причинѣ онъ не любилъ, когда подъ его начальствомъ отличались молодые офицеры, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда они при этомъ выказывали самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ, руководствуясь собственными соображеніями и не ограничиваясь однимъ точнымъ выполненіемъ полученныхъ приказаній. Такимъ образомъ онъ отнесся столь нелюбезно ко всѣмъ молодымъ военачальникамъ, имѣвшимъ счастье обнаружить свою дѣятельность и предприимчивость въ войнѣ съ Персіею и въ Азіятской Турціи, что они нашлись вынужденными покинуть его знамена и искать назначенія подъ начальствомъ другихъ русскихъ полководцевъ; между ними находились Остенъ-Сакенъ и Муравьевъ. Изъ числа офицеровъ, которымъ улыбнулось счастье въ азіятскихъ походахъ, только одинъ сумѣлъ поддерживать дружественныя отношенія къ полководцу. Это былъ грузинъ князь Эристовъ, который скрывалъ азіятскую хитрость подъ личиною грубой откровенности. Онъ занялъ Арзерумъ, не имѣя на то положительнаго приказанія. Встрѣтившись съ нимъ, Паскевичъ осыпалъ его упреками по поводу совершенно иныхъ обстоятельствъ, которыя должны были служить для этого поводомъ: Эристовъ выслушалъ все молча, съ величайшимъ спокойствіемъ, а затѣмъ поздравилъ фельдмаршала съ тѣмъ, что онъ, фельдмаршалъ, покорилъ Арзерумъ. Паскевичъ обнялъ его и они остались добрыми друзьями.

Когда Паскевичъ былъ поставленъ во главѣ русскихъ войскъ, находившихся въ Польшѣ, онъ встрѣтилъ здѣсь всѣхъ молодыхъ генераловъ, которыхъ онъ удалилъ изъ своей арміи въ Азію; фельдмаршалъ нисколько не подумалъ воспользоваться ими для дѣла, какъ способными, свѣдущими офицерами, но онъ посмотрѣлъ на ихъ назначеніе исключительно какъ на дѣло враговъ своихъ при дворѣ, какъ на враждебную интригу, направленную противъ него лично. Онъ полагалъ, что его окружили личными врагами, которые воспользуются каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы вредить ему; поэтому онъ не рассчитывалъ на точное и вполнѣ усердное выполненіе своихъ приказаній. Паскевичъ, конечно, долженъ былъ имѣть много враговъ; но онъ, повидимому, никогда не сознавалъ, что болышею частію самъ вызывалъ людей на враждебныя къ себѣ отношенія.

Война съ Венгріею въ 1849 году завязалась для него весьма не кстати; боязливая осторожность его достигла здѣсь высшей степени развитія, хотя численный перевѣсъ, который находился на сторонѣ

соединенныхъ государствъ Австріи и Россіи, въ сравненіи съ Венгріею, почти и не могъ давать простора какимъ-либо заботамъ и опасеніямъ. Уже въ Польшѣ армія желала имѣть вмѣсто Паскевича другаго главнокомандующаго—Ермолова. Съ этого же времени число голосовъ, возвышавшихся въ войскахъ противъ Паскевича, все увеличивалось и дѣлались громче. Императору это было извѣстно; тотъ или другой изъ его генераль-адъютантовъ не оставляли его на этотъ счетъ въ сомнѣніи. Но это обстоятельство имѣло только послѣдствіемъ приказаніе государя, по которому фельдмаршалу должны были быть всюду оказываемы тѣже самыя почести, какъ самому императору. Дарованіе этого высшаго отличія должно было привести къ молчанію охуждавшіе голоса.

Когда четыре года спустя все болѣе приближалась возможность войны съ Турціею, двое изъ числа самыхъ вліятельныхъ русскихъ сановниковъ, ближе всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, относились къ предстоящимъ событіямъ совершенно различнымъ образомъ. Князь Меншиковъ, признававшій себя способнымъ къ совершенію великихъ подвиговъ, желалъ войны, надѣялся играть въ ней не малую роль. Онъ твердо вѣрилъ въ свои дарованія, какъ полководца, и не хотѣлъ стариться, не предводительствовавъ арміею въ полѣ, не прославивъ свое имя побѣдами и не вписавъ его въ исторію Россіи.

Во время продолжительнаго мира онъ неоднократно просилъ ввѣрить ему главное начальство въ Грузіи и на Кавказѣ, гдѣ бы онъ могъ вести войну съ горцами и поворотить независимыя племена. Но императоръ Николай постоянно отклонялъ его просьбу. Теперь Меншиковъ полагалъ, что для него, наконецъ, настало время дѣйствовать; онъ превзошелъ даже въ Константинополѣ, какъ чрезвычайный посланникъ, свои полномочія и инструкціи, вель себя самымъ надменнымъ образомъ и преднамѣренно оскорбилъ турецкихъ сановниковъ, чтобы предупредить всякое мирное рѣшеніе затронутыхъ вопросовъ и довести, во что бы то ни стало, дѣло до войны, которую онъ болѣе желалъ, чѣмъ его государь. Паскевичъ, напротивъ того, предвидѣлъ, что главное начальство надъ арміею выпадетъ на его долю; но, не находя возможнымъ отклонить отъ себя это назначеніе по вышеупомянутымъ причинамъ и не желая притомъ вовсе подвергать свою славу какъ полководца новымъ испытаніямъ, онъ отличался крайне миролюбивымъ настроеніемъ, руководствуясь въ этомъ случаѣ чисто личными соображеніями (См. въ прил., замѣт. II).

Императоръ Николай, ошибавшійся при оцѣнѣ своей политики относительно Англіи, равно какъ и Австріи, слѣдовалъ все далѣе по тому пути, на которомъ желалъ его встрѣтить Наполеонъ III. Осенью

въ Придунайскія княжества вступила русская армія, подъ начальствомъ князя Горчакова¹⁾; она заняла ихъ, согласно выраженію императора, какъ залогъ. Паскевичъ озаботился, чтобы Горчакову были бы вѣрены недостаточныя силы, рассчитывая воспрепятствовать ему совершить какой-либо великій подвигъ. Фельдмаршалъ преслѣдовалъ при этомъ, вѣроятно, двойную цѣль; можетъ быть, онъ этимъ надѣялся отклонить еще вообще войну, содѣйствуя къ тому, чтобы въ первое время нельзя было бы предпринять что-либо важное на Дунаѣ и не было бы одержанъ какой либо успѣхъ. Съ другой стороны, для него было, конечно, весьма важно, чтобы Горчаковъ не приобрѣлъ бы славы полководца достиженіемъ какого-либо рѣшительнаго успѣха, сдѣлавъ его личное содѣйствіе излишнимъ.

Дѣйствительно, Горчаковъ чувствовалъ себя на Дунаѣ безсильнымъ и, не предпринимая ничего рѣшительнаго, ограничился однимъ занятіемъ открытыхъ городовъ и мѣстности не гористой части княжествъ.

Въ Россіи господствовало тогда всеобщее и чрезмѣрное воодушевленіе въ пользу этой войны. О себѣ имѣли весьма высокое мнѣніе и не меньшее относительно того, что Россія была бы въ состояніи предпринять; повсемѣстно охотно вѣрили, что Россія располагаетъ не только первою арміею вселенной, но въ тоже время и арміею, стоящею на уровнѣ всѣхъ прочихъ, могущею выдержать борьбу со всѣми другими государствами; проявлялась даже склонность смотрѣть нѣсколько презрительнымъ окомъ и съ высоты своего величія на весь прочій міръ. Императоръ Николай благопріятно относился къ распространенію подобныхъ понятій; онъ содѣйствовалъ этому лично и самъ раздѣлялъ въ значительной степени этотъ взглядъ. Всеобщія ожиданія, въ особенности со стороны славянофиловъ, вклонились къ тому, что русскія войска быстро, въ нѣсколько недѣль времени, овладѣютъ Константинополемъ и снова водрузятъ греческій крестъ на большой мечети бывшаго храма св. Софіи. Но даже эта побѣда, на которую рассчитывали съ полною увѣренностью, не могла удовлетворять возбужденныхъ умовъ. Ожидаемая побѣды должны были сопровождаться еще послѣдствіями, несравненно болѣе важными. Поджидали нѣчто иное, именно русское всемірное владычество, которое уже ранѣе праздновалось и воспѣвалось. Русскіе пѣвцы и пророки находились въ предвидѣніи странныхъ событій; не говоря уже о сатирическихъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ съ большимъ или меньшимъ

¹⁾ Манифестъ императора о занятіи Придунайскихъ княжествъ состоялся 14-го іюня 1853 года, въ Петергофѣ. Авангардъ князя Горчакова занялъ Букарестъ 3-го іюля.

остроуміемъ преслѣдовались ожидаемые непріатели—англичане и французы—изъ общей среды въ особенности выдѣлялся поэтъ Хомяковъ, признаваемый и чествуемый сторонниками своими, какъ гений. При весьма ограниченныхъ положительныхъ знаніяхъ, молодой писатель этотъ¹⁾ обладалъ необыкновенно пылкой фантазіей, представлявшей также его воображенію въ прошедшемъ совершенно призрачную исторію Россіи; изъ стихотвореній его одно въ особенности, извѣстное подъ названіемъ „Видѣніе“, замѣчательно по странному содержанію своему. Поэтъ видитъ среди утренней зари въ туманѣ гору, увѣнчанную чертогами и церквами; на нее подымается крестный ходъ; шествіе составляетъ духовенство въ облаченіяхъ, установленныхъ греческою церковью, съ бородами, согласно требованіямъ ея закона; за ними слѣдуетъ вѣрующая толпа; повсюду въ этомъ шествіи виднѣется греческій крестъ; духовенство и толпа поютъ псалмы на славянскомъ языкѣ; поэтъ видитъ и чувствуетъ, что онъ въ Россіи, но гору онъ признаетъ за Градчинъ въ Прагѣ; онъ возвышается среди Россіи, и вся прекрасная страна, которую онъ оттуда объемлетъ взоромъ, это Россія, исповѣдующая православную религію и подчиненная православному царю. Подобныя стихотворенія переходили изъ рукъ въ руки и возбуждали повсюду восторгъ²⁾.

Но и западная Европа слѣдила также внимательнымъ окомъ за

¹⁾ Хомяковъ родился въ 1804 году. Онъ началъ писать стихи еще въ самой ранней молодости; первые его произведенія относятся къ 1820—1821 годамъ. Поэтому довольно странно читать наименованіе его: «молодымъ писателемъ» въ 1854 году.

²⁾ Содержаніе стихотворенія «Видѣніе» не вполне вѣрно передано авторомъ: описывая на Градчинѣ храмъ, въ которомъ

«Молитва славянская громко звучала

«Въ напѣвахъ знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ,

Хомяковъ обращается къ славянамъ, убѣждая всѣхъ соединиться въ общій братскій союзъ, какъ «дѣти матери одной», и въ заключеніи говоритъ:

«Возсіяетъ день прекрасный:

«Братья станутъ за одно!

«Всѣ велики, всѣ свободны

«На враговъ побѣдный строй,

«Полны мыслью благородной,

«Крѣпки вѣрою одной.

Хомяковъ ничего не говоритъ о томъ, что Градчинъ возвышается среди Россіи, и что западный край, Моравя и Лаба и дальняя Сава, гремящій и синій Дунай подчинены православному царю. Все дѣло только въ томъ, что воображенію поэта славянскій міръ представляется всецѣло православнымъ, причемъ онъ съ этимъ явленіемъ связываетъ полное освобожденіе его отъ ино-племеннаго ига.

Н. Ш.

ходомъ дѣлъ на нижнемъ Дунаѣ, ожидая со дня на день проявленія тамъ великихъ событій. Высокія понятія о великомъ могуществѣ Россіи, о неподражаемомъ состояніи ея войска, были распространяемы съ такимъ усердіемъ, что свѣтъ, дѣйствительно, во все это вѣрилъ.

Когда же зимою ничего особеннаго не послѣдовало, всѣ были этимъ поражены; сторонники Россіи и поклонники ея императора находились въ недоумѣніи, какимъ образомъ объяснить себѣ и другимъ подобное явленіе. Это непріятное настроеніе усилилось еще, когда, при наступленіи весны 1854 года, произошли въ Валахіи болѣе значительныя столкновенія при Ольтеницѣ и Четати, окончившіяся рѣшительно не въ пользу русскихъ¹⁾. Послѣднимъ нанесено было пораженіе не опытными въ военномъ дѣлѣ французами, но турками, о которыхъ вовсе не имѣли высокаго мнѣнія! Этого не могли себѣ объяснить. Порою было даже смѣшно слышать толкованія тогдашнихъ донесеній, клонившіяся къ пріисканію въ нихъ смысла, который соотвѣтствовалъ бы болѣе всеобщимъ ожиданіямъ. Но событія эти нисколько не могли удивить человѣка, знакомаго съ русскою арміею и истиннымъ положеніемъ ея: можно было все это предвидѣть.

Извѣстно, что императоръ Николай былъ страстно преданъ военному ремеслу; онъ проводилъ болѣшую часть своего времени въ обученіи войскъ; но истинное пониманіе военнаго дѣла не было ему доступно²⁾, и такъ какъ никто не дерзалъ противорѣчить его взглядамъ, то въ продолженіе многолѣтняго мира въ русской арміи выработалась и господствовала такого рода тактика, которая постепенно дѣлалась все менѣе пригодною для военнаго времени. Исходною точкою ея служила мечта, что геройскій русскій солдатъ не вдается въ битвѣ въ стрѣльбу, но устремляется всегда на своего противника, вынуждая его на борьбу холоднымъ оружіемъ, въ которой непремѣнно одерживаетъ верхъ. Вслѣдствіе подобнаго убѣжденія, обращали весьма мало вниманія на хорошую стрѣльбу и на дѣйствіе огня вообще. Всѣ заботы клонились къ тому, чтобы вести противъ непріятеля пѣхоту въ сближенныхъ густыхъ колоннахъ для удара въ штыки³⁾. Все это ока-

¹⁾ Это снова ошибка въ родѣ вышеупомянутой, что русскія войска вступили въ Придунайскія княжества якобы осенью. Оба названныя здѣсь сраженія имѣли мѣсто въ 1853 году: ольтеницкое дѣло—осенью, 23-го октября, а сраженіе при Четати—зимою 25-го декабря, въ день праздника Рождества Христова.

²⁾ Этотъ отзывъ вполнѣ несправедливъ и можетъ быть только объясненъ совершеннымъ незнакомствомъ нѣмецкаго автора съ характеромъ и всеобъемлющею дѣятельностью императора Николая Павловича. Въ замѣткахъ къ нашему переводу этой статьи мы подробнѣе остановились на этомъ вопросѣ (см. замѣт. въ прилож., III).

Н. III.

³⁾ Ко времени открытія восточной войны мы, дѣйствительно, отстали въ

зывалось вполне удобоисполнимымъ во время мирныхъ маневровъ, когда стрѣляютъ холостыми зарядами, при чемъ даже артиллерія не производитъ опустошеній въ противостоящихъ ей глубокимъ колоннахъ, а потому побѣду можно было признать, по усмотрѣнiю, на любой сторонѣ. Но никто не докладывалъ государю, что условія боя совершенно иныя въ дѣйствительномъ сраженiи. Такимъ образомъ свыклись придерживаться тактики, несчастныя послѣдствiя которой могли быть предусмотрѣны всякимъ безпристрастнымъ судьей. Было очевидно, что если русскiя войска будутъ ведены въ бой въ подобномъ строѣ, то даже численное превосходство ихъ не принесетъ имъ никакой пользы, и будетъ сопровождаться развѣ только чрезмѣрными потерями. Затѣмъ, не меньшiя опасенiя должна была возбуждать недостаточная степень военной интеллигенци, на которую можно было рассчитывать въ корпусѣ русскихъ офицеровъ¹⁾. Въ то время мыслители не были вообще терпимы въ Россiи, а въ кадетскихъ корпусахъ были употреблены всѣ мѣры, чтобы не обратить въ мыслителей будущихъ офицеровъ. Они были заняты до четырехъ часовъ въ день выдѣлыванiемъ ружейныхъ приѣмовъ и маршировкой учебнымъ шагомъ. Все прочее, всѣ истинныя занятiя признавались дѣломъ второстепенной важности и въ сущности выполнялись только для вида. Большая часть бригадныхъ и дивизионныхъ генераловъ состояла изъ лицъ, которыя безсознательно выслужились до высшихъ должностей при подобной обстановкѣ. Между тѣмъ при дѣйствiяхъ на полѣ сраженiя

тактическомъ отношенiи отъ прочихъ западно-европейскихъ армiй, опередившихъ насъ въ дѣлѣ вооруженiя. Войска наши обучались преимущественно дѣйствiю въ массахъ, въ то время какъ на западѣ заботились о цѣльной стрѣльбѣ и одиночномъ развитiи солдата. Причиною тому было неудовлетворительное вооруженiе нашей армiи, состоявшее все еще изъ гладкостѣнныхъ ружей, не стрѣлявшихъ далѣе 300 шаговъ. Поэтому по необходимости предпочитали ударъ въ штыки мѣткой пальбѣ на дальнiя разстоянiя.

Но перевооруженiе армiи не такъ легко осуществимо на дѣлѣ сопряжено съ многими затрудненiями. Стоитъ припомнить, сколько лѣтъ потребовалось на то, чтобы, въ болѣе близкое къ намъ время, ружье, заряжающееся съ казенной части, приобрѣло бы право гражданства во всѣхъ армiяхъ.

¹⁾ Смѣшно было бы отрицать пользу возможно большаго распространенiя знанiй въ средѣ корпуса офицеровъ; но здѣсь все-таки должно замѣтить, что въ неудачахъ нашихъ на Дунаѣ совершенно неповинна недостаточная степень интеллигенци въ корпусѣ русскихъ офицеровъ. Мы были армiю Фридриха Великаго въ Семилѣтнюю войну, были французовъ подъ предводительствомъ Наполеона, когда уровень знанiй въ корпусѣ нашихъ офицеровъ стоялъ, конечно, на болѣе низкой степени, чѣмъ у ихъ противниковъ. Для этого требуется только даровитый полководецъ, котораго у насъ не оказалось ни на Дунаѣ, ни въ Крыму въ 1853—1855 гг.

Н. III.

руководствуются вообще болѣе рутиной, чѣмъ самостоятельнымъ мышленіемъ; со стороны же русской арміи слѣдовало ожидать, болѣе чѣмъ отъ всякой другой, что ихъ предводители стануть придержи-ваться установившейся рутинѣ. Среди этой арміи находилось немного лицъ, которыя, будучи предоставлены собственнымъ соображеніямъ, не повторили бы безсознательнымъ образомъ то, чему они учились на плацу. Поэтому приходилось въ особенности сожалѣть о томъ, что введенная рутина совершенно не соотвѣтствуетъ дѣли, причемъ даже полевые маневры существовали какъ бы для того только, чтобы вселить въ генералахъ и офицерахъ совершенно ложное понятіе о войнѣ.

Къ этимъ невыгоднымъ обстоятельствамъ нужно еще присоединить состояніе здоровья арміи. Люди были мало способны перенести трудности походной жизни¹⁾, будучи недостаточно продовольствуемы и страдая также отъ упущеній въ другихъ отношеніяхъ. Смертность въ арміи даже въ мирное время достигла ужасающихъ размѣровъ; можно было съ увѣренностью заранѣе предвидѣть скорое наполненіе лазаретовъ больными и быстрое уменьшеніе числа рядовыхъ въ строю²⁾.

II.

Съ приближеніемъ весны 1854 года, воодушевленіе въ Россіи и напряженное состояніе въ Европѣ достигли высшей степени развитія. Теперь настала рѣшительный моментъ. Болѣе чѣмъ когда-либо всѣ ожидали проявленія великихъ дѣлъ и событій.

Дѣйствительно, на нижнемъ Дунаѣ было сосредоточено многочисленное русское войско, и Паскевичъ долженъ былъ принять надъ нимъ главное начальство.

Но этотъ полководецъ имѣлъ совершенно иной взглядъ на положеніе дѣлъ, чѣмъ общественное мнѣніе, и даже его императоръ. Неприязненное положеніе Англіи и Франціи уже выяснилось и вмѣсто

¹⁾ Мнѣніе это ни на чемъ не основано; странно утверждать, что русскій солдатъ не былъ въ то время способенъ перенести трудности похода! На Дунаѣ была собрана превосходная во всѣхъ отношеніяхъ армія и весьма многіе очевидцы могутъ подтвердить своимъ свидѣтельствомъ блистательное состояніе этихъ войскъ, которыми, къ сожалѣнію, не сумѣли только воспользоваться.

²⁾ Авторъ совершенно умалчиваетъ объ одномъ обстоятельстве, повліявшемъ дѣйствительно весьма много на ходъ военныхъ дѣйствій — это необходимость защищать территорію имперіи отъ устьевъ Дуная до Торнео, включая сюда и дальнія окраины восточной Сибіри. Легко одерживать побѣды, когда политическія соображенія позволяютъ вывести въ поле до послѣдняго солдата и все направить на рѣшительный пунктъ, какъ это случилось, напримѣръ, съ Пруссіею въ 1866 и 1870 годахъ. Существованіе подобной возможности уже равносильно выигранному сраженію.

того, чтобы имѣть Австрію союзникомъ, Россія не могла быть даже увѣрена въ нейтралитетѣ этой державы. Вслѣдствіе этого Паскевичу было извѣстно, что при подобныхъ условіяхъ, безъ подвоза продовольствія со стороны моря, имѣя базой узкую полосу на нижнемъ Дунаѣ, невозможно выполнить быстро завоевательнаго движенія на Константинополь, по пустынному, бѣдному дорогами краю, согласно съ желаніемъ императора Николая. Онъ все это основательно изложилъ государю въ пространной запискѣ, прибавивъ, что если императору все-таки желательно предпринять войну, которая должна вызвать великій переворотъ, то успѣхъ возможенъ только при одномъ условіи. А именно, при данныхъ обстоятельствахъ существуетъ только одинъ путь въ Константинополь — черезъ Вѣну. Необходимо побѣдить сперва Австрію, и если не пріобрѣсти въ ней союзника, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ сдѣлать ее безвредною; тогда возможно предпринять движеніе къ Константинополю со стороны Бѣлграда, при содѣйствіи сербовъ, наступая вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ нижняго Дуная. Фельдмаршалъ входилъ при этомъ даже въ частности, разясняя, какимъ образомъ слѣдуетъ открыть дѣйствія противъ Вѣны, и признавалъ себя готовымъ принять главное начальство надъ арміею, которая будетъ двинута противъ Австріи¹⁾.

Императору эти предположенія показались слишкомъ обширными и смѣлцами. Они были отклонены. Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Паскевича, не оставалось ничего другаго дѣлать, какъ обречь себя на оборонительныя дѣйствія и выжидать нападенія непріятеля на лѣвомъ берегу Дуная, между Серетомъ и моремъ, ибо въ такомъ случаѣ нельзя удержать за собою даже Валахія безъ добровольнаго или вынужденнаго согласія Австріи.

Казалось повидимому, что императоръ одобрялъ подобное предположеніе, но въ дѣйствительности онъ не могъ помириться съ мыслию, что его армія обречена играть столь скромную роль. Паскевичъ былъ того мнѣнія, что при этихъ обстоятельствахъ не слѣдуетъ склоняться къ возстанію славянскихъ племенъ праваго берега Дуная, такъ какъ имъ, вслѣдствіе общаго положенія дѣлъ, нельзя было бы оказать поддержку и въ особенности потому, что вооруженное возстаніе ихъ вызоветъ неизбѣжно враждебныя дѣйствія со стороны Австріи. Но

¹⁾ Князь Варшавскій вовсе не представилъ государю записки съ подобнымъ планомъ кампаніи, но главнымъ образомъ предлагалъ только въ войнѣ съ Турціею воспользоваться христіанскими подданными ея, стараясь побудить ихъ къ возстанію.

См. о всеподданнѣйшихъ запискахъ фельдмаршала въ прилож., замѣтк. IV.

императоръ, желавшій выйти изъ тѣсныхъ предѣловъ подобной системы войны, не хотѣлъ отказаться отъ содѣйствія этихъ естественныхъ союзниковъ. Еще зимою прибылъ въ княжества генераль-лейтенантъ Салосъ, родомъ грекъ, съ высочайшимъ порученіемъ сформировать въ Галацѣ, Браиловѣ и въ Сүлинѣ волонтеровъ изъ сербовъ, болгаръ, грековъ. однимъ словомъ, изъ христіанскихъ подданныхъ Порты. Наконецъ, онъ, какъ бы помимо фельдмаршала-главнокомандующаго, приказалъ своей арміи, расположенной въ Придунайскихъ княжествахъ, перейти Дунай, не спросивъ его мнѣнія и не увѣдомивъ его о принятомъ рѣшеніи.

11-го (23) марта 1854 г. главныя силы, подъ личнымъ начальствомъ князя Горчакова, перешли Дунай у Браилова, между тѣмъ какъ боковыя колонны совершали переправу въ Измаилѣ и Галацѣ.

Тогда всѣ приближенные фельдмаршала Паскевича совѣтовали ему отклонить отъ себя командованіе арміею и отказаться отъ выполненія плана дѣйствій, который онъ рѣшительно не одобрялъ. Но на это онъ не согласился по причинамъ, разъясненнымъ нами выше; онъ остался во главѣ арміи и черезъ это явилъ міру оригинальное зрѣлище главнокомандующаго, опасася обречь себя и армію на гибель, и занятаго главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы задерживать и окончательно разстроить выполненіе императорскаго операціоннаго плана, подробности котораго ему никогда не сдѣлались вполнѣ извѣстными ¹⁾.

Для русскихъ генераловъ, командовавшихъ на мѣстѣ, различіе взглядовъ, господствовавшее при дворѣ и среди лицъ, окружавшихъ фельдмаршала, имѣло прежде всего то неудобство, что приказанія, получаемыя ими изъ Петербурга и Варшавы, противорѣчили другъ другу какъ нельзя болѣе. Это обнаружилось уже съ того момента, когда армія готовилась перейти Дунай.

А именно 10-го (22) марта, въ десятомъ часу вечера, прибылъ курьеръ изъ Варшавы (См. въ прилож., замѣт. V) съ письмами, въ которыхъ фельдмаршалъ извѣщалъ князя Горчакова, что онъ, Паскевичъ, назначенъ главнокомандующимъ на Дунаѣ; обстоятельство это предвидѣли уже въ арміи, но оно не было еще извѣстно. Въмѣстѣ съ тѣмъ Паскевичъ на-

¹⁾ Здѣсь авторъ впалъ въ совершенное заблужденіе. Планъ кампаніи и вообще всѣ предположенія по военнымъ дѣйствіямъ и передвиженію войскъ были постоянно вполнѣ извѣстны князю Варшавскому. Передъ отъѣздомъ же фельдмаршала на Дунай, государь призвалъ его, въ февралѣ мѣсяцѣ, въ Петербургъ, гдѣ условились относительно всѣхъ предстоявшихъ въ близкомъ времени дѣйствій въ княжествахъ. Утверждать противное можетъ только человекъ, совершенно незнакомый съ тѣмъ неограниченнымъ довѣріемъ, которымъ отличались отношенія императора Николая къ его «отцу командуру». Н. III.

стоятельно совѣтовалъ не переправляться за Дунай, если это предпріятіе не было еще исполнено.

Фельдмаршалъ узналъ окольными путями о подготовленіяхъ къ переправѣ черезъ Дунай и, полагая, вѣроятно, что выполнение сего предпріятія можетъ быть предписано безъ его вѣдома, онъ пожелалъ этому воспрепятствовать (см. въ прилож., замѣт. VI).

Встревоженный князь Горчаковъ призвалъ къ себѣ довѣренныхъ лицъ главной квартиры, начальника штаба генерала Коцебу, генералъ-квартирмейстера Бутурлина и дежурнаго генерала Ушакова и сообщилъ имъ полученныя письма. Всѣ были единогласно того мнѣнія, что нельзя принять во вниманіе прекрасный совѣтъ фельдмаршала, но слѣдуетъ повиноваться противоположнымъ указаніямъ императора и смѣло перейти рѣку съ имѣющимся на лицо 40,000 войскомъ.

Такъ и было сдѣлано. Въ отрядѣ, перешедшемъ Дунай въ Браиловъ, въ глазахъ Горчакова, произошли только незначительныя дѣла съ турецкими наблюдательными постами: турки очистили свои укрѣпленія. Генералъ Лидерсъ не встрѣтилъ въ Галацѣ никакого сопротивленія и только лѣвому крылу, переправившемуся у Измаила, пришлось выдержать болѣе значительное побѣдоносное столкновение. На другой день, 12-го (24) марта, эти колонны могли занять небольшія крѣпости Исакча и Тульчу: турки ихъ покинули.

Хотя эта переправа сопровождалась совершенно незначительнымъ сраженіемъ, такъ что, строго говоря, и не могло быть рѣчи о торжественномъ празднованіи ¹⁾, но тѣмъ не менѣе всѣ находились въ возбужденномъ настроеніи духа, столь легко вызываемомъ всякими успѣхами на войнѣ. Всѣ предавались радостнымъ надеждамъ быстрого и блистательнаго продолженія военныхъ дѣйствій. Но среди этого восторга прибылъ второй курьеръ изъ Варшавы и привезъ положительное приказаніе не переходить за Дунай, а если переправа исполнена, то не двигаться далѣе Мачина. Въ то же время предписывалось вывести за Алуту войска, находившіяся на лѣвомъ берегу Дуная, въ такъ называемой Малой-Валахія. Затѣмъ должны были приступить къ перевозкѣ всѣхъ больныхъ и раненныхъ, равно какъ всѣхъ излишнихъ тяжестей изъ Придунайскихъ княжествъ въ Подолію и Новороссію—обстоятельство это указывало, конечно, на предстоящее окончательное отступленіе. Подобныя приказанія возбудили въ главной квартирѣ

¹⁾ Если при разборѣ подвигъ, совершенныхъ русскими войсками, не имѣть особенныхъ масштабовъ, непригодныхъ для оцѣнокъ дѣяній западно-европейскихъ армій, то нельзя не признать переправу черезъ Дунай, въ мартѣ 1854 г., одновременно въ трехъ пунктахъ, блистательнымъ дѣломъ, которымъ выполнившая его армія пикетъ полное право гордиться.

величайшее и самое прискорбное изумленіе, тѣмъ болѣе, что фельдмаршалъ не указывалъ въ своихъ повелѣніяхъ на вызвавшіе ихъ побудительные доводы. Старались отгадать эти причины и склонялись преимущественно къ мнѣнію, что вѣроятно Австрія близка къ рѣшенію объявить Россіи войну. 13-го (25) марта Горчаковъ двинулся до Мачина, такъ какъ это не противорѣчило предписаніямъ фельдмаршала. Русскіе нашли и эту крѣпость покинутую турками и были встрѣчены съ торжествомъ христіанскими жителями. Горчаковъ возвратился затѣмъ обратно въ Браиловъ, чтобы отправить оттуда свои донесенія государю.

Къ немалому удивленію всѣхъ онъ занялся, между прочимъ, въ этотъ день сочиненіемъ солдатской пѣсни, которую должны были пѣть во всей арміи подъ любую мелодію. Онъ пожелалъ узнать на этотъ счетъ мнѣніе своего не очень поэтическаго генераль-квартирмейстера Бутурлина, и вмѣстѣ съ подробнымъ донесеніемъ о событіяхъ послѣднихъ дней, и эта пѣсня была препровождена къ императору въ надеждѣ, что она удостоится высочайшаго одобренія.

Среди этихъ великихъ событій поэтической восторгъ князя Горчакова побудилъ его поручить также судьбу этой пѣсни военному министру, прося его исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе пѣть ее во всей арміи (см. въ прилож., замѣт. VII).

Въ то же время обнаружилось на сколько приказанія фельдмаршала успѣли поколебать его собственный взглядъ на предстоящія военныя дѣйствія. Полковникъ Зуровъ, высланный впередъ съ отрядомъ легкихъ войскъ, донесъ, что турки покинули также небольшую крѣпость Гирсовъ, на Дунай, и просилъ дозволенія занять ее своими казаками; Горчаковъ колебался: требуемое разрѣшеніе противорѣчило послѣднему весьма строгому приказанію фельдмаршала не двигаться далѣе Мачина. Но офицеры главной квартиры представили ему, что турки могли возвратиться въ Гирсовъ, если ихъ не предупредить въ этомъ, и что съ занятіемъ этого пункта выигрывалась переправа черезъ Дунай, находящаяся несравненно ближе къ центральному пункту — Букаресту, чѣмъ та, которою приходилось пользоваться послѣ занятія праваго берега. Имъ не только удалось убѣдить Горчакова одобрить занятіе Гирсова, но и предписать генералу Лидерсу двинуться своими войсками до этого пункта, между тѣмъ какъ лѣвому крылу велѣно занять Бабадагъ.

Вслѣдствіе предстоящаго пріѣзда главнокомандующаго, непосредственныхъ приказаній изъ Петербурга не посылалось болѣе въ эту второстепенную главную квартиру; но изъ разныхъ побочныхъ обстоятельствъ можно было усмотрѣть, что императоръ продолжаетъ расчи-

тивать на дальнѣйшія рѣшительныя дѣйствія на турецкой территоріи. Прибывшій флигель-адъютантъ передалъ князю Горчакову портретъ императора, украшенный алмазами, при весьма милостивомъ рескриптѣ, въ которомъ государь, между прочимъ, говорилъ, что онъ видитъ въ удачной переправѣ черезъ Дунай залогъ будущихъ успѣховъ.

Въ главной квартирѣ рассчитывали даже на успѣхъ, въ случаѣ рѣшительнаго предпріятія противъ Силистріи. Лазутчики доносили, что едва начаты работы по приведенію Силистріи въ оборонительное положеніе. Укрѣпленіе Арабъ-Табии, осада котораго причинила въ послѣдствіи столько затрудненій, только начато, а гарнизонъ былъ малочисленъ. Сангвиники главной квартиры ожидали, что турки покинутъ также Силистрію безъ боя.

Горчаковъ находился къ тому же въ отличномъ расположеніи духа, такъ какъ императоръ принялъ весьма благосклонно его поэтическое произведеніе. Дѣйствительно, государь передалъ эту, по правдѣ ничѣмъ не замѣчательную, пѣсенку генералу Львову, директору пѣвческой капеллы и знаменитому сочинителю русскаго народнаго гимна, поручивъ ему положить ее на ноты. Нѣсколько позже текстъ и мелодія были посланы въ большомъ количествѣ экземпляровъ въ армію, но къ этому времени она уже утратила нѣсколько охоту распѣвать пѣсни (см. въ прилож., замѣт. VIII).

Но прежде чѣмъ эта пѣсня могла возвратиться изъ Петербурга, пріѣздъ фельдмаршала сильно повліялъ на волновавшія всѣхъ надежды и ожиданія, замѣтно понизивъ ихъ уровень. Паскевичъ не прибылъ прямо къ арміи и даже не слѣдовалъ безостановочно въ Букарестъ. Онъ остановился сначала въ Фокшанахъ, куда онъ пріѣхалъ 3-го (15) апрѣля, вызвавъ къ себѣ туда князя Горчакова. Всѣ прежнія приказанія были подтверждены тогда, при чемъ Паскевичъ вошелъ въ большія подробности и придалъ имъ еще большую опредѣленность. Фокшаны и берегъ Серета должны были быть тотчасъ тщательнымъ образомъ укрѣплены; фельдмаршалъ желалъ даже немедленнаго приведенія въ оборонительное положеніе крѣпости Измаила на Дунаѣ и, согласно прежнему предписанію, всѣ госпитали въ Валахіи приказано очистить, а больныхъ и раненныхъ перевезти въ русскія пограничныя губерніи, всѣ же русскія войска изъ Малой-Валахіи отодвинуть за Алуту. Такимъ образомъ приняли всѣ мѣры для веденія оборонительной войны. О ходѣ кампаніи, задуманной фельдмаршаломъ, можно было судить и потому, что онъ озаботился учредить магазины не только въ Бессарабіи, но и въ окрестностяхъ Одессы.

Между тѣмъ вскорѣ обнаружилось, что дѣла не могли слѣдовать по направленію, указанному для нихъ Паскевичемъ. Прежде всего онъ отправился на пароходѣ въ Измаилъ и распорядился тамъ относительно нѣкоторыхъ работъ по усиленію этой крѣпости: когда же онъ оттуда прибылъ въ Букарестъ, гдѣ его торжественно встрѣтилъ валахскій греческій патриархъ ¹⁾ и нѣкоторые почетнѣйшіе бояре, то онъ также не высказалъ ничего рѣшительнаго или смѣлаго этимъ туземнымъ представителямъ. Вышніе же офицеры его штаба, пріѣхавшіе за нимъ изъ Варшавы, твердили все только объ опасеніяхъ на счетъ Австріи и о необходимости очистить княжества. Но императоръ настаивалъ на томъ, чтобы осадить и покорить Силистрію, и послѣ продолжительной переписки фельдмаршалъ долженъ былъ рѣшиться принять мѣры для выполнения этого предпріятія.

Въ средствахъ не было недостатка; на правомъ берегу Дуная были уже сосредоточены подъ начальствомъ генерала Лидерса 67 баталіоновъ пѣхоты, 36 эскадроновъ, 30 сотенъ казаковъ, всего въ составѣ болѣе 40,000 человекъ, при 112-ти полевыхъ орудіяхъ, съ достаточнымъ осаднымъ паркомъ; на Дунаѣ находились два парохода и нѣсколько канонерскихъ лодокъ; а на противоположномъ Силистріи лѣвомъ берегу рѣки, были уже ранѣе построены противъ крѣпости нѣсколько укрѣпленій и батарей (см. въ прилож., замѣт. IX).

Но генералу Лидерсу предписано подходить къ крѣпости только весьма медленно; всѣ же распоряженія фельдмаршала относительно предстоящей осады влонились къ тому, чтобы въ главной квартирѣ каждый могъ бы съ легкостію убѣдиться, какъ мало надежды питаетъ онъ на успѣхъ этого предпріятія. Окружавшія лица не могли даже руководствоваться въ этомъ отношеніи какими-либо догадками; напротивъ того, фельдмаршалъ высказывалъ теперь свои мнѣнія и опасенія самымъ опредѣленнымъ образомъ, пользуясь даже для этой цѣли всякимъ удобнымъ случаемъ; повидимому, онъ хотѣлъ заранѣе обезпечить за собою свой авторитетъ на случай неудачи. Паскевичъ желалъ сдѣлать извѣстнымъ, что онъ не одобрялъ какое бы то ни было предпріятіе по той сторонѣ Дуная и потому непричастенъ въ бѣдѣ, которая могла бы отъ этого произойти.

Горчаковъ, находившійся подъ нравственнымъ гнетомъ фельдмаршала, не могъ держаться собственнаго мнѣнія наперекоръ Паскевичу, будучи притомъ для этого слишкомъ придворнымъ человекомъ; генералы же Бутурлинъ и Ушаковъ старались, напротивъ того, склонить

¹⁾ Слѣдуетъ читать валахскій митрополитъ; подобнаго рода ошибки встрѣчаются не разъ у автора.

полководца къ болѣе смѣлымъ взглядамъ на военныя дѣла. Они воспользовались съ этою цѣлью представившимся однажды случаемъ: въ концѣ апрѣля, когда, послѣ обѣда, всѣ гости удалились въ садъ дворца князя Стирбея, занимаемаго фельдмаршаломъ. Паскевичъ курилъ сигару, сидя на балконѣ, погруженный въ тяжелыя размышленія и смотря на дальнія горы Трансильваніи.

Они приблизились къ нему и рѣчь скоро перешла къ возможнымъ случайностямъ войны. Фельдмаршалъ указалъ на возвышавшіяся вдаль горы и сказалъ, что позади ихъ австрійцы сосредоточили 200,000 человекъ, которые только выжидаютъ начатія русской арміею осады Силистріи, чтобы напасть на ея тылъ. Бутурлинъ и Ушаковъ старались возражать, доказывая, что Австрія не могла собрать въ такой короткій срокъ времени такую громадную армію на самой крайней окраинѣ; что въ Австріи, какъ и всюду, не содержится полного комплекта людей въ полкахъ, что только незначительное число артиллеристовъ снабжено лошадьми; что призывъ людей, покупка нѣсколькихъ тысячъ лошадей и сосредоточеніе арміи на границѣ требуетъ много времени; что слухамъ нельзя вѣрить, такъ какъ Австріи по многимъ причинамъ выгодно распространять преувеличенныя свѣдѣнія о своихъ вооруженіяхъ, чтобы удовлетворить Францію и Англію или же чтобы возбудить опасенія въ русской главной квартирѣ и замедлить успѣхи арміи. Но фельдмаршалъ ограничился отвѣтить на всѣ эти доводы, что они еще неопытные молодые люди, которые не имѣютъ понятія о случайностяхъ и отвѣтственности, которая лежитъ на главнокомандующемъ.

Въ такомъ же смыслѣ фельдмаршалъ неоднократно высказывалъ свое мнѣніе и въ разговорахъ съ чужими людьми, не принадлежащими къ его главной квартирѣ и не имѣвшими никакого права рассчитывать съ его стороны на довѣріе. Тоже самое онъ говорилъ между прочими и брату Стирбея, преданному Россіи князю Бибеско, который принималъ его у себя какъ гостя. Когда онъ принимался мечтать о блистательныхъ успѣхахъ русскаго оружія, фельдмаршалъ всегда особенно старался его разочаровывать и разъяснить, что валахскіе бояре не могутъ даже рассчитывать на безусловную защиту своей родины русскимъ оружіемъ. Если Австрія откроетъ враждебныя дѣйствія, то онъ вынужденъ будетъ очистить княжества ¹⁾.

Воодушевленная, воинственная партія въ Москвѣ и Петербургѣ,

¹⁾ Весь разговоръ генераловъ Бутурлина и Ушакова съ княземъ Варшавскимъ заимствованъ изъ записокъ генерала Ушакова; онъ только дополнилъ нѣсколько эту характеристику воззрѣній фельдмаршала описаніемъ разговора его съ княземъ Бибеско.

ожидавшая блестящихъ чудесъ, конечно, не была нисколько удовлетворена дѣянiями фельдмаршала. Въ этихъ кружкахъ, въ особенности въ Петербургѣ, проявились весьма странныя явленiя, которыя доказывали только какъ мало посѣтители гостиныхъ и кабинетовъ ревностныхъ патріотическихъ дамъ понимали обстоятельства, обусловливающiя въ дѣйствительности всѣ военныя дѣйствiя; они не имѣли притомъ никакого понятiя о масштабѣ для вѣрной оцѣнки значенiя людей и самыхъ дѣлъ. Главнымъ центромъ собранiя воинственныхъ патріотовъ въ Петербургѣ служила гостиная уже болѣе не молодой дочери недавно умершаго министра. Здѣсь всѣ были глубоко убѣждены, что только нерѣшительность стараго фельдмаршала причиною малыхъ успѣховъ и не находили достойныхъ словъ для выраженiя своего негодованiя. Наконецъ, одинъ изъ тѣхъ господъ, которые здѣсь мечтали и ратовали, напалъ на мысль, что нельзя помочь дѣлу одними словами; необходимо, чтобы такое шумное патріотическое собранiе ознаменовало бы себя какимъ-нибудь подвигомъ, если не желаетъ служить посмѣшищемъ; онъ же съ своей стороны чувствуетъ призванiе совершить этотъ подвигъ. Слова эти были сказаны Карамзинимъ, сыномъ исторiографа, служившимъ прежде въ гвардейской артиллерiи, но находившимся уже давно въ отставкѣ въ чинѣ полковника. Онъ снова вступилъ на службу, и дамы патріотическаго кружка ожидали отъ него чудесъ. „Ah voilà!“ говорили онѣ: „Karamsin part pour l'armée; il donnera un peu de vigueur au vieux maréchal!“ Должно казаться страннымъ, что присутствiе этого человѣка въ армii могло вызвать въ обществѣ столь великiя ожиданiя. Карамзинъ былъ въ своей юности незначущимъ бѣлокурнымъ щеголемъ и, женившись затѣмъ на богатой вдовѣ, онъ не пошелъ далѣе прежняго. Въ полѣ онъ никогда не служилъ и ему совершенно недоставало опыта, который даже посредственностямъ открываетъ возможность быть полезными въ извѣстныхъ предѣлахъ. Къ несчастiю, онъ принялся серьезно разыгрывать героя. По болѣзни полковаго командира, ему было ввѣрено начальство надъ Александринскимъ гусарскимъ полкомъ. Онъ воспользовался первымъ представившимся случаемъ во время реконспировки, назначенной генераломъ Липранди въ Малой-Валахи, чтобы вовлечь своихъ гусаръ въ безсмысленную схватку съ турками, во время которой его полку досталось порядкомъ отъ непрiятеля и онъ самъ убитъ на мѣстѣ (см. въ прилож., замѣт. X).

Но для фельдмаршала всего опаснѣе было то, что самъ императоръ начиналъ терять терпѣнiе. Онъ былъ недоволенъ недостаткомъ усердiя, выказываемымъ его полководцемъ при выполненiи высочайшихъ предначертанiй, и онъ начиналъ сожалѣть о назначенiи

фельдмаршала главнокомандующимъ на Дунаѣ. Императоръ пожелалъ удалить его снова изъ арміи. Но это представляло не легкую задачу, даже для самодержца всей Россіи. Нельзя было просто отозвать Паскевича и отнять у него главное начальство. Оно возбудило бы всеобщее вниманіе, что было неприятно въ виду собственной ошибки императора, чрезмѣрно возвысившаго этого полководца. Лишивъ его своей милости, государь отрекся бы отъ всей военной славы своего царствованія. Черезъ это всѣ успѣхи прежнихъ кампаній признавались бы въ дѣйствительности дѣломъ слѣпаго счастья, ничѣмъ не обусловленнаго случая, если тотъ, кому всѣ эти успѣхи преимущественно относились, признавался бы теперь неспособнымъ и былъ бы, по необходимости, удаленъ.

Поэтому нельзя было и помышлять о подобномъ рѣшеніи. Императоръ постарался достигнуть цѣли окольнымъ путемъ; онъ хотѣлъ заставить фельдмаршала добровольно оставить армію. Государю угодно было предположить, что фельдмаршалъ заболѣлъ, что разстроенное здоровье его не дозволяетъ ему дѣйствовать съ обычною энергіею и дѣятельностью¹⁾. Онъ послалъ одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ въ главную квартиру на Дунаѣ, чтобы извѣстить фельдмаршала, что въ случаѣ если состояніе здоровья его того потребуетъ, ему дозволяется отѣхать на время для отдыха въ Гомель, т. е. въ его прекрасныя помѣстья въ Литвѣ. Въ знакъ особеннаго вниманія, государь избралъ изъ среды своихъ многочисленныхъ флигель-адъютантовъ зятя фельдмаршала, князя Лобанова-Ростовскаго. Но какъ бы это порученіе ни было обставлено, фельдмаршалъ принялъ переданную вѣсть весьма дурно, даже отъ такого близко стоящаго къ нему

¹⁾ Подобное предположеніе было совершенно излишнее, такъ какъ, съ самаго пріѣзда своего въ княжество, фельдмаршалъ жаловался почти въ каждомъ всеподданнѣйшемъ письмѣ на свое разстроенное здоровье:

15-го апрѣля (изъ Бухареста)... «Здѣсь я нашелъ давно знакомыя мнѣ холодныя ночи и знойные дни, отъ которыхъ чувствую лихорадочныя движенія».

22-го апрѣля (изъ Бухареста)... «Здоровье мое таково, что у меня черезъ день лихорадка».

11-го мая (подъ Силистріею)... «Что же касается моего здѣсь нахожденія, то оно будетъ зависѣть отъ моихъ силъ и здоровья, равно какъ и отъ положенія дѣлъ въ другихъ мѣстахъ моего командованія».

19-го мая (подъ Силистріею)... «Здоровье мое не хорошо; три послѣдніе дня сряду я чувствую лихорадку».

25-го мая (подъ Силистріею)... «Здоровье день ото дня разстраивается; но я постараюсь остаться еще здѣсь елико возможно долѣе, думаю, что могу быть полезнымъ».

28-го же мая послѣдовала рекогносцировка, въ которой фельдмаршалъ былъ контуженъ.

Н. III.

40*

молодаго человѣка. Чтобы другой на его мѣстѣ овладѣлъ бы Силистрією, этого только еще не доставало! Старый вождь разразился гнѣвомъ и произошла сцена столь трагическаго свойства и содержанія, что его зять тотчасъ послѣ этого занемогъ и слегъ въ постель. Конечно, оставимъ въ сторонѣ вопросъ, былъ-ли онъ потрясенъ этимъ происшествіемъ или онъ захватилъ молдаванскую лихорадку¹⁾.

Хотя и неохотно, но окончательно фельдмаршалу пришлось все-таки исполнить волю государя. Несмотря на медленное движеніе генерала Лидерса вверхъ по правому берегу Дуная, но такъ какъ его не остановили дорогою, то онъ долженъ былъ, наконецъ, добраться до Силистріи. Это произошло 4-го (16) мая; тогда приступили къ обложенію Силистріи, хотя только отчасти. Уже 30-го апрѣля (12 мая) фельдмаршалъ прибылъ къ войскамъ, занимавшимъ лѣвый берегъ Дуная, напротивъ крѣпости. Такъ какъ мостъ, который начали наводить съ приближеніемъ Лидерса, не былъ еще готовъ, то полководецъ переправился въ лодкѣ для встрѣчи прибывающихъ войскъ. Два баталіона пѣхоты, подъ начальствомъ генерала Хрулева, были также перевезены на противоположный берегъ въ лодкахъ, чтобы прикрыть постройку моста; еще ранѣе переправы самага фельдмаршала, онъ получилъ уже отъ генерала Хрулева донесеніе, что два турецкія укрѣпленія, получившія отъ русскихъ наименованіе Змѣиного и Песчаного, покинуты турками. Хрулевъ просилъ разрѣшенія ихъ занять. Всѣ окружавшія фельдмаршала лица, вызванныя на это видимою вялостію его дѣйствій, считали полезнымъ и даже необходимымъ поддерживать подобное

¹⁾ Генералъ Ушаевъ въ запискахъ своихъ описываетъ слѣдующимъ образомъ встрѣчу свою съ княземъ Лобановымъ въ Бухарестѣ: «Отъ него я узналъ, что императоръ не доволенъ сомнѣніями на счетъ успѣха войны, выставляемыми княземъ Варшавскимъ въ каждомъ письмѣ; что такое моральное убѣжденіе его величество относитъ единственно къ разстройству здоровья фельдмаршала и вслѣдствіе того дозволяетъ ему, буде нужно, отбѣхать на время въ Гомель, для отдыха. Князь Лобановъ отправился въ Каларашъ тотчасъ послѣ обѣда, а на другой день утромъ, явись къ своему тестю, представилъ царское письмо и передалъ на словахъ все, что выше разсказано мною. Послѣ я слышалъ, что старый вождь былъ очень огорченъ мнѣніемъ государя и, по всегдашней своей слышимости, разразился гнѣвомъ на зятя. По крайней мѣрѣ князь Лобановъ вскорѣ заболѣлъ горячкою, отправился въ Бухарестъ и уже не возвращался къ осадѣ Силистріи».

Займимъ здѣсь, что въ письмѣ императора Николая князю Варшавскому не было и рѣчи о дозволеніи отбѣхать изъ арміи, а только выражалось неудовольствіе по поводу предложенія фельдмаршала добровольно очистить княжества, высказанное имъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 11-го апрѣля изъ крѣпости Измапла. «Не упускай драгоцѣннаго времени», подтверждалъ въ заключеніе государь.

предложеніе, громко разсуждали, что нельзя не воспользоваться представившимся благопріятнымъ случаемъ. Но фельдмаршалъ заставилъ все общество замолкнуть, строго возразивъ, что такіе необдуманые порывы воодушевленія вовсе неумѣстны тамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни нѣсколькихъ сотъ человѣкъ; непріятель, можетъ быть, умышленно скрылся въ окопахъ, надѣясь заманить русскихъ предпринять неосторожную атаку. Заключеніе его рѣчи состояло, по обыкновенію, въ томъ, что господа судятъ опрометчиво, будучи незнакомы съ отвѣтственностію, лежащею на главнокомандующемъ. Можетъ быть, онъ на этотъ разъ и былъ правъ, но, собственно говоря, онъ не могъ вполне вѣрно обсудить представившійся случай, такъ какъ онъ вовсе не видѣлъ этихъ укрѣпленій и потому именно положительный отказъ, данный Хрулеву, произвелъ весьма неблагопріятное впечатлѣніе на всю главную квартиру. Тоже самое можно сказать относительно расположенія, данного имъ войскамъ Лидерса, и распоряженій его относительно самой осады. Изъ всего этого было ясно видно, что и здѣсь онъ не хотѣлъ предпринять ничего рѣшительнаго.

Такимъ образомъ осада началась при самыхъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Оборона, къ немалому удивленію русскихъ, была ведена съ полнымъ знаніемъ дѣла и соотвѣтственно обстоятельствамъ, какъ никто не ожидалъ этого встрѣтить со стороны турокъ. Скоро узнали отъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ, захваченныхъ во время вылазокъ гарнизона, что обороною руководилъ нѣмецъ; это былъ прежній поручикъ прусской артиллеріи Грахъ, родомъ изъ Трира¹⁾. Атака, напротивъ того, была ведена весьма страннымъ образомъ. Инженеръ, генералъ Шильдеръ, лифляндскій уроженецъ изъ Риги и служившій при дѣйствующей арміи въ Царствѣ Польскомъ, выпросилъ для себя, какъ особую милость, переводъ въ дунайскую армію и руководство осадой Силистріи²⁾; государь охотно разрѣшилъ эту просьбу, потому что Шильдеръ не безъ основанія пользовался значеніемъ въ арміи и въ прежнія времена оказалъ не маловажныя услуги. Но для тѣхъ, кто ближе зналъ генерала Шильдера, было все-таки сомнительно видѣть въ его рукахъ руководство осадой, хотя этотъ почтенный воинъ былъ

¹⁾ Въ Турціи Грахъ занималъ мѣсто войсковаго инструктора, въ чинѣ полковника.

²⁾ Генералъ-адъютантъ Шильдеръ былъ назначенъ въ распоряженіе князя Горчакова, вслѣдствіе настоятельной просьбы о томъ командующаго войсками въ Придунайскихъ княжествахъ, а именно: 29-го ноября 1853 года князь Горчаковъ писалъ военному министру: «Ради Бога выпросите мнѣ генерала Шильдера, за него я бы отдалъ дивизію». (En grâce obtenez moi le général Childer. Je donnerai une division pour l'avoir). Ред.

во многихъ отношеніяхъ достойный человѣкъ, въ значительной степени остроумный и отличавшійся притомъ честнымъ, вполне рыцарскимъ и любезно-веселымъ характеромъ. Но, къ несчастію, Шильдеръ, одаренный всѣми этими прекрасными качествами, находился подъ вліяніемъ необыкновенно пылкой и непрерывно дѣятельной фантази. Онъ страдалъ избыткомъ идей; дѣятельный умъ его безпрестанно работалъ надъ безконечными комбинаціями и новыми изобрѣтеніями, изъ которыхъ одна вытѣсняла другую. Притомъ воздушныя творенія, надъ которыми онъ постоянно работалъ, основывались на слишкомъ малыхъ дѣйствительныхъ, положительныхъ знаніяхъ; ему недоставало поэтому критическаго анализа для того безконечнаго ряда предложеній, которыя зарождались въ его умѣ; для него цѣлесообразность и выполнимость ихъ была всегда дѣломъ доказаннымъ и неподлежащимъ сомнѣнію, и если это оказывалось возможнымъ, онъ приступалъ немедленно къ выполненію. Такимъ образомъ онъ уже не разъ нападалъ на довольно странныя изобрѣтенія; онъ строилъ дома безъ фундамента, во внутренность которыхъ не проникалъ лучъ свѣта и въ извилистыхъ ходахъ коихъ онъ самъ безъ толку блуждалъ; а также—чудесные пароходы, которые не двигались съ мѣста. Если ему что-нибудь подобное не удавалось, тогда надъ этимъ никто не смѣялся остроумію его же самаго. Такъ, напримѣръ, для парохода, построеннаго по вновь изобрѣтенному плану, онъ придумалъ названіе „Паростой“.

Къ несчастію, онъ въ послѣднее время увлекался движущимися столами и сношеніями съ духами умершихъ. Всѣ эти явленія занимали его въ высшей степени. Онъ черезъ психографа имѣлъ сношенія съ покойнымъ императоромъ Александромъ, котораго онъ при жизни зналъ не ближе, чѣмъ это могло имѣть мѣсто съ поручикомъ гвардейскаго сапернаго баталіона. Замогильный голосъ императора Александра побудилъ его присоединиться къ греческой церкви и принять имя Александра, послѣ того какъ онъ до 68-ми лѣтняго возраста назывался Карломъ Шильдеромъ. Голосъ императора Александра, возвѣщавшійся ему черезъ психографа, побудилъ его точно также ходатайствовать о переводѣ въ дунайскую армію и просить разрѣшенія принять участіе въ осадѣ Силистріи. Этотъ немного загадочный императоръ (Александръ I) увѣрилъ его въ томъ, что онъ, Шильдеръ, покоритъ Силистрію въ самое короткое время и что его лично не постигнетъ при этомъ никакое несчастіе¹⁾.

¹⁾ Все, что авторъ сообщаетъ въ этомъ историческомъ очеркѣ относительно генералъ-адъютанта Шильдера, представляетъ собою довольно фантастическую характеристику этого даровитаго инженернаго генерала; автору совершенно незнакома обширная дѣятельность нашего знаменитаго инженера, плоды кото-

Кто его зналъ ближе, могъ предвидѣть, что онъ воспользуется этимъ случаемъ главнымъ образомъ для примѣненія множества занимавшихъ его теорій и изобрѣтеній, которыя на мѣстѣ увеличатся еще не малымъ числомъ новыхъ предложеній.

Шильдеръ въ такой степени безусловно вѣрилъ во все объявленное ему черезъ психографа императоромъ Александромъ I, что онъ считалъ себя несокрушимымъ и подвергалъ себя непріятельскому огню съ величайшимъ спокойствіемъ, самымъ безразсудно-смѣлымъ образомъ, какъ бы это само собою разумѣлось. Когда были открыты траншеи, онъ для дальнѣйшихъ распоряженій никогда не обходилъ осадныя работы пѣшкомъ. Страдая уже издавна отъ раны въ ногѣ и будучи дурнымъ пѣшеходомъ, Шильдеръ среди бѣлаго дня ѣздилъ верхомъ по открытой, нетронутой мѣстности между подступами, для отдачи гдѣ нужно привязаній. Бѣлый конь его служилъ прекрасною цѣлью для непріятели.

Первоначальная атака была направлена противъ небольшого землянаго укрѣпленія люнета, называвшагося Арабъ-Табіей; оно состояло изъ недавно возведеннаго землянаго верка, вооруженнаго 6 орудіями и лишенаго всякой боковой обороны. Прусскій генералъ Фишеръ, подъ руководствомъ котораго были возведены нынѣшніе вѣрпостные верки Силистріи, расположилъ рядъ взаимно фланкировавшихся, выдвинутыхъ укрѣпленій на крайнихъ высотахъ, окаймляющихъ долину Дуная впереди города; но небольшая высота, на которой къ этому времени уже турецкіе инженеры расположили новое укрѣпленіе, была оставлена первоначально безъ вниманія. Поэтому Арабъ-Табія лежала внѣ сферы перекрестнаго огня прочихъ фортовъ и могла рассчитывать только на собственную силу. Тѣмъ не менѣе осаждающему не удалось овладѣть этимъ укрѣпленіемъ; оно было обороняемо съ извѣстнымъ турецкимъ упорствомъ, атака же была ведена далеко не методически. Шильдеръ обѣщался сначала занять Арабъ-Табію въ три дня; по истеченіи этого срока онъ потребовалъ еще восемь дней; затѣмъ, снова назначилъ для сего два дня, но всѣ эти расчеты основывались каждый разъ не на содѣйствіи постепенной и правильно выполненной атаки, но постоянно на посредствѣ вновь придуманнаго геніальнаго опыта. Вслѣдствіе этого атакующій не приближался къ цѣли и подвергся плачевнымъ испытаніямъ.

Къ числу подобныхъ испытаній должно отнести неудачный штурмъ,

рой выказался въ послѣдствіи въ безпримѣрной оборонѣ Севастополя. Переводчикъ предлагаемой статьи довольно подробно остановился на жизни и служебной дѣятельности генерала Шильдера въ замѣткахъ, далѣе помѣщенныхъ (XI).

Ред.

который былъ предпринять безъ всякаго распоряженія на это со стороны высшихъ начальниковъ. Главная квартира была переполнена большимъ числомъ молодыхъ людей изъ знатнѣйшихъ русскихъ семействъ, которые были, благодаря связямъ своимъ, прикомандированы къ штабу арміи для служебныхъ занятій; но такъ какъ только меньшая часть ихъ была способна выполнять серьезныя порученія, то они проводили время въ большемъ или меньшемъ бездѣльѣ. Изъ числа этихъ молодыхъ господъ одинъ или нѣсколько офицеровъ посылались ночью въ траншеи съ цѣлью дать имъ случай отличиться, или же для того, чтобы можно было донести объ ихъ отличіи и предоставить имъ подѣ этимъ предлогомъ производства и ордена. Наконецъ дошли до второй параллели и оттуда намѣревались выйти далѣе сапою. Для того, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля, ночью съ 16-го (28) на 17-е (29) мая 1854 г. повели ложную атаку на флангъ Арабъ-Табіи. Полковникъ Костанда открылъ противъ укрѣпленія сильный огонь, но, ко всеобщему удивленію, турки не отвѣчали на него. Уже нѣсколькими днями ранѣе огонь форта сдѣлался замѣтно слабѣе, а потому въ молодежи, находившейся въ эту ночь въ траншеяхъ, возникла мысль, что оно покинуто непріятелемъ и потому они тотчасъ принялись усердно уговаривать генерала Сельвана, чтобы онъ занялъ немедленно штурмомъ укрѣпленіе, по всей вѣроятности, совершенно брошенное или же, во всякомъ случаѣ, слабо занятое. Призвали полковника Костанду, который подтвердилъ, что въ непріятельскомъ укрѣпленіи царствуетъ мертвая тишина и никто въ немъ не показывается. Сельванъ колебался, но когда молодежь дала ему ясно понять, что они приписываютъ его отказъ недостатку личнаго мужества, онъ приказалъ идти на приступъ. Проникнуть въ укрѣпленіе черезъ ровъ и брустверъ не представляло особенной трудности; это доказываетъ слабая профиль атакованнаго верка. Вошедши въ него, русскіе встрѣтили внутри его гарнизонъ, который стремительно и съ остервененіемъ на нихъ бросился. Завязалась рукопашная схватка въ темнотѣ, перевѣсъ въ которой рѣшительно остался на сторонѣ турокъ; русскіе были вытѣснены съ большою потерей изъ укрѣпленія. На основаніи ихъ донесеній ночью вдругъ раздался русскій сигналъ отступленія и побудилъ людей отойти назадъ. Они полагаютъ, что эта была умышленная военная хитрость, пущенная въ ходъ турками, которымъ были извѣстны русскіе сигналы. Но этому объясненію нельзя очень довѣрять; нерѣдко прибѣгаютъ къ подобнымъ рассказамъ, чтобы приккрыть пораженія. Потеря русскихъ была сравнительно весьма велика; болѣе 200 человекъ остались на мѣстѣ и болѣе 400 человекъ было ранено. Генералъ Сельванъ былъ убитъ

полковникъ Костанда, который также участвовалъ въ приступѣ, былъ тяжело раненъ. Въ числѣ прочихъ раненыхъ находился молодой князь Орловъ, потерявшій въ этомъ дѣлѣ глазъ (См. въ прилож., замѣт. XII).

Пока Шильдеръ старался подойти къ неприятельскому форту при помощи минныхъ работъ и, взорвавъ нѣсколько такъ называемыхъ globes de compression, дѣйствіе которыхъ не возмущало атакованнаго верба, фельдмаршалъ, съ своей стороны, продолжалъ осаду съ прежней неохотой. Крѣпость не была даже совершенно обложена, такъ что гарнизонъ оставался все время въ сношеніи съ турецкою арміею, которая сосредоточивалась въ Шумлѣ, и получала постоянно оттуда подкрѣпленія и продовольствіе (См. въ прилож., замѣт. XIII). Высылаемые съ русской стороны отряды не могли этому воспрепятствовать. Христіанскіе окрестные жители снабжали русскихъ не только продовольствіемъ и фуражемъ, но просили оружія, чтобы защищать свои деревни отъ нападеній турокъ. Имъ роздали оружіе изъ запаса, высланнаго на Дунай изъ русскихъ арсеналовъ, для вооруженія ими христіанскаго населенія, на содѣйствіе котораго рассчитывали въ эту кампанію. Но эти ружья оказались по большей части негодными, будучи при томъ устарѣлаго устройства. Вооруженные такимъ образомъ деревенскіе жители, тѣмъ не менѣе, оборонялись съ успѣхомъ и приводили даже плѣнныхъ.

Въ главной квартирѣ фельдмаршала царствовало, конечно, полнѣйшее неудовольствіе. Порученіе Лобанова и самая цѣль его пріѣзда не оставались секретомъ и потому вечернія бесѣды офицеровъ главной квартиры вращались постоянно вокругъ вопроса, чѣмъ можно было бы заставить фельдмаршала удалиться добровольно и повинуть армію.

Всѣмъ извѣстно было, что, въ случаѣ удачи, этимъ исполнилось бы желаніе императора. Но такъ какъ Лобанову, говорившему однако именемъ государя, дѣло обошлось такъ плохо, то не находилось охотника, который, при отсутствіи подобныхъ полномочій, рѣшился бы снова разгнѣвать строгаго старца подобнаго рода предложеніемъ.

Рѣшеніе этой трудной задачи оказалось неожиданнымъ образомъ гораздо легче, чѣмъ это первоначально предполагали.

28-го мая (9 іюня) была назначена большая рекогносцировка южной стороны Силистріи, еще не осматрѣнной фельдмаршаломъ. Для этой цѣли изъ русскаго лагеря выступили по диспозиціи къ деревнѣ Петробей: 31 баталіонъ пѣхоты, 32 эскадрона, 8 сотенъ казаковъ и 100 орудій. Эта грозная масса остановилась впереди селенія, у подшвы высоты; фельдмаршалъ выѣхалъ съ многочисленной свитой и коннымъ конвоемъ изъ черкесовъ и казаковъ на гребень высотъ, откуда можно было обозрѣть значительную часть крѣпостныхъ верховъ и лагерь турецкой кавалеріи. Множество турецкихъ всадниковъ дви-

нулись изъ своего лагеря и старались обойти лѣвый флангъ русскихъ войскъ; можно было полагать ихъ численность отъ 4,000 до 5,000 человекъ. Противъ нихъ направили сперва огонь русской батареи; турки отвѣчали ей огнемъ съ верховъ Абдуль-Меджида и самаго города; но ядра и гранаты ихъ или не долетали до войскъ, или же ложились далѣе. Фельдмаршалъ приказалъ генералу Хрулеву атаковать турецкихъ всадниковъ съ бригадою уланъ. Турки отклонились отъ встрѣчи и возвратились въ свой лагерь; только немногіе изъ нихъ были настигнуты. Но уланы отбили, однако, одно изъ маленькихъ знаменъ. Фельдмаршалъ поворотилъ тогда свою лошадь обратно къ Петробею. Между тѣмъ турки изъ крѣпости обратили вниманіе на его огромную свиту; нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ было направлено противъ этой группы и одно ядро упало у самыхъ ногъ лошади фельдмаршала; лошадь стала на дыбы и потому окружавшія его лица помогали, что фельдмаршалъ, можетъ быть, раненъ. Въ послѣдствіи флигель-адъютантъ князь Х. рассказывалъ, что онъ съ присутствіемъ духа воспользовался этимъ мгновеніемъ и незначущимъ происшествіемъ, сказавъ фельдмаршалу: „Ваша свѣтлость! Вы ранены!“ Но Паскевичъ посмотрѣлъ на него молча, съ удивленіемъ. Однако, въ первую минуту не было и рѣчи ни относительно раны, ни о чемъ-либо подобномъ. Фельдмаршалъ слѣзъ въ Петробей¹⁾ съ лошади и продолжалъ оттуда еще нѣсколько времени обозрѣніе мѣстности въ зрительную трубу. Потомъ былъ поданъ на травѣ походный завтракъ; бѣльшая часть лицъ главной квартиры приняли въ немъ участіе, фельдмаршалъ же былъ при этомъ очень веселъ и разговорчивъ²⁾.

Но окружавшія его лица по прежнему желали видѣть фельдмаршала раненымъ, чтобы отправить его путешествовать. Генералъ Ушаковъ посоветовалъ первый, чтобы фельдмаршалъ дозволилъ бы осмотрѣть правое бедро, гдѣ можно было предполагать мѣсто контузіи. Фельдмаршалъ отказалъ въ этомъ и согласился лишь на настоятельныя просьбы главныхъ лицъ штаба, генераловъ Горчакова и Коцебу. Генералъ штаба докторъ оказался на мѣстѣ, и приступилъ къ осмотру, но приплось, можетъ быть, съ сожалѣніемъ убѣдиться, что ни на бедрѣ, ни гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ на тѣлѣ, не имѣется и слѣдовъ какого-либо поврежденія. Тѣмъ не менѣе вся главная квартира продолжала крайне

¹⁾ Въ этомъ описаніи рекогносцировки 28-го мая, слѣдуетъ всюду читать вмѣсто сел. Петробей — сел. Калонетри. Лагерь нашихъ войскъ былъ расположенъ къ востоку отъ крѣпости Силистрии на высотахъ между сел. Алмалуи и -Адакюй (островъ на берегу Дуная). Н. III.

²⁾ См. разказъ военнаго доктора Павлуцкаго о контузіи Паскевича. «Русская Старина», изд. 1875 г. томъ XII, стр. 634—637. Ред.

тревожиться; уступая общимъ настоятельнымъ просьбамъ не возвращаться верхомъ въ главную квартиру, фельдмаршалъ долженъ былъ сѣсть въ привезенную сюда коляску и возвратиться домой (См. замѣт. XIV).

На другой день вся армія была удивлена извѣстіемъ, что фельдмаршалъ раненъ. Всѣ доктора, пользовавшіеся какою-либо извѣстностью, были къ нему призваны, всѣ генералы, испуганные или удивленные, пріѣзжали освѣдомляться о здоровьи его и фельдмаршалъ увѣрялъ ихъ, что чувствуетъ сильную боль отъ вчерашней контузіи въ правомъ бедрѣ и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подвергся снова припадкамъ такъ называемой молдаванской лихорадки, какъ въ прежніе годы. При этомъ онъ придавалъ лицу страждущій видъ, какъ-будто онъ выноситъ сильную боль.

Никто не вѣрилъ ни контузіи, ни даже лихорадкѣ. Вокругъ фельдмаршала спрашивали только другъ друга, какую цѣль преслѣдовалъ старый вождь, дѣйствуя такимъ образомъ, и чѣмъ все это разыграется. Не долго пришлось оставаться на этотъ счетъ въ недоумѣніи. Генералъ Ушаковъ рассказываетъ, что когда онъ на третій день послѣ сего великаго событія снова вошелъ къ фельдмаршалу, его встрѣтили радостныя лица его свиты съ извѣстіемъ, что Паскевичъ рѣшился уѣхать.

Если спрашивать, что могло побудить фельдмаршала воспользоваться предлогомъ, который доставилъ ему флигель-адъютантъ X., и, покинувъ армію, исполнить желаніе государя, чему онъ столь долгое время противился, то на этотъ вопросъ возможно дать только одинъ отвѣтъ. Пока существовала тѣнь вѣроятія, что другой одержалъ бы успѣхъ во главѣ арміи, который онъ не полагалъ возможнымъ упрочить за собою, до тѣхъ поръ фельдмаршалъ не хотѣлъ удалиться. Теперь же положеніе дѣлъ окончательно разъяснилось; наступилъ моментъ, когда Австрія оставляла Россіи только выборъ между войною и очищеніемъ княжествъ. На войну съ Австріею императоръ Николай рѣшался въ то время еще менѣе чѣмъ прежде. Снять осаду Силистріи отчасти безславнымъ образомъ, повести, назадъ черезъ Прутъ, армію, упавшую духомъ, какъ это всегда бываетъ съ войсками послѣ неудачнаго предпріятія, — это Паскевичъ весьма охотно предоставлялъ другому.

Впрочемъ, это было уже не въ первый разъ, что на фельдмаршала падало подозрѣніе притворяться раненымъ. Подъ Варшавою, въ день штурма, на который Паскевичъ рѣшился съ такимъ трудомъ, онъ вынужденъ былъ, въ слѣдствіе невидимой раны, контузіи, предоставить графу Толю главное начальство и отвѣтственность; на другой же день послѣ

удачнаго штурма, онъ, получивъ выздоровленіе, явился во главѣ войскъ при торжественномъ вступленіи.

Но какъ бы то ни было, фельдмаршалъ сдѣлалъ начальство князю Горчакову и уѣхать. Однако радость, овладѣвшая главной квартирой по случаю этого столь желаннаго событія, длилась не долго. Фельдмаршалъ не ошибся въ своихъ расчетахъ. Австрія требовала теперь повелительно очищенія княжествъ. Русская армія, исполненная неудовольствія, вынуждена была снять осаду Силистріи, и, не имѣя за собою непріятели, медленно отступать черезъ Дунай и отойти за Прутъ.

Генералу Шильдеру, на его счастье, не было суждено дожить до этого горя. Психографъ обманулъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Ему не удалось овладѣть Силистріею и самъ онъ не остался невредимымъ. Однажды, когда генералъ этотъ на своемъ бѣломъ конѣ разѣзжалъ между траншеями, выстрѣлъ поразилъ его близъ бедра въ раненую уже прежде ногу. Оказалось необходимымъ произвести ампутацію, которую не въ состояніи былъ перенести почти 70-ти-лѣтній старецъ. Онъ скончался въ Каларашѣ, куда его перевезли. До самой кончины Шильдеръ остался вѣренъ своимъ странностямъ. Такъ какъ онъ перешелъ недавно только въ православіе, то обряды греческаго богослуженія имѣли для него еще прелесть новизны. Случайно, онъ никогда еще не присутствовалъ при заупокойной обѣднѣ по греческимъ обрядамъ¹⁾. Непосредственные свидѣтели рассказываютъ, что онъ еще при жизни заставилъ отслужить по себѣ торжественную заупокойную обѣдню и слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ за всѣми обрядами. Послѣ этого, по мѣрѣ ослабленія сознанія, ему представлялась только осада, которую ему предстояло вести. Онъ заставилъ перенести себя къ окну, отсюда ему была видна Силистрія и, въ бреду предсмертной воспалительной горячки, онъ говорилъ о томъ, что скоро возвратится въ траншеи и водрузитъ русское знамя на валахъ покоренной крѣпости²⁾.

О дальнѣйшемъ ходѣ войны можно бы сообщить еще много неизслѣдованныхъ доселѣ данныхъ, но здѣсь должна идти рѣчь только объ участіи, принятомъ въ этой борьбѣ фельдмаршаломъ Паскевичемъ,

¹⁾ Нельзя не удивляться тому непониманію всѣхъ условій русской жизни, которое проглядываетъ въ этихъ строкахъ. Впадать въ подобнаго рода ошпблн возможно развѣ описывая нравы и обычаи Японіи или Китая, да и то едва ли возможно съ распространеніемъ свѣдѣній объ этихъ странахъ.

²⁾ Весь рассказъ о кончинѣ генералъ-адъютанта Шильдера во многомъ не вѣренъ, начиная съ того, что Шильдеръ не былъ на конѣ, когда его смертельно ранили. Это произошло 1-го іюня, въ 5 часовъ пополудни, во время осмотра траншей; осколкомъ гранаты ему раздробило правую ногу, въ ступнѣ которой онъ слишкомъ 23 года носилъ пулю, оставшуюся въ ней съ остроленскаго сраженія 1831 года. (См. въ прилож. замѣт. XV). Н. III.

и только для сохраненія связи въ повѣствованіи мы позволимъ себѣ прибавить нѣкоторыя замѣтки общаго содержанія.

Союзники, не встрѣтивъ болѣе врага на Дунаѣ, перенесли, какъ извѣстно, театръ военныхъ дѣйствій въ Крымъ.

Пока армія находилась въ пути и грозная экспедиція плыла по морю, одинъ русскій дипломатъ зашелъ ко мнѣ въ одно прекрасное утро, чтобы спросить меня, гдѣ, по моему мнѣнію, произойдетъ высадка?—Это трудно опредѣлить, отвѣчалъ я, такъ какъ я незнакомъ съ мѣстностью; но вы, который объѣхали Крымъ, скажите мнѣ, возможно-ли высадиться въ Евпаторіи?—Подумавъ немного, онъ отвѣчалъ: „да, это возможно“.—Тогда Евпаторія представляетъ пунктъ, на который указываютъ стратегическія соображенія. — „Но здѣсь Меншиковъ отнюдь не ожидаетъ непріятеля; онъ готовится встрѣтить его на южномъ берегу“.—Тамъ онъ будетъ его тщетно поджидать. — Я привелъ причиной избранія Евпаторіи то обстоятельство, что высадка въ этомъ пунктѣ вынудитъ князя Меншикова предоставить Севастополь, какъ неполнѣ укрѣпленный съ сухопутной стороны городъ, своей участи, или же бросить сообщенія съ внутренностію Россіи; по всей вѣроятности, онъ рѣшится на первое.

Мнѣ, конечно, не могло быть извѣстно недостаточное снаряженіе союзниковъ и потому нельзя было предвидѣть обходнаго движенія ихъ на южную сторону Севастополя и освобожденіе сѣверной стороны крѣпости, равно какъ и сообщеній ея съ Перекопомъ и съ внутренностію имперіи.

Дальнѣйшій ходъ дѣла вообще извѣстенъ. Князь Меншиковъ потерялъ сраженіе при Альмѣ. Севастополь былъ обложенъ съ южной стороны и попытка заставить союзниковъ снять осаду привела къ несчастному сраженію при Инкерманѣ.

Мы не остановимся на этомъ, но ограничимся упомянуть, что въ числу причинъ, содѣйствовавшихъ потерѣ этого послѣдняго сраженія, нужно сопричислить одну, которая едва-ли можетъ имѣть мѣсто въ другой странѣ.

А именно: сраженіе было отчасти потеряно по той причинѣ, что одинъ изъ дивизионныхъ генераловъ не зналъ, что слѣдуетъ понимать подъ лѣвымъ берегомъ оврага и вообразилъ, что онъ долженъ находиться отъ него по лѣвую руку. Въ слѣдствіе этого онъ повелъ свои войска въ тому мѣсту, гдѣ уже находились другія войска и причинилъ такимъ образомъ страшный безпорядокъ. Главнокомандующій же, который могъ разрѣшить недоразумѣніе, не оказался на мѣстѣ. Въ отвѣтъ же на вопросъ, почему онъ не явился въ рѣшительный моментъ на рѣшительномъ мѣстѣ, и заключается какъ разъ то, что характе-

привзеть тогдашнее положеніе дѣлъ въ Россіи. Младшіе сыновья императора, великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, приближи къ арміи, чтобы присутствіемъ своимъ возбудить, какъ надѣялись, въ рядахъ войскъ храбрость и увѣренность. Они появились, и это было, по мнѣнію Меншикова, достаточно; теперь же предстояло разыгратъ сраженію, предвѣщавшему быть упорнымъ и кровопролитнымъ; въ виду этого обстоятельства главнокомандующій намѣревался отправить ихъ обратно. Молодые князья отказались, конечно, покинуть армію въ подобный моментъ; они хотѣли исполнить свой долгъ какъ солдаты и Меншиковъ не могъ принудить ихъ уѣхать. Въ слѣдствіе этого онъ дозволилъ имъ остаться, но удержалъ ихъ въ своей свитѣ и расположился съ нею вдали отъ поля сраженія, на сѣверной сторонѣ Севастополя, внѣ сферы всякой возможной опасности ¹⁾.

¹⁾ Читая подобныя фантазіи, остается лишь удивляться, до какой степени за границею способны искажать всѣ факты русской исторіи; въ особенности поражаетъ то обстоятельство, что эти строки встрѣчаются въ ученомъ нѣмецкомъ военномъ журналѣ, отличающемся основательной разработкою затрогиваемыхъ въ немъ вопросовъ. Непонятно, какимъ образомъ редація журнала могла пропустить столь грубую ложь безъ всякихъ оговорокъ съ своей стороны; между тѣмъ, ошибку было легко исправить руководствуясь хоть, напр., только однимъ описаніемъ обороны Севастополя генерала Тотлебена, переведенномъ на французскій и нѣмецкій языки. Въ самой диспозиціи было сказано: главнокомандующій будетъ находиться первоначально у Инкерманскаго моста. Въ послѣдствіи онъ стоялъ съ ихъ высочествами у верховьевъ Георгіевской балки, подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ.

Наконецъ, не лишнее привести здѣсь наставленія, данныя императоромъ Николаемъ сначала князю Горчакову, а затѣмъ и князю Меншикову, при отправленіи великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей въ армію:

Князю Горчакову: 1) 27-го сентября.... «Завтра благословлю въ походъ моихъ младшихъ сыновей; думаю, что они къ тебѣ явятся могутъ 3-го или 5-го октября. Будь имъ руководителемъ и сдѣлай изъ нихъ добрыхъ, вѣрныхъ служивыхъ, а за усердіе ихъ отвѣчаю. Не балуй ихъ и говори имъ правду».

2) 14-го октября.... «Полагаю, что долгъ чести требуетъ, чтобы ты моихъ рекрутъ не медля отправилъ въ Крымъ къ Меншикову, съ тѣмъ, чтобы они тамъ оставались при немъ до минованія опасности или до изгнанія непріятеля; потомъ же чгобъ воротились къ тебѣ. Ежели опасность есть, то не моимъ дѣтямъ удаляться отъ нея, а собой подавать примѣръ другимъ. И такъ, съ Богомъ, вели имъ отправиться туда».

Князю Меншикову: 1) 14-го октября.... «Сыновьямъ моимъ Николаю и Михаилу дозволилъ я ѣхать къ тебѣ; пусть присутствіе ихъ при тебѣ докажетъ войскамъ степень моей довѣренности; пусть дѣти учатся дѣлать опасности ваши и примѣромъ своимъ служатъ одобреніемъ храбрымъ нашимъ сухопутнымъ и морскимъ молодцамъ, которымъ ихъ я ввѣряю».

2) 19-го октября.... «Вѣроятно дѣти мои прибудутъ еще во-время, чтобы участвовать въ готовящемся; поручаю тебѣ ихъ; надѣюсь, что они покажутся

Князь Меншиковъ превзошелъ въ Константинополѣ, какъ чрезвычайный посолъ, свои полномочія, чтобы вызвать грозную войну въ то время, какъ императоръ не принялъ еще вполне этого рѣшенія. Онъ самовольно рискнулъ участіемъ государства и считалъ себя въ правѣ это сдѣлать. Но онъ не дерзнулъ подвергнуть двухъ князей императорскаго дома возможной, вовсе не особенной опасности! Отвѣтственность была слишкомъ велика! Онъ предпочелъ самому остаться въ сторонѣ отъ поля сраженія и предоставить ходъ боя судьбѣ¹⁾.

Вскорѣ послѣ того князь Горчаковъ наслѣдовалъ ему въ командованіи крымскою арміею. Но подъ начальствомъ новаго полководца дѣла не пошли лучше прежняго. Къ величайшему огорченію русскихъ, мѣстная оборона была ведена съ большей энергіей и полнымъ пониманіемъ дѣла нѣмцемъ (?!), генераломъ Тотлебенемъ.

Руководство же русскою арміею въ сткрытомъ полѣ, по бездарности своей, едва-ли можетъ быть превзойдено. Зимой не сумѣли воспользоваться, между тѣмъ какъ англичане и французы находились въ довольно безпомощномъ положеніи передъ Севастополемъ. Князь Горчаковъ упустилъ даже добровольно, безъ принужденія, изъ своихъ рукъ выгоды, которыя могли облегчить наступательныя дѣйствія, и трудно отгадать, какія соображенія руководили имъ при этомъ рѣшеніи.

Балаклавское сраженіе, которое должно было подготовить инкерманскую битву, доставило во власть русскихъ, на лѣвомъ берегу Черной, Оедюхины высоты, находившіяся на флангѣ и почти въ тылу англо-французской позиціи; онѣ угрожали вмѣстѣ съ тѣмъ сообщенію ихъ съ моремъ, а именно Балаклавской гавани. Горчаковъ очистилъ ихъ добровольно. Онъ являлся вообще въ своихъ дѣйствіяхъ болѣе и болѣе безпомощнымъ и такимъ образомъ наступало время, въ которое паденіе Севастополя дѣлалось совершенно неизбѣжнымъ, хотя русская армія, оборонявшая этотъ пунктъ, была въ то время на 40,000 человекъ сильнѣе осаждающаго. Горчаковъ признавалъ положеніе дѣлъ совершенно безнадежнымъ и предпринялъ послѣднюю попытку для освобожденія крѣпости и, какъ онъ самъ въ этомъ сознается, только съ цѣлью спасти честь оружія, но въ полной увѣренности ожидавшаго его неуспѣха. Въ этомъ настроеніи онъ двинулся къ Черной,

достоинымъ своего званія; вѣрю ихъ войскамъ въ доказательство моея любви и довѣренности; пусть ихъ присутствіе среди васъ замѣнитъ меня».

Въ нашихъ замѣткахъ по поводу переведенной нами статьи, мы помѣстили донесеніе князя Меншикова объ участіи ихъ высочествъ въ инкерманскомъ сраженіи 24-го октября. (См. въ прилож., замѣт. XVI). Н. III.

¹⁾ См. опроверженіе въ примѣчаніи выше.

по его собственному признанію, не разъяснивъ себѣ даже заранѣе, что должно изъ этого выйти: реваншпировка или сраженіе. Подобное доказательство умственного убожества едва-ли было предъявлено когда-либо другимъ полководцемъ. Какъ извѣстно, здѣсь разыгралось сраженіе противъ желанія и безъ содѣйствія главнокомандующаго. Сраженія же, которыя предпринимаются въ подобномъ настроеніи, безъ должной рѣшимости и воли, бывають естественнымъ и неизбѣжнымъ образомъ проиграны, что и произошло въ разсматриваемомъ случаѣ. (См. въ прилож., замѣт. XVII).

Горчаковъ допустилъ также послѣдній штурмъ крѣпостныхъ верковъ, нисколько не надѣясь отбить его, имѣя только въ виду не сдавать Севастополя безъ боя въ руки непріятеля. Когда, послѣ потери Малахова кургана, одинъ изъ молодыхъ офицеровъ представилъ ему, что возможно снова овладѣть потерянными верками, если двинуть резервы, Горчаковъ отвѣтилъ только вопросомъ: „развѣ не пролито еще довольно крови?“ Ему можно было бы возразить на это: пролито слишкомъ мало или слишкомъ много.

Послѣ паденія Севастополя Горчаковъ чувствовалъ потребность оправдать себя передъ своимъ бывшимъ начальникомъ и наставникомъ. Онъ послалъ ему подробную записку относительно своихъ дѣйствій, которая, къ сожалѣнію, не сдѣлалась извѣстною. Но содержаніе ея возможно отчасти себѣ представить изъ весьма интереснаго во многихъ отношеніяхъ отвѣта фельдмаршала Паскевича. Этотъ послѣдній документъ столь мѣтко характеризуетъ лица и обстоятельства, что заслуживаетъ гласности, а потому мы сообщаемъ его въ полномъ переводѣ.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ письму князя Варшавскаго, напечатанному въ «Русской Старинѣ» (изд. 1872 г., томъ VI, стр. 427—435) подъ заглавіемъ: «Мысли фельдмаршала князя Паскевича по поводу обороны и паденія Севастополя». Довольно странно, что анонимный авторъ нѣмецкой статьи о фельдмаршалѣ Паскевичѣ не счелъ нужнымъ указать, откуда имъ заимствованъ этотъ любопытный историческій матеріалъ, который нигдѣ не появлялся въ печати, какъ только въ «Русской Старинѣ». Впрочемъ, во всей статьѣ своей авторъ держится той же самой системы; заимствуя мѣстами почти буквально выдержки изъ записокъ генерала Ушакова, напечатанныхъ въ «Девятнадцатомъ вѣкѣ» (кн. II-я), онъ не призналъ за благо упомянуть въ своей статьѣ хоть единымъ словомъ о существованіи этихъ записокъ. Подобное обращеніе съ историческимъ матеріаломъ не позволительно въ серьезной статьѣ научнаго изданія.

Сообщивъ въ переводѣ письмо князя Варшавскаго, авторъ оканчиваетъ свою статью слѣдующею замѣткою:

Письмо это, какъ видно, не было окончено, не имѣетъ заключенія. Князь Варшавскій скончался чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ онъ продиетовалъ эти строки, не успѣвъ окончить своего труда.

Князь Горчаковъ никогда не получилъ этого письма или этого отрывка; послѣ кончины фельдмаршала, семейство его не сочло нужнымъ отправить эту записку по назначенію.

Нѣсколько нескромный, можетъ быть, издатель, счелъ, однако, необходимымъ пропустить три первыя замѣчанія фельдмаршала на присланный Горчаковымъ обзоръ своихъ дѣйствій. Повидимому, они не были весьма лестнаго содержанія; мы должны даже полагать, что они были еще сильнѣе напечатанныхъ, а это что-нибудь да значить ¹⁾.

Нельзя отвергать, что въ этомъ письмѣ встрѣчается не одно мѣткое замѣчаніе, но вообще фельдмаршалъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою; обстоятельство это требуетъ нѣкотораго разъясненія.

Паскевичъ не былъ, какъ мы это видѣли, даже по мыслямъ своимъ предпріимчивымъ полководцемъ. Если Австрія и Пруссія выступили бы противъ Россіи, онъ полагалъ невозможнымъ удержаться ни въ Польшѣ, ни даже въ Литвѣ. Поэтому планъ Наполеона въ кампаніи 1813 года, — держаться въ Саксоніи, — прослылъ бы въ его глазахъ вполне страннымъ похожденіемъ. А между тѣмъ онъ совѣтовалъ начать наступательную войну противъ Австріи и смѣло двинуться къ Вѣнѣ ²⁾!

По всей вѣроятности, онъ сдѣлалъ это предложеніе въ увѣренности, что императоръ Николай не изъявитъ на то своего согласія. Оно должно было, вѣроятно, служить средствомъ къ разъясненію императору безнадёжности этой войны.

Перевелъ и сообщ. Н. Е. Шальдеръ.

¹⁾ Замѣтка эта служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что письмо Паскевича въ нѣмецкой статьѣ заимствовано изъ «Русской Старины», такъ какъ оно появилось въ переводѣ съ тѣми именно пропусками, съ которыми оно было первоначально напечатано въ «Русской Старинѣ». Авторъ упустилъ изъ виду, что мѣсяцемъ позже, въ томъ же журналѣ (изд. 1872 г. томъ VI, стр. 604—605), помѣщенъ новый отрывокъ записки князя Варшавскаго, дополняющій собою текстъ изданнаго ранѣе документа, согласно поступившему въ редакцію новому списку этого замѣчательнаго письма. Такимъ образомъ автору было бы весьма легко удовлетворить свое любопытство и ознакомиться со столь интересовавшими его первыми тремя замѣчаніями князя Паскевича. Н. Ш.

²⁾ Выше уже было нами замѣчено, что князь Варшавскій не представлялъ государю подобнаго плана кампаніи. Н. Ш.

ЗАМѢТКИ О СОБЫТІЯХЪ 1853—1855 ГГ.

(по поводу статьи: фельдмаршалъ Паскевичъ въ Крымскую войну).

Переведенная нами выше статья требуетъ болѣе подробнаго и всесторонняго разбора, чѣмъ это сдѣлано нами въ помѣщенныхъ вслѣдъ за симъ братскихъ замѣткахъ. Но мы имѣли въ виду указать только на нѣкоторые изъ важнѣйшихъ ошибокъ и недомолвокъ, сдѣланныхъ строгимъ цѣнителемъ нашихъ дѣйствій въ 1853—1855 гг. на Дунаѣ и въ Крыму, пользуясь для этой цѣли имѣющимися у насъ матеріалами.

Н. III.

I.

Упомянувъ о первыхъ годахъ службы князя Паскевича, авторъ совершенно упустилъ изъ виду непрерывное участіе, принятое будущимъ полководцемъ въ турецкихъ войнахъ царствованія императора Александра съ 1806 по 1811 годъ; а между тѣмъ исторія занесла въ свои лѣтописи не малое число совершенныхъ имъ здѣсь подвиговъ, положившихъ прочное основаніе его военной опытности и будущей славы. За оказанныя имъ въ этихъ войнахъ отличія, Паскевичъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры на 29-мъ году отъ рожденія, заслуживъ уже предъ тѣмъ всѣ ордена, какія только можетъ получить штабъ-офицеръ, включая сюда и орденъ св. Георгія 3-го класса¹⁾. Независимо отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, Паскевичъ получалъ еще неоднократныя порученія по дипломатической части въ визирю и въ Константинополь; поѣздки эти сопряжены были въ то время съ большою опасностью и едва не стоили ему жизни. Однажды онъ долженъ былъ поспѣшно выѣхать изъ Константинополя; навѣвъ маленькую лодку, Паскевичъ, съ двумя гребцами, пустился

¹⁾ При отератіи турецкой кампаніи Паскевичъ былъ въ чинѣ штабъ-капитана, занимая уже, съ самаго выпуска въ офицеры, въ 1800 г., званіе флигель-адъютанта государя императора.

Н. III.

въ Варну, проплывъ сто верстъ по бурному морю. Здѣсь паша хотѣлъ его задержать, но, увѣривъ турокъ, что миръ уже заключенъ, Паскевичъ успѣлъ добраться невредимымъ до главной квартиры русской арміи.

II.

Разсказывая подробно, какимъ образомъ относились въ предстоявшему столкновенію на востокъ двое изъ самыхъ вліятельныхъ русскихъ сановниковъ того времени, авторъ забылъ еще третьяго: князя М. С. Воронцова, этого посѣдѣлаго въ бояхъ война, бывшаго тогда главнокомандующимъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Опасаясь гибельныхъ послѣдствій обще-европейскаго столкновения для непокореннаго еще края, въ которомъ онъ начальствовалъ, князь Воронцовъ не могъ сочувственно относиться къ разрыву съ Турціею и съ западными державами. Когда же, въ началѣ 1854 года, война съ Англіею и Франціею сдѣлалась почти неизбѣжною, князь Михаилъ Семеновичъ полагалъ все еще возможнымъ достигнуть замиренія путемъ маловажныхъ измѣненій въ переговорахъ. Въ такомъ смыслѣ онъ писалъ къ государю изъ Тифлиса по полученіи имъ высочайшаго разрѣшенія на временное отсутствіе изъ Кавказа для поправленія здоровья. Приведемъ здѣсь выдержку изъ всеподданнѣйшаго письма его отъ 18-го (30-го) января 1854 года:

. „Одна надежда на Бога и на васъ, всемилостивѣйшій государь, что до такого явнаго разрыва между нами и западными морскими державами вы не допустите, какъ я осмѣлился и прежде одинъ разъ написать, хоть бы съ нѣкоторыми маловажными измѣненіями въ переговорахъ для замиренія. Больно мнѣ, какъ русскому и какъ русскому, совершенно преданному вамъ, всемилостивѣйшій государь, говорить о нѣкоторыхъ уступкахъ въ справедливыхъ требованіяхъ, прежде объявленныхъ, но, по вѣрноподданническому долгу, я долженъ сказать, что потеря и варварская потеря съ истребленіемъ гарнизоновъ укрѣпленій нашихъ на восточномъ берегу, вполне заслуживаетъ нѣкоторыхъ пожертвованій“. „Съ душевнымъ сокрушеніемъ говорю я все это, всемилостивѣйшій государь. Я, можетъ быть, ошибаюсь и дай Богъ, чтобы я ошибся, но я не могу не предвидѣть всего того, что я здѣсь излагаю, и мой священннй долгъ говорить вамъ то, что я по совѣсти полагаю за правду, даже съ опасеніемъ сдѣлать вамъ тѣмъ неудовольствіе, и опять всеподданнѣйше повторяю, какъ выше сказано, дай Богъ—ошибочно, что для сохраненія (не только) могущества, но и добраго имени Россіи въ здѣшней сторонѣ необходимо, ежели только возможно, не допустить до разрыва съ запад-

ными морскими державами, которыя, не рискуя ничего, могутъ сдѣлать намъ здѣсь ужасный вредъ, пагубнымъ послѣдствіямъ котораго нельзя предвидѣть ни предѣловъ, ни конца. Смѣю также думать, что морская побѣда подъ Синопомъ и блистательныя дѣла около Ахалциха и за Арпачаемъ, могутъ покрыть нашу честь и показать Европѣ и самимъ туркамъ, что не страхъ ихъ оружія заставляеть васъ, всемилостивѣйшій государь, согласиться на нѣкоторыя неважныя уступки, а одно только желаніе прекратить войну столь вредную для обѣихъ сторонъ и столь опасную для всей Европы.“

„Еще разъ прошу прощенія за столь откровенное и, можетъ быть, не-пріятное объясненіе, но я считалъ непремѣннымъ долгомъ прежде выѣзда моего отсель, сказать вамъ все, что лежитъ на душѣ моей и въ чемъ я, по крайнему моему разумѣнію, удостовѣрился, хотя опять скажу, можетъ быть ошибочно, по вѣснмъ обстоятельствамъ самаго дѣла и по знанію моему здѣшняго края“.

Но съ самаго начала несогласій нашихъ съ Оттоманскою Портою, явно враждебныя отношенія къ намъ западныхъ державъ пресѣкли всякую возможность миролюбиваго рѣшенія спорныхъ вопросовъ, сообразно тому, какъ этого требовало достоинство Россіи.

Приведемъ здѣсь выписку изъ отвѣта императора Николая Павловича на письмо князя Воронцова.

С.-Петербургъ, 18-го января 1854 г.

. „Ты весьма справедливо замѣчаешь, что разрывъ съ Англіей и Франціей значительно затрудняетъ положеніе дѣлъ нашихъ, въ особенности на Кавказѣ. Но предложеніе твое — сдѣлать незначительныя уступки въ нашихъ требованіяхъ, чтобъ избѣжать разрывовъ, несбыточно; во-первыхъ потому, что не знаю такихъ незначительныхъ уступокъ въ нашихъ требованіяхъ, да я полагаю, что и тебѣ мудрено было ихъ опредѣлить или мнѣ указать; а во-вторыхъ потому, что оно было бы несогласно съ достоинствомъ Россіи“.

„Россія требуетъ того, что ей слѣдуетъ по трактатамъ — ни болѣе, ни менѣе; гдѣ же тутъ случай къ уступкамъ?“

„Нѣтъ сомнѣнія, что положеніе нашей береговой линіи плачевно; помочь сему ни въ твоихъ, ни въ моихъ силахъ. Предвидя потерю нашихъ фортовъ и ихъ гарнизоновъ, нельзя не соболѣзновать ихъ злой участи. Но въ военномъ быту бываютъ случаи, гдѣ частью войскъ жертвуютъ, хотя скрѣпя сердце, для достиженія главной цѣли. Изъ сего же, однако, намъ дѣлать уступки, ни съ чѣмъ несообразныя, было бы унижительно и недостойно“.

III.

Нѣмецкій авторъ утверждаетъ, что истинное пониманіе военнаго дѣла было недоступно императору Николаю. Мнѣніе, высказанное авторомъ, свидѣтельствуетъ только о совершенномъ незнакомствѣ его съ разбираемымъ имъ предметомъ и о той легкомысленности, съ которою привыкли относиться за границею къ явленіямъ русской исторіи. Не говоря о прежнихъ войнахъ царствованія императора Николая Павловича и непрестаннаго участія, принятаго его державной рукой во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ, увѣнчавшихся полнымъ успѣхомъ¹⁾, мы остановимся только на послѣдней восточной войнѣ. Къ сожалѣнію, переписка императора Николая, относящаяся до столкновенія съ Турціею и съ западными державами, не подлежитъ еще исторической оцѣнкѣ; но если со временемъ появится въ печати эта обширная собственноручная переписка, прервавшаяся только за нѣсколько дней до кончины государя и обнимающая собою всѣ политическіе и военные вопросы того времени, то это будетъ лучшимъ памятникомъ, воздвигнутымъ императору Николаю. Тогда станутъ уже немислимыми ни на чемъ не основанныя фантазіи, въ родѣ отзыва, встречающагося въ разбираемой статьѣ.

Во всей этой перепискѣ покойный государь обнаружилъ замѣчательныя военныя дарованія и пониманіе военнаго дѣла, при вѣрной оцѣнкѣ всѣхъ обстоятельствъ. Если успѣхъ не увѣнчалъ нашихъ предпріятій въ восточную войну, то вина должна исключительно пасть на отсутствіе достойныхъ исполнителей высшихъ предначертаній государя; такъ, на примѣръ, на Дунаѣ, князь Горчаковъ, несмотря на рѣдкія качества своего ума и сердца, не могъ вести войска наши къ побѣдѣ уже по одному складу своего нерѣшительнаго характера; онъ, при тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, изнемогъ подъ бременемъ отвѣтственности. Князь Варшавскій обладалъ, напротивъ того, всѣми качествами отличнаго полководца, но онъ въ эту кампанію не хотѣлъ ничего сдѣлать — все задерживалъ, медлил, гдѣ не нужно, упускалъ драгоцѣнное время, а въ результатѣ появилась печальная необходимость очищенія Придунайскихъ княжествъ, открывшая союзникамъ доступъ въ Крымъ.

Для разъясненія того высокаго пониманія военнаго дѣла, которымъ отличаются наставленія императора Николая различнымъ на-

¹⁾ Къ этому слѣдуетъ еще присоединить реорганизацію арміи и военнаго министерства, совершенную сообразно высочайшимъ предначертаніямъ.

шимъ военачальникамъ, достаточно привести только нѣкоторыя выдержки, характеризующія воззрѣнія, которыми руководствовался при этомъ нашъ верховный вождь. Не сопровождая эти выписки никакими комментаріями, сохранимъ только хронологическій порядокъ представляемыхъ выдержекъ.

Когда, въ февралѣ мѣсяцѣ 1854 года, князь Варшавскій былъ призванъ въ Петербургъ, для обсужденія плана предстоявшей кампаніи, императоръ Николай Павловичъ сдѣлалъ слѣдующую собственноручную отмѣтку на одной изъ записокъ генераль-фельдмаршала (28-го февраля 1854 г.):

.... „Просить его ¹⁾ тоже не сбивать съ толку Горчакова частыми приказаніями въ родѣ гофъ-кригсрата. Главныя мысли должны ему быть начертаны здѣсь; исполненіе же и примѣненіе къ обстоятельствамъ вполнѣ ему предоставлено на его отвѣтственность, иначе выйдетъ вздоръ“.

Послѣ этого, 8-го марта 1854 г., государь слѣдующимъ письмомъ сопровождалъ послыку князю Горчакову вновь составленнаго плана дѣйствій:

.... „Съ нетерпѣніемъ ожидать буду, было-ли благословеніе Божіе нашему предпріятію черезъ Дунай! Почти съ каждымъ днемъ положеніе дѣлъ дѣлается для насъ грознѣе“, „оно дошло до того, что вынудило меня начертать новый обзоръ или планъ дѣйствій, соотвѣтственный теперешнему положенію нашихъ соотношеній ²⁾“. Князь Иванъ Федоровичъ его одобрилъ и тебѣ сообщить; это, повторяю, не предписаніе гофъ-кригсрата, но обзоръ необходимый положенія нашего и того, что мы въ такихъ обстоятельствахъ предпринимать можемъ, и какъ полагаемъ къ оному приступить, не стѣсня тебя въ нужныхъ детальныя отступленія, лишь бы общее направленіе дѣйствій было согласно съ онымъ и въ связи потому со всѣми другими мѣрами, которыя на всѣхъ другихъ угрожаемыхъ пунктахъ предпринимаются“.

Въ такомъ же духѣ государь писалъ князю Горчакову и позже, 7-го (19-го) іюня 1854 г. (изъ Петергофа):„Въ этомъ краткомъ очеркѣ начерталъ я все, что могу тебѣ дать въ руководство, вовсе, однако, не стѣсня тебя въ подробностяхъ, ни въ тѣхъ отмѣнахъ, кои могутъ произойти отъ обстоятельствъ, мнѣ неизвѣстныхъ“. „Повторяю тебѣ, я не гофъ-кригсратъ, пишу, что думаю, что желаю; рѣшай же ты съ

¹⁾ Т. е. князя Варшавскаго. Самая отмѣтка предназначалась для военнаго министра.

²⁾ Съ Австрією.

полной свободой и отвѣтственностію; съ моей стороны, какъ и всегда, полное къ тебѣ довѣріе“.

Когда, послѣ снятія осады Силистріи и очищенія Придунайскихъ княжествъ, пришлось ожидать высадки въ Крыму, князь Горчаковъ, по опасеніямъ, изъявленнымъ княземъ Меншиковымъ за Крымъ и Севастополь¹⁾, двинулъ немедленно, 6-го іюля, 16-ю дивизію для его поддержки, императоръ, предвидѣвшій экспедицію союзниковъ въ Крымъ, вполне одобрилъ эту мѣру князя Горчакова, не поколебавшагося даже превысить власть свою въ столь важномъ дѣлѣ, какъ сохраненіе для Россіи Севастополя. „Спокоенъ буду, писалъ государь князю Варшавскому, когда гроза минуетъ“.

3-го іюля. (Князю Варшавскому). „Очень думаю, что попытка на Крымъ сбудется, и надѣюсь на милость Божию, что отобьемся съ честью“.

19-го іюля. (Князю Горчакову). „Съ отправленіемъ 16-й дивизіи менѣе опасаясь за Крымъ. Полагаю, что непріятель туда обратитъ большія усилія, но и оборону встрѣтитъ отчаянную“²⁾.

Замѣчательно, что фельдмаршалъ Паскевичъ совершенно ложно оцѣнилъ тогда положеніе дѣлъ; его постоянно преслѣдовала только одинъ призракъ — это Австрія, вторгающаяся въ русскіе предѣлы; и потому онъ полагалъ, что князю Горчакову „не должно бы отсылать 16-й дивизіи изъ Молдавіи“. „Что же касается до предпріятій англо-французскихъ десантовъ на Крымъ, то мнѣ кажется большой опасности отъ нихъ быть не можетъ“ (?!!), ибо князь Меншиковъ имѣетъ до 25,000 войска и до 20,000 матросовъ, половину которыхъ можетъ вооружить; атаковать же 45,000 русскихъ войскъ для десанта, хотя бы въ 50 или 60,000, не такъ легко“.

21-го іюля государь возражалъ князю Варшавскому на его невѣрную оцѣнку обстоятельствъ и неоднократно высказываемое имъ убѣжденіе, что у князя Меншикова достаточно войска для защиты Севастополя. „Посылка 16-й дивизіи, какъ бы она еще ни полезна была въ Бессарабіи, совершенно необходима, чтобъ дать вѣроятіе намъ отстоять (не только) Крымъ, но и Севастополь, котораго защита по степени сухопутной обороны, невозможна почти безъ значительной силы, тогда какъ извѣстно, съ какими способами собираются союзники атаковать. Надѣюсь, что дивизія прибудетъ еще во-время и, быть можетъ, рѣшить дѣло въ нашу пользу и уничтожить всѣ надежды враговъ на

¹⁾ См. письма кн. Меншикова къ кн. Горчакову, 1854—1855 гг., помѣщенные въ «Русской Старинѣ», изд. 1875 г., томъ XII, стр. 174—196; 298—328, и проч.

²⁾ 16-я дивизія подоспѣла какъ разъ къ альминскому сраженію, въ которомъ приняла участіе.

легкое овладѣніе“. „Сохраненіе Крыма, обезпеченіе Севастополи и флота теперь для насъ первѣйшая важность; ежели будемъ такъ несчастливы, что лишимся ихъ, на долго Россія ощущать будетъ этотъ тяжкій ударъ“.

21-го іюля (1854 г.) государь о томъ же писалъ князю Горчакову: „Князь Иванъ Ѳедоровичъ жалѣеть объ отсылкѣ 16-й дивизіи. Признаюсь, что я не раздѣляю его мнѣнія, и ежели она была полезна въ Молдавіи, то при теперешнихъ обстоятельствахъ еще не обходимѣе у Крыма, куда, кажется, направятся всѣ усилія союзниковъ, тогда какъ надѣяться можно, что австрійцы не осмѣлятся атаковать насъ, когда мы очищаемъ княжества и еще менѣе вѣроятно, чтобы ворвались въ наши предѣлы“.

Наконецъ высадка въ Крыму состоялась и опасенія императора Николая вполнѣ оправдались на дѣлѣ. Памятно еще, на сколько фланговое движеніе князя Меншикова къ Бахчисараю возбудило въ свое время нареканій,—даже и позднѣе находились даровитые военные писатели, отрицавшіе его пользу. Императоръ тотчасъ оцѣнилъ рѣшимость князя Меншикова по достоинству, что видно изъ перваго письма, посланнаго государемъ въ Крымъ послѣ альминскаго сраженія.

(Гатчино, 12-го сентября): „Довѣріе мое ни къ тебѣ, ни къ войскамъ не уменьшилось, авось, придетъ и наша очередь! Хорошимъ сему началомъ принимаю отлично придуманный тобой фланговый переходъ, которымъ ты вышелъ изъ отчаяннаго положенія и очутился тамъ, гдѣ, признаюсь, полагалъ, что настоящее твое мѣсто, гдѣ сообщенія твои свободны и съ подкрѣпленіями, и съ подвозами, тебѣ нужными; и что также весьма важно, откуда ты, въ свою очередь, угрожаешь флангу и даже тылу непріятеля“¹⁾.

20-го сентября 1854 г. императоръ писалъ князю Горчакову:

.... „Надо благодарить Бога, что Меншикову удалось его трудное и отважное фланговое движеніе въ виду непріятеля: дѣлаетъ честь ему и столько же войскамъ, что послѣ неудачнаго дѣла и огромной потери начальниковъ, офицеровъ и самихъ людей, могли движеніе совершить въ столь примѣрномъ порядкѣ. Повторяю, слава Богу! Теперь что бы ни было, но корпусъ Меншикова имѣетъ свободное отступленіе, ежели не удастся даже спасти Севастополь. Признаюсь, я предвидѣлъ гораздо худшее, то есть пропажу всего“.

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Письмо это было напечатано въ «Русскомъ Ивалидѣ» и «Военномъ Сборникѣ» 1873 года.

ВЗРЫВЪ ПАВЛОВСКАГО ФОРТА ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

29-го АВГУСТА 1855 г.

Севастопольскій обѣдъ въ декабрѣ 1874 года далъ, какъ извѣстно, поводъ къ спору по вопросу: „кто послѣдній оставилъ Севастополь 28-го августа 1855 года“ и при многостороннемъ разсмотрѣннн этого вопроса въ „Русской Старинѣ“ и „Русскомъ Архивѣ“ вызвалъ на Божій свѣтъ нѣсколько замѣтокъ, имѣющихъ значеніе для исторіи обороны Севастополя.

Къ числу таковыхъ замѣтокъ мы причисляемъ выдержку изъ письма князя С. С. Урусова къ издателю „Русскаго Архива“, помѣщенную въ шестой тетради названнаго сборника за этотъ годъ. Несомнѣнно, впрочемъ, что всѣ эти замѣтки имѣли бы несравненно большее значеніе и интересъ, если бы въ нихъ было больше прямыхъ указаній, чѣмъ намековъ, часто совершенно непонятныхъ для читателя.

Что-нибудь одно: если уже настало время говорить чистую правду про всѣ переходы севастопольской обороны, не стѣсняясь тѣмъ, что нѣкоторые дѣйствователи этой великой драмы не успѣли еще перейти въ вѣчность, то и будемъ говорить эту правду не обинуясь; если же этого времени еще не настало, то не лучше-ли воздержаться отъ полусловъ и полупрозрачныхъ намековъ. Если мы позволимъ себѣ говорить объ ошибкахъ и неправильныхъ дѣйствіяхъ однихъ дѣйствующихъ лицъ разсматриваемаго эпизода, то будемъ также откровенно говорить и объ ошибкахъ другихъ. Если мы позволимъ себѣ печатать полную фамилію, наприимѣръ, генерала Баумгартена, когда князь Меншиковъ въ своемъ письмѣ къ князю М. Д. Горчакову, въ самый разгаръ севастопольской войны, говорить, что „генераль Баумгартенъ уже не тотъ, что былъ полковникомъ подъ Четати“ („Рус-Стар.“ февр. 1875 г., стр. 320), то я не могу понять, по какой при-

чинѣ князь Урусовъ въ названной статьѣ не хочетъ поименовать тѣхъ „дѣятелей и судій“ сѣверной стороны, которые такъ скептически относились къ подвигамъ того траншей-маіора, одного выдержавшаго 28-ми дневный искусь и оставшагося въ живыхъ, который не нечаяннымъ нападеніемъ, а открыто, съ незначительными силами, бросился на занявшаго нашу позицію, превосходнаго въ числѣ непріятеля и отбить ее? почему князь Урусовъ не называетъ имени траншей-маіора этого и не рассказываетъ съ большею ясностью и подробностью самаго факта, совершеннаго этимъ траншей-маіоромъ, подвига?

Для исторіи севастопольской борьбы, столь интересующей отечественное общество, если и могутъ быть собраны въ достаточномъ числѣ необходимые матеріалы, то только теперь, когда еще живы многіе изъ дѣйствующихъ лицъ этой борьбы. Потому, если хотятъ знать истину, неподкрашенную и неподдѣланную, то именно теперь, заводя рѣчь о какомъ-либо эпизодѣ этой борьбы, надлежитъ устранить всякіе намеки и полуслова. Такимъ только способомъ сдѣлается невозможнымъ возведеніе въ фактъ какой-либо выдумки, такимъ только способомъ устранится возможность невѣрнымъ освѣщеніемъ бросать фальшивыя свѣто-тѣни на то или другое событіе.

Между тѣмъ, не безынтересная замѣтка князя С. Урусова именно этимъ и погрѣшаетъ.

Ведется рѣчь о взрывѣ форта на Павловскомъ мыскѣ.

„Было уже за полдень, говоритъ князь Урусовъ (надо думать 28-го августа), когда эту батарею внезапно закрыло черною тучею и съ трескомъ подняло вверхъ“.

Затѣмъ къ князю Урусову, въ палатку на сѣверной, прибылъ въ число гостей штабъ-офицеръ, произведшій взрывъ.

Далѣе отрывочный рассказъ князя Урусова объ этомъ событіи даетъ понять, что фортъ взорванъ вмѣстѣ съ тѣми ранеными, нашими и непріятельскими, которые въ немъ были сложены, тогда какъ, по словамъ князя Урусова, „надо думать, что судьба ихъ была ввѣрена начальнику штаба, тѣмъ болѣе, что перевозочныя средства были въ рукахъ у него“.

Очевидно, на начальника штаба крымской арміи возлагается этимъ предположеніемъ слишкомъ тяжкое обвиненіе, чтобы въ нему легко могъ относиться историкъ севастопольской обороны, чтобы онъ могъ оставить безъ надлежащей оцѣнки самый фактъ и безъ критической повѣрки образъ дѣйствій того, кто взорвалъ названную батарею, тѣмъ болѣе, что, по словамъ князя Урусова, онъ живъ и доселѣ и, слѣдовательно, можетъ объяснить, что именно побудило его взорвать фортъ

Павелъ I, съ людьми въ немъ сложенными, тогда какъ намъ извѣстно и подтверждается разсказомъ самаго князя Урусова, что главнокомандующій предполагалъ: не только раненыхъ, сложенныхъ въ Павловскомъ фортѣ, но и всѣхъ раненыхъ, находившихся въ Севастополѣ, поручить великодушію непріятели.

Чтобы хотя нѣсколько облегчить будущему историку севастопольской обороны трудъ разъясненія приведеннаго обвиненія, мы излагаемъ здѣсь свои по этому вопросу воспоминанія и соображенія.

Нѣтъ-ли ошибки въ разсказѣ и предположеніи князя С. С. Урусова?

Я самъ былъ участникомъ и очевидцемъ отступленія изъ Севастополя. Съ напряженнымъ вниманіемъ я слѣдилъ за всѣми переходами этой кровавой драмы и, что успѣвалъ, тутъ же записывалъ.

Въ моихъ записныхъ листахъ сохранились слѣдующія строки, относящіяся до разсматриваемаго вопроса.

Утро. 28-го августа 1855 г.

.... „Видна еще суматоха у Павловскаго мыска: тамъ оставлено болѣе 500 раненыхъ; ихъ перевозятъ теперь по согласію съ французскимъ главнокомандующимъ....“ ¹⁾

Много лѣтъ прошло со времени великаго событія. Трудно было сохранить въ памяти разныя мелкія подробности и поневолѣ приходится вѣрить тому, что было записано въ самый моментъ дѣйствія. Впрочемъ, я не вижу причины не вѣрить этому — записанному. Мои записные листки не выдуманы въ послѣдствіи, я ихъ набрасывалъ — тогда. То, что происходило послѣ отступленія на другіе и третьи сутки, я записывалъ, находясь все время на берегу бухты, на сѣверной сторонѣ и, слѣдовательно, если у меня записано 28-го августа, что суматоха происходитъ у Павловскаго мыска, при чемъ перевозятъ

¹⁾ При оцннкѣ этого свѣдѣнія надлежитъ забывать, что я записывалъ тогда то, что видѣлъ и слышалъ — всего я самъ видѣть не могъ. Перевозку раненыхъ съ мыска я видѣлъ самъ; о томъ, что таковая совершается по согласію съ французскимъ главнокомандующимъ, я могъ только слышать. Слухъ этотъ, надо думать, былъ невѣренъ; по крайней мѣрѣ доселѣ ничѣмъ не подтверждается, чтобы 28-го августа былъ посланъ къ союзнымъ главнокомандующимъ нашъ парламентаръ. Впрочемъ, этотъ ошибочный слухъ нисколько не измѣняетъ факта перевозки раненыхъ изъ Павловскаго форта, котормъ, надо полагать, совершилась весьма успѣшно (какъ продолжавшаяся весь день 28-го августа), потому что союзники не нашли нашихъ раненыхъ близъ этого пункта, когда его заняли. По словамъ главнаго французскаго доктора Шеню, до 500 нашихъ раненыхъ было найдено собственно у Николаевскаго форта, которые и переданы намъ. (*Rapport au Conseil de santé des armées etc. par I. C. Chenu. 1865. Paris, page 114.*) П. А.

раненныхъ, то, значитъ, я собственными глазами видѣлъ эту перевозку и эту суматоху.

Что перевозка эта совершалась дѣйствительно, доказывается разсказомъ подполковника А. Разина (Очерки изъ крымской войны. Рукописи о севастопольской оборонѣ, собранныя Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, томъ II, спб., 1872, стр. 285) о перевозкѣ его, въ числѣ около 50-ти офицеровъ, на баркасѣ съ Павловскаго мыска на сѣверную. Если же перевозка раненныхъ съ Павловскаго мыска совершалась дѣйствительно, то, значитъ, о нахожденіи тамъ раненныхъ знали, а если знали, то кто могъ рѣшиться взорвать фортъ на воздухъ, прежде чѣмъ раненные были оттуда перевезены.

Если мнѣ не измѣняетъ память, то перевозкою раненныхъ съ Павловскаго мыска занимался капитанъ-лейтенантъ Ильинскій и чутъ-ли ни онъ ѣздилъ съ охотниками на Павловскій фортъ, чтобы взорвать его. Не знаю, живъ-ли доселѣ этотъ храбрый штабъ-офицеръ, а если онъ живъ, то, вѣроятно, не откажется пролить надлежащій свѣтъ на фактъ, являющійся въ разсказѣ князя Урусова до крайности прискорбнымъ.

При томъ было бы еще понятнѣе предположеніе о взрывѣ Павловскаго форта до вывозки изъ него раненныхъ, если бы этотъ взрывъ былъ произведенъ въ самую сумятицу боя, а такъ какъ извѣстно, что Павловскій фортъ взорванъ послѣ всѣхъ другихъ и, по моему, взорванъ на третій день послѣ штурма, т. е. утромъ 29-го августа, то что другое могло замедлить взрывъ этого форта, въ подвалахъ котораго имѣлся значительный запасъ пороха, форта, находившагося на мысу корабельной стороны, прежде другихъ частей города, занятой непріателемъ, какъ ни перевозка раненныхъ изъ этого форта, болѣе затруднительная, чѣмъ перевозка съ правой стороны оборонительной линіи, потому что совершалась на судахъ.

Въ подтвержденіе своего указанія о взрывѣ Павловскаго форта 29-го августа, позволю себѣ войти въ нѣкоторое объясненіе.

Весьма естественно, что въ моменты кипучей служебной дѣятельности, которою я былъ всецѣло поглощенъ въ послѣдующіе за отступленіемъ изъ Севастополя дни, по весьма тогда хлопотливой должности моей старшаго дивизионнаго адъютанта, я долженъ былъ ограничиваться запискою въ своемъ дневникѣ многихъ совершавшихся событій только полусловами, да отрывочными фразами, а по этой причинѣ я позволялъ себѣ въ послѣдствіи, по свѣжей еще памяти, когда у меня стало больше свободнаго времени, дополнять и расширять свои записки, когда въ нихъ заходила рѣчь о событіяхъ особой важности. Такимъ образомъ мои замѣтки о дняхъ 28-го и 29-го августа,

въ моихъ „Походныхъ запискахъ въ войну 1853—56 годовъ“ (Вятка, 1861 г.) слиты въ одной рубрикѣ, причѣмъ, впрочемъ, относящееся до 29-го августа отдѣлено чертою (томъ II, стр. 382). Что разсказъ о взрывѣ Павловскаго форта относится именно къ утру 29-го августа, служатъ доказательствомъ слова „Записокъ“: „Мы стали собираться въ походъ, какъ вновь поднялось отъ Севастополя густое черное облако и пр.“. Штабъ нашей 11-й пѣхотной дивизіи выступилъ съ сѣверной стороны на Инкерманскія высоты 29-го августа, слѣдовательно, и разсказъ о взрывѣ Павловскаго форта относится къ тому же числу. Притомъ картина этого взрыва такъ вѣзалась въ моей памяти, что я какъ сейчасъ ее вижу и помнится она мнѣ при утренней зарѣ.

Хотя въ „Описаніи хода обороны Севастополя съ 5-го по 28-е августа, доставленномъ ген.-адъют. княземъ Горчаковымъ“ („Рус. Инв.“ 1855 года, № 204) и значитъ, что послѣ полудня 28-го августа взлетѣла на воздухъ Павловская батарея, но это указаніе можетъ быть также ошибочно, какъ и помѣщенное нѣсколькими строками выше, въ томъ же „Описаніи“, извѣстіе, что войска, занимавшія барикады и пр., стали отходить къ переправѣ черезъ бухту, когда былъ поданъ сигналъ отступленія, послѣ переправы раненныхъ съ Павловской батареи,—тогда какъ извѣстно, что оттуда раненныхъ перевозили 28-го августа, почти весь день, а мостъ за отступившими войсками былъ разведенъ около 9-ти часовъ утра.

Доказательствомъ, что Павловскій фортъ взорванъ утромъ 29-го августа, служатъ слова маршала Ниеля: „Le fort Paul ne sauta que dans la matinée du 10“. (Siège de Sebastopol. Journal des opérations du Genie etc. par le général Niel. Paris. 1858, page 447). Тоже подтверждаетъ Ch. Fay, адъютантъ генерала Боске. (Souvenirs de la guerre de Crimée 1854—56. Paris. 1867, page 331).

Затѣмъ, изъ приведеннаго въ статьѣ князя Урусова разговора его съ тѣмъ штабъ-офицеромъ, который взорвалъ Павловскій фортъ, надлежитъ заключить, что онъ произвелъ взрывъ, не подозрѣвая, что въ Павловской батарее сложены раненные.

Предоставляемъ каждому самому обсудить: съ одной стороны, возможно-ли такое легкомысленное отношеніе къ дѣлу штабъ-офицера, очевидно пользующагося немалымъ довѣріемъ своего начальства, если ему было поручено такое важное дѣло, какъ взрывъ Павловскаго форта; съ другой стороны, если даже допустить такое легкомысліе въ томъ штабъ-офицерѣ, что онъ самъ и не заглянулъ въ фортъ съ цѣлью удостовѣриться: нѣтъ-ли еще въ немъ людей,—то развѣ солдаты, бывшіе съ нимъ, прислуга, состоявшая при раненныхъ (такъ какъ въ

послѣднее время въ Павловскомъ фортѣ было устроено госпитальное отдѣленіе), наконецъ, сами раненые не заявили бы о нахожденіи въ фортѣ еще живыхъ людей. Или не думаетъ ли князь Урусовъ, что штабъ-офицеръ, взорвавшій фортъ, имѣлъ инструкціи отъ высшаго начальства взорвать фортъ, хотя бы и наполненный ранеными чужими и своими?

Наконецъ, князь Урусовъ полагаетъ, что раненые, сложенные на Павловскомъ мыскѣ, были поручены попеченію начальника главнаго штаба.

Извѣстно, что этотъ генералъ оставилъ Севастополь вмѣстѣ съ главнокомандующимъ.

Если, раздѣляя взглядъ разсматриваемой статьи князя Урусова, трудно предположить, чтобы такой военачальникъ, какимъ всѣ знаютъ графа Д. Е. Остенъ-Сакена, рѣшился оставить свой постъ прежде своего начальника, то, исходя изъ того же взгляда, также труднымъ кажется предположить, чтобы начальникъ главнаго штаба, не исполнивъ порученія своего главнокомандующаго, могъ возвращаться вмѣстѣ съ нимъ изъ дѣла, покидая такимъ произвольнымъ способомъ постъ, ему указанный.

Сопоставляя совершенную невозможность такого образа дѣйствій со стороны начальника главнаго штаба, съ извѣстною заботливостію главнокомандующаго князя Горчакова о своихъ солдатахъ, а также имѣя въ виду, что Павловскій мысокъ, заваленный ранеными, передъ самымъ отъѣздомъ князя Горчакова изъ Севастополя, былъ имъ посѣщенъ,—я съ своей стороны прихожу къ положительному заключенію, что раненые Павловскаго форта непременно были поручены княземъ, при самомъ посѣщеніи форта, чьему-либо попеченію. Если такое порученіе было возложено княземъ на начальника своего штаба, то онъ несомнѣнно кому-либо передалъ это порученіе, во всякомъ же случаѣ распоряженіе о взрывѣ Павловскаго форта не раньше могло быть сдѣлано, какъ послѣ полученія донесенія объ очищеніи форта отъ раненыхъ.

Что касается до исчезновенія полковника Нейдгардта, ампутированнаго въ Павловскомъ фортѣ, то онъ могъ умереть тамъ отъ раны прежде чѣмъ могли перевезти его вмѣстѣ съ другими ранеными, и такимъ образомъ штабъ-офицеръ этотъ могъ быть оставленъ въ фортѣ, такъ какъ въ суматохѣ, которая происходила при отступленіи изъ Севастополя, было уже не до уборки мертвыхъ тѣлъ¹⁾.

¹⁾ Въ «Описаніи хода обороны Севастополя» съ 5-го по 28-е августа («Рус. Инв.» 1855 г., № 204) полковникъ Нейдгардтъ показанъ убитымъ, а отнюдь не безъвѣсти пропавшимъ, какъ говоритъ въ своей статьѣ князь Урусовъ.

Я слишкомъ далежъ отъ мысли видѣть въ полупрозрачномъ разсказѣ князя Урусова что-либо другое, кромѣ простаго недоразумѣнія, и если высказываю здѣсь свои мысли и воспоминанія, относящіяся къ разсказанному событію, то собственно раздѣляя желаніе кн. Урусова, чтобы оно было разъяснено, пока живы еще свидѣтели взрыва Павловскаго форта, съ которыми, по словамъ кн. Урусова, ему удалось бесѣдовать объ этомъ событіи въ 1874 году, но которыхъ онъ, въ сожалѣнію, не называетъ въ своей статьѣ, и, главное, пока еще живъ самъ виновникъ взрыва.

Мнѣ тѣмъ болѣе кажется возможною ошибка въ прозрачномъ намекѣ князя Урусова на взрывъ Павловскаго форта съ тѣми ранеными, которые въ немъ были сложены, что въ той же статьѣ кн. Урусова есть нѣкоторыя другія указанія, на мой взглядъ, не вполне точныя и вѣрныя.

Напримѣръ: 1) Князь Урусовъ утверждаетъ, что раненные, сложенные на Павловскомъ мыскѣ, не были поручены никому въ особенности, и прибавляетъ: „надо думать, что судьба ихъ была ввѣрена начальнику штаба, ибо не къ кому было больше обратиться, какъ къ нему, тѣмъ болѣе, что перевозочныя средства были въ рукахъ у него“. Что до меня касается, я полагаю этого-то думать и ненадо, такъ какъ въ тотъ моментъ севастопольской борьбы, къ которому относится это предположеніе, начальникъ штаба главнокомандующаго не могъ быть занимаемъ такимъ относительно незначительнымъ дѣломъ, какъ уборка раненыхъ съ одного какого-нибудь пункта, но что этимъ дѣломъ нашлось бы и тогда даже кому поручить заняться, кромѣ начальника штаба. Полагаю, перевозка раненыхъ съ Павловскаго мыска скорѣе могла бы быть поручена вице-адмиралу Новосильскому, въ распоряженіи котораго состояли суда, пароходы и прочія перевозочныя средства для доставки войскъ съ корабельной стороны (а не въ распоряженіи начальника главнаго штаба, какъ говорить князь Урусовъ), или генераль-лейтенанту Шепелеву, которому въ концѣ дѣла были поручены всѣ войска, занимавшія корабельную.

2) „Скоро,—говоритъ князь Урусовъ,—огненная черта опоясала всѣ курганы (въ томъ числѣ и Малаховъ)“.

Огненная черта не могла опоясать Малахова кургана, потому что корабельная сторона не была зажжена, вслѣдствіе запрещенія, сдѣланнаго генераломъ Шейдеманомъ зажигать ее, такъ какъ онъ опасался, что пожаръ корабельной освѣтитъ единственный путь нашего отступленія — мостъ черезъ бухту и сдѣлаетъ его хорошею цѣлью для неприятельской артиллеріи. Такимъ образомъ на корабельной сторѣла

только часть морскихъ базармъ, что тянулись отъ Павловскаго мыса и находились въ значительномъ разстояніи отъ Малахова кургана.

3) Говоря объ отступленіи нашемъ черезъ мостъ, князь Урусовъ прибавляетъ, что „была опасность и отъ сильнаго вѣтра, ибо волны могли разорвать мостъ и потопить тысячи людей“.

Къ вечеру 27-го августа, когда началось главное отступление войскъ, по счастью, вѣтеръ стихъ совершенно, самая зыбь бухты нѣсколько уменьшилась, хотя еще не улегшіяся волны все-таки продолжали раскачивать мостъ.

Да не покажутся мною сдѣланныя указанія простыми придирками къ словамъ или обращающими вниманіе читателя на обстоятельства, въ сущности его незаслуживающія.

Указанія эти мною сдѣланы для того собственно, чтобы имѣть основаніе заключить: если князь Урусовъ, рассказывая известное событіе, могъ ошибиться въ передачѣ нѣсколькихъ фактовъ, то онъ могъ ошибиться и въ обрисовкѣ того факта, который сдѣлался почти главною темою его повѣствованія.

П. В. Алабинъ.

Памятникъ Александру I въ селѣ Понизовѣ.

1816 г.

Въ 1816 году Александръ I проѣзжалъ въ Могилевъ (на Днѣпрѣ) для осмотра гренадеръ, назначавшихся на военное поселеніе.

Государь ѣхалъ не почтовымъ трактомъ и въ Мосальскомъ уѣздѣ. Калужской губерніи, слѣдовалъ по большой транспортной дорогѣ, идущей изъ города Мосальска въ городъ Рославль, Смоленской губерніи.

Вездѣ были учреждены станціи съ обывательскими лошадьми; одна изъ этихъ станцій была Мосальскаго уѣзда въ селѣ Понизовѣ, предъ самымъ домомъ помѣщика капитана Александра Васильевича Зыкова¹⁾.

Государь въ сопровожденіи князя Волконскаго пріѣхалъ въ открытой коляскѣ и дремалъ. При остановкѣ экипажа, для перемѣны лошадей, онъ былъ пріятно удивленъ великолѣпною иллюминаціею большого господскаго дома, съ колоннами, галереями и флигелями.

Это было 3-го сентября 1816 г., въ 3 часа утра.

Дѣдъ мой подошелъ къ коляскѣ, поднесъ государю хлѣбъ соль и просилъ осчастливить его домъ посѣщеніемъ.

Императоръ милостиво принялъ приглашеніе, тотчасъ вышелъ изъ экипажа и пошелъ черезъ весь дворъ пѣшкомъ.

Подойдя къ крыльцу дома, онъ спросилъ:

— Гдѣ хозяйка?

— Государь, у меня нѣтъ жены и хозяйкою дочь²⁾.

Государь подавъ руку 19-ти-лѣтней дѣвицѣ и вмѣстѣ съ нею вошелъ въ домъ. Комнаты были освѣщены à gіогно воскомъ—по карнизамъ и бордюрамъ оконъ горѣли шпалки, все это было довольно эффектно

Войдя въ гостиную, государь увидалъ предъ собою другую картину: то былъ старый, почти столѣтній садъ, съ густыми липовыми и еловыми аллеями, залитыми огнемъ, а на главномъ еловомъ проспектѣ, противъ балкона, выходящаго въ садъ, горѣлъ огромный транспрантъ съ различными украшеніями, по срединѣ которыхъ сіялъ вензель государя.

— Такъ поздно, и вы еще не спите, сказалъ государь.

¹⁾ Александръ Васильевичъ Зыковъ—мой дѣдъ со стороны матери.

²⁾ Елисавета Александровна, въ послѣдствіи по мужѣ Лыковаина. П. С. «РУССКАЯ СТАРИНА», ТОМЪ XIII, 1875 г., АВГУСТЪ. 42

— Для такого дорогаго гостя можно было бы не спать не нѣсколько часовъ, но нѣсколько ночей, отвѣчалъ мой дѣдъ.

Государь былъ въ сюртукѣ, безъ эпюлетъ и извинялся, что одѣтъ по дорожному, прибавивъ, что не ожидалъ встрѣтить такое общество.

Въ числѣ свиты, пріѣхавшей еще прежде, находился лейбъ-медикъ Вилліе, который въ разговорѣ сказалъ:

— Государь, здѣсь весело, здѣсь говорятъ по-англійски.

— Ваше село называется Понизовье?

— Точно такъ, государь, отвѣчалъ мой дѣдъ.

Хотя въ сущности оно называлось Понизово, но съ тѣхъ поръ всѣ стали называть его Понизовье, и удареніе, сдѣланное государемъ, удержалось.

У дѣдушки былъ сынъ и два внука—мой братъ и я.

Государь подошелъ къ намъ, погладилъ по головѣ Владиміра¹⁾ и, обращаясь ко всѣмъ, сказалъ:

— Растите, учитесь, а потомъ въ службу.

Государь все время не садился, выеушалъ одну чашку чая (который подавалъ самъ дѣдушка) и, подойдя къ столу, на которомъ былъ десертъ, скушалъ какой-то фруктъ.

Въ Понизовѣ государь пробылъ менѣе часа. Отѣзжая, со всѣми раскланялся, взялъ опять подъ руку барышню-хозяйку и вмѣстѣ съ ней пошелъ къ выѣздному крыльцу, опять прощался, благодарилъ дѣдушку и поцѣловалъ руку у Елисаветы Александровны.

У крыльца стояла коляска, запряженная шестернею гнѣдыхъ лошадей съ конюшни дѣдушки. Лошадей этихъ нѣсколько недѣль наѣзжали и Абрамка кучеръ довелъ ихъ бѣгъ до двадцати верстъ въ часъ; при этой быстротѣ онѣ были совершенно смиренны и ничего не боялись.

Государь не надѣвалъ фуражки, куда экипажъ не тронулся; громкое ура сопровождало его отѣздъ.

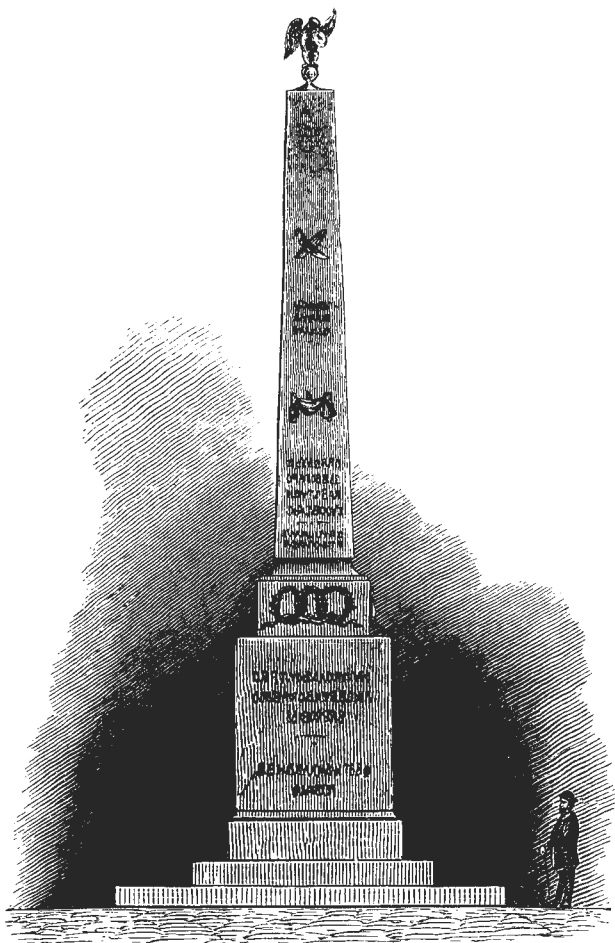
Домъ дѣдушки находится почти въ верстѣ отъ настоящей большой дороги и было тутъ одно неудобное для проѣзда мѣсто.

Разумѣется, мѣсто это совершенно исправили и было оно также хорошо, если не лучше остальной дороги, но дѣдушка безпокоился, чтобы не случилось чего-нибудь подѣ Бодовкою²⁾ и потому отправилъ своего управляющаго изъ крѣпостныхъ Ивана Родіонова и съ нимъ нѣсколько человѣкъ верхомъ провожать государя.

Государь, замѣтивъ этихъ людей, спросилъ:

¹⁾ Сынъ дѣдушки.

²⁾ Названіе деревни.

ПАМЯТНИКЪ АЛЕКСАНДРУ I ВЪ СЕЛѢ ПОНИЗОВЪѢ.

1813 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1875 г., т. XIII.

Договорова-де-Курьева, С.-Пб., 11 июля 1875 г. — Типографія В. С. Балашева (Больш. Сед., д. № 49-52).

— Зачѣмъ они здѣсь?

— Помѣщикъ приказалъ проводить ваше величество до деревни, отвѣчалъ Иванъ Родіоновъ.

Отпуская управляющаго, государь сказалъ ему:

— „Благодари отъ меня своего помѣщика, кланяйся ему“ и потомъ прибавилъ: „и дѣтямъ его“.

Дѣдушка отъ радости земли подъ собою не слышалъ.

Онъ былъ гордъ и честолюбивъ—посѣщеніе государя и присланный ему и дѣтямъ его поклонъ вознесли его до небесъ¹⁾.

Нѣсколько дней послѣ отъѣзда государя, на воротахъ дѣдушкина дома была прибита доска съ слѣдующею надписью: „Его императорское величество государь императоръ Александръ Павловичъ благоволилъ осчастливить сей домъ высочайшимъ посѣщеніемъ, 1816 года сентября 3-го дня“.

Черезъ годъ или два на томъ мѣстѣ, гдѣ государь вышелъ изъ экипажа, дѣдушка воздвигъ каменный памятникъ въ видѣ обелиска, вышиною 17 аршинъ.

На лицевой сторонѣ пьедестала было написано: „Его императорское величество государь императоръ Александръ Павловичъ благоволилъ осчастливить сей домъ высочайшимъ посѣщеніемъ“.

На правой сторонѣ: „1816 года 3-го сентября, въ 3 часа пополудни“.

На лѣвой сторонѣ: „Въ память потомству“.

Съ тѣхъ поръ прошло 57 лѣтъ и я остался единственнымъ свидѣтелемъ рассказаннаго. Мнѣ было тогда шесть лѣтъ, но все это я помню такъ, какъ бы это случилось вчера, вѣроятно потому, что въ дѣтствѣ все выходящее изъ ряда обыденной жизни сильнѣе врѣзывается въ память, такъ что иллюминація, фельдъегерскія тройки, суета, а болѣе всего тройка съ факелами, освѣщавшая путь государя, не могли не сдѣлать на меня впечатлѣнія, доходившаго тогда до изумленія. Или, быть можетъ, все это я помню такъ хорошо потому, что дѣдушка, почти до послѣднихъ дней своихъ, со слезами рассказывалъ мнѣ, какъ былъ у него государь.

Во время продолжительной болѣзни дѣдушки обелискъ обсыпался и обвалился. По смерти его, имѣніе досталось второй его дочери, Настасьѣ Александровнѣ Палицыной, и памятникъ былъ ею возобновленъ, но увы! изгладившаяся надпись не возобновлена, вѣроятно потому, что она не знала, что было написано.

Понизовье принадлежитъ теперь Марьѣ Николаевнѣ Лопати-

¹⁾ Дѣдушка былъ особенно тронутъ поклономъ дѣтямъ.

ной¹⁾, но она въ немъ не живетъ, а живетъ отецъ ея, нѣкогда молодецъ-гусарь, а нынѣ 75-ти-лѣтній, но еще весьма бодрый старецъ Николай Михайловичъ Палицынъ.

Онъ зорко охраняетъ памятникъ, не позволяетъ осыпаться штукатуркѣ и сорной травѣ расти у подножя.

Поля вѣка — время не малое! Теперь уже мало кто знаетъ, что означаетъ этотъ памятникъ. и еще недавно у меня о томъ спрашивалъ одинъ сосѣдь.

Все мною сказанное отъ слова до слова вѣрно, послѣ меня некому будетъ передать всего вышеписаннаго, и вотъ почему нахожу не лишнимъ рассказать, по какой причинѣ въ селѣ Понизовѣ, противъ господскаго дома, возлѣ самой дороги, стоитъ каменный обелискъ.

Калужской губ., село Петроселье.

Петръ Суходольскій.

Поправки и опечатки.

Въ томѣ XIII „Русской Старины“ изд. 1875 г. въ оперѣ „Ставленникъ“:

Напечатано:	Читай:
Стр. 278, строка 7 сверху: дворянинъ	дворянъ
> 281, > 10 > голосомъ	голосъ-отъ
> 283, > 12 снизу: получимъ	получишь
> 287, > 7 > въ приходѣ ты	въ приходѣ то
— 293, > 8 и 10 > напечатано:	

Да нешто у меня глаза, сударь, болятъ (*указывая на лѣво*).

О ж а.

Добро, позвольте здѣсь.

вмѣсто этого читай:

О ж а.

Да не што у меня глаза, сударь, болятъ (*указывая на лѣво*).

Добро, позвольте здѣсь.

Стр. 293 строка 1 снизу: твердо ить	тврдо ять.
> 295 > 5 > по совѣсти-иъ	по совѣсти-жь.

Графъ Э. К. Гуттенъ-Чапскій, въ дополненіе къ нашей замѣткѣ (томъ XIII, стр. 175) сообщаетъ, что портретъ князя Г. А. Потемкина былъ двукратно гравированъ James Walker-омъ, именно: въ 1789 и въ 1792 годахъ. Оттиски того и другого изданія, вышедшаго въ Лондонѣ, имѣются въ хорошемъ собраніи гравированныхъ портретовъ, принадлежащихъ гр. Чапскому.

¹⁾ Дочь Настасья Александровны Палицыной и внука Александра Васильевича Зыкова. П. С.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
ВЪ XIII ТОМѢ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“
1875 г.

[МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ.]

А.

Абрамъ, кучерь, 652.
Августинъ, москов. митрополитъ, 9.
Авель, монахъ-предсказатель, 172.
Адлербергъ, гр. Влад. Фед., 12.
Алабинъ, П. В. Сообщ. разсказъ о взрывѣ Павловскаго форта въ Севастополѣ въ 1855 г., 651—654.
Александра Федоровна, императрица. 1, 4, 8—10, 12, 14, 318, 338.
Александръ Николоевичъ, императоръ. Рожденіе и крещеніе его, 8—10. Назначеніе атаманомъ казачьихъ войскъ 1827 г., 42. Поѣздка на Донъ, 226. Бракосочетаніе, 228.
Александръ Павловичъ, императоръ. Пребываніе въ Москвѣ 1817 г., 2—4. Заботы о построеніи храма Христа Спасителя, 4—5. Присутствіе на открытіи памятника Минину и Пожарскому, 7—8. Отъѣздъ въ Варшаву, 8. Приемъ прусскаго короля въ Москвѣ, 10—12. Религиозно-мистическое настроеніе, 301. Отношенія къ архимандриту Фотію и кн. А. Н. Голицыну, 306, 308, 321, 322, 329, 459—460,

471—482. Гнѣвъ на полковника Таубе, 560—561. Отношенія къ Карамзину, 79—80. О памятникѣ Александру въ селѣ Понизовѣ, 651—654. Упом. 336, 347, 392, 458, 544, 624, 625.

Алексіано, флота капитанъ 1788 г., 30.
Алперъ, домовладѣлецъ, 386.

Алферовъ, Алексѣй, харьков. уѣздный предвод. дворян. 1802 г., 62.

Алферовъ, Н. Ѳ., художникъ, 528.

Альбрехтъ, полковникъ 1818 г., 153.

Амвросій, архіепископъ москов., 303.

Амлякъ, дядька А. С. Грибоѣдова, 361.

Амфилохій, монахъ ростов. Яковлевскаго монастыря, 317.

Ангальтъ-Вернбургскій, принцъ, 36.

Андреевъ, капит.-лейтен. 1854 г., 250.

Андреевъ, декабристъ, 510.

Андреевъ, А. О., управляющій рязанской палатой госуд. имущ. 1854 г., 175, 176.

Андріе, рестораторъ, 385, 386.

Андріановъ, Ів. Адріан., генер.-майоръ 1827 г., 41—42.

Аничковъ, Степанъ Силачъ, опекунъ Москов. Воспитательнаго дома 1779—1780 гг., 195—197.

Анна Иоанновна, императрица. Распоряженіе о послахъ въ Потсдамъ русскаго священника 1730 г., 128—131. Уп. 118, 528.

Анна Леопольдовна, правительница, 147.

Анненковъ, П. А., декабристъ, 354.

Апраксинъ, Степ. Степ., генер. отъ кавал., смоленскій генер.-губернаторъ, р. 1757 † 1827 г., I, 6.

Араччевъ, гр. Алексѣй Анд., воен. министр. Отношенія его къ кн. А. Н. Голицыну и архимандриту Фотію, 461, 468, 474, 477—482, 486. Паденіе его, 482. Упом. 302, 561, 572.

Аристовъ, полковникъ 1774 г., 120, 121, 122, 123.

Арнольдъ, 261.

Аригъ, авторъ книги «О истинномъ христіанствѣ», 302.

Арсеньевъ, опекунъ москов. Воспитательнаго дома 1797 г., 183.

Арсеньевъ, Кон. Ив., профессоръ 1823 г., 369.

Артемова, Дросида Ив. см. Кюхельбекеръ.

Артемовъ, Ивалъ, баргузинскій почтмейстеръ 1837 г., 353.

Арто, гѣвница, 105.

Ахвердова, Праск. Никол., 501.

Ахвердовы, семейство, 361.

Аванасій, донской архіерей 1842 г., 232.

Аванасьева, Василій, бѣглый, 440—442.

Б.

Бабасяновъ, армянинъ 1783 г., 549.

Базилевичъ, полковникъ 1815 г., 556, 558, 559, 560, 561.

Байронъ, поэтъ, 357, 375, 491.

Бажуникъ, ляденскъ, 374.

Балакиревъ, М. А., директоръ музыкальн. бесплатной школы 1865 г., 261, 435.

Бальзавъ, франц. писатель, 397.

Бальзавъ, рожд. гр. Ржевская, въ 1-мъ бракѣ графиня Ганская, 397.

Бальсъ, полковой пробствъ въ Потсдамѣ 1765 г., 132.

Бантышъ-Каменскій, Дмитр. Никол., составитель «Словаря», 39.

Баратынскій, Евгеній Абрам., поэтъ. Письмо его къ В. К. Кюхельбекеру, 377. Упом. 339, 372, 378, 524.

Барклай-де-Толли, Мих. Богд., фельд-маршалъ, 336.

Барятинская, вж. Еват. Фед. см. вн. Долгорукая.

Барятинскій, вн., отстав. поручикъ 1798 г., 457.

Басаргинъ, декабристъ, 354, 355.

Баумгартенъ, А. Сообщ. замѣтку къ письмамъ вн. А. С. Меншикова, 139—140. Упом. 643.

Бахъ, композиторъ, 264.

Башкинская, Зинаида Павл. см. кн. Манвелова.

Башпеевъ, вн. В. И. Сообщ. указы импер. Павла о Бичковѣ 1799 г., 447.

Бebutovъ, кн. Вас. Осип., генер. отъ инфантеріи, 361.

Беври, Леонтій, слуга, 458.

Безбородко, вн. Александръ Андр., госуд. канцлеръ, 157.

Беллини, композиторъ, 590.

Беннгенъ, гр. Леонтій Леонт., 447.

Бенвендорфъ, гр. Александр. Христоф., р. 1783 † 1844 г., 447.

Бергольдъ, составитель записокъ о Россіи, 147, 148.

Бергъ, Марія, надзирательница петерб. Воспитательнаго дома 1785 г., 194.

Бердяевъ, генер.-майоръ, начальникъ штаба донскаго войска 1835 г., 43, 44, 45.

Берлювъ, композиторъ, 109, 430, 590.

де-Вернажъ. Письма его о пребываніи Петра Великаго во Франціи 1717 г., 411—414.

Вернье, брюссельскій музыкантъ, 105.

Вертье, маршалъ 1812 г., 208.

Вестужевы, декабристы, 350.

Ветигеръ, 341.

Ветковенъ, композиторъ, 424, 583, 584, 588, 591, 600, 601.

Вещій, Ив. Ив. Время управленія его воспитательнымъ домомъ 1772—1791 гг., 177—199, 532—551. Упом. 144.

Вибеко, князь 1854 г., 619.

Вибиковъ, прапорщикъ 1815 г., 561.

Вибиковъ, Александр. Ильичъ. Доне-

сенія императрицѣ о Пугачевѣ 1774 г., 272, 273.

Видлибина, пѣвица, 270.

Виронъ, фран. военачальн. 1792 г. 203.

Влазь, музыкантъ, 101, 105.

Влозь, Л. А., 263.

Влудовъ, гр. Дмитр. Никол., дѣйств. тайн. сов., р. 1785 † 1864 г., 401.

Вобрицевъ-Пушвинъ, декабр., 355.

Вобрь, 386.

Вогдаковскій, профессоръ медицины 1868 г., 266.

Вогдановичъ, генераль 1827 г., 42, 44, 47.

Вогдановичъ, М. И. Статья его «Первое бомбардированіе Севастополя», 240—258.

Вогиславъ XIV, герцогъ Померанскій, † 1637 г., 148.

Боголюбовъ, опекунъ москов. воспитательнаго дома 1797 г., 183, 186.

Возановъ, Егоръ Ильичъ, 153.

Возенинъ, Иванъ, архангельскій купецъ 1766 г., 438.

Возенинъ, Степ. Иван. Отправленіе его въ Англію учиться 1766 г., 438—439.

Воже, метр'отель, 112.

Болгарскій, Вас. Ив., тайн. сов., сенаторъ. Командированіе его на Донъ, 1835 г., 44—60, 215, 221, 225—226.

Болъверъ, писатель, 594.

Бона, генер.-лейт., 147.

Борисовъ, крестьянинъ, 505.

фонъ-Ворженъ, пруск. генер. 1730 г. 128—130.

Вородинъ, острогожскіе граждане 1781 г., 542, 543.

Вортьянскій, Дмитр. Степ., духовный композиторъ, 270.

Воткинъ, профессоръ медицины, 265.

Враницкій, гр. Ксаверій Петр., † 1819 г., 33, 35, 119.

фонъ-Врантъ, казанскій губернаторъ 1774 г., 119, 122.

Врейтингъ, пѣвецъ, 599.

Врейтгопфъ, начальница екатерининскаго института 1821 г., † 1823 г., 342, 368.

Вригень, гв. полковникъ, декабр., 354.

Врожь, К. О., художникъ, 458.

Врюловъ, Карлъ Павл., художн. 176.

Врюннгъ, франц. маршалъ, 208.

Врюсь, гр. Яковъ Александр., москов. и петерб. главнокомандующій, 191, 537.

Вувье-де-ла-Моттъ, Жанна см. Гюйонъ.

Будищевъ, офицеръ 1854 г., 245.

Будлянскій, Алексѣй, полк. 1818 г., 153.

Булахова, пѣвица, 426.

Булатовъ, домовладѣлецъ, 347.

Булгаринъ, Ѡадей Венедикт., писатель, 346, 377, 378, 390.

Бувина, Вѣра Ив., въ замуж. Гирсь пѣвица-любительница, 259, 270.

Вутурлинъ, генер.-квартирмейстеръ 1854 г., 615, 618, 619.

Вутурлинъ, Николой, дѣйств. статск. сов. 1790 г., 549.

Вутурлинъ, гр. Петръ Александр., тайн. совѣт., р. 1734 † 1787 г., 196.

Вухмейеръ, генер.-лейт. Свидѣтельство его о томъ, кто послѣдній оставилъ Севастополь? 140—142.

Вюффонъ, естествоиспытатель, 585.

Бычцовъ, генер.-маіоръ 1799 г. Два приказа о немъ императора Павла, 447.

Бычцовъ, А. Л., отстав. ротмистръ. Сообщ. два приказа импер. Павла, 447.

Вѣгичевъ, Степанъ Никит., писатель. Письмо его къ В. К. Кюхельбевеу 1825 г., 378. Упом. 369.

Вѣленицына, Л. И. см. Кармалина.

Вѣлинскій, Виссаріонъ Григ., писатель, 358.

Вѣловерскій, Василій Мих., вполсѣд. редакторъ «Основы», 155.

Вѣлука, генер.-маіоръ 1798 г., 457.

В.

Вагнеръ, композиторъ, 264, 584.

Вальверъ, граверь, 175.

Вальховскій, управл. отдѣл. главн. штаба 1823 г., 374.

Васильчиковъ, вн. Пилар. Вас., 140.

Васьяновъ, Н. Сообщ. замѣтку объ И. В. Ламбѣ, 158.

Ватсонъ, Ричардъ, глава секты методистовъ 1817 г., 463.

Веберъ, Карлъ-Марія, композиторъ, 588, 598, 599.

Веверъ, содержатель группы актеровъ 1777 г., 134.

Вельяминовъ, Алексѣй Александръ, генер.-лейт., † 1838 г., 564.

Вельяминовъ, К. Н. Письма къ нему А. С. Даргомыжскаго 1864 г., 263—266. Упом. 100, 101, 104, 105.

Веніаминъ, казанскій архіепископъ 1774 г., 122.

Венцель, нѣмецк. писатель, 496.

Веревкинъ, капит.-лейтен. 1787 г., 21.

Верстовскій, композиторъ, 259, 264, 369, 417, 428.

Вестрисъ, балетн. танцоръ, 395.

Вилановъ, Ив. Григ., 346.

Вилліе, баронетъ Львовъ Вас., лейбъ-медикъ 1818—1824 гг., 652.

Вильбоа, К. П., композиторъ, 428.

Виртембергская, герцогиня Антуанетта, 3, 9.

Виртембергская, принцесса Марія, 3 4, 9, 12.

Виртембергскій, герцогъ Александръ, 3, 9, 194.

Виртембергскій, принцъ Александръ, 3.

Виртембергскій, принцъ Эрнстъ, 3.

Витбергъ, Александръ Лаврентъ, акадѣмикъ, р. 1787 † 1855 г., 4, 5.

Власовъ, Максимъ Григ., генер. от кавалеріи, † 1848 г. Биографіч. очеркъ его и время его управленія донск. войск. 54, 57; 215—239. Упом. 43, 44, 45.

Воейковъ, Александръ Фед., писатель. Письмо его къ В. К. Кюхельбевеу 1817 г. 359. Упом. 369.

Войновичъ, гр. контръ-адмиралъ 1787 г., 20, 26, 33, 34.

Войцеховскій, составитель учебника арметемлики, 13.

Волконская, княжна. Резолюція имп. Павла на ея прошеніе 1798 г., 457.

Волконскій, кн. Григорій Петр., дѣйст. ст. сов. 1855 г., пѣвецъ, 399.

Волконскій, кн. Мих. Никит., моск. главнокомандующій, р. 1713 † 1789 г. Письмо его къ кн. А. А. Вяземскому о

сообщникахъ Пугачева 1774 г., 440—441, 442. Упом. 117, 124.

Волконскій, кн. Петръ Мих., министръ двора, р. 1776 † 1852 г., 561.

Волконскій, кн. Сергій Григ., генер. майоръ, декабристъ, † 1865 г., 153, 355.

Волоховъ, севастопольскій домовладелецъ 1854 г., 243.

Вольгемутъ, 13.

Вольвенштейнъ, графиня, 152.

Вольтеръ, писатель, 156, 395.

Вольфъ, декабристъ, 354.

Воробьевъ, капитанъ 1855 г., 140, 142.

Воронцовъ, кн. Мих. Семен., кавказ. намѣстникъ. Отрывки изъ письма его къ императ. Николаю 1854 г., 637—638.

Воронцовъ, гр. Романъ Иллр., владим. и ярославскій намѣстникъ, р. 1707 † 1783 г. 537.

Воронцовъ, гр. Сем. Роман. посолъ въ Лондонѣ, р. 1744 † 1832 г., 316.

Вульффертъ, переводчикъ «Кавказскаго Плутика» на нѣмецкій языкъ, 374.

Вындомскій, Федоръ Фед., опекунъ петерб. воспитательнаго дома, † 1781 г., 196, 197.

Вяземскій, кн. Александръ Алексѣев., генер.-прокуроръ. Письмо къ нему кн. М. Н. Волконскаго о сообщникахъ Пугачева 1774 г., 439—443. Упом. 187, 190.

Вяземскій, кн. Петръ Андр., писатель, 333, 369, 375, 430.

Г.

Гааге, содержатель типографіи, 109.

Гагарина, княжна, 389.

Гагарина, кн. Праск. Юрьев. рожд. кн. Трубецкая, 163.

Гагарины, князья, 389.

Галаховъ, гв. капитанъ 1774 г., 122, 123, 124.

Галеви, композиторъ, 426.

Галичъ, профессоръ 1823 г., 369.

Галвинъ-Врасскій, М. Н. Сообщ. о памятникѣ Екатеринѣ II въ Екатеринштадтѣ, 136—138.

Гамеленъ, франц. адмиралъ 1854 г., 246, 248.

Ганская, графиня см. Вальвагъ.
 Гансенсъ, брюссельскій музыкантъ, 103, 105, 106, 261.
 Ганъ, Фед. Августов., 376.
 Гардеръ, адъютантъ генерала Козена 1815 г., 559, 560.
 Ге, чулочный мастеръ 1769 г., 178.
 Геденовъ, Александръ Мих., директоръ театровъ, 431.
 Гельфрейхъ, генер.-майоръ 1818 г., 154.
 Генрихъ-Левъ, саксонскій герцогъ, 148.
 Георги, путешественникъ по Сибири, 516, 517.
 Георгій, послѣдній грузинскій царь, 448.
 Георгъ I, англ. король, 147.
 Георгъ II, англ. король, 528.
 Георгъ III, англ. король, 387.
 Герасимъ, симоновскій архимандритъ 1824 г., 477.
 Германъ, профессоръ 1823 г., 369.
 Германъ, академикъ 1798 г., 458.
 Гете, писатель, 341, 357, 375, 508, 525, 592, фонъ-Гецъ, П. П. Сообщ. замѣтку о Мевленбургскомъ герцогѣ Карлѣ-Леопольдѣ, 146—148.
 Гибаль, Богданъ Варезомъ, опекунъ петерб. воспитательн. дома 1793—1797 гг., 199.
 Гилзонъ, валмыцкій баша, 1836 г., 224.
 Гирсъ, А. К., 259.
 Гирсъ, Вѣра Ив. см. Бунина.
 Глазуновы, книгопродавцы, 513.
 Глинна, Александра Григ., 334, 336, 337.
 Глинна, Борисъ Григ., 341.
 Глинна, Влад. Андр., 492.
 Глинна, Григ. Андр., профессоръ Дерптскаго университета, 1810 г., 336, 337, 341.
 Глинна, Дмитрій Григ., посланникъ въ Лисабонъ, 341.
 Глинна, Людмила Ив. см. Шестахова.
 Глинна, Мих. Пв., композиторъ. Воспоминанія о немъ I. П. Кармалиной, 267—271. Характеристика его, 430—431. Упом. 108, 259, 260, 264, 417, 419 — 424, 582, 583.
 Глинна, Наталія Григ. см. Одынецъ.
 Глинна, Николай Григ., 334, 350, 351.
 Глинна, Юстина Карл., рожд. Кюхельбекеръ, р. 1786 † 1871 г. Заботы ея о

братѣ-декабристѣ и объ его дѣтяхъ, 334—337, 340, 341, 343, 346—348, 350, 354, 355. Письмо къ ней А. С. Грибоѣдова, 344—346.
 Глинна, Фед. Никол., писатель, 371, 506.
 Глуховъ, штабсъ-капитанъ 1815 г., 561.
 Глѣбовъ, декабристъ, 340, 510, 523.
 Гнѣдичъ, Никол. Ив., писатель. Письмо его къ В. К. Кюхельбекеру 1817 г., 358—359. Упом. 339, 371, 374, 391, 529.
 Гогель, Григ. Григ., директоръ москов. воспит. дома 1777 г., 177—187.
 Гогенлоэ, принцъ, 458.
 Голенищевъ-Бутузовъ-Смоленскій, кн. Мих. Илар., предложеніе ему Фигнера, 448—451.
 Голицынъ, Пв. Ив., писатель, 356.
 Голицына, кн. Александра Александровна, рожд. Хитрова, во 2-мъ зам. Кологривова, 459.
 Голицынъ, кн. Александръ Никол., мин. нар. просв. и об.-прокуроръ синода. Отношенія его къ архимандриту Фотію, 459—482.
 Голицынъ, кн. Дмитр. Влад., москов. генер.-губернаторъ, р. 1771 † 1844 г., 367.
 Голицынъ, кн. Никол. Серг., 459.
 Голицынъ, кн. Петръ Мих., генераль-поручикъ 1774 г., 117, 123.
 Голицынъ, кн. Сергій Дмитр., посланникъ въ Берлинъ, р. 1696 † 1738 г., 128—129.
 Головатскій, подполк., войсковой судья 1788 г., 159.
 Головинъ, гр. Гавр. Ив., канцлеръ, 127.
 Головинъ, В. М. адмиралъ, составитель записокъ о Японіи, 511, 512.
 Головинъ, Егоръ Андр., архангельскій губернаторъ 1766 г., 437—439.
 Голохвостовъ, Андр. Иван., опекунъ петерб. воспитат. дома 1780—1783 гг., 197—198.
 Гомъ, купецъ 1766 г., 438, 439.
 Горбуновъ, Ф. Свидѣтельство его объ архимандритѣ Фотіѣ, 484.
 Горичъ, майоръ 1774 г., 119, 124.
 Горчакова, кз. Аграфена Иван. см. гр. Хвостова.
 Горчаковъ, кн. Александръ Мих., тайн. сов. и посланникъ въ Вѣнѣ, 333, 374.

Горчаковъ, вн. Млх. Дмитр., главно-командующій южн. арміи 1854 г., 608, 615, 617, 630, 636, 639, 642. Упом. 139, 556, 561, 603, 623, 628, 643.

Горчаковъ, вн. Петръ Дмитр., генер. отъ инфант. 1854 г., 556, 561.

Горчаковъ, вн. Сергѣй Дмитр., прапорщикъ 1815 г., дѣйств. стат. совѣтн. 1854 г., 561.

Госнеръ, директоръ русскаго, библейскаго общества 1824 г., 464, 469, 474.

Готъ, 207.

Граббе, гр. Пав. Христоф., † 1875 г., 448.

Грачъ, турецкій полковн. 1854 г., 623.

Гривенецъ, 374.

Грейгъ, адмиралъ, 347.

Грезовъ, донской генералъ 1836 г., 225.

Грелль-де-Мобилье, кавалеръ, 462.

Гречъ, Никол. Ив., писатель. По поводу разсказа его о В. Кюхельбекерѣ, 333—334, 336, 336, 338, 347, 347, 349, 352. Упом. 367, 372, 390, 469, 476, 519.

Грибоваль, 202.

Грибоѣдова, Анаст. Фед., 369.

Грибоѣдова, Марія Серг., 369, 378.

Грибоѣдовъ, Александр. Серг. Дружба къ Кюхельбекеру, 339, 343, 344, 355. Письмо къ сестрѣ его Ю. Б. Глинеѣ, 344—346. Письма къ Кюхельбекеру, 360—362. Упом. 360, 369, 375, 378, 494, 501, 507, 511, 512, 524, 526.

Григоровичъ, Василій Ив., издатель «Журнала Изящныхъ Искусствъ», 372.

Грингагенъ, Андрей, помощникъ касира петербургск. воспитательнаго дома 1779 г., 535.

Григги, графъ. Процессъ его въ Петербургѣ, 397—401.

Гротъ, Яковъ Карл., академикъ, 115.

Грузинскій, вн., домовладѣль. 1779 г. 535, 549.

Гуммель, композиторъ, 586.

Гурилевъ, композиторъ, 428.

Гурьевъ, штурманъ 1787 г., 34.

Гурьевъ, Д. А., опекунъ с.-петербургскаго опекунскаго совѣта 1797 г., 549.

Гыро, колл. регистраторъ 1798 г., 457.

Гюго, Викторъ. писатель, 590, 592, 593, 596.

Гюйонъ, Жанна, рож. Бувье де-ла-Моттъ, р. 1648 † 1717 г., религіозная писательница, 302, 325.

Д.

Драгоміровъ, М. И. Перевелъ и сообщ. зависку о состояніи французской арміи въ 1792—1808 гг., 200—214; 403—415.

Давыдовъ, вон. гв. майоръ 1774 г., 121.

Давыдовъ, В., декабристъ, 355.

Давыдовъ, Денисъ Вас., партизанъ и поэтъ, р. 1784 † 1839 г., 339.

Дама, графъ Рожеръ, франц. волонтеръ 1788 г., 36.

Дамье, музык. фельетонистъ, 109.

Данвасъ, 372, 373.

Даниловъ, офицеръ 1816 г., 562, 563, 574.

Дараганъ, П. М., первый камеръ-пажъ в. к. (императрицы) Александры Θεодоровны. Воспоминанія его 1817—1819 гг., 1—19.

Даргомъжская, Софья Серг. см. Степанова.

Даргомъжскій, Александр. Серг. композиторъ. Письма его къ сестрѣ Софьѣ Степановой 1865 г., 100—110. Письма къ друзьямъ, 259—266. Воспоминанія о немъ Л. И. Кармалиной 267—271. Письма къ Кармалиной 1856—1868 гг., 416—435. Упом. 583.

Д-у, граверъ, 458.

Девантъ, карточн. фабрикантъ 1776 г. 547—548.

Дегуровъ, 302.

Дезеръ, графиня, 334.

Дельвингъ, баронъ Ант. Антон., поэтъ. Письма его къ В. Кюхельбекеру, 360, 377—378. Упом. 508, 524, 528.

Дельвинъ, 202.

Демидовъ, Никол. Петр., полковникъ 1815 г. Дуэль его съ бар. Таубе, 555—561.

Демидовъ, Пав. Григ., дѣйств. стат. сов., р. 1738 † 1821 г., 5.

Демидовы, семейство, 106.

Денисовъ, Адрианъ Карпов., донской атаманъ, 28, 49, 216, 223, 232.

фонъ-Дервизъ, генералъ 1799 г., 447.

Державина, Дарія Алексѣев., 467, 470.
 Державинъ, Гавр. Роман., писатель, 125, 162, 270, 357, 358, 359.
 Десяткоранъ, ген.-маіоръ 1818 г., 153.
 Девонсъ, Поль, шотландецъ, контръ-адмиралъ, р. 1747 † 1792 г., 26, 27, 36, 37.
 Девонсъ, англ. писатель, 502.
 Дибичъ-Забалканскій, бар. Ив. Ив., ген.-фельдмаршалъ, р. 1785 † 1831 г., 561.
 Дидло, балетмейстеръ, 17.
 Диллонъ, Тибальдъ, франц. военачальникъ 1792 г., 203.
 Дмитріевъ, Ив. Ив., писатель, 6, 505.
 Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Александр. Матв., фаворитъ Екатерины II, 1786 — 1789 гг., 148, 149, 161.
 Долгорукая, вн. Екат. Ѳеодор., рожд. кн. Барятинская, 163.
 Долгорукой, вн. Петръ Влад. Ссылки на его родословную книгу, 164.
 Долгорукой, вн. Юрій Влад., 27.
 Долгорукой-Крымской, вн. Василій Мих., москв. главнокомандующій, 122.
 Доломитъ, Семенъ Филип., отст. ген.-маіоръ 1836 г., 224.
 Дондузовъ, князь, 122.
 Донецъ-Захаржевскій, Василій, харьковскій губерн. предводитель дворянства 1802 г., 62, 63.
 Дубельтъ, Леонтіѳ Вас., 385.
 Дундасъ, англ. адмиралъ 1854 г., 246.
 Дунилова, пошехонская помѣщица 1798 г., 458.
 Дурново, Алексій Иван., помощникъ главногo директора воспитательнаго дома 1780-хъ гг., 181, 184.
 Дуровъ, Н. П., сообщ. портретъ архимандрита Фотія, 458.
 Дюма, франц. писатель, 212.
 Дюме, рестораторъ, 385.
 Дюмурье, французскій военачальникъ, 204, 205.
 Дюпоръ, балет. танцоръ, 395.
 Дюгуръ, Софія Никол., рожд. Сѣрова, † 1867 г., 585.

Е.

Евдокимова, Анна Евдок. см. Шлег-тина.
 Евдокимовъ, Алексій Евдоким., опекунъ петербург. воспитательнаго дома 1782 г., 197—198.
 Екатерина I, императрица, 126, 128.
 Екатерина II, императрица. Указъ объ отправкѣ купеческихъ сыновей въ Англію 1766 г., 437—439. Донесенія къ ней Бибинова о Пугачевѣ 1774 г., 272, 273. Собственноручныя ея письма къ П. С. Потемкину о пугачевщинѣ, 115—125. Резолюція по дѣлу о сообщникахъ Пугачева, 442. Распоряженія по воспитательному дому, 176—199. Донесенія кн. Потемкина-Таврическаго въ турец. кампанію 1788 г., 34. Награжденіе Потемкина, 160 — 162. Характеристическая черта, 157. О памятникѣ императрицѣ въ Екатерининскѣ 1849 г., 136—138. Упом. 37, 163, 172, 173, 302, 315, 459, 443.
 Екатерина Ивановна, герцогиня Менделбургская, 147.
 Елагинъ, Ив. Перфильевичъ Отзывъ его о гр. А. А. Орловой-Чесменской, 304, 306, 316—318, 322, 324, 484, 485.
 Еленева, Софія Петр. см. Радаишевская.
 Еленевы, семейство, 106.
 Елисавета Алексѣевна, императрица, 4, 12, 14, 15, 16.
 Елисавета Петровна, императ. 302.
 Ендауровъ, капитанъ 1778 г., 149.
 Ергомышевъ, капитанъ 1854 г., 243, 245.
 Ермоловъ, Алексій Петр. Предложеніе Фигнера 1812 г., 448—451. Предсказаніе о времени кончины, 150—152, 452—454. Упом. 343, 361, 363, 370, 519, 564, 607.
 Ершовъ, авторъ сказки «Конецъ Горбунокъ», 354.
 Есаовъ, полковникъ 1825 г., 348, 349.
 Есаовъ, домовладѣлецъ, 104, 374.
 Ефремовъ, Петръ Александр., библиографъ, ссылка на статью его о Степанѣ Пв. Шешковскомъ, 124.

Ж.

- Жандръ, лейтенантъ 1854 г., 243, 244.
 Жабелова, Ольга Григ., учительница музыки, 585.
 Жеребцова, рожд. вн. Гагарина, 389.
 Жирявичъ, Иванъ Степ., отстав. генералъ-маіоръ, р. 1789 † 1848 г. Записки его, гл. IX—XI, событія 1815—1819 гг., 554—580.
 Жуковский, Вас. Анд., писатель. Отношенія его къ В. К. Кюхельбекеру, 337—339, 359, 364—365, 371. Упом. 270, 374, 378, 390, 521, 525, 527, 531.

З.

- Забѣла, Викторъ Никол., востъ, 154, 155.
 Загорскій, литераторъ, 492.
 Захревская, Марія Ив., рожд. вн. Одоевская, 164.
 Захревская, Праск. Андр. см. гр. Потемкина.
 Захревскій, Анд. Осип., дѣйств. стат. сов., р. 1742 † 1804 г., 164, 195, 455.
 Захарашевичъ-Калустяскій, харьков. дворянинъ 1802 г., 63.
 Зильберармъ, Екат. Григ., надзира-тельница петерб. воспитательнаго дома 1788 г., 194.
 Золотаревъ, донской генер. 1836 г., 225.
 Золотухинъ, Павелъ, сержантъ 1788 г., 148—149.
 Зотова, графиня, 569.
 Зряховъ, секретарь тайной экспедици 1774 г., 124.
 Зуровъ, полковникъ 1854 г., 616.
 Зыкова, Анаст. Александр. см. Паллицына.
 Зыкова, Елис. Александр., въ замуж. Лыкошина, 651, 652.
 Зыковъ, Александр. Вас., калуж. помѣщикъ. Принятіе имъ у себя императора Александра I-го въ 1816 г., 651—654.
 Зыковъ, Влад. Александр., 652.

И.

- Ивановъ, живописецъ, 430.
 Ивановъ, отстав. капитанъ 1798 г., 458.
 Ивановъ, Андрей, бѣглый, 440—442.
 Иверсенъ, археологъ, 446.
 Игельстромъ, К., декабристъ, 355.
 Игнатій, донской архіерей 1843 г., 232—235.
 Измайловъ, Влад. Вас., писат., 369, 525.
 Измайловъ, дѣйств. тайн. сов., москов. главнокомандующій, 182.
 Изоть, Леонтій Андр., сек.-маіоръ, за-опекунъ петерб. воспитател. дома 1796—1798 г., 199.
 Илѣмовъ, 102.
 Иловайскій, Алексѣй Вас., атаманъ войска донскаго. Увольненіе его отъ должности 1827 г., 41, 42. Отношенія къ Власову, 223. Упом. 49, 215, 216.
 Иловайскій, Осипъ Вас., донской генер.-маіоръ, 49.
 фонъ-Ильгенъ, прусскій министръ 1718 г., 128.
 Ильинскій, генер.-лейтен. 1855 г., 646.
 Ильинъ, Матв. Алексѣев., за-опекунъ петерб. воспитат. дома 1775—1780 гг., 196.
 Ильинъ, Петръ Яковл., опекунъ москов. воспитат. дома 1782—1797 гг., 189, 197.
 Имбергъ, Алексѣй Осипов., правитель канцеляріи вн. Н. Г. Репнина 1818 г. вносѣд. дѣйств. ст. совѣт., † 1864 г., 152—154.
 Имбергъ, Мих. Алексѣевичъ. Сообщ. документъ о выкупѣ артиста М. С. Щепкина изъ крѣпостнаго состоянія 1818 г., 152—154.
 Ингеборгъ-Старръ, фортепьянистка, 428.
 Инновентій, епископъ пензенскій и саранскій, 309, 317.
 Исаевъ, донской походный атаманъ 1788 г., 28.
 Истомина, контръ-адмиралъ 1854 г., 243, 244.
 Исуповъ, Авимъ Петр., опекунъ петерб. воспитател. дома 1790 г., 198—199.

I.

- Иоаннъ, донск. архіерей 1845 г., 235, 236.
 Иоаннъ V Алексѣевичъ, царь, 1682—1696 г., 144.
 Иорданъ, профес. гравиров. 1857 г., 176.
 Иосифъ II, императ. германскій, 35.

К.

- Кабель, пѣвица, 106.
 Кавсъ, Сарра Томас., первая надзира-
 тельница петерб. воспит. дома 1780 г., 194.
 Калущиницъ, секретарь русскаго по-
 сольства въ Пруссіи 1730 г., 129—130.
 Каменская, гр. Анна Павл., рожд. вж.
 Шербатова, р. 1749 † 1826 г., 565, 566,
 567, 569, 580.
 Каменская, гр. Екат. Ѳед., 565—566,
 569, 572, 580.
 Каменскій, гр. Мих. Ѳедот., фельд-
 маршалъ, 316, 571.
 Каменскій, гр. Никол. Мих., главно-
 командующій на Дунаѣ, 316, 565, 570.
 Каменскій, гр. Сергѣй Мих., генер.
 отъ инфант., р. 1772 † 1834 г. Его образъ
 жизни въ Орлѣ и причуды 1815—1818 г.,
 565—573. Упом. 580.
 Канкерицъ, Егоръ Франц., министръ
 финансовъ, 346.
 Кантемиръ, Антиохъ Дмитр., сатирикъ,
 р. 1709 † 1844 г., 528.
 Капподистрія, гр. Ив. Антон., прези-
 дентъ Греціи, 322.
 Капуданъ-паша, турецкій военачаль-
 никъ 1788 г., 159.
 Карабановъ, Пав. Ѳед., 164.
 Каразинъ, Вас. Назар. Объ основаніи
 нмъ харьковскаго университета, 61—80.
 Карамзинъ, Андрей Никол., полковн.
 1854 г., 620.
 Карамзинъ, Николай Мих., исторіо-
 графъ и писатель, 6, 341, 357, 390, 519,
 520, 522, 523, 531.
 Каратыгинъ, Вас. Андр., драмат. ак-
 теръ, 387.
 Карелли, учитель музыки въ училищѣ
 правовѣдѣнія 1840 г., 593, 594, 597.

Карлъ VI, императоръ германскій, 146,
 147, 148.

Карлъ XII, король швед., 126.

Карлъ-Леопольдъ, герцогъ Меклен-
 бургскій, † 1747 г. Записка о немъ,
 146—148.

Кармалина, Л. И., рожд. Бѣленицына.
 Воспоминанія ея о Глинкѣ и Даргомыж-
 скомъ, 267—271. Письма къ ней Дарго-
 мыжскаго 1856—1868 гг., 416—435.

Карно, 201, 206.

Карновичъ, Евгенийъ Петр. Составлен-
 ный имъ біографическій очеркъ архима-
 дрита Фотія, 301—332; 459—489.

Каряевъ, управляющій почтовою
 частью въ Харьковѣ, 476.

Карповъ, Ѳедотъ, купецъ, 153.

Карташевскій, офицеръ 1854 г., 247,
 248, 249, 250.

Кастриото-Свандербезъ, Влад. Георг.,
 267.

Катенинъ, Пав. Андр., пис., 339, 530.

Катлей, англичанинъ, 252.

Каховскій, командиръ таврич. кор-
 пуса 1788 г., 26.

Каховскій, декабристъ, 349.

Каченовскій, Мих. Троф., писатель,
 369, 523, 528, 531.

Квашнина-Самарина, Анаст. Петр.,
 рожд. гр. Салтыкова, р. 1731 † 1830 г., 574.

Квашнина-Самарина, Елис. Петр.
 см. гр. Чернышева.

Квятка, Георгій, прапорщикъ 1802 г., 63.

Квятка, Дмитрій, титул. сов. 1802 г., 63.

Квятка, Ѳедоръ, коллеж. совѣтникъ
 1802 г., 63.

Кельнеръ, англч., учитель дѣвнн,
 387—388.

Кирилловна, няня Кюхельбекера, 334.

Киршбаумъ, Егоръ Андр., оберъ-ди-
 ректоръ москов. воспитательнаго дома
 1785—1790 г., 187—191, 198.

Киселевъ, харьков. полиціймейстеръ
 1818 г., 154.

Клейнмихель, гр. Петръ Андр., до-
 несенія ему съ Дону, 1835 г., 44—45, 55,
 56, 57, 59. Приказъ его о гидрографиче-
 ской картѣ Россіи 1842 г., 451—452.
 Упом. 330, 331, 332.

Клендъ, 361.
 Клинца, капитанъ 1798 г., 457.
 Кличва, Францъ Никол., Иркутскій губернаторъ 1780-хъ гг., 540.
 Клодтъ, баронъ, профессоръ Академіи Художествъ 1850 г., 137.
 Кнехтъ, влюбленность, 586.
 Князьганъ, Борисъ Яковл., сенаторъ. Командированіе его на Донъ для введенія «Новаго Положенія» 1835 г., 44—60; 215, 225.
 Кобылинъ, тюремный сторожъ 1832 г., 498.
 Ковалевскій, резидентъ въ Грузин при царѣ Георгіѣ, 448.
 Ковалевскій, Илья Мих. Разсказъ его о замыслѣ Фигера, 1812 г., 448—451.
 Ковалевскій, Михаилъ, кураторъ моск. университета 1801 г., 448.
 Ковалевскій, М. М. Сообщ. копію съ писемъ о пребываніи Петра Великаго во Франціи 1717 г., 111—114.
 Ковалевскій, Петръ, майоръ 1802 г., 63.
 Коваленскій, главн. надзиратель воспитательнаго дома 1778 г., 178.
 Ковальню, Пав. Ив., 154.
 Коженинъ, Александръ, сек.-майоръ 1776 г., 536.
 Кожушникъ, казачій пятидесятникъ 1798 г., 458.
 Ковачинскій, Мамунъ, сербскій писатель, 527.
 Ковель, генер.-майоръ 1815 г., 559, 560.
 Ковловъ, Ив. Ив., поэтъ, 377, 496, 524.
 Кологривова, Александра Александр. см. в. Голыцына.
 Кологривовъ, Мих. Алексѣев., гв. капитанъ, † 1787 г., 459.
 Кологривовъ, Петръ Александр., 6.
 Кологривовы, семейство, 108.
 Коммиссаржевскій, Федоръ, пѣвецъ, 106.
 Кондратьевъ, Михайло, харьков. уѣздный предводитель дворянства 1802 г., 63.
 Константинъ Николаевичъ, великій князь, 334.
 Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, 10, 11, 13, 349, 386.

Копинъ. Ссылка на его сочин. «Королевскіе замки и сады въ Потсдамѣ», 127.
 Корниловъ, вице-адмиралъ 1854 г. Геройская смерть его подъ Севастополемъ, 243—244, 256, 258. Упом. 241.
 Коробинъ, капитанъ 1815 г., 555.
 Короскинъ, Гаврило, поруч. 1802 г., 63.
 Корфъ, бар., корпусный командиръ 1815 г., 569, 573.
 Корфъ, гр. Модестъ Андр., членъ госуд. совѣта, 333, 374.
 Косиновскій, домовладѣль. 1825 г., 346.
 Косова, Юстина Вильгельм., рожд. Кюхельбекеръ, 334, 335, 355.
 Костанда, полковн. 1854 г., 626—627.
 Костанскій, 374.
 Костомаровъ, Николай Иван., историкъ. Письмо къ нему поэта Шевченки 1847 г., 154—155.
 Косиновъ, Александръ Вас., екатерп.-нослав. губерн. предводитель дворянства 1818 г., 154.
 Котельниковъ, Евлампій, есаулъ, раскольникъ 1824 г., 481—482.
 Коцебу, Евстафій, 525.
 Коцебу, Морицъ Евстаф., 525.
 Коцебу, Отто Евстаф., капит.-лейт., 525.
 Коцебу, Пав. Евстаф., начальникъ штаба 1854 г., генер.-лейтенантъ, 361, 363, 364, 367, 615, 628.
 Кошелевъ, Иродіонъ, 536.
 Краббе, генеральша, 361.
 Кравченковы, актеры, 568.
 Красильниковъ, мѣщан. 1804 г., 544.
 Красновъ, Н. П. Сообщ. объ атаманѣ Д. Е. Кутейниковѣ, 41—60.
 Красовскій, П. П., бывшій адъютантъ главнокомандующ. въ Крыму 1855 г., 140.
 Крейтонъ, придв. докторъ 1817 г., 12.
 Криштофовичъ, Егоръ, дивизион. командиръ. Покровительство его Кюхельбекеру въ заточеніи, 349.
 Крозь, Карлъ Ив., попечитель петерб. воспитательнаго дома 1779—1780 гг., 196.
 Крузенштернъ, адмиралъ, 370.
 Крѣловъ, Ив. Андр. писатель, 339.
 Ерюковскій, Вас. Иван., оберъ-директоръ москов. воспитательнаго дома 1797 г., 191, 192, 198.

Бувнецовъ, генералъ, командиръ атаманскаго полка 1836 г., 223, 224.

Бувшинъ, Романъ Ив., архитекторъ. Воспоминанія о немъ акад. И. И. Свиязева, 155—158.

Буволь-Яснопольскій, Никол., харьк. уѣздн. предводитель дворянства 1802 г., 63.

Бувольнинъ, Несторъ Вас., писат., 431.

Буликовскій, Иванъ, харьков. уѣздн. предводитель дворянства 1802 г., 63.

Булишъ, малоросс. писатель и историкъ, 155.

Буломзинъ, Вас. Гуров., опекунъ петер. воспитательнаго дома 1781 г., 197.

Буницынъ, профессоръ Царскосел. лицей, 366.

Буранинъ, вк. Борисъ Ив., дѣйств. тайн. сов., р. 1677 † 1727 г., 111.

Бургановъ, путешественникъ по Сибири, 510.

Бурилова, Екат. Ѳед. см. гр. Каменская.

Бутейникова, Марія Вас., 58, 217.

Бутейниковъ, Дмитрій Ефимов., ген. отъ кавал., атаманъ войска донскаго, въ 1827—1836 гг., 41—60; 215—221.

Бучеровъ, сотрудникъ Сухорукова по исторіи войска донскаго, 42.

Бущнаревъ, сотрудникъ Сухорукова по исторіи донскаго войска, 42.

Бюх, Цезарь Антонов., музыкант. критикъ и композиторъ, 101, 264, 435.

Бюхельберъ, Вильгельмъ Карл., писатель, декабристъ, р. 1797 † 1846 г. Характеристическій и биографическій очеркъ его, 333—358. Письма отъ друзей, 358—373. Дневникъ, веденный имъ въ Свеаборгской тюрьмѣ 1831—1832 гг., 490—531.

Бюхельберъ, Дросида Ив., рожд. Артенова, 353.

Бюхельберъ, Карлъ, отецъ поэта, первый директоръ Павловска, р. 1748 † 1809 г., 334, 335.

Бюхельберъ, Мих. Вильг., 334, 355.

Бюхельберъ, Мих. Карл., капит. лейт., декабристъ, † 1857 г., 347, 352.

Бюхельберъ, Юлія Карл., 337, 340, 341.

Бюхельберъ, Юстина Вильгельм. см. Босова.

Бюхельберъ, Юстина Барлов., см. Глинка.

Бюхельберъ, Юстина Яковл., рожд. Ломень, р. 1757 † 1841 г. Письма къ ней сына, 334—337.

Л.

Лаврова, Софія Андр., 347.

Ладыженскій, опекунъ московскаго воспитательнаго дома 1797 г., 183.

Лазаревъ, генералъ, 256.

Лайонсъ, англ. контръ-адмиралъ 1854 г., 247, 249.

Ламбъ, Ив. Варезл., генер. отъ инфант., вице-президентъ воен. кол., † 1801 г., 158. де-Лафайетъ, маркизъ Мари-Поль, фр. инж. генералъ, р. 1754 † 1834 г., 36.

Леваповъ, Ив. Мих., х.-гв. капитанъ-поручикъ, за-опекунъ с.-петерб. воспитательнаго дома 1772—1773 гг., 195.

Левинскій, художникъ, 175.

Левшина, Екат. Ѳед. см. гр. Каменская.

Ленцъ, 584.

Леонова, Дарія Мих., пѣвица, 270.

Леонтьевъ, генералъ 1785 г., 173.

Лермонтовъ, Мих. Юрьев., 358, 589.

Лесли, капит. лейтен., † 1854 г., 245. де-Либоз, французъ, 113, 114.

Ливень, вк. Шарлотта Карл., рожд. Шоссе, 9.

Лидерсъ, генералъ 1854 г., 615, 616, 618, 623.

Линдъ, католич. священникъ, 469, 476. де-Лянъ, принцъ 1787—1788 гг., 24, 25, 35, 36, 37, 531.

Липранди, генералъ 1854 г., 620.

Листъ, композит., 264, 431, 588, 590, 591.

Литвинова см. Сабиръ.

Лихачевъ, Ив. Вас., душеприкащикъ А. П. Ермолова, 452.

Лобановъ-Ростовскій, вк. Мих. Бор., флигель-адъютантъ 1854 г. Порученіе ему отъ императора Николая къ вк. Паскевичу. 1854 г., 621—622, 627.

Лобаржевская, Юлія Осип. см. Шипшова.

Лобаржевскій, дѣйств. стат. сов., 383.

Ловцовъ, Ив. Ив., опекунъ московск. воспитательнаго дома 1785—1790 гг., 189—191, 198.

Лодерь, художникъ, 391.

Лоди, А. П., пѣвецъ, 431.

Ломажинъ, Гавр. Яким., учитель пѣнія, 261, 262, 428.

Ломбардъ, лейтенантъ 1787 г., 20, 22.

Ломанъ, Юстина Карл. см. Кюхельбекеръ.

Ломоносовъ, лицензъ, 374.

Лонатица, Марія Никол., рожд. Палицына, 655.

Лонукина, Евдокія Никол., см. гр. Орлова.

Лонухинъ, кн. Петръ Вас., р. 1753 † 1827 г., 544.

Луиза, королева прусская, 4.

Львовъ, Алексѣй Фед., директоръ придв. пѣвческой капеллы 1854 г., 260, 420, 431, 432, 617.

Львовица, Елис. Алекс. см. Зыцова.

Лѣствицынъ, В. И. Сообщ. оперу Соколова «Ставленникъ» 1780 г., 279—300.

Льбосмирскій, князь, 36.

Люттихъ, домовладѣлецъ, 133.

Люде, управляющій Гатчино, 158.

Лядовъ, вальмейстеръ, 103, 262.

Лясковичъ, К. С., старшій секретарь канцеляріи А. С. Шипшова, 393.

М.

Магницкій, Мих. Леонт., дѣйств. стат. сов. Отношенія въ архимандриту Фотию, 466—467.

Мандональдъ, англ. посланникъ въ Персію 1828 г., 208.

Мавсимовичъ, Мих., † 1873 г., писатель, 496.

Мавсимычъ, управляющій А. П. Ермолова, 452.

Малиновскій, капитанъ 1823 г., 374.

Малліа, Иванъ-Батистъ, статск. сов., † 1812 г., 135.

Манвелова, кн. Зен. Павл., рожд. Башинская, 419, 421.

Мангъ, писатель, 425, 428.

Мардефельдъ, прус. посланникъ въ Москвѣ 1730 г., 130.

Марина, кормилица Кюхельбекера, 334.

Марія Федоровна, императрица, 3, 4, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 17, 187, 192, 193, 199, 334, 336, 472, 473, 478, 544, 545, 549, 551.

Маревичъ, Андр. Иван., директоръ 2-го кадет. корпуса, 306.

Марковъ, капитанъ 1798 г., 457.

Марковъ, Фед. Иван., подполковникъ 1788 г., 26, 27.

Мартемире, генер.-лейт., начальникъ глав. штаба франц. арміи 1856 г., 141—142.

Марыиновичъ, адъютантъ П. С. Потемкина 1774 г., 119.

Масальскій, Константинъ, писатель, 392, 393.

Массенъ, 207.

Матье, франц. писатель, 212.

Матье, Иоганъ, карточный мастеръ 1774 г., 178, 546.

Матье, Николай, карточный фабрикантъ 1775 г., 547.

Матьошенинъ, 333, 374, 516.

Мейерберъ, композиторъ, 426, 583, 588—592, 594—602.

фонъ-Мейрингъ, прусск. полковникъ 1746 г., 131, 132.

Меллеръ-Завомельскій, бар. Петръ Ив., воен. министр, † 1823 г., 554.

Мельниковъ, крестьянинъ, 123.

Мендельсонъ, композиторъ, 264.

Ментенонъ, маркиза, 303.

Менцимовъ, кн. Александр. Сергѣев., главнокомандующій въ Крыму 1854—1855 гг., 139—140, 607, 631—633, 641, 642. Письма императ. Николаю 1854 г., 256—257. Упом. 243, 254, 256, 643.

Мещерскій, кн. Плагонъ Степ., генер.-аншефъ, р. 1713 † 1799 г., 122, 123.

Миллеръ, живописецъ. Разговоръ его съ А. В. Суворовымъ въ 1799 г., 150.

Миллеръ, Орестъ Федор., профессоръ петерб. университета, 357.

Милорадовичъ, гр. Мих. Андр., воен. губернаторъ, 349, 395, 559, 560.

Милютинъ, Алексѣй Мих. Разсказъ его объ Екаторинѣ II, 157.

Мининъ, Бозма, новгород. гражданинъ, 7.

Миникъ, гр. Христофоръ Серг., тайн. сов., 181, 182, 183, 185, 193, 194, 199, 535, 540.

Мише, изобрѣтатель карабиновъ, 202.

Михаилъ, с.-петербург. митрополитъ, 468, 470.

Михаилъ Николаевичъ, великій кн., 257, 632—633.

Михаилъ Павловичъ, великій князь. Ходатайство его за семейство Бюхельберговъ, 348, 349, 352. Упом. 4, 14, 336, 401.

Михайсонъ, полковникъ 1774 г., 117, 118, 119, 120, 122.

Мицкевичъ, Адамъ, поэтъ, 393.

Мишкарбать, 361.

Моллеръ, адмиралъ 1823 г., 363, 370.

Моллеръ, Ив. Ив., оберъ-директоръ с.-петерб. воспитательнаго дома 1780 — 1782 г., 195.

Монтезувулли, 209.

Монюшю, композиторъ, 417, 423, 431.

Мордвиновъ, гр. Никол. Семен., адмиралъ, р. 1753 † 1845 г., 542.

Моро, франц. маршалъ, 207.

Морошкинъ, Мих. Яков., священникъ-писатель, † 1870 г., 487.

Моцартъ, композиторъ, 424, 586, 588.

Мулловъ, П. А. Сообщ. замѣтку о лекарьствѣ послѣ правева, 146.

Муравьева, В. А., 460.

Муравьевъ, Андрей Ник. Отзывъ его объ архимандритѣ Фотіѣ, 485.

Муравьевъ, Мих. Ник., † 1866 г., 176.

Муравьевъ, Николай Никол., генер.-адъютантъ, генер. отъ инфант., кавказскій намѣстникъ, р. 1793 † 1866 г., 606.

Муравьевъ-Апостоль, Ив. Матв., сенаторъ, р. 1762 † 1851 г., 347.

Муравьевъ-Апостоль, М. И. Сообщ. письма 1717 г. о пребываніи Петра Великаго во Франціи, 111—114.

Мукина-Пушкина-Брюсъ, графиня. Процессъ ея сына, 397—401.

Мухановъ, Пав. Александр., адъютантъ 1825 г., 378.

Мухина, Марія Ив., 265, 417.

Мышляковскій, Петръ, придворный к-р бешенокъ 1776 г., 533.

Н.

Наденчъ-Рачинскій, капитанъ-лейтенантъ 1854 г., 243.

Наполеонъ I, 2, 3, 10, 201, 463, 554.

Наполеонъ III, 202, 253, 607.

Нарбуттъ, Юлія Осип. см. Шиншова.

Нарышкина, кам.-фрейлина 1817 г., 16.

Нарышкинъ, Александр. Ив. тайн. сов., † 1782 г., 537.

Нарышкинъ, Александр. Львов., директоръ императ. театровъ, р. 1760 † 1826 г., 340, 342, 360.

Нарышкинъ, Кирила Сем., 542.

Нарышкинъ, Левъ Александр., оберъ-штальмейстеръ, 536.

Нарышкинъ, Семень Кирил., генер.-аншефъ, р. 1710 † 1775 г., 18.

Нассау-Зигенъ, принцъ Карлъ-Гейнрихъ-Николай-Оттонъ, р. 1745 † 1805 г. Дѣйствія въ турецкую кампанію 1787 г., 26, 27, 30, 31, 36, 37.

Нахимовъ, Пав. Степан., адмиралъ 1854 г., 241, 250.

Нейдгардтъ, полковникъ, † 1855 г., 648.

Неклюдовъ, генер.-лейт. 1802 г., 63.

Неклюдовъ, Мих. Васильев., опекунъ петерб. воспитательнаго дома 1784 г., 198.

Нелидовъ, Василій, шацкій прокуроръ 1774 г., 440—442.

Нелидовъ, Василій, стат. сов. 1790 г., 549.

де-Нель, франц. маркизъ, 111, 112, 113, 114.

Нессельроде, гр. Карлъ Вас., канцлеръ, 343.

Николаевъ, генер.-майоръ 1835 г., 43.

Николай Николаевичъ, великій кн., 257, 632—633.

Николай Павловичъ, императоръ. Отношенія къ Фотію, 329, 330, 482 — 483. Резолюція по дѣлу Гритти, 399, 402. Рожденіе и крещеніе сына в. к. Александра, 8—10. Назначеніе Власова донскимъ атаманомъ 1836 г., 216 — 217. Забота о дон-

дахъ, 219, 220, 224. Посѣщеніе Дона 1837 г., 226—230. Рескриптъ Хомутову, 237. Разрѣшеніе на сооруженіе памятника Екатеринѣ II въ Екатеринштадтѣ 1849 г., 136—137. Письма его къ Меншикову и кн. Горчакову по поводу Севастопольской обороны, 256—258. Отношенія къ Паскевичу, 604—608, 610, 614—642. Характеристическая черта, 157—158. Упом. 7, 12, 13, 14, 15, 18, 336, 460, 572.

Новосильскій, вице-адмир. 1855 г., 649.

Новосильцовъ, гр. Николай Никол., дѣйствительный тайн. сов., 386.

О.

Ободовскій, писатель, 392.

Оболенскій, 476.

Оболенскій, кн. Евгеній Петр., декабристъ, 354, 355.

Одоевская, кж. Марія Иван. см. Загребская.

Одоевскій, кн. Александръ Иван., декабристъ, 339, 347.

Одоевскій, кн. Влад. Фед., писатель. Письмо его къ В. В. Кюхельбекеру, 369. Письмо къ нему А. С. Даргомыжскаго, 260. Упом. 333, 339, 346, 377, 378.

Одынецъ, Наталія Григ., рожд. Гинка, † 1864 г., 352.

Одынецъ, Ф. В., генер. отъ артиллеріи, † 1873 г., 352.

Овсницкая, Цецилія, 393.

Олежнъ, Алексій Никол., президентъ Академіи Художествъ, † 1842 г., 372.

Олсуфьевъ, Адамъ Вас., управляющій собств. канцелярію императрицы Екаторины II, † 1784 г., 119.

Ольденбургскій, принцъ Петръ Георгиевичъ, 586.

Ольжина, домовладѣлица, 399.

Опочининъ, Влад. Петр., музыкантъ-любитель. Письмо къ нему А. С. Даргомыжскаго 1847 г., 259—260.

Орлова, графиня Евдокія Никол., рожд. Лопухина, † 1786 г., 315, 316.

Орлова-Чесменская, гр. Анна Алексеевна, кам.-фрейлина, р. 1785 † 1848 г. Отношенія къ архимандриту Фотию, 305—

308, 311, 313, 315—320, 459—462, 466—468, 472, 478, 483—488. Упом. 12.

Орловъ, полковникъ 1787 г., 22, 30.

Орловъ, кн. Алексій Фед., генералъ-адъютантъ, 401.

Орловъ, князь Григ. Григ., генер.-фельдцейхмейстеръ, 160, 315.

Орловъ, графъ Ив. Алексѣев., р. 1786 † 1787 г., 316.

Орловъ-Чесменскій, графъ Алексій Григ. генер.-аншефъ, 315, 316.

Орнатскій, Василій, священникъ. Характеристика кн. А. Н. Голицына, 468.

Осининъ, Иванъ Терентьевичъ, профессоръ, 462.

Осиповъ, рядовой 1832 г., 517.

Остенъ-Сакенъ, гр. Дмит. Ероф., начальникъ Севастопол. гарнизона 1855 г., 140, 606, 648.

Отто, вѣнскій чиновникъ 1812 г., 135.

Офросимовъ, орлов. помѣщикъ, 568.

П.

Павелъ Петровичъ, императоръ. Пораженія 1798 г., 457—458. Два приказа о генералѣ Бычковѣ 1799 г., 447. Упом. 162, 334, 388, 459.

Павлуцкій, воен. докторъ, 628.

Павертонъ, шотландскій миссіонеръ 1805 г., 463.

Палицына, Анаст. Александр., рожд. Зыкова, помѣщица, 653.

Палицына, Марія Никол. см. Лопухина.

Палицынъ, Александр., майоръ 1802 г., 63.

Палицынъ, Никол. Мих., 654.

Панинъ, гр. Никита Ив., 537, 542.

Панинъ, гр. Петръ Ив., генер.-аншефъ, 123, 125.

Пантелѣевъ, генералъ 1835 г., 49.

Панфиловъ, Ив. Ив., духовникъ Екаторины II, почт. благотворитель петерб. воспитательнаго дома, 195.

Парротъ, академикъ, профессоръ и ректоръ Дерптскаго университета. Письмо къ В. Н. Каразину по поводу основанія Харьковскаго университета 1802 г., 76—78.

Паскевичъ-Эриванскій, кн. Ив. Фед. Характеристика его, какъ военачальника, и его дѣйствій въ Восточную войну 1854—1855 гг., 603—650. Упом. 229.

Перевощиковъ, писатель и ученый, 392, 393.

Пережускина, Мавра Савишна, камеръ-фрау Екатерины II. Покровительство ей кн. Голицынымъ, 459.

Перовскій, штабъ-капитанъ, адъют. в. кн. Николая Павловича, 1817 г., 8, 18.

Перовъ, художникъ, 176.

Петерсонъ, 476.

Петровъ, Вас., поэтъ, 161.

Петровъ. О. А. пѣвецъ-артистъ, 262, 426, 431.

Петръ Великій, императоръ. Пребываніе его во Франціи 1717 г., 111—114. Отношенія къ королю прусскому Фридриху-Вильгельму I, 126—134. Отношенія къ герцогу Мекленбургскому Карлу-Леопольду, 146—148. Ужом. 118, 144.

Петръ II, императоръ, 128.

Печоринъ, бывший профессоръ москов. университета, нѣгъ миссіонеръ. Стихотвореніе его, 454—455.

Пинетти, итальянецъ, 458.

Пинетти, физикъ, 544.

Пинетти, Анна-Марія, 458.

Писаревъ, А. А., попечитель петерб. университета, 505.

Пинегрю, франц. военачальникъ, 207.

Плещевитъ, подполковникъ. Исключеніе его изъ службы 1798 г., 457.

Платовъ, гр. Матв. Ив., донской атаманъ, 44, 223.

Платонова, пѣвица, 263, 266.

Платонъ, москов. митрополитъ, 463.

Плетневъ, Петръ Александр., писатель. Письмо его къ Кюхельбекеру 1823 г., 371—372. Упом. 339, 378.

Плюсовъ, профессоръ, 372.

Плюхово, генераль 1819 г., 573.

Повало - Швейновскій, декабристъ, 354.

Погодинъ, Мих. Петр., академикъ. Письмо его о кончинѣ А. П. Ермолова, 452—454.

Подвысоцкій, А. О. Сообщ. указъ объ

отправѣ купеческихъ сыновей въ Англію 1766 г., 437—439.

Подевиль, графъ, прус. государ. министръ 1746 г., 131—132.

Поджіо, декабристъ, 355.

Пожалостинъ, Ив. Петр., граверъ, академикъ, 175—176.

Пожарскій, вн. Дмит. Мих., 7.

Поллонскій, Романъ, харьков. уѣзди. предводитель дворянства 1802 г., 63.

Полевой, Ксенофонтъ Алексѣев., писатель, 597.

Полевой, Никол. Алексѣев., писатель, 505, 506, 519.

Полухтовъ, сержантъ 1777 г., 547.

Поль, капитанъ, 1816 г., 562—564.

Понатовскій, Станиславъ, польскій король, 33, 383.

Попандопуло, капитанъ 1856 г., 242, 243.

Поповъ, капит.-лейтенантъ 1854 г., 243, 244.

Поповъ, А. А., полковникъ, 1847 г., 215.

Поповъ, Алексѣй Емельян., полковникъ, 1836 г., 224.

Порошинъ, Сем. Андр., воспитатель в. кн. Павла Петровича, 531.

Портеръ, рожд. кн. Щербатова, 472.

Посновъ, сотрудникъ Сухорукова по исторіи Войска Донскаго, 42.

Потемкина, Пракс. Андр., рожд., Завревская, р. 1763 † 1816. Переписка съ кн. Потемкинымъ Таврическимъ, 162—171.

Потемкинъ, гр. Григ. Павл., † 1812 г., 164.

Потемкинъ, гр. Пав. Серг. Письма къ нему императрицы Екатерины по поводу усмиренія пугачевщины 1774 г., 115—125. Переписка съ кн. Потемкинымъ-Таврическимъ, 163, 164; 172—174.

Потемкинъ-Таврическій, кн. Григ. Александр. Довладе его о сержантѣ Золотухинѣ, 148—149. Дѣйствія въ турецкую компанію и переписка съ Суворовымъ 1787—1788 гг., 20—40. Биографическій очеркъ его и письма къ гр. П. А. Потемкиной, 169—174. О портретѣ его, 175—176. Упом. 62, 115, 118, 443, 446, 537.

Потоцкій, гр. русскій воевода 1788 г., 33.

- Потоцкій, графъ, 71.
 Похвиснева, Алексѣя Вас., 144.
 Похвиснева, Мавра Вас., 144.
 Похвисневъ, Алексѣй Вас., 144.
 Похвисневъ, Вас. Мих., стольникъ.
 Письмо къ нему сына, 143—145.
 Похвисневъ, Мих. Никол., сенаторъ.
 Сообщ. фамилные документы, 143—145.
 Похвисневъ, Мих. Семен., капитанъ
 гв. 1762 г., вполгд. камергеръ и сена-
 торъ, 144.
 Похвисневъ, Осипъ Вас., 144.
 Похвисневъ, Петръ Вас., 144.
 Похвисневъ, Семенъ Вас., 144.
 Похвисневъ, Яковъ Вас. Письмо его
 къ отцу, 143—145.
 Пошманъ, Семенъ Антон., директоръ
 училища правовѣдѣнія 1840 г., 594.
 Правовья Иоанновна, паравна, 147,
 148.
 Прасковья Федоровна, царица, (рожд.
 Апраксина) жена царя Иоанна V Алексѣ-
 евича, 147.
 Преве-де-Люмлянъ, генералъ-маіоръ
 1798 г., 457.
 Прибыславъ II, саксонскій король,
 † 1178 г., 148.
 Принцъ, Корнелъ, 533.
 Пугачевъ, Емельянъ. Усмиреніе его
 бунта, 118—125; 440—443. Изданные имъ
 возмутительные манифесты, 272—276.
 Пургольдтъ, Влад. Фед., 102, 105.
 Пургольдтъ, Надежда Никол. см. Рим-
 ская-Корсакова.
 Путята, Никол. Вас., писатель, 577,
 Путятинъ, князь, мичманъ 1854 г., 255.
 Пушкина, Авдотья Тимов., 347—348.
 Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ. От-
 ношенія его къ Кюхельбекеру, 337—340,
 342, 343, 360. Упом. 347, 357, 358, 366,
 375, 395, 429, 431, 432, 433, 434, 490, 491,
 499, 500, 504, 505, 511, 524.
 Пушкинъ, Василій Львов., 505, 525.
 Пушкинъ, Левъ Серг., 340, 372.
 Пушкнъ, И. И., декабристъ. Отноше-
 нія его къ В. К. Кюхельбекеру, 337, 338,
 354, 355, 374.
 Пушкнъ, Сергѣй Ив., ошкунъ петерб.
 воспитательнаго дома 1796—1798 гг., 199.

Пятковский, А. П. Сообщ. изслѣдова-
 ніе о петерб. воспитательномъ домѣ подъ
 управленіемъ И. И. Бецкаго, 176—199,
 532—551.

Р.

- Рагланъ, лордъ 1854 г., 252.
 Радзвизшевская, Софія Петр., рожд.,
 Еленева, 262.
 Радзвизшевскій, П. И. Письмо къ нему
 А. С. Даргомыжскаго 1865 г., 262—263.
 Разгильдѣевъ, А. Н., 353.
 Разинъ, подполковникъ 1854 г., 646.
 Разумовскій, гр. Алексѣй Кирил., ми-
 нистръ народн. просвѣщ., 12, 153, 336.
 Разумовскій, гр. Кирилъ Григ., фельд-
 маршалъ, 536.
 Рачкъ, авторъ Славяно-Сербской исто-
 рій, 375, 527.
 Райвелонокъ-Сошальскій, харьковскій
 уѣздный предводитель дворянства, 1802 г.,
 63.
 Раппопортъ, музыкальн. рецензентъ,
 101.
 Раубахъ, профессоръ 1823 г., 369.
 Рачинскій, В. А. Сообщ. письмо А.
 С. Даргомыжскаго къ князю В. Ф. Одоев-
 скому, 260.
 Рейхель, оберъ-аудиторъ г.-гв. полковъ
 1778 г., 149.
 фонъ-дёръ-Ренке, г-жа, 341.
 Рейкъ, генералъ 1787 г., 22.
 Решкинъ, вн. Никол. Вас., фельдмар-
 шаль, 26, 27, 120.
 Решкинъ, вн. Никол. Григ., малорос.
 воен. генер.-губернаторъ. Устроенный имъ
 выкупъ артиста М. С. Щепкина изъ крѣ-
 постной зависимости 1818 г., 152—154.
 Ризавуская, графиня см. Вальванъ.
 Ривордъ, П. И., адмиралъ, 393, 512.
 Римская-Корсакова, Надежда Никол.,
 рожд. Пургольдтъ, 105.
 Римскій-Корсаковъ, Никол. Андр., 105.
 Рихтеръ, ученіе въ акад. художествъ
 1832 г., 156.
 Рихтеръ, содержатель музыкальнаго
 магазна, 589.
 Ровинскій, Дмитрій Александр., сена-

торъ, составитель лучшаго въ Европѣ собранія гравированныхъ портретовъ русскихъ дѣятелей, 175.

Родионовъ, Иванъ, деревен. управляющій, 652, 653.

Розановъ, Н. Сообщ. о замыслѣ Фигнера въ 1812 г., 448—451.

Розембергъ, секретарь, 458.

Розенъ, баронъ, дивизион. командиръ 1815 г., 559.

Розенъ, бар., жена декабриста, 507.

Росси, композиторъ, 588, 591, 592.

Россини, композиторъ, 589, 596, 598.

Рубашенинъ, ген.-майоръ 1836 г., 224.

Рубинштейнъ, композиторъ, 427—428.

Руничъ, Дмитрій Степ., управл. почтовой частью въ Москвѣ, потомъ попечит. петерб. учебн. округа, 473, 476.

Руничъ, Пав. Степ., сенаторъ, 124.

Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александр. Взятіе Хотина 1788 г., 159. Упом. 20, 33, 117, 160, 162.

Рылѣевъ, Кондратій Фед., декабристъ, поэтъ, р. 1795 г. † 13 июля 1826 г., 339, 342.

Рѣпинъ, Н. П., сибирскій поселенецъ, † 1832 г., 510.

Рюзельеръ, профессоръ живописи въ Веймарѣ 1820 г., 341.

С.

Сабиръ, рожд. Литвинова, пѣвица, 108, 109, 110.

Саврасовъ, лиценстъ, 374.

Сажовниковъ, донск. урядн., 1836 г., 224. де-Саленъ, графъ, 180.

Саллосъ, ген.-лейтен. 1854 г., 614.

Салтыкова, гр. Анаст. Петр., см. Квашина-Самарина.

Самойлова, графиня, 163.

Самойловъ, Василій, пѣвецъ, отецъ артиста В. В. Самойлова, 17.

Сандунова, пѣвица, 17.

Сарти, капельмейстеръ, 35.

Сарычевъ, академикъ, 510.

Свантиборъ, первый герцогъ Померанскій, † 1107 г., 148.

Сведке-Сметтъ, гувернантка, 393.

Свистуновъ, М. П. Сообщ. письма о

пребываніи Петра Великаго во Франціи 1717 г., 111—114.

Свистуновъ, П. Н., декабристъ, 354, 355.

Связевъ, Ив. Ив., тайн. совѣт., акад. архитекторъ. Воспоминанія его объ архитекторѣ Р. И. Кузьминѣ, 155—158.

Свѣшниковъ, Василій Никол. Отправленіе его въ Англію учиться 1766 г. 438—439.

Свѣшниковъ, Никол., архангельскій купецъ 1766 г., 438.

Сельванъ, генералъ, † 1854 г., 626.

Семевскій, В. И., новгород. помѣщ., 317.

Семенова, Нимфодора Сем., оперная пѣвица, 259, 425.

Сенявинъ, дѣйствія въ турецкую кампанію 1788 г., 159.

Серафимъ, с.-петерб. митрополитъ. Отношенія къ кн. А. Н. Голицыну и архимандриту Фотію, 1822—1824 г. 307, 314, 317, 468, 470, 471, 472, 473, 476, 477, 478, 483.

Сербиновъ, отстав. капит. 1798 г., 457.

Сербиновъ, казакъ 1836 г., 224.

Сервантесъ, авт. «Донъ-Кихота», 353.

Серванъ, франц. писатель, 212.

Серве, бельгійскій виолончелистъ, 596.

Сиверсъ, гр. Я. Е. Главный попечитель московскаго воспитат. дома 1797 г., 183, 184, 185, 186, 199.

Симишинъ, Млх. Панфил., опекунъ Петерб. воспитат. дома 1790—1798 гг., 199.

Симоновичъ, графъ, 361.

Синельниковъ, генер.-майоръ, убитъ 1788 г., 35.

Сипягинъ, генер.-майоръ, 1815 г., 559.

Скоттъ, Вальтеръ, писатель, 523.

Скрибъ, писатель, 590, 592.

Собанскій, 386.

Соколовскій, докторъ, 484.

Соколовъ, Влад. Тимоѣ. Письмо къ нему А. С. Даргомыжскаго 1865 г., 261—262. Упом. 100, 263.

Соколовъ, Иванъ, дворовый, 440.

Соколовъ, Яковъ. Опера его «Ставленникъ» 1780 г., 279—300.

Соллогубъ, графъ В. А. писат., 36, 595.

Спасскій, Евфимій Никит., священ.

Отношенія къ нему брата архимандрита Фотія, 330—332.

Спаскій, Л. М., учитель во 2-мъ кадет. корпусѣ въ 1820 г., † 1874 г. Свидѣтельство его объ архимандритѣ Фотіѣ, 304.

Сперанскій, гр. Мих. Мих., р. 1772 † 1839 г., 401.

Станевичъ, авторъ книги «Бесѣда на гробѣ младенца», 464, 469.

Станевичъ, Евстафій, 525.

Старцовъ, полковникъ, 454.

Стасовъ, В. В. Сообщилъ матеріалы для биографіи А. С. Даргомыжскаго, 101—110; 259—266; 416—435. Матеріалы для биографіи А. Н. Сѣрова, 581—602.

Стевенъ, лицесть, 374.

Стелловскій, содерж. музык. магаз. 109.

Степанова, Софія Серг., рожд. Даргомыжская. Письма къ ней брата, 100—110.

Степановъ, Никол. Александр., карриатурникъ, 102, 431.

Степановъ, Петръ Александр., генер.-лейт., 431.

Степановъ, Сергій Никол., 110.

Стеригъ, писатель, 520.

Стефани, инвалид. солд. 1805 г., 133.

Стирбей, князь, 619.

Стовсъ, Ив. Еремѣев., опекунъ петерб. воспитательнаго дома 1779 г., 196—197.

Столыпинъ. О написанной имъ биографіи А. Н. Сѣрова, 584.

Столыпинъ, шт.-капитанъ 1815 г., 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561.

Строгановъ, графъ, 430.

Строгановъ, гр. Александр. Серг., президентъ академіи художествъ, р. 1734 † 1811 г., 194.

Ступининъ, нижегор. губер. 1774 г., 120.

Суксовъ, генералъ 1835 г., 49.

Сытинъ, полковникъ 1788 г., 29.

Суворовъ-Рымницкскій, кн. Александр. Аркад., Сообщ. бумаги кн. А. В. Суворова, 21.

Суворовъ-Рымницкскій, кн. Италійскій, Аркадій Александров. Пожалованіе камергеромъ 1798 г., 458.

Суворовъ-Рымницкскій, гр. Александр. Вас. Дѣйствія въ турецкую кампанію и переписка съ Потеменнымъ 1787—1788 гг.,

20—40, 160. Характеристика его, пмѣ самимъ начертанная въ 1799 г., 150. Упом. 201, 209, 394.

Сулкинъ, полковникъ 1788 г., 31.

Сумбатовъ, Ив. Григ., оберъ-директ. москов. воспитател. дома 1797—1800 гг., 192—193, 199.

Суходольскій, Петръ. Сообщ. о памятникѣ императору Александру I въ селѣ Понизовѣ 1816 г., 651—654.

Сухорузовъ, донской писатель, 42.

Сущевъ, Н. В. Отзвѣвъ его о Фотіѣ, 486.

Сѣрова, Софія Никол. см. Дютуръ.

Сѣровъ, Александр. Никол., композит., р. 1820 † 1871 г. Письма его къ В. В. Стасову 1840—1841 гг., 581—602. Упом. 261, 271, 423, 433.

Сѣряковъ, Л. А., акад. граверъ, 458.

Т.

Талызинъ, командиръ кубанскаго корпуса 1787 г., 26.

Талызинъ, адмиралъ 1772 г., 542.

Тальбергъ, композ., 588, 590, 591, 600.

Талтвиновъ, полковникъ 1818 г., 154.

Татаринова, 476.

Татищевъ, Петръ, надв. сов. 1766 г., 440, 441, 442.

Татьяна, няня Кюхельбекера, 334.

Таубе, Карлъ Карл., полковникъ, командиръ гвард. артил. бригады 1815 г., 554—561.

Тевеллій, командиръ кавказ. корпуса 1787 г., 26, 159.

Теплова, госпожа, 569.

Тепловъ, Григ. Никол., писат., 438, 439.

Теперь, 374.

Тидте, ученый, 341.

Тиманъ, докторъ 1789 г., 170.

Тимковскій, цензоръ, 476.

Тисдель, англ. капит. 1787 г., 20.

Титовъ, камеръ-лажъ 1817 г., 16.

Тихонравовъ, Н. С., проф. москов. универс. Сообщ. афишу времени Петра Великаго, 436—437. Стихотвореніе Печорина, 454—455.

Тихоцкій, Иванъ, 1802 г., 63.

Толстой, Теоф. Матв., писатель, 425, 428, 431.

Толстой, кам.-юнкеръ при Петръ Великомъ, 127, 128.

Толь, гр. Карлъ Оед., р. 1777 † 1842 г., 629.

Томшиловскій, подпоручикъ 1798 г., 458.

Тонъ, К. А., профес. академіи худож., 156, 157.

Тормасовъ, гр. Александръ Петр., москов. генер.-губернаторъ 1816 г., 6, 9, 12.

Тотлебекъ, генералъ. Дѣйствія на Кавказѣ 1770 г., 172—173.

Тотлебенъ, генер.-адъютантъ 1855 г., 140, 243, 632, 633.

Тредьяковскій, Вас. Кирил., писат. 394.

Трейль-де-Вольё, 202.

Троицкій, лейтен. 1854 г., 250, 255.

Трубецкая, княг., жена декабр. 507.

Трубецкая, кж. Праск. Юрьев. см. кн. Долгорукая.

Трубецкой, декабристъ, 355.

Трувененъ, 202.

Туганъ-Мирза-Барановскій, А. А. Сообщ. проектъ удаленія турокъ съ Чернаго моря 1780-хъ гг., 443—446.

Туманскій, Вас. Иван., поэтъ. Письмо его къ В. К. Кюхельбекеру 1823 г., 375. Упом. 339.

Тунцельманъ, коменд. 1787 г., 22.

Тургеневъ, Александръ Ив., 343, 467, 476.

Тургеневъ, Андрей Ив., писат., 520, 523

Тургеневъ, Никол. Иван., декабр., 338.

Туркулъ, мнѣистръ, 386, 397.

Туттолмианъ, Павелъ, харьков. гражд. губернаторъ 1818 г., 154.

Тыршовъ, 374.

У.

Уваровъ, дивиз. начал. 1816 г., 569, 573.

Урусовъ, кн. С. С. По поводу замѣтки его о томъ, кто оставилъ послѣднимъ Севастополь? 643—650.

Урюпинъ, харьков. градской голова 1802 г., 65.

Ушаковъ, полковникъ 1788 г., 29.

Ушаковъ, Пав. Никол., начал. пѣхотн. дивизіи 1818 г., 154.

Ушаковъ, дежурный генералъ 1854 г., 615, 618, 619, 622, 628, 629, 634.

Ф.

Фальконъ-де-Лимье, Софія, парижка, 110.

Фаминцинъ. О составленной имъ биографіи А. Н. Сѣрова, 584.

Фасманъ. Ссылки на его сочиненіе «Жизнь и дѣянія Фридриха-Вильгельма I», 126—127.

Фелтенъ, Юрій Матв., за—океунъ петерб. воспитател. дома 1779—1794 гг., 196.

Фенелонъ, франц. писатель, 467.

Феслеръ, 475, 476.

Фигнеръ, партизанъ 1812 г. Замыселъ его убить Наполеона, 448—451.

Филаретъ, москов. митропол. Покровительство его Фотію, 302—303. Рассказъ о немъ, 456, Упом. 176.

Фитингофъ, 266.

Фишеръ, прус. генер. 1854 г., 625.

Фоглеръ, музыкантъ, 599.

фонъ-Фонъ, Максимъ Яковл., 476.

Фонъ-Визинъ, Мих. Александр., декабристъ, † 1854 г., 355.

Фотій, (Петръ Никитичъ Спасскій), архимандритъ, настоят. Новгород. Юрьева монастыря, р. 1792 † 1838 г. Биографич. очеркъ его, 301—332; 459—489. О портретѣ его, 458.

Фреве, Оед. Петр., об.-директ. петерб. воспитател. дома 1782 г., 198.

Фрейгантъ, госпожа, 268—270.

Фрейгантъ, А. В. Сообщ. о русскомъ домѣ въ Вѣнѣ, 135.

Фрейтагъ, бургомистръ 1790-хъ гг., 133.

Фридрихъ-Вильгельмъ I, король прусскій. Отношенія его къ Петру Великому, 126—130, 134.

Фридрихъ II Великій, король прус. Распоряженія относительно православнаго священ. въ Потсдамѣ 1746 г., 131—132, 134. Упом. 410.

Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій 1817 г., 10—12.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV, прусскій наслѣд. принцъ, вполнѣд. король 1817 г., 10—12.

Фроловъ-Вагрѣвъ, Александръ Алекс., тайн. совѣт. 1818 г., 153.

Фроловъ-Вагръевъ, Алексѣй Петр., бригадиръ 1818 г., 153.

Х.

Харитоновъ, донской ген. 1836 г., 225.

Хвостова, гр. Аграф. Ив., рожд. кн. Горчакова, 394.

Хвостовъ, гр. Александръ Дмитр., 396—397.

Хвостовъ, гр. Дмитр. Иван., стихотворецъ, 392—397, 525.

Хитрово, Александра Александр. см. кн. Голицына.

фонъ-дербъ-Ховенъ, Ив. Роман., тифл. губернаторъ, 364.

Хомутовъ, генер.-маіоръ, начальникъ штаба на Дову 1839 г., 228, 236, 238.

Хомяковъ, Алексѣй Степан., поэтъ, 609.

Храповицкій, Александръ Вас., ст.-секретарь Екатерины II, 160—161.

Христианъ-Людвигъ, герцогъ Мекленбургскій, † 1756 г., 148.

Хрулевъ, Степ. Александр., генер.-лейт., 623—624, 628.

Хруцова, госпожа, 569.

Хрущовъ, генераль 1855 г., 140, 142.

Ч.

Чапскій, гр. Эмер. Карлов., 397.

Чарторыйская, кн. Софья Степан., вдова генер.-маіора, 533.

Чарторыйскій, князь, 71.

Чернышева, гр. Елис. Петр., рожд. Квашнина-Самарина, р. 1773 † 1828 г., 574—580.

Чернышевъ, русск. послан., въ Пруссіи 1746 г., 131.

Чернышевъ, кн. Александр. Ив., воен. министр. Отношенія къ атаману Кутейникову и переписка съ нимъ, 41, 42, 43, 44. Донесенія Княжнина и Болгарскаго 1835 г., 45, 46, 49—60. Отношенія къ атаману Власову, 217—220, 229—233. Упом. 225, 234.

Чернышевъ, гр. Григ. Иван., оберъ-шефъ, р. 1762 † 1830 г. Его характери-

стика и образъ жизни въ Орловской губерніи въ 1816—1818 гг., 573—580.

Чернышевъ, гр. Ив. Григ., фельдмаршалъ по флоту, 542.

Чертковъ, слободско-украинскій губернаторъ 1782 г., 543.

Чорба, генер.-маіоръ 1774 г., 117.

Ш.

Шалонъ, графъ, 302.

Шампюнеъ, 208.

Шамшевъ, донской генераль 1836 г., 41, 225.

Шевченко, Т. Г. Письмо его къ Н. И. Бостомарову 1847 г., 154—155.

Шейдеманъ, генераль 1855 г., 649.

Шейкинъ, казакъ, 1836 г., 224.

Шекспиръ, писатель, 352, 357, 511, 521, 522.

Шелеховъ, Федоръ, купецъ, 153.

Шеміотъ, 386.

Шеню, докторъ, 645.

Шепелевъ, генер.-лейтенантъ 1855 г., 649.

Шестакова, Людм. Ив., рожд. Глинка, 267, 269—271, 428, 435.

Шешковскій, Степ. Иван., тайн. сов. и полк. сынчикъ, р. 1720 † 1794 г., 124.

Шивановичъ, инвалидный солдатъ 1760-хъ гг., 133.

Шидловскій, Григорій, стат. совѣт. 1802 г., 63.

Шидловскій, Михаилъ, харьков. уѣздн. предводитель дворянства 1802 г., 62.

Шиллингъ, директоръ рязанской гимназіи 1857 г., 176.

Шиллеръ, писатель, 357, 375, 491, 500, 511, 512.

Шиллингъ, писатель, 597, 598, 599, 600.

Шилова, пѣвица, 270.

Шильдербъ, Карлъ-Андреевъ, инженер.-генераль, генер.-адъютантъ, † 1854. Замятки по поводу участія его въ дунайской кампаніи 1854 г., 623, 623—625, 630.

Шильдербъ, Н. К. Сообщ. докладъ кн. Потемкина о поступкахъ сержанта Золотухина 1788 г., 148—149. Статью: «фель-

дмаршалъ Паскевичъ въ Крымскую войну», 603—642.

Ширинскій-Шихматовъ, кн. Платонъ Александр., министр народн. просвѣщенія, 302, 375.

Шипецъ, полков. командиръ 1798 г., 457.

Шипшваревъ, прапорщикъ 1766 г., 438.

Шипшевнъ, Гаврила, капитанъ 1819 г., 573—574.

Шипшова, Юлія Осип., рожд. Нарбуттъ, въ 1-мъ замуж. Лобаржевская, 383—384, 386—388.

Шипшовъ, Александр. Семен., министр народн. просвѣщ. Воспоминанія о немъ Пржедавскаго, 383—402. Упом. 302, 339, 347, 476, 479, 524.

Шжурнъ, Вас. Григ., гардеробмейстеръ Екатерины II, 438.

Шлефохтъ, Анна, надзирательница петерб. воспитательнаго дома 1788 г., 194.

Шлецерь, историкъ, 514, 530.

Шлякшина, Анна Евдоким., рожд. Евдокимова, 198.

фонъ-Шмидтъ, Доротея, надзирательница петерб. воспитат. дома 1786 г., 194.

Шпренгелъ, 361.

Шредеръ, пѣвица, 265.

Шубертъ, Карлъ, виолончелистъ, 586, 596.

Штейбельтъ, композиторъ, 17.

Шувалова, гр., фрейлина вел. кн. Александръ Теодоровны, 15.

Шульгинъ, И. П. Списалъ въ госуд. архивѣ пугачев. листы 1774 г., 272—276.

Шумахеръ, пруссакъ, 132.

Шумская, Настасья Фед., домоправительница гр. Аракчеева, 479, 480.

Щ.

Щепинъ-Ростовскій, князь декабристъ, 354.

Щепкинъ, Мих. Сем., артистъ. Свѣдѣніе о выкупѣ его изъ крѣпостной зависимости 1818 г., 152—154. Разсказъ о немъ, 456.

Щербатовъ, 361.

Щербатова, кн. см. Портеръ.

Щербатова, кн. Анна Павл. см. гр. Каменская.

Щербатовъ, кн. Мих. Мих., исторіографъ, 117, 123, 542.

Щербатскій, от. Василій, священникъ въ Потсдамѣ, † 1740 г., 131—133.

Щербининъ, слободско-украинскій губернаторъ 1781 г., 543.

Щербининъ, Дмитрій, харьков. уѣздный предводитель дворянства 1802 г., 62.

Щербининъ, М. П., сенаторъ. Сообщ. характеристику А. В. Суворова, 1799 г., 150.

Щеглевъ, Мих. Ром. Письмо къ нему А. С. Даргомижскаго 1865 г., 260—261. Упом. 105, 109, 263.

Э.

Эйлеръ, математикъ, 377.

Эйлеръ, генер.-маіоръ, 1816 г., 562, 564, 573, 574.

Эвартъ, надзирательница петерб. воспитательнаго дома 1784 г., 194.

Энгельгардтъ, домовладѣлецъ, 399.

Энгельгардтъ, Егоръ Антон., директ. царскосельскаго лицей. Письма его къ В. К. Кюхельбекеру, 343, 362—377.

Энгельгардтъ, А. Н. Ссылка на его записки, 163.

Эристовъ, кн. Георгій Евсеѣв., 606.

Эртель, 360.

Этонъ, Вильгельмъ, инженеръ. Его проектъ удаленія турокъ съ чернаго моря 1780-хъ гг., 443—446.

Ю.

Юдинъ, 374.

Юефовичъ, генералъ, 200.

Юефовичъ, М. В., Сообщ. записку о состояніи французской арміи передъ войной съ Россіей 1792—1808 гг. 200—214; 403—415.

Юргенсонъ, 361.

д'Юсель, маршалъ 1717 г., 113—114.

Юсуповъ, кн. д. тайн. сов. 1817 г., 9, 11.

Юсъ-папа, предводитель тур. войскъ 1787 г., 21.

Я.

Языковъ, А. П. Сообщ. статью о русской церкви въ Потсдамѣ, 126—134.

Языковъ, Д. И., директоръ департам. минист. народн. проsv., 401.

Яковлевъ, Михаилъ, 333.

Якубовскій, И., студентъ, 589—591.

Ярошевицкій, капитанъ, 1815 г., 555—560.

Ястребцовъ, авторъ сочин. «Воззваніе къ челоvѣкамъ о послѣдованіи въ вну-

треннему влеченію духа Христова», 464—465, 469.

Яшвицъ, кн., артил., 564.

Ө.

Өедоровъ, капельмейстеръ, 103.

Өедоровъ, Борисъ Мих., стихотворецъ, † 1875 г., 387.

Өедоровъ, Нпкита, дьячекъ, отецъ архимандрита Фотія, 302.

Өеддова, Аграфена, надзирательница петерб. воспитательнаго дома 1781 г., 194.

Өеофанъ, инокъ, 302.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1875 года.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

МАЙ, ЮНЬ, ЮЛЬ, АВГУСТЪ.

Записки и воспоминанія.

	стр.
I. Записки Ивана Степановича Жиркевича, 1789—1848 гг. Главы IX—XI. 1815—1819 гг. Сообщ. С. Д. Карповъ	554
II. Воспоминанія П. М. Дарагана, перваго камеръ-пажа великой княгини (императрицы) Александры Θεодоровны, 1817—1819 гг. Гл. VI—X (окончаніе)	1
III. Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго объ А. С. Шишковѣ въ 1824—1828 гг.	383
IV. Дневникъ Вильгельма Карловича Кюхельбекера, 1831—1832 гг. Сообщ. Ю. В. Косова.	490
V. Воспоминанія Л. И. Кармалиной, рожденной Бѣленицкой: М. И. Глинка и А. С. Даргомыжскій	267

Исслѣдованія, біографическіе очерки и статьи.

I. С.-Петербургскій Воспитательный домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго, 1772—1791 гг. Историческое исслѣдованіе по архивнымъ источникамъ. Составилъ А. П. Пятковскій, Гл. III—IV.	177 и 532
--	-----------

II. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, 1739—1791 гг. Біографическій очеркъ по неизданнымъ матеріаламъ. Гл. VI—VII: переписка съ Суворовымъ и съ графиней Прасковьей Андреевной Потемкиной. 1787—1790 гг.	20 и 159
III. Василій Назаровичъ Каразинъ: основаніе Харьковскаго университета 1802 г. Историческій очеркъ. Гл. II .	61
IV. Архимандритъ Фотій, настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря. Біографическій очеркъ по его бумагамъ. 1792—1838 гг. Составилъ Е. П. Карновичъ. 301 и	459
V. Дмитрій Ефимовичъ Кутейниковъ, атаманъ войска Донскаго. 1827—1836 гг. Сообщ. Н. И. Красновъ. .	41
VI. Максимъ Григорьевичъ Власовъ въ 1836—1848 гг. Біографическій очеркъ и воспоминаія о немъ его адъютанта	215
VII. Фельдмаршалъ Паскевичъ въ Крымскую войну, 1854—1855 гг. Историко-критическій очеркъ, перевелъ съ нѣмецкаго и сообщ. съ замѣтками и примѣчаніями Н. К. Шильдеръ	603
VIII. Первое бомбардированіе Севастополя, 5—13 октября 1854 г. Статья М. И. Богдановича	240
IX. Русская церковь въ Потсдамѣ., 1718—1815 гг. Статья А. П. Языкова.	126

Указы, переписка, замѣтки, рассказы и анекдоты.

Царствованіе Петра I.

I. Письмо служилаго человѣка Якова Похвиснева къ отцу, въ началѣ XVIII-го вѣка. Сообщ. М. Н. Похвисневъ	143
II. Лекарство для залѣченія ранъ послѣ правска (пытка при взысканіи податей и недоимокъ), изъ рукописи: „Прохладный вертоградъ“. Сообщ. П. А. Мулловъ. 146	
III. Афиша времени Петра Великаго. Сообщ. профес. Н. С. Тихонравовъ	436
IV. Петръ Великій во Франціи въ 1717 году: новыя о немъ извѣстія, переводъ съ французскихъ подлинныхъ шпемъ де-Бернажа. Сообщ. М. М. Ковалевскій .	111
V. Карлъ-Леопольдъ герцогъ Мекленбургскій, замѣтка. Сообщ. П. П. фонъ-Гецъ	146

Царствованіе Екатерины II.

	стр.
I. Отправка купеческихъ сыновей въ Англію въ 1766 г.	437
II. Собственноручныя письма Екатерины II Павлу Сергѣевичу Потемкину во время Пугачевщины. 1774 г.	115
III. Пугачевскіе листы 1774 г.	272 и 440
IV. Докладъ князя Потемкина 1788 г.: о воровствѣ дворянина-сержанта. Сообщ. Н. К. Шильдеръ . . .	148
V. Проектъ удаленія Турокъ съ Чернаго моря въ 1780 гг. Перевелъ съ франц. рукописи и сообщ. А. А. Туганъ-Мирза-Барановскій	443
VI. Памятникъ Екатеринѣ II въ колоніи Екатеринштадтъ. Замѣтка. Сообщ. М. Н. Галкинъ-Враскій.	136

Царствованіе Павла.

I. Новости, объявленія и распоряженія правительства. 1798 г.	457
II. Два высочайшіе приказа полковому командиру Бычкову. 1799 г. Сообщ. кн. В. И. Баюшевъ . . .	447
III. Характеристика Суворова, имъ самимъ сдѣланная въ 1799 г. Сообщ. М. П. Щербининъ	150
IV. Иванъ Варолюмеевичъ Ламбъ, генер. отъ инфантеріи, † 1801 г., Замѣтка. Сообщ. Н. Васьковъ .	158

Царствованіе Александра I.

I. Французская армія предъ войной съ Россіей, 1792—1808 гг. Переводъ съ французской рукописи. Сообщ. съ предисловіемъ и примѣчаніями М. И. Драгомировъ	200 и 403
II. Замыселъ Фитнера въ 1812 г. Сообщ. Н. Розановъ.	448
III. Памятникъ Александру I въ селѣ Понизовѣ. 1816 г. Сообщ. П. Суходольскій	651

Царствованія Николая I и Александра II.

I. Гидрографическая карта Россіи въ 1842 г. . . .	451
II. Первое бомбардированіе Севастополя, 5—13 октября 1854 г. Статья М. И. Богдановича (см. выше) .	
III. По поводу писемъ кн. А. С. Меншикова, 1854—1855 гг., замѣтка. Сообщ. А. Баумгартенъ. . .	139
IV. Кто послѣдній оставилъ Севастополь? 1855 г. Замѣтка Севастопольца	140
V. Взрывъ Павловскаго форта въ Севастополѣ 29-го августа 1855 г. Сообщ. П. В. Алабинъ	643

	СТР.
VI. Смерть Алексѣя Петровича Ермолова. 1861 г. Сообщ. С. П. Сысоевъ и М. П. Погодинъ	150 и 452
VII. Разказы, замѣтки и анекдоты.	455
VIII. Русскій домъ въ Вѣнѣ. Замѣтка А. В. Фрейганга.	135

Исторія русской литературы.

Русскіе писатели XVIII-го вѣка.

I. Соколовъ, Яковъ, 1870 г.:	
„Ставленникъ“, опера въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочинена ученикомъ филосоіи Яковомъ Соколовымъ, декабря 10 дня 1780 года въ Ярославлѣ. Сообщ. В. И. Лѣствицынъ	277

Русскіе писатели XIX-го вѣка.

I. Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, 1797—1846 гг.:	
1) Біографическій очеркъ и переписка его съ литераторами, 1817—1825 гг. Сообщ. Ю. В. Косова	333
2) Дневникъ и литературныя замѣтки, 1831—1832 гг. Сообщ. Ю. В. Косова (см. выше).	
II. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко:	
Письмо его къ Н. И. Костомарову, 1-го февраля 1847 г., съ примѣч. Н. И. Костомарова	154
III. Печоринъ:	
Стихотвореніе: „Прочь, о демонъ лучезарный . . .“ Сообщ. профессоръ Н. С. Тихонравовъ	454

Артисты и художники.

I. Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ:	
Выкупъ его изъ крѣпостнаго ига. 1848 г. Сообщ. М. А. Имбергъ	152
II. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій, 1813—1869 гг.:	
Письма къ роднымъ и друзьямъ, 1845—1868 гг. Сообщ. В. В. Стасовъ и Л. И. Кармалина (рожд. Вѣленицына)	81, 259 и 416
III. Александръ Николаевичъ Сѣровъ, 1820—1871 гг.:	
Біографическій очеркъ и его письма, 1840—1841 гг. Сообщ. съ примѣч. В. В. Стасовъ	581
IV. Романъ Ивановичъ Кузьминъ, академикъ-архитектуры:	
Воспоминаніе о немъ акад. И. И. Свѣзева	155

V. Иванъ Петровичъ Пожалостинъ, академикъ-граверъ: Замѣтка о его талантѣ и трудахъ	175
---	-----

I. Поправки и опечатки	654
----------------------------------	-----

Азбучный Указатель лицъ, упоминаемыхъ въ XIII-мъ томѣ
„Русской Старины“ изд. 1875 г.

Портреты, рисунки и снимки.

- I. Представители державной власти въ Россіи, 1682.—1855 гг.
Рисунокъ составилъ профессоръ А. Шарлеманъ, рисоваль
на деревѣ К. О. Брожь, гравироваль академикъ Л. А.
Сѣряковъ.
(См. заглавную виньетку).
- II. Портретъ князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, съ сним-
комъ съ его подписи, гравироваль на мѣди академикъ И. П.
Пожалостинъ.
(Объ этомъ портретѣ см. стр. 175).
- III. Портретъ архимандрита Фотія, настоятеля Новгородскаго
Юрьева монастыря, съ снимкомъ его подписи, гравироваль
академикъ Л. А. Сѣряковъ.
(Замѣтку о портретѣ см. на стр. 458).
- IV. Снимокъ съ рѣдкой медали: императрица Анна Иоанновна.
(См. при Запискахъ Манштейна, стр. 27).
- V. Снимокъ съ рѣдкой медали, проектированной на случай
взятія Константинополя русскими.
(См. стр. 446).
- VI. Рисунокъ памятника Екатерины II въ колоніи Еватерин-
штадтъ, 1848 г.
(См. стр. 138).
- VII. Рисунокъ памятника Александру I-му, въ селѣ Понізовѣхъ
1816 г.
(См. стр. 653).

VIII. Снятое съ письма кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго къ А. В. Суворову, 20-го августа 1788 г.

(См. стр. 39).

IX. Снимки съ подписей русскихъ писателей: В. Кюхельбергеръ, кн. В. Ѳ. Одревскій, Е. А. Энгельгардтъ (директоръ Царскосельскаго лицея); П. А. Плетневъ, С. Бѣгичевъ, Е. А. Баратынскій, баронъ Дельвицъ, Н. И. Гнѣдичъ, А. С. Грибоѣдовъ и В. А. Жуковскій.

(См. стр. 379—382).

Приложеніе.

Записки Манштейна о Россіи, 1727—1744 гг. Переводъ съ подлинника, съ французской рукописи, хранящейся въ библиотекѣ дворца, въ городѣ Павловскѣ. Напечатано съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича.

Къ XIII-му тому «Русской Старины» 1875 г. приложены V—XI-я главы Записокъ Манштейна, стр. 27—154. При XIV-мъ томѣ «Русской Старины» оканчивается полный переводъ Записокъ Манштейна, которыя должны быть перештены въ отдѣльную книгу съ особою нумераціею страницъ, азбучнымъ указателемъ и оглавленіемъ. Такимъ образомъ «Русская Старина» 1875 г. состоитъ изъ трехъ томовъ текста (XII, XIII и XIV) и одного тома приложенія: «Записки Манштейна».

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Кобзарь Остапъ Вересай, его-музыка и исполняемая имъ народныя пѣсни. Кіевъ, 1874 г., 110 стр. и 28 стр. нотъ. (На оберткѣ 5-й книги „Русской Старины“ 1875 г.).
2. Поповка, сборникъ статей о круглыхъ судахъ. Спб., 1875, 246 стр. (Тамъ же).
3. Сочиненія и переписка Кондратія Ѳедоровича Рылѣва, изданіе второе его дочери, подъ редакціею П. А. Ефремова. Спб., 1875, X и 346 стр. (Тамъ же).
4. Нижегородскій Сборникъ, издаваемый губернскимъ статистическимъ комитетомъ, подъ редакціею А. С. Гапскаго. Томъ V. Нижній Новгородъ, 1875, 350 стр. и 144 стр. журналовъ Нижегородскаго статистическаго комитета. (Тамъ же).

5. **Московія Джона Мильтона, съ статьею и примѣчаніями Ю. В. Толстаго**, изданіе общества исторіи и древностей россійскихъ, Москва, 1875, стр. 211, II и 83. (На обертѣ 6-й кн. „Р. С.“ 1875 г.).
6. Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни Петра Великаго, соч. **М. П. Погодина**. М., 1875, 204 стр. и 242 стр. примѣч. (Тамъ же).
7. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами, составилъ **Ф. Мартенсъ**. Т. II: Трактаты съ Австрією 1772—1808 гг. Спб., 1875 г., XV, 517 стр. (Тамъ же).
8. Ладожское озеро, **А. П. Андреева**, полковника корпуса флотскихъ штурмановъ, начальника гидрографическихъ работъ въ изслѣдованію Ладожскаго бассейна. Въ 2-хъ ч. Спб., 1875, въ 8-ю д. большаго листа, 263 и 135 стр., съ 3-мя хромолитограф. и 8-ю литограф. видами, 4-мя хромолитограф. картами и 2-мя литограф. рисунками микроскопическихъ веществъ въ грунтѣ озернаго дна. Цѣна 3 р. (Тамъ же).
9. Труды восточнаго отдѣленія русскаго археологическаго общества. Часть XVII. Спб., 1874, 422 стр. (Тамъ же).
10. Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей. **Д. П. Европеуса**. Спб., 1871 г., in 4°, 24 стр. и двѣ карты. (Тамъ же).
11. Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. VI: царствованіе императора Александра I (съ 1810 по 19 ноября 1825 г.): журналы по дѣламъ департамента законовъ. Спб., 2 ч., въ б. 8-ю долю; печатано въ два столбца, ч. I, стр. 588; ч. II, 1030 стр. (На обертѣ 6-й кн. „Р. С.“ 1875 г.).
12. Русскій энциклопедическій словарь, изд. профессоромъ Спб. университета **И. Везинымъ**. Т. I и II буква *А*, т. III и IV—*Б*, т. V—*В* до слова *Валлисъ*, т. VI—*Д* и *Е* до слова *Еврей*, т. IX *Л* и *М* до слова *Мабуса*, 1873—1875 гг., въ б. 8-ю д. листа. (Тамъ же).
13. Записки императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей. Т. IX-й, съ XVIII литограф. листами. Въ б. 4-ю д. Одесса, 1875. Изд. подъ редакціей **Н. Н. Мурзакевича**. (На обертѣ 7-й кн. „Р. С.“ 1875 г.).
14. Орловская Старина, историческія свѣдѣнія объ Орловской губ., извлечены изъ архивовъ **А. Г. Пунаревымъ**, т. I. Орель, 243 стр. (Тамъ же).

13. Русская библиотека, томъ V: Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, 1875 г., LXXXVIII и 260 стр. (Тамъ же).
15. Записки о походѣ въ Венгрію въ 1849 г. М. Д. Лихутина. Москва, 1875 г., 274 стр. (Тамъ же).
16. Нижегородка, путеводитель и указатель по Нижнему Новгороду и Нижегородской ярмаркѣ А. С. Гадискаго. Нижний Новгородъ, 1875 г., 182 стр. (Тамъ же).

О НОВОМЪ ИЗДАНИИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870.

Печатается въ двухъ типографіяхъ новое, **третье**, изданіе „Русской Старины“, годъ **первый**, **1870** г., **двѣнадцать** книгъ, въ двухъ томахъ и одинъ томъ приложенія. Изданіе это выйдетъ въ іюль сего 1875 г.

Въ **третьемъ** изданіи «Русской Старины» 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генерал-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго;— Записки историографа кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи;— сенатора П. С. Рунича о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;— Записки придворнаго брильянщика Позье (1729—1764 гг.);— Отчеты Лагарпа о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей;— Петербургъ въ 1781 г.— замѣтки Пикара;— Записки Михаила Александровича Бестужева (1824—1842 гг.);— Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;— Записки композитора Михаила Ивановича Глинки (1804—1854 гг.);— Замѣтки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);— Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г.— разсказъ Я. П. Бакланова;— Оборона Камчатки въ 1854 г.— разсказъ контр-адмирала Арбузова и проч.— Болѣе сотни сообщеній: разсказовъ, статей, замѣтокъ, собранія писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.— Статс-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII вѣка, біографическія замѣтки П. О. Карабанова.— Письма, стихотворенія, басня, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣва, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. Ростовцева и друг.

Приложеніе къ **третьему** изданію «Русской Старины» 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ Болотова, вновь пересмотрѣнный, свѣренный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированными Академикомъ Сѣряковымъ рисунками и виньетками.

Цѣна **третьяго** изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 г. съ приложеніями, портретами и рисунками

ВОСЕМЬ рублей съ пересылкою.

Въ конторахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825 гг. (Письма, стихотворенія, замѣтки и подписи).

Роскошное изд. ред. «Русской Старины» и **Ө. К. Опочинина**. Спб. 1873 г., въ листъ, 152 стр.; завлажный листъ — рисунокъ академика **В. А. Гартмана**; собраніе фотолитографическихъ снимковъ съ автографовъ замѣчательныхъ лицъ; въ приложеніяхъ напечатаны (большею частію впервые) подлинники снимковъ, какъ-то: письма, стихотворенія и замѣтки русскихъ историческихъ дѣятелей; въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель.

Цѣна книги 3 р., съ пересылкой 3 руб. 50 коп.

II. Русская Родословная книга. Изд. «Русской Старины». Спб. 1873, въ 8 д., 400 стр. Томъ I. **Цѣна** 3 р. съ пересылкой.

Въ этотъ томъ вошло значительное собраніе родословій русскихъ титулованныхъ и нетитулованныхъ дворянскихъ фамилій, преимущественно такихъ, многіе представители которыхъ ознаменовали себя, въ разныя эпохи русской исторіи, заслугами на поприщахъ государственномъ, общественномъ, ученомъ или литературномъ.

[Второй томъ „Рус. Род. книги“—печатается].

III. Записки кн. Якова Петровича Шаховекаго, генераль-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы и сенатора при Екатеринѣ II, 1705—1777 гг. Спб., въ 8-ю д., 325 стр.

Цѣна 1 р. съ пересылкою.

„Русская Старина“ 1870 г. (два изданія), 1871 г. 1873 г. и 1874 г. сполна разошлись по подпискѣ до послѣдняго экземпляра.

„Русскую Старину“ 1872 г. (изданіе второе) можно получить всѣ двѣнадцать книгъ съ портретами и рисунками. (Осталось 42 экзempl.)

Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ 1875 г. **Цѣна** за 12 книгъ съ портретами и рисунками — 8 руб. съ пересылкою.

Примѣчаніе. Подписчики на «Русскую Старину» 1875 г., желающіе получить отдѣльную книгу: «Жизнь кн. Мадагова» (новое изданіе княгини С. А. Мадаговой) высылаютъ 50 коп. или 5 почтовыхъ марокъ на пересылку этой книги.

Въ конторахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣтелей 1801—1825 гг. (Письма, стихотворенія, замѣтки и подписи).

Роскошное изд. ред. «Русской Старины» и **Ф. К. Опочинина**. Спб. 1873 г., въ листъ, 152 стр.; заглавный листъ — рисунокъ академика **В. А. Гартмана**; собраніе фотолитографическихъ снимковъ съ автографовъ замѣчательныхъ лицъ; въ приложеніяхъ напечатаны (обльшею частію впервые) подлинники снимковъ, какъ-то: письма, стихотворенія и замѣтки русскихъ историческихъ дѣтелей; въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель.

Цѣна книги 3 р., съ пересылкой 3 руб. 50 коп.

II. Русская Родословная книга. Изд. «Русской Старины». Спб. 1873, въ 8 д., 400 стр. Томъ I. **Цѣна 3 р. съ пересылкой.**

Въ этотъ томъ вошло значительное собраніе родословій русскихъ титулованныхъ и нетитулованныхъ дворянскихъ фамилій, преимущественно такихъ, многіе представители которыхъ ознаменовали себя, въ разныя эпохи русской исторіи, заслугами на поприщахъ государственномъ, общественномъ, ученомъ или литературномъ.

[Второй томъ „Рус. Род. книги“ — печатается].

III. Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго, генераль-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы и сенатора при Екатеринѣ II, 1705—1777 гг. Спб., въ 8-ю д., 325 стр.

Цѣна 1 р. съ пересылкою.

„Русская Старина“ 1870 г. (два изданія), 1871 г., 1873 г. и 1874 г. *столна разошлись по подпискѣ до послѣдняго экземпляра.*

„Русскую Старину“ 1872 г. (изданіе второе) можно получить всѣ двѣнадцать книгъ съ портретами и рисунками. (Осталось 40 экзempl.)

Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

Продолжается подписна на „Русскую Старину“ 1875 г. **Цѣна за 12 книгъ съ портретами и рисунками — 8 руб. съ пересылкою.**

Примѣчаніе. Подписчики на «Русскую Старину» 1875 г., желающіе получить отдѣльную книгу: «Жизнь кн. Мадатова» (новое третье изданіе княгини С. А. Мадатовой 1875 г.) высылаютъ 50 коп. или 5 почтовыхъ марокъ на пересылку этой книги.

О НОВОМЪ ИЗДАНИИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870.

Печатается въ двухъ типографіяхъ новое, **третье**, издание „Русской Старины“, годъ **первый**, 1870 г., **двѣнадцать** книгъ, въ двухъ томахъ и одинъ томъ приложения. Изданіе это выйдетъ въ іюль сего 1875 г.

Въ **третьемъ** изданіи «Русской Старины» 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генерал-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго;— Записки исторіографа кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи;— сенатора П. С. Рунича о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;— Записки придворнаго брильянщика Позье (1729—1764 гг.);—Отчеты Лагарпа о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей;— Петербургъ въ 1781 г.—замѣтки **Пикара**;— Записки Михаила Александровича **Бестужева** (1824—1842 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;— Записки композитора Михаила Ивановича **Глинки** (1804—1854 гг.);—Замѣтки императора **Николая Павловича** о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);— Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г.— разсказъ **Я. П. Бакланова**;— Оборона Камчатки въ 1854 г.—разсказъ контр-адмирала **Арбузова** и проч.—Болѣе сотни сообщеній: разсказовъ, статей, замѣтокъ, собранія писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.— Статс-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII вѣка, біографическія замѣтки **П. О. Карабанова**.— Письма, стихотворенія, басня, посланія и прочія литературныя произведенія: **И. А. Крылова**, **Батюшкова**, **Пушкина**, **Гоголя**, **Рылѣева**, **А. Одоевскаго**, **Кюхельбекера**, **Баратынскаго**, **Н. Полеваго**, **Вигеля**, **Я. Ростовцева** и друг.

Приложеніе къ **третьему** изданію «Русской Старины» 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ **Волотова**, вновь пересмотрѣнный, свѣренный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированными Академикомъ **Сѣряковымъ** рисунками и виньетками.

Цѣна **третьяго** изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 г. съ приложеніями, портретами и рисунками

ВОСЕМЬ рублей съ пересылкою.

Русская библиотечка, томъ V, Александръ Сергѣевичъ Грибоедовъ. 1875 г., LXXVIII и 260 стр.

Этимъ пятымъ томомъ заканчивается первая серия собранія избранныхъ сочиненій лучшихъ русскихъ писателей, довольно удачно задуманная г. Стасюлевичемъ. Пять именъ: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Грибоедовъ, Жуковский составляютъ основаніе нашей новѣйшей литературы. За ними издатель обѣщаетъ начать новую серію писателей, намъ современныхъ; въ нее войдутъ, конечно, Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Достоевскій и др. Но и между современниками Жуковского и Грибоедова, какъ между ихъ предшественниками, можно найти нѣсколько литературныхъ дѣятелей, избранныя сочиненія которыхъ, изданныя въ томъ же видѣ, какъ первые пять томовъ, съ біографіей и критической оцѣнкой писателя, составили бы лучшую русскую библиотечку изъ произведеній первоклассныхъ нашихъ литературныхъ дѣятелей. О вышедшемъ теперь томѣ произведеній Грибоедова мы должны отозваться съ тою же подалою, какъ и о первыхъ томахъ этой серіи. Біографія составлена довольно подробно и обстоятельно, по новѣйшимъ матеріаламъ, критическая оцѣнка принадлежитъ Ближскому и Пушкину, сочиненія расположены въ хронологическомъ порядкѣ и раздѣлены на три части: написанныя до «Горя отъ Ума», потомъ эта безсмертная комедія, и все, что писано послѣ нея, до конца 1828 года. Сама комедія напечатана вполне, со всеми вариантами, исключеніями самими авторомъ и найденными въ слѣдующее время г. Гарусонымъ. Мы полагаемъ однако, что, печатая нашу лучшую комедію, слѣдовало держаться первоначальной ея редакціи, оставивъ только сценки, исключенныя слѣдствіемъ тогдашнихъ условий, а не тѣ мѣста, которыя выброшены самими авторомъ, какъ замедлявшія ходъ дѣйствія или безъ нужды растягивавшія сцену. Всѣ такія мѣста слѣдовало бы помѣстить въ примѣчаніи, или въ варіантахъ, а не вводить ихъ въ текстъ пьесы, уже и потому что всѣ эти мѣста очевидно не отдѣланы окончательно авторомъ, стихъ въ нихъ часто тяжелъ, не соблюдена ни цесура, ни необходимая послѣдовательность мужскихъ и женскихъ рѣчимъ. Между тѣмъ г. Веселовскій (составитель весьма хорошей монографіи о Грибоедовѣ),—которому принадлежитъ біографія Грибоедова и редакція его произведеній, вноситъ по своему усмотрѣнію въ текстъ пьесы такіе совершенно необдѣланные разговоры, какъ Хлещинъ на базу Фамусовъ, и исключилъ такіе пріосходные стихи, какъ у Репетилова: «Тѣшу, служба и чины,—кресты душъ надежда», помѣстивъ ихъ въ варіантъ, тогда какъ они, очевидно, измѣнены были только цензуры ради. Есть и другіе недосмотры

въ редакціи комедіи: такъ, въ монологѣ Загоричнаго, въ 4-мъ дѣйствіи, стихъ: «Такой же я, какъ вы, ужасный либераль» поставленъ въ текстъ пьесы рядомъ со стихомъ: «Я неудачи псамъ встрѣчалъ», тогда какъ, очевидно, послѣднимъ стихомъ только былъ замѣненъ первый по цензурнымъ требованіямъ. Но всѣ эти недостатки не мѣшаютъ однако изданію г. Стасюлевича быть однимъ изъ лучшихъ сборниковъ сочиненій Грибоедова; въ раду же пяти томовъ «Русской библиотечки» настоящій выпускъ лучше всѣхъ предыдущихъ уже потому, что онъ заключаетъ въ себѣ полныя произведенія изданнаго автора, а не выдержки хотя-бы и изъ лучшихъ, но не всегда вполне приведенныхъ произведеній писателя.

Записки о походѣ въ Венгрію въ 1849 г. М. Д. Лихутина Москва, 1875, 274 стр.

Въ небольшомъ примѣчаніи къ первой главѣ этой книги говорится, что авторъ ея—русскій офицеръ, служившій въ 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ и что записки эти заключаютъ въ себѣ личные наблюденія и впечатлѣнія очевидца—что, конечно, придаетъ значеніе произведеніямъ такого рода. Къ сожалѣнію, авторъ прибавляетъ, что эти впечатлѣнія и замѣтки не повѣрены и не измѣнены по документамъ и другимъ свидѣніямъ, тогда какъ безъ проверки собственныхъ наблюденій съ извѣстными уже и признанными данными и фактами нельзя быть увѣреннымъ въ точности личныхъ замѣтокъ. Недостатокъ критической проверки не мѣшаетъ, однако, интересу записокъ г. Лихутина. Въ былыхъ очеркахъ рисуетъ онъ путь русскаго корпуса по Галліи и Венгріи, переходя черезъ Карпаты, Дебрецинъ, Грасвордейтъ, Мишкольцикъ сраженія, сложіе Гергемень оружія и обратный путь въ Россію. Авторъ не дѣлаетъ никакихъ положительныхъ выводовъ изъ своихъ наблюденій, которыя все-таки прочтутся съ любопытствомъ, такъ какъ содержатъ въ себѣ много интереснаго.

Нижегородна, путеводитель и указатель по Нижнему Новгороду и нижегородской ярмаркѣ. А. С. Гацискаго. Нижній Новгородъ, 1875, 182 стр.

Мы уже говорили о трудахъ г. Гацискаго по изученію и описанію Нижегородской губерніи. Теперь является новый, не менѣе полезный трудъ его, относящійся къ главному городу губерніи и его знаменитой ярмаркѣ. Нижній Новгородъ и ярмарка описаны довольно подробно и живо. Тутъ есть статистическія цифры, историческія данныя, указатели, адресъ-календарь и даже легкіе очерки нравовъ ярмарки, въ особомъ литературномъ прибавленіи, однимъ словомъ, это вполне удовлетворительный путеводитель для посѣтителей Нижняго и его ярмарки.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1876 г.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна годовому изданію, — двѣнадцать книгъ, три большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-петербургъ и въ Москвѣ — **восемь рублей.**

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій Проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городского на иногородный — 64 коп., а иногороднаго на городской — 50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, яв. № 12.

Статьи, которыя будутъ напечатаны въ „РУССКОЙ СТАРИНѣ“, 1876 года, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ. — III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраний. — IV. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр. — V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч. — VI. Историческіе рассказы, анекдоты и мелочи; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и начала XIX в. — Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старинѣ“. — VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв. — Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи. — Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа. — III. Библиографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ. — IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старинѣ“ принимаетъ постоянное участіе **М. И. Семеvскій.**

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семеvскій.**

